СЛОВА,

ПОУЧЕНІЯ И РѢЧИ,

СЪ ТРЕМЯ ОПЫТАМИ

ВНѢ-ЦЕРКОВНЫХЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ

РЕКТОРА ВЛАДИМІРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ

Протоіерея Михаила Хераскова.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать позволяется. Москва 1884 года Сентября 29 дня.

Цензоръ протоіерей *Михаилъ Боголюбскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

СЛОВА И ПОУЧЕНІЯ

А. На праздники Господскіе.

Стран.

1) О томъ, что не запретны христіанину законныя удовольствія и что мірянину возможно исполнить заповѣдь о самоотверженіи. (Въ день Воздвиженія Креста Господня. 14 сентяб. 1864 г.). 1

2) О томъ, какъ надо приготовляться къ смерти. (Въ день Срѣтенія Господня. 2 февраля 1866 г.). 21

3) О причинахъ невѣрія людскаго въ догматъ о воплощеніи Сына Божія. (Въ день Рождества Христова. 25 декаб. 1876 г.). 322

4) Объ основныхъ началахъ, на которыхъ должно созидаться истинное человѣческое развитіе. (На новый годъ 1878-й). 371

5) О безсиліи науки обновить къ лучшему общества людскія безъ помощи благодатныхъ средствъ, предлагаемыхъ въ церкви Христовой. (На новый 1879 й годъ). 436

6) О воплощеніи Бога Слова и взаимномъ отношеніи двухъ естествъ во Христѣ. (На Рождество Христово. 25 декаб. 1879 г.). 502

7) Объ истинномъ смыслѣ и духѣ церковнаго обряда анаѳематствованія. (Въ Недѣлю Православія. 1-го марта 1881 г.). 560

8) Противъ лжелиберальной партіи въ русскомъ обществѣ. (На новый годъ—1883-й). 654

Б. На праздники Богородичные.

1) О христіанскомъ самопознаніи, какъ условіи общественнаго преуспѣянія. (Въ день Успенія Божіей Матери. 15 авг. 1871 г.). 146

2) Противъ пристрастія къ легкому свѣтскому чтенію. (Въ день Успенія Божіей Матери. 15 авг. 1874 г.). 228

3) О недостаточности устныхъ молитвъ предъ иконою Божіей Матери, и о средствахъ пріобрѣсть внутреннее съ нею единеніе. (Въ день срѣтенія Боголюбскія иконы Божіей Матери. 21 мая 1878 года). 402

Стран.

4) Догматическое объясненіе Архангельскаго привѣтствія Богоматери: «Бородице дѣво, радуйся!». (Въ день срѣтенія иконы Божіей Матери Боголюбскія. 21 мая 1880 г.). 536

5) Объясненіе трехъ паримійныхъ чтеній, положенныхъ въ богородичные праздники. (Въ день принятія Боголюбской иконы Божіей Матери. 21 мая 1882 г.) 626

6) О томъ, что усиленная заботливость о потребностяхъ духа и умѣренное попеченіе о законныхъ потребностяхъ тѣла — суть средства къ утвержденію нравственнаго союза съ Матерію Божіею. (Въ день возвращенія иконы Божіей Матери Боголюбскія изъ гор. Владиміра. 16 іюня 1883 г.). 687

7) О скромности. (Въ день Успенія Божіей Матери. 15 августа 1884 г.). 722

В. На дни высокоторжественные.

1) Историческій взглядъ на происхожденіе холодности въ вѣрѣ и чувственнаго направленія современныхъ европейскихъ народовъ, и о незыблемости началъ Христовой религіи. (Въ день рожденія Государя Императора Александра II-го. 17 апр. 1866 г.). 46

2) О томъ, что истинное усовершеніе — какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и обществъ, внѣ вѣры и церкви Христовой не можетъ быть успѣшно. (Въ день рожденія Государя. 17 апр. 1867 г.). 74

3) О важности религіознаго воспитанія и главныхъ средствахъ къ развитію религіознаго чувства въ дѣтяхъ. (Въ день рожденія Цесаревны Маріи Ѳеодоровны. 14 нояб. 1867 г.) 85

4) Отомъ, что не наука (здравая) ведетъ людей къ религіозной холодности, а безрелигіозное ихъ воспитаніе. (Въ день тезоименитства Государя Императора. 30 авг. 1868 г.). 100

5) О томъ, какъ односторонне поставлено современной наукой воспитанія воспитательное дѣло въ православныхъ русскихъ семьяхъ. (Въ день рожденія Государя Императора. 17 апр 1869 г.). 107

6) О постѣ—противъ современнаго легкомысленнаго отношенія къ посту. (Въ день восшествія на престолъ Государя Императора. 19 февр. 1871 г.). 131

7) О свѣтской гуманности въ сравненіи съ христіанскою любовію (Въ день рожденія Государя Императора. 17 апр. 1872 г.) 161

8) Противъ уклоненія отъ посѣщенія храмовъ Господнихъ. (Въ день коронованія Государя Императора. 26 авг. 1873 г.) . . 179

9) О карточной игрѣ. (Въ день восшествія на престолъ Государя Императора. 19 февр. 1874 г.) 219

10) Противъ легкомысленной снисходительности къ грѣхамъ нецѣломудрія въ мужскомъ поколѣніи. (Въ день рожденія Государя Императора. 17 апр. 1875 г.) 254

Стран.

11) О необходимости распространенія здравой науки и углубленія религіозныхъ началъ для противодѣйствія тайнѣ беззаконія, дѣйствуемой въ современныхъ гражданскихъ обществахъ. (Въ день вѣнчанія на царство Государя Императора 26 авг. 1875 г.). . . 266

12) О недостаточности научнаго образованія и успѣховъ гражданственности для всесторонняго преуспѣянія обществъ. (Въ день тезоименитства Государя Императора. 30 авг. 1876 г.) 305

13) Объ эстетическихъ удовольствіяхъ въ связи съ требованіями христіанскаго аскетизма. (Въ день восшествія на престолъ Государя Императора. 19 февр. 1877 г.). 329

14) О патріотизмѣ и религіозности, какъ основахъ народной славы и народнаго благоденствія. (Въ день вѣнчанія на царство Государя Императора. 26 авг. 1877 г.) 345

15) О значеніи войнъ въ путяхъ Божія міроправленія. (Въ день рожденія Государя Императора. 17 апр. 1878 г.) 377

16) Краткое воспоминаніе о главнѣйшихъ событіяхъ царствованія Императора Александра II-го, указаніе трехъ современныхъ политическихъ партій и коренное условіе для будущаго благоденствія Россіи (Въ день восшествія на престолъ и совершившагося двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II-го. 19-го февр. 1880 г.). 513

17) О недостаточности науки и просвѣщенія, безъ пособія религіи, для созиданія блага народнаго. (Въ день тезоименитства Государя Императора. 30 авг. 1881 г.). 592

18) Въ чемъ состоитъ истинная свобода человѣческая и какъ она должна проявляться въ христіанскомъ обществѣ. (Въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра III го. 2 марта 1882 года). 613

19) Отъ чего и когда въ особенности мудрость человѣческая противоборствуетъ мудрости божественной, и чѣмъ устранить это противоборство къ созиданію блага общественнаго? (Въ день вѣнчанія на царство Государя Императора Александра III-го. 15 мая 1884 г.). 713

20) Объ условіяхъ политической силы и гражданскаго благоденствія нашего: о повиновеніи Государю и единеніи между подданными посредствомъ патріотическаго чувства и ревности о вѣрѣ православной. (Въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра III-го. 2-го марта 1885 г.). 743

Г. Въ назиданіе юношества.

1. Воспитанницамъ Владимірскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

1) Уроки дѣвическаго благонравія, извлекаемые изъ жизни Божіей Матери (Въ день училищнаго храмоваго праздника Введенія Божіей Матери. 21 нояб. 1865 г.) 17

Стран.

2) О томъ, что смолоду должно заботиться объ очищеніи своего сердца. (По случаю пріобщенія Св. Таинъ. 25 іюня 1866 г.) 52

3) О томъ, какъ воспитанницы, живя въ училищѣ, могутъ подражать Божіей Матери, воспитывавшейся при храмѣ Соломоновомъ. (Въ тотъ же день—21 нояб. 1866 г.) 59

4) О молитвенномъ памятованіи Божіей Матери и о способѣ уподобленія Ей. (Въ тотъ же день—21 нояб. 1867 г.). 91

2. Воспитанникамъ Владимірской Губернской Гимназіи.

1) О нравственныхъ преимуществахъ дѣтскаго возраста и о способахъ сохранить ихъ въ школѣ. (По случаю совершенія перваго богослуженія въ Гимназической церкви. 27 октяб. 1870 г.). 125

2) О томъ, почему тяжело бываетъ для насъ бремя Господне, и какъ сдѣлать его легкимъ (Въ день храмоваго гимназическаго праздника св князя Александра Невскаго. 23 нояб. 1873 г.) . . 212

3) О томъ, что самообузданіе есть способъ возращать въ себѣ плоды духовные. (Въ тотъ же день—23 нояб. 1874 г.) . . 237

4) О томъ, въ чемъ состоитъ истинная радость и счастіе жизни, и чѣмъ можетъ его упрочить юноша? (Въ тотъ же день—23 ноября 1875 г.) 281

5) О томъ, что страхъ Божій есть корень, исполненіе и вѣнецъ премудрости. (Въ тотъ же день—23 ноября 1876 г.) 314

6) О необходимости пріучать себя съ юности подчиняться нравственному долгу. (Въ тотъ же день 23 нояб. 1877 г.). 356

3. Воспитанникамъ Владимірской Духовной Семинаріи.

1) О самовоспитаніи и противъ уклоненія изъ духовныхъ школъ въ свѣтскія. (При началѣ новаго $18^{78}/_{79}$ учебнаго года. 28 авг. 1878 г.). 411

2) Противъ табако-куренія. (Нояб. 19 дня 1878 г.). 422

3) По поводу новой правительственной мѣры, затруднившей духовнымъ воспитанникамъ переходъ въ свѣтскія высшія школы. (При началѣ новаго $18^{79}/_{80}$ учебнаго года. 27 авг. 1879 г.) . . . 470

4) О значеніи свободы въ дѣлѣ воспитанія. (20 мая 1879 г.). 457

5) О приличіи и вѣжливости. (18 ноября 1879 г.). 487

6) О томъ, что серьезные научные труды въ школѣ и соблюденіе нравственно-религіозныхъ правилъ—суть наилучшія средства предохраняющія юношей отъ увлеченія гибельными крамольными идеями. (По случаю празднованія двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II-го. 19 февр. 1880 г.). . . . 526

7) Чему можетъ поучать воспитанниковъ вакаціонное время, по пріѣздѣ изъ домовъ въ школу. (При началѣ новаго $18^{80}/_{81}$ учебнаго года. 25 августа 1880 г.) 547

Стран.

8) Соотвѣтственныя назиданія сознающимъ въ себѣ послѣ пріобщенія Св. Таинъ, различныя состоянія душевныя. (По случаю пріобщенія Св. Таинъ. 1 марта 1881 г.). 567

9) О „буести юности". (При началѣ новаго $18^{81}/_{82}$ учебнаго года. 27 авг. 1881 г.). 580

10) О важности и необходимости христіанскаго самоиспытанія предъ исповѣдью. (Напутственное къ исповѣди поученіе. 10 февр. 1882 г.). 605

11) О значеніи добраго товарищескаго суда въ школѣ, и объ осторожности, съ какою воспитанники должны предрѣшать свое будущее служеніе въ обществѣ. (При началѣ новаго $18^{82}/_{83}$ учебнаго года. 25 авг. 1882 г.) 636

12) О трудолюбіи, послушаніи и богобоязненности, какъ необходимыхъ условіяхъ школьнаго преуспѣянія. (При началѣ новаго $18^{83}/_{84}$ учебнаго года. 25 авг. 1883 г.) 694

13) Противъ стремленія къ тайному и непозволенному чтенію и противъ своеволія. (При началѣ новаго $18^{84}/_{85}$ учебнаго года. 23 авг. 1884 г.). 733

14) О снисканіи Духа Премудрости благоповеденіемъ, ревностнымъ изученіемъ богословскихъ наукъ и педагогическими трудами. (При началѣ новаго $188^{5}/_{6}$ учебнаго года. 28-го августа 1885 года) 764

Д. Слова и поученія надгробныя.

1) О томъ, что суета земной жизни должна предохранять насъ отъ пристрастія къ ней, впрочемъ не вселяя въ насъ безучастнаго отношенія къ житейскимъ обязанностямъ. (При погребеніи Владимірскаго Городскаго Головы А. А. Никитина. 1867 г.). 95

2) Противорѣчіе между жаждою жизни въ человѣкѣ и неизбѣжностію его смерти, разрѣшаемое словомъ Божіимъ. (При погребеніи наставника Владимірской Семинаріи А. В. Поспѣхова. 8 февр. 1870 г.). 113

3) Христіанское утѣшеніе и вразумленіе по поводу неизбѣжности смерти и страха смертнаго. (При погребеніи воспитанника Владимірск. Губернск. Гимназіи Сергѣя Величкина. 6 апр. 1872 г.). 243

4) О томъ, что христіанское воззрѣніе на жизнь есть наилучшее утѣшеніе въ страхѣ смертномъ. (При погребеніи воспитанника Владимірск. Губ. Гимназіи—Владиміра Ложкина. 21 янв. 1875 г.). 246

5) О высокомъ назначеніи человѣка за гробомъ и о важномъ значеніи земной жизни для стяжанія блаженной вѣчности. (При погребеніи воспитанника Владим. Губ. Гимназіи Николая Громова. 5 апр. 1875 г.). 249

Стран.

6) О томъ, что таинственность и неизбѣжность смерти должна остерегать насъ отъ суеты мірской. (При погребеніи Владимірскаго Каѳедральнаго отца протоіерея Ѳ. М. Надеждина. 17 декабря 1876 г.). 319

7) О памятованіи часа смертнаго и приготовленіи къ нему. При погребеніи о. протоіерея Владимірской Николо Златоврат-ской церкви Я. В. Миловскаго. 19 апр. 1878 г.). 388

8) Воспоминаніе назидательныхъ свойствъ почившаго и приглашеніе памятовать о собственномъ часѣ смертномъ. (При погребеніи Преосвященнаго Антонія, Архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго. 2 мая 1878 г.). 395

9) О томъ, что загробная жизнь есть прекрасное продолженіе жизни душевной по всѣмъ сторонамъ ея. (При погребеніи Преосвященнаго Іустина, бывшаго епископа Владимірскаго и Суздальскаго. 19 марта 1879 г.). 447

10) Объ упадкѣ нравственности и религіи, какъ причинахъ гнѣва Божія, отяготѣвшаго надъ Россіей. (На заупокойной Литургіи во Владимірск. Каѳедр. соборѣ по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. 3 марта 1881 г.) 574

11) Два родоначальника человѣчества и необходимость всѣмъ людямъ испытать два состоянія вслѣдствіе двухъ жизненныхъ началъ. (При погребеніи Ив. Вас. Алябьева. 6 нояб. 1882 г.) . . 647

12) Скоротечность жизни, какъ побужденіе наполнять ее добрыми дѣлами. Почившій, какъ примѣръ плодотворной учебной дѣятельности, достолюбезныхъ житейскихъ качествъ и христіанскихъ добродѣтелей. (При погребеніи о. протоіерея Григ. Петровича Крылова. 25 янв. 1883 г.). 665

13) Чѣмъ наиболѣе всего страшна смерть, и чѣмъ наилучше всего ослаблять тяжесть страха смертнаго. (При погребеніи старшаго Владимірск. нотаріуса Ив. Петр. Велентѣя. 14 мая 1883 г.). 683

14) О нашемъ обычномъ забвеніи своего небеснаго назначенія и о томъ, что мы не застрахованы отъ внезапной смерти. (При погребеніи о. протоіерея Владимірскаго Дѣвича Монастыря Алексѣя Ив. Розова. 20 февр. 1884 г.). 707

Е. На разные случаи.

1) О томъ, когда выборы бываютъ не во славу Божію, и о качествахъ преимущественно нужныхъ для земскихъ выборныхъ. (По случаю выбора членовъ уѣздн. С. Земск. Управы. 7 марта 1866 года) 42

2) О трезвости и самообразованіи. (Къ сельскимъ прихожанамъ, по случаю освященія приходскаго храма. 8 сент. 1867 г.). 80

Стран.

3) О преданности въ волю Божію и гигіеническихъ мѣрахъ предосторожности. (По случаю продолжительнаго бездождія и слуховъ о холерѣ. 20 іюля 1871 г.) 142

4) Противъ наклонности къ легкому и быстрому пріобрѣтенію мудрости и противъ холодности къ изученію и усвоенію истинъ религіи (Въ день столѣтняго юбилея покойнаго графа Мих. Мих. Сперанскаго. 31 декабря 1871 г.) 153

5) О важности книжнаго обученія въ религіозномъ, умственно-нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи. (Къ добросельскимъ поселянамъ—по поводу устройства школы въ ихъ селѣ. 2 іюля 1872 г.) 172

6) О томъ, что земскіе дѣятели должны быть люди способные, правдивые и безкорыстные. (При выборѣ членовъ Суздальск. Земск. Управы. 28 сентяб. 1875 г.) 275

7) О важномъ значеніи дворянскихъ выборовъ для народнаго блага, и необходимыхъ качествахъ для дворянскихъ выборныхъ. (По случаю дворянскихъ выборовъ въ губ. гор. Владимірѣ. 8 января 1876 г.) 288

8) О томъ, что супружеская жизнь есть подвигъ. (Поученіе новобрачнымъ. Ив. Мих. Зоромірскому и Ек. Ив. Алябьевой. 20 авг. 1876 г.) 298

9) Обличеніе нѣкоторыхъ догматическихъ и обрядныхъ заблужденій католицизма и приглашеніе къ благочестивой жизни по духу и уставамъ церкви православной. (Поуч. обратившемуся въ православіе изъ католицизма—Іос. Матѳ. Сѣдлаку, учителю Владим. Губ. Гимназіи. 26 марта 1877 г.) 337

10) О заслугахъ императора Александра Благословеннаго для вѣры и церкви православной. (Въ день столѣтняго юбилея императора Александра I-го. 12 декаб. 1877 г.) 362

11) О значеніи семьи для человѣческихъ обществъ и обязанностяхъ христіанскихъ супруговъ по отношенію къ церкви и къ своей собств. семьѣ. (Поуч. къ новобрачнымъ—Вас. Леонид. Ѳедоровскому и Над. Ив. Альбицкой. 25 апр. 1882 г.) 621

12) О нормальныхъ отношеніяхъ между мужемъ, какъ главою жены, и женою—какъ помощницею мужа. (Поуч. къ новобрачнымъ—Борису Ив. Алябьеву и Маріѣ Влад. Акинфовой. 14 февраля 1883 г.) 674

13) О наилучшихъ проявленіяхъ любви къ отечеству: земской честности, преданности Престолу и вѣрѣ православной. (При открытіи памятника надъ могилою князя Пожарскаго. 2-го іюня 185 г.) 755

II.

Р Ѣ Ч И.

Стран.

1) Рѣчь по случаю молебствія при открытіи владимірскихъ водопроводовъ (30 авг. 1866 г.) 56

2) Привѣтственная рѣчь воспитанницамъ Владимірскаго Епархіальнаго Женскаго Училища на двухгодичномъ актѣ его (12 февраля 1867 г.) 71

3) О свободномъ долгѣ нравственнаго, умственнаго и практическаго преуспѣянія по выходѣ изъ Училища. (Рѣчь при выпускѣ воспитанницъ 1 го курса Владимірск. Епарх. Женск. Училища. 28 іюня 1870 г.) 117

4) Руководственные совѣты насчетъ учебной дѣятельности въ сельскихъ школахъ и насчетъ соблюденія нравственнаго достоинства среди грубой крестьянской обстановки. (Рѣчь при выпускѣ воспитанницъ 2 го курса. 4 іюня 1872 г.) 175

5) О причинахъ замедляющихъ распространеніе школъ грамотности въ русскомъ простомъ народѣ (Рѣчь при открытіи народной школы въ селѣ Добромъ 2 іюля 1872 г.) 168

6) О религіи, какъ главномъ руководительномъ началѣ воспитанія (Рѣчь на актѣ Владимірск. Губернск. Гимназіи. 30 авг. 1873 г.) 191

7) Привѣтственная рѣчь 12-му пѣхотному Великолуцкому полку, при возвращеніи его на родину послѣ восточной войны. (6 го декаб. 1878 г.) 433

8) Рѣчь при освященіи Высочайше пожалованныхъ георгіевскихъ знаменъ 12-му пѣхотному Великолуцкому полку. (6 го декабря 1879 г.) 499

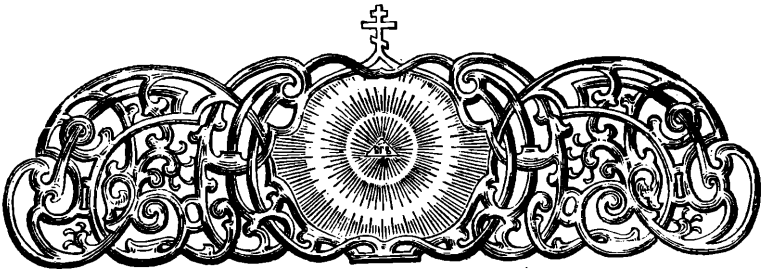
III.

ОПЫТЫ ВНѢ-ЦЕРКОВНЫХЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ.

1) О недостаточности для спасенія однихъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія 7

2) О важности ревностнаго соблюденія уставовъ и обрядовъ святой церкви 27

3) О военной службѣ—по случаю рекрутскаго набора 63



СЛОВО

въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста.

(14-го сентября 1864 г.).

Любяй душу свою, погубитъ ю: и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю. Аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ. (Утрен. Еванг. Іоан. XII, 25. 26).

Въ сихъ краткихъ, но знаменательныхъ словахъ Спаситель нашъ выразилъ всю сущность христіанской нравственности и обозначилъ самыя отличительныя черты своихъ послѣдователей. Полнѣйшее самоотверженіе, доходящее до ненависти къ своей грѣховности, и всецѣлая любовь и преданность Господу Іисусу Христу,—вотъ что должно отличать всякаго истиннаго христіанина. То, что мы называемъ удобствами жизни, что дѣлаетъ веселою и пріятною жизнь нашу,—все это мы должны считать ни во что—*въ уметы Христа ради;* должны быть готовы безъ малѣйшаго сожалѣнія все это оставить и бросить, если бы того потребовалъ отъ насъ Господь. Даже самыя благія повидимому начинанія и помыслы свои мы должны напередъ провѣрять словомъ Божіимъ, и прилежно испытывать, согласны ли наши цѣли, планы и расчеты съ волею Божіею, и такъ ли мы хотимъ повести дѣло, какъ заповѣдуетъ Господь. Это рѣшительное отреченіе отъ своего самолюбія и пристрастія къ земнымъ благамъ и есть та христіанская *ненависть къ душѣ своей въ мірѣ* семъ, которая можетъ *въ животъ вѣчный сохранить ее;* это и есть

истинное служеніе Господу и послѣдованіе за Нимъ. Но если когда, то въ особенности въ нынѣшнее время, слово о самоотреченіи и самоотверженіи—*слово крестное* кажется *юродствомъ*. Если всегда плоть человѣческая отрицалась отъ ига Христова и считала его неудобопосимымъ и даже невыносимымъ, то въ наше время особенно громко стали вопіять о неприложимости христіанства къ жизни. Нерѣдко доводится слышать и читать, что христіанство, постоянно указывая человѣку на небо, ничего не оставляетъ ему на земли, что проповѣдуя равнодушіе къ земнымъ благамъ, оно задерживаетъ будтобы естественное развитіе гражданскихъ обществъ и проч. и проч... Въ настоящемъ словѣ своемъ мы и постараемся съ одной стороны опровергнуть всѣ эти лживые толки, обличающіе крайнее непониманіе истиннаго духа христіанства, а съ другой—разъяснить сущность христіанскаго самоотверженія, его необходимость и спасительность.

Христіанство будтобы ничего не оставляетъ человѣку на землѣ. Это совершенно несправедливо. Припомните, что сказалъ Господь Богъ, при сотвореніи человѣка. *Ирече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрьми, и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли* (Быт. 1, 26 ст.). Итакъ, человѣкъ созданъ царемъ природы, и отъ самаго Создателя получилъ право на обладаніе всѣми богатствами земными. Право это на томъ и основано, что человѣкъ созданъ по образу Божію, по образу Творца природы—перваго и безусловнаго ея обладателя. Хотя своимъ непослушаніемъ и гордынею въ Едемѣ мы помрачили въ себѣ образъ Божій, а съ этимъ помраченіемъ сократились и наши права на господствованіе и обладаніе землею; но всетаки хоть и въ сокращенномъ видѣ они остались за нами. Ибо хотя мы пали, но не совершенно отпали отъ Бога; хотя затмили въ себѣ образъ Божій, но не исказили его совершенно. Притомъ, по безконечной благости къ намъ Создателя, мы уже не падшія только, но искупленныя созданія, предназначенныя для вѣчной славы и блаженства. Саму чувственную тварь и физическую природу Богъ *подвергъ суетѣ*—по выраженію апостола Павла—*на упо-*

ваніи: яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ (Римл. VIII, 20. 21). Слѣдовательно, что такое будетъ съ христіанской точки зрѣнія всякое научное открытіе, облегчающее тяжесть земнаго странствованія человѣка, всякое улучшеніе даже въ матеріальномъ бытѣ его? Это есть шагъ впередъ къ тому освобожденію твари въ свободу славы чадъ Божіихъ, о которомъ говоритъ Апостолъ; есть шагъ впередъ къ тому блаженному состоянію, которое предстоитъ намъ въ будущей жизни. Вотъ почему благосостояніе земное въ священномъ писаніи такъ часто обѣщается какъ награда благочестивымъ людямъ за ихъ добродѣтели. *Блаженъ мужъ бояйся Господа.... сильно на земли будетъ сѣмя его... слава и богатство въ дому его!* (Пс. 111, 1—3). *Блажени вси боящіися Господа, ходящіи въ путехъ его: труды плодовъ твоихъ снѣси: блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ. Жена твоя яко лоза плодовита въ странахъ дому твоего. Сынове твои яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея. Се тако благословится человѣкъ бояйся Господа!* (Пс. 127, 1—5). Итакъ пусть не укоряютъ христіанство, будто оно задерживаетъ естественное развитіе человѣческихъ обществъ! Вы видите, благочестивые слушатели, что напротивъ оно есть источникъ всякаго, какъ духовнаго, такъ и вещественнаго преуспѣянія. Много можно бы и еще сказать по сему предмету; но не сюда главнымъ образомъ клонится наше слово. Обратимъ все наше вниманіе на слова Господа о самоотреченіи и происходящемъ отсюда равнодушіи ко всему земному.

Любяй душу свою, погубитъ ю; и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю. Но если стремленіе къ улучшенію своего быта,—такъ можетъ спросить кто нибудь,—основывающееся на врожденной человѣку любви къ себѣ и заботливости о своей жизни, не противорѣчитъ требованіямъ христіанства; то къ чему заповѣдь о самоотверженіи? Можно ли въ одно и тоже время любить себя, какъ позволяетъ слово Божіе, и ненавидѣть свою душу—какъ оно заповѣдуетъ? Слова Господа о самоотверженіи не содержатъ ни малѣйшаго противорѣчія съ тѣмъ, что вы сейчасъ слышали; они показы-

ваютъ только, что человѣкъ необыкновенно легко и скоро дѣлается рабомъ чувственности; законныя и дозволенныя заботы о потребностяхъ земной жизни, вмѣсто того чтобы, по мысли Господней, помогать нравственному и духовному преуспѣянію, большею частію обращаются въ конечную цѣль жизни и не рѣдко дѣлаютъ изъ человѣка *грубѣйшее животное*. Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше—сказалъ Господь. И вотъ человѣкъ, ставя единственнымъ и высочайшимъ своимъ сокровищемъ земное благосостояніе, забываетъ о всемъ духовномъ, о своей душѣ, о своемъ назначеніи, о Богѣ, и вмѣсто того, чтобы быть царемъ природы, благороднымъ и благодарнымъ обладателемъ Господнихъ даровъ, дѣлается презрѣннѣйшимъ рабомъ своихъ страстей, и дары Божіи обращаетъ въ источникъ разврата и нравственнаго огрубѣнія. Такъ просто, скоро и незамѣтно это дѣлается, что невольно приходятъ на мысль другія слова Господа: *аминь глаголю вамъ, яко неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное. Паки же глаголю вамъ: удобьше есть велбуду сквозь иглины ушы пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити* (Матѳ. XIX, 23—24). Это отъ того, что своимъ едемскимъ паденіемъ мы нарушили гармонію своихъ силъ, такъ что для насъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ удержать равновѣсіе между духомъ и тѣломъ. Вотъ почему борьба со страстями тѣла и вообще съ чувственностію есть общій нашъ удѣлъ до послѣднихъ минутъ нашего существованія, и вотъ почему только путемъ христіанскаго самоотверженія мы можемъ сохранить свободу духа. *Ненавидяй души своея въ мірѣ семъ въ животъ вѣчный сохранитъ ю!* Значитъ какой долгъ, какая обязанность вытекаетъ для насъ, живущихъ въ мірѣ? Благодарно пользуясь плодами общественной жизни, которая такъ быстро идетъ впередъ въ наше время, и содѣйствуя успѣхамъ ея всѣми силами, какія кому Господь далъ, мы должны твердо себѣ запомнить, что развитіе обществъ или, какъ говорятъ нынче, прогрессъ общественный не въ томъ состоитъ, что намъ легче дѣлается жить на свѣтѣ, что у насъ больше становится средствъ весело и спокойно прожить на землѣ—нѣтъ,—при обычной нашей слабости душевной это можетъ даже послужить

къ нашей погибели,—а въ томъ, если мы идемъ впередъ въ дѣлѣ нравственнаго самоусовершенствованія какъ себя, такъ и ближнихъ своихъ. Значитъ мы должны удвоить свою духовную бдительность, напрячь всѣ свои нравственныя силы, чтобы не увлечься общимъ потокомъ нашего чувственнаго и невѣрующаго духа времени. Выходитъ, что чѣмъ труднѣе подвигъ христіанскаго самоотверженія въ нынѣшнее время, тѣмъ онъ неизбѣжнѣе.

Остается теперь вопросъ: въ чемъ можетъ и долженъ именно состоять для насъ мірскихъ людей подвигъ самоотверженія христіанскаго? Какъ именно мы можемъ, неся иго общественной жизни, нести въ тоже время иго Христово?

Понятно и нѣтъ нужды доказывать, что самоотверженіе христіанское не требуетъ непремѣнно того, чтобы мы всѣ удалялись въ пустыню, разрывали всякія связи съ обществомъ и жили отшельниками; ибо кто въ такомъ случаѣ остался бы на служеніи общественномъ? Это даже не было бы полнымъ самоотверженіемъ, какого требуетъ отъ насъ Господь; потому что и въ стѣнахъ монастыря можно быть міролюбцемъ, и въ пустынѣ можно жить со страстями самолюбія. Нѣтъ—и живя въ мірѣ можно возненавидѣть душу свою вполнѣ—по заповѣди Спасителя; можно пріобрѣсть, хотя не вдругъ, такую любовь къ Господу, при которой и занятіе дѣлами земными будетъ чистой и пріятной жертвой Господу Богу. Какъ достичь сего? Непрестаннымъ памятованіемъ о Господѣ. То есть, всякое свое дѣло мы должны дѣлать во имя и ради Господа, съ постоянною мыслію о своемъ долгѣ, съ постояннымъ желаніемъ творить волю Господню—по Апостолу: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите!* (1 Корин. X, 31). Такое расположеніе сердечное будетъ сообщать намъ—съ одной стороны необыкновенную энергію на поприщѣ земнаго нашего дѣланія, а съ другой—и самымъ простымъ нашимъ дѣламъ будетъ придавать величайшую цѣну въ глазахъ Божіихъ. Судилъ напр., тебѣ Господь трудиться на поприщѣ науки? Трудись со всѣмъ усердіемъ, но главнымъ образомъ старайся быть благодѣтельнымъ свѣтильникомъ для людей, *сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертней*, и никогда не выпускай изъ виду единаго чистаго и обильнаго источника истины—слова Божія. Не допускай,

чтобы разумъ твой уступалъ правительственную власть страстямъ и чувственности, иначе, въ угоду имъ, онъ придумаетъ различныя остроумныя и замысловатыя теоріи, совершенно оправдывающія и узаконяющія животныя стремленія грѣховной плоти.

Судилъ тебѣ Господь трудиться на поприщѣ гражданской дѣятельности? Самоотверженіе христіанское требуетъ отъ тебя, чтобы ты былъ строгимъ блюстителемъ закона и не извращалъ произвольно его смысла, съ цѣлію напримѣръ прикрыть неправду для какихъ нибудь корыстныхъ замысловъ. Самоотверженіе христіанское требуетъ, чтобы должность свою ты не обращалъ въ неправедный источникъ неправедныхъ прибытковъ, какъ бы ни были ограничены твои средства. Отъ чего всѣ современные толки о долгѣ и честности, о человѣческомъ достоинствѣ, о равноправности всѣхъ предъ лицемъ закона,—такъ и остаются большею частію одними только разсужденіями и толками, а въ жизни продолжаютъ существовать тѣже неправды, тѣже прижимки во имя закона и тоже подобострастіе предъ сильными и богатыми? Не отъ того ли, что на службу смотрятъ только, какъ на земное и временное дѣло, отправляютъ ее безъ всякой мысли о Господѣ правосудномъ и безъ всякаго желанія подражать правосудному Господу Богу!

Принадлежишь ли ты къ званію, дѣлающему куплю и продажу? Самоотверженіе христіанское требуетъ отъ тебя, что бы честность и совѣстливость христіанскую ты ставилъ дороже всего, былъ бы чуждъ обмана и неправедной прибыли. А если Господь благословитъ тебя богатствомъ, то ты въ особенности можешь быть самоотверженнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Господа Спасителя —если, *не прилагая сердца къ текущему богатству*, будешь *не въ себя*, *а въ Бога богатѣть*, т. е. если будешь благотворителемъ сирыхъ и бѣдныхъ, если съ готовностію будешь откликаться на всякое благое общественное предпріятіе и помогать всякому дѣлу, служащему къ созиданію частнаго и общественнаго благосостоянія.

Наконецъ, просто ли ты частный человѣкъ и не несешь никакой общественной службы,—земледѣлецъ ты, или простой ремесленникъ? И въ своемъ званіи ты можешь быть подвижни-

комъ христіанскимъ, и свое скромное дѣланіе можешь обратить въ службу пріятную Господу Богу. Какимъ образомъ? Если, удаляясь праздности и грубыхъ пороковъ, честнымъ трудомъ будешь снискивать себѣ пропитаніе, безропотно нести свою долю и, никому не завидуя, за все благодарить Господа Бога!

Такъ во всякомъ званіи и родѣ жизни можно идти въ слѣдъ Господа и придти въ блаженныя обители Отца Небеснаго. Лишь бы было въ насъ главное для этого условіе—желаніе идти за Господомъ, благая рѣшимость убить въ себѣ самолюбіе и самоотверженно бороться съ своею чувственностію. Чего да удостоитъ насъ Господь Богъ своею благодатію. Аминь.

ВНѢЦЕРКОВНАЯ БЕСѢДА

Священника съ прихожанами о недостаточности для спасенія однихъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія *).

Въ одинъ изъ праздниковъ церковныхъ священникъ вмѣстѣ съ причтомъ ходилъ по домамъ своихъ прихожанъ со святою водою. Гулявшія по улицѣ пестрыя толпы крестьянъ при встрѣчѣ съ священникомъ снимали шапки и благоговѣйно крестились на животворящій крестъ, бывшій въ рукахъ священника. Пришли наконецъ въ домъ, принадлежавшій одному почтенному и многосемейному прихожанину. Вся семья эта издавна пользовалась уваженіемъ и любовію своего священника за свое благочестіе и усердіе къ церкви Божіей. Хозяинъ дома считалъ непремѣнною своею обязанностію всякій разъ, когда причтъ ходилъ по праздникамъ со святою водою, приглашать своего батюшку на нѣсколько минутъ *откушать хлѣба соли* или, какъ онъ выражался, *побесѣдовать*. Священникъ охотно соглашался на эти бесѣды и, какъ умѣлъ, пользовался ими для назиданія своихъ духовныхъ чадъ. Въ настоящій разъ онъ засталъ цѣлое общество въ домѣ уважаемаго имъ прихожанина, потому что къ нему собрались нѣсколько сосѣднихъ вхожихъ крестьянъ. По совершеніи молебна священникъ услышалъ обычное и ожидаемое—*хлѣба соли откушать*, и на сей разъ принялъ это пригла-

*) Напечатана въ 12 мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1865 г.

шеніе съ особеннымъ удовольствіемъ; потому что давно уже собирался побесѣдовать съ своими прихожанами объ одномъ очень важномъ предметѣ. Сначала разговоръ пошелъ о житейскихъ и обыкновенныхъ дѣлахъ, потомъ коснулся того, какъ много нынче пожаровъ стало, и какъ часто скотскіе падежи бываютъ.

Знать прогнѣвали мы, батюшка, Господа Бога грѣхами своими,—замѣтилъ по сему случаю хозяинъ. Не худо бы помолебствовать намъ!

Хорошее это дѣло, друзья мои, — такъ началъ священникъ. Только вотъ что плохо: не искренни мы какъ то и не тверды бываемъ въ своемъ благочестіи. Стрясется надъ нами какая нибудь бѣда,—мы какъ будто хватаемся за умъ, готовы помолиться Богу и повидимому начинаемъ каяться въ грѣхахъ своихъ, а между тѣмъ продолжаемъ жить по прежнему,—по грѣшному. Отъ того и Господь не пріемлетъ нашего покаянія, не слышитъ почасту молитвъ нашихъ и продолжаетъ карать насъ различными бѣдами. Даже и тѣмъ изъ васъ, которые всегда имѣютъ повидимому страхъ Божій и ревнуютъ о благочестіи, недостаетъ весьма часто самого-то главнаго, чего именно и требуетъ отъ насъ Господь Богъ.

Прихожанинъ. Научи же насъ батюшка, какъ намъ душу свою спасти и избѣжать гнѣва Божія.

Священникъ. Давно я хотѣлъ, друзья мои, поговорить съ вами объ этомъ предметѣ... И дѣло-то словно бы очень простое; какъ не знать чего требуетъ отъ насъ Господь, и что надо дѣлать, чтобы угодить Ему? А между тѣмъ, повторяю вамъ, весьма многіе изъ васъ на-счетъ этого находятся въ большомъ заблужденіи. Дѣло въ томъ, что вы иногда слишкомъ легко думаете заслужить милость Божію и сдѣлаться праведниками въ очахъ Божіихъ. Отсчитаетъ иной нѣсколько наприм. земныхъ поклоновъ,—да и думаетъ, что замолилъ какой нибудь свой грѣхъ, зачастую очень тяжкій и важный. Другой чуть не смертнымъ грѣхомъ считаетъ прикоснуться даже къ пищѣ не разрѣшенной въ постъ,—а слышишь—постоянно бранится и даже дерется въ своей семьѣ. Особенно у женщинъ, я знаю, много своихъ особенныхъ чрезвычайно легкихъ средствъ задаромъ такъ

сказать войти мрямо въ царство небесное. Иная напр. думаетъ, что стоитъ только читать по столько то разъ въ день такую то молитву,—и всѣ грѣхи ея будутъ прощены. Другая увѣряетъ, что кто такіе то и такіе дни въ году будетъ проводить въ сухоядѣніи, тотъ за это только непремѣнно будетъ въ царствіи небесномъ. Третья подвѣшиваетъ себѣ и дѣтямъ на кресты разныя ладонки съ священными вещами, и думаетъ, что въ этомъ состоитъ самое вѣрное средство избавиться отъ какихъ либо бѣдъ. И вообще многіе, и очень многіе изъ васъ, *оставляя вящшая въ законѣ*, любятъ останавливаться на однихъ внѣшнихъ дѣлахъ благочестія, и думая идти по спасительному евангельскому пути, идутъ по опасному и гибельному пути фарисейскому. Мнѣ хочется предостеречь васъ отъ этого и научить истинному благочестію.

(Слышатся голоса:) Много благодарны вашему благословенію!... Душевно ради послушать вашихъ наставленій!...

Священникъ. Вотъ Господь говоритъ, что *если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство небесное* (Матѳ. V, 20). Знаете ли вы, что за народъ такой были эти книжники и фарисеи?

Одинъ изъ прихожанъ. Слыхали батюшка, про нихъ часто упоминается въ евангеліи.

Священникъ. Эти люди по многу постились, по долгу молились, и все словно бы такія хорошія дѣла дѣлали. А между тѣмъ Господь какъ отъ язвы какой заразительной предостерегалъ отъ нихъ народъ. Со всѣми такой ласковый, кроткій и милостивый, даже съ извѣстными и явными грѣшниками,— Господь нашъ Іисусъ Христосъ приходилъ въ негодованіе всякій разъ, когда случалось ему встрѣчаться и заговаривать съ фарисеями. Онъ называлъ ихъ лицемѣрами, слѣпыми вождями и глупыми, порожденіями ехидны, гробами повапленными (раскрашенными), за что же? За то ли, что они постились, что Богу молились по-долгу, что на храмъ много жертвовали?

Прихож. Какъ можно? вѣстимо, что не за это, должно быть!

Свящ. Точно—не за это. Это дѣло хорошее. А за то, что, при ихъ видимомъ благочестіи, душа у нихъ была чернѣе, чѣмъ

у всякаго грѣшника. Потому-то, конечно, Господь и ставилъ ихъ ниже всякаго грѣшника, и такъ строгъ былъ къ нимъ. Подумайте же теперь, какъ это можно и поститься и молиться и милостыню творить,—и всетаки имѣть черную душу?

Прихож. Объясните же это намъ батюшка!

Свящ. Неправда ли, что при внимательномъ наблюденіи надъ собою каждый изъ насъ можетъ замѣтить какую-то рознь между нашею душею и тѣломъ, даже больше—какую-то вражду и недружелюбіе? За примѣрами нечего ходить далеко. Вотъ хотъ бы это дѣло, про которое мы ведемъ теперь рѣчь. Иной разъ чѣмъ усерднѣе стараешься кланяться передъ образомъ, тѣмъ сильнѣе душа рвется прочь, не хочетъ кланяться, а думаетъ про свое,—либо про пустяки какіе нибудь, либо совсѣмъ про дурныя дѣла. А то и на оборотъ бываетъ: среди самыхъ святыхъ нашихъ помышленій о Богѣ и небѣ—вдругъ, какъ нарочно, пробуждаются наши страсти тѣлесныя и изо всѣхъ силъ начинаютъ тащить насъ къ землѣ и сквернить наши святыя чувствованія.

Прихож. Нечего грѣха таить батюшка, и зачастую бываетъ такъ.

Свящ. Надобно вамъ сказать, что такое несогласіе между нашимъ духомъ и тѣломъ завелось съ тѣхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ съ праотцемъ нашимъ Адамомъ преслушали заповѣдь Божію въ раю, и чрезъ это внесли грѣхъ въ существо наше. Съ этихъ несчастныхъ поръ кончилось то согласіе и любовь, съ какими духъ и тѣло наше служили вмѣстѣ и повиновались Господу. Теперь, по слову Апостола, *плотъ желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, что хотѣли бы* (Галат. V, 17). И не замѣчаетъ этой внутренней борьбы въ себѣ одинъ развѣ тотъ, кто вовсе и не пробуетъ жить мало-мальски по-христіански, а живетъ, какъ ему доведется, все равно что животное какое нибудь. Понимаете ли вы меня?..

Прихож. Подлинно, батюшка, врагъ тогда и нападаетъ, когда принимаешься за какое нибудь святое дѣло.

Свящ. Вотъ отъ этой то разрозненности или раздвоенности нашей природы и случается намъ попадать въ страшный обманъ

и самообольщеніе; а лукавый этимъ и пользуется. Душу держать въ непрестанномъ подвигѣ несравненно труднѣе, чѣмъ тѣло,—вотъ мы и выбираемъ, что полегче. Согласитесь, что свѣчку поставить передъ образомъ, класть земные поклоны, простоять нѣсколько часовъ въ церкви, прочитать по книжкѣ или наизусть нѣсколько молитвъ, удѣлить нѣсколько копѣекъ на нищую братію—все это еще не такъ трудное дѣло. Положимъ, что и это трудъ, но къ нему такъ можно пріучить себя, что онъ станетъ для насъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; а мы и воображаемъ, что сдѣлались уже истинными христіанами, а пожалуй и подвижниками. .. А между тѣмъ—что въ этомъ толку, если наша душа, не трудится надъ собой, когда къ нашему сердцу доступны всякіе грѣховные помыслы, нечистыя пожеланія и страсти? Не строимъ ли мы въ этомъ случаѣ зданія на пескѣ, и не разрушаемъ ли одной рукой то, что созидаемъ другой? Вѣдь Господу и нужна-то главнымъ образомъ наша душа, та именно душа, которая ни хлѣба не ѣстъ, ни въ землю поклониться не можетъ, ни на колѣни стать, ибо она есть духъ. *Даждь ми, Сыне, твое сердце* (Притч. XXIII, 26), говоритъ каждому изъ насъ Господь. И въ другомъ мѣстѣ: *всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходища живота* (Притч. IV, 23). Такъ поймите, что одни внѣшніе или тѣлесные подвиги благочестія еще не составляютъ главнаго дѣла, потому что въ нихъ вовсе можетъ не участвовать душа. Значитъ, мы должны какъ можно строже наблюдать надъ собою, не однимъ ли тѣломъ мы работаемъ Господу, и потому не трудимся ли понапрасну. А чтобы не ошибиться въ этомъ случаѣ, надо знать, чего прежде всего хочетъ Господь отъ нашей души и сердца, и что главнымъ образомъ привлекаетъ къ намъ благодать и милость Божію. Какъ вы думаете, чтобы это было такое?

Одинъ изъ прихожанъ. (Подумавши). Мнѣ приходятъ на мысль слова св. Писанія, что *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ* (Псал. XXXIII, 19).

Свящ. Ты это очень хорошо сказалъ. Вотъ иной трудится, трудится въ самомъ дѣлѣ, изнуряетъ плоть свою постомъ, кладетъ множество земныхъ поклоновъ, ставитъ большія свѣчки

предъ иконами, и на языкѣ у него все такія благочестивыя рѣчи, а все у него ничего не выходитъ, все холодна, суха и безплодна остается у него душа. А иной ничего, повидимому, особеннаго не дѣлаетъ, а только и знаетъ, что мытаревымъ гласомъ изъ глубины души вопіетъ ко Господу: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Господи, прости и помилуй мя окаяннаго грѣшника! и теплыя слезы льются у него изъ глазъ, и тихимъ пламенемъ любви ко Господу горитъ вся его душа, и Господь приходитъ и обитель у него творитъ!..

Одинъ прихожанинъ. (Тронутый). О батюшка! Нельзя не чувствовать, что вы настоящую истину говорите; продолжайте, продолжайте вразумлять насъ!

Другой прихожанинъ. (Въ раздумьи). Но чего, кажись, проще смиренія? Вотъ и всѣ мы, батюшка, считаемъ и называемъ себя грѣшниками предъ Богомъ. Это дѣло словно бы еще легче, чѣмъ на молитвѣ стоять, или постъ держать, и всякое другое дѣло дѣлать?

Свящ. Съ виду бы оно и такъ, да не такъ на самомъ дѣлѣ; нѣтъ, другъ мой, истинное и настоящее смиреніе есть такой великій и высокій подвигъ предъ Богомъ, что ему долго и долго, до самаго гроба, надо учиться. Ты правду говоришь, что не мудрено сказать языкомъ: я грѣшникъ, Господи! Но тутъ вовсе и не въ словахъ дѣло. Истинное смиреніе есть такое состояніе души, когда человѣкъ ничего не знаетъ отвратительнѣе грѣха, и ничего—лучше и сладостнѣе добродѣтели. Человѣкъ, стяжавшій истинно сокрушенное и смиренное сердце, до того переполненъ—съ одной стороны чувствомъ святости и величія Божія, а съ другой—чувствомъ живущаго въ нашей природѣ грѣха, что ему кажутся совершенно ничтожными и нестоющими никакого вниманія его собственныя какія нибудь заслуги или добродѣтели. Кто не испыталъ этого чувства, тому трудно даже и дать о немъ ясное понятіе. Но вы возьмите въ расчетъ святыхъ угодниковъ. Самые величайшіе изъ нихъ подвижники всегда сознавали себя самыми недостойными грѣшниками.

Прихож. Но можетъ быть, они только такъ это говорили на словахъ, а въ душѣ иное чувствовали?

Свящ. Это потому намъ такъ кажется, что намъ не случалось конечно такъ сильно искать Бога и такъ крѣпко любить Его, какъ они искали и любили. Въ потемкахъ мы конечно можемъ не замѣчать на себѣ самихъ даже крупныхъ, грязныхъ пятенъ. Но чѣмъ ближе кто къ огню или къ свѣту, подобно тому, какъ праведники къ Богу, тѣмъ лучше можно ему разсмотрѣть свою нечистоту или безобразіе. Такимъ образомъ живое чувство своей грѣховности, и потому смиренная и покаянная настроенность души передъ Богомъ есть вѣрный признакъ, что человѣкъ ходитъ во свѣтѣ, стоитъ на настоящей дорогѣ, что истинно любитъ и ищетъ Господа, и тѣмъ сильнѣе любитъ, чѣмъ смиреннѣе и сокрушеннѣе себя чувствуетъ. А потому и Господь всего ближе къ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ. Не случается ли и намъ грѣшнымъ испытывать это на себѣ? Едва успѣешь иногда съ искреннимъ чувствомъ произнесть: Господи! помилуй меня грѣшнаго,—какъ сей часъ же затеплится въ душѣ,—словно огонекъ какой, любовь къ Господу: а иногда цѣлую недѣлю говѣешь и молишься, — и все нѣтъ ничего!

Прихож. (Въ размышленіи). Это точно что такъ.... Но какъ же, батюшка, гдѣ вотъ ни почитаешь про св. отцовъ, вездѣ написано, что они тоже и постились и молились по цѣлымъ ночамъ и милостыню творили,—и этимъ спаслись?

Свящ. Но при этомъ съ какою чистотою сердечною, съ какимъ глубокимъ смиреніемъ и сокрушеніемъ соединялись у нихъ эти подвиги! О еслибы наши посты, молитвы и другіе благочестивые труды походили на тѣ, которыми спаслись угодники Божіи! Но съ другой стороны—въ житіяхъ святыхъ мы встрѣчаемъ не мало и такихъ примѣровъ, что самые высокіе подвижники, много лѣтъ трудившіеся въ постѣ, молитвахъ и бдѣніяхъ, вдругъ теряли всю цѣну своихъ трудовъ и падали въ самые тяжкіе грѣхи, какъ скоро позволяли себѣ горделивою мыслію останавливаться на своихъ подвигахъ. «Макарій! какъ много ты досаждаешь мнѣ тѣмъ, что я никакъ не могу одолѣть тебя! сказалъ однажды дьяволъ, встрѣтивъ препод. Макарія. Что дѣлаешь ты, то и я дѣлаю, еще больше нежели ты; ты

постишься, а я никогда ничего не ѣмъ; ты бодрствуешь, а я никогда не сплю. Одно только есть въ тебѣ, чѣмъ ты побѣждаешь меня». Что это такое? спросилъ препод. Макарій. «Смиреніе—отвѣчалъ дьяволъ, и вотъ противъ чего я устоять не могу»! (Прим. благ. изъ жит. св. 1860 стр. 96). Вотъ это-то обстоятельство всегда держали въ умѣ св. угодники, и потому хлопотали не столько о томъ, чтобы только, какъ можно поточнѣе, выполнить все предписанное уставомъ церковнымъ, а о томъ, чтобы съ корнемъ вырвать изъ души своей всякій грѣхъ, всякую похоть и всякую страсть. Но такъ какъ грѣхъ, можно сказать, насквозь проникъ нашу природу, то они до послѣдняго предсмертнаго вздоха съ глубокимъ сокрушеніемъ и смиреніемъ оплакивали свою нечистоту предъ святѣйшимъ и чистѣйшимъ Господомъ Богомъ, хотя во всю свою жизнь только и дѣлали, что вели самую упорную войну съ живущимъ въ нашей природѣ грѣхомъ. Посты, молитвы и бдѣнія, и вообще всѣ предписанія церковнаго устава для нихъ служили только средствомъ для побѣды надъ грѣхомъ, а отнюдь не цѣлію. Здѣсь-то и открывается та огромная разница, которая весьма часто бываетъ между нашими поклонами, постами и молитвами и между тѣми, которыми спасались св. угодники. У нихъ эти подвиги всегда проистекали изъ глубины души и были слѣдствіемъ непрестаннаго внутренняго подвига,—и потому всегда были для нихъ спасительны. Между тѣмъ какъ наши поклоны, молитвы, свѣчки, посты и милостыни проистекаютъ весьма нерѣдко изъ одной привычки, обыкновенія и приличія, и потому суть призрачные только подвиги и не приносятъ намъ никакой пользы. Господь все таки далекъ отъ насъ, и мы въ каждую минуту, при самомъ легкомъ искушеніи,—способны бываемъ на самое дурное и гнусное дѣло.

(Слышатся вздохи). Охъ, Господи Іисусе Христе!

Священ. Отъ того то я и вижу у васъ сплошь и рядомъ, что иной бы съ виду и порядочный человѣкъ, усерденъ и къ церкви Божіей, и говѣетъ и молится и все дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ похристіански,—а глядишь—онъ же, этотъ же самый человѣкъ, такое вдругъ сдѣлаетъ дѣло, что и не ожидать бы отъ

него. Придетъ какой нибудь праздникъ, онъ напьется до безчувствія. Что нибудь не такъ скажетъ жена или кто нибудь изъ домашнихъ, онъ начинаетъ шумѣть и драться. Представится удобный случай,—онъ готовъ прижать своего ближняго, обмануть и допустить самое безчесное дѣло... Замолю—говоритъ—поставлю большую свѣчку, богатый вкладъ сдѣлаю въ церковь,—и Богъ проститъ!... Несчастный! Господу Богу нужна не одна твоя свѣчка, не одни твои земные поклоны, не одни твои деньги. Вырви также изъ души своей любостяжаніе и гнѣвливость, научись всѣхъ любить какъ братьевъ, пріучи себя прощать обиды врагамъ твоимъ, а для сего стяжи смиренное и сокрушенное сердце. Въ противномъ случаѣ противны будутъ Господу и поклоны твои и свѣчка и пожертвованія. *Что вы зовете меня, Господи! Господи! и не исполняете того, что я говорю?* обращается Господь ко всѣмъ подобнымъ (Лук. VI, 46). *Приближаются мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами своими почитаютъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене: всуе же почитаютъ мя!* (Ис. XXIX, 13). *Поста, и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя... кто му не стерплю грѣховъ вашихъ. Егда прострете руки ваша ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ: и аще умножите молвіе, не услышу васъ!* (Ис. 1, 14. 15) Хорошо ли вы понимаете меня, къ чему я клоню рѣчь свою?..

(Нѣсколько голосовъ вмѣстѣ). Какъ не понимать, батюшка? Понимаемъ! *Одинъ голосъ.* Молиться въ церкви,—молись, и поститься—постись. Такъ заповѣдано. А все ты не спасешься, коли злобу, или зависть имѣешь въ душѣ противъ кого нибудь.

Другой голосъ. А пожалуй и хлѣба не ѣсть вовсе, а все ты грѣшникомъ будешь передъ Богомъ, ежели не стараешься очистить душу свою отъ скверныхъ помысловъ и дѣлъ.

Третій голосъ. Пріятенъ Господу тотъ человѣкъ, кто исполняетъ все какъ слѣдуетъ по церковному уставу, но Господь Богъ требуетъ, что бы все это отъ души и отъ смиреннаго сердца у насъ дѣлалось, а не по одному обычаю или привычкѣ. Душа наша всего дороже передъ Богомъ.

Свящ: Послѣдній изъ васъ лучше всѣхъ сказалъ, хоть и всѣ вы, я вижу, поняли меня хорошо. Да не подумаетъ кто нибудь изъ васъ, что бы я унижалъ посты, стояніе на молитвѣ, земные поклоны, свѣчки и вообще всѣ внѣшнія дѣла христіанскаго благочестія, — Боже меня сохрани отъ этого! Вотъ нынче тоже развелось много людей, которые говорятъ: зачѣмъ ходить въ церковь, зачѣмъ на богомолье ходить, когда и дома можно помолиться? зачѣмъ кланяться въ землю и ставить свѣчки, если я въ душѣ хорошо помолюсь? Къ чему посты, когда отъ нихъ пожалуй еще заболѣть можно? Всѣ эти люди говорятъ ложь, и только себя обманываютъ. По опыту замѣчено, что кто небрежетъ о соблюденіи уставовъ церкви и внѣшнихъ обрядовъ христіанскихъ, тотъ бываетъ всегда небреженъ и холоденъ и къ самому христіанству. Нѣтъ, други мои, Господу весьма можетъ быть пріятна и свѣчка, которую мы ставимъ предъ иконою, и наши земные поклоны, и наши посты, и молитвы, которыя мы читаемъ по книжкѣ или наизусть. Все это можетъ даже и самую душу нашу согрѣвать и настроивать на христіанскій духъ. *Приближи ко Господу дѣла твоя, и утвердятся помышленія твоя*, говоритъ премудрый (Прит. XVI, 3). Но это только тогда, когда мы не ограничиваемся одними этими внѣшними дѣлами благочестія, и не о томъ только хлопочемъ, чтобы простоять положенные часы въ церкви, чтобы отговѣть нѣсколько недѣль и отсчитать нѣсколько поклоновъ, а о томъ, чтобы въ непрестанной чистотѣ держать душу свою, и въ умиленіи покаяннаго и смиреннаго духа вопіять къ Богу: *утверди Господи на камени заповѣдей твоихъ подвигшееся сердце наше!* Въ противномъ случаѣ мы впадаемъ въ фарисейство, и не чѣмъ инымъ дѣлаемся, какъ ханжами и святошами. Противны эти существа и добрымъ людямъ, а Богу еще противнѣе. Простой и обыкновенный грѣшникъ скорѣе можетъ сознать вину свою и заплакать передъ Господомъ Петровыми слезами покаянія; а фарисействующій ханжа и святоша всегда гордъ и черствъ душею, и потому совершенно удаленъ отъ Бога. Отъ того-то Господь такъ и не любилъ фарисеевъ, тогда какъ прощалъ и миловалъ самыхъ тяжкихъ грѣшниковъ. Вотъ отъ сей-то опасности мнѣ и хочется предостеречь васъ.

Прихож. Благодаримъ васъ покорно, батюшка! дай намъ Богъ вашими святыми молитвами сдѣлаться настоящими христіанами, не понаружности только, а и въ душѣ!

Свящ. Сдѣлаю вамъ еще одно предостереженіе. Вотъ, я знаю, наши раскольники любятъ хвалиться своимъ наружнымъ благочестіемъ и строгимъ исполненіемъ всего, что относится къ обрядности и внѣшности церковной. Показываютъ свои древнія и разукрашенныя иконы, ѣздятъ иногда по селамъ и деревнямъ съ своими старинными книгами, и так. обр. нерѣдко совращаютъ легковѣрныхъ на свою сторону. Не прельщайтесь, и другимъ внушайте не прельщаться обманчивымъ раскольническимъ благочестіемъ. Не все то золото, что блеститъ. Вы уже понимаете, что спасеніе въ жизни по духу Іисуса Христа. А этотъ духъ можно найти только въ одной православной церкви, въ ея спасительномъ ученіи, въ ея богомудрыхъ правилахъ и въ ея божественныхъ таинствахъ. Зглините-ка вы во внутренніе вертепы раскольническіе! тамъ часто дѣлаются такія дѣла, *о нихъ же срамно есть и глаголати.* Поистинѣ къ нашимъ раскольникамъ относятся слова нашего Спасителя, что они *очищаютъ внѣшность чашъ и блюдъ, между тѣмъ какъ оставляютъ важнѣйшее въ законѣ* (Матѳ. XXIII, 23. 25). Не отлучайтесь же отъ матери своей—православной церкви, и ревнуйте объ истинномъ благочестіи. Благословеніе Господне да будетъ надъ вами! Прощайте.

ПОУЧЕНІЕ

къ воспитанницамъ Владимірскаго Училища дѣвицъ духовнаго званія, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

(21 нояб. 1865 г. *).

Сегодня, дѣти, у васъ два великихъ праздника. Одинъ праздникъ торжествуетъ вмѣстѣ съ вами и вся Св. Церковь, воспоминая славное Введеніе во Храмъ Пресв. Богородицы, другой

---

*) Въ

праздникъ—собственно вашъ, поелику, пріобщась нынѣ тѣла и крови Христовой, вы сами содѣлались живыми храмами Господу Богу—по Его непреложному обѣщанію: *ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь—пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ* (Іоан. VI, 56). Привѣтствуя васъ съ настоящимъ свѣтлымъ днемъ, я хочу, хотя вкратцѣ, привести вамъ на память нѣсколько трогательныхъ и поучительныхъ обстоятельствъ изъ жизни Пресв. Богородицы, которыя воспоминаетъ нынѣ св. церковь и которыя имѣютъ весьма близкое приложеніе къ вамъ.

По всей вѣроятности вамъ уже извѣстно хотя нѣсколько, какъ случилось самое введеніе во храмъ Пресв. Богородицы. Посему я не стану вамъ разсказывать сего подробно.

Думаю, что вы слыхали, какъ св. родители Пресв. Богородицы, давши обѣтъ посвятить Ее Господу Богу,—едва минуло Ей три года отъ рожденія,—рѣшились вовсе удалить Ее отъ житейской суеты и поселить на всегдашнее житье при свящ. храмѣ Іерусалимскомъ; дабы тамъ Она—подъ надзоромъ первосвящ. Божія—воспиталась на глазахъ, такъ сказать, самого Господа. Слыхали вы, конечно, и о томъ, что когда трилѣтствующая св. Дѣва Марія, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ Назаретскихъ родственниковъ, знакомыхъ и еще нарочито приглашенной на Ея проводы толпы отроковицъ, когда, говорю, приближилась Она къ Іерусалимскому храму и поставлена была своими родителями на первой ступени храма,—то вдругъ, подкрѣпляемая невидимою силою Божіею, весьма быстро стала восходить со ступени на ступень, какъ будто была уже совершеннолѣтняя. Знаете вы безъ сомнѣнія и о томъ, что вышедшій навстрѣчу Пречистой Дѣвѣ со всѣми Іерусалимскими священниками—первосвященникъ Захарія ввелъ пренепорочную Отроковицу—по внушенію Духа Божія—въ самую священную часть храма, за вторую завѣсу—во святая святыхъ, куда не только женскому полу, но и священникамъ входить воспрещалось. Всего сего подробно не разсказываю; но обратите вниманіе на то, какъ жила и воспитывалась Матерь Божія въ Іерусалимѣ.

Поселившись для всегдашняго жительства въ особой дѣвической обители при Соломоновомъ храмѣ, Она отдана была подъ

присмотръ нарочито приставленнымъ къ Ней взрослымъ дѣвицамъ, въ писаніи и рукодѣліи искуснымъ. Быстро приходила она отъ силы въ силу. Съ возрастаніемъ и укрѣпленіемъ тѣла, росли и умножались въ Ней дары духовные. Удаленная отъ всѣхъ соблазновъ міра, непрерывно упражняясь въ молитвѣ и чтеніи слова Божія, Она скоро стала приводить всѣхъ въ изумленіе своими небесными качествами,—своимъ глубочайшимъ смиреніемъ и кротостію, ангельскимъ терпѣніемъ и послушаніемъ, всеобъемлющею любовію и обходительностію, непрестаннымъ богомысліемъ и благоговѣйнствомъ. Въ свободное отъ молитвы время Она со всѣмъ усердіемъ занималась изученіемъ разныхъ рукодѣлій, приличныхъ ея полу, пряла ленъ и волну и упражнялась въ шелковомъ швеніи. Въ особенности же любила заниматься тѣми рукодѣльями, которыя какъ-нибудь могли быть пригодными для священниковъ въ церковномъ служеніи. Извѣстно, что и Господь Іисусъ Христосъ носилъ на себѣ нешвенный хитонъ, приготовленный руками своей пречистой Матери. Ангелы Божіи стали видимо служить Ей, бесѣдовать съ Нею и приносить даже пищу, какъ нерѣдко съ благоговѣйнымъ трепетомъ и ужасомъ примѣчалъ первосвященникъ Захарія во внутреннемъ святилищѣ, гдѣ св. Дѣва имѣла обычай совершать свои святѣйшія и незримыя для міра молитвы. По преданію—пречистая Дѣва отъ утра до 3-го часа дня была на молитвѣ; отъ 3-го часа до 9-го Она упражнялась въ рукодѣліи, или чтеніи книгъ; отъ 9-го часа Она снова начинала свою молитву, пока не являлся Ей ангелъ, изъ рукъ котораго Она получала обыкновенно пищу. Такимъ образомъ между молитвою, чтеніемъ и рукодѣліемъ проходило почти все время Божественной Отроковицы. И такъ жила Она до двѣнадцати лѣтъ въ Іерусалимѣ при священномъ храмѣ Соломоновомъ, все выше и выше восходя по лѣствицѣ добродѣтелей, пока наконецъ Господь Богъ не позвалъ Ее къ высшему званію, и не содѣлалъ своею матерію!.....

Дѣти! сами вы можете видѣть, какъ много есть сходнаго между вашимъ теперешнимъ положеніемъ и жизнію въ здѣшнемъ училищѣ—и между тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилась Матерь Божія въ отроческіе годы своей земной жизни. Вотъ и

вы собраны сюда—въ сіе училище, какъ будто-бы въ ту дѣвическую обитель при храмѣ Соломоновомъ, въ которой жила и воспитывалась св. Дѣва; вотъ и для васъ, въ самомъ жилищѣ вашемъ, устроенъ храмъ Божій, въ которомъ невидимо присутствуетъ самъ Господь и Его ангелы; вотъ и васъ ежедневно упражняютъ въ разумѣніи заповѣдей Божіихъ, въ изученіи разныхъ полезныхъ наукъ и необходимыхъ для вашего пола искусствъ; вотъ и изъ васъ хотятъ сдѣлать со временемъ богобоязненныхъ, благочестивыхъ и образованныхъ рабынь Божіихъ, во славу имени Христова, родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу. Какъ все это должно быть для васъ пріятно и отрадно! Какъ все это должно побуждать васъ къ подражанію пресвятой Богородицѣ! Употребляйте же всѣ свои усилія, чтобы жить и поступать такъ, какъ жила и поступала пресвятая Богородица. Будьте, какъ Она, тихи и послушны, скромны и покорны всѣмъ своимъ руководителямъ и воспитателямъ, и глав. образомъ своей начальницѣ. Это привлечетъ къ вамъ милость Божію и любовь Матери Божіей; потому что сама Она была тиха, скромна и покорна. Напротивъ упрямство и непослушаніе, раздражительность и желаніе поставить на своемъ—всего непріятнѣе для Матери Божіей; ибо это показываетъ дурное сердце и гордую душу. Между собою должна быть у васъ одна только любовь, ласковость и снисходительность. Недоброжелательства какого нибудь, хвастливости, желанія унизить другихъ—чтобы себя выставить выше другихъ,—у васъ недолжно быть и духу; это вовсе неприлично христіанамъ, тѣмъ паче духовнымъ воспитанницамъ. Лучше гораздо, и Матерь Божія этого хочетъ, чтобы вы всѣ общими силами—не завидуя, а помогая другъ другу, учились, какъ можно, прилежнѣе, слушали внимательнѣе, что говорятъ вамъ учители въ классѣ, и все свое стараніе прилагали, чтобы скорѣе и лучше перенять разныя искусства и рукодѣлія, которымъ васъ хотятъ здѣсь научить, и которыя такъ необходимы для васъ будутъ въ жизни. А для того, чтобы все это было такъ, т. е. чтобы вамъ быть скромными и послушными, между собою ласковыми и любящими, къ наукамъ прилежными и понятливыми,—для сего какъ можно чаще и усерднѣе обращай-

тесь съ своими молитвами къ пресвятой Богородицѣ. Она милостивая и скорая помощница на всякое дѣло благое..... И нетолько—когда вы находитесь здѣсь въ церкви на молитвѣ, но и всегда,—и за уроками, и за работами своими вы можете молиться пресвятой Богородицѣ. Только подумайте объ Ней, вспомните Ее,—Она ужъ пойметъ васъ, и не оставитъ своей благодатію. Сподобившись сегодня быть причастницами пречистаго тѣла и крови Христовой, вы получили самый несомнѣнный залогъ милости къ вамъ Божіей и благоволенія царицы небесной. О если бы навсегда сберечь вамъ сей залогъ! О еслибъ вы рѣшились всѣми силами сохранять ту чистоту и непорочность сердечную, какую обѣщали Господу Богу и пречистой Его Матери, приступая къ св. Тайнамъ! Да поможетъ вамъ въ семъ великомъ дѣлѣ царица небесная. Аминь.

СЛОВО

въ день Срѣтенія Господня (2 февр. 1866 г. *).

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему, съ миромъ (Лук. II, 29.).

Такъ прощаются съ землею люди Божіи. Съ такимъ благодушіемъ и радостію идутъ они на встрѣчу грозному часу смертному. Св. Симеонъ Богопріимецъ, удостоившись пріять въ свои старческія объятія Того, къ Кому стремилась всю жизнь его душа, не хочетъ больше оставаться на этой грѣшной землѣ и не проситъ отсрочки назначеннаго ему жребія. *Бѣ ему обѣщано Духомъ Святымъ, не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня* (ст. 26). И вотъ, увидѣвши Христа Господня, онъ ничего больше не желаетъ на землѣ, а съ свѣтлою вѣрою и надеждою готовится перейти въ загробную жизнь. *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему, съ миромъ,*—вдохновенно восклицаетъ онъ, взирая на Богомла-

*) Напечатано въ 4-мъ № Влад. «Епарх Вѣдомостей» за 1866-й г.

денца, лежащаго на святыхъ рукахъ его. Какъ-то Богъ приведетъ намъ, благоч. слушатели, разстаться съ сей жизнію! А разстаться надо непремѣнно. Съ каждымъ днемъ и съ каждой минутой мы все ближе подвигаемся къ смертному часу. А можетъ быть для многихъ изъ насъ этотъ страшный часъ уже очень и очень не далекъ. Что если онъ найдетъ на насъ внезапу? Что если застигнетъ насъ не готовыхъ, безпечныхъ и грѣшныхъ? О, да сохранитъ насъ отъ сего Господь Богъ своимъ безконечнымъ милосердіемъ! Но будемъ осторожны и сами. Не для того ли, чтобы научить сей осторожности, св. Церковь за каждымъ вечернимъ богослуженіемъ и предлагаетъ нашему вниманію предсмертную пѣснь св. Сумеона. Этой пѣснію, очевидно, она хочетъ напоминать намъ о смерти всякій разъ, когда мы отходимъ ко сну, который есть образъ и подобіе смерти. «Вотъ смотрите,—какъ бы такъ говоритъ она,—смотрите, какъ благодушно и спокойно умираютъ истинные рабы Господни. Сумѣйте же и вы такъ пріуготовить себя къ смерти и также не бояться ея, какъ готовъ былъ и какъ не страшился ея праведный Сумеонъ! Примемъ къ сердцу эти внушенія нашей матери Церкви и поучимся, какъ надо пріуготовлять себя къ смерти. Во дни поста, покаянія и плача о грѣхахъ, о чемъ приличнѣе разсуждать, какъ не о смерти, которая есть *возмездіе за грѣхъ* (Рим. VI, 23).

Міръ своихъ поклонниковъ учитъ не думать вовсе о смерти, не смотрѣть впередъ, отстранять всячески непріятныя мысли объ общей печальной участи человѣческой, и беззаботно пользоваться тѣми благами, какія можетъ дать и даетъ человѣку настоящая жизнь,—иначе сказать—учитъ жить закрывши глаза. Съ своей стороны міръ правъ. Ибо что же онъ лучше можетъ выдумать? Что отраднаго и утѣшительнаго можетъ сказать о смерти? Ничего! Смерть, по понятію міра, что-то до такой степени мрачное, неизвѣстное и темное, что лучше объ ней и не думать. Иногда впрочемъ, въ видѣ утѣшенія для своихъ поклонниковъ, міръ составляетъ разныя понятія о смерти Но эти понятія до такой степени мрачны и гнетущи, что вмѣсто утѣшенія, только увеличиваютъ еще болѣе мракъ и подавляющій ужасъ смерти. *Рекоша въ себѣ помышляющіи неправо: са-*

мослучайно рождени есмы, и по семъ будемъ якоже не бывше: понеже дымъ дыханіе въ ноздрѣхъ нашихъ, и слово искра въ движеніи сердца нашего: Ей же угасшей пепелъ будетъ тѣло, и духъ нашъ разліется, яко мягкій воздухъ (Прем. Сол. II, 1—3). Жалкій расчетъ, какой имѣется въ виду при этихъ разсужденіяхъ, очень понятенъ: т. е. если ты грѣшенъ, то продолжай грѣшить, сколько тебѣ угодно. Коротка наша жизнь? тѣмъ усерднѣе выжимай изъ нее все, что она можетъ дать сладкаго и пріятнаго!! *Пріидите убо, и насладимся настоящихъ благихъ.... Вина дражайшаго и мура благовонна исполнимся..... Увѣнчаимъ насъ шипковыми цвѣты, прежде неже увянутъ..... Вездѣ оставимъ знаменія веселія, яко сія часть наша, и жребій сей!* (ст. 6. 7. 8. 9). Но оставимъ міръ съ его поистинѣ тщетной и суетной философіею. Потребность жизни безконечной и чувство безсмертія такъ крѣпко живетъ въ нашей богоподобной душѣ, а сознаніе отвѣтственности за свои поступки такъ глубоко посѣяно въ нашей совѣсти, что всѣ эти средства, которыми міръ думаетъ уничтожить въ людяхъ страхъ смертный, ни къ чему не ведутъ и не годятся никуда. Можно конечно на время привести себя въ состояніе нравственнаго безчувствія и забыться. Но за минутами преступнаго сна и опьяненія грѣховнаго всегда слѣдуетъ тѣмъ мучительнѣйшее пробужденіе, чѣмъ глубже и продолжительнѣе былъ сонъ. Самое отчаянное невѣріе и самая грубая безнравственность блѣднѣетъ и дрожитъ, едва смерть начинаетъ возвѣщать о своемъ приближеніи. И люта бываетъ смерть грѣшниковъ! (Пс. XXXIII, 22).

Гдѣ же намъ грѣшнымъ искать утѣшенія? куда бѣжать отъ грядущаго гнѣва Божія?... Господь Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, источникъ жизни и безсмертія, взявшій на Себя грѣхи наши, проливши за насъ кровь свою, питающій насъ божественною плотію своею,—вотъ наша надежда, наше прибѣжище, наше спасеніе! Перенесемъ Его въ сердце свое, обнимемъ Его, подобно прав. Сумеону, вѣрою и любовію, прицѣпимся къ Нему какъ дикія вѣтви къ доброй маслинѣ (Рим. XI, 24).—и смерть явится для насъ въ другомъ видѣ, всѣ ужасы и страхи ея изчезнутъ! Ибо

чего намъ бояться съ Господомъ Іисусомъ Христомъ? Потрясаетъ ли нашу естественную любовь къ жизни ужасный видъ и леденящая обстановка смерти? Но *сія есть воля пославшаго Мя*,—утѣшаетъ насъ Спаситель нашъ,—*да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него, имать животъ вѣчный: и воскрешу его Азъ въ послѣдній день* (Іоан. VI, 40). Устрашаетъ ли насъ тьма и неизвѣстность за могилой? *въ дому Отца моего обители многи суть*, обнадеживаетъ насъ Господь, *иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ Себѣ, да, идѣже есмь Азъ, и вы будете* (Іоан. XIV, 2. 3). Грѣхи ли наши гнетутъ нашу совѣсть? Но Господь Іисусъ Христосъ *грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуетъ..... Той же язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззакоія наша, наказаніе мира нашего на немъ, и язвою Его мы исцѣлѣхомъ* (Ис. LIII, 4. 5). Онъ *не въ рукотворенная святая вниде, но въ самое небо, да явится лицу Божію о насъ* ходатайствовать (Евр. IX, 24). Приводитъ ли насъ въ трепетъ страшный судъ Божій по смерти? *Аминь, аминь глаголю вамъ*,—опять говоритъ намъ Господь,—*яко слушаяй словесе Моего, и вѣруяй пославшему Мя, имать животъ вѣчный: и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. V, 24). Вообще съ Господомъ Іисусомъ Христомъ насъ ничто не въ состояніи устрашить и поколебать. Онъ *просвѣщеніе и Спаситель нашъ, кого убоимся?* Онъ *защитникъ живота нашего,—кого устрашимся?* (Пс. XXVI, 1). Значитъ—хощемъ ли не боятися смерти?. . стяжемъ крѣпкую и несокрушимую вѣру въ Господа Іисуса Христа, въ его безконечное милосердіе, въ Его вседѣйственныя заслуги.

Но какъ стяжать такую вѣру,—вотъ въ чемъ главное дѣло! Не думайте, чтобы она давалась задаромъ и пріобрѣталась легко. Не представляйте дѣла такъ, что стоитъ только захотѣть намъ вѣровать,—и мы будемъ вѣровать. Это было бы жалкое ослѣпленіе. И однакожъ какъ много людей находятся въ этомъ ослѣпленіи! Беззаботно проводя жизнь въ полнѣйшей разсѣянности и грѣховной суетѣ, едва помня о небѣ и рѣдко, рѣдко когда вспоминая о Спасителѣ, они все отлагаютъ на—послѣ, надѣ-

ются на послѣдніе дни свои: «придетъ время умирать,—я покаюсь, исповѣдуюсь предъ отцомъ духовнымъ, пріобщусь тѣла и крови Христовой, и такимъ образомъ съ міромъ отойду въ вѣчность». Но вотъ посѣщаетъ недальновиднаго и грѣхолюбиваго мечтателя предсмертная болѣзнь. Онъ хочетъ молиться,—но молитва замираетъ только на устахъ, въ душѣ нѣтъ никакой теплоты. Онъ хочетъ исповѣдываться,—но сердце сухо, а произносимые грѣхи ложатся свинцовою тяжестью на душу. Онъ пріобщается,—но гдѣ та *любы*, *радость*, *миръ*, *долготерпѣніе* и прочіе дары Св. Духа (Галат. V, 22), которые ощущаютъ въ себѣ достойные причастники? ихъ не чувствуется въ душѣ; тамъ одна тьма, страхъ осужденія, боязнь смерти и отчаяніе! Нѣтъ, слуш., да сохранитъ насъ Господь Богъ отъ такого самообольщенія. Та вѣра, о которой мы сказали выше, вѣра спасающая и оправдывающая, должна пріобрѣтаться цѣною всей нашей жизни. А объ той вѣрѣ, которая заключается въ однихъ словахъ и холодномъ знаніи христіанскихъ догматовъ, и говорить здѣсь нечего. Не споспѣшествуемая любовію, такая вѣра можетъ послужить развѣ къ нашему осужденію, а не ко спасенію, ибо *рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по волѣ его, біенъ будетъ много*. (Лук. XII, 47). *И бѣси вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. II, 19).

Что же намъ дѣлать и какъ поступать? *Покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ* (Іак. II, 18), взываетъ къ намъ Господь устами Ап. Іакова. Значитъ, намъ надо жизнь свою такъ расположить и устроить, чтобы на каждомъ шагу выражалась наша вѣра въ Господа Іисуса Христа. Надо такъ проникнуться мыслію о томъ, что мы *странники и пришельцы на земли*, (пс. XXXVIII, 13), *что наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип. III, 20), что *смерть не замедлитъ* (Сир. XIV, 12), чтобы эта мысль оттѣняла всѣ наши поступки. И чѣмъ усерднѣе и чаще мы станемъ вѣру свою прилагать къ дѣлу, тѣмъ сильнѣе и крѣпче будетъ становиться наша вѣра, тѣмъ больше будетъ скопляться въ нашемъ сердцѣ религіозной теплоты и христіанскаго одушевленія, и, значитъ, тѣмъ крѣпче будетъ наша надежда на Господа Іисуса Христа, и тѣмъ готовѣе мы будемъ къ смерти. Напримѣръ, оскорбилъ

насъ кто нибудь, и наше самолюбіе побуждаетъ насъ къ отмщенію? А мы скажемъ себѣ: «Господь не только запретилъ месть, а заповѣдалъ даже благотворить врагамъ; и потому да проститъ Господь моего обидчика, а мстить я не буду И какъ ничтожны всѣ наши оскорбленія въ сравненіи съ тѣми, которымъ добровольно подвергся для насъ Спаситель нашъ!» .. Является ли къ намъ нужда и бѣдность и просить подаянія, а намъ жаль потратиться.... хочется отказать? Переломимъ себя, поможемъ требующему и скажемъ себѣ: «Господь заповѣдуетъ милосердіе, и милостивымъ обѣщаетъ милость; помилую и я нуждающагося брата моего, да помилованъ буду самъ на судѣ Божіемъ!» Гнететъ ли насъ самихъ горе какое, давитъ ли нужда и бѣдность, а лукавый предлагаетъ легкое средство избавиться отъ нужды и даже разбогатѣть, если только покривимъ душой и измѣнимъ долгу? Прогонимъ лукаваго, выдержимъ себя и скажемъ: «къ себѣ призываетъ Господь всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, итакъ все мое упованіе на Него, всеблагаго. И что такое жизнь наша? *пара есть, яже вмалѣ является, потомъ же исчезаетъ* (Іак. IV, 14); значитъ, стоитъ ли до того разстраивать себя здѣшними скорбями и неудобствами, чтобы изъ за нихъ забывать блаженную вѣчность, кривить душой и терять миръ и спокойствіе совѣсти?.... Удовольствіе ли какое нечистое слишкомъ обаятельно покажется намъ и съ силою повлечетъ насъ на жертву грѣху? Остановимся, одумаемся, воспротивимся.... скажемъ себѣ съ Апостоломъ: *все мнѣ позволительно, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною* (1 Кор. VI, 12). Господь сказалъ: гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше. Не ужели жъ мнѣ промѣнять Господа и небесныя сокровища на земныя утѣхи, не ужели сердце свое отдать на осквернѣніе грѣху? да не будетъ! И мнѣ ли гоняться за удовольствіями, когда чрезъ нѣсколько времени придется лежать въ гробу, гнить въ могилѣ и разсыпаться въ персти земной?! Итакъ *возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя* (пс XVII, 1)! *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!* (пс. L, 12) Почувствуемъ ли въ себѣ припадки гордости, зависти, невѣрія, сладострастія и другихъ нечистыхъ движеній, неисто-

щимый родникъ которыхъ таится въ нашемъ грѣхолюбивомъ сердцѣ? Все сіе будемъ отражать тою мыслію, что сего Господь не велитъ, что не широкимъ и гладкимъ путемъ, ведущимъ въ пагубу, идти намъ слѣдуетъ, а узкимъ и тернистымъ путемъ креста Христова, приводящимъ въ обители небесныя; и слѣдовательно не о землѣ все наше попеченіе должны прилагать, а главнымъ образомъ о небѣ. Когда станемъ такъ поступать, этимъ мы докажемъ, что имѣемъ истинную вѣру въ Іисуса Христа. А таковая вѣра *не посрамитъ*. (Рим. V, 5). Послѣ каждаго случая, гдѣ мы заявимъ свою вѣру на дѣлѣ, она все будетъ расти и усиливаться, и наконецъ до такой степени возрастетъ и охватитъ все существо наше, что для насъ и *еже жити* будетъ *Христосъ и еже умрети пріобрѣтеніе!* (Филип. I, 21). Мы даже съ нетерпѣніемъ будемъ дожидаться того блаженнаго дня, когда ангелъ смерти придетъ переселить насъ въ вѣчные кровы. Съ Апостоломъ Павломъ мы станемъ повторять тогда: *желаніе имѣю разрѣшитися и со Христомъ быти*. (Фил I, 23). *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный судія*. (2 Тим. IV, 7. 8). *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ!*

Сей-то блаженной христіанской кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны, и добраго отвѣта на страшномъ судѣ своемъ да сподобитъ насъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ своимъ неизреченнымъ человѣколюбіемъ и благостію. Аминь.

ВНѢЦЕРКОВНАЯ БЕСѢДА

Пастыря съ прихожанами о значеніи христіанской обрядности и о важности ревностнаго соблюденія уставовъ св. церкви. *)

Кромѣ явныхъ враговъ Христовой вѣры и невѣрующихъ отрицателей святѣйшихъ догматовъ христіанскихъ есть въ нашемъ обществѣ особенный классъ людей, которые, благоговѣя будтобы предъ Евангеліемъ и выдавая себя за ревнителей христіанства

*) Напечатана во 2-мъ № Влад. Епарх. Вѣдомостей за 1866 г.

въ чистомъ его видѣ,—какъ они любятъ выражаться,—такъ увлекаются своимъ мнимо просвѣщеннымъ взглядомъ на дѣло, и такъ далеко заходятъ въ своей полемикѣ противъ религіознаго фарисейства слѣпыхъ и тупыхъ приверженцевъ одного обряда, что готовы отрицать всякое значеніе внѣшнихъ проявленій религіозности. Съ улыбкой холодной снисходительности смотрятъ они, какъ напр. простолюдинъ ставитъ свѣчку предъ иконой и кладетъ предъ ней земные поклоны; считаютъ ребячествомъ и неразвитостію предпринимать отдаленныя путешествія ко св. мѣстамъ, клеймятъ названіемъ ханжества и святошества строгое соблюденіе постовъ и всѣхъ церковныхъ уставовъ, и спокойно позволяютъ себѣ нарушать ихъ—въ полной увѣренности, что это ничего не значитъ для зрѣлаго и развитаго христіанина, который умѣетъ кланяться Богу духомъ и истиною. Противъ такого направленія, тѣмъ болѣе опаснаго и зловреднаго, что оно по большей части прикрывается благовидною наружностію, считаемъ не лишнимъ предложить вниманію православныхъ читателей слѣдующій разговоръ между священникомъ и однимъ прихожаниномъ, принадлежавшимъ къ тому именно разряду людей, о которыхъ мы сейчасъ сказали. Дѣло началось съ того, что священникъ, зашедши навѣстить своего духовнаго сына, отказался отъ скоромнаго чаю, которымъ тотъ вздумалъ для шутки угостить его. Мы прямо начинаемъ съ того мѣста, когда разговоръ слово за слово одушевился и принялъ серьезный характеръ.

Прихожанинъ. Ну посудите сами, батюшка, могу ли я примириться со всѣми этими грустными явленіями, которыя у насъ, можно сказать, на каждомъ шагу? Не говоря о цѣлой массѣ нашихъ простолюдиновъ, не бываетъ-ли сплошь и рядомъ, что и порядочные какъ будто люди, считая зачастую смертельнымъ грѣхомъ оскоромиться въ середу или пятницу, спокойно между тѣмъ обманываютъ своего ближняго въ какой нибудь выгодной сдѣлкѣ и даже при всякомъ удобномъ случаѣ? Вѣдь это выходитъ одна ложь, сдѣлка какая то съ самимъ Богомъ! Неужели и я долженъ считать себя ужаснымъ грѣшникомъ, позволяя себѣ напр. скоромный чай въ постные дни?

Священникъ. Въ тонѣ вашей рѣчи слышится негодованіе. Но не спѣшите негодовать. Мнѣ хотѣлось бы спокойно и зрѣло обсудить это дѣло съ вами.

Прихож. Я готовъ слушать васъ съ удовольствіемъ.

Свящ. Итакъ вамъ прежде всего непріятно видѣть, когда человѣкъ, ограничиваясь одними внѣшними дѣлами благочестія, не заботится о внутреннемъ подвижничествѣ, объ очищеніи своей души и сердца отъ пороковъ. Но помилуйте, кто же вмѣстѣ съ вами не назоветъ богопротивнымъ фарисействомъ эту тупую привязанность къ одной внѣшности благочестія, не одушевленную и не осмысленную благочестіемъ внутреннимъ? И наша православная церковь никогда не перестаетъ возвышать своего обличительнаго голоса противъ этихъ грубыхъ фарисеевъ, о которыхъ вы говорите съ такимъ благороднымъ негодованіемъ. Она руководствуется въ этомъ случаѣ прямыми и положительными словами самого Спасителя нашего: *Говорю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство небесное* (Матѳ. V, 20). А въ другомъ мѣстѣ Онъ такъ говоритъ ко всѣмъ лживымъ и фарисействующимъ молитвенникамъ: *что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю?* (Лук. VI. 46). И въ ветхомъ еще завѣтѣ Господь Богъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ обличалъ ложное благочестіе бездушныхъ исполнителей обрядоваго закона. Прочтите-ка вы первую главу пророка Исаіи.

Прихож. Что же однако слѣдуетъ изъ вашихъ словъ? Не то ли самое, на что я хотѣлъ обратить ваше вниманіе?

Свящ. Нѣтъ, изъ моихъ словъ слѣдуетъ только то, что двухъ совершенно разныхъ вещей смѣшивать никакъ не слѣдуетъ,— что, однакожъ, вы позволяете себѣ дѣлать. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ видѣть, какъ у насъ по какой то дурной привычкѣ, по какому то, можно сказать, затаенному недоброжелательству, во всякомъ религіозномъ порывѣ, во всякомъ внѣшнемъ подвигѣ благочестія стараются открыть одно только бездушное фарисейство, и съ нескрываемымъ наслажденіемъ клеймятъ позорнымъ именемъ святошъ и ханжей тѣхъ людей, которые смиренно подчиняются всѣмъ правиламъ и уставамъ церкви?

Прихож. Это не безъ причины—батюшка. Если когда, то особенно въ настоящее просвѣщенное время жалко и противно видѣть глупыхъ рабовъ буквы и обряда, этихъ святошъ и ханжей.

Свящ. Я много бы могъ вамъ сказать противъ этого просвѣщеннаго настоящаго времени, но не объ этомъ теперь у насъ рѣчь. Но если, какъ вы говорите, грубымъ только и неразвитымъ людямъ свойственно останавливаться на одномъ обрядѣ: то что мѣшаетъ людямъ образованнымъ и просвѣщеннымъ, наприм. вамъ, одушевлять свои внѣшніе подвиги, свои поклоны, посты и молитвы разумнымъ и сознательнымъ служеніемъ Богу? Вы, напр., хорошо понимаете, что не важное еще дѣло дойти до церкви и простоять тамъ нѣсколько часовъ,—ну и старайтесь, чтобы это выходило у васъ важнымъ дѣломъ, т. е. не стойте тамъ, подобно окружающей васъ толпѣ, разсѣянно, равнодушно и безсмысленно, а возгрѣвайте свою душу пламенемъ любви ко Господу. Вы знаете, что не тотъ постится, кто воздерживается въ извѣстныя времена отъ скоромной только пищи,—ну и старайтесь вмѣстѣ съ этимъ и душу свою беречь отъ страстныхъ движеній и грѣховныхъ помысловъ. Вы понимаете—опять, что не тотъ творитъ милостыню, кто равнодушно бросаетъ бѣдняку какую нибудь копѣйку,—ну и дѣлайте это съ теплымъ сердечнымъ участіемъ къ горькому положенію своего ближняго. Такъ и во всемъ....,—вы конечно меня понимаете?

Прихож. Но я вотъ чего не понимаю. При всѣхъ этихъ уставныхъ распредѣленіяхъ времени, когда я то именно, а не другое долженъ дѣлать, при всѣхъ этихъ разграниченіяхъ между днями постными и скоромными, праздничными и будничными,—словомъ при всей этой обрядности, что будетъ значить христіанская свобода въ служеніи Богу духомъ и истиною? Что будутъ значить слова Божественнаго основателя нашей религіи, что *настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ покланяться Отцу въ духѣ и истинѣ: ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ. Богъ есть духъ; и покланяющіеся Ему должны покланяться въ духѣ и истинѣ* (Іоан. IV, 23, 24)? Итакъ если ветхозавѣтная религія смѣнилась возвышенной новозавѣтной религіею, гдѣ все духъ, жизнь и сила, а не веще-

ство, не обрядъ и не рабство: то можетъ быть я не совсѣмъ несправедливъ, полагая, что наши уставы и чиноположенія церковныя не имѣютъ для насъ большаго смысла и обязательной силы?

Свящ. Я очень радъ, что вы хотите стоять на библейской точкѣ зрѣнія и свои разсужденія стараетесь подтверждать непоколебимымъ авторитетомъ св. Писанія. О если бы всѣ мы въ простотѣ вѣры и съ искренними побужденіями почаще прибѣгали къ сему чистому и свѣтлому источнику истины! Но во всякомъ случаѣ я долженъ вамъ объявить, что съ своимъ взглядомъ на обрядность и уставы церковные вы ничему такъ много не противорѣчите, какъ истинному духу Христовой религіи и тому самому слову Божію, подъ защиту котораго, повидимому, прибѣгаете. Быть можетъ, вы опустили безъ вниманія, по какому случаю и поводу Господь употребилъ приведенныя вами слова въ извѣстной своей бесѣдѣ съ женою Самарянскою? Позвольте же вамъ напомнить, что ими Господь хотѣлъ разсѣять то заблужденіе Самарянки, котораго держались всѣ ея соотечественники, будто только на ихъ священной горѣ Гаризинъ можно приносить достойныя жертвы Богу, подобно тому, какъ Іудеи мечтали, будто ихъ только Іерусалимъ есть единственное мѣсто, гдѣ можно совершать достойнымъ образомъ служеніе Богу. *Повѣрь мнѣ*,—говоритъ Господь Самарянкѣ,—*что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу* (Іоан IV, 21). Т. е. Онъ хотѣлъ внушить ей, что новая религія, имѣющая замѣнить ветхозавѣтную, не привязана къ одному какому нибудь мѣсту, напр. ко храму Іерусалимскому или къ горѣ Самарянской, но что въ благодатномъ царствѣ Христовомъ всякій вѣрующій на всякомъ мѣстѣ можетъ приносить достойныя жертвы Богу въ духѣ и истинѣ. Но чтобы это возвышенное служеніе Богу въ духѣ и истинѣ исключало всякую обрядность, всякія внѣшнія правила и уставы,—согласитесь сами, надо быть крайне предзанятымъ и непослѣдовательнымъ, чтобы выводить такое заключеніе изъ словъ Господа нашего. Напротивъ смотрите, какъ Онъ всею своею жизнію училъ подчиняться обрядовымъ постановленіямъ. Въ восьмой день Онъ былъ обрѣзанъ по закону, въ сороковой день

Онъ приносится своею чистѣйшею Матерью въ храмъ для законнаго очищенія и для посвященія Богу, предъ вступленіемъ на поприще общественнаго служенія Онъ пріемлетъ водное крещеніе отъ руки Іоанна во Іорданѣ, и каждогодно потомъ совершаетъ путешествіе въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Но прошу Васъ вспомнить особенно то обстоятельство, когда Онъ самымъ сильнымъ образомъ обличалъ фарисеевъ за то, что они оставляли главное въ законѣ—правду, судъ и милость, и хранили одни внѣшнія предписанія закона. И при этомъ случаѣ Онъ всетаки замѣтилъ имъ, что *и сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять*—(Матѳ. XXIII, 23). Если же Господь училъ не оставлять и тѣхъ обрядовъ, которые были только сѣнію грядущихъ благъ и имѣли значеніе для человѣка только по силѣ своего прообразовательнаго смысла, то какая была бы дерзость большая и нечестіе съ нашей стороны, если бы мы стали пренебрегать тѣми возвышенными уставами и обрядами, основаніе для которыхъ положилъ самъ Христосъ Спаситель, учредивъ для насъ, напр., таинство крещенія и евхаристіи и прочія таинства, не только пѣстунствующія (руководящія) насъ во Христа, но и тѣснѣйшимъ образомъ съ Нимъ соединяющія! Ни на шагъ не отступая отъ ученія Христа Спасителя и руководствуясь его наставленіями, Апостолы и ближайшіе ученики ихъ постепенно расширяли богослужебную внѣшность благообразно и по чину (1 Кор. XIV, 40), и наконецъ съ теченіемъ вѣковъ создали все это величественное и стройное зданіе православной церкви съ ея уставами и обрядами и чиноположеніями, главная и существенная цѣль которыхъ и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ чтобы научить и пріучить насъ служить Господу Богу въ духѣ и истинѣ.

Прихож. Я не стану, пожалуй, спорить съ вами, батюшка, насчетъ главныхъ таинствъ и существенныхъ обрядовъ христіанской религіи, но....

Свящ. Но васъ удивляетъ, значитъ, и стѣсняетъ разнообразіе и изобиліе церковныхъ чинопослѣдованій и уставовъ? Но не такъ ли сему слѣдовало быть, когда открылась надобность изъ безчисленнаго множества вѣрующихъ христіанъ образовать

благоустроенное и организованное общество съ особеннымъ церковнымъ характеромъ, когда богомудрые отцы церкви, вдохновляемые Духомъ Святымъ, восхотѣли провести въ самое нѣдро жизни человѣческой всю полноту новыхъ и небесныхъ идей, принесенныхъ на землю Христомъ Спасителемъ? Не стѣсняться, а радоваться и любоваться надо полнотою и благолѣпіемъ нашей церковной дисциплины, которая объемлетъ всю нашу грѣшную и колеблющуюся жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ и разныхъ случаяхъ житейскихъ, и сообщаетъ ей церковно-христіанскій характеръ. Вамъ можетъ быть обольстительна кажется религіозная свобода въ лютеранскихъ обществахъ, гдѣ, что называется, вольному воля, или по другой русской пословицѣ—сколько головъ—столько умовъ, гдѣ каждый хочетъ идти своей дорогой, и изъ сокровищницы Христовой религіи беретъ только то, что находитъ подходящимъ подъ свой личный вкусъ,—это что ли вамъ нравится? Но да будетъ извѣстно, что въ настоящее время сами представители лютеранскихъ обществъ очень хорошо понимаютъ и чувствуютъ всю путаницу, которая идетъ у нихъ какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ церковной. И если—куда, то къ нимъ всего менѣе идутъ многознаменательныя слова евангельскія: *едино стадо и единъ пастырь!* (Іоан. X, 16).

Прихож. Нѣтъ, батюшка, въ споръ съ лютеранами я не намѣренъ вступать, да признаться—и самъ не считаю вовсе образцовымъ ихъ церковнаго устройства. Но мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами обстоятельнѣе о правахъ и свободѣ духа въ служеніи Богу.

Свящ. То есть, сколько я замѣчаю, вы затрудняетесь все-таки согласить нашу православную обрядность, наши уставы и правила церковныя, законность и святость которыхъ я раскрылъ вамъ по Евангелію, съ тѣмъ предубѣжденіемъ, которое крѣпко засѣло въ вашу голову, будто Богу—чистѣйшему духу нельзя иначе служить какъ тоже духомъ только, а не исполненіемъ внѣшнихъ обрядовыхъ предписаній. И потому вы хотите поставить меня на простую и естественную точку зрѣнія на вещи. Охотно послѣдую за вами; но не думайте, чтобы Господь нашъ Іисусъ Христосъ, создатель нашей природы устано-

вилъ чтонибудь въ своей церкви несогласное съ законами нашего духа и несоотвѣтственное съ нашимъ человѣческимъ достоинствомъ,—чѣмъ очевидно вы продолжаете считать церковный обрядъ и всю вообще внѣшнюю религіозную практику.

Прихож. Нѣтъ, не то чтобы..., но возьмемъ въ самомъ дѣлѣ самый высшій степень человѣческой святости, идеалъ христіанскаго совершенства, доступнаго человѣку на землѣ. Сколько мнѣ помнится, св. отцы опредѣляютъ его такъ, что это есть совершенно свободное и безстрастное, и притомъ внутреннее и и чисто духовное созерцаніе Бога,—непрерывное серафимское горѣніе. Такое состояніе не будетъ ли само собою выше всѣхъ этихъ земныхъ и вещественныхъ обрядовъ? Не могутъ ли даже оземленить и, такъ сказать, измельчить такое возвышенное благочестіе всѣ внѣшнія предписанія и уставы?

Свящ. Какъ вы ни усиливайтесь украшать и застѣнять свою мысль, она всетаки будетъ одна и та же. Однимъ словомъ вы полагаете, что обрядъ и внѣшнее правило ниже свободнаго и духовнаго служенія Богу, и потому излишне и можетъ быть даже вредно для онаго. Но я вамъ вотъ что скажу. Какъ вы ни поднимайте высоко человѣка, какъ ни одухотворяйте его дѣятельность,—она всетаки потребуетъ для себя какихъ нибудь внѣшнихъ проявленій. Духъ нашъ такъ устроенъ самимъ Господомъ, что и развивается подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, и жизнь свою выражаетъ непремѣнно въ вещественной же средѣ его окружающей, и притомъ вещественными, т. е. тѣлесными знаками. Когда при ослѣпительномъ блескѣ молніи и потрясающихъ громахъ, или при другихъ какихъ нибудь разительныхъ обстоятельствахъ въ вашей жизни, вы вдругъ почувствуете благоговѣніе и страхъ ко Господу,—ваша рука сама собою слагается для крестнаго знаменія. Когда въ сердцѣ вашемъ вспыхиваетъ сладкое чувство смиренной любви къ Спасителю,—на вашихъ глазахъ невольно заблистаетъ святая слеза умиленія, а на устахъ послышится молитва, и т. д. И если вы великихъ подвижниковъ, сбросившихъ съ себя все земное, убившихъ въ себѣ страсти и достигшихъ на землѣ серафимскаго, какъ вы говорите, горѣнія,—если вы ихъ воображаете какими-то мер-

твыми автоматами, вѣчно безмолвными и не двигающимися фигурами въ человѣческомъ тѣлѣ, то вы совершѣнно ошибаетесь. И къ чему вся эта натяжка? Чтобы основать свои мысли на чемъ нибудь солидномъ, чтобы сбросить съ себя иго церковнаго устава, вы насильственно хотите разорвать ту внутреннюю связь, которая существуетъ между душой и тѣломъ; вы какбудто вовсе желаете удалить отъ участія въ служеніи Богу необходимѣйшій органъ нашей души—наше тѣло, которое однакожъ благоволило воспріять на себя само Ѵпостасное и Вѣчное Слово Божіе. Смотрите, для того чтобы тайна нашего искупленія совершилась, для сего недостаточно было самому Господу одного простаго ходатайства за насъ грѣшныхъ предъ Отцемъ Небеснымъ; Ему нужно было облечься нашею плотію, чтобы съ нею вмѣстѣ выступить на таинственное поприще служенія роду человѣческому.

Прихож. Ну это, положимъ, такъ. Положимъ, что духъ нашъ по неразрывной связи съ тѣломъ необходимо долженъ выражать свое поклоненіе Богу въ тѣлесныхъ и вещественныхъ знакахъ. Но пусть же эти знаки будутъ плодомъ моихъ собственныхъ и свободныхъ религіозныхъ чувствъ, а не навязываются мнѣ со стороны. Я самъ для себя могу составить уставъ и создать себѣ правило.

Свящ. Итакъ вамъ хотѣлось бы выдѣлиться, такъ сказать, изъ общей толпы простыхъ и вѣрующихъ христіанъ, стоять несравненно выше ихъ, построить жизнь свою единственно на своихъ собственныхъ началахъ и правилахъ нравственности? Но не слышится ли здѣсь то-же фарисейство, противъ котораго вы сами такъ горячо возстаете? то-же желаніе быть *не якоже прочіи человѣцы*, которое обличалъ Спаситель нашъ? Признаться вамъ, у меня всегда какъ-то лучше душа лежитъ къ тѣмъ, которые, зная изъ слова Божія о немощи нашей природы и нашемъ недостоинствѣ предъ святѣйшимъ Богомъ, не выдумываютъ для себя новыхъ какихъ нибудь началъ и правилъ жизни, а съ вѣрою и любовію идутъ по той стезѣ, которую указуетъ имъ церковь. Не забудьте, что по ученію Іисуса Христа смиреніе и послушаніе есть одинъ изъ величайшихъ подвиговъ.

Вотъ же вамъ прекрасный случай поучиться этому подвигу. Подчините свою волю подъ иго церкви православной! Вы дорожите свободой своего религіознаго чувства? Но не выдумать вамъ лучшей формы для выраженія религіозныхъ чувствъ, волнующихъ вашу душу, чѣмъ какія предлагаетъ намъ церковь въ своихъ обрядахъ; не сочинить вамъ лучшихъ правилъ для жизни, чѣмъ богомудрые уставы церковные: потому что надъ составленіемъ ихъ трудились люди, глубоко изучившіе человѣческую природу, ея немощи, ея потребности нравственныя,—люди, сами стоявшіе на высокой степени нравственнаго совершенства, опытные и твердые подвижники благочестія и истинные служители Божіи. Не задаромъ они называются отцами церкви. Вотъ почему и сами равноангельные пустынники, эти свѣтильники міра, съ которыми намъ съ вами и равняться конечно нечего, почасту съ любовію спѣшили изъ своихъ сокровенныхъ дебрей въ лоно церкви, чтобы въ ея уставахъ, обрядахъ и таинствахъ занять новую силу для новыхъ и возвышеннѣйшихъ подвиговъ. А вы боитесь расположить жизнь свою по указанію церкви, не хотите идти по готовому, обдѣланному и уравненному пути, который она для васъ предлагаетъ! Полноте,—не фарисействуйте, не обманывайте самихъ себя!!

Прихож. (съ нѣкоторымъ смущеніемъ). Я вовсе не хочу фарисействовать, а напротивъ.... Но вотъ видите ли, батюшка, мнѣ напр. кажется иногда лучше молиться дома, у себя въ уединеніи,—но звонятъ въ колоколъ, и я долженъ идти въ церковь. Мнѣ почему бы то ни было неудобно и даже нельзя теперь поститься, — но нынче постный день, и я долженъ насиловать свою совѣсть, и проч. и проч. И вообще жить по программѣ, разъ навсегда установленной, отъ которой я ни на шагъ не имѣю права уклониться,—развѣ это не стѣсненіе моего религіознаго чувства? Вы конечно знаете, какъ насчетъ этого прекрасно выразился одинъ св. отецъ (позабылъ его имя): «люби,—и дѣлай что хочешь»! Вотъ помоему высокое правило христіанской нравственности!

Священ. Вы меня извините, но глубокія слова блаженнаго Августина въ вашихъ устахъ отзываются простой фразой. Если

у васъ точно есть пламенная ревность по благочестію, то уставы церкви нетолько никогда не будутъ стѣснять ее, а напротивъ будутъ восполнять ее и укрѣплять. Люби, и дѣлай что хочешь,—это значитъ: если въ сердцѣ твоемъ горитъ пламень истиннаго благочестія, то ты непремѣнно будешь дѣлать то, что заповѣдуетъ тебѣ св. церковь. Я поясню вамъ это примѣрами. Положимъ, что вы серьезную ведете борьбу съ страстями, воюющими въ чувственной природѣ нашей, стремитесь дать полную свободу безсмертному духу своему въ его стремленіяхъ къ Богу и къ небу. Въ такомъ случаѣ, скажите мнѣ по совѣсти, положа — какъ говорится — руку на сердце, — станете ли вы вздыхать и сожалѣть напр. о томъ, что вамъ тѣмъ или другимъ нельзя полакомиться? Учрежденные св. церквію посты не сойдутся ли какъ разъ съ вашими собственными жеданіями; ибо извѣстно, что постъ всегда есть лучшее лекарство противъ чувственныхъ вожделеній? Положимъ опять, что вы серьезно хлопочете о томъ, чтобы воспитать въ себѣ глубокое молитвенное настроеніе, хотите держать непрестанно свой умъ въ богомысліи или, по выраженію псалмопѣвца, *выну предзрѣть предъ собою Господа*. (Пс. XV, 8). Въ такомъ случаѣ при каждомъ ударѣ церковнаго колокола вы конечно будете чувствовать радость, а не досаду и скуку, и съ любовію поспѣшите изъ своего дома въ домъ Божій—въ храмъ молитвы, и т. д. Какое же во всемъ этомъ стѣсненіе? Напротивъ не отрадно ли всякому истинному христіанину думать, что онъ руководствуется тѣми же правилами благочестія, которыми руководствовались св. угодники Божіи? Не должно ли вдохновлять насъ и усиливать нашу свободную энергію на поприщѣ христіанскаго подвижничества одно воспоминаніе о томъ, что мы идемъ по пути уже испытанному, пройденному великими мужами и несомнѣнно ведущему ко спасенію?). При всемъ томъ уставы и обряды православной церкви не суть что нибудь роковое и неизбѣжное для всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній человѣческихъ. Для слабыхъ младенцевъ, для хилыхъ старцевъ и для людей съ разстроеннымъ здоровьемъ, св. церковь, подобно нѣжной матери, съ любовію дѣлаетъ снисхожденіе и послабляетъ свои пред-

писанія. Съ другой стороны она отнюдь не проводитъ въ своихъ уставахъ и правилахъ какой нибудь заповѣдной грани для нашей свободы, дальше которой переступать намъ воспрещается; и потому всегда оставляетъ слишкомъ много простора для нашего духа, лишь бы было въ немъ религіозное одушевленіе. Если вы чувствуете напр. желаніе наложить на себя произвольный постъ, усилить и удлиннить свои молитвы, совершить трудное и далекое путешествіе ко св. мѣстамъ, сдѣлать значительное пожертвованіе на храмъ Божій, или даже продать все свое имѣніе и раздать нищимъ — слѣдуя высшимъ евангельскимъ совѣтамъ: то для исполненія своего желанія вы не встрѣтите ни малѣйшаго препятствія въ опредѣленныхъ уставахъ и чиноположеніяхъ церковныхъ. Зачѣмъ же выдумывать какое-то не существующее рабство религіозное и жаловаться на стѣсненіе вашихъ чувствъ религіозныхъ?

Прихожан. Но представьте, батюшка, что у меня... какъ бы это вамъ сказать?... Ну просто, если у меня вовсе нѣтъ иногда желанія молиться и поститься, вѣдь это со всѣми бываетъ! Не правда ли, что я нахожусь тогда въ какомъ то натянутомъ и принужденномъ отношеніи ко всѣмъ этимъ уставамъ и обрядамъ церковнымъ? Зачѣмъ же насильно заставлять меня дѣлать то, къ чему я не чувствую въ извѣстное время ни наклонности, ни расположенія?

Свящ. Ну вотъ это походитъ на правду. Не только иногда, но почти никогда намъ не хочется ни поститься, ни на молитвѣ стоять, ни другими благочестивыми дѣлами заниматься. Такимъ образомъ вы сами договорились, что уставы и заповѣди церковныя служатъ стѣсненіемъ не для религіознаго чувства нашего, а для нашей лѣни. Ну и вы полагаете, что можно на это жаловаться? Помилуйте, можно ли человѣка, всегда влекомаго къ землѣ, слабаго, колеблющагося и всегда готоваго уснуть непробуднымъ сномъ безпечности, оставить на произволъ судьбы, и равнодушно ждать, не придетъ ли когда нибудь ему самому охота помолиться, попоститься и вообще заняться дѣломъ своего спасенія? Нѣтъ,—св. церковь, именно какъ заботливая мать, разсуждаетъ и поступаетъ гораздо, гораздо разумнѣе и лучше

васъ. Свои уставы и обряды она предлагаетъ вамъ и всѣмъ своимъ чадамъ какъ пособіе нашей немощной свободѣ, какъ всегдашнее и вѣрное средство для поддержанія нашей бодрости духовной и для предохраненія насъ отъ самозабвенія и безпечности. Вамъ не хочется молиться? Нужды нѣтъ,—а вы всетаки принудьте себя пойти въ церковь, и изъ всѣхъ силъ старайтесь войти въ духъ и характеръ церковныхъ пѣсней и молитвословій. И повѣрьте, нѣсколько опытовъ такого самопринужденія не пройдутъ для васъ даромъ. Можетъ быть невзначай какое нибудь священное слово упадетъ на вашу душу и заронитъ въ нее святую искру благочестія. Вамъ тяжелъ кажется постъ? Нужды нѣтъ,—а вы всетаки не давайте потачки своей чувственности, и терпѣливая настойчивость ваша непремѣнно вознаградится спокойствіемъ чувствъ, ясностію души и сладкимъ сознаніемъ общенія съ св. матерію нашею, церквію. Такъ и во всемъ. Принуждайте себя на каждомъ шагу. Не бойтесь этого принужденія; потому что оно наносится вамъ всетаки не совнѣ, а вами же самими, и значитъ есть чистое дѣло вашей собственной свободы. Что дѣлать, когда намъ безъ борьбы ничего не дается? Самъ Христосъ Спаситель сказалъ, что царствіе Божіе нудится. А какъ скоро вы начнете свысока смотрѣть на всѣ обряды и уставы церковные,—сейчасъ же вамъ покажется и то не нужно, и другое лишне, и третье мелочно, и какъ скоро вы станете дожидаться свободныхъ и непринужденныхъ порывовъ своего религіознаго чувства,—повѣрьте мнѣ, ничего хорошаго изъ этого не выдетъ; религіозныхъ порывовъ вы не дождетесь, и пожалуй,—чего Боже сохрани,—погрузитесь въ грубѣйшій матеріализмъ. И сказать ли вамъ, откуда проистекаютъ всѣ эти возгласы противъ обрядовъ и уставовъ церкви, и кто больше кричитъ о свободѣ религіознаго чувства и о духовномъ поклоненіи Богу?

Прихожан. Сколько я знаю, это большею частію все такъ называемые современные и образованные люди.

Священ. Въ томъ то и дѣло, что они лоскомъ современности и образованности хотятъ только закрыть свою нравственную пустоту. А вы взгляните-ка попристальнѣе на ихъ жизнь и на ихъ дѣла,—что вы тамъ увидите? Найдете ли вы ту энергію и

живость религіознаго чувства, тотъ пламень любви ко Господу, которыхъ слѣдовало-бы ожидать отъ проповѣдниковъ духовнаго поклоненія Богу? Ничуть! Итакъ отъ плодовъ ихъ познайте ихъ. Это большею частію люди ослабѣвшіе нравственно, привывшіе ко всякой распущенности и лѣни, и дальше земли и житейскаго комфорта не простирающіе своихъ цѣлей и стремленій. Они только начинаютъ духомъ, проповѣдуя о духовномъ и свободномъ поклоненіи Богу, а кончаютъ землей и матеріализмомъ, избѣгая всякаго стѣсненія для своей чувственности, уклоняясь отъ борьбы съ своими страстями и отворачиваясь отъ всего, что можетъ помѣшать ихъ беззаботной нравственной спячкѣ и религіозной апатіи. Тяжело и непріятно конечно сознаться въ такомъ нехорошемъ и болѣзненномъ состояніи своей души,—ну вотъ они и придумываютъ для успокоенія своей совѣсти разныя благовидныя отговорки, разныя эти фальшивыя теоріи, несостоятельность которыхъ я кажется успѣлъ вамъ раскрыть довольно подробно. Не обольщайтесь тѣмъ призракомъ силы и энергіи, которую обнаруживаютъ иногда эти люди на разныхъ поприщахъ жизни общественной, напр. на ученомъ, политическомъ, литературномъ и проч. Въ этомъ случаѣ ихъ дѣятельность скользитъ, такъ сказать, по поверхности ихъ духа и не касается внутреннихъ и сокровенныхъ глубинъ его,—именно нравственныхъ. И потому не ждите отъ этихъ людей ни высокихъ подвиговъ христіанскаго самоотверженія, ни теплой христіанской любви, влекущей къ себѣ сердца, ни той свѣтлой и возвышенной вѣры, которая кладетъ какую-то особенную, необыкновенно симпатичную, благородную и тк. ск. небесную печать на челѣ истиннаго христіанина. Отъ нихъ вѣетъ всегда какимъ-то отталкивающимъ холодомъ и непроходимымъ эгоизмомъ, сквозящимъ въ каждомъ ихъ словѣ и поступкѣ Вотъ вамъ настоящій образъ тѣхъ хваленыхъ современныхъ людей, которые вооружаются противъ обрядовъ и уставовъ церкви, и вотъ-тѣ сокровенныя побужденія или, выражаясь по ученому, мотивы, нечистоту и слабость которыхъ они думаютъ прикрыть безсильнымъ резонерствомъ о духовномъ поклоненіи Богу!

Прихожан. Дурные люди есть, батюшка, вездѣ. Сколько вы

ихъ найдете и въ той средѣ, которая отличается безпрекословнымъ повиновеніемъ уставамъ церкви!

Священ. Кто-же говоритъ про это? Объ неразумныхъ и недальновидныхъ ревнителяхъ однихъ только внѣшнихъ правилъ и уставовъ церковныхъ мы уже имѣли съ вами рѣчь. Но все же у этихъ людей есть хоть какой нибудь религіозный элементъ, есть желаніе угодить Богу, есть сознаніе религіозныхъ обязанностей, ограничивающихъ наши необузданныя желанія, есть даже нѣкоторая заслуга передъ Богомъ, состоящая въ этомъ именно добровольномъ подчиненіи уставамъ церкви—все равно что волѣ Божіей (если конечно сюда не примѣшивается чисто фарисейскихъ побужденій). Хоть и слѣпо, но все же идя по спасительной стезѣ св. уставовъ и обрядовъ церкви и невольно тѣ. ск. напаяясь церковнымъ духомъ, они не теряютъ надежды современемъ прозрѣть и сдѣлаться истинными христіанами. А что имѣютъ за себя предъ Господомъ Богомъ эти самодовольные и явные недруги св. церкви, насмѣшливо и горделиво попирающіе ея святые уставы и предписанія? Подобно деревамъ, засохшимъ въ самой сердцевинѣ, они никогда не произрастятъ здоровыхъ и свѣжихъ плодовъ, а развѣ одну обманчивую листву, да и то на нѣсколько времени. Не сегодня, такъ завтра они совершенно засохнутъ, если не спасетъ ихъ всесильная и всезиждительная благодать Божія.

Прихожан. (Въ задумчивости). Признаюсь вамъ, батюшка, вы открыли мнѣ глаза на дѣло. Нельзя не чувствовать всей правды вашихъ словъ и несостоятельности тѣхъ оправданій, которыми стараются защитить себя презрители церковныхъ уставовъ. Точно, что они безотвѣтны предъ Богомъ!

Священ. Да укрѣпитъ васъ Господь Богъ въ вашемъ теперешнемъ благомъ настроеніи мыслей, и да наставитъ васъ на стезю правды. Буди надъ вами благословеніе Господне и мое грѣшное! Прощайте!

РѢЧЬ

по случаю открытія земскихъ собраній въ гор. Суздалѣ для выбора членовъ уѣздной Суздальской земской управы, 7-го марта 1866 года *).

Достопочтенные мужи и собратія во Христѣ!

Объяснять вамъ важное значеніе нынѣшняго дня и настоящаго собранія было-бы излишне. Всѣ мы давно ждали земскихъ учрежденій, много объ нихъ слышали, долго разсуждали сами, и конечно всѣ до-единаго понимаемъ хорошо, по крайней мѣрѣ ту основную мысль, на которой зиждется вся система земскихъ учрежденій. Преблагословенный Государь нашъ ввѣряетъ намъ собственное наше благо, и на насъ самихъ возлагаетъ устроять это благо, какъ мы сами найдемъ это наилучшимъ,—вотъ смыслъ земскихъ учрежденій. Это мы знаемъ. И слава Господу Богу! Онъ привелъ намъ дождаться наконецъ и того дня, когда намъ остается только выбрать изъ среды себя достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ дѣятелей, чтобы затѣмъ, подъ ихъ руководствомъ, общими усиліями приняться за дѣло созиданія нашего общественнаго блага. Поздравляю васъ, достопочтенное собраніе, съ настоящимъ торжественнымъ днемъ! Вполнѣ понимаю и сердечно раздѣляю ваше торжество. Но позвольте мнѣ, какъ удостоенному чести быть вашимъ сочленомъ и сотрудникомъ, и какъ пастырю духовному, предложить вамъ одинъ, только одинъ, впрочемъ очень важный для всѣхъ насъ совѣтъ. Это не мой, не простой и обыкновенный, а Апостольскій совѣтъ. Вонмите!

Аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся въ славу Божію творите (1 Кор X, 31) Вотъ совѣтъ Апостольскій. По смыслу сего совѣта, мы и самыя простыя и обыкновенныя свои дѣла, каково напр , ежедневное принятіе пищи и питія, можемъ и должны дѣлать во славу Божію. Но у насъ, къ сожалѣнію, весьма часто случается такъ, что мы—

*) Напечатана въ 7-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдом.» за 1866 г.

совершенно вопреки Апостольскому совѣту—и самыя важныя свои дѣла замышляемъ дѣлать и дѣйствительно дѣлаемъ не въ Божію, а въ свою славу. Я чувствую на себѣ долгъ изъяснить теперь это, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы и наше теперешнее, безспорно въ высшей степени важное и государственное дѣло, дѣло избранія членовъ нашей Земской Управы, не случилось какъ нибудь не въ Божію славу, и не совершилось вслѣдствіе того неудачно, безуспѣшно и зловредно.

Не въ Божію, а въ свою славу мы дѣлаемъ что нибудь тогда, когда цѣлью нашихъ дѣйствій и предпріятій бываемъ единственно мы сами, а главнымъ двигателемъ нашей воли наше самолюбіе; когда мысль о вездѣсущемъ и всевѣдущемъ Богѣ, которому должны быть посвящены всѣ начинанія наши, ускользаетъ отъ нашего вниманія; когда предъ нашимъ сознаніемъ ясно носится только собственная наша польза, или удовольствіе, а не воля Божія благая, угодная и совершенная. И удивительное дѣло! Не догляди мы только немного за собой,—и наше самолюбіе съумѣетъ предупредить насъ, успѣетъ забѣжать намъ впередъ и въ такихъ дѣлахъ, гдѣ ему меньше всего быть надлежитъ, въ дѣлахъ касающихся не насъ только однихъ, а десятковъ и сотенъ нашихъ ближнихъ.

Такъ глубоко посѣяно въ насъ сѣмя самолюбія! Изъ-за себя и для себя мы бываемъ способны забыть интересы и пользы цѣлаго общества. Будемъ-же осторожны!... Я впрочемъ не нахожу достаточныхъ причинъ, отъ чего бы мнѣ, для ясности дѣла, не указать прямѣе на нѣкоторые случаи, гдѣ и какъ самолюбіе наше можетъ испортить важное государственное дѣло, для котораго мы собрались.

Опасность грѣха и ошибки угрожаетъ намъ съ двухъ сторонъ. Самолюбіе наше можетъ во первыхъ скрыть, или же ослабить и уменьшить достоинства тѣхъ, можетъ быть даже и по нашему сокровенному сознанію достойныхъ людей, съ которыми однако-же мы не состоимъ по чему нибудь, или не надѣемся состоять въ пріязненныхъ и теплыхъ отношеніяхъ; напр. потому что считаемъ ихъ своими соперниками, или потому что насъ раздѣляетъ съ ними общественное положеніе ихъ, или по-

тому что они мало обѣщаютъ пользы нашимъ собственнымъ какимъ нибудь расчетамъ и планамъ... Пусть каждому изъ насъ перечислитъ подобные случаи наша собственная совѣсть.

Другая опасность та, что наше самолюбіе, непримѣтно для насъ самихъ, можетъ—наоборотъ—сгладить довольно замѣтныя неровности и недостатки, равно какъ и возвысить довольно обыкновенныя достоинства въ тѣхъ особахъ, которыхъ положили имѣть въ виду собственно мы; или потому напримѣръ, что они добрые наши пріятели, или же потому, что легко надѣемся сдѣлать ихъ пригодными орудіями для собственныхъ выгодъ, или наконецъ просто потому, чтобы только положить чрезъ нихъ преграду другимъ, хоть можетъ быть и болѣе достойнымъ, но менѣе нравящимся намъ и менѣе любимымъ нами лицамъ. Во всѣхъ исчисленныхъ мною случаяхъ наши выборы будутъ,—отъ чего да сохранитъ насъ Господь,—ужъ никакъ не во славу Божію. Много ли выдетъ толку, пользы и добра изъ такихъ выборовъ, насколько они будутъ честны и достойны того великаго дѣла, къ которому зоветъ насъ Государь нашъ,—объ этомъ предоставляю судить вамъ самимъ.

Но перейдемъ еще ближе къ нашему дѣлу, чтобы окончательно выяснить совѣтъ Апостольскій. Что и какъ можетъ помѣшать нашимъ выборамъ быть во славу Божію, объ этомъ распространяться не нахожу болѣе нужнымъ. Дѣло кажется ясно. Но что именно требуется отъ нашихъ выборовъ, чтобы они были во славу Божію? То есть, чего мы по совѣсти должны ожидать и требовать отъ предполагающихся членовъ нашей Земской Управы, и какія качества главнымъ образомъ должны мы имѣть въ виду при ихъ выборѣ? Само собою предполагается, что ниодно доброе качество не можетъ быть лишнимъ или ненужнымъ для нашихъ выборныхъ; чѣмъ больше этихъ добрыхъ качествъ, тѣмъ конечно лучше. Здѣсь требуется и житейская опытность, здѣсь необходимъ и умъ зрѣлый и здравый, здѣсь чрезвычайно важно образованіе, здѣсь полезна и общественная значимость избираемыхъ особъ, и даже ихъ матеріальная сила и вѣсъ,—здѣсь все пригодно и полезно. Но, я надѣюсь, вы будете согласны со мной, если я поставлю вамъ на видъ нѣ-

которыя особенныя качества, безъ которыхъ всѣ исчисленныя должны терять въ вашихъ глазахъ всю свою силу, безъ которыхъ мы не должны и мыслить своихъ избираемыхъ. Качества эти опредѣляются сущностію нашего дѣла и современными обстоятельствами.

Изъ общественныхъ вопросовъ, стоящихъ теперь на очереди, какъ вамъ извѣстно, едвали не самый передовой вопросъ—о народномъ воспитаніи, объ улучшеніи его матеріальнаго быта и объ улучшеніи умственно-нравственнаго его развитія. За этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, земство наше, когда Господь приведетъ, должно приняться прежде всего. Такимъ образомъ, не правда ли, что отъ будущихъ членовъ своей Управы мы не только имѣемъ право, но обязаны требовать близкаго и короткаго знакомства съ нашимъ народомъ, просвѣщеннаго пониманія нуждъ его, искренней, а не напускной симпатіи къ народу, словомъ того, что мы называемъ *русскимъ духомъ* или *народностью*. Иноземщины намъ столько же не нужно, сколько тьмы и тупости. Не такъ ли?...

Но самая глубокая сторона нашего народнаго духа есть *религіозность*. Да и вообще религія есть фундаментъ, на которомъ зиждется всякое общественное благо. Бѣда тому обществу и той странѣ, гдѣ начнетъ погасать свѣтильникъ религіи! Тамъ все пойдетъ дурно, все будетъ безуспѣшно, хотя бы сотни геніальныхъ головъ работали надъ общественнымъ благомъ. Ибо духъ народный безъ религіи мельчаетъ, общественныя связи и отношенія дѣлаются матеріальными, эгоистическими и непрочными; а это суть роковые признаки разложенія политическаго. Это мы знаемъ. Такимъ образомъ самая первая и важная, и притомъ постоянная забота, которая должна проникать и одушевлять всѣ начинанія и планы нашего земства, должна состоять въ возбужденіи и распространеніи религіозныхъ началъ въ обществѣ. Значитъ быть членомъ Земской Управы, или имѣть право на эту должность, въ нашихъ глазахъ должно равняться тому, что—быть человѣкомъ религіозно-вѣрующимъ, и добрымъ сыномъ церкви православной. Иначе мы никакъ не должны воображать дѣла.

Я хотѣлъ было еще сказать вамъ нѣсколько словъ о томъ неотъемлемомъ качествѣ истинно-русскаго духа и истинно-православнаго направленія, которое издревле составляло нашу силу, нашу несокрушимую мощь народную, — именно о любви къ царю и преданности престолу; но полагаю, объ этомъ будетъ достаточно одного намека. Распространяться о любви къ царю, когда имя преблагословеннаго Александра II-го, нашего царя — освободителя и благодѣтеля, съ благоговѣніемъ и восторгомъ произносится всѣми сословіями нашего общества, считаю ненужнымъ, и особенно передъ вами, достопочтенные мужи, удостоенные особеннаго довѣрія и уваженія отъ своихъ сограждан. Безъ всякаго сомнѣнія, въ каждомъ изъ васъ горитъ неподдѣльное русское чувство любви и преданности къ престолу боговѣнчанныхъ нашихъ царей, и въ особенности къ нынѣшнему нашему великому Государю — Александру Николаевичу.

Мнѣ кажется, я достаточно изъяснилъ Апостольскій совѣтъ, примѣнительно къ цѣли нашего теперешняго собранія: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся въ славу Божію творите.* (1 Кор. X, 31). Господь же Богъ съ высоты святыя своея да благословитъ дѣло, на которое мы собрались, и да поможетъ намъ избрать изъ среды себя *мужей сильныхъ, Бога боящихся, мужей праведныхъ, ненавидящихъ гордости* (Исх. XVIII, 21). А въ знаменіе того, что съ нашей стороны все будетъ предусмотрено и по совѣсти взвѣшено для благоуспѣшности выборовъ, приступимъ къ произнесенію клятвеннаго обѣта на сіе предъ самимъ Господомъ Богомъ. Аминь.

СЛОВО

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.

(17 апрѣля 1866 г.).

Христосъ Воскресе!

Съ свѣтлымъ праздникомъ воскресенія Христова совокупилось

для насъ нынѣ и торжество о рожденіи нашего боговѣнчаннаго царя и отца. *Да возвеселится* убо *Израиль о сотворшемъ его*, да торжествуетъ весь родъ человѣческій о воскресшемъ Спасителѣ своемъ. *Сынове же сіони*,—богоизбранный народъ россійскій, *да возрадуется* еще *о царѣ своемъ*, и да воспоетъ со псаломникомъ: *Господи, силою твоею возвеселится* благочестивѣйшій *царь* нашъ—Александръ Николаевичъ, *и о спасеніи твоемъ возрадуется зѣло! Желаніе сердца его*—поставить православный народъ русскій на твердую стезю къ благоденствію,—сіе желаніе сердца *далъ еси ему*, и хотѣнія его—положить своимъ царствованіемъ для православной Россіи иного лучшаго житія начало,—сего *хотѣнія устну его нѣси лишилъ его. Положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна,... и далъ еси ему долготу дній во вѣкъ вѣка*, несмотря на дерзкія покушенія убійцъ и крамольниковъ. *Велія слава его спасеніемъ твоимъ!* (Пс. XX, 1—5). И не хотѣлось бы, благ. слушат., въ настоящія свѣтлыя минуты и съ сего священнаго мѣста, ни единымъ словомъ возмущать вашей христіанской радости и вашихъ патріотическихъ чувствъ и мыслей о славѣ великаго царя нашего. Но что дѣлать, когда настоитъ въ семъ нѣкая надобность, когда есть у насъ нѣчто такое, что болѣзненно отзывается въ сердцѣ нашего царя православнаго и мрачитъ славу поистинѣ славнаго и мудраго царствованія его? По повелѣнію Апостола, мы—пастыри церкви—должны *проповѣдывать слово, настоять во время и не во время, обличать, запрещать, увѣщевать со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ* (2 Тимоѳ IV, 2). Итакъ слово наше будетъ о той печальной особенности нашего времени, которая сама собою напрашивается на слово при всякомъ удобномъ случаѣ,—о томъ холодномъ невѣріи, о той религіозной сухости и мертвенности, которая подобно упорной язвѣ растлѣваетъ наше общество. И не перестанемъ мы говорить о сей язвѣ до тѣхъ поръ, пока силою Божіею не истребится она вконецъ въ нашемъ православномъ отечествѣ. На сей разъ, не пускаясь ни въ какія разсужденія о несостоятельности невѣрія предъ судомъ совѣсти, здраваго разума и слова Божія, постараемся по-возможности

раскрыть, откуда родилось невѣрующее направленіе нынѣшняго времени, и показать, что оно не имѣетъ въ себѣ ничего самостоятельнаго, долговѣчнаго и непоколебимаго; ибо есть одно изъ тѣхъ многочисленныхъ переходныхъ явленій, изъ которыхъ слагается исторія падшаго человѣчества и слѣдовательно жертвовать для него вѣковѣчными началами Христовой религіи, своимъ спасеніемъ душевнымъ и тѣлеснымъ,—свойственно только легкомысленной суетности.

Было нѣкогда время въ христіанскомъ мірѣ, о которомъ мы, привыкшіе ко всѣмъ благамъ гражданской и духовной свободы, не можемъ составить себѣ и понятія. Это время, называемое средними вѣками, исторія справедливо отмѣтила временемъ варварства и невѣжества. Однимъ изъ самыхъ мрачныхъ свойствъ этого времени было крайнее стѣсненіе правъ религіозной совѣсти и свободы. Нельзя безъ справедливаго негодованія читать, какимъ истязаніямъ искони фанатичное католичество подвергало средневѣковаго человѣка за его вѣру и религію. Была цѣлая школа, которая нарочито упражнялась въ изобрѣтеніи казней религіозныхъ,—таково было іезуитство съ своимъ знаменитымъ ужаснымъ судилищемъ. Всякая попытка разума къ самодѣятельной жизни считалась, совершенно вопреки евангельскому духу, оскорбленіемъ божественнаго авторитета, преслѣдовалась и истреблялась какъ преступленіе не только религіозное, но и гражданское. Такое положеніе дѣлъ не могло, конечно, долго продолжиться, и религія Христова, которая вовсе не есть религія рабства, а свободы, не могла быть безнаказанно искажаема и поругаема. Новымъ поворотомъ историческихъ обстоятельствъ средневѣковое рабство было уничтожено. Открылось полное и повсюдное царство свободы: свобода въ наукѣ, свобода въ жизни, свобода вездѣ. Но увы! падшему человѣку суждено развиваться не прямымъ путемъ поступанія впередъ, а косвеннымъ и сложнымъ путемъ заблужденій и крайностей. Обрадовавшись, такъ сказать, своей свободѣ, и живо помня, чего стоило ея пріобрѣтеніе, человѣкъ простеръ свою свободу далеко за предѣлы ему дозволенные, довелъ ее до крайности, до необузданнаго произвола, до совершеннаго самозаконія. Это случилось, какъ из-

вѣстно, послѣ лютеровой реформы. Разумъ человѣческій поставилъ выше всякаго авторитета свои умозрѣнія, и сталъ считать истиннымъ лишь то, что ему понятно и что подходитъ подъ его узкія начала.

Такъ далеко стоятъ иногда эти умозрѣнія отъ истины, что нѣтъ никакой возможности оправдать ихъ на дѣлѣ и въ жизни (такова большая часть системъ новой германской философіи),— а разумъ всетаки не хочетъ отказаться отъ нихъ, и гордый сознаніемъ своихъ свободныхъ правъ—кичитъ и возвышается, по слову Апостола, уже не только на разумъ Божій, но даже на здравый общій смыслъ. Такъ произошло религіозное невѣріе въ христіанскомъ мірѣ. Нужно сказать правду, что это есть не столько русскій недугъ, сколько иностранный; у насъ онъ не такъ всеобщъ и глубокъ, и больше въ модѣ, чѣмъ въ духѣ и жизни. Въ модѣ же потому—какъ видно, что хотятъ казаться какъ можно современнѣе, а первый признакъ современности—свобода и независимость разума. Религія Христова не только не отрицаетъ этой свободы разума, напротивъ предполагаетъ ее, когда требуетъ свободнаго подчиненія своему авторитету, свободной вѣры въ свои догматы. Но нужно, чтобы общества по собственному опыту узнали несостоятельность и непрочность ограниченной человѣческой свободы. Нужно, чтобы человѣкъ самъ пережилъ, такъ сказать, свою свободу, чтобы хорошо наконецъ увидѣлъ, какими запутанными и дурными послѣдствіями можетъ разрѣшиться для него его отдѣльная свобода, если вздумаетъ уединиться и заключиться только въ самой себѣ, и стать выше божественнаго авторитета религіи. Эту-то степень раскрытія общественно-религіозной жизни и представляетъ явленіе невѣрія въ современномъ христіанскомъ мірѣ. Это состояніе собственно переходное, и не имѣетъ своего самостоятельнаго содержанія; а потому—еслибы не прививалось къ какому нибудь другому направленію, не могло бы продолжаться долго ни въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ, ни въ цѣломъ своемъ направленіи. Довольно указать на то обстоятельство, что въ самыхъ свободныхъ протестантскихъ обществахъ стали нынѣ живо чувствовать потребность вѣры, и стараются

о возстановленіи того самаго церковнаго авторитета, который былъ у нихъ поруганъ и отринутъ. Это вызвано всѣми сознаваемою нуждою хотя сколько нибудь упорядочить нравственно-религіозную жизнь обществъ.

Но сильно помогаетъ невѣрующему направленію нашего вѣка современная жизнь нашихъ обществъ—грубая и чувственная. Неудобно и долго было бы здѣсь объяснять, какъ образовалось нынѣшнее матеріальное направленіе жизни,—замѣтимъ только кратко, что оно произведено быстрыми и необыкновенными успѣхами естествознанія. Извѣстно, что съ возрожденіемъ наукъ природа стала однимъ изъ главныхъ и любимыхъ предметовъ изученія. А по мѣрѣ того, какъ человѣкъ сталъ постигать силы и законы природы, въ немъ сильно пробудилось желаніе возобладать природою, заставить ее служить себѣ, чтобы улучшить свою земную жизнь. И понятно, какъ сильно должно было современемъ овладѣть человѣкомъ это стремленіе. И безъ того онъ погруженъ въ чувственность, тѣлесная природа и безъ того торжествуетъ надъ духомъ и влечетъ его за собою. Чего же было ожидать, когда къ услугамъ чувственности предстала цѣлая наука? Такъ возникло и въ наукѣ и въ жизни современное чувственное направленіе, и оно-то поддерживаетъ въ обществѣ это равнодушіе къ высшимъ интересамъ духа и это безразличное, либо невѣрующее отношеніе къ религіи. Современному человѣку некогда заниматься дѣлами вѣры, у него нѣтъ времени, чтобы обратить надлежащее вниманіе на существенныя потребности и обязанности христіанина. Онъ весь занятъ тѣмъ, что имѣетъ прямое отношеніе къ его чувственности, что улучшаетъ его тѣлесный бытъ. И какъ условія и потребности этого быта въ высшей степени разрослись и усложнились въ настоящее время, чему какъ мы видѣли, содѣйствовали необыкновенные успѣхи естественныхъ наукъ: то современному чувственному, изнѣженному и привыкшему къ роскоши человѣку, очень естественно—никогда и въ голову не придетъ углубляться въ духъ и жизнь христіанства,—этотъ духъ такъ далекъ и чуждъ его жизни! Или онъ просто отрицаетъ христіанство—какъ непонятное и сверхъ-естественное, или ему все равно такъ или иначе

исповѣдывать догматы, къ тому или другому принадлежать исповѣданію. Онъ знаетъ по слуху христіанство,—лишь бы не нарушался и не возмущался строй его тѣлесной жизни, лишь бы не стѣснялись права его чувственной природы!

Итакъ вообще современное религіозное легкомысліе или невѣріе есть порожденіе злоупотребленной свободы человѣка, истиннаго значенія и достоинства которой еще не вполнѣ выразумѣлъ самъ человѣкъ. А необыкновенная наклонность къ чувственному покою, развившаяся вслѣдствіе той же распущенности свободы, еще сильнѣе и крѣпче поддерживаетъ это холодное отношеніе къ христіанству, полагающему основнымъ началомъ жизни самоотверженіе и непрерывную борьбу съ чувственностію. Судите-же послѣ сего сами, благоч. слушатели, стоитъ ли увлекаться симъ направленіемъ и есть ли въ немъ что нибудь такое, на чемъ бы можно было опереться всѣмъ сердцемъ и душею человѣку серьезному, истинно-образованному и глубоко-нравственному? Прислушиваясь къ толкамъ и вдумываясь въ грубыя философскія начала нынѣшнихъ объюродѣвшихъ мудрецовъ, невольно приводишь себѣ на память слова св. Апостола, предостерегавшаго нѣкогда вѣрующихъ христіанъ, что *вкрались нѣкоторые люди.... нечестивые, обращающіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству, и отвергающіеся единаго Владыки Бога и Господа нашего Іисуса Христа* (Іуд. I, 4). И можно ли, не потерявъ здраваго смысла, тѣ свѣтлыя и чистыя струи истины, которыя льются для насъ изъ св. Евангелія, мѣнять на кладенцы истлѣнія, на ту мутную и зловонную воду, которую предлагаетъ невѣріе? Впрочемъ для тѣхъ, которые или по слабости характера, или по крайней суетности и односторонности ума своего, не могутъ стать выше предразсудковъ своего времени и тщеславятся своею религіозною пустотою,—замѣтимъ для сихъ жалкихъ людей, что нынче, кажется, и они болѣе не современны съ своимъ отрицаніемъ и невѣріемъ. Мода на то и другое, слава Богу, начала проходить въ нашемъ отечествѣ. И пора въ самомъ дѣлѣ понять этихъ пустыхъ и ничтожныхъ философовъ нашего времени, которые считаютъ себя въ правѣ быть выше всякихъ общепринятыхъ

правилъ и вѣрованій. Пора перестать закрывать высокимъ именемъ науки всякую умственную изгарь и всякую нравственную пустоту. И слава Богу: среди массы людей, которые когда-то можетъ быть гордились вольномысленнымъ направленіемъ, появляется значительное число людей благонамѣренныхъ и въ высшей степени религіозныхъ. По свидѣтельству опыта, эти люди, какъ и надо ожидать, всегда съ самымъ основательнымъ и глубокимъ образованіемъ. Итакъ постараемся такъ устроить свой образъ мыслей и свою жизнь, чтобы пора зрѣлости, трезвости во всемъ,—въ наукѣ и въ жизни,—наступила какъ можно скорѣе въ нашемъ отечествѣ. Господь будетъ намъ помощникъ. Въ особенности мы много можемъ сдѣлать домашнимъ воспитаніемъ дѣтей своихъ по началамъ народно-православнымъ и по духу вѣры Христовой. Не объ этомъ ли теперь преимущественно заботится августѣйшій монархъ? и не къ тому ли направляетъ свои реформы учебныхъ заведеній, чтобы молодое поколѣніе въ продолженіе своего воспитанія усвоивало христіанскія начала въ свою плоть и кровь?... Господи, даждь царю нашему *благословеніе во вѣкъ вѣка, и возвеселиши его радостію съ лицемъ твоимъ! Да обрящется* же *рука твоя всѣмъ врагомъ твоимъ, и десница твоя да обрящетъ вся ненавидящія тебе!* (Пс. XX, 7. 9). Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

къ воспитанницамъ владимірскаго Епархіальнаго женскаго училища, по случаю пріобщенія св. Таинъ *).

(21 іюня 1866 г.).

Вотъ и еще разъ, дѣти, Господь благоволилъ придти къ вамъ и обитель у васъ сотворить! Слава Его неизреченной милости!

*) Напечатано въ Сборникѣ Поученій, изд. при «Влад. Епарх. Вѣдомостяхъ» за 1867 годъ.

Смотря на васъ въ сіи священныя минуты, невольно привожу себѣ на память евангельскія слова о томъ, какъ Господь Іисусъ Христосъ любилъ дѣтей, какъ бралъ ихъ на руки, обнималъ ихъ, называлъ ихъ вѣрными наслѣдниками царствія Божія, и для всѣхъ насъ взрослыхъ грѣшныхъ людей поставлялъ въ примѣръ чистоту, незлобіе и непорочность дѣтской души. Вотъ и вы въ настоящій день, подобно тѣмъ евангельскимъ дѣтямъ, удостоились неизреченной милости и любви Христовой. Но вы еще счастливѣе. Господь не только благословилъ васъ, не только взялъ на руки или сказалъ нѣсколько милостивыхъ и ласковыхъ словъ, но удостоилъ васъ самой полной своей любви; ибо напиталъ васъ своею плотію и кровію, и отдалъ вамъ всего самого себя. *Ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ.* (Іоан. VI, 56), говоритъ Онъ. Значитъ, вы соединились съ Нимъ такъ близко, какъ нельзя уже больше. О, еслибы вамъ не терять никогда сей близости! Еслибы Господь постоянно любилъ васъ такъ, какъ хочетъ любить въ настоящія минуты!...

А развѣ и разлюбить можетъ? Да,—можетъ, хотя и не хотѣлъ бы этого никогда. Но вы сами можете позабыть о Господѣ и лишиться Его любви. Насчетъ этого то мнѣ и хотѣлось-бы предупредить васъ теперь и предостеречь.

Въ настоящія благодатныя минуты, когда вы только что восприняли въ себя Господа, вамъ кажется конечно страннымъ, какъ это можно потерять любовь Божію, забыть Господа, не слушать Его повелѣній и не бояться гнѣва Его? Но предупреждаю васъ,—если не примете предосторожности, все это можетъ случиться съ вами незамѣтно, понемногу и почти противъ воли вашей. Есть въ насъ какое-то дурное сѣмя, которое появляется въ насъ вмѣстѣ съ нашимъ появленіемъ на свѣтъ, ростетъ и крѣпнетъ въ душѣ нашей какимъ то незримымъ образомъ, и можетъ исподволь заглушить въ насъ самыя лучшія наши намѣренія и желанія. Видали вы конечно, какъ въ садахъ выпалываются всякія сорныя травы. Кто ихъ тамъ садилъ или сѣялъ? Никто! А между-тѣмъ только что наступитъ весенняя теплота, засвѣтитъ ярче солнышко и польются дожди,—и онѣ, эти сорныя травы, кучами начнутъ подниматься изъ земли. Посѣяны были

все хорошія сѣмена,—а начнетъ появляться и крапива, и репейникъ, и полынь, и проч., и проч.... Откуда все это берется и выростаетъ, и притомъ какбудто нарочно въ большемъ изобиліи тамъ, гдѣ посѣяны были добрыя сѣмена?!

Но посмотрите немного попристальнѣе въ свое собственное— хотя еще дѣтское, но уже не совсѣмъ безгрѣшное сердце,— не бываетъ ли тамъ чего-нибудь похожаго на эти самородныя травы? Вотъ иной разъ вы такъ благодатно и мирно себя чувствуете, такъ любите другъ друга и такъ искренно желаете себѣ взаимнаго добра и счастія; но вдругъ одну изъ васъ больше другихъ начали хвалить, больше ласкать, или награждать чѣмъ-нибудь,—и тотчасъ откуда-то совершенно непрошенное закрадывается къ вамъ непріятное чувство досады, зачѣмъ не меня, а ту хвалятъ, зачѣмъ меня какъ будто обходятъ и забываютъ. Что это? Это появляется горькая полынь зависти и недоброжелательства. Вотъ другой разъ, стоя на молитвѣ, или такъ—въ благочестивомъ настроеніи мыслей, вы давали обѣщаніе передъ Господомъ быть какъ можно добрѣе, кротче и тише,— но вдругъ, быть можетъ сейчасъ послѣ вашей молитвы и вашего обѣщанія, вамъ сказалъ кто-нибудь непріятное и обидное слово и вообще обезпокоилъ чѣмъ-нибудь,—и въ васъ тотчасъ-же вспыхиваетъ нечистое желаніе выразить свое неудовольствіе, и даже можетъ быть заплатить обидой за обиду. Что это? Это пробивается жгучая крапива гнѣва и раздражительности. Вотъ опять иной порой пробудилась въ васъ похвальная охота къ дѣлу и ревность къ точному исполненію своихъ обязанностей, и вы дали себѣ святой зарокъ съ готовностію исполнять все, что вамъ ни прикажутъ,—какъ вдругъ одно какое нибудь неожиданное приказаніе, можетъ быть нѣсколько строго выраженное, незамѣтно взволнуетъ васъ,—и появится лѣнь и откроется желаніе не исполнять приказанія. Что это? Это выростаетъ колючій репейникъ упрямства и себялюбія. И много, много пожалуй можно открыть въ себѣ подобныхъ сорныхъ травъ.

Такъ вотъ если вы, по небрежности или разсѣянности, будете позволять рости и укрѣпляться въ себѣ подобнымъ негоднымъ травамъ, — Господь можетъ лишить васъ своей ми-

лости, отступиться отъ васъ и прогнѣваться. Съ каждымъ годомъ вашего тѣлеснаго возрастанія—ростетъ и крѣпнетъ и ваша душа со всѣмъ, что въ ней есть хорошаго или дурнаго. Вотъ и надобно стараться, чтобы какъ можно больше выросло въ васъ хорошаго; а для этого смолоду вы должны заботиться очищать свое сердце отъ тѣхъ начатковъ зла и грѣха, которые подобно дурнымъ сѣменамъ начинаютъ уже всходить въ васъ. Пользуйтесь пока временемъ. Въ вашемъ возрастѣ несравненно легче можно бороться съ грѣхомъ, чѣмъ послѣ; потому что ваша душа еще нѣжна и мягка, и не можетъ крѣпко держать въ себѣ злыхъ произрастеній. Да и Господь съ своею благодатію, безъ которой мы ничего не можемъ сами сдѣлать добраго, еще близокъ къ вамъ и смотритъ на васъ любвеобильными очами отца, друга и благодѣтеля; бережетъ ваши юныя души и тѣла, и посылаетъ ангеловъ хранителей, заповѣдуя имъ сохранять васъ во всѣхъ путяхъ вашихъ.

Не забывайте же этого никогда. Держитесь крѣпче за своего Спасителя, который такъ возлюбилъ васъ и котораго вы удостоились нынче принять внутрь себя. Подъ Его защитою и съ Его помощію вы можете легко истребить въ себѣ все дурное, и пріобыкнуть ко всему святому и доброму—церкви Божіей на украшеніе, родителямъ своимъ на радость, и всѣмъ православнымъ христіанамъ въ примѣръ и назиданіе.

Нападетъ на васъ лѣность, разсѣянность и неповиновеніе? Перекрестясь и призвавъ Господа на помощь, заставьте себя сдѣлать непремѣнно то, что вамъ приказываютъ, или чего вамъ не хочется. Второй разъ вамъ уже легче будетъ это усиліе; потомъ вы поймете, какъ пріятно послушаніе, аккуратность и старательность; а наконецъ вы сдѣлаетесь такъ благонравны, и кротки, что вамъ будетъ уже неловко и трудно не слушаться и упрямиться, или сидѣть сложа руки—въ праздности и безъ дѣла. Почувствуете ли въ себѣ припадки вспыльчивости и раздражительности, или зависти и себялюбія? Опять призовите Господа на помощь, и попробуйте пересилить себя; на непріятное слово отвѣтьте кроткой улыбкой и ласковымъ словомъ. За успѣхи другихъ—говорите въ умѣ: слава тебѣ Господи; при своихъ

неудачахъ и неуспѣхахъ молитесь: Господи помоги мнѣ, Господи не оставь меня!

За такое благонравіе и благочестіе ваше Господь пошлетъ вамъ всѣ свои милости, и возраститъ въ вашихъ душахъ всѣ добродѣтели,—и будете вы цвѣсти, благоухать и зрѣть на нивѣ Божіей—въ церкви святой,—подобно прекраснымъ цвѣткамъ, доколѣ Господь не позоветъ васъ къ себѣ въ царство небесное. Аминь.

РѢЧЬ

по случаю молебствія при открытіи Владимірскихъ водопроводовъ *).

(30 августа 1866 г.).

Слава Богу, сограждане!

Благая мысль о нашихъ водопроводахъ, нужда и благопотребность которыхъ давно чувствовалась въ нашемъ городѣ, и къ удобствамъ которыхъ мы уже успѣли, можно сказать, привыкнуть въ самое короткое время,—эта прекрасная мысль, къ общему нашему удовольствію, пришла къ своему концу. Благодаря этой мысли, мы значительно облегчены въ удовлетвореніи самой первой и насущной потребности нашей ежедневной матеріальной жизни. Хвала, честь и благодарность лицамъ, задумавшимъ все это дѣло, и возревновавшимъ объ общей пользѣ и удобствахъ нашего города! Но воздавши справедливую дань уваженія и благодарности блюстителямъ и ревнителямъ нашихъ земныхъ выгодъ и интересовъ, паче всего и прежде всего надо воздать славу Господу Богу, отъ котораго исходитъ и начинается всякое благое дѣло, и безъ помощи котораго ни одинъ, хотя бы самый незамѣтный и ничтожный, шагъ нашего самоулучшенія—совершиться не можетъ. Такимъ образомъ, начавши дѣло устроенія нашихъ водопроводовъ съ благословенія Божія, съ молитвой и во славу Божію, мы весьма естественно и за-

*) Напечатана въ 18 № «Влад. Епар. Вѣдомост.» за 1866 г.

вершаемъ его теперь молитвой же и благодарственнымъ пѣніемъ къ подателю всѣхъ благъ—Господу Богу. Иначе въ православномъ народѣ и въ православномъ городѣ и не дѣлается, и не должно дѣлаться. Потому-то конечно и не удается такъ много и такъ часто повидимому самыхъ общеполезныхъ и благихъ предпріятій, что задумываютъ и начинаютъ ихъ не во славу Божію, не испросивъ, такъ сказать, предварительнаго на то соизволенія и благословенія Божія.

Сограждане! Сколько пріятно, столько же и нужно заявить вамъ, при настоящемъ случаѣ, отъ лица церкви православной, что она всегда готова сочувствовать и содѣйствовать всякому истинно полезному нововведенію и усовершенствованію, — все равно, гдѣ бы оно ни происходило, хотя бы въ области самыхъ простыхъ и ежедневныхъ нашихъ нуждъ; что она радуется всякому новому опыту общественнаго нашего самоусовершенствованія, и призываетъ на него благословеніе небесное. Это вы и видите и слышите въ настоящія минуты въ церковныхъ молитвословіяхъ. Прискорбно встрѣчать людей (а нынѣ они умножились), которые въ ожесточенной и безсмысленной злобѣ противъ церкви православной, не имѣя сказать прямо противъ нея что нибудь заслуживающее вниманія, прибѣгаютъ къ хитрымъ уловкамъ, или просто къ клеветамъ. Зная напримѣръ, по наслышкѣ, что святая церковь указываетъ постоянно на небо, какъ на главную и послѣднюю цѣль человѣческихъ стремленій, они дерзко укоряютъ ее въ односторонности, съ торжествомъ указываютъ на плодотворность многихъ общественныхъ предпріятій и гражданскихъ улучшеній, и въ пышныхъ фразахъ распространяются о великомъ нравственномъ значеніи всего этого для человѣка. Если подобные поверхностные и предубѣжденные люди воображаютъ, что они дѣлаютъ дѣло, и если они полагаютъ, что святая вѣра и церковь Христова отрицаетъ будтобы нравственное значеніе правильно благоустроеннаго гражданства для людей живущихъ въ обществѣ; то пусть они знаютъ, что они слѣпотствуютъ и юродствуютъ въ этомъ дѣлѣ. Здѣсь не время и не мѣсто для подробныхъ разсужденій объ отношеніи успѣховъ гражданственности къ нравственному совершенствова-

нію обществъ. Достаточно, если мы ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, которое впрочемъ будетъ весьма удовлетворительно для всякаго здраваго и непредубѣжденнаго смысла. Какъ вѣрно то, что всякій новый успѣхъ гражданскаго самоулучшенія можетъ облегчать и разширять способы нравственнаго самоулучшенія для общества,—потому-то конечно святая церковь и ниспосылаетъ свое благословеніе на всякій таковый успѣхъ,—такъ съ другой стороны несомнѣнно и то, что между тѣми и другими успѣхами, между успѣхами гражданственности и нравственно-религіозными успѣхами обществъ не существуетъ необходимой связи, т. е. можетъ случиться, какъ и дѣйствительно бываетъ, что быстро успѣвая на пути гражданскаго самоулучшенія, мы можемъ стоять, или идти назадъ въ нравственномъ отношеніи. Вотъ почему опять святая церковь никогда не опускаетъ случая предостерегать насъ и внушать намъ, чтобы всѣ свои матеріальныя и гражданскія улучшенія мы направляли къ одной главной и истинно достойной христіанскихъ обществъ цѣли,—къ нравственному совершенству, къ воплощенію на землѣ тѣхъ великихъ истинъ, которыя принесъ съ неба Господь Іисусъ Христосъ.

Вотъ и при настоящемъ случаѣ мы, какъ служители церкви и истолкователи ея духа, чувствуемъ надобность напомнить вамъ, сограждане, о тѣхъ многихъ неправильностяхъ и уклоненіяхъ отъ нравственнаго закона, которыя встрѣчаются въ нашемъ обществѣ, и прекращать и устранять которыя обязано прежде всего само же общество,—особенно въ настоящее время, когда земству дано столько простора и самостоятельности въ дѣйствіяхъ. Намъ думается теперь, по случаю открытія нашихъ водопроводовъ, что—вотъ еслибы наше владимірское общество, похвально заботясь о матеріальномъ своемъ благосостояніи, съ благородной энергіей и съ христіанскою любовію устремилось на подвиги своего нравственнаго улучшенія! Занялось бы напримѣръ пріисканіемъ мѣръ къ уничтоженію праздношатательства и нищенства, къ истребленію пьянства,—этихъ главныхъ источниковъ порока и разврата,—особенно въ низшихъ общественныхъ слояхъ нашихъ; озаботилось бы распространеніемъ хри-

стіанскаго просвѣщенія, облегченіемъ средствъ къ нему для возможно большаго числа гражданъ и проч. и проч....

Не вдругъ конечно все это можетъ сдѣлаться, а лишь постепенно, при неослабномъ и дружномъ содѣйстіи всѣхъ сословій; но во всякомъ случаѣ не неумѣстно въ настоящія минуты пожелать по крайней мѣрѣ того, чтобы въ насъ жило и укрѣплялось искреннее желаніе и стремленіе созидать свою общественную жизнь на нравственно-религіозныхъ началахъ; чтобы въ нашемъ древнемъ и богатомъ православною святынею городѣ Владимірѣ не исчезалъ, а умножался и возрасталъ тотъ духъ глубокаго христіанскаго благочестія, которымъ отличались наши православные предки; чтобы защитилъ насъ Господь отъ современныхъ тлетворныхъ идей, при которыхъ хотя и возможно, быть можетъ, видимое и временное матеріальное улучшеніе обществъ, но за то истинно здравая и правильная жизнь общественная невозможна. Да поможетъ намъ Господь Богъ исполнить въ семъ отношеніи задушевную мысль и желаніе нашего доблестнаго, православнѣйшаго и тезоименитаго нынѣ Государя Императора Александра Николаевича, который путемъ плодотворныхъ гражданскихъ реформъ и матеріальныхъ улучшеній хочетъ пробудить нашъ народный духъ и поднять его на религіозно-православную высоту.

ПОУЧЕНІЕ

къ воспитанницамъ Владимірскаго Епархіальнаго женскаго училища въ день Введенія во храмъ пресвятыя Богородицы *).

(21 нояб. 1866 г.).

Поздравляю васъ, дѣти, съ праздникомъ Введенія Божіей Матери, и вмѣстѣ съ пріобщеніемъ св. Таинъ! Ваше нынѣшнее свѣтлое торжество, ваши благоговѣйныя и счастливыя лица и меня наводятъ на самыя пріятныя объ васъ размышленія. Какое

*) Напечатано въ 23-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдом.» за 1866 г.

счастливое, думаю себѣ, ваше положеніе въ здѣшнемъ училищѣ! Для образованія вашего ума съ вами проходятъ разные учебные предметы, о которыхъ вы не имѣли бы дома никакого понятія. Чтобы приготовить васъ для жизни, чтобы сдѣлать изъ васъ опытныхъ хозяекъ, васъ обучаютъ разнымъ рукодѣльямъ и женскимъ ремесламъ, которыя нетолько выгодны и полезны будутъ вамъ впослѣдствіи, но и могутъ украшать вашу жизнь. А что всего важнѣе—у васъ подъ руками всѣ средства сдѣлаться нравственными и благочестивыми христіанками. Суеты и грязи житейской вы здѣсь не видите, храмъ Божій у васъ надъ головами. Какъ угодить Господу Богу,—объ этомъ вы слышите ежедневно отъ каждаго изъ своихъ учителей и воспитательницъ. Наконецъ вы каждый постъ, какъ истинныя и добрыя христіанки, приступаете къ свят. причащенію и принимаете въ себя Господа Бога. Значитъ, вамъ остается только учиться, трудиться и молиться. Къ этому принаровлена здѣсь вся ваша жизнь. Можетъ быть и изъ васъ нѣкоторыя, а можетъ быть и всѣ вы, какъ дѣти, мечтаете иногда о домашнемъ привольѣ, объ этой безпечной и шаловливой ребяческой жизни. Но подождите, поживите немного побольше,—и вы станете понимать, какъ иногда неосновательно, а подчасъ даже вредно и опасно бываетъ то, чего вамъ хочется. А вотъ, когда Господь приведетъ, кончите вы курсъ своего ученія, то помяните мое слово, какъ вы часто, м. б. со слезами станете вспоминать о прежнемъ мѣстѣ своего воспитанія. Будетъ хотѣться пожить хоть нѣсколько опять здѣшнею тихою, разумною и спокойно-религіозною жизнію,—да нельзя уже будетъ! Пользуйтесь-же теперешнимъ временемъ, запасайтесь какъ можно больше всѣмъ, чему васъ здѣсь учатъ и что вамъ внушаютъ, чтобы выдти вамъ отсюда какъ можно лучше, т. е. какъ можно образованнѣе, опытнѣе и нравственнѣе.

Берите примѣръ съ пресвятой Дѣвы Богородицы, въ честь коей устроенъ сей храмъ вашъ, и небесному покровительству которой поручены вы и все училище ваше.

И она, подобно вамъ, дѣтство и отрочество свое провела подъ кровлею храма Божія, вдали отъ житейской суеты, въ молитвенномъ безмолвіи, въ трудахъ и непрестанномъ обученіи. Бу-

дучи еще трехлѣтнею малюткою, она уже оставила домъ родительскій, чтобы всю себя отдать Господу Богу и поручить себя воспитательному водительству своихъ учителей и наставниковъ при храмѣ Соломоновомъ. Такъ и вы. Если иногда нападетъ на васъ какой нибудь духъ унынія и скуки, если станетъ ослабѣвать ваша ревность къ ученію и трудолюбію,—поднимитесь сюда въ храмъ Божій, взгляните на икону Введенія Божіей Матери и вспомните, какъ она—еще дитя—весело и радостно шла, въ сопровожденіи другихъ дѣвъ, учиться и воспитываться при храмѣ Божіемъ. Воздохните къ ней отъ сердца, призовите ее въ помощь,—и въ-мигъ пройдетъ все ваше унынie и грусть, и явится бодрость, охота къ ученію и трудолюбію.

И насчетъ того, какъ жить и учиться въ училищѣ, тоже берите примѣръ съ своей божественной покровительницы и общей нашей наставницы, матери пресвятой Богородицы. Читая житіе ея и вдумываясь въ нѣкоторыя евангельскія сказанія объ ней, видимъ, что смиренная покорность волѣ Божіей и повиновеніе своимъ воспитателямъ, а также кроткое и любвеобильное настроеніе ея безпредѣльно религіознаго духа, были отличительными чертами ея во всю жизнь, начиная съ дѣтства и до послѣднихъ дней ея пребыванія на земли. Такъ и вы. Старайтесь прежде всего быть кроткими и послушливыми; пріучите себя безпрекословно дѣлать все, что васъ заставляютъ дѣлать и въ точности исполнять все, къ чему пріучить васъ хотятъ. Повидимому не великое и не важное дѣло исполнить то, что велятъ. Но исполни разъ, исполни другой, исполни и третій,—и явится въ высшей степени важная для жизни и высокая христіанская добродѣтель—жить не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ и какъ долгъ требуетъ. Можетъ быть и половины-бы житейскихъ невзгодъ и огорченій не случалось бы съ людьми въ жизни, можетъ быть и грѣховъ противъ Бога и совѣсти они дѣлали-бы несравненно меньше, если-бы съ молоду выучивались слушаться, и послушаніемъ пріобрѣтали-бы себѣ способность побѣждать свое самолюбіе. Примите это къ свѣдѣнію.

Что же касается того, какъ между собою вамъ жить; то конечно одна любовь, ласковость и добродушіе должны быть во

всѣхъ вашихъ словахъ и поступкахъ. Этими качествами и блистала попреимуществу Матерь Божія на глазахъ ея сверстницъ, воспитательницъ и прислужницъ въ храмѣ Соломоновомъ, какъ повѣствуетъ сказаніе объ ея жизни, такъ что она была именно какъ ангелъ Божій среди людей, и ангелы Божіи приходили служить ей и бесѣдовать съ нею. О, еслибы вамъ хотя въ нѣкоторой степени уподобиться пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ—по добротѣ души, нѣжности и мягкости сердечной! Конечно вы еще дѣти, и потому какихъ нибудь рѣзкихъ грубостей, или какой либо особенно выдающейся жесткости сердечной я не предполагаю въ васъ. Но вѣдь и изъ малаго бываетъ большое. А ваши ссоры, хоть и мелкія, ребяческія, но все же ссоры, а ваши уловки свалить иногда свою вину на чужую голову, а ваши иногда замѣтныя поползновенія выхвалиться, возвысить себя и унизить сверстницу,—что все это, какъ не то малое, изъ котораго можетъ вырости пожалуй и большое зло? Такъ смотрите же, не поддавайтесь дурнымъ наклонностямъ своего сердца. Васъ теперь живетъ довольно много въ одномъ мѣстѣ; слѣдовательно всегда будетъ представляться довольно случаевъ къ разнымъ столкновеніямъ, ко взаимнымъ жалобамъ и завистливому соперничеству и т. п.,—значитъ, вамъ тутъ виднѣе наблюдать себя. Какъ только что нибудь дурное промелькнетъ въ душѣ,—сейчасъ-же и тушить его надо, съ помощью царицы небесной—вашей небесной матери и покровительницы.

Наконецъ, что касается вашихъ учебныхъ занятій и того времени, когда вы бываете въ классахъ или работаете,—то и въ семъ случаѣ да будетъ для васъ примѣромъ пресвятая Матерь Божія. Она, хотя конечно надѣлена была отъ Господа всѣми духовными дарами и умственными силами, но всетаки во время своего пребыванія и возрастанія во храмѣ Соломоновомъ, развивала ихъ прилежаніемъ и усердными упражненіями. Священное писаніе ей было вполнѣ извѣстно, но за то она и проводила въ чтеніи его большую часть времени, а усерднымъ упражненіемъ въ женскихъ рукодѣльяхъ она пріобрѣла себѣ такое искусство, что впослѣдствіи сама собственными руками могла приготовить Спасителю нешвенный хитонъ. Такъ и вы.

Къ чему сами поприлежите и чему поучитесь, въ томъ только и успѣете. При всемъ нашемъ желаніи сдѣлать васъ образованными и опытными, вы можете остаться недоучками и неопытными дѣвицами, если съ вашей стороны не будетъ старательности и вниманія. Значитъ, во время вашихъ уроковъ вы только о томъ и думать должны, какъ бы понять и усвоить то, чему хотятъ васъ научить, и отнюдь не позволять себѣ разсѣеваться мыслію и предаваться лѣни. Если-же нападетъ на васъ непонятливость, и если при всемъ желаніи вашемъ чему нибудь научиться, силъ не будете находить въ себѣ; то обратитесь съ теплою мольбою и воздохните со слезами къ пречистой Дѣвѣ Богородицѣ. Она услышитъ вашу искреннюю молитву, и непремѣнно поможетъ вамъ, если будете того заслуживать своимъ добрымъ поведѣніемъ.

Итакъ питайте къ своей начальницѣ и воспитательницамъ покорность и преданность, между собою миръ и любовь, къ учителямъ вниманіе и старательность.—Помните же это и соблюдайте! Да поможетъ вамъ царица небесная, ваша заступница и покровительница небесная. Аминь.

ВНѢЦЕРКОВНАЯ БЕСѢДА

съ прихожаниномъ о военной службѣ—по случаю рекрутскаго набора *).

Священникъ (подходя). Что задумался, другъ мой?

Прихожанинъ (уныло). Ахъ батюшка, виноватъ, я и не запримѣтилъ васъ!

Свящ. Ну скажи же, о чемъ ты такъ грустишь? вотъ ужъ нѣсколько дней я примѣчаю за тобой,—ты все ходишь такой невеселый!...

Прихож. Сами изволите знать, батюшка,—состою на очереди, и знаю, что не миновать мнѣ солдатчины.

*) Напечатана во 2-мъ № Влад. «Епарх. Вѣдомостей» за 1866-й г.

Свящ. Такъ стало быть, ты пугаешься службы Государевой, боишься трудностей ея? Я очень радъ поговорить съ тобой насчетъ этого предмета; потому что принимаю въ тебѣ искреннее участіе.

Прихож. Ради Бога—батюшка! Признаюсь вамъ въ своемъ малодушествѣ, какая-то тоска щемитъ сердце, какой-то страхъ нападаетъ!...

Свящ. Что и говорить, не легка служба военная! Но возми ты въ расчетъ, какая же служба и жизнь обходится безъ заботъ и труда? Развѣ ты, живя въ деревнѣ, не работаешь на полѣ или на гумнѣ съ утра до вечера? Труда и заботъ боятся только негодные да лѣнивые люди, которые нигдѣ не годятся,— ни въ деревнѣ, ни въ городѣ, ни въ военной службѣ. А ты у меня крестьянинъ честный и трудолюбивый. Такихъ-то и нужно Государю.

Прихож. Покорно благодарю на добромъ словѣ, батюшка. Точно, не сидѣлъ я сложа руки никогда; да все както мы ужъ больше привычнѣе къ своей крестьянской работѣ. Тяжела и она, а все лучше!

Свящ. Ну объ этомъ не стоитъ и говорить. Привыкнуть можно ко всякой службѣ; ты вѣрно другое что нибудь хочешь сказать?

Прихож. Охъ, батюшка,—одно слово солдатство! Натерпишься всего, и голоду и холоду и побоевъ всякихъ

Свящ. Ты уже слишкомъ запуганъ, другъ мой, отъ того и забираешь себѣ въ голову всякіе, небывалые даже и совсѣмъ неосновательные страхи. Завѣряю тебя — какъ священникъ, какъ отецъ твой духовный, не желающій тебя обманывать, что нынче военная служба стала далеко не такъ тяжела и сурова, какъ бывало прежде. Нынче стало совсѣмъ не то. Нынче Государь не велитъ подвергать солдатъ никакимъ побоямъ, а велитъ съ ними обходиться справедливо и ласково. Наказываютъ только тѣхъ, которые не служатъ, а баловствомъ разнымъ занимаются. Ну такихъ такъ и надо. Такъ ли?

Прихож. Разумѣется такъ, батюшка,—это что говорить!

Свящ. Холоду и голоду ты боишься? И это опять все пустое. Конечно и нынче солдату лишняго не даютъ; но Государь

нынче паче всего хлопочетъ, чтобы его воины были крѣпки, здоровы и всегда сыты. Право, какъ поглядишь, какъ живутъ нѣкоторые изъ васъ, какъ перебиваются изъ-за куска насущнаго хлѣба цѣлый горемычный вѣкъ свой,—такъ невольно поболѣешь сердцемъ. А военной службы бояться нынче нечего. Ты читалъ-ли высочайшій манифестъ о нынѣшнемъ наборѣ?

Прихож. Нѣтъ, читать не читалъ, а слышалъ только, что государь велѣлъ набирать по четыре человѣка съ тысячи. Да не будетъ-ли войны, батюшка?

Свящ. Нѣтъ, про войну пока не слышно—слава Богу! Наборъ дѣлается для обыкновеннаго пополненія арміи и флота нашего. Ну разумѣется, когда иноземныя государства узнаютъ, что у насъ полный комплектъ войска, такъ не очень-то будутъ напрашиваться на войну. А коли война будетъ неизбѣжна по какимъ нибудь обстоятельствамъ,—ну мы и готовы. Вотъ зачѣмъ наборъ объявленъ.

Прихож. А не можете ли вы, батюшка, дать мнѣ этого манифесту прочитать?

Свящ. Съ величайшимъ удовольствіемъ. Прочитай непремѣнно. Ты самъ увидишь изъ манифеста, какъ государь старается сдѣлать всевозможныя льготы народу касательно рекрутской повинности, и удалить всѣ непріятности, которымъ бывало подвергались молодые рекруты при вступленіи въ военную службу. Нынче напр., государь не велѣлъ даже вводить рекрутовъ въ рекрутскія присутствія обнаженными, не велѣлъ имъ брить лбы, запретилъ также брить и затылки и проч... Такъ и видно, какая добрая душа у государя; такъ и видно, что, принимая къ себѣ на службу людей всякаго званія и состоянія, государь беретъ ихъ подъ свое попеченіе—какъ отецъ, и начальникамъ военнымъ старается внушить, чтобы они берегли его воиновъ и уважали въ нихъ человѣческое достоинство. Какъ же не послужить такому государю?..

Прихож. О, да сохранитъ Господь Богъ на многія лѣта нашего великаго государя, нашего отца и благодѣтеля!...

Свящ. И можно ли сомнѣваться, что вѣрная и усердная служба твоя какъ-нибудь пропадетъ за такимъ мудрымъ и ми-

лостивымъ государемъ? Для храбрыхъ и вѣрныхъ воиновъ своихъ онъ не щадитъ ни казны своей, ни наградъ. Только служи царю вѣрой и правдой,—а за нимъ служба, все равно что за Богомъ молитва, никогда не пропадетъ. Да и службу-то самую государь сократилъ нынче почти на половину противъ прежняго. Послѣ пятнадцати лѣтъ службы—получивши честную отставку, ты можешь снова вернуться на родину къ родимой семьѣ своей и къ своимъ прежнимъ мирнымъ занятіямъ сельскимъ. Честныхъ служакъ своихъ, уволенныхъ въ чистую, государь повелѣлъ снабжать землей, если они того пожелаютъ, для потерявшихъ на службѣ здоровье открылъ богадѣльни, для не могущихъ трудиться назначаетъ денежныя пособія и проч. Чего же тебѣ бояться очень, чего горевать и тосковать?..

Прихож. Благодарю васъ батюшка; слушая васъ, какъ-будто легче и отраднѣе себя чувствую. Но вотъ въ чемъ моя бѣда,—у меня есть семейство—какъ сами изволите знать; оно-то меня и крушитъ. Погляжу на жену,—ходитъ словно убитая; погляжу на малыхъ ребятишекъ,—у самого тебя такъ вотъ и заноетъ душа!

Свящ. Сочувствую тебѣ—душа моя, и жалѣю отъ всего сердца, а всетаки Боже тебя сохрани предаваться отчаянію и безутѣшной тоскѣ! Дѣйствительно, великъ тебѣ предстоитъ подвигъ; но помни, что не тебѣ одному онъ назначенъ,—его раздѣлятъ съ тобою можетъ быть очень и очень многіе твои собратья, которые можетъ быть гораздо благодушнѣе и бодрѣе твоего идутъ навстрѣчу своему подвигу. Пріободрись и ты.

Прихож. Подкрѣпите же меня—батюшка своимъ разумнымъ словомъ и не оставьте вразумленіями. Не могу я никакъ сладить съ своимъ сердцемъ.

Свящ. Ну и дай ему немножко потужить и погоревать; а самъ между прочимъ обратись къ своему уму и разуму, и обсуди хорошенько свое положеніе. Для того Господь и далъ намъ разумъ, чтобы мы не падали духомъ, когда сильно затоскуетъ въ насъ сердце. Самое первое держи въ умѣ своемъ то, что подвигъ твой совершенно необходимъ для твоего отечества, для царя и для вѣры православной. Если бы всѣ захотѣли ду-

мать только объ себѣ, хлопотать объ своей пользѣ, ходить только около косули да бороны, да жить дома съ своими семьями,—такъ ты посуди, чтобы изъ этого всего вышло? враги наши, какъ во́роны, бросились бы на беззащитную землю нашу, и грабили бы ее да расхищали—какъ только душѣ угодно. А при этомъ могли ли быть безопасны наши семьи, наше добро, наши жилища и наши труды? Все пошло бы прахомъ, и весь порядокъ бы рушился въ государствѣ. А что сталось бы съ самымъ дорогимъ нашимъ сокровищемъ, съ вѣрой православной и церквію Божіею? Какіе нибудь басурманы пришли бы въ святую Русь нашу, разорили бы храмы Божіи, и насъ бы пожалуй обратили всѣхъ въ свою вѣру. Но теперь никто и ничего не посмѣетъ намъ сдѣлать; потому-что у насъ есть храброе и христолюбивое воинство, въ ряды котораго и ты готовишься поступить. Такимъ образомъ, разставаясь съ своей маленькой семьей, ты помни, что вступаешь на службу цѣлому родному своему государству и святой вѣрѣ православной. Какая благородная служба! Какой высокій подвигъ!

Прихож. (воодушевляясь). Эхъ, кабы не одно только!...

Свящ. Какой ты славный человѣкъ—Петръ, и какой изъ тебя выдетъ прекрасный воинъ! Едва я заговорилъ тебѣ о долгѣ и чести, о службѣ царю и отечеству,—какъ ты готовъ уже позабыть о своемъ горѣ,—вотъ это истинно порусски! Но я вижу, что ты все еще колеблешься?... Тебя безпокоитъ участь твоей семьи.... Но помилуй, развѣ ты оставляешь ее среди какихъ нибудь дикихъ звѣрей, а не людей? развѣ дѣти твои должны непремѣнно безъ тебя погибнуть и пропасть? Сохрани Богъ,—ничего этого не будетъ! У твоей семьи остаются еще родственники, да и міръ не оставитъ безъ призора твою жену, а дѣтямъ дастъ пріютъ и помощь. Зачѣмъ же такъ печально смотрѣть на будущее?

Прихож. Я и хотѣлъ бы не смотрѣть,—да никакъ не могу. Иной разъ какъ-будто ничего, сердце маленько поуляжется,—и тоска поспадетъ, но потомъ вдругъ опять раздумье возьметъ,—и еще пуще разгорююсь!

Свящ. Послушай—Петръ, если и волосъ съ головы нашей

не падаетъ безъ воли Отца нашего Небеснаго, если Онъ смотритъ за нами постоянно какъ за малыми дѣтьми,—такъ безъ всякаго сомнѣнія по Его же святой волѣ и тебѣ и семейству твоему выпадаетъ такой жребій. Повѣрь мнѣ, что коли Господь повелѣлъ тебѣ идти въ государеву службу,—такъ ужъ Онъ знаетъ что дѣлаетъ, и не опасайся,—семейства твоего не оставитъ Онъ такъ—задаромъ и безъ всякаго попеченія, потому что Онъ милосердый и птенцовъ врановыхъ бережетъ. Не *вы ли паче лучши ихъ есте?* (Матѳ IV, 26) утѣшаетъ насъ Онъ самъ.

Прихож. Ну такъ буди во всемъ Его святая воля!

Свящ. Вотъ это такъ, вотъ это истинно похристіански! Знаешь ли, какъ Господь учитъ всѣхъ насъ самоотверженію и благодушной покорности Его святой волѣ? *Иже любитъ отца или матерь паче Мене*—говоритъ Онъ,—*нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. X, 37). Это значитъ: любовь ко Господу Богу и повиновеніе Его святой волѣ должны быть въ насъ выше и крѣпче всего, и побѣждать всякую естественную нашу привязанность. Такимъ образомъ—Господа ради оставляя свою семью, и вступая въ службу государеву благодушно и безропотно, ты поступишь какъ истинный ученикъ Христовъ. Какая честь, какой свѣтлый и высокій жребій христіанскій!...

Прихож. Каюсь вамъ, батюшка,—не мнѣ эта честь; хоть устами я и покорился какъ-будто волѣ Божіей, а на душѣ все что-то не то: тамъ—какъ-то не выходитъ у меня Господа-то ради,—какъ вы говорите. Думаю себѣ, кабы не неволя, да не начальство.... Эхъ, что и говорить про это!

Свящ. Но повинуясь начальству, ты кому же повинуешься, какъ не самому Господу Богу? *Нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII, 1).

Прихож. Такъ батюшка, но если я власти-то повинуюсь не охотно и не добровольно?

Свящ. А желалъ бы?

Прихож. О, конечно!

Свящ. Ну и прекрасно! за одно это твое желаніе послужить вѣрой—правдой своему государю Господь пошлетъ тебѣ со-вре-

менемъ духъ силы и крѣпости, и даруетъ свободную любовь и охоту къ своей службѣ. Такимъ образомъ служба твоя будетъ имѣть силу добровольнаго подвига въ очахъ Божіихъ. Господь и все такъ съ нами поступаетъ. Пошлетъ намъ какое нибудь испытаніе,—мы и начнемъ отнѣкиваться, скорбѣть и роптать. Потомъ вдругъ вспыхнетъ въ сердцѣ какая нибудь крошечная искорка любви ко Господу,—и мы тотчасъ беремся за умъ и смиренно возлагаемъ на себя крестъ, посланный намъ провидѣніемъ.... Но вотъ что было бы нечестиво и богопротивно съ твоей стороны. Если бы напр. ты вздумалъ (чего избави тебя Боже!) уклоняться вовсе отъ государевой службы, и для сего рѣшился бы прибѣгнуть къ какимъ нибудь отвратительнымъ средствамъ....

Прихож. (тревожно). Это вы насчетъ чего?

Свящ. Насчетъ того, что нѣкоторые изъ васъ неразумные и малодушные иногда нарочно искажаютъ себя и портятъ себѣ разные члены, вырываютъ напр., зубы, отрубаютъ пальцы и тому подобныя дѣлаютъ низости, чтобы только избѣжать военной службы.

Прихож. (съ негодованіемъ). Да покараетъ меня Господь Богъ, если я только вздумаю.... Какъ это можно? что вы это говорите—батюшка?

Свящ. До какой степени низко и богопротивно такъ поступать, самъ ты понимаешь и видишь ... Да я не для тебя собственно это говорю, а такъ — къ слову только пришлось.... Нѣтъ—другъ мой, коли Господь зоветъ кого въ военную службу,—ступай и не прекословь! А станетъ кто на хитрости да на низости пускаться,—не будетъ тому счастья на этомъ свѣтѣ, а на томъ и подавно Господь накажетъ строжайшимъ образомъ!. .

Прихож. Оборони Господи всякаго человѣка отъ этакого сраму и грѣха!

Свящ. Еще нечестивѣе и богопротивнѣе поступаютъ тѣ, которые убѣгаютъ изъ службы, уже поступивши въ нее и произнесши присягу на вѣрность государю. Клятвопреступникъ,— какъ ужасно одно это слово! Измѣнникъ государю, постыдный

бѣглецъ, отверженный сынъ церкви Божіей, негодный членъ общества,—какъ все это ужасно!

Прихож. Спаси и сохрани только Господи!... .

Свящ. А между тѣмъ вѣрныхъ сыновъ престола, церкви и отечества—Господь и здѣсь не рѣдко осыпаетъ всякими милостями, а въ будущей жизни готовитъ имъ свѣтлые вѣнцы!

Прихож. Не забывайте меня батюшка въ своихъ святыхъ молитвахъ передъ престоломъ Божіимъ,—чтобы Господь подкрѣпилъ меня въ моемъ подвигѣ, какъ вы называете военную службу.

Свящ. Кромѣ того, что мой долгъ молиться за своихъ духовныхъ дѣтей, помни Петръ, что и вся церковь православная ежедневно молится о своемъ христолюбивомъ воинствѣ, слѣдовательно будетъ молиться и за тебя. Какъ все это должно воодушевлять тебя и ободрять!

Прихож. Благодарю васъ—батюшка! ваша теплая и истинно христіанская бесѣда такъ меня успокоила, что я теперь готовъ хоть сей-часъ въ службу царскую. Не побоюсь — кажется — и животъ свой положить за царя, за вѣру и отечество....

Свящ. Да Петруша, можетъ быть тебѣ и въ самомъ дѣлѣ придется положить животъ свой на службѣ. Не страшись и этого. Будь вѣренъ солдатской присягѣ, которую будетъ слушать изъ устъ твоихъ самъ Господь Богъ. Помни, что Онъ сказалъ въ своемъ евангеліи: *больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан.—XV, 13). Значитъ—какая же награда будетъ на небесахъ всѣмъ, за вѣру и отечество животъ свой положившимъ,—на брани-ли то, или при другомъ какомъ случаѣ?... Таковые причтены будутъ къ лику мучениковъ. Прощай же—другъ мой, и не забывай моихъ совѣтовъ,—они вылились у меня прямо изъ души и сердца! Да спасетъ тебя Господь своею благодатію, и да укрѣпитъ сердце твое въ тѣхъ высокихъ чувствахъ преданности и любви къ царю и отечеству, которыми оно наполнено въ настоящія минуты—къ моему истинному удовольствію и утѣшенію!!

Прихож. (растроганный). Благословите же меня — батюшка!

Свящ. (благословляя). Послѣдній тебѣ мой совѣтъ и предо-

стереженіе.... Предурной еще обычай есть у новобранцевъ въ военную службу—предаваться пьяному разгулу и мотовству на прощаньи съ родиной и при вступленіи въ службу. Кромѣ того, что молодому рекруту всего нужнѣе беречь копѣйку про черный день, кромѣ того—что пьянство и дикій разгулъ всегда есть дѣло противное людямъ и мерзкое въ очахъ Божіихъ,—въ новоизбранномъ воинѣ онъ еще какъ-то хуже; потому что показываетъ своего рода трусость и слабость души. Боится человѣкъ прямо пойти навстрѣчу своей судьбѣ, робѣетъ своего новаго положенія,—ну и давай отуманивать себя водкой, давай заливать свою трусость одуряющими напитками! Но хорошо ли это, честно-ли, похристіански ли это? Ради Бога Петруша,—не дозволяй себѣ ничего подобнаго, и другихъ невѣждъ вразумляй изъ своей братіи. На службу царю, отечеству и вѣрѣ православной надо вступать спокойно, трезвенно, съ непоколебимою рѣшимостію, съ вѣрой и надеждой на Господа Бога,—а не закрывши глаза и съ отчаянія махнувши на все рукой. Христіанину и вѣрному слугѣ отечества—нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ ребячиться не приходится. Ну прощай Петръ,—и Господь тебя благословитъ!

ПРИВѢТСТВЕННАЯ РѢЧЬ

воспитанницамъ Владимірскаго Епархіальнаго училища на двухгодичномъ актѣ онаго *).

(12 февраля 1867 г.).

Итакъ дѣти, по милости Божіей, вы два года уже прожили въ здѣшнемъ училищѣ, и вотъ теперь переходите изъ низшаго въ средній классъ. Поздравляю васъ и вмѣстѣ съ вами благодарю Господа Бога за Его неизреченныя милости ко всѣмъ намъ грѣшнымъ. Ибо, по Его милости конечно и устроенъ и стоитъ

*) Напечатана въ 5-мъ № Влад. Епарх. Вѣдом. за 1867 г.

сей образовательный и воспитательный пріютъ вашъ; по Его же милости вы благоуспѣшно возрастали здѣсь, развивались и укрѣплялись ваши тѣлесныя и духовныя силы; по Его же милости и всѣ мы живемъ, движемся и существуемъ. Все по милости Божіей, и все отъ Господа Бога. Итакъ слава и благодареніе Господу Богу, хранившему и укрѣплявшему васъ во всю вашу прошедшую жизнь, и благословлявшему учебные труды ваши въ прошедшіе два года возрастанія вашего подъ мирною и благодѣтельною кровлею сего училищнаго дома! Душевно сочувствуя вашему нынѣшнему торжеству и радуясь переходу вашему въ высшій классъ, мнѣ хотѣлось бы дѣти подѣлиться съ вами нѣкоторыми собственными моими мыслями и совѣтами.

Желалось бы вопервыхъ обратить ваше вниманіе на то, какъ непримѣтно, но вмѣстѣ быстро идетъ время вашего возрастанія. Давно ли кажется мы вмѣстѣ съ вами праздновали открытіе нашего училища, давно ли вы явились сюда такими неразвитыми и несвѣдущими малютками,—а вотъ теперь вы смотрите уже замѣтно подросшими дѣтьми, съ нѣкоторыми новыми и уже серьезными привычками, и съ нѣкоторыми не столь уже дѣтскими стремленіями. Такъ тому и слѣдуетъ конечно быть. Но вотъ день за днемъ, недѣля за недѣлей,—и не увидите, какъ пройдутъ тѣ не многіе годы вашего воспитанія, которые остается вамъ здѣсь прожить, и не замѣтите, какъ приближится та рѣшительная минута выпуска вашего отсюда, когда откроется предъ вами необозримая ширь и даль серьезной, многотрудной и многомятежной жизни дѣйствительной. Все это я къ тому говорю вамъ, что, перешедши въ новый классъ, вамъ надобно удвоить свои труды, свою внимательность къ учителямъ и воспитателямъ, свою старательность о себѣ и о своемъ образованіи. Все усвоенное вами здѣсь, всякое знаніе, всякій добрый навыкъ, всякая полезная кроха въ высшей степени пригодятся вамъ впослѣдствіи. Вѣрьте мнѣ, что чѣмъ больше вы вынесете изъ училища умственнаго и нравственнаго запаса, т. е. чѣмъ образованнѣе и добродѣтельнѣе вы здѣсь сдѣлаетесь, тѣмъ лучше, счастливѣе и легче потечетъ ваша будущая жизнь, и тѣмъ больше пользы и добра произойдетъ отъ васъ и для дру-

гихъ людей. Какъ это вамъ будетъ пріятно, и какая заслуга для васъ будетъ отъ сего предъ Господомъ Богомъ! Не въ первый разъ конечно вы слышите все сіе отъ меня, но я повторяю и нарочно выставляю сіе вамъ на видъ теперь въ той увѣренности, что, переходя въ новый классъ и значительно подвинувшись къ опредѣленному сроку вашего воспитанія, вы съ особеннымъ участіемъ выслушаете мое наставленіе и постараетесь приложить его къ дѣлу.

Но кромѣ заботы и старанія объ себѣ, Господь съ нынѣшняго новаго года налагаетъ на васъ новую обязанность заботиться и о вашихъ новыхъ соученицахъ, поступившихъ и еще имѣющихъ поступить на ваше мѣсто въ первый классъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи онѣ поступаютъ подъ вашу опеку и подъ вашъ надзоръ, потому что большую часть своего времени онѣ будутъ проводить вмѣстѣ съ вами. Примите же ихъ и руководствуйте какъ старшія сестры своихъ младшихъ сестеръ. Важнѣе всего будетъ для нихъ вашъ примѣръ. Все, что вы будете дѣлать, и чѣмъ вы станете заниматься, тому и онѣ конечно начнутъ подражать и станутъ перенимать у васъ. Это обстоятельство съ одной стороны должно внушать вамъ постоянную осторожность и боязливость, какъ бы не подать дѣтямъ въ чемъ нибудь худаго примѣра, и такимъ образомъ не отвѣтить за нихъ,—а съ другой стороны должно утѣшать васъ, что вотъ Господь Богъ открываетъ вамъ первый случай и первую возможность передавать и другимъ то доброе, что вы по милости Его сами уже знаете и чему научились въ здѣшнемъ заведеніи. Постарайтесь своимъ ласковымъ и родственнымъ обращеніемъ облегчить для нихъ горесть разлуки съ своими родными и домашними. Одушевляйте и ободряйте ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Что для нихъ покажется непонятно,—объясните имъ и растолкуйте, что непривычно,—къ тому пріучите и пріохотьте своимъ примѣромъ, что трудно,—облегчите своимъ пособіемъ. Вспомните и по себѣ поймите, какъ много значитъ дружеское и ласковое слово для дитяти, прямо изъ роднаго дома поступающаго въ школу. Учитесь такимъ образомъ жить не для себя только, но и для другихъ; навыкайте понемногу сей высокой, драгоцѣнной и

истинно христіанской добродѣтели, т. е. самоотверженію и любви къ своимъ ближнимъ. За сіе благонравіе и за сіе теплое участіе къ вашимъ меньшимъ сестрамъ Господь пошлетъ вамъ свою особенную милость, и даруетъ вамъ преуспѣяніе въ вашемъ собственномъ развитіи и образованіи.

Надъ всѣми же вами и нами и надъ домомъ симъ да пребудетъ благословеніе Господне, того благодатію и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!

СЛОВО

въ день рожденія благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(17 Апр. 1867 г.).

Въ настоящій свѣтлый день, въ честь великаго и благословеннаго преобразователя нашего общества, прилично предложить вамъ, слушатели, съ сего священнаго мѣста въ назиданіе слова апостола: *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ.... се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. VI, 1. 2). Какъ апостолъ для убѣжденія указывалъ Коринѳянамъ на особенныя обстоятельства своего времени, такъ сдѣлаемъ и мы.

Въ наше время, въ нашемъ обществѣ наступаютъ тоже новые порядки, выясняются понятія о достоинствѣ человѣка, о достоинствѣ нравственной жизни. При свѣтѣ просвѣщенія обличаются наши застарѣлыя язвы и предразсудки, открылась повсюдная жажда просвѣщенія и явилась благородная ревность къ подвигамъ чести и долга. Когда—говоримъ, какъ не теперь, всего приличнѣе повторить апостольскія слова: *се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія...?* Но св. апостолъ Павелъ, не ограничиваясь однимъ совѣтомъ и увѣщаніемъ къ подвигамъ благочестія, показалъ для своихъ учениковъ въ своемъ примѣрѣ и путь къ

*) Напечатано въ приложеніи къ 11-му № Влад. Епарх. Вѣдом. за 1867 г.

этимъ подвигамъ, и правило, какого нужно держаться, чтобы не уклоняться отъ этого спасительнаго пути.

Какой же это путь и что это за правило? Приникнемъ къ апостольской проповѣди! ....

«*Во всемъ представляюще себе якоже Божія слуги, въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбѣхъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ, въ трудѣхъ, во бдѣніихъ, въ пощеніихъ, во очищеніи, въ разумѣ, въ долготерпѣніи, въ благости, въ Дусѣ святѣ, въ любви нелицемѣрнѣ* (ст. 4. 5. 6). Итакъ путь къ нравственному совершенству апостолъ Павелъ указуетъ тотъ же самый, какой одинъ разъ навсегда указанъ подвигоположникомъ и начальникомъ нашего спасенія,—это узкій и тернистый путь креста и самоотверженія. «*Аще кто хощетъ по Мнѣ идти*, сказалъ Господь, т. е. кто хочетъ идти къ нравственному совершенству, *да отвержется себе* (Лук. IX, 23), т. е. пусть откажется отъ своего самолюбія, умертвитъ свою чувственность или по выраженію апостола, *распнетъ плоть со страстми и похотьми*» (Гал. V, 24)

Слова Господа и слова апостольскія показываютъ намъ съ одной стороны то, что самолюбивыя стремленія оземленившейся и оплотянѣвшей природы нашей служатъ первоначальнымъ источникомъ нравственнаго зла, главною задержкою и самымъ сильнымъ препятствіемъ на пути нравственнаго усовершенствованія; а съ другой стороны то, что нѣтъ другаго средства устранить и уничтожить это препятствіе, кромѣ нравственнаго самоумерщвленія, предполагающаго долгую и ожесточенную борьбу съ самолюбіемъ, со страстями и похотями своей чувственности. Это главныя и основныя положенія христіанскаго нравоученія.

Потому распространяться объ нихъ было бы излишне, и мы напоминаемъ ихъ потому собственно, что при нынѣшнемъ напряженномъ и спѣшномъ стремленіи нашего общества къ нравственному совершенству, создаются неправомыслящими другія правила, другія начала нравственности, а вслѣдствіе этого и средства къ нравственному совершенствованію предлагаются другія, чѣмъ тѣ, какія предлагаетъ евангеліе, т. е. вмѣсто истинныхъ и вѣрныхъ выдумываются ложныя и безполезныя. Вотъ основныя по-

ложенія современной нравственности: «разумное и глубокое сознаніе того, что внушаетъ долгъ и честь, достаточно сдѣлать нравственнымъ какъ одного человѣка, такъ и цѣлое общество. Потому какъ можно больше нужно заботиться о распространеніи просвѣщенія въ обществѣ; потому что просвѣщеніе, развивая самоуваженіе, необходимо заставитъ уважать и строго исполнять предписанія долга и чести. Что же касается чувственныхъ потребностей и стремленій, такъ сильно дѣйствующихъ въ человѣческой природѣ и такъ широко разросшихся въ наше время; то излишне было бы ихъ стѣснять и ослаблять, достаточно привесть ихъ въ соотвѣтствіе со способами ихъ удовлетворенія. Это выражается на современномъ научномъ языкѣ: потребности общественныя должны быть въ равновѣсіи съ общественными средствами. Можно значитъ сказать, что лучше нужно заботиться объ умноженіи средствъ въ обществѣ, чѣмъ о сокращеніи его матеріальныхъ потребностей». Что сказать обо всемъ этомъ? Никто конечно не станетъ отрицать важности и необходимости общественнаго просвѣщенія, или утверждать безполезность улучшенія въ гражданскомъ быту. Но глубоко сочувствуя современнымъ стремленіямъ и понятіямъ о долгѣ и чести, и весьма уважая благородную цѣль нашихъ общественныхъ улучшеній, нельзя только не замѣтить съ крайнимъ прискорбіемъ, что существенныхъ-то плодовъ отъ всего этого видится далеко не много. Отдѣливши малочисленную горсть людей истинно благородныхъ и самоотверженныхъ, которые зато и держатся не выдуманныхъ какихъ-нибудь, а христіанскихъ и евангельскихъ началъ нравственности, отдѣливши этихъ людей, увидимъ опять во всѣхъ классахъ общества то же зло, тѣ же пороки, противъ которыхъ вооружается само общество. Нѣтъ спора, что нынче громко говорятъ о долгѣ и чести, иногда очень даже задушевно и убѣдительно. Но это-ли плоды просвѣщенія? Того ли требуетъ отъ насъ Богъ? Того ли хочетъ государь, великій и благословенный преобразователь нашего общества? Онъ хочетъ не словъ, а дѣлъ, не лести, а правды, сердечнаго убѣжденія и плодотворной дѣятельности, т. е. того, чего именно недостаетъ намъ. Чѣмъ же объяснить это? А вотъ именно тѣмъ, что мы не хотимъ идти по то-

му пути усовершенствованія, какой предлагаетъ намъ евангеліе. Намъ хочется выдумать путь полегче и попроще, такъ-чтобы дѣло обходилось безъ борьбы и жертвъ. Мы думаемъ, что довольно такъ или иначе поставить общество, такое или иное дать ему направленіе, напр. посредствомъ просвѣщенія, и ужъ оно, само пойдетъ по этому направленію. А между тѣмъ на дѣлѣ-то вовсе не такъ. На дѣлѣ открывается что-то странное и непостижимое съ обыкновенной точки зрѣнія. Какъ бы человѣкъ образованъ ни былъ, какъ бы ни строги и ни ясны были его понятія о долгѣ и добродѣтели, всегда ему приходится бороться съ собой, принуждать себя и насиловать, что-бы быть добродѣтельнымъ и строго честнымъ на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только. Эту странность объясняетъ намъ слово Божіе растлѣніемъ и порчею человѣческой природы, которая какъ печальное наслѣдство передается отъ одного человѣка къ другому путемъ естественнаго рожденія. И если мы не всегда ясно сознаемъ въ себѣ порчу и раздвоенность своей природы, не чувствуемъ въ себѣ борьбы добра со зломъ: то это потому, что послѣднее большею частію торжествуетъ надъ первымъ.

Тѣмъ не менѣе всякому человѣку непремѣнно приходилось испытывать такія состоянія, когда борьба началъ добраго и злаго выступала въ немъ съ такою яркою наглядностію, что онъ готовъ былъ повторять съ апостоломъ: *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея!* (Рим. VII, 24.). Все это мы къ тому говоримъ, что просвѣщеніе само по себѣ не можетъ быть ни ручательствомъ общественной нравственности, ни прямымъ средствомъ къ улучшенію ея. Оно есть только вспомогательное средство.

Гдѣ же главное и прямое средство? Въ чемъ тайна, отъ которой зависитъ успѣхъ нравственнаго совершенствованія какъ отдѣльныхъ людей, такъ и обществъ? И если путь нашего нравственнаго совершенствованія—неизбѣжно есть путь самоотверженія и борьбы съ собственной растлѣнной природой, то гдѣ взять силъ для этой борьбы?... *Безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. VI, 5), на сіе отвѣтствуетъ намъ Господь. *Будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ. Якоже розга не можетъ плода сотво-*

рити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во мнѣ не пребудете! (Іоан. XV, 4. 5). Итакъ вотъ гдѣ тайна нашего совершенствованія. Надо привиться, подобно вѣтви, къ источнику жизни и къ совершителю нашего спасенія,—тогда мы *вся возможемъ о укрѣпляющемъ насъ Іисусѣ Христѣ* (Филип. IV, 13). А чтобы быть плодотворною вѣтвію о Христѣ Іисусѣ, надо быть живымъ членомъ Его церкви; потому что въ нее, какъ въ сокровищницу, Господь положилъ все богатство благодати своей, учредивъ таинства—какъ проводники сей благодати, и поставивъ совершителей таинствъ—пастырей и учителей. Такимъ образомъ слово наше сводится къ слѣдующему умозаключенію: поелику нравственное усовершенствованіе невозможно безъ жертвъ и безъ самоотверженной борьбы съ самимъ собою, и такъ-какъ силы для этой борьбы человѣкъ почерпаетъ въ таинственномъ союзѣ со Христомъ Спасителемъ, а этотъ союзъ заключается и закрѣпляется только въ церкви: то выходитъ, что никакое въ истинномъ смыслѣ понимаемое усовершеніе ни обществъ, ни отдѣльныхъ личностей—внѣ вѣры и церкви Христовой не можетъ быть успѣшно.

Въ самомъ дѣлѣ—всѣ наши усиленныя старанія о долгѣ и добрѣ, благородныя и похвальныя сами по себѣ, не отъ того-ли большею частію остаются безъ плода и пользы, что лишены христіанскаго характера? Отчего напр., всѣ законодательныя и даже полицейскія мѣры къ истребленію корыстолюбія и лихоимства никакъ не могутъ истребить этого зла? Отъ того, что не достаетъ самимъ членамъ общества собственнаго нравственнаго подвига, что у насъ нѣтъ терпѣнія, что мы не способны на самоотверженіе,—словомъ, что мы плохіе христіане, и нѣтъ у насъ ничего такого, что бы давало не только свѣтъ уму, но и сообщало жизнь цѣлой нашей душѣ. Отчего опять всѣ усилія общества уничтожить непріязненныя отношенія между сословіями и ввести уваженіе не столько къ родовымъ и наслѣдственнымъ преимуществамъ, сколько вообще къ человѣку—къ его личнымъ достоинствамъ и заслугамъ,—отчего эти усилія до сихъ поръ не имѣютъ желаннаго успѣха? Оттого, что нѣтъ въ насъ духа Христова, что христіанская нравственность намъ незнако-

ма, что недостаетъ намъ евангельскаго самоотверженія, что слишкомъ много въ насъ любви къ себѣ и слишкомъ мало нелицемѣрной, т. е. христіанской любви къ ближнимъ!...

Итакъ, благочестивые слушатели, будемъ помнить, что безъ помощи св. вѣры Христовой и безъ содѣйствія общей матери нашей православной церкви, общество слишкомъ мало можетъ для насъ сдѣлать, и само далеко не пойдетъ. Та единственная заповѣдь, какую можетъ предложить намъ научное просвѣщеніе, что «нужно дѣлать то, что внушаетъ долгъ, и избѣгать того, что онъ запрещаетъ»,—эта заповѣдь слишкомъ отвлеченна, что бы могла быть животворнымъ началомъ нашей жизни. Ибо никакое сознаніе долга не можетъ истребить въ насъ самолюбія; а оно-то и дѣлаетъ обыкновенно, что наши убѣжденія и наше сознаніе долга—остаются сами по себѣ, а жизнь и дѣла—сами по себѣ. Страсти и живущее въ насъ зло всегда возьмутъ свое, если не будетъ въ насъ какого-нибудь сдерживающаго ихъ начала. Въ этомъ-то случаѣ св. вѣра Христова можетъ сдѣлать то, чего никто и ничто не можетъ сдѣлать. Она одна можетъ вдохнуть въ насъ эту ничѣмъ непоколебимую ревность къ долгу, эту самоотверженную любовь къ Богу и къ ближнимъ, безъ которой невозможно сдѣлать ни одного шага на пути нравственнаго совершенствованія. Значитъ объ укорененіи началъ вѣры и евангелія общество всего больше должно стараться, если оно такъ боится нравственнаго застоя, и такъ пламенно хочетъ идти впередъ. Пусть общество позаботится, что бы молодое поколѣніе съ пріобрѣтеніемъ полезныхъ познаній съ раннихъ лѣтъ вдыхало въ себя животворный духъ евангелія, сливало съ своею плотію и кровію святыя и высокія начала христіанства,—и то, чего такъ усердно ищетъ наука, придетъ само собою.

Общественныя язвы, которыя иногда наука умѣетъ открыть, но никогда не въ состояніи заживить, легко и скоро исцѣлятся подъ живительнымъ вліяніемъ ученія Христова,—потому что это не простое, не человѣческое ученіе, а живое и дѣйственное ученіе Божіе, способное просвѣтить не только умъ, но оживить и спасти всего человѣка. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

КЪ сельскимъ прихожанамъ, по случаю освященія приходскаго храма *).

(8 сент. 1867 г.).

Итакъ, православные, Господь помогъ намъ благоукрасить нашъ храмъ, какъ намъ хотѣлось. Извѣстно мнѣ, какъ вы всегда желали видѣть благолѣпіе и священную красоту въ своемъ приходскомъ храмѣ; знаю, какъ вы искренно тужили, что ваши собственные недостатки и тяжелыя нужды крестьянскаго домохозяйства мѣшали вамъ скорѣе привести въ дѣло ваши благочестивыя намѣренія объ украшеніи храма Божія. Но вотъ Господь все привелъ къ окончанію. Нашлись добрые люди, отыскались средства, живо начались работы,—и вотъ я не могу безъ удовольствія теперь смотрѣть на васъ, видя ваше благоговѣніе, вашу благочестивую радость о красотѣ святаго храма Божія и вашу благодарственную молитву къ Господу Богу, совершителю всякаго дѣла благаго. Да — православные, первое, что намъ слѣдуетъ теперь сдѣлать,—это повергнуться въ благодарственной молитвѣ предъ Господомъ Богомъ за то, что Онъ помогъ намъ почти изъ ничего, почти безъ всякихъ средствъ устроить то, на что требовались тысячи. Такъ многомилостивъ и щедръ Господь къ намъ грѣшнымъ, и такъ всегда готовъ Онъ помогать всякому благому нашему намѣренію и желанію! но не забудьте и того, что Господь помогъ намъ тоже чрезъ добрыхъ людей. Не найдись эти добрые люди, не загорись въ нихъ святая искра любви ко храму Божію,—тогда можетъ быть мы и до сихъ поръ только хлопотали бы о своемъ храмѣ. Кто эти добрые люди,—вамъ не безъизвѣстно,—и потому я не буду распространяться о томъ, что вамъ нужно благодарить и ихъ, и молиться Богу о ихъ здравіи и благопоспѣшеніи всякій разъ, когда будете входить въ сей благоукрашенный храмъ.

---

*) Напечатано въ «Мірск. Вѣстникѣ» за 1867 г.

Но мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами вотъ объ чемъ. Любуясь и наслаждаясь красотою сего обновленнаго храма Божія, какъ бы вы не ограничились (я даже опасаюсь этого),—какъ-бы говорю,—не ограничились вы однимъ только этимъ чувствомъ радости и удовольствія. Конечно радость о храмѣ Божіемъ и наслажденіе его красотою—есть законное и святое чувство; но одно оно еще далеко не есть достаточная и благопріятная жертва для Господа Бога. Понимаете-ли вы меня? Я хочу внушить вамъ то, что если, обновивши этотъ внѣшній храмъ Божій, вы отложите всякое попеченіе объ обновленіи внутренняго храма Божія, т. е. своей души и сердца и всей своей жизни, то это будетъ все равно, что вы ничего не сдѣлали для Господа Бога. Что изъ того, что иконостасъ сего храма—напримѣръ—будетъ горѣть у васъ золотомъ, а души ваши будутъ черны и темны, какъ уголь? Какая польза изъ того, что стѣны сего вещественнаго и каменнаго храма будутъ сіять священными изображеніями, а въ храмѣ вашего сердца будетъ гнѣздиться нечисть грѣховная и дымиться смрадъ пороковъ, грубости и всякаго невѣжества? Что наконецъ будетъ изъ того проку, что вы станете приходить сюда смотрѣть, какъ все здѣсь хорошо, благообразно и свято, а уходить отсюда будете такими же дурными, страстными и нечистыми? Не будетъ-ли это однимъ только праздношатательствомъ и пустымъ глазеньемъ на святыню храма? Я думаю, вы согласны со мною въ этомъ, и сами теперь понимаете, что совершивши одно святое дѣло, т. е. обновивши и украсивши вещественный храмъ Божій, надо со всѣмъ усердіемъ теперь заняться еще болѣе святымъ и несравненно богоугоднѣйшимъ дѣломъ—именно обновленіемъ своей собственной жизни. Въ чемъ должно состоять это обновленіе, и какъ надо вамъ заняться своею душею,—объ этомъ, я думаю, всякій изъ васъ маломальски знаетъ, такъ-что мнѣ и говорить бы много не о чемъ; но не скрою отъ васъ своего сильнѣйшаго желанія сказать вамъ при настоящемъ благопріятномъ случаѣ, что собственно новаго я хотѣлъ бы особенно видѣть въ васъ, и съ чего прежде всего должны вы начать свое обновленіе.

Прежде всего, православные, бросьте вы эту постыдную страсть

къ водкѣ, отстаньте отъ пьянства. И безъ того тяжелъ крестьянскій бытъ, и безъ того жить вамъ приходится въ чернотѣ и бѣдности,—а вы безъ всякой жалости и безъ зазрѣнія совѣсти несете свои трудовые гроши, заработанные потомъ и кровію, въ кабакъ! Благоразумно-ли это? Гдѣ же вамъ подняться изъ своей крестьянской грязи, можно-ли вамъ облагородить свою жизнь и устроить ее почеловѣчески, когда вы плоды своихъ тяжелыхъ трудовъ безъ всякаго разсужденія пропиваете? Конечно не далеко можно уйти въ своихъ потребностяхъ и во всемъ образѣ жизни отъ животныхъ, ведя такую безпечную и безтолковую жизнь. И неужели затѣмъ государь далъ вамъ свободу и хочетъ видѣть васъ скорѣе собственниками, чтобы у васъ больше было возможности напиваться? Разсудите сами! Надо вамъ сказать, что до государя уже доходятъ слухи, что недавно освобожденный имъ народъ, въ которомъ онъ полагалъ, и мы всѣ полагаемъ силу и надежду Россіи, сталъ очень плохо пользоваться своей свободой, и сталъ страшно пьянствовать. Какое еще большее можете сдѣлать вы огорченіе государю, вашему благодѣтелю и отцу? А про то, какъ противно пьянство Господу Богу я ужь и говорить не стану,—я думаю—вы сами это чувствуете. Грѣха скрывать нечего, а надо говорить прямо, что можетъ быть и храмъ нашъ гораздо, гораздо скорѣе и благолѣпнѣе былъ бы украшенъ, если бы вы были болѣе воздержны и менѣе предавались постыдной и богопротивной наклонности къ пьянству. Не оскорбляйтесь, ради Бога, моимъ прямымъ и откровеннымъ словомъ, а примите его лучше къ сердцу, какъ слово Божіе; ибо я говорю вамъ, какъ пастырь вашъ, отъ имени Божія. Вы знаете, что я вамъ добра желаю и пекусь не о чемъ иномъ, какъ о вашей же душѣ и о вашемъ спасеніи. Позвольте же мнѣ продолжить мое слово

Другое дѣло, съ котораго вы должны начать свое обновленіе,—это самообразованіе, т. е. попросту сказать — учиться грамотѣ вамъ нужно, всѣмъ кому есть время и досугъ, — рѣшительно всѣмъ. Если старымъ поздно учиться, а возрастнымъ некогда, то малые въ нашихъ рукахъ, ихъ непремѣнно надо учить грамотѣ, чтобы выростить Богу и царю честныхъ, трудо-

любивыхъ и не темныхъ и невѣжественныхъ, а хотя сколько нибудь образованныхъ, т. е. по крайней мѣрѣ грамотныхъ гражданъ. Можетъ быть вы уже по слуху знаете, что о просвѣщеніи своего народа Государь заботится нынче едва ли не болѣе всего. Это не задаромъ—православные. Какъ подумаешь немного, то и видно будетъ, что въ этомъ случаѣ государь исполняетъ не что другое, какъ святую волю Божію. Многимъ изъ васъ, я знаю, грамота кажется излишнимъ дѣломъ. Къ чему дескать грамота? мы жили же до сихъ поръ безъ грамоты, и старики наши не учились же грамотѣ, да не хуже насъ жили,— и многое многое другое говорится неосновательное насчетъ этого святаго и богоугоднаго дѣла—какова грамота. Конечно можно прожить безъ грамоты и безъ ученья,—кто про это говоритъ? и мало ли безъ чего можно прожить!? Но что изъ всего этого выходитъ,—вотъ на что взглянуть нужно?! Сами же тѣ люди, которые говорятъ что не нужно грамоты, называютъ однакоже безграмотныхъ людей темными и слѣпыми людьми. Прилично ли же человѣку, надѣленному отъ Господа разумною душею, жить во тьмѣ, и ходить съ завязанными такъ сказать умственными очами? Мудрено ли темному и слѣпому человѣку постоянно спотыкаться, падать и коснѣть въ невѣжествѣ. Къ чему грамота! А не знаютъ эти недальновидные люди, что всѣ эти суевѣрія, всѣ эти превратныя и младенческія понятія о религіи, о Богѣ, о человѣкѣ, о будущей и о здѣшней земной жизни,—всѣ эти, говорю, суевѣрныя понятія и предразсудки, которые какъ сѣтью какою опутали русскій народъ,—чѣмъ они держатся, какъ не безграмотностію? Съ чего начался, чѣмъ укрѣплялся и чѣмъ силенъ теперь расколъ, этотъ гнойный струпъ на тѣлѣ церкви Христовой, эта зловонная язва въ нашемъ отечествѣ, какъ не невѣжествомъ и не безграмотными понятіями о буквѣ закона Христова? Не отъ той-ли же безграмотности, не отъ той-ли же слѣпоты духовной и коснѣнія въ невѣжествѣ происходитъ и то, что большая часть изъ васъ не хочетъ знать никакихъ лучшихъ, никакихъ болѣе достойныхъ человѣка и духовныхъ наслажденій, кромѣ пьянаго разгула, или ничего недѣланья? Вотъ какое не шуточное и не маловажное дѣло без-

грамотность! Но вы спросите меня: какъ же помочь горю, какъ приняться за дѣло обученія и гдѣ взять средствъ для этого дѣла? Отвѣчу вамъ, что и средства, и время и всякая возможность для обученія откроется сама собою, если только вы искренно сами того пожелаете. Перестаньте только платить, кромѣ тѣхъ законныхъ податей, которыя взымаетъ съ васъ общество, перестаньте платить непотребную и постыдную дань бѣсу чревоугодія и пьянства. Я слышалъ отъ опытныхъ людей, которые нарочно занимаются этимъ дѣломъ, что если бы тѣмъ деньгамъ, которыя вы отдаете на вино, вы захотѣли дать надлежащее употребленіе, то не только у насъ, а въ каждомъ селѣ, и даже въ каждой деревнѣ могла бы быть устроена прекрасная школа со всѣми средствами для обученія и достаточнаго образованія всѣхъ вашихъ дѣтей, и мальчиковъ и дѣвочекъ. Примите это въ расчетъ и подумайте объ этомъ хорошенько. Еслибы понадобилось для васъ по этому дѣлу какое либо мое участіе и содѣйствіе, то знайте, что я весь къ вашимъ услугамъ; я бы искренно порадовался за васъ и сдѣлалъ бы для васъ все, что только было бы мнѣ возможно.

Вотъ я высказалъ вамъ все, что мнѣ хотѣлось высказать вамъ въ настоящій праздникъ. Начните съ того, съ чего я сказалъ вамъ,—и Господь поможетъ вамъ во всемъ остальномъ. Ни одного важнаго дѣла нельзя совершить, не исполнивъ сначала приготовительныхъ и менѣе важныхъ дѣлъ. Такъ поступите и вы.... Самой же скорой и сильной помощницей въ дѣлѣ вашего самоисправленія да будетъ для васъ царица небесная, въ честь Рождества коей посвященъ сей обновленный храмъ. Притекайте же сюда какъ можно чаще, не пропуская безъ благословной вины, т. е. безъ крайней нужды, ни одной церковной службы, какъ подобаетъ добрымъ и усерднымъ христіанамъ. Да будетъ для васъ домъ царицы небесной лучше и вожделеннѣе всякаго другаго мѣста. Не ссылайтесь на недосуги, не оправдывайте своей лѣности ко храму Божію множествомъ работъ и и крестьянскихъ нуждъ; благоволеніе царицы небесной дороже всего. Благословитъ Она васъ,—все будетъ спориться и удаваться; отъиметъ отъ васъ свою милость,—все будетъ дурно и

неблагоуспѣшно. А главное, видя ваше усердіе ко храму Божію, Она поможетъ вамъ такъ устроить и улучшить свою жизнь, какъ я говорилъ вамъ; а съ этимъ нравственнымъ улучшеніемъ поднимется къ лучшему и ваша обыкновенная крестьянская жизнь. Аминь.

СЛОВО

на день рожденія Благовѣрной Государыни Цесаревны и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны.

Аще и многи пѣстуны имате о Христѣ, но не многи отцы. О Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ. (Апевн. Ап. 1 Кор. IV, 15).

(14 ноября 1867 г.).

Такъ писалъ коринѳскимъ ученикамъ своимъ апостолъ Павелъ, поставляя имъ на видъ, что онъ есть не только ихъ наставникъ, но и духовный отецъ; ибо родилъ ихъ во Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ, т е. привелъ ихъ къ вѣрѣ Іисусъ—Христовой; и что поэтому онъ имѣетъ право надѣяться, что они будутъ подражать ему въ своей жизни какъ отцу, точно такъ, какъ онъ самъ подражалъ Христу. Если бы слова апостола мы захотѣли приложить къ себѣ и своему времени, то они были-бы слѣдующія: хотя у васъ и тысячи наставниковъ, но немного наставниковъ о Христѣ. Ибо чему въ самомъ дѣлѣ не учатъ и не учатся въ нынѣшнее время, чѣмъ не наполняются съ самаго ранняго дѣтства головы нашихъ воспитанниковъ, какъ не дробятся науки?—однимъ только пренебрегаютъ, или не то что пренебрегаютъ, а какъ то не цѣнятъ и не прилагаютъ къ сему усердно рукъ,—это къ религіозному воспитанію! Трудно въ самомъ дѣлѣ отрицать важность участія религіи въ дѣлѣ воспитанія, какой бы взглядъ ни имѣлся на это наиважнѣйшее изъ человѣческихъ дѣлъ, и какое бы направленіе ни хотѣли ему дать, но на самомъ то

дѣлѣ и въ приложеніи къ жизни дѣйствительно замѣчается у насъ какое то равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ въ дѣлѣ воспитанія. Какъ будто это есть что то несущественное, отдаленное и не очевидное. Обыкновенно все дѣло здѣсь ограничивается одними благожеланіями и словеснымъ признаніемъ того, что при воспитаніи дѣтей на религію обращать вниманіе непремѣнно надобно. Такое равнодушіе къ самой существенной и важнѣйшей сторонѣ воспитанія зависитъ отчасти отъ того предразсудка, будто дѣтскій возрастъ слишкомъ нѣженъ и неразуменъ для такой возвышенной и отвлеченной области, какова религіозная область, главнымъ же образомъ отъ неумѣнья взяться за дѣло, или прямѣе—отъ нерелигіозности самихъ воспитателей и родителей. Хотѣлось бы намъ выяснить нѣсколько, что заботиться о воспитаніи религіознаго чувства именно съ ранняго дѣтства, *и должно и можно*.

Первая ошибка воспитателей, отлагающихъ, по примѣру Руссо и прочихъ матеріалистовъ прошедшаго столѣтія, религіозное воспитаніе дѣтей до болѣе зрѣлаго возраста состоитъ въ томъ, что они имѣютъ крайне ограниченный и невѣрный взглядъ на естественный ходъ развитія человѣческаго духа путемъ воспитанія. Возрастающее дитя они воображаютъ чѣмъ то въ родѣ прекраснаго растенія, которое, при надлежащемъ уходѣ и строгомъ соблюденіи всѣхъ условій, благопріятствующихъ его росту, непремѣнно дастъ ожидаемые плоды и розовьется такъ, какъ указала ему природа. О томъ, что человѣческая природа испорчена въ самомъ корнѣ своемъ, что вмѣстѣ съ нашимъ появленіемъ на свѣтъ въ насъ оказывается уже готовымъ и посѣяннымъ какой то зловредной силой нѣкоторое зловредное сѣмя, возрастающее съ необыкновенной быстротой и силящееся заглушить все лучшее въ нашей богоподобной душѣ, объ этомъ они и слышать и знать не хотятъ. Признаки зла, открывающіеся, вопреки ихъ теоріи, въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ и при самомъ тщательномъ воспитаніи во всѣхъ отношеніяхъ, они или не хотятъ называть зломъ, или приписываютъ всегдашнимъ ошибкамъ воспитанія. Ну разумѣется, при такомъ взглядѣ на воспитаніе дѣтей и возрастаніе человѣческаго духа не оказывается настоя-

тельной нужды спѣшить религіознымъ воспитаніемъ; можно, пожалуй, и подождать внушать дѣтямъ святыя истины вѣры и религіи, покуда они сдѣлаются умнѣе и зрѣлѣе. Но намъ, православные родители и воспитатели, разсуждать много объ этомъ не приходится; мы знаемъ, или по крайней мѣрѣ должны знать, что каждый годъ дѣтскаго возрастанія, пропущенный даромъ для религіознаго ихъ воспитанія, невознаградимъ впослѣдствіи. Ибо съ каждымъ годомъ, даже днемъ и часомъ, оный страстный и грѣховный законъ, сущій *во удѣхъ нашихъ и противовоюющій закону ума нашего* (Рим. VII, 23), укрѣпляется все глубже и больше. Хорошо ли так. обр. отлагать сѣяніе добрыхъ религіозныхъ сѣмянъ до тѣхъ поръ, пока почва человѣческаго сердца заростетъ достаточно сорными травами и плевелами грѣховными?

Столь же неосновательнъ, но гораздо пагубнѣе и къ сожалѣнію гораздо обыкновеннѣе другой предразсудокъ, будто область религіозная слишкомъ высока и отвлеченна для дѣтскаго возраста. Иногда даже благонамѣренные воспитатели не чужды этого предразсудка, и изъ какой-то ложной боязни за дѣтей и ложнаго объ нихъ радѣнья, предпочитаютъ занимать ихъ самыми пустыми, безсодержательными и баснословными вымыслами, чѣмъ питать ихъ душу и умъ свѣтлыми и животворными истинами религіи. Этотъ предразсудокъ происходитъ главнымъ образомъ отъ незнакомства самихъ воспитателей съ духомъ религіи и отъ непониманія ея сущности. Религія Христова, при всей необъятности и возвышенности своей, въ главныхъ истинахъ своихъ необыкновенно проста и близка къ чистымъ сердцамъ и непорочнымъ душамъ, каковы именно и суть дѣтскія души. Что Господь есть создатель всего, чѣмъ мы окружены, что Онъ подобно любвеобильному отцу печется о всѣхъ тваряхъ, какъ большихъ такъ и самыхъ малыхъ и ничтожныхъ, даетъ пищу птенцамъ врановымъ, бережетъ траву сельную; что преимущественно предъ всѣми тварями любитъ онъ человѣка, украшаетъ его всѣми дарами любви, и приставляетъ къ каждому изъ насъ, при самомъ рожденіи нашемъ, особыхъ ангеловъ хранителей; что мы лишились было навсегда Господней любви и были осуждены на вѣчное отъ

Господа удаленіе за преслушаніе заповѣди Его въ раю; но что Господь по безконечной любви къ намъ грѣшнымъ не могъ видѣть насъ въ такомъ жалкомъ положеніи, и для нашего спасенія не пожалѣлъ единороднаго Сына своего, который сдѣлался такимъ же человѣкомъ какъ и мы, родился отъ святѣйшей Дѣвы, тридцать три года съ нами на землѣ жилъ, училъ насъ своему небесному ученію, благодѣтельствовалъ намъ, исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ и помогалъ бѣднымъ и несчастнымъ, и за все это злобою человѣческою вознесенъ на крестъ, но силою своего божественнаго могущества воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся опять на небо къ Отцу своему, обѣщалъ вѣчно пребывать съ любящими его и придти со временемъ опять на землю, дабы отдѣлить навсегда добро отъ зла и воздать *комуждо по дѣломъ его*,—скажите не обинуясь, рознятся ли чѣмъ нибудь существеннымъ наши зрѣлыя развитыя понятія обо всѣхъ сихъ предметахъ отъ тѣхъ понятій, какія имѣютъ объ нихъ добрыя и хорошо направленныя дѣти? А между тѣмъ какъ все это легко привить къ нѣжнымъ и незапятнаннымъ еще грѣховной скверною дѣтскимъ сердцамъ! Какой живой и вмѣстѣ святой интересъ могутъ имѣть всѣ эти предметы для юныхъ и непорочныхъ умовъ, и сколько удобныхъ случаевъ можетъ быть, когда мы съ полнѣйшимъ успѣхомъ и на всю жизнь можемъ заложить въ дѣтскія души сіи спасительныя и небесныя истины! Нѣтъ, однимъ только нерадѣніемъ и фальшиво предубѣжденнымъ взглядомъ на религію можно объяснить ту безпечность и равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ, какое у насъ замѣчается въ большинствѣ случаевъ при воспитаніи юношества, не смотря на то, что иногда не жалѣютъ тысячъ, чтобы купить ими всестороннюю образованность для воспитанниковъ. А когда эти всесторонне образованные юноши дѣлаются растлѣнными и грязными существами, нетерпимыми даже ни въ какомъ порядочномъ обществѣ, и всюду разносящими съ собою зловонную заразу самыхъ нелѣпыхъ вѣрованій и отвратительныхъ пороковъ; то воспитатели не могутъ надивиться, почему бы это могло случиться, и для успокоенія своей совѣсти относятъ все это къ духу времени, съ которымъ будто бы невозможно бороться. Но едва ли

можно обмануть такимъ доводомъ свою совѣсть. Она всетаки современемъ раскроетъ этимъ нерадивымъ воспитателямъ и м. б во всей ужасной правдѣ, до какой степени они виновны въ погибели и растлѣніи своихъ любимцевъ, на воспитаніе которыхъ они не щадили тысячъ, но забывали только о религіи, т. е. не хотѣли создать въ ихъ душѣ того, что собственно и дѣлаетъ человѣка человѣкомъ,—существомъ богоподобнымъ и возвышаетъ его надъ всѣмъ окружающимъ его міромъ.

Но довольно о семъ. Предложимъ нѣсколько хотя общихъ правилъ для руководства при воспитаніи религіознаго чувства въ дѣтяхъ. Первое и самое надежное средство въ семъ случаѣ есть живой примѣръ воспитателей и наставниковъ. Когда дѣти и воспитанники видятъ въ вашихъ глазахъ, въ вашей рѣчи и поступкахъ и во всемъ вашемъ поведеніи само собою сказывающееся религіозное чувство, то это имѣетъ на нихъ неотразимое вліяніе; какъ потому—что душа человѣческая по богоподобной природѣ своей, естественно и сама собой устремляется къ Богу—когда она непорочна и невинна, такъ и потому, что дѣти на все, что видятъ и слышатъ около себя, смотрятъ такъ, что иначе сему и быть нельзя. Не надѣйтесь однакоже подѣйствовать на дѣтей лживою религіозностью и фарисействомъ, т. е. поддѣльнымъ и, такъ сказать, напускнымъ благочестіемъ. Въ этомъ случаѣ непосредственная дѣтская натура обладаетъ необыкновенно тонкимъ чутьемъ, и по истинѣ удивительно умѣетъ отличать ложь отъ правды. Только искренне благочестивое одушевленіе можетъ возжечь въ нихъ неугасимый огонь религіознаго чувства. Въ особенности вдохновенный взоръ и сердце матери можетъ многое здѣсь сдѣлать. «Благодарю тебя любезнѣйшая мать, говорилъ одинъ благочестивый учитель, даже спустя уже сорокъ лѣтъ по смерти своей матери,—я вѣчно останусь твоимъ должникомъ! Когда замѣчалъ я твой взоръ, твои тѣлодвиженія, твое хожденіе предъ Богомъ, твои страданія, твои молчанія, твои дары, твои труды, твою благословляющую руку, твою тихую и постоянную молитву; то съ самыхъ раннихъ лѣтъ каждый разъ какъ-бы вновь возраждалась во мнѣ жизнь духа,—чувство благочестія; и этого чувства послѣ не могли истребить яп-

какія понятія, никакія сомнѣнія, никакія обольщенія, никакіе вредные примѣры, никакія страданія, никакія притѣсненія, даже никакіе грѣхи. Еще живетъ во мнѣ эта жизнь духа, хотя уже болѣе сорока лѣтъ, какъ ты оставила временную жизнь». Такъ глубоки впечатлѣнія дѣтства и такъ силенъ примѣръ воспитателей! ...

Другое не менѣе важное средство къ возбужденію и укрѣпленію религіознаго чувства въ дѣтяхъ состоитъ въ томъ, чтобы сами они упражнялись въ благочестивыхъ и религіозныхъ дѣлахъ. Пусть они ходятъ съ нами въ храмы Божіи, услаждаются ихъ благолѣпіемъ, слушаютъ здѣсь священныя пѣсни и чтеніе слова Божія; пусть чаще приступаютъ—къ святѣйшимъ таинствамъ причащенія и покаянія, пусть участвуютъ въ нашихъ домашнихъ молитвословіяхъ и молебныхъ пѣніяхъ, пусть пріучаются творить милостыню во имя Іисуса Христа, и научаются любить ближнихъ, какъ братьевъ о Христѣ Іисусѣ. Благоразумный и искусный воспитатель не пропуститъ ни одного случая, чтобы заронить въ дѣтское сердце святое сѣмя религіи. Потрясено ли оно какими нибудь прекрасными картинами природы, или размягчено какимъ нибудь трогательнымъ случаемъ, или возбуждено какимъ нибудь благочестивымъ семейнымъ праздникомъ,— воспитатель всѣмъ пользуется, чтобы пріучить духъ своихъ воспитанниковъ устремляться къ Богу. Особенно важенъ тотъ періодъ, когда дитя оставляетъ домъ родительскій и поступаетъ въ школу; здѣсь умъ его, возбужденный разнородными знаніями и изощренный нѣсколько наукой, жадно ловитъ всякое чѣмъ нибудь замѣчательное слово своихъ воспитателей и чутко прислушивается ко всему, чѣмъ проникнута его учебная среда. Трудно сказать, какой страшной отвѣтственности подвергаются и предъ Богомъ и предъ обществомъ ихъ наставники, которые, забывая честь и совѣсть и пренебрегая чистотою и невинностью дѣтскихъ сердецъ, сѣютъ въ нихъ вмѣсто святыхъ и религіозныхъ сѣмянъ зловредныя и антирелигіозныя сѣмена.

На это, столь серьезное и важное обстоятельство въ дѣлѣ общественнаго воспитанія, не малую долю своего царственнаго вниманія удѣляетъ благочестивѣйшій монархъ нашъ, желающій

видѣть въ своемъ православномъ царствѣ русскомъ сколько научной образованности и гражданскихъ доблестей, столько же и христіанскаго благочестія, на которомъ, какъ на крѣпкомъ основаніи, созидается все общественное благо. Помолимся же объ немъ и обо всемъ августѣйшемъ домѣ его, о его державной и не по названію только, но и на самомъ дѣлѣ, благочестивой государынѣ—супругѣ его; о наслѣдникѣ его и благовѣрной цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, день рожденія которой мы нынѣ празднуемъ, помолимся о сей юной царственной четѣ, на которой успокоиваются надежды нашего могущественнаго отечества! Помолимся и о всемъ правительственномъ синклитѣ, о всѣхъ благородныхъ и христіански—самоотверженныхъ сотрудникахъ православнаго царя, устремляющихъ всѣ просвѣщенныя силы свои къ созиданію истиннаго народнаго блага, основаннаго на религіи. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, къ воспитанницамъ Владимірскаго Епархіальнаго училища

(21 нояб. 1867 г.).

Ежегодно воспоминаемъ мы, дѣти, въ настоящій день то великое и трогательное событіе изъ жизни пречистой дѣвы Богородицы, когда она—еще трехлѣтняя отроковица, введена была въ храмъ Іерусалимскій для воспитанія. Ежегодно вы приготовляетесь къ нынѣшнему празднику недѣльнымъ говѣніемъ и причащеніемъ св. таинъ. Ежегодно выхожу я къ вамъ съ словомъ поученія,—и всякій разъ, при настоящемъ случаѣ, возникаетъ въ душѣ моей одно и то же искреннее и горячее желаніе,—это видѣть васъ какъ можно болѣе похожими по сердцу и душѣ и по всему поведенію вашему на святѣйшую отроковицу Богоматерь. Такъ и хочется воображать васъ тѣми непорочными и

юными отроковицами, которыя со свѣтильниками въ рукахъ, съ радостнымъ взоромъ и съ благоговѣйнымъ дѣтскимъ трепетомъ сердечнымъ слѣдовали за пресвятой дѣвой Маріею и сопровождали ее до ступеней святилища Божія. Безъ всякаго сомнѣнія, вы чувствуете сами, какъ естественны съ нашей стороны подобныя желанія, и конечно сердце ваше, вкусившее сейчасъ отъ трапезы Господней, само горитъ святымъ стремленіемъ къ Матери Божіей и хочетъ излиться предъ ней въ теплой молитвѣ. Дороги, велики и священны настоящія минуты ваши! Но какъ прискорбно, что сіи святыя минуты, какъ и все впрочемъ святое въ сердцѣ нашемъ, легко могутъ проходить, потухать и забываться! Мысль будетъ усиливаться вспомянуть ихъ, станетъ сожалѣть объ нихъ, какъ о потерянномъ нѣкоторомъ благѣ, сердце начнетъ грустить, чувствуя нѣкоторую произшедшую въ себѣ пустоту; а тамъ придетъ разсѣянность, подступятъ обычныя житейскія дѣла—учебныя и всякія, и благодатному состоянію, когда-то осѣнявшему вашу душу—конецъ!! Хотѣлось бы мнѣ нѣсколько научить васъ тому, какъ надобно сберегать вамъ, по возможности, молитвенную теплоту душевную и укрѣплять въ себѣ духовный союзъ съ Матерію Божіею.

Самое первое здѣсь дѣло—какъ можно чаще приводить себѣ на память свѣтлый ликъ пренепорочной Дѣвы и вдумываться въ дивныя обстоятельства жизни ея. Сердце наше, созданное для добродѣтели и по самой природѣ своей любящее добро, необыкновенно радо бываетъ, когда видитъ какое бы то ни было проявленіе добра. Встрѣчая мало мальски добродѣтельнаго, честнаго и благороднаго человѣка,—будь онъ совершенно посторонній и чужой человѣкъ,—мы тотчасъ готовы признать его своимъ родственникомъ, другомъ и братомъ. Если же, по несчастію, при всемъ нашемъ желаніи и исканіи добра, намъ приводится больше видѣть около себя - ложь, зависть, самолюбіе, хитрость, недоброжелательство и тому подобныя дурныя качества; то мы сами про себя, въ своемъ умѣ и наединѣ съ своей душою начертываемъ себѣ различные прекрасные образы добродѣтельныхъ людей, которыхъ бы мы хотѣли видѣть около себя. И какъ во всѣхъ васъ—еще дѣтяхъ—довольно сильно желаніе добра и до-

статочно вѣры въ людей и добродѣтель, то весьма охотно вы сближаетесь между собою, заключаете дружбу,—и безъ этого жить не можете. Попробуйте же перенести всѣ свои лучшія стремленія, свое желаніе и исканіе добра и всю любовь свою на пренепорочную дѣву Марію, въ которой сосредоточено все, что есть самаго лучшаго, святаго и великаго въ человѣческой природѣ. Въ самомъ дѣлѣ назовите какое угодно благое качество, укажите на какую угодно добродѣтель,—вы всѣ ихъ найдете въ Матери Божіей. Вожделенна ли для васъ кротость, и вамъ самимъ хотѣлось бы быть кроткими и послушными? Взгляните на божественный ликъ Матери Божіей: это воплощенная кротость и послушаніе. Ей было еще всего три года, какъ родители ея захотѣли отвести ее изъ роднаго дома и отдать на воспитаніе въ Іерусалимъ ко храму Божію,—и она охотно, даже радостно и торжественно стремится сюда. Желаете ли вы быть усердными и прилежными? Посмотрите на святую Дѣву, она трудится непрерывно въ храмѣ Божіемъ въ книжномъ обученіи и въ занятіяхъ, необходимыхъ для жизни. Порывается-ли дѣтское сердце ваше къ святости и благочестію, ищетъ ли оно Бога и благодати Его? Взгляните на Божественную Отроковицу,—ей съ благоговѣніемъ служатъ ангелы, и самъ Господь устрояетъ въ ней жилище себѣ. Вы ищете себѣ утѣшенія, защиты, помощи и дружбы? Она милосердно взираетъ на васъ съ неба, слѣдитъ за вашею судьбою, видитъ всѣ ваши скорби и радости и всегда готова преподать вамъ милость и благодать свою. Какой дивный и великій, но вмѣстѣ какой прекрасный и вожделенный образъ! И чѣмъ яснѣе и живѣе мы рисуемъ его себѣ, тѣмъ больше сердце наше согрѣвается любовію къ нему.... Такъ вы и дѣлайте при всякомъ случаѣ, напоминающемъ о Матери Божіей, и сами для себя какъ можно чаще возпроизводите эти случаи. Слышите вы напримѣръ читаемое или поемое архангельское привѣтствіе Матери Божіей: «Богородице дѣво, радуйся благодатная Маріе, Господь съ тобою!» и проч.,—сейчасъ и приводите себѣ на память, какъ свѣтлѣйшій архангелъ Гавріилъ съ благоговѣніемъ стоялъ въ назаретской горницѣ предъ пречистою дѣвой и возвѣщалъ ей тайну воплощенія отъ нея Сына Божія. Поютъ ли

«милосердія двери отверзи намъ»... и проч.,—приведите себѣ на мысль, въ какой близости она находилась къ Спасителю нашему, источнику всякой милости и благодати, когда жила съ Нимъ на землѣ, какъ носила Его на своихъ пречистыхъ рукахъ, питала Его своимъ млекомъ, была неразлучна съ Нимъ во всю Его жизнь, и какъ теперь она еще сильнѣе ходатайствуетъ у престола Сына своего за весь родъ христіанскій. Слышите ли вы, или читаете о рожденіи Спасителя нашего отъ дѣвы Маріи,—тотчасъ перенеситесь мыслію въ ту виѳлеемскую пещеру, надъ которой среди мрака нощнаго заблистали несмѣтныя воинства ангеловъ небесныхъ, а пренепорочная и святѣйшая отроковица съ небесною радостію смотрѣла на Сына своего, безболѣзненно отъ нея рожденнаго. Чѣмъ живѣе все это вы будете вспоминать, и чѣмъ чаще будете приводить себѣ на мысль, тѣмъ крѣпче и крѣпче сердце ваше будетъ соединяться съ пречистой дѣвой Маріей.

А тамъ, Господь дастъ, и сама Матерь Божія поможетъ, и въ жизни своей вы будете обнаруживать свою преданность ей усерднымъ подражаніемъ ея дивной и богоподобной жизни. Но здѣсь гораздо больше потребуется отъ васъ силы воли, настойчиваго терпѣнія, и даже самоотверженія, чѣмъ при молитвенномъ устремленіи вашихъ мыслей къ Матери Божіей. Что дѣлать, когда такъ слабо и удобопреклонно сердце наше ко грѣху, когда грѣхъ такъ сильно овладѣлъ природой нашей, что мѣшаетъ всякому святому стремленію нашему, и не даетъ свободы дѣлать то, чего намъ иногда отъ всей души хочется?! Надо усиливаться и стараться, а Матерь Божія сама придетъ къ намъ на помощь. Надобно пріучить себя—мысленно давать, такъ сказать, отчетъ Матери Божіей во всемъ, что происходитъ въ душѣ нашей, и не рѣшаться ни на какое дѣло, не спросивъ себя наперед, угодно ли это будетъ Матери Божіей, или нѣтъ,—совершенно такъ, какъ дѣлаютъ добрыя дѣти предъ родителями своими. Такъ и вы. Непрестанно останавливайте себя въ мысляхъ и говорите себѣ: хотя то, или это и очень трудно мнѣ сдѣлать, напр. простить оскорбленіе, всегда говорить правду, быть покорной и послушной,—но я непремѣнно такъ буду вести

себя, потому что это угодно Матери Божіей. И на оборотъ: хотя сильно горитъ во мнѣ желаніе сдѣлать то или это, напр. отмстить за оскорбленіе, выставить себя лучше другихъ, сдѣлать что нибудь наперекоръ, или предаться лѣнивой праздности,— но я ни за что не позволю себѣ этого,—потому-что это не угодно Матери Божіей.

Вотъ тогда вы будете истинными дѣтьми у царицы небесной, истиннымъ утѣшеніемъ для всѣхъ окружающихъ васъ, радостію для ангеловъ хранителей вашихъ и доброю надеждою для родителей вашихъ, для церкви и для общества. Чего да удостоитъ васъ Іисусъ Христосъ своею благодатію, и молитвами пречистыя своея матери. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи Владимірскаго городскаго головы А. А. Никитина *).

(1867 г.).

Воистину суета всяческая, житіе же сѣнь и соніе; ибо всуе мятется всякъ земнородный, якоже рече писаніе. (Послѣд. погреб. мір. челов. сѣдал.).

Грозная истина о ничтожествѣ и суетѣ нашего земнаго бытія, которой такъ боится животолюбивое сердце наше, и которая представляется намъ такъ незамѣтною въ обыкновенное суетливое теченіе нашей повседневной жизни, возстаетъ во всемъ своемъ ужасающемъ величіи при зрѣлищѣ гроба и смерти. Эти оледѣнѣлые члены, эти потухшіе и закрывшіеся на вѣки глаза, этотъ видъ бездыханной, безобразной и безславной красоты человѣческой, вся эта тяжелая погребальная обстановка, какое грозное и потрясающее дѣйствіе производитъ на духъ нашъ, какъ она смиряетъ его, какую тоску смертельную наводитъ на душу!

*) Напечатано въ приложеніи къ 24-му № Влад. Епарх. Вѣдом. за 1867 г.

И вотъ вдаемся мы иногда при семъ случаѣ изъ одной крайности въ другую; изъ безпечныхъ и веселыхъ, смотрящихъ на жизнь какъ на безконечный рядъ удовольствій и наслажденій, мы дѣлаемся смятенными, трусливыми, растерянными и пригнетенными существами, *якоже не имущіи упованія* (1 Сол. IV, 13). Страшный видъ смерти убиваетъ нашу энергію, мрачныя думы одна за другой вторгаются въ душу, и подчасъ мы не умѣемъ придумать лучшаго для себя утѣшенія, какъ только то, что еще живемъ и будемъ жить, а тамъ... будь, что будетъ! Но такъ ли сему быть надлежитъ? Это ли христіанскій взглядъ на жизнь?! Взирая на предлежащій намъ гробъ, приникнемъ нашею мыслію къ тому, что внушаетъ намъ святая вѣра и церковь въ своихъ глубокихъ и трогательныхъ погребальныхъ пѣсняхъ, и какой взглядъ на жизнь она предлагаетъ намъ.

Воистину суета всяческая, житіе же сѣнь и соніе, поетъ св. церковь. Итакъ, неужели вся земная жизнь наша есть нѣчто случайное, мелкое и отрывочное, исчезающее вмѣстѣ съ этимъ бреннымъ тѣломъ, разсыпающимся въ могилѣ въ прахъ и пепелъ? Неужели она есть нѣкоторое животное состояніе, замирающее съ прекращеніемъ тѣлесной жизни? да не будетъ! По ученію вѣры Христовой, настоящая жизнь наша есть только начало нѣкотораго высшаго и лучшаго бытія, настающаго по смерти, есть только сумерки прекраснаго и свѣтлаго дня, имѣющаго возсіять за гробомъ; есть нѣкоторое пріуготовительное поприще, или предварительная школа, за которою наступитъ настоящая, широкая и свободная жизнь. Все это конечно истины извѣстныя намъ еще съ дѣтства, силу и значеніе которыхъ прирожденнымъ нѣкоторымъ чутьемъ постигаетъ сердце наше, хотя умъ подчасъ и хочетъ затемнить ихъ своими сомнѣніями и колебаніями. Но дѣло въ томъ, что не умѣемъ мы обыкновенно этого возвышеннаго христіанскаго взгляда на жизнь доводить до конца и прилагать къ дѣлу. То, что предстоитъ намъ за гробомъ, мы всетаки обыкновенно представляемъ себѣ только мракомъ и тьмою; а то, изъ чего слагается и чѣмъ украшается земная жизнь наша, мы всетаки представляемъ чѣмъ-то существеннымъ, жизнію истинною. Вотъ гдѣ разгадка того ко-

леблющагося и, тк. ск, неровнаго отношенія нашего къ жизни, по которому мы, когда живемъ и здравствуемъ, то вовсе почти не думаемъ о жизни, безотчетно и безпечно предаемся одному чувству своего бытія, а когда сталкиваемся съ явленіями смерти, или сами приближаемся къ послѣднимъ днямъ нашаго существованія, то замираемъ отъ страха и теряемся. Не таковъ истинный христіанинъ, и не такими хочетъ видѣть насъ св. церковь. Истинный христіанинъ и вѣрный сынъ церкви смотритъ на земную жизнь свою, какъ на преддверіе будущей лучшей жизни, и блага настоящей жизни цѣнитъ на столько, на сколько они имѣютъ отношеніе къ благамъ и цѣлямъ ожидаемой загробной жизни; и потому онъ спокойно ждетъ конца своей земной жизни, не страшится, а даже радуется, когда чувствуетъ его приближеніе. Какъ безмѣрно превосходитъ это святое и величественное спокойствіе христіанское ту непрочную и безчувственную безпечность людей маловѣрующихъ или невѣрующихъ, которой они хотятъ иногда гордиться и удивлять окружающій міръ! Вотъ съ этой то цѣлію, т. е. чтобы установили мы, и какъ можно прочнѣе утвердили въ своей душѣ истинный взглядъ на жизнь свою, чтобы не пристращались къ землѣ съ ея благами и за недостойное употребленіе даровъ ея не подверглись праведному суду Божію, св. церковь и напоминаетъ намъ постоянно о суетности земнаго существованія нашего. Но особенно сильно и настоятельно проповѣдуетъ она о семъ, когда мы приходимъ въ храмы Божіи оплакивать чью нибудь угасшую жизнь и молиться за усопшихъ братій нашихъ. Сейчасъ услышимъ мы сіи прискорбныя, но умилительныя пѣсни: «*Воистину суета всяческая, житіе же сѣнь и соніе! Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть... Что сіе, еже о насъ бысть таинство? како предахомся тлѣнію, како сопрягохомся смерти!* Да не мимо же насъ идетъ сей скорбный и поучительный голосъ церкви, предстоящіе собратія о Христѣ!..

Но не перестать ли въ такомъ случаѣ вовсе заниматься дѣлами житейскими, не распроститься ли съ міромъ и его удовольствіями, и не заняться ли исключительно тѣмъ, что нужно не для земли, а для неба? Хорошо бы, но не для всѣхъ возможно!

И святая вѣра Христова, внушая намъ мысль о суетѣ и непрочности временной жизни, хочетъ только того, чтобы послѣднюю и самую важную цѣль бытія своего мы полагали въ блаженной и вѣчной жизни загробной, а вовсе не того, чтобы, находясь на землѣ, мы были бы только праздными и безучастными зрителями того, что около насъ дѣлается. Она не запрещаетъ намъ пользоваться законными и невинными радостями земными, не требуетъ отъ насъ постоянныхъ вздоховъ и слезъ, а требуетъ только трезваго взгляда на жизнь и неуклоннаго исполненія воли Божіей, выражающейся для насъ въ обязанностяхъ и требованіяхъ того самаго званія и состоянія, къ которому каждый изъ насъ принадлежитъ и въ которое поставляетъ насъ самъ же Господь Богъ. Если настоящая временная жизнь, какъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, такъ и цѣлаго человѣчества, по взгляду св. церкви православной и по ученію Господню, есть постепенное приготовленіе къ будущей блаженной жизни въ вѣчности; то конечно все, что содѣйствуетъ къ благоустройству сей временной жизни, отъ котораго весьма много зависитъ благоустройство и самой нравственно- духовной жизни, имѣетъ свою цѣну. Всякій гражданскій подвигъ, всякая общественная заслуга, содѣянная изъ любви къ Богу и ближнему, есть вмѣстѣ и христіанскій подвигъ и нравственная заслуга, и чѣмъ болѣе кто одушевленъ христіанскимъ духомъ, тѣмъ дѣятельнѣе и энергичнѣе онъ бываетъ въ жизни общественной; ибо жизнь,—это самое широкое поприще для нашей любви къ ближнимъ. Неизмѣнное и неуклонное исполненіе общественныхъ обязанностей, соединенное съ внутреннимъ подвигомъ самоочищенія и самоотреченія—ради славы имени Божія и ради пользы ближняго—и есть тотъ узкій и прискорбный путь житейскій, которымъ идутъ христіане крестоносцы, истинные ученики Іисуса Христа, которымъ уготованы почести и вѣнцы небесные.

Послѣ всѣхъ сихъ внушеній св. вѣры нашей, съ спокойною мыслію можно обратиться къ сему усопшему брату нашему, дни котораго исполнены были не малочисленныхъ трудовъ на пользу общественную. Нѣсколько лѣтъ съ усердіемъ неся не легкое бремя общественной службы въ званіи представителя городскаго

общества, онъ вполнѣ оправдывалъ довѣріе сего общества и просвѣщеннымъ взглядомъ на свои обязанности и дѣятельнымъ исполненіемъ оныхъ. Сочувственно относился онъ ко всему, гдѣ предвидѣлась польза общественная, и не щадилъ для нея ни трудовъ своихъ, ни средствъ. Довѣріе общественное къ почившему все возрастало и умножалось,—и вотъ съ званіемъ городскаго головы онъ соединилъ въ себѣ подъ конецъ не менѣе почтенное званіе и не менѣе важную, по нынѣшнимъ общественнымъ условіямъ, должность предсѣдателя земской городской управы. Не разъ почившій удостоенъ былъ высочайшаго вниманія и благоволенія, представляясь къ монарху въ качествѣ представителя сдѣшняго общества, и былъ украшенъ всѣми наградами, доступными его общественному положенію. Устроенный по его мысли, его трудами и попечительностію водопроводъ, обезпечившій цѣлое городское населеніе въ удовлетвореніи самонужнѣйшей жизненной потребности, навсегда останется добрымъ памятникомъ его просвѣщенной заботливости о благѣ общественномъ. Что касается нравственныхъ качествъ почившаго, то прямота и добродушіе его характера и благородство намѣреній извѣстны, больше или меньше, всѣмъ владимірскимъ жителямъ, особенно тѣмъ, кто находился въ болѣе близкихъ и короткихъ съ нимъ отношеніяхъ. Итакъ умѣрьте свою скорбь о почившемъ вы осиротѣлые члены его семейства, и дѣти такъ хорошо его попеченіемъ направленные въ жизни, его присные и други, и растворите сію скорбь надеждою на милосердіе Божіе къ почившему и теплою молитвою ко всеблагому судіи, обѣщавшему воздать сторицею за одну даже чашу студеной воды, поданной во имя Его.

Мы же всѣ, предстоящіе братіе, собравшіеся отдать послѣдній долгъ почившему, получивши назиданіе у гроба его, *Христу помолимся дати во вѣки сему упокоеніе!* Возлюбленный о Христѣ братъ нашъ! *Христосъ тя да упокоитъ во странѣ живущихъ, и врата райскія да отверзетъ ти: и царствія покажетъ жителя, и оставленіе тебѣ дастъ, о нихъ же согрѣшилъ еси въ житіи!* (Послѣд. погр. мір. челов. Блажен.) Аминь.

СЛОВО

въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(30 августа 1868 г.).

Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы. Возьмите иго мое на себе, и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо мое благо, и бремя мое легко есть (Днев. Еванг. Матѳ. XI; 28—30).

Кому изъ васъ, слуш., не знакомъ этотъ трогательный голосъ небесной любви, призывающей къ миру и покою грѣшное человѣчество, измученное и стенающее подъ бременемъ жизни! Сколько безграничной любви къ человѣчеству, но вмѣстѣ и необыкновенной простоты въ этомъ божественномъ голосѣ! «Бѣдные люди,—какъ бы такъ говорилъ Спаситель нашъ,—несчастные потомки падшаго праотца! Напрасно вы изобрѣтаете такъ много средствъ, чтобы найти свой потерянный рай на той самой грѣшной землѣ, которая стала для васъ мѣстомъ изгнанія и наказанія; не доказали ли вамъ тысячелѣтія, что вамъ не уйти отъ грознаго приговора, который вы заслужили отъ правосудія небеснаго? Тщетно же вы ищете иныхъ путей къ своему счастію и покою, кромѣ меня. Я есмь путь, истина и животъ; обратитесь-же ко мнѣ,—и я упокою васъ. Возьмите только на себя мое иго, примите мой законъ, подчините свою колеблющуюся и грѣшную волю моей святой волѣ и идите туда, куда я поведу васъ,—и обрящете покой душамъ вашимъ; потому-что иго мое благо, и бремя мое легко». Что же мы видимъ? Какъ отвѣчаетъ человѣчество на столь любвеобильный голосъ Богочеловѣка?—По слову самого Спасителя,—меньшинство только идетъ на призывъ Его, большинство же стремится по тому гладкому и широкому пути, который ведетъ—страшно сказать—въ пагубу! Обратимся къ своему времени, и погля-

*) Напечатано въ 18-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдом.» за 1868 г.

димъ на себя. Какъ много, въ самомъ дѣлѣ, среди насъ людей, которые, называясь христіанами, о христіанствѣ знаютъ только почти понаслуху, которые ничѣмъ не заявляютъ, что высокія обѣтованія христіанскія имъ не чужды, что евангельскія правила жизни для нихъ вожделенны, что они не чужія, а родныя дѣти Христовой церкви? Какъ много среди насъ такихъ людей, которые напротивъ открыто заявляютъ, что они хотятъ жить сами по себѣ; что они, не мѣшая жить всякому по своему, и себя не желаютъ стѣснять никакими чужими правилами нравственности, хотя бы то были евангельскія правила; что они даже считаютъ себя, по своимъ привычкамъ, по роду своей жизни, по своему образованію и по многимъ другимъ причинамъ, выше всей церковности христіанской, предъ которой благоговѣетъ будтобы одна простодушная, но недалекая толпа, что— они люди иного духа. Но всего грустнѣе видѣть, какъ за взрослыми и незрѣлая юность, за отцами и дѣти, едва вкусившія отъ древа познанія, уже считаютъ себя въ правѣ неблаговѣйно относиться къ святымъ уставамъ церкви, съ самодовольной улыбкой готовы докладывать всѣмъ и каждому, что они не соблюдаютъ напр. постовъ, неохотники молиться и т. п., т. е. подразумѣвается,—люди современные и образованные, а не фанатики какіе нибудь и невѣжды. Что это такое? Одинъ ли только юношескій задоръ и напускное вольномысліе? Но къ сожалѣнію это грустное явленіе повторяется нерѣдко въ средѣ людей научнаго образованія, съ которыхъ очевидно только снимается мода. Даже попреимуществу въ нашей такъ называемой образованной средѣ и встрѣчается эта непонятная холодность къ христіанству, это жалкое какое то предубѣжденіе противъ него, это легкомысленное отрицаніе евангельскаго духа, доходящее до самохвальнаго щегольства, до какой-то богохульственной моды. Ужъ коли человѣкъ образованный,—того и жди, что отрицатель всего священнаго. Что же это такое? Разсудимъ-те безпристрастно.

Прежде всего намъ кажется, что не нужно считать этого явленія ни слишкомъ страннымъ, ни особенно знаменательнымъ, и на этомъ основаніи не спѣшить никакими выводами ни про-

тивъ вѣры, ни противъ науки, какъ многіе это дѣлаютъ, считая на основаніи только что заявленныхъ нами фактовъ науку и откровенную религію несовмѣстными, и поэтому либо гнушаются просвѣщеніемъ, боясь потерять вѣру, либо отрицаютъ вѣру для одной науки, выше которой они ничего не хотятъ знать. Здѣсь сами собою чувствуются крайности и недоразумѣнія. Повторяемъ, что ничего особенно мудренаго въ томъ нѣтъ, что люди такъ называемаго научнаго образованія, привыкшіе все изслѣдовать, разлагать и понимать до тонкостей, больше бываютъ склонны вѣрить въ могучую силу и непогрѣшимость разума, и потому, соприкасаясь въ своихъ умозрѣніяхъ съ вышеопытными и откровенными тайнами Христовой религіи, становятся предъ ними въ тупикъ, и натурально—либо отвергаютъ ихъ какъ нѣчто непонятное, либо остаются къ нимъ равнодушными какъ къ дѣлу, по ихъ мнѣнію, до нихъ не касающемуся. Согласитесь сами, что такое отрицаніе ничего страшнаго въ себѣ не содержитъ. Другое дѣло, если бы наши остроумные и вѣчно самодовольные отрицатели доказали намъ, что они отрицаютъ откровенную религію какъ нѣчто имъ совершенно извѣстное, испытанное и собственною жизнію дознанное дѣло,—тогда другое дѣло. Но могутъ ли они доказать это? А если нѣтъ, то не могутъ и не должны, при всей своей многочисленности, смущать здороваго и твердаго религіознаго чувства православныхъ христіанъ. Есть напротивъ весьма много людей съ глубокимъ и многостороннимъ образованіемъ, которые отличаются необыкновенною религіозностію, и божественныя истины и правила Христовой религіи ставятъ задачею всей своей жизни. Одного этого въ высшей степени было бы достаточно для вѣрующихъ сердецъ учениковъ Христовыхъ. Пусть себѣ толпы другихъ легкомысленныхъ людей, хвастливо называющихъ себя образованными, упорно чуждаются небесной пищи, предлагаемой святѣйшею религіею Христовою,—Господь съ ними! Пусть дѣлаютъ, что знаютъ! Придетъ конечно и для нихъ пора расплаты за свой образъ мыслей и жизни. Но что дѣлать? и Господь насильно никого не хочетъ вести за собою!...

Но гдѣ причина зла, и нельзя ли помочь ему? Потому-что

всетаки гибнутъ и гибнутъ люди, наши братья о Христѣ, терпитъ общество, даже много теряетъ сама наука; ибо подъ знаменемъ ея люди ходятъ всетаки въ потемкахъ и ощупью отыскиваютъ истину, когда къ ней есть прямая и царская дорога. На чемъ основывается и чѣмъ поддерживается такое, можно сказать, нездоровое направленіе людей ищущихъ науки, и дѣйствующихъ во имя ея? Повѣрьте, наука здѣсь ни при чемъ. Винить ее не въ чемъ. Она дѣлаетъ свое дѣло, шагъ за шагомъ идя впередъ и постепенно расширяя область человѣческихъ познаній по всѣмъ возможнымъ отраслямъ. Кто же виноватъ? Виноваты сами люди, въ рукахъ которыхъ она дѣлается обоюдуострымъ орудіемъ, и незамѣтно для нихъ наноситъ имъ глубокія язвы. Извѣстенъ путь, которымъ развивается наука. Этотъ путь слагается изъ безконечнаго ряда теорій, взаимно расширяющихъ и дополняющихъ себя, и во всякомъ случаѣ смѣняющихъ одна другую. Какой же истинно-ученый, помня это колеблющееся и измѣнчивое свойство науки, станетъ выдавать хотя бы то послѣдніе выводы науки за нѣчто непогрѣшимое и законченно достовѣрное, и эти выводы станетъ обращать въ оружіе противъ богооткровенныхъ истинъ религіи Христовой, вовсе не подлежащихъ научной области? И что однако выходитъ, и всегда выходило изъ этихъ научныхъ нападковъ на религію Христову? Тысяча научныхъ теорій смѣнили одна другую, волнуя немногочисленный кружекъ ученыхъ; а святыя истины вѣры Христовой тысячелѣтія стоятъ непоколебимо, покоряя себѣ неисчислимыя тысячи людей. Давно ли знаменитую теорію о происхожденіи видовъ, надѣлавшую столько шума въ ученомъ мірѣ, провозглашали какъ нѣкій догматъ, и въ силу этого догмата человѣка производили отъ животныхъ, вопреки евангельскому ученію о духовной природѣ и небесномъ назначеніи человѣка? Но вотъ сами же ученые, по взаимномъ сношеніи между собою, въ торжественныхъ своихъ засѣданіяхъ недавно объявили эту теорію несостоятельною предъ судомъ здравой науки,—чего и слѣдовало разумѣется ожидать. Такого же приговора отъ самихъ же представителей науки долженъ конечно ожидать и вообще весь современный матеріализмъ. Но немудрено, что вмѣсто этой

мрачной теоріи, явится другая еще болѣе мрачная, и еще съ большей самоувѣренностію станетъ подкапываться подъ зданіе церкви Христовой; но потомъ сама же наука, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, назоветъ все это пустыми затѣями, летучею ошибкою времени, переходной научной теоріей. А зданіе церкви Христовой, построенное божественнымъ домостроителемъ, будетъ стоять непоколебимо во вѣки вѣчные. А святая религія Христова, съ своими—сколько возвышенными, столько же и близкими къ душѣ человѣка, и понятными для чистыхъ сердецъ истинами, будетъ царить вѣчно надъ родомъ человѣческимъ. Какъ бы то ни было, наука не есть что-то враждебное религіи Христовой по самой природѣ своей; все дѣло зависитъ отъ того, въ чьихъ она рукахъ и какого рода люди заправляютъ ею. Мы хотимъ сказать, что не наука, собственно говоря, создаетъ отрицателей; а на оборотъ—люди или съ готовымъ отрицательнымъ направленіемъ, или предрасположенные къ нему, создаютъ науку по роду и по подобію своему.

Откуда же берется всетаки, и какъ образуется это гибельное направленіе въ людяхъ, и нельзя ли—повторяемъ—принять противъ него какія либо мѣры? Многое прояснится въ этомъ вопросѣ, если вспомнимъ, какимъ образомъ идетъ современное воспитаніе юношества. Извѣстно, что дѣтскій и юношескій возрастъ есть самое лучшее время для насажденія религіозныхъ началъ. Что посѣяно въ дѣтской душѣ, чѣмъ питалось воспріимчивое сердце юноши, то и взойдетъ, такіе плоды и придется пожинать въ зрѣломъ возрастѣ. Но обращаютъ ли у насъ достодолжное вниманіе на это важное обстоятельство при воспитаніи дѣтей? Къ сожалѣнію очень мало. Дѣлаютъ все возможное для развитія головы ребенка, не щадятъ никакихъ жертвъ для научнаго его образованія; между тѣмъ какъ объ образованіи его сердца и о христіански-религіозномъ направленіи всей его души заботятся какъ-то второстепеннымъ образомъ. По самой большей мѣрѣ стараются привить къ воспитаннику общія начала нравственности, напр. пріучить его къ честности и благородству, развить сознаніе долга, уваженіе къ чужимъ правамъ—и только. О христіанскомъ же воспитаніи заботятся мало. На-

питать душу ребенка животворными истинами евангелія, образовать въ немъ церковно-православные навыки, однимъ словомъ перелить въ него тотъ духъ, какимъ живетъ святая церковь Христова,—это считается у многихъ излишнимъ, даже вреднымъ. Чтожъ удивительнаго, если умъ, воспитанный внѣ религіозной атмосферы и питаясь одной сухой научной пищей, станетъ относиться отрицательно къ религіи, когда почувствуетъ свои силы, и будетъ ограничиваться одной узкой естественной нравственностію? Не знаемъ навѣрное, какъ шло воспитаніе современныхъ ученыхъ знаменитостей, стоящихъ во главѣ антирелигіознаго направленія; но по всей вѣроятности указанныя нами ошибки воспитанія имѣли не маловажное вліяніе на образованіе ихъ ученаго направленія. Что же касается нашего отечества, то намъ слишкомъ хорошо извѣстно, на какихъ идеяхъ хотѣли, а можетъ быть хотятъ до сихъ поръ, у насъ построить теорію воспитанія. Горькіе плоды этого моднаго воспитанія мы вкушаемъ, можно сказать, до сего времени. Не имѣя прочныхъ нравственно-христіанскихъ началъ, не создавши для себя трезваго и свѣтлаго взгляда на міръ и на отношеніе къ нему человѣка, какой предлагаетъ намъ св. религія Христова, наше юношество съ какимъ-то неудержимымъ азартомъ рвется изучать всякую ученую заграничную ложь, и съ благоговѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, становится на колѣни и покланяется, какъ нѣкіимъ богамъ и оракуламъ, современнымъ ученымъ мужамъ, знаменитымъ столько же своею ученостію, сколько противухристіанскимъ и отрицательнымъ направленіемъ. И что изъ всего этого достается нашему обществу испытывать и чувствовать? Шаткость нравственныхъ началъ въ нашемъ юношествѣ, мрачный или безпечный взглядъ на жизнь, какое-то легкомысліе и въ довершеніе всего—тьма въ головѣ и отсутствіе истинной учености,—да, и отсутствіе учености; ибо наука можетъ процвѣтать только на свободѣ, а не въ этомъ египетскомъ рабствѣ, въ которомъ находятся наши молодые ученые. Наши же лучшіе и, такъ сказать, національные ученые, сколько извѣстно, были глубоко религіозные люди. Заключимъ наше собесѣдованіе словами одного изъ нашихъ родныхъ, и притомъ истинно уче-

ныхъ людей: «одни научныя свѣдѣнія, сколько бы они ни были полезны, разсѣеваютъ духъ, и какъ бы влекутъ его въ разныя стороны. Наука должна расширять умственный кругозоръ человѣка, и вмѣстѣ сосредоточивать на прочномъ незыблемомъ основаніи. Такимъ основаніемъ, навсегда неизмѣннымъ, могутъ быть для разума только нравственно-религіозныя убѣжденія. Такія убѣжденія не даютъ ей теряться въ разнообразныхъ свѣдѣніяхъ, которыхъ сообщеніе полезно и необходимо. Пока обученіе будетъ не болѣе какъ сообщеніе разныхъ свѣдѣній, до тѣхъ поръ жалоба на безнравственность, будто бы распространяющуюся съ распространеніемъ познаній, будетъ основательна».

Обратимъ же все наше вниманіе на это обстоятельство, и вопервыхъ перевоспитаемъ себя, если то окажется нужно. Отбросимъ всѣ эти современные ученые предразсудки и до странности фальшивыя научныя теоріи, которыя какъ дымъ, какъ изгарь какая, мѣшаютъ намъ видѣть чистую истину, и просвѣщаться небеснымъ свѣтомъ евангелія. Да будетъ оно въ насъ единственнымъ мѣриломъ истины и задачею всей нашей жизни; это не только не помѣшаетъ быть намъ учеными людьми, если мы къ тому призваны, а напротивъ сообщитъ нашей учености истинное достоинство, зрѣлость и силу; это пособитъ намъ быть истинно полезными гражданами и надежными слугами отечества; это дастъ иное лучшее направленіе всей нашей жизни, — это сообщитъ намъ все. А потомъ озаботимся воспитаніемъ нашихъ дѣтей въ строго христіанскомъ и православномъ духѣ. Ошибки, допущенныя въ нашемъ воспитаніи, постараемся вознаградить на нашихъ дѣтяхъ. Пусть они съ юныхъ ногтей знакомятся съ святыми уставами церкви, и пріучаются дѣлать ихъ уставами своей собственной жизни. Пусть святое евангеліе вкореняется въ ихъ молодые, и еще не испорченные умы, и объемлетъ всю ихъ душу. Это только одно и можетъ спасти ихъ современемъ отъ тѣхъ опасностей, искушеній и ошибокъ, которыми угрожаетъ жизнь всякому вступающему въ нее молодому человѣку. Не о семъ ли прилагаетъ все свое попеченіе и нашъ преблагословенный государь, за благоденствіе котораго собрались мы молиться въ сегоднешній праздникъ его тезоименитства? Да бу-

детъ же онъ утѣшенъ, видя новыя и свѣтлыя христіанскія начала льющимися въ умы и сердца его подданныхъ, и дающими православно-христіанскій характеръ всей жизни русскаго народа! Да поможетъ намъ Господь! и да будетъ славно и благословенно имя преблагословеннаго Александра, нашего возлюбленнаго монарха. Аминь.

СЛОВО

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича

(17 апрѣля 1869 г.).

Христосъ воскресе!

Послѣ этого радостнаго привѣтствія христіанскаго, мы должны на сей разъ просить у васъ, благочестивые слушатели, благодушнаго терпѣнія и снисхожденія къ намъ; ибо, несмотря на свѣтлость настоящихъ дней, мы имѣемъ въ виду повести съ вами не совсѣмъ радостную и свѣтлую бесѣду объ одномъ прискорбномъ предметѣ. Таковъ бываетъ нашъ пастырскій долгъ! И конечно, таковые именно случаи св. ап. Павелъ имѣлъ въ виду, заповѣдуя св. ученику своему епископу Тимоѳею, а въ лицѣ его и всѣмъ будущимъ пастырямъ церкви, проповѣдывать съ настойчивостію слово Божіе не только во время, но *и не во время* (2 Тим. IV, 2). Если т. е. настоитъ нужда говорить прискорбныя запрещенія и обличенія даже и въ радостные дни; то, по апостолу, слѣдуетъ тогда же и говоритъ ихъ, не дожидаясь болѣе благопріятныхъ случаевъ. Когда въ Христовомъ стадѣ духовный пастырь усматриваетъ появленіе недуговъ какихъ нибудь и болѣзней, то не слѣдуетъ ли ему тотчасъ же приложить объ нихъ и попеченіе? Обратимъ же вниманіе на то, что ближе всего можетъ насъ касаться именно въ переживаемые пасхальные дни.

Въ эти свѣтлые дни истинный христіанинъ, участвуя въ уми-

лительныхъ службахъ церковныхъ, внимая сладкимъ звукамъ неподражаемыхъ пѣсней церковныхъ,—какими разнообразными и святыми чувствами исполняется! то онъ порывается духомъ къ Спасителю, въ лучезарномъ свѣтѣ возблиставшему изъ гроба; то устремляется мыслію къ торжествующимъ женамъ мироносицамъ и вмѣстѣ съ ними хочетъ обнять ноги побѣдителя ада и смерти; то ликуетъ вмѣстѣ съ учениками Христовыми, снова увидѣвшими своего божественнаго учителя. А въ нашемъ сердцѣ происходитъ ли что-нибудь подобное? Не такъ ли мы напротивъ себя чувствуемъ, что какъ будто все это мало до насъ касается? Не чувствуемъ-ли мы, что въ насъ притупленъ вкусъ къ церковнымъ и религіознымъ наслажденіямъ, что мы многаго не понимаемъ изъ того, что совершается предъ нашими глазами, и только кое что припоминаемъ изъ дѣтскихъ уроковъ о Христѣ Спасителѣ, и можетъ-быть даже вовсе не пришли бы въ св. храмъ, еслибы не обязывала къ тому честь и долгъ гражданскій? Не бываетъ ли вообще такъ, что имя Господа Іисуса Христа слышится нами какъ чужое, не случается ли такъ, что когда шумятъ около насъ крики невѣрія, смѣющагося надъ христіанствомъ, мы сами бываемъ непрочь записаться въ ряды этихъ остроумныхъ мудрецовъ, которые, кромѣ выдуманной ими безсердечной и узкой религіи разума, никакой другой не желаютъ знать? Не бываетъ ли такъ, что достаточно какой нибудь книгѣ носить одно заманчивое и отрицательно-невѣрующее заглавіе,— и мы радуемся ей какъ находкѣ, удивляемся ея мудрости, и съ торжествомъ приглашаемъ всякаго черпать изъ этого источника мудрости? Если все это хотя въ нѣкоторой степени такъ, то вотъ мы и открыли тотъ современный недугъ нашъ, о которомъ настоитъ намъ надобность говорить предъ вами во время и не во время, по выраженію писанія. На сей разъ мы имѣемъ намѣреніе коснуться нѣсколько духа и характера нашего воспитанія, какъ общественнаго такъ и домашняго; ибо это именно и есть та самая почва, на которой выростаютъ плевелы современныхъ болѣзней общественныхъ. Уразумѣвши сущность современнаго воспитанія и обозрѣвши ходъ его, мы увидимъ, какимъ образомъ зрѣетъ тайна современнаго равнодушія къ религіи и вѣрѣ Христовой.

Итакъ начнемъ съ тѣхъ дѣтскихъ нѣжныхъ лѣтъ, о которыхъ всякій изъ насъ сберегаетъ до глубокой старости самыя сладкія воспоминанія. Вотъ является на свѣтъ въ христіанскомъ семействѣ дитя, новый членъ великой человѣческой семьи, новая зеленѣющая вѣтка на богонасажденномъ древѣ церкви Христовой. Воспріявши новорожденное дитя, возродивши его въ купели крещенія для новой благодатной жизни во Христѣ Іисусѣ, святая церковь сдаетъ сей драгоцѣнный залогъ свой на руки родителей и воспитателей. Періодъ безсознательной жизни дитяти скоро проходитъ. Дитя едва становится на ноги, какъ уже силится привести въ нѣкоторый порядокъ тѣ разнообразныя впечатлѣнія, которыя чрезъ внѣшія чувства касаются его нѣжной и воспріимчивой души; оно хочетъ по возможности найти смыслъ во всемъ, что его окружаетъ, и дѣлаетъ первоначальные опыты своихъ понятій о предметахъ. И вотъ современная наука воспитанія спѣшитъ на помощь развивающемуся дѣтскому уму съ самыми разумными пріемами, съ самыми испытанными воспитательными методами. Она владѣетъ тайной незамѣтно развить въ ребенкѣ наблюдательность, изощрить его внѣшнія чувства, пробудить жажду знанія, пріучить за внѣшней и кажущейся стороной явленій отыскивать причину ихъ,—и всѣ эти свои уроки она умѣетъ облечь въ самую простую и доступную форму наглядности, и, отбросивъ старинные книжные пріемы, дѣлаетъ свое дѣло посредствомъ живой и разговорной рѣчи. И все это конечно прекрасно. Но въ толпу этихъ доступныхъ и подстрекающихъ дѣтскую любознательность предметовъ, которыми современная педагогика съ такимъ тактомъ умѣетъ окружить дитя, озабочивается ли она вводить такіе предметы, которые наводили-бы дѣтскую мысль на Бога, на св. церковь, на Господа Іисуса Христа, на ангела хранителя, вообще на небо? Часто ли глазъ ребенка сталкивается съ горящей лампадой предъ украшенной иконой, видитъ земные поклоны, молитвенные взоры и и проч ...? Обоняетъ ли онъ дымъ кадильный, слышитъ ли церковное пѣніе, наблюдаетъ ли службы церковныя съ ихъ святыми и такъ много говорящими сердцу обрядами? Вотъ на этомъ-то пунктѣ и начинаетъ обыкновенно хромать современная педа-

гогика; ее какъ-бы оставляетъ здѣсь столь свойственный ей тактъ и пониманіе дѣтской природы. Развитіе религіознаго сознанія она любитъ отлагать на послѣ,—до извѣстной степени усовершенствованія и укрѣпленія умственныхъ силъ дитяти, совершенно забывая, или даже вовсе не желая знать, и можетъ быть считая суевѣріемъ ту святую богослужебную наглядность, которую предлагаетъ разцвѣтающей дѣтской мысли религіозной св. церковь,—наша самая первая и общая воспитательница, и которой такъ превосходно умѣютъ пользоваться иные разумные воспитатели въ христіанскихъ семействахъ. А между тѣмъ этой-то первоначальной ошибкой воспитательной, этой односторонностію воспитательныхъ пріемовъ, которая беретъ на свою долю только научныя правила и теоріи воспитанія, предоставляя всякія другія, напр. церковныя начала только извѣстнымъ низшимъ классамъ общества,—этимъ-то, говоримъ, и кладется первоначальное основаніе отпаденія отъ вѣры и религіи Христовой, отъ Бога и отъ церкви Его. Нельзя ожидать, чтобы въ ребенкѣ взошло впослѣдствіи то, что въ немъ не посѣяно.

Но вотъ незамѣтно проходитъ и этотъ періодъ, когда дѣйствуютъ въ человѣкѣ преимущественно низшія силы познающаго духа, въ предѣлахъ одного только ближайшаго опыта и посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Вдругъ, какъ молнія, загораются въ ребенкѣ высшія, чисто духовныя идеи. Онъ начинаетъ искать красоты и хочетъ наслаждаться ею; онъ жаждетъ истины и образованія, онъ покушается выработать и установить для себя какія-либо прочныя начала для своей дѣятельности и строитъ идеалы,—однимъ словомъ онъ незамѣтно дѣлается юношею. Что же дѣлаетъ и какъ обыкновенно поступаетъ въ этотъ прекрасный періодъ человѣческой жизни современная педагогія? О, труда и хлопотъ ей здѣсь больше всего! Для развитія и облагороженія сердечной стороны въ молодомъ человѣкѣ она вводитъ его въ область искусства, знакомитъ съ изящными произведеніями литературы, доставляетъ ему наслажденія музыкой, поэзіей, живописью, сценическимъ искусствомъ и т. под., дѣлаетъ все, чтобы съ одной стороны изощрить въ юношѣ чувство прекраснаго, а съ другой—доставить ему надлежащее удовлетвореніе.

Для развитія въ воспитанникѣ чувства истины и для удовлетворенія прирожденной человѣку жажды знанія, его вводятъ въ область науки, выясняютъ ему тайны бытія, знакомятъ съ силами и законами природы, изучаютъ съ нимъ прошедшую исторію человѣчества, исторію его постепеннаго развитія по всѣмъ сторонамъ его духовной жизни, обозрѣваютъ съ нимъ весь шаръ земной съ его разнообразными произведеніями и обитателями,— однимъ словомъ, дѣлаютъ все, чтобы какъ можно болѣе расширить умственный кругозоръ юноши и сообщить наибыстрѣйшій полетъ его мысли. Наконецъ, чтобы возвысить въ юношѣ его человѣческое достоинство и дать доброе направленіе его волѣ, стараются развить въ немъ какъ можно больше чувство долга и чести, пріучить къ труду и къ уваженію чужихъ правъ и чужихъ личностей. На этомъ обыкновенно и кончаются всѣ заботы современной педагогіи о воспитаніи человѣка. Мы беремъ здѣсь самое лучшее направленіе современной педагогіи. Сдѣлавши все, о чемъ мы сказали, она полагаетъ, что ей уже не остается ничего больше дѣлать.

Но, Боже мой, зачѣмъ же забывать ту самую важную и глубочайшую сторону духа человѣческаго, которой онъ устремляется непосредственно къ самому Богу, ищетъ живыхъ съ нимъ связей и дѣятельнаго общенія, а не отвлеченныхъ только умствованій о немъ,—зачѣмъ забываютъ религію? Когда же наконецъ заговорятъ воспитаннику языкомъ сердца и души о Господѣ Іисусѣ Христѣ, о томъ, что въ немъ наша жизнь, наше спасеніе,—наше все? О томъ, что не прививаясь посредствомъ спасительныхъ таинствъ къ воплотившемуся Богочеловѣку, не участвуя въ его страданіяхъ, не питаясь его плотію и кровію, не принадлежа къ его церкви,—человѣчество со всею ученостію, со всѣмъ своимъ развитіемъ,—и бѣдно, и нище, и слѣпо и убого, и вся нравственность его—призракъ и дымъ? Когда же наконецъ воспитанникъ услышитъ и пойметъ всѣмъ существомъ своимъ, что высшій идеалъ человѣческаго совершенства олицетворился для насъ въ лицѣ Спасителя нашего,—что онъ есть первообразъ и первоисточникъ всякой истины, добра и красоты,— что все, что не согласуется съ началами евангельской нравствен-

ности, то безконечно ниже ея? Увы! все это опускается изъ виду, или ограничивается для приличія одними условными уроками по закону Божію; а подчасъ и эти уроки, и эти слабыя искры религіи расчитанно или ненамѣренно тушатся и подавляются господствомъ современной мудрости.

Что же послѣ этого будетъ удивительнаго, если какая-нибудь современная ученая знаменитость скажетъ, что по обозрѣніи всей вселенной онъ нигдѣ не видѣлъ Бога? Если современное молодое поколѣніе философствуетъ о жизни нѣсколько въ духѣ древняго епикурейства съ нѣкоторымъ современнымъ оттѣнкомъ болѣе дурнаго свойства,—это тоже въ порядкѣ вещей. Если современные образованные люди, заходя иногда въ храмы Божіи, не находятъ здѣсь ничего родственнаго себѣ, ничего назидательнаго и говорящаго душѣ, и ведутъ себя здѣсь только съ холоднымъ приличіемъ и простою наблюдательностію,—то какъ же можетъ быть иначе?.. Если въ жизни ихъ замѣчается эгоизмъ и всякаго рода распущенность, если въ головѣ у нихъ много-ученая пустота и невѣріе, а въ сердцѣ мертвенная сушь и постыдныя страсти, на языкѣ красивыя, но безсодержательныя фразы о человѣческомъ достоинствѣ, а во всемъ существѣ ихъ удивительное безплодіе и пустота,—то и это не должно удивлять насъ. Гдѣ имъ взять силы и огня, вдохновляющаго человѣка на жертвы для добра, гдѣ взять чистоты и непорочности сердца, глубины мысли и трезвенности во всей жизни, если они не привиты къ единой животворной маслинѣ—Господу Іисусу Христу? Вѣрны и непоколебимы слова его: «*якоже рогза не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во мнѣ не пребудете*». И еще: «*безъ мене не можете творити ничесоже*» (Іоан. XV, 5. 4).

Этимъ мы кончаемъ свое слово, благочестивые слушатели. И если намъ удалось указать хотя нѣкоторыя черты современнаго воспитанія, недостаточность котораго такъ сильно отдается какъ въ частной и семейной, такъ и общественной жизни нашего отечества,-то остается пожелать, чтобы слово наше хотя нѣсколько было принято къ сердцу, и дало-бы хотя нѣкоторый толчекъ къ нашему обновленію по новымъ христіанскимъ на-

чаламъ жизни и дѣятельности. Святая рѣшимость построить на этихъ началахъ какъ свою жизнь, такъ и жизнь дѣтей нашихъ, всего умѣстнѣе была бы въ настоящій день, въ который мы празднуемъ иного житія вѣчнаго начало, когда всѣ мы собрались молиться о здравіи и благоденствіи благочестивѣйшаго государя нашего, верховнаго покровителя и ревнителя святой вѣры Христовой, всѣми государственными мѣрами старающагося внѣдрить ее во всѣ области жизни нашего отечества. Любя называть себя его вѣрноподданными, мы тогда только будемъ ими, когда станемъ сочувствовать его желаніямъ касательно насъ, и когда рѣшимся осуществить въ своей жизни его надежды и предположенія. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при гробѣ наставника Владимірской Семинаріи Александра Васильевича Поснѣхова *).

(8 Февр. 1870 г.).

Вотъ и еще предъ нами жертва смерти, еще угасла жизнь едва разцвѣтшая, еще не стало на свѣтѣ человѣка, — и еще намъ напоминаніе, что придетъ нѣкогда очередь и за нами! Но, Боже праведный, зачѣмъ же Ты вдохнулъ въ насъ такую непреодолимую любовь къ жизни, зачѣмъ благоволишь являться намъ въ этотъ прекрасный міръ твой, въ которомъ разсѣяно столько красотъ для нашихъ чувствъ, въ которомъ такое неисчерпаемое море твоей премудрости и благости? И какое наслажденіе черпать изъ этого моря, углубляться въ тайны бытія и чувствовать себя въ живой гармоніи со всѣмъ живущимъ! Но вотъ внезапно находитъ на насъ страшная смерть,—и низводитъ насъ въ могилу. И нѣтъ возможности упросить и умолить ее,—и на единый часъ не хочетъ она помедлить своимъ роко-

*) Напечатано во 7-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1870-й г.

вымъ притворомъ. И положатъ насъ въ гробъ, какъ сего брата нашего, и застынетъ въ насъ кровь, оледенѣютъ чувства, и заростетъ наша могила,—а солнце по прежнему будетъ блистать въ мірѣ Божіемъ, порядокъ жизни пойдетъ своимъ чередомъ и изъ жизненной чаши съ наслажденіемъ будутъ пить другія многочисленныя твари. Что же все это значитъ, и неужели такъ тому и должно быть? Неужели этотъ внезапный и возмутительный для нашего духа перерывъ нашей жизни есть законный и нормальный предѣлъ ея, и неужели вѣчно будетъ мучить грѣшный родъ нашъ—этотъ страшный врагъ нашъ—смерть??...

Трудно, братія мои и други, воздержаться отъ этихъ воплей и воздыханій сердечныхъ, когда стоишь такъ близко, какъ теперь, ко гробу, въ которомъ прахъ и тлѣніе. Но за то здѣсь то именно предъ страшнымъ и холоднымъ видомъ смерти, когда все существо наше содрагается ужасомъ смертнымъ,—здѣсь-то именно и чувствуется вся глубина и спасительная сила нашей святой вѣры. Ибо что удовлетворительнаго имѣетъ отвѣтить вся мудрость земная на тѣ вопросы о жизни человѣка, которые задаетъ уму нашему смерть? Ничего!... Какія утѣшенія можетъ дать она сердцу нашему, надрывающемуся отъ тоски и скорби смертной? Никакихъ! Умеръ человѣкъ,—и тѣло его обратится въ тлѣніе и прахъ, самая могила заростетъ травою: вотъ и вся разгадка его жизни,—такъ иногда философствуетъ естественная мудрость человѣческая. Но такая философія столь же безобразна и возмутительна, какъ самая смерть, и столько же ужасна, какъ могила. Нѣтъ, *изначала не бысть тако*, говоритъ намъ слово Божіе; *Богъ смерти не сотвори*. Смерть есть случайное и неестественное явленіе въ человѣчествѣ. Она явилась съ тѣхъ поръ, какъ самъ человѣкъ грѣхомъ внесъ разрушеніе въ свою природу; явился грѣхъ *и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде* (Рим. V, 12). Но смерть убиваетъ только тѣло, а не душу; духъ же нашъ *сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ*. Но и тѣло умираетъ только на время, ибо самъ Господь Богъ послалъ на землю Сына своего *въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во*

плоти (Рим. VIII, 3). *Аще сообразни бихомъ подобію смерти его, то и воскресенія будемъ. Аще же умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ яко и живи будемъ съ нимъ* (Рим. VI, 5. 8). Итакъ, что же сказать объ этомъ временномъ отдѣленіи души человѣческой отъ тѣла, что сказать объ этомъ мертвомъ тѣлѣ, наводящемъ ужасъ на всѣхъ живыхъ людей? *Грядетъ часъ,... егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. V, 25). *Сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное.... Сѣется не въ честь, востаетъ въ славу; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ* (1 Кор. XV, 44. 43). *Мертвіи о Христѣ воскреснутъ первіе; потомъ же мы живущіи оставшіи, купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол IV, 16. 17). А тамъ въ пришествіи Господнемъ будетъ ново небо и нова земля,—и начнется новая невообразимо прекрасная и безконечно блаженная жизнь!... Боже мой, какъ много свѣта и теплоты въ этихъ отрадныхъ истинахъ христіанскаго откровенія, какъ онѣ родственны душѣ нашей, и какъ прямо и успокоительно отвѣчаютъ онѣ на тѣ тревожные вопросы, которыми волнуется умъ нашъ всякій разъ, когда встрѣчается съ мыслію о смерти! Итакъ, вотъ гдѣ надо спасаться намъ отъ ужаса смерти, вотъ гдѣ оружіе и вмѣстѣ лекарство противъ ея ядовитаго жала! Съ глубокой вѣрой облобызаемъ святыя истины Христовой вѣры, обымемъ ихъ всѣмъ чувствомъ своимъ, перенесемъ ихъ въ сердце и воплотимъ въ жизни,—и мы безтрепетно будемъ смотрѣть на свое будущее, и съ миромъ и радостію отойдемъ въ другую жизнь.

Не эти ли истины Христовой вѣры, которыя такъ ярко разцвѣли въ душѣ твоей, возлюбленный братъ нашъ въ послѣдніе предсмертные часы твои, не онѣ ли были причиною того христіанскаго спокойствія, съ которымъ ты вкусилъ смерть? Безъ сомнѣнія такъ! По той мѣрѣ, какъ истлѣвало и истончевалось твое тѣло, очищался и возгрѣвался духъ твой. Вѣруемъ, что премилосердый Господь нашъ труды твои и болѣзни смертныя принялъ какъ очистительную жертву за душу твою, и грѣховъ юности твоея и невѣдѣнія твоего не помянетъ. Благословенъ

Господь, даровавшій тебѣ предъ кончиною твоею несомнѣнный залогъ своей любви и всепрощенія—животворящее тѣло и кровь Сына своего. Итакъ блаженъ путь, *въ онь же идеши*, усопшій другъ и братъ нашъ! Не будемъ много скорбѣть о томъ, что не преполовилъ ты дней своихъ, что мало пожилъ на свѣтѣ,—такова о тебѣ воля Божія! Но не тамъ ли, гдѣ ты теперь, и всѣ мы скоро будемъ? Ибо что значитъ самый долгій вѣкъ человѣческій предъ необъятною вѣчностію, и не къ одному ли концу онъ всѣхъ приводитъ? Чѣмъ же напутствовать тебя, братъ нашъ, и съ чѣмъ проводить въ далекій загробный путь? Одно теперь осталось у насъ для тебя—это молитва. Молимъ Господа,—да проститъ тебѣ всѣ согрѣшенія твои, и да вчинитъ душу твою, идѣже свѣтъ животный!

Но что же мы, братія—оставшіеся живущіи? Долженъ ли безслѣдно пропасть для насъ этотъ поразительный изъ многочисленныхъ, видѣнныхъ нами на своемъ вѣку, опытъ смерти? Схоронивши сего ближняго и брата во Христѣ, поспѣшимъ ли мы отвратить свои взоры отъ страшнаго лика смерти; поспѣшимъ ли изгладить настоящее тяжелое впечатлѣніе обычной житейской суетой и земными удовольствіями? Да не будетъ сего! Пока еще свѣжъ сей урокъ смертный, пока еще жива память о семъ усопшемъ, нельзя ли намъ хотя сколько нибудь сократить свою любовь къ землѣ, нельзя ли поглубже уразумѣть, «что земная жизнь наша есть только подготовленіе къ жизни вѣчной, и что отечество наше на небесѣхъ?» О Боже, спаси насъ отъ суеты житейской, которая такъ непреодолимо влечетъ насъ къ себѣ. Не дай угаснуть въ насъ памяти смертной, удостой насъ непостыдной и мирной кончины христіанской и добраго отвѣта на страшномъ судищѣ твоемъ!» Аминь.

РѢЧЬ

прощальная и напутственная воспитанницамъ Владимірскаго епархіальнаго женскаго Училища перваго курса *).

(28 іюня 1870 г.).

Любезныя воспитанницы!

Привѣтствуемъ васъ съ окончаніемъ курса вашего ученія. По вашимъ сіяющимъ лицамъ видно, какія вы свѣтлыя переживаете минуты. Вполнѣ сочувствуемъ вашей радости и призываемъ благословеніе Божіе на вашъ выходъ изъ училища. Но чѣмъ торжественнѣе и знаменательнѣе для васъ настоящія минуты, тѣмъ разнообразнѣйшія въ насъ вызываютъ онѣ чувства и думы, которыми въ послѣдній разъ намѣрены мы подѣлиться съ вами. Такъ впрочемъ случается всегда, когда нужно бываетъ сказать послѣднее прощальное слово. Желалось бы и то высказать, и о томъ предупредить, и о другомъ не забыть напомнить, и то посовѣтовать, и отъ этого предохранить. Многосложность и нѣкоторая неопредѣленность настоящихъ минутъ безъ всякаго сомнѣнія испытывается нѣсколько и вами. Не разъ конечно, ожидая своего выпуска, вы съ затаеннымъ волненіемъ устремляли къ нему навстрѣчу свою нетерпѣливую мысль, и съ весьма понятнымъ удовольствіемъ ожидали его наступленія. Вотъ наступило это столь желанное вами время,—и не правда ли, что вы затруднитесь теперь сказать, вполнѣ ли вы счастливы и довольны, и не примѣшивается ли къ вашей радости нѣкоторое сожалѣніе объ оставляемомъ вами училищѣ, объ этомъ святомъ храмѣ Божіемъ, въ которомъ шесть лѣтъ изливали вы предъ Богомъ свои дѣтскія молитвы, о своихъ подругахъ, съ которыми надо разстаться, о самой даже этой школьной жизни, которая подчасъ стѣснила васъ,—словомъ обо всемъ, что имѣетъ отношеніе къ вашему училищу, подъ кровлею котораго протекли ваши отроческіе и самые первые юношескіе годы!

*) Напечатана въ 14 № «Влад. Епар. Вѣдомост.» за 1870 г.

Если это подлинно такъ, то это очень хорошее у васъ чувство. Берегите его какъ можно дольше и не разрывайте духовной связи съ училищемъ и послѣ того, какъ вы перестанете въ немъ учиться,—это нашъ первый вамъ совѣтъ и наставленіе! Жизнь, которую вы отселѣ поведете, такъ рѣзко будетъ отличаться отъ вашей училищной жизни, такъ новы будутъ для васъ ея уроки и такъ могущественно ея вліяніе, что вы и не увидите, какъ можете измѣниться и сдѣлаться совершенно не тѣмъ, чѣмъ мы отсюда васъ выпускаемъ; а это очень опасно, ибо въ жизни вообще, и особенно въ той, которая предстоитъ вамъ,—сказать надо правду,—гораздо больше темныхъ и суровыхъ, чѣмъ свѣтлыхъ и пріятныхъ сторонъ. Вотъ на этотъ-то случай и важно для васъ поддерживать духовную связь съ мѣстомъ прежняго вашего воспитанія, а она будетъ поддерживаться тогда, когда вы будете освѣжать въ своей памяти тѣ добрые наставленія и уроки, какіе вы слышали здѣсь, и когда будете стараться навсегда удержать за собою пріобрѣтенное здѣсь преимущество людей образованныхъ, облагороженныхъ и хорошо направленныхъ. Желалось бы намъ выяснить вамъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя главныя опасности, угрожающія вамъ по выходѣ вашемъ изъ училища, чтобы вы постоянно имѣли ихъ въ виду и умѣли отстранять ихъ и побѣждать.

Первое, что вы почувствуете по выходѣ изъ училища,—это свободу отъ надзора, отъ училищной дисциплины и отъ всякой начальственной опеки. До сихъ поръ все ваше время, вся дѣятельность и вся жизнь ваша шла по опредѣленной училищной программѣ. Что дѣлать въ извѣстный часъ, чѣмъ заниматься, какъ вести себя,—все это было опредѣлено и расписано для васъ. Теперь вы вдругъ дѣлаетесь самостоятельными, и свободно можете распоряжаться своимъ временемъ и всею своею жизнію; можете дѣлать что угодно, и заниматься чѣмъ знаете и когда вздумаете. Состояніе конечно весьма пріятное для молодости, но поймите, что оно весьма серьезное и отвѣтственное. Теперь вы сами за себя будете отвѣчать предъ Богомъ и людьми... Мы берегли васъ, мы лелѣяли васъ, мы учили васъ всему доброму, мы старались поставить васъ на путь добродѣтели,—теперь

отъ васъ будетъ зависѣть стоять на этомъ пути и идти по нему неуклонно. Мы болѣе не отвѣчаемъ за васъ предъ Богомъ. Не потому говоримъ это, что рады, что освободились отъ отвѣтственности за васъ; напротивъ потому, что намъ въ высшей степени дорога ваша будущность; потому, что мы желаемъ выяснить вамъ ваше собственное совершенно новое для васъ положеніе. Переходъ отъ школы къ жизни будетъ слишкомъ для васъ рѣзокъ, такъ что вы можете растеряться и стать въ недоумѣніе, что вамъ дѣлать съ своей свободой, куда идти и кому подражать. Умоляемъ васъ не выпускать изъ виду тотъ идеалъ благочестивой и добродѣтельной жизни, который мы начертили вамъ. *Сказахомъ вамъ всю волю Божію,*—старайтесь по возможности осуществлять ее въ своей жизни. Житейская мудрость представляетъ больше худаго чѣмъ хорошаго въ жизни, и совѣтуетъ приготовляться ко всему. Очень можетъ быть, что васъ окружатъ дурные примѣры, что вы очутитесь въ грубой средѣ, что вы пойдете навстрѣчу разнымъ соблазнамъ, что вы будете сталкиваться съ различными вещами, которыя будутъ жестко и болѣзненно дѣйствовать на ваше нравственное христіанское чувство. Сумѣете-ли вы съ христіанскимъ достоинствомъ выдержать себя въ подобныхъ столкновеніяхъ и положеніяхъ, и повести себя, какъ подобаетъ духовнымъ воспитанницамъ? Да поможетъ вамъ Господь Богъ! Помните, что есть на свѣтѣ весьма много людей грубыхъ, завистливыхъ и злыхъ. Будутъ они непремѣнно и около васъ. Эти люди готовы будутъ изъ самаго малозначительнаго пятна въ вашей жизни выводить самые неблагопріятные отзывы о цѣломъ вашемъ направленіи, и самыя обыкновенныя и общечеловѣческія ваши слабости и проступки будутъ, пожалуй, возводить на степень преступленій и съ торжествомъ говорить объ васъ: «да, мы всегда этого отъ нихъ ожидали»! Несправедливы будутъ эти отзывы, но все-таки грустно, если вы подадите къ нимъ поводъ. Не стоитъ много безпокоиться о людскихъ мнѣніяхъ, ибо дороже всего благоволеніе Божіе,—такъ; но все-таки и мнѣніемъ людскимъ пренебрегать не слѣдуетъ. Вы воспитанницы перваго выпуска изъ нашего училища; и потому ваша репутація, худая или хорошая, по необходимости

будетъ отражаться такъ или иначе на чести цѣлаго заведенія, изъ котораго вы выходите. Ради Бога, не выпускайте этого изъ вида. Да поможетъ вамъ Господь Богъ соблюсти себя на всю свою будущую жизнь такими же чистыми, безукоризненными и непорочными душой и тѣломъ, какими васъ всѣхъ пускаемъ мы отсюда. Подчиняйте себя все больше и больше игу Христова закона, которому учить хотѣли мы васъ, и будьте, по заповѣди Спасителя, свѣточемъ богоугодной жизни въ той средѣ, въ которой судитъ вамъ жить Господь Богъ. Если вы будете такъ вести себя, если будете скромны, благородны, трудолюбивы, цѣломудренны, благоговѣйны и благочестивы, то вѣрьте: какъ бы ни сложилась жизнь ваша,—она приведетъ васъ непремѣнно къ вожделенному концу, она будетъ честію и славою вашею предъ людьми, она привлечетъ вамъ милость Божію на землѣ, и будетъ залогомъ безконечнаго блаженства на небѣ.

Затѣмъ, переходя изъ области нравственныхъ правилъ нѣсколько ближе къ вашей ежедневной жизни, предстоящей вамъ по выпускѣ, желаемъ обратить ваше вниманіе на другое обстоятельство, могущее имѣть весьма вредное на васъ вліяніе,—это недостатокъ сродной умственной пищи, къ которой уже пріучила васъ нѣсколько школа. Вслѣдствіе этого недостатка вы можете поддаться умственной сонливости и вялости, потерять всякое желаніе умножать свои знанія и болѣе и болѣе развивать свой умъ. Судите сами, какъ было бы это грустно. За тѣмъ-ли человѣкъ долженъ учиться въ юности, чтобы потомъ бросить всякое попеченіе о своемъ образованіи и только забывать то, чему онъ выучился? Напротивъ здѣсь въ училищѣ полагались лишь первыя основанія вашего образованія, лишь возбуждаемъ былъ и направляемъ вашъ умъ, чтобы впослѣдствіи вы сами продолжали свое умственное развитіе, и по возможности были проводниками просвѣщенія въ той средѣ, въ которой судитъ вамъ Господь жить. Дайте же здѣсь святой обѣтъ никогда не выпускать этого изъ виду и прилагать все свое стараніе, чтобы осуществить на дѣлѣ это поистинѣ высокое ваше призваніе. Конечно деревни и села, по которымъ вы разсѣетесь, мало представляютъ средствъ и удобствъ для самообразованія и развитія;

но нельзя сказать, чтобы ихъ не было тамъ вовсе. Слава Богу, въ настоящее время трудно найти таковое захолустье въ нашемъ отечествѣ, гдѣ нельзя было бы достать ни одной книги для освѣженія своего ума. Наши села и деревни находятся въ довольно живыхъ и удобныхъ сообщеніяхъ какъ между собою, такъ и съ городами. Слѣдовательно,—была бы только ваша добрая воля—и у васъ будетъ и возможность и достаточный досугъ позаботиться объ умственной для себя пищѣ. Главное то, лишь бы не лишены были вы возможности поучаться въ законѣ Господнемъ, и просвѣщать себя церковно—отеческимъ ученіемъ. А этого свѣта всегда вы найдете въ достаточномъ количествѣ гдѣ бы ни жили, и гдѣ только есть неподалеку храмъ Господень. Что же касается того, какъ и гдѣ вы можете сами распространять просвѣщеніе; то поистинѣ объ этомъ вамъ и заботиться и хлопотать нечего Для васъ уже готово, васъ встрѣтитъ самое широкое въ этомъ отношеніи поприще. Можетъ быть, вы уже угадываете, на что мы наводимъ вашу мысль. Я хочу сказать вамъ, что васъ ждутъ цѣлыя толпы бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтей, коснѣющихъ во тьмѣ невѣжества, для которыхъ вы можете быть, если хотите, благотворными свѣточами, добрыми наставницами и руководительницами. Не громко конечно и не блестящее званіе сельской народной учительницы; но какъ однакоже оно вамъ сподручно и какъ можетъ быть благотворно для народа! Вѣдь и не все то золото, что блеститъ, и не тамъ только совершаются великіе подвиги и заслуги, гдѣ шумъ и блескъ. Скромно трудясь надъ дѣломъ народнаго образованія въ сельской тиши и предъ очами одного отца небеснаго, съ особенною милостію призирающаго на скромные и въ тайнѣ совершаемые труды, вы можете гораздо больше пользы и добра принести народу, чѣмъ иной высокопоставленный и гораздо болѣе васъ образованный человѣкъ. Есть же примѣры, что наши простые причетники, и даже ихъ жены, устраивали въ своихъ домахъ школы и обучали грамотѣ цѣлыя поколѣнія крестьянскихъ дѣтей. Мы надѣемся, что вы научше конечно и успѣшнѣе ихъ поведете это дѣло, и не одной грамотѣ можете научить,—а развѣ это маловажное дѣло? Кромѣ благодарности народа и награды

отъ Бога, ваши учительскіе труды могутъ наконецъ доставлять и средства къ жизни, а главное могутъ спасти васъ самихъ отъ того умственнаго застоя и вялости, о которыхъ я сказалъ вамъ выше.

Перехожу наконецъ къ самой ощутительной, самой болѣзненной и горькой сторонѣ предстоящей вамъ новой жизни: ее вы почувствуете тотчасъ, какъ только начнетъ проходить первое обаяніе полученной вами свободы, и когда убогая сельская жизнь будетъ проясняться для васъ въ подлинномъ своемъ значеніи. Конечно мы не воспитывали васъ въ нѣгѣ и роскоши и не баловали,—сошлемся въ этомъ на васъ самихъ. Мы старались постепенно ознакомливать васъ со всѣмъ, съ чѣмъ придется скоро соприкасаться вамъ въ жизни, и пріучить ко всякому труду, необходимому въ сельской жизни. Если нѣкоторые думаютъ иначе, имѣя смутное и не провѣренное представленіе объ обстановкѣ нашего училища, то они конечно очень ошибаются. Но во всякомъ случаѣ, ни изнурительныхъ трудовъ, ни гнетущей нужды вы здѣсь не испытали: а кто знаетъ, не придется ли многимъ изъ васъ испытывать и то и другое и третье, и можетъ быть многое другое, гораздо болѣе горькое? Весьма многіе, опираясь на эти опасенія, и выставляя на видъ рѣшительное будтобы несоотвѣтствіе вашей училищной жизни съ предстоящей вамъ бѣдной и суровой обстановкой житейской, хотѣли бы даже, чтобы епархіальное наше училище вовсе не существовало. Искренни ли эти опасенія и проистекаютъ ли они изъ одного только благожеланія, или изъ другихъ какихъ нибудь, менѣе касающихся васъ побужденій,—объ этомъ мы не станемъ здѣсь теперь распространяться. Но конечно вы, кончающія курсъ своего ученія и понимающія цѣну образованія и его превосходство предъ необразованностью и грубостью,—вы, говоримъ, хорошо видите всю несостоятельность той мысли, будто надо людей держать во тьмѣ и черномъ тѣлѣ за тѣмъ, чтобы они не чувствовали своего горькаго положенія, подобно какимъ нибудь индейскимъ дикарямъ, и благодушно и безстрастно несли его. Нѣтъ, мы съ вами конечно не думаемъ такъ; напротивъ мы полагаемъ, что неестественно человѣку такое положеніе, что грѣхъ насильно и созна-

тельно держать его въ немъ, что нельзя и выдти ему изъ такого ненормальнаго состоянія, если ему не покажутъ ничего лучшаго, чѣмъ та тьма и грубость, въ которой поставили его обстоятельства, если не вдохнутъ въ него ни одной свѣтлой мысли о его человѣческомъ достоинствѣ, и если не зажгутъ въ немъ воспитаніемъ ни одной благородной искры. Мы не въ томъ полагаемъ счастіе человѣка, если онъ не понимаетъ, что онъ несчастливъ; равно какъ и цѣну добродѣтели и достоинство его нравственности не въ томъ видимъ, если онъ не испытываетъ никакой борьбы. Напротивъ чѣмъ выше и чище добродѣтель, тѣмъ съ большимъ подвигомъ и борьбой она связана.... не такъ-ли? Мы къ тому все это говоримъ, что вы находитесь теперь на рубежѣ между школою и жизнію, и что вамъ надо доказать, что добрыя сѣмена христіанскаго ученія и добродѣтели, которыя мы сѣяли на почвѣ вашихъ юныхъ и воспріимчивыхъ сердецъ, и могутъ только принести добрые плоды по роду своему, при содѣйствіи благодати и силы Божіей. Постарайтесь оправдать наши ожиданія и наши надежды на васъ; доказать всѣмъ и каждому, что вы не воспитаны въ нѣгѣ и роскоши, и не только не избѣгаете никакого посильнаго труда и не гнушаетесь никакой черной работы, напротивъ на все это способны и приготовлены, и съ любовію беретесь за все, что нужно и требуется; что вы очень хорошо понимаете свое положеніе и какъ бы ни устроилась ваша жизнь,—вы рѣшились отдаться вполнѣ волѣ Божіей, и не склониться ни налѣво ни направо отъ пути добродѣтели, какъ бы ни тѣсенъ и ни тернистъ былъ этотъ путь. А если горечь жизни слишкомъ болѣзненно будетъ ощущаться въ сердцѣ вашемъ, и ни кругомъ ни около не будетъ у васъ ни поддержки, ни утѣшенія, ни отрады (надо-ли все расчитывать!); то пролейте скорбь свою предъ Господомъ Богомъ и царицей небесной,—и вы найдете утѣшеніе въ молитвѣ. Молитва васъ успокоитъ, дастъ вамъ силы и вдохновитъ на все высокое и прекрасное. Вспомните при этомъ, что есть у васъ на мѣстѣ прежняго вашего воспитанія люди горячо сочувствующіе вамъ, молящіеся за васъ, и готовые чѣмъ только могутъ помочь вамъ и облегчить ваше положеніе. Особенно сохра-

ните въ вашей памяти то, что великодушный архипастырь нашъ, владыка Антоній, милостями коего не однократно вы имѣли случай здѣсь пользоваться, не забудетъ васъ и по выходѣ изъ училища.

На прощаньи съ вами невольно вспоминается та теплая святительская молитва, которою молился о васъ первоначальный учредитель нашего училища, преосвященный Ѳеофанъ, когда вы были еще маленькими дѣтьми, и только что поступали сюда учиться. Мы были свидѣтелями сей молитвы—и вотъ Господь приводитъ—ею же проводить васъ изъ училища: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ! Самъ благоволившій преуспѣвать возрастомъ и разумомъ и благодатію у Бога и людей, и во время твоего на землѣ служенія спасенію нашему повелѣвшій невозбранно приступать къ тебѣ малымъ дѣтямъ, указуя въ нихъ образъ совершенства христіанскаго, благослови отроковицъ сихъ» уже возрасшихъ и нынѣ вступающихъ въ жизнь, «умудри во спасительномъ ученіи твоемъ и сердца ихъ благонравіемъ украси, ангеловъ твоихъ хранителей посли, да всѣваютъ въ сердца ихъ всякое благопомышленіе и благорасположеніе, отъ всякаго же вреднаго прираженія, могущаго встрѣтиться имъ въ жизни «да охраняютъ во дни и нощи, — да тако видимо и невидимо питаемы и руководствуемы,..... плодъ добраго житія и благихъ дѣлъ христіанскихъ принесутъ пресвятому имени твоему!... Матерь Божія пречистая, въ объятіяхъ своихъ носившая Христа Господа! обыми отроковицъ сихъ невидимыми объятіями твоими, и всѣмъ намъ милостива буди! Пріими ихъ подъ милостивый материнскій покровъ свой! посѣщай, вразумляй и охраняй ихъ, да будутъ во славу Сына твоего, ему—же со Отцемъ и Св. Духомъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь».

РѢЧЬ

къ воспитанникамъ Владимірской губернской гимназіи, произнесенная по совершеніи перваго богослуженія въ гимназической церкви *).

(27 октяб. 1870 г.).

Любезные воспитанники!

Господь привелъ мнѣ нынче совершить у васъ первое богослуженіе. Въ моей жизни день этотъ во всякомъ случаѣ будетъ стоять не въ ряду обыкновенныхъ моихъ дней. Нынче стоялъ я предъ престоломъ Божіимъ впереди новаго для меня вашего общества, молился среди новой семьи и вижу предъ собою новую юную паству. Дорога, на которую я чувствую себя теперь окончательно поставленнымъ, конечно для меня не совсѣмъ новая, и обязанности, которыя съ нынѣшнимъ днемъ я принялъ относительно васъ предъ лицемъ Господнимъ, довольно однородны съ прежними моими обязанностями; ибо по сію самую пору имѣлъ я дѣло съ подобными вамъ дѣтьми и съ тѣмъ же самымъ возрастомъ, въ какомъ находитесь вы. Но все же я ожидаю у васъ не мало особенностей и новыхъ сторонъ, которыя я могу только предполагать и угадывать, а вполнѣ еще не знаю. Въ каждой семьѣ есть непремѣнно своя особенность, и чѣмъ больше семья, тѣмъ эти особенности разнообразнѣе и сложнѣе. Но что бы тамъ ни было,—я съ удовольствіемъ спѣшу, до болѣе короткаго съ вами знакомства, по крайней мѣрѣ предупредить васъ или объясниться съ вами насчетъ моихъ задушевныхъ желаній относительно васъ и насчетъ главной и и основной моей задачи, надъ которой, думается мнѣ, велитъ мнѣ отнынѣ трудиться самъ Господь Богъ. Такъ ужъ и знайте, какъ я хочу смотрѣть на васъ, и чего отъ васъ искать. Я увѣренъ вполнѣ, что встрѣчу отъ васъ и сочувствіе и содѣйствіе.

Желалъ бы я, просто сказать, видѣть васъ дѣтей и юно-

*) Напечатана въ 45-мъ № «Влад. Губернск. Вѣдом.» за 1870 г.

шей—не чѣмъ инымъ, какъ именно дѣтьми и юношами—только, но по тому свѣтлому, высокому и вмѣстѣ необыкновенно простому образцу дѣтей и юношей, который начертилъ намъ Христосъ Спаситель въ своемъ евангеліи, и который такъ отрадно и привлекательно дѣйствуетъ на всякую, даже грубую и черствую душу. Извѣстно ли вамъ, какъ любилъ Господь дѣтей во время своей земной жизни, какъ Онъ благословлялъ ихъ, обнималъ, ставилъ въ образецъ и примѣръ своимъ апостоламъ, и даже поставилъ для всѣхъ непремѣннымъ условіемъ къ полученію царствія небеснаго непорочныя качества юныхъ душъ?... *Если не обратитесь*, говорилъ Онъ, *и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное* (Матѳ. XVIII, 3). Напротивъ о дѣтяхъ прямо сказалъ, что имъ неотъемлемо принадлежитъ царство небесное (Мар. X, 14). Намъ грѣшнымъ взрослымъ людямъ надобно много трудиться надъ собою, надо сильно бороться съ своими страстями, чтобы привлечь къ себѣ любовь и заслужить милость Божію; а вамъ, дѣти, эта любовь и милость дается, такъ сказать, даромъ. Счастливый возрастъ! Прекрасный возрастъ! Конечно вы хорошо понимаете, что не самъ по себѣ, не за свою слабость, неразвитость и нѣжность ставится этотъ возрастъ такъ высоко Господомъ Богомъ. Нѣтъ,— за чистоту и непорочность души, за теплую вѣру и живую воспріимчивость ко всему святому и доброму, за отсутствіе притворства и грубаго самолюбія, вотъ за что любилъ Господь дѣтей и вотъ съ какой стороны ставилъ Онъ ихъ въ примѣръ всѣмъ и каждому. Но поймите и то, что если по заповѣди Господней всѣ мы можемъ и должны быть дѣтьми; то и наоборотъ— дѣти могутъ, хоть и на свою бѣду, слишкомъ рано утрачивать драгоцѣнныя качества своего возраста и быть взрослыми по дурнымъ стремленіямъ и наклонностямъ, продолжая быть дѣтьми по развитію и зрѣлости. Не правда ли, какое это грустное и уродливое явленіе? А вы можетъ быть сами будете мнѣ свидѣтелями, какъ нерѣдко слышатся отъ зрѣлыхъ и умныхъ людей горькія жалобы на подобныя явленія въ средѣ нынѣшняго юношества. Вотъ чего не дай Богъ въ васъ встрѣтить! Да не оскорбляетъ васъ это мое опасеніе! Оно вызвано не какими ни-

будь моими собственными наблюденіями надъ вами,—я не имѣлъ еще времени ихъ сдѣлать,—а просто той неоспоримой, хоть и печальной истиной, что во всѣхъ насъ людяхъ порча нравственная и эта постепенная утрата святыхъ качествъ дѣтства совершается необыкновенно просто и, можно сказать, такъ же неуловимо, какъ неуловимо наше тѣлесное возрастаніе. Есть въ насъ какая то удивительная воспріемлемость на дурное; не остерегись только отъ этого дурнаго, оно пускаетъ уже корни въ душѣ и готово завладѣть нашимъ сердцемъ. Случайно какъ нибудь подслушанная, или вычитанная дурная мысль крѣпко запамнивается и приводитъ съ собою тьму другихъ мыслей. Одинъ, совершенно непарочно встрѣченный, дурной примѣръ такъ и увлекаетъ къ подражанію. Одна нерѣшительная и боязливая попытка на что нибудь запрещенное и грѣшное почти внезапно даетъ намъ дурную и грѣшную опытность. Отъ того то и случаются на нашихъ глазахъ эти грустные опыты, что дитя благонравное, прилежное, умное и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное, утѣшавшее своихъ родителей и воспитателей, вдругъ начинаетъ обнаруживать признаки какой-то упрямой порчи, а чрезъ нѣкоторый періодъ времени и узнать нельзя, что за безобразное, что за растлѣнное выходитъ изъ него существо. Все это однакоже не отъ того бываетъ, чтобы зло и грѣхъ имѣли надъ нами какую нибудь неодолимую, или роковую силу,—ихъ всегда можно отравить, ослабить въ себѣ и потомъ совсѣмъ возобладать надъ ними. Средству только надо прилежно слѣдить за собой и неослабно блюсти свое сердце отъ дурныхъ вліяній. Здѣсь-то и открывается счастливое и во всякомъ случаѣ неотъемлемое преимущество вашего возраста, что вамъ несравненно легче можно отражать и прогонять отъ себя все дурное, ибо оно еще не имѣетъ надъ вами большой силы; мягкая и еще не засоренная жизнію почва сердца вашего можетъ произрастить какую угодно добродѣтель, если только вы захотите заняться этимъ. Вообще святая практика добра въ высшей степени сродна и удобна всякой юной душѣ, не смотря на природную и всеобщую порчу натуры человѣческой.

Но я желалъ бы нѣсколько болѣе уяснить вамъ ваше осо-

бенное учебное и школьное положеніе; въ немъ есть такія благопріятныя условія для укрѣпленія васъ въ добрѣ, такъ оно хорошо приноровлено къ тому, чтобы вы могли сдѣлаться впослѣдствіи не только добрыми и честными людьми, но и истинными христіанами, что вамъ остается только пользоваться этими условіями и крѣпче держаться въ своемъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ расположено все ваше время, и изъ чего по необходимости слагается ваша ежедневная дѣятельность? Большую половину своего времени вы употребляете на уроки, на изученіе разныхъ наукъ. Это большое для васъ счастіе, это великое ваше преимущество! Сколько сотенъ и тысячъ другихъ дѣтей растутъ безъ всякаго призрѣнія, совершенными невѣждами и неучами, да такъ и вырастаютъ со тьмой въ головѣ, съ суевѣрными взглядами на міръ Божій и съ дурными привычками. Сколько тысячъ живетъ и взрослыхъ людей, у которыхъ все время уходитъ на самыя тяжелыя и грубыя работы и нѣтъ ни минуты свободной, чтобы подумать о своемъ духовномъ развитіи и образованіи. И нѣтъ ничего удивительнаго, если въ такой неблагопріятной средѣ такое множество дѣтей заранѣе вянутъ въ нравственномъ отношеніи, теряютъ цвѣтъ своей невинности и утрачиваютъ непорочность своего сердца. Благодарите же Бога, что вы поставлены въ лучшее и истинно человѣческое положеніе, и пользуйтесь имъ. Не смотрите на науку, какъ на нѣчто непріятное и неизбѣжно тяжелое дѣло,—такой она представляется только съ виду и на первыхъ порахъ,—а заставьте себя искренно полюбить ее, и стремитесь къ ней всѣмъ сердцемъ; вы увидите, что это свѣтъ, это истинная пища человѣческой души, это нѣчто до такой степени привлекательное и здоровое для правильно развивающагося духа человѣческаго, что легче это чувствовать, чѣмъ объяснить словами. Но если вы, по возрасту своему, еще не доразумѣваете всей привлекательности науки; то вѣрьте по крайней мѣрѣ намъ, болѣе васъ жившимъ и болѣе васъ опытнымъ людямъ. Въ нашемъ положеніи несравненно виднѣе, что для васъ истинно полезно и истинно необходимо. О, какъ часто и какъ много поистинѣ даровитыхъ юношей мелчаютъ, портятся, дѣлаются вѣтреными людьми,

праздными мечтателями и потому негодными членами общества и даже вовсе погибшими людьми — оттого, что отвращаются отъ науки, когда имъ предлагаютъ ее, оттого, что смолоду не привыкаютъ къ серьезному научному труду, занимаются наукой нехотя и урывками, обманывая себя и своихъ воспитателей! Какъ поистинѣ жаль этихъ юношей, какой страшной отвѣтственности подвергаютъ они себя предъ Богомъ и обществомъ! Итакъ я желалъ бы видѣть васъ дѣтьми и юношами, серьезно любящими науку и прилежно учащимися,—это мое первое желаніе относительно васъ, которое, конечно, раздѣляютъ со мною всѣ ваши воспитатели и безъ всякаго сомнѣнія вы сами. Чѣмъ искреннѣе и горячѣе это мое желаніе, тѣмъ смѣлѣе я заявляю его вамъ теперь при первой моей встрѣчѣ съ вами въ храмѣ Божіемъ, хотя, можетъ быть, я нѣсколько спѣшу съ этимъ моимъ желаніемъ.

Другое мое желаніе, которое я никогда не устану повторять вамъ, объ которомъ буду хлопотать по мѣрѣ моихъ силъ и объ которомъ молить буду Господа,—это чтобы былъ въ васъ страхъ Божій, который есть начало всякой премудрости; чтобъ горѣла въ васъ та святая религіозная искра, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на все высокое и прекрасное, съ погашеніемъ которой всякій человѣкъ, какъ бы онъ великъ ни былъ во мнѣніи людей, становится ненадежнымъ человѣкомъ и рано или поздно гибнетъ безвозвратно. Я желалъ бы, чтобы святыя истины вѣры Христовой и евангельскія начала нравственности не только были знакомы вашему уму, но и проникали всю вашу душу и воспламеняли ваше юное сердце, чтобы видны были они въ жизни и поведеніи вашемъ, чтобы слышны были въ вашихъ рѣчахъ и убѣжденіяхъ, чтобы составляли въ васъ нѣкоторое постоянное благодатное настроеніе, по которому можно было бы узнать тотчасъ и увидѣть въ васъ не просто только благонравныхъ, но благочестивыхъ и религіозныхъ дѣтей. Образованное и вмѣстѣ благочестивое и религіозное дитя, дитя съ непорочнымъ сердцемъ, съ свѣтлымъ и вѣрующимъ умомъ,—можетъ ли быть въ цѣломъ мірѣ что нибудь прекраснѣе этого явленія?! Рисуя въ мысли этотъ свѣтлый образъ, такъ и слышишь чудныя слова Спасителя: *пу-*

стите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ; ибо таковыхъ есть царствіе Божіе (Мар. X, 14). Итакъ научныя свои занятія сопровождайте упражненіями въ дѣлахъ христіанскаго благочестія и освящайте ихъ словомъ Божіимъ и молитвою; такъ чтобы съ одной стороны наука, съ другой — религія были у васъ какъ бы двумя конечными гранями, или указательными столбами, между которыми долженъ проходить путь вашей ученической жизни. Не уклоняйтесь ни направо, ни налѣво съ этого пути и тогда можно смѣло ручаться за вашу свѣтлую будущность и за правильность всего вашего воспитанія. Главнымъ же образомъ держитесь крѣпче за святую религію Христову, возлюбите всѣмъ сердцемъ Господа Іисуса Христа и Его святое ученіе. Не многосложны требованія и не обширны правила христіанской практики, которыя предлагаетъ вамъ школа, но постарайтесь усвоить по крайней мѣрѣ ихъ, и этого пока будетъ съ васъ довольно. Когда зовутъ васъ на общую молитву, спѣшите воспользоваться этими святыми минутами въ вашемъ днѣ, съ благоговѣніемъ призывайте Господа на помощь при началѣ вашихъ занятій и благодарите Его при окончаніи вашихъ дневныхъ трудовъ. Но и въ продолженіе дня не начинайте ни одного своего дѣла, ни одного урока, не осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и не призвавъ Господа въ помощь. Когда собираетесь вы сюда въ храмъ Божій для богослуженія, стойте съ благоговѣніемъ, какъ подобаетъ благонравнымъ христіанскимъ дѣтямъ, внимательно прислушивайтесь къ священнымъ пѣснямъ и молитвамъ и усвояйте ихъ своимъ чувствомъ и умомъ. Когда вы въ классахъ слушаете святое слово Божіе и трудитесь надъ изученіемъ закона Господня, то открывайте для него не только свой умъ и свое вниманіе, но главнымъ образомъ сердце и душу. Небрежное, разсѣянное и равнодушное отношеніе къ словамъ Господнимъ да будетъ у васъ постыднымъ и даже немыслимымъ дѣломъ. Во взаимныхъ вашихъ отношеніяхъ да будетъ столько же простоты, скромности и приличія, сколько и христіанской искренности и предупредительности. Ничего грубаго, грязнаго и безнравственнаго ниже да слышится между вами. Помните, что два только дѣла вамъ надобно здѣсь дѣлать, кромѣ которыхъ все остальное

вы должны считать постороннимъ и до васъ не касающимся. Одно дѣло—развивать свой умъ изученіемъ науки, другое—облагораживать душу и сердце по евангельскимъ правиламъ Христа Спасителя. Что можетъ быть благороднѣе, серьезнѣе и лучше этихъ двухъ дѣлъ! Поняли ли вы меня и сочувствуете ли мнѣ? Надѣюсь, и призываю Господа на помощь вашу! Аминь.

СЛОВО о посте

на день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(19 февраля 1871 г.).

Постящеся, братіе, тѣлесно, постимся и духовно. (Стих. на Гос. воз. въ ср. 1-й п. в. п.).

Полагаю, что не поздно и не неумѣстно повторить это вступительное приглашеніе св. церкви къ посту и теперь предъ вами, просвѣщенные слушатели, хотя не малая часть святаго поста миновала. Въ томъ предположеніи, что можетъ быть многимъ изъ васъ еще предстоитъ подвигъ говѣнья въ настоящемъ году, (мы пользуемся настоящимъ днемъ, собравшимъ всѣхъ васъ воедино на молитву о Государѣ,) предложить вамъ бесѣду о святомъ подвигѣ поста,—о такомъ предметѣ, о которомъ (что скрывать истину?) стали бы мы слушать весьма не охотно во всякое другое время, и о которомъ, какъ кажется, имѣются у насъ вообще самыя сбивчивыя и невѣрныя понятія. Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ святыхъ уставовъ церкви ничто съ такимъ единодушнымъ легкомысліемъ не попирается въ многочисленныхъ кружкахъ нашего общества, какъ посты. «Къ чему посты? Зачѣмъ они такъ часты и продолжительны? Не можетъ ли пост-

*) Напечатано въ 5-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1871-й г.

ная пища разстраивать здоровья? Не все ли равно для Бога, чѣмъ бы человѣкъ ни питался, лишь бы чистъ былъ и святъ въ своей совѣсти? Наконецъ—есть ли прямая заповѣдь о постахъ въ ученіи Спасителя,—не человѣческое ли они учрежденіе»? Таковые и подобные симъ возгласы на разные лады и съ многообразнѣйшими оттѣнками можно слышать нынче повсюду. Ихъ повторяютъ весьма часто и учащіеся еще мальчики—съ голосу старшихъ, и зрѣлые мужи — отцы семействъ; ими ограждаютъ себя и необразованные мужи, подражающіе только тому, что вокругъ нихъ дѣлается; ихъ не стыдятся проповѣдывать, — что особенно грустно и непослѣдовательно, — даже тѣ, которые повидимому не совсѣмъ равнодушны къ требованіямъ религіи и желали бы быть православными людьми. Бѣдный постъ! Какъ тебя искренно не любитъ нашъ ветхій человѣкъ, какъ ты горекъ для нашей чувственности!... Но нѣтъ нужды,—попробуемъ сказать въ твою защиту нѣсколько словъ отъ имени св. церкви Христовой, *яже есть... столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. III, 15).

Не человѣческое ли учрежденіе посты? Есть ли прямая заповѣдь объ нихъ въ евангеліи?... Да,—вотъ гдѣ надлежало бы прежде всего православнымъ христіанамъ искать разрѣшенія всякихъ недоумѣній и вопросовъ. Заповѣдуетъ что нибудь Христосъ Спаситель,—значитъ это вѣрно и надо это исполнять. Запрещаетъ что Господь,—значитъ это вредно и гибельно, и избѣгать сего нужно. Это было бы вполнѣ послѣдовательно и вполнѣ честно съ нашей стороны. Числиться же христіаниномъ и измышлять себѣ правила для жизни помимо евангелія,—значитъ хромать на оба колѣна, служить ваалу и Іеговѣ, фальшивить наконецъ предъ самимъ собою, — не такъ ли? Да будетъ же всѣмъ извѣстно, что въ ученіи Христа Спасителя есть заповѣдь о постахъ, и какая ясная и положительная заповѣдь! Не знать этого можетъ только тотъ, кто вовсе не знаетъ и не читаетъ евангелія. «*Когда поститесь,*—такъ училъ Господь въ нагорной своей проповѣди,—*не будьте унылы, какъ лицемѣры; ибо они принимаютъ на себя мрачныя лица, чтобы показаться людямъ постящимися. Истинно говорю вамъ, что они уже получа-*

ютъ награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не предъ людьми, но предъ Отцемъ твоимъ, который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно (Матѳ. VI, 16—18)». Что это? Не заповѣдь ли о постѣ? Приходятъ однажды къ Іисусу Христу ученики Іоанна Крестителя и говорятъ: «*почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся*»? Что же Господь? Сказалъ ли, что ученики Іоанновы не дѣломъ занимаются, что посты не нужны? Нѣтъ, вотъ что онъ сказалъ: «*могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ? Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься*» (Матѳ. IX, 14. 15). Дни эти наступили для святой и непорочной невѣсты Христовой, церкви (Ефес. V, 25—27)—по смерти, воскресеніи и вознесеніи ея божественнаго жениха, Господа Іисуса. И мы видимъ, что св. апостолы, ихъ ближайшіе преемники, и затѣмъ безчисленные сонмы дальнѣйшихъ учениковъ Христовыхъ, вѣрные слову своего небеснаго учителя, проводили жизнь свою *въ трудѣхъ, во бдѣніихъ, въ пощеніихъ* (2 Кор. VI, 5). Однажды апостолы приступили къ Іисусу наединѣ и сказали: «*почему мы не могли изгнать* бѣса (изъ одного бѣсноватаго)? *Іисусъ сказалъ имъ... сей родъ* (бѣсовъ) *изгоняется только молитвою и постомъ*» (Матѳ. XVII, 19. 21) Итакъ постъ, по словамъ Господнимъ, имѣетъ даже отгнательную силу противъ духовъ нечистыхъ. Довольно-ли сихъ мѣстъ, чтобы видѣть, какъ Господь ублажаетъ и превозноситъ постъ?. Припомнимъ еще, что самъ онъ постился нѣкогда *дніи четыредесять, и нощій четыредесять* (Матѳ. IV, 12), *искушаемъ сатаною* (Мар. I, 13), *намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его*. Пусть же не обольщаютъ себя отрицающіе посты и ихъ не соблюдающіе; пусть они разсудятъ, что поступаютъ вопреки прямому повеленію Господню, и отрицаютъ не что иное, какъ ученіе своего Спасителя!...

Какое же нравственное значеніе имѣютъ посты, откуда вытекаетъ ихъ потребность въ христіанской жизни? Потребность ихъ основывается на томъ же, почему иногда человѣкъ, потря-

сенный сильною скорбію и испытавшій тяжелую утрату, самъ отказывается отъ всякихъ удовольствій, одѣвается въ трауръ и сосредоточивается въ самомъ себѣ, или почему иногда человѣкъ, совершенно отдавшись какому нибудь дѣлу, забываетъ объ удовлетвореніи самыхъ обыкновенныхъ своихъ потребностей. Въ томъ или другомъ случаѣ человѣкъ добровольно налагаетъ на себя постъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. Вспомните же, что у всѣхъ у насъ людей есть одно великое и общее горе о нашемъ прирожденномъ растлѣніи; всѣ мы понесли ни съ чѣмъ несравнимую потерю райскаго блаженства; на всѣхъ на насъ лежитъ величайшее изъ всѣхъ нашихъ дѣлъ, — дѣло возвращенія потерянной святости и возстановленія въ себѣ образа и подобія Божія. Съ цѣлію — напомнить намъ обо всемъ этомъ, отвлечь отъ обычной нашей суетности и отрезвить насъ отъ грѣха, въ которомъ мы, какъ въ чаду какомъ, ходимъ и кружимся въ обыкновенные житейскіе дни наши,—съ сею, говоримъ, святою цѣлью и установила Христова церковь времена постовъ. Тайна дѣлается нѣсколько понятною, отъ чего намъ такъ непріятны и тяжелы посты. Это отъ того—прежде всего, что намъ мало извѣстна *печаль яже по Бозѣ*, что мы не чувствуемъ и не понимаемъ нужды плакать о своихъ грѣхахъ, и обыкновенно не имѣемъ въ мысли своего растлѣнія и своей негодности предъ Богомъ. Понятное дѣло, что человѣку не хочется облекаться въ трауръ, когда у него на умѣ одно веселье, а въ сердцѣ жажда удовольствій.

Но церковь святая не стала бы конечно такъ усиленно приглашать насъ къ посту, и дѣлать обязательными для всѣхъ своихъ чадъ извѣстныя времена постовъ, если бы постъ имѣлъ только значеніе внѣшняго выраженія внутреннихъ религіозныхъ движеній, и еслибы онъ самъ не имѣлъ по себѣ силы къ возбужденію этихъ религіозныхъ движеній. Напримѣръ въ лютеранскихъ обществахъ посты, какъ извѣстно, оставлены на произволъ каждаго. Тамъ по началу тоже не отвергаются посты, ибо отвергать ихъ значитъ, какъ мы видѣли, отвергать евангеліе; но предоставлена полная свобода соображаться каждому съ своимъ собственнымъ чувствомъ и съ личными потребностя-

ми въ постѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ. Что же однако выходитъ тамъ на дѣлѣ? Не отвергаютъ значенія постовъ, и однако никто обыкновенно не постится. Признаютъ силу поста, и однако не усердствуютъ къ нему и не любятъ его, и даже глумятся надъ нашими православными постниками. Что же это? Не слышится ли здѣсь лицемѣріе нѣкоторое, не чувствуется ли немощь духовная и какая то вялость религіозная, если такъ можно выразиться. Нѣтъ, православная церковь глубже понимаетъ значеніе поста и горячѣе болѣетъ о немощахъ нашей падшей природы. Не дожидаясь, пока въ сластолюбивомъ духѣ нашемъ само собою возникнетъ скорбное чувство покаянія и явится свободное стремленіе къ подвижничеству, она прямо налагаетъ на насъ въ извѣстныя времена обязательный подвигъ пощенія; она знаетъ, что самый этотъ подвигъ обратно можетъ воздѣйствовать на душу, и окрылить ее къ святымъ чувствамъ.

Въ предупрежденіе всякихъ недоумѣній и сомнѣній по сему предмету спѣшимъ замѣтить, что если мы надъ собой или надъ другими людьми не видимъ благодатныхъ дѣйствій поста, то это зависитъ отъ узкости нашего взгляда на постъ и отъ неискренняго отношенія къ нему. Конечно, если постъ полагать только въ неядѣніи скоромной пищи, то онъ весьма легко можетъ показаться безцѣльнымъ учрежденіемъ, и плодовъ не принесетъ никакихъ, ибо какъ же хотѣть въ самомъ дѣлѣ, чтобы пища приносила святость человѣку? А между тѣмъ у насъ большею частію задаются этой именно нехитрой идеей поста. Во всемъ строѣ обыденной жизни такихъ постниковъ не замѣчается никакого измѣненія. Они попрежнему погружены во всѣ мелочи житейскія; у нихъ тѣ же занятія, тѣ же страсти, тѣ же грѣшныя цѣли, тѣ же самолюбивыя отношенія къ ближнему, тотъ же покой, наконецъ тѣ же удовольствія и развлеченія. Легкое и услаждающее чтеніе, разсѣянная и короткая молитва, продолжительный сонъ, мягкая постель, посѣщеніе знакомыхъ и друзей, пріятная болтовня въ кругу ихъ, роскошь и утонченность въ одеждѣ, зрѣлища, музыка и проч. и проч.,—все это остается попрежнему. И вдругъ эти люди сталкиваются съ повелѣніемъ отказать себѣ въ обычной пріятной пищѣ, и ограничиться постнымъ столомъ. Понятно, сколько

ропота подымается изъ устъ этихъ людей, какою горькою и безцѣльною вещію кажется постъ, какимъ вредомъ и какими воображаемыми опасностями ихъ организму начинаетъ угрожать для нихъ постная пища. И вотъ,—либо совсѣмъ не хотятъ поститься, либо несутъ постъ какъ тяжелое ярмо, подчиняются ему нехотя, какъ дѣлу неизбѣжному! Но надо знать, что не къ такому посту приглашаетъ насъ церковь. *Постящеся, братіе, тѣлесно,* проповѣдуетъ она, *постимся и духовно; разрѣшимъ всякій союзъ неправды, расторгнемъ стропотная нуждныхъ измѣненій, всякое списаніе неправедное раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ, и нищія безкровныя введемъ въ домы, да пріимемъ отъ Христа Бога велію милость.* Это значитъ, надо наложить запрещеніе на весь суетливый и грѣховный строй нашей обыкновенной жизни, надо стѣснить свою душу во всѣхъ видахъ ея страстныхъ движеній и не только чувство вкуса, а и всѣ пять чувствъ ограничить въ ихъ потребностяхъ; надо стать на стражѣ у этихъ дверей, которыми проходятъ въ душу увлекательныя мірскія впечатлѣнія; надо затвориться въ уединенной клѣти сердца своего и молитвенно стать тамъ предъ Господомъ,—вотъ это настоящій постъ! И попробуйте только искренно и не жалѣя себя отдаться этому посту,—какъ тотчасъ же духъ вашъ начнетъ чувствовать себя въ нѣкоторомъ небываломъ просторѣ, ощутитъ необыкновенную легкость и энергію и естественно устремится туда, куда онъ влечется своей собственной природой, т. е. къ небу и Богу. *Самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію: плотію же закону грѣховному* (Рим. VII, 25), сказалъ великій апостолъ Христовъ, глубоко понимавшій немощи падшей природы человѣческой; значитъ, только смирить надо повсячески эту плоть, въ которой, по словамъ того же апостола—*не живетъ доброе* (Рим. VII, 18),—и духъ нашъ воспрянетъ отъ своего обычнаго усыпленія и будетъ свободно работать закону Божію. Чтобы вполнѣ понять это состояніе, надобно постараться испытать его, а до тѣхъ поръ не позволять себѣ легкомысленно отзываться о постахъ. Что и говорить,—постъ есть лекарство весьма горькое для нашей чувственности; но какъ же хотѣть, чтобы лекарства были всѣ сладкія?! *Царствіе Божіе* вообще *нудится*, по слову

Спасителя; надо *погубить свою душу, чтобы спасти ее*, надо *умертвить уды, сущіе на земли*, надо *совлечься ветхаго человѣка*,—все это конечно болѣзненные и тяжелые опыты, но что же дѣлать, когда безъ нихъ человѣку предстоитъ гибель!? Широкій и привольный путь мірскихъ наслажденій ведетъ въ пагубу. Все это слова самой воплощенной истины, Господа нашего Іисуса Христа.

Странно и непонятно звучатъ конечно всѣ эти изреченія евангельскія для людей, разсуждающихъ о человѣческой натурѣ только съ физіологической точки зрѣнія и не желающихъ знать печальной исторіи поврежденія человѣческаго. Зачѣмъ стѣснять себя? Зачѣмъ не пользоваться беззапретно всѣмъ, чѣмъ богатъ міръ Божій? Зачѣмъ эти самоотреченія? Но мы христіане должны уже знать, зачѣмъ все это. Мы знаемъ, что было время, когда человѣкъ безъ всякаго самостѣсненія, а простымъ и спокойнымъ удовлетвореніемъ своихъ естественныхъ потребностей шелъ къ своей цѣли и приближался къ Богу. Это было время невиннаго состоянія человѣка, когда всѣ силы его находились въ равновѣсіи, и тѣло лишь помогало духу въ его идеальныхъ стремленіяхъ. Теперь все это помутилось и извратилось; чувственность взяла верхъ надъ духомъ и тянетъ его непрерывно къ землѣ и къ ея утѣхамъ, и вся задача правильной жизни для человѣка стала въ томъ, чтобы беречь свободу своего духа и не дѣлать его служебнымъ орудіемъ земныхъ и плотскихъ потребностей. Вотъ почему слово Божіе, не запрещая человѣку никакихъ законныхъ радостей и удовольствій, повелѣваетъ опасаться пристрастія къ нимъ. *Все мнѣ позволительно, но не все полезно: все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною. Пища для чрева, и чрево для пищи; но Богъ уничтожитъ и то и другое* (1 Кор. VI, 12. 13). Съ этою между прочимъ цѣлію и установлены святою церковію опредѣленныя времена постовъ. Это одна изъ самыхъ сильныхъ воспитательныхъ мѣръ съ ея стороны. Ими она хочетъ пріучить насъ къ самообладанію и сдѣлать способными—по первому, такъ сказать, востребованію—отказаться отъ интересовъ низшихъ, земныхъ и плотскихъ въ пользу высшихъ и религіозныхъ идей. Вѣдь и въ домашнемъ во-

спитаніи, для укрѣпленія характера въ дитяти, и чтобы создать въ немъ нѣкоторыя твердыя правила добродѣтели, нарочно подвергаютъ его нѣкоторымъ лишеніямъ и постепенно вводятъ въ борьбу съ окружающими обстоятельствами. Баловство и изнѣженность воспитываетъ слабодушныхъ и гнилыхъ людей. Таково нравственно-воспитательное значеніе постовъ.

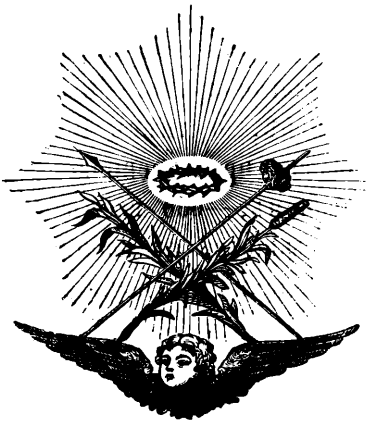
Если поставить рядомъ съ выясненной нами свѣтлой и высокой идеей христіанскихъ постовъ тѣ вопли и жалобы, которые обыкновенно раздаются противъ нихъ, то какими мелкими оказываются эти вопли, и какимъ они отзываются малодушливымъ ребячествомъ! «Не все ли равно Богу, чѣмъ человѣкъ ни питается, лишь бы онъ чистъ былъ душой?» Конечно все равно; но вѣдь дѣло и не въ пищѣ, а въ самообладаніи и въ умѣньи подчинять на всякій случай свои низшія потребности высшимъ. Пройдетъ время поста и пріятная пища разрѣшается,—понятно ли, что дѣло не въ пищѣ? Но я буду, говоритъ сластолюбецъ, соблюдать строгое воздержаніе и въ скоромной пищѣ? .. Воздержаніе не есть постъ: оно всегда и для всѣхъ обязательно—и какъ же иначе? А церковь требуетъ отъ насъ по временамъ подвига; притомъ какъ же можно провести опредѣленную черту, до которой можетъ простираться у каждаго человѣка воздержаніе въ скоромной пищѣ безъ нарушенія поста? Нѣтъ, на время воздержись вовсе отъ извѣстнаго рода явствъ, и дѣло будетъ надежнѣе и чище. Но я не затворникъ и не подвижникъ, продолжаетъ защищаться сластолюбецъ,—пусть же постятся въ монастыряхъ, а я мірской человѣкъ! Но гдѣже намъ ужь равняться съ затворниками и отшельниками, которые несутъ постоянное подвижничество, и еще какое!? Церковь хочетъ, чтобы мы хоть на время и по возможности отрѣшались отъ мірской суеты, въ которой мы грязнемъ и глумимся почти безвыходно. Вѣдь не монахамъ, а всѣмъ своимъ послѣдователямъ Господь сказалъ, что въ царствіе небесное можно пройти только узкими вратами, что надо отвергнуться себя, взять крестъ свой и послѣдовать за Нимъ. Какъ же мы все отворачиваемся отъ всякой тѣсноты, отнѣкиваемся отъ непріятной работы надъ собой, да еще и сѣтуемъ на церковь, что она слишкомъ горячо принимаетъ къ своему сердцу наши духовные интересы и нашу

судьбу?! Но развѣ хорошо, и что нибудь значитъ предъ Богомъ,—успокоиваютъ себя міролюбцы,—если люди строго постятся, а грѣшатъ не менѣе всѣхъ остальныхъ? Конечно не хорошо—отвѣтимъ мы,—но вѣдь не такого поста и требуетъ отъ насъ церковь; постъ душевный долженъ сопровождать и проникать постъ тѣлесный. А чтобы постъ тѣлесный ничего не значилъ предъ Богомъ—этого еще нельзя сказать рѣшительно, и въ отношеніи ко всѣмъ постникамъ. Всетаки человѣкъ отказываетъ себѣ въ нѣкоторомъ удовольствіи для религіозныхъ цѣлей, значитъ есть въ немъ задатки самообладанія и подчиненія своего самолюбія высшему авторитету,—а это малое-ли дѣло? Но вотъ, если человѣкъ и пальцемъ не хочетъ двинуть, чтобы возложить на себя иго Христово,—это ужъ рѣшительно дурно. Но постная пища дороже скоромной, а слѣдовательно не для всѣхъ удобна? Лакомая постная пища—такъ, но не вообще постная пища, а лакомство отрицается самой идеей поста. Замѣчательно впрочемъ, что посты нарушаются большею частію тѣми, которые не могли бы стѣсняться дороговизною пищи. Наконецъ постная пища можетъ быть вредна для здоровья? И очень, согласимся мы,—но большею частію отъ неумѣреннаго употребленія ея. Люди хотятъ постничать, но и уберечься отъ непріятнаго чувства голода, и посему вознаграждаютъ себя за лишеніе скоромной пищи обильнымъ количествомъ постной. Но вѣдь это значитъ обманывать себя, и какъ не быть вреда отсюда?!. . Но мнѣ рѣшительно вредна постная пища, успокоиваетъ себя иной сластолюбецъ,—въ какомъ бы ограниченномъ количествѣ ее ни употреблять?! Да, можно до такой степени избаловать и изнѣжить свой организмъ и отучить его отъ поста, что онъ дѣлается неудобоносимымъ бременемъ. Но кто же виноватъ въ этомъ, кромѣ нашего собственнаго сластолюбія? Отчего мы не пріучались смолоду и отчего теперь не пріучаемъ своихъ дѣтей къ посильному подвигу поста? Что растительная пища свойственна человѣческому желудку, объ этомъ говоритъ и наука; а что она не портитъ здоровья, объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ крѣпкіе и здоровые классы общества, въ которыхъ посты соблюдаются наиболѣе строго. Значитъ,—нѣтъ въ насъ силы воли, или просто—

нѣтъ доброй воли, а мы увѣряемъ себя, что постъ для насъ вреденъ. Тратятся большія суммы на утонченность и разнообразіе стола, а нѣтъ ни малѣйшей заботы, какъ бы пріучить себя, хотя исподволь и хотя бы даже съ помощію того же поварскаго искусства, къ соблюденію постовъ въ положенныя церквію времена. Нѣтъ въ насъ любви къ святымъ уставамъ церкви,— вотъ чего въ насъ нѣтъ! Голова постоянно занята холодными эгоистическими планами, а въ сердцѣ не искрится религіозное чувство,—вотъ въ чемъ вся бѣда наша!!! Но какъ быть наконецъ тѣмъ, которые затрудняются въ соблюденіи постовъ самою внѣшнею своею обстановкою, не отъ нихъ зависящею? Напримѣръ, глава семьи не хочетъ поститься и не любитъ постовъ, а въ нѣкоторыхъ членахъ ея таится религіозная идея, которую бы желалось осуществить на дѣлѣ,—какъ поступать въ такомъ случаѣ? Разумѣется слѣдуетъ смѣло и открыто заявить о своемъ желаніи,—и быть не можетъ, чтобы въ комъ нибудь настолько могло найтись неблагоразумія, чтобы насиловать это благочестивое желаніе. Намъ кажется, что по самой простой деликатности невозможно этого сдѣлать. Въ противномъ случаѣ—конечно Богъ судья этимъ гасителямъ юныхъ и свѣжихъ религіозныхъ порывовъ!... Сдѣлаемъ еще одно и послѣднее замѣчаніе, чтобы не оставить ничего безъ вниманія въ возбужденномъ нами вопросѣ. Что, если по состоянію здоровья дѣйствительно нельзя поститься, и если докторъ прописываетъ скоромную пищу? Понятное дѣло, постъ перестаетъ быть тогда обязательнымъ. Вѣдь онъ не есть что нибудь роковое и неотвратимое въ нашей церкви; онъ есть главнымъ образомъ воспитательная мѣра, какъ мы уже сказали, и конечно для тѣхъ только, которые могутъ понести ее. Нѣжный дѣтскій возрастъ, немощная старость, болѣзненность и слабость не могутъ быть призываемы къ непосильнымъ подвигамъ. Неужели можно было въ этомъ сомнѣваться? Мы не безъ цѣли дѣлаемъ сіи замѣчанія; ибо весьма нерѣдко, во избѣжаніе повиновенія предписаніямъ церковнымъ, ссылаются на воображаемую суровость этихъ предписаній, или же на себя напускаютъ небывалую болѣзненность.

Итакъ не лучше ли прямо и смиренно сознаться въ своей не-

мощи душевной и въ своемъ пристрастіи къ чувственному, чѣмъ порицать святые уставы церкви? Не лучше ли глубже вникать въ нравственный смыслъ и значеніе этихъ уставовъ и по возможности подчинять себя имъ, чѣмъ успокоивать праздность и лѣность свою разными благовидными, но неосновательными предлогами? За свое послушаніе и смиреніе мы съ избыткомъ были бы вознаграждены. Къ намъ пришла бы неизвѣстная можетъ быть до сихъ поръ ясность духа и спокойствіе совѣсти, возстановились бы правильныя отношенія между духомъ и тѣломъ и надлежащее равновѣсіе между всѣми нашими силами духовными; и наша безсмертная душа перестала бы состоять на службѣ у бреннаго тѣла, и занялась бы дѣлами достойными ея назначенія. Вспомнимъ своихъ благочестивыхъ предковъ, какъ они ничѣмъ не стѣснялись въ строгомъ соблюденіи святыхъ уставовъ церкви. Цари, бояре и князья—также искренно и охотно постились, какъ и простые люди; неужели жь они были другой породы, чѣмъ мы? Мы хвалимся, что превосходимъ ихъ своимъ развитіемъ; позаймемъ же отъ нихъ любви къ православію и поревнуемъ преданности къ св. церкви. Чтобы тамъ ни говорили, а эта преданность всегда была и будетъ несокрушимой силой нашего отечества. Собравшись нынѣ на молитву о нашемъ православнѣйшемъ Государѣ, не забудемъ, что задушевной его мыслію всегда было и есть—видѣть насъ столько же вѣрноподданными сынами, сколько и православными христіанами. *Господи, силою твоею да возвеселится* нашъ *царь*, Александръ Николаевичъ! *Желаніе сердца его даждь ему, и хотѣнія устенъ его не лиши его. Спаси Боже* православныя *люди твоя, и благослови достояніе твое.*!..



ПОУЧЕНІЕ

по случаю продолжительнаго бездождія и слуховъ о холерѣ *).

(въ іюлѣ 1871 г.).

Мы намѣрены сказать вамъ, боголюбивые сограждане, нѣсколько словъ о томъ, о чемъ и самимъ вамъ вѣроятно уже неоднократно приходила мысль при нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствамъ нашихъ и разныхъ тревожныхъ слухахъ. Въ продолженіе мѣсяца почти до самыхъ настоящихъ дней палило солнце, такъ что все начало было вянуть и сохнуть. Грусть и тяжелое уныніе стали чувствоваться не только въ людяхъ, но и въ самой природѣ. Все грозило чѣмъ-то страшнымъ. Но и до сихъ поръ нѣкоторыя тыжелыя предчувствія какъ бы носятся въ воздухѣ. Слышны стали боязливыя рѣчи о странствующей около нашихъ предѣловъ непрошеной и свирѣпой гостьѣ, одно имя которой наводитъ тоску и внушаетъ тревожныя опасенія. Ко всему этому присоединяются извѣстія о пожарахъ, дымъ и смрадъ которыхъ густымъ туманомъ доносится и до нашихъ жилищъ. Ужъ какая нибудь не кара ли небесная надвигается на насъ?!—Подобные возгласы начинаютъ учащаться среди насъ.

Что прибавить намъ съ своей стороны къ этимъ болѣзненнымъ возгласамъ? Скажемъ прежде всего то, что мы не спѣшимъ придавать имъ никакого особеннаго значенія. Какъ не говорить и не тревожиться о томъ, что бьетъ, можно сказать, по чувствамъ и докучливо будитъ нашу обычную сонливость и безпечность? Еще бы и на это все махнуть рукой и равнодушно ждать, чѣмъ все это кончится?! Но одни ли вздохи и слова теперь нужны? Вотъ въ томъ-то и горе наше, что когда все обстоитъ около насъ благополучно,—мы беззаботно веселы и безпечны. О Богѣ, о небѣ, о гнѣвѣ Божіемъ, который можно привлечь на себя своею нравственною распущенностію и необузданнымъ сластолюбіемъ,—обо всемъ этомъ и помину нѣтъ. А чуть бѣда какая посылается съ неба, мы противопоставляемъ ей одни только наши вздохи и уныніе, теряемся, робѣемъ и

*) Напечатано въ «Владимірск. Губернск. Вѣдомостяхъ» за 1871 г.

ограничиваемся одними безплодными рѣчами. Но еще милостивъ къ намъ Господь. Ничего страшнаго еще между нами не дѣлается. Но во всякомъ случаѣ спѣшимъ напомнить вамъ, что робость и унынiе вовсе не христiанскiя чувства; онѣ обличаютъ недостатокъ вѣры и надежды, онѣ показываютъ непривычку отдавать себя волѣ Божiей и обнаруживаютъ, что человѣкъ только и жилъ доселѣ однимъ тѣломъ своимъ и какъ бы приросъ къ земнымъ и чувственнымъ утѣхамъ; такъ что всякiй, даже отдаленный, намекъ на возможность разстаться съ этими утѣхами приводитъ его въ трепетъ и содроганiе. Но чего бояться истинному и доброму христiанину? Онъ всецѣло отдаетъ себя волѣ Отца небеснаго, любящаго и милующаго свои творенiя, и въ глубинѣ сердца своего говоритъ Господеви: *заступникъ мой еси, и прибѣжище мое! Богъ мой, и уповаю на него!* (Пс. XC, 2) И съ этимъ чувствомъ несокрушимой защиты Божiей спокойно продолжаетъ трудиться въ средѣ своихъ обязанностей, опредѣленныхъ ему въ жизни отъ Господа Бога.

Какое прекрасное и высокое это чувство христiанской преданности въ волю Божiю! И какъ оно кажется натурально и близко душѣ нашей, и какъ спокойно, ничѣмъ не смущаясь, можно бы проводить съ нимъ цѣлую жизнь, и сколько дѣлъ истинно полезныхъ и плодотворныхъ можно бы сдѣлать подъ руководствомъ этого чувства?!... А между тѣмъ что оказывается съ нами на дѣлѣ? Оказывается, что въ тѣхъ то особенно обстоятельствахъ, какъ нынѣшнiя, когда въ волю Господню всего бы отраднѣе предаться, подобно любящимъ и довѣрчивымъ дѣтямъ, этого благодатнаго чувства мы и не находимъ въ себѣ. Тутъ-то и чувствуемъ мы, что между нами и Господней благодатiю какъ бы цѣлая бездна, и страшно намъ дѣлается отъ грядущаго гнѣва Божiя, котораго естественнѣе ожидать намъ по грѣхамъ нашимъ. Пусть же это послужитъ намъ урокомъ и дастъ намъ поводъ подумать и позаботиться о томъ, о чемъ мы такъ мало думаемъ въ обыкновенное и всегдашнее время. Пересмотримъ тщательно и безпристрастно всю свою жизнь, и постараемся выкинуть изъ нее тотъ хламъ и соръ, который мы заняли отъ суеты мiрской и

растлѣнныхъ обычаевъ вѣка сего. Потрудимся перестроить себя и жизнь свою по волѣ и закону Божію, отдадимся водительству Христовой церкви,—и тогда осѣнитъ насъ сладкое чувство сыновства предъ Господомъ. И одна искренняя рѣшимость на это великое и святое дѣло вдохнетъ въ насъ мужество предъ какими-то бы ни было опасностями, пошлетъ благодатную отраду и успокоеніе въ сердца наши. Не для того ли Господь и посылаетъ время отъ времени разные бичи свои на землю, чтобы отрезвить насъ отъ тяжелаго сна грѣховнаго, отвлечь отъ житейскихъ суетныхъ мелочей, и напомнить намъ объ себѣ, о нашей душѣ и ея нравственной бѣдности и нищетѣ. Поспѣшимъ же навстрѣчу Господу, зовущему насъ къ себѣ, облобызаемъ и обымемъ простирающуюся къ намъ Его десницу и пойдемъ туда, куда Онъ поведетъ насъ.

И за всѣмъ тѣмъ не будемъ ожидать для себя чудесъ милости Божіей, и безпечно пренебрегать всѣми мѣрами предосторожности. Преданность волѣ Божіей совсѣмъ не то, что безпечность и равнодушіе ко всему, что дѣлается вокругъ насъ. Кто говоритъ «авось Богъ милостивъ», и на этомъ основаніи сидитъ сложа руки, тотъ поруганіе творитъ надъ милосердіемъ Божіимъ и безчеститъ святое имя Божіе, всуе призывая оное. Вѣдь это значитъ вотъ что: «ты, Господи, побереги меня, а мнѣ позволь жить такъ, какъ я привыкъ доселѣ, т. е. невоздержно, неосторожно, и до пресыщенія удовлетворяя своимъ животнымъ потребностямъ. Ты, Господи, побереги меня,—а пусть около меня лежитъ нетронутою та грязь и нечистота, отъ которой до сихъ поръ мнѣ ничего повидимому не дѣлалось». Хороша ли будетъ такая молитва? И не будетъ ли она богохульствомъ?... А между тѣмъ не такую ли творятъ молитву тѣ, которые лицемѣрно ввѣряютъ себя Богу и продолжаютъ творить не Его святую, а свою грѣшную и безпорядочную волю. Ты говоришь, что ничего противъ воли Божіей не подѣлаешь. Но воля Божія такова, да никто же отъ насъ погибнетъ, и такъ не сами ли мы почасту привлекаемъ къ себѣ гибель и смерть? Извѣстно, что всѣ почти болѣзни и всякаго рода заразы появляются отъ невоздержанія и неумѣренностей всякаго рода, и преобладаютъ тамъ, гдѣ допускается грубый и не-

вѣжественный рискъ здоровьемъ, гдѣ возводится въ правило жизни безсмысленное «авось», и ко всему этому—гдѣ непроходимая нечистота и неряшество. Судите сами, хорошо ли все это? Христіанскій ли это образъ жизни? Даже просто—прилично ли все это и достойно ли человѣка? А вѣдь съ грустію надобно признаться, что всего этого недостойнаго, неприличнаго и грубаго многое множество обрѣтается не только въ захолустьяхъ какихъ нибудь деревенскихъ, но и у городскихъ жителей, и не у бѣдныхъ только, но и у достаточныхъ, а зачастую можетъ быть и у богатыхъ. Но еслибъ даже и бѣдные вздумали оправдывать свою грязь и неопрятность своею бѣдностію; то имъ можно бы указать на многочисленные случаи и примѣры, какъ бѣдность можетъ быть, и дѣйствительно бываетъ, и опрятною и чистоплотною, и воздержною и приличною—какбы нарочно для доказательства, что не въ ней причина того зла, объ которомъ теперь настоитъ нужда говорить даже въ храмѣ Божіемъ и съ каѳедры церковной. Но что скажутъ въ свое оправданіе люди, которымъ грѣхъ пожаловаться на недостаточность и на неимѣніе времени и рукъ, чтобы устранить изъ своего домохозяйства все вредное для своего и общественнаго здоровья? Привычка полагаться на авось и жить какъ привелось до такой степени одолѣваетъ иногда людей, что считаютъ притѣсненіемъ и докучливымъ посягательствомъ на неприкосновенность домашняго быта совершенно законное и вызываемое положительной необходимостію вмѣшательство властей. «Да къ чему, да зачѣмъ все это, да ничто не поможетъ, коли Богъ не сохранитъ»,—вотъ обычныя возраженія невѣжества противъ разныхъ врачебныхъ распоряженій и предписаній. Но какой имѣютъ смыслъ и откуда выходятъ эти возраженія, не желательно больше и повторять о семъ. Считаемъ только долгомъ предупредить васъ—сограждане, что не кого будетъ винить, и не на кого жаловаться, если вдругъ среди насъ появится страшный врагъ человѣческаго рода, называемый смертію, и начнетъ своимъ ужаснымъ орудіемъ счищать съ лица земли всякую грязь и невѣжество. Конечно и въ этомъ будетъ воля Божія, ибо чтоже въ мірѣ бываетъ безъ воли Божіей? Но это будетъ гнѣвная воля правосудія Божія, раздраженнаго нашими неправдами и нашею безпечностію.

Потщимся же отвратить сей гнѣвъ Божій всяческою осторожностію и бдительностію надъ душами и тѣлесами своими. Душу поспѣшимъ омыть слезами покаянія, умастить елеемъ вѣры и надежды на милосердіе Господне и облагоухать дѣлами чистыми и святыми. Но не будемъ пренебрегать и тѣхъ врачебныхъ правилъ и предосторожностей, которыя рекомендуются намъ для здравія тѣлеснаго. Безъ нужды и по причинѣ нашего нерадѣнія Господь не станетъ дѣлать съ нами чудесъ. Пусть же душевная благопристойность и христіанская святость наша положитъ свою печать и отразится на всемъ нашемъ домашнемъ бытѣ. Сдѣлаемъ для сего все, что отъ насъ будетъ зависѣть,—а тамъ пусть будетъ, что самъ Господь благоразсудитъ. Не худо держать въ памяти и ту простую, но мудрую пословицу, что «береженаго и Богъ бережетъ». Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ *).

(15 августа 1871 г.).

Когда мы вслушиваемся въ торжественные гимны воспѣваемые нынѣ св. церковію въ честь матери Божіей, когда вникаемъ въ многочисленныя чтенія, повѣствующія намъ о ея необыкновенной жизни, исполненной великихъ тайнъ, ея славномъ успеніи и о той силѣ и могуществѣ, которыя она имѣетъ у Сына своего; то невольно мысль наша цѣпенѣетъ отъ благоговѣйнаго ужаса предъ ея недосягаемымъ величіемъ, и смиренно устремляется къ ней съ молитвою о заступленіи и всесильномъ ходатайствѣ за насъ грѣшныхъ у престола царя небеснаго. А между тѣмъ, братіе, путь къ этой недосягаемой славѣ лежалъ для пречистой дѣвы Маріи чрезъ ту же тлѣнную, исполненную всякихъ превратностей и скорбей—страну, въ которой обитаемъ пока и мы. Страна сія зовется нами земною жизнію, а на языкѣ слова Божія

*) Напечатано въ Губернск. Владим. Вѣдомостяхъ за 1871 г.

извѣстна подъ именемъ страны пришельствія нашего, ибо отечество наше на небесахъ (Филип. III, 20). Долго-ли, коротко-ли, а скроется и отъ насъ эта страна. Придется таки переступить въ ту невѣдомую и страшную для грѣшной природы нашей область, въ которую съ такимъ блескомъ и торжествомъ отошла нынѣ матерь Божія. Гдѣ-то окажемся тогда мы? Конечно у отца небеснаго обители многи суть, но попадемъ-ли мы хоть въ одну изъ нихъ? Что, если....,—но страшно вымолвить, душа потрясается отъ одного предположенія той нескончаемо-горькой судьбы, которая можетъ выпасть на долю насъ грѣшныхъ! Итакъ свѣтоносная слава матери Божіей, бывшей нѣкогда смиренной дщерію человѣческой, да прольетъ хоть нѣсколько лучей къ намъ на землю и освѣтитъ намъ жизненный путь нашъ, чтобы конецъ его не привелъ насъ въ пагубу.

Перечислять многочисленныя и дивныя добродѣтели матери Господней, и предлагать ту или другую для подражанія—мы не станемъ. Всякій, сколько нибудь знающій или слышавшій о жизни матери Господней, знаетъ конечно и ея добродѣтели. Бери же любую для подражанія, и ты будешь возлюбленнымъ ученикомъ матери Божіей, и со временемъ сдѣлаешься участникомъ ея небесной славы въ той или другой мѣрѣ. Но желательно намъ обратить ваше вниманіе на нѣкоторый общій характеръ жизни Божіей матери, и провести сравненіе между нимъ и нашею жизнію. Этотъ общій характеръ ея, или основная добродѣтель, которою печатлѣлись всѣ ея дѣянія и который сообщалъ нѣкоторый единичный строй всей ея жизни, была духовная сосредоточенность или самоуглубленіе. Слово Божіе съ такимъ именно характеромъ изображаетъ намъ божественный ликъ матери Господней. *Вся слава дщери царевы внутрь*, говорится о ней въ книгѣ псаломской (Пс. XLIV, 14). *Матерь Его соблюдаше вся глаголы сія въ сердцы своемъ*—замѣчаетъ о ней неоднократно св. евангеліе (Лук. II, 19. 51). Сосредоточенность духовная есть такое настроеніе души, или такой образъ поведенія, когда человѣкъ смотритъ не на то только, что у него подъ глазами, а главнымъ образомъ на то, что у него дѣлается въ душѣ, и какъ отражаются тамъ впечатлѣнія внѣшняго міра, изъ чего слагаются его наклонности, каковы его убѣжденія и

взгляды, и вообще—дуренъ онъ, или хорошъ. Чрезвычайную важность этого качества въ дѣлѣ нравственнаго преуспѣянія понимали еще древніе философы, ибо вѣнцомъ всякой философіи поставляли они правило «познай самого себя». И всѣ правила христіанской нравственности сопровождаются и такъ сказать растворяются этимъ основнымъ правиломъ о самонаблюденіи и и непрерывномъ трезвеніи надъ собою. *Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. XV, 8),— вотъ что значитъ жить похристіански; т. е. такъ тщательно разбирай свои мысли, слова и дѣянія, какъ бы ты постоянно находился предъ лицемъ самого Господа, или рядомъ съ нимъ. Этимъ постояннымъ трезвеніемъ и самопознаніемъ и отличалась въ высшей степени пречистая матерь Господня; оно то и всѣхъ святыхъ угодниковъ привело въ славу Божію; имъ же, по ученію слова Божія, обезпечивается весь успѣхъ и нашего нравственнаго усовершенствованія. Намъ кажется, что и наоборотъ — весь неуспѣхъ нашихъ усилій сдѣлаться лучше, весь застой нашей жизни, какъ домашней такъ и общественной, несмотря на всеобщія стремленія къ преуспѣянію, зависитъ именно отъ того, что въ насъ мало развита потребность и стремленіе къ самопознанію, и нѣтъ въ насъ ни привычки, ни умѣнья работать надъ собою въ своемъ внутреннемъ душевномъ мірѣ. Либо все для грубыхъ чувственныхъ удовольствій, пополамъ съ тяжелымъ матеріальнымъ трудомъ; либо все для службы общественной; либо все наконецъ для науки и искусства. И ничего нѣтъ собственно для души, для своего внутренняго подвига. И потому нигдѣ нѣтъ того, что всѣми ищется и ожидается, о чемъ вездѣ говорятъ и пишутъ, т. е. здороваго и истиннаго преуспѣянія, а есть какія-то болѣзненныя порыванія и усилія и одни только ожиданія и обѣщанія въ будущемъ.

Обращаясь къ нашему простому народу, къ его внѣшнему быту и его нравственно-духовной жизни, удивляешься съ одной стороны его неподатливости на всѣ придуманныя для него улучшенія, его упрямой привычкѣ жить по старинѣ, по старинным неряшливымъ обычаямъ, а съ другой стороны болѣешь душой о его нравственномъ растлѣніи и грубыхъ порокахъ, которые съ

необузданною силою, подобно какой нибудь язвѣ, охватываютъ все больше и больше массы народныя. Привыкли все это объяснять неразвитостію и необразованностію народа и разными другими случайными условіями его быта. Но уже по тому одному это объясненіе оказывается неудовлетворительнымъ, что ни чистотой нравовъ, ни здравыми религіозными убѣжденіями не отличаются и такъ называемые образованные классы общества, объ которыхъ предстоитъ сказать намъ слово. Опытъ показываетъ даже нѣчто совершенно противное тому, чѣмъ думаютъ объяснить низкій нравственный уровень нашего народа. Тѣ классы народные оказываются болѣе растлѣнными и развратными, которые входятъ въ ближайшія сношенія съ центрами нашей общественной жизни, съ большими и просвѣщенными городами. Нѣтъ, отсутствіе твердыхъ и ясныхъ понятій религіозныхъ, смутныя представленія о томъ, что касается духовнаго міра, удаленіе отъ духа Христова, незнаніе евангелія и его животворной силы, и вообще слабость и узкость религіознаго созерцанія,—вотъ что собственно принижаетъ и огрубляетъ нашъ народъ. Не думайте, чтобы высота религіознаго созерцанія условливалась высотой умственнаго развитія; мудрость Христова, по словамъ самого Спасителя, часто таится отъ премудрыхъ и разумныхъ, а дается именно младенцамъ (Лук. X, 21). Освѣтите этихъ младенцевъ свѣтомъ Христовымъ, отвлеките ихъ взоръ нѣсколько отъ земли, куда онъ постоянно устремленъ, и обратите ихъ къ собственной душѣ ихъ,—и они почувствуютъ въ себѣ присутствіе болѣе чистыхъ и высокихъ интересовъ, чѣмъ въ какихъ они привыкли вращаться, они охотно и ревностно устремятся къ своему духовному преуспѣянію. Царствіе Божіе внутрь души человѣческой; если бы усмотрѣлъ это царствіе нашъ народъ и научился искать его, то приложились бы ему и тѣ матеріальныя блага, которыя въ такомъ изобиліи сулятъ ему, но не даютъ его ученые просвѣтители.

Отъ народа перейдемъ къ другимъ классамъ общества. Посмотримъ безпристрастно на домашнюю и семейную жизнь такъ называемыхъ свѣтскихъ людей, что она такое какъ не безпрерывное млѣніе въ чаду житейскихъ мелочей и суеты? Съ одной стороны кропотливое исканье житейскихъ удобствъ и матеріальнаго

благополучія, а съ другой губленіе своего досуга, или убиваніе времени разными способами, придуманными лѣнью и праздностію. Есть люди, и ихъ великое множество,—у которыхъ вся жизнь походитъ на пріятный сонъ или сладкую дремоту, и вся дѣятельность ихъ слагается изъ занятій самаго легкаго, игриваго и развлекающаго свойства. И чѣмъ больше кто имѣетъ притязаній на званіе свѣтскаго и пріятнаго человѣка, тѣмъ болѣе самодовольства и беззаботнаго веселія виднѣется во всемъ его существѣ. Эти люди стараются изъ всѣхъ силъ быть остроумными, находчивыми и необыкновенно любезными, рѣчь ихъ течетъ игривымъ потокомъ и усыпана безчисленнымъ множествомъ остротъ, интересныхъ анекдотовъ и веселыхъ шутокъ. Все это такъ; но бываютъ ли эти люди когда нибудь одни съ собою и съ своею совѣстію, задаютъ ли какіе нибудь вопросы собственно себѣ, имѣютъ ли они отчетливое понятіе, что они такое въ строгомъ смыслѣ, и выходитъ ли что нибудь серьезное и истинно полезное изъ всей ихъ дѣятельности? Приходятъ ли имъ на мысль задачи о цѣли и назначеніи человѣческой жизни и о послѣдней судьбѣ человѣка? Если всего этого нѣтъ, то кому же и на что собственно нужны такіе люди, могутъ ли они оставить послѣ себя какой либо достопамятный слѣдъ въ человѣчествѣ, и отъ нихъ ли можно ожидать, чтобы они двинули впередъ общество, когда они сами суть лишнее его бремя и могутъ быть названы лишь потребителями общественныхъ благъ, или пользователями всякаго рода пріятностей жизни?

Затѣмъ есть люди службы. Все время ихъ, какъ они говорятъ, посвящается ими общественной дѣятельности. Они завалены письменной работой, — а тамъ разные суды и разбирательства, разъѣзды, разслѣдованія и дознанія, предупрежденіе и открытіе разныхъ злоупотребленій, такъ—что нѣтъ почти покоя и отдыха этимъ людямъ. Все это такъ и безспорно похвально. Но не двинутъ общество впередъ и эти люди, если они не внесутъ въ свою дѣятельность разумной силы и духа. Рабочія силы конечно необходимы въ жизни; но движетъ и развиваетъ эту жизнь собственно идея, которая даетъ направленіе силамъ. Такъ и общественные дѣятели до тѣхъ поръ будутъ

только служебной и рабочей силой, пока въ собственномъ духѣ ихъ не начнется работа надъ собою, пока высшія человѣческія задачи не возникнутъ предъ ихъ сознаніемъ, и небесное ученіе Христа Спасителя, разъясняющее эти задачи, не сдѣлается ихъ свѣточемъ, и пока наконецъ идея службы по долгу или для собственной пользы не подчинится высшей идеѣ служенія людямъ изъ любви къ Богу и ближнимъ. Безъ этой великой евангельской идеи во всякой общественной дѣятельности, какъ она горяча ни будь, всегда могутъ быть ошибки и послабленія, даже отступленія отъ долга, и даже положительныя измѣны ему. На иного горячаго дѣятеля либо вдругъ нападетъ лѣнь и разслабленіе, и онъ поддается искушенію замѣнить личную работу работой низшихъ и подчиненныхъ себѣ служебныхъ силъ. Либо вдругъ закипятъ въ немъ страсти,—и тогда ничто всѣ предписанія закона предъ личными соображеніями или чувствами этого человѣка. Идея долга совсѣмъ исчезаетъ. Нѣтъ, и такіе люди не двинутъ впередъ общества; ибо не выработать имъ свѣтлыхъ идей общественнаго и народнаго блага, а не выработать потому, что умственный взоръ ихъ никогда не устремляется во внутрь ихъ собственнаго духа, а разсѣевается по текущимъ и многосложнымъ явленіямъ внѣшней общественной жизни, а силы тратятся на одну только механическую работу, и часто уходятъ по мелочамъ на удовлетвореніе собственныхъ весьма и весьма мелкихъ страстей.

Наконецъ есть люди науки. Это лучшія силы общества, это его избранные представители. Для цѣлей знанія они касаются всего на свѣтѣ, все хотятъ изслѣдовать, понять и изучить, всѣмъ воспользоваться и всему дать приложеніе. Казалось бы, въ рукахъ этихъ людей и есть тотъ рычагъ, которымъ они могутъ поворачивать общество, куда имъ угодно, и давать ему лучшее направленіе. Однако что мы находимъ въ опытѣ? Находимъ, что на всякаго ученаго и мудреца, какъ говорится, довольно бываетъ простоты. Вмѣсто здраваго и зрѣлаго знанія весьма часто бываетъ одно умничанье, вмѣсто свѣта напускается въ общество тьма; вмѣсто истины распространяются заблужденія самыя мрачныя и гибельныя и самыя враждебныя истинному и всѣми желаемому преуспѣянію. Достаточно указать только на нѣ-

которые выводы, къ которымъ пришла современная, столь восхваленная наука, чтобы видѣть, какъ тутъ мало есть чѣмъ похвалиться. Изъ человѣка сдѣлали простое животное; кромѣ химическихъ и механическихъ силъ ничего въ немъ не открыли, равно какъ и во всей окружающей насъ природѣ. Для общественнаго блага нужно будтобы отринуть право собственности, а для счастія народа надо сдѣлать его богатымъ и только выучить грамотѣ. А то, что издревле человѣчество считало своею святынею, все это объявлено предразсудкомъ. Удивляться только нужно, какъ могли ученые зайти въ такую тьму. Но съ другой стороны и страшиться надо, что если подобнаго рода наука возьметъ властительную силу въ обществѣ и возмнитъ вести человѣчество по измышленному ею пути преуспѣянія? Отъ чего же это однако бываетъ, что свѣточъ науки горитъ иногда такъ тускло и зловонно? Отъ того опять, что на самую внутреннюю и глубокую область человѣческой души, на ея религіозно-нравственную сторону мало обращаютъ вниманія. Нѣтъ самоуглубленія и религіознаго созерцанія, а потому нѣтъ и здравой философіи; ученый взоръ по большей части скользитъ только по внѣшней и матеріальной сторонѣ человѣка, и что касается этой стороны, что можетъ содѣйствовать земному благополучію—это разработывается наукой съ необыкновеннымъ совершенствомъ. Что же касается собственно души человѣческой, ея духовно-религіозныхъ потребностей, ея великихъ задачъ и ея послѣдней судьбы,—объ этомъ люди мало думаютъ и потому всѣмъ этимъ мало дорожатъ.

Итакъ что же изъ всего этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что мы въ началѣ положили въ основаніе нынѣшней бесѣды своей, т. е. что неуспѣхъ нашихъ стремленій къ преуспѣянію или, какъ говорятъ нынѣ, къ прогрессу—зависитъ отъ недостатка нашего самопознанія, отъ сбивчивости и невѣрности представленій о природѣ человѣка, о ея высшихъ потребностяхъ, о ея бывшемъ и теперешнемъ состояніи, о цѣли и назначеніи человѣка и его послѣдней судьбѣ. А такъ какъ всѣ эти понятія въ надлежащемъ свѣтѣ и ясности раскрываются только въ святой религіи Христовой, то можно сказать, что недостатокъ и слабость въ насъ религіознаго чувства и христіанскаго самопозна-

нія и есть причина нашего всяческаго застоя. О если бы эта истина поглубже нами созналась! О, если бы мы развились наконецъ настолько, чтобы не увлекаться модными и оригинальными теоріями о средствахъ къ преуспѣянію человѣчества, а положили бы основнымъ камнемъ этого преуспѣянія святое евангеліе и ученіе Христа Спасителя! Скоро ли настанетъ это разумное и свѣтлое время, ибо тогда только наступитъ и вожделѣнное для всѣхъ насъ время истиннаго усовершенствованія.

Христе Спасителю, свѣте незаходимый! По молитвамъ твоей пречистой Матери, не отрини насъ отъ лица твоего, да не покроетъ насъ чуждая тьма окаянныхъ! Но обрати насъ, и къ свѣту заповѣдей твоихъ пути наши направи. Аминь.

СЛОВО

въ день столѣтняго юбилея покойнаго графа М. М. Сперанскаго *).

(31 декабря 1871 года).

Премудрость сыны своя вознесе, и заступаетъ ищущихъ ея. Держайся ея наслѣдитъ славу... Слушаяй ея, судити имать языки... И помучитъ его въ наказаніи своемъ, дондеже вѣру иметъ души его, и искуситъ его во оправданіихъ своихъ: и паки возвратится прямо къ нему, и возвеселитъ его: и открыетъ ему тайны своя. (Сир. IV, 12. 14. 16. 18. 19. 20. 21).

Такъ священный мудрецъ разсуждаетъ о мудрости. У ней, значитъ, есть свои любимцы и своего рода избранники. Призваніе ихъ велико и свѣтло. Ихъ имя переходитъ въ исторію. Ихъ дѣятельность даетъ себя чувствовать въ судьбахъ народныхъ. Но не легкое дѣло попасть къ ней въ любимцы. Этихъ избранниковъ своихъ она, по выраженію священнаго мудреца, сначала помучитъ долго, такъ что боязнь и страхъ наводитъ на нихъ; т. е. подвергаетъ ихъ тяжелымъ и суровымъ испытаніямъ, какъ

*) Напечатано во 2-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1872-й г.

бы пробуя, что за люди ищутъ украситься ея именемъ, серьезны ли и безкорыстны ихъ стремленія къ истинѣ, достаточно ли въ нихъ мужества и стойкости, чтобы слушать ея возвышенные уроки, не свѣряя ихъ съ личными вкусами. И лишь послѣ подобнаго продолжительнаго искуса, сообщающаго имъ своего рода закалъ, премудрость обращаетъ наконецъ сіяющее лице свое къ своимъ достойнымъ избранникамъ, идетъ къ нимъ прямо навстрѣчу, возвеселяетъ ихъ и возвеличиваетъ и открываетъ тайны свои.

Эта притча священнаго мудреца, такъ вѣрно и мѣтко изображающая внутреннюю исторію умственно-нравственнаго развитія человѣческаго духа, пришла намъ на мысль при воспоминаніи о мужѣ, столѣтнюю память котораго собрались мы нынѣ почтить въ семъ св. храмѣ Божіемъ. Кому изъ образованныхъ русскихъ людей не знакомо громкое имя графа Сперанскаго, этого просвѣщеннѣйшаго и благороднѣйшаго дѣятеля двухъ предыдущихъ царствованій? Геніальный умъ и обширная образованность этого человѣка вознесли его на самыя верхнія ступени человѣческаго величія и славы. Самая теплая и искренняя любовь къ отечеству, ради которой онъ не хотѣлъ знать покоя въ своихъ великихъ замыслахъ о славѣ и благоденствіи Россіи, сдѣлала его нѣкогда другомъ царевымъ и ближайшимъ совѣтникомъ престола. А плодами его колоссальныхъ трудовъ продолжаютъ доселѣ пользоваться пережившія его русскія поколѣнія. Но не намъ и не здѣсь изслѣдовать незабвенныя заслуги великаго русскаго дѣятеля; съ своей стороны мы можемъ только порадоваться, и особенно въ день памяти покойнаго графа, что заслуги его уже находятъ себѣ достойныхъ исторіографовъ въ средѣ ученыхъ русскихъ людей. Отрадное—говоримъ—явленіе! Ибо не всегда-то бываетъ такъ, чтобы труды великихъ дѣятелей помнились и цѣнились по достоинству въ потомствѣ. Но въ жизни вспоминаемаго нынѣ великаго русскаго мужа есть нѣкоторыя особенно назидательныя для нашего времени черты, о которыхъ подалъ намъ мысль ветхозавѣтный священный мудрецъ вышеприведеннымъ своимъ изреченіемъ о мудрости, и которыя мы намѣрены предложить теперь съ церковной каѳедры. Пусть это будетъ въ память роднаго и незабвеннаго нашего мудреца.

Нынѣшній вѣкъ, и преимущественно—время, которое мы переживаемъ, замѣчательно по усилившейся жаждѣ къ изслѣдованіямъ и изученію различныхъ сторонъ человѣческой жизни — гражданской, политической и научной Это стремленіе отразилось уже многочисленными благодѣтельными реформами въ нашемъ обществѣ. Впереди предчувствуются еще другія, можетъ быть не менѣе важныя и благодѣтельныя реформы. Отрадная черта нашего времени. Но, какъ всегда бываетъ съ людскими обществами, хорошее у насъ, какъ и вездѣ, идетъ рядомъ съ дурнымъ. Вышеозначенное направленіе расплодило великое множество людей, которые захотѣли быть учеными такъ сказать на скорую руку. Явилась наклонность къ дешевому всезнайству, страсть обо всемъ судить и рядить, до всего коснуться, все переставить съ своихъ мѣстъ, надо всѣмъ дѣлать опыты и пробы, отрицательно и порицательно относиться ко всему, что отзывается стариной, и гоняться за новымъ — предполагая въ немъ несомнѣнно лучшее. Ближайшій источникъ этого недуга таится именно въ томъ, что появилось у насъ великое множество людей, знающихъ кое-что обо всемъ, но не имѣющихъ солидныхъ и глубокихъ свѣдѣній ни о чемъ въ особенности. Наша молодость, конечно, причастна всего болѣе этому недугу. Нашимъ молодымъ любителямъ и представителямъ науки до сихъ поръ именно недоставало того трезваго отношенія къ наукѣ, того скромнаго и терпѣливаго трудолюбія въ извѣстныхъ, отведенныхъ каждому предѣлахъ, которое всегда отличало и отличаетъ ученыхъ. Явленіе это могло бы породить изъ себя, и отчасти уже породило, весьма много грустныхъ послѣдствій Одна изъ дальнѣйшихъ причинъ этого явленія справедливо чувствуется лучшими нынѣшними людьми въ томъ обстоятельствѣ, что до сихъ поръ учебная система нашего воспитанія направлена была именно къ скорѣйшему многознанію, а не къ развитію и укрѣпленію молодыхъ умовъ работою надъ чѣмъ нибудь однимъ и опредѣленнымъ. Нашему юношеству приходилось больше схватывать налету разнообразныя познанія, и торопливо глотать ихъ памятью; для сознательнаго же и зрѣлаго усвоенія ихъ оставалось весьма немного времени.

Такъ не добывается мудрость и истинная ученость. Припомнимъ притчу ветхозавѣтнаго мудреца. Тамъ мудрость стропотно ходитъ сначала съ своими учениками, помучитъ ихъ въ наказаніи своемъ, и уже потомъ открываетъ имъ тайны свои. И по нашей старинной національной пословицѣ «корень ученія горекъ». Подъ этою горечью и первоначальной стропотностію премудрости и разумѣется конечно предварительная самостоятельная работа молодыхъ умственныхъ силъ, сосредоточенность и, такъ сказать, уединеніе душевное съ какой нибудь опредѣленной и ясно сознаваемой цѣлію впереди, скромный и терпѣливый трудъ надъ тѣмъ, что всего ближе и нужнѣе человѣку, безъ хвастливыхъ и скороспѣлыхъ порываній вдаль, безъ развлеченій и отвлеченій по сторонамъ за бѣгущими многосложными явленіями жизни. *Не вьй себе всякимъ вѣтромъ, и не ходи всякимъ путемъ:... Буди утвержденъ въ разумѣ твоемъ, и едино буди слово твое*,—сказалъ тотъ же ветхозавѣтный мудрецъ (Сир. V, 11—12). Вотъ надлежащій путь къ мудрости. И этимъ-то стропотнымъ путемъ достигали ее наши славные мудрецы и истинно ученые русскіе люди. Въ настоящую минуту у насъ готовый примѣръ подъ руками въ достославной личности графа Сперанскаго. Извѣстно, какъ усердно и неутомимо трудился онъ надъ развитіемъ своихъ силъ душевныхъ, прежде чѣмъ открылось ему широкое поприще государственнаго мужа, какою самостоятельностію и энергіей проникнуты были эти предварительные труды, и какъ они были конечно тяжки и болѣзненны на первыхъ порахъ. Положимъ, что не всѣмъ дается отъ природы по десяти талантовъ, какъ Сперанскому; но иному пять, иному два, а иному и одинъ, *комуждо противу силыего* (Матѳ. XXV. 15). Но Богъ знаетъ, развернулись ли бы такъ геніально и блестящія способности Сперанскаго, если бы съ юности стали водить ихъ на помочахъ, и если бы умъ его сразу заваленъ былъ разнообразнымъ матеріаломъ, и развлекаемъ былъ во всѣ стороны? Но, слава Богу! Недостатки современнаго воспитанія стали кажется выясняться въ общественномъ сознаніи, и намъ остается только желать и молить Господа, чтобы благія начинанія правительства въ дѣлѣ учебнаго преобразованія увѣнчались тѣмъ успѣхомъ, который

съ нетерпѣніемъ ожидается всѣми истинно русскими людьми. Поможемъ этому дѣлу своимъ сочувствіемъ, своимъ содѣйствіемъ. Мы не считаемъ своею прямою обязанностію разсуждать съ сего священнаго мѣста о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты теперь для сообщенія солидности и зрѣлости научному образованію нашего юношества,—это дѣло нашихъ ученыхъ людей. Довольно съ насъ и того, что понята и почувствована нужда поставить наше общественное образованіе на болѣе прочныхъ и надежныхъ основаніяхъ.

Но есть другая, гораздо болѣе прискорбная и темная, сторона въ нашемъ общественномъ воспитаніи, говорить о которой мы прямо должны—по Апостолу—временнѣ и безвременнѣ. Настоящія минуты напротивъ намъ кажутся весьма благовременными, ибо многое и многое изъ жизни покойнаго графа слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію нашимъ ученымъ педагогамъ. Поверхностное знаніе религіи, равнодушное къ ней отношеніе, особливо же небрежное и даже горделивое какое-то отношеніе къ постановленіямъ церкви, и вообще отсутствіе божественной искры въ людяхъ,—вотъ горькій недугъ нашего времени, заражающій нашихъ питомцевъ весьма и весьма рано. И что особенно грустно въ этомъ явленіи,—такъ это то, что опасность этого недуга не всѣми даже сознается. На религію смотрятъ подчасъ, какъ на что-то придаточное и постороннее въ воспитаніи,—какъ на учебный лишь предметъ, хотя не неизбѣжный въ учебной программѣ, но которому можно-де оставить мѣстечко. Что же однако изъ всего этого выходитъ? Выходитъ—то, что тратятся огромныя суммы на всевозможныя учебныя пособія, на воспитателей и воспитательницъ, пробуются тысячи педагогическихъ мѣръ—и своихъ и иностранныхъ, по видимому—одна другой лучше; а между тѣмъ когда приходитъ время жатвы и собиранія, т. е. когда обществу понадобятся на дѣйствительную его службу плодотворныя рабочія силы,—вдругъ оказывается, что у насъ людей нѣтъ, или очень мало. А между тѣмъ извѣстно, что изъ многочисленныхъ нашихъ школъ выходитъ далеко не малое число людей, которымъ нельзя отказать ни въ развитости, ни въ достаточномъ запасѣ различныхъ свѣдѣній.

Что же еще нужно обществу? Зачѣмъ эти постоянныя самообличенія въ нашемъ безсиліи, въ нашей отсталости, въ нашемъ неумѣньи распорядиться собственными богатствами? Откуда эти постоянные толки объ отсутствіи у насъ самобытной энергіи, безкорыстія, честности и многаго другаго, насчетъ чего пишутся и сочиняются многочисленныя и разнообразнѣйшія сатиры? Тайна въ томъ, что умственное развитіе и образованность не есть еще надежная порука за благородство, честность и вообще за порядочность и нравственное достоинство въ человѣкѣ. Только въ теоріи можно съ этимъ не соглашаться; но общество слишкомъ хорошо чувствуетъ несомнѣнность этой истины, и не смотря на развитіе просвѣщенія, все продолжаетъ и продолжаетъ искать истинно достойныхъ людей, и вопіять о недостаткѣ и настоятельной нуждѣ въ такихъ людяхъ. А ихъ можетъ воспитать только одна религія,—этотъ глубочайшій и неисчерпаемый источникъ всякой нравственной силы въ человѣческомъ духѣ, этотъ божественный огонь, вдохновляющій людей на все великое, святое и честное.

Кого же больше винить въ нашей нерелигіозности, — нашу школу, или нашу семью; ибо это суть двѣ главныя области, гдѣ воспитываются наши современныя поколѣнія? Трудно рѣшить это съ надлежащей точностью. Объ нашихъ школахъ нельзя конечно сказать, чтобы всѣ онѣ поставлены были на строго религіозной и православной почвѣ, такъ чтобы ничего не оставалось и желать въ этомъ отношеніи. Нельзя сказать и того, чтобы наши общественные педагоги горячо и искренно одушевлены были религіозными идеями при воспитаніи, и чтобы вообще наука у насъ не сторонилась и не чуждалась религіи. Но — кажется—еще болѣе нельзя сказать и того, чтобы наша семейная атмосфера была вообще чиста, свѣтла и религіозна, и чтобы семейныя начала воспитанія у насъ въ большинствѣ проникнуты были теплотой и благодатію евангельскою. А между тѣмъ именно изъ семьи и заносится обыкновенно въ школу нравственное направленіе воспитанниковъ—хорошее или дурное, которое трудно потомъ бываетъ передѣлать въ желаемомъ вкусѣ; потому особенно трудно, что нравственно-воспитательное дѣло въ школѣ

усложняется и затрудняется дѣломъ учебнымъ и дисциплинарнымъ. Такъ что, говоря по строгой справедливости, отъ нашей семьи можно бы требовать гораздо большаго, чѣмъ отъ школы, въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Но какъ бы то ни было, до тѣхъ поръ, пока въ нашемъ обществѣ не будетъ понята и искренно сознана та библейская истина, что какъ начало, такъ и вѣнецъ научной премудрости есть страхъ Божій, — до тѣхъ поръ у насъ будетъ чувствоваться нужда и недостатокъ въ истинно хорошихъ людяхъ и плодотворныхъ дѣятеляхъ. *Многи суть высоцы и славни: но кроткимъ* и благочестивымъ *открываются тайны.... Всяка премудрость—страхъ Господень, и* только въ такой *премудрости твореніе закона. И нѣсть премудрость вѣдѣніе лукавства, и нѣсть разума, идѣже совѣтъ грѣшныхъ* (Сир. III, 19. XIX, 18 и 19).

Возвращаясь къ личности воспоминаемаго нами великаго русскаго дѣятеля, приведемъ себѣ на память и въ назиданіе ту свѣтлую сторону его глубоко религіозной души, которая отличала его до послѣднихъ дней его достославной жизни. Сынъ священника, взросшій въ строгоправославной семьѣ, получившій первоначальное научное образованіе въ духовной школѣ, питая юный умъ и сердце свое святыми истинами евангелія, Сперанскій соблюлъ, раскрылъ и углубилъ свое религіозное направленіе — впослѣдствіи, когда Промыслу угодно было поставить его въ иныя, лучшія условія жизни, давшія возможность раскрыться его богатымъ духовнымъ силамъ во всемъ блескѣ и полнотѣ. «Духъ его парилъ высоко,—такъ пишутъ его біографы,—и мысли его постоянно возносились къ небу, въ другой міръ, къ которому здѣшній служитъ пріуготовленіемъ»... «Желайте, чтобъ тихая рука смерти, — такъ говорилъ Сперанскій своимъ друзьямъ,—съ вѣрою, любовію и надеждою закрыла мнѣ глаза, зрѣлищемъ ложнаго свѣта давно уже утомленные ... Мысль, когда приду и явлюсь лицу Божію, вездѣ и всегда со мною». «Всѣ эти слова и мысли,—продолжаетъ біографъ нашего приснопамятнаго мудреца,—свидѣтельствующія о нравственной высотѣ, на которой онъ стоялъ, это возношеніе духа, это сознаніе собственной немощи, это стараніе о самоисправленіи, мы почитаемъ

великимъ достоинствомъ въ его характерѣ; онъ, видно, былъ убѣжденъ въ святой истинѣ: *кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ*? (Рус. Арх. 1871 года №№ 7 и 8, стран. 1239). Не эта ли истина, дополнимъ мы съ своей стороны, вдохновляла и окрыляла духъ великаго русскаго мужа въ громадныхъ трудахъ его на пользу отечества? Не она ли сообщила душѣ его теплоту и мягкость, и въ то же время непоколебимое благородство, силу и достоинство, какъ въ славѣ и величіи, такъ и въ несчастіяхъ и временномъ униженіи, которое постарались было устроить ему враги и завистники? «Во все время, какъ я пользовался вашимъ довѣріемъ,—писалъ покойный графъ къ Государю Александру I-му (и нельзя, по справедливому замѣчанію біографа, читать этихъ строкъ безъ умиленія), кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ вашихъ? На кого навелъ я какую либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ, и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коимъ Богъ и природа въ благости своей Васъ одарили». (Рус. Арх. 1871 года №№ 7 и 8 стран. 1243). Не это ли величіе благородной религіозной души графа приблизило его снова къ престолу, и заставляло повторять покойнаго Государя Николая Павловича—по смерти графа: «другаго Сперанскаго мнѣ не найти; да и кѣмъ я попытаюсь даже замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту? (Тамъ же, стран. 1227).

Боже! да не оскудѣютъ въ нашемъ православномъ отечествѣ подобные сему мужи доблестные и сильные премудростью, святою вѣрою и любовію къ отечеству! Упокой, Боже, воспоминаемаго нами приснопамятнаго раба твоего, графа Михаила, и учини его въ раи, идѣже лицы святыхъ и праведницы сіяютъ, яко свѣтила! Аминь.

СЛОВО

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(17 апрѣля 1872 г.).

Пасха радостію другъ друга обымемъ... Рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ (стих. пасхи)!

Какое высокое чувство слышится въ этомъ возгласѣ св. церкви! Вся объятая священнымъ восторгомъ о славѣ воскресшаго искупителя нашего, она хотѣла бы заставить насъ забыть на время все земное, страстное и горькое. Она желала бы дать намъ, хотя на краткій срокъ, почувствовать тотъ миръ блаженный, то вѣчное и ничѣмъ невозмутимое торжество, которое празднуетъ ради воскресшаго *церковь первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ* (Евр. XII, 23). Но, смотря на счастливыя и торжествующія лица въ храмѣ Божіемъ, встрѣчая повсюду миръ, довольство и радость въ домахъ, прислушиваясь къ веселымъ праздничнымъ рѣчамъ, къ дружественнымъ поздравленіямъ, къ теплымъ и сочувственнымъ благожеланіямъ, — что иное, кажется, и предположить должно, какъ не прекрасное совпаденіе нашего свободнаго торжества духовнаго съ священнымъ веселіемъ церкви. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Тотъ ли именно тонъ, тотъ ли святый характеръ въ нашемъ веселіи, то ли чистое, безпримѣсное и глубокое счастіе въ нашихъ сердцахъ, которымъ желала бы надѣлить насъ церковь въ сіи дни? Одному конечно Господу открыта книга сердецъ человѣческихъ; но не случайно, и не по предзанятой лишь цѣли проповѣдническоей — судить и обличать людей во что бы то ни стало, предлагаемъ мы вамъ свои вопросы; а пришла намъ мысль о томъ обычномъ благовидномъ приличіи, о той изящной внѣшности, о тѣхъ мягкихъ и туманныхъ формахъ, которыми украшается наша общественная образованная жизнь не только въ праздничные, но и въ обыкновенные будничные дни. «Радостію

*) Напечатано въ 9-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1872-й г.

другъ друга обымемъ» —приглашаетъ церковь ради великаго свѣтлаго дня, какъ бы не расчитывая, чтобы столь высокое и братское чувство могло быть обычнымъ и всегдашнимъ для грѣшныхъ и обыкновенныхъ людей, какими переполнена земля. Но вотъ это невозможное повидимому осуществляется въ нѣкоторыхъ общественныхъ нашихъ кружкахъ, гдѣ тонкость и предупредительность обращенія, любезность и вѣжливость рѣчей, благородство мыслей, красота и грація пріемовъ, и нѣкоторый неуловимый ароматъ всего, что подпадаетъ простому и непосредственному наблюденію, такъ отрадно можетъ поражать всякаго человѣка, не желающаго сомнѣваться въ томъ, что видятъ его глаза. Но, повторяемъ, такъ ли все это на самомъ дѣлѣ, какъ кажется? И все это той-ли именно цѣнности, за какую выдается? А придается всему этому цѣнность столь великая, что часто все нравственное достоинство человѣка измѣряютъ степенью, въ какой онъ привыкъ и способенъ вращаться въ описанной сферѣ; и не хотятъ знать и не желаютъ никакихъ лучшихъ средствъ къ облагороженію человѣчества, какъ заставить его дышать по возможности этой цивилизованной атмосферой, льющейся изъ высшихъ слоевъ нашей общественной жизни. Есть, значитъ, для насъ серьезное побужденіе вглядѣться поближе нѣсколько въ такъ называемую внѣшнюю образованность нашу, которая подкрашиваетъ и золотитъ весьма неблаговидныя въ сущности явленія нашей общественной жизни. *Другъ друга обымемъ! рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ*,—дѣлая такое воззваніе къ своимъ чадамъ, св. церковь расчитываетъ на полную ихъ искренность, желаетъ, чтобы дружественность и пріязненность нашихъ отношеній была утверждена на чистой любви нашей къ ближнему, ради Господа Іисуса Христа, нашего общаго Спасителя и Отца, какъ это бываетъ въ добрыхъ и любящихъ семействахъ. Къ сожалѣнію—гуманность людскихъ отношеній въ свѣтѣ, если понаблюсти ее нѣсколько подольше, оказывается безъ этого крѣпкаго начала любви и искренности, которое собственно и могло бы давать имъ цѣну. Правда, что здѣсь постоянно верѣчаются веселыя и улыбающіяся другъ другу физіономіи, дѣлаются дружескія рукопожатія, слышатся непрестанныя извиненія,

говорятся любезности и дѣлаются тысячи взаимныхъ мелкихъ услугъ,—и все это, конечно, придаетъ необыкновенно мягкую и пріятную окраску всему видимому строю общественной жизни. Но большею частію все это дѣлается не искренно, на показъ и только въ глаза. Съ утра до вечера, и притомъ всѣ—отъ мала до велика—разыгрываютъ другъ передъ другомъ разныя болѣе или менѣе трудныя и сложныя роли пріязни, дружбы и расположенія. Непрерывное и притомъ долгое, съ юныхъ ногтей начинаемое, упражненіе въ этомъ лицедѣйствѣ до такой степени входитъ въ привычку, и дѣлается столь легкимъ и простымъ дѣломъ, что сливается какъ-бы съ самою личностію людей. Лишь только стоитъ имъ встрѣтиться, — и уста ихъ невольно складываются въ улыбку, а рѣчь сама собой настраивается на игривыя и сладкія фразы. Но вслушайтесь, около чего большею частію вращаются эти изящныя рѣчи. Сошлись двое,—и непремѣнно рѣчь идетъ о третьемъ, съ болѣе или менѣе тонкими и шутливыми намеками насчетъ его слабостей, странностей, недостатковъ, и слегка даже насчетъ его чести и достоинства. Является этотъ третій,—тогда общая рѣчь начинается о четвертомъ — съ тѣми же оттѣнками шутливости и остроумія насчетъ разныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ слабостей ближняго.

И чѣмъ вообще вскрашивается и усыпается эта медоточивая свѣтская болтовня, какъ не взаимными пересудами; чѣмъ наполняется ея пустота, какъ не разными юмористическими анекдотами о людяхъ отсутствующихъ; и на что тратится умъ пріятныхъ гостинныхъ собесѣдниковъ, какъ не на остроты по случаю разныхъ чужихъ приключеній семейныхъ и общественныхъ? Но нигдѣ такъ рѣзко и наглядно не проявляется этотъ характеръ, то просто болтливой и игривой, то злой и ядовитой сплетни, какъ въ печатномъ словѣ. Подъ предлогомъ гласности и раскрытія разныхъ общественныхъ язвъ, пишется необозримое множество статей и статеекъ, сокровенный поводъ которыхъ — просто удовлетворить своей наклонности къ злословію, пощеголять своимъ острымъ языкомъ, и втихомолку посмѣяться съ своими пріятелями надъ опозореннымъ и огорченнымъ противникомъ. Къ униженію нашей литературы и посрамленію печатнаго слова, современныя газеты

и журналы переполнены статьями подобнаго дурнаго тона,—несомнѣнное доказательство, какъ сильно развилась въ нынѣшнихъ людяхъ страсть къ клеветѣ, къ такъ называемымъ курьезамъ, сплетнямъ и скандаламъ. Вотъ сколько серьезной и благородной людскости и теплой искренности тамъ, гдѣ всѣ кажутся друзьями—пріятелями,—въ такъ называемомъ большомъ и образованномъ свѣтѣ!...

Но сколько неискренна и фальшива свѣтская гуманность по своему характеру, столько же и узка она по своему объему. Объяснимся. Когда церковь возглашаетъ—«другъ друга обымемъ—ради Воскресшаго Спасителя», то приглашаетъ насъ раскрыть свое сердце для всѣхъ безъ исключенія нашихъ ближнихъ, какъ братьевъ о Христѣ Іисусѣ. Для любви христіанской нѣтъ предѣловъ, нѣтъ замкнутыхъ кружковъ, нѣтъ сословныхъ и житейскихъ различій. По заповѣди Христовой всѣ люди братья, всѣ *другъ другу удове* (Ефес. IV, 25), подобно членамъ одного тѣла, глава котораго Христосъ. Имѣетъ ли такую широту—мірская гуманность? О, далеко нѣтъ! Правда, въ совокупности свѣтскихъ правилъ существуетъ между прочимъ и такое, что надо быть вѣжливымъ со всѣми. А между тѣмъ что творится на дѣлѣ? На дѣлѣ бываетъ такъ, что степень поклона, сила рукопожатія, привѣтливость взгляда—строго соразмѣряется со степенью положенія, какое занимаетъ человѣкъ, которому все это отпускается. Эта обособленность и разъединенность между людьми разныхъ положеній и состояній въ свѣтѣ проявляется иногда съ такою горделивой силой и брезгливостію, что по справедливости можетъ быть сравнена съ недружелюбнымъ фарисействомъ и нетерпимостію нашихъ раскольниковъ, которые, дробясь на враждебные толки и секты, желаютъ имѣть все отдѣльное и свое. Но за смѣшною стороною скрывается здѣсь болѣе серьезная и горькая,—это отсутствіе того, чѣмъ такъ любитъ хвалиться современный образованный свѣтъ, отсутствіе теплой любви къ человѣчеству и недостатокъ истинной христіанской человѣчности. Сколько изысканной обходительности расточается въ своихъ замкнутыхъ кружкахъ, столько ласкательства употребляется передъ высшими себя, столько же сухости, холодности, а подъ-часъ и нескрываемой надменности чувствуется въ отношеніяхъ къ людямъ низшихъ разрядовъ, и не изъ своего

стада. Приходитъ невзрачный и безсильный бѣднякъ съ своимъ горемъ или неотложнымъ дѣломъ,—ему приказываютъ ждать до неопредѣленнаго срока. Нищета одолѣла его, — заподозрятъ въ лѣни и праздности. Коснѣетъ онъ въ невѣжествѣ,—скажутъ это неизбѣжное общественное явленіе. Несетъ онъ грубый и неблагодарный трудъ, принижающій его до степени животныхъ,—хладнокровно разсудятъ, что чернорабочими силами созидается богатство общественное, и т. п.

Но если такъ бѣдна по своему содержанію и узка по своему объему свѣтская гуманность, то можно безошибочно опредѣлить и степень ея надежности и прочности даже въ той средѣ, гдѣ она процвѣтаетъ, и гдѣ составляетъ она какбы естественную атмосферу, которой всѣ дышутъ. Все здѣсь до перваго разу; вся эта кажущаяся теплота и людскость въ отношеніяхъ до перваго, болѣе или менѣе серьезнаго столкновенія. Оказывается, что подъ видомъ уваженія чужой личности и чужихъ правъ, о которомъ проповѣдуютъ съ такимъ достоинствомъ и съ такимъ жаромъ современные люди, всего болѣе благоговѣютъ предъ своими собственными достоинствами, и покланяются своимъ личностямъ. Не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что нѣтъ себялюбивѣе и опаснѣе нынѣшнихъ людей, несмотря на гладкость и приличіе ихъ пріемовъ, и несмотря на всю ихъ образованность и наружную мягкость. Приходитъ на мысль нѣсколько рѣзкое можетъ быть, но вѣрное уподобленіе. Нынѣшній пріятно-обходительный человѣкъ весьма похожъ на фосфорную спичку, готовую при первомъ жесткомъ прикосновеніи вспыхнуть, обжечь и надымить. Чувство чести утончили до такой мелкой щекотливости, а человѣческому достоинству приписали такую одностороннюю неприкосновенность, что благодушно перенесть наприм. обиду, смиренно сознаться въ своей ошибкѣ, когда ее указываютъ со стороны, для сохраненія мира поступиться нѣсколько собственными правами,—считается признакомъ слабости душевной, умственной тупости, или даже низости и неблагородства. Это ли высокая гуманность, которую заповѣдуетъ евангеліе? Затронутыя и взволнованныя страсти нынѣшнихъ себялюбивыхъ людей не знаютъ себѣ предѣловъ и границъ. Онѣ жгутъ, какъ огонь; умерщвляютъ, какъ

ядъ. И чѣмъ образованнѣе и утонченнѣе эти люди, тѣмъ болѣе яда и вредоносности въ ихъ оружіи, которымъ разятъ они другъ друга въ случаѣ размолвки, ссоры и взаимныхъ обидъ. Грубая мода на кровавые поединки, когда люди влекомые животными инстинктами мести, хладнокровно убивали другъ друга—эта дикая мода прошла, или почти прошла; но это не значитъ, чтобы ослабѣли и исчезли постыдные инстинкты мести и злобы, — они приняли только другую, болѣе утонченную, болѣе просвѣщенную, такъ сказать, форму. Устная клевета, печатный позоръ, расчитанное презрѣніе, зложелательная надменность въ обращеніи, и если можно—насиліе власти, подъ видомъ законности, и есть тысячи подобныхъ достойныхъ мѣръ, которыми не побрезгуетъ воспользоваться нынѣшній просвѣщенный человѣкъ для пораженія своего врага. Онъ возмутитъ ваше семейное благополучіе, онъ очернитъ ваше доброе имя, онъ испортитъ вашу службу, онъ потрисетъ все ваше нравственное существо, онъ сгубитъ васъ медленнымъ, но убійственнымъ способомъ. И сколько драммъ подобнаго плачевнаго характера заносится ежегодно въ лѣтописи нынѣшняго цивилизованнаго свѣта! Грозное и сильное слово Спасителя о фарисеяхъ, которыхъ онъ назвалъ гробами раскрашенными, какъ нельзя лучше, идетъ къ нынѣшнимъ людямъ, блистающимъ и гордящимся своимъ свѣтскимъ лоскомъ. Съ виду точно они хороши и красивы, но за то внутри исполнены всякаго зловонія и нечистоты.

Итакъ если, въ заключеніе нашей рѣчи, рядомъ съ нынѣшними свѣтскими правилами о приличіи и деликатности въ человѣческихъ отношеніяхъ, поставить это кроткое воззваніе св. церкви: *пасха радостію другъ друга обымемъ! Рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ, и тако возопіимъ: Христосъ воскресе...*; то сколько теплоты, задушевности и жизненности послышится въ этомъ небесномъ голосѣ, и напротивъ—какимъ холодомъ, безсодержательностію и фарисейскою бездушностію будутъ отзываться всѣ эти тонкія правила свѣтской деликатности и гуманности! Такъ—и то, что есть лучшаго въ мірѣ, чѣмъ онъ думаетъ гордиться, оказывается весьма немногоцѣннымъ, если надъ всѣмъ этимъ не вѣетъ духъ Христовъ,

если все это не проникнуто животворными началами евангелія. Не лучше ли же отдаться водительству св. церкви Христовой, живущей духомъ Христа Спасителя и Его ученіемъ? Не лучше ли поставить главною цѣлію жизни усвоеніе евангельскихъ правилъ, столь высокихъ, столь чистыхъ и истинно человѣчныхъ въ сравненіи съ свѣтскими и житейскими правилами внѣшняго благоприличія? Не слѣдуетъ, конечно, пренебрегать и этими правилами, и все, что мы говорили противъ нихъ, говорили не за тѣмъ, чтобы только втоптать ихъ въ грязь, а напротивъ—выяснить именно то, какъ много они теряютъ отъ своей разобщенности съ духомъ Христовымъ, и какъ они,—эти вѣжливыя и деликатныя правила нынѣшняго общества, были бы истинно прекрасны и вождѣленны, еслибы созрѣвали на почвѣ евангельской. И фальшивые бриллианты играютъ переливами цвѣтовъ,—но все-же они фальшивые; и поддѣльные цвѣты ласкаютъ зрѣніе,—но они не благоухаютъ; и многое многое блеститъ, но не все то золото, какъ говорится. Вотъ мы и хотѣли только сказать, что не слѣдовало бы фальшивый и поддѣльный блескъ свѣтской жизни считать за чистое золото, и не стоило бы пробавляться изъ мутныхъ и скудныхъ источниковъ житейской нравственности человѣческой, когда у насъ подъ руками чистыя и обильныя струи самой высокой нравственности, самыхъ святыхъ и истинно человѣческихъ приличій въ евангеліи, въ ученіи Іисуса Христа. Внесемъ же это ученіе въ свою жизнь,—мы этимъ ее вскрасимъ, упорядочимъ и облагородимъ въ высшей степени, и не только свою личную жизнь, но и общественную. Да, еслибы мы общими силами рѣшились потрудиться надъ проведеніемъ евангельскихъ началъ въ свою домашнюю и общественную жизнь, то много и въ цѣлой жизни народной исцѣлѣло бы гнойныхъ язвъ, безъ сомнѣнія болѣзненно отзывающихся въ сердцѣ возлюбленнаго нашего монарха. Дадимъ же въ свѣтлый день его рожденія, дадимъ себѣ благородный обѣтъ потрудиться надъ пріобрѣтеніемъ не условнаго только и узкаго благородства свѣтскаго, но глубокаго, всецѣлаго—евангельскаго. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

къ Добросельскимъ поселянамъ при открытіи въ нихъ приходѣ народной школы *).

(2 іюля 1872 г.).

Привѣтствуемъ васъ, православные, съ открытіемъ у васъ хорошо устроенной и удобной школы. Богъ послалъ вамъ добраго и щедраго ревнителя о вашихъ духовныхъ нуждахъ, и вотъ вы имѣете теперь возможность легко и удобно учить дѣтей своихъ грамотѣ. То, о чемъ еще только замышляютъ во многихъ селахъ, да не знаютъ какъ собраться съ силами, чтобы исполнить задуманное,—у васъ, по милости Божіей, уже есть. Возблагодарите же Господа Бога промышляющаго о вашемъ духовномъ преуспѣяніи, и поспѣшите воспользоваться тѣмъ благимъ даромъ, который Онъ посылаетъ вамъ рукою одного изъ вашихъ собратовъ.

Думается намъ, что вамъ нечего много объяснять, какъ хорошъ и достолюбезенъ посылаемый вамъ даръ, и какое важное дѣло грамотность. Хотя менѣе широкая и удобная, но все же была у васъ школа, въ которую нѣкоторые изъ васъ охотно посылали своихъ дѣтей, и по возможности поддерживали ее. Добрый знакъ, и хорошая для васъ рекомендація! Можно надѣяться, что крѣпко будетъ стоять и процвѣтать ваша школа, и что, съ умноженіемъ у васъ грамотныхъ и книжныхъ людей, умножатся и благочестивые люди, а съ ними умножатся для васъ и милости Божіи, и вся жизнь ваша, не только духовная, но и обыкновенная хозяйственная, будетъ устрояться все къ лучшему. Буди сіе съ вами! Объ этомъ то и прибыли мы сюда молиться съ вами Господу Богу, и просить Его благословенія и благодати для всѣхъ живущихъ въ веси сей. Мы сказали, что съ умноженіемъ у васъ грамотныхъ людей можно ожидать, что умножится и благочестіе. Непремѣнно такъ. Возьмите вы положеніе

*) Напечатано въ 32 № «Влад. Губерск. Вѣдомост.» за 1872 г.

неграмотнаго человѣка. Откуда ему узнать хорошо и обстоятельно, чего требуетъ отъ насъ Господь Богъ, въ чемъ состоятъ Его заповѣди, какая сила въ таинствахъ Христовыхъ, какъ жили и спасались святые угодники, какъ пріучить себя къ той или другой добродѣтели, какъ отстать и отучить себя отъ того или иного порока? Насчетъ всего этого неграмотный ходитъ какъ во тьмѣ. Слышитъ кое-что отъ разумныхъ людей, но насчетъ многаго недоумѣваетъ. Придетъ въ церковь, но опять многаго и многаго не понимаетъ изъ того, что поютъ и читаютъ въ церкви; иной смотритъ только на образа, машинально крестится, да кладетъ поклоны. Станетъ дома на молитву, но опять не умѣетъ какъ и что сказать Господу Богу. Прекрасныя и возвышенныя молитвы церковныя ему неизвѣстны, и приходится ему холодно и разсѣянно повторять что нибудь одно и то же. А то бываетъ еще хуже, и Боже мой, какъ часто это бываетъ! Является какой-нибудь непрошенный и невѣжественный учитель, и начнетъ напускать еще больше тьмы въ голову бѣдному человѣку, пойдетъ учить и вкривь и вкось о самыхъ высокихъ истинахъ вѣры Христіанской, которыхъ и самъ хорошенько не понимаетъ, и кончитъ тѣмъ, что совершенно отвратитъ своего довѣрчиваго и простодушнаго ученика отъ вѣры православной и отъ церкви Христовой. Такъ у насъ вотъ и распространяется расколъ—это дикое, это невѣжественное и горькое дѣло на Руси православной. Будь-ка попросвѣщеннѣе наши православные, познакомься они покрѣпче съ словомъ Божіимъ да съ учителями церкви и святыми отцами,— и расколъ не могъ бы у насъ сдѣлать ни шагу, а самъ бы изчезъ, какъ отвратительный призракъ ночной съ восходомъ солнечнымъ.

Съ умноженіемъ грамотности, мы сказали еще, будетъ прочнѣе устрояться ваше благополучіе не духовное только и религіозное, но и обыкновенное житейское. И это непремѣнно такъ. Возьмите вы опять положеніе человѣка безграмотнаго. Живетъ онъ, можно сказать, вполовину только, а не вполнѣ, какъ устроилъ Господь Богъ; слѣдовательно и счастливъ только вполовину. Ибо Господь создалъ человѣка не изъ тѣла только, а изъ души, въ которой есть много способностей и силъ всякихъ. Что

дѣлать человѣку неграмотному и неученому съ этими силами и способностями, какъ ихъ усовершить и умножить? Онъ работаетъ только тѣломъ, пашетъ, жнетъ, коситъ, строитъ что нибудь,— вотъ и все. Здѣсь дѣйствуютъ только одни члены тѣлесные. А душѣ бѣдной что же остается на долю? На то ли данъ умъ богоподобной душѣ человѣка, чтобы ни о чемъ больше не мыслить, кромѣ хлѣба, подобно животнымъ; чтобы ничего больше не знать, кромѣ того, что подъ глазами? На то ли этотъ прекрасный и чудный міръ Божій созданъ, чтобы человѣкъ равнодушно и безсмысленно смотрѣлъ на него? Нѣтъ, какъ хотите, — это грустно! Между тѣмъ, какое удовольствіе, какое счастіе у того человѣка, который имѣетъ возможность читать книги, и извлекать изъ нихъ все умное и полезное! Онъ чувствуетъ, что онъ человѣкъ, а не рабочее какое нибудь животное, осужденное только ѣсть и работать, работать и ѣсть; онъ сознаетъ, что онъ разумная и богоподобная тварь, что и ему удѣлилъ Господь извѣстную долю чисто человѣческаго счастія. Чтобы понять, какое это отрадное чувство, надо извѣдать его на самомъ себѣ.

Сказали мы наконецъ, что грамотность и книжное образованіе приноситъ пользу даже хозяйству, и содѣйствовать можетъ обогащенію вашему. Непремѣнно, непремѣнно такъ. Возьмите вы опять безграмотнаго человѣка. Конечно онъ не все же работаетъ, а бываетъ у него досугъ. Куда же и на что ему дѣвать свой досугъ? Вотъ онъ сидитъ сложа руки, подъ предлогомъ отдыха, сидитъ и скучаетъ. А извѣстно, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, и начинаетъ этотъ человѣкъ придумывать, чѣмъ бы развлечься послѣ недѣльнаго труда. И ничего лучшаго этотъ человѣкъ никогда не придумываетъ, кромѣ водки. Понемногу, да понемногу, — смотришь и образовалась ужъ охота, а затѣмъ потребность, а тамъ и страсть къ вину. А какъ помогаетъ винопитіе хозяйству, какъ оно обогащаетъ людей, — чай ужъ это всякому извѣстно. Но возьмите вы и самое это хозяйство. Человѣкъ темный и неграмотный ведетъ его такъ, какъ шло оно въ старину, какъ привыкъ и научился онъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Ни выдумать чего нибудь, ни усовершить его

какъ нибудь онъ не можетъ: даже на всѣ улучшенія, вводимыя по хозяйству и домоводству умными и образованными людьми, онъ смотритъ съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ. А между тѣмъ объ этихъ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ пишутся тоже цѣлыя книги, есть даже цѣлая наука о сельскомъ хозяйствѣ. Только все это выходитъ, какъ бы не про насъ писано, и не хотимъ мы ничего занять и усвоить изъ всего этого; а это все отъ того, что мы мало грамотны, мало образованны, а потому и мало думаемъ о вещахъ. А будь образованнѣе и грамотнѣе русскіе люди,—и благословенное отечество наше Русь православная, можетъ быть, въ нѣсколько разъ была бы богаче, и не стали бы наши сельскіе люди лѣниво повторять избитую поговорку: «что все-де отъ Бога, какъ было встарину, такъ и теперь пусть будетъ».

Но достаточно кажется говорить о пользѣ и важности грамотности. Постарайтесь же поддержать свою новоустроенную школу, и распространить въ своемъ селѣ книжное обученіе. Иначе вамъ будетъ грѣхъ и отъ Бога и срамъ отъ добрыхъ людей. Вы теперь знаете, какое это великое и благополезное дѣло грамотность. Поддержите же ее и своими пожертвованіями, и тѣмъ, чтобы непремѣнно посылать дѣтей своихъ въ школу. А пославши ихъ туда, не отвлекайте и не отрывайте часто отъ книжнаго дѣла за какими нибудь мелкими домашними потребами. А то бываетъ такъ, что дѣти то поучатся немного, то бросятъ ученье, то походятъ въ школу, то перестанутъ. И весьма часто это бываетъ отъ самихъ родителей, которые хоть и сознаютъ нужду грамотности, но всетаки относятся къ ней какъ то небрежно. Этимъ вы затрудняете и самого учителя. Нѣтъ ужъ коли учиться, такъ учиться; ибо всякое дѣло, для своего успѣха, требуетъ неослабнаго усердія и постоянства. И въ Писаніи сказано, что кто возьмется за плугъ, да будетъ озираться вспять, т. е. лѣниться и небрежничать, тотъ не будетъ управленъ въ царствіе Божіе.

Господь Богъ да осѣнитъ васъ всѣхъ своею благодатію, и да возжетъ въ сердцахъ вашихъ ревность къ вашему образованію и къ изученію закона Его. Аминь.

РѢЧЬ

при открытіи народной школы въ селѣ Добромъ *).

(2 іюля 1872 г.).

Достопочтенное собраніе!

Много отраднаго представляетъ настоящее торжество. Скромный праздникъ обновленія народной сельской школы выходитъ особенно чѣмъ-то хорошимъ, чѣмъ-то особенно торжественнымъ. Хорошо смотрѣть, какъ разумные люди сельскіе, не толкуя много о важности и необходимости народнаго образованія, на самомъ дѣлѣ радѣютъ объ немъ душею и дѣлаютъ для него не проэкты только и предложенія, а дѣйствительныя жертвы. Устроивъ свою школу, они спѣшатъ призвать на нее Божіе благоволеніе, просятъ за нее святительскихъ молитвъ у своего архипастыря, желаютъ съ нимъ, по этому случаю, молиться вмѣстѣ, и вообще устрояютъ духовно-религіозное торжество, раздѣлить которое приглашаютъ и гражданскія власти. Все это чисто въ православномъ и народномъ русскомъ духѣ. Да благословитъ Господь такъ хорошо и радушно начатое доброе дѣло, да пошлетъ свои милости устроителю этого дѣла и сотрудникамъ его; да будетъ имъ честь и хвала и отъ добрыхъ людей! Можетъ быть добрый примѣръ ихъ и въ другихъ селеніяхъ нашихъ найдетъ себѣ усердныхъ подражателей и посильныхъ ревнителей въ дѣлѣ народнаго образованія. Душевно желаемъ сего, и молимъ Господа о ниспосланіи благодати и просвѣщенія въ среду нашего православнаго народа.

Не рѣдко слышатся жалобы на неподатливость нашего русскаго народа къ дѣлу грамотности и на его крайнее будто бы равнодушіе къ своему просвѣщенію. Ищутъ мѣры, изобрѣтаютъ способы, какъ бы помочь этому горю и всетаки съ прискорбіемъ видятъ, что всѣ хлопоты не увѣнчиваются тѣми успѣхами, какихъ бы желалось. А между тѣмъ, сколько извѣстно изъ опыта и изъ живыхъ сношеній съ народомъ, наши простолюдины очень

*) Напечатана въ 32 № Влад. Губернск. Вѣдомостей за 1872 г.

понимаютъ важность и пользу книжнаго обученія, желали бы имъ воспользоваться, и если называютъ себя людьми темными, то вовсе не съ удовольствіемъ или равнодушіемъ, а съ видимымъ прискорбіемъ. Что же все это значитъ? И гдѣ причины такого раздвоеннаго отношенія нашего народа къ дѣлу столь важному, и столь близко его касающемуся, каково дѣло его собственнаго обученія?

Чтобы тамъ ни было, а матеріальныя нужды и усиленный рабочій трудъ много мѣшаютъ дѣлу народнаго образованія. Извѣстно, что для человѣка тогда лишь настаетъ возможность серьезно думать о своихъ умственныхъ нуждахъ, когда вполнѣ или довольно достаточно удовлетворены его матеріальныя нужды; а до тѣхъ поръ онъ будетъ продолжать думать объ умственномъ образованіи, какъ объ роскоши приличной другимъ, болѣе его благоденствующимъ людямъ. Было бы неумѣстнымъ распространяться здѣсь, почему при извѣстномъ трудолюбіи и выносливости нашего народа, такъ упорно все таки гнетутъ его матеріальныя нужды, и такъ мало у него досуга остается на собственное образованіе. Скажемъ только, что какъ ни малъ, и нешироко его досугъ, а и его могъ бы народъ употребить съ большею пользою для своего духовнаго развитія, если бы побольше обрѣталось энергическихъ двигателей и здравомыслящихъ вождей въ его собственной средѣ. Извѣстно, что въ каждомъ сельскомъ околодкѣ, и можетъ быть даже въ каждомъ селѣ, есть сравнительно зажиточные и даже богатые православные, если не деньгами, то здравымъ смысломъ и нравственнымъ вліяніемъ на свою крестьянскую среду. Вотъ если бы въ эти личности откуда нибудь заронена была искра ревности о грамотности и о просвѣщеніи,— они бы сильно могли орудовать въ этомъ важномъ дѣлѣ. Отрадный и вожделѣнный примѣръ этому мы видимъ въ настоящее время въ Добромъ селѣ. Еще разъ съ удовольствіемъ и благодарностію мы повторяемъ свой привѣтъ доброму и радѣющему о духовныхъ нуждахъ своихъ односельцевъ Михаилу Даниловичу, и отъ души желаемъ ему подражателей. Пріискивать же и открывать ихъ ложитъ первый и священный долгъ, конечно на пастыряхъ церкви и просвѣщенныхъ гражданскихъ людяхъ. Одни своимъ духовнымъ вліяніемъ, пастырскими внушеніями и посиль-

нымъ содѣйствіемъ дѣлу обученія, а другіе преимущественно изобрѣтеніемъ денежныхъ и вообще матеріальныхъ средствъ для нашихъ народныхъ школъ могутъ сдѣлать для нихъ все.

Но здѣсь мы сталкиваемся съ новой причиной, которая нѣсколько замедляетъ нашу сельскую грамотность. Земство, какъ извѣстно, употребляетъ не мало рвенія объ этой грамотности. Въ литературѣ пишутъ объ ней еще больше. Приготовляются нарочитые сельскіе учители, изобрѣтаются упрощенные способы обученія грамотѣ, обсуживаются то тѣ, то другіе пріемы народнаго просвѣщенія. Но народу подчасъ инстинктивно не нравится во всѣхъ этихъ радѣтельныхъ мѣрахъ объ немъ то, что дѣло его духовно-нравственнаго образованія сливаютъ съ дѣломъ житейскаго и матеріальнаго его облагороженія, и потому буквари и азбуки народные подчасъ наполняются разными практическими совѣтами и житейскими нравоученіями. Все это безъ всякаго сомнѣнія хорошо, и народъ конечно скажетъ то же самое. Но не этого ему главнымъ образомъ хочется. Ему желательно скорѣе читать и понимать псалмы Давидовы, сознательно стоять въ храмѣ Божіемъ, умѣть молиться и знать отчетливѣе, что требуется для его души, и какъ спастись. Съ этими высокими вопросами и съ ихъ разъясненіемъ народъ отождествляетъ и самое дѣло образованія, и конечно хорошо дѣлаетъ. И потому тѣ народныя школы, которыя созданы и держатся собственно на религіозномъ началѣ, оказываются самыми прочными и долговѣчными. Вотъ если бы горячѣе сочувствовали религіознымъ народнымъ потребностямъ, и при учрежденіи школъ—прямо ударяли бы на нихъ собственно; то, намъ кажется, и народъ горячѣе и усерднѣе пошелъ бы навстрѣчу своимъ просвѣтителямъ. Онъ узналъ и почувствовалъ бы въ нихъ истинныхъ друзей своихъ, радѣющихъ о самомъ дорогомъ для него благѣ. А извѣстно, что небесный лучъ религіи, зароненный въ душу человѣка, освѣщаетъ и животворно грѣетъ и всю внѣшнюю его обстановку, облагораживаетъ и улучшаетъ весь матеріальный его бытъ, по слову Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). Такимъ образомъ предъ нами открылось бы полное и друже-

любное сочетаніе цѣлей и стремленій какъ народа, такъ и его просвѣтителей.

Намъ ставятъ въ примѣръ и въ укоръ заграничныхъ людей. Вотъ тамъ де-скать, за границей, процвѣтаетъ просвѣщеніе народное, и процентъ безграмотныхъ тамъ будтобы самый ничтожный. Чтожъ? Хорошее не назовемъ дурнымъ; и отъ достойнаго подражанія не станемъ отворачиваться,—вѣдь и мы стремимся къ грамотности. Но все таки пошлемъ имъ отсюда, этимъ заграничнымъ людямъ, свои желанія побольше видѣть въ нихъ религіозности и поменьше тѣхъ нравственныхъ неустройствъ, которыми они, какъ слышно, богаты не менѣе насъ.

Боже! Призри своею благодатію на всю, наипаче же на православную русскую землю твою, и дай узрѣть во свѣтѣ твоемъ свѣтъ всѣмъ людямъ твоимъ! Благослови великаго монарха нашего и его просвѣщенныхъ сотрудниковъ въ многосложномъ дѣлѣ образованія народнаго!

РѢЧЬ ОТВѢТНАЯ

воспитанницамъ Епархіальнаго женскаго Училища при выпускѣ въ 1872 году *).

(4 іюля 1872 года).

Любезныя воспитанницы!

Утѣшаемся вашими прекрасными чувствами благодарности и скромности при выходѣ изъ училища. Благослови васъ Господь Богъ на многотрудный жизненный путь. Повѣрьте, если бы ваше счастіе сколько нибудь зависѣло отъ нашихъ благожеланій, то мы бы васъ осыпали ими. Ваше счастіе, ваше нравственное преуспѣяніе, ваше всяческое благоустройство—будетъ истинною нашею радостію, нашимъ высокимъ утѣшеніемъ и, выражаясь грѣшнымъ человѣческимъ языкомъ, нашею гордостію. Къ сожалѣнію—

*) Напечатана въ 14-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1872-й г.

не все то легко, чего намъ хочется. И вы, и мы всѣ подчинены разнымъ не зависящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Молимъ Господа, чтобы Онъ устроялъ эти обстоятельства все къ лучшему и къ лучшему для васъ и для насъ. Съ своей стороны—даемъ слово содѣйствовать вашему будущему благоденствію столько, сколько отъ насъ будетъ зависѣть, и во всемъ, что будетъ въ нашихъ силахъ. Наипаче же положите самое крѣпкое упованіе свое на Господа Бога, и поберегите тѣ теплыя чувства религіозныя, о которыхъ вы сейчасъ сами говорили. Съ ними вы нигдѣ и никогда не пропадете, чтобы тамъ ни ожидало васъ въ жизни, ибо *милость Господня.... на боящихся Его, и правда Его на сынѣхъ и дщерехъ,... помнящихъ заповѣди Его творити я* (пс. CII, 17). Будете помнить Господа и волю Его,—Онъ ли забудетъ васъ?...

Предчувствуемъ, и даже видимъ, что вы переполнены теперь самыми прекрасными намѣреніями, мелькаютъ и блещутъ у васъ свѣтлыя надежды, а молодыя и свѣжія силы стремятся къ благородному труду. Поскорѣе приложить свои знанія къ дѣлу, заняться обученіемъ безграмотныхъ деревенскихъ дѣтей, зажечь добрую и святую искру въ этихъ существахъ, растущихъ въ полномъ небреженіи, заслужить благодарность ихъ родителей, усовершенствовать себя въ познаніяхъ и разныхъ житейскихъ искусствахъ, жить въ тиши и наединѣ съ благодатной сельской природой, и тамъ явить въ себѣ привлекательные образцы скромности, благоговѣнія, чистоты, трудолюбія и прочихъ добродѣтелей, вотъ у васъ что теперь на умѣ,—не такъ-ли?... Да, мы знаемъ, что такъ именно мечтаетъ неиорочная и благовоспитанная юность. Много хорошаго и святаго, много идеальнаго, много,—если хотите,—поэзіи во всѣхъ этихъ мечтахъ. И признаться, сами бы мы, теперь прощаясь съ вами, не прочь помечтать объ васъ такимъ именно образомъ. Но знаете ли, что смущаетъ насъ всего болѣе? Не то, что вы не имѣете широкой научной подготовки; при добромъ намѣреніи и усердіи и изъ малаго можно сдѣлать многое, а практика приведетъ съ собою и опытность. Ваши предшественницы знали менѣе васъ и подготовлены, можно сказать, слабѣе; а какъ слышно, нѣкоторыя изъ нихъ не безуспѣшно трудятся въ дѣлѣ народнаго образованія; а земство да-

же оффиціально приглашаетъ ихъ въ народныя школы. Видите, все хорошее объ васъ мы тщательно собираемъ; худаго не слышимъ, да и знать не хотимъ. Не смущаетъ насъ много бѣдность и неприглядность вашей будущей обстановки житейской, ни даже сиротство, на что вы съ горечью сейчасъ указали, — вѣдь все это не будетъ для васъ неожиданностію, не нѣжились вы и здѣсь, не неучами и ни къ чему неспособными мы васъ выпускаемъ; а добрыя сѣмена религіи, которыя вы, къ нашему удовольствію, въ себѣ сознаете, неужели пропадутъ для васъ задаромъ, не поддержатъ и не усладятъ горечей житейскихъ, могущихъ встрѣтиться вамъ впереди.

Нѣтъ, молодость ваша, слишкомъ еще ранняя молодость, невѣдущая, что творится въ растлѣнной жизни людской, — вотъ что можетъ всего болѣе внушать намъ заботы. Прекрасны и благородны мечты у молодости, — но это лишь благовонные цвѣты, которые могутъ быстро завянуть безъ плода отъ перваго грубаго прикосновенія къ жизни дѣйствительной, къ ея холоду и соблазнамъ. А вы будете, можно сказать, одиноки въ этой жизни. Вы желаете, чтобы мы не оставляли васъ своимъ руководствомъ и по выходѣ вашемъ изъ училища; но что могло бы быть лучше, если бы въ самомъ дѣлѣ вы не позабывали искать нашего руководства? Возьмите теперь на память хоть вотъ что только.

Вопервыхъ, не задавайтесь слишкомъ многимъ, не рвитесь надѣлать какъ можно больше, и какъ можно скорѣе, всего добраго и полезнаго, о чемъ вы, можетъ быть, теперь мечтаете. Это можетъ ослабить вашу дѣятельность, огорчить васъ и унизить въ собственныхъ глазахъ; ибо никакъ намъ нельзя передѣлать всего, о чемъ мы мечтаемъ. Примѣромъ хоть бы народное образованіе. Не спѣшите видѣть себя въ роли авторитетныхъ учительницъ въ какой нибудь обширной и удобной школѣ, окруженными многочисленными дѣтьми, послушными, понятливыми и усердными. Этого вы пожалуй долго не дождетесь. А просто, не отлагая дѣла на отдаленное будущее, отыщите въ своемъ селѣ двухъ, трехъ дѣвочекъ или мальчиковъ, и усадите ихъ за азбуку; оживляйте это скучное дѣло разсказами изъ священной исторіи, и не замѣтно сѣйте въ дѣтскихъ сердцахъ сѣмена религіи, — вотъ вамъ и

школа образовалась, и начали вы благородную службу человѣчеству. Увидятъ ваше усердіе и умѣнье,—и расширится и замѣтной сдѣлается, и можетъ быть хорошо оцѣнится ваша дѣятельность. И спасете вы себя отъ скуки и праздности, лишь мечтающей, но ничего не дѣлающей. Затѣмъ еще одно слово. Не напускайте на себя какихъ нибудь мечтательныхъ нравственныхъ совершенствъ; не воображайте себя нѣкіими героинями добродѣтели, не могущими ни видѣть, ни слышать ничего постыднаго и безнравственнаго. Какъ разъ наоборотъ вамъ придется, можетъ быть очень часто, въ деревняхъ и видѣть и слышать всякую нехорошую всячину. Что дѣлать? Смущаться этимъ много, а тѣмъ паче приходить въ отчаяніе, никакъ не приходится; иначе вы только измучаетесь и понапрасну истратите свою нравственную энергію на борьбу съ одними призраками. Дорожите главнымъ образомъ внутреннею своею добродѣтелію, берегите ее какъ сокровище и развивайте ее въ своемъ сердцѣ, а не требуйте, чтобы непремѣнно и около васъ благоухала атмосфера порядочности и добродѣтели. Бываютъ примѣры, что неискушенныя еще въ добродѣтели, и преимущественно молодыя особы, гнушаясь видѣть и слышать что нибудь грубое и неприличное, воображали себя по этому случаю истинно добродѣтельными и вполнѣ застрахованными отъ прираженій порока; а между тѣмъ это были одни только мечтательные порывы къ добродѣтели, одна сантиментальность, и потому случались съ ними самыя тяжкія и грубыя паденія при серьезныхъ встрѣчахъ съ соблазнами и порокомъ. Есть и обратные примѣры, и ихъ-то мы вамъ рекомендуемъ для изученія и подражанія. Это тѣмъ легче для васъ, что сіи достоуважаемые и поистинѣ высокіе примѣры закаленной женской добродѣтели большею частію встрѣчаются въ сельской простонародной средѣ. Право иной разъ нашимъ бѣднымъ женщинамъ приходится просто задыхаться въ душной и зловонной атмосферѣ грубости и невѣжества. Но привычка закаляетъ ихъ. Какая нибудь противная сцена или грубое слово пожалуй и не вызоветъ на честномъ лицѣ ихъ даже и краски стыда; но за то въ ихъ добромъ и тепломъ сердцѣ сколько чистоты, честности и скромности, сколько выносливой, предусмотрительной и несокрушимой

добродѣтели! Вотъ это бы вамъ потрудиться перенять. Вотъ это пожалуй истинныя героини добродѣтели.

Но не боязно ли вамъ отъ всѣхъ этихъ прощальныхъ рѣчей нашихъ? Успокойтесь пожалуйста; мы не къ тому такъ говоримъ съ вами, чтобы пугать васъ; а только подомашнему и откровенно толкуемъ на прощаньи въ томъ предположеніи, что мало-ли что можетъ случиться въ жизни? А можетъ быть Господь устроитъ жизнь вашу гораздо лучше и проще, и она пойдетъ безъ всякихъ страхованій, или какой нибудь опасной борьбы. Дай-ка Господи!

Ну прощайте теперь и помните, что мы говорили вамъ на прощаньи. Буди надъ вами Господне благословеніе, и Владыки нашего, и наше грѣшное.

СЛОВО

въ день коронованія Ихъ Величествъ, Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Маріи Александровны *).

(26 августа 1873 г.).

Тѣ, которые пришли сегодня въ храмъ Божій до чтенія евангелія, слышали конечно притчу Христову о злыхъ виноградаряхъ. Для поздно пришедшихъ и не слышавшихъ напомнимъ по крайней мѣрѣ знаменательный смыслъ сей горькой притчи. Спаситель выражаетъ въ ней свое сѣтованіе на іудейскій народъ, грубо и неблагодарно принимавшій многочисленныхъ посланниковъ Божіихъ, которые возвѣщали ему о скоромъ пришествіи Мессіи и учили путямъ Его. Однихъ пророковъ били и мучили евреи, другихъ убили, третьихъ каменьями забросали. Самого Мессію, сына Божія—народъ іудейскій не узналъ, отринулъ, поругалъ и

*) Напечатано въ 17-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1873-й г.

убилъ, подобно его предшественникамъ—пророкамъ. И до сихъ поръ церкви, основанной Господомъ Іисусомъ Христомъ—этого божественнаго виноградника, какъ говорится въ притчѣ Христовой,—іудеи знать не хотятъ. *Сего ради*, сказалъ Господь вождямъ и учителямъ еврейскимъ, *отымется отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку творящему плоды его* (Матѳ. XXI, 43). Такъ оно и случилось. Евреи отринуты изъ вертограда Господня, а многочисленные народы языческіе, просвѣтившись Христовымъ ученіемъ, вступили въ церковь Господню. И въ числѣ этихъ народовъ — мы православные христіане Русскіе. Естественный вопросъ теперь возникаетъ объ насъ: Ну — что же мы? какъ трудимся, и что дѣлаемъ въ виноградникѣ Христовомъ, т. е. въ церкви Его? Представьте, что непремѣнно нужно отвѣчать на этотъ вопросъ, что его даетъ намъ самъ Христосъ Спаситель. Да и дѣйствительно, придетъ время, когда мы непремѣнно должны будемъ дать отвѣтъ объ этомъ своему Господу. «Господи,—могли бы мы отвѣтить въ настоящее время,—посланниковъ и учителей твоихъ мы не преслѣдуемъ и не побиваемъ каменьями; Тебя, Господи, не только не злословимъ, но благоговѣемъ предъ Тобою и молимся Тебѣ!» Но творите ли вы волю Отца моего, спроситъ насъ Господь,—трудитесь ли вы въ винограднике моемъ и приносите ли плоды благіе? О братіе, смиренно сознаемся, что нельзя намъ дать добраго отвѣта на вопросъ сей. Ибо гдѣ наши труды и гдѣ наша ревность о церкви Христовой? Не виновны ли мы, напротивъ, въ равнодушіи къ уставамъ церкви, и даже въ явномъ пренебреженіи къ нѣкоторымъ изъ нихъ? Не припомните ли, какъ вели мы нѣкогда съ вами бесѣду о постахъ,—и оказалось тогда, сколь много пренебреженія и ослушанія церкви Господней обнаруживаемъ мы въ семъ отношеніи. Но есть еще одинъ предметъ, о которомъ мы давно имѣли намѣреніе побесѣдовать съ вами, и все ждали случая, когда вы соберетесь сюда въ болѣе многочисленномъ и избранномъ обществѣ.

Предметъ, о которомъ мы хотимъ повести съ вами бесѣду, весьма близко касается вашего нравственнаго преуспѣянія; а между-тѣмъ небреженіе и равнодушіе къ этому предмету достигаетъ иногда до

такихъ широкихъ размѣровъ, и такъ рѣзко бросается въ глаза просто однимъ только своимъ неприличіемъ въ христіанской и православной семьѣ, что даже по этому одному, такъ сказать внѣшнему поводу—намъ, пастырямъ церкви, молчать объ немъ не приходится. Дѣло въ томъ, что насколько васъ много можно встрѣтить здѣсь—въ храмѣ Божіемъ во дни, подобные настоящему; настолько мало васъ бываетъ въ храмахъ Божіихъ во всѣ остальные дни. Какими рѣдкими гостями бываютъ иные изъ васъ въ храмѣ Божіемъ даже въ великіе праздники церковные! Будемте говорить спокойно и откровенно о томъ, что у насъ бываетъ. Вотъ иногда церковь продолжительнымъ и единодушнымъ гуломъ своихъ колоколовъ подъ какой нибудь великій праздникъ какъ бы усиленно старается заглушить шумъ и гамъ городской суеты, и зоветъ своихъ чадъ на молитву; а они, эти чада какъ бы глухіе, снуютъ туда и сюда по всѣмъ улицамъ города,—а въ храмъ Божій все-таки не попадаютъ. Лѣнь это простая, или многозаботливость житейская съ ея вѣчными дѣлами? Нѣтъ, здѣсь нѣчто большее и худшее. Ибо вотъ иногда во время молитвъ и пѣній церковныхъ — наши храмы веселья, наши театры и залы залиты бываютъ огнями, какъ бы желаютъ затмить церковное освѣщеніе, и въ позднюю ночь сквозь ярко освѣщенныя окна можно замѣтить мелькающія тѣни веселыхъ, безпечныхъ, и конечно разодѣтыхъ и безъ всякаго сомнѣнія вовсе позабывшихъ о храмѣ Божіемъ людей, зовущихся все-таки православными. А завтра—долгій и непробудный сонъ послѣ вчерашняго утомленія и веселья! Если бы во всемъ этомъ было только одно неприличіе, хотя бы-то и религіозное; то кажется оно не могло бы быть такъ глубоко и такъ долго держаться въ нашемъ обществѣ, всѣ законы котораго сводятся къ приличію и сдержанности во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣтъ, намъ чуется здѣсь дурной и невѣрный взглядъ на дѣло, какъ будто бы храмы христіанскіе съ ихъ богослуженіемъ суть что-то постороннее и не существенно нужное для лучшихъ и избранныхъ людей, умѣющихъ отрѣшиться отъ всего внѣшняго и обряднаго. Иные же конечно и просто по обычаю и по примѣру того, что дѣлается вокругъ, не ходятъ къ церковному богослуженію,—

успѣли отстать отъ него, и въ нѣкоторомъ смыслѣ одичали. Во всякомъ случаѣ, предметъ столь важенъ и столь близко насъ касается, что надо покрѣпче о немъ подумать. Призвавъ Господа въ помощь, мы это съ вами теперь и сдѣлаемъ.

Храмъ мой, храмъ молитвы наречется (Матѳ. XXI, 13), сказалъ Господь. Вотъ первое значеніе храмовъ Божіихъ: они суть домы молитвы,—и посѣщать ихъ слѣдуетъ потому во-первыхъ, что болѣе лучшаго мѣста для молитвы нигдѣ нельзя найти, кромѣ храма. О важности молитвы и необходимости ея не только для всякаго христіанина, но и для всякаго человѣка, мы говорить не будемъ; ибо кто же въ этомъ сомнѣвается? Есть правда люди (Боже, какихъ лжеучителей не бываетъ въ твоемъ царствѣ!), которые говорятъ, что если человѣку живется хорошо и онъ чувствуетъ себя счастливымъ, то это уже и значитъ, что онъ молится Богу. Такъ разсуждаютъ тѣ отрицатели богоподобія въ человѣкѣ, которые приравниваютъ его къ животнымъ и требуютъ отъ него—какъ видите—даже меньше, чѣмъ отъ животныхъ; ибо и тѣ, когда счастливы и довольны, стараются выражать свою благодарность и преданность человѣку разными ласками и услугами. Но Богъ съ ними, съ этими грубыми философами! И имъ могли бы мы дать надлежащій отвѣтъ,—но ихъ все-таки между нами не много. Гораздо чаще слышится другая философія: «Богъ, говорятъ, есть существо вездѣсущее; храмъ Ему—вся вселенная. Слѣдовательно зачѣмъ эти рукотворенные храмы, когда на всякомъ мѣстѣ можно возноситься къ Богу духомъ—что и составляетъ самую лучшую молитву?» Если бы эти прекрасныя мысли выходили изъ устъ какихъ нибудь глубокихъ и сосредоточенныхъ молитвенниковъ, какихъ нибудь отшельниковъ и затворниковъ, все свое время проводящихъ въ религіозномъ созерцаніи; то въ ихъ словахъ слышалась бы чистая истина, въ нихъ мы узнали бы высокое евангельское ученіе о поклоненіи Богу духомъ и истиною (Іоан. IV, 23. 24),—хотя и эти отшельники не стали бы говорить, и никогда не говорили о ненужности рукотворенныхъ храмовъ. Нашимъ же домашнимъ учителямъ, чуждающимся храмовъ Божіихъ, скажемъ слѣдующее. Правда, что Богъ вездѣсущъ; но за то человѣкъ

крайнѣ ограниченъ и мѣстомъ и временемъ, такъ-что самыя простыя и механическія дѣла не удобно ему дѣлать во всякое время, и въ какомъ угодно мѣстѣ. Какой-же смыслъ въ томъ, что дѣло столь серьезное и столь духовное, какъ молитва, требующая живой дѣятельности всѣхъ силъ душевныхъ,—такое дѣло хотятъ бросить на произволъ всякихъ развлекающихъ случайностей, которыми переполнена домашняя и общественная жизнь наша? Неправда и неискренность приведеннаго мнѣнія обнаруживается всегда на дѣлѣ тѣмъ, что люди, при первомъ серьезномъ пробужденіи молитвенной потребности, спѣшатъ обыкновенно въ храмъ Божій, гдѣ все принаровлено къ молитвѣ и все располагаетъ къ ней; тогда какъ люди, говорящіе, что и дома можно помолиться, нигдѣ обыкновенно не молятся. Человѣкъ умѣющій и любящій молиться дома — усидитъ ли тамъ, когда торжественный и праздничный звонъ зоветъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ храмъ Божій? Станетъ ли онъ дожидаться другаго случая, и выдумывать болѣе удобное время для молитвы, чѣмъ то, какое освящено уже вѣковыми христіанскими праздниками, и узаконено церковнымъ уставомъ, составленнымъ святыми отцами? Сидѣть дома въ то время, когда всѣ спѣшатъ въ храмъ Божій для молитвы, для истиннаго молитвенника просто преступленіе. Когда въ нашемъ родномъ кругу, или у нашихъ добрыхъ друзей идетъ пиръ, и мы приглашены на этотъ пиръ,—станемъ ли мы сидѣть дома подъ тѣмъ предлогомъ, что съ родственниками и друзьями всегда можно повидаться и послѣ, въ обыкновенное время? Ты хочешь сидѣть дома и молиться. Но есть ли тамъ у тебя столь прославленныя и благолѣпныя иконы, которыми обильно украшаются наши храмы, и которыя громко говорятъ о дивныхъ подвигахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, и зовутъ къ подражанію этимъ подвигамъ? Услышишь ли ты дома трогательныя молитвы и вдохновенныя пѣсни церковныя, которыя будятъ въ людяхъ религіозное чувство и способны согрѣть самое холодное сердце? Увидишь ли ты знаменательные и торжественные обряды церковные съ ярко горящими свѣчами, съ фиміамомъ кадильнымъ, съ благоговѣйными молящимися лицами? Духъ ли ты какой, или святый ангелъ, что тебѣ не нужна вся

эта внѣшность, и что хочешь ты лучше молиться одинъ съ своею душею? Не сознаться ли лучше, что ты вовсе не имѣешь молитвеннаго духа,—и отъ того-то не привлекаетъ тебя вся эта молитвенная обстановка церковная? Подчинись же лучше сй,—и придетъ къ тебѣ молитвенный духъ; а не будешь ходить въ храмъ Божій,—и застынетъ навсегда твое страстное и одебѣлевшее сердце; и умрешь ты, пожалуй, безъ мысли о Богѣ, съ тупымъ и безсмысленнымъ взоромъ, и не съумѣешь съ непривычки осѣнить себя предъ смертію благоговѣйнымъ крестнымъ знаменіемъ, и одинъ только бездыханный трупъ твой понесутъ въ храмъ Божій для исполненія христіанскаго обряда! О св. псалмопѣвцѣ Давидѣ конечно можно сказать, что онъ былъ истинный молитвенникъ; но припомните, какъ онъ выражался о храмѣ Божіемъ: *Коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни... Лучше день единъ во дворѣхъ твоихъ паче тысящь* (Пс. LXXXIII, 1—3. 11). Запомнимъ себѣ это!

Но храмы Божіи суть не только молитвенные домы, но и училища вѣры и благочестія: это ихъ второе высокое значеніе. Значитъ, ходить въ нихъ всѣмъ православнымъ христіанамъ для того обязательно нужно, чтобы не остаться юродивыми и цѣлый вѣкъ не прожить младенцами относительно догматовъ вѣры и правилъ христіанской нравственности. Вотъ въ нынѣшнее время пошли усиленныя хлопоты о народномъ образованіи; стараемся мы умножить сельскія школы, чтобы вывести бѣдный и простой людъ изъ тьмы невѣжества и безграмотности на свѣтъ Божій. Похвальное и благородное рвеніе! Но можно ли сказать, какъ говорится—положа руку на сердце, что у самихъ-то насъ, грамотныхъ и образованныхъ людей, слишкомъ много въ головѣ свѣта, и что намъ ни въ какую школу уже ходить не нужно? Правда, читаемъ мы много. Но что? большею частію легкія и пріятныя книги, такъ называемую изящную свѣтскую литературу, повѣсти и романы и свои—національные и чужіе—переводные. Серьезнаго чтенія—несравненно меньше. Разсуждать и толковать мы большіе охотники, и можно сказать большіе искусники и мастера. Но о чемъ? о дѣлахъ общественныхъ, о со-

бытіяхъ политическихъ, рѣже—о вопросахъ науки и искусства, большею же частію—о текущихъ дѣлахъ житейскихъ и о будничныхъ мелочахъ. Но когда же подумать и поговорить о Богѣ и о своей душѣ, и гдѣ поучиться религіи? Неужели все это должно считать постороннимъ и неважнымъ дѣломъ, имѣющимъ прямое отношеніе до лицъ только духовныхъ? А что же такое свѣтскій человѣкъ? Неужели ему надлежитъ быть въ этомъ отношеніи темнымъ и безхарактернымъ существомъ, безъ отчетливыхъ вѣрованій, безъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій,—существомъ, осужденнымъ вращаться въ кругѣ однихъ только земныхъ понятій и практическихъ расчетовъ? Нѣтъ, это не такъ. Ибо вопросы вѣры и религіи, вопросы о душѣ и вѣчномъ спасеніи—одинаково важны для всякаго человѣка. Къ сожалѣнію, встрѣчаются случаи, что люди, *глаголющіеся быти мудрыми* и образованными, какъ-бы намѣренно выставляютъ на показъ свое невѣденіе религіи и ея обрядовъ, вѣроятно съ расчитаннымъ нѣкоторымъ умысломъ—доказать тѣмъ свою несомнѣнную принадлежность къ сословію чисто свѣтскихъ и современныхъ образованныхъ людей. Но вѣдь это ненатурально и унизительно для всякаго серьезно образованнаго человѣка. Пойдемте же въ храмы, и станемъ учиться религіи, если дома и не у кого, и некогда, и не по чему учиться. Конечно всѣ были мы нѣкогда въ школѣ, и учились тамъ закону Божію, и существенное изъ него можетъ быть знаемъ. Но многое и изъ этого существеннаго уже перезабыто и спутано, а можетъ быть и совсѣмъ стерто разными житейскими предразсудками и теоріями,—и конечно все это далеко не достаточно образованному христіанину. Можно предположить съ вашей стороны вопросъ: какъ храмы могутъ быть училищами вѣры? Ибо намъ не безъизвѣстно, что многіе православные христіане отрицаютъ это просвѣтительное значеніе православныхъ храмовъ, находя въ нихъ только обрядность, и по какой-то странной наклонности унижать все свое и родное и возвышать все чужое и иностранное, какъ бы съ завистію и упрекомъ какимъ-то указываютъ напр. на лютеранскія кирхи—съ ихъ упрощеннымъ и сокращеннымъ до нельзя богослуженіемъ и съ ихъ проповѣдями, длящимися по часу. Тамъ дѣйствительно

храмы обращены въ учительскія каѳедры. Но мы имѣемъ нѣкоторое понятіе объ этихъ длинныхъ лекціяхъ, весьма нерѣдко скользящихъ только по поверхности евангельскихъ словъ и безчисленное множество разъ повторяющихъ одно и то же. Видали тамъ и скучающихъ учениковъ, нетерпѣливо ожидающихъ конца длинной учительской рѣчи. Все это хорошо выходитъ только на словахъ и по слухамъ. И вообще намъ кажется весьма сомнительною назидательность и жизненность такого богослуженія, которое поставлено въ зависимость отъ искусства человѣческой проповѣди. Мы знаемъ, что сила слова Божія *не въ препрытельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ*, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, *а въ явленіи Духа и силы* (1 Кор. II, 4). Таковъ именно характеръ нашего православнаго богослуженія. Оно назидательно само по себѣ для тѣхъ, кто понимаетъ его смыслъ и значеніе; ибо въ немъ наглядно изображается все домостроительство нашего спасенія, совершенное Господомъ Іисусомъ Христомъ. Въ нашемъ вечернемъ богослуженіи—въ лицахъ и дѣйствіяхъ изложенъ весь ветхій завѣтъ. Въ нашемъ утреннемъ богослуженіи стройно изложены вдохновенныя рѣчи пророковъ и гаданія, и указано исполненіе этихъ рѣчей о Христѣ Спасителѣ, о Его искупительной смерти и воскресеніи. Наша литургія есть наглядная и послѣдовательная картина земной жизни Спасителя отъ первыхъ дней ея—до вознесенія на небо. Наши другія вседневныя и болѣе краткія службы, наполненныя вдохновенными псалмами Давида и трогательными молитвами извѣстнѣйшихъ отцовъ и учителей церкви, — суть не что иное, какъ глубокое раскрытіе возвышенныхъ догматовъ евангельскаго ученія. Слышатся не рѣдко проповѣди и у насъ; но мы должны сознаться, какъ трудно нашему бѣдному и слабому человѣческому слову сдѣлаться замѣтнымъ и что нибудь значить среди священной торжественности и глубокой знаменательности нашего богослуженія. Потому то у насъ незамѣтно и не чувствительно бываетъ иногда и полное отсутствіе нашей учительской проповѣди въ богослуженіи. Хорошо и назидательно оно выходитъ и само по себѣ, особенно для тѣхъ, кто хотя сколько нибудь въ состояніи понимать его смыслъ и разумѣть языкъ. Не рѣдко можно встрѣтить усерд-

ныхъ и богомольныхъ простолюдиновъ, которые изъ священной школы нашихъ храмовъ выходятъ довольно свѣдущими въ догматахъ вѣры и правилахъ нравственности. О, еслибы такъ успѣшно было наше проповѣдническое слово! Не чуждайтесь же нашихъ православныхъ храмовъ и вы образованные и ученые христіане подъ предлогомъ, что тамъ мало пищи вашему развитому и зрѣлому уму! О, тамъ много есть, чему бы слѣдовало вамъ поучиться, и что восполнило бы и вскрасило ваши многоразличныя познанія и вашу практическую и научную опытность!

Но это все не главное. Есть еще нѣкоторый поводъ, ради котораго мы не просто приглашаемъ васъ въ храмы и совѣтуемъ посѣщать ихъ, — а вмѣняемъ вамъ въ прямую и безусловную обязанность это дѣлать, и именемъ Божіимъ требуемъ непремѣннаго исполненія этой обязанности, если конечно вы дорожите не однимъ только именемъ христіанъ, а желаете пользоваться и спасительными плодами христіанства. Храмы христіанскіе не просто суть молитвенные домы, и не училища только вѣры и благочестія, а мѣста благодатнаго освященія людей и таинственнаго общенія ихъ съ Богомъ: это ихъ третіе наиважнѣйшее значеніе. Въ простой и обыкновенной рѣчи мы сами весьма часто выражаемся о Богѣ, что Онъ живетъ во храмѣ. Это переносное выраженіе содержитъ однако же чистую истину; ибо, хотя Богъ вездѣсущъ, т. е. хотя Онъ находится въ каждой точкѣ необъятнаго пространства, и притомъ весь въ одно и тоже время, — однако же не вездѣ Онъ въ одинаковой степени открывается тварямъ и являетъ свое благодатное присутствіе; но, примѣняясь къ тому, что мы ограничены и временемъ и пространствомъ, Онъ назначилъ нѣкоторыя мѣста, куда велѣлъ намъ собираться, и тамъ обѣщалъ преимущественно выслушивать наши молитвы и тамъ же сообщать намъ свою благодать въ нѣкоторыхъ тайнодѣйствіяхъ, имъ же самимъ установленныхъ. Эти-то мѣста и суть храмы; такъ-что, по отношенію къ нашей ограниченности, мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что въ нихъ живетъ для насъ Богъ; ибо тамъ преимущественно Онъ является намъ. Конечно и внѣ храмовъ Господь не оставляетъ насъ грѣшныхъ своимъ благодатнымъ осѣненіемъ; но въ храмѣ Онъ дѣлаетъ это

преимущественно. Почему такъ? Мы не имѣемъ никакого права совопросничать и возражать. Велѣлъ Господь быть сему,— и мы обязаны повиноваться. Могъ бы, конечно, Господь сообщать намъ благодать искупленія и такъ, по одной вѣрѣ нашей; но Онъ велѣлъ пріобщаться тѣла и крови своей, *аще же*—говоритъ—*не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови его, живота не имате въ себѣ* (Іоанн. VI, 53). А гдѣ совершается таинство причащенія? — въ храмѣ, на литургіи. Слѣдовательно, сюда и нужно намъ идти за своимъ освященіемъ. А гдѣ совершается покаяніе, безъ котораго тоже нѣтъ спасенія намъ грѣшнымъ?—въ храмѣ. Туда, значитъ, мы и ходить должны умолять Бога о прощеніи грѣховъ. Гдѣ совершаются прочія таинства, ведущія насъ ко спасенію? Опять въ храмѣ, за исключеніемъ случаевъ нашей немощи тѣлесной или другихъ уважительныхъ причинъ. И вотъ опять мы обязаны идти въ храмы. Но не по случаю только совершенія надъ нами таинствъ мы обязаны ходить въ храмы, а всегда; ибо не чрезъ таинства только Господь можетъ сообщать намъ свою благодать и освященіе,—а и просто невидимымъ и внутреннимъ озареніемъ нашего духа въ храмѣ. Гдѣ собраны два или три во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ,— сказалъ Господь. Почему же Онъ этого не обѣщалъ единоличнымъ и отдѣльнымъ молитвенникамъ?—мы не имѣемъ права состязаться объ этомъ съ Господомъ. Ему такъ угодно, — и это должно быть для насъ закономъ. Пойдемте же въ храмы Господни искать своего освященія и благодатной помощи на дѣла благія. Господь насъ всѣхъ приглашаетъ сюда, и уже ожидаетъ своею милостію и благодатію. Премудрость Божія создала себѣ жилище въ нашихъ храмахъ, и утвердила церковь свою на святыхъ семи таинствахъ, какъ на семи столпахъ. Ежедневно закалается здѣсь святая жертва Господня, и уготовляется для всѣхъ и каждаго божественная трапеза. Растворяется во святой Христовой чашѣ вино, и слышится высокое проповѣданіе о чашѣ и громкое приглашеніе къ священному пиру: *иже есть безумецъ— да уклонится ко мнѣ*, т. е. всякій немощный на дѣла благая— спѣши ко мнѣ за помощію (Притч. IX, 1 — 4). *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися* на поприщѣ жизни *и обремененные* ея

невзгодами, — *и Азъ упокою вы!* (Матѳ. XI, 28). *Ядите мой хлѣбъ, и пійте вино, еже растворихъ вамъ* (Притч. цит. мѣс.), — и будете сильны на добро и крѣпки на брань со врагами спасенія! Вотъ какія высокія обѣщанія слышатся отъ Господа, зовущаго насъ въ храмъ свой! А что Господь обѣщаетъ, то несомнѣнно и исполнитъ. Давно бы и мы тысячу разъ можетъ быть убѣдились въ этомъ собственнымъ опытомъ, если бы любили посѣщать храмы Господни. Возьмемъ же въ назиданіе хоть чужіе опыты. Вотъ приходитъ въ церковь Божію одинъ богатый молодой человѣкъ, — и слышитъ тамъ слова Господни о тщетѣ земныхъ сокровищъ и неоцѣненности будущихъ благъ. Таинственная сила этихъ словъ объемлетъ всю его душу, — и онъ выходитъ изъ храма совершенно переродившимся, раздаетъ все свое имѣніе нищимъ, и дѣлается великимъ подвижникомъ Антоніемъ. Вотъ одна грѣшная женщина идетъ за толпою въ церковь: тамъ благодать Христова касается ея сердца и зажигаетъ въ ней святую искру, — и изъ этой женщины выходитъ дивная во святыхъ женахъ—Марія Египетская! Подобныхъ примѣровъ найти можно весьма много въ житіяхъ святыхъ. Но и въ наше время совершаются многочисленные хотя и незримые опыты благодатнаго осѣненія усердныхъ молитвенниковъ въ храмахъ Божіихъ. Человѣкъ скорбящій выноситъ отсюда успокоеніе; колеблющійся и сомнѣвающійся получаетъ твердое увѣреніе и надежду; человѣкъ борющійся получаетъ подкрѣпленіе и силы,—и всякій вообще ищущій находитъ себѣ потребное по своимъ нуждамъ.

Ахъ братіе, не отъ того ли такимъ грѣшнымъ и мірскимъ характеромъ проникнута вся наша жизнь домашняя, не отъ того ли такъ много въ ней всяческой суеты, мелочности и страстности, и такъ мало этого святаго и христіанскаго духа, что жизнь-то наша идетъ вдали отъ храмовъ Господнихъ, и безъ благодатнаго вліянія христіанскаго богослуженія. Уединившись въ своихъ грѣшныхъ жилищахъ, и оградивъ себя какъ бы крѣпкой стѣной отъ всякаго религіознаго вліянія, какъ намъ не позабыть Бога, и не охладѣть душой ко всему святому, и не отвыкнуть отъ всякой церковности? Не удивительно, что наши дѣти еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ умѣютъ съ большимъ тактомъ держать

себя въ гостинной, а не знаютъ, какъ себя держать въ храмѣ Божіемъ. Не удивительно, что и мы сами иной разъ не съумѣемъ отличить Вечерни отъ Утрени, Часовъ отъ Повечерія, и путаемся въ праздникахъ христіанскихъ. Разсудите сами, надлежитъ ли сему быть въ православномъ обществѣ? На служебный недосугъ бывать въ церкви — мы ссылаться не можемъ; ибо не о будняхъ мы и ведемъ рѣчь. Но праздники, праздники Господни во что мы обращаемъ? Нерѣдко можно встрѣтить густыя толпы разсѣянно и безпечно гуляющихъ и разглагольствующихъ всякія праздныя рѣчи около самыхъ храмовъ Господнихъ въ то время, когда праздничный звонъ гудитъ надъ самыми ихъ ушами и напоминаетъ о наступившемъ времени святаго богослуженія. Намъ недосугъ, мы люди житейскіе и трудящіеся, — но что же дѣти наши? Почему мы не отсылаемъ ихъ какъ можно чаще въ священную школу церкви; почему мы не считаемъ нужнымъ освѣжать ихъ благодатной атмосферой Господнихъ храмовъ, и не заботимся учить ихъ съизмала понимать языкъ богослужебный? Неудивительно, что такъ преждевременно вянетъ ихъ дѣтская чистота и невинность душевная подъ вліяніемъ грѣшной атмосферы нашихъ жилищъ, въ которыхъ царствуетъ грѣхъ да суета. А не бываетъ ли и такъ, что мы сами отдаляемъ своихъ дѣтей отъ храмовъ Божіихъ, сопровождая и безъ того рѣдкое ихъ появленіе здѣсь—нарочитою нарядностію и разными мелкими условіями житейскаго приличія, изъ-за чего большею частію и опаздываемъ къ богослуженію. *Не подобаетъ, братіе моя возлюбленная, симъ тако бывати,*—какъ говоритъ апостолъ (Іак. III, 10). *Не срамляя васъ сія глаголемъ, но яко чада возлюбленная наказуемъ* (1 Кор. IV, 14). Не услышите вы правды отъ пастырей церкви, — отъ кого же вамъ ее услышать?!... Слышали мы въ нынѣшней притчѣ Христовой грозныя слова Господни объ Іудеяхъ, что отымется отъ нихъ царствіе Божіе, и дастся языку, творящему плоды его. Этимъ языкомъ православнымъ и христіанскимъ считаемся пока мы—русскіе. Но какъ бы съ нами не случилось того, что съ Іудеями — за то, что не творимъ плодовъ царствія Божія?! Какъ бы не сдвинулъ Господь свѣтильника церкви своей къ другимъ народамъ, а насъ не отринулъ?! О Госпо-

ди, спаси люди Твоя и благослови достояніе Твое! Побѣды благовѣрному императору нашему Александру Николаевичу на сопротивныя даруя, и твое сохраняя крестомъ твоимъ жительство. Аминь!

РѢЧЬ

о религіи, какъ главномъ руководительномъ началѣ воспитанія, произнесенная на актѣ Владимірской Губернской Гимназіи *). (30 августа 1873 г.).

Значеніе вопроса о воспитаніи и разногласіе во взглядахъ на современное учебно-воспитательное дѣло. — Зло, происходящее отъ забвенія самой важной стороны въ семъ дѣлѣ. — Главная цѣль всякаго воспитанія. — Заслуги гуманистовъ въ разъясненіи вопроса объ общечеловѣческомъ воспитаніи. — Односторонность гуманистовъ. — Три главныя стороны, подлежащія развитію въ натурѣ человѣка, и обнимающія собою всю область воспитанія. — Разумность есть первая изъ таковыхъ сторонъ. — Три главные педагогическіе пункта при развитіи умственныхъ силъ въ человѣкѣ. — Заслуги современной педагогіи относительно средствъ и пріемовъ къ пробужденію и укрѣпленію умственныхъ силъ въ питомцахъ. — Самое важное обстоятельство въ умственномъ развитіи человѣка—стоять на прямой дорогѣ къ истинѣ. — Послѣдняя цѣль всякихъ человѣческихъ знаній, и неудержимое стремленіе духа человѣческаго къ ея уразумѣнію. — Причина религіозности истинно ученыхъ людей — Малоцѣнность и незрѣлость антирелигіозной учености. — Чувство – есть вторая психическая сторона, подлежащая развитію въ человѣкѣ. — Значеніе ея и связь съ разумной стороною. — Пріемы и средства, употребляемыя педагогіей для развитія сердечной стороны въ человѣкѣ. — Недостаточность и ненадежность этихъ средствъ безъ помощи религіи, обнаруживающаяся въ многочисленныхъ примѣрахъ. — Воля есть третья сторона души человѣческой, подлежащая развитію. — Преимущественная важность правильнаго развитія воли въ человѣкѣ, сравнительно съ умомъ и сердцемъ. — Только религія даетъ истинныя понятія о добрѣ, надлежащія побужденія и дѣйствительныя средства къ осуществленію идей добра на дѣлѣ и въ жизни. – Природное влеченіе человѣка къ добру.—Недостаточность этого влеченія.— Узкость и темнота естественныхъ понятій человѣка о добрѣ, наглядно представляющаяся въ древнемъ языческомъ и современномъ образованномъ мірѣ, не знающемъ евангелія. — Идея долга, по своей сухости и отвлеченности, не можетъ быть достаточнымъ побужденіемъ къ добродѣтели.—Безсиліе падшей и растлѣнной воли человѣка къ своему облагороженію — безъ благодатныхъ и таинственныхъ средствъ, предлагаемыхъ въ церкви Христовой.—Рознь между словомъ и дѣломъ, между стремленіями и жизнію современныхъ людей. — Благія начинанія правительства въ преобразованіи нашихъ школъ, и призывъ къ содѣйствію симъ начинаніямъ.

Среди многообразныхъ вопросовъ времени, которое мы переживаемъ, намъ кажется, что одинъ изъ самыхъ живыхъ и самыхъ

*) Напечатана въ 15 и 16 №№ «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1872 г.

близкихъ къ намъ—есть вопросъ о воспитаніи и образованіи нашего юношества. Этимъ вопросомъ, какъ извѣстно, серьезно занято правительство; объ немъ ведетъ горячіе споры литература; онъ же естественно волнуетъ и всѣхъ родителей, притомъ касаясь ихъ не издалека и не въ теоріи только, а самымъ близкимъ и практическимъ образомъ,—ибо рѣшаетъ судьбу ихъ собственныхъ дѣтей. Но пока еще не установились прочно и не опредѣлились ясно въ общественномъ сознаніи тѣ благія начала, на которыя поставило правительство нашу педагогію, пока мы—за новостію дѣла и за неимѣніемъ собственнаго роднаго опыта—должны еще терпѣливо ждать того добра и той пользы для нашихъ дѣтей, которыя несомнѣнно принесетъ имъ нынѣшнее преобразованіе нашихъ школъ, — до тѣхъ поръ тысячи разнорѣчивыхъ мнѣній и взглядовъ приходится слышать и читать насчетъ нашего учебно-воспитательнаго и школьнаго дѣла. Одни восхваляютъ классицизмъ, другіе бранятъ его; одни дѣлаютъ это искренно, — другіе такъ-себѣ, не имѣя отчетливаго и научнаго представленія насчетъ образовательнаго или необразовательнаго значенія классицизма, а лишь прислушиваясь къ говору и толкамъ ученыхъ и авторитетныхъ людей. Многіе напротивъ изо всѣхъ силъ тянутъ къ реализму и видятъ въ немъ единственный рычагъ, которымъ можно поднять нашу страну на верхъ славы и могущества; еще большіе, и преимущественно родители вторятъ этимъ воплямъ единственно по наслышкѣ о трудностяхъ классицизма, но не измѣривъ и не испытавъ на себѣ научныхъ трудностей, съ которыми неизбѣжно сопряжено всякое серьезное хотя бы то и реальное образованіе. При такомъ броженіи умовъ и столкновеніи симпатій—трудно въ чемъ нибудь убѣдить или разубѣдить кого нибудь, и вообще довести спорное дѣло до желаемой степени ясности. Предоставимъ же все это времени и опыту, взявъ себѣ въ утѣшеніе мысль, что многочисленными благими реформами, которыя приходится намъ переживать, всеблагое провидѣніе хочетъ поставить на лучшій путь наше православное отечество, и что среди этихъ реформъ не можетъ быть худшею та, отъ которой зависитъ судьба русской науки и народнаго образованія.

Въ интересующемъ насъ вопросѣ мы хотимъ коснуться нѣсколько той стороны его, которая въ шумѣ споровъ учебно-педагогическихъ не то чтобы забывалась совсѣмъ, а такъ—нѣсколько затемняется и оттирается назадъ, и притомъ не наемными только приставниками юношества, а нерѣдко и самыми родителями. А между тѣмъ отъ забвенія, или неправильной постановки этой собственно стороны вопроса, все наше образованіе можетъ потерять свое значеніе, и всю свою благотворную силу для общества. Мы говоримъ о религіи, какъ главномъ фундаментѣ, на которомъ должно быть воздвигаемо зданіе русскаго образованія, захотятъ ли выстроить его въ классическомъ, въ реальномъ, или иномъ какомъ нибудь стилѣ. Тамъ, гдѣ захотѣли бы для науки и народнаго образованія положить иное основаніе паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ и Его евангеліе—употребимъ выраженіе апостола,—тамъ, гдѣ религіи отводятъ только извѣстный уголокъ и лишь прикрашиваютъ ею храмы науки, — тамъ нѣтъ собственно науки въ ея великомъ просвѣтительномъ значеніи, тамъ надо ждать разрушенія велія и такихъ плачевныхъ слѣдствій, отъ которыхъ обществамъ, какъ говорится, не поздоровится. У насъ, можно сказать, на глазахъ животрепещущіе и притомъ самые печальные примѣры политическихъ потрясеній и всяческихъ неустройствъ, вслѣдствіе ослабленія религіозныхъ основъ, въ западно-европескихъ обществахъ, щеголяющихъ однако же своей наукой и своимъ высокимъ соціальнымъ развитіемъ. Съ грустію припоминается недавнее былое и у насъ, когда не только учащемуся юношеству, но въ большей или меньшей степени всему обществу нашему приходилось дышать крайне нездоровыми элементами, зарождавшимися однако же въ ученой атмосферѣ. Нельзя сказать, чтобы и теперь эти элементы совершенно были устранены, хотя уже и почуялась живая и отрезвляющая струя не только въ учебномъ, но и во всемъ нашемъ общественномъ строѣ. Правительство дѣлаетъ въ этомъ отношеніи все, отъ него зависящее. Но эти правительственныя заботы тогда лишь приведутъ къ желаемой цѣли, когда само общество искренно и горячо воодушевится идеей прочнаго и разумнаго образованія, основаннаго на религіозно-нравственныхъ началахъ. Эту-то идею

и хотѣлось бы намъ нѣсколько оживить теперь и приблизить къ общественному сознанію. Прислушайтесь къ нашимъ словамъ и вы учащіеся юноши, ибо предметъ, котораго мы касаемся, столь же долженъ быть дорогъ и для васъ, сколько важенъ и дорогъ онъ для насъ, вашихъ воспитателей и руководителей. Пусть вы знаете, о чемъ мы главнымъ образомъ хлопочемъ, воспитывая васъ, и какими желательно намъ выпустить васъ изъ своихъ рукъ. А если это вы узнаете, то безъ сомнѣнія сочувственно отзоветесь на наши усиленныя хлопоты и заботы о васъ, и сами намъ будете содѣйствовать. Это было бы самою лучшею наградою съ вашей стороны!...

Оставя въ сторонѣ политическія, практически-житейскія и всякія другія случайныя и прикладныя цѣли, которыя имѣютъ нерѣдко въ виду при постановкѣ вопроса объ образованіи и его главномъ характерѣ и направленіи, — мы напротивъ поставимъ этотъ вопросъ на общечеловѣческую почву. То есть, какая самая первая и главная цѣль всякой науки и всякаго образованія по отношенію къ человѣку вообще, къ его личному достоинству человѣческому, и безотносительно къ тому, въ какой мѣрѣ и степени онъ можетъ быть полезенъ кому бы то ни было своей наукой и образованіемъ? Потому ставимъ мы такимъ образомъ дѣло, что вопросъ объ относительной пользѣ такого или иного направленія въ наукѣ есть вопросъ — собственно говоря—второстепенный и производный. Важно не то главнымъ образомъ, къ какой практической дѣятельности будетъ способенъ человѣкъ по выходѣ изъ храма наукъ; а то важно, выдетъ ли онъ оттуда хорошимъ или дурнымъ человѣкомъ. Въ послѣднемъ случаѣ кому и на что будетъ нужно его образованіе? между-тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ—самъ человѣкъ,—потому собственно, что онъ хорошъ,—будетъ воплощенной такъ сказать пользой. Куда его ни поставь, что ему ни поручи, вездѣ можно ожидать только благихъ плодовъ отъ его науки и образованія. Безъ всякаго сомнѣнія мы не желаемъ сказать того, что всякія практическія и житейскія цѣли должны быть устранены при воспитаніи; нѣтъ, мы разсуждаемъ только о главныхъ и второстепенныхъ, объ основныхъ и производныхъ цѣляхъ воспитанія. Къ первымъ мы

именно и относимъ развитіе въ человѣкѣ прежде всего человѣка же, т. е. его основныхъ силъ и способностей и его человѣческаго достоинства. Какъ ни просто казалось бы это дѣло, однако же много нужно было времени, чтобы оно выяснилось окончательно. Старинный утилитаризмъ въ наукѣ обновился въ нынѣшнемъ реализмѣ, и по сіе время имѣетъ еще сильныхъ и многочисленныхъ сторонниковъ. Между тѣмъ еще въ XVIII столѣтіи лучшіе педагоги того времени извѣстные подъ именемъ гуманистовъ, — таковы какъ Руссо, Нимейеръ, Песталоцци, Базедовъ, Фребель и другіе,—стали проводить въ обществѣ разумныя мысли о томъ, что при воспитаніи и образованіи прежде всего нужно имѣть въ виду человѣка; что главною заботою всякаго разумнаго педагога должно быть цѣлостное и стройное развитіе въ человѣкѣ того, чѣмъ надѣлила его природа; что впередъ пріурочивать воспитанника къ какому нибудь практическому назначенію и въ этомъ направленіи гнуть его способности есть варварство и насиліе. Этотъ разумный взглядъ на воспитаніе пустилъ корни въ европейскомъ обществѣ и положилъ начало новому періоду въ наукѣ воспитанія, который по справедливости можно назвать гуманнымъ. Глубокимъ и горячимъ глашатаемъ этихъ гуманныхъ идей въ нашей русской педагогикѣ можно считать Ник. Ив. Пирогова, знаменитаго хирурга, прославившагося своими извѣстными «вопросами жизни». Не имѣя впрочемъ въ виду подробной исторіи и обстоятельной оцѣнки педагогическихъ идей, внесенныхъ въ общество гуманистами, мы считаемъ однако же необходимымъ сдѣлать одно замѣчаніе насчетъ капитальной ошибки, допущенной ими въ понятіи о природѣ человѣка и положившей много тѣни на всѣ ихъ прекрасныя идеи воспитанія. Все, что есть въ человѣкѣ, все что застаетъ и открываетъ въ душѣ его наблюдатель психологъ,—все это, по взгляду гуманистовъ, входитъ въ составъ натуры человѣка, ему свойственно и естественно,—и значитъ имѣетъ право на развитіе такими или иными педагогическими мѣрами. Между тѣмъ какъ извѣстно, что въ природѣ человѣческой есть много пришлаго и случайнаго, много дурнаго и испорченнаго, о чемъ подробно говоритъ намъ св. религія Христова. Значитъ не все въ природѣ человѣческой под-

лежитъ раскрытію и уходу; много напротивъ надо въ ней искоренять и подавлять,—отсюда возникаетъ нужда въ репрессивныхъ и строгихъ мѣрахъ при воспитаніи, которыя вовсе хотѣли бы уничтожить гуманисты и изгнать изъ педагогіи, какъ нѣчто ненатуральное. Паденія и испорченности натуры человѣческой гуманисты какъ бы вовсе не хотѣли знать. Такъ уже на первомъ пунктѣ, можно сказать въ преддверіи педагогики, религія оказывается путеводной звѣздой, указующей единственный путь къ истинѣ; ибо она устанавливаетъ единственно вѣрный и здравый взглядъ на натуру человѣческую, отъ котораго зависитъ вся судьба, весь успѣхъ или не успѣхъ цѣлой науки воспитанія. Отдѣливши такимъ образомъ вѣрное отъ ошибочнаго въ вопросѣ о главной цѣли всякой науки и всякаго образованія, перейдемъ теперь къ главному нашему предмету и посмотримъ: въ чемъ же именно должно состоять правильное и стройное развитіе человѣка, и что именно въ ней подлежитъ педагогическому уходу. Здѣсь-то со всею ясностію откроется наша основная мысль, что безъ помощи религіи невозможно правильное воспитаніе, что она есть главная основа всякой разумной педагогіи. Съ понятіемъ о человѣкѣ мы прежде всего связываемъ понятіе о его разумности, и въ ней видимъ его отличительное достоинство, возвышающее его надъ всѣми остальными тварями во вселенной, такъ-что человѣка по стольку и можно назвать симъ благороднымъ именемъ, по скольку онъ есть существо мыслящее и умное. Дѣятельность разумной силы нашего духа чрезвычайно рано сказывается въ жаждѣ и стремленіи къ истинѣ и обнаруживается въ попыткахъ за внѣшней стороной наблюдаемыхъ фактовъ и явленій открыть ихъ сущность и идею. Извѣстно, какъ подрастающія дѣти осыпаютъ своихъ приставниковъ вопросами насчетъ всего, что они видятъ. Скажи имъ непремѣнно—что, и какъ, и почему, и для чего все бываетъ въ мірѣ. Съ укрѣпленіемъ своихъ умственныхъ силъ человѣкъ уже начинаетъ чувствовать потребность сводить свои частныя идеи къ нѣкоторой общей идеѣ, какъ бы къ нѣкоторому разумному центру всего сущаго. Итакъ первою заботою всякаго педагога должно быть правильное раскрытіе умственныхъ силъ въ питомцѣ. Вопервыхъ онъ долженъ зажечь въ

немъ искру любознательности, затѣмъ — соразмѣрной и цѣлесообразной практикой сообщить энергію и крѣпость его умственнымъ силамъ; наконецъ указать надлежащую и вѣрную дорогу, по которой уже самъ воспитанникъ долженъ искать и достигать истины. Этими тремя пунктами исчерпывается вся дѣятельность педагога при развитіи разумной стороны человѣческаго духа. Что же касается средствъ для этого, то самымъ главнымъ, и можно сказать единственнымъ средствомъ служитъ наука въ ея безчисленныхъ отрасляхъ; ибо умъ жаждетъ знаній, а наука предлагаетъ ихъ въ обиліи. И надо отдать честь современной педагогіи, — какъ она много сдѣлала по первымъ двумъ пунктамъ, т. е. относительно способовъ раскрытія и укрѣпленія умственныхъ силъ въ молодомъ поколѣніи. Отбросивъ старинные и тяжеловѣсные способы обученія, изгнавъ изъ школъ всякую отвлеченность и неразрывную съ нею скуку, она повсюду вводитъ наглядность и предметность, какъ самое естественное средство заинтересовать только-что начинающіе работать отроческіе умы. Первоначальная легкость умственныхъ пріемовъ и удача въ пріобрѣтеніи и накопленіи умственнаго матеріала родитъ охоту и любовь къ умственнымъ занятіямъ и возбуждаетъ благородную жажду знаній въ питомцѣ, а это-то и нужно педагогу. Затѣмъ постепенно вводя болѣе трудные элементы въ умственную дѣятельность питомцевъ и изводя ихъ понемногу на поприще самостоятельныхъ умственныхъ трудовъ, современная педагогія весьма цѣлесообразно развиваетъ энергію умственныхъ силъ въ питомцахъ, сообщаетъ имъ крѣпость и выносливость — эти необходимыя условія серьезнаго научнаго направленія. Все это конечно прекрасно, и мы должны благодарить Бога, что поставлены въ такія благопріятныя условія для умственнаго развитія нашихъ дѣтей и изо всѣхъ силъ обязаны ими пользоваться. Но вспомнимъ, что есть третій наиважнѣйшій пунктъ, который всего болѣе долженъ озабочивать каждаго благоразумнаго педагога при развитіи умственныхъ силъ въ воспитанникѣ. Воспитанникъ нетолько долженъ быть развитъ умственно, но и поставленъ на прямую дорогу къ истинѣ, дабы онъ самъ впослѣдствіи безъ всякой посторонней поддержки неуклонно шелъ и успѣшно до-

стигалъ истины. Извѣстно, что по той мѣрѣ, какъ въ головѣ человѣка умножаются познанія и какъ умъ его начинаетъ чувствовать свои силы, въ немъ пробуждается стремленіе обобщать свои познанія, подводя ихъ къ нѣкоторому общему и исходному пункту, — является сильное желаніе философствовать. Эта пора самая важная въ нашей психической жизни, отъ нея зависитъ вся судьба дальнѣйшаго нашего развитія умственнаго. Ибо найти надлежащій средоточный пунктъ своимъ познаніямъ, усмотрѣть послѣднюю цѣль и главный предметъ ихъ—все равно, что ходя по темному лабиринту, найти руководственную нить или спасительный свѣточъ. Не отъ того ли такъ много людей, повидимому весьма ученыхъ, цѣлую жизнь остаются какъ бы въ потемкахъ и лишь ощупью отыскиваютъ истину? Натурально, что пресмыкаясь долу и въ узкомъ кругѣ отдѣльныхъ научныхъ фактовъ и наблюденій, они не могутъ обнять умственнымъ взоромъ всю великолѣпную панораму міра и усмотрѣть средоточный пунктъ ея. А между тѣмъ духъ человѣка, стремясь силою научнаго анализа разгадать и постигнуть безграничное разнообразіе бытія, во чтобы то ни стало хочетъ найти нѣкоторую единую и основную истину. И примѣчательно, что чѣмъ разнообразнѣе и шире умственный кругозоръ въ человѣкѣ, чѣмъ онъ больше постигаетъ частныхъ истинъ; тѣмъ глубже онъ начинаетъ постигать связь этихъ истинъ съ завѣтной для него, но нѣкоторой таинственной и верховной истиной, и тѣмъ настойчивѣе въ немъ является желаніе открыть эту истину. Что же сказать объ этой таинственной истинѣ, которая такъ сильно стремитъ человѣческій умъ къ своему уразумѣнію? Безцѣльныхъ стремленій и инстинктовъ неудовлетворимыхъ, какъ извѣстно, нѣтъ въ цѣлой природѣ. Неужели же одна человѣческая природа должна быть нѣкоторымъ горькимъ исключеніемъ?! Нѣтъ, не отвлеченное и безпредметное какое-нибудь стремленіе, а сама истина самосущая, живая и личная,— Богъ является духу человѣческому въ его возвышенной идеѣ основной перво-истины! Не потому ли истинно и глубоко ученые мужи всегда были и глубоко религіозные люди? Разсказываютъ объ одномъ ученомъ, что онъ всякій разъ благоговѣйно обнажалъ свою голову, когда при немъ произносилось имя Божіе. Говорятъ

еще, что среди астрономовъ, этихъ людей изучающихъ выспреннія тайны міросданія, не было и не бываетъ безбожниковъ. Все это очень вѣроятно. Ибо умъ истинно ученаго мужа—съ одной стороны поражается величіемъ уразумѣваемой истины, ея необъятностію въ безконечномъ разнообразіи сущаго, — а съ другой онъ видитъ ея живую связь съ собою и свои родственныя къ ней отношенія. Онъ чувствуетъ, что съ каждымъ новоприобрѣтеннымъ знаніемъ—все болѣе и болѣе проясняется и наполняется его завѣтная идея верховной и средоточной истины всего сущаго. Весьма естественно, что вся жизнь такого человѣка принимаетъ нѣкоторый возвышенный и созерцательно-религіозный характеръ. Мы знаемъ, что и глубочайшіе философы древности были высоко-религіозныя личности. Таковъ былъ Платонъ, по философіи котораго — послѣдняя цѣль человѣка есть Богъ, какъ верховное благо. Таковъ былъ знаменитый ученикъ Платона Сократъ, самую науку отождествившій съ добродѣтелію; ибо по его философіи добродѣтель есть не что иное какъ знаніе, такъ-что мудрецъ неизбѣжно есть и добродѣтельный человѣкъ.

Можетъ быть знаменитый мужъ и философъ древности измѣнилъ бы нѣсколько свой оригинальный взглядъ на науку и добродѣтель, если бы пожилъ въ наше время и покороче познакомился съ нашими учеными людьми. Онъ увидѣлъ бы, что наука не всегда ведетъ къ добродѣтели, что зачастую бываетъ совершенно наоборотъ — «постольку человѣкъ и дуренъ, поскольку онъ ученъ». Что же это однако доказываетъ? Не опровергается ли этимъ все, что мы сказали о плодахъ умственнаго развитія? Нѣтъ, нисколько. Напротивъ мы съ тѣмъ и указываемъ на печальные примѣры нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ, въ головѣ которыхъ знаніе и религія, наука и нравственность живутъ въ разъединеніи и даже во враждѣ,—чтобы этими примѣрами сильнѣе доказать—только съ отрицательной стороны—ту же нашу основную мысль, что религія должна быть полагаема во главу угла, въ крѣпкій и основной фундаментъ при умственномъ развитіи человѣка; что наука сама по себѣ, безъ руководства религіи, оказывается обоюду-острымъ оружіемъ и можетъ приносить весьма гнилые и ядовитые плоды. У этихъ людей — съ набитой всяче-

скими свѣдѣніями головой, но съ сомнительной и шаткой моралью, — у этихъ quasi ученыхъ людей не было бы подобнаго нестроенія, если бы съ юности религіозный элементъ былъ вводимъ въ ихъ воспитаніе, и если бы Богъ предносился ихъ дѣтскому сознанію не въ видѣ отрывочнаго и сухаго понятія, заимствованнаго лишь изъ учебныхъ книгъ, а въ живомъ образѣ всеблагаго Творца вселенной, любящаго Отца и всевидящаго Промыслителя о родѣ человѣческомъ. Въ разумной педагогикѣ, руководящейся правилами и уставами церкви Христовой, есть тысячи средствъ оживить въ дѣтскихъ мысляхъ свѣтлый образъ Отца небеснаго, и приблизить его къ дѣтскому сердцу. И если бы мы захотѣли говорить подробно объ этихъ средствахъ въ настоящія минуты; то рѣчь наша затянулась бы слишкомъ надолго. Не можемъ только не выразить сожалѣнія насчетъ той легкомысленности и заносчивой тупости, съ какою смотрятъ иногда на эти средства, и какъ бы нарочито стараются обходить ихъ. Что-жъ однако выходитъ отсюда? Выходитъ то, что чѣмъ больше хлопочутъ объ умственномъ развитіи питомцевъ, тѣмъ жиже и безцвѣтнѣе бываетъ это развитіе. Ученыхъ и философовъ,—худыхъ ли хорошихъ ли, появляется какъ извѣстно немного. Всего же чаще выходятъ какія-то безличныя существа, влающіяся — по выраженію апостола — всякимъ вѣтромъ ученія. Т. е. куда вѣтеръ подуетъ, туда и они устремляютъ свою философію. Является матеріализмъ, они спѣшатъ подъ его знамя. Проповѣдуется соціализмъ, они довѣрчиво склоняютъ къ нему свой слухъ. Тамъ откуда нибудь проникаетъ коммунизмъ, они очертя голову бѣгутъ ему навстрѣчу. Но вдругъ повѣетъ откуда нибудь отрезвляющая струя, какія нибудь общественныя событія разрушаютъ призраки, созданные воображеніемъ скороспѣлыхъ философовъ, и цѣлому свѣту открываютъ ихъ вздорность,—и эти философы непрочь запѣть другую пѣсню, стать въ ряды патріотовъ и пожалуй провозгласить себя передовыми гражданскими дѣятелями. Но велика ли цѣна этой случайной и напускной благонамѣренности—кажется и говорить много не стоитъ. Не на такихъ гражданахъ стоитъ и держится общество, и не такіе люди ему нужны. Невольно вспоминаются при этомъ мѣткія слова одного изъ нашихъ глу-

бокихъ педагоговъ (П. Д. Юркевича) *), что человѣкъ долженъ содержать въ себѣ достаточную долю желѣза. Эту твердость и прочность нашимъ убѣжденіямъ и всему существу нашему, по словамъ того же педагога — философа, можетъ сообщить только религія, которую онъ весьма знаменательно называетъ носительницею нашей личности, т. е. какъ бы нянькою, или охраною нашего достоинства человѣческаго. Итакъ если мы не хотимъ обезличить своихъ питомцевъ, и отнять всякую цѣну у ихъ капитала умственнаго, — то непремѣнно должны въ основу научнаго ихъ образованія полагать религію.

Но, какъ извѣстно, научнымъ образованіемъ еще далеко не исчерпывается задача воспитанія; ибо умственныя способности не составляютъ всего богатства души человѣческой. Есть въ ней еще другая, не менѣе высокая и благородная область, которую забыть и оставить въ пренебреженіи,—все равно что впередъ осудить человѣка на калѣчество, нравственную чахлость и убожество. Мы разумѣемъ область сердечную. Одинъ сухой и научный анализъ можетъ убить всякую жизненность въ человѣкѣ. Съ головой набитой всякими свѣдѣніями и съ черствымъ сердцемъ человѣкъ напоминалъ бы собою уродливаго пигмея съ ребячьимъ туловищемъ и съ гигантской головой. Нельзя забывать, что какъ умъ человѣка стремится къ истинѣ, такъ сердце его жаждетъ красоты и изящества, и ищетъ соотвѣтственныхъ наслажденій. Эта благородная жажда вполнѣ достойна человѣка, и есть существенный признакъ его богоподобнаго достоинства; такъ что развивать и удовлетворять ее нужно не потому только, что она есть въ нашей душѣ, а потому, что этимъ развитіемъ мы помогаемъ человѣку быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своей идеѣ, и что—напротивъ—оставляя въ пренебреженіи эстетическія потребности человѣка, мы замедляемъ и затрудняемъ ему путь къ достиженію его человѣческаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, что такое красота и изящество въ ихъ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ и проявленіяхъ? Это блестящіе лучи той же верховной идеи, до которой приближается разумъ чрезъ постепен-

*) См. его Педагогику.

ный рядъ умозаключеній, и которую ищетъ онъ силою научнаго анализа. Но тогда какъ умъ отвлекается отъ явленій, постигая ихъ частныя идеи, чтобы дойти до идеи высочайшей, сердце — наоборотъ — обрѣтаетъ и созерцаетъ эту идею непосредственно въ такъ называемыхъ прекрасныхъ и изящныхъ явленіяхъ, разсыпанныхъ въ природѣ, и дѣлаетъ ее живою собственностію духа. Сердечною дѣятельностію, особенно въ высшихъ и художественныхъ ея проявленіяхъ, духъ человѣка прямо уносится въ міръ духовный, и какъ бы соприкасается непосредственно съ бытіемъ высочайшимъ — подобно тому, какъ онъ соприкасается съ міромъ видимымъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Здѣсь-то собственно тайна такъ называемыхъ эстетическихъ наслажденій, которыя мгновенно отрываютъ человѣка отъ его будничныхъ дрязгъ и житейской суетливости и уносятъ въ какой-то чудный и далекій міръ. И чѣмъ чаще человѣкъ испытываетъ такія благодатныя минуты, тѣмъ благороднѣе становится его душа и чище ея идеалы, и тѣмъ дальше она отъ житейской грязи. Понимая все это, разумная педагогія старается ввести изящный элементъ во всю область воспитанія. Этотъ элементъ, по ея правиламъ, долженъ проявляться прежде всего во взаимныхъ отношеніяхъ воспитателей къ воспитанникамъ, въ благородствѣ ихъ обращенія, въ благоприличіи манеръ и въ порядочности всего внѣшняго поведенія питомцевъ. Изящества требуетъ она (педагогія) отъ самаго обученія, и имъ хочетъ по возможности украсить всю внѣшнюю обстановку школы. Но въ особенности много она возлагаетъ надеждъ на изящныя искуства, которыя дѣйствительно суть — во одно и то же время и превосходныя средства къ развитію изящнаго вкуса въ человѣкѣ, и самое лучшее удовлетвореніе инстинктивной человѣческой жажды прекрасныхъ наслажденій. Однако же и здѣсь, все равно какъ и въ области научнаго развитія, безъ помощи и руководства религіи разумная педагогія обойтись не можетъ. Ибо одна только религія открываетъ сердцу человѣческому первоверховный источникъ всякой красоты и всякаго изящества; одна только она въ состояніи приблизить духъ нашъ къ этому Божественному источнику, и дать почувствовать ему всю неизреченную красоту Его и все блаженство внутренняго едине-

нія съ Нимъ,—и слѣдовательно одна только религія въ состояніи сообщить человѣку истинное благородство и неподдѣльное изящество души. Сошлемся опять на горькій опытъ людей, выросшихъ внѣ религіозныхъ вліяній, хотя они съ дѣтства окружены были всевозможнымъ изяществомъ, и хотя сдѣлано было все для развитія ихъ художественныхъ способностей. Правда, чутье ко всему изящному въ природѣ и искуствахъ иногда бываетъ у нихъ необыкновенно тонко, и пониманіе законовъ красоты весьма глубоко; но вслѣдствіе необыкновенно развившейся и ничѣмъ не управляемой жажды къ наслажденію, эти люди привыкаютъ мало-по-малу считать удовольствіе единственной цѣлію своей жизни; хотятъ жить только для того, чтобы наслаждаться, не дѣлая строгаго различія между наслажденіями, и—вслѣдствіе ниспаденія человѣческой природы въ чувственность—всего чаще погружаются въ чувственныя наслажденія. Возьмемъ въ примѣръ даже чистыхъ художниковъ. Вотъ эти люди спеціально уже изучаютъ искуство, тщательно подсматриваютъ все прекрасное въ природѣ и все свое время посвящаютъ художественному творчеству. Кому однако же не извѣстно, что имя художника сдѣлалось у насъ почти синонимомъ человѣка неряшливаго, безпечнаго, легкомысленнаго, и вообще способнаго на всякое излишество? Конечно, иногда ради остроты и комизма, къ типу художника примѣшиваютъ нѣкоторыя смѣшныя краски; равно какъ и наоборотъ—люди распущенные и безпорядочные часто совершенно неосновательно любятъ драпироваться въ тогу художниковъ, вовсе имъ не принадлежащую. Но въ основаніи этого комизма есть все-таки вѣрный фактъ, примѣчаемый въ большей части людей, спеціально служащихъ искуству,—фактъ непререкаемо доказывающій ту истину, что искуство само по себѣ еще не ведетъ человѣка къ изяществу, равно какъ и путь научный не всегда есть путь къ истинѣ. Наши знаменитые поэты и литераторы, равно какъ и скульпторы и живописцы, весьма грубо иногда грѣшатъ въ своихъ произведеніяхъ противъ здраваго вкуса, вдохновляясь для созданія такихъ картинъ, которыя далеко не идеальнаго свойства, и лишь будятъ въ зрителяхъ и читателяхъ животные инстинкты. Перлы нашихъ художествен-

ныхъ созданій блещутъ иногда самыми нехорошими красками, и не мало заносятъ всяческой грязи въ молодыя и невинныя души. Еще съ большимъ правомъ мы можемъ сослаться на грустный примѣръ неисчислимаго множества людей, которые хоть и не художники, но цѣлую жизнь проводятъ среди самой изысканной обстановки, съ дѣтства дышутъ, можно сказать, изяществомъ, и чуть ли не главною цѣлію жизни ставятъ пріятность и порядочность во всѣхъ своихъ даже мелчайшихъ жизненныхъ отношеніяхъ. И что же? Иногда единственнымъ плодомъ такого тщательнаго воспитанія бываетъ весьма дешевая сантиментальность, слабонервная слезливость или брезгливое отвращеніе отъ всего рѣзкаго и некрасиваго. И это еще не самое худшее. Но какъ часто подъ этой внѣшней элегантностію и такъ называемой аристократической бонтонностію скрываются самые грубые инстинкты, самыя нечистыя страсти и самые звѣрскіе обычаи! Въ этомъ случаѣ разумъ, какъ сила слабѣйшая и подчиненная, дѣлается рабомъ развращеннаго сердца. Въ угоду ему онъ придумываетъ различныя остроумныя и замысловатыя теоріи человѣческой жизни, совершенно оправдывающія и узаконяющія животныя стремленія чувственности. Такъ произошли всѣ эти древнія и нынѣшнія матеріалистическія и эпикурейскія воззрѣнія на жизнь. Непріятно, да и нѣтъ особенной нужды распространяться объ этихъ прискорбныхъ фактахъ. Мы приводимъ ихъ лишь въ доказательство той важной истины, что самое широкое развитіе сердечной стороны въ человѣкѣ, веденное по всѣмъ правиламъ педагогіи, не спасетъ человѣка отъ нравственной тли и безобразія, и само по себѣ не сдѣлаетъ его истинно благороднымъ человѣкомъ. Только святая религія Христова можетъ сообщить всей жизнедѣятельности человѣческой истинную грацію, ибо она создаетъ дѣйствительную красоту душевную, а не напускную слезливость и мелкую чувствительность. Смотрите на свѣтлый ликъ Спасителя, исполненный божественной силы и величія, и въ то же время сіяющій неизреченною любовію къ человѣчеству, смотрите и благоговѣйте предъ нимъ всѣ педагоги! Болѣе чистаго и высокаго идеала вы не найдете для своихъ цѣлей,—приближайте же къ нему своихъ питомцевъ! научайте ихъ любить природу и въ ея

красахъ находить отблескъ божественной красоты ея Творца. А для сего чаще открывайте съ ними святую книгу божественнаго откровенія, принесеннаго съ неба самимъ Спасителемъ человѣческаго рода. Потрудитесь и съумѣйте держать питомцевъ подъ непрестаннымъ вліяніемъ этой святой книги,—и она облагодатствуетъ ихъ душу и внесетъ самый драгоцѣнный ароматъ чистоты и невинности въ ихъ сердце.

Намъ остается сказать о третьемъ, завершающемъ пунктѣ воспитанія. Развивши умъ, облагородивши сердце своихъ питомцевъ, воспитатель все свое тщаніе долженъ сосредоточить на укрѣпленіи ихъ воли въ добромъ нравственномъ направленіи. Можно сказать, что всѣ предыдущія цѣли и старанія педагогическія суть только приготовительныя и вспомогательныя къ этой главной воспитательной задачѣ. Для того и умъ надо развивать въ человѣкѣ наукою, для того и сердце его смягчаютъ и облагораживаютъ искусствомъ, чтобы заставить его полюбить добро, сдѣлать человѣкомъ добропорядочнымъ, съ тяготѣніемъ къ добру и съ опредѣленнымъ нравственнымъ характеромъ, сильнымъ на борьбу со зломъ и порокомъ. Конечно человѣкъ тогда только вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, когда онъ развитъ всесторонне, т. е. когда онъ и уменъ, и изященъ и добродѣтеленъ. Но ужъ если судить относительно и сравнительно, то важнѣе всего быть человѣку добродѣтельнымъ; ибо отъ этого послѣдняго обстоятельства безусловно зависитъ его человѣческое достоинство, равно какъ и его окончательная судьба,—тогда какъ отъ первыхъ двухъ—только подъ условіемъ его добродѣтели. Поставьте рядомъ человѣка съ громадивѣйшей эрудиціей и съ утонченнымъ вкусомъ, но съ безнравственной и злой волей,—и другаго человѣка, котораго непривѣтливая судьба не допустила—положимъ—вовсе до науки, равно какъ и не позволила видѣть красныхъ дней въ его суровой и неприглядной жизни, но у котораго однако не чиста совѣсть и жизнь исполнена добродѣтелей; можно ли поколебаться хоть на минуту въ выборѣ, и въ послѣднемъ человѣкѣ не узнать тотчасъ же истиннаго человѣка, достойно носящаго это высокое имя? Не бѣда, что онъ не ученъ; ибо за этой скоротечною жизнію, гдѣ по крохамъ собираютъ

наши ученые свои свѣдѣнія, настанетъ другая безконечная жизнь, гдѣ уму человѣческому открыты будутъ самые широкіе и легкіе способы вѣдѣнія, — и этотъ бѣдный и неученый простецъ можетъ быть въ наикратчайшее время перегонитъ всѣхъ здѣшнихъ ученыхъ, сложенныхъ вмѣстѣ. Не велика потеря и въ томъ, если тонкія удовольствія и наслажденія искусства не были доступны и извѣстны этому добродѣтельному простолюдину въ продолженіи всей его жизни; тамъ, въ другомъ мірѣ — ждутъ его несравненно лучшія и высшія наслажденія, которыя съ избыткомъ вознаградятъ его за эту ничтожную частицу времени земной его жизни. Но вотъ бѣда, если человѣкъ свою испорченность и развращеніе перенесетъ и за предѣлы гроба, гдѣ злая воля его будетъ развиваться и падать въ этомъ несчастномъ направленіи съ возрастающею скоростію квадратовъ разстояній, какъ говорятъ математики,—вотъ это истинная бѣда! Осатаненіе и отчаяніе, на которое осуждены падшіе духи—вотъ какая горькая перспектива ждетъ этихъ несчастныхъ людей! Но чѣмъ важнѣе это обстоятельство для педагога, тѣмъ глубже онъ долженъ чувствовать ту великую и ничѣмъ не замѣнимую услугу, какую можетъ для него въ этомъ случаѣ оказать религія. Ибо ни болѣе истинныхъ и чистыхъ понятій о добрѣ, ни болѣе сильныхъ побужденій для добра, ни такихъ средствъ и силъ для совершенія добра,—ничто не можетъ дать, какъ религія и вѣра Христова.

Конечно въ природѣ человѣка есть нѣкоторыя врожденныя понятія о добрѣ и естественное къ нему тяготѣніе, не умирающее даже въ самыхъ потерянныхъ людяхъ. Дѣтей, какъ извѣстно, никто не учитъ сострадательности, ласковости, доброжелательству и многимъ другимъ прекраснымъ качествамъ, которыя они обнаруживаютъ просто по своей невинной дѣтской натурѣ. Извѣстно также, что самый отъявленный воръ уважаетъ все-таки честность. Пьяница проклинаетъ свою несчастную страсть и мечтаетъ о трезвости. Грязный сластолюбецъ вздыхаетъ о своей загубленной юности и восхваляетъ чистоту и воздержаніе и т. д. На этомъ основаніи и апостолъ Павелъ говоритъ даже объ язычникахъ, что они, *закона не имуще, естествомъ законная тво-*

рятъ (Рим. II, 14). Такъ что воспитатель, искусно развивая и укрѣпляя естественное стремленіе къ добру въ своихъ питомцахъ, можетъ сообщить нѣкоторые добрые навыки ихъ волѣ. Однако же, если бы онъ захотѣлъ ограничиться въ этой своей дѣятельности лишь тѣми правилами и законами, которые нашелъ бы готовыми только въ натурѣ своихъ питомцевъ; то не далеко увелъ бы ихъ по пути нравственнаго совершенства. Воспитатели этого обыкновенно и не дѣлаютъ, незамѣтно для себя подчиняясь тѣмъ высокимъ христіанскимъ идеямъ, которыми дышутъ сами,— хотя подчасъ и прикидываются невѣдущими той святой книги, изъ которой льются эти идеи въ общественное сознаніе. Но чтобы видѣть, какъ невысока естественная мораль человѣческая, надо отрѣшиться нѣсколько отъ настоящаго и справиться съ исторіей. Извѣстно, какими спутанными понятіями о добрѣ и злѣ отличался древній языческій міръ, и какія гнусныя сцены творились въ самыхъ храмахъ и у подножія алтарей языческихъ боговъ и богинь. Обоготворялись самыя грязныя страсти человѣческія, и развратъ возводимъ былъ въ религіозный культъ. Эта тьма и спутанность языческой морали отражалась самымъ мрачнымъ образомъ на всей общественной жизни древняго міра. О томъ, что творилось въ языческой Греціи и Римѣ, *не лѣпо есть и глаголати,* по выраженію апостола. Самые философы языческіе, эти лучшіе тогдашніе люди,—при неимовѣрныхъ—можно сказать—усиліяхъ разогнать окружавшую ихъ тьму и поставить свое общество на лучшій путь, допускали въ своихъ нравственныхъ философемахъ такія странности и нелѣпости, которыя—съ нашей точки зрѣнія—просто несовмѣстимы кажутся съ правилами здравой и чистой морали. И эти странности находятся даже у такихъ философовъ, какъ Платонъ, Сократъ и Аристотель. Но если поставить рядомъ съ языческими учеными и нашихъ современныхъ моралистовъ, воспитанныхъ на идеяхъ чистаго раціонализма, то еще весьма сомнительно, кто изъ нихъ кого превосходитъ. Развѣ и нынѣ не проповѣдуютъ законность всего, къ чему стремятъ человѣка его природные инстинкты? Развѣ и нынѣ всѣ взаимныя человѣческія отношенія не сводятъ къ одному узкому и эгоистическому принципу личнаго блага, а всѣ неустройства обществен-

ныя и даже преступленія не оправдываютъ такъ называемой борьбой индивидумовъ за личное существованіе? Если мы къ этому присоединимъ взглядъ нынѣшнихъ коммунистовъ на право собственности, на семейство и на взаимныя отношенія между разными классами и лицами общественными; если приведемъ себѣ на память, какъ современные образованные люди, по всѣмъ правиламъ такъ называемой рыцарской чести, хладнокровно убиваютъ другъ друга, то право не будетъ большой ошибки, если мы скажемъ, что понятія о добродѣтели и чести совершенно извратились и стали вверхъ дномъ въ многоученыхъ головахъ этихъ мудрецовъ,—которые однакоже норовятъ заправлять судьбами обществъ, вести ихъ за собой по пути прогресса. Не далеко ушли бы общества человѣческія за этими, по истинѣ слѣпыми вождями, и не здоровыя, а гнилыя и растлѣнныя поколѣнія воспитались бы въ школахъ у этихъ грубыхъ педагоговъ. Весь родъ человѣческій давно бы пришлось снова либо смыть съ лица земли волнами потопа, либо истребить огнемъ Содома и Гоморры, если бы самъ воплотившійся Господь Богъ не пришелъ на помощь къ людямъ, не принесъ для нихъ съ неба новаго и лучшаго закона, и не указалъ бы пути къ высшему совершенству нравственному. И этотъ божественный законъ Христовъ, проповѣдующій самую чистую и безкорыстную любовь къ ближнему и повелѣвающій любить даже враговъ своихъ, на вѣки вѣчные будетъ руководственнымъ свѣтиломъ для падшаго человѣчества,—погрязшаго въ эгоизмѣ. И ничего лучшаго и болѣе совершеннаго никогда не выдумаютъ всѣ мудрецы міра сего, и нынѣшніе и будущіе, даже сложенные вмѣстѣ. Все лучшее и гуманное, чѣмъ могла бы похвалиться современная цивилизація, и чѣмъ дѣйствительно она похваляется, какъ своимъ изобрѣтеніемъ,—находится на каждой можно сказать страницѣ святаго евангелія. Не ясно ли, что для внесенія въ душу воспитанниковъ чистыхъ и здравыхъ понятій о добродѣтели не можетъ быть лучшей книги, и что съ нея начинаться и ею же завершаться должно обученіе и воспитаніе нашихъ юношей?

Но если воспитатель не могъ бы похвалиться широтой и чистотой понятій о добродѣтели въ своихъ питомцахъ, если бы онъ

вздумалъ опереться на однихъ только ихъ природныхъ и инстинктивныхъ стремленіяхъ къ добру; то еще менѣе онъ могъ бы въ этомъ случаѣ дать надлежащихъ побужденій для добродѣтели своихъ питомцевъ. Ибо на чемъ бы пришлось ему тогда основывать всѣ свои правила и предписанія нравственности? На одной только отвлеченной идеѣ долга, которую на всѣ лады и стараются обыкновенно развивать и внушать воспитанникамъ ученые педагоги. «Ты это долженъ, потому что это хорошо; ты этого не долженъ, потому что это унизительно и недостойно человѣка». Въ состояніи ли эта сухая и холодная идея, какъ ни хороша она сама по себѣ, оградить воспитанниковъ отъ дурныхъ инстинктовъ, съ которыми родится каждый человѣкъ и которые растутъ въ немъ и развиваются вмѣстѣ съ физическимъ ростомъ? Спасетъ ли она юношескую добродѣтель отъ тѣхъ случайностей житейскихъ, которыя иной разъ требуютъ чистаго геройства отъ человѣка, чтобы не пасть подъ ихъ гнетущей и искусительной силой? А между тѣмъ святая вѣра указываетъ въ подобныхъ случаяхъ на Господа Бога, который видитъ всѣ наши дѣянія, даже сокровенныя мысли и движенія сердечныя, какъ хорошія такъ и дурныя; указываетъ на другую лучшую жизнь, которой конца не будетъ, и гдѣ произойдетъ нелицепріятная расправа со всѣми беззаконіями людскими, и гдѣ добродѣтель, повидимому совершенно безнаказанно гонимая на землѣ, получитъ полную свою награду. Кого не въ состояніи поддержать и утѣшить эти отрадныя и свѣтлыя вѣрованія? И конечно, если бы эти вѣрованія покрѣпче прививаемы были къ нашему юношеству въ періодъ ихъ воспитанія, то мы рѣже и рѣже видѣли бы эти печальные опыты ихъ легкомысленнаго отношенія къ жизни, ихъ преждевременнаго разочарованія, тоскливой и безпредметной хандры и нравственной вялости, о которой то и дѣло доносятъ намъ современные газеты и журналы. Съ такими безотрадными задатками, что можетъ выдти утѣшительнаго впослѣдствіи изъ этихъ уродливыхъ и надломленныхъ юношей?

Итакъ ни истинныхъ понятій о добрѣ, ни надлежащихъ побужденій къ добру не можетъ дать одна наука воспитанія безъ помощи религіи. Что же касается тѣхъ благо-

датныхъ и таинственныхъ средствъ, которыя сообщаетъ человѣческой волѣ св. религія Христова для совершенія добра, то объ нихъ уже и говорить нечего. Объ нихъ наука не имѣетъ никакого понятія, даже представить себѣ не можетъ. А между-тѣмъ святая церковь, возраждая растлѣнныхъ и падшихъ людей въ водахъ крещенія, сообщаетъ имъ новую облагодатствованную природу и облекаетъ во Христа Спасителя, по выраженію Апостола, т. е. она вводитъ человѣческую природу въ самыя живыя и внутреннія сношенія съ Божествомъ и прививаетъ ее посредствомъ таинствъ, какъ дикую розгу къ плодоносной маслинѣ, къ божественной природѣ воплощеннаго Бога-Слова. Ничего этого конечно знать не хотятъ ученые и невѣрующіе люди, и можетъ быть даже трактуютъ все это, какъ юродство. Но имъ же хуже. Сказалъ намъ Спаситель одинъ разъ навсегда, что *какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ* (Іоан. XV, 4), и это слово Спасителя во очію нашею подтверждается въ нашемъ многоученое, но слабо вѣрующее и легкомысленно-индеферентное время. Все только ладятъ и пишутъ о добродѣтели и гуманности,—между тѣмъ какъ благихъ плодовъ ея видится чрезвычайно мало. Все только размышляютъ о просвѣщенной любви къ меньшимъ братіямъ, коснѣющимъ во тьмѣ безграмотности и разныхъ порокахъ, а между-тѣмъ продолжаютъ кидать сотни и тысячи на свои только удовольствія и притомъ весьма и весьма неблаговиднаго свойства, а на ближняго по прежнему махаютъ рукой. Провозглашаютъ о наставшемъ будто-бы служебномъ безкорыстіи и гражданской честности, а между тѣмъ интригуютъ на службѣ и подставляютъ другъ другу ноги по прежнему, и случаевъ, гдѣ можно поживиться насчетъ ближняго или насчетъ казны тоже не опускаютъ, какъ слышно. Обмана, развращенія, эгоизма, вѣтренности, всяческихъ низостей и вообще животности еще тьма — тьмущая, какъ говорится, во всѣхъ нашихъ общественныхъ слояхъ. Объ этомъ отчасти можно судить по ѣдкости и широтѣ сатиры, которой растворена можно сказать вся современная литература, не говоря уже о спеціальныхъ сатирическихъ журналахъ. Очевидно, что об-

щество само себя бичуетъ безпощадно за разное зло, къ сознанію котораго оно давнымъ давно пришло. Но гдѣ взять силъ къ излеченію этого зла и скоро ли наконецъ подымется уровень общественной нравственности? Долго придется ждать этого и все дѣло можетъ ограничиться одними ожиданіями, благими предначертаніями и инструкціями, если не поймутъ наконецъ, что слѣдуетъ обратиться къ святой религіи Христовой и къ воспитательному вліянію церкви православной. Пора, пора, — давно пора! Въ особенности пора преобразовать наше воспитаніе какъ общественное и школьное, такъ и домашнее, и поставить его на новыхъ, строго религіозныхъ и православныхъ началахъ. Говоримъ въ особенности, потому-что отъ характера и направленія молодаго поколѣнія, растущаго въ школахъ, зависитъ судьба и характеръ цѣлаго общества.

Съ истиннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ благія начинанія правительства въ преобразованіи нашихъ школъ и отъ души сочувствуемъ его заботамъ о поднятіи религіознаго и національно-православнаго духа въ учащейся молодежи. Наше сочувствіе не могутъ конечно не раздѣлять всѣ благомыслящіе, и истинно-образованные и развитые люди. Приглашаемъ всѣхъ, въ особенности же наставниковъ, свое сочувствіе доказать на дѣлѣ добрымъ нравственнымъ вліяніемъ на питомцевъ, а отцевъ и матерей убѣдительно просимъ оказать намъ свое посильное содѣйствіе. Ибо если многаго кой-чего не можетъ сдѣлать школа, то семья все можетъ. Даже потому и безсильною во многихъ случаяхъ оказывается школа, что ей не сочувствуетъ семья. Надо дружно и единодушно взяться за общее и для всѣхъ одинаково дорогое дѣло воспитанія нашего юношества въ религіозномъ и православномъ духѣ. Средства и пріемы для этого весьма разнообразны и значительно разработаны въ педагогикѣ нашей. Но важнѣе всего то, если мы воодушевимся одной общей и согласной идеей.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ владимірской гимназіи, въ день св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго *).

(23 ноября 1873 г.).

Иго мое благо, и бремя мое легко есть
(Матѳ. XI, 30).

Такъ говоритъ Господь о своихъ заповѣдяхъ,—они легки, они прекрасны! Наша совѣсть внушаетъ намъ почти тоже самое. Едва ли найдется такой человѣкъ, который бы не согласился въ своей мысли и душѣ, что ничего не можетъ быть прекраснѣе и выше добродѣтели. Едва начинающее мыслить дитя и то уже знаетъ, что худо и что хорошо, и хорошимъ называетъ именно добродѣтель. И наоборотъ—отъявленные и повидимому пропащіе грѣшники и міролюбцы, наединѣ съ своею совѣстію грустно мечтаютъ о добродѣтели, и хотя издали, но покланяются ей, какъ свѣтоносному и недоступному для нихъ идеалу. Вотъ насчетъ легкости заповѣдей Божіихъ,—дѣло другое. Большею частію они кажутся намъ тяжелыми и неудобоисполнимыми. Иной разъ посмотришь, чего-чего только люди не терпятъ въ жизни, и однако-же находятъ въ себѣ какимъ-то образомъ силы переносить эту жизненную тяжесть, а бремени Господня на себя все не берутъ и не берутъ. Какъ-будто все можно вынести, все перегерпѣть—кромѣ заповѣдей Господнихъ. Что за странность такая? Если такъ прекрасна добродѣтель и такъ рано мы ее узнаемъ, значитъ она свойственна намъ; а что намъ свойственно, то не должно бы быть для насъ трудно. Ясно, что случилась съ нами какая-то бѣда и порча; ибо если всѣ твари въ мірѣ живутъ согласно съ своей природой, то и насъ Господь не могъ поставить въ такое явное и тяжелое противорѣчіе съ нашей природой. Такъ приходимъ мы путемъ простаго размышленія къ христіанскому догмату о паденіи человѣка. Исторію этого паденія съ его печальными послѣдствіями, думаемъ, всякій знаетъ; такъ что и распростра-

*) Напечатано въ 4-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1875-й г.

няться объ этомъ не слѣдуетъ. Подумаемъ лучше о словахъ Господнихъ, что бремя Его, т. е. заповѣди Его легки суть.

Если Господь сказалъ такъ,—значитъ это вѣрно; значитъ заповѣди Господни могутъ быть легки, хоть и кажутся тяжелыми для грѣшной, падшей природы нашей. А если такъ, то наша прямая обязанность употребить всѣ свои силы, чтобы облегчить для себя благое бремя заповѣдей Господнихъ. Есть двѣ главныя причины, которыя дѣлаютъ тяжелымъ для насъ исполненіе воли Божіей, и съ устраненіемъ которыхъ святое бремя заповѣдей Господнихъ дѣйствительно оказалось бы для насъ легкимъ. Первая причина самая общая и обыкновенная: это—лѣнь и вялость наша. Не хочется и боязно дотронуться до бремени Господня; ну и кажется оно чрезмѣрно тяжелымъ. Лѣнь испробовать свои силы; ну онѣ и вянутъ и слабѣютъ отъ непривычки къ нравственному труду, отъ праздности. Если бы еще эта праздность и ничего недѣланіе для заповѣдей Господнихъ была только потерею времени и лишь отдаляла бы срокъ, съ котораго мы могли бы при первой святой рѣшимости тотчасъ взяться за дѣло, то въ этомъ была бы, можно сказать, только половина бѣды. Но нѣтъ, въ эти длинные промежутки, пока мы все раздумываемъ и собираемся приняться за дѣло Господне, въ насъ крѣпнутъ и разростаются грѣшныя привычки, которыя постепенно забираютъ насъ въ свои руки, а съ теченіемъ времени окончательно насъ порабощаютъ. Не вспаханная и не разработанная земля не просто только не приноситъ благихъ плодовъ, но заростаетъ тысячами сорныхъ травъ и кустарниковъ, которые приходится потомъ съ большими усиліями исторгать и распахивать. Тоже бываетъ и съ людьми. Пока они еще юны и невинны, сердце порывается ко всему доброму и прекрасному, въ головѣ чистые и святые идеалы и душа—какъ добрая почва—ждетъ только благихъ сѣмянъ, чтобы зацвѣсти и заколоситься прекрасными дѣлами. Но день за днемъ уходитъ какъ-то неуловимо въ суетѣ; въ праздныхъ порываніяхъ и мечтахъ, или даже въ паучныхъ трудахъ пополамъ съ забавами и разсѣяніемъ, безъ живыхъ связей съ Господней церковію, внѣ ея благодатнаго вліянія, и глядишь—въ непорочномъ сердцѣ дитяти и юноши появились разные грѣшные

корешки, потомъ они углубились и переплелись, затѣмъ образовали довольно густую и затвердѣлую чащу разныхъ нечистыхъ и суетныхъ наклонностей; и вотъ бремя Господнихъ заповѣдей столь легкое и благое вначалѣ, начинаетъ казаться человѣку жесткимъ, непріятнымъ и непосильнымъ. Пожалѣетъ человѣкъ нѣсколько времени о безплодно затраченныхъ своихъ силахъ, вспомнитъ свою пролетѣвшую подобно свѣтлому призраку юность, можетъ быть не одинъ разъ вздохнетъ въ своей душѣ, потомъ махнетъ на все рукой и безпечно и апатично станетъ въ ряды обыкновенныхъ грѣшныхъ людей и вмѣстѣ съ этой толпой все глубже и глубже начнетъ погружаться во всякую житейскую грязь. Вотъ какъ обыкновенно слагается тотъ широкій путь, которымъ идетъ большая часть людей, и о которомъ говоритъ слово Божіе, что онъ ведетъ въ пагубу!...

Есть и другая причина, по которой благое и легкое бремя заповѣдей Господнихъ дѣлается для людей непосильнымъ и тяжкимъ. Причина эта совершенно другаго и даже противоположнаго характера съ первой. Тамъ лѣнь и апатія, а то бываетъ и ревность не по разуму. Иногда люди вдругъ хотятъ сдѣлаться праведниками и праведность сію, къ которой призываетъ насъ Господь, представляютъ себѣ не иначе, какъ въ видѣ тѣхъ необычайныхъ правилъ подвижническихъ, которыя выработали для себя и исполняли въ своей жизни святые отшельники и пустынники. Пренебрегая обыкновенными требованіями долга и приличія и считая за ничто тѣ мелкія, такъ сказать—житейскія добродѣтели, изъ которыхъ обыкновенно слагается добропорядочность нашего поведенія на службѣ, въ обществѣ, въ товариществѣ и въ семействѣ,—эти люди рвутся какъ можно выше, ищутъ борьбы и подвиговъ, хотятъ быть героями добродѣтели. Обыкновенно эта ошибка случается въ молодости, когда человѣкъ сознаетъ въ себѣ богатство силъ, принимается за все сгоряча и когда все кажется такъ просто и легко. Онъ хочетъ быть сразу воплощенной честностію, образцемъ безкорыстія, высокимъ примѣромъ гуманности, справедливости, самоотверженія и прочихъ добродѣтелей. Нѣсколько неудачныхъ опытовъ на пути добродѣтели по такому самодѣльному плану скоро разрушаютъ очарованіе.

Оказывается, что въ нашей природѣ не находится достаточно естественныхъ силъ для осуществленія прекрасныхъ идей добра, что добродѣтель достается не вдругъ и не такъ легко и просто, а достигается постепенно, непрерывнымъ подвигомъ, или—какъ выражается слово Божіе—*царствіе Божіе нудится,* и только *нуждницы,* т. е. усиленные и постоянные искатели, *восхищаютъ его.* (Матѳ. XI, 12). Озадаченный трудностями такой усиленной борьбы и, убѣдившись на опытѣ въ своемъ слабосиліи, человѣкъ тоже весьма часто махаетъ на все рукой и незамѣтно попадаетъ въ ряды тѣхъ малоцѣнныхъ, безхарактерныхъ и ничтожныхъ людей, которые далеки отъ царствія Божія и которыми кишитъ такъ называемый міръ, т. е. общество грѣшныхъ людей, враждебныхъ царствію Божію или церкви Христовой на земли.

Какъ же теперь быть намъ, чтобы не попасть въ толпу этихъ пропащихъ людей, какъ сдѣлать для себя удобоносимымъ и легкимъ благое бремя Христово? Понятно, что надо постараться избѣжать обѣихъ указанныхъ крайностей, ибо царскій путь закона Христова лежитъ въ срединѣ этихъ крайностей. Вопервыхъ стряхнемъ съ себя сонливость и безпечность, и не раздумывая долго—теперь же благословясь возложимъ на себя иго Христово, и мы увидимъ, что оно вовсе не такъ тяжело, какъ представляется для нашей чувственности. Чѣмъ дальше мы будемъ отлагать эту святую рѣшимость, тѣмъ труднѣе будетъ впослѣдствіи привести ее въ исполненіе; даже самая эта рѣшимость все будетъ слабѣть и слабѣть и можетъ вовсе исчезнуть, и святое бремя закона Христова совсѣмъ скроется у насъ изъ виду за множествомъ житейскихъ развлеченій, хлопотъ и обязанностей, которыя будетъ громоздить для насъ суета времени и жизнь общественная. Но не будемъ на первыхъ порахъ и задаваться слишкомъ многимъ, а скромно, считая себя людьми обыкновенными и житейскими, начнемъ именно съ тѣхъ мелочей, изъ которыхъ слагаются наши ближайшія обязанности. Въ нихъ то именно и кроется тайна всѣхъ нашихъ будущихъ успѣховъ на пути добродѣтели. Если бы мы строже относились къ этимъ такъ называемымъ мелочамъ, т. е. къ нашимъ ближайшимъ житейскимъ обязанностямъ, то мы всѣ бы легко дѣлались героями добродѣ-

тели. Въ этомъ случаѣ я главнымъ образомъ имѣю въ виду вашъ ученическій бытъ, ибо въ немъ пока идетъ почти вся ваша нравственная жизнь. Опредѣлите для себя какъ можно отчетливѣе, и разложите на подробности ваши ученическія обязанности, — и окажется, что въ этихъ-то подробностяхъ и состоитъ для васъ законъ Христовъ, а ваша школа въ маленькомъ видѣ изображаетъ ту обширнѣйшую арену, которая зовется жизнію общественной и на которой современемъ потребуются отъ васъ серьезные подвиги добродѣтели. Первое дѣло ученика, какъ извѣстно, учиться. Старайтесь же учиться столько, сколько вамъ позволяютъ ваши природныя силы. Не дозволяйте себѣ оставлять ни одного урока недоученнымъ, или выученнымъ кое-какъ, не отлагайте его на-послѣ и не успокоивайте себя тѣмъ, что вы не будете сегодня спрошены учителемъ, а учитесь по долгу и совѣсти. Въ этомъ случаѣ вы будете исполнять законъ Христовъ и нести на себѣ иго Христово. Не говоря о томъ, что вы разовьете такимъ образомъ свой умъ и укрѣпите свои нравственныя силы,—вы пріобрѣтете великую и драгоцѣнную добродѣтель трудолюбія, съ которой вы будете способны на все прекрасное впослѣдствіи. Затѣмъ живя въ школѣ, вамъ поминутно приходится подчиняться разнымъ дисциплинарнымъ правиламъ и порядкамъ; и подчиняйтесь имъ благодушно, безропотно и весело. Благоразумная дисциплина есть наилучшая практика для вашей еще не окрѣпшей воли, влекущейся туда и сюда, смотря по характеру окружающихъ васъ впечатлѣній. Заключая въ извѣстныя границы ваше время и ваши занятія, ваши труды и ваши досугъ, она даетъ опредѣленное и благообразное теченіе всей вашей жизни, а извѣстно, что порядокъ и мѣра суть наилучшіе задатки всяческихъ успѣховъ. Эту дисциплинарную школу проходили на первыхъ порахъ и великіе подвижники христіанскаго благочестія, желая развить въ себѣ добродѣтель христіанскаго смиренія и послушанія. Извѣстно напримѣръ, какъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, этотъ святый пѣвецъ съ нѣжной и чувствительной душой, безропотно подчинялся всѣмъ суровымъ приказаніямъ своего старца-воспитателя; но за то и вышелъ впослѣдствіи непоколебимымъ адамантомъ православной вѣры и благочестія.

Не думайте, чтобы послушаніе и чувство подчиненности разнымъ установленнымъ порядкамъ и правиламъ были только монастырскія добродѣтели, напротивъ безъ нихъ нельзя обойтись ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ. Тамъ, гдѣ каждый воображаетъ себя маленькимъ центромъ, около котораго все должно вращаться, тамъ все пойдетъ вверхъ дномъ. Кто не научился быть полезнымъ въ качествѣ подчиненной и служебной силы, тотъ не можетъ быть истинно добродѣтельнымъ человѣкомъ, ибо всякая добродѣтель въ сущности есть самоотреченіе и состоитъ въ подчиненіи своей чувственности и самолюбія долгу и волѣ Божіей. Вотъ нравственное значеніе вашей учебной дисциплины! Далѣе,—живя въ обществѣ товарищей, вамъ тысячекратно приходится входить другъ съ другомъ въ различныя отношенія: то нуждаться въ пособіи товарищей, то самимъ оказывать это пособіе и содѣйствіе; то обѣщать и совѣтывать что нибудь, то самимъ разсчитывать на честность и сочувствіе товарищей; то выслушивать откровенную товарищескую бесѣду, то самимъ дѣлиться съ товарищами своими надеждами и думами и т. д. Пусть же во всѣхъ этихъ мелкихъ и неизчислимыхъ случаяхъ ваши товарищескія отношенія будутъ запечатлѣны у васъ характеромъ благородства, добросердечія и порядочности, и это будетъ вѣрнымъ знакомъ, что вы живете и ходите подъ игомъ Христовымъ. Далъ ли ты слово товарищу? сдержи его. Замѣчаешь ли въ немъ недостатки? не унижай его и не кичись предъ нимъ. Чувствуешь его превосходство надъ собою? гони прочь изъ своего сердца зависть и недоброжелательство. Видишь его грусть и досаду? ослабь и смягчи ихъ своей теплой и сочувственной бесѣдой. Открываетъ онъ тебѣ свою душу? помоги ему своимъ добрымъ вліяніемъ, но берегись злоупотреблять его довѣріемъ. И ему и тебѣ въ одно и тоже время нужна какая нибудь вещь, книга, учебное пособіе? Сдѣлай усиліе подождать и уступить въ его пользу. Если бы вы постарались установить такія прекрасныя между собою отношенія и усиливались бы каждый съ своей стороны строго беречь и соблюдать ихъ, то ваша школа подготовляла бы васъ не къ наукѣ только, а была бы наилучшею практикою добродѣтели. И великіе столпы вѣры и благочестія христіанскаго

не отказались бы принять васъ въ число своихъ учениковъ. Такъ изъ совокупности самыхъ простыхъ и ближайшихъ обязанностей ученическихъ и товарищескихъ слагается благое иго Господне и легкое бремя Его закона!...

Но рѣчь наша не была бы кончена и можно бы даже ввести васъ въ ошибку, если не присоединить еще слѣдующаго примѣчанія. Какъ ни легко и ни просто казалось бы взять на себя благое бремя Господне, однакоже, чтобы взять его на самомъ дѣлѣ и возложить на себя, для этого необходима все-таки благодатная помощь Господня. На свою добрую волю да на собственныя силы и не воображайте надѣяться. Ваша добрая воля и ваши прекрасныя намѣренія могутъ остаться при васъ, а жизнь пойдетъ своимъ грѣшнымъ чередомъ. Нашъ постоянный врагъ, котораго мы носимъ и лелѣемъ въ своей собственной груди, наше самолюбивое *я* станетъ мѣшать намъ на каждомъ шагу и постепенно убьетъ всю нашу святую энергію. И потому нашъ всеобщій долгъ усиленно держаться за ту милосердую и всемогущую десницу, которую предлагаетъ насъ самъ Господь Спаситель. Гдѣ же обрѣсти ее? Въ св. церкви. Въ ней Господь заключилъ для насъ *вся божественныя силы его, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3). Главныя средства, чрезъ которыя сообщаются намъ эти силы, это суть таинства церкви. Но это чрезвычайныя и таинственныя средства, которыми пользуемся мы не всегда, хоть и могли бы пользоваться ими весьма часто. Но самый духъ церкви, ея святые правила и уставы, вотъ что надо намъ усвоить и перенести въ свою жизнь. По ея указаніямъ и по ея святому плану начертимъ себѣ жизнь свою и станемъ держаться этого плана безъ самодѣльныхъ поправокъ, дополненій и измѣненій; иначе мы опять собьемся съ пути истины, и не съумѣемъ быть тѣмъ, чѣмъ бы хотѣли. Молитвенный и богослужебный характеръ, по наставленію св. церкви, долженъ растворять все наше поведеніе. Это не значитъ, чтобы вы совершали длинныя молитвословія и присутствовали при всѣхъ церковныхъ богослуженіяхъ,—въ вашемъ положеніи это для васъ невозможно, но мысль и памятованіе о своемъ Спасителѣ должно быть близко вашему сердцу и молитвеннымъ обращеніемъ къ

Нему вы должны начинать и растворять всякое свое дѣло: вотъ что это значитъ! Аминь.

СЛОВО

въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора, Александра Николаевича *).

(19 февраля 1874 г.).

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Пріятно видѣть васъ братіе всякій разъ, когда вы собираетесь сюда—въ храмъ Божій—въ особенно многочисленномъ и избранномъ обществѣ. Когда мы выходимъ къ вамъ въ этихъ случаяхъ съ словомъ поученія, въ насъ естественно возникаетъ желаніе сказать вамъ что-нибудь наиболѣе жизненное, наиболѣе васъ касающееся и прямо къ вамъ относящееся. Намъ представляется, что задаваясь такими цѣлями, мы идемъ навстрѣчу вашимъ собственнымъ желаніямъ и ожиданіямъ; ибо что за интересъ вращаться въ области отвлеченныхъ и общихъ, хотя и назидательныхъ, вопросовъ, которые конечно никого не затронутъ, но разумѣется и пользы никому не принесутъ? При всемъ томъ мы откровенно должны сознаться, что, понимая всю важность и серьезность проповѣднической задачи, мы чувствуемъ однако же нѣкоторое смущеніе всякій разъ, когда приходится исполнять эту задачу; потому что чѣмъ болѣе жизни и прямоты въ проповѣдническомъ словѣ, тѣмъ болѣе есть опасности, что оно не будетъ пріятно. Насъ могутъ упрекнуть, отчасти мы даже и испытали эти упреки, будто бы мы касаемся такихъ вещей, которыя не имѣютъ прямаго къ намъ отношенія, т. е. проще сказать вмѣшиваемся въ чужія дѣла и мелочи житейскія. На слу-

*) Напечатано въ 10 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1874 г.

чай такихъ упрековъ просимъ васъ убѣдительно отдѣлять нашу скромную проповѣдническую личность отъ священнаго и всеобязательнаго голоса церкви, которой мы лишь смиренные служители и послушники. Мы говоримъ только то, что могла бы сказать вамъ она. Чего же она не должна говорить вамъ, и есть ли такая мелочь, которой она могла бы не коснуться, если эта мелочь имѣетъ связь съ дѣломъ вашего нравственнаго преуспѣянія? Вотъ и теперь мы именно хотимъ повести бесѣду объ одной изъ такихъ мелочей. Мелочь эта — карты, вотъ тѣ самыя, въ которыя играютъ, которыя стали такимъ обыкновеннымъ, любимымъ и всеобщимъ занятіемъ въ часы досуга и бездѣлья, и которыя подчасъ такъ много поглощаютъ у людей ихъ дѣловаго и драгоцѣннаго времени! Карты, какъ странно звучитъ это слово подъ сводами храма Господня, оглашаемаго священными пѣснями и молитвами! Но что дѣлать, когда есть нужда говорить объ нихъ, когда эта мелочь сказывается далеко не ничтожными послѣдствіями въ нашей общественной и нравственно-религіозной жизни. Удѣлите же намъ нѣсколько минутъ вашего вниманія!...

Прежде всего мы считаемъ нужнымъ оговориться въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній и пререканій. Пусть не упрекаютъ насъ въ односторонности и узкости взгляда на обязанности житейскаго человѣка и въ излишней строгости къ его удовольствіямъ и развлеченіямъ. Мы очень хорошо знаемъ, что человѣкъ не ангелъ; что непрерывно держаться въ сферѣ одного серьезнаго и важнаго ему невозможно; что веселье, игра и удовольствіе ему по временамъ столь же бываютъ нужны, сколько разнообразіе въ пищѣ для поддержанія бодрости и энергіи его духа. Извѣстно, что колеблющіяся волны даютъ жизнь и движеніе огромной массѣ водъ; дуновеніе вѣтра разноситъ свѣжесть и прохладу въ атмосферѣ, которой мы дышемъ. Мы готовы признать именно такое освѣжающее значеніе въ человѣческихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. Но во первыхъ всякое развлеченіе, чтобы достигало указанной почтенной и истинно человѣческой цѣли, должно всетаки содержать въ себѣ нѣкотораго рода духовную пищу въ одно и то же время и легкую и питательную для человѣческаго духа, конечно соотвѣтственно воз-

расту, наклонностямъ и темпераменту человѣка. Т. е. игра и развлеченіе не должны быть безцѣльною тратою или убиваніемъ времени, а должны пріятнымъ и достойнымъ образомъ дѣйствовать на воображеніе и чувство человѣческія, дабы живя на нѣкоторое время преимущественно этими прекрасными и нѣжными своими способностями, человѣкъ нашелъ успокоеніе отъ своихъ умственныхъ трудовъ, или невзгодъ житейскихъ. Короче: игра и удовольствіе должны носить на себѣ печать человѣческаго достоинства. Такое понятіе объ этомъ предметѣ можно найти въ любомъ раціонально составленномъ педагогическомъ руководствѣ. Приложимъ это понятіе къ карточной игрѣ. Какая въ ней пища для воображенія и чувства человѣческаго? Изящныхъ образовъ и картинъ, кромѣ примелькавшихся значковъ и фигуръ, нѣтъ никакихъ. Интересныхъ психологическихъ случаевъ и явленій, вызывающихъ на размышленіе и пробуждающихъ идеальныя мечты и отрадныя надежды, здѣсь тоже нѣтъ, кромѣ монотонно и безконечно повторяющихся сочетаній различныхъ мастей. На зеленомъ карточномъ полѣ не растетъ, какъ извѣстно, и не цвѣтетъ никакихъ цвѣтовъ и въ карточной атмосферѣ не слышится никакихъ особенно пріятныхъ звуковъ или благовоній, кромѣ развѣ табачнаго дыма, да сдержанно недовольныхъ, а иногда и бранчивыхъ словъ играющихъ. А между-тѣмъ посмотрите, какъ это развлеченіе крѣпко усаживаетъ, или точнѣе приковываетъ людей къ одному мѣсту. По ихъ серьезнымъ лицамъ видно, что они напряженно мыслятъ; по ихъ сухимъ и отрывочнымъ фразамъ видно, что они волнуются, хоть и прячутъ другъ отъ друга эти свои волненія; по ихъ притворному смѣху и напускной веселости и вообще по ихъ нестройнымъ и нервнымъ движеніямъ видно, что кровь у нихъ течетъ быстрѣе обыкновеннаго и что это именно обстоятельство и имѣетъ для нихъ какую-то втягивающую и увлекающую силу. Что-же оказывается при внимательномъ наблюденіи? Оказывается, что просто корысть — деньги составляютъ тотъ секретъ въ которомъ заключается обаятельная сила карточной игры. Оказывается, что это вѣрно не по отношенію только къ страстнымъ и записнымъ игрокамъ, но къ играющимъ вообще. Возражать противъ этого

кажется трудно. Ибо кто же видалъ, чтобы люди засидѣлись за картами, когда игра идетъ безденежная? Увлекаетъ и волнуетъ людей непремѣнно интересъ, хоть ничтожный, копѣечный, а все же интересъ. Съ исчезновеніемъ этой копѣйки, пропадаетъ и весь интересъ игры и карты бросаются, какъ вещь сама въ себѣ ни къ чему ненужная и безполезная. Не всѣ конечно играющіе суть игроки и не всѣ играютъ съ корыстною жаждою пріобрѣтенія; но несомнѣнно то, что во всякомъ человѣкѣ даже и некорыстномъ, когда онъ садится за карты, загорается, — такъ въ видѣ незамѣтной и чуть-чуть тлѣющей искорки,—желаніе выиграть и нежеланіе проиграть, по той естественной причинѣ, что первое пріятнѣе послѣдняго. Судя по характеру и по цѣнности игры, эта искорка можетъ усилиться и иногда весьма ярко и неожиданно вспыхнуть, чтобы потомъ опять исчезнуть до новаго возбужденія. На такія вспышки человѣческая натура, какъ извѣстно, весьма способна. А давайте имъ, этимъ вспышкамъ хотя изрѣдка пищу, и человѣкъ будетъ уже искать случаевъ, гдѣ-бы поиграть! Изъ всего этого выходитъ наружу та несомнѣнная хоть съ перваго раза и незамѣтная можетъ быть истина, что карточная игра даже въ самомъ простомъ и, такъ сказать, невинномъ своемъ видѣ, содержитъ въ себѣ вредное начало, и что если карточное удовольствіе разложить на его составные элементы, то на днѣ и въ основаніи его получаются деньги и корысть; а подобнаго рода удовольствія едва ли можно назвать достойными человѣка...

Есть и еще признакъ, или условіе, ради котораго за человѣческими удовольствіями и увеселеніями можно признать извѣстную долю добраго и воспитательнаго значенія. Признакъ этотъ состоитъ въ томъ, дабы удовольствіе имѣло характеръ временнаго отдыха и дабы оно столько брало у человѣка времени отъ его серьезныхъ обязанностей, сколько именно нужно для возстановленія его нравственно-духовныхъ силъ, утомленныхъ серьезными трудами и работой. Въ противномъ случаѣ, т. е. если забавы и развлеченія, въ чемъ бы онѣ ни состояли, будутъ поглощать у человѣка значительную и можетъ быть лучшую часть его времени; если для этихъ забавъ и развлеченій человѣкъ

будетъ урѣзывать время отъ своихъ прямыхъ и серьезныхъ обязанностей; если онъ съ волненіемъ и нетерпѣливымъ безпокойствомъ дожидается тѣхъ завѣтныхъ минутъ, когда онъ можетъ предаться своимъ любимымъ забавамъ и удовольствіямъ, — въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякое нравственное значеніе этихъ забавъ и удовольствій, ибо онѣ дѣлаются цѣлью человѣческой жизни, тогда какъ имъ нужно бы только быть средствомъ для наилучшаго и многоплоднаго перенесенія серьезныхъ жизненныхъ трудовъ и работъ. Всѣмъ время, и время всякой вещи *подъ небесемъ*, говоритъ премудрый, *время плакати и время смѣятися, время рыдати и время ликовати* (Еккл. III, 1. 4). На этомъ основаніи не только страстно преданнаго забавамъ и удовольствіямъ человѣка, но и любящаго ихъ нѣсколько болѣе надлежащаго, мы уже не назовемъ человѣкомъ вполнѣ серьезнымъ, не назовемъ истиннымъ и вѣрнымъ служакой, и справедливо; ибо въ его времяпрепровожденіи есть уже нѣкотораго рода измѣна долгу, есть недобрые задатки, ибо время—свой наилучшій и драгоцѣннѣйшій капиталъ—этотъ человѣкъ способенъ размѣнивать на фальшивыя и малоцѣнныя вещи. Попробуемъ приложить эти общія и безспорно истинныя разсужденія къ карточной игрѣ. Что же, много она беретъ у насъ времени, или нѣтъ? Пусть каждый спроситъ объ этомъ у своей совѣсти. Дѣло такого рода, что произнести объ немъ какія нибудь общія и рѣшительныя заключенія, которыя были бы вѣрны и имѣли бы значеніе по отношенію къ каждому изъ насъ въ отдѣльности, здѣсь не возможно. Но есть однакоже нѣкоторыя весьма замѣтныя и крупныя явленія въ нашей общественной и домашней жизни, по которымъ можно судить о громадномъ количествѣ времени, гибнущаго въ пользу карточной игры. Къ такимъ явленіямъ можно напримѣръ отнести тѣ многочисленные въ году такъ называемые клубные дни, или точнѣе клубные вечера, длящіеся обыкновенно до полуночи, а иногда и далеко заполночь, и приносимые весьма и весьма часто почти исключительно въ жертву карточной игрѣ. Живой обмѣнъ мыслей о равныхъ общественныхъ явленіяхъ и политическихъ вопросахъ, взаимная и поучительная передача мыслей и чувствъ въ дружеской

и откровенной бесѣдѣ—все это оказывается для большей части клубныхъ членовъ только благовидными предлогомъ и отвлеченною цѣлію, красиво стоящею во главѣ клубныхъ правилъ и постановленій. Въ истинѣ же люди тутъ другой имѣютъ умыселъ и другія преслѣдуютъ цѣли. Собираются въ большинствѣ случаевъ просто за тѣмъ, чтобы убить время, и дѣйствительно убиваютъ его безпощадно за игрой. О клубныхъ карточныхъ подвигахъ ведутся потомъ оживленные разсказы и внѣ клубовъ. Пусть же каждый клубный членъ сосчитаетъ тѣ случаи, когда ему приходилось возвращаться домой въ глухое полночное время, а иногда и при свѣтѣ утренней зари, съ болью въ поясницѣ, съ ослабленными нервами, съ вялыми и красными глазами и съ воображеніемъ, переполненнымъ карточными сценами; пусть сложитъ вмѣстѣ все время, проведенное такимъ образомъ въ продолженіе года, и тогда окажется, какая огромная масса времени затрачивается на игру, и какое количество дѣлъ самыхъ серьезныхъ, важныхъ и наиполезнѣйшихъ могъ бы каждый надѣлать за это время!

Но не менѣе тратится времени на игру и въ домашнихъ собраніяхъ. Эти собранія бываютъ, какъ извѣстно, весьма часты и многочисленны. Можно сказать вся наша неоффиціальная общественная жизнь идетъ по вечерамъ и ночамъ, когда настаетъ досугъ отъ службы и казенныхъ трудовъ. Люди собираются тогда въ группы и разсыпаются въ гостепріимныхъ семьяхъ своихъ знакомыхъ, родныхъ и друзей. Предварительныя бесѣды о томъ, о семъ, и посыпанныя солью остроумія рѣчи о разныхъ текущихъ событіяхъ дня, скоро истощаются, чувствуется потребность заняться любимымъ карточнымъ дѣломъ,—и вотъ предупредительный хозяинъ, подмѣтивъ это движеніе въ своихъ гостяхъ, разставляетъ завѣтные зеленые столы, и общество оживляется; начинается игра, въ которой принимаютъ весьма охотно участіе и женщины. Эти домашнія игры, такъ же какъ и клубныя, длятся обыкновенно до поздней и глубокой ночи. Если случайно войти въ какой-нибудь изъ нашихъ, ярко освѣщенныхъ среди полунощной тьмы, домовъ, — то не будетъ удивительно, если попадешь на игру и на играющихъ. Если бы и здѣсь можно было сосчитать

все время, приносимое въ жертву демону игры, то какая поучительная и грустная вышла бы статистика!....

Менѣе удивительно, но не менѣе замѣчательно и то явленіе, что наклонность къ игрѣ и жажда карточныхъ удовольствій весьма широко развита даже въ тѣхъ средахъ, которыя не могутъ похвалиться ни особеннымъ избыткомъ досуга, ни житейскими удобствами. Мы сказали, что не особенно удивительно это по сравненію съ высшими и образованными классами; потому-что если эти классы, какъ наиболѣе развитые, могли бы гораздо серьезнѣе и благороднѣе наполнять свое время, и если этого иногда не примѣчается тамъ, то почему же должно примѣчаться въ средахъ менѣе развитыхъ и образованныхъ? Но за то сдѣсь съ особенною, можно сказать, яркостію выступаютъ тѣ горькіе плоды, которые произращаетъ карточная игра. Здѣсь она облекается въ болѣе страстный и задорный характеръ, и ея жалкія удовольствія и волненія покупаются иногда слишкомъ чувствительною и дорогою цѣною для ея любителей. Скудныя средства, добываемыя служебнымъ трудомъ, весьма конечно легко и просто расшатать и уничтожить игрой. Но что потомъ? Потомъ начинаются непріятности и ссоры, дѣлаются долги и отыскиваются разные способы поправить дѣло, употребляются самыя отчаянныя и безразсудныя для сего средства, портящія людямъ иногда всю послѣдующую служебную будущность. Подобные случаи нерѣдкость и въ высшихъ служебныхъ слояхъ; а въ нисшихъ и среднихъ чиновничьихъ—они вещь довольно обыкновенная.

Но, оставя частные случаи и отдѣльныя сцены игры, разнообразящіяся у насъ до безконечности соотвѣтственно разнымъ слоямъ общественнымъ, ихъ вкусамъ и привычкамъ, попробуемъ снова обобщить эти сцены, и поставимъ вопросъ: что значитъ, что удовольствія и забавы пустыя сами по себѣ и мелкія по своему внутреннему содержанію и характеру, въ родѣ напр. карточной игры, могутъ однакоже пріобрѣтать такое сильное и широкое значеніе въ нашемъ обществѣ, и такъ неимовѣрно много поглощать нашего времени? «Праздны вы, праздны!» говорилъ нѣкогда Фараонъ царь египетскій евреямъ, стонавшимъ подъ его тяжелымъ игомъ. Но эти злыя слова могутъ имѣть

надлежащій и полный смыслъ, если приложить ихъ къ нашему времени. Дѣйствительно одолѣваетъ насъ сильно духъ праздности,—тотъ самый, о которомъ церковь словами св. Ефрема Сирина молится, чтобы Господь не далъ его намъ! Этотъ духъ праздности сказывается даже въ той самой суетливой поспѣшности нашей, съ которой мы беремся иногда за рѣшеніе всяческихъ вопросовъ какъ житейскихъ, такъ и общественныхъ и даже научныхъ; строимъ всевозможные планы для созиданія какъ своего личнаго, такъ и общественнаго благоденствія, а между-тѣмъ дѣлъ-то нашихъ всегда выходитъ почему-то далеко меньше, чѣмъ нашихъ словъ и рѣчей. Все приходится намъ подражать и со стороны занимать то добро, о которомъ повидимому мы такъ искренно мечтаемъ и сами. Самодѣятельности и самостоятельной изобрѣтательности у насъ не оказывается. Можетъ быть это именно потому, что мы не охотники трудиться, и не привыкли серьезно работать своею мыслію. Судить и рядить обо всемъ мы любимъ,—но большею частію такъ, чтобъ это было при веселой обстановкѣ, въ обществѣ друзей и пріятелей, въ уютной и удобной гостинной, и даже за карточнымъ столомъ. Даже самыя дѣла благотворительности мы любимъ иногда дѣлать не иначе, какъ веселясь и играючи. Какіе же плоды могутъ созрѣть на такой мелкой и безсодержательной почвѣ? И не диво, что при подобномъ направленіи игры и забавы и всяческія развлеченія сдѣлались у насъ какимъ-то повальнымъ недугомъ времени.

Перенося вопросъ объ играхъ и забавахъ изъ среды общественной жизни въ область религіозную, мы приходимъ еще къ худшимъ заключеніямъ и результатамъ. Если человѣку серьезному и дѣльному въ житейскомъ смыслѣ неестественно наполнять свое время игрою, ибо это признакъ праздности и мелочности, то еще болѣе противоестественно христіанину безпечно тратить время на игорныя удовольствія. Истинный и искренній христіанинъ на каждую минуту своего времени смотритъ какъ на шагъ, приближающій его къ вѣчности. Онъ знаетъ, что цѣною земной жизни, не смотря на ея кратковременность, покупается судьба всей его загробной жизни. Человѣку серьезно

занятому этою мыслію, человѣку заботящемуся о своей душѣ и ея спасеніи и имѣющему, по выраженію Писанія, *печаль яже по Бозѣ*, пойдетъ ли на умъ игра и станетъ ли онъ искать въ ея удовольствіяхъ удовлетворенія своей умственной и нравственной жажды? Такимъ образомъ неумѣренное развитіе игорныхъ наслажденій, свидѣтельствуя о праздности и несерьезности тѣхъ кружковъ, гдѣ они развиты, еще болѣе свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ нихъ крѣпкихъ религіозныхъ началъ, о сустномъ и грѣхолюбивомъ направленіи цѣлаго строя жизни. Мы не то хотимъ сказать этимъ, чтобы съ картами соединялось что нибудь особенно преступное и безнравственное, или антихристіанское по самому существу ихъ, — онѣ слишкомъ ничтожны для этого; но онѣ могутъ служить вывѣскою, или однимъ изъ признаковъ внутренняго содержанія въ человѣкѣ. Кто-то справедливо замѣтилъ: «скажи, съ кѣмъ ты знаешься, и я скажу, каковъ ты!» Но кажется еще справедливѣе выразиться такъ: «скажи, чѣмъ ты занимаешься и въ чемъ ты находишь свои удовольствія, и я скажу тебѣ, высокой ли цѣны все внутреннее содержаніе твое!» Такъ вотъ, если св. церковь плачетъ и поетъ въ своихъ храмахъ покаянныя пѣсни, если она призываетъ къ посту и прочимъ подвигамъ благочестія своихъ вѣрныхъ чадъ; а люди—какъ и всегда — садятся за карточные столы и безпечно проводятъ свои вечера въ игрѣ и веселомъ празднословіи, то не значитъ ли это, что сіи люди не имѣютъ духа Христова, и не суть чада церкви? А по выраженію Апостола— кто духа Христова не имѣетъ, тотъ (страшно сказать!) и не Его, не Христовъ (Рим. VIII, 9)! Чей же?!?...

Не подумать ли объ этомъ серьезнѣе? Дни наши незамѣтно бѣгутъ за днями. Неуловимое и лукавое время потихоньку проводитъ морщину за морщиной на нашихъ лицахъ. Мы и не примѣтимъ, какъ чувства наши то одно — то другое слегка начнутъ измѣнять намъ, а организмъ станетъ разстраиваться, — и наступитъ пора, когда потребуютъ отъ насъ отчета въ прожитой жизни, когда придется стоять на праведномъ судѣ Божіемъ и съ трепетомъ ждать рѣшенія своей судьбы. Чѣмъ тогда защититься, на что сослаться въ свое оправданіе?! Отрезвимся же,

пока есть время. Съ чувствомъ раскаянія отзовемся на голосъ церкви, зовущей насъ ко спасенію. Се нынѣ время благопріятно,—время поста, слезъ и самоуглубленія!... Дадимъ же святой обѣтъ пересмотрѣть тщательно свою жизнь и благоустроить ее на новыхъ христіанскихъ началахъ. Съ этими благочестивыми мыслями помолимся и о государѣ нашемъ, да поможетъ ему Господь устроить на этихъ же христіанскихъ началахъ и всю нашу жизнь общественную и государственную. Аминь.

СЛОВО

въ день Успенія Божіей Матери *).

(15 августа 1874 г.).

Изъ многихъ боголѣпныхъ качествъ матери Господней, блистающихъ подобно лучезарнымъ звѣздамъ въ ея дивномъ и таинственномъ образѣ, хотимъ мы взять одно изъ этихъ ея качествъ для своего слова предъ вами, благочестивые слушатели, въ нынѣшній праздникъ. Пришло намъ на мысль ея благоговѣйное погруженіе въ божественныя письмена закона Божія и неослабное прилежаніе къ изученію священныхъ книгъ, которыя—какъ гласитъ преданіе—были обыкновеннымъ и самымъ любимымъ ея занятіемъ не только въ ранніе годы ея юности и во время воспитанія при храмѣ Іерусалимскомъ, но и во всю послѣдующую жизнь ея. Воспоминаніе это возникло у насъ отчасти по поводу словъ Господнихъ, которыми онъ отвѣтилъ на хвалебный возгласъ въ честь его матери: *блаженно чрево, носившее тя,* Господи, *и сосца, яже еси ссалъ. Онъ же рече: тѣмже убо блаженни слышащіи слово Божіе, и хранящіи е* (Лук. XI, 27. 28). Извѣстно, что самою усердною слушательницею воплощеннаго Бога-Слова была его пречистая матерь, которая—какъ говоритъ евангеліе—*соблюдаще вся глаголы* его *въ сердцы своемъ* (Лук. I, 51). А съ другой стороны по противополо-

*) Напечатано въ 19-мъ №. «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1874 г.

женію остановилась мысль наша на томъ, что мы видимъ въ настоящее время въ своей средѣ. Вспомнилась намъ эта усилившаяся повсюду жажда разнородныхъ знаній и въ тоже время холодность и равнодушіе къ познанію божественныхъ и священныхъ вещей. Вздумалось намъ про эту широкую потребность книжнаго чтенія, которая сдѣлалась обыкновенною и насущною потребностію если не всѣхъ грамотныхъ, то по крайней мѣрѣ образованныхъ и развитыхъ классовъ общества, и которую однакоже стремятся удовлетворять все только однимъ родомъ чтенія, именно одною только свѣтскою литературою. И рѣшились мы остановиться на этомъ характерномъ стремленіи нашего времени, чтобы вопервыхъ оцѣнить его предъ вами и взвѣсить по достоинству; а потомъ, если Господь поможетъ, и дать ему нѣсколько иное и лучшее направленіе.

Книги, — это самая многосторонняя наша школа, это самое широкое и вліятельное общество, гдѣ мы сталкиваемся со всевозможными личностями, слушаемъ разнохарактерныя рѣчи, наблюдаемъ тысячи всевозможныхъ явленій и испытываемъ самыя разнородныя ощущенія, все равно что въ живомъ обществѣ. Но находясь въ живомъ обществѣ, человѣкъ, какъ членъ его, по необходимости принужденъ бываетъ наблюдать за самимъ собою, взвѣшивать свои слова и провѣрять свои мысли, а иной разъ говорить лишь для того, чтобы поддержать и наполнить разговоръ, мыслить вслухъ и напоказъ, и значитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ тратить задаромъ время для своего внутренняго развитія. Между тѣмъ усаживаясь за книгу, человѣкъ спокойно отрѣшается отъ всего окружающаго, ему здѣсь нѣтъ нужды слѣдить за собою; онъ только и дѣлаетъ, что воспринимаетъ предлагаемую ему умственную пищу и беззаботно переживаетъ то, что заставляетъ испытывать читаемая книга. Возбуждаемый книгою, онъ самъ усиленно мыслитъ и чувствуетъ, созидаетъ надосугѣ свои идеалы, и вообще переживаетъ лучшія, или по крайней мѣрѣ самыя завѣтныя и сокровенныя минуты своей жизни. И если эта книга почему нибудь интересна и пріятна, онъ рѣшительно можетъ забыть для нея все. Такимъ-то образомъ незамѣтно зрѣютъ человѣческія убѣжденія, накопляются знанія, пріобрѣтается опытность и складывается образъ

мыслей, и совсѣмъ этимъ человѣкъ является въ обществѣ уже, какъ готовая и сформировавшаяся личность, которую остается только иной разъ нѣсколько упорядочить и научить нѣсколькимъ условнымъ пріемамъ. Припомнимъ изъ своего собственнаго опыта, какую чарующую силу нѣкогда имѣли на насъ книги, и какъ много до сихъ поръ мы черпаемъ изъ нихъ всякаго научнаго и умственнаго матеріала!... И весь этотъ матеріалъ, поглощаемый нами, конечно не пропадаетъ даромъ, а оставляетъ свой слѣдъ въ душѣ и кладетъ—хотя незримо—свою печать на нашемъ душевномъ строѣ и на нашемъ характерѣ.

Дадимъ же теперь нѣкоторый отчетъ себѣ въ томъ, что мы читаемъ, и пересмотримъ свои книги. Книгъ, назначаемыхъ для извѣстнаго рода лицъ, или такъ называемыхъ спеціальныхъ и ученыхъ книгъ, мы въ расчетъ не будемъ брать: такихъ книгъ немного и важны собственно не онѣ. Важно то, чѣмъ удовлетворяется вкусъ читающаго большинства, какія книги читаются на-досугѣ для удовольствія и развлеченія и вообще для наполненія своего времени. Оказывается, что послѣ газетъ все вниманіе читающей и образованной публики поглощается такъ называемою изящной свѣтской литературой и журналистикой. Но и въ журналахъ прежде всего прочитываются легкія стихотворенія, посыпанныя солью остроумія, журнальные листки и хроники, изрѣдка статьи научнаго интереса, но болѣе и усерднѣе всего читается обширнѣйшій и разнообразнѣйшій отдѣлъ повѣстей, драмъ, комедій и романовъ. Ихъ читаютъ съ жадностію и безъ-устали и недозрѣлые люди, и молодыя дѣвицы, и матери семействъ, и серьезные служащіе люди. Это впрочемъ и понятно. Для того, чтобы читать ученыя статьи, а въ особенности для того, чтобы находить удовольствіе въ этомъ чтеніи, нужна большая или меньшая подготовка и извѣстная степень образованности и зрѣлости. Между тѣмъ изящныя словесныя произведенія, игривая и веселая журналистика доступны почти всѣмъ и заманчивы сами по себѣ, по своему обыденному интересу, по своей игривой и легкой формѣ. Притомъ же во всемъ этомъ есть нѣкоторый и особенный интересъ преимущественно для молодости. Произведенія изящной литературы затрогиваютъ самымъ чувствительнымъ об-

разомъ тѣ нѣжныя струны и идеалы, которыми переполнена бываетъ молодая душа. Послѣ этого не мудрено, что такъ обаятельно дѣйствуетъ на юность художественнымъ словомъ построенная картина жизни со всѣми ея тайнами, со всѣми темными и свѣтлыми ея сторонами. Но и люди зрѣлые любятъ подчасъ отрѣшиться отъ своихъ будничныхъ работъ и обязанностей, вспомнить прошлое и пережитое и помечтать о будущемъ. Въ подобныхъ случаяхъ и состояніяхъ и у нихъ непремѣнно увидишь какую-либо книгу въ родѣ повѣсти, или романа.

Всѣ эти явленія изъ нашей обыденной жизни выводимъ мы и рисуемъ предъ вами не затѣмъ, чтобы только порицать ихъ, или громить церковнымъ запрещеніемъ. Уже по одному тону нашей рѣчи вы можете усмотрѣть это. То, что есть въ этихъ явленіяхъ натуральнаго, законнаго и безвреднаго, мы признаемъ и принимаемъ, и если бы напр. вамъ пришло на умъ, что мы воспрещаемъ совершенно, т. е. для всѣхъ и навсегда, чтеніе свѣтской литературы и находимъ въ ней одинъ только грѣхъ и развращеніе, то вы бы ошиблись и лишь обнаружили бы предзанятый взглядъ на насъ и односторонніе понятія о томъ, что должно и что не должно, что можно и чего нельзя. Если бы было здѣсь умѣстно и если бы въ томъ была наша прямая обязанность, то мы охотно бы выяснили ту плодотворную и образующую сторону свѣтской литературы, которая несомнѣнно въ ней есть. Послушайте же и то, что мы обязаны сказать и разъяснить вамъ объ этомъ предметѣ по прямому пастырскому долгу. Вопервыхъ мы можемъ и должны указать на монотонность и однообразіе вашего чтенія. Все повѣсти и драмы, романы и стихотворенія, все свѣтское, развлекающее и житейское. Зачѣмъ же забывать, что есть другая необыкновенно широкая и наиважнѣйшая область духовныхъ интересовъ, которые должны быть близки и родственны не только всякому православному христіанину, но и всякому мыслящему существу? Развивая свои знанія все только въ одномъ направленіи и практикуя свой вкусъ лишь въ одной области литературы, хотя бы и изящной, можно развить въ себѣ полнѣйшее равнодушіе ко всему, что касается души и неба, и потерять всякій вкусъ къ духовному. А какъ же вы назовете

это печальное явленіе, эту односторонность развитія, какъ не безпорядкомъ и неустройствомъ? Это своего рода тупость и неразвитость; это нѣкоторое уродство. Какъ будто изящное только тамъ, гдѣ плоть и кровь, какъ будто вся область прекраснаго должна ограничиваться для человѣка тѣснымъ кругомъ его земныхъ ощущеній и образовъ?!... Напротивъ, не тамъ ли самые свѣтлые идеалы и самыя возвышенныя ощущенія, гдѣ наша душа соприкасается съ небомъ, т. е. въ области религіи? И не тѣ ли знанія наилучшей цѣны, которыя просвѣтляютъ для человѣка дорогу къ нравственному совершенству и приближаютъ его къ Богу? Приглашаемъ васъ самихъ произнести судъ о слѣдующихъ напр. явленіяхъ. Вотъ молодой человѣкъ, или даже зрѣлый какой нибудь мужъ, любуется прекрасной рафаэлевской—по западному—Мадонной, а не имѣетъ отчетливыхъ понятій о самой личности матери Господней и о догматѣ воплощенія Христа Спасителя. Вотъ юная дѣвица таетъ отъ удовольствія, сидя въ театрѣ и любуясь сценическими представленіями, а между тѣмъ безъ утомленія и скуки не можетъ простоять и одной божественной службы. Вотъ иной усердный поклонникъ поэзіи знаетъ наизусть цѣлые длинные отрывки изъ любимыхъ авторовъ и поэтовъ, а не знаетъ ни одного псалма и даже не бралъ въ руки библіи. Вотъ иная читательница изящныхъ литературныхъ произведеній то гнѣвно волнуется, встрѣчаясь съ описаніями порока,—то умиляется, встрѣчаясь съ рыцарскими характерами добродѣтельныхъ героевъ и даже льетъ слезы, поддаваясь мастерству литератора—художника, а между тѣмъ въ собственной жизни еще не успѣла пріучить себя ни къ одной добродѣтели, и даже брезгливо отъ нея отворачивается, если она является въ суровой и нѣсколько неопрятной формѣ. Вотъ иной образованный и гостинный человѣкъ только и повторяетъ, что имена извѣстнѣйшихъ литераторовъ и писателей свѣтскихъ, а не умѣетъ назвать ни одного изъ писателей и литераторовъ духовныхъ не только древнихъ, но и новѣйшихъ и даже современныхъ, и въ библіотекѣ его можно найти все, даже многое непотребное, только ни одной солидной и духовной книги. Какъ хотите, а это ненатуральное и грустное явленіе въ христіанскомъ обществѣ. Не отъ того ли и

страдаетъ такою мелкотою и чувственнымъ взглядомъ на вещи наше время, такою неразсудительностію и порывами къ мечтамъ и фантазіямъ и въ тоже время такимъ отсутствіемъ энергіи въ дѣлахъ серьезныхъ и на поприщѣ нравственно-духовной жизни, что обычная умственная пища нашего читающаго большинства слишкомъ односторонняго, чувственнаго и свѣтскаго характера?! Право иной разъ жалко видѣть, съ какою серьезностію и самоуслажденіемъ усаживаются люди за чтеніе какого нибудь длиннаго-предлиннаго и прославленнаго романа, отличающагося-де глубокимъ изслѣдованіемъ души человѣческой и самыми возвышенными и нравственными идеями, а между тѣмъ и не подозрѣваютъ, что вся сила-то для нихъ заключается просто въ наслажденіи, что не поучительная или просвѣтительная сторона этой книги всего болѣе имъ нравится, а именно художественная и пріятно развлекающая. Начитавшись такихъ книгъ, люди готовы считать себя за это даже образованными, не подозрѣвая малоцѣнности пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, не замѣчая односторонности своего вкуса, неправильности и неполноты своего умственнаго развитія.

Но не въ этомъ еще собственно бѣда. Есть другая не просто только мелкая, но вредная и грѣшная сторона въ исключительной привязанности къ свѣтской литературѣ и въ особенности къ такъ называемой изящной литературѣ. Кому изъ грамотныхъ и читающихъ людей не извѣстно, около чего обыкновенно вертится это литературное изящество? Найдете ли хоть одну повѣсть, или романъ, или даже легонькій литературный очеркъ, темой котораго или, какъ говорятъ, завязкой не была бы чувственная любовь между двумя полами? Въ какую изящную и прекрасную одежду ни наряжайте это чувство, положимъ — естественное и законное въ своемъ основаніи, но грѣшная и плотская сторона его непремѣнно возьметъ свое надъ читателемъ или надъ читательницею, особенно если они въ такой порѣ, когда это чувство уже сказывается въ нихъ само собою. Но наши литераторы и не хлопочутъ особенно о томъ, чтобы устранить, прикрыть или одухотворить то, что можетъ быть соблазномъ для ихъ читателей. Да это даже и весьма трудно по ихъ задачѣ и по ихъ роду пись-

менности. Сколько есть извѣстнѣйшихъ и притомъ мастерскихъ и художественныхъ литературныхъ произведеній, которыя именно и отличаются особенною чувственностію своихъ героевъ и героинь и сальностію сценъ. Попробуйте же уберечь своихъ дѣтей и воспитанниковъ и вообще читающее юношество отъ этихъ книжекъ! Да и вообще, что вы можете смѣло и безбоязненно предложить ему для чтенія изъ этого наиобширнѣйшаго и любимаго отдѣла свѣтской литературы? Очень мало. Какъ ни выбирайте, какъ ни просѣевайте свѣтское литературное изящество, а оно все-таки окажется съ грязцой; а извѣстно, что при самой осторожной ходьбѣ по грязной улицѣ хоть капелька грязи да попадетъ на одежду. Вотъ къ чему сводится правдивое и заключительное слово о пристрастіи къ свѣтскому литературному чтенію. Надо быть уже опытнымъ, зрѣлымъ и искушеннымъ человѣкомъ, чтобы съ пользою заниматься этимъ чтеніемъ и безвредно проглатывать тѣ сладкія части яда, которыя въ немъ разсѣяны и скрыты во множествѣ. Но и не романы только и повѣсти, а и всѣ свѣтскія книги, даже серьезныя и ученыя, съ какою осторожностію и съ какою мудрою критикою надобно читать! Не говоря уже о писателяхъ, вредныя и неблагонамѣренныя идеи которыхъ слишкомъ прозрачны и понятны для мало-мальски толковаго читателя, сколько есть такихъ писателей, которые, не выработавъ себѣ ясныхъ и зрѣлыхъ идей, говорятъ истину пополамъ съ ложью, хорошее смѣшиваютъ съ дурнымъ, вредное съ полезнымъ, — но говорятъ и пишутъ вообще очень логично, красиво и даже увлекательно. Надобно имѣть особаго рода проницательность, нѣкоторую христіанскую подготовку и своего рода нравственный закалъ, чтобы не обольститься этою разнородною смѣсью учености, съумѣть отличить въ ней истину отъ лжи и извлекать, подобно пчелѣ, однѣ только полезныя и благодѣтельныя начала на обширномъ и пестромъ цвѣтникѣ свѣтской литературы.

Такимъ образомъ вы сами можете усмотрѣть, что настоитъ вамъ неотложная нужда ввести въ свое чтеніе новую и свѣжую струю чтенія духовнаго и религіозно-нравственнаго, дабы съ одной стороны предохранить себя отъ узкости въ понятіяхъ и односторонности умственнаго направленія, а съ другой и освѣ-

жать время отъ времени свою душу, непрестанно волнуемую все житейскими и земными интересами,—зажечь и воспламенить въ себѣ святую искру религіи и страха Божія. Предлагаемъ вамъ и нѣкоторыя руководственныя указанія и правила въ этомъ важномъ дѣлѣ.—Духовное чтеніе, подобно свѣтскому, можетъ быть двухъ родовъ: одно чтеніе серьезное, съ преимущественною цѣлію назиданія и освященія, другое болѣе легкое чтеніе можетъ быть просто для удовольствія и для удовлетворенія любознательности. Къ первому роду должно относиться чтеніе слова Божія, т. е. священнаго Писанія и твореній богомудрыхъ отцовъ и учителей церкви. Въ каждомъ христіанскомъ и грамотномъ домѣ непремѣнно должна быть святая библія, которая, къ слову сказать, почти вся теперь переведена на доступное и понятное для всѣхъ русское нарѣчіе. Кажется и говорить-то бы не слѣдовало объ этой первѣйшей надобности имѣть библію въ домѣ. А между тѣмъ какъ многимъ изъ здѣсь стоящихъ пришлось бы можетъ быть покаяться, что въ ихъ домѣ не имѣется не только полнаго экземпляра библіи, но и ниодной священной книги?! Не грустно ли это въ самомъ дѣлѣ!! Запасшись свящ. Писаніемъ, надо поставить непремѣнною своею обязанностію прочитывать изъ него каждый день хоть по немногу,—всего лучше утромъ, исходя на дѣланіе свое до вечера. Пусть это чтеніе будетъ частью или продолженіемъ нашей утренней молитвы. Много и долго покажется прочитать цѣлую главу, прочитайте полглавы. Если и это много, прочитайте хоть нѣсколько стиховъ. Неужели и для этого не достанетъ досуга и охоты? Быть не можетъ! Лишь бы было доброе намѣреніе. А между тѣмъ утреннее чтеніе слова Божія, поскольку кому будетъ удобно, внесло бы освященіе въ дѣла наши, и можетъ быть переестроило бы незамѣтно всю нашу грѣшную и многомятежную жизнь, и сообщило бы ей новый и святой характеръ. То же правило соблюдайте и относительно чтенія твореній отцовъ и учителей церкви: поскольку кому будетъ удобно, отдѣляйте изъ своего досуга нѣсколько времени на это возвышенное чтеніе. Опытные люди дѣлаютъ это такъ: выбравъ извѣстное твореніе отеческое, или нѣкоторый отдѣлъ изъ него, или даже одно болѣе извѣстное

мѣсто изъ какого либо отца или учителя церкви, они назначаютъ себѣ срокъ, къ которому непремѣнно рѣшаются прочитать выбранное. Недосугъ нынче читать,—завтра нѣсколько прочтутъ; недосугъ и завтра,—читаютъ въ другое время, но непремѣнно доведутъ до конца предположенное. Такъ можно рекомендовать и вамъ поступать съ чтеніемъ серьезнымъ.

Но есть, какъ мы сказали, чтеніе хотя и духовное, но болѣе легкое и пріятное съ ближайшею цѣлію доставить себѣ нѣкоторое нравственное удовольствіе, или удовлетворить весьма естественной и законной любознательности по разнымъ богословскимъ, церковнымъ и нравственно-религіознымъ вопросамъ. Для такого чтенія можно указать собственно духовные журналы. Содержаніе ихъ въ настоящее время такъ обильно, интересно и разнообразно, что каждый можетъ найти въ нихъ чтеніе по своему вкусу. Да и самая внѣшность, т. е. литературная отдѣлка статей отличается не меньшимъ изяществомъ и красотою, чѣмъ статьи въ свѣтскихъ журналахъ, такъ что иная духовная книжка была бы не только полезною, но весьма приличною и умѣстною вещію въ кабинетѣ образованнаго и благовоспитаннаго человѣка. Если же при всемъ томъ наши духовные журналы рѣдко встрѣчаются у читающихъ людей не духовныхъ, то это по той же причинѣ, отъ чего и всякое духовное чтеніе у насъ вообще не въ ходу, не въ обычаяхъ и не въ модѣ, т. е. по безвкусію, или по односторонности вкуса, направленнаго къ одному свѣтскому чтенію, вѣрнѣе же сказать—по недуховности и чувственности нашей читающей публики.

Примите же въ расчетъ и соображеніе наше слово относительно изложеннаго предмета. Не къ тому конечно все это мы говорили, чтобы только похулить ваше чтеніе, а похвалить свое,—свидѣтельствуемся вами въ своемъ безпристрастіи. Здѣсь и на этомъ мѣстѣ можно имѣть въ виду только одно, это вашу духовную пользу и спасеніе вашей души. Господь и Его пречистая Матерь да помогутъ вамъ! Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ владимірской гимназіи въ день храмоваго праздника св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго *).

(23 ноября 1874 года).

Плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе.... (Галат. V, 22, 23).

Я хочу, дѣти, остановить ваше нарочитое вниманіе на сихъ примѣчательныхъ словахъ св. апостола Павла, которыя церковь предлагаетъ въ назиданіе всѣмъ православнымъ христіанамъ въ настоящій день, посвященный памяти св. благов. и велик. кн. Александра Невскаго. Апостолъ исчисляетъ тѣ прекрасные плоды, которыми сопровождается правильное развитіе человѣческаго духа, и по которымъ безошибочно можно узнать, въ какомъ человѣкѣ и даже въ какомъ обществѣ это развитіе идетъ успѣшно, и въ какомъ нѣтъ. Главная и существенная цѣль всѣхъ вашихъ учебныхъ трудовъ и вашего пребыванія въ школѣ есть, какъ извѣстно, правильное и стройное развитіе вашихъ силъ духовныхъ; равно какъ и завершительная цѣль всѣхъ нашихъ стараній и усилій насчетъ васъ, это—указать вамъ надлежащій путь къ вашему духовному развитію, поставить и укрѣпить васъ на этомъ пути, дабы потомъ вы сами, когда выдете изъ подъ нашей опеки, могли самостоятельно держаться на немъ и съ успѣхомъ продолжать свое движеніе по сему благому пути. Значитъ и для насъ и для васъ весьма важно знать и видѣть, есть-ли какой успѣхъ въ нашихъ усиліяхъ? И можно ли примѣтить въ васъ появленіе, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые задатки тѣхъ прекрасныхъ плодовъ, которыми характеризуется по Апостолу надлежащее духовное развитіе. Прислушайтесь же къ словамъ Апостола: *плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долго-*

*) Напечатано въ 24 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1874 г.

терпѣніе, *благость*, *милосердіе*, *вѣра*, *кротость*, *воздержаніе!*... Какіе, въ самомъ дѣлѣ, прекрасные и благовонные плоды! Нарисуйте въ своемъ воображеніи человѣка любящаго, кроткаго, трудящагося, терпѣливаго, вѣрующаго, сострадательнаго, воздержнаго, непрестанно радостнаго и благодушнаго: какой свѣтлый и привлекательный образъ! И въ то же время какой сильный и могучій образъ! И замѣтьте, какъ всѣ эти привлекательныя и блестящія черты нравственнаго совершенства родственны тому именно возрасту, въ которомъ находитесь пока вы. Какъ будто бы Апостолъ, рисуя богоподобный идеалъ самаго лучшаго человѣка въ мірѣ, имѣлъ въ мысли именно правильно развивающееся дитя. Да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ; ибо и самъ Спаситель сказалъ: *аще не обратитеся, и не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. XVIII, 3). И въ самомъ дѣлѣ чья душа всего способнѣе любить, вѣровать и смиряться, какъ не душа благонравнаго дитяти? Чье сердце доступнѣе состраданію, дружественнымъ и безкорыстнымъ чувствамъ, и чья воля способнѣе на самоотверженіе и энергическій трудъ, какъ не воля благороднаго юноши? Растлѣнный свѣтъ съ его гнилыми и любострастными обычаями, съ которыми поминутно приходится сталкиваться людямъ уже извѣдавшимъ жизнь, не можетъ произращать тѣхъ прекрасныхъ райскихъ плодовъ, которые исчисляетъ Апостолъ и которые такъ успѣшно произрастаютъ въ невинномъ дѣтствѣ и чистой юности! Что же, дѣти, если бы пригласили васъ приноровить къ себѣ апостольскій идеалъ правильнаго развитія духовнаго и сравнить его съ собою, по нему провѣрить вашъ душевный строй, ваши убѣжденія и ваши привычки,—нашли-ли бы вы въ себѣ нѣкоторый образъ и подобіе сего святаго и христіанскаго идеала? Предоставляемъ это вашей собственной совѣсти. Мы же ни хвалить, ни порицать васъ не хотимъ. Порицать не имѣмъ поводовъ по благоприличію вашего внѣшняго поведенія вообще, на сколько оно намъ извѣстно. Хвалить же опасаемся, ибо извѣстное дѣло, что по внѣшности судить окончательно нельзя, а вашъ внутренній душевный міръ вполнѣ извѣстенъ только вамъ, то есть вашей совѣсти, да сердцевѣдцу Богу. Одного хотѣлось бы намъ, это

воспламенить въ вашемъ сердцѣ любовь къ святому и чистѣйшему идеалу нравственнаго совершенства, который рисуетъ намъ св. Апостолъ Павелъ, и воодушевить васъ на то, чтобы святость сего идеала вы искали усвоить сердцемъ и осуществить въ жизни; ибо дѣйствительно болѣе высокаго, болѣе чистаго и святаго идеала нигдѣ нельзя найти и изобрѣсть невозможно. Но какъ овладѣть этимъ идеаломъ,—вотъ въ чемъ тайна! Гдѣ взять силъ и средствъ, чтобы себя возвысить до него, — вотъ въ чемъ существенный вопросъ и задача не только вашей, но и вообще человѣческой жизни. Не сомнѣваемся, что въ васъ горитъ святая искра любви къ добру, да и вообще натура человѣческая ищетъ и жаждетъ его по самому существу своему, и всѣ мы грѣшные непрочь умилиться душою и съ благоговѣніемъ преклонить колѣна предъ священнымъ образомъ добродѣтели, рисуетъ ли его наше собственное сердце и совѣсть, или же законъ Божій. Это самая лучшая и дорогая блесточка образа Божія, уцѣлѣвшая въ нашей падшей и испорченной природѣ. Но какъ нерѣдко эта блесточка совсѣмъ тускнѣетъ и пропадаетъ въ разномъ хламѣ страстей и пороковъ, совершенно засоряющихъ человѣческое сердце! Не дай Богъ, чтобы съ кѣмъ нибудь изъ насъ это случилось! Итакъ хотите ли знать, какъ зрѣетъ въ человѣкѣ плодъ духовный, что мѣшаетъ и благопріятствуетъ его созрѣванію? Послушайте того же Апостола Павла!

Обратите вниманіе, что исчисливши вышеозначенныя качества человѣка, правильно развивающагося по духу, какъ-то: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, вѣру, кротость и проч., Апостолъ называетъ все это *плодомъ* духовнымъ, а извѣстно, что плодъ является уже послѣдствіемъ многихъ предварительныхъ работъ и растительныхъ процессовъ. Нужно, чтобы приготовлена и удобрена была почва, на которой посажено растеніе,—нужно, чтобы оно прежде выросло и расцвѣло, а потомъ уже и можно отъ него ждать и плода. Точно то-же бываетъ и съ нашею душою. Нужно предварительно заняться ею, не мало походить и усердно похлопотать около нея, а потомъ уже откроется надежда и плоды пожинать. Вотъ эти-то предварительныя хлопоты Апостолъ и обозначаетъ своими дальнѣйшими богодухновенными словами: *а*

иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Галат. V, 24). Болѣзненное и прискорбное для нашего самолюбія распинаніе плоти съ ея страстями и похотями, — вотъ всеобщая, неизбѣжная и единственно вѣрная мѣра къ тому, чтобы человѣческое сердце и душу сдѣлать способными къ произрастанію истинныхъ, а не фальшивыхъ плодовъ духовныхъ. Люди, не имѣющіе христіанскихъ понятій о душѣ человѣческой и не желающіе знать печальной исторіи паденія и испорченности нашей природы, проповѣдуютъ разныя неосновательныя и обманчивыя теоріи воспитанія. Имъ кажется, что достаточно при свѣтѣ науки разъяснить и указать человѣку, что хорошо и что дурно, а тщательнымъ воспитаніемъ развить въ немъ живое сознаніе долга и нравственныхъ обязанностей, и человѣкъ будетъ хорошъ. О нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Никакое разъясненіе долга и нравственныхъ обязанностей не дастъ человѣку силъ исполнять эти обязанности, и никакое самое прекрасное и самое тщательное воспитаніе не сбережетъ его отъ нравственнаго растлѣнія, если человѣкъ не получитъ благодатнаго освященія свыше, если не возродится онъ водою и духомъ и не пройдетъ болѣзненной школы распинанія своей плоти съ ея страстями и похотями. *Рождаемое отъ плоти — плоть есть*, сказалъ Спаситель (Іоан. III, 6). Т. е. по естественному своему рожденію мы существа грѣшныя, чувственныя и страстныя. И потому, если бы чье либо воспитаніе сложилось такимъ образомъ, что стали бы только развивать, холить, нѣжить и укрѣплять то, что дано человѣку его природа, то можно опасаться, что изъ человѣка, возрастающаго по правиламъ этой односторонней и фальшиво-гуманной теоріи воспитанія, выдетъ противоестественное и злое существо. Это потому, что всѣ мы, по слову писанія, *во беззаконіи зачинаемся и во грѣсѣхъ раждаемся* (пс. L, 7), — и значитъ уже самымъ рожденіемъ полагается въ насъ много грѣшныхъ злыхъ сѣмянъ, которыя не развивать и холить нужно, а напротивъ подавлять и съ корнемъ вырывать. Отсюда открывается нужда такъ называемыхъ строгихъ, принудительныхъ и наказательныхъ мѣръ воспитанія, сущность которыхъ состоитъ въ томъ вообще, что съ одной стороны — естественному потоку дѣтскихъ желаній и порывовъ по-

лагается преграда, а съ другой стороны питомцы побуждаются и даже понуждаются ко многому такому, чего имъ не хочется, что имъ кажется трудно, непріятно и ненужно. Пока дѣти находятся въ семьѣ или въ школѣ, то это дѣлаютъ съ ними ихъ родители и воспитатели: они стараются регулировать, какъ говорится, волю ихъ, т. е. дать ей надлежащее направленіе, и не позволяютъ никакихъ искривленій и уклоненій ея въ сторону разными понудительными и дисциплинарными мѣрами. По выходѣ же изъ-подъ опеки родительской и изъ школы, воспитанникъ уже самъ долженъ работать надъ собою все въ этомъ же духѣ и направленіи, т. е. воздерживаясь и удаляясь отъ всего грѣшнаго и непотребнаго, и понуждая и приневоливая себя ко всему доброму, честному и святому. Только такимъ способомъ непрерывнаго обузданія своей падшей и испорченной воли, склонной ко всему грѣшному, и можетъ человѣкъ укрѣпить себя на царскомъ пути добра и нравственнаго совершенства. До этого собственно мы и хотѣли договориться съ вами, дѣти! Цѣль нынѣшняго слова нашего въ томъ и состоитъ, чтобы, показавши вамъ словами апостола Павла прекрасные духовные плоды нравственнаго совершенства, разъяснить, что плоды эти пріобрѣтаются не задаромъ и не безъ подвига, что подвигъ сей главнымъ образомъ долженъ состоять въ вашихъ свободныхъ усиліяхъ надъ своею волею и что всѣ наши воспитательныя и дисциплинарныя мѣры суть только пособія вашей еще не созрѣвшей и не укрѣпившейся волѣ.

Возвращаясь снова къ апостольскому исчисленію плодовъ духовныхъ, я хочу вамъ въ заключеніе указать хотя вкратцѣ нѣсколько пріемовъ тѣхъ свободныхъ усилій надъ своею волею, о которыхъ шла у насъ рѣчь и подъ условіемъ которыхъ созрѣваетъ плодъ духовный. *Любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* — вотъ плоды духовные по апостолу! Итакъ встрѣчается ли вамъ, дѣти, среди товарищей или въ посторонней средѣ, личность почему нибудь вамъ не нравящаяся? постарайтесь найти въ ней что нибудь хорошее (а оно есть непремѣнно), заставьте себя сдѣлать что нибудь въ пользу этой личности, вспомните, что всѣ люди братья, всѣ дѣти въ одной великой семьѣ отца

небеснаго,—и въ васъ затеплится огонекъ христіанской *любви*. Непріятность или невзгода какая нибудь васъ посѣтитъ, а впереди можетъ быть и еще вы опасаетесь разныхъ невзгодъ, положитесь во всемъ на Господа и скажите въ сердцѣ своемъ: «да будетъ воля Божія! Онъ все видитъ и попечется обо мнѣ», — и осѣнитъ васъ *радость и миръ* христіанскій. Оскорбилъ васъ кто нибудь, уронилъ ваше достоинство, затронулъ вашу честь и уязвилъ самолюбіе, постарайтесь не дать мѣста своему гнѣву и раздражительности, вспомните, что Іисусъ Христосъ претерпѣлъ безвинно въ тысячу разъ болѣе нашего и намъ заповѣдалъ любить самыхъ враговъ нашихъ,—это будетъ опытъ христіанскаго *долготерпѣнія и благости!* Видите вы нужду, горе или слезы чьи нибудь,—примите участіе въ этомъ горѣ и въ этихъ слезахъ, утѣшьте, успокойте и помогите чѣмъ нибудь, хоть сочувственнымъ и братскимъ словомъ, если не въ состояніи помочь дѣломъ,—и къ вамъ приблизится христіанское *милосердіе*. Нападетъ ли на васъ духъ сомнѣнія и отрицанія относительно нѣкоторыхъ предметовъ христіанскаго вѣроученія, или вы слышите дерзкія рѣчи людей невѣрующихъ и развращенныхъ,—прогоните и разсѣйте всѣ эти сомнѣнія смиренною мыслію, что человѣку, существу ограниченному, всего понять и обнять своею мыслію невозможно, и что Спаситель рода человѣческаго въ своемъ евангеліи сказалъ намъ конечно одну чистую и святую истину,—и согрѣетъ ваше сердце теплота *вѣры* христіанской. Покажутся вамъ тяжелыми, скучными и безцѣльными какія нибудь предписанія и узаконенія, церковныя ли то, или гражданскія, или начальственныя,—не давайте разыгрываться своей самости, гордости и нетерпѣнію, разсудите и вспомните, что высшая и конечная цѣль всѣхъ этихъ предписаній и узаконеній есть ваше благо и ваше нравственное совершенство, хоть въ данную минуту вы и не совсѣмъ уразумѣваете эту цѣль,—и этими усиліями вы пріобрѣтете себѣ драгоцѣнную добродѣтель христіанской *кротости и воздержанія*. И такъ далѣе, и такъ далѣе... Съ каждымъ шагомъ впередъ по этому не сладкому конечно и тернистому пути вы все ближе и ближе будете подвигаться къ великому и свѣтоносному идеалу христіанскаго совершенства, и каждая добродѣтель при помощи

благодати Господней будетъ дѣлаться все легче, легче и пріятнѣе, пока наконецъ не сдѣлается потребностію вашей воли,—и выдутъ изъ васъ не пустоцвѣты какіе нибудь, съ одними претензіями на званіе честныхъ и благородныхъ людей, а на самомъ дѣлѣ—честные и благородные люди съ волею, окрѣпшею въ добрѣ и уготованною на всякое благое дѣло. И пышно разцвѣтутъ и созрѣютъ въ васъ не фальшивые и поддѣльные, а дѣйствительные и драгоцѣнные плоды духовные, и наречетесь вы *сыновѣ вышняго,* и благословенныя дѣти отца небеснаго. Благодатію Господнею да будетъ сіе съ вами! Аминь.

РѢЧЬ надгробная

при погребеніи воспитанника владимірской гимназіи Сергѣя Величкина.

(6 апрѣля 1872 г.).

Любезные воспитанники!

Тяжела и горька мысль о смерти. Обыкновенно эту мысль мы гонимъ отъ себя какъ можно дальше, хотя всѣ несомнѣнно увѣрены, что придетъ неизбѣжно и наша очередь когда нибудь лечь въ могилу. Но эту роковую очередь все мы силимся отдалить отъ себя какъ можно дальше, сулимъ себѣ десятки счастливыхъ лѣтъ, мечтаемъ о радостяхъ и удовольствіяхъ, строимъ прекрасные планы о своей судьбѣ, и неудержимо рвемся все къ жизни и къ жизни. Смерть допускаемъ мы для себя лишь въ туманной возможности и въ какой-то не ясной отвлеченности. Особенно въ вашемъ цвѣтущемъ возрастѣ, который справедливо зовется весной жизни человѣческой, какъ-то особенно больно мириться съ неизбѣжностію смерти. Но когда суровый и безобразный ликъ смерти вдругъ встрѣчается съ нами нежданно негаданно лицомъ къ лицу, то невольно тускнѣютъ и вянутъ самыя розовыя мечты о жизни, робѣетъ и притихаетъ самое беззаботное, самое веселое юношеское чувство. Не такъ ли? Взглянешь на гробъ, на

эти окостенѣлые и безжизненные члены,—и видишь, что смерть есть грозный и несомнѣнный фактъ, а не призракъ только пугающій! Давно ли вашъ юный товарищъ былъ въ средѣ вашей, такъ же, какъ и вы, мечталъ о жизни и ея радостяхъ,—и вотъ теперь что осталось отъ всѣхъ этихъ надеждъ и мечтаній!

Если же смерть неизбѣжна и такъ бываетъ внезапна, если она выбираетъ свои жертвы, не щадя ни возраста, ни пола, ни красоты, ни силы; то что же намъ дѣлать, куда деваться отъ страха смертнаго, гдѣ взять утѣшенія своему сердцу, гдѣ найти точку опоры для своей жизни, пока ей суждено еще длиться здѣсь на землѣ? Пусть бы теперь пришли къ намъ и стали здѣсь у гроба эти жалкіе мудрецы мірскіе, такъ храбро разсуждающіе о смерти, пока блеститъ и грѣетъ надъ ними солнце жизни; пусть бы теперь они запѣли намъ въ утѣшеніе свою жалкую пѣсню о томъ, что все кончается для человѣка съ его смертію, что ничего нѣтъ за гробомъ, что кромѣ тлѣнія никакого другаго слѣда человѣкъ по себѣ не оставляетъ. Какъ бы возмутила насъ эта пѣсня, сколько бы тоски и безотраднаго мрака принесла бы она съ собою! Нѣтъ, Богъ съ ними, — съ этими мудрецами и съ ихъ жалкой философіей! Прислушайтесь лучше къ тѣмъ умилительнымъ и отраднымъ пѣснямъ, которыя услышите вы сейчасъ надъ этимъ преждевременнымъ гробомъ отъ лица св. церкви. А эти пѣсни будутъ говорить вамъ о лучшей небесной жизни, о надеждѣ воскресенія, о единеніи со Христомъ Спасителемъ, о томъ, что это тлѣнное и мертвенное тѣло, какъ зерно сѣется въ землю только на время и приметъ нѣкогда духовный и свѣтоносный видъ, что душа наша, переселяясь въ загробный міръ, какъ бы снова родится для прекрасной жизни въ общеніи съ безчисленными сонмами блаженныхъ и безсмертныхъ духовъ. О, еслибы вы всѣ эти высокія и отрадныя мысли, конечно очень хорошо вамъ извѣстныя, рѣшились бы поближе теперь принять къ сердцу и отъ юности положили бы ихъ въ основу своей жизни! Вотъ и нашли бы вы для себя непоколебимую точку опоры на все послѣдующее время. И не страшна была бы для васъ смерть, и прекрасныя мечты ваши о жизни сдѣлались бы еще прекраснѣе, и весело, и трезво стали бы вы смотрѣть на пре-

красный міръ Божій, и отдали бы вы себя спокойно въ волю Божію, и тихо и плодотворно стали бы трудиться вездѣ, куда Господь ни поставилъ бы васъ въ жизни, и съ свѣтлою надеждою пошли бы вы навстрѣчу ангелу смерти, когда Господу угодно будетъ послать его за вами. Прошу васъ приводить иногда себѣ на память эти искреннія и сердечныя мои желанія, навѣянныя смертію вашего юнаго товарища, когда сегоднешнія грустныя впечатлѣнія начнутъ понемногу ослабѣвать, и обычное разсѣяніе жизни станетъ брать свое. Богъ знаетъ, что ожидаетъ насъ впереди; можетъ быть и мнѣ еще скорѣе васъ назначено лежать во гробѣ! Подчинимся же съ благоговѣніемъ судьбамъ Божіимъ, и дадимъ себѣ обѣтъ—воспитывать себя во святомъ законѣ Господнемъ и жить не для тѣла только и временныхъ радостей, а для неба и вѣчности, ибо здѣсь конечная цѣль нашего бытія.

Прими и ты, блаженный отрокъ, послѣдній прощальный привѣтъ отъ своихъ товарищей, съ грустію собравшихся къ твоему смертному одру. Въ далекій путь собрался ты—такъ рано, такъ неожиданно для всѣхъ насъ, и конечно всего болѣе неожиданно для себя самого. Такова воля Божія о тебѣ. Но *блаженъ путь, въ оньже идеши душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.* Господь Спаситель сказалъ объ дѣтяхъ, что таковыхъ есть царствіе небесное. Ты не далеко ушелъ изъ этого счастливаго и невиннаго возраста, ты не позналъ еще суеты мірской и не запятналъ своего сердца грязью страстей и порока, и значитъ—благодареніе Господу, изъявшему тебя изъ среды лукавствія! Уповаемъ, что наслѣдіе царствія небеснаго принадлежитъ и тебѣ. Наши грѣшныя и земныя молитвы о тебѣ, наши надгробныя пѣсни прими отъ насъ, какъ послѣдній даръ христіанской любви нашей и напутствіе тебѣ въ невозвратную страну вѣчности. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ владимірской гимназіи по случаю смерти ихъ товарища (Владиміра Ложкина).

(21 января 1875 г.).

Смотрите, дѣти, какъ смерть беретъ свои жертвы откуда бы ей ни пришлось. Не пощадитъ она юности, еще только начинающей жить. Не разочтетъ она, что погасить свѣтильникъ жизни у отрока, надъ которымъ только было занималась еще жизненная заря, что отнять у него невинныя радости жизни, что лишить его почти еще неизвѣданнаго счастія бытія,—несправедливо, жестоко, незаконно. Нѣтъ, лютѣйшій и неумолимый врагъ рода человѣческаго коситъ своимъ смертоноснымъ орудіемъ направо и налѣво, и безстрастно собираетъ свою ужасную подать со всѣхъ возрастовъ, состояній и племенъ человѣческихъ. Зачѣмъ же кипитъ въ насъ такая жажда жизни, зачѣмъ положены въ насъ такія безграничныя стремленія къ прекрасному, высокому и разумному, если всѣмъ этимъ стремленіямъ суждено кончиться вотъ чѣмъ?! *Что сіе, еже о насъ бысть таинство, како предахомся тлѣнію, како сопрягохомся смерти?* Несмотря на всю грусть и таинственность этихъ печальныхъ вопросовъ, я приглашаю васъ какъ можно серьезнѣе поставить ихъ для себя, и какъ можно глубже напечатлѣть ихъ въ своемъ сердцѣ при видѣ мертвенныхъ останковъ вашего юнаго товарища; ибо рано ли, поздно ли, а всѣмъ намъ придется, подобно ему, разстаться съ жизнію.

Но я, конечно, не затѣмъ приглашаю васъ къ этому, чтобы навести на васъ грусть и уныніе, ибо настоящее зрѣлище само по себѣ есть грустнѣйшая проповѣдь. Напротивъ я хотѣлъ бы, пользуясь именно теперешними прискорбными минутами, просвѣтлить вашъ взглядъ на жизнь, научить васъ цѣнить ее по достоинству, и тамъ, гдѣ повидимому одинъ мракъ и скорбь, указать свѣтъ, надежду и примиреніе.

Успокойтесь и не бойтесь, други мои; не беззащитны мы въ

борьбѣ со смертію, не забыты мы у Бога съ своею любовію къ жизни и съ своими свѣтлыми и безграничными идеалами, и не случайно и не безъ расчета погашается въ насъ свѣтильникъ жизни. Хотя и не открыты намъ многосложныя и необъятныя для нашего ума подробности Божія смотрѣнія, по которому иной раньше, иной позднѣе приходитъ къ своему предѣлу; но не это собственно и важно. Важно то, что по непреложному глаголу откровенія Божія въ нашемъ бренномъ тѣлѣ живетъ богоподобная душа; что наше назначеніе есть жизнь безконечная; что тайна этой безконечной загробной жизни сокровена со Христомъ въ Богѣ; что даже немощное и безславное тѣло наше назначено къ славѣ воскресенія, и нѣкогда заблеститъ оно богоподобной красотой, превосходящей эдемскую красоту нашихъ невинныхъ нѣкогда прародителей; что эта временная гниль и тлѣніе, вошедшее въ міръ съ появленіемъ грѣха, есть только переходъ къ нетлѣнію и безсмертію. Вотъ эти-то возвышенныя и глубокія истины, разъясняющія намъ, откуда взялась смерть, что мы такое были нѣкогда въ Едемѣ—уже потерянномъ для насъ, и что мы такое будемъ, когда откроется назначенное намъ царствіе Божіе, — сіи-то отрадныя обѣтованія, если мы объимемъ ихъ душой и сердцемъ, и могутъ разсѣять всѣ ужасы смерти, сообщить самый свѣтлый и спокойный характеръ всей нашей жизни, углубить и возвысить ея радости и создать намъ непоколебимое и невозмутимое счастіе до конца нашихъ дней.

Между тѣмъ какъ жалко и страшно смотрѣть на людей, не имѣющихъ христіанскаго упованія и не желающихъ знать тѣхъ высшихъ судебъ, которыя случились съ человѣческимъ родомъ и которыя предстоятъ ему впереди. Становясь въ тупикъ предъ страшной тайной смерти, и хлопоча только объ одномъ, дабы не омрачать своей жизни мыслію о смерти, — они просто только гонятъ какъ можно дальше отъ себя ея грозный призракъ. Чтобы жизни своей сообщить по возможности веселый и безпечный характеръ, они стараются такъ ее направить и такъ наполнить, чтобы она походила на непрерывный пиръ и игру, или на спокойный и пріятный сонъ, наполненный изящными сновидѣніями. Напрасное усиліе! Смерть съ каждымъ днемъ къ человѣку подходитъ ближе,

и потому мысль о смерти тѣмъ докучливѣе и настойчивѣе тревожитъ человѣка, чѣмъ съ большими усиліями онъ начнетъ отъ нее отбиваться. Желая смягчить страхъ смертный, люди міра и суеты безжалостно тратятъ драгоцѣнный даръ жизни на плотскія и грѣховныя удовольствія, стараются жить въ разсѣяніи и суетѣ и безъ всякаго серьезнаго плана въ жизни; живутъ такъ, какъ будто на землѣ все лучшее и дорогое у человѣка и какъ будто здѣсь должна окончиться вся участь его. А между тѣмъ страшный часъ смерти тихо крадется къ нимъ, и какъ лютый врагъ нападаетъ на нихъ внезапно и уноситъ ихъ въ невозвратную страну вѣчности. Боже милостивый, сохрани насъ отъ сей горькой участи! Не дай намъ забыть, что жизнь не пиръ, не игра и не сонъ; что она есть трудъ надъ очищеніемъ сердца, что она есть странствованіе къ небесному отечеству нашему, что она есть пріуготовительный подвигъ для пріобрѣтенія и полученія вѣнцевъ небесныхъ.

Примите же, друзья мои, въ расчетъ и крѣпкое помышленіе христіанскую цѣль нашей кратковременной жизни и послѣдній конецъ ея. Этотъ послѣдній конецъ, вотъ онъ страшный, молчаливый и грозный! Но эта гроза и мракъ разсѣется для насъ, если мы по мѣрѣ силъ своихъ будемъ усвоять христіанскія начала жизни. Со Христомъ Спасителемъ подъ его державною и любящею рукою намъ рѣшительно нечего бояться. Самъ прошедшій врата смертныя, какъ человѣкъ, и разрушившій крестомъ своимъ смерть, онъ и для насъ, чадъ своихъ, содѣлаетъ смерть блаженнымъ успеніемъ, за которымъ наступитъ вѣчный покой. Обымите же съ любовію и дѣтскою вѣрою эту животворящую десницу Спасителя, невидимо простирающуюся къ каждому изъ насъ, и крѣпче держитесь за нее во всю свою жизнь! Держитесь вѣрою въ его святое ученіе, послушаніемъ его божественнымъ заповѣдямъ и христіанской любовію къ ближнимъ,—и Господь не оставитъ насъ въ ту роковую минуту, когда помощь и милость его всего будутъ нужнѣе для насъ, т. е. въ минуту смерти.

Какъ на ближайшій и убѣдительный примѣръ этой небесной помощи, я могу указать вамъ на блаженную кончину вашего товарища теперь бездыханнаго, но еще вчерашній день съ нами

бесѣдовавшаго, молившагося и вѣрующаго. Господь два раза приходилъ къ нему передъ смертію въ святыхъ своихъ тайнахъ, и мы были свидѣтелями того глубокаго религіознаго чувства, съ какимъ онъ встрѣчалъ своего Спасителя. Мы слышали его сердечное раскаяніе, мы приняли тѣ горячіе и святые обѣты, которые онъ собирался осуществить и исполнить въ своей жизни. Но Господь судилъ ему отойти съ этими прекрасными и святыми обѣщаніями прямо изъ этой временной жизни въ вѣчную, гдѣ такъ пышно разцвѣтаетъ всякое доброе сѣмя, посѣянное здѣсь на землѣ. Пусть это послужитъ въ утѣшеніе родителямъ и родственникамъ его, скорбящимъ о его потерѣ. Искавшій Господа при концѣ своей жизни—возлюбленный отрокъ вашъ—всеконечно возлюбленъ и Господомъ. Онъ *восхищенъ, чтобы злоба не измѣнила разума его, или коварство не прельстило души его* (Прем. Солом. II, 10, 11). Мы же съ своей стороны напутствуемъ его въ страну вѣчности своими молитвами къ Господу, да вселитъ его идѣже праведніи упокояются. Имя и память его сохранятся въ семъ храмѣ Божіемъ — въ церковныхъ молитвахъ и въ нашихъ пастырскихъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи ученика гимназіи Николая Громова.

(5 апрѣля 1875 г.).

Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о умершихъ, дабы вы не скорбѣли какъ прочіе, не имѣющіе надежды (1 Сол. IV, 13).

Тяжело утѣшать людей, когда видишь, что скорбь о невозвратной потерѣ объемлетъ всю ихъ душу; когда при всемъ сочувствіи къ ихъ горю, не находишь никакихъ средствъ возвратить для нихъ невозвратимое. Есть даже опасеніе, какъ бы самымъ словомъ утѣшенія еще болѣе не раздражитъ сердечныхъ ранъ. Но братія мои, не свое слабое хотя и сочувственное утѣ-

шеніе хочу я предложить вамъ, но апостольское и богодухновенное.

И Апостолъ не заповѣдуетъ какого нибудь неестественнаго равнодушія или безстрастнаго спокойствія при видѣ смерти. Ибо можно ли безъ боли сердечной видѣть, какъ изъ человѣка, прекраснаго и разумнаго созданія Божія, дѣлается безобразный и безславный трупъ, не имѣющій вида ниже доброты? Въ особенности, можно ли не грустить при видѣ молодой, и лишь только развернувшейся жизни и уже увядшей и погибшей? Тѣмъ болѣе естественна и законна скорбь родителей при гробѣ угасшаго дитяти своего.

Но не велитъ Апостолъ Христовъ безнадежно скорбѣть объ умершихъ подобно язычникамъ, для которыхъ могила дѣйствительно ничего кромѣ тьмы и мрака не представляла. А намъ христіанамъ Апостолъ напоминаетъ, что *если* Спаситель нашъ Христосъ *Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ!* (1 Сол. IV, 14). Вотъ гдѣ первоначальный и главный источникъ нашего утѣшенія! Грозный судъ Божій, разразившійся надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ еще въ раю и опредѣлившій намъ смерть за нашу невѣрность и порчу, уже смягченъ и измѣненъ крестною смертію Единороднаго Сына Божія. Измѣненіе сіе такъ велико, что это бездыханное тѣло, лежащее во гробѣ, какъ и всѣ наши тѣла, назначено къ великой будущности. Оно, по Апостолу, какъ сѣмя бросаемое въ землю, *сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, востаетъ въ славѣ: сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ* (1 Кор. XV, 42. 43). Такимъ образомъ то именно, что особенно устрашаетъ насъ и вселяетъ въ насъ унынie при видѣ смерти,—по Апостолу и есть самое маловажное; ибо есть только случайное и преходящее. Крѣпкая и непостижимо глубокая связь нашей души съ тѣломъ пріучаетъ насъ отождествлять и самую жизнь нашу съ жизнію тѣлесною. Меркнутъ очи и потухаетъ взоръ у человѣка, и намъ кажется, что изчезаютъ для него и всѣ красоты міра Божія. Цепенѣетъ языкъ, и намъ представляется, что съ нимъ перестаетъ работать и самая мысль человѣческая. Застываетъ кровь и леде-

нѣетъ сердце, а съ ними какбудтобы прекращается всякая дѣятельность человѣка и застываетъ всякое чувство сердечное. А между тѣмъ все это не такъ на самомъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ смерть есть дивный переходъ къ жизни несравненно лучшей и совершеннѣйшей, чѣмъ наша многотрудная и многомятежная жизнь земная. Утробную жизнь младенца, находящагося во чревѣ матернемъ, едва можно назвать жизнію по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда онъ появляется на бѣломъ свѣтѣ. Но такъ же учатъ насъ святые отцы смотрѣть и на здѣшнюю жизнь нашу по сравненію съ жизнію загробной. Тамъ-то собственно и начинается истинная жизнь человѣческая, сообразная съ тѣмъ богоподобнымъ достоинствомъ, къ которому первоначально и былъ назначенъ человѣкъ. Сбросивъ узы бренной и немощной плоти, человѣческій духъ за вратами смерти воспаряетъ какъ птица и быстро устремляется къ своему нескончаемому совершенствованію. Сколько отраднаго и успокоительнаго въ этомъ возвышенномъ христіанскомъ взглядѣ на смерть человѣческую!

Конечно горька всетаки разлука съ любимымъ и близкимъ для насъ существомъ, нами взлелѣяннымъ и выросшимъ на нашихъ глазахъ. Но что же дѣлать? Разочтемъ и разсудимъ, какой въ сущности ничтожный промежутокъ времени отдѣляетъ насъ отъ вѣчности, въ которую то и дѣло отзываются Господомъ наши ближніе и въ которую позванъ теперь вашъ юный отрокъ. Предположите, что вамъ назначенъ самый продолжительный, столѣтній человѣческій вѣкъ,—и однакоже какъ это мало, какъ ничтожно это мало предъ необъятною бездною вѣчности, въ которую надлежитъ вступить всѣмъ намъ, и можетъ быть несравненно скорѣе, чѣмъ мы предположили, и тамъ увидѣть снова всѣхъ близкихъ и любезныхъ нашему сердцу!... Однихъ изъ насъ Господь призываетъ къ себѣ раньше, другимъ опредѣляетъ болѣе длинный срокъ земной жизни. Но въ сущности не все ли это равно? Почему же тѣхъ именно, а не другихъ зоветъ къ себѣ раньше Господь, это вполнѣ вѣдомо ему единому. Почему такъ часто жизнь человѣческая погашается въ юности цвѣтущей и окруженной любовію, иногда же задержи-

вается до немощной и болѣзненной старости, отяготительной и для самого человѣка живущаго и для окружающихъ его, — это тайна воли Божіей премудрой и всеблагой! На всѣ подобнаго рода вопросы и недоумѣнія надо держать въ мысли и памяти слова Писанія, что *не наше дѣло знать времена или сроки, которые Отецъ* небесный *положилъ въ своей власти* (Дѣян. I, 7). А онъ конечно потокъ жизни человѣческой со всѣми ея мелчайшими подробностями направляетъ такимъ образомъ, чтобы это было вполнѣ согласно и съ его святѣйшею правдою и съ человѣческимъ благомъ. Жить и жить бы, казалось, слѣдовало почившему отроку на радость и утѣшеніе своимъ родителямъ и на пользу обществу; но почемъ мы знаемъ, что предстояло ему въ будущемъ? Можетъ быть тамъ предстояли такія скорби, такія опасности и искушенія, что лучше было отъ нихъ пораньше удалиться въ иной безмятежный, безгрѣшный и безпечальный міръ. Если вся загробная судьба наша, если цѣлая вѣчность или блаженная или безотрадная, зависитъ отъ того ничтожнаго клочка времени, который должны мы пережить на землѣ, и которымъ большею частію мы злоупотребляемъ, увлекаемые страстями и соблазнами міра; то не лучше ли въ самомъ дѣлѣ человѣку удалиться со сцены міра въ юности, еще не запятнанному и не испорченному суетой мірской, не потерявшему вѣры въ Бога и не охладѣвшему въ любви и надеждѣ на Господа Спасителя? Удержитесь же, возлюбленные, недоумѣнно вопрошать Господа почему такъ, а не иначе все это случилось съ вашимъ чадомъ. Смиренно и благоговѣйно подчинитесь неисповѣдимымъ и премудрымъ судьбамъ Божіимъ.

Повторяю вамъ утѣшительныя слова апостола Христова, что умершихъ въ Іисусѣ Христѣ Богъ приведетъ съ нимъ, т. е. приведетъ въ общеніе со Спасителемъ, источникомъ безсмертной и блаженной жизни въ вѣчности. А что умершій отрокъ умеръ въ Іисусѣ Христѣ, т. е. съ вѣрою и надеждою на Господа Іисуса Христа, это мы видѣли при его христіанской кончинѣ. Въ послѣдніе часы своей жизни онъ всецѣло озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы очистить свою совѣсть и освятить душу великими таинствами исповѣди и св. причастія. Исповѣдь свою онъ хотѣлъ по-

ставить какъ можно серьезнѣе и зрѣлѣе, въ каждомъ словѣ его замѣтно было желаніе, чтобы не оставалось ни одного пятна на его совѣсти, и этого Господь сподобилъ его. Съ глубокимъ благоговѣніемъ принявши св. тайны, и поручивъ дальнѣйшую судьбу свою Господу, покойный просилъ насъ слабымъ и уже замогильнымъ голосомъ дать ему прочесть надгробное поученіе по случаю недавней смерти одного изъ младшихъ его товарищей. Но вотъ пришлось говорить и поучать при его собственномъ гробѣ! Очевидно, что мысли покойнаго уже устремлены были въ другой міръ, — и замѣчательно, что день его рожденія въ міръ земной сдѣлался днемъ его рожденія въ міръ небесный. Умѣрьте же свою скорбь сѣтующіе родители! Раздѣляя скорбь вашу, и мы вмѣстѣ съ вами будемъ молиться объ упокоеніи вашего сына. И не только здѣсь при послѣдиемъ печальномъ обрядѣ, но и послѣ всякій разъ при безкровной жертвѣ предъ престоломъ Божіимъ.

Вамъ же юные друзья и сотоварищи покойнаго, окружающіе гробъ его, скажу только нѣсколько словъ отъ его имени. Прислушайтесь къ этимъ словамъ, какъ бы къ голосу съ того свѣта, исходящему изъ устъ вашего товарища. «Друзья мои, какъ бы такъ говорилъ покойный, нѣсколько дней тому назадъ я былъ въ вашемъ обществѣ, и вотъ цѣлая бездна легла между нами и раздѣлила насъ. Вблизи моихъ смертныхъ останковъ вы взволнованы грознымъ таинствомъ смерти, вы невольно задаетесь разными вопросами — какъ и что бываетъ за гробомъ. Хоть и хотѣлъ бы, но не могу сказать вамъ объ этомъ ни слова: бездна многа раздѣляетъ насъ. Одно скажу, что и вы тихо и незамѣтно движетесь къ этой безднѣ, и для васъ готова подняться завѣса, скрывающая міръ небесный отъ земнаго. Вотъ и меня застигъ страшный часъ смертный въ ту самую пору, когда мечты о жизни и ея радостяхъ бываютъ самыя сильныя и естественныя. Молодость сулила мнѣ долголѣтіе, жизнь только что начала мнѣ улыбаться,—и уже всему конецъ!... Пожалѣйте же товарищи свою юность, поберегите свою вѣру и похлопочите о чистотѣ души своей,—это единственныя вещи, которыя цѣнятся за гробомъ! Держитесь крѣпко и неуклонно той единственной доро-

ги, которую начерталъ людямъ Христосъ Спаситель въ своемъ законѣ,—это одна только и есть прямая и вѣрная дорога, ведущая къ блаженной вѣчности, всѣ же прочія ведутъ къ погибели»! Аминь.

СЛОВО

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(17 апрѣля 1875 г.).

Подражайте Богу, какъ чада возлюбленныя, и живите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ, и предалъ себя за насъ... А блудъ и всякая нечистота... не должны даже именоваться у васъ, какъ прилично святымъ. Также сквернословіе и пустословіе и смѣхотворство не приличны вамъ... Ибо знайте, что никакой блудникъ, или нечистый..., не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога (Ефес. V, 1—5).

Благочестивые слушатели! Прежде чѣмъ остановить ваше вниманіе на приведенныхъ словахъ апостола Христова, я имѣю поводъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о нашей церковной проповѣди вообще. Не всѣмъ нравятся тѣ случаи, когда слово наше принимаетъ обличительный характеръ. Такъ что есть основаніе предполагать, что чѣмъ прямѣе и откровеннѣе приходится говорить съ вами, тѣмъ болѣе есть опасенія возбудить ваше неудовольствіе и быть можетъ порицанія. Намъ позволяютъ говорить все и обо всемъ, но такъ, чтобы это не особенно касалось кого-нибудь и чего-нибудь въ частности. Когда же наоборотъ замѣчаютъ въ нашемъ проповѣдническомъ словѣ отсутствіе

*) Напечатано въ 9 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1875 г.

прямого отношенія къ жизни, то сѣтуютъ на его безсодержательность и общность, называютъ его скучнымъ и утомительнымъ, и для нашего наибольшаго обличенія укажутъ намъ пожалуй на примѣръ церковныхъ проповѣдниковъ иностранныхъ и неправославныхъ, которые якобы являются сильными двигателями религіозной жизни въ тамошнихъ обществахъ. Эту предварительную оговорку мы дѣлаемъ для того, чтобы видно было, въ какое затруднительное и ложное положеніе поставилъ бы себя церковный пастырь проповѣдникъ въ нынѣшнее время, если бы захотѣлъ примѣняться къ щекотливому вкусу слушающей публики, и позабылъ бы свой пастырскій долгъ говорить только отъ имени Божія и съ тою одною цѣлію, да будетъ слово его *полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ правдности; да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ* (2 Тим. III, 16, 17). Нѣсколько иной оттѣнокъ принимаетъ педовольство нашими обличеніями, когда намъ говорятъ объ ихъ неблаговременности. Напримѣръ, ссылаясь на то, что прошли дни скорбнаго покаянія, что церковь поетъ нынѣ громогласно: «простимъ вся воскресеніемъ»,—на этомъ—говорю—основаніи можетъ быть нѣкоторые воображаютъ, что теперь и не время и не мѣсто никакимъ обличеніямъ. Съ этимъ мы могли бы вполнѣ согласиться, если бы не были поставлены въ необходимость ловить тѣ драгоцѣнные случаи, когда къ намъ собираются избранные слушатели въ наибольшемъ количествѣ, чтобы сказать имъ то, что мы находимъ для нихъ по преимуществу нужнымъ сказать. Пройдетъ одинъ подобный случай, — и уже долго надо ждать, когда придутъ въ храмъ Божій наши слушатели. Нѣтъ, нельзя назвать неблаговременнымъ и неумѣстнымъ того, что необходимо. Просимъ васъ не забывать возлюбленные, что мы врачи духовные, и относиться къ намъ такъ же именно, какъ вы относитесь къ врачамъ тѣлеснымъ. Не сами ли вы спѣшите съ полною откровенностью разъяснять свои язвы и болѣзни сейчасъ же какъ только ихъ почувствуете? Не станете выбирать и дожидаться случаевъ болѣе или менѣе благовременныхъ, когда настанетъ прямая нужда начать теперь же леченіе. Итакъ съ христіанскою прямотою и съ докторскою, такъ сказать, от-

кровенностію побесѣдуемъ о нѣкоторомъ недугѣ нашего чувственнаго и матеріальнаго времени, на который могли уже намекнуть вамъ слова апостола Павла, поставленныя нами во главѣ своего настоящаго слова.

Слѣдуетъ конечно прежде всего точно обозначить и дать вамъ ясно почувствовать этотъ недугъ. Не можемъ скрыть отъ васъ, что это столь простое, повидимому, и совершенно естественное обстоятельство ставитъ насъ въ немалое смущеніе и затрудненіе; ибо приходится касаться такихъ язвъ нашихъ, которыя при всей злокачественности и общеизвѣстности своей любятъ таиться и прятаться во тьмѣ, и подлинныя наименованія которыхъ *не лѣпъ есть глаголати*, дабы не оскорбить какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ самаго слуха христіанскаго. Съ благоговѣніемъ обращаясь къ апостольскому боговдохновенному слову, сдѣлаемъ однако же попытку предложить его вамъ для бесѣды; ибо то, о чемъ Апостолъ Павелъ находилъ нужнымъ откровенно говорить и писать Ефесскимъ христіанамъ, то не менѣе нужно и въ нынѣшнее время проповѣдывать съ кровель и на площадяхъ.

Мы разумѣемъ ту нецѣломудренность и растлѣнность преимущественно нашего мужскаго поколѣнія, то отсутствіе стыдѣнія въ рѣчахъ и помыслахъ и вообще въ отношеніяхъ къ другому полу, которое мутнымъ потокомъ вторгается почти во всѣ области нашей общественной жизни, грязнитъ нашу литературу, унижаетъ искусства, но особенно гибельно дѣйствуетъ на семейное начало, колебля его основы и занося въ него всякую нечистоту и гниль. Наши литературныя произведенія, и мелкія и крупныя, своей обычной темой избираютъ чувственную и плотскую любовь, воспѣваютъ ее на разные лады,—и едва ли можно найти хоть одно изъ нихъ, которое, при всѣхъ своихъ художественныхъ достоинствахъ, не отзывалось бы, такъ сказать, этимъ сладострастнымъ букетомъ. На театральныхъ подмосткахъ олицетворяются грязныя страсти, и весьма часто лицедѣйствуетъ порокъ, почти въ буквальномъ смыслѣ непокрытый. Въ художественныхъ залахъ, въ картинныхъ галлереяхъ, въ публичныхъ садахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ человѣку непривычному и цѣломудренному трудно глядѣть прямо и безъ краски стыда.

Но въ жизненной практикѣ, можно сказать, еще хуже. Большинство нашего юношества, жадно кидаясь въ область грубыхъ матеріальныхъ наслажденій, заклеймило себя печатью ранняго растлѣнія и страдаетъ преждевременнымъ пресыщеніемъ. Люди зрѣлые и, какъ говорится, обосновавшіеся тоже не стыдятся хвалиться, какъ подвигами, своими темными и нечистыми похожденіями, и не только не скрываютъ своей грубой философіи, но не рѣдко щеголяютъ количествомъ жертвъ своего сластолюбія; и кажется даже вошло въ обычныя условія наилучшаго и богатаго комфорта нѣчто такое, чему собственное имя есть утонченное, позолоченное и изукрашенное непотребство. Свѣтлый и цѣломудренный взглядъ на женщину, растворенный здравой и библейской поэзіей, украшающій человѣческія отношенія обоихъ половъ и несущій за собою прочное семейное счастіе, сталъ необыкновенною рѣдкостію, попадающеюся въ самыхъ избранныхъ, благовоспитанныхъ и религіозныхъ семьяхъ. О степени и силѣ зла, разъѣдающаго всѣ слои людскаго общества и низшіе, и средніе и высшіе, можно судить по тѣмъ горькимъ плодамъ, которые можно видѣть и наблюдать почти на каждомъ шагу. Плоды эти—въ области нравственной: вѣтренность мыслей, нѣкоторое общее неряшество и распущенность поведенія, а отсюда или недобросовѣстное уклоненіе отъ браковъ, или же браки неосновательные, неравные и вообще неудачные и несчастные,—развитіе незаконнаго сожительства съ нарожденіемъ безправныхъ и безпріютныхъ существъ въ обществѣ, умноженіе случаевъ всякаго рода преступленій съ цѣлію скрыть или уничтожить позорные плоды нехристіанской жизни и т. п. Въ области физической: вырожденіе сильнаго, долговѣчнаго и красиваго человѣческаго типа съ появленіемъ цѣлаго сонма всяческихъ недуговъ, немощей и безобразій. О, еслибы прародители наши, блиставшіе нѣкогда въ Едемѣ богоподобной красотой и силою, взглянули на нынѣшнихъ потомковъ своихъ, выродившихся, хилыхъ, недолговѣчныхъ, болѣзненныхъ и некрасивыхъ! Конечно они отвратили бы отъ нихъ съ горькою грустію очи свои и, можетъ быть, даже не признали бы ихъ своими потомками. Въ чемъ же причина такого печальнаго измѣненія, происшедшаго въ природѣ человѣ-

ческой? Въ томъ, что родъ людской не просто сталъ грѣшнымъ, но—какъ говоритъ самъ Спаситель—прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ.

Рисуя предъ вами столь неблагообразную и печальную картину развращенія людскаго, мы отнюдь не забываемъ, что въ человѣческихъ обществахъ живы еще и не пропали и нравственныя начала. Есть, разумѣется, люди благоразумные, цѣломудренные и чистые. Не будь этого сѣмени святаго, то и міръ бы не стоялъ, а погибъ бы, какъ допотопные люди, или какъ нечестивые пять городовъ Содомскихъ во времена Авраама. Въ особенности наша женская среда еще, благодареніе Богу, остается болѣе или менѣе все же блюстительницею цѣломудренныхъ и чистыхъ началъ въ обществѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ неустройствъ и неправильностей, навѣваемыхъ и въ женскую среду духомъ нынѣшняго матеріальнаго времени и разными случаями небрежнаго, неправильнаго или неосновательнаго воспитанія женскаго, всежъ-таки съ именемъ женщины вообще, какъ половины людскаго рода, соединяется въ обществѣ представленіе, какъ о чемъ-то лучшемъ и болѣе чистомъ, чего именно не достаетъ мужскому роду. Это представленіе было бы невозможно, если бы ему не соотвѣтствовало чего нибудь въ дѣйствительности. Все это такъ. Но мы рѣшились говорить именно о томъ, что у насъ дурно, дабы съ одной стороны привести зло къ сознанію и дать почувствовать его силу, а затѣмъ съ другой стороны и попытку сдѣлать къ его исцѣленію. Кто здоровъ и кто изъ васъ безъ грѣха, къ тому пусть не относится наше слово! Или нѣтъ,—пусть оно относится ко всѣмъ безъ исключенія нашимъ слушателямъ и слушательницамъ, имѣющимъ уши слышати, и разумъ чтобы понимать! Непорочные и чистые пусть знаютъ вполнѣ цѣну своему сокровищу, которымъ они владѣютъ, но пусть знаютъ и опасности, какія угрожаютъ ихъ добродѣтели. На пастыряхъ духовныхъ, какъ и на врачахъ тѣлесныхъ, лежитъ обязанность не врачевать только, но и предупреждать болѣзни.

Прежде всего, возлюбленные, мы желали бы объяснить вамъ ту неосновательность и легкость, съ какою обыкновенно смотрятъ

на грѣхъ нецѣломудрія. Преступность и богопротивность этихъ грѣховъ стараются обыкновенно ослабить, и даже вовсе сгладить и оправдать натуральными и потому якобы законными стремленіями человѣческой природы. Но во первыхъ инстинктивное влеченіе, о которомъ у насъ рѣчь, отнюдь не имѣетъ той роковой и неотвратимой силы, какъ многія другія потребности животной натуры человѣка,—знакъ, что это влеченіе подчинено разумной свободѣ человѣка и отдано, такъ сказать, въ ея распоряженіе. Впрочемъ и всѣ вообще такъ называемые инстинкты человѣческіе, т. е., всѣ его поступки и дѣянія, имѣющія свою причину въ естественныхъ потребностяхъ его натуры, всѣ они безъ различія подчинены до извѣстной степени самой природой, а слѣдовательно должны быть подчиняемы и человѣкомъ своему свободному произволенію и разуму; въ противномъ случаѣ онъ приложился бы, какъ говоритъ Писаніе, скотомъ несмысленнымъ и уподобился бы имъ. Во вторыхъ,—и это самое главное, на что просимъ обратить все ваше вниманіе,—слово Божіе намъ открываетъ, что со времени нашего паденія въ раю занесена въ нашу природу нѣкоторая порча и нечистота. Первое прискорбное сознаніе этой нечистоты мгновенно вызвало краску стыда на лицѣ человѣческомъ, и сдѣлало необходимою одежду,— и съ тѣхъ поръ живетъ и живетъ въ родѣ человѣческомъ это замѣчательное чувство, называемое стыдомъ. Что оно такое— это чувство само въ себѣ? Очевидно, что оно есть нѣкоторое невольное и въ то же время весьма глубокое и внутреннее сознаніе какого-то неустройства въ нашей природѣ, чего-то не совсѣмъ хорошаго, живущаго въ насъ. Простой здравый смыслъ можетъ подсказать всякому, что съ такимъ въ сущности тяжелымъ и непріятнымъ чувствомъ никакая тварь не могла выдти изъ рукъ создателя, ибо никакая тварь не должна была стыдиться себя. Посему и видимъ мы, что въ той области, гдѣ нѣтъ нравственной свободы и гдѣ значитъ не могло произойти никакого грѣха, тамъ нѣтъ и стыда. Мы говоримъ о царствѣ неразумныхъ животныхъ. Между тѣмъ человѣку приходится чего-то краснѣть и стыдиться самому за себя. Безъ всякаго сомнѣнія это не могло и не должно было такъ быть изначала.

И вотъ слово Божіе говоритъ намъ, что невинные какъ дѣти и ангелоподобные прародители наши *были оба наги, Адамъ и жена его, и не стыдились* (Быт. II, 25). Какъ затѣмъ все это извратилось, какъ отлетѣла наша невинность завистью древняго змія губителя, полагаемъ не нужно распространяться, какъ объ исторіи общеизвѣстной. Просимъ только крѣпче начертать въ своей мысли, что послѣ этого прискорбнаго событія то, что должно было по плану Божію совершаться въ человѣкѣ безгрѣшно и свято, въ чистотѣ и разумности побужденій, теперь помутилось и оплотянѣло до такой степени, что всѣ мы грѣшные теперь *въ беззаконіи зачинаемся и во грѣсѣхъ рождаемся* (Пс. L, 7), и тотъ естественный законъ брака, который въ первый разъ былъ изреченъ нашимъ невиннымъ прародителемъ въ Едемѣ, теперь уже нуждается во вторичномъ, такъ сказать, благословеніи Божіемъ, т. е. въ очищеніи и одухотвореніи и вообще въ упорядоченіи, что и бываетъ въ новозавѣтномъ таинствѣ брака. При всемъ томъ дѣйствительность и чистое безбрачіе естественно стало теперь выше даже самого брака, каковое преимущество утверждается за нимъ и словомъ Божіимъ. Такъ Апостолъ говоритъ: *желаю, чтобы всѣ люди были, какъ и я* (т. е. въ безбрачномъ состояніи); *но каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе. Безбрачнымъ же и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я Но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ* (1 Кор. VII, 7. 8). Самъ Спаситель нашъ, законоположникъ новаго завѣта, обращая рѣчь свою къ избраннымъ людямъ, ревнующимъ о высшемъ нравственномъ совершенствѣ, говоритъ: *истинно говорю вамъ: нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ, или родителей... или жену... для царствія Божія, и не получилъ бы гораздо болѣе въ сіе время, и въ вѣкъ будущій жизни вѣчной* (Лук. XVIII, 29. 30). Въ другой разъ, когда ученики спросили Его: *если такова обязанность человѣка къ женѣ*, т. е., если такъ строги и чисты должны быть брачныя отношенія, *то лучше не жениться? Онъ же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ слово сіе*, т. е. не для всѣхъ доступно безбрачіе, *но кому дано.... Кто можетъ вмѣ-*

стить, да вмѣститъ (Мат. XIX, 10—12). Такимъ образомъ то убѣжище и оправданіе, которое надѣются найти невоздержники и сластолюбцы въ естественномъ инстинктѣ человѣческомъ, нисколько ихъ не укрываетъ и не оправдываетъ. Пусть такъ и знаютъ они, что то, что они дозволяютъ себѣ, по просту называется въ словѣ Божіемъ *блудомъ, нечистотою и похотью злою;* и пусть они не льстятъ себя, ибо, по слову того же Писанія *ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители... царства Божія не наслѣдуютъ* (1 Кор. VI, 9. 10).

Къ этому можно присовокупить еще одно замѣчаніе собственно для разъясненія того, почему такую важность сообщаетъ Писаніе всѣмъ видамъ плотскихъ грѣховъ. Оказывается, что подъ внѣшней и плотской стороной грѣховъ сладострастія зрѣетъ нѣкоторымъ образомъ тайна внутренняго беззаконія и нечистоты душевной. Съ растлѣніемъ тѣла растлѣвается и грязнится самая душа сластолюбца, появляется въ ней нѣкоторая распущенность, безпечность и наклонность къ животному и матеріальному взгляду на вещи и къ таковому же образу жизни во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Посему и Апостолъ говоритъ: *или не знаете, что совокупляющійся съ блудницею становится одно тѣло съ нею? ибо сказано: два будутъ одна плоть* (1 Кор. VI, 16). Смотрите же, какое нежеланное и можетъ быть невоображаемое вами единство заключается постыднымъ актомъ любодѣянія! Значитъ, далеко не проходятъ даромъ и не остаются безъ пагубныхъ слѣдовъ всякіе случаи плотскаго паденія; изъ сего поймите важность и тяжесть того, что вы можетъ быть до сихъ поръ считали пустяками,—и съ сей же минуты научитесь по крайней мѣрѣ называть вещи ихъ собственными именами. Блудъ—такъ блудъ и есть. Нечистота и срамота—такъ ужь не измышляйте для нихъ какихъ нибудь благовидныхъ названій, въ родѣ законныхъ потребностей природы. О, если бы мы не лукавили и не фальшивили предъ своею совѣстью! какъ много она подсказала бы справедливыхъ вещей и какъ много разъяснила бы нашихъ недоумѣній и ошибокъ!...

Показавъ вамъ неосновательность и грубость господствующаго

взгляда на грѣхи нецѣломудрія вообще, мы желаемъ сказать вамъ нѣсколько словъ и о томъ, съ какою удвоенною неосновательностію смотрятъ на эти грѣхи по отношенію къ мужскому поколѣнію въ частности. Въ самомъ дѣлѣ—то, что такъ строго, хотя и справедливо, судится въ женщинѣ, что считается для нея потерею чести, унижаетъ ее до послѣдней степени и навсегда лишаетъ ее добраго имени въ обществѣ,—то считается у насъ почему то маловажнымъ для мужчины, не кладетъ на него ровно никакого пятна, и много много называется грѣшками молодости, шалостію или извинительнымъ увлеченіемъ. Но на какомъ же это основаніи? Развѣ заповѣдь Господня—*не прелюбы сотвори*—изречена только для женскаго пола? Развѣ, когда говорилъ Апостолъ, что *блудникамъ и прелюбодѣямъ судитъ Богъ, что никакой блудникъ, или нечистый... не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога* (Еф. V, 3—6),—то онъ собственно разумѣетъ женщинъ? Не наоборотъ ли, ибо не женскія имена слышатся въ словахъ Апостола?! Развѣ когда Писаніе внушаетъ намъ, что *тѣла наши суть храмы Божіи* (1 Кор. VI, 19), и затѣмъ предостерегаетъ, что *кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. III, 16. 17),—то развѣ эти внушенія и предостереженія направлены только для женщинъ? Нѣтъ возлюбленные, совершенно нѣтъ! *О Христѣ Іисусѣ*, въ благодатномъ царствѣ его, *нѣсть мужескій полъ, ни женскій*, т. е. никакого нѣтъ различія между тѣмъ и другимъ поломъ по отношенію къ нравственнымъ обязанностямъ и по праву наслѣдія въ царствіи Христовѣ. Итакъ пусть никто не обольщаетъ и не успокоиваетъ себя! Срамота и преступность всѣхъ видовъ сладострастія столь же тяжкой отвѣтственностію отзовутся на праведномъ судѣ Божіемъ для всякаго мужчины, какъ и для женщины,—да къ большему осужденію первыхъ помянутся тогда и всѣ эти поблажки и нелѣпыя извиненія, которыя изобрѣли и выдумали для себя развращенные люди. Или можетъ быть не такъ пристала, не такъ къ лицу добродѣтель цѣломудрія для мужчинъ, чѣмъ для женщинъ? Взгляните и сравните сами! Вотъ предъ нами юная дѣвица: кротостію проникнутъ взоръ ея; чистота и нѣжность сіяетъ на лицѣ ея, скромностію раство-

рены ея рѣчи; простота и изящество замѣтны въ ея одеждѣ, строгое приличіе въ поступкахъ, грація въ движеніяхъ и привлекательная стыдливость во всей ея особѣ. Но вотъ съ другой стороны непорочный и цѣломудренный юноша: открытый и ясный взоръ свидѣтельствуетъ о ясности души его; свѣжесть, сила и здоровье написаны въ каждой чертѣ его мужественнаго лица; благородство, чистота и энергія рѣчей его обнаруживаютъ цѣлость чувства, глубину и нѣжность сердца, чуткаго и послушливаго къ всему возвышенному и прекрасному; глубокое уваженіе къ религіи, искренность и основательность въ убѣжденіяхъ и привлекательная скромность всего поведенія, соединенная съ отвращеніемъ и брезгливостію къ всему грубому, животному и низкому,—вотъ наиболѣе выдающіяся свѣтлыя черты юношеской красоты и непорочности! Чѣмъ же хуже этотъ послѣдній образъ перваго? Напротивъ если бы гдѣ нибудь удалось намъ встрѣтить приблизительныя черты его въ жизни, то не поспѣшили-ли бы сами мы признать за нимъ право первенства? И это было бы совершенно согласно съ праведливостію. Ибо при той относительной свободѣ, которою пользуется мужескій полъ по самому положенію своему въ обществѣ, и при многочисленности тѣхъ соблазновъ и искушеній, съ которыми приходится непосредственно сталкиваться каждому возрастающему молодому человѣку, добродѣтель его вполнѣ бы ему принадлежала, и была бы поистинѣ его личнымъ подвигомъ. И, Боже, какъ обновилось бы и помолодѣло все общество, если бы побольше возрастало въ немъ такихъ юношей героевъ и вообще такихъ блюстителей и носителей чистоты въ мужскомъ поколѣніи! Къ сожалѣнію чаще всего приходится видѣть обратныя грустныя картины. Рядомъ съ чистотой и добродѣтелью слабѣйшаго пола непріятно бросается въ глаза, если не прямой порокъ и развращенность, то большая или меньшая порча и растлѣніе мужчинъ. Надѣясь найти семейное счастіе и ища его въ бракѣ, они требуютъ совершенной добродѣтели и всецѣлой непорочности души и тѣла отъ своихъ избранницъ, какъ совершенно естественной и обыкновенной вещи, себя же не считаютъ обязанными сберегать то же самое для брачнаго алтаря. Такой самолюбивый со стороны мущины и оскорбительный для женщины взглядъ на

взаимныя ихъ права и отношенія, кромѣ противорѣчія Христову ученію и невѣрности евангельскимъ началамъ, заключаетъ въ себѣ—какъ хотите—значительную долю невѣжества и варварства, оставшагося отъ временъ древнихъ, когда женщина считалась лишь предметомъ, назначеннымъ для удовольствія сильнѣйшаго пола, нѣкоторымъ безличнымъ существомъ, вполнѣ принадлежащимъ своему господину, т. е. мужчинѣ. Умѣстенъ ли такой взглядъ въ гуманномъ и образованномъ обществѣ, а главное, умѣстенъ ли въ средѣ христіанской, судите сами. Не этотъ ли грубый и матеріальный взглядъ и нецѣломудріе мужчинъ, столь оскорбительные для женщинъ, заноситъ порчу и суетность и въ женскую среду, будя въ женщинахъ чувственные инстинкты и развивая въ нихъ наклонность и искуство расчетливо и тонко дѣйствовать всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами на эти же инстинкты и въ мужескомъ поколѣніи? Кажется такъ!...

Послѣ всего сказаннаго примите, возлюбленные, слѣдующее наше заключительное слово пастырское. Юноши и дѣвы, къ вамъ прежде всего обращаемъ мы это слово. Умоляемъ васъ именемъ Господнимъ блюсти, какъ святыню, какъ наилучшее ваше сокровище, чистоту душевную и тѣлесную. Она есть самый вѣрный и прочный залогъ вашего счастія въ будущемъ, о которомъ такъ естественно мечтать всякому молодому человѣку. Она привлечетъ къ вамъ благодать и милость Господню и полное уваженіе отъ людей. Чистый и цѣломудренный юноша, невинная и непорочная дѣвица: что можетъ быть лучше и прекраснѣе этихъ явленій въ родѣ человѣческомъ?! Въ васъ надежда, въ васъ сила и обновленіе цѣлаго общества: какое высокое и и почтенное положеніе! Не сообразуйтесь же вѣку сему прелюбодѣйному и грѣшному, но испытывайте, что есть воля Божія. А воля Божія такова, чтобы *тѣлеса ваши* были достойнымъ *храмомъ живущаго въ васъ Св. Духа, котораго вы имѣете отъ Бога, и не́сте свои. Ибо вы куплены дорогою цѣною. Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи* (1 Кор. VI, 19. 20). И вы жены и мужи выслушайте не наше немощное, но слѣдующее апостольское боговдохновенное слово: *Жены будьте вѣрны и*

чисты, повинуясь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое богобоязненное житіе. Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣка въ нетлѣнной красотѣ кроткаго молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ (1 Петр. III, 1—4).... *Такъ же и вы, мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немощнѣйшимъ сосудомъ, оказывая имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни, дабы не было вамъ препятствія въ молитвахъ* (Тамъ же ст. 7). Тѣмъ же изъ нашего общества, которые, повинуясь грубому и матеріальному духу нынѣшняго времени, живутъ въ беззаконіи или заключаютъ незаконные союзы, подобные супружескимъ, по всей истинѣ слѣдуетъ повторить слово, которое сказалъ нѣкогда Ездра, богодухновенный священникъ Іудейскій, своимъ одноземцамъ, заключившимъ по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго незаконные союзы съ иноплеменницами и язычницами. *Вы сдѣлали преступленіе, взявши себѣ женъ незаконныхъ, и иноплеменныхъ, и тѣмъ увеличили вину Израиля! Итакъ покайтесь въ семъ предъ Господомъ Богомъ отцовъ вашихъ, и исполните волю Его, и отлучите себя.... отъ женъ незаконныхъ!* (1 Езд. 10. 11). Писаніе повѣствуетъ далѣе, что *отвѣчало тогда все собраніе, и сказало громкимъ голосомъ: какъ ты сказалъ, такъ и сдѣлаемъ* (Тамъ же ст. 12)! Будутъ ли столь же послушны и благоразумны новозавѣтные израильтяне — христіане,—Богъ вѣсть! По крайней мѣрѣ мы сказали имъ все, что надлежало. И думаемъ, что не неумѣстна наша проповѣдь о нравственномъ обновленіи въ нынѣшій день, когда мы собрались торжествовать и молиться о нашемъ великомъ Государѣ, который всю царственную энергію направляетъ къ тому, чтобы обновилось къ лучшему великое русское царство православное во всѣхъ отношеніяхъ. Аминь.

СЛОВО

въ день вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(26 августа 1875 г.).

Тайна беззаконія уже въ дѣйствіи, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь. И тогда откроется беззаконникъ, котораго Господь Іисусъ Христосъ убьетъ духомъ устъ своихъ, и истребитъ явленіемъ пришествія своего (2 Сол. II, 7. 8).

Беремъ мы эти слова апостола для бесѣды съ вами потому, что они имѣютъ отношеніе ко времени, которое приходится переживать намъ. Замѣчательныя слова сіи даютъ намъ разумѣть, что есть въ родѣ человѣческомъ нѣкоторыя темныя подземныя силы, которыя ведутъ скрытую, но упорную и вѣковѣчную борьбу со свѣтлыми началами добра, живущими въ человѣческихъ обществахъ. Борьба эта то меньшее, то большее принимаетъ напряженіе; ибо есть нѣчто въ самыхъ обществахъ людскихъ, что сдерживаетъ и ограничиваетъ живущія въ нихъ злыя начала, и охраняетъ общественное благо. Но настанетъ время, когда зло достигнетъ наивысшей своей напряженности въ страшномъ и таинственномъ лицѣ антихриста, послѣ чего однакоже послѣдуетъ полное его низложеніе и пораженіе и откроется новая жизнь человѣчества на новыхъ и свѣтлыхъ началахъ. Это будетъ при концѣ сего видимаго міра и по второмъ пришествіи Господа Іисуса Христа на землю. По толкованію богомудрыхъ отцовъ церкви, — то, что сдерживаетъ и тушитъ зло, таящееся внутри грѣшныхъ обществъ человѣческихъ и рвущееся наружу, есть не что иное, какъ правительственная власть гражданская; такъ что по мѣрѣ ослабленія сей власти въ обществахъ людскихъ станетъ все больше и больше увеличиваться просторъ для темныхъ

*) Напечатано въ 17-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1875-й г.

силъ. Время же антихристово не иначе нужно воображать, какъ полною анархіей и окончательнымъ попраніемъ всякаго гражданскаго права. Не станемъ гадать, далеко ли мы отстоимъ отъ сей ужасной развязки всемірной исторіи,—это вѣдомо единому Богу, *положившему времена и лѣта во своей власти*, но—повторяемъ—мы не безъ намѣренія поставили во главѣ нашего слова вышеприведенныя слова апостола Павла, ибо *тайна беззаконія уже въ дѣйствіи*, какъ говоритъ онъ. Это мы можемъ чувствовать отчасти по тѣмъ глухимъ и зловѣщимъ отголоскамъ, которые слышатся время отъ времени въ нынѣшнихъ обществахъ людскихъ, и проявляются то въ видѣ безбожныхъ и матеріалистическихъ ученій, то въ видѣ разныхъ политическихъ партій—съ цѣлію поколебать правительственную власть и низвратить вѣковѣчные законы гражданственности. Къ прискорбію, и въ нашемъ родномъ краѣ стали дерзновенно подымать голову тайные дѣятели противу государственныхъ началъ и затѣяли распространеніе этихъ антихристовыхъ началъ по преимуществу въ нашемъ учащемся и только еще созрѣвающемъ юношествѣ. Объ этомъ возвѣстило намъ само правительство, и всей читающей Россіи уже извѣстно, что нѣсколько несчастныхъ жертвъ изъ отуманенной и заблудшей среды юношества уже потерпѣли заслуженную кару отъ правосудія. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить, на сколько широко и успѣшно идетъ подземная работа, подкапывающаяся подъ наше общественное благо, но довольно и того, что она есть, о чемъ предупредить и вразумить насъ находитъ нужнымъ сама правительственная власть. Церковь православная не можетъ оставаться равнодушною къ этимъ прискорбнымъ явленіямъ среди народа православнаго, и намъ-ли пастырямъ духовнымъ молчать объ нихъ, когда прямой нашъ долгъ—съ словомъ врачевания и назиданія отзываться на все, что можетъ угрожать не только спасенію, но даже и внѣшнему благоустройству нашихъ пасомыхъ?!...

Объясняя причины быстрыхъ и широкихъ успѣховъ онаго страшнаго и послѣдняго беззаконника въ родѣ человѣческомъ и описывая современную ему среду людскую, апостолъ предсказываетъ нѣкоторое странное и почти поголовное ослѣпленіе людей.

Чувство истины у всѣхъ какъ бы замретъ и изчезнетъ *за то, что они не приняли любви истины для своего спасенія. И за сіе пошлетъ имъ Богъ дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрить лжи* (2 Сол. II, 10. 11). Вотъ этого-то опаснаго состоянія, значитъ, и надо намъ поберечься прежде всего. Но что это за состояніе и какъ оно создается? Это есть какое-то одностороннее и превратное направленіе ума и сердца, по которому человѣкъ, не смотря на сильную и кипучую повидимому дѣятельность всѣхъ своихъ духовныхъ силъ, не дѣлаетъ ни одного вѣрнаго шага къ своему истинному совершенству. Въ этомъ состояніи человѣкъ способенъ принять за голосъ истины все то, что подсказываютъ ему его собственныя страсти, что создаетъ его разгоряченное и самолюбивое воображеніе. Это есть родъ нѣкоторой юношеской незрѣлости и легкомыслія, которое можетъ однако же быть недугомъ и старцевъ. Но то, что въ юношахъ случается большею частію по недостатку ясныхъ и зрѣлыхъ идей и по отсутствію надлежащей опытности, то въ зрѣлыхъ людяхъ зависитъ обыкновенно отъ превратнаго направленія уже окрѣпшей воли, отъ развращенія сердечнаго и отъ страстнаго и грѣхолюбиваго характера всей ихъ жизни. Это состояніе гораздо серьезнѣе перваго и тѣмъ опаснѣе бываетъ для человѣка, чѣмъ богаче онъ надѣленъ отъ природы умственными, матеріальными или другими какими нибудь дарами и силами. Эти люди оказываютъ сильное вліяніе на окружающую среду и создаютъ около себя нѣкотораго рода тлетворную атмосферу. Если они ученые или философы, то выдумываютъ отчаянныя и погибельныя ученія; если они государственные и политическіе люди, то способны на самые опасные перевороты и гибельныя революціи: они возбуждаютъ и кипятятъ народныя страсти, чтобы обратить ихъ въ орудіе своего честолюбія. Если они поэты и литераторы, то издаютъ многотомныя книги и журналы съ возбуждающимъ и зловреднымъ направленіемъ. Если они просто люди, обладающіе большими средствами къ жизни, то они способны ко всякимъ крайностямъ и излишеству въ употребленіи даровъ жизни, способны на всякія безумныя и причудливыя выходки. Отъ заполненія и преобладанія таковыхъ или подобныхъ людей въ обще-

ствѣ можетъ сложиться въ немъ нѣкоторый общій характеръ, нѣкоторое вольное и грѣхолюбивое направленіе всей жизни общественной. Наступаетъ тьма и путаница въ самыхъ понятіяхъ о добродѣтели и всѣ сословія дѣлаются способными *влаятися*, т. е. колебаться всякимъ вѣтромъ ученія, по слову писанія. Много простора и много удобствъ въ такой землѣ и въ такомъ народѣ найдутъ всякіе лжеучители и зловредные мечтатели. Голосъ же истины и здраваго смысла будетъ встрѣчаемъ или съ равнодушіемъ, или даже съ презрѣніемъ и насмѣшками.

Является естественный и безпокойный вопросъ,—что же мы? Что наша православная страна? Благодареніе Господу! Можно, кажется, съ увѣренностію сказать, что описанный нами ужасный недугъ умственнаго пресыщенія и отупѣнія, сопряженный съ потерею чутья истины и извращеніемъ нравственнаго чувства, не смогъ пустить многочисленныхъ и крѣпкихъ корней въ нашемъ общественномъ организмѣ. Православная Россія еще сильна любовію и преданностію къ престолу своихъ монарховъ и благоговѣніемъ ко властямъ предержащимъ. Но что идетъ какое-то озлобленное, хотя и невидимое посягательство на цѣлость этихъ дорогихъ и высокихъ началъ нашей народной жизни, что встрѣчаются по мѣстамъ нѣкоторые отдѣльные случаи зараженія тлетворными идеями западной науки и западныхъ нравовъ,—это тоже должно быть принято къ свѣдѣнію всякимъ истиннымъ и православнымъ сыномъ Россіи, должно озабочивать насъ и побуждать къ единодушнымъ и совокупнымъ мѣрамъ противодѣйствія злу.

Двѣ мѣры представляются единственно вѣрными и самыми надежными противъ угрожающаго намъ зла, именно: распространеніе здравой и свѣтлой науки въ умственной жизни и углубленіе религіозныхъ началъ въ нравственной жизни нашего общества. Говоря объ наукѣ, надо однакоже помнить, что это обоюдуострое оружіе. Путемъ науки, какъ извѣстно, проходитъ въ общество не только свѣтъ, но и тьма и всякая нравственная тля. Самыя странныя теоріи, отрицающія Бога и извращающія нравственность, силятся опереться на доводахъ науки. Но это не есть истинная наука, *это не есть мудрость, нисходящая свыше*, какъ говоритъ апостолъ Іаковъ, *но земная, душевная, бѣсовская*

(Іак. III, 15). Истинная наука есть плодъ многосторонняго и серьезнаго изученія разныхъ областей знанія, законовъ природы и человѣческой души; она не верхоглядствуетъ, не дѣлаетъ скороспѣлыхъ выводовъ изъ отрывочныхъ наблюденій и не спѣшитъ какія нибудь оригинальныя и смѣлыя предположенія выдавать за несомнѣнныя истины. И потому истинно и многосторонне-ученый есть всегда глубоко-религіозный человѣкъ. О насажденіи такой-то именно здравой и серьезной науки въ нашемъ отечествѣ и озабочено теперь, какъ мы знаемъ, правительство наше. Сколько долгъ совѣсти, столько же и гражданскій долгъ всякаго истиннаго сына отечества — помочь симъ правительственнымъ заботамъ своимъ содѣйствіемъ и сочувствіемъ. Позаботимся о серьезномъ и многостороннемъ образованіи своихъ дѣтей, пріучимъ ихъ къ труду и вдохнемъ въ нихъ любовь къ самообразованію. Если-бы наше учащееся юношество, находясь въ школѣ или дома, занималось именно тѣмъ, чѣмъ бы ему слѣдовало больше всего и прежде всего заниматься, т. е. наукой, то оно не было бы такъ легкомысленно и незрѣло и такъ податливо на всякую ложь и обманъ, прикрывающіеся именемъ науки. Но и мы сами *не всякому духу будемъ вѣровать, но испытывать духовъ, отъ Бога ли они: потому-что много лжепророковъ появилось въ мірѣ* (1 Іоан. IV, 1). Если бы масса многоразличныхъ знаній и ученій, вторгающаяся къ намъ безчисленными путями печати, провѣрялась нашими мыслящими людьми, а не принималась на вѣру,—иначе сказать—если бы побольше было у насъ самостоятельной и здравой науки и если бы поклоненіе всякимъ иностраннымъ авторитетамъ не простиралось до попранія здраваго смысла и до забвенія вѣковѣчныхъ истинъ нравственности, то конечно много бы всякой ученой изгари безслѣдно и безвредно изчезло бы въ нашемъ русскомъ воздухѣ и не туманило-бы головъ нашему юношеству. «Но къ сожалѣнію,—умѣстно повторить здѣсь подлинныя слова министра народнаго просвѣщенія,—дѣти и юноши, вмѣсто того, чтобъ найти въ окружающей ихъ средѣ и въ своихъ семействахъ отпоръ преступнымъ увлеченіямъ и политическимъ фантазіямъ, встрѣчаютъ иногда, напротивъ того, одобреніе и поддержку; только этимъ и можно объяснить распростране-

ніе соціалистическихъ теорій, давно осужденныхъ здравою наукой... Судебное изслѣдованіе обнаружило, что нѣкоторые отцы и матери подбивали къ нимъ своихъ дѣтей. Это явленіе, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ министръ, гораздо прискорбнѣе самой пропаганды: оно показываетъ, до какой степени поверхностна и невѣжественна извѣстная часть нашего общества» *). Не зная и не видя предъ собою этихъ поверхностныхъ и невѣжественныхъ людей, пошлемъ имъ отсюда, съ сего священнаго мѣста, наше полное несочувствіе и неодобреніе. Да будетъ имъ стыдно, какъ говорили въ старину! Да будетъ имъ грѣхъ! Людямъ же, не имѣющимъ научныхъ средствъ распознавать истину отъ лжи, можемъ мы предложить слѣдующее самое лучшее и надежное правило: крѣпче держаться за свои ближайшія и прямыя обязанности и во всемъ поступать такъ, какъ велитъ долгъ совѣсти и гражданская честь. Это правило могло бы быть крѣпкою бронею, отъ которой отражались бы въ безсиліи всѣ разженныя стрѣлы лукавыхъ и темныхъ противообщественныхъ духовъ.

Но какъ достигнуть, чтобы это правило было не отвлеченнымъ положеніемъ мысли, а живымъ и дѣйственнымъ началомъ нашей общественной и нравственной жизни? Вотъ здѣсь-то и оказывается всего важнѣе благодатное дѣйствіе религіи на сердце и совѣсть человѣческую. Безъ этого вліянія ничто въ мірѣ не въ состояніи поднять человѣка до подобающей ему высоты и благородства. Въ самомъ дѣлѣ, кто носитъ въ сердцѣ своемъ крѣпкую вѣру въ Бога, не въ отвлеченнаго и философскаго, но въ живаго и личнаго Бога, творца міра и судію вселенной, невидимаго, но всевидящаго судію нашихъ поступковъ и нашихъ помысловъ; кто увѣренъ, что послѣ этой кратковременной жизни, гдѣ такъ много случается всякихъ противорѣчій, страданій, неправды и грѣха, настанетъ иная безконечная жизнь, гдѣ рѣшится по всей справедливости участь каждаго человѣка; кто знаетъ безконечную любовь къ человѣкамъ Господа Бога, давшаго за нихъ сына своего единороднаго; кто не только знаетъ объ этой любви, но и пользуется живыми струями благодати, обильно открытой на землѣ воплощеннымъ Богомъ словомъ: то можно-ли сомнѣваться

*) См. циркуляръ Мин. Нар. Просв. отъ 24 мая 1875 г.).

объ этомъ человѣкѣ, что онъ окажется во всѣхъ отношеніяхъ надежнымъ человѣкомъ? Можно ли не ожидать отъ него всего благороднаго и всего прекраснаго? Можно ли страшиться за этого человѣка, что онъ поддастся какому нибудь духу лестчу, хотя бы этотъ духъ говорилъ, какъ сама премудрость? Нѣтъ, такимъ сомнѣніямъ и опасеніямъ вовсе не будетъ мѣста. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если нѣтъ у человѣка въ головѣ свѣточа религіи и если не горитъ въ его сердцѣ святая искра евангельской любви, то кто бы онъ ни былъ, какое бы высокое положеніе ни занималъ, какою бы громадною ученостью ни обладалъ, онъ всетаки останется человѣкомъ маловажнымъ и ненадежнымъ, и даже безнадежнымъ. Ибо что спасетъ его отъ самолюбія и вдохновитъ на борьбу со страстями и естественнымъ стремленіемъ къ личному покою и личнымъ выгодамъ? Ничто! Совѣсть? Но кто не знаетъ, какъ гибка и уступчива бываетъ человѣческая совѣсть? Что укажетъ и подскажетъ ему фальшь безумныхъ теорій, узаконяющихъ страстный личный произволъ и попирающихъ добродѣтель и законъ? Ничто! Разумъ? Но онъ-то и есть изобрѣтатель этихъ теорій; этотъ-то слабый, хотя и заносчивый разумъ человѣческій и бываетъ всего чаще не показателемъ, а затмителемъ истины. Есть-ли у него подъ ногами твердая нравственная почва и неизмѣнный законъ честной и добросовѣстной дѣятельности? Нѣтъ и нѣтъ! Можетъ быть спасетъ его долгъ и присяга? Но кто не знаетъ, какъ мало силы у людей имѣютъ эти слова сами по себѣ и съ какою легкостію за этими высокими словами, какъ за красивой мантіей, можетъ укрываться всякаго рода недобросовѣстность и самый застарѣлый порокъ и измѣна. Такъ важно и ничѣмъ незамѣнимо вліяніе религіи на совѣсть и сердце человѣческое. Отъ того-то собственно, можно сказать послѣ этого, и умножаются въ нашей странѣ православной разные сѣятели плевелъ; отъ того-то они и находятъ себѣ пріютъ и воспріемлющую почву, что у многихъ слабѣть стали религіозныя начала, колеблется вѣра и падаетъ христіанская нравственность. Будемте откровенны, и покаемся здѣсь предъ престоломъ Божіимъ, что въ этомъ мы всѣ, рѣшительно всѣ виноваты въ большей или меньшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, въ

чемъ выражается наша христіанская вѣра и наше благочестіе? Богу мы молимся мало и рѣдко. Въ храмъ Божій попадаемъ еще рѣже, большею частію урывками и какъ нибудь случайно. Книгъ духовныхъ и религіозныхъ мы не читаемъ, и читать не любимъ. Уставовъ церковныхъ не только не соблюдаемъ, но можно сказать и знать не хотимъ. Дѣлами христіанскими, напримѣръ благотворительностію и милосердіемъ, искреннею и нелицемѣрною заботливостію о благѣ ближняго, добровольнымъ и безкорыстнымъ радѣніемъ объ общемъ благѣ и проч...,—мы тоже похвалиться не можемъ. Досугъ свой наполняемъ удовольствіями и развлеченіями—либо пустяшнаго, либо прямо-дурнаго свойства. Провѣрять и изслѣдовать свои нравственно-религіозныя убѣжденія, и просвѣтлять ихъ ученіемъ евангельскимъ,—мы тоже не любимъ и скучаемъ. Нѣкоторыя общеобязательныя дѣла христіанскія мы конечно отбываемъ, напр. разъ въ годъ приступаемъ даже къ великому таинству пріобщенія; но все это, большею частію, выходитъ у насъ холодно и нехотя, формально и безъ сердечнаго участія. Иногда-же и вовсе мы уклоняемся отъ всякихъ христіанскихъ обязанностей. Гдѣ же, скажите, тѣ свѣтлые признаки, по которымъ бы прямо было видно, что мы принадлежимъ къ великой семьѣ народовъ, исповѣдающихъ принесенную самимъ Богомъ вѣру? И нѣтъ, и нѣтъ этихъ желанныхъ признаковъ! И не удивительно, повторимъ опять, что разные развращающіе и зловредные духи то тамъ то здѣсь начинаютъ дуть по разнымъ направленіямъ и пунктамъ нашей родины. И конечно, если все это будетъ продолжаться такъ же, какъ и теперь, т. е. если въ своемъ нравственномъ развитіи мы всего будемъ ждать лишь отъ естественнаго прогресса времени, и увлекаться, подобно бездушнымъ волнамъ, только неизбѣжнымъ потокомъ историческихъ и политическихъ событій, а не станемъ вносить въ свою жизнь началъ религіозныхъ; то мы можемъ наконецъ потерять совершенно свой христіанскій типъ, и себя и страну свою подвергнемъ всякимъ неожиданнымъ и притомъ самымъ горькимъ случайностямъ. Стоило бы подумать объ этомъ, какъ можно серьезнѣе, всѣмъ истиннымъ патріотамъ, всѣмъ честнымъ и благонамѣреннымъ гражданамъ,—а кому же не дорого это имя?! Слѣдовало бы

всѣмъ намъ устремить единодушныя усилія на обновленіе и поднятіе религіозной области въ нашей странѣ.

Но инымъ что ни толкуй, а имъ все кажется, что религія есть какая-то особенная область, не имѣющая прямаго отношенія къ государственному строю; что объ ней лишь надо говорить въ церквахъ, и притомъ для высшихъ и неземныхъ цѣлей, а земное преуспѣяніе обществъ идетъ будто-бы по своимъ самостоятельнымъ законамъ. Вотъ это-то и горько! Вотъ это и есть самая странная и грубая ошибка! Общеизвѣстно изрѣченіе, что самый хорошій человѣкъ есть самый религіозный человѣкъ. Откуда же возмется хорошее и благоустроенное общество, если единицы его не хороши и не надежны, т. е. не религіозны? Если нужны наглядныя доказательства и примѣры; то, не ходя за ними далеко, мы могли бы заимствовать ихъ тысячи,—хотя бы изъ нашихъ же національныхъ газетъ и журналовъ,—въ доказательство того, какъ безъ религіи самыя разумныя мѣры и благодѣтельныя реформы правительственныя не приносятъ ожидаемыхъ благихъ плодовъ. То мѣшаетъ имъ пьянство и невѣжество толпы народной; то грубость и самовластіе служащаго чиновничества; то корыстолюбіе и жадность людей, власть имѣющихъ; то сластолюбіе и изнѣженность людей богатыхъ; то развратъ бѣдняковъ; то праздность и лѣнь начальниковъ; то недобросовѣстность и небрежность подчиненныхъ,—словомъ, то одна, то другая, то третья какая нибудь страсть людская. А это все что же, какъ не отсутствіе или слабость религіознаго чувства и упадокъ христіанскаго благочестія? Не ясно ли, что гдѣ нѣтъ религіи, или гдѣ она ослабла,—тамъ все пропало, все ничтожно и ненадежно?! Невольно вспоминаются по сему случаю знаменательныя слова Писанія, что *тѣлесное*, т. е. свѣтское, *сбученіе вмалѣ есть полезно*, *а благочестіе на все полезно есть*, *имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей* (1 Тим. IV, 8).

Итакъ—братія,—заключимъ мы бесѣду свою словами Апостола:—*стойте и держите преданія, которымъ вы научены* можетъ быть изъ дѣтства словомъ Божіимъ (2 Сол. II, 15). Если же эти преданія и наученія религіозныя забылись или ослабли

отъ времени и суеты житейской; то воскресите ихъ въ своей памяти, перенесите въ сердце, и по нимъ начните устроять свою жизнь. Подробныя правила и пріемы для этой великой и святой реформы легко найти вы можете въ святыхъ уставахъ церкви, которая молится ежедневно не только о нравственномъ, но и житейскомъ преуспѣяніи своихъ чадъ православныхъ. Эти-же начала нравственно-христіанской жизни положить намъ слѣдуетъ и въ основаніе воспитанія своихъ дѣтей. Этимъ мы подготовимъ лучшія и надежнѣйшія силы своему отечеству, самую крѣпкую защиту отъ зла и крамолы, самыхъ вѣрныхъ подданныхъ нашему великому Государю. Молитвою о немъ, нашемъ возлюбленномъ монархѣ, заключимъ мы и слово наше. *Господи! спаси царя и услышь насъ, когда будемъ взывать къ Тебѣ* (Пс. XX, 10). Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

по случаю выбора членовъ суздальской земской управы *).

(28 сентября 1875 г.).

Достопочтенные мужи и возлюбленные о Христѣ братія!

Дѣло, для котораго собрались мы нынѣ, привело мнѣ на мысль нѣкоторый случай изъ священной исторіи народа Израильскаго. Случай этотъ, при всей своей отдаленности отъ насъ по времени, весьма близокъ къ намъ и поученъ по прямому отношенію къ цѣли настоящаго нашего собранія. Нѣкогда священникъ Мадіамскій Іоѳоръ, цѣлый день смотрѣвши на утомительные и одиночные труды великаго Моисея по гражданскимъ дѣламъ Израиля, сказалъ ему слѣдующія достопримѣчательныя слова: *не хорошо это ты дѣлаешь. Ты измучишь и себя и народъ сей,. . ибо .. ты одинъ не можешь исправлять его. Итакъ*

*) Напечатано въ 20-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1875 г.

послушай словъ моихъ; я дамъ тебѣ совѣтъ, и будетъ Богъ съ тобою... усмотри (себѣ) *изъ всего народа людей способныхъ, боящихся Бога, людей правдивыхъ, ненавидящихъ корысть*), и поставь ихъ* себѣ помощниками,... *и будетъ тебѣ легче, и они понесутъ съ тобою бремя.* Писаніе прибавляетъ далѣе, что *послушалъ Моисей словъ тестя своего и сдѣлалъ все, что онъ говорилъ ему* (Исх. XVIII, 17. 18. 19. 21. 22. 24). Я полагаю вы уже чувствуете, какъ прямо идутъ къ вамъ въ теперешнемъ положеніи вашемъ наставительныя слова Іоѳора, мудраго священника Мадіамскаго. Но прежде всего я желалъ бы обратить ваше вниманіе на характерность и знаменательность самаго случая, которымъ были вызваны сіи слова. Онъ открываетъ намъ, какую важность для благосостоянія народнаго приписываетъ слово божіе дѣламъ гражданскимъ. Ибо и пророкъ Моисей, не смотря на свою по преимуществу религіозную миссію въ народѣ Божіемъ, занимается этими дѣлами,—по буквальному выраженію самого писанія,—*съ утра до вечера* (Исх. XVIII, 13). Но изъ сего же примѣра Моисеева усматривается и то, какъ многосложны и трудны бываютъ обязанности по дѣламъ народнымъ и гражданскимъ; ибо въ нихъ понадобились многочисленные помощники и сотрудники даже богодухновенному и богоизбранному вождю Израильскому.

Нельзя ли, прошу васъ, и вамъ какъ можно серьезнѣе взглянуть на ваше теперешнее дѣло, такъ-какъ вы сейчасъ должны заняться выборомъ земскихъ дѣятелей изъ своего общества, созидателей и радѣтелей народнаго благосостоянія, вѣрныхъ сотрудниковъ и помощниковъ великому вождю и радѣтелю нашего общаго блага — монарху всероссійскому. Это мой первый совѣтъ вамъ. Чтобы этотъ совѣтъ вамъ просвѣщеннымъ и разумѣющимъ людямъ не показался излишнимъ, я могу напомнить объ общей человѣческой слабости измѣнять подчасъ своимъ разумнымъ убѣжденіямъ, и самыя свѣтлыя теоріи портить на практикѣ. Могу поставить на видъ и другую, чисто національную и, такъ сказать, домашнюю нашу слабость русскую: съ особенною горяч-

*) Въ слав. переводѣ: *ненавидящія гордости.*

ностію предаваться разсужденіямъ и рѣчамъ о дѣлахъ общественныхъ, и съ замѣчательнымъ равнодушіемъ относиться къ нимъ, когда настаетъ часъ и очередь дѣлать эти дѣла и нести ихъ на своей отвѣтственности. Не я выдумалъ эту слабость; объ ней говорятъ и пишутъ откровенно сами русскіе люди, объ ней же, можетъ быть, напоминаетъ намъ и наша собственная совѣсть. И вообще думается мнѣ, не лишне будетъ въ настоящія минуты напомнить вамъ о важности предстоящаго дѣла и пригласить васъ отнестись къ этому дѣлу съ подобающею для него серьезностію. Въ чемъ именно должна состоять эта серьезность, — вы наилучшее разъясненіе и руководство можете найти въ вышеприведенныхъ словахъ богомудраго Іоѳора, къ которымъ я съ этою цѣлію и возвращаюсь снова.

Усмотри себѣ изъ всего народа людей способныхъ, говорилъ онъ Моисею. Это же обязаны сдѣлать и вы прежде всего. Подъ именемъ же способныхъ людей не всегда нужно разумѣть людей съ обширнымъ образованіемъ, съ глубокими и разнообразными научными свѣдѣніями, а тѣмъ менѣе — людей умѣющихъ красно и довко повести рѣчь о всемъ на свѣтѣ, а потому успѣшно напускающихъ на себя не принадлежащія имъ достоинства, и созидающихъ себѣ до извѣстной степени авторитетъ у людей ихъ окружающихъ. Эту оговорку я считаю нужнымъ сдѣлать въ виду того, что истинно учеными и образованными людьми, мы вообще говоря, еще не богаты; а мнящихся быти мудрыми и имѣющихъ внѣшнюю видимость людей развитыхъ и просвѣщенныхъ найдется въ нынѣшнее время довольно во всякомъ обществѣ. Между тѣмъ для дѣла не только земскаго, но и всякаго, весьма часто требуется больше всего здравый природный умъ, ясное и трезвое пониманіе людей и вещей, мудрый житейскій тактъ и практическая опытность. Всѣ эти драгоцѣнныя качества не всегда, какъ извѣстно, замѣтны по своей благовидной и бьющей въ глаза наружности, но иной разъ какъ нарочно скрыты бываютъ подъ самой обыкновенной и простой наружностію, живутъ въ нуждѣ и бѣдности, и ходятъ даже въ простомъ крестьянскомъ армякѣ. Примите же предосторожность не вдаться въ ошибку и обманъ съ этой именно стороны; вглядитесь пристальнѣе въ свое

общество, и по совѣсти и долгу выдвиньте впередъ себя людей, имѣющихъ не фальшивые, а истинные признаки людей способныхъ, дѣльныхъ и здравомыслящихъ.

Усмотри себѣ *изъ всего народа людей... боящихся Бога* — говорилъ далѣе Іоѳоръ Моусею. Такъ же должны поступить и вы. Ваши избранники не только должны быть способные люди, но и боящіеся Бога, люди благонамѣренные и честные, — иначе сказать—искренніе и добрые христіане. Умъ и способности, къ сожалѣнію, не всегда свидѣтельствуютъ о высокой цѣнности и объ истинномъ достоинствѣ человѣка. Сколько есть умныхъ и необыкновенно способныхъ людей, съ которыми однакоже не знаетъ что и дѣлать общество, которые стали его зловредною язвою и гнилостнымъ наростомъ. Это всегда люди безъ религіи и Бога, люди невѣрующіе и грубые матеріалисты. Но есть многое множество и такихъ людей, которые при всей своей безвредности, въ общественные дѣятели однакоже не годятся не смотря на свой умъ и способности. Это напримѣръ—люди апатичные и лѣнивые, либо разсѣянные и вѣчно пирующіе, люди непривычные и неумѣющіе подчинять совѣсти и долгу свой личный покой и свои частныя выгоды. Это тоже — люди, не руководствующіеся правилами религіи, и не имѣющіе прочныхъ началъ религіозныхъ въ своемъ сердцѣ. И ничто кромѣ религіи, не можетъ вдохнуть въ человѣка эту совѣстливость и это уваженіе къ святости долга, безъ которыхъ никакая служба не можетъ быть надлежащей и истинно полезной службой. Непрестанно напоминая о Богѣ, правосуднѣйшемъ и всевидящемъ судіи человѣческаго сердца и человѣческихъ дѣяній, предъ которымъ надлежитъ всѣмъ отдать отчетъ во всякой праздно или грѣшно прожитой минутѣ; указуя за предѣлами настоящей кратковременной жизни другую вѣчную жизнь, гдѣ должна рѣшиться навсегда судьба каждаго человѣка,—религія является наилучшею уздою человѣческаго эгоизма и самымъ сильнымъ двигателемъ его нравственныхъ силъ. Знайте же, что въ чьей душѣ не примѣтна искра религіи, тотъ человѣкъ пропащій, тотъ человѣкъ ненадежный ни въ какомъ дѣлѣ,— и потому его нужно сторониться и обходить какъ скрытое и опаснѣйшее зло. Всѣ его умныя и повидимому благонамѣренныя

рѣчи о долгѣ и чести легко могутъ оказаться только расчитанною лестію—для снисканія расположенія людей, или безжизненными фразами, которыя никогда не дадутъ силы на подвигъ, и изчезаютъ какъ мыльные пузыри отъ самаго легкаго прикосновенія къ дѣйствительнымъ обязанностямъ и трудамъ всякой честной службы. Припоминается здѣсь само собою изрѣченіе писанія, что *начало и корень, полнота и вѣнецъ всякой премудрости въ человѣкѣ—есть страхъ Божій* (Сир. I, 15. 16. 18. 20). Вотъ наилучшій и единственный пробный камень, на которомъ испытывается истинное достоинство человѣка и всякая его пригодность и цѣнность!...

На два преимущественно качества или проявленія богобоязненности указываетъ Іеѳоръ Моисею при выборѣ сотрудниковъ по управленію народомъ Израильскимъ; качества эти — правдивость и безкорыстіе. *Усмотри* (себѣ) *изъ всего народа*,—говоритъ онъ между прочимъ,—*людей правдивыхъ и ненавидящихъ корысть*. Мнѣ остается только буквально повторить вамъ этотъ совѣтъ Іеѳоровъ. Выберите и вы изъ среды себя людей правдивыхъ и ненавидящихъ корысть; потому-что этими двумя качествами служащихъ людей обусловливается весь успѣхъ народнаго дѣла, безъ нихъ же будетъ все нипочемъ, и народное благо не подвинется у насъ ни на шагъ впередъ. Договорились мы, кажется, до самаго щекотливаго и труднаго пункта. Земская служба соединена, какъ извѣстно, съ матеріальными интересами для служащихъ. Для многихъ эти выгоды служебныя могутъ имѣть весьма большое значеніе въ устройствѣ ихъ личныхъ и домашнихъ обстоятельствъ, иногда не богатыхъ и даже недостаточныхъ. И потому охотниковъ служить оказывается всегда много; а каждому кандидату на должность естественно представляется, что онъ обладаетъ всѣми качествами, нужными для земской или другой службы. Отсюда возникаютъ секретныя хлопоты отстранить соперниковъ, пріобрѣсть сторонниковъ, задобрить или смягчить недоброжелателей, и вообще всѣ тѣ пріемы и усилія, которые давали и даютъ такой богатый и неистощимый матеріалъ для литературныхъ сатиръ и каррикатуръ, а равно и для устнаго и домашняго злословія послѣ всякихъ нашихъ выборовъ. Здѣсь, т. е.

при выборахъ, не конецъ однакоже всѣмъ этимъ прискорбнымъ и смѣшнымъ сценамъ, а можно сказать лишь начало дальнѣйшаго зла. Выбраннымъ людямъ надо потомъ удержаться на своихъ мѣстахъ; ибо выбранные въ настоящій разъ могутъ не быть выбраны потомъ. Эта сторона всякой выборной и срочной службы можно сказать одинаково неудобна какъ для честныхъ и правдивыхъ, такъ и для корыстолюбивыхъ и слабодушныхъ людей. Правдивому и безкорыстному человѣку приходится вести постоянную борьбу съ окружающей средой, и простирать свою добродѣтель до героизма, чтобы съ своимъ правдолюбіемъ и безкорыстіемъ не поссориться съ сослуживцами и не потерять расположенія у подчиненныхъ. А такое непрерывное напряженіе нравственныхъ силъ не всѣмъ подъ силу даже и честнымъ людямъ. Да и людямъ эгоистамъ и съ кривою совѣстію—хлопоты на службѣ тоже не мало; но эти хлопоты естественно направляются къ тому, чтобы умѣть служить, какъ говорится, и нашимъ и вашимъ, и маммонѣ и Богу, и своимъ личнымъ выгодамъ (это втайнѣ)—и общественному благу (это для видимости и вьявь).

Что же сказать обо всемъ этомъ? Скажу одно, что всему этому быть бы не надлежало въ благоустроенномъ, просвѣщенномъ и благонамѣренномъ обществѣ. Если бы всѣ наши выборы совершались безкорыстнымъ и безпристрастнымъ образомъ; то несказанно облегчилась бы служба честнымъ и дѣльнымъ людямъ, а всѣ бездарные и непадежные стушевались бы и скрылись въ заднихъ рядахъ. Не въ томъ, разумѣется, бѣда и зло, что ищущіе должностей, желаютъ служить не даромъ, а имѣютъ въ виду и собственныя личныя выгоды, но въ томъ, что изъ—за этихъ выгодъ иногда устраняются отъ службы люди достойные, но не блестящіе, а избираются нерѣдко люди недостойные, но умѣющіе ловко обдѣлывать свои личныя дѣла. Нельзя ли, прошу васъ, поостеречься отъ этой бѣды и зла при настоящихъ выборахъ?! Другъ другу вы больше или меньше извѣстны, и безъ всякаго сомнѣнія въ вашемъ кружкѣ есть и способные и боящіеся Бога и правдивые и некорыстолюбивые люди. Выдвиньте же ихъ впередъ. Конечно вполнѣ совершенныхъ людей нѣтъ на землѣ, и каждый изъ насъ имѣетъ непремѣнно какіе-нибудь свои недостат-

ки. Но большая разница бываетъ какъ въ самыхъ этихъ недостаткахъ, т. е. въ ихъ свойствѣ и силѣ, такъ и въ количествѣ этихъ недостатковъ. Если нѣтъ безусловно совершенныхъ и достойныхъ людей; то выберемъ по крайней мѣрѣ сравнительно достойныхъ людей. Въ этомъ-то и состоитъ вся сущность дѣла и вся тайна удачныхъ выборовъ.

Съ своей-же стороны душевно вамъ желаю успѣха, и призываю Господа Бога въ помощь вашему дѣлу. Примите благодушно мое настойчивое и откровенное слово, которое—видитъ Богъ—вызвано и продиктовано однимъ только сочувствіемъ къ вашему дѣлу и искреннимъ желаніемъ принесть вамъ мою посильную помощь. Совѣтъ Іоѳора, хотя и родственника своего, но все же чужеземнаго священника, самъ богодухновенный Моисей—не только не отринулъ и не нашелъ не умѣстнымъ, но принялъ съ почтительнымъ смиреніемъ. Я же не чужой вамъ священникъ и не посторонній только зритель вашего дѣла, а соучастникъ и сотрудникъ, вами же призванный и удостоенный вашего довѣрія. Господь да поможетъ намъ своею благодатію! Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ владимірской гимназіи, въ день св. благ. вел. кн. Александра Невскаго *).

(23 ноября 1875 г.).

Весе́лись, юноша, въ юности твоей, и да вкуситъ сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ; только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ. И удаляй печаль отъ сердца твоего, и уклоняй зло́е отъ тѣла твоего, потому что дѣтство и юность—суета. И помни создателя твоего въ дни юности твоей, доколѣ не пришли тяжелые дни, и не наступили годы, о которыхъ ты будешь говорить: „нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ!“ (Еккл. XI, 9. 10. XII, 1).

Этими словами священный мудрецъ хочетъ дать вамъ почув-

*) Напечатано въ 23 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1875 г.

ствовать, любезные юноши, высокую цѣну вашего прекраснаго возраста, и открыть вамъ тайну, какъ не погубить этой цѣны и вполнѣ воспользоваться дорогими своими преимуществами, какъ найти истинное и прочное счастіе на землѣ, переходящее, какъ дорогое наслѣдіе, отъ юности даже до дней старости. Никто такъ весело и свѣтло не можетъ смотрѣть на міръ Божій, въ которомъ разлито столько жизни и счастія, какъ юноша; ничье сердце такъ не доступно и не открыто для впечатлѣній всего прекраснаго и благороднаго, какъ чуткое и нѣжное сердце юноши. Слѣдовательно ни въ какомъ другомъ возрастѣ такъ не близки къ человѣку счастіе жизни и радость бытія, какъ въ юности. Сіе-то обстоятельство и вызываетъ конечно изъ устъ мудреца восклицаніе: «*веселись юноша въ юности твоей, и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей!*»

Однако же радость и веселье, понимаемое въ своемъ обыкновенномъ и житейскомъ смыслѣ, есть состояніе довольно поверхностное, случайное и скоропреходящее; ибо радостей и счастія, при всей жаждѣ нашей къ нимъ, вообще выпадаетъ намъ не весьма много въ жизни; большею частію они достаются намъ съ трудомъ и пополамъ съ непріятностями, заботами и огорченіями. Самая воспріемлемость сердечная къ житейскимъ радостямъ и наслажденіямъ есть нѣчто непостоянное и ослабѣвающее. Умноженіе числа лѣтъ и съ нимъ наростающій суровый опытъ жизни, а равно и постепенное истощаніе силъ физическихъ, незамѣтно уносятъ эту чуткость и воспріимчивость сердечную, и естественно охлаждаютъ человѣка ко всему, изъ чего слагаются радости и счастіе земное. Стало быть, возводить въ нѣкоторое постоянное и такъ сказать философское правило жизни гоньбу за радостями и наслажденіями нельзя и не стоитъ ни для какого возраста человѣческаго; ибо мимолетное и случайное можетъ-ли быть крѣпкой основою нашего счастія, и достойно ли быть цѣлію нашихъ стремленій? Посему-то и священный мудрецъ, какъ бы съ нѣкоторою горькою ироніею, сопоставляетъ юношескую жажду наслажденій съ мимолетностію юношескаго возраста: «веселись, веселись юноша, спѣши наслаждаться, — ибо дѣтство и юность суета»! Т. е. и не увидишь, какъ

они промчатся и изчезнутъ, какъ сладкая мечта или очаровательный сонъ.

А между тѣмъ есть другое состояніе душевное, по своему общему и психологическому характеру пожалуй однородное съ тѣмъ, что мы называемъ радостію, весельемъ или счастіемъ; но по своему предмету и содержанію, по своимъ особеннымъ свойствамъ и такъ сказать исключительному характеру, — далеко превосходящее всѣ земныя радости и наслажденія. Есть такое счастіе, которое не навремя и не случайно посѣщаетъ насъ, и не сердце только волнуетъ, а проникаетъ все существо человѣческое. Есть такое счастіе, которое съ теченіемъ времени можетъ все углубляться и расширяться, и какъ дорогое наслѣдіе переходить отъ возраста къ возрасту, и сберечься отъ дней юности до послѣднихъ дней жизни человѣческой.... Вотъ бы хорошо найти это счастіе и завладѣть имъ! Оно стоило бы нашихъ хлопотъ, и достойно и праведно можно бы поставить его цѣлью всѣхъ нашихъ жизненныхъ усилій и стремленій!

Должны вы знать, что это есть тотъ рай или то *царствіе Божіе*, которое *внутрь насъ есть*; есть та *правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ*, о которыхъ Писаніе намъ заповѣдуетъ, говоря: *всегда радуйтеся* (Лук. XVII, 20. 21. Рим. XIV, 17. Филип. IV, 4)! Словомъ—это есть христіанская непорочность совѣсти и чистота сердца, которая даетъ человѣку зрѣть самаго Бога, и приводитъ его въ тѣснѣйшее съ нимъ единеніе. Приравнивая это блаженное состояніе ко всѣмъ возрастамъ человѣческимъ, можно снова повторить, что оно болѣе всѣхъ возможно и близко для неиспорченной и благонаправленной юности. Этому прекрасному возрасту еще не извѣстны тѣ грубыя и животныя страсти съ ихъ безчисленными развѣтвленіями, которыя силятся опутать и затянуть на смерть человѣка зрѣлаго и житейскаго, уже вступившаго въ міръ и извѣдавшаго его черноту и развращенность. Недаромъ грѣшную и мірскую жизнь называютъ омутомъ. Это дѣйствительно омутъ, въ которомъ погибаетъ такъ много добраго. Что бываетъ и творится здѣсь не только втайнѣ, но иногда и въявь, особенно же втайнѣ—на распутіяхъ и скрытыхъ вертепахъ міра,—о томъ *срамно есть и глаголати*, по выраженію Писанія (Ефес. V, 12). Юность, ле-

лѣемая въ добрыхъ и христіанскихъ семьяхъ, и созрѣвающая въ благонамѣренныхъ школахъ, пока еще не знаетъ этой срамоты и гнустности житейской; и потому внутреннее довольство—результатъ неомраченной совѣсти, а также свѣтлый и непорочный взглядъ на міръ Божій и на свои отношенія къ живущимъ въ немъ людямъ,—есть самое естественное и ожидаемое явленіе въ молодой и учащейся средѣ. Вы меня понимаете?...

Но поймите и то, что вамъ надо еще упрочить за собою прекрасныя преимущества вашего возраста; надо сдѣлать такъ, чтобы они обратились въ сознательную и крѣпкую добродѣтель, въ нѣкоторое разумное настроеніе и свободное направленіе вашего духа, и проникли бы все существо ваше. Невѣдѣніе зла и неопытность въ порокахъ еще далеко не есть добродѣтель. Можно очень скоро познакомиться со зломъ и легко пріобрѣсть въ немъ большую опытность. Такъ на невоздѣланномъ и не ухоженномъ полѣ—еще Богъ знаетъ что можетъ вырости вмѣсто благихъ и добрыхъ плодовъ! И надо вамъ замѣтить, что вообще въ натурѣ нашей, грѣшной и падшей, уже много заложено дурныхъ и злыхъ сѣмянъ, и спятъ они тамъ до времени незримыя и повидимому безсильныя; но лишь только человѣкъ начнетъ чувствовать и понимать жизнь, и входить тк. ск. во вкусъ ея,—какъ сотнями и тысячами начнутъ пробиваться въ немъ дурные ростки и корешки. Враги спасенія нашего изо всѣхъ силъ хлопочутъ, чтобы эти корешки не пропали, а выросли и принесли плодъ *по роду своему*. Первый и ближайшій врагъ нашъ—плоть, или вообще чувственность наша, есть какъ бы самая почва, на которой идетъ произрастаніе всего дурнаго. Второй врагъ—міръ съ его соблазнами—есть какъ бы всегдашній поставщикъ тѣхъ элементовъ, которые содѣйствуютъ удобренію нашей грѣшной почвы и возрастанію злыхъ наклонностей нашихъ. Третій, самый злѣйшій и опаснѣйшій врагъ нашъ — діаволъ есть главный работникъ и злохудожникъ, который невидимо и неустанно трудится надъ воздѣлываніемъ и выращиваніемъ въ нашей натурѣ всего худаго, къ чему только она способна. Смотрите-же, сколько опасностей намъ угрожаетъ, сколько бѣдъ предстоитъ! Правду говорится, что жизнь пережить не поле перейти!

Гдѣ же искать защиты отъ этихъ опасностей и спасенія отъ бѣдъ? Прислушайтесь къ словамъ священнаго мудреца: *Веселись юноша въ юности твоей,*—говоритъ онъ,—*ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ; только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ,... и помни создателя твоего въ дни юности твоей, доколѣ не пришли тяжелые дни*, и проч. Итакъ въ страхѣ Божіемъ, въ религіозномъ чувствѣ—вотъ гдѣ ваше спасеніе! Память о Создателѣ и хотеніе въ сердцѣ святаго закона Его,—вотъ въ чемъ тайна жизни радостной, мирной и счастливой, и въ то же время безгрѣшной и безопасной! Я могу только присоединить къ этимъ словамъ священнаго мудреца мое усиленнѣйшее желаніе и увѣщаніе, чтобы вы позаботились объ укоренѣніи въ себѣ страха Божія, и спѣшили бы запастись какъ можно побольше религіознымъ чувствомъ, и воспитать его въ себѣ какъ можно прочнѣе на предстоящую вамъ жизнь, пока есть время и всѣ достаточные къ тому способы. Могу еще напомнить вамъ, какъ рано и быстро начинается порча и растлѣніе питомцевъ, въ которыхъ не зажжена святая искра страха Божія и не воспитано религіозное чувство. Жаль видѣть, какъ иногда безвременно потухаетъ ясный и радостный взоръ и блекнутъ цвѣтущія ланиты юности подъ убійственнымъ дыханіемъ грѣшнаго и развращеннаго міра. Прискорбно наблюдать, какъ въ ужасныя объятія этого Молоха унюсятся теченіемъ современной безнравственной жизни тысячи неопытныхъ и молодыхъ жертвъ, и гибнутъ навсегда для Бога и для святой церкви. Можно бы нарисовать предъ вами обширную и подробную картину гибели и крушенія въ мірѣ житейскомъ несчастныхъ молодыхъ людей, не имѣвшихъ религіи въ сердцѣ своемъ; но это было бы слишкомъ тяжело и грустно въ настоящія и свѣтлыя минуты наши. Ограничимся однимъ только искреннимъ и горячимъ предостереженіемъ для васъ: «побойтесь, любезные юноши, побойтесь и поостерегитесь своей погибели!»

Конечно наше дѣло посѣять и воспитать въ васъ страхъ Божій; но о чемъ же мы постоянно и хлопочемъ, и что внушаемъ вамъ при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ не это именно: отроки и юноши, имѣйте страхъ Божій!? Будьте религіозны и бла-

гочестивы,—ибо въ этомъ корень и сущность всякой премудрости! Напримѣръ, требуя отъ васъ исправности въ урокахъ, мы говоримъ вамъ: учитесь не лѣностно, ибо сего требуетъ самъ Богъ! Подчиняя васъ учебнымъ порядкамъ и школьной дисциплинѣ, мы говоримъ вамъ: умѣйте склонять свою волю и свой эгоизмъ подъ иго закона и долга, ибо сего требуетъ самъ Богъ! Слѣдя за вашими взаимными отношеніями, мы постоянно твердимъ: будьте кротки и дружелюбны, будьте вѣжливы и скромны, будьте благородны и честны, ибо сего требуетъ самъ Богъ! Не пренебрегая радѣть о самой внѣшности вашей, мы все то же и то же повторяемъ вамъ: не будьте неряшливы и безпечны, поймите, что аккуратность и чистота внѣшняя не только свидѣтельствуетъ о чистотѣ внутренней, но можетъ и руководствовать къ ней; посему, блюдя сердце и душу, не забывайте заботиться о самомъ тѣлѣ вашемъ, которое должно быть достойнымъ храмомъ Духа Святаго,—такъ хочетъ и требуетъ сего самъ Богъ! Однимъ словомъ всю вашу жизнь и внутреннюю и внѣшнюю намъ хотѣлось бы упорядочить и расположить въ духѣ закона Божія, и подъ всѣ свои дисциплинарныя и педагогическія правила мы подлагаемъ заповѣди Господни, дабы, пока вы въ школѣ, постепенно пріучить васъ носить благое иго и легкое бремя Господне.

Но дѣло въ томъ, что никто, никакія усилія, не только наши, но и всякія внѣшнія и постороннія, хотя бы самыхъ наилучшихъ и опытнѣйшихъ педагоговъ,—не могутъ сдѣлать хорошими и богобоязненными васъ безъ васъ самихъ, т. е. безъ вашего личнаго содѣйствія и безъ вашихъ свободныхъ стремленій и попеченій о себѣ самихъ. Услѣдишь ли за каждымъ вашимъ шагомъ? Высмотришь ли все ваше поведеніе? Намъ видна главнымъ образомъ внѣшняя ваша сторона, которую выправить и пригладить до требуемаго благоприличія съумѣетъ каждый изъ васъ, при маленькомъ самообладаніи. Но какъ усмотрѣть и изучить подробности вашей внутренней и душевной жизни, гдѣ собственно и зрѣетъ ваша личность и вырабатывается вашъ нравственный характеръ? Да хоть и усмотришь что-либо,—какъ оттуда вырвать не желанное и дурное, если вы сами не захотите съ нимъ

разстаться? Какъ насадить въ васъ что нибудь доброе и святое, если вы не захотите воспринять его, и не потрудитесь укоренить своими свободными усиліями? Напримѣръ, — зовемъ мы васъ въ храмъ Божій, или на домашнюю молитву,—и вы идете. Но кто заставитъ васъ благоговѣйно устроить ваши мысли и согрѣть сердце для молитвы кромѣ васъ самихъ? Мы рекомендуемъ и предлагаемъ вамъ для чтенія что нибудь извѣстное намъ по своей дѣльности и доброкачественности; но кто можетъ насильно вложить въ ваши руки духовную и святую книгу, когда вы тянетесь за какимъ нибудь бездѣльнымъ романомъ и настроиваете вкусъ свой на одинъ грѣшный и сладострастный ладъ? Мы внушаемъ вамъ беречь свое время, и при досугѣ осторожно пользоваться законными и дозволенными удовольствіями; но какъ опредѣлить для васъ во всемъ этомъ точную мѣру, и какъ уберечь васъ отъ соблазновъ, если вы сами не думаете обходить и избѣгать ихъ, а можетъ быть даже ищете ихъ—на сценѣ ли театральной, въ книгахъ ли, или въ безчисленныхъ случаяхъ и сплетеніяхъ жизни общественной? И т. д. и т. д....

Поймите же други, сколь необходимъ вашъ собственный внутренній подвигъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія вашего. Да не устрашаетъ васъ слово—подвигъ. Съ этимъ словомъ мы не соединяемъ для васъ никакихъ особенныхъ, аскетическихъ тягостей. Ту сумму обязанностей, которую налагаетъ на васъ школа, и которую вы такъ или иначе уже несете,—несите нелѣностно, а главное—искренно и предъ очами всевидящаго Бога, вотъ и весь вашъ подвигъ! Страхъ Божій въ томъ и состоитъ, чтобы все дѣлать для Бога, и чтобы чувствовать и помнить, что вездѣ и всегда смотритъ на насъ Богъ. Устройте же свое сердце такъ, чтобы помнить и чувствовать это,—и все остальное мы позволяемъ вамъ. И слово свое мы заключимъ тѣми же наставительными для васъ словами священнаго мудреца, которыми начали: *Веселись юноша въ юности твоей, и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ; только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ.... И помни Создателя твоего въ дни юности твоей, доколѣ не*

пришли тяжелые дни, и не наступили годы, о которыхъ ты будешь говорить: «нѣтъ мнѣ удовольствія въ жизни!» Аминь.

СЛОВО

на дворянскіе выборы въ губ. гор. Владимірѣ *).

(8 января 1876 г.).

Не грѣши противъ городскаго общества, и не роняй себя предъ народомъ. Не проси у Господа власти, и у царя—почетнаго мѣста. Не домогайся сдѣлаться судьею, чтобы не оказаться тебѣ безсильнымъ сокрушить неправду, чтобы не убояться когда либо лица сильнаго и не положить тьмы на правоту свою. Не подчиняйся человѣку глупому, и не смотри на сильнаго. Не будь скоръ языкомъ твоимъ, и ленивъ и нерадивъ въ дѣлахъ твоихъ... Почтенны вельможа, судья и властелинъ, но нѣтъ изъ нихъ больше боящагося Господа! (Сир VII, 7. 4. 6. IV, 31. 33. X, 27).

Просимъ васъ прислушаться, достоночтенные мужи, къ этимъ словамъ священнаго мудреца. Онъ, какъ видите, предупреждаетъ насчетъ нѣкоторыхъ земскихъ грѣховъ, которыхъ быть бы не должно въ благоустроенныхъ обществахъ человѣческихъ, и которые однакоже споконъ вѣку водятся въ нихъ, и проявляются тѣмъ съ большею силою, чѣмъ чаще во главу и на верхъ этихъ обществъ успѣваютъ пробираться люди, которымъ бы подобающее мѣсто должно быть назади и внизу. Это предупрежденіе кажется не неумѣстно для васъ въ ообенности теперь, когда вы затѣмъ и собрались, чтобы добросовѣстно и безпристрастно выдѣлить изъ своей среды лучшихъ и способнѣйшихъ обществен-

*) Напечатано во 2-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1876-й г.

ныхъ дѣятелей; ибо, допустивши промахъ въ этомъ важномъ земскомъ дѣлѣ, вы тяжко можете *согрѣшить противъ городскаго общества,* какъ выражается священный мудрецъ, *и уронить себя предъ народомъ.* Итакъ если вы, какъ добрые христіане, затѣмъ и явились съ своимъ дѣломъ сюда въ храмъ Божій, чтобы — съ одной стороны — засвидѣтельствовать предъ Богомъ свою рѣшимость и готовность сдѣлать свое дѣло по-божьему, а съ другой — чтобы испросить Божіе благословеніе на свое дѣло; то можно надѣяться, что и выслушаете вы съ подобающимъ вниманіемъ и примете къ сердцу совѣты священнаго мудреца, которыми мы хотимъ напутствовать васъ на ваши выборы. Въ нихъ вы найдете и то побужденіе, которое вы должны положить въ основаніе своего дѣла, и даже цѣлую программу, которую вы можете взять за руководство въ своемъ дѣлѣ.

Не грѣши противъ городскаго общества, и не роняй себя предъ народомъ, — вотъ первыя слова священнаго мудреца. Это значитъ, что основнымъ и руководственнымъ побужденіемъ вашихъ выборовъ должно быть общественное благо и самоуваженіе въ глазахъ народа; такъ что если бы вы вмѣшали сюда свои личные интересы, и стали бы руководствоваться своими потаенными корыстолюбивыми либо честолюбивыми соображеніями, то вы тяжко согрѣшили бы передъ обществомъ и уронили бы себя въ глазахъ народа. Тяжесть этого земскаго грѣха особенно ощутительна можетъ быть теперь, когда то и дѣло слышатся жалобы и задаются недоумѣнные вопросы, отчего при всѣхъ энергическихъ усиліяхъ правительства поднять и облагородить наше общество, и при самыхъ повидимому богатыхъ задаткахъ ко всестороннему здравому прогрессу общественному, — ощутительныхъ и дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ только плодовъ этого прогресса пожинается всетаки не особенно много. Все еще приходится вести борьбу со многими весьма старинными грѣхами и недугами общественными. Если нужны доказательства и примѣры, то довольно указать на невѣжество и непроглядную темноту народныхъ массъ, которая все еще лежитъ тяжелымъ укоромъ на образованныхъ и лучшихъ классахъ общества; довольно указать на обиліе отсталыхъ и незрѣлыхъ людей въ этихъ самыхъ

классахъ, которые все еще не умѣютъ отличить своихъ личныхъ дѣлъ и выгодъ отъ службы общественной и не научились подчинять первыя послѣднимъ; въ особенности же нельзя не указать на шаткость и слабость нравственно-религіозныхъ началъ, которая—чтобы тамъ ни говорили—будетъ вѣчнымъ и притомъ самымъ тяжелымъ тормозомъ въ столь усиленно-искомомъ и столь нетерпѣливо желаемомъ прогрессѣ общественномъ. «Нельзя ли же открыть виновниковъ этого бѣдствія? нельзя ли ихъ всѣхъ уничтожить»? — то и дѣло вопіютъ у насъ! Нельзя ли по крайней мѣрѣ сколько нибудь устранить зло и придумать хотя нѣкоторыя средства для защищенія и огражденія отъ него? Да вотъ же вамъ и дается одно изъ прекраснѣйшихъ средствъ помочь этому горькому горю общественному,—именно выдѣлять изъ себя на службу и дѣло общественное лучшихъ и надежнѣйшихъ дѣятелей, а не кой-какихъ, и дѣлать свои выборы какъ можно зрѣлѣе и серьезнѣе, а не какъ нибудь — по разнымъ мелкимъ эгоистическимъ планамъ и домашнимъ расчетамъ, и не устраивать изъ этихъ выборовъ однѣ только шумныя и малополезныя для общества сцены. Представьте, что на всемъ пространствѣ нашего православнаго отечества, гдѣ только ни производятся выборы, выбирались бы все люди поистинѣ достойные и сравнительно лучшіе,—вѣдь это была бы такая благодать и такое благодѣяніе для всего народа русскаго, которое теперь можетъ только развѣ сниться горячимъ патріотамъ и истиннымъ радѣтелямъ народнаго блага. И чего бы, кажется, проще и естественнѣе. Эта благодать дается прямо въ руки представителямъ и избранникамъ народнымъ,—бери только и пользуйся. А между тѣмъ,—ссылаемся на васъ самихъ,—проходятъ ли въ нашей пространной и обильной землѣ хоть одни выборы, послѣ которыхъ не раздавалось бы горячихъ сожалѣній и порицаній, не писалось бы обличительныхъ статей, не распространялось ироническихъ анекдотовъ и разныхъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ и прискорбныхъ повѣствованій? Положимъ, что источникомъ этихъ порицаній, этихъ статей и анекдотовъ бываетъ иногда злорѣчіе и оскорбленное самолюбіе обойденныхъ и невыбранныхъ претендентовъ; но это злорѣчіе должно бы легко сокрушаться о дѣйствительныя заслуги и положительныя до-

стоинства выбранныхъ, которые при каждыхъ новыхъ выборахъ лишь закрѣплялись бы на своихъ мѣстахъ и не прибѣгали къ разнымъ искуственнымъ и фальшивымъ средствамъ удержать за собою любовь и расположеніе публики. Но вездѣ ли и всегда ли такъ бываетъ? рѣшите сами и добросердечно примите совѣтъ священнаго мудреца — не грѣшить противъ городскаго общества, и не ронять себя предъ народомъ. Въ самомъ дѣлѣ, дворянское сословіе, по своей идеѣ, есть лучшее и избраннѣйшее сословіе въ обществѣ; таковымъ оно и должно быть; слѣдовательно народъ имѣетъ полное право ожидать отъ своихъ лучшихъ представителей яснаго и трезваго пониманія своихъ обязанностей и свободы отъ всякихъ устарѣлыхъ и узкихъ взглядовъ на службу общественную и отъ мелкихъ эгоистическихъ расчетовъ при выборахъ на разныя должности этой службы. Если бы почему нибудь дворянство не оправдало этихъ надеждъ, — то конечно оно сильно бы уронило себя въ глазахъ народа. Итакъ, по первому совѣту священнаго мудреца, — народное и общественное благо должны вы взять для себя главнымъ побужденіемъ въ предстоящемъ вамъ дѣлѣ. Въ дальнѣйшихъ же его совѣтахъ, какъ мы предупреждали васъ, вы можете найти прямое руководство въ вашемъ дѣлѣ.

Не проси у Господа власти, и у царя почетнаго мѣста. Не домогайся сдѣлаться судьею, чтобы не оказаться тебѣ безсильнымъ сокрушить неправду, чтобы не убояться когда либо лица сильнаго и не положить тѣни на правоту твою. Итакъ искательство власти и усиленное домогательство должностей, особенно если онѣ выгодны и почетны, есть первый признакъ, по которому вы можете подмѣтить недостойныхъ и ненадежныхъ людей, чтобы ихъ остеречься и обойти. Въ самомъ дѣлѣ, истинное достоинство и способности въ людяхъ всегда украшаются скромностію и боязливою неувѣренностію въ своихъ силахъ. Эта скромность и честная боязливость происходитъ не отъ безсилія, а напротивъ отъ слишкомъ ясныхъ и зрѣлыхъ понятій о долгѣ и отъ строго-благороднаго представленія обязанностей, сопряженныхъ съ каждою должностію. Не то чтобы эти люди не хотѣли служить и прямо избѣгали всякаго труда и всякой службы, — напротивъ, благородное рвеніе осуществить свои

честные и высокіе служебные идеалы иногда весьма сильно ихъ волнуетъ; но чѣмъ сильнѣе и чище это волненіе, тѣмъ оно дальше бываетъ отъ всякаго искательства и домогательства: надо, чтобы посторонніе и тоже честные люди открыли и оцѣнили это благородное настроеніе, и дали ему естественный и законный исходъ. Обратныя и, по правдѣ сказать, болѣе частыя и обыкновенныя сцены устраиваютъ искатели съ сомнительными достоинствами, которымъ дорогъ только служебный почетъ или снятся только выгоды служебныя. Постороннему и не замѣшанному въ дѣло человѣку даже любопытно наблюдать тѣ необыкновенныя и внезапныя измѣненія, которыя случаются съ людьми передъ выборами. Люди заносчивые и суровые необыкновенно какъ то умягчаются, а вѣжливость и доброта какъ-будто были давнишними и даже природными ихъ качествами. Скупые дѣлаются тароватыми, отсталые—либералами; либералы—патріотами; легкомысленные и невоздержные — серьезными и даже религіозными. Люди высоко или богато поставленные до возможной степени сокращаютъ разстояніе, раздѣляющее ихъ отъ людей обыкновенныхъ и рядовыхъ и т. д.!... И что всего страннѣе,—эти давнишнія, нисколько не таинственныя и всѣмъ хорошо извѣстныя мѣры и пріемы недостойныхъ или полудостойныхъ искателей до сихъ поръ иногда имѣютъ свою силу и успѣхъ у людей. Чѣмъ это объяснить? Простой безпечности и нашего національнаго добродушія для этого, кажется, мало. Нѣтъ, должно быть, еще не развился и не созрѣлъ у насъ строгій гражданскій элементъ, и все еще жива старинная привычка — дѣла общественныя и гражданскія обращать въ свои домашнія и семейныя. А пора бы, кажется, всему этому перевестись въ нашей родинѣ православной. Пора по многимъ причинамъ, и въ особенности по той причинѣ, что ничѣмъ мы такъ не любимъ украшать себя, какъ титломъ людей образованныхъ и развитыхъ, и въ этомъ обстоятельствѣ полагаемъ всю суть дѣла и все свое спасеніе. Такъ чтобы это дѣйствительно привлекательное и почетное титло не оказалось однимъ щегольствомъ, надо сдѣлать усиліе отрѣшиться и стать выше старинныхъ привычекъ и взглядовъ, о которыхъ у насъ шла рѣчь; або, собственно говоря, онѣ и возможны только въ обществѣ,

гдѣ образованность и развитіе есть нѣчто въ родѣ щегольства и похвальбы, а не дѣйствительное достояніе и благопріобрѣтенная собственность. Впрочемъ мы не хотимъ и преувеличивать значенія образованности и такъ называемой цивилизаціи въ дѣлахъ, касающихся личныхъ интересовъ и служебныхъ правъ и преимуществъ. Отъ эгоистическихъ желаній и домогательствъ въ этихъ дѣлахъ не спасаетъ людей одна образованность и развитость. Требуется нѣчто побольше и получше, о чемъ мы намѣрены сказать потомъ. А теперь просто пока заявимъ вамъ, что какъ ни трудны при выборахъ безпристрастіе и уваженіе къ чужимъ достоинствамъ и заслугамъ, а къ своимъ недостаткамъ честная строгость, тѣмъ не менѣе и то и другое совершенно необходимо. Весь дальнѣйшій успѣхъ выборовъ и зависитъ отъ этого перваго условія, чтобы безпристрастными и безкорыстными очами замѣтить достойнѣйшихъ и отстранить малоцѣнныхъ кандидатовъ, чтобы не оказались они, по слову священнаго мудреца, *безсильными сокрушить неправду, и не положили бы тьми на правоту свою.*

Переходя отъ этихъ общихъ предостереженій и совѣтовъ насчетъ серьезности и добросовѣстности вашихъ выборовъ къ частнымъ указаніямъ на тѣ положительныя качества и достоинства, какими должны отличаться ваши выборные, возвращаемся снова къ словамъ священнаго мудреца. *Не подчиняйся человѣку глупому*, — говоритъ онъ, — *и не смотри на сильнаго.* Это значитъ, что ваши выборные должны быть прежде всего умные и зрѣлые люди, и что это драгоцѣнное качество не всегда соединяется съ высотою положенія, знатностію рода, матеріальною силою и съ другими подобными случайными и внѣшними преимуществами въ людяхъ; что въ благородной и уважающей себя средѣ выше всѣхъ исчисленныхъ преимуществъ должно быть цѣнимо то, что здравый народный смыслъ мѣтко называетъ царемъ въ головѣ. Правило это представляется столь безспорнымъ и яснымъ, что прибавить къ нему, кажется, рѣшительно нечего. Мы позволимъ себѣ только продолжить и округлить мысль священнаго мудреца примѣчаніемъ, что если умственная зрѣлость и развитость не есть обычное преимущество людей сильныхъ и значительныхъ по

своему общественному положенію, — то и наоборотъ сочетаніе этихъ обоюдныхъ качествъ и внутреннихъ и внѣшнихъ въ тѣхъ же самыхъ людяхъ—есть вещь нисколько не рѣдкая, а весьма естественная и даже желательная. И значитъ искать ума и развитости только въ людяхъ, умѣющихъ горячо и рѣзко заявлять себя противъ знатности и богатства, было бы такимъ же мелкимъ пристрастіемъ и односторонностію, какъ и во всякомъ знатномъ и смышленомъ человѣкѣ простодушно—предполагать великія умственныя качества. Наклонность нѣкоторыхъ знатныхъ и сильныхъ людей держать себя съ тяжеловѣснымъ авторитетомъ и привычка иныхъ судить и рядить обо всемъ — не есть конечно доказательство ихъ ума; но въ той же степени не умны самомнительность и рѣчистое злословіе людей мелкихъ и незначительныхъ. Впрочемъ мы и не эту сторону дѣла собственно имѣемъ въ виду раскрывать здѣсь, а хотѣлось бы теперь напомнить то великое и стоящее, можно сказать, на первой очереди дѣло, торжественно возложенное на благородное дворянство самимъ монархомъ всероссійскимъ,—дѣло отечественнаго образованія. Сознаніе важности и неотложности этого дѣла, искреннее сочувствіе правительственнымъ идеямъ и планамъ въ этомъ дѣлѣ, сочувствіе чуждое всякихъ домашнихъ препирательствъ, самодѣльныхъ плановъ и провинціальныхъ вкусовъ въ этомъ тонкомъ, многосложномъ и многотрудномъ дѣлѣ, сочувствіе щедрое и готовое на всякое содѣйствіе существующимъ у насъ школамъ, сочувствіе не раздумывающее, не ждущее разныхъ внѣшнихъ побужденій, не возвращающееся назадъ съ своими благотвореніями, и вообще отрѣшенное отъ всякихъ сословныхъ и эгоистическихъ интересовъ, — вотъ какое благородное и истинно дворянское чувство должно отличать вашихъ умныхъ избранниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это чувство одушевляетъ всѣхъ членовъ присутствующаго здѣсь собранія. Но... есть предметы, вызывающіе общее сочувствіе, и однакожъ нуждающіеся въ особенныхъ избранникахъ— съ преимущественнымъ тактомъ, любовію и умѣньемъ взяться за дѣло, чтобы оно не было замедлено и даже испорчено при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ и начинаніяхъ. Къ таковымъ деликатнымъ и хитрымъ предметамъ мы относимъ и дѣло отечественнаго об-

разованія. Извѣстно, сколько было и есть разнохарактерныхъ взглядовъ на это дѣло, сколько было въ немъ опытовъ и пріемовъ и даже сколько являлось непрошенныхъ дѣятелей и жрецовъ въ этомъ священномъ дѣлѣ, — и однакоже сколько оказалось во всемъ этомъ ошибокъ, односторонностей и даже положительнаго вреда отечественной наукѣ и образованію! Всю эту рѣчь мы къ тому ведемъ, что если и во всякомъ дѣлѣ, — особенно если оно корпоративнаго характера, — великое дѣло разумный вождь или предводитель; то въ дѣлѣ школы и науки, и вообще въ дѣлѣ отечественнаго образованія, это важно въ преимущественной степени. Такъ что въ заключеніе этого пункта мы снова приводимъ вамъ на память знаменательныя слова священнаго мудреца: *не подчиняйся человѣку глупому, и не смотри на сильнаго!* ..

Но вотъ и еще характерная черта, которая должна отличать вашихъ выборныхъ дѣятелей, вашихъ вождей и предводителей. *Не будь скоръ языкомъ твоимъ*, говоритъ священный мудрецъ, *и ленивъ и нерадивъ въ дѣлахъ твоихъ!* Это значитъ, что ваши избранники должны быть не только люди мысли, но и люди дѣла, люди энергичные, заботливые и трудолюбивые. Мы тѣмъ съ большею силою настаиваемъ на этихъ качествахъ, чѣмъ они драгоцѣннѣе и необходимѣе для успѣшности всякаго дѣла и чѣмъ больше развелось у насъ людей умѣющихъ горячо и даже подчасъ умно разсуждать обо всемъ и строить всевозможные планы, охотниковъ повелѣвать и приказывать и при этомъ однакоже во всемъ полагаться и опираться на подчиненныя и нисшія рабочія силы. Эту привычку мѣткая народная пословица зоветъ загребаніемъ жара чужими руками; а если позволите еще проще и ближе къ дѣлу выразиться, — эта привычка извѣстна у насъ подъ именемъ *барства*. Впрочемъ этотъ недостатокъ или эта слабость получила у насъ такую широкую и можно сказать національную всеобщность, что давнымъ давно уже потеряла свой древній сословный характеръ. Барство у насъ стало просто нарицательнымъ именемъ, обозначающимъ вообще практическую вялость, отсутствіе служебной энергіи и нежеланіе доходить до всего самолично, все досматривать своимъ глазомъ и работать своей голо-

вой и своими собственными руками,—къ какому бы сословію ни принадлежалъ человѣкъ, страждущій этими недостатками. Недостатки эти однакоже такъ важны въ общественныхъ и служебныхъ дѣятеляхъ, что ими собственно и замедляется у насъ всякое движеніе впередъ, всякій прогрессъ общественный. Этими недостатками и объясняется у насъ страшное количество злоупотребленій во всѣхъ кругахъ общественныхъ рядомъ съ великими и многообѣщающими преобразованіями. Не мало создано въ нашей литературѣ художественныхъ типовъ, не мало написано и пишется сатиръ на эту тему и на обличеніе нашей лѣности на службѣ и наклонности къ покою. Знакъ, что мы еще не исцѣлились отъ этой грѣшной и гибельной наклонности. Такимъ образомъ гдѣ бы у насъ ни производились выборы, какого бы свойства они ни были,—ничего не можетъ быть естественнѣе желанія, чтобы выбраны были люди дѣятельные и энергичные, люди съ крѣпкой и сильной волей, и паче всего неохотники пировать, веселиться и барствовать на службѣ. Если же мы пренебрежемъ этимъ обстоятельствомъ, то мы вѣчно будемъ все толковать о движеніи впередъ, и вѣчно толкаться на одномъ мѣстѣ и выслушивать упреки въ застоѣ. Безъ энергическихъ и добросовѣстныхъ дѣятелей не помогутъ никакія реформы. Намъ кажется, что за энергію, трудолюбіе и способность къ честной и аккуратной дѣятельности можно бы многое простить въ людяхъ со стороны ихъ внѣшняго лоска, мягкости и изящества манеръ, и вообще житейской и даже такъ называемой аристократической выработанности,—хотя разумѣется всѣ эти качества не только не лишни, а напротивъ весьма желательны и любезны. Попомните же, благородные мужи, что ваши избранные не должны быть *скоры языкомъ, и лѣнивы и нерадивы въ дѣлахъ своихъ!* ..

Выслушайте и послѣдній совѣтъ свящ. мудреца. Онъ говоритъ: *почтенны вельможа, судья и властелинъ, но нѣтъ изъ нихъ больше боящагося Господа*! Это значитъ, что вѣнцомъ и завершеніемъ всѣхъ качествъ въ вашихъ избранникахъ долженъ быть страхъ Божій и религіозное направленіе жизни. Важность и величіе этого качества въ человѣкѣ ни съ чѣмъ не можетъ быть сравниваема. Если многое можно простить человѣку ради

его ума и трудолюбія; то, наоборотъ, человѣка безъ религіи и нравственности или, что еще хуже, съ антирелигіознымъ направленіемъ—считайте прямо ничего не стоющимъ, хотя бы онъ блестѣлъ всѣми вышеисчисленными качествами. Извѣстно, что самыя образованныя и цивилизованныя страны колеблются и гибнутъ отъ накопленія людей, потерявшихъ всякую религію и нравственность. Поэтому не стѣсняясь надо бы гнать подобныхъ людей вонъ и прочь изъ всякаго общества, и не довѣрять имъ ни одного самомалѣйшаго дѣла. Они все могутъ испортить, и найдутъ тысячи случаевъ и средствъ внести свой ядъ въ самые благіе начинанія и планы. Такой человѣкъ внесетъ вражду и ссору туда, гдѣ все до него было мирно и спокойно, онъ столкнетъ самолюбія и встревожитъ страсти, чтобы ими воспользоваться для своихъ выгодъ; его напускная честь не воспрепятствуетъ ему ни пресмыкаться ни льстить, гдѣ это для него нужно; его рука не дрогнетъ протянуться къ чужой собственности, гдѣ это не видно; его фарисейскій языкъ наплететъ цвѣтистыхъ и горячихъ рѣчей о долгѣ и службѣ, гдѣ это можетъ быть эффектно и выгодно. Однимъ словомъ,—этотъ человѣкъ — воплощенная фальшь и гниль, и какъ зараза портитъ все, къ чему прикасается. Въ самомъ дѣлѣ, какія могутъ быть у этого человѣка солидныя опоры и задатки для честной службы и благотворной дѣятельности общественной? Никакихъ! О Богѣ онъ забылъ и и думать; ни во что святое онъ не вѣритъ; ко всякимъ религіознымъ обязанностямъ онъ равнодушенъ; памятованіемъ о загробной жизни и о будущемъ расчетѣ за дѣла онъ тревожить себя не любитъ. У него единственный идолъ, которому онъ поклоняется и служитъ всѣми силами своей души,—это его собственное самолюбіе и личное благоденствіе. Этимъ-то и объясняются тѣ непонятные съ перваго взгляда, но въ сущности весьма естественные и потому многочисленные примѣры, что люди и умные и ученые и цивилизованные страдаютъ тѣми же нравственными недостатками, которые мы привыкли усвоять невѣжественнымъ и грубымъ средамъ. Значитъ и на службѣ государственной и общественной отъ нихъ такой же прокъ, какъ и отъ людей, принадлежащихъ къ этимъ средамъ. О, если бы побольше

было религіи въ людяхъ! Сколько свѣта и теплоты прибавилось бы къ ихъ дѣятельности! Какъ упростились бы и облегчились ихъ дѣла и служба! Какими быстрыми и вѣрными шагами стало бы подвигаться всестороннее развитіе и благоденствіе обществъ человѣческихъ!. .

Всѣ эти рѣчи мы ведемъ однако же не къ тому, чтобы обличать васъ въ настоящія минуты, и не къ тому распространились мы о злѣ, которое приносятъ съ собою на службу люди безъ религіи или съ слабымъ религіознымъ чувствомъ, чтобы мы имѣли въ виду подобныхъ людей въ вашемъ обществѣ. На это ни права, ни повода мы не имѣемъ; ибо знать васъ въ такой степени, въ какой напримѣръ извѣстны вы другъ другу,—мы не можемъ. И потому мы имѣли единственную цѣль, чтобы рельефнѣе и нагляднѣе только изобразить зло бывающее въ людяхъ, и чтобы вы яснѣе сознали, откуда можетъ угрожать вамъ опасность ошибокъ при вашихъ выборахъ, и какими нежеланными послѣдствіями эти ошибки могутъ сопровождаться.

Съ своей же стороны мы призываемъ на васъ благословеніе Божіе въ помощь и содѣйствіе вашему выборному дѣлу, и просимъ только объ одномъ: попомните, примите къ свѣдѣнію и надлежащему руководству—предложенныя для вашего назиданія слова священнаго мудреца библейскаго. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

КЪ НОВООБРАЧНЫМЪ *).

(20 августа 1876 г.).

Привѣтствую васъ, возлюбленная чета, съ совершившимся надъ вами великимъ таинствомъ. Невидимая благодать Божія, низведенная на васъ моею недостойною рукою, таинственно осѣнила

*) И. М. Зоромірскому и Е. И. урожденной Аллбьевой. Напечатано въ 17-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1876-й г.

васъ, сочетала въ одно существо и даровала силы къ понесенію добровольно взятаго вами брачнаго бремени, дабы съ удвоенными и объединенными силами вы шли рука объ руку во всѣ дни жизни своей высокимъ и благороднымъ путемъ къ своему человѣческому назначенію. Какими благожеланіями напутствовать васъ на эту, хотя желанную вами, но совершенно новую для васъ жизненную дорогу? Но послѣ того, чего желала вамъ св. церковь, какъ она горячо молилась за васъ, какою высокою и священною поэзіей дышали всѣ ея пѣснопѣнія при вашемъ бракосочетаніи,—ничего лучшаго и большаго мнѣ и не остается пожелать вамъ. Да почіетъ же на васъ это священное и таинственное благословеніе церкви Божіей со всѣми ея великими и знаменательными благожеланіями,—вотъ мое единственное для васъ благожеланіе!...

Но конечно дѣло не въ нашихъ благожеланіяхъ. Какъ бы ни были они теплы и искренни, а все же не отъ нихъ зависитъ ваша дальнѣйшая судьба; не думать же о вашей судьбѣ, особенно въ настоящія, экстренныя такъ сказать минуты вашей жизни, мы не можемъ, ибо не хотимъ быть только холодными и безучастными свидѣтелями вашихъ супружескихъ обѣтовъ и равнодушными совершителями брачнаго обряда. Два молодыя и любящія существа, сочетавающіяся благословеннымъ супружескимъ союзомъ, стоящія предъ алтаремъ Господнимъ и испрашивающія себѣ милостей Господнихъ на открывающуюся для нихъ новую жизнь, кажется и не могутъ внушать иного чувства, кромѣ живѣйшаго и доброжелательнаго участія въ предстоящей имъ судьбѣ. Развѣ какое нибудь черствое сердце, лукавое и завистливое или разочарованное око могло бы смотрѣть на васъ въ настоящія минуты холодно и безъ участія. Въ силу этого-то, столь законнаго и естественнаго, участія къ вашей судьбѣ я и надумалъ поговорить объ ней кое-что съ вами. Слишкомъ многаго касаться я не буду, и входить въ какія нибудь подробности предстоящей вамъ жизни я не намѣренъ, — предоставляя все это вашему собственному благоразумію и руководству вашихъ родителей. Я желалъ бы только установить для васъ надлежащій основной взглядъ на брачную жизнь дабы вы

имѣли ясныя и руководящія понятія о томъ, къ чему она васъ обязываетъ, и въ чемъ тайна супружескаго счастія.

По духу и ученію Христовой церкви, бракъ есть подвигъ, хотя низшій того подвига, который берутъ на себя люди разрывающіе всякія связи съ міромъ ради превосходящей любви Христовой,—но все-таки подвигъ. Эту сторону брака всего чаще опускаютъ изъ вида, представляя себѣ счастливую брачную жизнь безпрерывно продолжающимся отблескомъ брачнаго пиршества, чѣмъ-то вѣчно улыбающимся, сладостнымъ и ликующимъ; а между тѣмъ это уже плоды благословеннаго и счастливаго брака, а не то, что можно бы назвать сущностію его,—плоды, вырастающіе на почвѣ неуклоннаго и твердаго исполненія супружескихъ обязанностей. Не смѣшивайте же въ своемъ новомъ положеніи вещей придаточныхъ и второстепенныхъ съ существенными и основными! Что вы теперь проникнуты сладостнымъ сознаніемъ своего счастія и исполнены прекрасныхъ и свѣтлыхъ надеждъ на свое будущее,—это совершенно въ порядкѣ вещей; но затѣмъ я и повелъ свою рѣчь о долгѣ и супружескихъ обязанностяхъ, чтобы упрочилось ваше счастіе, чтобы сбереглись и осуществились эти ваши надежды, которыя раздѣляютъ съ вами всѣ васъ знающіе и любящіе. Не пугать васъ, не омрачать вашего теперешняго счастія хочу я, а напротивъ ободрить и утѣшить. Вамъ конечно не безъизвѣстно, какими иногда безконечными опасностями и суевѣрными страхами окружается бракъ въ понятіяхъ людей. Пугаютъ и тѣмъ, что нѣтъ прочнаго счастія на землѣ, пронизируютъ и самую любовь супружескую, которая будтобы день ото-дня должна умаляться и гаснуть, указываютъ и на горькіе примѣры супружескихъ разочарованій и разныхъ семейныхъ неурядицъ. Не бойтесь! всѣ эти страхи нисколько не страшны для христіанскихъ вѣрующихъ супруговъ; ибо въ бракѣ, заключенномъ на чисто и безпримѣсно христіанскихъ началахъ, не только не теряется, но углубляется любовь супружеская, и до послѣднихъ дней жизни сберегается та благоуханная и священная поэзія, въ область которой вводитъ св. церковь молодыхъ супруговъ въ ихъ первые брачные дни; а всѣ вышеисчисленныя ненормальности брачной жизни появляются или въ слиш-

комъ грубыхъ и матеріальныхъ, или въ незрѣлыхъ и романическихъ, и во всякомъ случаѣ не христіанскихъ бракахъ. Вотъ я и хочу разъяснить вамъ, что значитъ быть въ христіанскомъ бракѣ, дабы цѣлымъ и непоколебимымъ осталось ваше супружеское счастіе, которое такъ наглядно сіяетъ теперь на вашихъ лицахъ.

Я сказалъ, что бракъ христіанскій есть подвигъ. Ваше подвижничество должно быть устремлено прежде всего на васъ самихъ. Вы теперь серьезно должны заняться изученіемъ себя, наблюденіемъ надъ своимъ характеромъ и всѣмъ вообще душевнымъ строемъ своимъ,—дабы умѣть подчинять свои вкусы, привычки и взгляды на вещи, свои отдѣльныя желанія и мечты— другъ другу; въ особенности должны научиться сглаживать въ пользу одинъ другаго неровности и угловатости своего личнаго самолюбія, котораго, какъ извѣстно, въ человѣческой натурѣ всегда найдется довольный запасъ. То, что я рекомендую, называется сосредоточенностію и самообладаніемъ. Эти качества рѣзко отдѣляютъ, какъ извѣстно, незрѣлую пору дѣтства и возрастанія, отъ того возраста, когда человѣкъ начинаетъ понимать свое положеніе среди людей, сознаетъ свое человѣческое назначеніе и свои обязательныя отношенія къ людямъ. Таковымъ сознаніемъ въ преимущественной степени должны обладать супруги и умѣть сподчинять себя другъ другу. Я имѣю здѣсь поводъ коснуться одной крупной ненормальности современныхъ нашихъ браковъ. По ученію модной свѣтской морали браки должны быть какъ можно болѣе нейтральны, т. е. супруги должны будто-бы такъ устроиться, чтобы связующія ихъ супружескія узы чувствовались какъ можно менѣе,—дабы каждый изъ нихъ могъ на свободѣ жить и развиваться по прежнему со всѣми своими личными привычками и наклонностями, и даже недостатками. Это будто бы требуется взаимнымъ самоуваженіемъ супруговъ, и этимъ будто бы и можно только избѣгнуть семейнаго деспотизма и всяческой домашней прозы. Безъ таковыхъ идей о свободѣ и нейтральности брачныхъ узъ не обходится кажется ни одинъ современный романъ, и даже ни одна мелкая повѣсть въ литературѣ. Но, прошу васъ, выкиньте изъ головы эту нелѣ-

пую систему брачной жизни. Не на свободѣ и нейтрализаціи, а напротивъ на крѣпкомъ объединеніи и нераздѣльной взаимности интересовъ можетъ быть основано прочное семейное счастіе; а этого объединенія и не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ взаимнаго соподчиненія и обоюдной дружеской принаровки. Отъ этого-то недостатка, можно сказать, и происходятъ всѣ эти разочарованія и всѣ неустройства жизни семейной, которыми, надо правду сказать, довольно таки богато современное общество. Толкуютъ о самоуваженіи и соблюденіи взаимныхъ правъ; но посудите сами, развѣ можно сказать о людяхъ, что они уважаютъ другъ друга, если согласятся держать себя на извѣстномъ отдаленіи, и назначатъ раздѣляющіе предѣлы, съ обязательствомъ не переступать ихъ ни съ той ни съ другой стороны. Не скорѣе ли надо подумать о такихъ людяхъ, что они дичатся и опасаются другъ друга и не увѣрены въ себѣ, иначе сказать—не любятъ другъ друга. Напротивъ полнота любви и счастія супружескаго въ томъ и состоитъ, когда оба супруга, задавшись одними цѣлями и стремленіями, идутъ совершенно рядомъ по жизненной дорогѣ постоянно на глазахъ другъ у друга, и не застраховываютъ своей любви разными уговорами, нейтральностями и обособленіями, имѣютъ непрерывное и постоянное вліяніе другъ на друга, и не имѣютъ отдѣльныхъ интересовъ, ни расчетовъ ни тайнъ. Это и называется, по мѣткому народному выраженію, жить душа въ душу. Чтобы это прекрасное правило стало твердымъ, основнымъ камнемъ вашей супружеской жизни, рѣшитесь, друзья мои, съ сей же минуты соподчиняться и приноравливаться другъ къ другу, а не хлопотать о взаимной свободѣ и просторѣ брачной жизни.

Возвращаюсь опять къ основному положенію о бракѣ. Бракъ есть подвигъ, — сказалъ я. Это ваше подвижничество должно быть—во вторыхъ—направлено помимо васъ самихъ, на благоустроеніе домашняго быта или семейнаго очага, какъ говорится. Подъ этимъ благоустроеніемъ я разумѣю общую сложность всего, отъ чего зависятъ житейскія удобства и матеріальное благополучіе семействъ. Здѣсь предполагается и ваше хозяйство, и ваши средства къ жизни, и ваши надлежащія отношенія къ людямъ,

и ваши труды и служба на пользу общества, и ваши заботы по обезпеченію своей будущности, а равно и ожидаемой отъ васъ отдѣльной семьи и т. д. Все это такъ называемыя житейскія попеченія, изъ которыхъ слагается особаго рода наука житейской практики. Вотъ это и есть та проза жизни, которая такъ пугаетъ людей мелкихъ и вѣтреныхъ, избалованныхъ и лѣнивыхъ, или же ни къ чему не способныхъ. Но, какъ вы видите, въ этой-то прозѣ и состоитъ самый серьезный смыслъ и наиполезнѣйшая цѣль брачной жизни, и—значитъ—изъ этой-то прозы и можно добыть, разумѣется при мало-мальски благопріятныхъ обстоятельствахъ, самую прочную и зрѣлую поэзію. Эти благородныя заботы любящаго мужа о нуждахъ и удобствахъ своей подруги; эта нѣжная попечительность любящей жены, дабы облегчено было житейское бремя для мужа; дабы осмыслилась его жизнь, наполнилась семейными радостями и сознаніемъ тихаго и прочнаго счастія; эти обоюдные ихъ труды и попеченія о воспитаніи своего поколѣнія, о возращеніи полезныхъ членовъ обществу,—все это и даетъ лучше всего почувствовать цѣну жизни и ея поэзію; эти самые труды и заботы о нуждахъ повседневной будничной жизни и спасаютъ людей наилучшимъ образомъ отъ апатіи и жизненнаго пресыщенія и отъ мертвящаго сознанія безцѣльности и пустоты своей жизни, — сознанія, ведущаго ко всякому растлѣнію. Итакъ, хотя широта и сложность, а равно и тяжесть житейской практики, у каждой отдѣльной семьи бываетъ разная, судя по мѣсту, занимаемому ею въ обществѣ; но ни одинъ честный и благонамѣренный человѣкъ, и ни одинъ полезный членъ общества, особенно же ни одинъ семьянинъ, не избѣжитъ и не долженъ избѣгать посильныхъ трудовъ и тяжестей на своемъ житейскомъ поприщѣ. Молодымъ супругамъ, ради самой этой ихъ молодости, ради неопытности житейской и непривычки вести самостоятельную борьбу съ жизнію, рекомендуется какъ можно больше и чаще прибѣгать къ опытности своихъ родителей, этихъ ближайшихъ и самыхъ благожелательныхъ руководителей. Но конечно главное дѣло будетъ состоять все-таки въ васъ самихъ. Постарайтесь устроить жизнь свою такъ, чтобы она непремѣнно была

наполнена какою нибудь разумною дѣятельностію и одушевлялась опредѣленною и благородною цѣлію. Жить для того только, чтобы жить и наслаждаться и слѣдовательно только проживать, а не наживать и не умножать данныхъ намъ даровъ природы,—не значитъ жить почеловѣчески, и слѣдовательно не значитъ быть истинно счастливымъ. Я не считаю прямымъ своимъ дѣломъ назначать вамъ какой нибудь опредѣленный родъ дѣятельности; но говорю только, что вы сами должны сдѣлать это непремѣнно, дабы упрочить свое внутреннее и домашнее благополучіе. Людямъ, какъ вы, не имѣющимъ надобности много заботиться о матеріальныхъ своихъ нуждахъ, я могъ бы только указать на благородные и поистинѣ достойные человѣка труды по самообразованію. Однихъ этихъ трудовъ хватитъ на цѣлую жизнь, и притомъ не для васъ только, а для всякаго человѣка!...

Выслушайте и мое послѣднее къ вамъ слово. Если бракъ, какъ видите, есть подвигъ въ житейскомъ смыслѣ слова; то тѣмъ болѣе онъ долженъ быть для васъ подвигомъ въ христіанскомъ смыслѣ слова. Я хочу этимъ сказать вамъ, что въ брачномъ состояніи вы должны усугубить свои попеченія о стяжаніи истиннаго и глубокаго благочестія въ духѣ вѣры Христовой, и въ этихъ попеченіяхъ взаимно помогать другъ другу. Вамъ небезъизвѣстно, я думаю, сколько зла и нравственнаго растлѣнія разлито въ современномъ обществѣ; одна только надежда на добронравныя и христіанскія семейства; въ нихъ, за исключеніемъ конечно нѣкоторыхъ, еще живо здравое нравственное начало, — и оно-то есть крѣпкій оплотъ нашей общественной и государственной силы. Поймите, какое высокое и благородное предстоитъ вамъ назначеніе—быть блюстителями самой драгоцѣнной силы общественной, т. е. вѣры и христіанскаго благочестія. Но это возможно будетъ тогда, когда вы всѣмъ сердцемъ и душою усвоите и проведете въ свою жизнь евангельскія начала и правила нравственности. Возлюбите же Господа Іисуса Христа и его святой законъ; возлюбите святую церковь православную, соединившую васъ отнынѣ воедино, и никогда не забывайте того, какъ она горячо молилась о вашемъ счастіи, и какъ она желала устроить вашу супружескую жизнь на самыхъ прочныхъ осно-

ваніяхъ! Постарайтесь же и вы устроить свою жизнь по ея правиламъ,—и это счастіе придетъ къ вамъ непремѣнно. Научитесь считать хорошимъ и похвальнымъ только то, что она считаетъ таковымъ, избѣгайте же всего, что она охуждаетъ и порицаетъ! Не увлекайтесь всякимъ вѣтромъ ученія человѣческаго, — какъ бы оно ни было модно и обольстительно,—но повѣряйте его ученіемъ евангельскимъ! Не позволяйте проникать въ вашъ домъ растлѣннымъ и чувственнымъ обычаямъ вѣка сего, а для сего и самую внѣшность своего домашняго быта устройте такъ, чтобы на ней были признаки вашей внутренней вѣры и христіанскаго благочестія! Не забывайте святыхъ храмовъ Господнихъ и молитвы домашней; поучайтесь въ словѣ Божіемъ, и упражняйтесь въ дѣлахъ милости и любви христіанской! Когда такимъ образомъ ваша супружеская жизнь запечатлѣна будетъ искреннимъ и живымъ духомъ Христовой вѣры; то низойдетъ на васъ благословеніе небесное, — и ваше счастіе семейное навсегда будетъ упрочено. Да оправдается сіе надъ вами! Аминь.

СЛОВО

въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(30 августа 1876 г.).

Сегодня мы празднуемъ намять св. благ. и велик. князя Александра Невскаго. Свѣтлая и высокая личность его, просіявшая столько же подвигами религіозными, сколько и доблестями гражданскими, невольно уноситъ мысль нашу къ тѣмъ временамъ нашего прошедшаго, когда всѣ сословія русскія, всѣ до единаго, начиная отъ бѣднаго простолюдина до князя, окруженнаго блескомъ и обиліемъ благъ земныхъ, умѣли какъ-то соединять обязанности гражданскія съ религіозными и строго выдерживали,

*) Напечатано въ 18-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1876 г.

какъ въ домашней, такъ и общественной своей жизни, православно-религіозный характеръ. Этотъ характеръ обнималъ всю жизнь древняго русскаго человѣка, и полагалъ нѣкоторую общую родственную и связующую печать на всѣ классы общественные. Если государство называютъ иногда семьей и сравниваютъ съ организмомъ; то оба эти сравненія всего болѣе идутъ къ древней православно-религіозной Руси. Религіозное одушевленіе, такъ крѣпко объединявшее національныя силы народа русскаго, всегда было самою могущественною его опорою въ годины искушеній, и оно-то, какъ открываетъ намъ исторія, приготовило нашему отечеству теперешнюю его силу, могущество и славу. Чѣмъ болѣе это вѣрно, тѣмъ труднѣе удержаться отъ сожалѣнія, что многимъ современнымъ русскимъ людямъ и недостаетъ именно того, чего такъ много было у нашихъ предковъ и что всегда составляло и составляетъ красу нашей внутренней жизни. На случай, если бы кому нибудь показалось, что мы въ старинѣ ищемъ идеаловъ для современной жизни, и вмѣсто движенія впередъ рекомендуемъ возвратиться назадъ, ко временамъ св. князя Александра Невскаго,—спѣшимъ оговориться, что нѣтъ и нѣтъ. Успѣхи современной общественной жизни такъ велики, и благодѣтельное вліяніе ихъ такъ хорошо чувствуется каждымъ послѣднимъ членомъ великой русской семьи, что не отрицать ихъ и не унижать мы намѣрены, а скорѣе выразить теперь, въ день памяти благ. кн. Александра Невскаго, глубокую скорбь о томъ, какъ горька и тяжела была гражданская жизнь его современниковъ, какъ много бѣдъ и скорбей долженъ былъ выносить на себѣ русскій народъ отъ недостатка тѣхъ усовершенствованій общественной жизни, которыми пользоваться имѣемъ счастіе мы. Но при всемъ томъ станемъ ли отрицать и то, что мы религіозны менѣе своихъ предковъ, что нашимъ общественнымъ дѣятелямъ, иногда съ несомнѣнными талантами и заслугами, недостаетъ весьма часто ни особенно крѣпкихъ религіозныхъ убѣжденій, ни особенно чистаго нравственнаго характера дѣятельности и что нерѣдко у насъ чувствуется какое-то разъединеніе и разобщеніе между службой государю и обществу и между служеніемъ Богу, и вообще между интересами гражданскими и національ-

ными и интересами религіозными, и что это, какъ и всякое неестественное разъединеніе, не хорошо во всякомъ случаѣ? Позвольте же остановиться на этомъ предметѣ нѣсколько долѣе.

Но, можетъ быть, есть еще сомнѣніе насчетъ необходимой связи между религіозностью и служебно-практическою дѣятельностію? Т. е. можетъ быть, нѣкоторымъ все еще кажется, что и плохой христіанинъ можетъ быть очень хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ, и что вообще религія и государственно-политическая жизнь суть двѣ совершенно отдѣльныя области, могущія существовать и развиваться сами по себѣ и безъ взаимнаго вліянія? Люди, любящіе подобными соображеніями оправдывать свою нерелигіозность и успокоивать себя насчетъ своего невѣдѣнія и несочувствія религіи, приводятъ обыкновенно въ примѣръ и доказательство своихъ соображеній быстрое и успѣшное движеніе впередъ гражданственности и цивилизаціи безъ помощи будтобы религіи, ибо не она де подсказала тѣ великія и удивительныя открытія, которыя такъ сильно и такъ замѣтно возвысили благосостояніе гражданскихъ обществъ.

Но всѣ эти соображенія значительно слабѣютъ, если мы примемъ во вниманіе, какъ незначительно все-таки въ общей сложности и медленно растетъ внутреннее народное благо, несмотря на высокое состояніе современныхъ наукъ и искусствъ. Отраднымъ и утѣшительнымъ фактамъ и примѣрамъ можно противопоставить тысячи другихъ примѣровъ и фактовъ весьма неутѣшительныхъ и могущихъ возбуждать раздумье и сомнѣніе въ самыхъ горячихъ и искреннихъ оптимистахъ. Дѣлаются напр. открытія въ наукѣ естествознанія, а національная вражда и ненависть современныхъ цивилизованныхъ народовъ прилагаетъ эти открытія къ истребленію человѣческаго рода. Давно ли на западѣ, во время войны между самыми образованными, можно сказать, и цивилизованными европейскими народами, погибали отъ этой цивилизаціи десятки тысячъ подобныхъ намъ собратій, созданныхъ конечно для законнаго наслажденія жизнію и мечтавшихъ о счастіи въ жизни. А теперь что дѣлается? Нельзя безъ отвращенія и ужаса читать газетныхъ извѣстій, какъ единоплеменные намъ славянскія братья гибнутъ отъ турецкихъ варваровъ,

вооруженныхъ страшными орудіями смерти, изобрѣтенными цивилизованной наукой.

Открываются все новые источники народныхъ богатствъ; а тысячи голодныхъ, оборванныхъ и тупыхъ людей ходятъ по улицамъ на глазахъ цивилизованныхъ богачей и вымаливаютъ милостыню, если только при удобныхъ случаяхъ не восхищаютъ ее насильно. Въ центрахъ цивилизаціи, въ столицахъ европейскихъ, какъ слышно, всего болѣе этой бѣдности и нищеты. Тамъ она, говорятъ, самаго возмутительнаго характера. Науки развиваются по всѣмъ своимъ отраслямъ, а милліоны людей,— это не преувеличеніе, а дѣйствительно милліоны людей,—попрежнему не умѣютъ читать грамоты, и мыслятъ попрежнему какъ дѣти обо всемъ, что выходитъ изъ тѣснаго и убогаго кружка ихъ собственнаго опыта. Какъ думать насчетъ всего этого? Очевидно, что что-то сильно мѣшаетъ человѣчеству идти впередъ, и злобно смѣется надъ его самоувѣренными порываніями къ прогрессу. Оказывается, что это скрытное злое начало, мѣшающее обществамъ человѣческимъ безпрепятственно усовершать себя, есть не что иное, какъ страсти людскія, и въ особенности главная изъ нихъ, отъ которой, какъ отъ злаго корня, вырастаетъ безчисленное множество гнусныхъ отпрысковъ, — это эгоизмъ или самолюбіе. Доколѣ не будетъ вырвано съ корнемъ это зло въ людяхъ, дотолѣ будетъ у нихъ рядомъ съ образованіемъ, довольствомъ и свободой, — и застой и рабство и нищета и невѣжество и слезы и стоны. *Откуду брани и свары въ васъ*, говоритъ Ап. Іаковъ; *не отсюду ли, отъ сластей вашихъ воюющихъ во удѣхъ вашихъ!* (IV, 1). А между тѣмъ къ ослабленію и уничтоженію этого зла не знаетъ средствъ ни одна наука, ни искусство. Вотъ почему стоитъ, въ особенности въ нынѣшнее прогрессивное время, пожалѣть, что главные вожди и передовые двигатели цивилизаціи весьма часто не хотятъ и не думаютъ обращаться за этими средствами туда, гдѣ ихъ такъ много,—именно къ религіи Христовой, основное начало которой есть самоотверженная любовь къ Богу и ближнему, а главный характеръ—господство надъ страстями для безпрепятственнаго и самаго широкаго исполненія закона о любви. Да что и говорить

много объ этомъ? Можно ли указать хоть одинъ примѣръ или случай, чтобы человѣкъ съ истинно-христіанскимъ направленіемъ, человѣкъ пламенѣющій любовію къ Богу и усердно трудящійся надъ исполненіемъ евангельскихъ правилъ въ своей жизни,— чтобы такой человѣкъ какъ нибудь и гдѣ нибудь оказался безполезнымъ или вреднымъ членомъ общества въ отведенномъ ему кругѣ обязанностей гражданскихъ? Этого конечно и не было и быть не можетъ. Надлежало бы понастоящему взвѣшивать и цѣнить этотъ несомнѣнный фактъ. Между тѣмъ обратныхъ примѣровъ, т. е. что люди безъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій и безъ христіанскихъ правилъ дѣятельности суть въ то же время ненадежные члены общества гражданскаго,— этихъ примѣровъ, къ сожалѣнію, неисчислимое множество. Да этому и быть иначе нельзя, если глубже нѣсколько вдуматься въ дѣло.

Общеизвѣстная и достовѣрная истина, что чѣмъ цѣльнѣе всякая сила, и чѣмъ менѣе раздроблена по разносторонним направленіямъ, тѣмъ больше и богаче полезными результатами бываютъ проявленія этой силы. Этотъ законъ, столь извѣстный въ области неодушевленной природы, съ такою же неизмѣнностію проявляется въ области разумно-свободной дѣятельности человѣка. Эту дѣятельность можно представлять совокупностію или результатомъ различныхъ силъ, которыми надѣлилъ Господь человѣческую душу. Силы эти, хотя общи и однородны въ каждомъ человѣкѣ, но разнятся по степени своего богатства или по обширности своей въ каждой отдѣльной личности. Но чѣмъ богаче въ человѣкѣ его духовныя силы, тѣмъ болѣе, можно сказать, онѣ нуждаются въ единствѣ своего направленія,— въ томъ, что сообщаетъ человѣку крѣпость и опредѣленность его личности. Въ противномъ случаѣ — при богатствѣ силъ — дѣятельность человѣка принимаетъ порывистый, кипучій, страстный и слѣдовательно ненадежный и даже опасный характеръ, а при посредственности и ограниченности силъ человѣкъ дѣлается тростью, вѣтромъ колеблемой по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, а дѣятельность его похожа бываетъ на недозрѣлый и безвкусный плодъ. Между тѣмъ и слабыя силы человѣка, скрѣпленныя нѣкоторымъ общимъ, объединяющимъ и связующимъ началомъ, по-

лучаютъ значительную энергію и производятъ весьма замѣтныя дѣла.

Это связующее начало въ человѣкѣ, кладущее опредѣленную и явственную печать на всей его дѣятельности, и есть религія, и замѣнить ее въ этомъ отношеніи ничто не можетъ въ человѣкѣ. Религія живетъ въ самой сокровенной и внутренней сторонѣ человѣческаго духа, слагается изъ живыхъ и глубочайшихъ сердечныхъ убѣжденій, и проявляется во всѣхъ, рѣшительно во всѣхъ, самыхъ мелчайшихъ движеніяхъ воли человѣческой, и слѣдовательно она владѣетъ безраздѣльно всей душой человѣка. Можно представить, какую непоколебимую и несокрушимую силу носитъ въ себѣ человѣкъ истинно и вполнѣ религіозный. Въ недостаткѣ этой-то силы конечно и кроется тайна, почему иногда не удаются у насъ самыя благія начинанія, почему люди способные и образованные не приноситъ ожидаемой отъ нихъ пользы, почему такъ много бродитъ въ нашемъ обществѣ разнородныхъ и взаимно ослабляющихъ себя началъ, и почему вслѣдствіе всего этого такой медленный, нерѣшительный и колеблющійся у насъ прогрессъ къ лучшему,—и не только впрочемъ у насъ, но и у всѣхъ обществъ, хоть и хвалятся они своею прогрессивностью. Да! если бы человѣчество, хоть и медленно, но все-таки прямо шло все къ лучшему и къ лучшему; то давно бы долженъ настать на землѣ рай,—а его все нѣтъ и нѣтъ, и далеко еще не предвидится. И все это конечно отъ того, что общества людскія дѣйствуютъ разрозненными силами; а эта разрозненность—отъ внутренняго разлада въ отдѣльныхъ личностяхъ, который зависитъ отъ недостатка религіи въ людяхъ. Какая нибудь смѣлая и оригинальная мысль, хотя и невѣрная въ основаніи своемъ, влечетъ не рѣдко за собою цѣлыя толпы людей къ ошибкамъ. Какая нибудь ученая и авторитетная книга, хотя бы и пагубная, приводитъ въ восторгъ читающую публику. Или,—спускаясь въ область практическую и служебную,—холодность и равнодушіе людей убиваютъ самыхъ усердныхъ служебныхъ дѣятелей. Недостатокъ вниманія или забывчивость начальства выводитъ изъ терпѣнія самую безкорыстную честность. Утрата какихъ нибудь ожидаемыхъ выгодъ, доставшихся сопернику, за-

носитъ злобу и зависть въ самыя повидимому миролюбивыя души. Прямое и резонное указаніе ошибокъ и промаховъ вызываетъ на упорство и мстительность самыя, кажется, миролюбивыя и смиренныя личности. Если мы отъ личностей обратимся къ цѣлымъ государствамъ, хотя бы къ самымъ цивилизованнымъ и развитымъ, то еще нагляднѣе увидимъ, къ какому странному и постыдному раздвоенію между убѣжденіемъ и дѣломъ приводитъ ихъ отсутствіе или слабость религіознаго начала. Современныя политическія событія невольно приводятъ къ мысли объ этомъ. Развѣ это не стыдъ и срамъ въ самомъ дѣлѣ для цивилизованной и гуманной Европы, что на глазахъ и въ сосѣдствѣ съ нею томятся и гибнутъ въ самомъ унизительномъ турецкомъ рабствѣ ея братья по вѣрѣ, христіанскіе славяне? А между-тѣмъ одного единодушнаго и настойчиваго слова западно-европейскихъ державъ было бы достаточно, чтобы невѣжественные и безнравственные фанатики масульманскіе не только прекратили избіеніе своихъ подданныхъ славянъ, но и вовсе удалились бы изъ Европы. Что же мѣшаетъ западнымъ христіанскимъ державамъ сказать это слово, или по крайней мѣрѣ выразить открыто и торжественно свое соболѣзнованіе невиннымъ славянскимъ страдальцамъ и сочувствіе ихъ геройскимъ подвигамъ въ борьбѣ съ своими мучителями? Очевидно, что взаимное соперничество, недовѣріе и тайное недоброжелательство,—или что тоже—слабость религіозныхъ началъ, вслѣдствіе которой христіанскіе интересы ставятся позади всѣхъ остальныхъ, напримѣръ племенныхъ, меркантильныхъ и всякихъ другихъ. А будь люди религіознѣе, будь у нихъ чище и искреннѣе любовь къ Богу и ближнему,—не было бы въ нихъ этой нравственной измѣнчивости, и не подвергалась бы такимъ многочисленнымъ случайностямъ ихъ добродѣтель. Но не довольно ли доказывать то, что кажется достаточно уже выяснено, т. е. что религія есть необходимое и неустранимое условіе всякаго истиннаго прогресса какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ обществахъ человѣческихъ? Такъ, вѣрно слово Писанія: *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. IV, 8).

Изъ всего этого выходитъ, что людямъ слѣдуетъ быть рели-

гіознѣе. Обращаясь къ нашему родному русскому и православному обществу, хотѣлось бы съ удвоенною силою предложить этотъ совѣтъ,—и именно въ настоящее тревожное время, когда православная вѣра Христова, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, подвергается, можно сказать, огненному искушенію и очищенію въ борьбѣ съ разными враждебными ей силами. Надобно правду сказать, что громъ оружія и страшная гроза военная, разразившаяся надъ нашими южными единовѣрными братіями, заставили воспрянуть и наше русское общество, отрезвили многихъ отъ ихъ обычнаго матеріальнаго и эгоистическаго сна, и вообще вызвали на серьезныя думы о судьбахъ славянства и неразрывнаго съ нимъ православія. Но это однако же не можетъ заставить насъ забыть, какъ много кроется на днѣ нашей общественной жизни шаткихъ и антирелигіозныхъ началъ, группирующихъ около себя дурную и незрѣлую половину нашего общества, и готовыхъ обнаружить свою злую силу при всякомъ удобномъ поводѣ. Не для того ли Господь время отъ времени и посылаетъ грозы гнѣва своего на христіанскій міръ, дабы разсѣять накопляющіяся въ немъ міазмы порока и невѣрія, и возвать людей къ религіи. Поспѣшимъ же на призывъ Божій. Вонмемъ предлагаемымъ для насъ урокамъ, т. е. позаботимся объ очищеніи своей нравственности и объ усвоеніи здравыхъ религіозныхъ началъ.

Но можетъ быть уже не поздно ли для многихъ объ этомъ думать, ибо пришлось бы можетъ быть перестраивать себя на новый ладъ, на многое измѣнить взглядъ, создавать новыя убѣжденія, наживать новыя привычки,—что сопряжено повидимому съ чрезвычайными трудностями? Но если бъ даже это и было такъ какъ кажется, то и тогда нужно ли было бы опускать руки передъ дѣломъ такой чрезвычайной важности, съ которымъ связана въ нѣкоторомъ отношеніи и наша временная, но главнымъ образомъ вѣчная наша судьба? А между тѣмъ дѣло это гораздо проще и доступнѣе, чѣмъ представляетъ его для насъ наша пагубная привычка жить какъ живется, наша привязанность къ удовольствіямъ и утѣхамъ временной жизни, убивающая въ насъ всякую охоту заниматься какими нибудь вопросами, касающимися нашей души и ея вѣчнаго назначенія.

Святыя истины Христовой религіи, не смотря на свою возвышенность и таинственность, весьма сродны всякому не совсѣмъ испорченному уму, а святыя правила вѣры Христовой достолюбезны и привлекательны для всякаго человѣческаго сердца. По мудрому изреченію одного древняго христіанскаго учителя—душа человѣческая по природѣ христіанка. Много бываетъ только на этой душѣ чуждаго ей и пришлаго; много привычекъ и предразсудковъ наживается неправильнымъ воспитаніемъ; много наконецъ бываетъ случайныхъ увлеченій,—а между-тѣмъ эти то послѣднія иногда и не даютъ человѣку сдѣлать перваго возвратнаго шага отъ мірской суеты къ религіи, отъ себя и своихъ страстей къ Богу. Конечно, нельзя вдругъ сдѣлаться религіознымъ и благочестивымъ тому, кто можетъ быть десятки лѣтъ дышалъ иными вовсе не благодатными началами. Но чудодѣйственная благодать Христова и изъ одного невидѣтнаго святаго сѣмени можетъ произрастить въ душѣ нашей прекрасное и величественное дерево добродѣтелей и совершенствъ христіанскихъ, только бы мы рѣшились отдаться ея водительству. Позвольте на сей разъ предложить одинъ совѣтъ: не пренебрегайте такъ называемыми мелочами христіанской практики. Изъ этихъ мелочей слагается цѣлый строй нашей ежедневной жизни, и онѣ-то по своей легкости и сподручности, можетъ быть, скорѣе всего привлекутъ насъ къ Богу, и возвратятъ насъ нашей матери—церкви.

Зоветъ васъ, напримѣръ, церковь на молитву,—вы и идите и не отзывайтесь тѣмъ, что самая важная молитва умственная, и что вездѣ въ мірѣ храмъ Божій. Велитъ вамъ церковь кланяться предъ иконами и предлагаетъ готовые образцы для вашихъ молитвъ,—вы и кланяйтесь и усвояйте эти образцы, не отрекаясь тѣмъ, что поклоны и произнесеніе готовыхъ молитвъ—одна механика. Учитъ васъ церковь различать дни и не всегда и не все вкушать, чего хочетъ желудокъ,—попробуйте и вы дѣлать такъ, не притворяясь философами, понимающими, что у Бога всѣ дни равны и что Богу нѣтъ нужды, чѣмъ человѣкъ питается. Дѣло дѣйствительно не въ пищѣ, не въ поклонахъ, не въ различеніи дней; но этой однако же практикой создается направленіе въ цѣлой душѣ и чрезъ нее лежитъ

дорога къ высшему совершенству. Вспомнимъ опять нашихъ русскихъ князей, нашихъ православныхъ бояръ,—какъ искренно и свято чтили они всѣ уставы церкви, какъ вѣрно и прямо дошли по сему пути до изумительной для нашихъ дней святости и чистоты нравственной. Подобными примѣрами наполнена можно сказать исторія нашей отечественной церкви.

Дадимъ же святой обѣтъ неотложно начать дѣло своего преобразованія душевнаго по испытаннымъ уже тысящелѣтнимъ образцамъ и по святымъ уставамъ церкви, и призовемъ въ помощь нынѣ празднуемаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, бывшаго нѣкогда свѣтиломъ земли русской, а теперь ея молитвенника и ходатая предъ престоломъ царя небеснаго. Помолимся предъ нимъ о нашемъ тезоименитомъ ему государѣ, да защититъ его—со всѣмъ царствующимъ домомъ и со всѣмъ народомъ русскимъ отъ всякаго злаго обстоянія, да спасетъ отъ всѣхъ, какъ своихъ домашнихъ, такъ и иноплеменныхъ недруговъ и завистниковъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

къ воспитанникамъ владимірской гимназіи, въ день храмоваго праздника св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго *).

(23 ноября 1876 г.).

Корень премудрости, еже боятися Господа. Исполненіе премудрости, еже боятися Господа. Вѣнецъ премудрости—страхъ Господень. (Сир. 1, 20, 16. 18).

Любезные воспитанники!

Пользуясь вашимъ совокупнымъ собраніемъ въ храмѣ Божіемъ въ настоящій день вашего училищнаго праздника, я обращаю ваше вниманіе на вышеприведенныя замѣчательныя слова священ-

*) Напечатано въ 23 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1876 г.

наго мудреца. Желалъ бы я, чтобы вы усвоили сердцемъ и душею его взглядъ на дѣло, составляющее цѣль всей вашей учебной жизни и дѣятельности, и значитъ въ высшей степени для васъ дорогое и важное, т. е. на науку и образованность, или — какъ онъ говоритъ—на премудрость. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ обыкновенно многознаніе, или разностороннее и глубокое развитіе умственныхъ силъ въ человѣкѣ. Священный же мудрецъ говоритъ, что если это многознаніе не приводитъ къ Богу, и если это развитіе не соединено со страхомъ Господнимъ; то оно не имѣетъ ни здороваго корня, ни надлежащаго завершенія, и значитъ можетъ быть фальшиво и безцѣльно. Какъ было бы жаль, если бы вы по невѣдѣнію, или по узкости взгляда на образованіе, стали гоняться только за его призраками, и истратили столько силъ и трудовъ въ школѣ, въ результатѣ получили бы вещь не стоящую вниманія, или даже непотребную и опасную!..

Попробуемъ же, подъ руководствомъ священнаго мудреца, установить истинное понятіе о мудрости. Поелику кромѣ ума, ищущаго знанія, въ насъ есть еще другія, не менѣе высокія способности и потребности; такъ есть у насъ сердце, жаждущее наслажденій и счастія, есть свободная воля, стремящаяся къ добродѣтели; то безъ всякаго сомнѣнія мудрецомъ не по имени а на самомъ дѣлѣ можетъ быть названъ только тотъ, кто развитію всѣмъ сторонамъ человѣческаго духа, т. е. когда онъ не только уменъ и ученъ, но и прекрасенъ по сердцу и добродѣтеленъ въ жизни. Не такъ ли? И вотъ если бы знаніе и развитость умственная необходимо вели за собою и счастіе и добродѣтель, тогда конечно они были бы и началомъ и вѣнцомъ премудрости. Но къ сожалѣнію, это не всегда бываетъ въ опытѣ,— и эта горькая истина всѣмъ намъ конечно слишкомъ хорошо извѣстна. Рядомъ съ обширною ученостію бываетъ въ людяхъ и поразительная черствость сердца и грубость чувствъ, а въ жизни растлѣніе и пороки. Тотъ же самый человѣкъ, который такъ прекрасно умѣетъ разсуждать о достоинствѣ человѣческомъ и добродѣтели, нерѣдко въ жизни на каждомъ шагу опровергаетъ свои возвышенныя теоріи. Грустная—говоримъ—эта истина,— и однако же она не подлежитъ сомнѣнію.

Гдѣ же искать ту силу, которая могла бы уравновѣшивать въ человѣкѣ его потребности, и давала бы стройное и согласное направленіе всѣмъ его способностямъ? Эта-то сила и есть, по словамъ священнаго мудреца, страхъ Господень, т. е. живое религіозное чувство, низводящее къ намъ всесильную и освящающую благодать Божію. Въ самомъ дѣлѣ искренній и истинный христіанинъ, въ сердцѣ котораго живо сознаніе своей внутренней связи съ Богомъ,—который ходитъ непрерывно подъ всевидящимъ взоромъ отца небеснаго, любящаго и милующаго, но въ тоже время гнушающагося всякой неправдой, — такой человѣкъ имѣетъ столь сильныя побужденія къ добродѣтели и столь крѣпкія опоры для нея, какихъ не можетъ дать никакая мудрость земная.

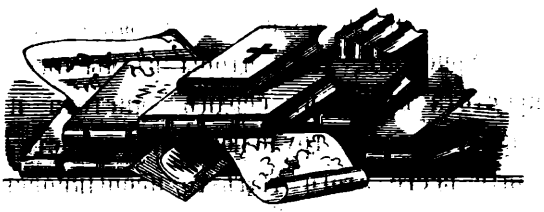
Не то, чтобы здѣсь дѣйствовалъ собственно страхъ предъ правосудіемъ Божіимъ и боязнь наказанія. Не эти чувства преобладаютъ въ боголюбивой душѣ христіанина, и не они собственно даютъ силу его волѣ. Дѣло здѣсь гораздо глубже и таинственнѣе, чѣмъ можетъ быть думается. Не за тѣмъ Господь Спаситель приходилъ на землю, чтобы только уяснить горькую судьбу, ожидающую грѣшниковъ въ будущей жизни, или только начертать высокій идеалъ богоподобія, и предложить его въ своей жизни для нашего подражанія. Нѣтъ, таинственнымъ и непостижимымъ образомъ онъ прививаетъ къ себѣ самую натуру нашу падшую и растлѣнную, и сообщаетъ ей новую благодатную жизнь, какъ добрая маслина—привитымъ къ ней дикимъ лозамъ. Люди, емлющіеся за Христа Спасителя не на словахъ и по наружности только, а всѣмъ сердцемъ и душою, обрѣтаютъ въ себѣ необыкновенную мощь и силу на всякое дѣло благое, и безбоязненно идутъ навстрѣчу всякимъ опасностямъ и искушеніямъ. Вспомните то злополучное время, какъ нѣкогда язычество, озлобленное успѣхами Христовой вѣры, подняло можно сказать всѣ силы ада противъ кроткихъ и смиренныхъ христіанъ, думая стереть ихъ съ лица земли. И что же? Бѣшеный фанатизмъ язычниковъ встрѣтилъ такую силу въ маломъ стадѣ Христовомъ, объ которую сокрушился самъ. Но и донынѣ *вси хотящіи благочестно жити*, т. е. истинные ученики Христа Спасителя,

гонимы суть, — гонимы отъ духа времени, отъ растлѣнныхъ обычаевъ мірскихъ, отъ злобы и высокомѣрія глаголемыхъ мудрецовъ,—и однако же это не сокрушаетъ, а только возвышаетъ ихъ добродѣтель. Они постоянно слышатъ въ себѣ сладкій голосъ отца небеснаго, указующій имъ прямой и свѣтлый путь къ нравственному совершенству, котораго такъ усиленно, но безуспѣшно отыскиваютъ мудрецы вѣка сего. Поразительны бываютъ тѣ примѣры, какъ иногда и простые люди, подъ руководствомъ евангелія и таинственно осѣняемые благодатію Божію, обнаруживаютъ необыкновенно тонкое пониманіе всего высокаго и благороднаго, и въ своей суровой и гнетущей обстановкѣ являютъ себя истинными героями добродѣтели. Поставьте рядомъ съ этими свѣтлыми, хотя можетъ быть и непривлекательными съ виду личностями, нашихъ ученыхъ моралистовъ, у которыхъ нерѣдко путаются и туманятся самыя понятія о добродѣтели, а въ жизни большею частію преобладаетъ сухой и отталкивающій эгоизмъ; припомните нашихъ пресловутыхъ мудрецовъ, которые всю судьбу человѣка ограничиваютъ землей и тѣломъ, отрицаютъ самостоятельное бытіе его богоподобной души, и родъ людской производятъ отъ безсловесныхъ животныхъ,—приведите—говорю—все это себѣ на мысль,—и вы поймете всю неотразимую правду и силу словъ божественнаго мудреца, что *корень премудрости — еже боятися Господа, а вѣнецъ премудрости — страхъ Господень*. А безъ этого вѣнца — какъ уродлива и дика бываетъ вся мудрость человѣческая!

Все это къ тому говорится, чтобы вы отъ юности возлюбили Господа Спасителя и его божественное слово, заключенное въ евангеліи. Приложите все ваше усердіе, чтобы усвоить это слово, но не умомъ только, а главнымъ образомъ сердцемъ и душою. Постарайтесь внести во всю свою жизнь, и учебную и домашнюю, духъ Христовъ, такъ чтобы въ мыслихъ вашихъ было смиреніе и простота [illegible], въ сердцѣ—чистота и непорочность, въ дѣлахъ—[illegible], трудолюбіе и святость. Не бойтесь и не представляйте всего этого чѣмъ-то необыкновеннымъ, страшнымъ и тяжелымъ. Самъ Господь сказалъ, что *иго его благо и бремя его легко есть*, святой законъ его достолюбезенъ и род-

ствененъ нашей душѣ,—можно прибавить,—въ особенности юной душѣ, еще не омраченной непотребными страстями и не испорченной жизнію. И если бы, въ самомъ дѣлѣ, вы захотѣли заняться очищеніемъ своего сердца и воспитаніемъ себя по духу Христа Спасителя такъ же серьезно и усердно, какъ занимаетесь въ большинствѣ наукою, то сколько бы цѣны прибавилось всѣмъ вашимъ познаніямъ, сколько добрыхъ надеждъ можно бы возложить на васъ въ будущемъ! Есть кажется предубѣжденіе, что наука и религія — двѣ вещи несовмѣстимыя. Не вѣрьте этому! Съ сего святаго мѣста и отъ имени Божія говорю, что это неправда. И проповѣдуютъ эту неправду обыкновенно люди, съ одной стороны не имѣющіе истинной и глубокой учености — люди односторонніе, а съ другой стороны — убогіе въ нравственномъ отношеніи, не вѣдущіе писанія ни силы его. Нѣтъ, любите науку, и занимайтесь ею столько, сколько найдете въ себѣ силъ! Наука—свѣтъ, наука — жизнь для ума нашего. Она даетъ быстрый и высокій полетъ нашему духу, широко открываетъ предъ нами прекрасный міръ Божій,—и значитъ тоже водетъ ко Христу, какъ и слово Божіе. Знаменитѣйшіе отцы церкви, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ были ученѣйшими мужами своего времени,—и сколько прекрасныхъ и истинно-христіанскихъ плодовъ принесла имъ наука! Но помните, что сіе бываетъ только въ томъ случаѣ, если занятіе науками идетъ при свѣточѣ слова Божія и подъ легкимъ и благимъ бременемъ закона Христова. Что же вамъ мѣшаетъ поступать именно такъ?!...

Молитвами св. отцовъ церкви, великихъ образцовъ христіанской науки, и св. благовѣрнаго князя Александра, покровителя нашего учебнаго заведенія,—да будетъ сіе съ вами! Аминь.



РѢЧЬ

при гробѣ Владимірскаго каѳедральнаго отца протоіерея Ѳеодора Михайловича Надеждина *).

(17 декабря 1876 г.).

Не у явися что будемъ (1 Іоан. III, 2) — вотъ поистинѣ краснорѣчивая и характерная надпись къ нашей многомятежной и скоротечной жизни земной. Но эта неизвѣстность того, что съ нами будетъ на томъ свѣтѣ, эта гробовая тайна и мракъ могильный кажется еще мрачнѣе и таинственнѣе дѣлается подлѣ свѣжаго гроба и вблизи только-что усопшаго, а въ особенности близкаго и роднаго намъ человѣка. Давно ли почившій отецъ нашъ любомудрствовалъ вмѣстѣ съ нами о жизни загробной и и устремлялъ свой свѣтлый и вѣрующій умъ туда, гдѣ таится вся разгадка и конечная цѣль всего земнаго существованія человѣческаго? Давно ли съ умиленіемъ сердечнымъ искалъ онъ укрыться подъ милосердную десницу своего Спасителя, и обрѣтши ее во святыхъ таинствахъ покаянія, елеосвященія и евхаристіи, съ покойною торжественностію готовился вступить въ ту область, куда потокомъ жизни влечется все человѣчество? И вотъ теперь непроглядный мракъ осѣнилъ чело его, въ непробудномъ и роковомъ молчаніи застыли уста его! Ни полслова ни жеста ни намека не получимъ отъ него насчетъ того, что за таинство произошло съ нимъ, куда дѣвалась душа его, что она теперь мыслитъ и чувствуетъ. Боже, какъ это прискорбно, какъ это страшно и непонятно для нашего обычнаго и земнаго чувства!

Но въ этомъ мракѣ и скорби свѣтлымъ лучемъ блестятъ, и какъ бы изъ самой загробной жизни слышатся успокоительныя слова апостола Павла: *не хощу васъ, братіе, невѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія!* Что же ты повѣдаешь намъ, святый апостоле? Вразуми и поддержи наше немощное и колеблющееся сердце! *Если мы вѣру-*

*) Напечатана во 2 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1877 г.

емъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ во Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ,—вотъ что вѣщаетъ намъ апостолъ Христовъ! (1 Солун. IV, 13. 14). Но мы видѣли, какъ почившій умиралъ во Іисусѣ, и какъ искренно къ нему стремился угасавшій духъ его: да позволено же будетъ намъ утѣшаться надеждою, что возлюбленный отецъ нашъ не будетъ отриновенъ отъ Господа, который и самъ сказалъ, что грядущаго къ нему онъ не изженетъ вонъ, и что гдѣ будетъ онъ самъ, тамъ будетъ и слуга его. Конечно единому Господу въ подробности вѣдомы всѣ дѣла и помышленія людей и живыхъ и умершихъ, и потому лишь на судѣ Господнемъ опредѣляется поистинѣ все значеніе и достоинство человѣка; но и мы, сколько по любви къ почившему, столько же и по любви къ самой правдѣ, не можемъ у сего гроба не засвидѣтельствовать о тѣхъ свѣтлыхъ и христіанскихъ сторонахъ его души и характера, которыя единодушно были признаваемы всѣми знавшими почившаго. Кому напримѣръ не извѣстны—это мягкое его и гуманное отношеніе къ людямъ, этотъ снисходительный и великодушный взглядъ на ихъ слабости и проступки, и въ тоже время это умѣнье сочетать правду и милость въ отношеніи къ подчиненнымъ, этотъ честный и благородный взглядъ на свой долгъ и службу, это отвращеніе отъ всякой фальши, криводушія и фарисейства? А кто зналъ его ближе и короче, тотъ не можетъ не засвидѣтельствовать о его глубокой и смиренной вѣрѣ и сердечномъ благоговѣніи ко всему, запечатлѣнному святыней религіи, хотя это чувство и не любилъ онъ мелчить въ обыденныхъ житейскихъ бесѣдахъ многословными и нарядными рѣчами, которыми такъ не рѣдко думаетъ придать себѣ силы поверхностная набожность или лицемѣрное маловѣріе, и за которыми думаетъ укрыться отъ обличительныхъ укоровъ людскихъ и своей совѣсти—фарисейство. Но тамъ, гдѣ его отеческое и христіанеки-пастырское вліяніе въ особенности могло быть сильно и потребно,—тамъ онъ открывалъ всю свою душу съ обычной ему силой слова и основательностію христіанскаго убѣжденія. Но въ особенности достолюбезна и достоподражательна была въ почившемъ отцѣ нашемъ эта кроткая деликатность и снисходительность въ общественныхъ и служебныхъ

отношеніяхъ къ людямъ. Происходила ли она отъ христіанскаго и смиренно-строгаго сознанія своихъ собственныхъ немощей, или вообще отъ основательнаго знанія и просвѣщеннаго взгляда на натуру человѣческую, — во всякомъ случаѣ это было поистинѣ рѣдкое и высокое украшеніе почившаго. Чего кажется проще и естественнѣе должна бы быть снисходительность и всепрощеніе въ людяхъ, которымъ, по апостолу, только и можно похваляться немощами своими? А между тѣмъ всегда ли мы и вездѣ ли найдемъ около себя людей, умѣющихъ соблюдать это высокое апостольское правило?! Не одна только родственность и совсѣмъ не общепринятый обычай похвалять умершихъ — движетъ нашими устами въ настоящую минуту, а искреннее уваженіе и любовь къ почившему отцу нашему, которыя, какъ видно, раздѣляютъ съ нами и посторонніе люди, — наиболѣе же всего потребность христіанскаго успокоенія и утѣшенія о почившемъ, которое такъ естественно можетъ опереться для насъ на христіанскихъ качествахъ дорогаго намъ усопшаго. Мы знаемъ слова Господа, что его милости и снисхожденія наиболѣе всего могутъ ожидать тѣ люди, которые сами добры, снисходительны и благожелательны, — и эти слова мы съ надеждою дерзаемъ вспомнить при гробѣ нашего отца, когда настала для него самая великая нужда въ Божіемъ милосердіи.

Благочестивые отцы, братіе — сослужители и всѣ предстоящіе гробу сему! Дозвольте мнѣ съ моимъ личнымъ скорбнымъ чувствомъ въ настоящія минуты обратиться нѣсколько и къ вашему общему христіанскому чувству, дабы сообща воздохнуть и потужить о нашихъ общихъ немощахъ человѣческихъ, за которыя придется нѣкогда и намъ отвѣчать на судѣ Божіемъ. Боже, какъ страшенъ часъ смерти, съ какимъ усиліемъ стараемся мы отдалить его отъ себя въ своей мысли, и какъ онъ грозенъ и неотвратимъ является при каждой новой жертвѣ смерти! Какими бѣдными и неоплатными должниками являемся мы предъ Богомъ у вратъ смерти, и какъ бы слѣдовало намъ поменьше увлекаться суетой мірской и больше, гораздо больше думать о своей душѣ и о загробной участи своей! Вѣдь вотъ ужъ находясь въ этомъ положеніи ничего не измѣнишь, ничего не передѣлаешь въ своей

жизни, ничего не вычеркнешь изъ нея, ничего не исправишь и ничего не надбавишь себѣ, чего не успѣемъ мы пріобрѣсть и заработать на семъ свѣтѣ. Въ положеніи подсудимыхъ со страхомъ и трепетомъ будемъ и мы стоять на судѣ Господнемъ: можетъ быть тысящекратно придется пожалѣть, что и то могли бы мы легко сдѣлать доброе, и къ другому имѣли всѣ средства и тысячу побужденій, — но и то нами опущено, и это забыто и другое пренебрежено. Чѣмъ тогда оправдаться, и чѣмъ защититься? Господи, даждь намъ память смертную и христіанское умиленіе, и вонми молитвамъ нашимъ объ оставленіи грѣховъ и упокоеніи незабвеннаго и дорогаго отца нашего, новопреставленнаго протоіерея Ѳеодора!

СЛОВО
о нынѣшнемъ времени
въ день рождества Христова *).

(25 декабря 1876 г.).

Іисусу родшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, во дни Ирода царя... се ангелъ Господенъ во снѣ явися Іосифу, глаголя: возставъ поими отроча и матерь его, и бѣжи во Египетъ, и буди тамо, дондеже реку ти: хощетъ бо Иродъ искати отрочате, да погубитъ е (Мат. II, 13).

Вотъ какъ люди приняли своего Спасителя! Едва родился онъ, какъ уже составленъ злодѣйскій замыселъ на его жизнь! Нечестивому царю не удалось погубить божественнаго отрочате,—но четырнадцать тысячъ невинныхъ младенцевъ гибнутъ за Іисуса! А вся послѣдующая жизнь Господа нашего чѣмъ была, какъ не безконечною нитью безпрерывныхъ напастей, скорбей и огорченій отъ грѣшнаго и неблагодарнаго рода человѣческаго? Его небесное ученіе стараются унизить, его безгрѣшную и святѣйшую жизнь

*) Напечатано въ 1 № «Влад. Епарх. Вѣдомост.» за 1877 г.

хотятъ запятнать, его чудеса объясняютъ дѣйствіемъ веельзевула, его проповѣдь о всеобщемъ благодатномъ царствѣ провозглашаютъ политическимъ возмущеніемъ, его осуждаютъ какъ преступника, его распинаютъ какъ злодѣя! Для истребленія его имени съ лица земли употребляютъ огонь и мечъ, и цѣлые вѣка ручьями льется кровь его исповѣдниковъ. Когда огонь и мечъ оказались слабыми, пускаютъ въ дѣло философію,—и всѣми ухищреніями озлобленнаго и дерзкаго вольномыслія силятся низвести Богочеловѣка въ среду тварей, а его служеніе роду человѣческому представить простымъ и обыкновеннымъ дѣломъ. Въ нашему злосчастному времени слѣпотствующая злоба и борьба на Сына Божія достигла кажется наивысшаго своего напряженія. Не говоря о мусульманскомъ фанатизмѣ, устремившемся на борьбу съ вѣрою Христовою подъ знаменіемъ лжепророка, въ самыхъ христіанскихъ обществахъ сколько есть печальныхъ явленій, свидѣтельствующихъ не о равнодушіи только и холодности къ Іисусу Христу, но и о враждебности къ Нему?! Достаточно напримѣръ появиться какой нибудь книгѣ противухристіанскаго направленія,— и ее читаютъ съ удовольствіемъ, хотя бы она въ конецъ извращала божественную жизнь Іисуса; ею любуются съ какимъ-то затаеннымъ злорадствомъ; ее готовы провозгласить какимъ-то новымъ евангеліемъ!... Намъ, благочестивые слушатели, остается только повторять, подражая божественному агнцу вземшему на себя грѣхи всего міра: *Господи, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ!* (Лук. XXIII, 34). Мы увѣрены, что, хотя бы вооружились всѣ силы ада, всѣ темные слуги веельзевула вмѣстѣ съ несчастными борцами противъ Сына Божія въ человѣческомъ родѣ,—не разрушить имъ дѣла, для котораго приходилъ на землю Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не отнять у него божественной славы, *юже имѣлъ онъ отъ отца еще прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5). Попробуемъ однако же объяснить въ свое назиданіе, откуда происходитъ въ людяхъ такое упорное отступничество отъ своего Спасителя, такое безстрашное невѣріе въ средѣ христіанской въ основной догматъ христіанской вѣры—въ воплощеніе Сына Божія, Обличивъ невѣріе, мы укрѣпимъ свою вѣру, и хотя нѣсколько оградимся отъ современной заразы.

И прежніе и нынѣшніе невѣры свое невѣріе и пренебреженіе къ Сыну Божію прикрываютъ обыкновенно благовидной одеждой, представляются любомудрствующими искателями истины. Какъ безконечное существо, говорятъ они, могло сдѣлаться конечнымъ и ограниченнымъ? Какъ предвѣчный Богъ могъ сдѣлаться младенцемъ? Какъ всемогущій и всеславный могъ унизиться до положенія во яслѣхъ? Вопросы эти искони предлагаетъ умъ человѣческій, и разумѣется никогда не разрѣшитъ ихъ; потому что тайна нашего спасенія въ существѣ своемъ непостижима и для ангельскихъ умовъ— она *отъ вѣка сокровенна была въ Богѣ*. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти люди, глаголющіися быти мудрыми, имѣютъ совершенно превратныя и фальшивыя понятія о Богѣ,—и въ этомъ все дѣло. Здѣсь корень невѣрія. До какой степени узки, поверхностны и можно сказать дики эти понятія, — судите сами. Вотъ какъ ихъ можно передать вкратцѣ. То представляютъ Бога по отношенію къ міру и къ людямъ какимъ-то холоднымъ и безучастнымъ зрителемъ событій, случающихся на землѣ,—чѣмъ-то въ родѣ мастера, который сдѣлалъ свое дѣло, сотворилъ міръ, и потомъ оставилъ его самому управляться своими собственными силами и законами. Есть и такіе слѣпцы, которые воображаютъ Бога какою-то безсознательной и безличной силой, разлитой по всему міру и одушевляющей матерію, и такимъ образомъ Творца сливаютъ съ тварями. Наконецъ есть и такіе лже-философы, которые вовсе отрицаютъ Бога и все вообще духовное, и признаютъ только одно вещество, одну матерію съ ея силами и законами. И не время и не мѣсто здѣсь заниматься опроверженіемъ всѣхъ этихъ умствованій, которыя для простаго здраваго смысла, а тѣмъ болѣе для чувства христіанскаго не стоятъ даже и опроверженія. Но не правда ли, что для людей съ такими понятіями о Богѣ дѣйствительно никакъ невозможно дойти до мысли даже объ одной возможности воплощенія сына Божія для спасенія человѣковъ,— что слово крестное, равно какъ и слово о вочеловѣчившемся Богѣ, для нихъ не иначе должно казаться, какъ юродствомъ? Но смотрите, какъ одно свѣтлое и здравое понятіе о Богѣ, которое почерпается нами изъ откровенія и за которое стоитъ между прочимъ здравый человѣческій смыслъ и наше внутреннее чувство,—

какъ оно легко устраняетъ всѣ тѣ препятствія, какія самъ создаетъ для себя и объ нихъ запинается невѣрующій умъ человѣческій, вземлющійся на разумъ Божій! Какъ скоро мы знаемъ, что Богъ не есть что нибудь отвлеченное, не есть сила безличная и слитая съ міромъ, а есть существо живое и личное, есть любящій и промышляющій творецъ міра, для котораго дорого и къ которому близко самое незначительное созданіе во вселенной, который, по евангельскому слову, слѣдитъ за судьбой самыхъ маленькихъ птичекъ, и безъ воли котораго не падаетъ волосъ съ головы нашей: то что будетъ страннаго и невозможнаго, если сей безконечно любящій Богъ *тако возлюби міръ, яко и сына своего единороднаго дать есть, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16)? Что будетъ невѣроятнаго, если сей безгранично любвеобильный Богъ, *не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему,* если онъ нашелъ средство спасти погибавшій родъ нашъ именно въ своей безконечной любви? Мысленно переносясь въ пещеру Виѳлеемскую, и зря духомъ божественнаго младенца на рукахъ пречистой богоматери отроковицы, вѣрующій христіанинъ воскликнетъ конечно вмѣстѣ съ апостоломъ: *велія,* дивна, несказанна *благочестія тайна — Богъ явися во плоти* (1 Тим. III, 16). Но съ какими умилительными и благодарными слезами онъ повергнется предъ сей тайной! Ибо она близка и родственна всякой неиспорченной душѣ и всякому непредубѣжденному и здравому чувству человѣческому. Душа человѣческая по природѣ христіанка, сказалъ одинъ изъ древнихъ знаменитыхъ учителей церкви.

Указавши главный источникъ невѣрія и отступничества отъ Сына Божія, скажемъ нѣсколько словъ и о томъ, чѣмъ поддерживается это отступничество въ нынѣшнихъ людяхъ и обществахъ. Какимъ образомъ случается, что люди, которымъ подчасъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ образованіи, находятъ для себя возможнымъ и лучшимъ держаться вышеизложенныхъ странныхъ и неразумныхъ понятій о Богѣ и его отношеніи къ міру? Не ошибемся, если скажемъ, что это зависитъ съ одной стороны отъ личной испорченности и сердечнаго растлѣнія каждаго такого умствователя, а съ другой стороны—отъ духа времени. Въ самомъ

дѣлѣ, вѣруя въ личнаго всемогущаго Бога, предъ которымъ всякій шагъ нашъ имѣетъ нравственное значеніе, и который притомъ столько возлюбилъ человѣка, что для него самъ сталъ человѣкомъ, — вѣруя въ такого Бога нельзя конечно ограничиться въ отношеніи къ нему какими нибудь общими и легкими обязанностями. Надо всякій часъ приносить ему жертвы, надо ежеминутно бороться съ собою, надо подавить въ себѣ страсти, надо слѣдить за каждымъ своимъ помысломъ, чтобы хотя сколько нибудь оказаться достойнымъ той безграничной любви Божіей къ намъ грѣшнымъ, ради которой самъ сынъ Божій *себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко же человѣкъ* (Фил. II, 7). А это-то паче всего и не нравится нынѣшнимъ чувственнымъ людямъ. Въ своемъ ослѣпленіи они вовсе не подмѣчаютъ, что всѣ нынѣшнія остроумныя и оригинальныя теоріи о Богѣ и мірѣ, которыми они восхищаются какъ высшею мудростію, потому собственно кажутся такими хорошими, что даютъ полную свободу и раздолье грѣхолюбивому и растлѣнному сердцу человѣческому, по секретному заказу котораго можетъ быть и измышлены эти теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, если Сынъ Божій не приходилъ на землю и не воплощался, если даже не нужно было воплощеніе Сына Божія, какъ думаютъ сіи нечестивцы, — если всѣ мы не болѣе, какъ случайныя обнаруженія всеобщей матеріи, и при смерти сливаемся съ общею жизнію вселенной, все равно что тѣ пузырьки на водѣ, которые мгновенно появляются и мгновенно пропадаютъ: то какъ беззаботно, съ какимъ просторомъ можно прожить на свѣтѣ, не тревожа себя никакими тяжелыми мыслями о жертвѣ принесенной Сыномъ Божіимъ за родъ человѣческій, о всемірномъ судѣ, для котораго придетъ на землю во второй разъ тотъ же вочеловѣчившійся Сынъ Божій, но уже не въ униженномъ видѣ, а грознымъ праведнымъ судіею! А между тѣмъ для успокоенія своей совѣсти съ какимъ все-таки жаромъ и энтузіазмомъ можно разсуждать о добродѣтели вообще, о долгѣ, о человѣческомъ достоинствѣ и проч.... И совѣсть покойна, и на душѣ нѣтъ никакихъ тревогъ и опасеній! Такъ обманываютъ себя эти люди, глаголющіися быти мудрыми!... А духъ вѣка, насквозь пропитанный

ядомъ какой-то особенной суетности, изнѣженности и утонченной чувственности, отуманиваетъ и мелчитъ донельзя нынѣшнихъ людей и закрѣпляетъ въ обществѣ то постыдное нравственное усыпленіе и религіозное безстрашіе, о которомъ только-что мы сказали. Страсть къ легкой наживѣ и ненасытимая жажда чувственныхъ наслажденій открыто воцаряется въ сердцахъ людей, туманитъ ихъ глаза и притупляетъ совѣсть до такой степени, что одни изъ нихъ, не смотря даже на свое богатое и почтенное положеніе въ обществѣ, совершаютъ самыя безчестныя дѣянія и преступленія для увеличенія своихъ богатствъ, или для удовлетворенія своего тщеславія; другіе же всю силу ихъ ума, образованія и краснорѣчія не стыдятся употреблять на публичную защиту этихъ безчестныхъ дѣяній и преступленій предъ лицомъ правосудія въ надеждѣ получить полновѣсную денежную мзду. Такое корыстолюбивое и безчестное, выразимся такъ, направленіе въ людяхъ можетъ ли благопріятствовать развитію и укрѣпленію религіозныхъ идей въ обществѣ? Разумѣется нѣтъ! Напротивъ, оно лишь колеблетъ ихъ, и противодѣйствуетъ имъ. Сею-то самою матеріальностію направленія не только въ нашемъ, но во всѣхъ современныхъ христіанскихъ обществахъ, этимъ крайнимъ ихъ радѣніемъ только о торговыхъ, политическихъ и вообще земныхъ интересахъ, и можно объяснить это постыдное равнодушіе и отступничество европейскихъ національностей, съ которыми они готовы головой выдать беззащитныхъ славянскихъ христіанъ на всѣ ужасы мусульманскаго тиранства,—лишь бы цѣлыми сохранились ихъ грубые меркантильные и честолюбивые интересы. Развѣ это не предательство Христа? Развѣ это не отступничество отъ вѣры христіанской? Иродъ избилъ четырнадцать тысячъ младенцевъ, чтобы сберечь свою власть на іудейскомъ престолѣ; а теперь позволяютъ истреблять сотнями тысячъ и младенцевъ и юношей и дѣвицъ и женщинъ и беззащитныхъ мирныхъ гражданъ христіанскихъ, чтобы спасти какія-то свои политическія вліянія, а главное—свои деньги и выгоды. Судите сами, чье отступничество гнуснѣе и постыднѣе — Иродово, или нынѣшнее европейское?!

Благочестивые слушатели и православные сыны россійскіе!

Падемъ молитвенно предъ ~~нынѣ родившимся~~ Спасомъ, нашимъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ, да спасетъ онъ насъ своею благодатію отъ современной заразы невѣрія и отступничества. Положимъ крѣпко въ мысляхъ и сердцахъ своихъ слова апостола Іоанна Богослова, что *всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога: но это духъ антихриста, о которомъ мы слышали, что онъ придетъ, и теперь есть уже въ мірѣ* (1 Іоан. IV, 3). *Кто лжецъ,*—восклицаетъ богодухновенный апостолъ—*если не тотъ, кто отвергаетъ, что Іисусъ есть Христосъ? Это антихристъ, отвергающій Отца и Сына... Итакъ дѣти*, — убѣждаетъ всѣхъ насъ св. апостолъ, — *пребывайте въ Немъ*, т. е. въ Іисусѣ Христѣ, ради насъ вочеловѣчившемся, *чтобы, когда Онъ явится, имѣть намъ дерзновеніе, и не постыдиться предъ нимъ въ пришествіе Его!* (1 Іоан. II, 22. 28). Вотъ и теперь, Богъ знаетъ, что готовитъ намъ недалекое будущее. Можетъ быть политическія обстоятельства такъ пойдутъ, что придется намъ стать съ оружіемъ въ рукахъ лицомъ къ лицу съ врагами нашего Спасителя. Положимъ-те же одну крѣпкую мысль на сердцѣ своемъ, что съ живою вѣрою и любовію ко Христу Спасителю мы никогда не постыдимся, какъ увѣряетъ насъ апостолъ. Вспомнимъ, что была нѣкогда тяжкая страшная, и именно въ настоящій день воспоминаемая, година для россіи, когда приходилось ей бороться съ двадесятью языками, и притомъ самыми просвѣщенными и сильными языками, — однакоже православный русскій народъ сильный вѣрой во Христа Спасителя не только вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, но и европейскимъ миротворцемъ. Такъ и теперь. *Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы, и покаряйтеся! И иже аще совѣтъ совѣщаете, разоритъ Господь... Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко съ нами Богъ* (Ис. VIII, 9. 10. 12). Аминь.

СЛОВО

въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(19-го февраля 1877 г.).

Вотъ уже и двѣ седмицы пройдены нами по милости Божіей во святомъ поприщѣ поста. Особенный характеръ этого церковнаго времени въ году даетъ намъ поводъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Души истинно благочестивыя конечно усиливаютъ теперь свои духовные подвиги, ибо настало для нихъ время наибольшаго простора въ борьбѣ съ сластолюбивою плотію и съ живущимъ въ ней зломъ. Напротивъ для людей не привыкшихъ и не пріученныхъ уважать церковныя правила, и вообще для людей чувственныхъ, измѣряющихъ цѣну жизни только ея пріятностями, идетъ теперь время, подающее поводъ къ усиленнымъ воплямъ противъ излишнихъ будтобы стѣсненій естественнаго права человѣческой природы, которыя будтобы дѣлаетъ церковь своими уставами о постахъ и своимъ запретомъ разныхъ законныхъ и невинныхъ будтобы удовольствій. Въ настоящія минуты это могло бы дать намъ поводъ коснуться вопроса весьма конечно не новаго, но никогда не истощимаго и особенно умѣстнаго въ наше сластолюбивое время,—вопроса объ отношеніи высокихъ требованій евангелія къ земнымъ нуждамъ и естественнымъ потребностямъ и удовольствіямъ человѣка. Но есть нѣкоторая сторона въ этомъ вопросѣ, которую намъ особенно хотѣлось бы поставить на видъ. Ибо среди удовольствій человѣческихъ есть нѣкоторыя такія, которыя по своему характеру и по своей близости къ духовной сторонѣ человѣка кажутся особенно законными и даже возвышающими и облагороживающими человѣка. Мы разумѣемъ такъ называемыя эстетическія удовольствія, имѣющія источникомъ своимъ вложенное самимъ Богомъ въ человѣка чувство прекраснаго. Людямъ, у которыхъ широко развито воспитаніемъ это благородное

*) Напечатано въ 5 мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1877 г.

чувство, нѣтъ будто бы возможности безъ противоестественнаго насилованія себя подчиняться суровымъ требованіямъ церковнымъ о пищѣ, объ одеждѣ, объ ограниченіи потребности наслажденія и вообще о духовномъ подвижничествѣ. Что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ, современные люди ошибаются и грѣшатъ противъ церкви, не желая знать ея истиннаго духа,—это, кажется намъ, не трудно доказать.

Прежде всего мы намѣрены предложить и разъяснить взглядъ церкви на эстетическія удовольствія. Когда Господь, приступая къ созданію человѣка, сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26), то онъ оставилъ въ его богоподобной душѣ нѣкоторый свѣтоносный слѣдъ своей божественной красоты, и зажегъ въ его сердцѣ святую искру любви ко всему, что отражаетъ на себѣ эту неземную красоту, — ко всему изящному и прекрасному въ мірѣ. Такъ-что теперь стремленіе къ красотѣ и гармоніи и потребность наслаждаться ею есть какъ бы воспоминаніе и воздыханіе человѣческой души о томъ блаженствѣ и о томъ первоисточникѣ всякой красоты и всякаго наслажденія, къ которому нѣкогда человѣкъ былъ такъ близокъ; это есть, такъ сказать, вопль души о потерянномъ раѣ. Отъ того-то чѣмъ глубже, чѣмъ чище и духовнѣе проявляется въ человѣкѣ потребность изящныхъ наслажденій, тѣмъ болѣе оттѣняется она характеромъ грусти и нѣкоторой тихой меланхоліи. Прочтите сто третій псаломъ Давидовъ, въ которомъ описывается красота творенія Божія и неистощимое богатство природы: это чувство нѣкоторой сокровенной скорби при созерцаніи красотъ природы ясно слышится въ боговдохновенной душѣ псалмопѣвца. Итакъ чувство прекраснаго есть общее человѣческое чувство, — и если нѣкоторые люди потребность изящныхъ наслажденій горделиво считаютъ исключительно своею потребностію и на этомъ основаніи готовы причислять себя къ нѣкоторой высшей человѣческой породѣ, то они очень ошибаются. Въ самомъ простомъ и не совсѣмъ загрубѣломъ человѣкѣ по временамъ ярко вспыхиваетъ это святое чувство прекраснаго, умягчаетъ его душу и тихо, но почти не удержимо, влечетъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія, но жизнь безконечная и наслажденіе безконечное. Таковъ взглядъ Христовой

церкви на живущее въ человѣческой душѣ чувство прекраснаго. И потому она хочетъ, она даже старается, чтобы это небесное чувство въ надлежащей и соотвѣтственной степени развито было во всякомъ человѣкѣ, безъ различія сословій и состояній. Грубостію нравовъ, жесткостію и неприличіемъ внѣшняго поведенія, безвкусіемъ и безобразіемъ житейской обстановки—она одинаково гнушается, гдѣ бы они ни проявлялись; ибо все это большею частію бываетъ вѣрной вывѣской внутренней безпорядочности и душевнаго безобразія. Напротивъ и въ самыхъ простыхъ семействахъ она хочетъ видѣть чистоту и опрятность, любовь къ красотамъ природы, стремленіе къ порядку и стройности и т. под.; ибо любовь къ красотѣ и стремленіе къ изяществу есть шагъ къ нравственному совершенствованію или нѣкоторый задатокъ духовнаго преуспѣянія въ человѣкѣ. Посему-то не рѣдко само слово Божіе богатство облагодатствованнаго духа и нравственную красоту души изображаетъ подъ образомъ внѣшняго благолѣпія и красоты. *Возрадовся душа моя о Господѣ*, поетъ св. пророкъ, *облече бо мя въ ризу спасенія, и одеждею веселія одѣя мя. Яко жениху возложи ми вѣнецъ, и яко невѣсту украси мя красотою*, и проч. (Исх. LXI, 10).

Послѣ сего естественно конечно слѣдуетъ вопросъ: какъ же согласить врожденное въ человѣкѣ чувство прекраснаго и проистекающую изъ этого чувства жажду эстетическихъ наслажденій съ евангельскимъ ученіемъ о нищетѣ духовной, о пренебреженіи къ тѣлеснымъ требованіямъ и объ отрѣшенности отъ всего чувственнаго и земнаго? Первое, что на это имѣемъ мы сказать и что всегда надобно имѣть въ виду при вопросахъ подобнаго рода,—это то, что какъ небесныя обители у Отца небеснаго многи суть, такъ и пути къ этимъ обителямъ многоразличны. И не однимъ и тѣмъ-же путемъ ведетъ своихъ чадъ Христова церковь къ нравственному совершенству. Есть пути высшіе и кратчайшіе, по которымъ идутъ не всѣ и даже не большинство, а только тѣ, *имъ же дано есть*, т. е. то избранное меньшинство учениковъ Христовыхъ, которые дѣйствительно отказываются почти отъ всего земнаго, хотя бы облеченнаго въ прекрасную форму, и живутъ какъ ангелы Божіи, все свое существо непо-

средственно устремляя къ Богу. Всѣ красоты и пріятности земныя, какъ отраженныя и посредствующія, для нихъ уже не имѣютъ большаго значенія, ибо сердце ихъ и безъ того всецѣло и прямо устремлено къ первоисточнику всякаго блага и совершенства и къ красотѣ всесовершенной и первоначальной, т. е. къ Господу Богу. А потому и тѣми изящными удовольствіями, которыя такъ сильно волнуютъ человѣческое сердце при ощущеніи и созерцаніи прекраснаго въ мірѣ, святые подвижники имѣли и имѣютъ право и не дорожить; ибо это прекрасное, какъ заключенное все-таки въ ограниченныя и чувственныя формы, ниже, такъ сказать, ихъ чисто духовнаго и безпримѣсно — нравственнаго достоинства и характера. Они даже имѣютъ поводъ и особенныя побужденія совершенно отстранять отъ себя всѣ таковыя удовольствія, какъ ни благородны и ни прекрасны они сами по себѣ; ибо, по тѣсной связи своей съ чувственнымъ и земнымъ міромъ, эти удовольствія незамѣтно могутъ затрогивать ихъ собственную человѣческую чувственность, всегда, какъ извѣстно, бренную и слабую, и такимъ образомъ незамѣтно сводить ихъ съ той духовной высоты, на которой они стремятся держаться.

Для того, чтобы совершенно утвердиться на этой высотѣ, и завоевать себѣ полную, равно-ангельскую свободу духа среди разнообразныхъ чувственныхъ и земныхъ впечатлѣній, хотя бы то и прекрасныхъ, святые подвижники предпринимаютъ поистинѣ изумительные подвиги. О тѣхъ великихъ подвигахъ, которые несутъ эти земные ангелы и небесные человѣки, самъ Господь Спаситель сказалъ, что только *могій вмѣстити* ихъ *да вмѣститъ*,—и значитъ не всѣхъ насъ къ нимъ обязываетъ. Такимъ образомъ сравнивать наше житейское положеніе съ положеніемъ этихъ великихъ угодниковъ Божіихъ и, ссылаясь на недосягаемую почти высоту ихъ примѣра, вовсе отказываться отъ исполненія христіанскихъ правилъ, какъ будтобы невыполнимыхъ,—значитъ просто бояться призраковъ и убаюкивать свою дремлющую совѣсть, чтобы уклониться отъ того, что для насъ вполнѣ возможно и чего требуетъ св. церковь на этомъ основаніи отъ всѣхъ чадъ своихъ. Что же именно для насъ житейскихъ и обыкновенныхъ людей возможно и обязательно?

По отношенію къ предмету нашего слова такъ можно выразить вкороткѣ требованія св. церкви. «Чувство прекраснаго врождено человѣку, и основывающаяся на немъ жажда прекрасныхъ наслажденій, которыя могутъ доставить намъ природа и искусство, есть законная жажда. Но не приносите все въ жертву этому чувству, не дѣлайте его цѣлію жизни»! Въ самомъ дѣлѣ, цѣль человѣческой жизни не есть наслажденіе, и кромѣ эстетической стороны въ нашемъ духѣ есть другія не менѣе высокія и благородныя стороны—умственная и нравственная. Давши неограниченную волю своему сердцу, хотя бы въ наилучшихъ и прекраснѣйшихъ его порывахъ, можно впасть въ односторонность и даже совершенно сбиться съ царскаго пути чести и добродѣтели, можно забыть наивысшія обязанности и свой долгъ, сдѣлаться изнѣженными, праздными мечтателями, неспособными ни къ какому серьезному дѣлу. Земная жизнь по ученію евангелія не есть настоящая и окончательная жизнь человѣка; это есть странствованіе къ небесной жизни. И потому не есть она и не должна быть цѣпью наслажденій; она есть поприще для подвитовъ и борьбы съ темною областью зла. Человѣкъ на землѣ есть гость и странникъ, который конечно имѣетъ право среди утомленія отдохнуть иногда душой въ красотахъ природы, попадающихся ему на пути,—но горе ему, если онъ, предавшись нѣгѣ и лѣни, забудетъ о своемъ отечествѣ небесномъ. Вотъ первое, что мы должны принять къ свѣдѣнію въ интересующемъ насъ вопросѣ.

Продолжаемъ далѣе. Свято живущее въ сердцѣ человѣка чувство прекраснаго; но не оскверняйте же его тѣми постыдными формами, въ которыя такъ часто любитъ облекать его современное искусство. Это второй совѣтъ и внушеніе св. церкви. И безъ того увлекателенъ грѣхъ для падшей природы человѣка, но облеченный въ прекрасную форму, онъ имѣетъ почти непреодолимую силу. Вотъ чего бы не должно быть, вотъ что богопротивно и грѣшно. Не музыка не сродна христіанству, а тотъ изнѣживающій и сладострастный характеръ, которымъ такъ часто она дышетъ. Не живопись и не поэзія не сродны христіанству, а то нечистое и грязное служеніе страстямъ человѣческимъ, которое онѣ всего чаще отправляютъ по намѣреніямъ и цѣлямъ совре-

менныхъ поэтовъ и художниковъ. Мы не язычники, а христіане,— и языческая древность для насъ не примѣръ. Вообще христіанинъ долженъ быть трезвъ, серьезенъ, непорочень душой и сердцемъ и свободенъ отъ всякаго пристрастія, могущаго отвлечь его отъ главной цѣли и увлечь въ область чувственнаго и земнаго. *Все мнѣ позволительно*. говоритъ Ап. Павелъ, *но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною* (1 Кор. VI, 12). Вотъ всеобщій отличительный характеръ внутренняго подвижничества, который обязателенъ для всѣхъ христіанъ, и который даже насъ, обыкновенныхъ и житейскихъ людей, сближаетъ съ величайшими подвижниками евангелія. Въ мѣру и во время пользуйся всѣмъ законнымъ и свойственнымъ человѣку, но ни къ чему не прилагай сердца и на всемъ полагай печать духовности и святости. Для воспитанія этой свободы и независимости нашего сердца отъ всякаго пристрастія даже къ вещамъ повидимому достолюбезнымъ и законнымъ, каковы напр. изящныя искусства, и нужны для насъ нѣкоторыя урочныя и обязательныя времена, въ которыя мы должны отрѣшаться отъ всякихъ удовольствій и наслажденій, даже эстетическихъ, должны сосредоточиваться и углубляться въ себя, чтобы, по прошествіи этихъ уставныхъ временъ, выходили мы съ новыми силами на борьбу съ врагами нашего спасенія—съ суетностію міра, съ діаволомъ и своею собственною чувственною природою. Вотъ откуда вытекаетъ нужда и великое значеніе постовъ въ христіанской церкви, противъ которыхъ такъ часто и такъ много слышится порицаній и воплей, и особенно по поводу запрета налагаемаго церковію даже и на такъ называемыя эстетическія, и въ особенности драмматическія и театральныя удовольствія.

Если мы эти общія соображенія и разсужденія захотимъ приложить къ образу своего поведенія въ переживаемое время святой четыредесятницы; то сейчасъ и окажется, таковъ ли онъ есть, какимъ долженъ быть. Мы сказали, напр., что св. церковь внушаетъ теперь всѣмъ сынамъ своимъ особенную сосредоточенность и трезвенность духа, располагаетъ къ самонаблюденію и изученію своихъ недостатковъ, къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ своихъ; а если мы, несмотря на это, все также,

какъ и всегда, ищемъ удовольствій и, ссылаясь на свою потребность изящнаго, все тянемся къ наслажденіямъ, непзмѣнно бродимъ по клубамъ и по гостямъ, или у себя устраиваемъ вечера съ гостями, съ музыкой, пѣніемъ и танцами, съ картами и обычной веселой болтовней,—то безспорно мы это дѣлаемъ дурно. Святая церковь желаетъ, чтобы теперь наши свободныя ежедневныя умственныя занятія оттѣнены были характеромъ религіознымъ, чтобы мы думали теперь больше о томъ, что касается нашихъ духовно-нравственныхъ интересовъ; но если мы, какъ и всегда, все свое время тратимъ на чтеніе легкихъ и развлекающихъ произведеній свѣтской литературы, если на умѣ у насъ все романы и повѣсти и драмматическія сцены, если не попадаетъ къ намъ въ руки ни одна духовная и нравственно-назидательная книга, то конечно это дурно, это не повеликопостному. Святая церковь, дабы дать наибольшій просторъ нашему духу и сократить наши плотскіе и животные инстинкты, предписываетъ усиленное воздержаніе въ пищѣ, даже вовсе запрещаетъ пищу лакомую и наиболѣе питательную и пріятную; но если у насъ, какъ и всегда, то же обиліе и разнообразіе въ пищѣ, таже утонченность и скоромь въ ея приготовленіи, а вмѣстѣ съ этимъ и таже скудость, поверхностность и лѣнь въ молитвѣ, то безъ всякаго сомнѣнія это дурно, это не по великопостному, не по православному. Святая церковь внушаетъ намъ, чтобы внутреннее покаянное настроеніе нашего духа *и печаль яже по Бозѣ* выражались и въ нашей внѣшности, въ нашей одеждѣ и во всей домашней обстановкѣ,—подобно тому, какъ сами же мы это приличнымъ и обычнымъ считаемъ въ какихъ нибудь печальныхъ и траурныхъ случаяхъ житейскихъ; но если мы, не смотря на это траурное время въ христіанскомъ и православномъ быту, любимъ и усиливаемся, какъ и всегда, щеголять изяществомъ и праздничною нарядностію одежды, холимъ и нѣжимъ свое тѣло, и заботливо хлопочемъ о всѣхъ мелочахъ привычной для него удобной обстановки и всей его внѣшности,—то конечно и это не похвально, и потому главнымъ образомъ, что неблаговременно. И еще кажется не мало можно бы взять сторонъ и случаевъ изъ нашей повседневной жизни для сравненія съ велико-

постными правилами и уставами церкви православной, но это съ большимъ удобствомъ, съ большими подробностями и съ откровенною самообличающею искренностію можете сдѣлать вы сами наединѣ съ своей совѣстію. Наше главное намѣреніе было поставить васъ на христіанскую точку, съ которой бы въ истинномъ свѣтѣ можно было вамъ увидѣть свою жизнь, по достоинству оцѣнить ее и съ точностію опредѣлить: хороша она или дурна.

Принять рекомендуемую вамъ точку зрѣнія, или не принять, а держаться другихъ убѣжденій и правилъ жизни,—отъ васъ, слушатели благочестивые, зависитъ. По примѣру своего главы, Господа Іисуса Христа, св. церковь никогда и никому насильно не навязываетъ своего ученія и своихъ правилъ; она только можетъ скорбѣть и молиться о своихъ невѣрныхъ и непокорныхъ чадахъ. Очень можетъ быть, что по выходѣ изъ сего храма вамъ придется и слышать и читать многое множество совсѣмъ другихъ ученій и совсѣмъ иныхъ правилъ насчетъ только что изложеннаго нами предмета. Если вы не почувствуете въ себѣ на первый разъ достаточно мужества и силы, чтобы прямо пойти противъ этихъ ученій и открыто обличать ихъ; то не усердствуйте по крайней мѣрѣ и не спѣшите выдавать себя якобы просвѣщенными сторонниками этихъ совершенно несвѣтлыхъ идей и правилъ. Вспомните, что у всѣхъ насъ есть общая духовная матерь Христова церковь, которая не только насчетъ высокихъ догматовъ вѣроученія, но и насчетъ самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ предметовъ предлагаетъ намъ самыя лучшія, самыя чистыя и святыя понятія и правила. Запомните себѣ разъ навсегда, что ничто истинно человѣческое, ничто вытекающее изъ коренныхъ законовъ и потребностей нашей природы не чуждо ей, ни одного нѣтъ требованія съ ея стороны, которое бы не клонилось къ нашему духовному преуспѣянію, и какъ нибудь противорѣчило бы богодарованнымъ свойствамъ и силамъ нашего духа. Удержитесь же, и другихъ удерживайте бросать въ нее камни порицанія за отсталость и узкость будто бы взгляда. Не гораздо ли справедливѣе сознаться, что правила и понятія церковныя слишкомъ высоки и чисты для нашей природы, любящей

нѣгу и лѣнь. Рѣшитесь же хотя исподволь и постепенно пріучать себя ходить въ заповѣдяхъ Господнихъ,—текущее время святой четыредесятницы есть самое благопріятное къ сему время, и Господь по молитвамъ св. церкви содѣлаетъ васъ впослѣдствіи времени истинными чадами ея. Съ сими мыслями помолимся о державномъ покровителѣ св. церкви православной, государѣ императорѣ се всѣмъ его августѣйшимъ домомъ, да подастъ Господь державѣ его и народу россійскому духъ строгаго православія и истиннаго благочестія; ибо сей духъ есть самый надежный и неизмѣнный оплотъ нашей народной силы и нашего государственнаго могущества. Аминь.

РѢЧЬ

обратившемуся въ православіе изъ католицизма *).

Привѣтствуемъ тебя, возлюбленный братъ о Господѣ, со вступленіемъ во святое общество православныхъ чадъ Христовой церкви. Да будетъ благословенна та поистинѣ счастливая для тебя и благодатная минута, когда впервые зажглась въ твоемъ сердцѣ любовь къ православію и затѣмъ создалась рѣшимость стать въ ряды православныхъ и правовѣрующихъ членовъ церкви вселенской. Да почіетъ на тебѣ благодать и миръ отъ Бога и отца Господа нашего Іисуса Христа во Святомъ Духѣ. Радость наша о твоемъ правовѣріи много усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что ты взыскалъ его совершенно свободно и самостоятельно, и пришелъ къ нему никѣмъ не увлекаемый и не уловляемый. Мы *не преходили моря и суши, чтобы сдѣлать тебя нашимъ пришельцемъ* (Матѳ. XXIII, 15); значитъ самъ отецъ

*) Преподавателю владимірской губернской гимназіи Іосифу Матвѣевичу Сѣдлаку. Присоединеніе его къ православной церкви совершено въ пансіонской гор. Владиміра церкви 26 марта 1877 года. Напечатана въ 8-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1877 годъ.

небесный призвалъ тебя въ церковное единеніе съ нами, *ибо никто не можетъ придти ко мнѣ*, — говоритъ Спаситель, — *если его не привлечетъ отецъ, пославшій меня* (Іоан. VI, 44). Къ радости нашей, столь понятной, о твоемъ православіи присоединяется, возлюбленный братъ, и то особое удовольствіе, что въ тебѣ мы видимъ единоплеменнаго намъ славянина, возвращающагося изъ чуждаго и насильственно навязаннаго южно-славянскому міру римскаго вліянія къ своей свободѣ, къ своимъ древнимъ праотеческимъ преданіямъ и къ самому естественному союзу духовному съ Россіей, православной представительницей и высокой защитницей славянскихъ интересовъ. Слава Господу Богу, о тебѣ такъ устроившему!

Какими же совѣтами и благожеланіями напутствовать тебя на новомъ, избранномъ тобою пути религіозномъ. Не пренебреги, новопросвѣщенный братъ нашъ, глубже и шире изучить догматы и чиноположенія православной церкви, дабы все крѣпче и крѣпче утверждаться на избранномъ тобою царскомъ и свѣтломъ пути православія, — это первый нашъ совѣтъ и просьба къ тебѣ. Слыхалъ ты конечно, какъ люди небрежные и холодные въ дѣлахъ вѣры, желая оправдать свое невѣдѣніе собственнаго вѣроисповѣданія, свою суетность и постоянное мірское разсѣяніе, любятъ повторять ходячую и легкомысленную фразу, что разницы христіанскихъ исповѣданій мало значатъ собственно въ дѣлѣ спасенія, ибо-де вѣрующіе во Христа всѣ имѣютъ одинаковую надежду спасенія о Христѣ Іисусѣ. Что говорить! правда, что Христосъ Спаситель есть единая надежда и причина спасенія всѣхъ людей, вѣрующихъ въ него; но неправда, будто все равно, содержать ли его ученіе во всей чистотѣ и неприкосновенности, или въ неполномъ, неточномъ и искаженномъ видѣ. Правда, что можетъ быть много путей ко Христу Спасителю; но неправда, будто все равно, идти ли къ нему по прямому и царскому пути, или по окольному и сбивчивому. Конечно и въ позолоченной вещи есть нѣчто золотое, но все же она не золотая; и необдѣланный бриліантъ имѣетъ свою относительную цѣнность, и въ заблужденіяхъ и ошибкахъ бываетъ своя доля правды, которой не пренебрегаютъ люди умные и благородные. Но справедливо ли

отождествлять всѣ эти вещи, и придавать имъ одинаковую цѣнность? А если нѣтъ, то и выходитъ, что выбирать нужно лучшее и болѣе цѣнное. И если это правило рекомендуется и соблюдается въ дѣлахъ житейскихъ; то тѣмъ болѣе оно должно быть соблюдаемо въ дѣлахъ вѣры и религіи, ибо религія для человѣка есть наивысшая и драгоцѣннѣйшая святыня, съ которой онъ связываетъ все счастіе своего духа и свою послѣднюю судьбу за предѣлами настоящей жизни. Значитъ, всякій истинно благочестивый человѣкъ и разумно исповѣдующій свою религію долженъ добросовѣстно изслѣдовать тѣ основанія и догматы, на которыхъ держится и изъ которыхъ слагается его религія. И ты, новопросвѣщенный братъ нашъ, дай священный обѣтъ себѣ какъ можно шире изучить и глубже изслѣдовать высокое вѣроученіе православной церкви, и вообще освоиться какъ можно ближе съ духомъ и всѣмъ строемъ православія: оно не только не боится никакихъ изслѣдованій и изысканій, напротивъ, оно, какъ сама сіяющая истина, тѣмъ большимъ озаряетъ свѣтомъ, чѣмъ усерднѣе ищутъ его и чѣмъ ближе къ нему подходятъ. Выслушай, возлюбленный братъ, нѣсколько примѣровъ или частныхъ случаевъ того, какъ не всѣ христіанскія вѣроисповѣданія въ одинаковой степени владѣютъ истиной, и какъ, значитъ, не все равно, къ тому или другому принадлежать вѣроисповѣданію. Не потому повелъ я съ тобою эту рѣчь, что сомнѣваюсь въ искренности твоего обращенія къ свѣту православія, или предполагаю въ тебѣ нѣкоторую индеферентность вѣроисповѣдную,—я имѣю рѣшительныя доказательства твоей свободной и сознательной рѣшимости сдѣлаться православнымъ человѣкомъ не по имени только, а на самомъ дѣлѣ,—но для того, чтобы поощрить тебя къ наилучшему изученію православія, и предложить тебѣ нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся и характерныя темы для этого изученія.

Всѣ христіане, какъ извѣстно, вѣруютъ во святую троицу—Отца, Сына и Святаго Духа; но послѣ того, какъ Спаситель нашъ столь ясно и опредѣлительно сказалъ о Духѣ Святомъ, что онъ отъ *Отца исходитъ* (Іоан. XV, 26), не правда ли, что непріятно какъ-то и больно за своевольное и прямое искаженіе этихъ божественныхъ словъ Спасителя римскими христіанами, будто

Духъ Святый исходитъ еще и отъ Сына?! Или еще: Господь постоянно внушалъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, что между ними не должно быть никакого преобладанія, какъ это бываетъ у людей мірскихъ (Матѳ. XX, 25—27),—что не умалившись и не смирившись подобно дѣтямъ, никому даже нельзя и войти въ царствіе небесное (Матѳ. XVIII, 1—4); а римскіе христіане утверждаютъ напротивъ, будто Господь поставилъ апостола Петра княземъ и начальникомъ всѣхъ прочихъ апостоловъ и своимъ намѣстникомъ послѣ себя. Писаніе ясно и опредѣлительно говоритъ, что для церкви, какъ для зданія Божія, *никто не можетъ положить другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ* (I Кор. III, 10. 11); а по ученію католицизма, Господь основалъ свою церковь, какъ на камени краеугольномъ, на апостолѣ Петрѣ, отъ котораго права верховнаго властительства въ церкви перешли будто бы всецѣло къ римскимъ епископамъ, — а эти епископы въ своей самомнительности дошли до того, что дерзнули провозгласить себя непогрѣшимыми, т. е. присвоили лично себѣ то, что можетъ принадлежать, по обѣтованію Господню, лишь всей вселенской церкви. Неужели и эта грубая фальшь должна ничего не значить для ревнителя христіанской истины? Или опять: Господь въ евангельской притчѣ о богатомъ и Лазарѣ открылъ намъ, что между осужденными грѣшниками и спасенными избранниками утверждена непроходимая бездна (Лук. XVI, 26), на ослабленіе же безотраднаго положенія грѣшниковъ имѣютъ вліяніе, по ученію древней вселенской церкви, единственно заслуги Іисуса Христа; а въ католической догматикѣ измышлено какое-то среднее состояніе умершихъ душъ, какое-то чистилище, гдѣ грѣшныя души, какъ металлъ какой нибудь, огнемъ очищаются. Еще примѣръ: писаніе ясно и опредѣлительно говоритъ, что *какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что всѣ согрѣшили* (Рим. V, 12), и тѣмъ даетъ намъ замѣтить, что все человѣчество безъ исключенія подчинено первородному грѣху, кромѣ безгрѣшнаго и сверхъестественно зачатаго и рожденнаго Христа Спасителя; а католики самовольно приписываютъ сверхъесте-

ственность зачатія и рожденія еще и Маріи дѣвѣ, которая испытала однако же естественную смерть и сама своими собственными устами называетъ Господа Бога своимъ *Спасителемъ* (Лук. I, 47), и тѣмъ прямо даетъ замѣтить свою причастность первородному грѣху по своему рожденію. Умѣстно ли такое самоволіе въ догматахъ вѣры?! Но точно также оно неумѣстно и въ обрядности, особенно касающейся способа совершенія таинствъ, установленныхъ самимъ Іисусомъ Христомъ. Правда, что сущность и сила таинствъ заключается не въ ихъ формѣ и внѣшности, а въ присущей имъ вседѣтельной благодати Божіей; однако же, когда докторъ прописываетъ намъ лекарство, то мы считаемъ своею обязанностью принимать его такъ именно, какъ онъ укажетъ, не рѣшаясь измѣнять ни малѣйшей частности его рецепта. Такъ этому должно быть и въ области религіозной обрядности. Заповѣдалъ напр. Господь совершать крещеніе чрезъ погруженіе въ воду (βαπτίζειν), такъ что апостолы прямо называютъ крещеніе *погребеніемъ во Христа Іисуса* (Рим. VI, 3. 4); зачѣмъ же погруженіе замѣнять окропленіемъ, какъ это обычно въ западномъ неправославномъ мірѣ? Сказалъ Господь о чашѣ крови своей новаго завѣта: *пійте отъ нея вси*; а католики говорятъ: нѣтъ, не всѣ, а только священнослужащіе, — а міряне пусть причащаются подъ однимъ видомъ тѣла Господня. Не дерзновенно ли это и противозаконно? Уполномочилъ Господь пастырей церкви прощать людямъ содѣянные ими грѣхи, но только въ прошедшемъ времени; а папа римскій святотатственно и богохульно присвояетъ себѣ божескую власть прощать людямъ и будущіе грѣхи: можно ли не только сочувствовать сему, но и равнодушно относиться къ сему? Сказалъ Господь о дѣвственномъ и безбрачномъ обѣтѣ, что только *могій вмѣстити* сей обѣтъ, *да вмѣститъ* (Матѳ. XIX, 12); а римскіе первосвященники распорядились возложить сіе непосильное бремя на плеча всѣхъ священнослужителей своихъ: можетъ ли изъ этого выдти благо для церкви? Примѣтимъ наконецъ и о таинствѣ елеосвященія. Апостолы прямо говорятъ, что оно должно быть совершаемо по первому поводу приключающейся болѣзни человѣку, и притомъ совершаемо для выздоровленія: *болитъ ли кто изъ васъ, пусть*

призоветъ пресвитеровъ церкви, и пусть помолятся надъ нимъ,... и молитва вѣры исцѣлитъ болящаго (Іак. V, 14. 15); а въ католицизмѣ сіе таинство именуется «послѣднимъ помазаніемъ» (postrema unctio), и совершается въ видѣ провожанія на тотъ свѣтъ. Не значитъ ли это извращать смыслъ таинства и придавать ему совершенно не апостольскій характеръ? И много могъ бы я перечислить примѣровъ, какъ въ неправославныхъ вѣроисповѣданіяхъ искажается и затемняется свѣтлая истина евангельская; но краткость моей теперешней рѣчи съ тобою не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать. Возблагодари же братъ пастыреначальника душъ человѣческихъ, Господа Іисуса Христа, приведшаго тебя къ самому источнику истины евангельскаго вѣроученія, и содѣлавшаго тебя православнымъ сыномъ православной церкви. Возлюби же, повторяемъ, истину православія всѣмъ сердцемъ твоимъ, изучи эту истину и усвой ее разумомъ своимъ, дабы быть тебѣ не только просто вѣрующимъ, но и сознательно вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ. Это, какъ мы сказали, первый твой долгъ по вступленіи въ общество православныхъ христіанъ.

Другой еще болѣе важный долгъ отнынѣ долженъ состоять для тебя въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ своими религіозными убѣжденіями и всю жизнь свою, всю дѣятельность и практику свою устроить и расположить по правиламъ святой церкви православной. Отъ этого втораго условія и будетъ зависѣть собственно все нравственное твое достоинство предъ Господомъ Богомъ, и вся судьба твоей души. Много есть людей съ весьма хорошими и высокими убѣжденіями, людей вполнѣ православныхъ и весьма свѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры, которые, можно сказать, изучили до тонкости всю догматику христіанства и весь кодексъ евангельскихъ правилъ, но въ нравственной жизни весьма несостоятельны и бѣдны, и даже совершенно чужды святыни христіанской. Какая же польза въ этомъ? И можно ли найти въ этомъ случаѣ какую нибудь существенную разницу между ученымъ христіаниномъ и—невѣжественнымъ язычникомъ, или ни во что не вѣрующимъ и эпикурействующимъ раціоналистомъ и атеистомъ? Одно православное и христіанское имя еще не приводитъ насъ ко Христу. Вспомни, возлюбленный братъ, притчу Спасителя о

званныхъ на бракъ царскаго сына. Одинъ изъ призванныхъ и уже вступившихъ въ чертоги царскіе съ позоромъ былъ, какъ извѣстно, выгнанъ оттуда и брошенъ во тьму кромѣшную (Матѳ. XXII, 11 — 13). Такъ одна принадлежность къ списку приглашенныхъ и званныхъ, т. е. одно имя христіанина, хотя бы и православнаго, одно холодное и теоретическое вѣдѣніе Христа, не дѣлаетъ еще желаннымъ и пріятнымъ гостемъ на его вечери. Надобно постараться еще пріобрѣсти и одежду приличную для торжества, т. е. одежду добродѣтелей и благочестія христіанскаго, дабы не подвергнуться осужденію и исключенію изъ числа избранныхъ въ день суда Божія. *Многіе скажутъ мнѣ въ тотъ день*, предупреждаетъ насъ Господь въ своемъ евангеліи,—*Господи! Господи! не отъ твоего ли имени мы пророчествовали? и не твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не твоимъ ли именемъ многія чудеса творили? И тогда объявлю имъ: я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ меня дѣлающіе беззаконіе* (Матѳ. VII, 22, 23). Такъ, еще одно имя христіанина не даетъ намъ права на наслѣдіе царствія Божія; оно даже можетъ послужить къ большему осужденію нашему, если мы не возревнуемъ о пріобрѣтеніи христіанской чистоты сердца и нравовъ, — ибо *рабъ, который зналъ волю господина своего .. и не дѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много*, а не знавшій *битъ будетъ меньше* (Лук. XII, 47. 48). Вотъ что поистинѣ страшно! Все это говорится мною конечно не къ тому, возлюбленный братъ, чтобы тебя устрашить, а къ тому, чтобы внушить тебѣ ревность и стремленіе осуществить на дѣлѣ тѣ высокіе и святые идеалы жизни, которые предлагаетъ своимъ чадамъ православная церковь Господня, по ученію своего единственнаго главы и правителя Іисуса Христа! Отдайся же вполнѣ водительству святой церкви православной, возлюби ея правила, и сдѣлай ихъ правилами своей собственной жизни,—и твое нравственное преуспѣяніе будетъ вполнѣ обезпечено. Вся бѣда чаще всего и бываетъ людямъ отъ того, что они не хотятъ ни отъ кого и ни отъ чего зависѣть въ своемъ образѣ жизни, и любятъ сами себѣ сочинять правила жизни по своему вкусу и по своему личному взгляду на нравственныя обязанности человѣка: отъ то-

го и случаются съ ними всевозможныя крайности, ошибки и уклоненія съ прямаго пути. То основываясь на христіанской свободѣ совѣсти и на служеніи Богу духомъ, уклоняются они отъ всякихъ правилъ благочестія, увольняютъ себя отъ всякихъ тѣлесныхъ подвиговъ, каковы посты, молитвы, посѣщеніе богослуженія и т. п. То, слишкомъ много придавая значенія однимъ внѣшнимъ проявленіямъ набожности, впадаютъ въ фарисейскій формализмъ. То, неразумно задаваясь самовольными идеями о высшемъ совершенствѣ, напускаютъ на себя непосильный аскетизмъ; то дѣлаются фанатиками и мистиками религіозными. Такъ произошли и отдѣлились отъ православнаго стада Христова всѣ эти неисчислимые расколы и секты, и эти всевозможные кружки съ матеріальнымъ и раціоналистическимъ направленіемъ, которые всѣ однако же, какъ извѣстно, полагаютъ о себѣ, будто они стоятъ на надлежащемъ и истинно разумномъ пути. Я конечно не предвижу для тебя какой либо подобной опасности рѣзкаго уклоненія отъ праваго пути христіанской нравственности, ибо знаю въ тебѣ человѣка зрѣлаго и здравомыслящаго; равнымъ образомъ не имѣю нужды излагать тебѣ въ подробности христіанское нравоученіе, ибо имѣю дѣло съ человѣкомъ воспитаннымъ изъ дѣтства въ понятіяхъ и правилахъ христіанскихъ: но я не могу не имѣть въ виду обычной и общечеловѣческой нашей слабости и наклонности раздѣляться и двоиться въ нашихъ убѣжденіяхъ и въ нашихъ дѣлахъ, въ нашей вѣрѣ и въ нашей жизни, — думать одно, а дѣлать другое, — вѣровать такъ, а жить иначе. Съ этою цѣлію я и ставлю тебѣ на видъ, какъ важно въ этомъ отношеніи держаться въ крѣпкомъ союзѣ съ церковію, и смиренно подчинять себя ея святымъ уставамъ и правиламъ, по которымъ спасались и угодили Господу Богу многочисленные сонмы святыхъ мужей всѣхъ сословій, всякаго званія, пола и возраста. Возлюби и ты всѣмъ сердцемъ и душею святыя правила и уставы церкви православной, которая приняла тебя отнынѣ въ число членовъ и возлюбленныхъ чадъ своихъ; отдайся вполнѣ ея водительству, — и она научитъ тебя всему, *что только есть истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только составляетъ добродѣ-*

тель и похвалу (Филип. IV, 8), — и обрящешь ты мзду вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ, и окажешься не только званнымъ, но и избраннымъ въ царствіи небесномъ. Да будетъ сіе съ тобою, благодатію Христа Спасителя и ходатайствомъ и молитвами воспріявшей тебя святой церкви православной!

СЛОВО

въ день священнаго муропомазанія и вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(26 августа 1877 г.).

Господи, силою твоею возвеселится царь, и о спасеніи твоемъ возрадуется зѣло! (Пс. XX, 1).

Этотъ возгласъ священнаго Псалмопѣвца и царя Израильскаго невольно приходитъ на мысль, и самъ собою исторгается изъ устъ нашихъ, православные сыны Россіи, собравшіеся нынѣ торжествовать о царѣ своемъ въ свѣтлый день помазанія его на царство.—Свѣтелъ день сей въ жизни нашего государя; свѣтелъ онъ и для насъ. Имя и слава нашего государя не только не меркнетъ, а дѣлается все свѣтлѣе, чище и громче. А съ этой славой растетъ и наша собственная, русская слава.—Возникшая брань съ врагами вѣры Христовой и національности славянской возбудила великій національный духъ въ нашемъ народѣ и зажгла святую любовь и ревность по вѣрѣ Христовой. Два великія чувства національности и вѣры охватили всю православную Россію, и влекутъ ее на всевозможныя жертвы за царя и отечество. Щедрость пожертвованій отъ всѣхъ сословій на военныя нужды, заботливость властей объ удобствахъ и здоровьѣ воиновъ, пролившихъ кровь свою на полѣ брани, а равно и о судьбѣ ихъ

*) Напечатано въ типографіи области войска Донскаго 22 сент. 1877 г.

семействъ, равняется вполнѣ геройству нашей арміи, можно сказать не желающей знать никакихъ опасностей и трудностей въ исполненіи своего великаго и славнаго долга. Все это конечно возвеличиваетъ славу и радуетъ сердце нашего возлюбленнаго государя. Его личное присутствіе на поляхъ священной брани, его царское слово, растворенное милостію и любовію, воодушевляетъ на новые и большіе подвиги воиновъ героевъ, рвущихся положить за него животъ свой. И сила Господня видимо побораетъ за наше правое и святое дѣло; враги креста Христова трепещутъ и мятутся отъ оружія православнаго воинства нашего,— и сбывается на христолюбивомъ царѣ нашемъ священное слово вдохновеннаго пѣвца и царя Израильскаго: *Господи, силою твоею возвеселится царь, и о спасеніи твоемъ возрадуется зѣло.* Идемъ и мы, пастыри церкви, съ веселіемъ навстрѣчу святому чувству патріотизма, пробудившемуся въ православномъ народѣ русскомъ, и беремъ предметомъ своего слова именно это патріотическое и національное чувство. Хвалить и превозносить его не станемъ, ибо кто изъ предстоящихъ здѣсь не понимаетъ высоты и красоты его? Возбуждать его, въ виду только что описанныхъ нами обстоятельствъ военныхъ, тоже не имѣемъ нужды. Нельзя конечно не припомнить съ прискорбіемъ тѣ недавніе дни, когда и на нашемъ русскомъ горизонтѣ проносились нѣкоторыя темныя облака, когда чувствовалось нѣкоторое безпорядочное броженіе умовъ и въ нашей православной землѣ, и среди насъ русскихъ находились нѣкоторые обойденные и обманутые чужеземнымъ вліяніемъ простецы, способные грязнить русскую честь и воевать, вмѣстѣ съ нашими врагами, противъ нашихъ коренныхъ и православныхъ народныхъ началъ. Но въ настоящее возбужденное, и такъ сказать патріотическое время, и эти русскіе младенцы, *влающіеся всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣческой*, должны кажется достаточно просвѣтлѣть умомъ, чтобы понять лжу своихъ прежнихъ увлеченій.—При всемъ томъ не будетъ излишне уяснить наши понятія о національномъ чувствѣ, съ цѣлію противопоставить его, хотя фантастическимъ, но все же не чуждымъ нашего времени идеямъ о всемірномъ гражданствѣ, и показать тѣсную связь этого чувства съ православной вѣрой Христовой.

Что такое національное чувство? Это вовсе не то мелкое и эгоистическое пристрастіе къ тому, что наше, соединенное съ равнодушіемъ и горделивымъ презрѣніемъ къ тому, что не наше,—какъ думаютъ и говорятъ иногда люди, хвастливо называющіе себя гражданами всего міра. Нѣтъ, въ чистомъ и просвѣтленномъ своемъ видѣ, оно есть тотъ внутренній двигатель, подъ вліяніемъ котораго совершается правильное раскрытіе народной жизни; оно есть сила, берегущая богатство народнаго духа, сообщающая ему долговѣчную свѣжесть, энергію и самобытный характеръ. Аналогическое указаніе и подобіе этой силы мы находимъ во всѣхъ, рѣшительно во всѣхъ областяхъ безграничной жизни, послѣднимъ и высшимъ звѣномъ которой въ этомъ мірѣ служимъ мы—люди. Посмотрите, какъ ревниво природа бережетъ самостоятельность и цѣлость безчисленнаго множества видовъ и родовъ своихъ тварей: изъ двухъ, едва замѣтныхъ, и повидимому совершенно сходныхъ, но все-таки разнородныхъ сѣмянъ, брошенныхъ рядомъ на одну и ту-же почву, выростаютъ два совершенно различныя и прекрасныя растенія, и на этомъ именно законѣ, что всякое сѣмя сѣетъ плодъ и цвѣтъ по роду своему, основывается удивительная красота и услаждающее насъ богатство растительнаго царства. Міръ живыхъ тварей держится на томъ же законѣ: хищное животное ни за что не сдѣлается травоядным, птица не превратится въ звѣря,—хотя общіе законы животной жизни во всѣхъ этихъ тваряхъ одни и тѣже. Тому-же повелѣлъ быть Создатель и въ мірѣ разумныхъ существъ. Люди, конечно, всѣ люди; но каждый человѣкъ родится съ своими особенными свойствами, съ своей отдѣльной физіономіей и, такъ сказать, съ своимъ удѣльнымъ богатствомъ духовнымъ. Иному дается десять талантовъ, другому пять, а иному и одинъ, *кождо противу силы его*. Изъ этого то *отдѣльнаго* въ человѣкѣ и слагается то, что мы называемъ личностію его,—нѣчто въ высшей степени для насъ дорогое и священное, до такой степени дорогое, что никто изъ насъ не рѣшился бы измѣниться совсѣмъ въ другаго человѣка, если-бы то было возможно. Можно искать и желать многаго, чего у насъ нѣтъ, а есть у другихъ; но еслибы намъ предложили, съ перемѣною

внѣшняго нашего положенія и даже съ приращеніемъ духовныхъ силъ и дарованій, совсѣмъ измѣниться въ другое человѣческое существо, превратиться въ чужую личность, то кто-бы рѣшился на это? И чѣмъ сознательнѣе, полнѣе и свѣжѣе идетъ душевная жизнь въ человѣкѣ, тѣмъ для него сладостнѣе сознаніе своего отдѣльнаго бытія, и тѣмъ сильнѣе хочетъ онъ, чтобы тамъ ни было, остаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Каждый изъ насъ стремится къ безконечному усовершенствованію; но это мы и представить иначе не можемъ, какъ въ предѣлахъ нашей собственной личной жизни. Значитъ, человѣческое чувство своей отдѣльной личности есть высокій даръ Творца и великое преимущество человѣка предъ неразумными тварями, и значитъ оно далеко не то, что обыкновенно называется эгоизмомъ. Эгоизмъ есть вещь дурная, и чѣмъ его меньше въ человѣкѣ, тѣмъ лучше; ибо онъ всегда сопряженъ съ презрительнымъ отношеніемъ къ правамъ и интересамъ другаго. Между тѣмъ какъ самочувствіе и самоуваженіе, просвѣтленное конечно вѣрой и духомъ любви Христовой, и руководитъ именно къ уваженію чужихъ правъ и интересовъ. Изъ отдѣльныхъ личностей составляются общества и народы, и если мы предъидущія свои разсужденія объ отдѣльныхъ личностяхъ перенесемъ къ народамъ и обществамъ, то и здѣсь они оказываются вполнѣ вѣрными. Ибо что говоритъ опытъ и исторія? Они говорятъ, что каждый народъ есть отдѣльная особь въ родѣ человѣческомъ, имѣетъ свою историческую задачу, свой національный характеръ и свое отдѣльное богатство духовное. И чѣмъ шире эта историческая задача, чѣмъ богаче народъ духовными силами, тѣмъ сильнѣе и живѣе въ немъ его національное чувство; такъ что это чувство можно по справедливости назвать вѣрнымъ показателемъ живучести народа и его богатства духовнаго. И наоборотъ, народъ устарѣвшій и разлагающійся не можетъ быть богатъ національнымъ чувствомъ, и примѣры самоотверженной любви къ отечеству въ немъ весьма рѣдки, и едва ли возможны. Никогда и ни въ комъ не внушитъ народъ этотъ къ себѣ уваженія, и не возбудитъ теплыхъ симпатій, не смотря на самыя горячія усилія подобиться другимъ, образованнымъ и крѣпкимъ духомъ на-

родамъ; ибо можно ли уважать то, въ чемъ нѣтъ духа и жизни, и что идетъ къ своему разложенію.

Благодареніе Богу! Въ православномъ отечествѣ нашемъ оказывается богатый и неистощимый запасъ народныхъ силъ и могучее національное чувство,—можемъ сослаться въ этомъ опять на переживаемое нами время. Ибо едва только затронуто было серьезнымъ и чувствительнымъ образомъ наше національное чувство, и едва увидѣли мы, что хитрообразные навѣты враговъ нашихъ переходятъ уже за границу нашей снисходительности,—какъ русскіе люди ополчились какъ одинъ человѣкъ, и увидѣлъ весь міръ, что нельзя безнаказанно лукавить и коварствовать противъ насъ. Но это же національное самочувствіе и самоуваженіе побудило насъ вступиться за другія народности славянскія, родственныя намъ по крови и связанныя съ нами историческими преданіями,—народности, по живучести и богатству своихъ національныхъ силъ, по своей несомнѣнной способности и по стремленію къ усвоенію всѣхъ наилучшихъ и зрѣлыхъ плодовъ европейской цивилизаціи, заслуживающія наилучшей участи и наиболѣе почетнаго положенія въ средѣ европейскихъ государствъ. Не достойно-ли въ самомъ дѣлѣ удивленія, что мирный и трудолюбивый народъ Болгарскій, нѣкогда счастливый и процвѣтавшій въ своей благословенной отъ Бога странѣ, находясь цѣлыя сотни лѣтъ во власти варваровъ, систематически давившихъ его національность и истощавшихъ его богатства, соблюлъ все таки свою политическую физіономію, и неудержимо рвется къ своей свободѣ и независимости! И можно ли было нашей могучей славянской державѣ русской терпѣть дольше и безучастно смотрѣть, какъ въ сосѣдствѣ съ нами притѣсняютъ, насилуютъ и давятъ единоплеменныхъ намъ славянъ, виноватыхъ только тѣмъ, что они хотятъ и добиваются жить почеловѣчески, и ищутъ высочайшаго своего блага, — гражданской и религіозной свободы? Наши отдаленные недруги и завистливые сосѣды упрекаютъ насъ въ затаенныхъ завоевательныхъ замыслахъ, укоряютъ и хулятъ за то, что мы только того будто-бы и хотимъ, чтобы стереть съ лица земли турокъ, изъ ненависти къ ихъ національности и вообще ко всему ихъ политическому строю. Ка-

кая неправда, какія пустыя и недоброжелательныя опасенія! Знаемъ мы очень хорошо, что всякій народъ имѣетъ свою задачу въ исторіи, и свое право на политическое существованіе, и не менѣе кого другаго уважаемъ это право,—и слѣдовательно Богъ бы съ ними, съ этими турками, еслибы они спокойно шли по своей дорогѣ, мирно-бы развивались и путемъ сближенія съ европейскими державами постепенно пріобщались бы просвѣщенія и христіанскихъ идей. Но что дѣлать, если этотъ изжившійся и постепенно разлагающійся народъ въ концѣ концовъ оказывается варварскимъ и дикимъ фанатикомъ, не способнымъ къ правильному и всестороннему развитію, не дающимъ жить и развиваться своимъ подвластнымъ народамъ, связаннымъ съ нами единствомъ племени и вѣры? Предоставивъ всемогущему и всеблагому Промыслу политическую судьбу магометанскаго міра, не обязаны-ли мы вступиться за свое родное притѣсняемое славянское начало? Вѣримъ и надѣемся, что Господь, охраняя Россію и ведя ее по пути славы и могущества, не лишитъ своей божественной защиты и покровительства и ея славянскихъ отраслей, столь-же богатыхъ своею внутреннею жизнію, сколько и своими политическими несчастіями!..

Одинъ изъ элементовъ этого внутренняго богатства народнаго мы указали въ національномъ чувствѣ, сила и живучесть котораго въ славянскомъ мірѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ служить вѣрнымъ залогомъ его лучшей участи и политическаго обновленія. Но есть другой жизненный элементъ, до такой степени важный, и такъ рѣшительно обусловливающій собою судьбу и счастье народовъ, что безъ него, или при непрочности его, удобоколеблемо и ненадежно все зданіе государственной жизни, при всемъ видимомъ ея благообразіи и наружномъ блескѣ и при всей силѣ патріотическаго одушевленія, по временамъ вспыхивающаго въ народномъ сознаніи и чувствѣ. Мы говоримъ о религіи. Если ложны ея начала и узки ея основанія въ какомъ нибудь народѣ, и если слабо вообще религіозное начало въ народной жизни, то самые блестящіе военные успѣхи, самыя огромныя богатства матеріальныя и самое широкое научно-культурное развитіе,—не спасутъ государства отъ посте-

пеннаго разложенія и политической смерти. Въ этомъ случаѣ государство будетъ напоминать собою здоровый съ виду организмъ, но съ затаеннымъ злокачественнымъ и смертельнымъ недугомъ, или великорослое многолѣтнее дерево съ гнилой сердцевиной, или-же подновленное и размалеванное зданіе съ гнилымъ фундаментомъ. Наружная прочность, и иногда еще довольно долго продолжающаяся жизнь такихъ государствъ, не даетъ наглядно видѣть истинной и внутренней причины ихъ постепеннаго умиранія и гибели,—причины, заключающейся въ нравственномъ растлѣніи и ослабленіи религіознаго начала. А между тѣмъ рано или поздно это наконецъ обнаруживается. Куда дѣвались и отъ чего погибли древніе богатѣйшіе и промышленные Тиръ и Сидонъ, могущественный Римъ, изящная Греція, и даже христіанствующая пышная Византія? Безпристрастная исторія повѣствуетъ намъ, какъ, вслѣдствіе упадка нравственности и потрясенія религіознаго начала, заносились гниль и смерть въ эти государства, и какъ не спасли ихъ отъ этой смерти и паденія никакія искусственныя подставы, никакая культура и цивилизація. Нельзя не замѣтить съ сожалѣніемъ, что въ разсужденіяхъ объ успѣхахъ и прогрессѣ народной жизни современные ученые люди не берутъ обыкновенно въ расчетъ религіи, и немного интересуются какъ ея судьбами и ея требованіями, такъ и ея отношеніемъ къ народной жизни. Ошибка здѣсь та главнымъ образомъ, что религію понимаютъ какъ убѣжденіе ума въ извѣстныхъ истинахъ и догматахъ вѣры, подобно всякимъ другимъ убѣжденіямъ, которыя могутъ-де измѣняться, и замѣняться одно другимъ безъ всякаго ущерба, не измѣняя нравственной физіономіи человѣка и не производя въ немъ никакого особеннаго душевнаго потрясенія. Но это собственно и не религія и не такъ она характеризуется въ человѣкѣ. Религія, въ истинномъ своемъ смыслѣ, есть полная преданность человѣка Богу и его закону, и есть самое глубокое и внутреннее начало, проникающее всю человѣческую душу, и дающее направленіе всѣмъ ея силамъ. Истинно религіозный человѣкъ изъ внутренняго сокровища своего черпаетъ силы на все высокое, прекрасное и благое. Его убѣжденія не въ однихъ только словахъ, а суть вмѣстѣ и дѣло; его энергія

къ добру и правдѣ не останавливается ни предъ какими препятствіями, всю свою жизнь онъ умѣетъ подчинять высшимъ началамъ, — долгу и закону Божію; онъ не погонится запальчиво за тѣмъ, что модно и ново, а сначала провѣритъ это закономъ Божіимъ, и тогда только усвояетъ. Онъ умѣетъ не на словахъ, а на дѣлѣ любить всѣхъ людей, какъ братьевъ, искренно желаетъ всѣмъ имъ добра, содѣйствуетъ ихъ благу, цѣнитъ по достоинству все прекрасное и высокое въ человѣкѣ, стремится къ нему всѣми своими силами, но не дастъ подкупить себя ни чѣмъ фальшивымъ, какъ бы оно красиво ни было, не дозволитъ врагу подойти къ себѣ ночью, подкопаться подъ свою внутреннюю храмину и похитить свое сокровище. Теперь представьте, что изъ такихъ людей составлено цѣлое государство, допустите на время, что весь народъ состоялъ бы изъ такихъ именно религіозныхъ, нравственно цѣльныхъ и сильныхъ личностей. Предположеніе это не содержитъ впрочемъ никакой теоретической несообразности; ибо нельзя быть всѣмъ богатыми, всѣмъ образованными, всѣмъ здоровыми, — но религіозными всѣмъ можно быть, ибо это отъ насъ единственно зависитъ, и потому всѣ мы безъ различія призываемся быть религіозными. Какую бы, говоримъ, несокрушимую твердыню представилъ изъ себя такой народъ! Какими быстрыми шагами, не уклоняясь ни направо ни налѣво онъ шелъ бы къ своему истинному благу, и какую долговѣчную, постоянно юную, здоровую и свѣжую жизнь можно бы обѣщать сему народу! *Если ты будешь слушать гласа Господа Бога твоего,* говорилъ богомудрый вождь Израильскій Моусей въ прощальной рѣчи своей къ народу Израильскому, *то Господь Богъ твой поставитъ тебя выше всѣхъ народовъ земли. Благословенны житницы твои и кладовыя твои. Благословенъ ты при входѣ твоемъ, и благословенъ ты при выходѣ твоемъ. Поразитъ предъ тобою Господь враговъ твоихъ, возстающихъ на тебя, однимъ путемъ они выступятъ противъ тебя, а семью путями побѣгутъ отъ тебя... И увидятъ всѣ народы земли, что имя Господа Бога твоего нарицается на тебѣ, и убоятся тебя. И дастъ тебѣ Господь Богъ твой изобиліе во всѣхъ благахъ, въ плодѣ чрева твоего, и въ плодѣ скота твоего, и въ пло-*

дь плодъ чрева твоихъ на землѣ, которую Господь клялся отцамъ твоимъ дать тебѣ. Откроетъ тебѣ Господь добрую сокровищницу свою,—небо, чтобы оно давало дождь землѣ твоей во время свое, и чтобы благословлять всѣ дѣла рукъ твоихъ: и будешь давать взаймы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать взаймы, и будешь господствовать надъ многими народами, а они надъ тобою не будутъ господствовать. Сдѣлаетъ тебя Господь Богъ твой главою, а не хвостомъ, и будешь только на высотѣ, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповѣдямъ Господа Бога твоего,... и не отступишь отъ всѣхъ словъ, которыя заповѣдую тебѣ (Втор. XXVIII, 1—14). Эти вдохновенныя слова пророка Моусея, замѣчательныя столько-же по своей живописности, сколько и по своей глубокой правдѣ и неотразимой силѣ убѣжденія, слѣдовало-бы заучить и крѣпко помнить всѣмъ нашимъ ревнителямъ общественнаго и народнаго блага. Запомнимъ ихъ и мы, православные сыны Россіи!

Въ началѣ своего слова мы упомянули о недавнемъ антипатріотическомъ броженіи, хотя молодыхъ и незрѣлыхъ, но все-же къ сожалѣнію русскихъ умовъ, и о нѣкоторыхъ безпорядкахъ общественныхъ, обезпокоившихъ правительство и возмутившихъ общество русское... Надобно правду сказать, что все это горькіе и дурные плоды религіознаго равнодушія, неблаговоспитанности и отсутствія прочныхъ нравственно-религіозныхъ началъ въ нѣкоторой части нашего общества. Но Богъ съ ними, съ этими дурными и жалкими людьми! Не хочется и говорить теперь много объ этихъ отребіяхъ русскаго общества, когда ведется нами славная и геройская война главнымъ образомъ—именно за религію и вѣру Христову, и за свободу ея исповѣданія въ единокровномъ намъ славянскомъ мірѣ, и когда въ сердцѣ каждаго, не только русскаго, но и всякаго вообще порядочнаго человѣка кипитъ жалость къ невиннымъ страдальцамъ христіанскимъ въ Болгаріи и негодованіе на гнусныхъ фанатиковъ мусульманскихъ, позорящихъ человѣческую природу своими изощренными жестокостями и отвратительнымъ неслыханнымъ звѣрствомъ. Слыша и читая объ этихъ магометанскихъ жестокостяхъ и звѣрствахъ надъ хри-

стіанами, кто не воздохнетъ сердцемъ и не вопроситъ съ недоумѣніемъ: Боже правый и милостивый, зачѣмъ ты допускаешь такъ долго проливаться невинной крови христіанской, и мрачному царству лжепророка господствовать надъ твоею церковію? Но, съ другой стороны, благочестивые слушатели, когда подумаешь, сколько еще всякаго зла, растлѣнія и мрака въ самихъ христіанскихъ обществахъ, какъ слабо и шатко въ нихъ бываетъ религіозное начало; когда вспомнишь, что христіанскіе генералы становятся въ турецкіе ряды противъ защитниковъ христіанскихъ; когда христіанскіе политики берегутъ паче всего житейскіе и меркантильные интересы своихъ странъ, пренебрегая судьбой и интересами христіанства; когда глаголющійся намѣстникъ самаго Христа на землѣ благословляетъ оружіе противъ христіанъ, и ожидаетъ небесной помощи врагамъ христіанства; когда представители христіанской науки съ озлобленіемъ стараются подкопать зданіе христіанства, и отвергая въ душѣ всякую религію, направляютъ свою преимущественную злобу противъ религіи Христовой, до того что не стыдятся темное и невѣжественное магометанство изображать даже религіей свѣта въ сравненіи съ христіанствомъ (какъ напр. Дрепперъ),—когда все это сообразишь, то и удивляться много не станешь многочисленнымъ бѣдствіямъ и униженію христіанства отъ многочисленныхъ враговъ его. Статочное ли дѣло, разсудите сами, чтобы какіе нибудь невѣжественные и свирѣпые азіатскіе пришельцы цѣлые вѣка хозяйничали и безчинствовали въ христіанской европѣ, если бы эта страна поистинѣ была христіанская, и на дѣлѣ христіанствующая?! Но что мы видимъ и слышимъ? У турокъ не хватаетъ денегъ на войну съ христіанствомъ? Европейцы даютъ. Нѣтъ хорошаго и достаточнаго оружія? Тѣже европейцы привозятъ и доставляютъ. У турокъ нѣтъ достаточно научнаго знанія для веденія войны? Европейцы помогутъ своимъ совѣтомъ, указаніями и даже людьми. Турки ограбятъ и сожгутъ мирныя христіанскія поселенія, и варварски вырѣжутъ ея беззащитныхъ жителей, — это постараются какъ нибудь ослабить, скрыть и даже огласятъ басней и выдумкой. Чего же послѣ этого удивляться, что южно-славянское христіанство стонетъ цѣлые вѣка подъ мусульманскимъ владыче-

ствомъ?! Можно, кажется, повѣрить, что въ случаѣ конечнаго истребленія мусульманами христіанскихъ подданныхъ христіанская европа не измѣнитъ своего обычнаго благодушія!

Тѣмъ благороднѣе задача нашей великой и православной Россіи, и тѣмъ драгоцѣннѣе наша заслуга для христіанскаго міра. Если бы не царь нашъ благочестивѣйшій, кто-бы вступился за несчастныхъ страдальцевъ, христіанъ славянскихъ? Трогательно читать текстъ адреса, повергнутаго на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора депутаціею отъ жителей Босніи. Вотъ заключительныя слова этого адреса: «на кого намъ уповать, какъ не на единаго тебя, великій русскій царь? Кому защищать нашу вѣру и нашу народность, какъ не тебѣ, отцу славянъ? Ты одинъ можешь спасти насъ и мы пребываемъ въ непоколебимой увѣренности, что ты внемлешь гласу моленія нашего» *). Такъ, братья славяне, мужайтесь и крѣпитесь пока мы живы и сильны.—Пока мы живы и сильны не перестанутъ трепетать враги креста Христова. Быть стражами, защитниками православной вѣры христіанской,—вотъ наше великое историческое призваніе и задача! Но запомнимъ себѣ, православные соотечественники, что главная сила наша въ этой самой религіи христіанской и православной вѣрѣ, которую мы призваны самимъ Богомъ защищать и охранять. Изъ своей отечественной исторіи мы должны знать, что въ неоднократныя тяжелыя и критическія эпохи нашего государства, спасало насъ отъ враговъ именно религіозное чувство и великое христіанское одушевленіе. Пока сильно и живо въ насъ будетъ христіанское и религіозное начало, до тѣхъ поръ несокрушимо и страшно врагамъ нашимъ будетъ и наше политическое могущество. Но разведется въ насъ и умножится,—чего не дай Богъ,—антирелигіозная тля,—и наша гибель приблизится и къ намъ.

Боже! не дай оскудѣть въ православномъ отечествѣ нашемъ духу вѣры твоей! Спаси православнаго и благочестивѣйшаго Государя нашего Александра Николаевича; укрѣпи его мышцу и возвыси его царство; умножи славу его побѣдами надъ врагами, и

*) С. Отечест. № 190 за 1877 г.

да возвеселится онъ силою твоею до конца, и о спасеніи твоемъ возрадуется зѣло!!... Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ владимірской гимназіи *).

(23 ноября 1877 г.).

Суть ли ти чада, накажи и, и преклони отъ юности выю ихъ (Сир. VII, 25).

Это намъ воспитателямъ, наставникамъ и родителямъ вашимъ дѣлаетъ наставленіе священный мудрецъ. Онъ велитъ учить васъ и склонять выю вашу съ юныхъ дней вашихъ. Учить,—это такъ, это конечно понятно вамъ; но склонять выю,—что это значитъ, почему это нужно дѣлать съ вами? Склонять выю,—это значитъ научить покорности, умѣнью подчиняться требованіямъ долга, выработать способность стѣснять свою лѣнь и саможалѣніе, и вообще низшіе инстинкты, дабы дать какъ можно болѣе простора для дѣятельности силъ духовныхъ. Не нравится обыкновенно молодости такое склоненіе выи. Простора, безпрепятственности и свободы во всѣхъ отношеніяхъ,—вотъ чего бы ей хотѣлось. Увлекаемые живостью своей натуры, подвижностью членовъ и неустойчивостью воли, молодые люди склонны видѣть придирчивость, строгость и насиліе тамъ, гдѣ самое простое и обыкновенное требованіе только того, что должно. Но вотъ видите, мы не сами выдумали правило о склоненіи вашей выи. Тоже самое велитъ дѣлать и священный мудрецъ, и даже вмѣняетъ это въ обязанность воспитателямъ и отцамъ. *Суть ли ти чада*, говоритъ онъ, — *накажи*, т. е. научи *ихъ*, *и преклони выю ихъ*. И замѣчательно, что это преклоненіе выи онъ велитъ начинать именно отъ юности воспитанниковъ. Приглашаю вдуматься нѣсколько въ изрѣченіе библейскаго мудреца.

*) Напечатано въ 23 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1877 г.

Надо вамъ замѣтить, что жизнь человѣческая, въ какой бы сферѣ она ни протекала, вся переплетена изъ разнообразныхъ обязанностей. Чтобы такое ни былъ человѣкъ въ обществѣ,—а ему на каждомъ шагу приходится сталкиваться съ долгомъ, съ разными требованіями, правилами и предписаніями. Правила эти бываютъ то проще, то сложнѣе, то легче, то труднѣе,—смотря по положенію человѣка въ обществѣ; но непремѣнно каждое изъ этихъ подчиненій требуетъ усилія воли, и значитъ своего рода подвига. Такая неизбѣжность подчиненности и долга вытекаетъ изъ самой природы человѣка, созданнаго существомъ свободнымъ, ибо свобода въ томъ и состоитъ, чтобы разумно и сознательно избирать нѣчто одно и опредѣленное, — предполагается лучшее, при всей возможности поступать повсячески, т. е. избирать пожалуй и худшее, и не согласное съ требованіями разсудка и совѣсти. Значитъ, если человѣку постоянно и съ разныхъ сторонъ твердятъ: «ты это долженъ, ты къ этому обязанъ, это отъ тебя требуется»...,—то всѣ эти возгласы и приглашенія дѣлаютъ ему одну только честь. Ибо одни только животныя находятся внѣ всякаго долга и обязанностей, и жизнь ихъ роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ подчинена инстинктамъ, влекущимъ ихъ по одной опредѣленной дорогѣ, съ которой они уклониться не могутъ. Были нѣкогда и мы, друзья, въ вашемъ положеніи, и всѣ сидѣли на тѣхъ же школьныхъ скамейкахъ, какъ и вы,—и потому очень хорошо знаемъ по опыту, какими счастливцами школьнику представляются люди, не обязанные подчиняться разнымъ звонкамъ, задаваемымъ урокамъ, назначеннымъ учебникамъ, и прочимъ школьнымъ законамъ и формальностямъ. Но за то вы не были еще въ нашемъ положеніи, и потому просимъ повѣрить намъ, что есть въ тысячу разъ серьезнѣе, сложнѣе и потому труднѣе обязанности у людей, вышедшихъ изъ школы, и только подъ условіемъ точнаго и неуклоннаго исполненія этихъ обязанностей человѣку достается что-нибудь хорошее и прочное въ жизни. И потому часто, часто служащіе люди съ удовольствіемъ возвращаются своими воспоминаніями ко временамъ своей юности, когда все было готово, улажено и указано въ поведеніи и въ трудахъ, и когда такъ легко было сравнительно быть исправнымъ и соблюсти спокойствіе духа!

Но кромѣ этого вотъ еще какое важное обстоятельство есть въ жизни, въ трудахъ и обязанностяхъ людей, которые пользуются столь завидною для васъ свободою въ распоряженіи своимъ временемъ и просторомъ во всей внѣшней обстановкѣ житейской. Чѣмъ больше этой свободы и этого простора, чѣмъ больше человѣку приходится дѣлать свободныхъ усилій воли, и тѣмъ строже быть къ себѣ, чтобы во всякій разъ чувствовать себя вѣрнымъ долгу и совѣсти. А между тѣмъ извѣстно, что природа человѣческая слаба и самолюбива, наклонна къ покою и саможалѣнію; и потому еслибы намъ приходилось на всякое требованіе долга отвѣчать сознательнымъ и свободнымъ усиліемъ воли, то мнѣ кажется что для такого непрерывнаго подвижничества не стало бы ни одного изъ насъ. Отсюда открывается необыкновенная важность привычки и пріобрѣтенныхъ добрыхъ наклонностей. Человѣкъ, идущій въ гору, потому скоро устаетъ, что на каждомъ шагу ему приходится приподымать свое тѣло; между тѣмъ при движеніи внизъ его собственная тижесть облегчаетъ ему движеніе. Въ нравственной дѣятельности человѣческой этотъ физическій законъ повторяется. И понятнымъ дѣлается мудрое изрѣченіе библейскаго мудреца, что надо заранѣе учиться склонять свою выю, и что юность самое драгоцѣнное время для пріобрѣтенія добрыхъ привычекъ и разумныхъ наклонностей. О распущенномъ и небрежномъ юношѣ почти навѣрное можно сказать, что изъ него долженъ выдти ненадежный и мало полезный членъ общества; ибо если привычка есть сильный двигатель въ нашей дѣятельности, то дурныя привычки и наклонности — еще болѣе того; по той грустной и однако же несомнѣнной причинѣ, что тянетъ насъ почему-то всегда больше ко злу, чѣмъ къ добру. Хоть я и говорю почему-то, но надѣюсь, что вы знаете почему; ибо каждому начинающему учиться мальчику извѣстна печальная исторія нашего паденія, исторія порчи и растлѣнія природы человѣческой, почти въ слѣдъ за ея созданіемъ.

И потому я совѣтовалъ бы вамъ не сѣтовать и не раздражаться, если иной разъ приходится вамъ чувствовать на себѣ нѣкоторую строгость школьной дисциплины. Я вамъ указалъ уже отдаленную и высокую цѣль ея — со словъ священнаго мудреца,—

это драгоцѣнная для васъ практика для созданія въ себѣ сильнаго и крѣпкаго характера, для умѣнья и драгоцѣнной привычки подчиняться тому, что велятъ и что должно, а не тому, что мнѣ хочется и что мнѣ пріятно. Попробуйте свободно и искренно подчиниться всѣмъ нашимъ требованіямъ, и вы увидите, какъ начнетъ постепенно исчезать ихъ строгость и тяжесть. Разсудите, чего мы хотимъ отъ васъ? Мы хотимъ, чтобы вы были трудолюбивы, образованны и благонравны. Несомнѣнно, что и вамъ хотѣлось бы обладать этими прекрасными качествами. Но поймите же, что чѣмъ прекраснѣе и дороже вещь, тѣмъ съ большимъ усиліемъ и трудами она достается, и слѣдовательно не мы ее нарочно обставляемъ для васъ всяческими трудностями, а такова она сама по себѣ. Вотъ послушайте, что еще говоритъ священный мудрецъ о добродѣтели и мудрости: *она строптиво,*—т. е. сурово обращается сначала съ человѣкомъ, восхотѣвшимъ пріобрѣсти ее,—*боязнь же и страхъ наведетъ нань. И помучитъ его въ наказаніи своемъ, дондеже вѣру имѣтъ души его*, т. е. пока не увѣрится въ искренности его стремленій,—*и искуситъ его въ оправданіяхъ своихъ*, т. е. пока не научитъ его подчиняться своимъ требованіямъ. И тогда только *возвратится прямо къ нему, и возвеселитъ его, и откроетъ ему тайны своя* (Сир. IV, 18. 19. 20). Я знаю, что многія изъ нашихъ требованій, напр. относительно вашей одежды, вашей внѣшности, вашего держанья себя въ классѣ и т. п., кажутся вамъ слишкомъ мелкими и формальными; но въ этомъ-то кажется и есть для васъ особенное побужденіе избѣгать упрямства, ибо сами же вы говорите, что все это не есть что-нибудь многосложное и трудное. Вы желаете, чтобы къ вамъ относились какъ можно серьезнѣе; но погодите и не спѣшите къ серьезнымъ обязанностямъ,—настанетъ пора и для нихъ; а теперь не пренебрегайте и мелочами и практикуйтесь на нихъ. Изъ этихъ такъ называемыхъ мелочей могутъ вырости для васъ самые серьезные и благодатные результаты, и пышнымъ и роскошнымъ цвѣтомъ разовьется впослѣдствіи ваша добродѣтель и вашъ нравственный характеръ.

Впрочемъ я долженъ здѣсь нѣсколько оговориться, чтобы не оставить васъ въ заблужденіи насчетъ истиннаго значенія школь-

ной дисциплины. Говоря до сихъ поръ о важности ея и благихъ нравственныхъ результатахъ, какіе она можетъ принести вамъ, я однакоже не считаю ее прямымъ и несомнѣннымъ путемъ къ вашей добродѣтели. Т. е. если бы кто изъ васъ рѣшился неуклонно исполнять всѣ школьныя наши предписанія и правила, и исполнялъ бы ихъ на самомъ дѣлѣ; то все же еще можно было бы поставить вопросъ, дѣйствительно ли такъ хорошъ и добродѣтеленъ этотъ юноша, какимъ онъ кажется? Въ писаніи говорится, что есть люди имущіе только видъ благочестія, силы же его отвергшіеся. Это можетъ случиться и съ вами,—но это будетъ фарисейство, это будетъ грѣшное и дурное дѣло. И признаемся, нѣкоторые проскальзывающіе иной разъ признаки фарисейства и неискренности въ вашей средѣ и заставляютъ насъ быть нѣсколько мнительными, а иногда даже и строгими къ вашимъ проступкамъ,—что, какъ извѣстно, такъ не нравится вамъ. Но поймите же, что не этой формальной и внѣшней, не этой напускной добродѣтели мы ждемъ и добиваемся отъ васъ. Дисциплиной мы хотимъ только поставить васъ на путь добродѣтели, заставить же васъ идти по нему мы конечно не въ силахъ. Вотъ здѣсь-то и настаетъ вашъ собственный, вашъ свободный и прекрасный подвигъ. Подумайте же, что кромѣ насъ приставниковъ и хранителей вашей добродѣтели, которыхъ всегда можно разумѣется обмануть, есть у васъ другіе, болѣе строгіе и неусыпные приставники и судьи, — есть совѣсть, есть Богъ, который до мельчайшихъ подробностей видитъ все, что творится въ душѣ вашей. Подумайте, что самое высшее благо ваше, долженствующее быть основною цѣлью не только школьной, но и всей послѣдующей жизни вашей, — это есть нравственное преуспѣяніе ваше, чистота сердца и христіанское направленіе воли. Предъ этимъ лучшимъ и совершеннѣйшимъ благомъ, или точнѣе говоря, — безъ этого блага ничтожно все остальное: наука, образованіе, доброе мнѣніе начальства, житейское счастье и т. д. Наше благопріятное о васъ мнѣніе конечно имѣетъ силу только до выхода вашего изъ школы; а затѣмъ, по выходѣ изъ школы и по прекращеніи съ нами прежнихъ отношеній, еще Богъ знаетъ, что будутъ говорить про васъ люди. Наука и образованіе, еслибъ

оно и досталось вамъ за ваши учебные труды въ школѣ, тоже не принесетъ вамъ внутренняго покоя, не поведетъ васъ къ счастію, а скорѣе можетъ сбить съ толку и даже сгубить васъ, если вы не вынесете изъ школы того внутренняго и сердечнаго свѣточа, который мы называемъ религіей, и того христіанскаго закала, объ который должны сокрушаться всѣ зловредныя приражения современной нравственной тли и современнаго лжезнанія. А безъ этихъ условій на что будутъ годиться и житейскія выгоды, еслибъ онѣ и выпали на вашу долю въ большомъ изобиліи? Не на нихъ зиждется истинное человѣческое достоинство; а гдѣ нѣтъ его, тамъ нѣтъ конечно и истиннаго счастія. Сколько молодыхъ и сильныхъ умовъ сокрушилось и безплодно разбило свою жизнь отъ того, что не имѣли они подъ собою твердой нравственной почвы! А тысячи посредственностей, хвастливо щеголяющихъ въ одеждѣ образованности и не имѣющихъ никакой опредѣленной нравственной физіономіи, кому онѣ нужны и на что пригодны? Онѣ лишь праздно толкутся въ обществѣ, и—какъ флюгера — вертятся въ разныя стороны, смотря потому, откуда вѣтеръ подуетъ. И право же не стоитъ такъ долго сидѣть за книгой въ школѣ, чтобы современемъ попасть въ подобную жалкую роль! Воодушевитесь же идеей истиннаго человѣческаго достоинства, и всѣмъ сердцемъ возлюбите добродѣтель, которая есть основаніе и вмѣстѣ вѣнецъ человѣческаго достоинства. А для сего отъ юности вашей, т. е. вотъ теперь въ школѣ, привыкайте склонять выю свою подъ иго закона Христова, но склонять свободно, непринужденно, и не подъ нашимъ только надзоромъ и стараніями, а главнымъ образомъ предъ своею совѣстію и предъ очами всевидящаго Бога. Въ этомъ лишь случаѣ возрастете вы, какъ говорится въ вашей молитвѣ, которую вы ежедневно читаете,—Создателю своему во славу, родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу. Аминь.

СЛОВО

въ день столѣтняго юбилея въ Бозѣ почившаго Императора Александра Благословеннаго *).

(12 декабря 1877 г.).

Сегодня православная Россія совершаетъ столѣтнюю годовщину, и творитъ молитвенную память объ императорѣ Александрѣ I, оставившемъ по себѣ въ исторіи поистинѣ великое и достославное для царей имя благословеннаго. Съ свѣтлою личностію сего государя, въ продолженіи четверти столѣтія (съ 1801 до 1825 г.) украшавшаго престолъ царей русскихъ—сколько добротою и кротостію своего сердца и гуманностію всего своего правленія, столько же и мужествомъ въ тяжкія и скорбныя времена, соединяется главнымъ образомъ воспоминаніе о великой борьбѣ, которую вела Русь православная за свою вѣру и свободу въ достославный двѣнадцатый, или такъ называемый французскій годъ, съ властолюбивымъ и страшнымъ завоевателемъ Наполеономъ I, поколебавшимъ миръ въ цѣлой Европѣ. Воспоминаніе объ этой страшной и тяжелой борьбѣ, во время которой наша страна напрягла всѣ свои народныя силы, и изъ которой вышла она могущественной и первоклассной европейской державой, и обновилась въ своихъ нравственныхъ силахъ,—это воспоминаніе съ особенной силой оживаетъ именно въ теперешнее знаменательное время, подъ громъ побѣдоноснаго оружія русскаго, которое суждено было поднять и Александру II на защиту христіанства, гонимаго и унижаемаго въ славянскихъ земляхъ дикимъ мусульманствомъ, и на защиту русской національной чести отъ турецкаго фанатизма. И самыя личности обоихъ тезоименитыхъ императоровъ русскихъ, Александра I и Александра II, имѣютъ много общихъ привлекательныхъ чертъ и характерическихъ особенностей. Тѣмъ пріятнѣе оживить теперь воспоминаніе о дорогомъ для сердца русскаго и благочестивомъ императорѣ—въ день

*) Напечатано въ 24 № «Влад. Епарх. Вѣдомост.» за 1877 г.

столѣтняго его юбилея, когда благодарные сыны россійскіе, творя память о немъ, собираются и молятся о немъ въ храмахъ Господнихъ—на всемъ громадномъ протяженіи земли русской.

Мы не имѣемъ въ виду дѣлать какого нибудь, хотя-бы общаго и краткаго, обозрѣнія царствованія Александра I, и выяснять наиболѣе выдающіяся заслуги его политическія и гражданскія для народа русскаго,—объ этомъ скажется въ многочисленныхъ ученыхъ залахъ и на профессорскихъ каѳедрахъ нашими учеными людьми. Мы-же, подъ сѣнію храма Господня, долгомъ своимъ считаемъ привести себѣ на память нѣкоторыя заслуги и дѣянія Александра Благословеннаго собственно для вѣры Христовой и служителей ея, и отмѣтить нѣкоторыя событія его царствованія, происшедшія собственно въ церковной области; и припомнить это мы желаемъ не съ какою нибудь учено-историческою цѣлію,—что со всею обстоятельностію и основательностію или было, или еще будетъ сдѣлано на нашихъ ученыхъ каѳедрахъ,—а просто мы желали бы согрѣть нѣсколько сердце ваше для молитвы объ усопшемъ христолюбивомъ государѣ, нуждающемся теперь всего менѣе въ похвалахъ человѣческихъ, и всего болѣе въ христіанской любви и молитвахъ о душѣ своей предъ престоломъ царя царей. Страшно стоять царямъ и владыкамъ земнымъ и на судѣ исторіи человѣческой, но конечно въ безмѣрное число разъ страшнѣе стоять имъ на праведномъ и нелицепріятномъ судѣ Божіемъ, на которомъ царь и воинъ, рабъ и владыка, богатый и убогій вкупѣ предстоятъ въ равнѣмъ достоинствѣ; *кійждо-бо* отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится,—и мы по самому естественному чувству любви и справедливости обязаны воспоминать ихъ тѣмъ добромъ, которое они по себѣ оставили.

Наиважнѣйшую и незабвенную заслугу оказалъ императоръ Александръ духовному просвѣщенію. Во времена, предшествовавшія его царствованію, образованіе пастырей и учителей церкви, этихъ ближайшихъ народныхъ руководителей, подвержено было такимъ случайностямъ и сопряжено съ такими трудностями, что кругъ образованныхъ и просвѣщенныхъ пастырей былъ самый ограниченный. Этотъ недостатокъ просвѣщенія особенно чув-

ствовался въ сельскомъ духовенствѣ. У сельскихъ пастырей вся образованность состояла въ простой грамотности и начетничествѣ, которая добывалась путемъ долгаго и самаго изнурительнаго обученія, по преданіямъ старины. Еще великій преобразователь Россіи императоръ Петръ I, чувствуя всю важность духовнаго образованія, имѣлъ въ обширности архипастырямъ русскимъ имѣть при своихъ каѳедрахъ школы для образованія достойныхъ служителей церкви. Но ни средствъ для этихъ школъ не было организовано, ни правильной и однообразной системы преподаванія не было выработано въ это время. Наши святители, частію на собственныя средства, частію на монастырскія и церковныя, заводили при своихъ домахъ школы, но недостатокъ въ учителяхъ былъ такъ великъ, что напр. св. митрополитъ Ростовскій Димитрій самъ нерѣдко принужденъ былъ давать уроки въ своей школѣ. Послѣ 1764 года и духовное образованіе очутилось на самой низкой ступени, и школы духовныя оказались въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Благословенный Александръ принялъ самое дѣятельное и горячее участіе въ судьбѣ духовныхъ школъ. Въ іюнѣ 1807 года указомъ его повелѣно особому комитету выработать предположеніе о новыхъ штатахъ и о способахъ къ возвышенію духовнаго образованія. Мысль и повелѣніе благочестиваго императора, трудами великихъ тогдашнихъ дѣятелей церковныхъ, и преимущественно геніемъ тогдашняго статсъ-секретаря, нашего владимірскаго уроженца и духовнаго воспитанника, знаменитаго графа Сперанскаго, нашли такое основательное и широкое осуществленіе, что принесли, можно сказать, неисчислимыя блага для церкви Русской. Изобрѣтенъ значительный капиталъ, такъ называемый свѣчной, который долженъ былъ дополнять недостаточный церковный годовой доходъ для содержанія духовныхъ школъ. Выработаны основательныя и единообразныя программы предметовъ преподаванія. Самое образованіе поставлено на прочныхъ нравственныхъ началахъ и по духу евангелія! Одна за другою явились высшія духовныя школы подъ именемъ академій, открыты преобразованныя семинаріи по губернскимъ городамъ, въ уѣздныхъ же городахъ учреждены низшія духовныя училища съ задачами прочными и солидными

обученія. Появляются, можно сказать, цѣлые сонмы ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ архипастырей. Пишутся и выходятъ въ свѣтъ тысячи назидательныхъ духовныхъ книгъ и ученыхъ системъ. Даже низшее духовенство значительно возвысилось въ своемъ образованіи. По свидѣтельству исторіи, къ концу благочестиваго царствованія Александра I большинство и сельскихъ священниковъ было изъ прошедшихъ полный семинарскій курсъ; тогда какъ въ блестящій Екатерининскій періодъ даже и въ городахъ были совершенно неученые пастыри. Буди во вѣки благословенно имя Александра I за его державное радѣніе о духовномъ просвѣщеніи, и за его великія услуги этому просвѣщенію.

Вспомянувъ заслуги Александра Благословеннаго на пользу духовнаго просвѣщенія, приложимъ и тѣ распоряженія его и указы, которыми направлены были непосредственно къ улучшенію благосостоянія пастырей и служителей церкви, и къ огражденію ихъ правъ и почетному положенію въ обществѣ. Сюда относятся распоряженіе, чтобы по дѣламъ, въ которыхъ свѣтскіе суды могли касаться духовенства, были набираемы депутаты изъ духовныхъ лицъ, или на эту должность назначены были постоянныя лица изъ духовнаго сословія (Укл. 1810 г. мая 23 дня). Но въ особенности достопамятны попеченія Александра I о матеріальномъ бытѣ служителей алтаря Господня. Въ этомъ случаѣ онъ былъ продолжателемъ идей своего родителя Павла I, горячо любившаго духовный чинъ. Этотъ государь, какъ извѣстно, для возвышенія авторитета служителей и представителей вѣры въ глазахъ народа, и изъ уваженія къ ихъ многоплодной дѣятельности на пользу государственную, учредилъ различныя награды и знаки отличія, какъ для архипастырей, такъ и для низшаго духовенства бѣлаго чина, и все сельское духовенство полагалъ освободить отъ черныхъ земледѣльческихъ трудовъ, распорядившись, чтобы въ каждомъ приходѣ удобное для церковной земли отдаваемо было прихожанамъ, съ обязательствомъ, чтобы они обезпечивали пропитаніе и содержаніе своихъ пастырей, соотвѣтственно качеству и количеству обрабатываемой ими церковной земли. Къ сожалѣнію, эта прекрасная по своей идеѣ мѣра Павла I къ обезпеченію духовен-

ства, не принесла желанныхъ результатовъ. Договоры пастырей съ пасомыми насчетъ годоваго содержанія породили частые и нескончаемые споры. И потому Александръ I, возстановивши прежній порядокъ содержанія духовенства посредствомъ требоисправленія, узаконилъ возвысить плату за священнослужительскій трудъ вдвое болѣе, чѣмъ какъ было это напр. при бабкѣ его Екатеринѣ II (Ук. 1801, апр. 3). Затѣмъ онъ дозволилъ не только церквамъ, но и ихъ служителямъ пріобрѣтать земли безъ крестьянъ, жилища духовныхъ освободить отъ разныхъ постоевъ, и отъ всякихъ земскихъ повинностей, а относительно личности пастырей и служителей церкви строго подтвердилъ узаконеніе своего родителя, дабы всѣ эти лица освобождены были отъ унизительнаго тѣлеснаго наказанія, и распространилъ это узаконеніе и на ближайшихъ семейныхъ членовъ духовныхъ лицъ (Ук. 22 мая 1801 г., 1804 г. за № 21,290, 1807 г. за № 22,681, 1810 г. за № 24,264). Но самою достославною и достопамятною мыслію Благословеннаго Александра къ улучшенію матеріальнаго быта служителей религіи, мыслію которая могла бы имѣть неисчислимыя благодѣтельныя послѣдствія для вѣры и церкви Божіей,—это было предполагавшееся учрежденіе постояннаго и опредѣленнаго жалованія для всего, какъ сельскаго, такъ и городскаго духовенства. Къ сожалѣнію средствъ государственныхъ нашлось только для жалованья каѳедральному духовенству, которому благосердый императоръ возвысилъ прежніе скудные оклады.

Заботясь о возвышеніи духовнаго просвѣщенія и объ улучшеніи матеріальнаго быта служителей вѣры и церкви Христовой, императоръ Александръ Благословенный, какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, и носившій евангельскую любовь въ сердцѣ своемъ, сильно и искренно озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы съ одной стороны оградить православную вѣру Христову отъ всякихъ иноземныхъ антирелигіозныхъ и неправославныхъ посягательствъ, а съ другой—углубить и укрѣпить ее въ сердцахъ народа своего, и по возможности распространить и у тѣхъ людей, которые еще сидѣли во тьмѣ языческихъ суевѣрій и религіознаго невѣжества. Въ первомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія указы императора Александра, строжайше воспрещавшіе обращеніе уніатовъ, т. е.

содержавшихъ православные обряды, въ католичество, и распоряженіе объ изгнаніи іезуитовъ. Въ Литовскихъ и въ пограничныхъ съ Польшею краяхъ, католическіе паны, отчасти по наученію фанатическихъ латинскихъ патеровъ, отчасти по собственной ненависти къ православію, всѣми мѣрами старались изгладить въ своихъ помѣстьяхъ всякіе слѣды древней православной вѣры; для того они бѣдныхъ крестьянъ, измученныхъ нуждой и непосильными работами, нарочно содержали въ крайнемъ невѣжествѣ и подвергали еще разнымъ гоненіямъ и истязаніямъ,— добиваясь одного, чтобы только бросили они православные обряды и переходили въ латинство. Храмы православные оставались въ самомъ убогомъ и заброшенномъ видѣ, и не защищались даже отъ вѣтровъ и дождей. Польско-латинская пропаганда старалась выгнать изъ православнаго богослуженія все православно-греческое. Такое презрѣніе къ православной вѣрѣ и гоненіе на ея обряды, издавна укоренившееся въ западномъ краѣ Русской православной имперіи, вынудило еще родителя Александрова, императора Павла выдать указъ (18 мар. 1797 г.), ограждавшій совѣсть бѣдныхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ отъ насилія католической пропаганды. Но жалобы уніатовъ на гоненіе не прекращались. Тогда императоръ Александръ I объявилъ, что онъ не потерпитъ болѣе такихъ гоненій, что близость уніи къ православію даетъ ей право на особое и преимущественное покровительство православнаго русскаго государства, и цѣлымъ рядомъ строгихъ указовъ старался сократить и ослабить богопротивную и безчеловѣчную ревность польско-католическаго фанатизма, и облегчилъ для совращенныхъ путь возвращенія въ лоно православной церкви (Собр. Зак. Указы № 17,879; 20,748; 20,837 и 38; 20,903 и 916; и 916; 21,400;22,226; 22,659). Еще болѣе опасныхъ по своей хитрости и пронырливости враговъ имѣло православіе въ іезуитахъ. Принятые императрицею Екатериною II въ Бѣлоруссіи, они въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія успѣли найти себѣ безпрепятственный входъ во внутреннія предѣлы Россіи. Генералъ ихъ Губеръ предлагалъ было императору Павлу о соединеніи церквей католической и православной, въ смыслѣ конечно подчиненія православія римскому перво-

священнику, и въ смыслѣ принятія римскихъ догматовъ. Когда это предложеніе осталось безъ успѣха, то іезуиты принялись за обыкновенные свои пріемы къ сокращенію. Они вкрадывались въ дома лучшихъ аристократическихъ фамилій, начали предлагать свои услуги по обученію дѣтей, и вскорѣ очутились воспитателями дворянства. Плоды этой іезуитской дѣятельности стали скоро проявляться. Случаи совращенія въ латинство умножились. Замѣтивъ гибельное для православія вліяніе іезуитовъ, императоръ Александръ I повелѣлъ имъ удалиться сначала изъ своей столицы—изъ Петербурга (1816 г.), а затѣмъ издалъ указъ о совершенномъ изгнаніи ихъ изъ Россіи (1820 г.). Что же касается домашнихъ и внутреннихъ мѣръ императора Александра I для поддержанія благочестія въ народѣ, то сюда относятся его указы, возбранявшіе публичныя работы въ воскресные и праздничные дни, а также вмѣненіе въ обязанность губернскимъ начальствамъ, дабы отнюдь не позволяли помѣщикамъ употреблять крестьянъ въ эти дни на работу, и чтобы строго взыскивали за нарушеніе этого распоряженія. Сюда же относится повелѣніе императора Александра — немедленно предавать уголовному суду нарушителей чина богослуженія. А какъ онъ заботился о распространеніи правосудія въ служебныхъ и правительственныхъ сферахъ, о насажденіи безкорыстія, честности и другихъ гражданскихъ добродѣтелей въ народѣ, и какъ горячо готовъ былъ содѣйствовать въ семъ отношеніи трудамъ пастырей и учителей церкви, можетъ служить примѣромъ тотъ случай, когда онъ слово одного извѣстнаго архипастыря (Амвросія Тульскаго) «на избраніе судей», велѣлъ раздавать градоначальникамъ вмѣсто инструкціи. Но въ особенности многоплодно по своимъ послѣдствіямъ и незабвенно по своему важному значенію было дѣло перевода св. Писанія на понятное и доступное для всѣхъ русское нарѣчіе. Подъ державнымъ покровительствомъ Александра Благословеннаго переведенъ былъ весь Новый Завѣтъ, и самая употребительная въ православномъ богослуженіи и самонужнѣйшая ветхозавѣтная книга Псалтырь. Съ цѣлію распространенія вѣры Христовой и насажденія христіанскаго благочестія, переводилось при Александрѣ I-мъ св. Писаніе и на инородческіе языки. Такъ для Кал-

мыковъ изданъ былъ Новый Завѣтъ, и эта же книга переведена была на сибирскіе языки—остяцкій, вогульскій и бурятскій. При Благословенномъ же Александрѣ положено прочное основаніе христіанству среди Мезенскихъ самоѣдовъ, и составлены разумныя инструкціи для миссій среди Киргизовъ, Осетинцевъ и Удовъ. Десятки тысячъ обращенныхъ ко Христу изъ этихъ племенъ были наградою за труды и заботливость правительства о распространеніи вѣры Христовой.

Что касается личныхъ нравственныхъ качествъ и христіанскихъ убѣжденій императора Александра, — то при всей сокровенности и недоступности сей области человѣческой души для точныхъ наблюденій и обстоятельнаго изученія, а тѣмъ болѣе для какого нибудь рѣшительнаго суда историческаго,—можно однако же съ увѣренностію сказать о почившемъ императорѣ, что онъ былъ искренній и преданный сынъ церкви православной, и поистинѣ добрый и ходившій въ страхѣ Божіемъ человѣкъ. По описанію современниковъ, близко вращавшихся около императора, вся внѣшность и общій строй поведенія этого человѣка были запечатлены привлекательнымъ характеромъ изящества и красоты, а сердце преисполнено было благородствомъ и великодушною добротою и самою глубокою любовію къ человѣчеству. А это такая именно и есть почва, на которой могутъ выростать самыя высокія христіанскія добродѣтели. Благородство души и поистинѣ христіанское великодушіе Александра I-го, умѣвшее прощать и благотворить ожесточеннымъ врагамъ своимъ, блистательно высказалось въ немъ преимущественно тогда, когда побѣжденные французы, внесшіе пламень и разрушеніе въ нашу землю и потубившіе нашу столицу, ждали себѣ справедливой и заслуженной кары. Вмѣсто этой кары они нашли въ нашемъ кроткомъ и благословенномъ императорѣ всепрощеніе, великодушную заботливость о себѣ и покровительство. Не должна забыть благородства и любвеобильной гуманности Александра Благословеннаго и польская народность, столь близкая къ намъ по славянской крови, но къ сожалѣнію столь разъединенная по вѣроисповѣданію, и удаленная отъ насъ папско-католическими преданіями. Но если чуждые и иноплеменные люди имѣли тысячи случаевъ испытывать вели-

кодушіе и христіанскую доброту Благословеннаго императора Александра; то нужно ли говорить о его собственныхъ подданыхъ? Вѣкъ и время, въ которое рожденъ былъ и воспитанъ императоръ Александръ, въ исторіи носитъ названіе философскаго и гуманнаго; однако же эта философія тогдашняя, извѣстная подъ именемъ натурализма, въ сущности была не что иное, какъ невѣріе и отрицаніе всякой религіи, а гуманность тогдашняя не помѣшала случиться всѣмъ ужасамъ революціи и самому варварскому попранію правъ человѣческихъ, и притомъ въ самой цивилизованной и гуманной по тогдашнимъ представленіямъ странѣ Франціи. Не такая фальшивая и поверхностная гуманность, въ видѣ моды входившая въ тогдашніе нравы путемъ незрѣлаго и поверхностнаго воспитанія, а истинная любовь къ ближнему, основанная на здравыхъ евангельскихъ началахъ, осѣняла душу и сердце Благословеннаго императора Александра. Если же онъ, какъ сынъ своего времени, можетъ быть не могъ иной разъ не дышать идеями своего времени, особенно въ первую молодую и менѣе зрѣлую пору своей жизни; то великое и страшное испытаніе, посланное въ видѣ двадесяти языковъ на всю Россію, для ея отрезвленія и очищенія отъ западно-европейской изгари, довольно таки проникшей въ нашу православно-религіозную почву,— это говоримъ испытаніе рѣшительно утвердило его въ Богѣ, расположило въ немъ одномъ искать своего спасенія и защиты, озарило умъ его самыми свѣтлыми и безпримѣсными идеями христіанскими, а сердце окрылило самыми возвышенными и искренними религіознымъ чувствами. Всего драгоцѣннѣе въ этомъ отношеніи собственныя задушевныя слова императора Александра. «Императрица Екатерина,—говорилъ онъ,— была проницательная, умная, великая жена: но что касается до воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при Петербургскомъ дворѣ было какъ почти вездѣ... Но пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не чувствовалъ. Тогда я позналлъ Бога, какъ открываетъ его св. писаніе» *). Эти слова бла-

*) Слова, сказанныя 20 октября 1818 г. Прибав. къ Ж. М. Нар. Просв. 1846 г. ч. 2.

гочестиваго и смиреннаго государя показываютъ всю его прямую и искреннюю душу. Они открываютъ намъ, какъ глубоко и прочно положено было въ этой душѣ нравственно-религіозное начало. Сдѣлавши краткій взглядъ на жизнь и нравственный характеръ Благословеннаго Александра, и вспомянувши его заслуги для вѣры и церкви православной, — помолимся и объ упокоеніи души его, православные и благочестивые сыны Россіи! Боже духовъ и всякія плоти! Упокой въ мѣстѣ свѣтлѣ и прохладнѣ душу раба твоего Императора Александра I-го, и прости ему всякое согрѣшеніе, содѣянное имъ словомъ, дѣломъ или помышленіемъ; яко нѣсть человѣкъ,—иже живъ будетъ и не согрѣшитъ. Ты бо единъ кромѣ грѣха, и правда твоя во вѣки, и слово твое истина! Аминь.

СЛОВО

НА НОВЫЙ ГОДЪ *).

(1 января 1878 г.).

Братіе! блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіамъ міра, и не по Христѣ (На лит. апост. зач. 254).

Итакъ, православные христіане, по милости Божіей, мы въ новомъ лѣтѣ. Привѣтствуемъ васъ отъ лица Христовой церкви съ сею милостію Божіею. Но что-то принесетъ намъ новый годъ? Обновимся ли мы въ какомъ нибудь отношеніи, станемъ-ли лучше, разовьемся-ли, подвинемся-ли къ своей человѣческой цѣли? Вотъ мысли, которыя невольно приходятъ въ голову при началѣ новаго года. Одинъ великій и богопросвѣщенный мужъ сказалъ, что человѣкъ въ духовномъ отношеніи никогда не стоитъ на од-

*) Напечатано въ 1 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1878 г.

номъ мѣстѣ, но или идетъ впередъ или назадъ. Что если въ новомъ годѣ, вмѣсто того чтобы идти впередъ, мы назадъ пойдемъ въ духовно-нравственномъ своемъ развитіи? А не мудрено этому случиться при нынѣшнихъ смутныхъ и сбивчивыхъ понятіяхъ о цѣли человѣческой жизни, объ отношеніи человѣка къ Богу, о взаимныхъ общественныхъ отношеніяхъ между людьми и проч... Любятъ конечно нынѣшніе люди называть себя новыми, и сущность жизни человѣческой полагаютъ именно въ движеніи впередъ. Но какъ бываетъ на самомъ дѣлѣ? Изъ многаго укажемъ на нѣкоторое. Напрягаютъ напр. всѣ усилія изучить человѣческую природу, а въ концѣ своихъ изслѣдованій равняютъ человѣка съ животными неразумными. Стараются начертить правила человѣческой нравственности, а позабываютъ о Богѣ и его законѣ. Стараются поднять и облагородить общественную жизнь, а разобщаютъ ее съ церковію. И выходитъ, что хотятъ идти впередъ, а идутъ самымъ погибельнымъ образомъ назадъ. Предостережемъ себя отъ этой опасности; уяснимъ для себя, при свѣтѣ слова Божія, тѣ основныя начала, на которыхъ должно созидаться христіанское, т. е. истинно человѣческое развитіе, и станемъ, съ помощію Божіею, обновлять себя по этимъ началамъ въ новомъ лѣтѣ. *Житіе наше на небесѣхъ есть. Странники есмы и пришельцы на земли* (Филип. III, 20). Вотъ первое начало христіанское, которое мы должны поставить исходною точкою, и отсюда начинать свое духовное усовершенствованіе. Безсмертіе богоподобнаго духа человѣческаго, самостоятельность и духовность души нашей, загробная жизнь,—какія все это общеизвѣстныя, общепонятныя и можно сказать старинныя истины, несовсѣмъ неизвѣстныя даже языческому міру! А между тѣмъ какою мглой, какимъ туманомъ старается обложить эти высокія и драгоцѣнныя истины нынѣшнее велемудрое время! Истощаютъ все свое остроуміе, пускаютъ въ дѣло всю свою ученость, чтобы доказать, что человѣкъ не есть человѣкъ, а какая-то оживленная машина, по разрушеніи которой остается будтобы только прахъ и пепелъ. И пусть себѣ такъ философствуютъ. Подобная жалкая мудрость никогда не обольститъ здраваго смысла даже простыхъ и нравственныхъ, а тѣмъ болѣе истинно-образованныхъ людей. Но вотъ что худо.

Слишкомъ обольстительнымъ представляется это широкое раздолье, этотъ беззавѣтный разгулъ чувственности и сластолюбія, которыя вытекаютъ необходимо изъ мрачнаго догмата нынѣшней грубой философіи. Человѣку съ слабой волей и безъ крѣпкихъ христіанскихъ убѣжденій трудно устоять противъ увлекающаго потока времени и не поддаться соблазнамъ чувственности; и значитъ для большинства всегда есть опасность въ образѣ жизни приложиться скотомъ несмысленнымъ и уподобиться имъ. Оградимъ же себя накрѣпко, благочестивые слушатели, отъ современной заразы свѣтлымъ и возвышеннымъ ученіемъ христіанскимъ о загробной жизни и вѣчномъ единеніи нашемъ съ Господомъ Богомъ въ царствѣ славы. Перенесемъ это ученіе въ наше сердце и станемъ обновлять себя постепенно въ наступающемъ лѣтѣ по смыслу сего ученія христіанскаго. Перестанемъ гоняться за призраками земнаго счастія; не будемъ тратить своихъ силъ тѣлесныхъ и душевныхъ на тлѣнныя и скоропреходящія чувственныя наслажденія. Возревнуемъ наипаче о томъ, что питаетъ душу, приближаетъ ее къ Богу и приготовляетъ для вѣчности. Самыя невинныя и дозволенныя Господомъ Богомъ радости и блага земныя станемъ, по слову его, цѣнить настолько, насколько они могутъ способствовать нашему духовно-религіозному совершенству. Таковъ долженъ быть общій тонъ и характеръ нашей жизни.

Далѣе—будемъ освѣщать себѣ путь къ духовному совершенству, какъ свѣтильникомъ какимъ нибудь, христіанскимъ ученіемъ о нашемъ собственномъ безсиліи, объ испорченности и грѣховности нашей природы, о томъ что *не живетъ въ насъ, сирѣчь въ плоти нашей, доброе; еже бо хотѣти прилежитъ намъ, а еже содѣяти доброе—не обрѣтаемъ. Ибо есть инъ законъ во удѣхъ нашихъ, противувоюющъ закону ума нашего, и плѣняющъ насъ закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ нашихъ* (Рим. VII, 18. 23). Этого закона, хотя онъ громко даетъ о себѣ знать каждому честному и безпристрастно наблюдающему себя человѣку,—этого закона—говоримъ—тоже не хочетъ знать современная мудрость, и силится довести человѣчество до совершенства путемъ простаго и естественнаго его раз-

витія... Чтожъ выходить изъ этихъ усилій? Судя по тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, какіе дѣлаются нынѣ въ наукѣ и гражданственности, можно бы надѣяться, что скоро настанетъ царствіе Божіе на земли, если бы точно отъ этихъ успѣховъ зависѣло нравственное совершенствованіе человѣчества. Но гдѣ же, гдѣ признаки этого человѣческаго совершенства въ настоящее время? Насколько люди стали лучше отъ того, что сдѣлались образованнѣе, богаче и опытнѣе? Гдѣ та неподкупная честность, то самоотверженное стремленіе къ общему благу, та теплая любовь къ ближнему, та непоколебимость и чистота убѣжденій, тѣ высокія добродѣтели, о которыхъ такъ красно нынче пишутъ и говорятъ? Все это покуда на словахъ, въ ожиданіи и въ однихъ предположеніяхъ. И сбывается на насъ слово писанія: *законъ духовенъ есть: мы же плотяны, проданы подъ грѣхъ. Не еже бо хощемъ, сіе творимъ: но еже ненавидимъ, то содѣловаемъ* (Рим. VII, 14. 15). Можетъ конечно наука просвѣтить въ человѣкѣ сознаніе его человѣческаго достоинства, и расширить въ немъ понятіе о долгѣ,—это ея безспорная заслуга. Но одного сознанія недостаточно для дѣла,—для этого требуется главнымъ образомъ сила, способность и энергія, а ихъ то и не даетъ наука. Не станемъ же обольщать себя призраками, смиренно сознаемся въ своей немощи и испорченности, о которой такъ громко возвѣщаетъ намъ слово Божіе. Это сознаніе и взглядъ на себя приведетъ лучше всего насъ на надлежащую дорогу, и укажетъ намъ дѣйствительныя средства къ духовно-нравственному совершенству.

Гдѣ же именно искать этихъ средствъ, гдѣ надлежащая дорога къ нравственному совершенству? *Азъ есмь путь, истина и животъ*, говоритъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ ищущимъ и жаждущимъ духовнаго совершенства. *Безъ мене не можете творити ничесоже. Азъ есмь лоза, вы же рождіе. Яко же розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во мнѣ не пребудете* (Іоанн. XV, 4. 5). Итакъ вотъ куда устремимся всей душей и сердцемъ,—къ спасителю нашему Іисусу Христу! Привьемся къ нему, какъ дикія вѣтви къ плодотворной маслинѣ, отречемся отъ своего самолюбія, возложимъ на себя съ любовію иго закона его, и пой-

демъ туда, куда онъ поведетъ насъ. Пойдемъ какъ неопытные ученики за учителемъ, какъ дѣти за отцемъ. Не на глазахъ ли у насъ тысячи доказательствъ и опытовъ, что законъ Христовъ есть именно свѣтъ міру, и жизнь въ общеніи съ Христомъ Спасителемъ есть единая истинная и здравая жизнь человѣческая! Тогда какъ мудрость современная, гордящаяся своими высокими понятіями и гуманными правилами, выбивается однако же изъ силъ стараясь на самомъ дѣлѣ обновить общество по новымъ лучшимъ началамъ, тогда какъ она безсильно и безплодно борется съ человѣческими страстями и самолюбіемъ: благодатный законъ Христовъ десятки тысячъ смиренныхъ рабовъ Божіихъ уже привелъ и доселѣ неуклонно ведетъ къ царствію Божію, ставя своихъ исполнителей на такую нравственную высоту, предъ которой должна склониться во прахъ вся современная мудрость съ своими высокими нравственными правилами. Эти высокія правила и понятія, напр. о нравственномъ достоинствѣ личности человѣческой, о добросовѣстности предъ закономъ и обществомъ, о необходимости честнаго труда, о низости тунеядства и привычки жить чужими силами, всѣ эти понятія, которыми такъ гордится современная наука, какъ своимъ изобрѣтеніемъ, оказываются самымъ простымъ долгомъ и самою естественною обязанностію всякаго добраго христіанина. И всегда такъ бывало, какъ бы далеко ни оглядывались въ исторію прошедшихъ временъ, что лишь только наука человѣческая соберется сказать что нибудь новое, выдумываетъ какое нибудь, по ея мнѣнію, очень высокое и необыкновенное правило для нравственности человѣческой, — какъ оказывается, что это правило уже давно имѣло самое широкое приложеніе въ средѣ людей, называющихъ себя Христовыми. Такъ евангеліе не только всегда свѣтило и свѣтитъ міру, но и даетъ силы ходить и жить въ свѣтѣ! И общества человѣческія по той мѣрѣ обновлялись и улучшались нравственно, въ какой они проникались евангельскими началами; и наоборотъ — по той мѣрѣ они падали и развращались, несмотря на все свое умственное и научное развитіе, въ какой отдалялись отъ Христа Спасителя и его божественнаго евангелія. Такъ тому и должно быть. Ибо только здѣсь, въ союзѣ со Христомъ Спасителемъ даются неиз-

реченнымъ и таинственнымъ образомъ тѣ *божественныя силы, яже къ животу и благочестію*, которыя изъ самыхъ простыхъ и неученыхъ людей дѣлаютъ высокихъ и мощныхъ героевъ добродѣтели, къ изумленію высокоученыхъ книжниковъ и фарисеевъ нашего времени, которые возлагаютъ бремена тяжка на плечи людей, предписываютъ тысячи высокихъ нравственныхъ правилъ, а сами не хотятъ, или вѣрнѣе — не могутъ двинуть пальцемъ, и продолжаютъ коснѣть въ самомъ глубокомъ нравственномъ растлѣніи. Только въ таинствахъ Христовой церкви, юже стяжалъ онъ честною своею кровію, льется на бѣдное и оструплепное грѣховными язвами человѣчество та вседѣйственная и цѣлебная сила, которую тщетно силится стихійная мудрость вѣка сего найти въ искусномъ воспитаніи, въ научной образованности, въ вещественномъ улучшеніи гражданскаго быта,—во всемъ и повсюду, кромѣ Господа Іисуса Христа, и конечно нигдѣ не находитъ, и никогда не найдетъ; ибо *нѣсть иного имене подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися*, кромѣ Господа Іисуса Христа. Невѣрующихъ мы конечно не убѣдимъ; *одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да некогда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся* (Ис. VI, 10). Скажемъ имъ однако вотъ что. По вашей привычкѣ все испытывать и изслѣдовать испытайте и попробуйте! Хоть въ видѣ опыта поставьте себя на христіанскія начала, и поживите ими хотя нѣсколько времени, но поживите искренно,—всѣмъ сердцемъ и душею. Можетъ быть Господь и дастъ вамъ узрѣть тотъ свѣтъ спасительный, который вы такъ усердно, но тщетно ищете. Можетъ быть удостоитъ васъ Господь восчувствовать всю сладость союза съ нимъ, такъ-что вы не захотите больше возвращаться къ прежнему образу мыслей и жизни; можетъ быть вы сдѣлаетесь избранными сынами благодати и будете приносить плодъ сторицею, *силенъ бо есть Богъ поставити васъ!!*...

А намъ, православные и вѣрующіе христіане, нечего колебаться и раздумывать, куда держать путь свой. Предъ нами лежитъ прямая и истинно царская дорога къ нравственному совершенству,—это св. евангеліе; а указателемъ и руководителемъ да

будетъ для насъ св. церковь. Цѣлые сонмы угодниковъ Божіихъ шли по этой дорогѣ и при семъ указателѣ, и дошли до неизреченно сладкихъ и блаженныхъ обителей царя небеснаго. Да поможетъ намъ Господь въ новомъ лѣтѣ собраться съ силами, твердо стать на сію благодатную дорогу, и нелѣностно совершать по ней шествіе къ своему спасенію. Аминь.

СЛОВО

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(17-го апрѣля 1878 г.).

Христосъ воскресе!

Съ свѣтлымъ пасхальнымъ торжествомъ сливается для насъ въ нынѣшній день и свѣтлое торжество о царѣ нашемъ. Оба эти торжества нисколько однако же не мѣшаютъ единству нашего ликующаго чувства. Напротивъ торжество вѣры и церкви глубоко объединяетъ съ собою, и тѣмъ еще болѣе возвышаетъ и украшаетъ торжество о царственномъ представителѣ Христовой вѣры и верховномъ покровителѣ православной церкви въ нашемъ отечествѣ. Особенно же съ именемъ нашего преблагословеннаго Александра и съ исторіей его славнаго царствованія тѣсно связуется мысль о возрастающемъ торжествѣ просвѣтительныхъ идей христіанскихъ надъ темными и злыми силами, гнетущими народы, о постепенномъ углубленіи животворныхъ началъ любви и свободы христіанской собственно въ нашей русско-народной почвѣ. А какое торжество можетъ быть чище, свѣтлѣе и желаннѣе для самой церкви Господней, какъ не торжество образованности и просвѣщенія христіанскаго надъ тьмой и невѣжествомъ, торжество правосудія надъ произволомъ, любви и гуманности еван-

*) Напечатано въ 9-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1878 г.

гельской надъ грубостью и произволомъ, свободы надъ рабствомъ, вѣры надъ невѣріемъ, евангелія надъ лжефилософіей и стихійной мудростью, христіанства надъ противниками Христа. А таково именно и есть, по основному характеру и по общему направленію своему, благочестивое царствованіе нашего возлюбленнаго монарха. Итакъ, радуясь и веселясь о воскресшемъ Спасителѣ *въ сей день, его же сотвори Господь*, возрадуемся и о царѣ своемъ, столь высоко держащемъ знамя Христовой религіи, на страхъ врагамъ ея и нашимъ ненавистникамъ! Однако же никакое торжество, какъ извѣстно, не обходится безъ жертвъ и безъ борьбы: напротивъ послѣ нихъ только оно и наступаетъ, и притомъ такъ, что чѣмъ выше и полнѣе бываетъ торжество, тѣмъ оно большихъ требуетъ усилій и подвиговъ, и неразрывно связанныхъ съ ними жертвъ. Вотъ и нашей великой націи подъ державой царя православнаго, сколько пришлось и приходится еще приносить жертвъ, какую великую борьбу вести, — прежде чѣмъ настанетъ полное наше торжество надъ врагами нашей вѣры и нашей національности, и осуществятся на дѣлѣ всѣ наши великія идеи и гуманныя цѣли среди окружающей насъ ненависти, торгашества и религіознаго фанатизма въ Европѣ. Эта борьба вызываетъ конечно великія напряженія народныхъ силъ, задерживаетъ и до нѣкоторой степени даже останавливаетъ правильное теченіе и развитіе нашей внутренней жизни, и поэтому вызываетъ немало раздумья и колебаній, и даже прямаго недовольства въ нѣкоторыхъ личностяхъ и слояхъ общественныхъ. Но это самое и даетъ намъ поводъ вдуматься нѣсколько глубже въ значеніе внѣшнихъ политическихъ потрясеній и войнъ, и предложить вамъ на сей разъ нѣсколько словъ о вліяніи этихъ войнъ и потрясеній политическихъ на ходъ внутренняго развитія народа, и вообще на историческія судьбы его. Находясь подъ свѣжимъ, и можно сказать еще не остывшимъ впечатлѣніемъ кровавой и убійственной войны нашей съ мусульманскимъ міромъ, ограждая себя отъ всякихъ случайностей и предусматривая въ будущемъ всякія возможности и вѣроятности новой борьбы съ націями, связавшими съ этимъ дряхлѣющимъ міромъ свои интересы, мы естественно располагаемся къ думамъ о значеніи уже

совершившихся и еще наступающихъ серьезныхъ событій, долженствующихъ безъ всякаго сомнѣнія оставить явственный слѣдъ и положить глубокую печать на всей нашей общественной и политической жизни.

Война, погашающая вразъ тысячи жизней человѣческихъ и легіонами скашивающая ничѣмъ неповинныя жертвы свои,—конечно есть великое зло и тяжкое бѣдствіе въ родѣ человѣческомъ. Но тотъ гуманистъ и мечтательный радѣтель о благѣ человѣческаго рода допустилъ-бы большую ошибку, если бы сказалъ, что это зло, какъ зависящее будто-бы отъ воли и рѣшенія отдѣльныхъ лицъ, всегда можно отклонить и отдалить. Но еще болѣе погрѣшилъ-бы тотъ, кто назвавъ войну зломъ позабылъ-бы, или сталъ бы отрицать и тѣ поистинѣ великія и благія послѣдствія, къ которымъ направляетъ зло войны рука благого провидѣнія, премудро правящая судьбами царствъ и народовъ. На священныхъ страницахъ библіи мы читаемъ, какъ богоизбранный народъ Израильскій, путемъ войны между прочимъ возводимъ былъ отъ силы въ силу самимъ Іеговою, и какое живое и непосредственное участіе принималъ въ этихъ войнахъ самъ Господь Богъ, какъ глава и верховный правитель своего избраннаго народа, то обращая ихъ въ орудіе наказанія для Израиля, то въ орудіе его очищенія и возвышенія, то употребляя ихъ какъ средство для проведенія въ темную массу языческихъ сосѣдей Израиля здравыхъ и чистыхъ понятій религіозныхъ. То же значеніе войнъ и политическихъ столкновеній между народами продолжаетъ оставаться и для нашего времени, и такъ же руководитъ ими, для своихъ великихъ и сокровенныхъ цѣлей, невидимый правитель міра, *разсѣлившій народы по всему лицу земли, и опредѣлившій жительству каждаго изъ нихъ предназначенныя времена и предѣлы* (Дѣян. XVII, 26. 27). Объяснимся точнѣе и опредѣленнѣе.

Вопервыхъ войны пробуждаютъ народное самосознаніе и выясняютъ намъ время отъ времени то, что мы такое въ средѣ другихъ народовъ; стоимъ-ли мы, или движемся впередъ на пути своего развитія и усовершенствованія; крѣпнемъ, или слабѣемъ въ своихъ силахъ; становимся дальше, или ближе отъ предна-

значенной намъ цѣли и исторической задачи своей. Мирная и уединенная жизнь гражданская, отвлекая все вниманіе общества къ его домашнимъ и частнымъ интересамъ, незамѣтно притупляетъ зоркость его вниманія къ тому, что не входитъ прямо въ кругъ его національныхъ потребностей и вкусовъ, и располагаетъ къ самодовольству и беззаботному пользованію наличнымъ своимъ капиталомъ, и добытыми уже удобствами и выработанными условіями жизни. (Или же наоборотъ, вселяетъ робкое недовѣріе къ собственнымъ успѣхамъ и пріобрѣтеніямъ, и развиваетъ вредную опасливость и самоуничиженіе, по недостатку цѣльнаго и живаго соприкосновенія съ другими народами, и по неимѣнію случаевъ и средствъ сравнить свои успѣхи съ чужеземными успѣхами гражданственности и науки, и измѣрить напряженіе своихъ силъ въ тотъ или другой моментъ своей исторіи. Что дѣлать, когда правильное и сознательно-спокойное развитіе и движеніе впередъ стало невозможно какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для обществъ, вслѣдствіе древняго еще уклоненія отъ истины, и вслѣдствіе занесеннаго въ раю еще разстройства въ нашу природу, возмутившаго равновѣсіе нашихъ физическихъ и духовныхъ силъ! Что дѣлать, если съ тѣхъ поръ отдѣльные люди и народы ростутъ съ болѣзнями и разными ненормальностями, и развиваются путемъ уклоненій отъ истины, путемъ недоумѣній, колебаній и опытовъ надъ собою! Для сего то провидѣніе, изводя народы на борьбу другъ съ другомъ, и дозволяя столкновенія между ними, приводитъ ихъ къ ясному и живому сознанію накопившихся у нихъ недостатковъ, равно какъ и пріобрѣтенныхъ совершенствъ, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ могли начать они новый, болѣе правильный и сознательный періодъ своего развитія, и съ большей энергіей приняться за это развитіе. Припомнимъ случившееся на нашей памяти и кое что былое изъ нашей національной жизни. (Если наша тяжкая и неудачная Крымская война съ союзными народами Европы открыла намъ много всякихъ неустройствъ и несовершенствъ нашей внутренней жизни, и дала намъ горькій хотя и спасительный урокъ самоисправленія, то послѣдняя наша благословенная Богомъ блестящая и побѣдоносная война, сокрушившая дикую и фанати-

ческую силу мусульманства въ Европѣ, не воскрылила ли нашъ духъ народный, и не привела-ли насъ къ отрадному и ясному сознанію, что мы съ достоинствомъ и честью можемъ идти по пути своего всесторонняго развитія среди прочихъ цивилизованныхъ народовъ. Раскрывъ передъ нами, можетъ быть, нѣкоторые новые недостатки, или еще уцѣлѣвшіе нѣкоторые старые, не разсѣяла-ли она то малодушіе и вредную неувѣренность въ своихъ силахъ, и то раболѣпное склоненіе предъ силой нашихъ сосѣдовъ, которая такъ громко высказывалась въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, и такъ вредно могла дѣйствовать на дальнѣйшее внутреннее наше саморазвитіе. Громомъ борьбы и побѣдъ верховный правитель судебъ народныхъ разсѣялъ всѣ эти ложные страхи, висѣвшіе надъ нами, и сподобилъ указать намъ, что Россія можетъ быть сильна и могуча сама по себѣ, можетъ безтрепетно идти на своемъ собственномъ православно-русскомъ пути, и съ успѣхомъ можетъ, а слѣдовательно и должна достигать предназначенныхъ ей отъ провидѣнія цѣлей историческихъ. Вотъ первый благодѣтельный результатъ минувшей войны нашей. Для болѣе яснаго и нагляднаго обозначенія подобнаго рода вліянія войнъ и политическихъ потрясеній объ нихъ можно сказать, что они похожи на тѣ встряхиванія живаго организма, которыя возбуждаютъ въ немъ застоявшіяся силы, возстанавливаютъ равновѣсіе ихъ дѣятельности, и освѣжаютъ для равномѣрной и здоровой жизни.

Но есть еще болѣе важное значеніе, которое могутъ имѣть войны въ направляющей и всеблагой десницѣ провидѣнія. Онѣ не только приводятъ къ самосознанію, но и могутъ очищать и освѣжать народную жизнь отъ тѣхъ вредныхъ противунравственныхъ и противуобщественныхъ міазмовъ, которые накопляются время отъ времени въ народной жизни вслѣдствіе продолжительнаго занятія, на просторѣ и среди покоя, одними житейскими и чувственными интересами, имѣющими лишь временное и земное значеніе, и касающимися только тѣла, а не души. Между тѣмъ какъ послѣдняя и наивысшая цѣль благоустроенныхъ человѣческихъ обществъ должна состоять въ томъ, чтобы содѣйствовать главнымъ образомъ духовно-религіозному и нрав-

ственно-религіозному развитію человѣческихъ личностей, чтобы облегчать имъ возможность дѣлаться изъ гражданъ міра достойными гражданами неба. Въ этомъ случаѣ матеріальное благосостояніе людей и разныя улучшенія формъ государственной и бытовой жизни, должны быть только посредствующимъ орудіемъ и облегчающимъ средствомъ къ достиженію указанной наивысшей цѣли человѣческихъ обществъ. Такъ вотъ, если люди забываютъ эту главную свою цѣль, то Господь и посылаетъ имъ иногда чувствительныя напоминанія объ ней, колебля грозой военной всю ихъ общественную жизнь. Никакія мѣры правительства не могутъ иногда подавить зарождающуюся и таящуюся крамолу, никакія усилія здравой науки не въ состояніи разсѣять распространяющуюся изгарь невѣрія и лжефилософіи, никакой огонь пастырскихъ обличеній и вразумленій не силенъ остановить разливъ безнравственности и поднять религіозный духъ народа; между тѣмъ гроза военная сразу останавливаетъ мутный потокъ эгоизма, мелкихъ дрязгъ и животно-чувственнаго разгула, устремляя духъ народа къ самоотверженію, къ подвигамъ любви и попеченія о ближнихъ, къ исполненію долга чести, располагая жертвовать жизнію за вѣру, царя и отечество, и невольно устремляя мысль къ вѣчности и Богу, верховному властителю и распорядителю судебъ народныхъ. Вспомнимъ изъ своей исторіи тяжелую эпоху 1612 года, когда въ обществѣ русскомъ накопилась масса противуобщественныхъ и противурелигіозныхъ началъ. Духъ крамолы, измѣны и неповиновенія предержащей власти—въ политической жизни, духъ фарисейства и внѣшней обрядности рядомъ съ глубокою порчею правовъ—въ жизни нравственной, наконецъ духъ холодности къ церкви и вѣрѣ и пренебреженіе къ ея ученію—въ религіозной жизни,—вотъ какую грустную картину представляло изъ себя русское общество! Но послалъ Господь тяжелую и губительную войну, не стало законнаго государя на Руси, появились самозванцы, Москва взята иновѣрцами, вѣра и святыня наша поругана, православію угрожала гибель отъ польскаго фанатическаго короля,—и встрепенулась Русь православная, возбужденная голосомъ Свято-Троицкой Лавры. Единодушно откликнулась она на призывный голосъ Минина и Пожарскаго,—и враги

прогнаны, вѣра наша восторжествовала, все общество обновилось и быстро пошло по пути своего государственнаго переустройства и улучшенія! Подобное же случилось съ нами въ началѣ текущаго столѣтія. Духъ невѣрія и нравственной распущенности, навѣянный къ намъ съ запада тамошнею лжефилофіею, проникъ преимущественно въ высшіе слои нашего общества, испортилъ наше воспитаніе, измелчилъ и оплотянилъ наши нравы,—и вотъ грозная туча въ видѣ двадесяти языкъ, подъ предводительствомъ Наполеона, надвинулась и разразилась надъ нашей землей. Всколебалась и восплакнула Русь православная; но обратилась всей душей къ Богу, и вышла побѣдительницею. Прежняго легкомыслія и безвѣрія какъ не бывало! То и другое замѣнилось искреннимъ и глубокимъ благочестіемъ. Явился попечительный комитетъ о тюрьмахъ, образовались различные комитеты попеченія о больныхъ и раненыхъ, о неимущихъ и угнетенныхъ, и во всемъ обществѣ открылся замѣтный поворотъ къ религіи и вѣрѣ. На Крымскую войну тоже есть основаніе смотрѣть, какъ на урокъ и внушеніе, данное намъ провидѣніемъ за накопившіеся у насъ разные земскіе грѣхи, за нашу косность и нерадѣніе о своемъ внутреннемъ благѣ и за слабое и холодное отношеніе къ религіи. А развѣ подобнаго чего-то нельзя указать и въ только-что пережитое нами время предъ восточной войной? Развѣ не проповѣдывался у насъ и устно и книжно нѣкоторыми повидимому умными и учеными людьми эгоизмъ, корысть и финансовые расчеты, какъ главное и высшее начало общественной и политической жизни? Развѣ не старались увѣрить всѣхъ насъ, что Болгары народъ благоденствующій, счастливый и богатый подъ властію Турокъ, что они вовсе не нуждаются въ нашей непрошенной будто-бы защитѣ, и что интересы вѣры, хотя бы то и христіанской, гонимой и унижаемой темнымъ и фанатичнымъ мусульманствомъ, ни коимъ образомъ не должны будто-бы входить въ соображенія политическія, и мѣшать международнымъ отношеніямъ. Но вотъ по сокровенному распоряженію промысла Божія, и по повелѣнію царя православнаго, Русь облеклась во всеоружіе войны, и всцыхнулъ въ ней священный огонь любви къ единовѣрнымъ братьямъ, цѣлые вѣка стонавшимъ подъ варварскимъ

гнетомъ мучителей мусульманскихъ, и охватило весь народъ русскій одно высокое религіозное чувство, и неудержимо повлекло всѣ сословія на жертвы и благотворенія; всѣхъ охватила одна мысль—возстановить гонимую православную вѣру на востокѣ; всѣхъ волновало одно чувство и одна надежда на помощь Божію, и слышалась одна молитва: «Господи спаси, Господи помоги!» И Господь помогъ. Вѣковой врагъ христіанства разгромленъ,—и наши бѣдные братья христіане съ упованіемъ и благодарностью встаютъ изъ праха и неволи къ свободѣ и мирной гражданской жизни, во славу имени Христова. Такое оживленіе религіознаго чувства и поднятіе народнаго духа для интересовъ чисто духовныхъ и святыхъ—невозможно измѣрить и расчислить какими-нибудь математическими выкладками; но несомнѣнно, что оно въ высшей степени важно и благодѣтельно въ историческомъ развитіи народовъ. Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ и не вспомнить къ нашему назиданію и того нашего домашняго прискорбнаго обстоятельства, какъ начали было появляться по разнымъ, болѣе или менѣе скрытымъ, мѣстамъ и темнымъ угламъ нашей обширной земли дурные признаки зараженія западными идеями, идущими въ разрѣзъ съ коренными началами нашего народнаго духа и нашей политической жизни, основанными на благоговѣніи къ православной Христовой вѣрѣ и преданности къ помазаннымъ царямъ нашимъ. Духъ крамолы и противленія верховной власти то и дѣло сталъ было показывать свою буйную и строптивую силу, и то тамъ то здѣсь сталъ было набирать своихъ жалкихъ проповѣдниковъ и несчастныхъ борцовъ. Ни вразумленіямъ, ни строгимъ мѣрамъ повидимому не хотѣли поддаваться эти дурные и паносные элементы нашего общества, подобно тѣмъ микроскопическимъ и зловреднымъ животнымъ, скопляющимся въ атмосферѣ, которыя, по наблюденію ученыхъ, могутъ быть убиваемы и разсѣваемы только громами небесными; и кто знаетъ, какъ долго продолжало-бы возрастать это зло, и сколь многихъ оно могло бы погубить, если бы не грянула гроза военная. Очистительное и освѣжающее дѣйствіе этой грозы тотчасъ же почувствовалось. Духъ крамолы присмирѣлъ, затихъ и оглушенъ былъ единодушнымъ взрывомъ патріотическаго чувства, охватившаго

всю Русь Православную. Враги престола и власти предержащей должны были почувствовать, что они въ тоже время суть и враги народа русскаго, плотно собравшагося вокругъ своего царя, чтобы идти на защиту священныхъ идей и интересовъ русскихъ, охраняемыхъ православными русскими царями не только въ предѣлахъ русскаго царства, но и за этими предѣлами. О, ежели бы послѣ этого урока понято было нашими непрошенными реформаторами и учителями, что ихъ идеи и стремленія намъ не нужны, нежеланны и противны!...

Наконецъ войны, служа цѣлебнымъ, хотя горькимъ и тяжелымъ средствомъ къ обновленію и направленію на надлежащій путь развитія какой нибудь одной въ отдѣльности, напр. нашей русской народной жизни, могутъ служить въ тоже время у Господа Бога, верховнаго міроправителя, сокровеннымъ средствомъ къ произведенію важнѣйшихъ переворотовъ въ цѣлой группѣ народовъ и племенъ, для достиженія какихъ нибудь особенныхъ благихъ и премудрыхъ его цѣлей и плановъ. Т. е. въ то время, какъ намъ казалось напр., что не пожелай мы воевать съ турціей, войны бы и не было; можетъ быть наоборотъ—потому то мы и увлеклись и расположились къ войнѣ, что она рѣшена была въ премудромъ совѣтѣ Божіемъ, что Господь не кого иного, а именно православную Россію избралъ въ орудіе своихъ цѣлей. Еще не настало время, и еще нѣтъ пока возможности по-надлежащему взвѣсить всѣ результаты и исчислить всѣ плоды минувшей войны. Не есть ли она начало новой жизни для всего славянскаго міра? Не есть ли она указаніе разрозненнымъ славянскимъ племенамъ, въ чемъ должна состоять ихъ сила, куда должны устремляться ихъ идеалы и къ чему сводиться всѣ ихъ чаянія и основныя надежды? Не есть ли она начало цивилизаціи и задатокъ лучшаго будущаго для самаго мусульманскаго міра, который, пробудясь изъ своего слѣпаго и безпечнаго фатализма и придя въ самое энергическое столкновеніе съ однимъ изъ образованнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ христіанскихъ народовъ, долженъ же почувствовать, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ и умнѣйшихъ своихъ представителяхъ, превосходство христіанскихъ идей надъ своимъ узкимъ міросозерцаніемъ и неизмѣримую высоту еванге-

лія въ сравненіи съ темнымъ и чувственнымъ кораномъ. Можетъ быть и для самыхъ христіанскихъ народовъ европы наша русская война на Балканскомъ полуостровѣ, наши побѣды и одолѣніе надъ магометанской гордыней, опиравшейся на корысть и себялюбивую расчетливость фальшивыхъ друзей и союзниковъ, положитъ начало новымъ между-народнымъ отношеніямъ и новой политикѣ, ибо открылись отъ многихъ сердецъ помышленія, и обнаружилась повсюдная взаимная зависть, недоброжелательство и корысть? Не дастъ ли Господь скоро почувствовать, можетъ быть черезъ насъ же, и европейскимъ народамъ, хвалящимся своею мудростью и высокимъ развитіемъ гражданственности, что они отклонились отъ праваго пути своего развитія, что стали плоть и кровь и что духъ Господень не будетъ больше пребывать въ нихъ, какъ въ предпотопныхъ людяхъ.

Всѣ эти размышленія и предположенія къ одному приводятъ насъ, православные сыны Россіи, что всю свою заботливость и попеченія должны мы устремить теперь къ тому, чтобы сберечь, усилить и умножить въ себѣ драгоцѣнное сокровище св. вѣры и религіи Христовой. Здѣсь источникъ нашей несокрушимой силы и могущества, котораго не побѣдить никакимъ врагамъ нашимъ. Ибо что въ самомъ дѣлѣ изъ народа дѣлаетъ неодолимую силу? Богатство ли, масса ли войскъ, или отличное оружіе? Но все это лишь тогда оказывается силою, когда люди одушевлены глубокимъ сознаніемъ своего долга, когда въ сердцѣ ихъ горитъ святой огонь любви къ престолу и родинѣ и къ ея высшимъ духовнымъ интересамъ, когда каждый готовъ принесть въ жертву на общее благо свое личное счастіе, свой покой и удобства и самую свою жизнь. Но такое настроеніе и такія возвышенныя и святыя чувства во всей ихъ чистотѣ и широтѣ могутъ созрѣть и раскрыться только подъ вліяніемъ св. вѣры Христовой и евангелія, учащаго людей безграничной и самоотверженной любви къ Богу и ближнимъ. Государственныя богатства самыя громадныя могутъ растаять безплодно и разойтись по рукамъ нечестныхъ и безсовѣстныхъ людей; а какъ отъ нихъ уберечься, если ихъ разведется много? А разводятся они, какъ извѣстно, вслѣдствіе слабости и шаткости религіозныхъ началъ въ обществѣ; равнымъ

образомъ и многочисленныя и прекрасно вооруженныя арміи могутъ оказаться лишь безполезными массами, трусливыми и невыносливыми, могутъ быть разсѣеваемы и сдаваться въ плѣнъ, если люди не будутъ видѣть во главѣ разумныхъ и доблестныхъ вождей, и если не будутъ увѣрены въ совершенной ихъ преданности долгу, и если сами не будутъ ограждены противъ страха смерти вѣрою въ Бога и небесную помощь и надеждою на всепрощеніе отъ Бога и великія награды по смерти. А что же можетъ вдохновить вождей до истиннаго геройства, а воинамъ внушить спокойствіе и хладнокровіе при видѣ смерти, какъ не святая религія. Та отчаянная и безсознательная удаль, которая увлекаясь общимъ потокомъ и закрывъ глаза бросается навстрѣчу опасности, не есть истинная храбрость; она подвержена больнимъ случайностямъ, и потому весьма ненадежна. Два три неуспѣха, непредвидѣнныя какія нибудь затрудненія, или внезапно нагрянувшая опасность—могутъ быстро охладить такой искусственный пылъ, и обратить въ совершенно противоположное настроеніе. Но трудно сломить и поразить человѣка, умѣющаго прямо и безтрепетно смотрѣть въ глаза смерти и въ каждую секунду помнящаго, что онъ исполняетъ долгъ святой религіи, и что ему нужно исполнить свой долгъ чтобы тамъ ни было, и что за это мзда его многа на небесѣ. Да, истиннымъ героемъ можетъ быть только искренно-религіозный человѣкъ! И оставитъ-ли Господь на поруганіе врагамъ такихъ людей и откажетъ ли имъ въ своей помощи? А при помощи Божіей нѣтъ ничего страшнаго и невозможнаго. *Аще Богъ по насъ, кто на ны?!* Невольно припоминаются здѣсь тѣ отрадныя и великія обѣтованія помощи небесной, которыми обнадеживалъ Господь народъ свой, въ случаѣ его нравственной чистоты и преданности своей волѣ и своему закону. *Если ты, Израиль, будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, тщательно исполнять заповѣди Его: то Господь, Богъ твой, поставитъ тебя выше всѣхъ народовъ земли... Поразитъ предъ тобою.. враговъ твоихъ, возстающихъ на тебя, однимъ путемъ они выступятъ противъ тебя, а семью путями побѣгутъ отъ тебя. И увидятъ всѣ народы земли, что имя Іегова, Бога твоего, нарицается на те-*

бѣ, и убоятся тебя... и будешь давать взаймы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать взаймы, и будешь господствовать надъ многими народами, а они надъ тобою не будутъ господствовать. Сдѣлаетъ тебя Господь, Богъ твой, главою, а не хвостомъ, и будешь только на высотѣ, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповѣдямъ Господа, Бога твоего, которыя заповѣдую тебѣ сегодня хранить и исполнять! (Второз. XXVIII, 1. 7. 10. 12. 13).

Боже нашъ, призри на смиреніе наше! Если не можемъ мы похвалиться дѣлами благочестія нашего предъ тобою; то все же имя твое святое нарицается на насъ, а въ сердцѣ нашемъ горитъ святая искра любви къ тебѣ и вѣры въ твой всеблагій промыслъ. Самъ поддержи и воспламени сію искру и пробави милость твою вѣдущимъ тя! Умножились, Господи, умножились, стужающіи намъ; мнози возстаютъ на насъ, многіе глаголютъ объ насъ, «нѣтъ спасенія имъ въ Бозѣ ихъ». Спаси же Господи своею всесильною десницею православную Россію, и возвеличи ее для славы имени твоего! И спаси Господи раба твоего, благочестивѣйшаго государя нашего, — Александра Николаевича. Укрѣпи его царство, и умножи славу его новыми и новыми побѣдами надъ врагами, да подъ скипетромъ его тихое и безмолвное поживемъ житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ! Аминь.

СЛОВО

надъ гробомъ протоіерея Владимірской Николозлатовратской церкви, Я. В. Миловскаго *).

(19 апрѣля 1878 г.).

Христосъ воскресе!

Смертное зрѣлище, предлежащее очамъ нашимъ въ нынѣшніе свѣтлые пасхальные дни, двоякое пробуждаетъ чувство въ ду-

*) Напечатано въ 9 № «Влад. Епарх. Вѣдомост.» за 1878 г.

шахъ нашихъ. Съ одной стороны тяжело и прискорбно смотрѣть на *лежащую во гробѣхъ по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безславну и не имущую вида.* Это, и вообще нежеланное и страшное зрѣлище, кажется особенно неумѣстнымъ и безвременнымъ теперь, когда радость воскресенія Христова не сходитъ у насъ съ устъ, и въ пѣсняхъ церковныхъ громогласно и непрерывно возвѣщается попраніе смерти и притупленія ея жала Христовою смертію. Но съ другой стороны, если вспомнишь, что смерть есть неизбѣжный удѣлъ намъ, что рано-ли поздно-ли, тогда или въ другое время, а придется таки всѣмъ намъ до единаго возлечь на смертномъ одрѣ; то желалось бы умереть именно во дни подобные настоящимъ, потому-что страхъ смертный кажется для всякаго умирающаго долженъ нѣсколько слабѣть и умѣряться, по причинѣ этого самаго свѣтлаго торжества церкви о воскресшемъ Спасителѣ, и торжество это, — вѣруемъ мы, — должно же непремѣнно отзываться чѣмъ нибудь свѣтлымъ и отраднымъ въ самомъ царствѣ духовъ, почившихъ о Господѣ. И значитъ, нѣкая милость и особенное устроеніе Божіе случилось надъ почившимъ отцомъ нашимъ, если Господь позвалъ его къ себѣ именно въ такое время, когда отъ имени Господа святая церковь всѣхъ чадъ своихъ приглашаетъ царствія Христова пріобщиться въ нарочитомъ дни воскресенія Христова. Не есть ли это умѣрительный залогъ для почившаго и для тѣхъ кому онъ особенно былъ близокъ и дорогъ на землѣ, что двери царствія небеснаго не закрыты, а отворены для него и на томъ свѣтѣ, что долголѣтняя іерейская служба его предъ престоломъ Господнимъ на самомъ близко привела его къ престолу Божію и на небѣ, и къ отворотнымъ дверямъ украшенныхъ чертоговъ райскихъ? Ей и аминь. Да будетъ такъ по нашимъ чаяніямъ, и да удостоитъ Господь почившаго войти въ эти двери, по молитвамъ церкви Господней, которой усердно и благопотребно служилъ онъ столь долгое время! Да и самая жизнь почившаго старца-пастыря церкви Божіей не лишена крѣпкихъ основаній для успокоительныхъ надеждъ о загробной его участи.

Не были мы близки къ почившему, и неизвѣстны намъ подробности его жизни, многолѣтней и богатой мудростію и опыт-

постію духовною, хотя вотъ и пришлось сказать послѣднее прощальное слово надъ его гробомъ. Но и тѣмъ, намъ кажется, достолюбезныхъ качествъ и свойствъ душевныхъ, для познанія которыхъ достаточно было нѣсколько разъ видѣться съ покойнымъ отцомъ протоіереемъ, и этихъ, говорить, отрывочныхъ чертъ его характера и мимолетныхъ случаевъ наблюденія надъ нимъ достаточно, чтобы составить общее отрадное понятіе о цѣломъ строѣ его внутренней жизни и сильное представленіе о всей его душѣ. Извѣстна напримѣръ его глубокая и искренняя религіозность, имѣвшая въ основаніи своемъ живую христіанскую вѣру и горячую любовь къ Господней церкви, уставами которой любилъ онъ освящать всю свою жизнь, и по нимъ устроять ее. Мы были неоднократными зрителями его благоговѣйнаго предстоянія предъ престоломъ Божіимъ, и видно было, какъ духъ его погружался въ это время въ Бога и въ службу Божію, и какъ во взорахъ его отражалось религіозное самоуглубленіе, благоговѣйство и глубокое смиреніе христіанское. И не любилъ почившій уклоняться отъ молитвеннаго труда предъ престоломъ Божіимъ, и не считалъ для себя неудобоносимой тяжестію непрерывную умственную трезвенность, самонаблюденіе и самопытаніе, требующееся іерейское совѣстію предъ службой Божіей. Онъ служилъ столь часто сколько могъ, служилъ съ одинаковымъ неослабѣвающимъ благоговѣніемъ и умиленіемъ, и служилъ до тѣхъ поръ, пока внезапная болѣзнь и съ ней открывшіяся тяжкіе недуги старчества не отняли у него послѣднихъ физическихъ силъ. Намъ кажется, что это одно обстоятельство способно вселить вѣру и благую надежду о почившемъ въ сердцахъ, скорбящихъ объ утратѣ его; но если судить насъ будутъ по главному нашему дѣлу и по ближайшимъ нашимъ служебнымъ обязанностямъ, то конечно служеніе іерейское, требующее преимущественнаго устремленія духа къ Богу, одно уже можетъ высоко поставить іерея, если конечно онъ непогрѣшно носилъ это священное имя въ своей земной жизни. Въ отношеніи къ своимъ пасомымъ почившій, какъ намъ извѣстно, былъ пастыремъ мудрымъ и добрымъ пастыремъ, умѣвшимъ всегда наставить того, кто искалъ вразумленія и совѣта, ободрить скорбь въ разбитомъ

и удрученномъ сердцѣ, разсѣять недоумѣнія и колебанія въ сомнѣвающемся, отрезвить и согрѣть холодность разсѣянной и безпечной души человѣка, осуетившагося попеченіями житейскими, заставить подумать о душѣ и вспомнить о небѣ. Все это тѣмъ легче и удобнѣе было почившему пастырю, что всякій поучаемый его словомъ могъ еще сильнѣе поучаться его жизнію и примѣромъ; ибо извѣстно, что жизнь человѣка серьезнаго, искренно благочестиваго, строго относящагося къ своимъ обязанностямъ, человѣка всегда себѣ вѣрнаго и ровнаго во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ своей жизни, сообщаетъ необыкновенную авторитетность и вѣскость его рѣчамъ и наставленіямъ. А такимъ именно и представляется въ нашихъ воспоминаніяхъ покойный служитель Божій и пастырь церкви. Людямъ слабохарактернымъ и мелкимъ, людямъ лѣнивымъ и безпечнымъ и ищущимъ оправданія своей суетной и разсѣянной жизни въ примѣрахъ лицъ, поставленныхъ на сторожу за ними, а особенно въ примѣрахъ духовныхъ лицъ и пастырей церкви, не много вѣроятно выпадало на долю случаевъ подмѣчать и находить такія оправданія для себя въ жизни почившаго отца протоіерея. Наоборотъ же мы не сомнѣваемся, что для близко знавшихъ почившаго пастыря и жившихъ подъ его вліяніемъ и руководствомъ, жизнь его была путеводной звѣздою во многихъ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ и всегдашнимъ нагляднымъ поученіемъ. Что касается далѣе обыкновенныхъ житейскихъ отношеній съ людьми, все равно кто бы они ни были, его ли пасомые или просто знакомые, люди ли для него нужные или наоборотъ въ немъ имѣвшіе нужду, — то намъ самимъ неоднократно удавалось съ удовольствіемъ наблюдать и поучаться, какъ умѣлъ почившій совмѣщать въ этихъ отношеніяхъ привлекательную простоту и задушевность вмѣстѣ съ достоинствомъ и приличіемъ, которыхъ онъ очевидно никогда не опускалъ изъ виду. Рѣчь его, обыкновенно растворялась солью остроумія и добродушнымъ юморомъ и почасту сопровождалась веселой шуткой; но тамъ, гдѣ требовали обстоятельства, она была тверда и прима, сильна и настойчива, какъ это подобаетъ мужу съ прочно установившимися и честными убѣжденіями, съ благонамѣреннымъ на-

правленіемъ и ясною совѣстью. Такіе люди всегда служатъ наилучшимъ украшеніемъ тѣхъ обществъ, среди которыхъ имъ приходится жить; и тамъ, гдѣ требуется авторитетное какое либо представительство, разумное руководство и направленіе общественнаго мнѣнія,—тамъ эти люди естественно являются избранниками общества, уяснителями и выразителями его потребностей и нуждъ. Такой случай былъ и въ жизни покойнаго пастыря, когда помѣстный или епархіальный соборъ пастырей Владимірскихъ избиралъ его своимъ представителемъ и руководителемъ на своихъ засѣданіяхъ. Да и кромѣ такихъ исключительныхъ и особенныхъ случаевъ, отъ всѣхъ лично знавшихъ почившаго пастыря, и входившихъ съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, намъ приходилось слышать единодушные отзывы какъ объ его свѣтломъ и многоопытномъ умѣ, такъ и о добрѣйшей и прекрасной его душѣ. Иди же съ миромъ къ Господу пастырь благій, добрый и вѣрный!... Мы напутствуемъ тебя своими горячими и теплыми молитвами—въ отрадной увѣренности, что *блажена путь, въ онь же идеши, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія!*...

Перенося теперь мысль свою отъ сего гроба и почивающаго въ немъ добраго пастыря Христова къ намъ самимъ братіе, не подумать ли намъ посерьезнѣе и покрѣпче и о нашей собственной загробной участи? Обычное суетливое теченіе нашей жизни какимъ-то неодолимымъ образомъ все отвлекаетъ насъ отъ этого наиважнѣйшаго предмета, къ которому должны кажется сводиться всѣ наши помышленія и заботы. Пусть же по крайней мѣрѣ смертные случаи въ средѣ ближнихъ нашихъ и знаемыхъ не проходятъ для насъ безслѣдно. Вѣдь это отъ самого Господа посылаемыя намъ напоминанія о томъ, что ожидаетъ насъ въ недалекомъ будущемъ. Неужели же въ самомъ дѣлѣ обаяніе жизни земной такъ должно быть могуче надъ нашей жизнелюбивой душой, что и самую мысль о развязкѣ нашей жизни мы все будемъ гнать и гнать отъ себя какъ можно дальше? Неужели до такой степени лукавы дни нашей краткой и ничтожной по времени жизни, а мы такъ ломаленчески просты и безпечны, что намъ безъ всякаго труда можно не дать замѣтить скоротечности нашей жизни и мимолетности ея радостей и удовольствій? Но

вотъ же передъ нами и еще одно изъ милліонныхъ доказательствъ неизбѣжности нашей смерти! Вѣдь должна же когда нибудь, и можетъ быть очень скоро, придти къ своей развязкѣ и наша жизнь, когда подведутся къ общему итогу всѣ наши дѣянія и поступки, когда разобрано будетъ со всей неумолимой правдой значеніе каждой нашей мысли, промелькнувшей въ нашей головѣ, и оцѣнено и взвѣшено по достоинству каждое чувство, когда либо волновавшее наше сердце, и когда такимъ образомъ покажутъ намъ самую полную и подробную картину всей прожитой нами жизни, и дадутъ намъ почувствовать самымъ наивѣрнѣйшимъ образомъ, что мы такіе за люди, хорошіе или дурные, и какой мы слѣдовательно заслуживаемъ участи и награды. Ахъ, братіе, по истинѣ *страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога жива; ибо сей есть судія помышленій нашихъ и мыслей сердечныхъ.* Каково же будетъ намъ, бѣднымъ и не имущимъ дѣлъ благочестія, стоять на семъ нелицепріятномъ и непогрѣшимомъ судѣ въ качествѣ подсудимыхъ и ждать со страхомъ и трепетомъ, какой вынесутъ намъ приговоръ, оправдательный или обвинительный!! И вѣдь ужъ ничто не поможетъ на этомъ судѣ: *лживыйи художество крадущее*,—какъ внушаетъ намъ церковь, т. е. ни краснорѣчіе ораторовъ, такъ часто скрадывающее и затемняющее истину въ земныхъ судахъ, *ни свидѣтелей лжесвѣдѣніе*, отражающее праведное, т. е. ни фальшивыя показанія свидѣтелей, и ничто подобное; одна только безпристрастная истина и голая и неумолимая правда нашихъ дѣяній предстанетъ нашему сознанію. О, какъ страшенъ судъ твой Господи нашимъ грѣшнымъ! И потому-то конечно мы такъ рѣдко и неохотно о немъ воспоминаемъ, и такъ тщательно прячемъ отъ него свою, покрытую язвами прегрѣшеній, совѣсть. Но братіе мои, отцы и сослужители, и всѣ предстоящіе гробу сему слушатели благочестивые,—вѣдь это же въ высшей степени нерасчетливо съ нашей стороны, говоря языкомъ житейскаго благоразумія; ибо отвращать свои взоры отъ опасности нисколько не значитъ уменьшать ее и удалять отъ себя; и вѣдь придетъ же она, и настигнетъ насъ со всею своею опасною внезапностію. А не лучше ли, пока есть время у насъ, устремиться въ мило-

сердыя объятія Христа Спасителя, ради насъ страдавшаго и умершаго, и ждущаго съ любовію нашего обращенія и покаянія. Объимемъ съ вѣрою и слезами умиленія невидимо простертую къ намъ десницу побѣдителя ада и смерти господа Іисуса,— и мгновенно разсѣются для насъ всѣ страхи смертные, и возвратится намъ бодрый и свѣтлый взглядъ на міръ Божій и на эту горькую нашу и кратковременную жизнь земную, влекущую насъ тихо и незамѣтно къ вѣчности. Все это конечно не новыя, совершенно понятныя для васъ, и давно извѣстныя истины; но что же другое лучшее ихъ и болѣе отрадное можно предложить вашему вниманію у гроба сего и при зрѣлищѣ смерти? Не то же ли непрерывно повторяетъ намъ теперь и св. церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ и гимнахъ пасхальныхъ? Только и слышимъ мы объ умерщвленіи нашей смерти Христовою смертію, объ отверстіи для насъ райскихъ дверей воскресшимъ Спасителемъ и о наступившемъ для насъ началѣ иного житія вѣчнаго, и т. д. Слѣдуетъ только перенести все это изъ области простаго знанія или отвлеченной холодной вѣры въ сердце, и положить эти высокія и отрадныя истины христіанскія въ основаніе своего поведенія,—и дѣйствительно настанетъ для насъ начало иной лучшей и высшей жизни на землѣ, какъ задатокъ и преддверіе блаженнаго успокоенія въ вѣчности.

Боже духовъ и всякія плоти! Умоляя Тебя о помиловніи и о упокоеніи души усопшаго раба твоего протоіерея Іакова, прибѣгаемъ къ Твоему всепрощающему милосердію и мы грѣшные. Даруй намъ слезы умиленія и память смертную, и въ опредѣленное Тобою время и сподоби насъ дать добрый отвѣтъ на страшномъ судищѣ Твоемъ! Аминь.

СЛОВО

сказанное при погребении преосвященнѣйшаго Антонія, архіепископа владимірскаго и суздальскаго *).

(2 мая 1877 г.).

Воставше вси соберитеся, и сѣдше слово услышите: страшное, братіе, судище, идѣже имамы вси предстати. Нѣсть тамо рабъ, ниже свободенъ; ниже есть тамо малый, ниже великій, но вси нази предстанемъ (Чинъ погр. свящ.).

Мысль о томъ, что надо всѣмъ намъ умереть, что ждетъ насъ на томъ свѣтѣ страшное судище, гдѣ не дѣлаютъ ни малѣйшаго различія между малымъ и великимъ человѣкомъ, между святителемъ и самымъ послѣднимъ клирикомъ, между свободнымъ и рабомъ, но принимаютъ во вниманіе единственно нравственное достоинство или недостоинство судимыхъ человѣковъ, — эта мысль обыкновенно какъ искра чуть тлѣющая въ глубинѣ нашей совѣсти, трепещущей суда и смерти, вспыхиваетъ невольно съ особенною яркостію при чьей-нибудь новой смерти. Вотъ еще и еще новая жертва смерти, — невольно промелькнетъ въ глубинѣ души! вотъ такъ же когда нибудь придетъ очередь и до меня, — подскажетъ естественное чувство самосохраненія! Но при самомъ зрѣлищѣ смерти и возлѣ не похороненнаго еще гроба это чувство самопасливости и страха за себя и за свою личную загробную судьбу какъ-то само собою уступаетъ мѣсто и подчиняется другому чувству соболѣзнованія и озабоченности о чужой судьбѣ и о загробной участи почившаго, только что изъятаго изъ среды насъ живущихъ и еще вчерашній день бесѣдовавшаго съ нами, и такъ же какъ и мы ощущавшаго сладость жизни, и такъ же какъ мы желавшаго пожить еще и еще на прекрасномъ свѣтѣ Божіемъ. Мы всетаки еще здѣсь, на твердой землѣ и вдали, такъ сказать, отъ опасности; а онъ уже тамъ, въ туман-

*) Напечатано въ 11 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1878 г.

номъ и необъятномъ океанѣ вѣчности и на судѣ Божіемъ! Мы еще можемъ такъ или иначе измѣнить свою судьбу и направить ее къ лучшему слезами покаянія и дѣлами благочестія; а для него уже все кончено, возврата нѣтъ, и онъ ждетъ только отъ милосердаго владыки рѣшенія своей судьбы на основаніи уже завершенной имъ жизни. Сознаніе этой безповоротности и законченности судьбы почившаго, и самый этотъ хладный и бездыханный видъ его безпомощности и одиночества въ гробу и затѣмъ въ могилѣ, невольно вызываютъ въ сердцѣ нашемъ теплое къ нему чувство любви и христіанскаго соболѣзнованія. Хотѣлось бы принять участіе въ его теперешнемъ состояніи, хотѣлось бы знать, что теперь мыслитъ и чувствуетъ душа его, чего надѣется и чѣмъ она тревожится, и не ждетъ ли чего нибудь отъ насъ? Новопреставленный святитель Божій, прими отъ насъ сей послѣдній даръ нашей любящей скорби и молитвенной памяти о тебѣ! Да не оскорбится духъ твой нашимъ плачемъ и воздыханіями у гроба твоего; ибо они истортаются изъ умиленныхъ сердецъ, исполненныхъ христіанскаго сочувствія къ тебѣ, молящихся о твоемъ упокоеніи, и еще слишкомъ живо чувствующихъ только что порвавшуюся жизненную связь между нами и тобою. Благодарно памятуя, какъ ты воздѣвалъ преподобныя руки твои у престола Божія за насъ твоихъ сотрудниковъ и помощниковъ въ многотрудномъ дѣлѣ пастырства, хотѣли бы мы и всю оставленную тобою паству подвигнуть на молитвенный плачъ и воздыханіе ко Господу о душѣ твоей, отошедшей отъ насъ на небо, въ дополненіе тѣхъ кратковременныхъ молитвъ нашихъ, которыхъ ты самъ просилъ у насъ на землѣ во время предсмертной болѣзни своей. Велико братіе, многосложно и многоотвѣтственно служеніе святительское! Съ одной стороны обѣты иночества требуютъ отъ каждаго святителя усиленныхъ и непрестанныхъ подвиговъ внутреннихъ, самоумерщвленія, сердечной чистоты и сосредоточенности духа. Съ другой же стороны непрерывныя соприкосновенія съ міромъ и людьми живущими въ мірѣ, которыхъ онъ долженъ руководить какъ архипастырь, и на которыхъ обязанъ влить, какъ высшій блюститель и живой носитель Христова ученія среди своей паствы, не даютъ ему, если бы онъ и хотѣлъ, какъ затворнику

и отшельнику отвращать взоровъ своихъ отъ міра, и отъ всего, что въ немъ творится. Приходится смотрѣть на все это открытымъ и несмущеннымъ взоромъ, но такъ, чтобы самому уберечься отъ всякаго обаянія мірскаго, и сохранить полную разобщенность внутреннюю съ грѣшными обычаями міра. Положеніе высшаго судьи и администратора духовнаго, въ которое поставляется каждый святитель въ своей паствѣ, по самому характеру и роду своей службы, надбавляетъ его совѣсти еще болѣе тяжести и отвѣтственности предъ Богомъ и людьми. Нетолько соблюсти законъ надлежитъ ему, но и заставить уважать его безпристрастными и мудрыми примѣненіями къ обстоятельствамъ подчиненныхъ; умѣть правду растворить милостію, но и для самой милости полагать надлежащіе предѣлы, да и самому уберечься отъ искусительной возможности поступить по личному взгляду, желанію и вкусу, въ силу имѣющейся въ рукахъ власти. О, какая же требуется нечеловѣческая сила и напряженность духа, чтобы идти всегда вѣрно и ровно, не колеблясь и не спотыкаясь по сему узкому и многотрудному, и поистинѣ апостольскому пути! Да умолкнутъ же и устыдятся въ настоящія минуты тѣ строгіе и лицемѣрные судьи, которые секретно болѣя всего больше своими личными и крошечными интересами, любятъ прикидываться безкорыстными и горячими радѣтелями общественнаго блага, и никогда не записывая даже приблизительнаго количества своихъ собственныхъ ошибокъ, и вовсе не глядя на свои недостатки, съ затаеннымъ удовольствіемъ отыскиваютъ чуть замѣтныя пятна и случайныя погрѣшности людей, высокопоставленныхъ надъ ними отъ Бога и предержащей власти. Пусть дальше, какъ можно дальше скроется отсюда всякая кичливость, всякое злорадостное и осужденіе, всякое равнодушіе и безучастное любопытство! И пусть тѣснѣе окружитъ гробъ нашего усопшаго архипастыря одна христіанская любовь, смиренная, всепрощающая, скорбящая и молящаяся! Съ однимъ этимъ именно чувствомъ и хотѣлось бы намъ проводить на тотъ свѣтъ почившаго нашего добраго, милостиваго и кроткаго отца и архипастыря.

Зная по себѣ самихъ немощь человѣческую и помня, что аще

беззаконія наша назритъ Господь на страшномъ судищи своемъ, то никто не устоитъ предъ лицемъ правосудія его, живо чувствуя сію грозную для всѣхъ насъ истину, и по естественному христіанскому сочувствію къ усопшему ставя самихъ себя въ его теперешнее положеніе,—мы прежде всего и болѣе всего желаемъ и должны расположить себя къ молитвѣ, да проститъ ему Господь вся, елика яко человѣкъ содѣла, въ мірѣ живя, немощную плоть нося, или отъ діавола прельстився. И въ этомъ случаѣ мы кажется вполнѣ согласуемся съ его желаніями и его обычнымъ въ особенности же предсмертнымъ настроеніемъ; ибо памятны намъ его — смиреніемъ растворенныя рѣчи, его просьбы нашихъ молитвъ и его строгій взглядъ на свое высокое и тяжелое служеніе. Но таже самая любовь христіанская побуждаетъ насъ и къ благодарному воспоминанію о тѣхъ свѣтлыхъ и драгоцѣнныхъ качествахъ дуни почившаго архипастыря нашего, которымъ всего естественнѣе теперь поучиться здѣсь у гроба его. Св. апостолъ, заповѣдуя поминать наставниковъ и пастырей нашихъ, заповѣдуетъ взирать *и на скончаніе жительства ихъ*, чтобы *подражать вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7). Не имѣемъ мы права и возможности касаться того внутренняго и сокровеннаго міра душевнаго, гдѣ почившій архипастырь незримо отъ насъ и предъ лицемъ всевидящаго Бога совершалъ свой святительскій подвигъ, — пусть точнѣйшую и болѣе подробную повѣсть объ этомъ предложатъ, если могутъ, для нашего общаго назиданія тѣ, которые ближе насъ стояли къ почившему, лучше насъ его знали, и раньше и дольше насъ его помнили. Мы же вспомянемъ вочію бывшее благогонѣйство его и умиленность молитвенную при совершеніи Господнихъ службъ, паипаче же святѣйшей и божественной евхаристіи. Вспомянемъ неоднократно слышанныя нами мудрыя рѣчи его и кроткія наставленія, дышавшія любовью къ церкви Божіей и ея святымъ правиламъ и законамъ, нерѣдко растворенныя пастырскою скорбію объ умножившихся врагахъ и измѣнникахъ ея. Вспомянемъ его многоопытное и мудрое умѣнье найти въ людяхъ и оцѣнить истинную и дѣйствительную заслугу, и отличить ее отъ простой и формальной исправности и отъ безупречной, но лицемѣрной осторожности. Вспомянемъ и его

великодушное снисхожденіе къ слабостямъ и проступкамъ людскимъ, и его умѣнье покрыть ихъ своимъ благодушіемъ, и въ тоже время дать почувствовать виновнымъ вину ихъ и обязанность потрудиться надъ своимъ исправленіемъ. Вспомянемъ и его смиреніе, съ которымъ онъ не затруднялся и не смущался прямо и откровенно испрашивать прощенія и мира у своихъ же подчиненныхъ, которые по его мнѣнію имѣли поводъ быть имъ недовольны. Мы знаемъ доподлинно такіе случаи. Вспомянемъ и его ревность о соблюденіи всеобщаго мира и приличія, благообразной и стройной соподчиненности членовъ церкви и общества, его уваженіе къ людямъ, умѣвшимъ скромно стоять въ своемъ чину, и его строгое безпристрастіе къ людямъ, торопливо ищущимъ своего возвышенія, къ людямъ неспокойнымъ, заносчивымъ и неуживчивымъ, къ людямъ не пріучившимъ себя дорожить всеобщимъ миромъ и любящимъ навязывать другимъ свои личные взгляды и вкусы. Вспомянемъ и его обычную ласковость, простоту и любезность пріема, заставлявшія посѣтителей его,—были-ли то просители, или просто искавшіе его бесѣды,—уходить отъ него съ миромъ и довольствомъ въ душѣ и духовнымъ утѣшеніемъ. Не эти ли качества привлекали къ нему сердца людей коротко его знавшихъ, и имѣвшихъ случаи не отрывочно а часто и послѣдовательно видѣть его въ различныхъ положеніяхъ и сношеніяхъ съ людьми. Незабвенна для насъ сцена его разставанія съ нижегородской паствой, которой мы были свидѣтелями лѣтъ семнадцать тому назадъ. Обширный соборный храмъ его паству усердствующую едва могъ вмѣщать, съ самыми теплыми благожеланіями и со слезами на глазахъ тѣснившуюся вокругъ удалявшагося своего архипастыря. Настоящее же усердіе владимірской паствы къ своему архипастырю у всѣхъ у насъ передъ глазами. Вспомянемъ и его любовь къ благолѣпію храмовъ Господнихъ, выражавшуюся въ немалоцѣнныхъ жертвахъ изъ его собственныхъ средствъ. Вспомянемъ и его отеческую заботливость о духовномъ образованіи и благосостояніи нашихъ епархіальныхъ школъ мужскихъ и женскихъ тоже нерѣдко располагавшую его къ значительнымъ и крупнымъ пожертвованіямъ. Вспомянемъ и его всегдашнее сострадание и сочувствіе къ горестямъ и нуждамъ обра-

щавшихся къ нему за помощію людей, наиначе же радѣніе о нуждахъ и потребностяхъ духовнаго чина и искреннее стремленіе его помочь имъ не только добрымъ и теплымъ словомъ сочувствія, но и дѣломъ и въ предѣлахъ его власти находившимися средствами и архипастырскими распоряженіями. Вспомянуть долженъ и я смиренный лично ко мнѣ относившіеся неоднократные особенно недавніе опыты благоволенія и доброты почившаго владыки, поистинѣ выше моихъ незамѣтныхъ заслугъ и достоинствъ похвалявшаго и цѣнившаго труды мои. Да вспомянетъ остальное намъ неизвѣстное всевѣдущій владыка Христосъ на милосердомъ судѣ своемъ, и да воздастъ почившему по дѣламъ и заслугамъ его, восполнивъ недостающее своимъ безмѣрнымъ благоутробіемъ, всеобъемлющими заслугами и правдою!!...

Перенося теперь мысль свою отъ почившаго архипастыря къ нашимъ собственнымъ дѣяніямъ и совѣсти, не должно ли намъ вспомнить также братіе, что и мы стоящіе окрестъ гроба его стоимъ въ нѣкоторомъ смыслѣ на судѣ у него, или вмѣстѣ съ нимъ? Ибо если ему надлежитъ *воздать слово* или отвѣтъ предъ Богомъ за насъ своихъ пасомыхъ; то не такая ли отвѣтственность и тяжесть возлечь должна и на нашу совѣсть, въ случаѣ если мы собственнымъ недостоинствомъ и неправдами прибавимъ ему тяжести и отвѣтственности на судѣ Божіемъ? Что если не только *не съ радостію, а воздыхающе* смотритъ онъ теперь изъ горняго міра на скудость нашего духа и на убожество наше нравственное, не столь конечно замѣтное на землѣ, но можетъ быть открывшееся теперь съ особенною для него ясностью? Что если на томъ самомъ судѣ Божіемъ, на которомъ предстоитъ теперь почившій архипастырь нашъ, воспомянутся и всѣ тѣ случаи, когда мы, собственно мы были для него камнемъ преткновенія и соблазна? Что если и надъ нашими головами виситъ уже опасность смертная, и часъ суда Божія по многимъ изъ насъ можетъ быть уже весьма и весьма близокъ? Безмолствуетъ архипастырь нашъ, возлежа на смертномъ одрѣ. Ни слова обличенія или примиренія,—ни слова предостереженія и назиданія уже не услышимъ отъ него. Прилагаемъ же сами своимъ разумѣніемъ и слухомъ сердечнымъ къ тому, что предлежитъ теперь

очамъ нашимъ, и съ такимъ грознымъ краснорѣчіемъ говоритъ само за себя. Тяжело и прискорбно зрѣлище смерти; но никто не возможетъ уклониться отъ ея хладныхъ объятій, и всѣ мы одинъ за другимъ должны пасть ея жертвами и слечь въ могилу. Жаль разставаться съ здѣшнимъ свѣтомъ и радостями жизни; но приблизится нѣкогда и къ намъ неотложная въ семъ надобность. Страшно судище, *идѣже имамы предстати;* но дѣлать нечего, придется таки всѣмъ стоять на немъ, *и пріиметъ кійждо изъ насъ, яже съ тѣломъ содѣла — или блага или зла!* Что же, неужели безучастно и съ тупою безпечностію станемъ ждать, пока все это съ нами случится, — а тамъ пускай будетъ то, чему должно быть?!... «Братіе моя и чада возлюбленная,—конечно сказалъ бы теперь намъ почившій отецъ и архипастырь нашъ, — умоляю васъ, блюдите, како опасно ходите, и уразумѣйте, какое великое сокровище въ рукахъ вашихъ—то самое, ничтожное по количеству и протяженію своему, время вашей земной жизни, которое такъ лукаво ускользаетъ изъ вашего обладанія и тратится на пустыя и мелкія вещи и на которое однакоже можно бы купить цѣлую вѣчность, блаженную и свѣтлую! Поберегите же себя, и остерегитесь давать волю низшимъ и плотскимъ инстинктамъ вашимъ, ибо они могутъ совершенно приковать васъ къ землѣ, и довести до полнаго забвенія о Богѣ и небѣ, и о вашемъ высокомъ назначеніи по смерти. Ужасна, братіе, участь отверженныхъ духовъ и ихъ клевретовъ и рабовъ изъ людскаго общества; да не впадете и вы въ эту ужасную среду по своей безпечности, нерадѣнію о душѣ и грѣхолюбію»!

Вонмемъ сему замогильному гласу нашего архипастыря, учителя и отца, какъ гласу нашей собственной совѣсти и помолимся ко Господу. «Боже праведный и милосердый! Душу отъ насъ преставльшагося архіепископа Антонія въ селеніяхъ праведныхъ учини, въ нѣдрахъ Авраамовыхъ упокой и насъ всѣхъ помилуй, яко благій и человѣколюбецъ»! Аминь.

СЛОВО

въ день срѣтенія иконы Боголюбскія Божія Матери *).

(21-го мая 1878 г.).

Вотъ и еще разъ Господь сподобилъ насъ, жители богоспасаемаго Владиміра, срѣтить царицу небесную; еще разъ благоволила она посѣтить насъ въ своей чудотворной иконѣ, и конечно принесла съ собою благодатную помощь и милости отъ Господа Бога. И вотъ безчисленныя толпы благоговѣйныхъ молитвенниковъ и молитвенницъ съ умиленными и вѣрующими сердцами и нынѣ со всѣхъ краевъ нашей обширной епархіи стеклись на поклоненіе ея чудотворному образу. Возвышенное и поистинѣ отрадное зрѣлище каждогодно представляется среди насъ въ сей день для каждаго, не совсѣмъ зачерствѣлаго сердца! Ибо кто не тронется и благоговѣйно не подвигнется для вѣры и молитвы, смотря на сіи волнующіяся массы безчисленныхъ богомольцевъ, одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ безпредѣльнаго благоговѣнія предъ пречистой дѣвой Маріей, и одной пламенной молитвою предъ ея чудотворной иконою? Обуреваясь постоянно житейской суетою, и связанные по рукамъ и ногамъ всяческими тѣлесными попеченіями, какъ легко мы холодѣемъ вѣрою и какъ незамѣтно мелчаемъ въ религіозномъ отношеніи. Но невольно согрѣвается духъ при зрѣлищѣ сихъ многочисленныхъ благоговѣйныхъ душъ, одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же религіознымъ чувствомъ и изливающихся въ единой общей молитвѣ предъ владычицей нашей, пресвятой Богородицей. Что же скажемъ мы теперь съ сего священнаго мѣста въ назиданіе вамъ, усердные молитвенники и молитвенницы, подъявшіе трудъ благочестиваго путешествія для поклоненія заступницѣ рода нашего?.. Во первыхъ душевно радуемся за васъ и похваляемъ васъ, видя ваше *дѣло вѣры и трудъ любви и терпѣніе упованія на Господа нашего Іисуса Христа* и на Его пречистую Матерь (1 Ѳессал.

*) Напечатано въ 13-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1878 г.

1, 3). Стойте же крѣпко въ семъ упованіи, ибо оно не посрамитъ; берегите и укрѣпляйте свою вѣру и надежду на божественное покровительство и заступленіе Матери Господа нашего, *много бо можетъ моленіе матернее ко благосердію Владыки*. Пусть другіе надѣются на князи и на сыны человѣческіе, или на свое собственное богатство, на знатность и славу своего рода,—все это ненадежно, слабо и непрочно; ибо все это колеблется, переходитъ и исчезаетъ, какъ дымъ! Вы же непрестанно взывайте изъ глубины душевныя: *не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице;* ибо нѣтъ существа, которое было бы ближе чѣмъ Матерь Божія ко Господу Іисусу, и слѣдовательно ничье покровительство и милость не могутъ быть столь могучи и дѣйственны, какъ ея попровительство и ея заступленіе! Но братія и сестры о Христѣ, утѣшаясь вашею вѣрою и усердіемъ къ царицѣ небесной, мы намѣрены, въ силу нашей пастырской обязанности, и какъ бы отъ лица царицы небесной, сказать вамъ нѣсколько словъ о самой этой вѣрѣ вашей и усердіи къ ней.

Да будетъ вамъ извѣстно вопервыхъ, что не всякая вѣра и не всякое усердіе Ей угодны, а только тѣ, которыя чисты и разумны. Ибо случается такъ, что въ иной и сильной и горячей вѣрѣ примѣшивается много такого, что не можетъ быть пріятно и угодно Матери Божіей. Напр. если понаслышась о ней, кто-нибудь изъ васъ сталъ бы воздавать ей божеское поклоненіе, наравнѣ съ сыномъ ея, богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ, то такое поклоненіе и такая вѣра не были бы ей угодны, потому что были бы неразумны и нечисты. Хотя пресвѣтлая Матерь Божія превознесена надъ всѣми тварями небесными и земными, есть честнѣйшая херувимовъ, и славнѣйшая безъ сравненія серафимовъ, но все же она есть созданіе Божіе и не имѣетъ божеской природы. Аще есть будутъ и такіе простодушные поклонники и такія недальновидныя поклонницы и молитвенницы, которые чуть не сливаютъ въ своей мысли самую личность Матери Божіей съ ея иконами, думаютъ, что иконы это и есть самая Божія Матерь, тогда какъ это только ея икона. Впрочемъ едва ли нужно о семъ много распространяться; ибо и въ самой

простой и некнижной средѣ не много конечно находится такихъ суевѣрныхъ поклонниковъ и поклонницъ Божіей Матери, объ которыхъ мы упомянули. Но и ихъ всетаки мы не хотѣли оставить безъ слова назиданія и вразумленія.

Гораздо хуже, но къ несчастію чаще, и притомъ со всѣми нами грѣшными бываетъ такъ, что вѣрѣ нашей не достаетъ обыкновенно теплоты и силы, а потому весьма нерѣдко и молитвы наши не доходятъ къ царицѣ небесной. Мы молимся часто безъ твердаго упованія на ея помощь, не всѣмъ сердцемъ и душею, а больше языкомъ и холодною мыслію. Или же молимся только по особымъ вызывающимъ случаямъ и самолюбивымъ надеждамъ получить отъ нея помощь, — между тѣмъ какъ въ обыкновенное время объ ней забываемъ, и машинально только произносимъ ея имя въ обычныхъ молитвахъ. Судите сами, можетъ ли быть угодна и пріятна царицѣ небесной такая наша молитва, нисколько не свидѣтельствующая о нашей внутренней и глубокой съ нею связи, о нашей любви и безкорыстной преданности къ ней. Безъ покаянной теплоты и безъ истиннаго чувства сокрушенія не помогутъ нашей молитвѣ ни многорѣчивыя и краснорѣчивыя слова, ни поклоны, ни даже слезы, выжимаемыя иногда изъ глазъ нашихъ какой нибудь бѣдой, горемъ и нуждой. Всѣмъ этимъ можно иногда тронуть и обмануть людей, которые не видятъ души нашей, и не могутъ знать, что происходитъ въ нашихъ глубинахъ сердечныхъ; отъ царицы же небесной никогда и никакъ мы не можемъ скрыть нашей бѣдности и худости сердечной и нашего расчетливаго и самолюбиваго ожиданія отъ нея милости — безъ любви и преданности ей.

Но какъ пріобрѣсть и создать эти чувства, если ихъ не имѣется въ нашемъ сердцѣ? Да, пріобрѣсть ихъ нельзя вдругъ, по одному только благочестивому желанію нашему. Пересоздать свое сердце, согрѣть его религіознымъ умиленіемъ и дать ему общее благочестивое направленіе, — это поистинѣ труднѣе и мудренѣе всякаго другаго дѣла. Вспыхнетъ иногда святая искорка благоговѣйнаго и молитвеннаго устремленія къ царицѣ небесной, — но какъ скоро она и погасаетъ! Иногда простой взглядъ на ея благоукрашенную икону, или вотъ какъ теперь — множество молящихся

передъ ней, и вся эта торжественная богослужебная обстановка въ день праздника ея можетъ конечно на нѣсколько минутъ, а иныхъ можетъ быть и на нѣсколько часовъ, вывести изъ обычнаго суетливаго и холоднаго настроенія, и расположить къ молитвѣ; но какъ все это непрочно и поверхностно! Праздникъ пройдетъ, молящіеся разойдутся, двери храма затворятся,—и въ сердцѣ нашемъ опять пожалуй настанетъ пустота, холодность и забвеніе! Какъ же тутъ быть, и какія мѣры принимать? Да тѣ же самыя или подобныя, которыя помогаютъ сближенію однихъ людей съ другими и укрѣпляютъ между ними прочныя дружескія отношенія. Въ обыкновенномъ житейскомъ быту нашемъ вѣдь какъ бываетъ? Частыя свиданія, живыя рѣчи и бесѣды, въ которыхъ происходитъ обмѣнъ мыслей и чувствъ, взаимное приноровленіе другъ къ другу, обоюдное изученіе нравовъ и характеровъ и усвоеніе общихъ взглядовъ на вещи, общеніе въ занятіяхъ, трудахъ и удовольствіяхъ,– вотъ что скрѣпляетъ людей тѣсными узами дружбы и пріязни. Напротивъ, за прекращеніемъ этого единенія, даже и между хорошо знакомыми настаетъ холодность, равнодушіе и забвеніе; такъ что люди, прежде весьма близкіе, едва кланяться начинаютъ при встрѣчахъ, а съ теченіемъ времени и совсѣмъ забываютъ другъ друга. Не этимъ ли объясняется и то отсутствіе религіозной теплоты и сердечнаго умиленія въ нашемъ сердцѣ по отношенію къ святѣйшей личности царицы небесной, и та холодность къ ней, на которую теперь самимъ же намъ приходится болѣзненно жаловаться? Знакомы ли мы хорошо съ ея жизнію? Часто ли останавливаемся мыслію своею на ея дивной личности, по руководству евангельскихъ сказаній? Изучили ли исторію ея праздниковъ, напримѣръ рождества, введенія во храмъ, благовѣщенія, успенія и проч.? Знаемъ ли мы тѣ возвышенные и глубокіе прообразы и пророчества о ней, въ которыхъ предъуказано было лице ея еще ветхозавѣтнымъ людямъ? Имѣемъ ли мы обычай погружаться смиреннымъ и благоговѣйнымъ созерцаніемъ въ ту бездну величія, которымъ осіялъ ее Господь Богъ, и въ ту бездну любви, которой возлюбилъ ее Божественный Сынъ ея,

и превознесъ не только надъ всѣми земнородными, но и надъ всѣми ангельскими чинами? Если всего этого нѣтъ въ насъ вовсе, или есть въ малой степени; то надобно это усилить и умножить, если дѣйствительно огорчаетъ насъ наша удаленность отъ Матери Божіей и внутреннее сознаніе, что мы недостойныя чада ея мало имѣемъ правъ на ея благодать и милость. Въ жизнеописаніяхъ святыхъ угодниковъ и подвижниковъ Божіихъ есть такіе примѣры, что непрерывнымъ внутреннимъ созерцаніемъ и сердечнымъ устремленіемъ къ царицѣ небесной, они успѣвали поставлять себя въ совершенно сыновнія и въ самыя живыя и радостныя къ Ней отношенія; такъ что удостоивались ея видимаго посѣщенія и явленія. Это было напримѣръ съ преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ чудотворцемъ, св. Григоріемъ Неокессарійскимъ и съ другими. Изъ ближайшихъ къ намъ по времени подвижниковъ невольно воспоминается Кіевопечерскій старецъ подвижникъ Пароеній. Это былъ чистое и непорочное дитя по сердцу и душѣ, и преданность его къ царицѣ небесной такъ была велика, что молитвенныя обращенія къ ней почти всегда сопровождались у него сладкими слезами умиленія; звалъ онъ ее совершенно по-земному—своей матушкой, и когда бывало наступали Богородичные праздники, въ особенности же свѣтоносный праздникъ Благовѣщенія, онъ ликовалъ и игралъ духомъ какъ дитя, и приходилъ въ нѣкоторое неописанное, восторженное и сладкое состояніе. Ахъ братіе, не припоминаетси ли намъ нѣчто подобное и изъ нашего собственнаго отдаленнаго времени дѣтства и невысокомудрствующей младенческой вѣры, когда святѣйшій ликъ Богоматери умилялъ нашу душу, и приближеніе сей самой иконы ея къ нашимъ весямъ и жилищамъ заставлялъ трепетать отъ радости наши сердца, и зажигалъ въ нихъ святую искру благоговѣйной и смиренной любви къ ней?! Куда все это дѣвалось? Кто расхитилъ и умалилъ наше внутреннее сокровище нелицемѣрной вѣры, горячей любви и простодушнаго, хотя можетъ быть и нетвердаго еще дѣтскаго благочестія? Надо все это вернуть, братіе, непремѣнно вернуть, и то, что было несовершенно, слабо и незрѣло,—сдѣлать разумнымъ, крѣпкимъ и совершен-

нымъ. Къ этому обязываетъ насъ христіанскій долгъ нашъ, и даже простое человѣческое достоинство наше; ибо не назадъ же въ самомъ дѣлѣ должны мы идти, не портиться только и падать все ниже и ниже, а развиваться къ лучшему и подвигаться впередъ отъ совершенства къ совершенству. Если нельзя намъ, по многосложности нашихъ житейскихъ занятій, употреблять столько времени на религіозныя созерцанія и молитву, какъ это дѣлали святые угодники и подвижники Божіи въ своихъ келліяхъ, и какъ можетъ быть самимъ намъ хотѣлось бы иной разъ, — то будемъ дѣлать это по возможности. Не будемъ по крайней мѣрѣ пропускать тѣхъ случаевъ молитвенной бесѣды съ царицей небесной, которые удѣляются намъ изъ нашего житейскаго досуга. Если невозможны для насъ частыя и длинныя молитвы, то разумныя и внимательныя всегда возможны. Кто и что можетъ помѣшать намъ на утренней и вечерней молитвѣ съ чувствомъ умиленія и съ разсужденіемъ прочитывать Архангельское привѣтствіе Пресвятой Дѣвѣ, или другую какую нибудь краткую молитву? И неужели все недосугъ и недосугъ будетъ удерживать насъ дома даже и въ праздничные дни, когда всѣ маломальски усердные и неправные христіане спѣшатъ въ храмы Божіи и помолиться? А дома развѣ такъ тяжко и не можемъ мы найти свободныхъ минутъ, чтобы взять въ руки святое евангеліе или другую книгу, гдѣ повѣствуется о дивномъ и свѣтоносномъ лицѣ Матери Господа нашего? Дѣло можетъ состоять вовсе не въ томъ, сколько часто и сколько много мы будемъ совершать поклоновъ собственно для Матери Божіей, но важно то, что творится въ нашей душѣ и что дѣлается въ нашемъ сердцѣ. Важно то, если не будетъ намъ потеряно памятованіе и живое сознаніе, что есть у насъ на небѣ всесильная наша покровительница и ходатаица предъ Господомъ Богомъ, есть любящая мать, слѣдящая за судьбой нашей, видящая нужды и скорби наши и сорадующаяся нашимъ радостямъ, наблюдающая за нашимъ поведеніемъ и огорчающаяся нашими безаконіями, — вотъ что важно; и поистинѣ хорошо было бы, если бы обрѣлось все это въ нашемъ сердцѣ. Не этого ли всего болѣе желаетъ отъ своихъ дѣтей, и не этимъ ли всего болѣе утѣшается и земная матери? Ибо если сынъ не позабылъ

своей матери, если онъ живо помнитъ, что ей можетъ быть пріятно, и чѣмъ она можетъ быть огорчена,—то это несомнѣнный признакъ его добропорядочности, и это же есть залогъ того, что онъ не испорченъ и не будетъ потерянъ. Не допуститъ и насъ до порчи и погибели, и предохранитъ душу нашу отъ конечнаго растлѣнія наша небесная покровительница и всеобщая матерь и ходатаица рода человѣческаго, если сбережемъ мы благоговѣйную память о ней, а въ сердцѣ уцѣлѣетъ вѣра и живое устремленіе къ ней, и если не будетъ порвана нами всякая молитвенная связь съ Нею!

Но хотите ли знать, гдѣ скрываются самыя сильныя и надежныя средства къ поддержанію и укрѣпленію желаемой нами связи и религіознаго единенія съ царицей небесной? Можно сказать, что въ той самой суетѣ житейской, на которую мы обыкновенно ссылаемся въ оправданіе своей нравственной лѣности и пустоты душевной; ибо гдѣ течетъ главнымъ образомъ наша жизнь, т. е. куда устремлены наши помыслы, желанія и чувства, тамъ же складывается и опредѣляется и вся наша дѣятельность,—а въ этой-то дѣятельности, нисколько не разрывая связей съ людьми,—мы и можемъ собственно показать себя такими или иными людьми, угодными или не угодными царицѣ небесной. Представьте, если бы кто изъ васъ вотъ теперь же, возчувствовавъ святое умиленіе и преданность къ ней, рѣшился усвоить тѣ нравственныя качества, которыми сіяла жизнь ея на землѣ, и вознамѣрился бы хотя нѣсколько уподобиться ей и въ своей жизни; то конечно, что же лучше и вѣрнѣе этого могло бы такого человѣка приблизить къ Божіей Матери, и привлечь къ нему ея милость и благодать? Но для этого и потребовались бы наши самыя дѣятельныя отношенія съ людьми, съ ихъ нуждами и потребностями, и даже съ ихъ слабостями и недостатками, однимъ словомъ — съ міромъ и жизнію. Глубочайшее смиреніе и кротость духа, чистота и непорочность души и тѣла, безпредѣльное терпѣніе и преданность въ волю Божію, состраданіе къ нуждамъ и скорбямъ людей огорченныхъ и бѣдныхъ, трудолюбіе и богомысліе,—вотъ изъ чего слагалась земная жизнь царицы небесной, и чѣмъ сіяла святѣйшая душа ея. Чтобы стяжать и намъ по возможности эти

качества,—какъ подобаетъ истиннымъ и любимымъ чадамъ ея,—надо чаще и усерднѣе упражняться въ нихъ; а эти упражненія гдѣ какъ не въ жизни и не въ сношеніяхъ съ людьми? Сколько случаевъ напримѣръ бываетъ съ каждымъ изъ насъ, когда задѣваютъ нашу честь, не хотятъ признать нашихъ достоинствъ, говорятъ намъ или про насъ обидныя слова и устрояютъ намъ непріятности! Уязвленное самолюбіе наше увлекаетъ насъ къ раздражительности и мести; но мы не дадимъ ему воли, а пречистую дѣву Марію помянувше, отвѣтимъ на оскорбленія добродушіемъ, ласкою и всепрощеніемъ,—это и будетъ прекрасный опытъ нашего смиренія и уподобленія смиреннѣйшей и кротчайшей матери нашего Господа. А сколько опять случаевъ и разнообразнѣйшихъ опытовъ и возможностей для каждаго изъ насъ открываетъ жизнь, чтобы украситься ангельскою добродѣтелію чистоты и цѣломудрія, которыми блистала пренепорочная дѣва Марія! Напр., если ты юная дѣва будешь отвращать свой слухъ и зрѣніе отъ соблазнительныхъ рѣчей и лицъ, если любимымъ и преобладающимъ чтеніемъ твоимъ не будутъ романы или сладострастнаго направленія повѣсти, если ты шумнымъ и разсѣевающимъ сборищамъ будешь предпочитать храмы Божіи и домашнюю скромную и благочестивую дѣятельность, если въ словахъ и рѣчахъ твоихъ будетъ преобладать цѣломудренность, а въ поступкахъ пристойность и безупречность,—то ты будешь истинною и любимою дщерію Матери Господней. Если ты юноша будешь удаляться отъ соблазнительныхъ сценъ и нечистыхъ удовольствій, если разсѣянности и распутству будешь предпочитать полезную дѣятельность и благороднѣйшій трудъ самообразованія и ученія, если въ помыслахъ и рѣчахъ твоихъ будутъ видны благородство и стыдливость, то и тебя Матерь Божія наречетъ своимъ сыномъ, и осѣнитъ своею благодатною помощію. Если вы супруги, благоговѣя предъ святынею брака, будете вѣрны другъ другу, и съ неослабной энергіей будете совершать разумно дѣло образованія своихъ дѣтей и воспитывать ихъ въ страхѣ Божіемъ; то и васъ царица небесная не откажется принять въ число угодныхъ ей и утѣшающихъ ее дѣтей. Если и вы люди безбрачные, но можетъ быть осрамившіе себя разными нечистыми и

противуевангельскими сожительствами, разорвете эти унизительныя и богопротивныя узы, и постараетесь устроить свою жизнь по закону Божію; то и вамъ царица небесная возвратитъ свою милость и благоволеніе. Такъ и во всякой другой добродѣтели будемъ-те братіе подражать по возможности святѣйшей Матери Божіей, не удаляясь изъ назначенной каждому изъ насъ житейской среды и не убѣгая въ пустыню,—и мы будемъ все болѣе и болѣе уподобляться ей, и въ душѣ нашей будетъ все болѣе и болѣе воспламеняться святой огонь умиленія и преданности ей, котораго можетъ быть теперь мы не ощущаемъ въ себѣ. Напр. увидимъ мы бѣдность, нужду и горе нашихъ ближнихъ,—пособимъ имъ нашими средствами и облегчимъ ихъ горе своимъ теплымъ сочувствіемъ, вспомнивши, какъ сердобольна и милостива была пресвятая Богородица. Самимъ ли намъ жизнь будетъ давать чувствовать свою тяжесть, и вызывать на нелегкіе и многосложные труды,—вспомнимъ, какъ трудолюбива и предана была въ волю Божію пресвятая непорочная дѣва Марія, и съ молитвою къ ней примемся безъ ропота за свои дѣла и неослабно будемъ пребывать въ своихъ трудахъ. Такъ и во всемъ будемъ сообразовать по возможности жизнь свою съ жизнію царицы небесной и всегда руководствоваться ея примѣромъ.

Всеблагая Мати Божія! Сама научи насъ, какъ намъ устроить свою жизнь, и помоги намъ во всемъ тебѣ уподобиться! Призри на смиреніе рабовъ и рабынь твоихъ, и возьми насъ всѣхъ подъ твое всесильное покровительство. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ владимірской семинаріи предъ началомъ 1878—79 учебнаго года *).

Какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое, словесное молоко, дабы отъ него возрасти вамъ во спасеніе; ибо вы вкусили, что благъ Господь. Приступая къ Нему, камню живому,... и сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу, Іисусомъ Христомъ (1 Петр. II, 2—5)

Примите, юноши, слова сіи какъ-бы изъ устъ самаго, изрекшаго ихъ апостола Христова Петра, и донесите ихъ до своего сердца! Лучше этихъ словъ апостольскихъ я не нашелъ для настоящаго случая, чтобы привѣтствовать васъ съ началомъ вашего новаго учебнаго года, и чтобы открыть съ вами мою первую бесѣду, въ качествѣ новаго наставника и начальника вашего. Въ учебной жизни, я знаю, есть нѣкоторые моменты, наиболѣе волнующіе и интересующіе заботливыхъ и усердныхъ воспитанниковъ, и увлекающіе впередъ ихъ ученическія надежды и мечты. Таково начало учебнаго года. Предстоятъ новые классы, новыя науки, новые учители. Прерванная довольно продолжительнымъ отдыхомъ умственная дѣятельность начинаетъ въ лучшихъ молодыхъ людяхъ производить нѣкотораго рода скуку и неудовлетворенность послѣ двухъ-мѣсячной безпечной жизни въ деревенскомъ уединеніи и среди простыхъ сельскихъ людей начинаетъ чувствоваться потребность средняго и привычнаго умственнаго труда въ городѣ и въ школѣ. Но что то Богъ пошлетъ въ новомъ классѣ и съ новыми учителями? вотъ обычная дума и общая забота ученическая при началѣ учебнаго года. Можетъ быть, не малую долю интереса прибавляю для васъ и я, какъ человѣкъ новый, своимъ вступленіемъ въ должность вашего ректора. Съ

*) Напечатано въ 19 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1878 г.

своей стороны признаюсь вамъ, что въ высшей степени заинтересованъ вами и я. Конечно не совсѣмъ новая для меня среда, въ которую призванъ я отнынѣ промысломъ Божіимъ. И я былъ воспитанникомъ здѣшней семинаріи, и почти десятилѣтіе былъ ея преподавателемъ; засталъ даже и начало семинарскаго преобразованія по новому уставу, и всего лѣтъ восемь имѣлъ учительское дѣло съ юношами иного вѣдомства. Но и въ эти восемь лѣтъ много и много, какъ говорится, воды утекло; много новаго и важнаго произойти должно было въ учебной семинарской средѣ. Возвращаясь своими воспоминаніями въ доброе прошлое время, я желалъ бы вѣрить, что и нынѣ живы въ духовно-учебной средѣ та скромность, добронравіе и религіозность, та вѣрность и любовь къ своему званію, та терпѣливая выносливость и способность ко всякому учебному труду, даже при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, которыми отличались издревѣ духовные воспитанники, и наживали себѣ добрую славу у людей безпристрастныхъ даже и въ иныхъ сословіяхъ. Нельзя мнѣ забыть конечно и многаго несостоятельнаго, некрасиваго и нехорошаго въ прежнемъ семинарскомъ бытѣ; но тѣмъ желательнѣе узнать и посмотрѣть поближе, на сколько все это несостоятельное и нехорошее ослаблено новымъ временемъ, новою постановкою учебнаго и воспитательнаго дѣла, и трудами и заботами моихъ достойнѣйшихъ предшественниковъ. Но пока что тамъ еще будетъ, желательно мнѣ въ настоящія минуты поговорить съ вами о томъ наиважнѣйшемъ предметѣ, который составляетъ главную цѣль всѣхъ вашихъ научныхъ трудовъ, всего пребыванія вашего въ здѣшней школѣ и всѣхъ правительственныхъ попеченій о вашей судьбѣ. Этотъ предметъ и эта цѣль, — ваше нравственное воспитаніе. Наука ваша, Богъ дастъ, пойдетъ своимъ чередомъ въ классахъ, по учебнымъ книгамъ и подъ руководствомъ вашихъ учителей. Станете неопустительно ходить въ классъ, нелѣностно учить уроки, — и непремѣнно научитесь многому полезному и дѣльному. Но какъ-то пойдетъ у васъ наиважнѣйшая и, надо правду сказать, наитруднѣйшая наука самовоспитанія и нравственнаго самоусовершенствованія? Дастся ли она вамъ, и всѣмъ ли одинаково хорошо дастся, — какъ бы желалось

этого нам, и какъ это совершенно возможно для всѣхъ васъ? Этимъ вопросомъ въ настоящія минуты я всего болѣе озабоченъ, и съ этою цѣлію прошу васъ вникнуть въ вышеприведенныя апостольскія слова.

И сами вы, внушаетъ апостолъ, *какъ живые камни, устройтеся изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу... Вы уже вкусили, сколько благъ Господь, и потому, какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы онымъ возрастли вамъ во спасеніе.* По апостольскому слову и я прошу васъ: постарайтесь укрѣпить въ себѣ здѣсь, во время вашего школьнаго обученія, и упрочить за собою на всю свою будущую жизнь тѣ дѣтскія свойства чистоты и невинности, мягкосердечія, незлобія и искренности, которыя такъ свойственны неиспорченной юношеской душѣ, и такъ приличны въ частности духовному юношеству. Постарайтесь, какъ новорожденные младенцы, по выраженію апостола, возлюбить чистое и словесное млеко глаголовъ Божіихъ, вмѣсто всякой научной и ненаучной лжи и легкомыслія. Займитесь своимъ внутреннимъ благоустроеніемъ; такъ чтобы изъ вашихъ сердецъ создался храмъ Божій, — достойное обиталище Духа Божія. Вотъ если бы это случилось, мы бы совершенно безтрепетно и свѣтло стали смотрѣть на ваше будущее. Съ своей стороны скажу вамъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, какъ вамъ надобно трудиться надъ этимъ великимъ дѣломъ, и для сего воспользуюсь тѣмъ образомъ и подобіемъ, на который указываетъ апостолъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, вы видали и знаете, какъ строятся зданія. Знаете, что первоначально заготовляются разные матеріалы для постройки; матеріалы эти не цѣликомъ и не прямо идутъ на дѣло, а разнообразными способами приготовляются для зданія, соединяясь между собою посредствомъ разныхъ вспомогательныхъ веществъ, и измѣняясь въ своемъ видѣ. Камни, напримѣръ, обтесываются, обсѣкаются и принимаютъ такую именно форму, какая нужна по задуманному плану зданія и прилаживаются туда именно, гдѣ имъ назначено быть. И вотъ такимъ-то образомъ уже является стройное и величественное зданіе. И

вы, отроки и юноши, — живые камни, по выраженію св. апостола; души ваши съ ихъ различными наклонностями и своеобразными оттѣнками характеровъ можно уподобить тѣмъ различнымъ матеріаламъ, изъ которыхъ можетъ быть созданъ духовный храмъ Господу Богу. Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь внимательно къ себѣ, къ своему маленькому обществу, — и вы сами тамъ усмотрите необыкновенное разнообразіе душевныхъ качествъ, силъ и способностей. Не много вы еще живете на свѣтѣ, — а ужъ какъ замѣтно успѣли сложиться эти ваши особенности! Не широка и не богата содержаніемъ ваша жизнь въ школѣ, а между тѣмъ, сколько неуловимыхъ оттѣнковъ каждый изъ васъ вноситъ въ эту тихую и ровную жизнь своими личными особенностями! Одинъ отличается напр. особенною нѣкоторою мягкостію и спокойствіемъ духа; въ другомъ напротивъ замѣтны задатки сильнаго характера; въ иномъ замѣтна нѣкоторая сосредоточенность и любовь къ уединенію; иной напротивъ не можетъ жить безъ товарищества, безъ веселыхъ, дружескихъ бесѣдъ, вообще безъ чужаго содѣйствія и участія, и т. д. И въ каждомъ изъ васъ есть непремѣнно какая нибудь своя Богомъ даронанная особенность, которая, при надлежащемъ и правильномъ развитіи вашемъ, можетъ прекрасно отличать васъ одного отъ другаго. Но, къ сожалѣнію, въ каждомъ изъ васъ есть и своя дурная особенность, есть нѣкоторыя нехорошія свойства, которыя съ теченіемъ времени, и при вашей безпечности, растутъ все больше и больше, и могутъ совсѣмъ испортить то, что вамъ природа дала хорошаго. Даже можно сказать такъ, что всѣ людскіе недостатки, слабости и пороки суть испорченныя и искаженныя проявленія добрыхъ природныхъ качествъ. Такъ напр. твердость характера и сила воли чрезвычайно легко переходятъ въ гордость, упрямство и дерзость; напротивъ мягкость и ровность душевная — въ безпечность, распущенность и лѣнь; сосредоточенность душевная, глубокость чувствъ и думъ — въ недоверчивость, зависть, недоброжелательную злость и крайне мнительную опасливость; живость сердечная, игривость и веселость ума всего чаще переходятъ въ легкомысліе, мелочность, увлекающую человѣка ко всякаго рода крайностямъ и проступкамъ. То, что бываетъ съ

взрослыми и большими людьми, то въ нѣкоторой степени непремѣнно бываетъ и съ вами. Только понаблюдите за собой,—и вы увидите, что это правда. Такимъ образомъ вся задача вашего здѣсь воспитанія въ томъ именно и состоитъ, чтобы очистить, развить и дать просторъ вашимъ природнымъ хорошимъ качествамъ, и отсѣчь, истребить и съ корнемъ вырвать то, что мѣшаетъ развиваться этимъ качествамъ, что ихъ портитъ и искажаетъ. Т. е. мы стараемся въ продолженіи вашего воспитанія обработать и упорядочить тотъ строительный матеріалъ для мысленнаго храма Божія, который слагается изъ вашихъ умственныхъ и сердечныхъ качествъ. Помогите же намъ своимъ содѣйствіемъ выполнить великую задачу вашего воспитанія; такъ чтобы устроился изъ васъ духовный и возлюбленный Господу Богу храмъ. Вы конечно понимаете уже, въ чемъ должно состоять ваше содѣйствіе, и что именно отъ васъ требуется.

Первымъ дѣломъ, постарайтесь покороче узнать самихъ себя и изучить, что въ васъ хорошаго и что есть дурнаго, особенно что дурнаго,—ибо это скорѣе можетъ возобладать надъ хорошимъ, и притомъ вырвавши это дурное, вы больше разовьете въ себѣ все хорошее. Сами себя вы видите, и никто не можетъ такъ хорошо васъ понимать, какъ вы же сами. При всѣхъ самыхъ усердныхъ съ нашей стороны наблюденіяхъ за вами, намъ все-таки приходится дѣйствовать, такъ сказать, со стороны и отгадывать, ибо чужая душа, какъ бы она ни была молода, даже дѣтская душа, на всегда потемки. Отъ того-то всегда возможны и почти неизбѣжны въ воспитательной дѣятельности разныя недоразумѣнія и даже ошибки. Лицемѣры и хитрецы могутъ, напримѣръ, выманить у насъ снисходительность, и затѣмъ употребить ее во зло. Наоборотъ, нашей законной строгости не поймутъ баловни, и никогда не примирятся съ ней, а вое будутъ называть ее суровостію и несправедливостію. Наша точность въ соблюденіи установленныхъ семинаріею правилъ будетъ казаться формализмомъ для шалуновъ и неглижеровъ, и т. д. Всего этого не было бы, если бы помнилось апостольское слово: *и сами вы, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный*. Это значитъ до тѣхъ поръ, пока вы сами не приме-

тесь за внутреннюю работу надъ собой, и изучивъ свои наклонности не будете останавливать дурныхъ проявленій своего характера, и въ тоже время практиковаться во всемъ добромъ, — въ послушаніи напр., въ кротости, въ трудолюбіи, въ страхѣ Божіемъ, въ молитвѣ, въ братолюбіи, въ незлопамятности, въ чистотѣ, прямодушіи, и вообще въ христіанскомъ благочестіи,—до тѣхъ поръ всѣ наши труды и заботы объ васъ не будутъ прочны и надежны, и жизнь, въ которую Богъ дастъ вы вступите современемъ уже не въ качествѣ воспитанниковъ, а въ качествѣ членовъ общества, можетъ застать васъ неприготовленными, слабыми и неспособными на труды и подвиги добродѣтели, и—чего Боже сохрани! можетъ увлечь васъ своимъ грязнымъ и мутнымъ потокомъ далеко, далеко отъ тѣхъ святыхъ цѣлей, для которыхъ мы васъ готовимъ.

Объ этихъ цѣляхъ я имѣю поводъ сказать нѣсколько особыхъ словъ. Высокое пастырское служеніе церкви,—вотъ главная цѣль семинарскаго обученія, и вы это знаете. Быть на стражѣ святой религіи Христовой, держать крѣпко и высоко евангельское знамя вѣры среди мірскаго растлѣнія и тьмы, быть просвѣтителями народа и представителями самыхъ жизненныхъ и здравыхъ началъ въ обществѣ,—вотъ къ чему вы готовитесь всѣмъ строемъ вашей теперешней учебной жизни. И мнѣ кажется, если бы вы чаще приводили себѣ на мысль эту поистинѣ высокую и достопочтенную цѣль своего воспитанія въ семинаріи и погорячѣе прилагали бы къ сердцу ваше будущее назначеніе и положеніе въ обществѣ и церкви Христовой; то сама собою явилась бы у васъ и ревность о своемъ нравственномъ совершенствованіи. А между тѣмъ происходитъ что-то совершенно обратное въ нынѣшней семинарской средѣ. Видится усиленное, и можно сказать повальное уклоненіе духовныхъ воспитанниковъ отъ духовнаго званія и отъ церковно-религіозной службы. Первое, что я встрѣтилъ въ своей новой службѣ,—это кипу прошеній отъ четвертоклассниковъ, удаляющихся въ сторону отъ своего роднаго заведенія, и прочь отъ своей прямой духовной дороги. Подобное нежеланное, и во всякомъ случаѣ прискорбное и ненатуральное дѣло творится «дескать» и не у насъ только, а и въ другихъ семинаріяхъ. Обойти мол-

чаніемъ это крупное явленіе въ вашей ученической средѣ или покрывать его притворнымъ нежеланіемъ вовсе знать его, я не считаю натуральнымъ въ настоящія вступительныя минуты вашего новаго учебнаго года; напротивъ я нарочито и прямо хочу поговорить объ этомъ съ вами. Хотя я и съ прискорбіемъ указалъ на развивающуюся нынѣ у духовныхъ воспитанниковъ наклонность удаляться отъ духовной школы и духовнаго образованія, но я не спѣшу называть это прямой измѣной вѣрѣ и церкви; ибо извѣстно, что здѣсь имѣются прежде всего самые обыкновенные и простые расчеты добиться лучшей судьбы, и повыгоднѣе устроиться въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ какъ это представляется въ нашемъ дѣйствительно небогатомъ быту. Порицать же васъ за такое или иное пользованіе предоставленными вамъ отъ правительства правами — не приходится, да мы отнюдь и не имѣли этого въ виду. Равнымъ образомъ передѣлывать строй семинарской жизни по какимъ нибудь своимъ уставамъ, и создавать въ ней событія по нашему личному вкусу, — мы не можемъ, и не имѣемъ на то власти. Всю эту рѣчь я къ тому наклоняю, чтобы высказать вамъ слѣдующее мое первое, искреннее и задушевное слово: Господь съ вами, — идите отъ насъ куда хотите, только будьте и уходите отъ насъ хорошими, а не дурными людьми! И государству и церкви одинаково нужны хорошіе и нравственные люди. Служа вѣрой и правдой государству, и принося пользу обществу, вы будете въ тоже время приносить существенную пользу и церкви, благоустроеніемъ людскія общества, хотя и не будете имѣть честь быть состоять на оффиціальной службѣ церковной. Значитъ, если бы изъ нашихъ духовныхъ заведеній хотя и не доконнивши полнаго семинарскаго курса, выходили бы прекрасные, благовоспитанные и нравственно здоровые члены общества, и то мы поистинѣ имѣли бы въ этомъ самомъ обстоятельствѣ величайшее утѣшеніе. Но иной разъ и нашимъ людямъ кажется, что намъ де крайне досадно, что отъ насъ уходятъ лучшія силы, а остаются будто бы худшія и слабѣйшія. Въ особенности люди не расположенные къ самому духовному званію, и зломысленно протестующіе противъ нѣкоторыхъ еще не исправленныхъ неустройствъ въ духовномъ быту, находятъ на-

кое-то жалкое удовольствіе съ торжествомъ указывать на множество способныхъ и дѣльныхъ лицъ духовнаго происхожденія, оставляющихъ свою природную среду. Что говорить, кому не прискорбно терять лучшія силы, и кому не хотѣлось бы удержать ихъ при себѣ? Но во первыхъ никто не въ правѣ напрасно усиливать и преувеличивать горечь непріятнаго для насъ факта единственно изъ мелкаго желанія насъ огорчать; т. е. кто сказалъ бы, что у насъ остаются худшія только и слабѣйшія силы, тотъ сказалъ бы напраслину. Опытъ показываетъ, что запасъ дѣльныхъ, серьезныхъ и способныхъ людей у насъ до сихъ поръ не истощался, и Богъ дастъ, — никогда не истощится. Вѣрно и то, что со многими людьми, которыхъ дѣйствительно пріятнѣе было бы удержать при себѣ, оставляютъ наши школы многое множество и такихъ личностей изъ нашей среды, потеря которыхъ, по правдѣ сказать, едва ли можетъ быть для кого нибудь особенно чувствительна. Такъ что у насъ есть прямой и резонный поводъ думать, что не для того ли собственно и поставлены провидѣніемъ Божіимъ наши духовныя школы въ теперешнее положеніе, чтобы открылась естественная возможность отдѣленія такъ сказать пшеницы отъ плевелъ, т. е. людей въ сущности мало пригодныхъ для служенія церкви отъ людей прямо для нея полезныхъ и дорогихъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, съ осязательною наглядностію можетъ указать, и съ математическою точностію опредѣлить, какихъ именно людей должно считать лучшими силами и несомнѣнно пригодными на служеніе церкви? Кому не извѣстно, что люди съ бойкими сравнительно способностями, и такъ называемые умники, зачастую оказываются весьма и весьма маломѣрными на пастырской и вообще на духовной службѣ; иного наоборотъ *бываетъ Божіе* всегда мудрѣе самой прославленной мудрости человѣческой, и *таящееся Божіе* сильнѣе всякаго могущества человѣческаго? Полагаю, что вамъ, какъ духовнымъ воспитанникамъ, — это хорошо извѣстно, и убѣждать въ этомъ насъ нѣтъ надобности. Вообще же думается, и повторяю опять, что истинно прекрасное и счастливое сочетаніе нужныхъ дарованій съ нравственными качествами никогда не оскудѣетъ въ церкви Божіей, чтобы тамъ ни было. Господь не допуститъ ее до такого

обѣдненія. Одни хорошіе люди уйдутъ отъ насъ; но за то другіе останутся, или же придутъ отъинуда. Да и ушедшіе отъ насъ, еслибы они дѣйствительно оказались нужными и истинно пригодными для вѣры и церкви дѣятелями,—то думается, что и они такъ или иначе, рано или поздно, а непремѣнно таки будутъ возвращены Господомъ къ ихъ прежней средѣ, и приведутся въ родной дворъ овчій. Вообще говоря, свято мѣсто не останется пусто.

Но выслушайте теперь и другое мое искреннее и правдивое слово. Предоставляя вамъ право свободнаго выхода изъ семинаріи и ранѣе богословскихъ классовъ, и требуя лишь одного отъ васъ, чтобы выходили вы отъ насъ хорошими и нравственными людьми,—я все-таки сильно сомнѣваюсь, чтобы всѣ вообще духовные воспитанники, мѣняющіе свою родную школу на чужія, а науки богословскія на свѣтскія, поступали именно такъ, какъ слѣдуетъ имъ поступать; ибо поступать по праву не всегда еще значитъ поступать по чистой справедливости и безошибочно.

Надъ формальными и юридическими правами, исходящими отъ разныхъ уставовъ и законоположеній, должно господствовать высшее нравственное право совѣсти и разума, руководствуемыхъ закономъ Божіемъ. Какъ личности свободныя, мало ли на что мы имѣемъ права, и мало ли какъ можемъ распоряжаться своею собственною судьбою и своимъ поведеніемъ! Но извѣстно, что каждый поступокъ нашъ, и каждый жизненный шагъ, особенно такой важный, какъ перемѣна своего званія и выборъ новаго рода дѣятельности, долженствующей опредѣлить всю нашу будущую судьбу, такой, говорю, важный шагъ долженъ быть результатомъ строгой обдуманности, зрѣлаго изученія своей натуры и не поверхностнаго пониманія своихъ личныхъ особенностей—нравственныхъ. Сколько людей, даже необычайно даровитыхъ, попадали на ложную дорогу, сбивались съ пути и потомъ вовсе погибали единственно отъ того, что слишкомъ рано и слишкомъ неэрѣло избирали свой жизненный ходъ. Здѣсь, какъ видите, идетъ уже дѣло о нашей отвѣтственности передъ Богомъ и совѣстію. Такъ и въ вашемъ вопросѣ осторожность и обдуманность требуется величайшая. Не даромъ нашъ законъ [illegible], оставляя для нѣкоторыхъ избранныхъ и отдѣльныхъ лицъ полную свободу

въ выборѣ образа жизни, и говоря, что *каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ* (1 Кор. VII, 17), общимъ и наиболѣе безопаснымъ правиломъ для большинства полагаетъ: *каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ* (ст. 20). Это значитъ, что большинству людей указуетъ Господь естественный путь для ихъ жизни и развитія въ томъ самомъ состояніи и званіи, въ которомъ они рождаются и возрастаютъ. Такимъ образомъ весьма легко случиться можетъ, что оставляя духовную школу и бросая духовную науку, многіе изъ васъ именно уклоняются съ своего естественнаго и праваго пути на распутіе,—а это будетъ уже измѣна и преступленіе передъ долгомъ и совѣстію и предъ очами всевидящаго, которыя не должны разумѣется пройти безнаказанно, и непремѣнно понесутъ заслуженную кару въ послѣдующей жизни вашей.

Если даже и проще посмотрѣть на все это дѣло, т. е. съ обыкновенной точки житейскаго благоразумія, которымъ большею частію воспитанники и руководствуются при выходѣ изъ семинаріи; то куда какое множество бываетъ ошибокъ и въ этомъ отношеніи! Посмотришь иной разъ, люди отъ своихъ отстаютъ, а къ чужимъ тоже не съумѣютъ пристать. Не обладая особенными дарованіями, или рѣшительными какими нибудь способностями, которыя даютъ человѣку недюжинному возможность преодолѣть многоразличныя трудности на славномъ, но поистинѣ болѣзненномъ пути научномъ, и выбраться на видную общественную дорогу, великое множество недозрѣлой и недоученной школьной братіи смѣшиваются съ общей массой полуобразованной толпы, набираются подчасъ въ высшихъ школахъ разныхъ отрывочныхъ и поверхностныхъ знаній, и отъ того теряютъ всякую опредѣленную нравственную физіономію и обращаются въ рѣшительную мелкоту, мало на что серьезное способную, и которая—къ вашему и нашему горю—то и дѣло бываетъ жертвой самыхъ зловредныхъ и противуобщественныхъ ученій, и въ концѣ концовъ гибнетъ безвозвратно и для общества и для церкви Божіей. Незавидный путь! Я не хочу, да и права не имѣю сказать, чтобы такой путь угрожалъ непремѣнно всякому не прошедшему богословскаго курса воспитаннику семинаріи; кто не знаетъ, сколько дѣльныхъ и по-

лезныхъ дѣятелей общественныхъ выходитъ вообще изъ семинарской среды,—и дай Богъ, чтобы ихъ выходило еще и еще больше! Но я хочу сказать, что не мало и рискуютъ выходящіе, не доучась, изъ своей школы духовные воспитанники, и что перейти съ одной учебной дороги на другую, и одну науку промѣнять на другую,—далеко еще не значитъ упрочить за собою хорошую будущность и сдѣлаться человѣкомъ дѣльнымъ. Многочисленные печальные примѣры въ этомъ отношеніи тоже не должно выпускать изъ виду. Еще кому какъ задастся, и что Господь кому пошлетъ! Въ особенности въ нынѣшнее, смутное какое-то, опасное и бурное время, когда само правительство предупреждаетъ учащуюся молодежь о висящихъ надъ ней опасностяхъ, можно бы рекомендовать вамъ подольше оставаться въ родной духовной школѣ—именно затѣмъ, чтобы подольше подышать здѣсь духовными и богословско-религіозными элементами, дабы успѣли сложиться въ васъ болѣе или менѣе прочныя и здравыя убѣжденія нравственныя, при которыхъ уже менѣе становятся страшны и опасны различныя прираженія злыхъ и развращающихъ элементовъ.

Какой же окончательный выводъ изъ всей моей нынѣшней рѣчи къ вамъ? Я бы вамъ вотъ что посовѣтовалъ, друзья мои. Не забѣгая слишкомъ горячо своими мыслями впередъ, и не торопясь предрѣшать свою будущую судьбу и учебную карьеру, возьмитесь-ка вы какъ можно посерьезнѣе за предстоящее вамъ учебное дѣло, и какъ подобаетъ истиннымъ, безкорыстнымъ и благонравнымъ труженикамъ науки, — отдайтесь безъ всякихъ заднихъ мыслей изученію тѣхъ предметовъ, которые предстоятъ вамъ по вашему учебному семинарскому курсу. Это будетъ поистиннѣ на все полезное для васъ ученіе, и убережетъ васъ отъ всяческихъ промаховъ и ошибокъ, обыкновенно съ великимъ трудомъ поправляемыхъ впослѣдствіи, а пожалуй и вовсе непоправимыхъ. Паче же всего берегите въ себѣ тѣ драгоцѣнныя дѣтскія и юношескія качества, которыя теперь все же суть неотъемлемая принадлежность вашего возраста, и за которыя такъ любилъ дѣтей и юношей Іисусъ Христосъ. О, если бы вы, развиваясь умственно и укрѣпляясь духомъ, навсегда остались, какъ желаетъ апостолъ, новорожденными младенцами по сердцу и по

характеру, т. е. чистыми, непорочными, незлобивыми и святыми! *Вы уже вкусили, сколько благъ Господь*, т. е. вы уже понимаете тѣ преимущества добраго воспитанія, которыми Господь привелъ вамъ воспользоваться, хотя въ нѣкоторой степени, въ здѣшнемъ учебномъ заведеніи; значитъ, тѣмъ горячѣе у васъ должно быть желаніе принадлежать къ благодатному обществу чадъ Божіихъ. *Богъ же всякой благодати, призвавшій насъ въ вѣчную славу свою во Христѣ Іисусѣ, самъ.... да совершитъ васъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да сдѣлаетъ непоколебимыми* (1 Петр. V, 10)! Аминь.

СЛОВО

КЪ ДУХОВНЫМЪ ВОСПИТАННИКАМЪ—ПРОТИВЪ ТАБАКОКУРЕНІЯ *).

(19 ноября 1878 г.).

Все мнѣ позволительно, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ.... И потому, если самая *пища соблазняетъ брата моего, не буду пѣсть мяса вовѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего.* (1 Кор. X, 23. VIII, 13).

Какая удивительная независимость, какая полная свобода отъ земныхъ привычекъ, какое равноангельское господство надъ тѣлесными потребностями выражается въ этихъ словахъ Апостола! Потребность пищи есть наизаконнѣйшая потребность нашего тѣла, а мясо, какъ извѣстно, есть одно изъ самыхъ питательныхъ, здоровыхъ и пріятнѣйшихъ яствъ; однакоже Апостолъ готовъ отказаться отъ него на всю жизнь, и притомъ не ради какихъ нибудь высшихъ и аскетическихъ своихъ соображеній, а просто—на всякій могущій встрѣтиться случай, когда воздержаніе отъ мяса такъ или иначе можетъ благопріятствовать нравственной

*) Напечатано въ 23 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1878

пользѣ ближняго. Ради чужой пользы и удобства онъ въ состояніи рѣшиться на самое чувствительное для себя неудобство, и на самое болѣзненное ограниченіе своихъ законнѣйшихъ потребностей и пріятностей. Вотъ это такъ. Вотъ съ этакой могучей волей и съ такимъ самозабвеннымъ погруженіемъ въ законъ Христовъ—можно на какую угодно нравственную высоту подняться! А мы что съ вами? А намъ какъ быть, любезные юноши? А намъ хоть бы не наживать ужъ совершенно излишнихъ-то привычекъ, и не опутывать себя разными новоизобрѣтенными потребностями, для которыхъ и основанія-то нѣтъ никакого въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ. Много такихъ потребностей выдумалъ, и до сихъ поръ выдумываетъ человѣкъ, неустанно роясь и копаясь не только во внѣшнемъ мірѣ, но и въ собственной физической природѣ. Какъ будто изъ каждой жилки своей и изъ каждаго нерва ему хочется извлечь какой нибудь новый и неожиданный источникъ наслажденія. Не только законъ Христовъ, но и совѣсть и даже простой здравый смыслъ твердитъ всѣмъ и каждому, что надо учиться ограничивать свои потребности и жить по возможности согласно и близко съ природой, чтобы тѣмъ болѣе вѣроятнымъ и прочнымъ сдѣлать даже земное свое счастіе; а прихотники и баловники изъ рода людскаго, у которыхъ на умѣ-то нажется нѣтъ ничего кромѣ наслажденія, все и дѣло, подслуживаются, и безъ того страстной и прихотливой природы нашей изобрѣтеніемъ все новыхъ и новыхъ удовольствій и прихотей, которыя новымъ ярмомъ и новою тяжестію ложатся на шею тому же бѣдному, и въ болѣе нищающему—не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ даже отношеніи—роду людскому. Богъ имъ судья этимъ изобрѣтателямъ за такіе услуги человѣчеству! А что все-таки не нужно поддаваться ихъ непрошенымъ услугамъ и не идти имъ на встрѣчу,—это то не вѣрно. Не такъ ли? Всю эту рѣчь къ тому я клоню, что вотъ напримѣръ табакокуреніе. Эта прихоть до какой степени стала господствовать въ нашемъ обществѣ, что ею занимаются безъ зазрѣнія совѣсти не только не созрѣвшіе и еще не сложившіеся юноши и дѣвицы (что особенно непріятно и некрасиво), но даже и едва оперившіеся, такъ

сказать, и едва вышедшіе изъ дѣтскаго возраста мальчики. Въ домахъ и на улицахъ то и дѣло попадаются эти чуждые намъ, жалкіе и неблаговоспитанные экземпляры. Оказывается, что въ нѣкоторой мѣрѣ не чужды табачной заразы, къ нашему наибольшему огорченію, и вы духовные воспитанники. И намъ, разумѣется, всего больше есть дѣло именно до васъ духовныхъ, и притомъ нашихъ духовныхъ воспитанниковъ; потому-что за весь періодъ вашего обученія и воспитанія на нашихъ глазахъ придется, по Апостолу, *слово* т. е. отвѣтъ *воздать* намъ и передъ Богомъ и передъ обществомъ. Какъ же бы это устроить такъ, чтобы совсѣмъ исчезло у васъ табакокуреніе? Все равно, многіе ли или не многіе изъ васъ курятъ,—для насъ всетаки прискорбно, что есть у насъ курящіе воспитанники, и что надо значитъ борьбу затѣвать и мѣры принимать для изгнанія злонравной, нездоровой и неприличной привычки оттуда, гдѣ бы ей вовсе и быть-то не слѣдовало. Давайте же потолкуемъ теперь объ этомъ дѣлѣ. Признаться, я колебался нѣсколько говорить о табакѣ въ храмѣ Божіемъ; дико здѣсь звучитъ какъ-то самое это слово.... Но потомъ я разсудилъ, что если святыня нашихъ храмовъ не унижается пастырскимъ словомъ о воровствѣ, о лжи, о любодѣяніи и прочихъ неблаговидныхъ сторонахъ человѣческой природы; то отъ чего же не говорить здѣсь и мнѣ о предметѣ, говорить о которомъ настоитъ нѣкоторая надобность? Храмъ Божій есть между прочимъ цѣлебница духовная, въ которой не большіе только и опасные, но и всякіе недуги лечатся; а ужъ гдѣ лечатся, тамъ не церемонятся. Даже такъ бываетъ, что весь успѣхъ врачеванія зависитъ иной разъ просто отъ одной откровенности врачуемаго и хладнокровнаго докторскаго прикосновенія къ болящимъ язвамъ. Подумалъ я и то, что если мы учимъ васъ говорить съ церковной каѳедры о самыхъ простыхъ и обыденныхъ сторонахъ человѣческой жизни, когда здѣсь именно кроется какое нибудь зло, съ которымъ приходится бороться; если мы внушаемъ вамъ, какъ будущимъ церковнымъ ораторамъ, не укрываться за общими и никого въ отдѣльности не касающимися фразами, но предлагать жизненное и полезное слово; то отъ чего же мнѣ не показать вамъ примѣра въ этомъ? Что же касается преувели-

ченныхъ предположеній о вашей привычкѣ къ табакокуренію, къ которымъ я могъ бы подать поводъ теперешнимъ своимъ словомъ; то ужъ такъ и быть, я беру это обстоятельство на свою отвѣтственность, лишь бы стѣны и обстановка храма Божія сдѣлали нѣсколько болѣе авторитетнымъ и внушительнымъ мое слово о табачной привычкѣ, и принесли существенную пользу тѣмъ изъ васъ, къ которымъ мое слово собственно и будетъ относиться. Что мнѣ до того, что станутъ думать о васъ и обо мнѣ, когда дѣло идетъ о моемъ долгѣ учить и вразумлять васъ—*благовременно* и *безвременно*, по выраженію Апостола?! (2 Тим. IV, 2). Даже и отъ того не слѣдъ мнѣ приходить въ смущеніе, если бы слово мое не принесло всѣхъ ожидаемыхъ мною плодовъ. Что бы тамъ ни было,—а долгъ свой я долженъ всетаки исполнить. Не мнѣ, а вамъ будетъ и да будетъ стыдно, если вы не постыдитесь самаго храма Божія, къ авторитету котораго я рѣшился прибѣгнуть въ настоящемъ случаѣ. Итакъ послушайте!...

Если бы и былъ докторомъ, то конечно я прежде всего повелъ бы рѣчь свою о вредѣ табакокуренія *съ медицинской точки зрѣнія*. Наука о человѣческомъ здоровьи самымъ авторитетнымъ образомъ раскрыла бы вамъ весь вредъ и всю ненатуральность привычки глотать дымъ растворенный злымъ и ядовитымъ началомъ, которое зовется въ наукѣ никотиномъ. Но мнѣ кажется и не нужно быть патентованнымъ докторомъ, чтобы выяснить и безъ того понятное и наглядное дѣло. Когда мальчикъ, легкомысленно желая уподобиться взрослымъ, дѣлаетъ первый опытъ табакокуренія, то что съ нимъ происходитъ? Тошнота, головокруженіе, потемнѣніе взгляда, блѣдность, дрожаніе рукъ и т. п. Все это такіе признаки, которые свидѣтельствуютъ о явномъ вредѣ и разрушительномъ дѣйствіи табака на организмъ человѣческій; и нужна своего рода храбрость и продолжительная настойчивость, чтобы преодолѣть природное отвращеніе къ зловредному и дурманящему веществу. Что привычные и опытные табачники не растрачиваютъ видимымъ образомъ своего здоровья и не отравляютъ себя до смерти; то это доказываетъ только гибкость и выносливость нашего организма, который можно пріучить,

какъ извѣстно, и къ болѣе сильнымъ ядамъ. Но кто можетъ измѣрить тотъ внутренній и потаенный вредъ, который неизбѣжно оставлять должны всѣ ядовитыя и туманящія голову вещества? Вѣдь и пьяницы, даже горькіе и уличные пьяницы, умираютъ не всегда въ молодости, а живутъ иногда по долгу,—но значитъ ли это, что пьянство безвредно? Кто знаетъ, можетъ быть этотъ несчастный потребитель водки, проживши лѣтъ сорокъ—пятьдесятъ, не преполовилъ все таки дней своихъ, т. е. и половины не прожилъ того, что могъ бы прожить, если бы трезвъ былъ и воздержетъ? Такъ и табачники. Можетъ быть и вкусъ бы у нихъ былъ чувствительнѣе и зрѣніе острѣе и голова свѣжѣе, если бы они не пріучили свое горло и полость рта къ искуственному раздраженію, и не обратили для себя въ необходимость періодическое табачное опьяненіе. А что ротъ у нихъ былъ бы чище, и не носили бы они съ собою тяжелаго табачнаго зловонія,—такъ это, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію. Ну, на что же насиловать свою бѣдную природу,—разсудите вы сами! Какой въ этомъ прокъ и какой смыслъ? Есть конечно своего рода удовольствіе и въ табакокуреніи; не будь его, этого удовольствія,—и никто бы не сталъ заниматься этимъ дѣломъ. Говорятъ даже, что бываетъ будто-бы нѣкоторая польза отъ табака, на которую чрезвычайно любятъ, разумѣется, указывать страстные табачники, подобно всѣмъ виноватымъ, желающимъ хоть чѣмъ нибудь оправдать себя, или ослабить нѣсколько свою вину. Но если и бываетъ польза, то именно бываетъ, а не есть,—т. е. бываетъ изрѣдка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для нѣкоторыхъ людей, именно въ разныхъ случаяхъ болѣзненностей и ненормальностей человѣческихъ. Но трудно доказать какую нибудь существенную и постоянную пользу табака, и притомъ для всѣхъ безъ исключенія людей. Отъ того-то большинство курящихъ, вмѣсто того, чтобы отстаивать пользу табакокуренія, сознаются откровенно въ безполезности и пустяшности этого занятія, и желали бы бросить куреніе табака, если бы это зависѣло отъ одного легкаго ихъ желанія, и не требовало бы уже борьбы и самоотверженія. Это по крайней мѣрѣ честно съ ихъ стороны. Полноте пожалуйста, какая тутъ польза отъ табака, и не

вѣрьте этой пользѣ! И ниодинъ здоровый и свободный отъ современныхъ предразсудковъ докторъ не станетъ настаивать на какой-то мнѣнической и неуловимой пользѣ отъ табака. А дѣло все объясняется именно нѣкоторымъ искусственнымъ удовольствіемъ отъ табаку, состоящимъ въ раздраженіи и щекотаніи полостей рта и горла и нѣкоторымъ опьяненіемъ головы. Удовольствіе поистинѣ жалкое и несообразное съ человѣческимъ достоинствомъ, и если хотите — особенно несообразное съ юношескимъ цвѣтущимъ возрастомъ, съ которымъ какъ-то естественно связывается представленіе о свѣжести лица, о румянцѣ на щекахъ и губахъ, объ общемъ здоровьи и цѣлости организма, а не о блѣдности кожи, не о мутномъ взглядѣ, не о желтыхъ зубахъ и пахучемъ ртѣ, и тому подобныхъ неприглядностяхъ.

Затѣмъ мнѣ слѣдуетъ сказать о табачной привычкѣ *съ практической или экономической* точки зрѣнія. Здѣсь дѣло будетъ уже болѣе касаться васъ, именно какъ семинаристовъ. Табакъ, какъ извѣстно, стоитъ денегъ, и чѣмъ сортъ его выше, тѣмъ онъ дороже. Здѣсь открывается обоюдное неудобство и затрудненіе для васъ. Если вообще не хорошо и вредно табакъ курить; то курить дурной и дешевый — просто неприлично и гадко. Посягать же на дорогой табакъ вы не имѣете ни малѣйшаго права, — и это было бы положительно недобросовѣстно съ вашей стороны. Извѣстно, что люди вы все несостоятельные и небогатые, а многіе — положительные бѣдняки и неимущіе. Изъ пятисотенной семьи вашей — двѣсти содержатся на счетъ казны; затѣмъ на воспособленіе бѣднякамъ изъ васъ предназначено далеко — больше тысячи рублей епархіальнаго вспоможенія, и затѣмъ многимъ и многимъ изъ васъ, просившимъ вспоможенія, отказано — потому, что источники уже и истощены всякіе источники для такихъ вспоможеній. Значитъ всѣ вы, собственно говоря, оказываетесь народомъ несостоятельнымъ и нуждающимся. Какое же, позвольте спросить васъ, имѣете вы право навязывать и наживать себѣ привычки совершенно излишнія и противоестественныя привычки, стоящія денегъ, и даже не малыхъ въ общей сложности денегъ? И безъ того нынче тяжко дѣлается жить на свѣтѣ по возрастающей дороговизнѣ на всѣ, даже существенные

предметы житейскаго продовольствія—а тутъ еще табакъ! Какое въ этомъ благоразуміе, и какая съ вашей стороны честность по отношенію къ родителямъ, бьющимся о вашемъ и безъ того дорогомъ воспитаніи и содержаніи въ семинаріи?! Зная, что такое ученикъ семинаріи по своимъ денежнымъ средствамъ, встрѣчать его съ папиросой во рту не только досадно, но — извините за выраженіе, просто противно. И потому для искорененія табачнаго зла изъ нищенской, можно сказать, семинарской среды—не должны казаться суровыми никакія съ нашей стороны мѣры: ни изгнаніе изъ казеннаго корпуса, ни лишеніе пособія, ни другое тому подобное. Пусть виновные сами на себя пеняютъ, и на самихъ себѣ испытаютъ недешевыя и горькія послѣдствія преждевременной замашки опутывать себя ненужными привычками и напускными потребностями. Потянулся за лишнимъ и ненужнымъ,—лишаешься необходимаго! Это совершенно будетъ справедливо и въ порядкѣ вещей.

Еще болѣе неудобнымъ и рискованнымъ дѣломъ оказывается табакокуреніе для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній *въ дисциплинарномъ отношеніи*. Что бы тамъ ни было, а табакъ есть вещь воспрещенная въ нашихъ, да и не въ нашихъ только духовныхъ, но и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. А каждая школа обязана строго хранить свои правила и уставы,—въ этомъ ея сила, и этимъ обусловливается весь строй и всякая правильность и порядокъ ея жизни. Воспитанники же обязаны всецѣло и искренно подчиняться всѣмъ правиламъ и инструкціямъ той школы, гдѣ идетъ ихъ воспитаніе и обученіе; потому что этими правилами въ свою очередь обусловливается весь успѣхъ ихъ учебнаго дѣла, регулируется ихъ воля, направляется къ добру вся ихъ жизнь душевная и закаляется характеръ ежедневными и ежечасными опытами послушанія и подчиненія долгу и совнѣ налагаемымъ обязанностямъ. Неослабное и строгое храненіе уставныхъ школьныхъ правилъ со стороны начальства и благодушное и нелицемѣрное подчиненіе этимъ правиламъ со стороны учениковъ, — вотъ два главные рычага, отъ которыхъ зависитъ успѣшное и цѣлесообразное движеніе всей жизни какой угодно школы. Такимъ образомъ всякій ученическій проступокъ и вина

имѣютъ двойную, такъ сказать, виновность для ученика, пока онъ находится въ школѣ: вопервыхъ—какъ дурное и неправильное проявленіе его личной воли, и вовторыхъ какъ нарушеніе общаго школьнаго строя, или такъ называемой учебной дисциплины. И если въ первомъ отношеніи ученическіе проступки и промахи могутъ заслуживать еще снисхожденія, какъ колебанія еще неокрѣпшей и неустановившейся воли,—да и по пословицѣ—кто Богу не грѣшенъ и царю не виноватъ? то во второмъ, т. е. въ учебномъ и школьномъ отношеніи, эти проступки, особенно если будутъ повторяться часто и упорно, никоимъ образомъ терпимы быть не могутъ. Школа не семья. Въ семьѣ, какъ извѣстно, есть тысяча средствъ и педагогическихъ пріемовъ къ исправленію и искорененію дурныхъ навыковъ въ возрастающихъ и отдѣльныхъ субъектахъ; тамъ они,—эти возрастающіе питомцы,—живутъ уединенно и отдѣльно отъ толпы себѣ подобныхъ, и находятся подъ непосредственнымъ и постояннымъ надзоромъ родителей и воспитателей. Въ школѣ же, особенно такой огромной и многолюдной, какъ наша напримѣръ, при всемъ нашемъ горячемъ стремленіи приблизиться къ идеалу семьи, не только не удобно, но и положительно нѣтъ возможности няньчиться, такъ сказать, съ каждымъ въ отдѣльности воспитанникомъ. Отъ того предупредительныя и исправительныя мѣры въ школѣ по необходимости оказываются болѣе формальными и строгими. За неоднократное и упорное сопротивленіе своимъ правиламъ и уставамъ школа что же лучшаго и болѣе естественнаго можетъ выдумать, какъ не увольненіе совсѣмъ на свободу непослушныхъ и упрямыхъ учениковъ? И ученики, можно сказать, инстинктивно это чувствуютъ; они соображаютъ и догадываются, что начальство, преслѣдуя проступки и всякаго рода уклоненія отъ принятыхъ въ школѣ правилъ, оберегаетъ въ тоже время, да и должно по совѣсти оберегать—честь своего заведенія, и слѣдовательно повторять и умножать случаи нарушенія школьныхъ правилъ—значитъ затрогивать самое чувствительное и больное мѣсто лицъ, которымъ вѣрено благоустройство школы. Вслѣдствіе всего этого ученики, отличающіеся неисправностію и распущенностію, ученики упрямые, лѣнивые и вообще недобропорядочные затѣваютъ

самое тонкое лицемѣріе и ухищренное фарисейство, чтобы укрыться отъ начальства съ своими грѣхами; а это лишь усиливаетъ гоньбу за лицемѣрами и фарисеями, и отягчаетъ для нихъ кару въ случаѣ ихъ открытія или накрытія. Вотъ какими тѣсными и рискованными обстоятельствами окружено баловство табакокуренія для воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Ну, посудите сами, расчетливо ли такое баловство, и жалкимъ удовольствіемъ отъ этого баловства выкупаются ли тѣ непріятности, которыя могутъ за нимъ послѣдовать? Не безъ-извѣстно намъ, что самая заиретность этого удовольствія иногда толкаетъ легкомысленныхъ и своенравныхъ шалуновъ на то, чтобы извѣдать это удовольствіе, какъ бы оно ничтожно ни было. Но эта храбрость поистинѣ достойна лучшей участи. Ежели бы ата храбрость и настойчивость да употреблена была на полезныя какія нибудь и добрыя дѣла, напримѣръ на преодолѣніе научныхъ трудностей; то какими неисчислимыми благими послѣдствіями награждено было бы это благородное геройство! Такъ не подумать ли объ этомъ всѣмъ вамъ? А курящимъ не лучше ли въ самомъ дѣлѣ баловству предпочесть трудъ, а табакъ промѣнять на науку?... Не хочется мнѣ здѣсь обойти молчаніемъ и ту, держимую обыкновенно про себя и втайнѣ, отговорку, которой могутъ оправдывать себя юные и незрѣлые курильщики. Отговорка эта въ повсюдномъ и нескрываемомъ примѣрѣ взрослыхъ и старшихъ. Курятъ-де походя и въявь не только не имѣющіе къ намъ отношенія посторонніе взрослые, очень впрочемъ дѣльные и почтенные люди, но зачастую дѣлаютъ тоже и наши ближайшіе блюстители, наши наставники и воспитатели, — почему же намъ вмѣняютъ это въ преступленіе? Въ этомъ мѣстѣ и въ данномъ случаѣ одно только можно отвѣтить вамъ: сначала созрѣйте, выростите и пріобрѣтите самостоятельность, тогда поговоримъ мы и съ вами о табакокуреніи, какъ со взрослыми. А теперь никоимъ образомъ и ни на минуту ни вамъ, ни намъ нельзя забывать, что вы не болѣе какъ растущіе и учащіеся юноши, которымъ многое не только несвойственно и недозволительно, но и просто не пристало. Если бы всѣ дѣти и юноши захотѣли копировать своими нравами и и привычками взрослыхъ, то вѣдь изъ этого и Боже упаси ка-

кая должна бы видѣть дикая и безобразная картина. Мало ли за чѣмъ могла бы потянуться незрѣлая юность, смотря на мужественный возрастъ и забывая раздѣляющее ее отъ этого возраста разстояніе! Да и вообще, если не брать даже въ расчетъ разницу возрастовъ и общественныхъ положеній, — плохое оправданіе для виноватаго въ томъ, если онъ станетъ только указывать на посторонніе и чужіе, и значитъ нисколько для него не обязательные примѣры. Что тебѣ за дѣло до другихъ, когда рѣчь идетъ собственно объ тебѣ и о твоей винѣ?!

Мнѣ остается сказать о возникшемъ теперь у насъ съ вами табачномъ вопросѣ *съ христіанско-религіозной точки зрѣнія*. Но я считаю нужнымъ напередъ оговориться, дабы ни вы, ни другой кто не приписалъ мнѣ какого нибудь раскольническаго взгляда на табакъ. Съ самымъ этимъ веществомъ я отнюдь не связываю какого нибудь грѣха, или чего нибудь богопротивнаго. Вещество это, какъ и всякое другое произрастеніе земное, совершенно безразлично и ни въ чемъ неповинно по своей сущности. Но вспомнить должны вы, что вамъ предстоитъ духовное служеніе въ алтаряхъ Божіихъ, гдѣ вы будете священнодѣйствовать и отнуда выносить должны вы будете слово назиданія и поученія всему святому, чистому и высокому. А это слово будутъ слушать отъ васъ всѣ люди простые и невысокомудрствующіе, люди желающіе видѣть въ добрыхъ пастыряхъ своихъ живой примѣръ всякаго воздержанія и свободы отъ всякихъ новомодныхъ и пустящихъ привычекъ, люди не умѣющіе за простотой своего религіознаго чувства отдѣлить святости самой религіи отъ ея служителей, — потому сильно блазнящіеся табакокуреніемъ, и никакъ не могущіе найти что нибудь общаго и подходящаго между рясой и папиросой, между дымомъ кадильнымъ и дымомъ табачнымъ, между серьезностію и приличіемъ, подобающимъ священному сану, и между малодушіемъ и раболѣпною подражательностію людямъ *ходящимъ по всему міра сего*. Вотъ въ виду этихъ то обстоятельствъ получаютъ особенно глубокій и важный для васъ смыслъ апостольскія слова, взятыя мною въ основаніе всей нынѣшней бесѣды моей съ вами: *Соблазнить ближняго* — нѣмъ нибудь даже и напрасно и безразличнымъ въ сущности —

такой великій грѣхъ по апостолу, что напримѣръ если яденіе мяса можетъ какимъ нибудь образомъ подать поводъ къ соблазну, то лучше не ѣсть этого вовѣки! *Все мнѣ позволительно*,—разсуждаетъ апостолъ по вопросу объ яствахъ,—*но не все полезно; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ. Никто не ищи своего, но каждый пользы другаго* (1 Кор. X, 23. 24). *Берегитесь*, говоритъ также апостолъ, *чтобы свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ. И отъ знанія твоего*, — обличаетъ онъ кичащихся своимъ умственнымъ развитіемъ предъ темными и простодушными людьми,—*погибнетъ немощный братъ, за котораго умеръ Христосъ. А согрѣшая такимъ образомъ противъ братьевъ, и уязвляя немощную совѣсть ихъ, вы согрѣшаете противъ Христа* (1 Кор. VIII, 9. 11. 12). *Итакъ*, — убѣждаетъ тотъ же апостолъ,—*будемъ искать того, что служитъ къ миру и къ взаимному назиданію. Ради пищи не разрушай дѣла Божія. Все чисто, но худо человѣку, который ѣстъ съ соблазнъ. Лучше не ѣсть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отъ чего братъ твой преткнется, или соблазнится, или изнемогаетъ* (Рим. XIV, 19—21). Вся эта рѣчь апостольская прямо приложена быть можетъ къ табакокуренію, которое не непричнымъ уже только, но и преступнымъ дѣлается для лицъ духовнаго сана, и въ особенности для священнослужащихъ среди простодушной массы народной, которая, какъ извѣстно, необыкновенно чувствительна бываетъ именно ко всякимъ внѣшнимъ отступленіямъ отъ правилъ строгаго приличія и благоповеденія, и особенно не любитъ въ пастыряхъ своихъ этой шаткости и неустойчивости характера, этой измѣны добрымъ преданіямъ отцевъ и пренебреженія къ правиламъ строгой русской старины въ пользу неблаговидныхъ обычаевъ и привычекъ чувственныхъ и неправославныхъ.

Такъ вотъ, друзья мои, какой получается общій и заключительный выводъ изъ всей моей нынѣшней бесѣды съ вами. Въ гигіеническомъ или медицинскомъ отношеніи табакъ есть вещь вредная и имѣетъ непріятныя, въ денежномъ и практическомъ отношеніи онъ есть невыгодная и нерасчетливая вещь, въ учеб-

номъ и дисциплинарномъ—неудобная и рискованная, а въ нравственномъ—даже грѣшная и небогоугодная. Аминь.

ПРИВѢТСТВЕННАЯ РѢЧЬ

двѣнадцатому пѣхотному великолуцкому полку, при возвращеніи его на родину, послѣ восточной войны *).

(6 декабря 1878 г.).

Привѣтствуемъ васъ, любезные воины, съ возвращеніемъ въ родимый русскій край съ чужеземныхъ вражескихъ полей военныхъ. Поистинѣ нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ все, чѣмъ переполнено теперь не только наше, но конечно и всякое русское сердце, встрѣчающее васъ и радующееся о вашемъ возвращеніи. Ваши подвиги въ преодолѣніи едва вѣроятныхъ трудностей совершившагося похода, ваше мужество и безстрашіе въ борьбѣ не только съ дикимъ и фанатическимъ врагомъ, но и съ самою природою и ея суровыми стихіями, ваши блестящія побѣды—возобновили и возвысили древнюю славу русскаго оружія до самой высокой степени, а наше національное чувство порадовали и удовлетворили вполнѣ. Хвала и честь вамъ, наши доблестные и дорогіе герои. И Боже мой, съ какимъ трепетомъ и замираніемъ сердечнымъ слѣдили мы здѣсь за вашею судьбою, проводя васъ въ далекій и опасный бранный путь. Каждая ново-полученная газета читалась здѣсь на расхватъ. Встрѣчая въ ней знакомыя и любезныя намъ имена, мы уносились мысленно за вами на поле брани,—туда къ Дунаю, въ злосчастную Болгарію и къ Балканамъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ изучали тѣ мѣста, гдѣ вы находились, старались предугадывать тѣ опасности, которыя вамъ предстояли и опредѣлить тѣ пути, по которымъ вы устремлялись все дальше и дальше въ самую глубь страны вражеской,—пока наконецъ истощенный, униженный и вконецъ

*) Напечатана въ 24 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1878 г.

разгромленный врагъ не запросилъ у васъ пощады и мира. Всякое извѣстіе о какомъ-нибудь трудномъ и нерѣшительномъ по своимъ послѣдствіямъ дѣлѣ вашемъ наводило здѣсь тяжелое раздумье, вызывало сердечную скорбь и опасеніе. Но всякое извѣстіе о какомъ нибудь либо общемъ вашемъ подвигѣ, или объ отдѣльныхъ опытахъ вашей храбрости приводило всѣхъ насъ въ неописанный восторгъ и радостное волненіе. Читая, какъ турецкіе корабли летѣли на воздухъ, какъ города за городами переходили въ наши руки, какъ цѣлыя арміи непріятельскія попадались намъ въ плѣнъ съ массами оружія и провіанта, мы трепетали здѣсь отъ радости за васъ и за насъ, и молили Господа, чтобы онъ продолжилъ русскія побѣды. Городъ нашъ то и дѣло украшался флагами, былъ иллюминованъ и наполнялся шумными и радостными толпами. Да, много всего пережито и перенесено вами въ минувшую войну, много и нами перечувствовано было въ это напряженное и томительное время. Есть что, особенно вамъ, пересказать и съ пріятностію вспомянуть теперь изъ своей славной и многотрудной боевой жизни. Но вотъ, все это кончилось и прошло; опять вы дома, въ кругу своихъ знакомыхъ, и внѣ всякихъ опасностей. Слава и благодареніе Господу Богу за то, что помогъ вамъ съ такою громкою славою и честію совершить вашъ подвигъ, что возвеличилъ онъ чрезъ васъ и нашу православную русскую страну. Отъ насъ же примите въ настоящія торжественныя минуты нашу полную и глубочайшую благодарность за тѣ гигантскіе труды и неисчислимыя опасности, которыя вы испытали и перенесли, совершая дѣло христіанской любви для страждущихъ славянскихъ братій нашихъ, и для упроченія собственнаго нашего благоденствія и нашей славы среди европейскихъ народовъ. Но какъ ни горячо и ни искренне было наше заочное соболѣзнованіе вашимъ скорбямъ и нуждамъ, а мы все-таки сидѣли у себя дома въ теплѣ и довольствѣ, и свободно пользовались всѣми удобствами и пріятностями мирной гражданской жизни. Вы же терпѣли и палящій зной и леденящій холодъ, и подчасъ и мучительный голодъ, и изнурительную безсонницу и постоянное напряженіе физическихъ силъ,—и это все при непрерывномъ ожиданіи встрѣчъ съ непріятелемъ, или — что все

равно—встрѣчъ съ самою смертію,—о, мы можемъ представить, что вы за насъ вынесли и вытерпѣли! Да наградитъ же васъ самъ Господь Богъ за все это своими великими милостями. Земныя же награды, какъ бы онѣ ни были велики, не будутъ,—мы это знаемъ,—равняться вашимъ заслугамъ. Благодарное же потомство запишетъ въ свои лѣтописи славную исторію о вашихъ подвигахъ, и разсказами о нихъ будетъ вдохновлять своихъ сыновъ, и указывая на вашъ примѣръ станетъ учить ихъ, какъ надо вѣрой и правдой служить царю и отечеству.

Но съ любовію и благодарностію смотря теперь на васъ и раздѣляя съ вами вашу радость и славу, нельзя не вспомнить намъ съ сердечною скорбію и о тѣхъ вашихъ сотрудникахъ и товарищахъ по оружію, которые животъ свой положили въ священной брани съ врагами креста Христова и свирѣпыми притѣснителями христіанства. Да, не задаромъ всетаки достались намъ наши побѣды. Не мало жертвъ принесено, не мало драгоцѣнной русской крови пролито; не мало погибло нашихъ героевъ или въ бояхъ съ непріятелемъ, или въ госпиталяхъ отъ ранъ и отъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней, являвшихся на помощь нашимъ врагамъ, или же просто отъ разныхъ неудобствъ и трудностей походныхъ, которыя могли сокрушить и самую желѣзную физическую силу. Мы знаемъ и помнимъ переходъ балканскій. Хвала и честь этимъ мученикамъ героямъ, до конца исполнившимъ свой долгъ! Вѣруемъ, что Господь воздастъ имъ вѣнцы нетлѣнія въ день праведнаго своего воздаянія. Самъ Онъ сказалъ, что *нѣтъ большей той любви, когда кто душу свою положитъ за други своя.* Но вотъ, они не жалѣли душъ своихъ за братій,—и конечно велика ихъ награда будетъ на небѣ! Не мало плача, сиротства и нужды оставили послѣ себя павшіе герои въ своихъ семействахъ. Но да отрутся эти слезы щедротами царскими и земскою попечительностію русскаго общества. Будемъ исподволь, съ терпѣніемъ, благодушіемъ и упованіемъ на благое провидѣніе залечивать наши раны, причиненныя войной. Что дѣлать, если уже нельзя отвратить неизбѣжнаго зла войны! Это зло суждено испытывать всѣмъ народамъ и всѣмъ обществамъ земнымъ, покуда не откроется вѣчное царство славы. Но это будетъ уже

по скончаніи всѣхъ вѣковъ и временъ, когда самъ Божественный побѣдитель зла придетъ на землю, чтобы окончательно сокрушить его силу, и отдѣлить навсегда его агентовъ и изгнать ихъ изъ предѣловъ своего вѣчнаго царства. Но довольно. Не дадимъ болѣе мѣста грустнымъ мыслямъ и воспоминаніямъ, чтобы не омрачить настоящаго торжества. Но еще разъ просимъ принять отъ насъ дань хвалы, удивленія и благодарности вамъ, предстоящіе здѣсь здравные и невредимые герои наши!

СЛОВО

НА НОВЫЙ (1879) ГОДЪ *).

Ищущимъ во Іисусѣ состоитъ въ томъ, чтобы *отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, и обновиться духомъ ума вашего, и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины* (Ефес. IV, 21—24).

Одна изъ особенностей человѣческой природы есть любовь и стремленіе къ новизнѣ. На чемъ нибудь одномъ, какъ бы оно прекрасно и поразительно на первый разъ ни было, мы остановиться и успокоиться никакъ не можемъ. И потому съ каждымъ новымъ днемъ мы ожидаемъ какихъ нибудь перемѣнъ въ окружающихъ насъ лицахъ, обстоятельствахъ и вообще въ нашей обстановкѣ. Пробуждаясь, мы спѣшимъ узнать, что случилось новаго за стѣнами нашего дома, жаждемъ новыхъ встрѣчъ, новыхъ разговоровъ, новыхъ вещей и пріобрѣтеній, задаемся новыми работами и чертимъ новые проэкты и планы для своей дальнѣйшей дѣятельности. Не одинаковы характеръ и достоинство этихъ плановъ: у людей глубокихъ и серьезныхъ таковы и планы ихъ дѣятельности, у людей обыкновенныхъ и мелкихъ по

*) Напечатано во 2 мы. № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1879 г.

своему развитію, таковы и хлопоты ихъ о текущемъ днѣ и вообще о будущемъ своемъ времени. Важна вообще наша жажда новаго. Въ сущности она есть стремленіе двинуться въ какомъ нибудь отношеніи впередъ. Здѣсь задатокъ нашего развитія, здѣсь признакъ нашей разумности; потому-что неразумныя напр животныя вѣчно довольствуются своей ежедневной обстановкой, и ни о чемъ новомъ и лучшемъ не мечтаютъ, и потому ни въ какомъ отношеніи впередъ не развиваются. Муравей строитъ свой домъ и пынѣ такъ же, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Пчела вырабатываетъ свой медъ и воскъ по одному и тому же старинному, разъ на всегда ей данному отъ природы образцу. Соловей поетъ все туже вѣковѣчную свою пѣсню,—ни хуже, ни лучше, чѣмъ какъ было это при сотвореніи міра. И т. д...

Можно бы ожидать на этомъ основаніи, что жизнь наша, какъ жизнь существъ не только разумныхъ и свободныхъ, но и порывающихся впередъ, должна быть ничѣмъ инымъ какъ правильнымъ и постепеннымъ движеніемъ къ совершенству. Такъ это и кажется инымъ ученымъ мыслителямъ, которые не смотря ни на какіе резоны, приводимые самою жизнію въ опроверженіе ихъ теоріи, все стоятъ на своемъ, и твердятъ одно: человѣчество идетъ впередъ и обновляется. А на знамени этого воображаемаго шествія къ совершенству они красивыми буквами хотятъ начертать излюбленное ими слово «прогрессъ», и съ торжествомъ готовы повторять это громкое слово при всякомъ удобномъ случаѣ,—какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ непрекращаемое и безпрерывное усовершенствованіе человѣчества и обновленіе къ лучшему было фактомъ, не подлежащимъ никакому сомнѣнію. А между тѣмъ это не такъ. Какъ наши собственныя наблюденія надъ окружающею насъ жизнію, такъ и исторія говорятъ, что дѣятельность людская то и дѣло бываетъ или стояніемъ и круженіемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, или видимымъ и ощутительнымъ для всѣхъ отклоненіемъ отъ прямаго пути къ истинѣ и счастію, или даже возвращеніемъ назадъ къ старинным неустройствамъ и безпорядкамъ, разъѣдающимъ общественную и частную жизнь людей. Возьмемъ ли мы для примѣра летучіе капризы моды, увидимъ что въ своихъ непрестанныхъ поновленіяхъ покрои и фор-

мы нашихъ одеждъ, она то и дѣло возвращается къ старинным образцамъ. Захотимъ ли заглянуть въ болѣе серьезныя и глубокія области: нравственную, экономическую и политическую,—туда, гдѣ избранные дѣятели человѣчества напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы облагородить и одухотворить народныя массы, удовольствовать ихъ нужды, упорядочить ихъ жизнь общественную и вообще упрочить счастіе человѣчества,—и здѣсь мы встрѣчаемся съ неприглядной и горькой стариной. Слезъ и горя у людей не меньше, чѣмъ прежде; нужды, невѣжества и бѣдности со всѣми ея ужасными плодами, неисчерпаемое море; самыхъ утонченныхъ пороковъ и всяческаго растлѣнія едва ли и теперь меньше, чѣмъ напр. во времена сладострастной Греціи и грубочувственнаго Рима. Въ одной только области мы готовы признать несомнѣнный и непрерывный прогрессъ, именно въ научной. Нынѣшніе люди количествомъ своихъ знаній несомнѣнно превосходятъ прежнихъ людей, глубже ихъ понимаютъ природу съ ея законами, и потому съ большимъ правомъ могутъ называть себя обладателями природы и ея покорителями. Но при этомъ нельзя не подивиться съ одной стороны чрезвычайной медленности, а съ другой — неправильности движенія человѣческаго ума и въ этой единственной области, гдѣ повидимому онъ идетъ все впередъ и впередъ. Люди какъ бы ощупью и во тьмѣ приближаются цѣлыя тысящелѣтія къ своимъ открытіямъ; но и по сію пору рядомъ съ великими свѣтилами науки умствуетъ и философствуетъ безчисленный сонмъ такихъ жрецовъ ея, подъ руководство которыхъ если бы отдать человѣчество, то оно зашло бы поистинѣ во тьму кромѣшную. И странное выходитъ явленіе. Человѣчество дѣлается все ученѣе, развитѣе и умнѣе, если можно такъ сказать; но не лучше и не счастливѣе. Почему-то оно не обновляется, а все коснѣетъ въ своихъ старинныхъ недостаткахъ, болѣзняхъ и грѣхахъ, и никакъ не можетъ выбиться изъ-подъ гнета ихъ. И конца не видно этой мучительной, но безплодной и безуспѣшной борьбѣ. Какъ будто засѣла въ человѣческую природу какая-то ветхость и гниль, и дѣйствуетъ тамъ съ такою ядовитой и отравляющей силой, что все человѣчество представляется одною сплошною массою больныхъ, отличающихся только степенью своей

болѣзненности, которая однакоже всѣмъ имъ мѣшаетъ успѣшно дѣлать то, къ чему они призваны и къ чему способны и склонны по природѣ. Тайну этого грустнаго явленія, котораго однакоже никакъ не хотятъ признать ни во что не вѣрующіе и все отвергающіе грубо-матеріальные мудрецы нынѣшняго времени, — эту тайну, говоримъ, объясняетъ намъ откровенное слово Божіе, повѣствуя о коренной порчѣ природы человѣческой, внесенной въ нее человѣкоубійцею искони, и перешедшей отъ родоначальника рода человѣческаго ко всѣмъ его потомкамъ. Порча эта такъ глубока и всеобща, что, по слову писанія, всѣ мы въ беззаконіи зачинаемся и во грѣхахъ рождаемся, и затѣмъ, по слову того же писанія, съ нашимъ возрастаніемъ ростутъ въ насъ уже какъ бы два человѣка: одинъ съ признаками богоподобія, съ любовію и стремленіемъ къ истинѣ и благу, другой — съ тяготѣніемъ и наклонностію ко грѣху со всѣми видами его непотребствъ и похотей. И никакому воспитанію, самому тщательному и искусному, еще не удавалось и никогда не удастся вырвать съ корнемъ прирожденное человѣку зло и убить въ немъ этого страстнаго и грѣховнаго, или, — какъ называетъ его писаніе, — ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ. Нѣтъ нужды намъ долго теперь останавливаться на горькой истинѣ порчи и нравственнаго раздвоенія нашей натуры; она слишкомъ ясно и живо сознается всякимъ здравомыслящимъ и честнымъ, и хоть сколько нибудь надъ собой наблюдающимъ человѣкомъ, и всѣ мы съ дѣтства конечно знаемъ печальную исторію своего паденія, и знакомы съ догматомъ о первородномъ грѣхѣ; людямъ же, сомнѣвающимся и не вѣрующимъ довольно указать на эти вѣковѣчныя, но безплодныя усилія всего человѣчества побѣдить царящее въ немъ и мучащее весь родъ людской зло. Но есть для насъ нужда и самый теперь благовременный поводъ, въ день новаго года, — приблизить къ своему сознанію, обнять сердцемъ и душой вышеприведенныя апостольскія слова, что *истина во Іисусѣ* состоитъ въ томъ, чтобы *отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, а обновиться духомъ ума нашего, облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу*, въ

праведности и святости истины. Этими словами въ сущности апостолъ хочетъ внушить намъ, что какъ бы ни хлопотали люди о своемъ усовершенствованіи, какія бы мѣры ни принимали къ обновленію и упорядоченію своей общественной и личной жизни, — дѣло это не устроится безъ внутренняго и нравственнаго нашего обновленія. Могутъ быть улучшены внѣшнія формы нашей жизни, но истиннаго, какъ говорятъ, прогресса отъ этого не произойдетъ; потому-что истина во Іисусѣ Христѣ состоитъ, какъ и должна состоять, въ томъ, чтобы человѣкъ сталъ лучше и обновился по своей сущности, т. е. по душѣ и общему нравственному строю, а не по внѣшности только. Въ противномъ случаѣ люди могутъ только выбиться изъ силъ, а ветхости своей всетаки не сбросятъ, и отъ застоя и коснѣнія на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ областяхъ своего развитія—не освободятся.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько напр. умныхъ головъ трудятся надъ изобрѣтеніемъ способовъ поднять экономическое положеніе нашей страны и улучшить матеріальный бытъ народа. Пишутся самыя разумныя системы сельскаго хозяйства, изобрѣтаются прекрасныя и цѣлесообразныя машины, чтобы сократить и облегчить тяжелый земледѣльческій трудъ, желѣзными дорогами сокращаютъ разстоянія для удобства сбыта и размѣна мѣстныхъ богатствъ и естественныхъ произведеній земли. И этими богатствами, можно сказать, не обдѣлилъ Господь нашу обширную страну. И однакоже богатствъ этихъ почему-то не накопляется, дешевле ничего не дѣлается, а бѣдность не умаляется. Что за причина? Какой-нибудь ученый политико-экономъ можетъ написать по этому поводу цѣлые томы; между-тѣмъ первоначальный и самый глубокій корень зла собственно въ порокахъ народа и въ слабости религіознаго начала у самыхъ дѣятелей народныхъ. Представьте, въ самомъ дѣлѣ, что наши рабочія массы стали вдругъ всѣ трезвы, трудолюбивы и воздержны, а соприкасающіеся съ ними городскіе, и вообще болѣе сильные народа люди, какъ-то купцы, арендаторы, фабриканты и проч... сдѣлались всѣ честными, благожелательными къ народу и богобоязненными людьми, — тотчасъ же почуствовалось бы всѣмъ облегченіе, и повѣялъ бы на всѣхъ другой отрадный и живительный воздухъ. Но

пока нашъ кре тьянинъ и мастеровой будетъ тратить свою трудовую копѣйку на пьянство, а торговецъ въ основу своихъ дѣйствій и правилъ будетъ полагать обманъ и прижимку, т. е. пока тотъ и другой не сдѣлаются религіознѣе и благочестивѣе, до тѣхъ поръ ихъ взаимное, а слѣдовательно и наше общее матеріальное благо не настанетъ и не возвысится. А разгулъ и житейская безпорядочность городскаго населенія, мелкая суетность и наклонность жить не по средствамъ средне-сословныхъ людей, а неудержимая страсть пресыщаться всевозможными чувственными удовольствіями, пировать и веселиться по вся дни свѣтло, царствующая въ высшихъ кругахъ общественныхъ, — всѣ эти явленія разъѣдающія и разстраивающія общее экономическое положеніе, гдѣ имѣютъ свою первоначальную причину? Опять въ нравственной несостоятельности людей и слабости въ нихъ религіознаго начала. Еслибы люди научились давать перевѣсъ своей духовной сторонѣ надъ чувственною, еслибы побольше заботились о своей душѣ и почаще думали о небѣ; то и самая тѣлесная жизнь ихъ и земная дѣятельность тотчасъ бы упорядочилась, и приняла бы стройный, благообразный, здоровый и довольный видъ,—и не было бы этого безпокойнаго и страстнаго круженія въ чаду земныхъ утѣхъ, этого непрочнаго и напускнаго веселья, этого подкрашеннаго и искуственнаго довольства, съ зачатками внутренней гнили и съ затаенною скорбію сердечною и съ горькими думами о неизвѣстномъ будущемъ.

Возьмемъ во вниманіе и наше гражданское устройство. Права и обязанности каждаго сословія, а также и личныя права каждаго гражданина опредѣлены и взвѣшены у насъ съ полною по возможности точностію и справедливостію. Судъ намъ дарованъ скорый и правый; наша безопасность и личное благо ограждены всѣми по возможности мѣрами, обычными и принятыми въ странахъ образованныхъ и гуманныхъ, — чего бы кажется больше? А между тѣмъ массы преступленій и крупныхъ и мелкихъ, извѣстіями о которыхъ переполнены газеты и разбирательствомъ которыхъ обременены судебныя учрежденія, грубо нарушаютъ гражданскій порядокъ и строй общественной жизни, мѣшаютъ жить спокойно честнымъ труженикамъ и благонамѣреннымъ

гражданамъ, и вообще задерживаютъ развитіе и обновленіе общества къ лучшему и лучшему. Причина зла опять таже самая,— порокъ и развращеніе, ослабляющія религіозное начало въ людяхъ. Тотъ убилъ ближняго по злости и самолюбивому раздраженію; другой залѣзъ въ чужой домъ съ цѣлію грабежа и воровства, третій растратилъ общественную казну — по жадности и корыстолюбію, или увлекшись преступной мечтой о легкой наживѣ; другой развелся съ женой и толкнулъ ее на разныя преступленія, и самъ совершилъ рядъ безчинствъ и непотребствъ—по сладострастію; иной лишилъ себя жизни, пресытившись ею и потерявъ вѣру въ Бога, — вотъ что приходится то и дѣло наблюдать и читать въ хроникѣ жизни общественной. Но будь искра страха Божія въ людяхъ и христіанская трезвенность, — ничего бы этого конечно не было. Говорятъ все, что образованіе и просвѣщеніе можетъ излечить нравственныя болѣзни общества, что все дурное и преступное совершается собственно по невѣжеству и умственной неразвитости. Но если бы это было такъ, то всѣ необразованные люди были бы дурными, и наоборотъ—просвѣщенные высоконравственными людьми. Но кому не извѣстно, что на дѣлѣ этого не только нѣтъ, но и бываетъ совершенно наоборотъ? Нѣтъ, причина всему та порча нравственная и та ветхость духа, которая глубоко засѣла въ людяхъ, и тлится въ падшей природѣ ихъ, по выраженію писанія, обольстительными похотями.

Возьмемъ наконецъ во вниманіе наше общественное воспитаніе и обученіе, ту область, гдѣ зрѣетъ и развивается наше молодое поколѣніе, этотъ благоухающій цвѣтъ и надежда государства. Зная, съ какимъ тщаніемъ и глубокомысліемъ разработываютъ науку воспитанія наши высокообразованные педагоги, смотря на эти многочисленные и величественные храмы науки, разсѣянные по обширному отечеству нашему со всѣми приспособленіями и удобствами для образованія молодыхъ людей,—можно бы ожидать, что всѣ затраты, производимыя на нихъ государствомъ и всѣ труды и заботы ученыхъ дѣятелей и педагоговъ съ избыткомъ вознаградятся благими плодами, которыхъ въ правѣ ожидать общество отъ нашихъ юношей, т. е. ихъ зрѣлымъ умственнымъ развитіемъ, добрымъ нравственнымъ направленіемъ, умѣлостію и

пригодностію ко всякой полезной общественной дѣятельности. А между тѣмъ наши школы, и преимущественно высшія, сдѣлались нынче какимъ то особенно больнымъ нашимъ мѣстомъ. Молодежь наша является въ большинствѣ какою то прискорбною массою недоучекъ, даже безъ задатковъ серьезной учености и безъ благородной и самоотверженной любви къ наукѣ, какъ это было въ старину, а съ одними праздными и незрѣлыми мечтами, съ пагубною наклонностію браться не за свои дѣла, или же съ преждевременнымъ равнодушіемъ къ жизни и пресыщенностью, а что всего хуже—съ душевною растлѣнностію и нравственной распущенностію. Трудно рѣшить, кого винить здѣсь нужно больше, — семью ли нашу, въ которой пренебрегаютъ съ раннихъ лѣтъ полагать страхъ Божій въ основу дѣтскаго воспитанія и обученія, или же школы наши, которыя совершенно не считаютъ религіозную область своею областію, а иногда даже какъ бы нарочно стараются держать своихъ питомцевъ какъ можно дальше отъ этой области, дабы спасти, какъ говорятъ, свободу мысли и независимость научной дѣятельности. Можетъ быть вина здѣсь падаетъ поровну и на семью и на школу. Какъ бы то ни было, но вся бѣда въ томъ и состоитъ, что не свѣтитъ лучъ вѣры на челѣ нашихъ юношей и не горитъ святая искра религіи въ ихъ сердцѣ. И ничѣмъ и никогда не будетъ исправлено дѣло, покуда не зажжена будетъ эта искра, и покуда въ основу, какъ общественнаго, такъ и домашняго нашего воспитанія и обученія, не будетъ положено религіозное начало, и притомъ самымъ тщательнымъ и искреннимъ образомъ.

Всю эту рѣчь мы наклоняемъ къ одному, и сводимъ вообще къ тому, что истинное развитіе общества и обновленіе его въ лучшемъ и разумномъ смыслѣ этого слова невозможно безъ нравственнаго преуспѣянія людей и обновленія ихъ въ духовно-религіозномъ отношеніи. Какую бы ни взяли мы область жизни общественной, хотя бы самую богатую по раскрывающимся въ ней успѣхамъ ума человѣческаго и разнымъ наглядным повидимому и осязательнымъ плодамъ цивилизаціи, но непремѣнно въ ней откроетъ намъ наблюденіе нѣкоторое неустройство, нѣкоторую незрѣлость и такъ сказать застой,—что-то такое, что мѣшаетъ

людямъ вкусить на самомъ дѣлѣ и насладиться благихъ плодовъ образованности и просвѣщенія, и не даетъ имъ надлежащаго и правильнаго ходу въ историческомъ ихъ развитіи. Мы нарочно брали самые крупные и наиболѣе выдающіеся примѣры. Мы видѣли, что люди стали умнѣе, но не ближе къ истинѣ; практичнѣе и многосвѣдущѣе, но не богаче и не счастливѣе; мягче и цивилизованнѣе, но не добродѣтельнѣе; многоопытнѣе, но не нравственнѣе. Какой же въ этомъ собственно прогрессъ и обновленіе общества? Да, иное дѣло говорить и разсуждать о прогрессѣ и мечтать о нравственномъ обновленіи; а иное дѣло стать на самомъ дѣлѣ новымъ человѣкомъ, и, какъ выражается апостолъ, облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины!

Мы сказали, что это никогда не удастся сдѣлать человѣку одному и собственными силами, если не придетъ къ нему на помощь св. религія Христова. Такъ. Потому что въ этой таинственной сокровищницѣ предлагаются нѣкоторыя сверхъ-естественныя, или—по выраженію писанія *божественныя силы, потребныя для жизни и благочестія* (2 Петр. 1, 3). Оказывается, что разстройство и порча натуры человѣческой такъ глубока, что человѣку, послѣ естественнаго рожденія отъ отца и матери, нужно испытать нѣкоторое перерожденіе свыше, нужно родиться водою и духомъ, чтобы получить возможность возвратить и возобновить потерянное свое богоподобіе. Это и бываетъ съ нами во св. таинствѣ крещенія, гдѣ какъ бы замираетъ нашъ ветхій человѣкъ, и гдѣ преподается намъ благодатное начало для новой жизни о Христѣ Іисусѣ; такъ что, по слову Спасителя, теперь въ благодатномъ царствѣ его *если кто не родится водою и духомъ, то не можетъ онъ войти въ царствіе Божіе.* (Іоан. III, 5). Затѣмъ возрожденному въ водахъ крещенія человѣку, какъ новорожденному младенцу, требуется благопріятный ростъ и укрѣпленіе силъ духовныхъ. Это устроилъ Господь для падшихъ, но искупленныхъ и обновленныхъ имъ людей, во святомъ таинствѣ муропомазанія, гдѣ полагается на каждаго новаго члена церкви Христовой таинственная печать дара Духа Святаго, укрѣпляющая его и вооружающая на брань съ темными силами, цар-

ствующими надъ падшимъ человѣческимъ родомъ, и дающая силу побѣждать тотъ *иной законъ въ членахъ нашихъ, который противоборствуетъ закону ума нашего, и дѣлаетъ насъ плѣнниками закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ нашихъ* (Рим. VII, 23). Въ возрастающемъ человѣческомъ организмѣ неизбѣжно бываютъ разнаго рода болѣзни; такъ и въ духовно-нравственномъ развитіи нашемъ неизбѣжны для насъ разныя ошибки и грѣхопаденія, болѣе или менѣе уязвляющія нашу совѣсть, и болѣе или менѣе удаляющія насъ отъ любви и милости Божіей. На эти случаи Господь изготовилъ для насъ врачебницу духовную во святомъ таинствѣ покаянія, гдѣ возвращается намъ спокойствіе совѣсти и примиреніе съ Богомъ, и гдѣ таинственно излѣчиваются всѣ наши язвы грѣховныя, и притомъ столь всецѣло и полно, что какъ будто ихъ и не было. *Если будутъ грѣхи ваши, какъ багряница*,—говоритъ Господь,—*то сдѣлаются бѣлыми, какъ снѣгъ; если будутъ красны, какъ пурпуръ, сдѣлаются, какъ бѣлая волна* (Исх. I, 18). Далѣе,—какъ для роста и продолженія жизни нашего тѣла, для его бодрости и энергіи необходима здоровая и питательная пища; такъ и для души нашей Господь изготовилъ таинственный хлѣбъ, сходящій съ неба. И кто бы могъ подумать? Этимъ хлѣбомъ онъ сдѣлался для насъ самъ, таинственно предлагая во святѣйшей Евхаристіи намъ въ пищу и питіе свое пречистое тѣло и кровь. Единеніе, которое достигаетъ здѣсь человѣкъ съ Богомъ, столь полно и велико, что его можно только выразить подлинными словами самаго Господа: *Ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную; и Я воскрешу его въ послѣдній день. Ибо плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питіе. Ядущій мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ* (Іоан. VI, 54—56). Находясь въ такомъ тѣсномъ единеніи съ Господомъ, таинственно осѣняемый и подкрѣпляемый всильною благодатію Св. Духа, и руководимый правилами св. церкви Христовой, человѣкъ можетъ конечно, и при немощахъ своей природы, противостать всѣмъ злымъ діанольскимъ и возвыситься до возможныхъ и желанныхъ имъ степеней нравственнаго совершенства.

Всѣхъ этихъ тайнъ не хотятъ знать современные оплотянив-

ніеся и ни во что не вѣрующіе мудрецы людскіе, а за ними и массы ихъ учениковъ, подобные имъ по направленію и характеру, мудрствуютъ и живутъ такъ-же, какъ и ихъ учители. Дивное домостроительство спасенія человѣковъ, совершенное крестомъ и смертію единороднаго Сына Божія, какъ будто не для нихъ устроено. Вотъ въ этомъ то вся и бѣда. Съ удивительнымъ хладнокровіемъ, доходящимъ до какой-то право тупости, сторонятся люди отъ своего блага, которое предлагаетъ для нихъ Господь въ готовомъ, такъ сказать, и совершенно легкомъ и удобномъ видѣ. Нѣтъ, они все рвутся къ самоизмышленному совершенству, и мечтаютъ обновить свою жизнь и свои общества по самодѣльнымъ идеаламъ, которые предносятся ихъ уму и воображенію; но лишь только запутываютъ и осложняютъ дѣло, а ветхости своей нравственной все-таки сбросить никакъ не могутъ, и истиннаго и здороваго обновленія своей жизни никакъ не устроятъ. По той мѣрѣ, какъ они разработываютъ средства и изощряютъ усилія, чтобы поднять человѣчество до высшихъ человѣческихъ идеаловъ, изощряется и зло, живущее въ мірѣ и становится поперекъ ихъ планамъ и благороднымъ усиліямъ. Какъ они этого не замѣтятъ? Какъ они не догадаются, что есть какая то могучая злобная сила въ мірѣ, которая толкаетъ человѣчество назадъ во тьму, невѣжество и въ пагубу, и что собственныхъ силъ для борьбы съ этой силой у человѣка не достаетъ?!...

Благочестивые и православные сыны Христовой церкви, предстоящіе и молящіеся въ семъ священномъ собраніи! Не отложить ли намъ излишнюю надежду на такъ называемую цивилизацію людскую, и не перестать ли ждать своего обновленія отъ одной только науки и просвѣщенія, которое тысячи лѣтъ все только сулитъ людямъ счастіе и прочное благоустройство ихъ обществъ, но до сихъ поръ ничего подобнаго не даетъ? Не ринуться ли намъ съ простотою вѣры и дѣтскою преданностію въ лоно церкви Христовой, и не отдаться ли ея благодатному водительству? О, какое полное счастіе нашли бы мы здѣсь, и какое прекрасное и всецѣлое обновленіе нашло бы не только наше русское, но и всѣ общества людскія подъ сѣнію церкви Христовой, подъ легкимъ и благимъ бременемъ закона Божія! Да положено будетъ

благодатію и милостію Господнею по крайней мѣрѣ начало сего обновленія нашего въ наступающемъ новомъ лѣтѣ. Аминь!

СЛОВО

при погребеніи пресвященнаго Іустина *).

(19 марта 1879 г.).

Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о умершихъ, дабы вы не скорбѣли, какъ прочіе, не имѣющіе надежды. Ибо если мы вѣруемъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ (1 Сол. IV, 13. 14).

У гроба старца, достигшаго послѣднихъ можно сказать предѣловъ, до которыхъ можетъ простираться бренная жизнь человѣческая, и дальше которыхъ уже для самаго живущаго идетъ одинъ только трудъ и болѣзнь, у гроба человѣка, цѣлую жизнь свою бывшаго одинокимъ и по самымъ обѣтамъ монашескимъ не могшаго имѣть глубокихъ и живыхъ родственныхъ связей съ окружающими его людьми и вообще съ міромъ, не можетъ и быть той жгучей боли сердечной, тѣхъ горькихъ слезъ, которыя обыкновенно бываютъ при гробѣ людей мірскихъ и житейскихъ. Но все равно тяжело и горько всякому человѣку мыслящему и любящему жизнь (а кто изъ насъ ее не любитъ?) глядѣть вблизь на грозный ликъ смерти и стоять предъ зіяющей могилой, въ которой долженъ быть зарытъ недавно вмѣстѣ съ нами жившій человѣкъ, когда то мыслившій и ощущавшій жизнь, также какъ и мы ее теперь чувствуемъ, предчувствовавшій и сознававшій горечь неизбѣжной для всего рода людскаго смерти, и также недоумѣвавшій предъ мракомъ могильнымъ и конечно содрогавшійся отъ неизвѣстности и таинственности загробной страны, какъ это и

*) Напечатано въ 7 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1879 г.

со всякимъ живымъ человѣкомъ бываетъ. Тамъ за гробомъ лучшая жизнь, говоритъ намъ вѣра, тамъ *нѣтъ болѣзни, ни печали ни воздыханія*,—поемъ мы при всякомъ погребеніи. Но будетъ ли также прекрасно блестѣть тамъ солнце, льющее жизнь и теплоту на этотъ чудный міръ Божій, въ которомъ такъ хорошо быть мыслящимъ и радостнымъ гостемъ? Будетъ ли слышно намъ оттуда, какъ весело щебечутъ здѣсь птицы, привѣтствуя приближеніе весны, видно ли будетъ это сіяющее и лазурное небо, эта роскошная зелень и необъятная ширь пестрѣющихъ полей, ощутимо ли будетъ благовоніе цвѣтовъ и играніе животныхъ и будетъ ли съ кѣмъ поговорить тамъ по душѣ о всемъ, что промелькнетъ здѣсь иной разъ въ головѣ и что ощущаетъ сердце? Не охладѣетъ ли это самое чувство, не задремлетъ ли мысль, и не замѣнитъ ли все это безотрадная тишина и безпробудное молчаніе, съ одними только горькими воспоминаніями, какъ радостно и счастливо жилось на бѣломъ свѣтѣ? И трудно, трудно—братіе—отогнать совсѣмъ прочь всѣ эти грустныя мысли, толпой тѣснящіяся въ душу при размышленіи о смерти, и особенно при наглядномъ какомъ нибудь случаѣ смертномъ, вотъ какъ этотъ теперешній. Невольно вспоминается правдивое и мѣткое слово поэта: «Боже! и вѣрь могила темна». Вотъ эту то темноту и хочетъ прояснить св. апостолъ Павелъ своими богодухновенными словами утѣшенія, не желая оставить насъ въ невѣденіи о умершихъ, дабы мы не печалились какъ и прочіе, не имѣющіе надежды. Такими безнадежными называетъ онъ современныхъ себѣ язычниковъ, узкому взгляду которыхъ загробная жизнь дѣйствительно представлялась или совершеннымъ небытіемъ, или нѣкоторой безотрадной страной тѣней, гдѣ души умершихъ уже не имѣютъ свободной и полной жизни, а томятся подобно узникамъ, и только вспоминаютъ и вздыхаютъ о безвозвратно потерянной жизни на землѣ. Гнетущей тоскою, не лишенной впрочемъ нѣкоторой скорбной поэзіи, отзываются древнегреческіе миѳы объ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ самые знаменитые люди и герои древности, начальствующіе надъ тѣнями умершихъ, тоскуютъ и плачутъ о землѣ, и желали бы весь подземный почетъ свой промѣнять на одну только возможность возвратиться

къ живымъ людямъ, хотя бы въ качествѣ рабовъ у послѣдняго пастуха земнаго. Такъ и слышится здѣсь неодолимое и животрепещущее чувство жизни и наслажденія среди красотъ и радостей земныхъ, увлекавшее такъ сказать инстинктивно образованныхъ и изящныхъ грековъ до предчувствія безсмертія, и въ то же время сказывается полное невѣдѣніе того, что ждетъ человѣка на томъ свѣтѣ. Не то рисуетъ нашему христіанскому взору слово Божіе, и не только не такъ, но совершенно обратно учитъ насъ представлять жизнь души, отшедшей въ вѣчность. Ставя источникомъ, или краеугольнымъ камнемъ нашей надежды Богочеловѣка Іисуса Христа, подобно намъ вкусившаго смерть, но воскресшаго и прославленнаго, и теперь сидящаго одесную Бога Отца, святая религія наша приподнимаетъ нѣсколько завѣсу, скрывающую отъ насъ загробную страну,—и не мракъ, а свѣтъ тамъ видится; не сокращеніе и стѣсненіе жизни, а высшее развитіе и паренiе ея, не тоска и грусть, а высшая радость и самое сознательное и глубокое самочувствіе и блаженство; *ибо если мы вѣруемъ*, утѣшаетъ насъ апостолъ Христовъ, *что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ во Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ*, т. е. къ той самой славѣ, къ той полнотѣ бытія приведетъ, которая зрится очами вѣры въ сіяющей и свѣтоносной личности Богочеловѣка. Конечно мы отсюда, съ земли никакъ не умѣемъ представить себѣ новыхъ условій нашего бытія на небѣ, и никакъ не можемъ отрѣшиться отъ земныхъ условій нашей жизни, безъ которыхъ и самая-то жизнь представляется какъ-бы невозможною, т. е. какъ это мы будемъ видѣть безъ глазъ и свѣта, мыслить безъ головы, ощущать безъ сердца, познавать и сознавать вещи, не касаясь ихъ и лишившись всѣхъ пяти своихъ чувствъ. Но не въ этомъ и дѣло, и не нужно преждевременно усиливаться срывать таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ до времени нашу будущую жизнь. Не далеко отъ каждаго изъ насъ время, когда мы узримъ *ее лицемъ къ лицу*, и познаемъ уже *не отчасти*, а съ тою опредѣленностью и отчетливостью, съ какою *сами познаны* мы отъ Господа, по выраженію писанія. Нѣтъ нужды, значитъ, горевать и смущаться тѣмъ, что и намъ христіанамъ повелѣлъ Господь до времени

пожить въ нѣкоторомъ мракѣ и неизвѣстности насчетъ образа и способовъ жизни нашей за гробомъ; сущность дѣла въ тѣхъ великихъ обѣтованіяхъ безсмертія, по смыслу которыхъ эта жизнь наша земная, столь дорогая и любезная намъ, есть не болѣе, какъ преддверіе и такъ сказать зачаточный отрывокъ готовящейся для насъ истинной и въ полномъ смыслѣ богоподобной жизни, сообразной нашему высокому человѣческому достоинству. Утробная жизнь младенца до появленія его на свѣтъ Божій есть тоже жизнь, но какимъ несовершенствомъ и какою тьмой она представляется въ сравненіи съ самостоятельною и развитою жизнію родившагося и уже созрѣвшаго человѣка. Вотъ такимъ же точно образомъ учатъ насъ отцы церкви смотрѣть и на земную нашу жизнь, въ сравненіи съ загробной и небесной нашей жизнію. Принявъ въ основаніе этотъ христіанскій взглядъ и ученіе о нашемъ будущемъ безсмертіи, не мало отраднаго можно сказать въ проясненіе той темноты и сомнѣній, которыя неразлучны съ мыслію о смерти и которыя густымъ облакомъ окружаютъ обыкновенно всякую могилу человѣка, только что отошедшаго отъ насъ въ страну вѣчности. Пока живъ человѣкъ, онъ постоянно мыслитъ и разсуждаетъ о вещахъ. Присутствіе ума и обиліе идей въ его головѣ и даетъ ему то царственное преимущество, которое ставитъ его выше всѣхъ остальныхъ существъ на землѣ, а сознаніе въ себѣ этого умственнаго преимущества и этой судительной силы, раскрывающей предъ нимъ тайны міра Божія и законы бытія во вселенной, и приноситъ ему самое высокое и духовное удовольствіе, устремляетъ его все дальше и дальше расширять свои познанія, заставляетъ переплывать моря— чтобы все видѣть и изучить на землѣ, и погружаться въ многоразличныя области научныя, чтобы удовлетворить благородной жаждѣ знанія и извѣдать сладость этого знанія. И чѣмъ сильнѣе умъ въ человѣкѣ и чѣмъ богаче его знанія, тѣмъ онъ счастливѣе. Но когда умираетъ человѣкъ, то думаете ли вы, что прекращается въ немъ и работа мысли и потухаетъ свѣточъ его ума? О нѣтъ напротивъ, тогда то и загорается яркимъ лучемъ его мысль, и быстрымъ полетомъ воспаряетъ его умъ надъ этимъ міромъ, гдѣ какъ въ предварительной школѣ учился онъ по скла-

дамъ разумѣвать тайны бытія, и съ такимъ многолѣтнимъ изнурительнымъ трудомъ добывалъ себѣ знанія. Какъ вспомнишь въ самомъ дѣлѣ, какъ медленно идетъ здѣсь умственное развитіе человѣка, въ какой зависимости находится его мысль отъ внѣшнихъ его чувствъ и органовъ тѣлесныхъ, какимъ случайностямъ подвержено его научное образованіе, иногда на тысячи верстъ отклоняющее отъ истины, и притомъ какая необозримая масса людей осуждена здѣсь вовсе жить безъ знаній и науки и пробавляться скуднымъ запасомъ убогаго деревенскаго опыта и самаго зыбкаго личнаго наблюденія, когда приведешь еще себѣ на мысль, какъ и самый сильный и свѣтлый умъ ученѣйшаго и образованнаго человѣка со старостію и одряхленіемъ его тѣла постепенно тускнетъ и слабѣетъ и возвращается къ младенческой простотѣ и безсилію; то сознаніе ненормальности всего этого для богоподобной души нашей невольно возникаетъ въ умѣ нашемъ, и рождается какъ бы инстинктивное предчувствіе, что не то суждено человѣку, что иное лучшее предстоитъ ему тамъ въ будущей жизни. Нельзя доподлинно сказать, кто и какъ насъ будетъ учить тамъ и какимъ способомъ будутъ пріобрѣтаться наши знанія; но то несомнѣнно, что все это будетъ происходить самымъ облегченнымъ, быстрымъ и успѣшнѣйшимъ образомъ. Умирающее дитя можетъ быть годомъ развивается и крѣпнетъ мыслію тамъ успѣшнѣе, чѣмъ какъ это сдѣлалось бы съ нимъ въ продолженіи многолѣтней школьной жизни на землѣ. Простая женщина и неученый простолюдинъ можетъ быть въ самый краткій промежутокъ времени становится тамъ ученѣе и свѣдущѣе самаго ученѣйшаго нашего профессора. Стоитъ ли, значитъ, слишкомъ страдать и мучиться отъ неудовлетворенности въ изысканіяхъ истины и отъ несовершенства знаній тѣмъ изъ насъ, которые въ нѣкоторой степени владѣютъ этими знаніями, и тѣмъ въ особенности, которые неблагопріятными условіями выпавшей имъ доли земной лишены вовсе возможности пользоваться научнымъ свѣтомъ и осуждены влачить свое существованіе во тьмѣ необразованности? Все это, Богъ дастъ, вознаградится и дополнится тамъ, въ лучшей и безсмертной жизни за гробомъ.

Другая область нашей душевной жизни есть чувство. Этой

стороной нашего духа мы стремимся къ прекрасному и жаждемъ изящныхъ наслажденій. Плодомъ этой жажды были и есть между прочимъ изящныя искусства. Она же, эта благородная жажда красоты и наслажденія, заставляетъ насъ чутко отзываться на всѣ проявленія естественныхъ красотъ природы, заставляетъ сладостно биться наше сердце при созерцаніи этихъ красотъ и даетъ намъ чувствовать, какъ хорошо жить въ этомъ прекрасномъ мірѣ Божіемъ. Благовонный цвѣтокъ, звонкая пѣсня соловья, блестящій восходъ солнца, тихое журчаніе ручья, зеленѣющій въ отдаленіи прохладный лѣсъ и тому подобныя прекрасныя явленія будятъ на днѣ души нашей нѣкоторое сладкое предчувствіе иной премірной жизни, скрывающейся за этими внѣшними и чувственными формами красоты, и вмѣстѣ намекаютъ намъ на сродство нашей богоподобной души съ этой невидимой и неосязаемой красотою и съ этой премірной жизнію,—и въ этомъ тайна эстетическихъ наслажденій. Когда умираетъ человѣкъ и застываютъ въ немъ всѣ ощущенія его, то брезгливому чувству нашему, видящему предъ собою одинъ безобразный и тлѣющій трупъ, представляется, что какъ будто бы исчезаетъ вмѣстѣ съ жизнію и все прекрасное въ человѣкѣ, что любить, радоваться и наслаждаться уже невозможно, порвавши связи со всѣмъ тѣмъ, въ чемъ мы привыкли видѣть, находить и ощущать красоту. Но будьте увѣрены, что въ сущности это не такъ, и не то открываетъ святая вѣра Христова. Напротивъ, когда душа наша сбрасываетъ съ себя узы тлѣнія и разрѣшается отъ тѣла, тогда то и обрѣтаетъ она тѣ высокіе и прекрасные идеалы, которые въ видѣ темныхъ намековъ и сладкихъ предощущеній жили въ ея сердцѣ, покуда она обитала на землѣ. Ахъ когда подумаешь, какъ мало красныхъ и свѣтлыхъ дней выпадаетъ на долю большинства людей, сколько горя и разнообразнѣйшихъ непріятностей суждено вынесть человѣку здѣсь на землѣ, сколько безобразія и всяческихъ ненормальностей безпрерывно уязвляютъ наше сердце, сколько здѣсь тяжелаго и безвыходнаго труда, не дающаго людямъ покою и не позволяющаго имъ, какъ рабочимъ животнымъ, иной разъ поднять и очей своихъ къ ясному небу, и отвести ихъ отъ ежедневной грубой прозы житейской; то невольно воздохнешь

о лучшемъ и наипрекраснѣйшемъ мірѣ, гдѣ души усопшихъ вмѣстѣ съ блаженными духами ангеловъ непосредственно созерцаютъ и ощущаютъ красоту божества, и отсюда черпаютъ безпрерывное и неизреченное блаженство. Не знаемъ мы опять способа, какимъ будетъ совершаться постиженіе и созерцаніе этой божественной красоты, но ощущеніе божества отъ этого созерцанія будетъ столь полно и велико, что по выраженію писанія, *ниже же око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготовѣ Богъ любящимъ его* въ безсмертной жизни будущаго вѣка. И значитъ, стоитъ ли сѣтовать и горевать, что придется и намъ нѣкогда покинуть сей міръ съ его несовершенными красотами и кратковременными радостями и утѣхами? не лучше ли напротивъ заранѣе устремлять на небо мысль свою и такъ настраивать свое сердце, чтобы въ немъ живо было предчувствіе небесныхъ радостей и не пропадала жажда вышечувственныхъ и святыхъ наслажденій.

Тѣ счастливые люди, которые умѣютъ такимъ именно образомъ устраивать свое сердце, и не даютъ ему слишкомъ прилѣпляться къ земной жизни и ея случайнымъ и преходящимъ радостямъ,— эти, говоримъ, люди, хотя бы они были самые простые и неизящные, по своей внѣшности, уже носятъ въ своей душѣ рай небесный и предвкушаютъ его неизреченную сладость. Справьтесь у этихъ людей и понаблюдите за ними, и это будетъ ясно видно. Свѣтоносный отблескъ ихъ внутренняго мира и блаженства можно даже усмѣдить на ихъ лицахъ и на всей ихъ внѣшности, какъ бы она ни казалась неприглядною съ перваго взгляда, и съ обыкновенной точки зрѣнія. Вотъ мы длинно такъ распространились о несравненной красотѣ и совершенствѣ будущей жизни въ сравненіи съ здѣшнею убогою и многотрудною жизнію человѣка на землѣ, о широтѣ и полнотѣ знанія, которое имѣетъ открыться для насъ по переселеніи нашемъ въ вѣчность. Но надобно помнить, что не для всѣхъ предстоитъ такая святая будущность. Еще неизвѣстно, что кому Господь пошлетъ на томъ свѣтѣ! Не рай только есть тамъ, но адъ *уготованный діаволу и ангеламъ его*, въ который пойдутъ между прочимъ тьмочисленныя тьмы несчастныхъ отверженцевъ изъ рода человѣ-

ческаго, любившихъ ходить на землѣ удобными и широкими путями грѣха и развращенія. Не тайное ли сознаніе ужасной возможности попасть въ число этихъ отверженцевъ мѣшаетъ намъ обыкновенно утѣшаться возвышенными мыслями о будущей жизни и прогонять ими страхъ смертный. Да, братіе, есть одно непремѣнное условіе, безъ котораго не будутъ отверзты намъ двери свѣтлаго рая, когда неотвратимымъ и неудержимымъ потокомъ времени и мы увлечены будемъ въ вѣчность. Говоря выше о существенныхъ сторонахъ душевной жизни нашей, мы сказали объ умѣ, который стремится къ истинѣ, и о сердцѣ, жаждущемъ прекрасныхъ наслажденій. Но есть у насъ и еще способность духа,— это свободная воля, ищущая добра и правды, и вотъ отъ такого или иного направленія этой богоподобной и высшей нашей способности и зависитъ вся наша участь. Не бѣда, если проживетъ человѣкъ цѣлую жизнь свою, не успѣвши вовсе или мало успѣвши развить свой умъ и обогатить его познаніями; не бѣда и то, если чувство его не изощрено будетъ изящными искусствами или эстетическимъ воспитаніемъ для тонкихъ прекрасныхъ наслажденій; но вотъ сущая будетъ бѣда, если свободная воля его возьметъ превратное и грѣшное направленіе, и не научится въ продолженіе земной жизни творить добра и правды,—и этой бѣды уже ничѣмъ нельзя будетъ поправить на томъ свѣтѣ. Необразованный, но благочестивый и праведный простецъ, отошедши въ вѣчность, не только догнать, но и далеко перегнать и превзойти можетъ по умственному развитію нашихъ самыхъ высокоученыхъ мудрецовъ, и притомъ въ самое короткое время. Невѣдѣніе же его радостей и свѣтлыхъ дней на землѣ и неумѣнье цѣнить по достоинству прекрасное въ мірѣ земномъ съ избыткомъ вознаграждено будетъ самыми возвышенными красотами въ мірѣ небесномъ и неизреченными радостями райскими. А когда воля человѣка развращена будетъ на землѣ злыми и неправедными дѣяніями, когда порокъ и грѣхъ поработятъ его душу,—то будь онъ хотя извѣстнѣйшій ученый и знаменитѣйшій художникъ, — онъ погибъ для вѣчности. На томъ свѣтѣ ждетъ его еще большее и уже неудержимое развращеніе и осатаненіе,—и значитъ горькая судьба отверженниковъ и клевретовъ діавольскихъ. Пока еще

живъ человѣкъ, и пока онъ ходитъ по землѣ, еще остается для него возможность возврата къ добру, какъ бы далеко ни уклонился онъ съ пути добродѣтельнаго. Благодать Божія еще можетъ поднять его изъ самой глубокой бездны грѣховной; да и самое тѣло наше, задерживающее обыкновенно наши добрыя начинанія и мѣшающее полетамъ нашего духа, ограничивая насъ въ добрѣ, ограничиваетъ въ то же время и въ самомъ злѣ; такъ что можно безпрестанно поправлять себя, возвращаться назадъ и пріобрѣтать новыя и добрыя привычки, какъ бы много ни было нажито привычекъ грѣшныхъ. Но когда духъ отрѣшается отъ тѣла, когда настаетъ для него полная и ничѣмъ уже не сдерживаемая свобода, тогда послѣднее его направленіе земное, смотря по тому—было ли оно доброе или злое—дѣлается для него роковымъ и рѣшительнымъ. Ангелы добрые, разъ устоявши въ добрѣ и повиновеніи Богу, навсегда остались святыми, чистыми и близкими къ Богу. Ангелы злые, разъ воспротивившись Богу, навсегда отпали отъ Него и сдѣлались мрачными демонами. Нѣчто подобное происходитъ и съ душею человѣка, по разрѣшеніи ея отъ узъ тѣлесныхъ. Посѣянныя въ ней добрыя и святыя сѣмена пышно взойдутъ на томъ свѣтѣ и принесутъ плодъ сторицею. Но если не посѣяно будетъ въ ней этихъ добрыхъ сѣмянъ, если она дышала здѣсь однимъ только грѣхомъ, раболѣпствовала страстямъ и услаждалась нечистыми удовольствіями; то этотъ мутный и грязный потокъ невозвратно увлечетъ ее въ дно адово и на томъ свѣтѣ. Уже не можетъ она тамъ справиться съ своими грѣшными привычками, и почувствовавъ себя отчужденною отъ благодати Божіей—неудержимо ринется къ своей конечной погибели, подобно злымъ и ожесточившимся во злѣ демонамъ. Жестокое это слово, и на многія тревожныя думы можетъ наводить насъ бѣдныхъ и грѣшныхъ людей; тѣмъ не менѣе оно нигдѣ не можетъ быть болѣе умѣстно, какъ при гробѣ и возлѣ мертваго человѣка, лежащаго у насъ на глазахъ. Пусть оно дастъ почувствовать намъ всю цѣну той небольшой частицы времени, которая удѣлена намъ для земной жизни. Пусть устремимъ мы все свое стараніе и вниманіе къ тому, чтобы эта драгоцѣнная частица нашего земнаго времени вся пошла по возможности на

дѣла добрыя и святыя. Пусть поймемъ мы, что единственно отъ нравственнаго преуспѣянія нашего зависитъ вся наша будущая судьба,—и это преуспѣяніе принесетъ съ собою все остальное хорошее, чего не могли мы имѣть, и чѣмъ не могли пользоваться на землѣ.

Возвращаясь мыслію своею къ предлежащему усопшему святителю и рабу Божію, мы можемъ съ надеждою помолиться теперь о его вѣчномъ упокоеніи и о вселеніи съ праведными. Уже давно удалившись отъ суеты мірской, и сложивши съ себя многотрудное и многоотвѣтственное бремя власти и епархіальнаго управленія, онъ въ тиши домашняго уединенія и молитвеннаго созерцанія спокойно и непрерывно готовился къ своему отшествію на небо. Продолжительные старческіе недуги, постепенно сокрушая тѣло его, постепенно предочищали духъ для безболѣзненной жизни на небѣ. Извѣстно было высокое и обширное образованіе покойнаго епископа, его свѣтлый и острый умъ, сочувственно отзывавшійся всякому новому и доброму начинанію въ развитіи нашего общества; извѣстно его отвращеніе отъ всякой нравственной фальши и фарисейства, его искренняя и сознательная вѣра и преданность ученію Христову, его доброта сердечная и горячность чувствъ, иногда порывисто проявлявшаяся какъ въ защитѣ и покровительствѣ унижаемой и притѣсняемой справедливости, такъ и въ караніи всякихъ отступленій отъ требованій долга и служебныхъ обязанностей. Эти святыя и высокія качества почившаго архипастыря хорошо помнятъ и высоко цѣнятъ люди близко къ нему стоявшіе, и по роду своей епархіальной службы призванные помогать ему въ трудахъ правленія. Послѣдніе дни и минуты святителя были спокойнымъ и христіанскимъ разставаніемъ съ жизнію, подъ благодатнымъ осѣненіемъ святыхъ таинствъ вѣры, такъ что это была поистинѣ христіанская, непостыдная и мирная кончина. Да даруетъ Господь свои милости и всепрощеніе почившему святителю, нѣкогда въ семъ же святомъ храмѣ Божіемъ воздѣвавшему о насъ преподобныя руки свои въ молитвахъ къ Богу, да даруетъ ему и да сподобитъ его дать добрый отвѣтъ на страшномъ судищѣ своемъ! Аминь.

СЛОВО

КЪ ДУХОВНЫМЪ ВОСПИТАННИКАМЪ *).

(20-го мая 1879 г.).

Поблажающій сыну будетъ перевязывать раны его, и при всякомъ крикѣ его будетъ тревожиться сердце его. Необъѣзженный конь бываетъ упрямъ, а сынъ оставленный на свою волю дѣлается дерзкимъ. Лелѣй дитя, и оно устрашитъ тебя; играй съ нимъ, и оно опечалитъ тебя. Не смѣйся съ нимъ, чтобы не горевать съ нимъ и послѣ не скрежетать зубами своими. Не давай ему воли въ юности, и не потворствуй неразумію его. Нагибай выю его въ юности, и сокрушай ребра его, доколѣ оно молодо, дабы, сдѣлавшись упорнымъ, оно не вышло изъ повиновенія тебѣ. Учи сына твоего, и трудись надъ нимъ, чтобы не имѣть тебѣ огорченія отъ непристойныхъ поступковъ его. (Сирах. XXX, 7—13).

Мои любезные воспитанники! Слышите-ли, какую сторону воспитанія желаетъ поставить намъ, воспитателямъ вашимъ, на самый первый и главный видъ священный библейскій мудрецъ? Рьяный и свободолюбивый возрастъ вашъ, почуявъ въ этихъ словахъ ветхозавѣтнаго наставника и воспитателя нѣчто для себя суровое и жесткое, пожалуй будетъ противопоставлять имъ другіе, болѣе мягкіе и гуманные, болѣе современные и по вашимъ предположеніямъ — болѣе высокіе идеалы воспитанія. А я скажу вамъ, что для воспитателей и руководителей юношества, какого бы времени и развитія они ни были, наставленія библейскаго мудреца никогда не потеряютъ своей силы, потому-что содержатъ въ себѣ чрезвычайно вѣское и правдивое порицаніе односторонняго благодушія и безпечности при воспитаніи, и на

*) Напечатано въ 11-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1879 г.

опытѣ основанное предупрежденіе насчетъ печальныхъ послѣдствій слабой и балующей системы воспитанія. А пришло мнѣ на мысль взять слово священнаго мудреца для бесѣды съ вами вотъ почему. Доводилось мнѣ слышать, то въ видѣ неясныхъ и глухихъ отголосковъ со стороны, то въ видѣ случайныхъ, довольно впрочемъ наивныхъ и простодушныхъ проговорокъ, а то и прямыхъ сѣтованій прямо изъ вашей среды,—проговорокъ хоть и не мнѣ адресованныхъ, но все равно ко мнѣ же дошедшихъ,—что будто бы ужъ слишкомъ тѣсное и неудобное житье вамъ подъ нашей опекой, что назираемъ-де мы каждый шагъ вашъ, что гоняемся за мелочами, что ловимъ всякій проступокъ вашъ и норовимъ карать за него, какъ за преступленіе какое, и многое другое все въ такомъ же жалобномъ родѣ. А я такъ напротивъ все опасался, не слишкомъ ли много дается мѣста благодушію и снисходительности къ вамъ съ нашей стороны, не слишкомъ ли много и часто пропускаемъ мы разныхъ такъ называемыхъ мелкихъ проступковъ вашихъ, смотря на нихъ, какъ говорится, сквозь пальцы, какъ бы не желая видѣть и знать ихъ, хоть мы и видимъ ихъ и знаемъ, и не соблазняетесь ли вы всѣмъ этимъ? Т. е. понимаете ли, и принимаете ли вы все это именно какъ благоразумную снисходительность съ нашей стороны, или можетъ быть она отдается на васъ какъ воспитательная слабость, дающая вамъ поводъ злоупотреблять нашей добротой? Такая опасливость наша тѣмъ естественнѣе, чѣмъ живѣе чувствуемъ мы лежащую на насъ великую отвѣтственность за васъ предъ Богомъ, обществомъ и собственною нашею совѣстію. Всѣ эти недоразумѣнія и опасенія и расположили меня поговорить съ вами о столь любимой вами свободѣ въ поведеніи и просторѣ дѣйствій и о значеніи этого простора и этой свободы въ воспитаніи, а равно и о тѣхъ строгихъ и твердыхъ границахъ, которыя велитъ ставить священный мудрецъ свободѣ воспитанниковъ и развивающихся дѣтей. Прошу выслушать меня съ спокойнымъ разсужденіемъ и безъ всякихъ предзанятыхъ мыслей и готовыхъ предубѣжденій, что дескать начальнику о чемъ же и говорить прилично, какъ не о стѣсненіи свободы, когда дойдетъ о ней рѣчь предъ воспитанниками. Приличіемъ конечно мы дорожимъ, какъ

и слѣдуетъ, — но будьте увѣрены, что еще болѣе дорожимъ мы истиною и вашимъ благомъ. Изъ этого именно источника и пойдетъ моя рѣчь.

Надо намъ съ вами вопервыхъ установить правильный и зрѣлый взглядъ на свободу. Великій это даръ Божій человѣку, превозносящій его безконечно надъ всѣми низшими его тварями, равняющій съ ангелами и уподобляющій самому Богу. Высокій характеръ нравственнаго существа и великое значеніе личности — разумно-духовной придаетъ человѣку не что иное, какъ эта именно способность его самоопредѣлять себя къ дѣятельности независимо и непринужденно ни отъ кого и ни отъ чего, а по собственному усмотрѣнію и разсужденію. Значитъ мы не погрѣшимъ, если назовемъ эту способность свободнаго произволенія въ человѣкѣ тѣмъ лучезарнымъ фокусомъ, въ которомъ сосредоточены и откуда искрятся и брызжутъ всѣ лучи его богоподобія. Отъ того-то конечно такъ сладка и дорога людямъ свобода, и столь болѣзненно для нихъ ея лишеніе и всякаго рода насилія и притѣсненія. Но это не значитъ, что всѣ глубоко понимаютъ значеніе своей свободы и вѣрный имѣютъ взглядъ на этотъ высокій даръ свой. Мальчику, изучающему съ тугой сердечной обязательный урокъ свой по книжкѣ, когда за окномъ передъ нимъ привлекательный просторъ, игра и радость жизни, — этому мальчику, тоскующему о свободѣ и жалующемуся на ея стѣсненіе, при всемъ нашемъ сочувствіи къ нему, нельзя однакоже не сказать, что жалоба его неосновательна, и что онъ ошибается, считая себя притѣсненнымъ. Точно также если бы и болѣе зрѣлый и взрослый юноша, но не вышедшій однакоже изъ учебнаго заведенія, сталъ-бы протестовать и жаловаться, зачѣмъ напр. звонокъ его будитъ въ шесть часовъ утра, когда хочется ему поспать до семи, зачѣмъ предлагаютъ ему пищу, не справляясь со временемъ его аппетита, а только въ уставные часы, зачѣмъ велятъ ему, становиться на молитву, когда онъ можетъ быть не расположенъ къ этому, зачѣмъ велятъ изучать то, а не это, и притомъ обязательно въ извѣстное время, когда хотѣлось бы заняться совсѣмъ другимъ, или отдохнуть и развлечься, зачѣмъ велятъ держать себя такъ, а не эдакъ и проч.; — если бы, го-

воримъ, этотъ юноша пресерьезно сталъ вздыхать о счастіи людей, ко всему этому не обязанныхъ, то неужели бы онъ не былъ смѣшнымъ? А если бы онъ самовольно сталъ продѣлывать разныя секретныя лазейки изъ дисциплинарной ограды на просторъ и свободу,—то неужели бы онъ не заслуживалъ соотвѣтственнаго наказанія? А если бы за такія наказанія онъ сталъ бы устроять даже какія нибудь непріятности своимъ воспитателямъ и приставникамъ, и въ видѣ протеста сталъ бы нарочно повторять уклоненія отъ заведеннаго порядка, то неужели бы не слѣдовало такому упрямцу показать дорогу совсѣмъ вонъ изъ заведенія...? Если бы даже прямой арестантъ и узникъ,—вотъ изъ тѣхъ, что сажаютъ въ острогъ сталъ бы кричать и роптать, зачѣмъ лишили его свободы; то неужели кто изъ умныхъ и благонамѣренныхъ людей назвалъ бы этотъ ропотъ и эти крики основательными и законными?! Такъ вотъ—видите: свобода наша сама по себѣ, а что-то другое, царящее надъ ней, само по себѣ! Это-то другое и опускаютъ весьма часто изъ виду при разсужденіяхъ о свободѣ и при жалобахъ на ея стѣсненіе; а между тѣмъ оно, это нѣчто, до такой степени важно, что составляетъ можно сказать самую сущность свободы, входитъ въ ея понятіе главнымъ образомъ, и безъ чего пропадаетъ все ея значеніе. Если опредѣлять свободу только какъ способность и возможность дѣлать то, что мнѣ хочется и нравится, и къ чему располагаютъ меня мои инстинкты, т. е. мои природныя наклонности и естественныя потребности; то не высокаго достоинства будетъ такая свобода, и недалеко человѣкъ уйдетъ отъ животныхъ съ такой своей свободой. Въ самомъ дѣлѣ, почему же не назвать въ такомъ случаѣ свободнымъ и горькаго пьяницу, сознательно губящаго свое здоровье и завѣдомо несущаго свой послѣдній грошъ въ кабакъ? Вѣдь онъ дѣлаетъ то, что ему хочется и нравится? Но кому же, разумѣется, не видно, что это скорѣе животное, а не человѣкъ, котораго страсть пьянственная влечетъ какъ на веревкѣ туда, гдѣ надѣется найти себѣ удовлетвореніе. И радъ бы не пошелъ, да надо идти! Почему также не назвать свободнымъ богатаго лѣнтяя и неуча, которому судьба даетъ возможность ничего не дѣлать, и который только и

умѣетъ дѣлать, что прохлаждаться въ непрерывныхъ чувственныхъ удовольствіяхъ? Хотя кому же не видно, что это другой экземпляръ животнаго въ человѣческомъ образѣ, который и радъ бы захотѣлъ сдѣлать что нибудь полезное и благородное, но лѣнью и изнѣженностію онъ какъ камнемъ пригнетенъ къ своей грязи и пошлости, и неволенъ уже и не силенъ выдти самъ собой изъ этой тины! А любодѣй, влекомый постыдною страстію къ мѣстамъ и лицамъ гнуснымъ, а скупецъ и корыстолюбецъ, съ волненіемъ любующійся своимъ накопленнымъ бездушнымъ сокровищемъ и ненасытно алчущій наживы, а злостный завистникъ и бѣшеный мститель, вонзающій оружіе въ своего противника, — что это, какъ вы полагаете, свободные все люди, или рабы, которыхъ страсть то внезапно толкаетъ, то медленно, но сильно и неотвратимо, какъ броздами и уздою, тянетъ къ предметамъ своего удовлетворенія? Изъ этихъ примѣровъ, я думаю, вы сами можете усмотрѣть, какъ неправильно и поверхностно было бы понимать свободу только въ смыслѣ ничѣмъ не стѣсняемаго избранія того, что намъ хочется и къ чему мы наклоняемся своими низшими потребностями и инстинктами. Напротивъ она и состоитъ въ умѣньи и навыкѣ господствовать надъ этими инстинктами и потребностями; и слѣдовательно она есть способность избирать и дѣлать именно не то, что намъ нравится, а единственно то, къ чему обязываетъ насъ долгъ и правда. Долги бываютъ всякіе и самые разнообразные, и нѣтъ такого уголка на землѣ, куда человѣкъ могъ бы укрыться отъ всякаго долга, равно какъ и ниединаго нѣтъ честнаго и полезнаго человѣка въ мірѣ, на которомъ не лежало бы какихъ нибудь спеціальныхъ обязанностей,—и если вамъ кажется, что рай и свобода настаютъ сейчасъ же за предѣлами школы, то вы наивно ошибаетесь. Когда вы поживете побольше на свѣтѣ, то вы конечно поймете свою ошибку, и вспомянете мои слова. Правда только въ томъ, что есть обязанности болѣе простыя и легкія, и есть болѣе сложныя и тяжелыя, и эти обязанности раздаются въ жизни провидѣніемъ *комужде противу силы его*, т. е. сообразно природнымъ талантамъ и способностямъ каждаго. У крестьянина свои обязанности и труды, у купца свои, у воина, у священника,

ученаго, адвоката, правителя, доктора—тоже свои соотвѣтственные труды и обязанности. О, если бы сразу можно было перенести васъ подальше въ будущее, и оттуда показать вамъ совокупность вашихъ ученическихъ обязанностей и тотъ, кажущійся для васъ неудобоносимымъ—долгъ, который заставляютъ васъ нести въ вашемъ школьническомъ положеніи! Вы съ удивленіемъ усмотрѣли бы, какъ въ сущности все это просто, несложно и сравнительно легко. Но это сокрыто покуда отъ очей вашихъ. Счастливцами вамъ кажутся всѣ, кромѣ васъ. Повѣрьте покуда хоть на слово намъ, что ни о чемъ быть можетъ съ такою пріятностію вы не станете вспоминать впослѣдствіи, какъ о времени своего школьнаго обученія,—такъ этотъ періодъ будетъ вамъ дорогъ! И не потому только, что въ немъ протекла ваша молодость съ ея выспренними надеждами и изящными мечтами, но и просто потому, что вы не знали въ этомъ періодѣ, восколько разъ сложнѣе и изнурительнѣе обязанностей ученическихъ разныя обязанности служебныя и тяжести житейскія. Что говорить! найдутся люди въ обществѣ, которые свободны повидимому отъ всякихъ обязанностей, вольны какъ птицы, и могутъ цѣлую жизнь ничего не дѣлать,—вотъ въ родѣ тѣхъ избалованныхъ и изнѣженныхъ неучей, о которыхъ я упомянулъ выше. Но недаромъ эти безполезные люди клеймятся въ обществѣ позорнымъ и презрительнымъ именемъ коптителей неба. Это вредные наросты въ обществѣ, унижающіе достоинство человѣческое, и обольщаться ихней свободой не только не прилично ни одному честному и порядочному человѣку, но и грѣшно предъ Богомъ; потомучто помнить надобно, что кромѣ обязанностей житейскихъ и трудовъ гражданскихъ, на всѣхъ насъ возлагается со дня нашего рожденія священное иго закона Божія и благое бремя нравственныхъ обязанностей, которыя должны не только проникать собою и завершать, но и подчинять себѣ всѣ остальныя наши обязанности. Такъ что если бы кто по общественному своему положенію и обильнымъ матеріальнымъ средствамъ и могъ быть свободенъ отъ трудовъ житейскихъ и обязанностей служебно-общественныхъ; то обязанности нравственно-религіозныя по отношенію къ Богу, ближнимъ и самому себѣ продолжали бы тяго-

тѣть надъ этимъ человѣкомъ во всей своей силѣ. А сущность этихъ обязанностей состоитъ въ непрестанной и напряженной борьбѣ съ грѣшными инстинктами глубоко испорченной и самолюбивой природы нашей; а борьба эта до такой степени всеобща людямъ и неизбѣжна стала для в якаго сына Адамова, что если бы кто съ недальновидною простотою или фарисейскимъ самодовольствомъ сказалъ про себя, что слава Богу! живется ему безъ всякой борьбы и трудностей душевныхъ, и не знаетъ-де онъ никакихъ упрековъ совѣсти,—то это было бы вѣрнымъ знакомъ, что человѣкъ сей стоитъ на фальшивой дорогѣ, и нравственное благосостояніе его подлежитъ сильнѣйшему сомнѣнію. Все это къ тому говорится вамъ, чтобы довести васъ до надлежащаго и зрѣлаго понятія о свободѣ. Оказывается, что она не есть ничѣмъ не обставленный просторъ; не есть она и покой, ничѣмъ не возмущаемый, и не состоитъ въ безпрепятственномъ удовлетвореніи однихъ только личныхъ желаній и прихотей. Напротивъ, истинно свободная жизнь человѣка есть прежде всего жизнь въ границахъ, которыя начертываетъ ему долгъ и разнообразныя обязанности его; надлежащій характеръ ея есть характеръ борьбы со всѣмъ, что мѣшаетъ человѣку соотвѣтствовать своему богоподобному достоинству; сущность же свободы нашей есть, собственно говоря, исполненіе святой и совершеннѣйшей воли Божіей. Прошу васъ усвоить всѣмъ сердцемъ и душой это высокое понятіе о свободѣ, предлагаемое намъ словомъ Божіимъ и вытекающее, какъ вы видите, изъ самой сущности дѣла, крѣпко держаться его во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вамъ придется выслушивать, или самимъ имѣть разсужденія по разнымъ вопросамъ о свободѣ человѣка и ея отношеніи къ долгу и разнымъ установленнымъ правиламъ.

Теперь слѣдуетъ намъ подойти ближе къ главному предмету нашего разсужденія. Если свобода въ сущности есть самообладаніе и господство надъ низшими потребностями, а истинный характеръ ея есть характеръ борьбы; то для успѣха въ этой борьбѣ потребны конечно умѣнье и привычка, а они пріобрѣтаются практикой и предварительными опытами самоотверженія и подчиненія своихъ личныхъ желаній долгу и предписаніямъ. О наиважнѣй-

шемъ значеніи привычки въ сферѣ нашей ограниченной свободы требуется сказать здѣсь нарочитое примѣчаніе. Привычка это есть постоянный внутренній двигатель нашей воли, поддерживающій ея энергію и спасающій ее отъ нравственнаго застоя и разныхъ случайныхъ уклоненій въ сторону отъ надлежащаго направленія. Въ томъ и состоитъ ограниченность нашей свободы, что мы не въ каждый моментъ самоопредѣляемъ себя къ дѣятельности единственно по сознательному и ни отъ чего не зависящему акту своей воли. Такова только неограниченная свобода Господа Бога. Для нашей же воли потребны такъ сказать непрерывные облегчающіе толчки, или нѣкоторое вспомогательное тяготѣніе, дающее ровное и неотклоняемое направленіе нашей волѣ. Это все равно, какъ при движеніи подъ гору собственная тяжесть идущаго облегчаетъ ему движеніе. Не замѣчали ли въ своей средѣ и надъ собою, что напримѣръ трудолюбиваго ученика, такъ сказать, тянетъ уже къ труду, ничего недѣланье и праздность приноситъ ему тяжелую скуку. Человѣку, пріобыкшему къ скромности, какъ будто кто совнѣ налагаетъ печать на уста и бережетъ отъ необдуманныхъ и опромѣтчивыхъ словъ; вѣжливый—незамѣтно для себя дѣлаетъ приличное движеніе и принимаетъ почтительную позу въ потребныхъ случаяхъ; правдивый—съ краскою стыда остановится при вызывающемъ случаѣ и поводѣ ко лжи; искренній и честный, въ случаѣ даже какого нибудь проступка съ своей стороны, какъ бы инстинктивно изберетъ одинъ выходъ изъ своего затрудненія, именно признаніе и раскаяніе,—и т. д. Также слагаются и такой же силы бываютъ и обратныя дурныя привычки. Допустилъ себѣ человѣкъ разъ нѣсколько уклониться отъ дѣла и поблажилъ себѣ,—и лѣнь готова уже затянуть его въ свои объятія. Нѣсколько безнаказанно допущенныхъ случаевъ дерзновенія, горячности и лжи — такъ и пойдутъ увлекать юношу къ разнымъ протестамъ, къ дерзости, къ запирательству, къ озорничеству и проч... И здѣсь привычка и обычай могутъ сильно вліять на направленіе воли, и портить его. Это и не съ юношами только такъ, но и съ людьми зрѣлыми и пожившими. И чѣмъ крѣпче успѣли образоваться у людей добрыя привычки, тѣмъ вѣрнѣе обезпечена ихъ добродѣтель. А

если бы по каждому отдѣльному случаю доброй дѣятельности приходилось намъ, такъ сказать, сначала приводить себя въ движеніе, дѣлать надъ собой какъ бы отдѣльные и независимые отъ предшествующихъ опыты самоопредѣленія; то и каждое простое доброе дѣло было бы для насъ самостоятельнымъ и единичнымъ подвигомъ, и для такого непрерывнаго подвижничества, можно сказать, не хватило бы ниодного изъ насъ. Итакъ судьба нашей свободы и доброе направленіе воли зависитъ отъ предварительной практики въ добрѣ и приготовительныхъ опытовъ самоотверженія и подчиненія своихъ личныхъ желаній долгу и предписаніямъ.

Теперь спрошу васъ, когда же бы настала для васъ эта практика и эти предварительные опыты, если бы въ періодъ вашей юности и обученія мы оставили бы васъ вашимъ собственнымъ произволеніямъ, и разныя правила вашего поведенія и инструкціи имѣли бы только для формы и приличія, слегка объ нихъ напоминая вамъ въ потребныхъ случаяхъ? И какіе бы результаты принесло вамъ такое воспитаніе, и такое баловство съ нашей стороны? Извѣстное дѣло, что юность есть самая благовременная пора для пріобрѣтенія всяческихъ добрыхъ навыковъ; потому что сердце юноши еще не засоренное житейскими нечистотами, чутко бываетъ ко всякому доброму и благородному впечатлѣнію, а воля его еще не искривленная развращающими вліяніями суеты мірской и еще не проложившая для себя какого нибудь рѣшительнаго направленія, легко можетъ взять именно доброе направленіе и въ немъ окрѣпнуть. Но съ другой стороны юность есть и самая горячая, и такъ сказать рискованная пора для юношей. Живость чувства и фантазіи и перевѣсъ этихъ способностей надъ судительною силою, вслѣдствіе недостатка опытности и непривычки глубоко анализировать окружающія вещи и явленія, легко могутъ увлекать юношей ко всякаго рода крайностямъ, излишествамъ и ненормальностямъ, и въ этомъ неблагоустроенномъ тонѣ и безпорядочномъ направленіи закрѣплять ихъ дѣятельность на все послѣдующее время. На этомъ то основаніи премудрый сынъ Сираховъ рыхлую юность сравниваетъ съ необъѣзженнымъ конемъ и говоритъ, что какъ этотъ конь бываетъ упрямъ, такъ и сынъ оставленный на свою волю дѣлается дерзкимъ. Значитъ

въ пору то юности и оказывается настоятельная нужда ставить твердыя границы и начертывать разумные педагогическіе планы для жизни и дѣятельности молодыхъ людей. Пусть объ эти границы, какъ бурныя волны о гранитныя стѣны, толкается юношеское самоволіе и мечтательность, пусть даже испытываетъ отъ этихъ толчковъ нѣчто болѣзненное и стѣснительное юношеская страстность и порывистость, — это ничего, пройдетъ! Но за то впослѣдствіи жизнь юношей, возросшихъ подъ заботливой и мудрой опекой, приметъ спокойное, серьезное и правильное теченіе по житейскому руслу, и благополучно донесетъ ихъ подъ конецъ свой къ тихому пристанищу въ обителяхъ отца небеснаго. Вотъ, господа, гдѣ послѣдняя цѣль всѣхъ нашихъ строгостей къ вамъ, и гдѣ таится подлинный смыслъ всѣхъ такъ называемыхъ вами притѣсненій нашихъ! Собственно говоря, всѣ эти вопли о притѣсненіяхъ совершенно въ порядкѣ вещей — послѣ того, что я сейчасъ сказалъ о юношеской страстности и жаждѣ безграничнаго простора. Когда же и гдѣ не жаловалась молодость на суровую опеку своихъ приставниковъ? Но и я скажу вамъ: а гдѣ же это видано, чтобы молодость оставлять безъ призора и опеки? Тамъ, гдѣ это водится, — выходитъ очень плохо во всѣхъ отношеніяхъ, и притомъ не для однихъ только молодыхъ людей, а и для ихъ воспитателей и для цѣлаго общества. И оправдывается слово древняго священнаго мудреца: *лелѣй*, т. е. балуй *дитя*, *и оно устрашитъ тебя*, т. е. надѣлаетъ тебѣ хлопотъ необузданностію своего характера; *играй съ нимъ*, т. е. потакай ему, *и оно опечалитъ тебя*. И потому слѣдуетъ нагибать выи воспитанниковъ въ юности, по метафорическому изреченію древняго мудреца, и сокрушать ребра ихъ, т. е. воспитывать съ надлежащею строгостію, и держать до времени въ нѣкоторой тѣснотѣ, дабы не имѣть огорченія отъ непристойныхъ поступковъ ихъ впослѣдствіи, и дабы съумѣли они во благо себѣ воспользоваться своей свободой, когда она придетъ къ нимъ въ возрастѣ зрѣломъ.

За всѣмъ тѣмъ должны быть конечно границы и для самой строгости воспитательной. Благожелательная любовь и попечительная заботливость должны идти рядомъ съ этой строгостію, дабы она не перешла въ холодную суровость, умѣющую только стѣс-

нять, нажимать и карать. Но будьте же увѣрены, что мы это хорошо понимаемъ и помнимъ. Сами мы были въ вашемъ возрастѣ и въ вашемъ положеніи, и повѣрьте, что ничто ученическое, ничто, чѣмъ волнуется теперь ваше молодое сердце, и къ чему стремятся ваши юношескіе умы, намъ не чуждо и не безразлично. И кто же не знаетъ въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ не машина, а живая личность, и что въ каждой личности есть свои особенности, зависящія отъ темперамента, природныхъ наклонностей и способностей, и что стирать и обезцвѣчивать до безразличія эти особенности нагнетальной системой воспитанія,— дѣло непедагогичное, и все водить только дѣтей на помочахъ и цѣлый вѣкъ держать ихъ въ потемкахъ, — не значитъ воспитывать? И если бы въ недобрый часъ вы въ самомъ дѣлѣ вообразили, что мы только того и добиваемся, чтобы выдѣлать изъ васъ робкихъ и забитыхъ автоматовъ, какъ двѣ капли воды похожихъ одинъ на другаго; то это была бы не только грубая ошибка съ вашей стороны, но и тяжкое намъ оскорбленіе. Помилуйте, кому могутъ нравиться, и на что могутъ годиться такіе нравственные калеки и убогія духомъ личности? Всего менѣе они годились бы для пастырскаго служенія церкви, гдѣ требуются (особенно по нынѣшнему времени) сильные духомъ борцы съ довольнымъ внутреннимъ запасомъ энергіи и съ крѣпкими убѣжденіями и непоколебимо-добрыми правилами жизни. Вотъ именно эту силу и хотимъ мы создать въ васъ всѣми зависящими отъ насъ мѣрами, и съ этою цѣлію стараемся оградить васъ отъ разныхъ посторонннихъ растлѣвающихъ вліяній, дабы видѣть васъ при выпускѣ изъ нашего заведенія — не только по тѣлу здоровыми и цвѣтущими, но и по уму развитыми и благонамѣренными, и особенно по сердцу чистыми и нравственными. Какъ вы сами теперь видите, что для всего этого неизбѣжно склонять вашу выю — по выраженію мудреца; но это склоненіе направлено лишь подъ иго закона Христова, — и какъ же сему иначе быть? Что это склоненіе вы идете однакоже безъ всякаго насилія, — въ этомъ, признаюсь вамъ, я совершенно убѣжденъ. Т. е. что мы умѣемъ отличить отъ важныхъ проступковъ случайныя отступленія ваши отъ установленныхъ правилъ, ненамѣренныя ваши ошибки, раз-

ные нечаянные ученическіе проступки, и даже рѣзкія довольно, но всетаки естественныя въ вашемъ возрастѣ, шалости умѣемъ оцѣнивать по ихъ дѣйствительному характеру и достоинству, и покрывать ихъ снисхожденіемъ и всепрощеніемъ, то въ этомъ я не боюсь сослаться на васъ же самихъ. Да помилуйте, чѣмъ же мы ежедневно занимаемся, какъ не этимъ дѣломъ? Я выше высказалъ даже опасеніе, не слишкомъ ли уже широко мы прилагаемъ къ вамъ систему снисхожденія,—и повѣрьте, это не фраза, а искреннее мое слово. Охотно допускаю я даже и ту возможность, что были и еще пожалуй будутъ ошибки съ нашей стороны въ приложеніи къ отдѣльнымъ случаямъ изъ вашей ученической жизни разныхъ дисциплинарныхъ, исправительныхъ и наказательныхъ мѣръ. Но что же дѣлать? Непогрѣшимости никто не дерзнетъ себѣ усвоить; а васъ огромная и притомъ разнообразнѣйшая семья у насъ,—поневолѣ иной разъ приходится дѣйствовать, руководствуясь только общими нѣкоторыми правилами педагогіи и дисциплины. При этомъ, если бы сами вы дѣла свои всегда вели на чистоту, т. е. были бы всякой разъ искренни, сознательны и простодушны, то этимъ устранили бы, можно сказать, всякую возможность ошибокъ съ нашей стороны. Если бы мы замѣтили, что въ вашемъ обществѣ создалъ нѣкоторый благородный товарищескій духъ и строгое общественное мнѣніе,—какъ это бываетъ между благовоспитанными юношами,—въ силу котораго вы сами не потерпѣли бы въ средѣ своей дурныхъ и испорченныхъ личностей,—то намъ только бы оставалось утѣшаться и радоваться, на васъ глядя. Столь любимый вами идеалъ довѣрчивыхъ и непринужденныхъ семейныхъ отношеній тогда совершенно былъ бы возможенъ, и установился бы между вами и нами самъ собою. Поймите же, что установить его—не столько въ нашихъ, сколько въ вашихъ рукахъ. Придвиньтесь-ка поближе къ намъ вы сами, заслужите наше довѣріе своею искренностію, порядочностію и благоповеденіемъ,—и то чего вы желаете отъ насъ придетъ тотчасъ же, и всякое средостѣніе, воздвигаемое вашими самовольными и самодѣльными планами и проэктами жизни, рушится и падетъ само собою.

Въ заключеніе моей бесѣды съ вами, такъ какъ уже на то

пошло, я сдѣлаю примѣрное указаніе даже и прямо на нѣкоторыя наши воспитательныя и дисциплинарныя мѣры, могущія вамъ не нравиться. Ну вотъ напр. мы цѣлую массу васъ собираемъ въ одну сдѣшнюю церковь, хотя многимъ изъ васъ удобнѣе было бы ходить въ другіе храмы, болѣе близкіе къ ихъ квартирамъ. Это конечно своего рода стѣсненіе, и вы можете возражать про себя, что дескать развѣ не все равно молиться Богу въ томъ или другомъ храмѣ. Такъ. Но будемъ-те искренни. Неудобство хожденія вашего на молитву издалека—вѣрнѣе всетаки обезпечиваетъ вашу исправность къ молитвѣ. Развѣ не можетъ случиться, и не случается, что вдали отъ наблюденія и присмотра человѣкъ и вовсе залѣнится пойти въ церковь, хотя она и близко? Между тѣмъ когда мы сдѣсь видимъ васъ, —мы покойны за васъ. Предъ этимъ вы должны преклонить я. Нѣкоторое неудобство вашего хожденія сюда совершенно вознаграждается удобствомъ нашего наблюденія за вами. А что во всякомъ храмѣ одинаково можно молиться, — то именно это-то обстоятельство, мнѣ кажется, и должно располагать васъ къ послушанію. Ну вотъ еще мы отбираемъ у васъ разныя книги, добываемыя вами со стороны, и не велимъ читать ихъ безъ нашего разрѣшенія. Опять стѣсненіе! Однакоже мы не гасильники какіе нибудь, ни во что вмѣняющіе ваше умственное развитіе, и не понимающіе истиннаго значенія ученыхъ и образовательныхъ книгъ. Нѣтъ, мы только озабоченно бережемъ ваше время, котораго не мало требуется для вашихъ ближайшихъ учебныхъ занятій, и кромѣ того яснѣе вашего видимъ, какое чтеніе можетъ быть для васъ преждевременно, безполезно и даже опасно. Подожди любезный,—эта книга, влекущая тебя какъ запретное сокровище мудрости, не уйдетъ отъ тебя. Поучись побольше и посозрѣй,—тогда не только эта, но и всякія другія книги тебѣ въ руки. Что же? Развѣ не обязываетъ васъ къ повиновенію такая озабоченность наша насчетъ умственнаго и нравственнаго вашего благосостоянія? Тѣснимъ мы въ вашей средѣ и табако-куреніе. Но о вредѣ, неприличіи и неудобствѣ этой привычки для духовнаго въ особенности воспитанника я имѣлъ уже спеціальное разсужденіе съ вами въ этомъ же храмѣ. Преслѣдуемъ мы и другія, болѣе серьезныя по обстоятельствамъ, и

болѣе непристалыя и неидущія къ вамъ поползновенія, напр. уклоненіе отъ строгаго исполенія уставовъ церкви, наказываемъ за разныя проявленія невоздержности, грубости или невѣжливости, упрямства, неряшества, лживости, лѣни и проч...; помышляемъ же о томъ, чтобы внѣдрить въ васъ, или по крайней мѣрѣ поставить васъ на дорогу къ тому, *что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала* (Филип. IV, 8), какъ говоритъ апостолъ. Что же, неужели за все это мы заслуживаемъ названія гонителей и притѣснителей? Помилуйте! не вамъ бы это говорить, а не намъ бы это слушать!...

На основаніи всего вышесказаннаго приглашаю васъ разумно и свободно принять начертанныя нами правила въ руководство вашей жизни, и благодушно подчиняться тѣмъ воспитательнымъ и дисциплинарнымъ мѣрамъ по отношенію къ вамъ, которыя вызываются иной разъ настоятельною нуждою и обстоятельствами времени. Заключу же апостольскими словами: *Умоляю васъ поступать достойно званія, въ которое вы призваны, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію и долготерпѣніемъ, снисходя другъ къ другу любовію, стараясь сохранить единство духа въ союзѣ мира* (Ефес. IV, 1. 2). Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ семинаріи—при началѣ новаго учебнаго 1879—80-го года *).

Съ нынѣшняго дня начинается нашъ новый учебный годъ. Таковые дни имѣютъ нѣкоторую особую знаменательность въ жизни каждаго учебнаго заведенія. Воспитанники съ обновленными силами собираются шагнуть впередъ въ своемъ учебномъ курсѣ, и съ понятнымъ удовольствіемъ сознавая себя въ новыхъ

*) Напечатано въ 19 мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1879 г.

и высшихъ классахъ, рвутся ближе стать къ своимъ задушевнымъ цѣлямъ и юношескимъ надеждамъ. Но всякій разъ и мы, ваши руководители, встрѣчаемъ начало новаго учебнаго года не безъ нѣкоторыхъ оживленныхъ надеждъ на нѣчто лучшее и новое. По естественной аналогіи и однородности настоящаго дня съ прошлогоднимъ вступительнымъ днемъ учебнымъ,—и я невольно осматриваюсь назадъ, и на основаніи прошлогоднихъ опытовъ и воедино собранныхъ моихъ наблюденій и впечатлѣній, желалъ бы теперь сообразить и угадать нѣчто лучшее въ дальнѣйшемъ ходѣ учебно-воспитательной жизни дорогаго мнѣ учебнаго заведенія вашего. Живо припоминается мнѣ, какъ годъ тому назадъ, въ качествѣ новаго вашего начальника, съ этаго же священнаго мѣста я велъ съ вами бесѣду о высокомъ и священномъ вашемъ долгѣ нравственнаго самовоспитанія въ школѣ и о томъ, какъ трезвенны и самоопасливы должны вы быть при рѣшеніи вопроса о своей дальнѣйшей ученой и жизненной карьерѣ за стѣнами семинаріи. Тогда я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду тѣ зловредные и растлѣвающіе элементы нынѣшняго времени, которые разными путями, и въ особенности книжнымъ путемъ, врываются во всѣ почти наши учебныя заведенія; а съ другой стороны тотъ просторъ и легкость, съ какою могли вы покидать духовную школу и переходить въ свѣтскія заведенія, гоняясь за разными посторонними цѣлями, кромѣ ученыхъ и просвѣтительныхъ. Истекшій годъ довольно таки познакомилъ меня съ вами, и я чувствую себя уже настолько погруженнымъ во все касающееся васъ—и мелкое и важное, пріятное и непріятное хорошее и дурное (а было-таки всего довольно),—служебная, говорю, дѣятельность моя и жизнь уже на столько связана съ вашею жизнію и судьбою, что желать и ждать всего лучшаго для васъ при началѣ новаго учебнаго года—у меня много новыхъ и серьезныхъ поводовъ. Великую новость принесло для васъ въ прошедшемъ году распоряженіе высшей власти, затруднившее вамъ выходъ изъ семинаріи для уклоненія въ чужую свѣтскую область. Эта новость настолько важна и для насъ—вашихъ начальниковъ и настолько должна быть, какъ кажется, плодовита по своимъ послѣдствіямъ и для васъ и для насъ вмѣстѣ, что

побесѣдовать о нихъ прямо и откровенно съ вами въ теперешній вступительный учебный день есть особый поводъ, я же съ своей стороны чувствую горячую и искреннюю потребность.

Сильно, я знаю, не полюбилась вамъ эта новость; и не трудно угадать, какъ должно быть больно озаботила она всѣхъ вообще духовныхъ воспитанниковъ, судя по тому, что они доселѣ массами отливали изъ мѣстныхъ семинарій въ настежь открытыя для нихъ двери университетовъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Теперь двери эти съузились, и для многихъ семинаристовъ почти совсѣмъ закрылись, и притомъ почти наканунѣ того момента, когда обыкновенно входили этими дверями. Истинно говорю, жаль мнѣ васъ, жаль и прочихъ иногородныхъ собратій вашихъ, которые все же не чужіе намъ, а также наши духовные воспитанники. Жаль потому, что нельзя мнѣ кажется не сочувствовать сострадательно всему вообще, что больно и непріятно для кого-бы то ни было, а тѣмъ болѣе для присныхъ по званію и происхожденію. Въ частности вамъ долженъ быть извѣстенъ мой личный взглядъ на выходъ вашъ изъ семинаріи. Припомните, какъ я въ семъ же храмѣ не обинуясь говорилъ вамъ при началѣ прошлаго учебнаго года, еще не зная, что принесетъ вамъ этотъ годъ. «Господь съ вами,—говорилъ я вамъ,—идите отъ насъ, куда хотите, только выходите хорошими и полезными для общества людьми»! И теперь я охотно повторилъ бы вамъ эти слова, если бы не было опасности, что они отзываться будутъ ироніей. Но за то я могу теперь также торжественно, какъ и тогда, сказать вамъ, что никакой особенной радости и удовольствія я не чувствую отъ того, что вамъ приходится, можетъ быть не произвольно, толпиться теперь въ стѣнахъ семинаріи. Но дѣло въ томъ, что когда приходится разсуждать теоретически и съ общей точки зрѣнія о какихъ нибудь правительственныхъ мѣрахъ; то справедливость требуетъ запастись полнымъ безпристрастіемъ и своего рода гражданскимъ мужествомъ, т. е. отрѣшиться отъ всѣхъ личныхъ интересовъ и нашихъ отдѣльныхъ практическихъ соображеній, а имѣть въ виду только одну чистую истину и правду, какъ бы непріятно можетъ быть она ни отдавалась на насъ. А при этомъ оказывается вотъ что.

Существенная и верховная цѣль всякой общеобразовательной школы, каковы всѣ наши среднія учебныя заведенія, а слѣдовательно и духовныя семинаріи съ ихъ четырьмя общеобразовательными классами, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ достаточномъ умственномъ развитіи воспитанниковъ, въ соотвѣтственной возрасту ихъ учебной зрѣлости и въ ровномъ и прочномъ усвоеніи основныхъ знаній по всѣмъ главнымъ отраслямъ наукъ. О спеціальныхъ отрасляхъ научныхъ и предпочтительномъ изученіи однихъ отраслей предъ другими въ такихъ школахъ не должно быть ни рѣчи, ни заботы. Воспитанники должны учиться просто потому, что ученье есть свѣтъ, не развлекаясь по сторонамъ, не справляясь, что выйдетъ изъ занятій ихъ по тому или другому предмету, когда можно будетъ приложить имъ свои знанія, и чѣмъ одинъ предметъ преимуществуетъ предъ другими. Такое серьезное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу естественно есть и самое желательное и самое здоровое въ среднихъ школахъ; оно сообщаетъ имъ чисто научное направленіе съ самыми богатыми задатками для всесторонняго и самостоятельнаго развитія въ будущемъ, придется ли воспитаннику посвятить себя какой нибудь отдѣльной научной спеціальности въ высшей школѣ, или прямо поступить на гражданскую и общественную службу. Таковымъ серьезнымъ и гуманно-свободнымъ направленіемъ отличались наши древнія духовныя школы,—и въ этомъ была ихъ сила. Много было недостатковъ, неполноты и пробѣловъ собственно въ ихъ учебномъ курсѣ; нѣкоторыхъ наукъ, по слабой ихъ постановкѣ, почти не существовало вовсе, и потому воспитанники наши, надо въ этомъ сознаться, не отличались обиліемъ знаній и многостороннимъ образованіемъ; но за то драгоцѣнное формальное развитіе ихъ стояло всегда довольно высоко, потомучто то не многое, что считалось главнымъ и около чего сосредоточивалось обученіе, шло серьезнѣйшимъ образомъ. Новый уставъ, преобразовавшій духовныя семинаріи, восполнилъ ихъ прежніе недостатки, расширилъ учебный курсъ и поставилъ на надлежащую высоту тѣ науки общеобразовательнаго характера, которыя были прежде въ униженіи; и уничтожилъ вредное разграниченіе между такъ называемыми главными

и, яко бы побочными предметами. И справедливость требуетъ сказать, что научное образованіе духовныхъ воспитанниковъ значительно поднялось сравнительно съ прежними временами, и объемъ ихъ знаній увеличился замѣтно. Истинно говорю вамъ, что мы люди прежней духовной школы, смотря на васъ не мало имѣемъ поводовъ сожалѣть, что учились не теперь, а тогда. Между тѣмъ практикою послѣднихъ временъ открылось одно крупное обстоятельство, которое могло и уже стало вредить устойчивости, опредѣленности и серьезности семинарскаго образованія,—я разумѣю тотъ разросшійся было до крайнихъ предѣловъ обычай духовныхъ воспитанниковъ оставлять на полудорогѣ свой учебный курсъ, и ту облюбленную ими возможность перескакивать изъ средней школы въ высшія, которая существовала до послѣдняго времени и которой положенъ конецъ съ нынѣшняго учебнаго года. Вѣдь не стало же кому нибудь въ самомъ дѣлѣ непріятно и досадно, что такъ много семинарскихъ воспитанниковъ разсыпается по высшимъ школамъ. А усмотрѣно должно быть, что въ массѣ этихъ воспитанниковъ стало увеличиваться число людей, безъ фундаментальной подготовки принимающихся за высшій курсъ научный, и такимъ образомъ стало накапливаться не мало юношей легкомысленныхъ, съ неустойчивыми и колеблющимися убѣжденіями,—вообще съ ненадежной научной закваской. Конечно, отсюда должны быть исключены тѣ, тоже не малочисленные—дѣльные и доровитые молодые люди изъ нашего вѣдомства, которые всегда составляли истинное пріобрѣтеніе для нашихъ высшихъ отечественныхъ школъ; но для нихъ и теперь не закрыты эти школы, а лишь доступъ къ нимъ соединенъ съ болѣе серьезными условіями. Эта новая мѣра конечно должна произвести сильное отдѣленіе плевелъ отъ пшеницы, т. е. слабосильныхъ и ненадежныхъ воспитанниковъ отъ зрѣлыхъ и сильныхъ. Что дѣлать, что рядомъ съ пшеницей растутъ непремѣнно и плевелы, съ претензіями быть и считаться пшеницей! Но и самая пшеница бываетъ различныхъ качествъ и достоинствъ; и если хозяинъ задумаетъ заняться разсортировкой ея по достоинству, или очищеніемъ ея отъ плевелъ,—то несмотря на нѣкоторую можетъ быть хлопотливость и затрудни-

тельность этаго дѣла, оно не будетъ все-таки несправедливо и не цѣлесообразно. А цѣлесообразность новопринятой мѣры по отношенію къ духовно-учебныхъ заведеніямъ яснѣе откроется, если мы съ безпристрастною откровенностію приведемъ на память и возьмемъ въ соображеніе то, что случалось или могло случаться до этой мѣры съ духовными воспитанниками — главнымъ образомъ во время пребыванія ихъ въ родной семинарской школѣ. Обольщаемые дешевою возможностію быть со временемъ питомцами высшихъ свѣтскихъ школъ, которыя чѣмъ то особенно лучезарнымъ и привлекательнымъ должны были представляться ихъ воображенію изъ скромнаго и низменнаго семинарскаго далека, такіе воспитанники, какъ хотите, не могли не слабѣть въ своихъ симпатіяхъ къ родной своей духовной школѣ и ея преданіямъ, и не чувствовать усиленнаго позыва вкусить собственно отъ свѣтской учености, которая такой широкой представляется по своему объему, соблазнительной по характеру и привлекательной по житейскимъ и служебнымъ правамъ своихъ представителей. А при такомъ настроеніи не диво, что у многихъ нашихъ воспитанниковъ не оказывалось надлежащаго усердія къ усвоенію семинарскаго учебнаго курса, не смотря на его серьезность и даже на превосходство во многихъ отношеніяхъ предъ другими параллельными курсами среднихъ учебныхъ заведеній свѣтскаго вѣдомства. Тѣ въ особенности учебные предметы, которые дѣлаютъ характеръ нашихъ среднихъ духовныхъ школъ и сообщаютъ имъ свой отдѣльный учебно-воспитательный типъ, служа связующимъ звеномъ нашихъ образовательныхъ классовъ съ спеціально-богословскими и подготовляя къ высшему богословскому курсу въ академіяхъ,—эти—говорю—предметы въ особенности могли страдать отъ невнимательности и несочувствія духовныхъ воспитанниковъ, втайнѣ мечтавшихъ о свѣтскомъ образованіи. Достоинство этихъ предметовъ, весьма важныхъ по своей сущности, могло измѣряться такими воспитанниками по той мѣрѣ, въ какой они содѣйствовали переходу ихъ изъ одного класса въ другой, а потому и заниматься ими они расположены были лишь настолько, чтобы имѣть по нимъ баллы не ниже переходныхъ. Даже изученіе предметовъ общаго образованія много могло те-

рять своей серьезности и строгости отъ того, что иные наши ученики, расчитывая при выходѣ изъ семинаріи на невозможность строгой и точной оцѣнки ихъ знаній по этимъ предметамъ на повѣрочныхъ испытаніяхъ предъ чужимъ начальствомъ, мало заинтересованнымъ судьбами собственно семинарскаго образованія, занимались этими предметами слегка или съ неполнымъ усердіемъ; ибо не слишкомъ дорожили одобрѣніемъ своего ближайшаго начальства, и не слишкомъ огорчались его взысканіями, расчитывая скоро совсѣмъ разстаться съ духовною школой. Все это, какъ сказалъ я выше, замѣтно стало вредить серьезности семинарскаго образованія вообще, нарушало единообразіе и непрерывность учебнаго нашего курса и разсѣкало наши семинаріи какъ бы на двѣ самостоятельныя половины. Четвертый классъ сдѣлался какъ бы станціею, съ которой цѣлыя массы духовныхъ воспитанниковъ отклонялись на лѣво отъ своей прямой цѣли, задолго предрѣшая и обдумывая этотъ поворотъ, какъ нѣчто въ высшей степени желанное. По прямой дорогѣ оставалось идти порѣдѣлое меньшинство воспитанниковъ, менѣе самоувѣренныхъ и предпріимчивыхъ, имѣя во главѣ своей только единицы лучшихъ и способныхъ товарищей. Ощутительно стали пропадать тотъ крѣпкій духъ и то безкорыстное научное направленіе, которымъ отличались прежніе духовные воспитанники и въ замѣнъ всего этого сталъ развиваться нѣкоторый мелкій и расчетливый практицизмъ, добивающійся со всевозможнымъ сокращеніемъ времени и, если можно, безъ труда и безъ всякихъ помѣхъ восхищать всевозможные ученые дипломы и соединенныя съ ними ученыя права и китейскія преимущества. Искушеніе и приманка къ этимъ противозаконностямъ стали такъ велики и ощутительны, что въ наши семинаріи потянулись толпы инокословныхъ воспитанниковъ изъ другихъ учебныхъ заведеній—лишь за тѣмъ, чтобы миновать разныя научныя трудности имъ предстоявшія, или вознаградить у насъ свои учебныя неудачи и затѣмъ въ толпѣ природныхъ семинаристовъ незамѣтно очутиться у дверей высшихъ свѣтскихъ школъ, до которыхъ добраться инымъ путемъ имъ было невозможно. Такая ненормальность рано или поздно должна была прекратиться,—и вотъ нынѣ она прекращается.

Вмѣстѣ съ учебнымъ, и нравственно-педагогическій строй въ семинаріяхъ тоже не могъ не колебаться, или по крайней мѣрѣ могъ колебаться отъ доселѣшнихъ порядковъ. Извѣстное дѣло, что кромѣ основныхъ педагогическихъ цѣлей, которыя общи разумѣется всѣмъ учебнымъ заведеніямъ,—именно: чтобы приготовить для общества и выпускать юношей съ прочными нравственными задатками, такъ чтобы изъ этихъ юношей впослѣдствіи вышли честные и благородные люди, кромѣ этихъ, я говорю, общихъ цѣлей,—каждая школа имѣетъ свои спеціальныя цѣли, къ которымъ она всѣмъ своимъ строемъ и подготовляетъ своихъ питомцевъ; а для этого она такъ раскладываетъ ихъ трудъ и время, такую предлагаетъ имъ умственную пищу и съ такими учебными сочетаніями, и вмѣстѣ создаетъ такую для нихъ инструкцію правилъ и поведенія, чтобы незамѣтно сложилось въ нихъ опредѣленное и прочное направленіе, вполнѣ совпадающее съ тѣмъ родомъ общественной дѣятельности и государственной службы, которую придется вести имъ по выходѣ изъ школы на поприщѣ свободно-практической жизни. Вслѣдствіе такого спеціальнаго педагогическаго устройства, каждое учебное заведеніе имѣетъ свою отдѣльную, такъ сказать, нравственную физіономію. Школа, ничѣмъ иным не озабоченная, кромѣ формальнаго исполненія данныхъ ей сверху учебныхъ программъ, и не направляющая нравственнаго строя своихъ воспитанниковъ, ихъ характера и поведенія въ соотвѣтствіе и согласованіе съ ихъ будущей судьбой и съ спеціальной службой обществу, есть безцѣльная и безхарактерная, и потому самому непадежная школа. Въ нее можетъ закрасться и вырости въ ней все, что угодно будетъ посѣять кѣмъ нибудь непрошеннымъ педагогамъ и злонамѣреннымъ плетелямъ вновешнихъ правилъ. Все это до такой степени считается вѣрнымъ и общеизвѣстнымъ по суду здраваго смысла, что сложилась даже пословица—что «въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ». Нашъ монастырь, т. е. духовно-учебная наша школа, какъ показываетъ и самое названіе ея, должна быть по преимуществу духовною школой, а слѣдовательно и уставъ семинаріи долженъ быть запечатлѣнъ именно духовнымъ характеромъ. Потомучто какъ въ программу общеобразова-

тельныхъ предметовъ учебныхъ вводятся у насъ нѣкоторые такіе, которые имѣютъ связь съ спеціально-богословскими предметами и подготовляютъ къ высшему духовному образованію; такъ въ особенности система нравственныхъ правилъ строится у насъ такимъ образомъ, чтобы воспитанники развивались преимущественно въ религіозномъ и благоговѣйномъ настроеніи. Теперь представимъ себѣ, что бывало какой нибудь нашъ духовный юноша, основываясь на легкости поступленія въ любую свѣтскую высшую школу, заранѣе назначалъ себя для свѣтскаго званія, и лишь по необходимости до извѣстнаго срока разсудилъ остаться въ стѣнахъ семинаріи, чтобы заручиться только учебными правами на выходъ изъ нея. Естественно онъ оказывался въ какомъ-то фальшивомъ и раздвоенномъ настроеніи. Онъ чувствовалъ себя, и согласно своему тайному настроенію, начиналъ вести себя — какъ скрытный и недовольный пасынокъ, а не какъ покорный и искренній сынъ своей родной школы. Наши обычаи по всей вѣроятности не находили симпатіи въ его сердцѣ, потому что не подходили подъ излюбленный имъ жизненный идеалъ; наши правила скорѣе всего казались ему строгими, а наши слова вразумленія и наставленія были жестки для его слуха и сердца. Не пойти напримѣръ къ богослуженію для этихъ бывшихъ пасынковъ нашихъ,—мелочь; ѣсть скоромное въ постъ,—дѣло не зазорное; отпустить какую нибудь рѣзкость,—своего рода молодечество; сболтнуть кощунственную остроту,—признакъ ума и опытъ независимости и т. д. Такіе потаенные философы и фарисеи школьники наши непремѣнно потянутся за всякой запретной книгой, какъ за источникомъ мудрости, что имъ ни говори объ опасности и преждевременности подобнаго чтенія; они едва ли захотятъ понять справедливость нашихъ требованій о строгомъ соблюденіи дисциплинарныхъ и учебныхъ правилъ; они не огорчатся вмѣстѣ съ нами и не поболѣютъ душой, по сыновнему и по семейному, о какихъ нибудь внезапно ли стряснихся неустройствахъ, или все еще по старинному преданіямъ живущихъ какихъ нибудь недостаткахъ нашей духовной сферы, или ихъ же пріютившихъ школъ духовныхъ; напротивъ они втайнѣ можетъ порадуются нашимъ огорченіямъ, — и не

пропустятъ случая стать въ ряды нашихъ противниковъ, когда можно сдѣлать это безнаказанно. И все это потому, что они не наши въ душѣ, что они отчуждали себя заранѣе отъ всего, что носитъ названіе духовнаго и семинарскаго; что привыкли изображать себя въ собственныхъ глазахъ нѣкоторыми рыцарями, рвущимися изъ тьмы къ свѣту, изъ тюрьмы на свободу, нисколько не сознавая, какъ малоцѣнны въ сущности ихъ замашки, и какъ слѣдовало бы вести себя истиннымъ благороднымъ рыцарямъ. Но молодость обыкновенно близорука, самоувѣренна и порывиста; а молодые люди нашего званія и нашей школы, разумѣется, не могутъ же быть чужды обычныхъ недостатковъ своего возраста; а слѣдовательно трудно было бы требовать отъ нихъ всеобщей стойкости и философскаго отношенія къ своему положенію; трудно значить и предположить, чтобы многіе изъ нихъ не поддавались искусительному обаянію простора и воображаемой ими совершенной независимости и безнаказанной необузданности за дверями родной, но разлюбленной ими духовной школы, которая даже до сихъ поръ по старинному и закоренѣлому предубѣжденію все еще продолжаетъ обременяться горькими (хоть въ сущности и несправедливыми) упреками отъ свѣтскихъ людей въ какой-то сословной замкнутости и религіозной яко бы нетерпимости. И мнѣ кажется, этому то фальшивому и натянутому положенію нашихъ духовныхъ воспитанниковъ, въ какомъ держала ихъ до послѣдняго времени обольстительная и ничего не стоившая имъ возможность бросать свою школу по первому желанію и мѣнять на другую,—этому-то, полагаю, не нормальному обстоятельству и одолжены можетъ быть наши семинаріи не малымъ количествомъ накопившихся въ нихъ за послѣднее время дурныхъ элементовъ, незамѣтно подтачивавшихъ наше учебное благосостояніе и воспитательно-дисциплинарное благоустройство. Да исчезнутъ же повсемѣстно эти элементы, да окрѣпнутъ и обновятся наши духовныя школы съ нынѣшняго учебнаго года, принесшаго съ собою столь важную правительственную мѣру, ограждающую нашихъ воспитанниковъ отъ разсѣянія, суетливости и нравственной неустойчивости.

Этимъ общимъ благожеланіемъ не хотѣлось бы мнѣ всетаки

закончить нынѣшнюю рѣчь свою къ вамъ. Желалъ я сначала подѣлиться съ вами всѣмъ, что у меня было въ мысляхъ по поводу новой правительственной мѣры относительно васъ; и мнѣ кажется, если вы дадите больше мѣста безпристрастному и холодному размышленію, чѣмъ непосредственнымъ личнымъ ощущеніямъ своимъ, то согласитесь съ моими словами, хотя горечь ихъ правды не перестанетъ конечно быть горькою и не принесетъ вамъ много сладости на практикѣ. Но что дѣлать, когда сему быть пока нельзя иначе? Вмѣстѣ съ вами горячо бы я желалъ всевозможныхъ улучшеній нашего духовнаго быта, его матеріальнаго довольства и обезпеченности, равно какъ и самаго прочнаго и неколеблющагося авторитета всѣхъ нашихъ духовныхъ школъ и присвоенныхъ имъ учебныхъ и ученыхъ правъ, — такъ чтобы сосѣднія и параллельныя свѣтскія школы ничего не имѣли, чѣмъ бы могли сманивать васъ къ себѣ и оттягивать у насъ отборныя умственныя силы, которыя безъ того добровольно бы шли можетъ быть на духовную службу. Всего этого имѣемъ мы полное право желать, и на все это крѣпко надѣемся, поручая себя таинственному водительству промысла Божія, лучше всѣхъ конечно вѣдущаго истинные интересы церкви Христовой и ея служителей. Но пока что тамъ еще будетъ, — надо дѣйствовать, а не плакаться безполезно на свою судьбу. Вмѣсто всѣхъ этихъ сѣтованій, безцѣльныхъ протестовъ и малодушныхъ жалобъ на свое положеніе надо непремѣнно придти къ какимъ нибудь яснымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ относительно этого положенія. Надо придумать что нибудь раціональное и путное; надо на что нибудь рѣшиться и такимъ образомъ устроиться, чтобы ни въ какомъ случаѣ не ускользало, а напротивъ упрочивалось наше будущее благо. Если нельзя задаромъ, или такъ легко какъ прежде схватить его, то надо теперь завоевывать и добывать его всѣми зависящими отъ насъ законными мѣрами. А эти мѣры только вотъ какія могутъ быть.

Во-первыхъ крѣпкое и серьезное изученіе наукъ по программѣ семинарскаго курса. Программы эти такъ солидно и цѣлесообразно составлены, что овладѣвшій ими вполнѣ можетъ быть совершенно увѣренъ, что онъ готовъ и способенъ идти по всякой дальнѣй-

шей научной дорогѣ, чрезъ какое бы высшее учебное заведеніе она ни пролегала. Въ нашихъ программахъ есть предметы, которые особенно содѣйствуютъ умственной зрѣлости воспитанника, и которыхъ нѣтъ въ программахъ другихъ среднихъ заведеній, или же есть, но въ сокращенномъ и отрывочномъ только видѣ. Пусть же не пропадаетъ задаромъ для васъ это преимущество семинарскаго курса. Отдайтесь безраздѣльно своей собственной школѣ, усвойте все, что она предлагаетъ вамъ, отбросьте по крайней мѣрѣ на время вашего семинарскаго обученія всякіе посторонніе расчеты житейскіе и преждевременные планы объ устройствѣ своей будущей карьеры,—и повѣрьте, вы не будете въ проигрышѣ. Вы подниметесь въ собственныхъ своихъ глазахъ, поднимете достоинство своего роднаго заведенія и возвысите авторитетъ нашей семинарской науки, которая до сихъ поръ отъ того, можно сказать, и колебалась, что вы обращали ее въ какое-то постороннее и мимоходное средство для достиженія совершенно чуждыхъ намъ цѣлей. Знаніе крѣпкое и основательное само въ себѣ есть великій капиталъ, на который можно купить впослѣдствіи все что угодно. *Пріобрѣтеніе мудрости гораздо лучше золота и пріобрѣтеніе разума предпочтительнѣе отборнаго серебра*, говоритъ премудрый (Притч. XVI, 16). Это въ томъ смыслѣ, что человѣкъ, запасшійся этимъ знаніемъ, годенъ будетъ на всякое дѣло и можетъ проложить себѣ тысячи дорогъ къ своему благополучію. Тѣ изъ васъ, которые думаютъ все-таки выбрать для себя свѣтское образованіе (а я опять повторяю, что мы отнюдь не думаемъ стѣснять этого выбора), должны принять мои совѣты къ свѣдѣнію не менѣе тѣхъ, которые расчитываютъ пройти у насъ весь семинарскій курсъ, — даже болѣе этихъ послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если попасть въ высшую свѣтскую школу уже нельзя безъ предварительнаго экзамена зрѣлости въ гимназіи, — то что надо дѣлать? Какъ можно основательнѣе и зрѣлѣе пройти тѣ науки, отчета въ которыхъ потребуютъ на сторонѣ; а для этого, говорю вамъ, семинарскія научныя программы съ лихвою достаточны, — только не лѣнитесь основательно ихъ пройти, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Какъ человѣкъ, служившій въ томъ вѣдомствѣ, на судъ котораго придется вамъ

предстать съ своими знаніями, могу васъ увѣрить, что и тамошнимъ воспитанникамъ аттестатъ зрѣлости достается далеко не задаромъ и не какъ нибудь исподволь. Онъ всегда есть награда за неослабные труды въ продолженіи всего кура и за основательное знаніе пройденныхъ предметовъ. Слѣдовательно и тѣмъ изъ васъ, которые вздумаютъ попробовать счастія на новомъ пути и у чужаго начальства, придется затрачивать все свое учебное время на усвоеніе вашего семинарскаго курса, потому что его только-что можетъ хватить на это серьезное дѣло. И если по нѣкоторымъ застарѣлымъ преданіямъ семинарскимъ, вы привыкли больше расчитывать на наше снисхожденіе, чѣмъ на собственные труды, то эти привычки придется отложить вамъ въ сторону. Не затѣмъ все это говорится вамъ, чтобы запугать васъ, а напротивъ, чтобы вѣрнѣе обезпечить вамъ успѣхъ. Силъ, способностей, дарованій и трудолюбія у васъ не нѣтъ, я знаю; значитъ робѣть и малодушествовать вамъ не приходится. Заниматься только надо своимъ прямымъ дѣломъ,—и больше ничего. Успѣхъ будетъ несомнѣнный. Да и всѣхъ васъ, господа, прошу принять эти слова мои къ сердцу. Не чувствуете ли вы сами, что всѣ мы переживаемъ теперь новое какое то время, когда отъ всѣхъ требуется серьезный трудъ и добросовѣстное занятіе прямыми и ближайшими своими дѣлами, и безъ этого условія проскользнуть куда нибудь въ люди и добыть себѣ что нибудь прочное въ жизни развѣ изрѣдка кому нибудь можетъ удастьси?! Значитъ, трудиться надо и учиться какъ можно серьезнѣе. Не могу вамъ начертить точной программы вашей будущей жизни и указать опредѣленныхъ путей по выходѣ вашемъ изъ семинаріи, чтобы прямо указать вамъ цѣлесообразное приложеніе вашихъ школьныхъ и научныхъ трудовъ. Почемъ я знаю, гдѣ каждому изъ васъ придется жить и что дѣлать въ жизни? да и сами вы, я думаю, не больше моего объ этомъ знаете въ настоящія минуты. Одно только несомнѣнно, что если въ школѣ человѣкъ, то ему надо хорошо учиться. *Сынъ мой,* говоритъ премудрый, — *если ты найдешь мудрость, то есть будущность, и надежда твоя не потеряна* (Притч. XXIV, 14). Эти слова особенно тѣмъ изъ васъ пригодны, которые, затрудняясь тѣснотою нынѣшняго времени и

большими требованіями отъ учащихся, и можетъ быть не чувствуя въ себѣ особенныхъ силъ для научныхъ трудовъ, въ недоумѣніи могутъ задавать себѣ вопросъ: «да стоитъ ли послѣ всего этого теперь учиться»? О, не сомнѣвайтесь въ этомъ! Вы видите, какъ премудрый высоко цѣнитъ премудрость саму по себѣ, и помимо всякихъ практическихъ ея приложеній. Не всѣмъ конечно въ одинаковой степени даны природою силы для пріобрѣтенія мудрости, равно какъ и не всѣмъ суждено занимать почетныя и видныя мѣста въ жизни; но это значитъ только то, что всѣ должны трудиться по силамъ, чтобы не потерять покрайней мѣрѣ того, что каждый можетъ пріобрѣсть своими трудами посильными. И почемъ знать, трудолюбіе и настойчивое усердіе не доведутъ ли иного и не блещущаго дарованіями человѣка до степеней, ему представляющихся недостижимыми? Одна лѣнь и недобросовѣстность никого и ни до чего хорошаго не доведутъ. Противоположную крайность составляютъ —горячіе, не неспособные, но торопливые и самонадѣянные ученики, — и ихъ тоже не нѣтъ у насъ. Это такія личности, которыя, минуя предварительные и кропотливые труды надъ учебниками, прямо стремятся срывать цвѣты и даже плоды науки, полагая въ самообольщеніи, что они, какъ превосходящіе своихъ товарищей по способностямъ, имѣютъ право, сидя еще на школьной семинарской скамейкѣ, тянуться уже къ высшему знанію. Эти юноши обыкновенно ищутъ и добываютъ себѣ запретныхъ и тайныхъ книгъ, и съ подобающею философамъ важностію любятъ напускать на себя интересъ къ такимъ вопросамъ, которые имѣютъ лишь самое отдаленное отношеніе къ ихъ учебному курсу, или вовсе его не имѣютъ. Сплошь и рядомъ они сильно хромаютъ насчетъ классическихъ и новѣйшихъ языковъ, мало смыслятъ въ математикѣ, не сильны въ естествознаніи, и потому читаемыя ими по секрету ученыя книги —со рвеніемъ, поистинѣ достойнымъ лучшей участи, плохо даже перевариваются въ ихъ мозгу и не укладываются въ головѣ; тѣмъ не менѣе эти скороспѣлые ученые наиболѣе обидчивы при напоминаніи имъ о ихъ ближайшихъ обязанностяхъ, о не раціональности и вредѣ любимаго ими непосильнаго и преждевременнаго чтенія. Такимъ юношамъ я повторилъ бы слова премудраго: *сыне мой! не хорошо*

душѣ безъ знанія, и торопливый ногами оступится (Притч. XIX, 2)... *Если сердце твое будетъ мудро, то порадуется и мое сердце; и внутренности мои будутъ радоваться, когда уста твои будутъ говорить правое* (Притч. XXIII, 15. 16). Но въ томъ то и бѣда, что юныя уста этихъ потаенныхъ искателей мудрости говорятъ часто не дѣло, и отъ умственной торопливости своей они то и дѣло оступаются, т. е. не наполненной въ школѣ пустотой своей головы и отсутствіемъ прочнаго научнаго запаса они открываютъ доступъ къ своему уму и сердцу всякимъ вѣтрамъ ученій—по апостольскому выраженію, которые могутъ толкать ихъ то туда то сюда, и въ концѣ концовъ совершенно удалить отъ истинной и здравой мудрости. Это поистинѣ жаль. Нельзя ли, друзья мои, повѣрить намъ, что не все то мудро и умно, что говоритъ языкомъ мудрости и облекается въ ученую одежду, какъ и не все то золото, что блеститъ. Христосъ бы съ вами, если бы не гибла у васъ масса времени, въ вашемъ положеніи столь драгоцѣннаго для пріобрѣтенія семинарскихъ и основныхъ научныхъ знаній, которыми запастись необходимо прежде всего всякому порядочному юношѣ, и если бы вы оградили себя оружіемъ строгаго анализа и здравой критики. Но откуда она возьмется безъ серьезнаго образованія и безъ достаточнаго запаса элементарныхъ знаній?! Поэтому объ одномъ прошу васъ: повремените и не рвитесь къ запретнымъ плодамъ знанія, не разжевавши предварительно и не усвоивши хорошенько учебнаго курса средней школы. На него то и подобаетъ вамъ до времени устремить все свое вниманіе. Погодите, еще успѣете наслушаться и начитаться всякой всячины; но тогда будетъ это для васъ безопасно, и даже не безъ пользы. Должны же вы знать, что всякая преждевременность и всякій неестественный скачекъ не могутъ пройти безопасно и безвредно.

Переходя отъ вашихъ учебныхъ обязанностей къ нравственнымъ обязанностямъ въ наступающемъ учебномъ году, я могу только сказать, что они чрезвычайно просты, легки и одинаково обязательны для всѣхъ и каждаго изъ васъ. Если нельзя всѣмъ одинаково успѣшно учиться, такъ какъ умственныя дарованія раздаются природою независимо отъ вашей воли; то быть нравствен-

но-добрыми и благородными зависитъ рѣшительно отъ вашего произволенія. Скажите, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ помѣшать любому изъ васъ — быть почтительнымъ, послушнымъ, благоговѣйнымъ, скромнымъ, воздержнымъ, и т. д.? Въ этомъ случаѣ, я со всею силою и настойчивостію напоминаю вамъ—господа, что вы духовные воспитанники; и этотъ титулъ вашъ могъ бы быть наилучшимъ вашимъ украшеніемъ и преимуществомъ, если бы онъ дѣйствительно обозначалъ ваше доброе нравственное и истинно духовное направленіе. Этого направленія воспитанниковъ съ усиленными стараніями добиваются теперь рѣшительно во всѣхъ заведеніяхъ; потому что въ нынѣшнее время такъ уже много накопилось всяческаго растлѣнія и непотребства въ людяхъ, и это развращеніе такъ назойливо рвется въ наши учебные и воспитательные храмы, и такъ много загубляетъ прекрасной и даровитой молодости, что все это принимаетъ видъ истиннаго наказанія Божескаго. Гдѣ искать правительству и обществу силъ и дѣятелей для борьбы съ ужасной гидрою современнаго развращенія? А вотъ между прочимъ наше то духовное званіе, по самому роду служенія духовныхъ особъ, и должно быть представителемъ и носителемъ освѣжающихъ и оздоровляющихъ идей въ обществѣ, т. е. религіозно-нравственныхъ идей. А дѣти и воспитанники духовные, гдѣ бы судьба ни привела имъ жить впослѣдствіи, должны быть блюстителями этихъ драгоцѣнныхъ идей и высокихъ правилъ религіозныхъ; эти идеи должны бы быть вашимъ наслѣдственнымъ и неотъемлемымъ достояніемъ. Пусть не блестите вы выправкою житейскою, шлифовкою манеръ и пріятною изощренностію обыкновеннаго разговорнаго слова и тому подобными внѣшними преимуществами другихъ, болѣе насъ съ вами богатыхъ сословій,— все это можетъ придти со временемъ само собой, когда вы взойдете въ живыя отношенія съ людьми; а если это и не придетъ въ желаемой степени, то, собственно говоря, никакой существенной потери вы отъ этого не потерпите. Но если бы вы у насъ блистали существенными и внутренними достоинствами нравственными, т. е. красотою души и благородствомъ сердца, и отличались бы замѣтно отъ другихъ воспитанниковъ своимъ сословнымъ крѣпко-религіознымъ направленіемъ; то это подняло бы васъ такъ

высоко въ обществѣ, какъ ничто болѣе. О внутреннемъ глубокомъ мирѣ вашей совѣсти, о любви и милости Господней къ вамъ, — мы уже и говорить не станемъ. Не только не стали бы съуживать для васъ путей ни къ высшимъ храмамъ науки, ни ко всякимъ общественнымъ должностямъ; а напротивъ всюду бы принимали васъ съ распростертыми объятіями. По призванію своему служить интересамъ вѣры и религіи,—*вы соль* отечественной *земли. Если же соль потеряетъ силу; то чѣмъ сдѣлаешь ее соленой* (Мѳ. V, 13). Отъ васъ, какъ духовныхъ воспитанниковъ, общество въ правѣ ожидать всего здраваго, честнаго, благороднаго и святаго. И наоборотъ—на васъ, именно какъ на духовныхъ воспитанникахъ, виднѣе будетъ всякое нравственное пятно, и замѣтнѣе всякіе отдѣльные случаи вашихъ промаховъ, шалостей и дурныхъ увлеченій. Если и вообще худая слава бѣжитъ, то про духовныхъ и семинарскихъ воспитанниковъ, особенно по нынѣшнему времени, побѣжитъ она скорѣе и дальше. Два три какихъ нибудь отдѣльныхъ случая, компроментирующихъ наши семинаріи, могутъ дать поводъ (положимъ невѣрный и недостаточный) думать неблагопріятно про все духовное юношество. А, такъ вотъ каковы, скажутъ, эти такъ называемые духовные воспитанники, эти постоянно сѣтующіе на свою нищету и заброшенность юноши! Да чуть ли кое гдѣ и не стали такъ поговаривать? Это поистинѣ было бы обидно и больно. И кто знаетъ, можетъ быть всѣ эти стѣснительныя и ограничивающія мѣры относительно духовныхъ воспитанниковъ и были результатомъ неблагопріятно сложившихся мнѣній о семинарской репутаціи. Господи! Да что же это будетъ? И къ чему все это поведетъ дальше? И неужели нѣсколькимъ дурнымъ школьникамъ нашимъ удастся запачкать честь и славу добрую всѣхъ своихъ товарищей, и безнаказанно вредить и вредить имъ? Да не будетъ сего! Я надѣюсь, что вы понимаете меня, и приложите къ сердцу слѣдующія слова премудраго, которыми я и закончу свою рѣчь: *сынъ мой, да не завидуетъ сердце твое грѣшникамъ; но да пребудетъ оно во всѣ дни въ страхѣ Господнемъ!* (Притч. XXIII, 17). Аминь.

СЛОВО

КЪ ДУХОВНЫМЪ ВОСПИТАННИКАМЪ (О ПРИЛИЧІИ И ВѢЖЛИВОСТИ) *).

(18-го ноября 1879 г.).

Не будь неразумнымъ ни въ большомъ ни въ маломъ. . Не пріучай твоихъ устъ къ грубой невѣжливости.... Помни,... чтобы тебѣ.... по привычкѣ не сдѣлать глупости. Помни завѣтъ Всевышняго, и презирай невѣжество. Нѣтъ цѣны благовоспитанной душѣ! (Сир. V, 18. XXIII, 16. 18. XXVIII, 8. XXVI, 17).

Не простой какой нибудь наставникъ и не свѣтскій учитель приличій такъ высоко цѣнитъ благовоспитанность и предостерегаетъ отъ невѣжливости, а священный библейскій мудрецъ. Есть цѣлая книга премудрости, начертанная его вдохновенною рукою. И еслибы собрать воедино всѣ разсыпанныя по страницамъ этой книги острыя и мѣткія изрѣченія о высокомъ нравственномъ значеніи приличія и благовоспитанности; то изъ нихъ составился бы цѣлый кодексъ драгоцѣннѣйшихъ правилъ насчетъ этого предмета. Изъ святой Библіи мы привыкли почерпать преимущественно правила, опредѣляющія нашу религіозную жизнь,—то, что составляетъ существо нравственнаго достоинства въ человѣкѣ. Но оказывается, что съ этимъ достоинствомъ столь неразрывно связано приличіе словъ и дѣяній человѣка и вообще его благовоспитанность, что въ великой книгѣ книгъ, т. е. во святой Библіи, какъ и слѣдовало ожидать, находится не мало нарочитыхъ правилъ и предписаній и по этому, какъ бы второстепенному предмету, т. е. насчетъ приличія и вѣжливости во взаимныхъ людскихъ отношеніяхъ. Давно я собирался побесѣдовать съ вами, мои любезные воспитанники, объ этомъ предметѣ,—частію потому, что спеціалистамъ по закону Божію, какими вы назначаетесь быть по роду преимущественныхъ своихъ занятій въ ду-

*) Напечатано въ 24-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1879 г.

ховной школѣ, обязательно знать и изучать законъ Божій даже и въ подробностяхъ и по второстепеннымъ, такъ сказать, пунктамъ; частію же потому, что вслѣдствіе разобщенности вашего домашняго и школьнаго положенія съ избраннымъ обществомъ людскимъ, среди котораго возрастающія дѣти и юноши безъ всякаго труда и съ измалѣтства напитываются добрыми правилами приличія и хорошаго житейскаго тона, вы не можете похвалиться этимъ преимуществомъ; и наконецъ-что грѣха таить? частенько-таки приходилось и приходится мнѣ наталкиваться на прискорбные случаи вашего то невѣдѣнія, то даже сознательнаго какъ будтобы нарушенія правилъ добраго приличія и благовоспитанности. Я не могу и не долженъ быть равнодушенъ къ этимъ случаямъ. Итакъ, *дѣти*, приглашаю васъ словами того же священнаго мудреца, — *послушайте меня, отца, и поступайте такъ, чтобы вамъ спастись! Послушайте меня, и не пренебрегите мною, и въ послѣдствіи вы поймете слова мои!* (Сир. III, 1. XXXI, 25).

Приличіе и вѣжливость и вообще то, что называютъ благовоспитанностію, въ сущности есть тоже, что и добродѣтель, только въ болѣе легкихъ, и такъ сказать поверхностныхъ ея проявленіяхъ, опредѣляющихся внѣшними и житейскими нашими отношеніями другъ къ другу. Если добродѣтелью и благочестіемъ въ человѣкѣ мы назовемъ всецѣлое и всестороннее устремленіе его духа къ исполненію законовъ нравственности; то приличіемъ и благовоспитанностію можно назвать проявленіе этого же стремленія, но преимущественно съ художественной, такъ сказать, и эстетической стороны. Иными словами сказать: вѣжливое благоприличіе въ словахъ и поступкахъ, и вообще во всемъ поведеніи человѣка, то же впечатлѣніе производитъ и туже силу имѣетъ, что красота и изящество въ области искусства и неодушевленной природы. Красота и благообразіе всѣмъ, какъ извѣстно, нравится и всѣхъ влечетъ къ себѣ. Не углубляясь пока въ тайну этого вліянія, довольно сказать, что самою внѣшностію своихъ формъ, пріятно дѣйствующихъ на наши чувства, изящество оказываетъ покоряющее дѣйствіе на наше сердце. Тоже самое бываетъ и въ житейскихъ отношеніяхъ между людьми. Красотой

благоприличія и изяществомъ благовоспитанности вскрашиваются эти отношенія. Ими смягчается жесткость и неприглядность той собственно стороны жизни человѣческой, которою она тяготѣетъ надъ всѣми нами, какъ бремя тяжкое, со времени нашего всеобщаго осужденія на труды, горе, нужду и всяческую суету въ мірѣ семъ. И потому, не касаясь пока внутренней и нравственной цѣнности благоприличія поступковъ и вѣжливости людскихъ отношеній, нельзя не признать, что они хороши уже сами по себѣ, и слѣдовательно достолюбезны и желательны должны быть для всякаго человѣка просто ради одной своей пріятной и привлекательной внѣшности, ради того благороднаго и умиротворяющаго характера, который вносится ими въ нашу частную и общественную жизнь. Я укажу вамъ нѣсколько примѣрныхъ случаевъ. Пусть человѣкъ, говорящій мнѣ ласковыя и сочувственныя слова, не совсѣмъ то чувствуетъ въ сердцѣ, что у него на языкѣ; но въ самой этой ласкѣ и привѣтливости есть нѣкоторая лекарственная капля, которая можетъ принести пользу моему огорченному и озабоченному духу. Напротивъ гнѣвное и нерасчетливо грубое, хотя бы и правдивое слово—мени бы только больно уколоть могло и встревожить. Отъ того и говоритъ премудрый: *сладкія уста умножатъ друзей, и добронравный языкъ умножитъ пріязнь* (Сир. VI, 5). Пусть человѣкъ имѣетъ какіе-либо явные недостатки, или слабыя и смѣшныя стороны; но глумиться надъ этимъ значитъ возмутить спокойствіе его духа, и лишить его простора въ дѣятельности, можетъ быть не лишенной пользы и добраго значенія въ своемъ кругу и въ своемъ мѣстѣ. Отъ того вѣжливый и приличный человѣкъ сдержитъ и скроетъ свои насмѣшливыя поползновенія, и тѣмъ сбережетъ свои добрыя отношенія ко всѣмъ и каждому; напротивъ *боятся въ городѣ дерзкаго на языкъ*, по слову премудраго, *и ненавидятъ опрометчиваго въ словахъ* (Сир. IX, 23). Допустимъ, что подчиненный не имѣетъ теплыхъ отношеній къ начальнику; но не приметою, а дерзостію назвали бы не сдержанное и неучтивое выраженіе его чувствъ, потому что такимъ выраженіемъ нарушался бы узаконенный порядокъ отношеній между властію и подвластными. Потому и премудрый учитъ: *въ собраніи старѣйся быть пріят-*

нымъ, и предъ высшимъ наклоняй свою голову (Сир. IV, 7). Положимъ, что некрасивая наружность не возбуждаетъ у насъ симпатическихъ чувствъ; но дать замѣтить это некрасивому человѣку—значитъ не только незаслуженно обидѣть его, но и показать свою собственную мелочность и поверхностность. Поэтому и премудрый наставляетъ: *не хвали человѣка за красоту его, и не имѣй отвращенія къ человѣку за наружность его* (Сир. XI, 2). Положимъ, что въ бесѣдѣ, особенно горячей и живой, когда сталкиваются противоположныя мнѣнія, естественно желаніе—расположить другихъ и склонить къ своимъ убѣжденіямъ; но крикливая настойчивость и перебиванье, кромѣ своего неудобства, вносила бы въ рѣчь бранчивый и желчный характеръ, и портила бы пріятное впечатлѣніе бесѣды—при всемъ ея интересѣ. Поэтому и премудрый внушаетъ: *прежде, нежели выслушаешь, не отвѣчай, и среди рѣчи не перебивай* (Сир. XI, 8). *Иной молчитъ, и оказывается мудрымъ; а иной бываетъ ненавистнымъ за многую болтливость. Мудрый человѣкъ будетъ молчать до времени, а тщеславный и безразсудный не будетъ ждать времени. Многорѣчивый—опротивѣетъ, и кто восхищаетъ себѣ право говорить, будетъ возненавидѣнъ* (Сир. XX, 5. 7. 8). Положимъ, что вкусныя и обильныя блюда естественно усиливаютъ желаніе поѣсть ихъ. Но нетерпѣніе и увлеченіе яствами, кромѣ улыбки и смѣха, могутъ возбудить и положительно непріятное чувство въ другихъ; ибо невоздержность граничитъ здѣсь съ животною жадностію. Поэтому и премудрый предостерегаетъ: *когда ты сядешь за богатый столъ, не раскрывай на него гортани твоей, и не говори: много же на немъ! Помни, что алчный глазъ—злая вещь. Ѣшь, какъ человѣкъ, что тебѣ предложено, и не пресыщайся, чтобы не возненавидѣли тебя. Переставай пѣть первый изъ вѣжливости, и не будь алченъ, чтобы не послужить соблазномъ. И если ты сядешь посреди многихъ, то не протягивай руки своей прежде ихъ. Не многимъ довольствуется человѣкъ благовоспитанный!...* (Сир. XXXI, 13. 14. 18. 19. 20. 21). Любопытство есть общее свойство людей; но съ усиленнымъ любопытствомъ подсматривать за ближнимъ, подслушивать и развѣдывать его домашній

бытъ и образъ жизни—сочтетъ ниже своего достоинства человѣкъ приличный, серьезный и разсудительный, ибо это значило бы назойливо врываться туда, куда не просятъ, и мѣшать жить ближнему. Поэтому и премудрый наставляетъ: *не будь навязчивъ, чтобы не оттолкнули тебя.... Ноги глупаго спѣшатъ въ чужой домъ, но человѣкъ многоопытный постыдится людей. Неразумный сквозь дверь заглядываетъ въ домъ, а человѣкъ благовоспитанный остановится внѣ. Невѣжество человѣка—подслушивать у дверей; благоразумный же огорчится такимъ безстыдствомъ* (Сир. XIII, 13. XXI, 25. 26. 27). Естественно говорить при случаѣ и по довлѣющему поводу о томъ, что видишь, знаешь или слышишь; но назовутъ (и справедливо) пустошнымъ и сплетникомъ того человѣка, который находитъ особенное удовольствіе въ злорѣчивой болтовнѣ о случаяхъ и обстоятельствахъ, касающихся чести ближняго; и потому человѣкъ благовоспитанный остережется сего, совершенно согласно наставленію премудраго: *уста многорѣчивыхъ разсказываютъ чужое; и слова благоразумныхъ взвѣшиваются на вѣсахъ. Въ устахъ глупыхъ сердце ихъ* (т. е. что на умѣ, то и на языкѣ), *уста же премудрыхъ въ сердцѣ ихъ. Стыдись... невнимательныхъ слуховъ и разглашенія словъ тайныхъ: и будешь истинно стыдливъ, и пріобрѣтешь благорасположеніе всякаго человѣка* (Сир. XXI, 28. 29. XLI, 29). Иной разъ даже и добрыя и прекрасныя дѣянія теряютъ всю свою силу и цѣнность отъ простой неделикатности и грубоватости того, кто ихъ дѣлаетъ. Такъ драгоцѣнна и привлекательна деликатность! Что напримѣръ лучше благотворительности и милосердія? Но иной сдѣлаетъ милость и благодѣяніе, и не утернитъ, чтобы не дать это почувствовать благотворимому лицу, и недогадливо подольетъ ему этимъ желчи и горечи. Только одинъ деликатный и благовоспитанный человѣкъ и милость сдѣлаетъ и облегчитъ самую-то возможность принять эту милость, какъ бы дѣло съ его стороны самое естественное и незначительное. Этой-то деликатности въ подобныхъ случаяхъ учитъ и мудрецъ библейскій: *сынъ мой! при благотвореніяхъ не дѣлай упрековъ, и при всякомъ дарѣ не оскорбляй словомъ. Роса не охлаждаетъ ли зноя? такъ*

слово—лучше (иной разъ), *нежели даяніе...*; *а у человѣка доброжелательнаго* и деликатнаго *и то и другое* (Сир. XVIII, 15. 16. 17). Но нельзя исчислить, да и нужды нѣтъ исчислять всѣхъ случаевъ и способовъ, какъ и когда можетъ проявляться деликатность и благоприличіе во внѣшнемъ поведеніи человѣка. Это есть нѣкоторый неуловимый элементъ, которымъ растворяться можетъ всякое слово и дѣяніе человѣка, даже самая внѣшность его и тѣлодвиженія, способъ говорить, ходить и держать себя во всѣхъ мелочахъ ежедневной практики. Можно лишь чувствовать благоуханіе и красоту этого элемента въ живыхъ сношеніяхъ съ человѣкомъ деликатнымъ и вѣжливымъ, но нельзя заключить его въ какія-нибудь извѣстныя правила и уловить въ опредѣленныя формы, чтобы потомъ можно было взять его такъ сказать механически, и перенесть на себя по первому желанію. Отъ того и премудрый въ своихъ изрѣченіяхъ и правилахъ о вѣжливости и деликатности, касаясь даже и такихъ напримѣръ мелкихъ обстоятельствъ, какъ облокачиванье на столъ—по распущенности и невыдержанности манеръ, молчанія предъ привѣтствующими—по дикой застѣнчивости, отворачиванья лица отъ знакомыхъ и родственниковъ—по гордости и пренебреженію (Сир. XLI, 24. 25),—дѣлаетъ между прочимъ и общее примѣчаніе, что *одежда и оскабленіе зубовъ и походка человѣка*,—значитъ—все, до него касающееся,—*показываетъ свойство его* (Сир. XIX, 27). У человѣка благоприличнаго на все это кладется какая-то привлекательная печать граціи, мягкости и любезности. Вышеприведенными мѣрами и случаями я хотѣлъ только понагляднѣе обрисовать вамъ предметъ своей бесѣды, посильнѣе напомнить о прекрасныхъ фактахъ вѣжливости и приличія въ человѣческихъ отношеніяхъ и поближе поставить васъ къ этимъ фактамъ, чтобы сами вы, насколько то можно, увидѣли и почувствовали ихъ привлекательность.

Не трудно, мнѣ кажется, уразумѣть тайну этой привлекательности. Оказывается, что вообще всякая красота и благообразіе не потому только влечетъ наше сердце, что ея изящная внѣшность пріятно дѣйствуетъ на чувства, а потому главнымъ образомъ, что подъ собою, подъ этой изящной внѣшностію она пред-

полагаетъ и нравственное благо, или красоту добродѣтели. Вслѣдствіе этой внутренней и натуральной, хотя не всегда отчетливо сознаваемой, связи изящества съ добродѣтелью и бываетъ, что всякій разъ, когда художникъ ли избранный, или мы люди обыкновенные—захотимъ нагляднѣе изобразить для другихъ, или живѣе представить въ своемъ собственномъ воображеніи какой бы то ни было изъ видовъ добродѣтели, или какъ говорятъ обыкновенно—если мы захотимъ идеализировать добродѣтель, то сами собою возникаютъ въ нашихъ мысляхъ изящныя для нея краски и привлекательныя формы. Такимъ образомъ красоту и изящество можно назвать самою достойною и естественною оправою добродѣтели, какъ бы нѣкотораго бриллианта, — въ этомъ и состоитъ истинный смыслъ благовоспитанности и вся суть того высокаго значенія, какое усвояется въ цивилизованныхъ обществахъ приличію и вѣжливости житейскихъ отношеній между людьми. Они суть видимые признаки добродѣтели, и какъ бы благоухающій слѣдъ ея; они истекаютъ изъ нея, какъ изъ первоначальнаго и натуральнаго своего источника. Въ самомъ дѣлѣ, кто искренно и нелицемѣрно усвоилъ себѣ добродѣтель, и не на языкѣ только, а въ сердцѣ своемъ носитъ ее, тотъ и не изучая нарочито общепринятыхъ правилъ вѣжливости и приличія, однимъ своимъ нравственнымъ чутьемъ угадаетъ и пойметъ ихъ обязательную силу, и не допуститъ въ своемъ поведеніи ничего грубаго и неблагопристойнаго, вопреки этимъ правиламъ. Напримѣръ человѣку младшему и подчиненному сдѣлать почтительное привѣтствіе для старшаго и въ какомъ-нибудь отношеніи начальственнаго человѣка потому и предписываетъ приличіе, что почтительность и скромность сама по себѣ есть доброе и нравственное дѣло; но разумѣется, оказать эту почтительность скорѣе всего и не забудетъ человѣкъ сердечно нравственный. Или: произнести бранчивое и гнилое слово потому и воспрещается приличіемъ, что такія слова содержатъ злословіе и нецѣломудренность мысли и выражаютъ гнѣвное и грубое настроеніе сердца; и значитъ всего менѣе дозволитъ себѣ эти слова человѣкъ, отличающійся чистотою помысловъ и кроткимъ настроеніемъ духа, т. е. человѣкъ нравственный и добродѣтельный. Гнилое слово просто неудобно

для него, и самый языкъ не повернется у него для такого слова. Предупредительно оказать какую-нибудь, хотя бы небольшую услугу товарищу, сосѣду, или даже просто встрѣчному и незнакомому человѣку, равно какъ и замѣтить и благодарно отозваться на эту услугу,—также—сочувственно справиться о здоровьѣ, занятіяхъ, потребностяхъ или другихъ обстоятельствахъ, имѣющихъ значеніе для нашихъ знакомыхъ и друзей, при встрѣчѣ съ ними,—выразить соболѣзнованіе къ чужому горю, сорадованіе къ чужой радости, оказать ласку дитяти, заступничество—слабости, благодушное разъясненіе и наставленіе—человѣку темному и незнающему, нежеланіе замѣчать природные недостатки ближняго, и вообще какъ бы не видѣть его слабостей или смѣшныхъ сторонъ, хотя-бы они сами собой и даже рѣзко бросались въ глаза, опрятное держаніе своего тѣла, благообразіе и скромность тѣлодвиженій, чистота и аккуратность въ одеждѣ и во всей домашней обстановкѣ, видимые знаки уваженія къ чужой религіи и ея обрядамъ, а тѣмъ болѣе благоговѣйное отношеніе къ своей собственной религіи, къ священнымъ лицамъ, вещамъ и дѣйствіямъ, и тысячи другихъ подобныхъ дѣяній—потому именно и заповѣдуются приличіями образованнаго общества, и потому они и обязательны для всякаго порядочнаго члена общества, что все это вытекаетъ изъ общаго и основнаго закона любви къ ближнему и изъ уваженія къ своему собственному человѣческому достоинству. А ко всему этому болѣе склоненъ и на все это болѣе способенъ не кто другой, какъ истинно нравственный и добродѣтельный человѣкъ. То, что дѣлаетъ по привычкѣ и по усвоеннымъ изъ малолѣтства благороднымъ пріемамъ обращенія съ людьми благовоспитанный свѣтскій человѣкъ, все это, что такъ красиво и пріятно у него выходитъ во всей манерѣ его поведенія, и такою теплотою и мягкостію отзывается на всѣхъ, кто имѣетъ до него дѣло или соприкосновеніе,—все это человѣкъ истинно нравственный и благочестивый исполнитъ и сдѣлаетъ по болѣе глубокому побужденію, именно по требованію закона Христова; и слѣдовательно его благовоспитанность и вѣжливость будетъ гораздо, даже прочнѣе и надежнѣе обыкновенной свѣтской шлифовки и гуманности; ибо подъ ней часто бушуютъ злые и

эгоистическіе инстинкты, по временамъ сильно прорывающіеся наружу въ самомъ повидимому приличномъ и сдержанномъ свѣтскомъ человѣкѣ.

Все это къ тому говорится, чтобы дать вамъ понять, какъ достолюбезны приличіе и вѣжливость внѣшняго поведенія не только сами по себѣ, по ихъ видимой и натуральной красотѣ и изяществу, но и потому въ особенности, что они суть близкая родня съ христіанскою добродѣтелью. Поймите же изъ сего, какъ они должны бы свойственны быть дѣтямъ и юношамъ духовнымъ, измлада изучающимъ законъ Христовъ въ наибольшей подробности и полнотѣ, сравнительно съ другими дѣтьми и юношами. Все, чему иногда учитъ этихъ дѣтей и юношей самая обстановка ихъ жизни и цивилизующая среда, въ которой они обращаются, вамъ могло бы и должно-бы подсказать ваше собственное благородное сердце, еслибъ оно напаялось ученіемъ Христа Спасителя, въ которомъ сосредоточено все возвышенное, изящное и святое, и которое не только выводитъ людей изъ религіозной и нравственной тьмы, но и вноситъ красоту мира и любви въ ихъ житескія отношенія и низводитъ самую чистѣйшую цивилизацію въ ихъ общества. Вотъ почему нельзя безъ особеннаго прискорбія замѣчать случаи отступленія отъ общепринятыхъ правилъ добраго приличія и благовоспитанности собственно въ вашей средѣ, какъ-бы ни были извинительны по характеру и невелики числомъ эти случаи въ общей вашей массѣ. Желалось-бы совсѣмъ не встрѣчать у васъ этихъ случаевъ. Желалось-бы, чтобы окончательно было смыто съ вашего имени пятно упрековъ, идущихъ по преданію и тяготѣющихъ отъ старинныхъ временъ на имени семинарскихъ воспитанниковъ. Желалось-бы видѣть васъ настоящими духовными воспитанниками, поведеніе которыхъ покрывалось-бы однимъ общимъ характеромъ скромности, сосредоточенности и сдержанности, подобающей мыслящимъ юношамъ, и въ особенности характеромъ непорочной цѣломудренности, изъ которой вырастаютъ всѣ цвѣты добродѣтелей, долженствующихъ украшать будущихъ учителей и пастырей народа. Желалось-бы видѣть въ вашихъ словахъ и поступкахъ, въ вашемъ взаимномъ обращеніи и въ отношеніяхъ къ намъ отблескъ вашей внутренней красоты

и благонравія. Желалось-бы, чтобы всѣ вы до-единаго не на нашемъ только виду, а и сами про себя, стыдились всего срамнаго и грубаго и общимъ дружескимъ давленіемъ изгоняли изъ среды своей все неблагопотребное, и взаимно обучали бы себя благородству, самоуваженію и чести. Всѣ эти мои желанія отнюдь не свидѣтельствуютъ конечно объ отсутствіи въ вашей средѣ того, чего я желаю; они относиться должны лишь къ тѣмъ случаямъ изъ вашей школьной жизни и къ тѣмъ личностямъ изъ вашей братіи, которые дали мнѣ поводъ для настоящей бесѣды со всѣми вами о предметѣ общей важности и значенія не только для васъ, но и для всѣхъ вообще юношей, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ. Благородными, скромными и во всѣхъ отношеніяхъ приличными юношами въ вашей средѣ мы истинно утѣшаемся, и желаемъ имъ душевно всего лучшаго. Это наша гордость — по грѣшному выраженію, это краса и честь нашего заведенія. Но желалось-бы поставить на туже дорогу и тѣхъ изъ васъ, которые огорчаютъ насъ проявленіями нѣкоторой неблаговоспитанности и небреженія къ общепринятымъ и достоуважаемымъ правиламъ вѣжливости и благоприличія, строгое и единодушное соблюденіе которыхъ даетъ такой прекрасный тонъ и такой достойный характеръ добропорядочности цѣлому заведенію. Конечно, на всякій случай никому нельзя уберечься, и если даже на прямой и твердой и строго опредѣленной нравственными законами стезѣ добродѣтели человѣкъ не безъ труда вообще можетъ держаться и стоять; то на тонкой и колеблющейся жерди приличія и выдержанности во внѣшнемъ поведеніи еще труднѣе пройти безъ паденій. Ктому же вы еще молоды и неопытны, а юность чаще всего и любитъ легкомысленно перескакивать именно черезъ то, около чего съ осторожностію обходятъ люди болѣе зрѣлые и установившіеся. Все это такъ. Но пусть же это и остается съ исключительнымъ характеромъ случайности и невольныхъ паденій, и пусть со всѣмъ этимъ рядомъ будетъ у васъ видно честное сознаніе своихъ ошибокъ и благородное желаніе тотчасъ вставать послѣ паденій и добровольное усиліе впредь держаться прямо и благородно. Дабы не было у васъ никакихъ сомнѣній и недоразумѣній, на что я собственно налегаю больше всего, уча васъ приличіямъ, я считаю долгомъ

оговориться и рѣшительно высказаться, что въ виду у меня нестолько тѣ механическіе и условные пріемы свѣтскаго обращенія, не та гостинная развязность и изящество манеръ, которой можно вамъ только пожелать впослѣдствіи, но мудрено было бы и даже несправедливо требовать въ вашемъ теперешнемъ разобщенномъ отъ свѣта положеніи. Человѣку, родившемуся въ деревенской глуши и возросшему въ болѣе или менѣе скудной и неизящной средѣ—откуда взять утонченныхъ манеръ, и набраться гостиннаго изящества? Но то приличіе и благовоспитанность, которыя такъ сказать граничатъ съ самою добродѣтелью и непосредственно изъ нея вытекаютъ, для васъ возможны, а слѣдовательно и для всѣхъ обязательны. Для наглядности и ясности дѣла я могу указать нѣсколько примѣрныхъ случаевъ, гдѣ можетъ проявляться ваше приличіе или неприличіе, благовоспитанность или неблаговоспитанность въ томъ смыслѣ, о которомъ у насъ теперь идетъ съ вами рѣчь. Пустить напримѣръ какимъ-нибудь презрительнымъ и раздражающимъ словомъ — есть неприличіе. Грубостію можно только вызвать на большую грубость человѣка простаго и необразованнаго. Благовоспитанный юноша предпочтетъ всякой брани и самоуправству спокойное заявленіе своихъ законныхъ требованій и нуждъ начальству. Въ порывѣ раздраженія на что-нибудь или на кого-нибудь дозволить своему гнѣвному чувству прорваться въ бранномъ и гнилomъ какомъ-нибудь словѣ, хотя бы это слово ни на кого не направлялось, а пускалось такъ сказать на вѣтеръ,— есть тоже неприличіе; благовоспитанный юноша всякіе гнилые обороты рѣчи сочтетъ ниже своего достоинства, хотя можетъ быть и не убережется отъ нѣкоторой рѣзкости слова при невольной вспыльчивости. Крикливыя и шумныя привычки при входахъ и выходахъ толпой или въ одиночку—есть тоже одинъ изъ видовъ неприличія, непріятный и неумѣстный въ тѣхъ особенно случаяхъ, которые сами по себѣ требуютъ особенной сдержанности и стройности движеній, напримѣръ при молитвенныхъ собраніяхъ— какъ дома, такъ въ особенности въ храмѣ Божіемъ. Благовоспитанный юноша съумѣетъ быть степеннымъ въ этихъ случаяхъ, хотя бы обладалъ и живымъ темпераментомъ; нравственная наклонность къ порядку, или привычкой выработанное благообразіе

движеній сольются у такого воспитанника самымъ естественнымъ образомъ въ благоговѣніе къ молитвѣ и святому мѣсту молитвы. Еще: ради шаловливой удали или школьнической потѣхи, а еще хуже въ видѣ протеста или мести за настойчивыя требованія порядка и дисциплины, сорвать, какъ говорится, гнѣвъ свой и недовольство на бездушныхъ вещахъ, изломать, испортить ихъ, запачкать или разбить—на томъ лишь основаніи, что онѣ не свои, а чужія, и платить за нихъ казнѣ, а не притаившемуся шалуну,—есть неприличіе пополамъ съ неряшливымъ невѣжествомъ, неблагодарностію и дерзостію. Благовоспитанный юноша поймет нечестность такихъ выходокъ и отстранится отъ нихъ, какъ отъ низости,—по привычкѣ и чужую собственность уважать и свою беречь въ чистотѣ и опрятности. Беззастѣнчиво запираться и прибѣгать къ упорной лжи, въ видахъ укрывательства чужихъ ли то, или своихъ проступковъ, фарисействовать въ виду начальства, а за-глаза безобразничать и затѣмъ плаксиво малодушествовать съ цѣлію напускнаго покаянія,—опять нечестно, неприлично и неблагородно. Невольно вспоминаются слова премудраго: *злой порокъ въ человѣкѣ — ложь; въ устахъ невѣжды она всегда* (Сир. XX, 24). Благовоспитанный юноша ровенъ и прямъ въ своемъ поведеніи, откровенъ въ поступкахъ и искренъ въ словахъ. Онъ постыдится непристойнаго «знать не знаю», когда честь обязываетъ сказать правду; съ дерзновенною фамильярностію, въ присутствіи даже самаго низшаго приставника надъ собою, онъ не дозволитъ себѣ очень и очень многаго, что позволяетъ себѣ одинъ или при товарищахъ, но за то онъ и не унизитъ себя ложью, лестью и фарисействомъ даже предъ высшими лицами. Но довольно. Не нахожу болѣе нужнымъ уяснять примѣрными случаями, каковъ долженъ быть образъ поведенія приличнаго и благовоспитаннаго юноши. То, чего я усиленно и сердечно добиваюсь, я думаю — вы хорошо уже видите, поймете цѣль моей бесѣды, и надѣюсь—не поставите на нѣкоторую мою настойчивость и откровенность, а равно и на нѣкоторыя повторенія по поводу занимающаго меня предмета. О, если бы слова мои (видитъ Богъ, какъ они искренни и къ вамъ благожелательны!) не пропали совсѣмъ задаромъ! Сами видите вы, что я не

приглашаю васъ къ какимъ-нибудь непосильнымъ и тяжелымъ подвигамъ, для вашей юности преждевременнымъ. Я приглашаю только къ приличію, и желаю видѣть васъ всѣхъ благовоспитанными и вѣжливыми; ибо эта сторона поведенія естественно и незамѣтно можетъ руководить васъ и къ самой добродѣтели. *Послушайте меня, благочестивыя дѣти,*—заключу я свою рѣчь опять словами библейскаго мудреца, — *и растите, какъ роза, растущая на полѣ при потокѣ; издавайте благоуханіе, какъ ливанъ; цвѣтите, какъ лилія, распространяйте благовоніе, и пойте пѣснь* (Сир. XXXIX, 16. 17. 18). Аминь.

РѢЧЬ

при освященіи Высочайше пожалованныхъ Георгіевскихъ знаменъ двѣнадцатому пѣхотному Великолуцкому полку *).

(6 декабря 1879 г.).

Привѣтствую васъ, храбрые воины Великолуцкаго полка, съ великою честію и милостію, которою достойно и праведно наградилъ васъ Государь Императоръ за ваши блестящіе подвиги въ минувшую войну. Эти подвиги стали извѣстны всей Россіи, а Государю угодно было, чтобы ваша громкая военная слава перешла и въ потомство, и чтобы въ вашемъ полку было всегдашнее и живое напоминаніе о томъ, какъ честно и свято, — какъ истинно по-русски сослужили вы свою службу ему и всему отечеству нашему. Съ особеннымъ удовольствіемъ говорю объ этомъ дорогомъ для васъ обстоятельствѣ, — не только какъ пастырь церкви и лицо духовное, но и какъ горячо сочувствующій вамъ житель города Владиміра. Изъ нашихъ владимірскихъ предѣловъ пошли вы тогда на борьбу съ врагами, напутствуемые нашими молитвами и благожеланіями, и къ намъ же возвратились украшенные побѣдными лаврами. Живо я помню, какъ мнѣ же при-

*) Напечатана въ 24 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1879 г.

шлось привѣтствовать васъ на вашемъ домашнемъ праздникѣ съ возвращеніемъ изъ тяжелаго похода. И вотъ теперь мнѣ же Господь привелъ освящать пожалованныя вамъ Георгіевскія знамена, и помолиться съ вами и за васъ, дабы Господь помогъ вамъ своею всесильною благодатію упрочить за собою добытую вами на бранныхъ поляхъ славу храбрѣйшихъ воиновъ, и еще болѣе возвысить и украсить ее славою послушныхъ и благоговѣйныхъ сыновъ церкви Господней, вѣрноподданныхъ царя и искреннихъ и благонамѣренныхъ сыновъ отечества не только въ военное время, но и при мирномъ теченіи нашей гражданской и общественной жизни. О, да будетъ сіе съ вами, по молитвамъ великаго угодника Божія, святителя и чудотворца Николая, сегоднешнее церковное празднество котораго есть и обычное полковое торжество ваше! Да поможетъ вамъ и великій побѣдоносный страстотерпецъ Георгій, знаменами котораго нынѣ же осѣняется вашъ полкъ! Да приметъ онъ васъ подъ свое покровительство! Да поможетъ вамъ и царица небесная, наша общая заступница усердная, имущая державу непобѣдимую на всѣхъ враговъ нашихъ. Да помогутъ вамъ и всѣ угодники Божіи!

Послѣ привѣтствія и благожеланій мнѣ бы слѣдовало предложить вамъ и нѣкоторыя назиданія, съ разъясненіемъ тѣхъ обязанностей вашей службы, какія налагаетъ на васъ пожалованіе вамъ Георгіевскихъ знаменъ; но такимъ доблестнымъ героямъ, такимъ молодцамъ и богатырямъ русскимъ, какими показали вы себя, когда были лицемъ къ лицу съ непріятелемъ, я считаю излишнимъ всякія назиданія и разъясненія о томъ, какъ вы должны отнынѣ вести себя и какъ нести вашу нелегкую военную службу. Вмѣсто поученія, да позволено будетъ обратиться къ вамъ съ нѣкоторой просьбой. Дѣло вотъ въ чемъ. Оказывается, что враги наши живутъ у насъ не за границей только нашего отечества, а и внутри нашего общества, съ тою только разницею, что тамъ за окрайнами нашей родины они явны и видимы, а здѣсь ихъ не видно; здѣсь они прячутъ свои головы, хотя дерзость свою время отъ времени простираютъ до самыхъ, можно сказать, нетерпимыхъ размѣровъ. Вы знаете, что преступная рука этихъ притаившихся разбойниковъ уже четыре раза

посягала на жизнь возлюбленнаго Монарха нашего, — и только видимая защита Божія не дала совершиться злодѣянію. Что это за люди такіе, чего имъ нужно отъ насъ, и что скрывается у нихъ на умѣ, — Богъ ихъ знаетъ; но вѣрно, что это что-то не доброе и страшное, что много развелось этихъ потаенныхъ подкапывателей подъ наше общественное благоденствіе, что зрѣетъ у нихъ какой-то дикій и ужасный планъ, что сѣти свои они раскинули чрезвычайно широко, что уже владѣютъ они, должно быть, не малыми средствами для своихъ преступныхъ цѣлей, и что въ подпольномъ обществѣ своемъ уже считаютъ они многочисленныхъ членовъ. Позвольте же расчитывать намъ, мирнымъ гражданамъ, до сихъ поръ счастливымъ и благоденствующимъ подъ державою нашего кроткаго и мудраго Государя, что эти прячущіеся отъ насъ злодѣи наши никогда не успѣютъ обольстить васъ своими тайными змѣиными рѣчами, и не найдутъ у васъ ни малѣйшаго сочувствія своимъ дикимъ и преступнымъ идеямъ, которыя такъ искусно, иной разъ даже облекаясь одеждой авторитетныхъ ученыхъ, они умѣютъ наряжать въ красивыя и многообѣщающія формы. Позвольте надѣяться, что вообще военная среда будетъ несокрушимою стѣною, ограждающею насъ отъ всякихъ волковъ и хищниковъ политическихъ, намѣчающихъ свои жертвы среди нынѣшнихъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ людей всякаго возраста и званія. Впрочемъ, что же я говорю и о чемъ прошу? Послѣ тѣхъ великихъ подвиговъ и безчисленныхъ опытовъ вашей безпредѣльной преданности престолу и отечеству, которые заявили вы на полѣ брани, развѣ можно хоть на минуту усомниться, что тѣмъ болѣе внутри своего отечества вы не станете ослаблять своихъ патріотическихъ чувствъ, а самымъ искреннимъ образомъ порадѣете о народномъ и государственномъ благѣ, и всегда и вездѣ окажетесь строгими блюстителями всякаго порядка, тишины и гражданскаго благообразія?

Таинственность, которой окружаютъ себя наши агитаторы, и подпольная тьма, въ которой держутъ они свои проэкты и планы и прячутъ свое оружіе, не позволяютъ намъ въ точности измѣрить ихъ силы. Видно только, что злость ихъ растетъ вмѣстѣ съ ихъ неудачами. Вообще же судить объ нихъ все еще прихо-

дится только по нѣкоторымъ фактамъ и газетнымъ извѣстіямъ. Но избытокъ осторожности, по изрѣченію одного мудраго мужа,— лучше чѣмъ избытокъ самонадѣянности; а нашъ непрерывный пастырскій долгъ въ томъ и состоитъ между прочимъ, чтобы напоминать всѣмъ и каждому: *блюдите, какъ опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри* (Ефес. V, 15)! Слѣдить за знаменіями нынѣшняго, во всякомъ случаѣ смутнаго и неспокойнаго времени, есть долгъ не только всякаго патріота, но и всякаго образованнаго и мыслящаго человѣка,—слѣдить съ тѣмъ, чтобы разумѣть, куда направляются общественныя и государственныя событія, чтобы сознавать свой долгъ въ виду этихъ событій, и чтобы приготовиться и съумѣть при случаѣ исполнить этотъ долгъ.

Боже правый и милосердый! Ты возвеличилъ православную Россію; ты благословилъ ея оружіе, и укрѣпилъ ея воиновъ; заносчивые и гордые враги наши внѣшніе—*спяти быша и падоша* (Пс. XIX, 9), не смотря на свою силу и многочисленность. Содѣлай, да расточатся и внутренніе враги наши, мѣшающіе людямъ твоимъ мирно идти путемъ научнаго и гражданскаго развитія, во славу пресвятаго и великаго имени твоего!

СЛОВО
въ день рождества Христова *).
(25 декабря 1879 г.).

Велія есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти! **(1 Тим. III, 16).**

Объ этой-то великой тайнѣ и хотимъ мы предложить вамъ, православные христіане, наше посильное слово. Нельзя, разумѣется, постичь этой необъятной тайны, повергающей въ священный трепетъ всякое вѣрующее христіанское сердце. Но всѣмъ ли изъ насъ достаточно извѣстна по крайней мѣрѣ догматическая

*) Напечатано въ 2-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1880 г.

сторона этой тайны? Всѣ ли изъ христіанъ православныхъ могутъ возстановить въ своемъ сознаніи высочайшее христіанское ученіе о воплощеніи Бога-Слова съ тою отчетливостью, съ какою оно изложено въ опредѣленіяхъ святыхъ вселенскихъ соборовъ? Можно ли ручаться, что по крайней мѣрѣ избранная часть нынѣшнихъ образованныхъ христіанъ, столь высоко мнящихъ о широтѣ и глубинѣ своей образованности, въ состояніи дать основательный отвѣтъ, если бы спросили ихъ, что они знаютъ, и какъ мыслятъ о воплощеніи Бога-Слова и какъ учитъ сему христіанская догматика? Желалось бы вообще избѣгнуть всякихъ обличеній, а тѣмъ болѣе непріятно огорчать какимъ бы то ни было словомъ въ нынѣшній свѣтлый христіанскій праздникъ; но высокій догматическій смыслъ самого этого праздника, кажется бы одинаково драгоцѣнный для всѣхъ вѣковъ и племенъ христіанскаго міра, невольно какъ то располагаетъ къ горькому противоположенію нынѣшнихъ временъ инымъ лучшимъ временамъ, инымъ вкусамъ, и иному когда-то бывшему направленію мыслящаго христіанскаго міра. Такъ и просятся на воспоминаніе тѣ вѣка христіанской исторіи, когда простыя женщины и продавцы съѣстныхъ припасовъ на торговыхъ площадяхъ въ состоятіи были любомудрствовать о христіанскихъ догматахъ, и прежде всякихъ житейскихъ и будничныхъ вопросовъ любили встрѣчать другъ друга вопросами о божествѣ Сына Божія и объ отношеніи двухъ природъ въ Его лицѣ. То были времена выспренняго полета христіанскаго одушевленія. Нынѣ все это, какъ извѣстно, замѣнилось низменнымъ и вещественнымъ направленіемъ. Самыми величайшими вопросами, отъ которыхъ якобы зависитъ вся судьба и благоденствіе человѣчества, нынче считаются вопросы о матеріальномъ довольствѣ человѣка и о средствахъ подчинить ему какъ можно больше физическую природу, чтобы заставить ее служить преимущественно тѣлеснымъ его потребностямъ. Людей, не пренебрегающихъ высшими интересами человѣческой души, насмѣшливо называютъ идеалистами, въ смыслѣ отсталыхъ и праздно говорящихъ людей. Христіанскую же догматику большинство нынѣшнихъ практическихъ людей наклонно считать старинным и сухимъ матеріаломъ лишь одной духовной школы, весьма

мало обязательнымъ для лицъ не духовныхъ, какъ бы для лицъ высшаго нѣкотораго порядка, поистинѣ научныхъ и назначенныхъ для иныхъ болѣе жизненныхъ и практическихъ задачъ. Поставленные въ необходимость слѣдить за современными вкусами людей и ихъ направленіемъ, и мы пастыри церкви, для цѣлей жизненнаго и дѣйственнаго назиданія, не уклоняемся въ своихъ поученіяхъ, а иной разъ даже обязуемся не уклоняться отъ современныхъ практическихъ задачъ людскихъ, по слову апостола: «*всѣмъ бых вся, да всяко нѣкія спасу*» (1 Кор. IX, 22). Но это не значитъ, что мы обязаны раболѣпствовать предъ современными вкусами, и къ нимъ всякій разъ прилаживать свое слово на церковной каѳедрѣ. Не хотимъ мы сказать и того, чтобы умозрительныя истины вѣры Христовой мы считали настолько удаленными отъ вкусовъ и направленія всѣхъ вообще нынѣшнихъ образованныхъ христіанъ, чтобы въ средѣ ихъ совсѣмъ не надѣялись мы найти для христіанской догматики внимательныхъ и интересующихся слушателей. Итакъ, отстраняя всякія опасенія насчетъ того, будетъ ли интересно и по вашему ли вкусу наше сегодняшнее слово, мы предметомъ его избираемъ раскрытіе догмата о воплощеніи Бога-Слова, и объ отношеніи естествъ божескаго и человѣческаго въ лицѣ Христа Спасителя. Въ этомъ догматѣ вся сущность христіанства; на немъ основана вся надежда нашего спасенія; изъ него открывается все величіе нашей природы, которую усвоилъ себѣ Сынъ Божій; и поэтому ничего не можетъ быть выше, драгоцѣннѣе и отраднѣе для насъ, какъ это христіанское ученіе. Если бы удалось намъ нѣсколько приблизить къ вашему сознанію эту велію благочестія тайну, то мы въ этомъ имѣли бы великую для себя награду. Постараемся быть ясными, точными и краткими, чтобы не утомить вашего вниманія.

Богъ сталъ человѣкомъ,—это значитъ во первыхъ то, что все, что есть въ Богѣ, всѣ его безграничныя и неостижимыя свойства, а равно и всѣ ограниченныя и конечныя свойства человѣческія соединились въ одномъ лицѣ Христа Спасителя. Въ Богѣ есть умъ всевѣдущій и всеобъемлющій, въ человѣкѣ напротивъ умъ не все знающій и постепенно развивающійся,—оба эти ума совмѣщалъ въ себѣ Христосъ Спаситель. Въ Богѣ есть

воля всемогущая и не знающая ни въ чемъ и никогда никакихъ препятствій, и въ человѣкѣ есть свободная воля, но ограниченная и постоянно задерживаемая разными трудностями, съ которыми ей нужно бороться, такъ что хотѣть и мочь для человѣка совершенно двѣ вещи разныя. Обѣ эти воли и всемогущая и только нѣчто могущая, и божеская и человѣческая совмѣстились во Христѣ Спасителѣ. Въ Богѣ есть чувство неисчерпаемаго блаженства и непоколебимаго вседовольства и радости; и въ человѣкѣ есть сердце, способное радостно волноваться и блаженствовать при созерцаніи красоты и изящества въ великомъ мірѣ Божіемъ, но ему же доступны чувства страха, скорби, негодованія и тому подобныя тяжелыя ощущенія. Оба эти чувства—и безгранично блаженное божеское чувство, и не довлѣющее само въ себѣ и волнуемое разнообразными состояніями чувство человѣческое,—тоже совмѣстились въ одномъ лицѣ Христа Спасителя. Такимъ образомъ въ немъ было два ума,—одинъ божескій, другой человѣческій; двѣ воли,—одна божеская, другая человѣческая; два чувства,—одно божеское, другое человѣческое. И если бы мы захотѣли продолжить это перечисленіе способностей души человѣческой, и — на томъ основаніи, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію—стали бы аналогически предполагать эти способности и въ Богѣ; то слѣдовало бы говорить напримѣръ, что во Христѣ Спасителѣ двѣ памяти,—одна божеская, другая человѣческая, два воображенія,—одно божеское, другое человѣческое, и т. д. Но при этой двойственности природъ своихъ Христосъ Спаситель говорилъ объ себѣ «я», а не «мы». Это значитъ, что въ немъ было одно лице, одна ипостась, или — какъ говорятъ—одно я.

Если бы теперь предложили вамъ вопросъ: которымъ же умомъ мыслилъ Христосъ Спаситель, которой волей хотѣлъ и дѣйствовалъ, которымъ сердцемъ чувствовалъ,—однимъ ли божескимъ, или однимъ человѣческимъ, или поперемѣнно—то божескимъ, то человѣческимъ? Отвѣчать надо: обоими вмѣстѣ, и притомъ всегда и во всякое время; такъ что ни одной мысли не было во Христѣ Спасителѣ, которая не была бы въ одно и тоже время и божеская и человѣческая; ни одного слова, ни одного дѣянія въ немъ

не было такого, которое не было бы божеское и человѣческое въ одно и тоже время. Проливалъ напримѣръ Спаситель слезы о грѣхахъ и злодѣяніяхъ человѣческихъ, — но это были слезы не просто человѣческія, а и божественныя вмѣстѣ. Скорбѣлъ и тужилъ, мучился и страдалъ на крестѣ Спаситель,— но это была скорбь, это были страданія не просто человѣческія, но и божескія; отъ того то они имѣли такую безграничную и удовлетворяющую силу предъ правосудіемъ Отца небеснаго, раздраженнаго беззаконіями людей. Безстрастное божество какимъ то непостижимымъ образомъ усвояло себѣ человѣческія страданія Спасителя. Но и наоборотъ, когда Спаситель творилъ чудеса, что свойственно повидимому одной божественной силѣ,—когда онъ воскрешалъ мертвыхъ, ходилъ по водамъ, проникалъ въ отдаленное будущее и обличалъ помыслы человѣческіе,—и здѣсь онъ дѣйствовалъ не только какъ Богъ, но и какъ человѣкъ — въ одно и тоже время. Немощность и ограниченность естества человѣческаго какимъ-то непостижимымъ образомъ возвышалась до могущества божескаго въ лицѣ Христа Спасителя. Все это значитъ—однимъ словомъ,—что двѣ природы во Христѣ Спасителѣ, человѣческая и божеская, соединились—*нераздѣльно*.

Но какъ могла устоять рядомъ и уцѣлѣть ограниченная природа человѣческая въ такой неизглаголанной близости къ божеству въ лицѣ Христа Спасителя? Непостижимо это, но такъ открыто намъ свыше. Были ученые богословы, которые хотѣли понимать и представлять отношеніе естествъ божескаго и человѣческаго въ лицѣ Іисуса Христа такимъ образомъ, что человѣчество растаяло отъ близости божества, какъ воскъ отъ огня, и изчезло въ божествѣ, какъ капля въ океанѣ; такъ что остался будто бы только видъ человѣчества во Христѣ, а природа у него была одна божеская. Но это ученіе, извѣстное въ исторіи христіанской догматики подъ именемъ евтихіанства или монофизитства, вселенская церковь провозгласила лжеученіемъ, и анаѳематствовала, какъ нечестивѣйшую ересь, на четвертомъ вселенскомъ соборѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы человѣчество изчезло въ божеской природѣ нашего Спасителя; то какая намъ отъ сего была бы отрада и польза? И нужно ли было бы самое воплоще-

ніе Сына Божія? Но въ томъ и состоитъ теперешее наше величіе, что та самая природа, которую мы въ себѣ сознаемъ, осталась цѣлой и неприкосновенной во Христѣ Спасителѣ нашемъ; что Отецъ Небесный постоянно созерцаетъ нашу человѣческую природу одесную себе въ возлюбленномъ Сынѣ своемъ; что единородный Сынъ Божій—тоже; что мы—по человѣческой природѣ; что онъ плоть отъ плоти нашей, и кость отъ костей нашихъ.

На основаніи столь близкаго и кровнаго родства съ нами Сына Божія,—чего теперь мы не можемъ ожидать отъ Отца Небеснаго? Всего! На какую любовь и всепрощеніе не можемъ расчитывать? На безграничную и безпредѣльную! Нѣкоторымъ лжеучителямъ казалось все-таки болѣе естественнымъ представлять, что при цѣлости природы человѣческой въ лицѣ Христа Спасителя пропала въ немъ воля человѣческая; такъ что, хотя онъ былъ Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, но хотѣлъ и опредѣлялъ себя къ дѣятельности онъ будто бы одной волей божественной. Эту ересь, подъ именемъ монофелитства, церковь отвергла на шестомъ вселенскомъ соборѣ. Нѣтъ, все до послѣднихъ, такъ сказать, мелочей и подробностей человѣческаго существа, осталось цѣло и неповрежденно въ лицѣ Іисуса Христа. Не только не слилась въ немъ природа человѣческая съ божескою, не только не изчезла она и не пропала, но и нисколько не измѣнилась. Напримѣръ умъ человѣческій не только не перешелъ въ божескій, но не возвысился и до ангельскаго, а такъ и остался человѣческимъ. Точно такъ же и воля, и всѣ способности человѣческія не получили во Христѣ никакихъ новыхъ и высшихъ измѣненій, а такъ и остались чисто человѣческими, конечно въ наивозможномъ для человѣческой природы совершенствѣ. Это ученіе святая церковь выразила въ слѣдующемъ вѣроопредѣленіи: двѣ природы во Христѣ Спасителѣ человѣческая и божеская соединились — хотя и нераздѣльно, но въ тоже время и *неслитно*.

Дальнѣйшій вопросъ: когда, въ какой моментъ такъ непостижимо соединились двѣ природы во Христѣ Спасителѣ? Надобно отвѣчать: въ моментъ зачатія Его въ пренепорочной утробѣ приснодѣвы Маріи, въ день благовѣщенія. Былъ ученый архіепископъ, по имени Несторій, а за нимъ и многіе послѣдователи его, ко-

торымъ представлялось это несообразнымъ съ божественнымъ достоинствомъ Сына Божія. Хоть и они допускали величайшую любовь Бога къ человѣку; но чтобы Богъ чревоносимъ былъ дщерію человѣческою,—это было, по ихъ понятію, уже слишкомъ такъ сказать. Поэтому они говорили, что Іисусъ Христосъ родился простымъ человѣкомъ отъ дѣвы Маріи, а затѣмъ уже сошло на него божество. Лжученіе этихъ еретиковъ отвергнуто на третьемъ вселенскомъ соборѣ. Безумные! Какъ будто можно положить границы любви Божіей къ человѣку! Какъ будто не все равно уничиженіе для Бога—сдѣлаться человѣкомъ, когда бы это ни случилось! Нѣтъ, по ученію православной церкви Сынъ Божій, въ дивномъ соединеніи съ человѣческою природою, прошелъ всѣ періоды обыкновеннаго человѣческаго возрастанія, по законамъ естества нашего. Онъ, превѣчный Богъ, былъ девять мѣсяцевъ чревоносимъ пресвятою дѣвою Маріею; родился отъ нея, какъ отроча младо,—безпомощнымъ и слабымъ младенцемъ, питался ея грудью, возсталъ и укрѣплялся духомъ, какъ и всѣ люди; такъ что будучи предвѣчнымъ Сыномъ Божіимъ, онъ въ тоже время въ самомъ буквальномъ и подлинномъ смыслѣ былъ и сыномъ дѣвы Маріи, а она его матерію, Богородицею. Отъ ея пречистой души воспламенилась и зажглась его человѣческая душа, и отъ ея чистѣйшей плоти онъ заимствовалъ и свою плоть, — совершенно такъ же, какъ это бываетъ при рожденіи человѣка отъ человѣка же. Только относительно зачатія Христа Спасителя нужно сказать, что оно совершилось не по законамъ естества человѣческаго, т. е. не отъ мужа и жены, а сверхъестественнымъ и чудеснымъ образомъ, отъ Духа Святаго. Это не значитъ впрочемъ, чтобы у Христа Спасителя была другая какая-то человѣческая природа, а не та, какая у насъ. Нѣтъ, она была совершенно такая же, какъ наша, только въ чистомъ, непорочномъ и безгрѣшномъ видѣ; но грѣхъ и не составляетъ собственно существа нашей природы,—это уже порча, это болѣзнь нашей природы. А такъ какъ эта порча и болѣзнь, или первородный грѣхъ передается теперь путемъ естественнаго рожденія человѣка отъ мужчины и женщины; то и нужно было Господу Іисусу Христу безсѣменно родиться отъ безмужной и неискусобрачной дѣвы Маріи, по сверхъестественному и чудо-

дѣйственному наитію Духа Святаго. *Духъ Святый найдетъ на тя*,—благовѣствовалъ Архангелъ Гавріилъ приснодѣвѣ Богоматери,—*и сила вышняго осѣнитъ тя*,—*тѣмже и рождаемое свято, наречется Сынъ Божій* (Лук. I, 35). А такъ какъ зачатіе Іисуса Христа совершилось непорочно; то и чревоношеніе его, а также и рожденіе отъ Матери Божіей совершилось безболѣзненно,—такъ же, какъ и мы бы всѣ раждались, еслибы грѣхъ прародительскій не повредилъ нашей природы во Едемѣ. Такимъ образомъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ совершенно такой же человѣкъ, какъ и мы, только—кромѣ грѣха.

Еще вопросъ: не отдѣлялось ли когда-нибудь во Христѣ Іисусѣ его божество отъ человѣчества? Отвѣтъ: никогда, и ни на одну минуту. Отъ самаго момента его зачатія въ приснодѣвственной утробѣ его пречистой Матери, и отъ рожденія его въ Виѳлеемскомъ вертепѣ—до преславнаго вознесенія на небо, онъ ежеминутно и ежечасно былъ и Богъ и человѣкъ вмѣстѣ; и потому всѣ его состоянія, повидимому наиболѣе человѣческія, напр. голодъ, жажда, утомленіе, страхъ и т. п.,—принадлежали и его божеству; и наоборотъ—всѣ его дѣянія и состоянія, такъ сказать, по преимуществу божескія, напр. всѣ его чудотворенія, преславное преображеніе на Ѳаворѣ и тому подобныя,—все это усвоялось таинственнымъ нѣкоторымъ образомъ и человѣческой его природѣ. Но что такое была его смерть на крестѣ? это было не отдѣленіе божества отъ человѣчества, а только временное отдѣленіе человѣческой души Спасителя отъ тѣла его, какъ бываетъ и при нашей смерти, между тѣмъ божество Господа Спасителя неотдѣлимо пребывало и съ его человѣческой душой, которою онъ сходилъ во адъ, и съ тѣломъ его, которымъ онъ лежалъ во гробѣ; такъ что висѣло на крестѣ изъязвленное и прободенное, и лежало во гробѣ, хотя и мертвенное и бездыханное, но все же не простое человѣческое, а божественное тѣло Сына Божія; а при воскресеніи Господнемъ соединилась опять только душа человѣческая съ тѣломъ его,—какъ это будетъ и со всѣми людьми при общемъ воскресеніи изъ мертвыхъ; но не было при семъ никакого новаго соединенія божества съ человѣчествомъ, ибо они и не были разъединены смертію Іисуса Христа.

Еще одинъ и послѣдній вопросъ. Можетъ быть, не наступитъ ли когда-нибудь впослѣдствіи такого времени, когда предвѣчный Сынъ Божій сниметъ съ себя человѣчество, воспріятое имъ для совершенія дѣла спасенія рода человѣческаго? Чтобы пожить съ людьми, носящими плоть и кровь, и войти съ ними въ ближайшія и дѣятельныя отношенія, чтобы научить ихъ небесной истинѣ живымъ словомъ, и показать въ себѣ наглядный примѣръ добродѣтели, чтобы наконецъ принести себя въ жертву на крестѣ за людей, необходимо было Сыну Божію явиться въ образѣ человѣческомъ. Но можетъ быть, по окончательномъ совершеніи всего домостроительства нашего спасенія, послѣ всеобщаго воскресенія мертвыхъ и страшнаго суда, и съ открытіемъ царства славы, когда Сынъ Божій приведетъ къ Отцу своему спасенную половину рода человѣческаго, и скажетъ ему: *се, азъ и дѣти мои* (Евр. II, 13); *дѣло совершихъ, еже далъ ми еси, да сотворю* (Іоан. XVII, 4), можетъ быть, тогда уже истлится и изчезнетъ человѣчество Сына Божія, какъ уже болѣе ненужное, и онъ попрежнему останется одинъ только божественнымъ и всесовершеннымъ духомъ? Нѣтъ, этого никогда не будетъ, да и быть не можетъ, ибо рѣшенія и опредѣленія Божіи, безповоротны и вѣчны. И потому на вѣки вѣчные Сынъ Божій сталъ сыномъ человѣческимъ. Душу и тѣло человѣческое онъ усвоилъ себѣ до такой степени близко и такъ рѣшительно, что уже никогда съ ними не разлучится. Для выраженія этой-то мысли и составилось на соборахъ вселенскихъ такое вѣроопредѣленіе: божество соединилось съ человѣчествомъ во Христѣ Спасителѣ — *нераздѣльно и неизмѣнно*. Такъ что неисчислимыя тьмы ангеловъ и необозримый сонмъ спасенныхъ и святыхъ членовъ человѣческаго рода цѣлую вѣчность будутъ уже созерцать второе лице Пресвятыя Троицы въ свѣтоносномъ и прославленномъ образѣ человѣческомъ. Боже премилосердый и правый, до какой степени возлюбилъ ты нашу слабую и немощную природу, предъ лицемъ всѣхъ сотворенныхъ тобою существъ! До какой неизрѣченной близости съ собою и родства привлекъ ты насъ и возвысилъ! Легкомысленно коснулись нѣкогда наши прародители древа познанія добра и зла, вообразивши быть богами по внушенію діавольскому, и едва не сгубили тѣмъ

себя со всѣмъ своимъ потомствомъ. Но вотъ ты нашу тогдашнюю преступную и дерзновенную мечту о богоравенствѣ обратилъ въ дѣйствительность — къ посрамленію злобы и зависти діавольской; ты возвысилъ насъ до богоравенства своимъ неизглаголаннымъ истощаніемъ на земли, въ вертепѣ родившись отъ жены и во яслѣхъ возлегій, зракъ раба пріимъ и во образѣ человѣчествѣмъ бывъ!! Слава твоему неизглаголанному совѣту о нашемъ спасеніи, и безконечная наша благодарность твоей необъятной любви къ намъ грѣшнымъ!

Благочестивые слушатели! дозвольте предложить вамъ нѣсколько заключительныхъ словъ по поводу только-что изъясненнаго вамъ догмата о лицѣ нашего Спасителя и Искупителя. Не чувствуете ли вы сами, какая существуетъ противоположность между величіемъ нашего назначенія, уготованнаго намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и между ничтожностію и матеріальностью нашихъ обычныхъ стремленій на землѣ? Подумайте, на что у насъ тратится все наше время, и куда уходятъ всѣ силы нашего духа? Не слѣдуетъ ли намъ сознаться, что мѣлая бездна отдѣляетъ нашъ безсмертный духъ отъ того, къ чему бы слѣдовало ему стремиться прежде всего и больше всего. Посмотришь на нашу ежедневную жизнь и провѣришь то, о чемъ постоянно говоримъ мы и споримъ, чѣмъ волнуемся, о чемъ хлопочемъ и къ чему стремимся, — то право можно подумать, что мы вовсе не знаемъ и знать не хотимъ о небѣ, своемъ истинномъ отечествѣ, а собираемся навсегда устроиться и жить только на землѣ, и что представленія и заботы о томъ, что послѣдуетъ съ нами по разрушеніи нашего тѣлеснаго состава, когда насъ силою повлекутъ съ излюбленнаго нами земнаго нашего обиталища, — какъ будто, говорю, подобныя заботы и размышленія никогда и не входятъ въ нашу голову. Приходилъ на землю Сынъ Божій, жилъ съ нами, училъ насъ, страдалъ за насъ и открылъ намъ все, что мы можемъ, ради его, получить теперь отъ отца небеснаго; а людямъ какъ будто бы до всего этого и дѣла нѣтъ, они все радятъ только о своемъ, о земномъ, житейскомъ и грѣшномъ, и сами силятся устроить свое благополучіе на нѣкоторыхъ другихъ началахъ, съ тупою холодностію и преступнымъ пренебреженіемъ обходя тѣ

живоносныя и духовныя начала, которыя принесъ съ собою съ неба Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ! Не слѣдуетъ въ особенности быть сему въ христіанскомъ обществѣ, хвалящемся своей высокой цивилизаціей, ученостію и широкимъ развитіемъ гуманности. И что, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ изъ этой кичливости, и чѣмъ кончаются всѣ усилія нынѣшнихъ мудрецовъ, мечтающихъ создать благоденствіе человѣчества безъ евангелія и безъ приноровленія къ божественному ученію, принесенному съ неба для людей воплотившимся Сыномъ Божіимъ? Ангели давно уже воспѣли при его рожденіи о мирѣ, долженствующемъ воцариться на землѣ; но вмѣсто этого мира вездѣ видится бушеваніе страстей, и вслѣдствіе этого повсюдная вражда, войны, раззореніе и бѣдность, неисчерпаемое горе и неисчислимыя бѣдствія во всѣхъ странахъ міра, среди всѣхъ званій и состояній людскихъ. Это именно отъ того, что люди слишкомъ равнодушны къ своимъ лучшимъ и высшимъ интересамъ духовнымъ, которые раскрылъ и возвысилъ для насъ Господь Спаситель, сшедши на землю. Просвѣщеніе и гуманность! А подумали ли самозванные мудрецы и ученые нынѣшняго вѣка, мнящіе быть свѣточами и вождями человѣчества, что все, что только есть лучшаго въ человѣчествѣ, излилось и изливается доселѣ отъ Отца свѣтовъ и его божественнаго Сына, ставшаго человѣкомъ для людей, и что безъ того всемірнаго нравственнаго переворота, который произвелъ Богъ воплотившійся, никогда и никому не удалось бы поднять человѣчество на ту степень людскости и живаго сознанія человѣческихъ правъ, какими отличаются христіанскія страны и народы сравнительно со всѣми другими странами и народами и нынѣшнихъ и всѣхъ прежнихъ временъ? И давно бы, давно бы люди стали въ тысячу разъ счастливѣе во всѣхъ отношеніяхъ, если бы менѣе увлекались стихійною мудростію лжеученыхъ сластолюбцевъ и близорукихъ жрецовъ матеріалистической философіи, а больше слушались бы ученія Христова, которое зоветъ насъ на небо, но и на землѣ даетъ намъ самыя прочныя основанія для счастія.

Христе Боже, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедый съ небесе! Вразуми и просвѣти насъ, и привлеки къ себѣ! Аминь.

СЛОВО

въ день восшествія на престолъ и совершившагося двадцатипятилѣтія царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *).

(19 февраля 1880 г.).

Помянухъ дни древнія и поучихся (Пс. CXLXII, 5).

Достославный сегодня день у насъ, православные соотечественники. Празднуемъ мы нынѣ совершившееся двадцатипятилѣтіе царствованія нашего богохранимаго царя, Александра Николаевича. Не великъ конечно этотъ періодъ въ общемъ теченіи времени и и въ цѣлостномъ объемѣ нашей русской исторіи, но какъ онъ обиленъ наиважнѣйшими событіями, и какъ богатъ замѣчательнѣйшими реформами по всѣмъ, можно сказать, отраслямъ жизни государственной и общественной! Въ этотъ періодъ мы замѣчаемъ повсюдное укрѣпленіе и возмужаніе нашего отечества, расширеніе его предѣловъ, разумное и гуманное переустройство его внутри, величіе и славу его совнѣ, естественно радующую наше національное чувство и раздражающую однихъ только завистниковъ и недруговъ Россіи. Всякій истинно русскій и искренно религіозный человѣкъ, повторяя въ памяти своей знаменательную исторію царствованія императора Александра II-го, не можетъ не усматривать благодѣтельной и премудрой десницы верховнаго царя царей, таинственно ведущей отъ славы въ славу православное русское царство. А сколько всего пришлось пережить и перечувствовать царственному отцу нашего отечества въ двадцатипятилѣтіе его славнаго, но не легкаго и не безмятежнаго царствованія! По естественной связи нашей и нравственной и вѣрноподданической съ верховнымъ и вѣнценоснымъ представителемъ нашей славянской національности, естественно и наше глубокое сочувствіе ему, особенно въ нынѣшній день. Если и всякому государственному

*) Напечатано въ 5 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1880 г.

мужу, много трудившемуся на пользу родной страны, даже и всякому человѣку, долго и честно жившему и много видѣвшему на своемъ вѣку, мы, по долгу совѣсти и чести, естественно склоняемся къ теплымъ заявленіямъ сочувствія и благожеланія въ нарочитые дни ихъ семейныхъ или служебныхъ торжествъ; то можно ли удержаться отъ этихъ сердечныхъ движеній и самыхъ искреннихъ заявленій сочувствія въ юбилейный день нашего возлюбленнаго Государя, съ честію и славою стоявшаго цѣлую четверть столѣтія на стражѣ нашей великой и родной страны русской? Этотъ день есть общій нашъ народный и всероссійскій праздничный день.

Среди прискорбныхъ событій судилъ Господь вступить на престолъ нашему Государю. Тяжелая и изнурительная война Крымская была въ самомъ разгарѣ. Съ нѣкоторыми неизбѣжными уступками врагамъ, ополчившимся противъ насъ въ крѣпкомъ и сильномъ союзѣ, нужно было положить конецъ этой войнѣ. Парижскій миръ, давшій возможность нашему отечеству устремить главное вниманіе на внутреннее свое благоустройство, послѣ открывшихся на войнѣ и сознанныхъ нами недостатковъ по различнымъ частямъ нашей общественной жизни, былъ началомъ кроткаго и мудраго царствованія Александра II-го. Россія быстро пошла по пути всесторонняго своего развитія. Господь, какъ бы въ вознагражденіе за претерпѣнное тяжелое испытаніе при началѣ царствованія нашего Государя возвеселилъ сердце его расширеніемъ предѣловъ его царства, и громкою славою русскаго оружія. Окончательное усмиреніе и покореніе мятежнаго Кавказа, занятіе Туркестанской области, пріобрѣтеніе при-Амурскаго края, взятіе Хивы, и наконецъ послѣдняя восточная война, даровавшая свободу нашимъ угнетеннымъ славянскимъ собратіямъ и возвратившая намъ отторженную часть нашихъ южныхъ владѣній и покрывшая неувядаемою славою россійское оружіе,—всѣ эти событія составляютъ блестящіе моменты царствованія нашего Государя. Но есть и тяжкія воспоминанія для сегоднешняго юбилейнаго дня. Польскій мятежъ обнаружилъ злую крамолу, давно тлѣвшую и раздутую тайными и явными врагами православной вѣры и русской національности. Тяжело конечно отозвалось это событіе въ

сердцѣ нашего Государя, только что возвѣстившаго своему народу свободу отъ крѣпостной зависимости по всѣмъ предѣламъ имперіи, не исключая и польскихъ предѣловъ. Но мятежъ былъ подавленъ; ослѣпленныя и введенныя въ заблужденіе своими вожаками мятежныя толпы скоро образумились и успокоились, хотя не мало пролилось крови въ борьбѣ съ виновниками мятежа. Затѣмъ стало открываться, что враги и зложелатели наши, пораженные въ открытомъ полѣ, принялись сѣять крамолы и всяческія недовольства на правительство различными тайными и скрытными путями—то черезъ подпольную печать, то разными извѣтами и развращеніемъ простаго народа подъ видомъ его образованія, и наконецъ святотатственно стали поднимать руку на особу самого Государя нашего къ ужасу и всеобщему негодованію вѣрныхъ сыновъ Россіи и всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ людей. Пять разъ грозила смертная опасность кротчайшему изъ современныхъ царей и пять разъ ангелъ-хранитель отстранялъ отъ него эту опасность. Тяжело было переживать эти скорбные случаи всѣмъ намъ, и въ особенности нашему Государю. Но теперь, и особенно въ нынѣшній день не неумѣстно, даже весьма прилично и назидательно вспомнить и эти случаи, ибо они нагляднѣе всего всѣмъ недругамъ нашимъ и крамольникамъ должны обнаружить богохранимость нашего царя и богопротивную гнусность затѣянной ими крамолы. И за что, за что поднялись эти слѣпотствующіе люди противъ нашего кроткаго и мудраго царя? Пусть не все у насъ такъ хорошо, какъ бы этого желалось нетерпѣливымъ мечтателямъ о всеобщемъ благѣ и какомъ то идеальномъ благоденствіи всѣхъ до единаго членовъ великой русской земли; но кому же болѣе видѣть и знать то, что именно нужно для счастія и славы Россіи и для исцѣленія ея національныхъ и исторически сложившихся недуговъ, какъ не державному отцу нашего отечества и кто больше и горячѣе можетъ скорбѣть и болѣть объ этихъ недугахъ, какъ не онъ же? Но гдѣ, скажите, въ какой странѣ и въ какомъ обществѣ и даже въ отдѣльной семьѣ нѣтъ своихъ особенныхъ недостатковъ и неустройствъ, и можно ли устранить ихъ внезапною и спѣшною ломкою всего прежняго бытоваго строя народнаго, какъ этого хотѣлось бы горячимъ и,

можетъ быть, даже искреннимъ, но незрѣлымъ радѣтелямъ о народномъ благѣ, и не призваннымъ нашимъ реформаторамъ? Напротивъ всѣ мы съ величайшею благодарностію должны вспомнить тѣ великія и благодѣтельныя реформы, которыя поистинѣ обезсмертить должны нашего царя — Александра II-го, а для нашего отечества открыли вѣрный и прямой путь къ самому прочному благоденствію и всестороннему самоусовершенствованію. Сюда относятся: уничтоженіе крѣпостнаго права, отмѣна тѣлесныхъ наказаній даже и для низшихъ сословій, открытіе земскихъ учрежденій, установленіе новаго судопроизводства, преобразованіе школъ и многія другія правительственныя распоряженія. О, прими же Благочестивѣйшій Государь, хотя заочную и отдаленную, но самую искреннюю благодарность за все то добро, которое мы видѣли отъ тебя въ твое царствованіе, и самое вѣрноподданическое привѣтствіе въ сей достославный день твоего юбилея отъ насъ, молящихся сію минуту въ храмѣ Господнемъ о твоемъ здравіи и благоденствіи! *Да услышитъ тебя Господь въ день печали, да защититъ тебя имя Бога Іаковлева. Да пошлетъ тебѣ помощь изъ святилища, и съ Сіона да подкрѣпитъ тебя. Да дастъ тебѣ Господь по сердцу твоему; и всѣ намѣренія твоя да исполнитъ. Мы возрадуемся о спасеніи твоемъ, и во имя Бога нашего поднимемъ знамя* (Пс. XIX, 2. 3. 5. 6).

Воспомянувши прошедшее въ жизни нашего Государя и нашего отечества, какъ того естественно требовало значеніе и самый смыслъ настоящаго національнаго торжества нашего, — мы по тѣмъ же самымъ побужденіямъ и основаніямъ склоняемся остановиться нѣсколько вниманіемъ своимъ и на настоящемъ положеніи вещей въ нашемъ отечествѣ, чтобы запастись нѣкоторыми соображеніями и извлечь нѣкоторыя правила и для будущаго, какъ и псалмопѣвецъ учитъ: *помянухъ дни древнія, и поучихся!* Воздерживаясь отъ всякихъ критическихъ обсужденій нынѣшнихъ общественныхъ движеній и стремленій, отъ всякихъ готовыхъ и преднамѣренныхъ похвалъ, а равно и порицаній различнымъ примѣчаемымъ направленіямъ въ этихъ общественныхъ нашихъ движеніяхъ, мы не можемъ однакоже не отмѣтить того наикрупнѣйшаго, и у всѣхъ кажется на глазахъ совершающагося

и всѣми нами сознаваемаго факта, что общественная жизнь наша достигла въ переживаемое нами время необыкновеннаго какого-то напряженія. Не смотря на обиліе и важность реформъ, только что происшедшихъ въ нашей народной жизни и можно сказать на нашихъ глазахъ переустроившихъ ее къ лучшему, жажда улучшенія и обновленія и притомъ скорѣйшаго, всесторонняго, сказывается въ нашихъ мыслящихъ кругахъ съ особенною силою. Никогда кажется съ такою горечью, съ такимъ страстнымъ самобичеваніемъ литература наша не старалась доводить до общаго сознанія различныхъ нравственныхъ, хозяйственныхъ, умственно-образовательныхъ, и всякихъ другихъ неустройствъ, примѣчаемыхъ въ нашемъ обществѣ, какъ въ настоящее время. Какъ будто никогда мы такъ худы и убоги во всѣхъ отношеніяхъ не были, какъ теперь; какъ будто все, что у насъ было прежде, даже дурное наше, не было такъ дурно, но особенно дурнымъ стало именно теперь; какъ будто столько научнаго свѣта и внезапнаго откровенія откуда то вдругъ пролилось въ наше общественное сознаніе, что освѣтились всѣ наши темные уголки, гдѣ съ поличнымъ найдены, такъ сказать, и съ точностію опредѣлены всѣ виды и сорты нравственныхъ неряшествъ во всѣхъ нашихъ общественныхъ слояхъ, и какъ будто уже несомнѣнно доказано и открыто, что именно требуется, чтобы поставить наше общество на желаемую нравственную высоту и сообщить ему несокрушимую силу, неисчерпаемое богатство, и неколеблющееся благоденствіе. Въ этой горячкѣ толковъ и разсужденій замѣчаются у насъ три партіи людей. Нѣкоторые думаютъ только о ломкѣ и разрушеніи всѣхъ прежнихъ и старинныхъ порядковъ, — какъ будто новое и лучшее должно явиться послѣ этого само собою! Все еще модныя научныя, хотя уже колеблющіяся теоріи соціализма и коммунизма сильно поддерживаютъ, и даже родятъ намъ многихъ новыхъ такого рода мыслителей и общественныхъ реформаторовъ. Но кажется мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что общественное мнѣніе и преобладающее большинство, большинство строго научныхъ русскихъ людей не на сторонѣ этихъ реформаторовъ. Даже люди однородные съ ними по основнымъ началамъ философскимъ и соціальнымъ и изъ одного съ ними источника

черпающіе свои знанія, сторонятся отъ нихъ, чуя въ рѣчахъ и взглядахъ ихъ крайность и увлеченіе; тѣмъ болѣе, что пути и средства, которыя они выбираютъ для осуществленія своихъ идей на дѣлѣ, сами по себѣ имѣютъ жесткій, совершенно не гуманный и отталкивающій характеръ. Но есть у насъ люди и другой партіи. Эти другіе предлагаютъ съ своей стороны новыя, будто бы наукою и опытомъ выработанныя средства все улучшить, все исцѣлить въ нашемъ обществѣ, т. е. предлагаютъ свои готовыя реформы. Напримѣръ если бы, по ихъ мнѣнію, наше школьное образованіе съ классической почвы свести на какую либо другую, то оно тотчасъ сильно поднялось бы, и принесло бы обильнѣйшіе благіе плоды и т. д. Люди этой партіи мнятъ себя и любятъ называть благородно-либеральными, истинно научными, истинными патріотами, людьми прогресса и сильными двигателями народной жизни къ обновленію и усовершенствованію ея по всѣмъ отраслямъ. Наконецъ есть у насъ третьяго сорта люди. Эти находятъ пока болѣе надежнымъ и основательнымъ ждать улучшеній и обновленій нашего общества на почвѣ уже существующихъ и произведенныхъ отъ правительства реформъ, лишь бы только глубже была сознана обществомъ, сочувственно принята и единодушно всѣми доводилась до конца преднамѣренная цѣль этихъ правительственныхъ реформъ. Эти послѣдніе люди охранительнаго характера, равно какъ и ихъ литературные органы, навлекаютъ на себя, какъ извѣстно, самые многочисленные упреки въ отсталости и косности, и даже въ тупости, неблагонамѣренности и фарисействѣ. Таковымъ представляется намъ современное положеніе нашего общества.

Кто же тутъ правъ и виноватъ, чего намъ въ самомъ дѣлѣ ждать и желать въ будущемъ для нашего отечества? Здѣсь настаетъ очередь сказать намъ и наше посильное слово, и къ нему то собственно сводится вся цѣль настоящей церковной бесѣды нашей. Можетъ быть вы интересуетесь прежде всего знать, къ которой сторонѣ, или партіи принадлежимъ мы духовные люди, и куда собственно склоняется голосъ церкви и ея пастырей въ поставленномъ вопросѣ и изслѣдуемомъ дѣлѣ, и можетъ быть уже заранѣе отводите намъ мѣсто среди отсталыхъ, коснѣющихъ

и неподвижныхъ. Признаться, эту репутацію слышать намъ — не новость; ее навязываютъ намъ, въ видѣ не подлежащей сомнѣнію истины, чуть-ли не съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на землѣ Христова церковь. Ошибка здѣсь собственно въ томъ, что когда разсуждаютъ о политическихъ реформахъ и гражданскомъ прогрессѣ народовъ, то стараются большею частію держаться какъ можно дальше отъ религіозной области и совершенно независимо отъ ея вопросовъ; и насъ желали бы притянуть къ своимъ разсужденіямъ, и слышать наше слово хотѣли бы тоже помимо нашего спеціальнаго религіознаго служенія, т. е. желаютъ всегда поставить на такую точку, съ которой искреннему и цѣльному человѣку нѣтъ возможности сказать рѣшительно одобрительнаго слова ни объ одной общественной реформѣ, какъ бы она хороша и умна ни казалась. Мы настаиваемъ искони вѣковъ, твердимъ и вѣчно повторять будемъ всѣмъ народамъ и племенамъ земнымъ со словъ божественнаго учителя человѣковъ, что тамъ, гдѣ не посѣяно святыхъ сѣмянъ религіи, гдѣ нѣтъ имъ правильнаго роста, гдѣ не устремлено главное вниманіе общества на нравственно-религіозное свое обновленіе; тамъ никогда нельзя ждать истиннаго блага народнаго, тамъ всегда можно опасаться даже разложенія и политической смерти народа, какъ бы рьяно и быстро себя онъ ни реформировалъ въ области гражданской и политической. Самая эта рьяность и торопливость можетъ послужить ему во вредъ и устроить его полнѣйшее разстройство. Не отрицаемъ мы конечно добраго и облегчающаго значенія зрѣлыхъ и цѣлесообразныхъ реформъ общественныхъ и для самой нравственности народной, равно какъ и того не отрицаемъ, что эту нравственность могутъ ослаблять и пригнетать дурные, неумѣлые и неразумные порядки общественные; но думаемъ всетаки, что главная цивилизующая и обновляющая сила должна и идти и направляться извнутри народнаго духа, изъ святилищъ религіи и нравственности ко внѣшнимъ реформамъ его общественной жизни, а не наоборотъ. Безъ свѣточа религіи, безъ нравственной энергіи и окрыленія духа народнаго высокими и святыми идеями добра и правды, всѣ эти реформы, на сочиненіе которыхъ истрачено въ исторіи человѣчества и поднесь тратится столько напряженнѣй-

шихъ усилій геніальнѣйшими политическими умами, представляются намъ малоцѣнною сутолкой вещей и событій, переодѣваніемъ по капризамъ моды, перемѣною декорацій, и въ сущности стояніемъ на одномъ мѣстѣ, при кажущемся прогрессѣ человѣчества. Не считаемъ мы прямымъ своимъ дѣломъ вдаваться въ критику, въ порицанія и вообще въ спеціальныя сужденія о дѣлахъ, относящихся ко внѣшнему и гражданскому устройству общества, а тѣмъ болѣе не считаемъ себя въ правѣ измышлять съ своей стороны и предлагать обществу различныя формы гражданственности: въ каждомъ государствѣ есть люди нарочито для сего назначенные и уполномоченные. И Христосъ Спаситель сказалъ, что царство его не отъ міра сего; и мы, какъ служители его и продолжатели дѣла его на землѣ, то есть дѣла нравственно-религіознаго созиданія человѣчества, не призываемся ко вмѣшательству въ дѣла гражданскія; но за то мы призваны стоять на стражѣ того великаго и святаго начала религіознаго, которое единственно и обусловливаетъ истинный и всесторонній прогрессъ человѣчества. Поэтому ни порицать все новое въ общественномъ устройствѣ нашемъ, ни стоять только за старое, либо хвалить все чужестранное и уничижать свое, мы отнюдь не имѣемъ въ виду,—это представляется намъ дѣломъ одностороннимъ и не зрѣлымъ. Повторяемъ: одно только у насъ на умѣ, и одно только считаемъ мы своимъ священнымъ долгомъ и правомъ,—это разъяснять и ставить на видъ всѣмъ ревнителямъ о благѣ народномъ и всѣмъ носящимъ въ душѣ своей такъ называемую гражданскую скорбь, что поднять народный духъ и принести съ собою всестороннее и прочное благоденствіе Россіи можетъ только всесословное улучшеніе наше въ нравственно-религіозномъ отношеніи. Что это, косность ли наша и равнодушіе къ политическимъ судьбамъ отечества, или нѣчто другое? Разсудите сами. Вотъ если бы гдѣ нибудь открыли и показали намъ страну, въ которой внѣшній и общественный строй, напримѣръ форма правленія, судоустройство, финансовая система, школьное дѣло и проч... такъ устроены и улажены, что изъ всего этого выходило бы, какъ прямое слѣдствіе, полное счастіе народа и благоденствіе всѣхъ гражданъ, или покрайней мѣрѣ замѣчалось бы неуклонное движеніе, непрерыв-

ное и наглядное приближеніе къ этому счастію и благоденствію; тогда бы конечно безъ всякихъ споровъ слѣдовало взять цѣликомъ изъ этой страны всѣ формы ея общественной и гражданской жизни и пересадить на нашу русскую почву. А между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается, что въ самыхъ цивилизованныхъ, сильныхъ и богатыхъ странахъ міра рядомъ съ богатствомъ, блескомъ и роскошью существуетъ масса бѣдныхъ, изнуренныхъ трудомъ и голодающихъ страдальцевъ; рядомъ съ ученостію и образованіемъ—масса темныхъ, невѣжественныхъ и суевѣрныхъ людей, рядомъ съ удобствами и всяческимъ комфортомъ жизни однихъ классовъ и сословій тяжесть воинской повинности, тяжесть налоговъ и податей, и всякія другія тяжести, ложащіяся на другіе классы и сословія; рядомъ съ храмами правосудія — масса преступленій, рядомъ съ храмами науки—остроги и тюрьмы и разныя исправительныя заведенія; значитъ все совершенно также, какъ у насъ. Не много больше, или не много меньше разницы въ этомъ, — существа дѣла не измѣняетъ. И притомъ это явленіе повторяется на всемъ протяженіи всемірной исторіи человѣчества. Не ясно ли отсюда всякому мыслящему человѣку, что не на существенную сторону дѣла налегаютъ всѣ радѣтели народнаго блага, когда горячатся и спорятъ только о внѣшнихъ и гражданскихъ реформахъ жизни общественной? Обратимся снова къ нашему отечеству. Набѣжавшая у насъ волна нѣкотораго недовольства и сѣтованій на разныя стороны нашего національнаго быта, собственно говоря, весьма замѣчательный и поучительный фактъ, не лишенный быть можетъ добраго значенія для всѣхъ и каждаго. Не разбудитъ ли она въ обществѣ благородное и трезвое сознаніе необходимости того высокаго и святаго элемента, о которомъ мы говорили выше, и который одинъ только можетъ обезпечить надлежащій и здравый прогрессъ нашей народной жизни? Возьмемъ для примѣра и нагляднаго доказательства два-три опыта реформъ, происшедшихъ въ текущее царствованіе, въ благодѣтельномъ знаменіи которыхъ кажется убѣждены всѣ. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ реформъ такого рода—это уничтоженіе крѣпостнаго права. Что же, принесла ли она счастіе и благоденствіе простому народу въ той степени, какая была жела-

тельна? Усиленные вопли о бѣдственномъ положеніи крестьянъ и сдѣлавшееся моднымъ соболѣзнованіе о ихъ нуждахъ и потребностяхъ, соболѣзнованіе порождающее у насъ, какъ извѣстно, цѣлыя толпы не прошенныхъ и зачастую недозрѣлыхъ печальниковъ народа, при всей своей односторонности (какъ будто въ самомъ дѣлѣ бѣда и погибель какая угрожаетъ народу, и какъ будто другія сословія у насъ совершенно благоденствуютъ!), показываютъ однакоже, что не пришло вполнѣ то, что—казалось—должна была принести съ собою крестьянамъ дарованная имъ отъ монарха нашего свобода. Гдѣ причина? Отвѣчаютъ обыкновенно: въ не устраненныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ крестьянскаго и вообще рабочаго класса. Измѣняйте ихъ бытъ какъ угодно, а если не искоренено, или покрайней мѣрѣ не ослаблено будетъ въ низшихъ классахъ пьянство пополамъ съ развращенностію и происходящая отсюда цѣлая вереница народныхъ пороковъ, разъѣдающихъ его благосостояніе, т. е. если не поднятъ будетъ нравственный уровень въ народѣ, то желаемое для него счастіе и благоденствіе не придетъ къ нему ни откуда. Вотъ еще земскія учрежденія. Что бы кажется лучше и благотворнѣе этой реформы могло быть для народной экономіи и для устройства внутренняго матеріальнаго быта и хозяйства русскихъ гражданъ? Однакоже, не умаляя заслугъ нѣкоторыхъ избранныхъ земскихъ дѣятелей русскихъ, нельзя не сказать здѣсь къ слову, что вообще земству русскому до сихъ поръ приходится выслушивать и отъ печати и отъ частныхъ обывателей, и кажется отъ своихъ же многихъ членовъ, упреки все въ тѣхъ же недостаткахъ, промахахъ, недосмотрахъ, которые въ былую пору такъ удобно было и просто сваливать на правительство и администрацію. Вотъ на выдержку нѣсколько новѣйшихъ и послѣднихъ словъ нашей литературы о русскомъ земствѣ: «Тотъ, кто надѣялся, благодаря земскимъ учрежденіямъ, увидѣть Россію покрытою хорошими дорогами, школами, больницами и т. д., конечно разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Самая бездѣятельность земствъ и городскихъ установленій (за немногими исключеніями) давно сдѣлалась общимъ мѣстомъ. Нѣтъ почти ни одной частной корреспонденціи, которая не заключала бы въ себѣ горькихъ жалобъ на то, что

такая то управа заснула, а такое то земство всегда спало, а такую то думу не разбудить никакими увѣщаніями. Если кое-гдѣ иная дума или иное земское собраніе соберутся съ духомъ и соорудятъ школу или больницу, корреспонденты восклицаютъ: «наконецъ-то такая-то дума или такое-то земское собраніе проснулись и заговорили, но надолго ли?» *). Что же нужно сдѣлать,— спросимъ мы уже отъ себя, — чтобы земство было истиннымъ радѣтелемъ народа? Надо, чтобы представители и члены его всѣ до единаго, или по крайней мѣрѣ преобладающее большинство земскихъ членовъ были честные, благородные, самоотверженные и чуждые эгоизма люди, чтобы на умѣ у нихъ и впереди стояли не собственные оклады жалованья, не комфортъ и разнообразныя удобства и приволье своей собственной домашней жизни, а прежде всего благо народное и польза общественная, то есть надо, чтобы они были крѣпко нравственными и благочестивыми людьми; а безъ этого условія никогда ничего плодотворнаго и основательнаго не выдетъ изъ всѣхъ нашихъ реформъ. Точно также и суды наши. Судъ намъ данъ правый, скорый и для всѣхъ безпристрастный; но что изъ него собственно вышло для общественной безопасности и для блага народнаго? Масса преступленій и злодѣяній повидимому нисколько не уменьшилась и не уменьшается. Залы нашихъ судовъ сдѣлались мѣстомъ непрерывныхъ зрѣлищъ, гдѣ въ лицахъ и драматическихъ подробностяхъ проходятъ передъ публикой всяческія непотребныя дѣянія самыхъ разнообразныхъ членовъ нынѣшняго цивилизованнаго нашего общества, дѣянія то отвратительныя, то свирѣпыя, то изощренно мошеннническія. Согласитесь сами, что обществу, внутри себя носящему такую опасную и распространяющуюся гангрену нравственную, никакія реформы не могутъ пойти въ надлежащій и желанный прокъ. Объ исцѣленіи отъ этой-то гангрены и нужно теперь прежде всего подумать и побезпокоиться людямъ, мечтающимъ о разныхъ реформахъ для нашего общества въ будущемъ. Вотъ еще нѣсколько энергическихъ и новѣйшихъ словъ нашей литературы о неприглядномъ нравственномъ состояніи со-

*) Русск. Рѣчь янв. 1880 г. стр. 199.

временнаго русскаго общества: «Вмѣсто ожидаемыхъ плодовъ реформъ вотъ что вышло. Въ русскомъ обществѣ оказались черты страшно неприглядныя, свидѣтельствующія о крайне низкомъ нравственномъ его уровнѣ. Растраты и прямыя расхищенія общественныхъ суммъ, разгулъ многихъ дикихъ инстинктовъ, потрясающія семейныя драмы, картины мотовства, вялая дѣятельность общественныхъ учрежденій,—все это факты, надъ которыми съ грустью задумывается современный русскій человѣкъ» *). Такимъ образомъ и по сознанію лучшихъ и мыслящихъ нашихъ русскихъ людей оказывается, что безъ поднятія нравственнаго уровня въ народной массѣ и вообще безъ усиленія религіозныхъ началъ въ нашемъ обществѣ русскомъ ни къ чему существенному и плодотворному не приведутъ никакія реформы, какъ бы ни были онѣ высоки по идеѣ и гуманны по цѣли своей. Это до сихъ поръ и доказывалъ намъ давнишній опытъ, какъ собственный, такъ и чужеземный. Вотъ къ какому заключительному взгляду на будущія судьбы нашего отечества пришли мы въ настоящей бесѣдѣ съ вами, православные и благочестивые слушатели!

Нельзя теперь уклониться намъ, пастырямъ церкви, отъ вопроса, который естественно можемъ мы услышать отъ васъ, послѣ нашей бесѣды съ вами: «кто же долженъ радѣть и хлопотать больше всего о нравственности и религіи народной»? О—да,—конечно мы, духовные люди, обязаны это дѣлать больше всего и прежде всего; къ этому призываемся мы самымъ званіемъ и служеніемъ нашимъ предъ Богомъ и государемъ. За это дѣло призваны мы будемъ къ строгому расчету и отвѣтственности на судѣ Христовомъ, когда со всею точностію взвѣшена и исчислена будетъ степень нашего нравственнаго вліянія на народъ, наше учительство, наша собственная жизнь, наша вѣрность евангельскому ученію и наши сокровенныя внутренія убѣжденія. Сознаемъ важность нашего долга и тяжесть нашей отвѣтственности, сознаемъ и немощи наши; и потому ничего съ такою горечью и болью сердечною не можемъ мы видѣть въ нашемъ обществѣ, какъ

*) Русск. Рѣчь янв. 1880 г. стр. 227.

проявленія слабости и колебанія нравственно-религіозныхъ началъ. Въ этихъ проявленіяхъ—нашъ укоръ, нашъ позоръ и безславіе и самое больное наше мѣсто. Но посодѣйствуйте же намъ и вы въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ общую и равную важность какъ для васъ, такъ и для насъ. О, какое это сложное и мудреное дѣло направлять совѣсть и врачевать нравственныя болѣзни людей, и вообще вліять на душу человѣческую и быть блюстителемъ религіозной святыни! Намъ кажется, что нѣтъ болѣе труднаго и мудренаго дѣла, какъ это дѣло. Отъ вякаго другаго дѣлателя, кромѣ пастыря церкви и духовнаго отца, можно требовать только знанія своего дѣла и немного доброй воли и усердія,—и дѣло его пойдетъ не безслѣдно и съ успѣхомъ. Въ нашемъ же дѣлѣ требуется множество другихъ благопріятныхъ условій, которыя отъ насъ могутъ совершенно не зависѣть. Что, напримѣръ, прикажете дѣлать съ массой юношей и всякаго званія и состоянія людей, если они возрастаютъ въ семьяхъ, гдѣ вопросы вѣры и религіи будутъ становиться на самый задній планъ, если они учатся въ школахъ, гдѣ важность нравственно-религіознаго воспитанія будетъ признаваться лишь на бумагѣ и въ оффиціальныхъ инструкціяхъ и гдѣ съ самыхъ учебныхъ кафедръ стало бы раздаваться недружелюбное къ религіи и растлѣвающее молодые умы слово? Какого плода ждать отъ нашей дѣятельности, когда въ обществѣ гуляетъ и ходитъ по рукамъ масса книгъ иноземнаго и своего издѣлія съ прямо враждебнымъ къ религіи направленіемъ и содержаніемъ? Остается намъ учить людей и вразумлять въ церкви, и съ своей стороны составлять и издавать для обращенія въ читающей публикѣ книги иного, зрѣло-научнаго и нравственно-добраго направленія. Но храмы наши развѣ наполняются такъ же охотно и обычно, какъ храмы развлеченій и удовольствій? Развѣ пойдутъ къ намъ въ храмы на богослуженіе и молитву люди, которые всѣмъ строемъ своей жизни хотятъ доказать и доказываютъ, что у нихъ никакого до насъ и дѣла не имѣется. Гдѣ же и когда ихъ учить? Духовныхъ нашихъ книгъ и журналовъ, несмотря на современное богатство ихъ содержанія и научную серьезность, читать то же люди не хотятъ подъ разными неосновательными предлогами, въ сущности же потому, что уже вкуса

къ нимъ и тяготѣнія къ нимъ нѣтъ. Ученая кичливость и слѣпотствующее упорство нынѣшнихъ людей, хвалящихся своей наукой и умственнымъ развитіемъ, такъ велики, что односторонности своихъ взглядовъ и направленія они и сознать не хотятъ, и потому почти поголовно нарушаютъ у нихъ же ходячую пословицу, что должна быть выслушана и другая, несогласная съ ихъ мнѣніями сторона. Что же остается намъ дѣлать? Плакать и молиться за людей, а также и просить усерднѣйше всѣхъ родителей, благонамѣренныхъ и мыслящихъ воспитателей и начальниковъ, помочь намъ въ нашемъ дѣлѣ своимъ сильнымъ домашнимъ и семейнымъ вліяніемъ на домочадцевъ и подчиненныхъ своихъ. Да будутъ заключительными словами сегоднешней церковной бесѣды нашей слова самого государя императора: «я обращаюсь къ вамъ,—говорилъ онъ московскому обществу по поводу событія 19-го ноября прошедшаго года,— и ко всѣмъ благомыслящимъ людямъ для уничтоженія зла, пустившаго корни. Я обращаюсь къ родителямъ дѣтей: ведите ихъ по пути истины и добра, чтобъ приготовить изъ нихъ не злодѣевъ, а полезныхъ дѣятелей, истинныхъ гражданъ Россіи».

Боже правый и милосердый! Исполни во благихъ это желаніе благочестивѣйшаго государя нашего! Спаси Россію отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ ея, вразуми и отрезви заблудшихъ и слѣпотствующихъ сыновъ ея, и помилуй всѣхъ насъ по великой твоей милости! Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

духовнымъ воспитанникамъ, произнесенное въ Богородицкой, что при Владимірской Духовной Семинаріи, церкви, по случаю празднованія двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II-го *).

(19-го февраля 1880 г.).

Торжествуя сегодня двадцатипятилѣтіе царствованія нашего возлюбленнаго монарха, приходится — къ сожалѣнію — говорить

*) Напечатано въ 9-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1880 г.

прежде всего о тѣхъ грустныхъ событіяхъ, которыя, къ нашему общему прискорбію и ужасу и негодованію всей Россіи, предшествовали сему юбилейному торжеству, и—естественное дѣло—много отняли свѣтлости отъ этого обще-національнаго торжества нашего. Сознавать и видѣть, что среди насъ и около насъ дѣйствуютъ какія-то злыя силы, что скопленіе этихъ силъ, ихъ злая энергія и напряженіе достигли такой степени, что они неудержимо рвутся изъ своихъ подземельевъ для безчинствованій и буйства на просторѣ и вьявь, не боясь приближаться къ самому царственному трону,—это сознаніе способно навести тоску и уныніе на самаго спокойнаго и безпечнаго изъ насъ. Богъ имъ судья—этимъ необузданнымъ и ожесточившимся нарушителямъ нашего мира и общественнаго порядка,—этимъ дерзкимъ и забывшимъ Бога надругателямъ надъ священною особою боговѣнчаннаго и помазаннаго царя нашего! Не уйдутъ они отъ своей кары на судѣ Божіемъ, если бы и удалось имъ избѣжать суда человѣческаго. Но есть нѣкоторая особенно грустная сторона въ этомъ общемъ горѣ нашемъ, русскомъ горѣ, и объ ней-то я чувствую печальную нужду сказать при настоящемъ случаѣ нѣсколько словъ предъ вами, духовные юноши. Не хотѣлось бы омрачать ни единымъ горькимъ словомъ нынѣшняго свѣтлаго дня нашего, но дѣлать нечего! Печальная дѣйствительность кричитъ громче всякаго слова. Слово мое о современномъ русскомъ юношествѣ.

Что такое съ нимъ творится, и откуда пахнулъ на него этотъ тлетворный воздухъ, что наши крамольники находятъ въ немъ такую воспріимчивую почву для своихъ идей и плановъ? Вотъ ужъ сколько прошло предъ нами политическихъ процессовъ, болѣе или менѣе важныхъ и преступныхъ,—и все толкутся въ нихъ молодые люди, даже обоего пола, и притомъ всякаго состоянія и званія, не исключая—къ стыду и горю нашему — и духовнаго званія. Сколько развратилось и погибло этихъ молодыхъ людей, сколько изъ нихъ сдѣлалось жертвами преступныхъ интригановъ и орудіями безсовѣстныхъ подстрекателей на всякія безчинства и непотребства! Незрѣлость де-скать и увлеченіе, пылъ молодой крови, довѣрчивость и жажда поскорѣе развернуть

свои силы для общественной дѣятельности. Все это такъ. Но вѣдь и прежде юность росла съ этими же своими естественными наклонностями и особенностями,—назовите ихъ какъ хотите,—недостатками или преимуществами молодого возраста,—но такой податливости на преступныя внушенія, такой податливости на все запретное, такой слабости предъ злыми вліяніями, такой наклонности кидаться на дѣла, совершенно несвойственныя и не присталыя юному возрасту, такого преждевременнаго пресыщенія жизнію, такого отсутствія страха Божія и растлѣнія нравственнаго,—признаться—не было. Не срамляя васъ сіе говорю, любезные воспитанники, но, приноровляясь къ апостольскому изреченію, какъ чадъ возлюбленныхъ навожу васъ на размышленіе. Вѣдь и мы всѣ были молоды, и—естественно—не могли перескочить и перелетѣть скользкихъ путей молодости, не прошедши ихъ и не извѣдавъ собственнымъ жизненнымъ опытомъ; но куда же, скажите намъ, дѣвалась та прежняя рьяность юношей къ ученымъ трудамъ и жажда научныхъ знаній, тѣ эстетическіе порывы и тѣ прекрасныя молодыя мечты и грезы о плодотворной дѣятельности на разныхъ поприщахъ общественныхъ, которыя такъ естественны въ этомъ счастливомъ возрастѣ и, которыхъ мы въ правѣ бы ждать и отъ современныхъ намъ юношей?! Все это какъ будто чахнуть стало и увядать, все это пропиталось какимъ-то гнилымъ, преждевременнымъ и отталкивающимъ практицизмомъ, сортирующимъ и цѣнящимъ знанія по ихъ житейской полезности, и по ихъ ближайшей приложимости къ потребностямъ тѣла, а не духа и сердца. То, что поистинѣ есть наилучшаго въ молодомъ возрастѣ, кто-то учитъ нынѣшнихъ юношей прятать какъ можно дальше и стыдиться, какъ чего-то недостойнаго, смѣшнаго и ребяческаго, а все подталкиваетъ разыгрывать роль необыкновенно зрѣлыхъ, озабоченныхъ серьезными политическими и экономическими вопросами мужей, безъ участія и пособія которыхъ обществу угрожаетъ яко бы коснѣніе одно, сонливость и неразвитость. Какое заблужденіе, какая постыдная и недостойная насмѣшка надъ простодушіемъ и довѣрчивостію юношескаго возраста! Такъ и слышится здѣсь грозное слово Спасителя насчетъ соблазнителей, растлѣвающихъ чистоту дѣтскихъ помысловъ и юношескихъ стремленій.

Наши любезные питомцы! Соблазнителей, могущихъ сдѣлать изъ васъ исподоволь и понемножку то, о чемъ вы можетъ быть и не воображаете теперь, и толкнуть васъ на дорогу, отъ которой съ ужасомъ долженъ отпрянуть всякій честный и благовоспитанный молодой человѣкъ, развелось нынче, какъ видите и слышите отъ насъ, многое множество. Этотъ народъ до такой степени хитрый, такую ученую авторитетность и благонамѣренную убѣдительность умѣютъ напускать въ своихъ рѣчахъ эти не прошенные радѣтели и развиватели ваши, что разгадать и оцѣнить по достоинству ихъ змѣиную лесть пожалуй не съумѣютъ и люди много опытнѣе и зрѣлѣе васъ. Это однако же ни передъ Богомъ, ни передъ вашею собственною совѣстію, ни передъ обществомъ не сниметъ съ васъ всей отвѣтственности за вашу порчу и погибель, если бы она, не дай Богъ, потомъ случилась, и если вы заранѣе, т. е. въ текущій періодъ вашего обученія и воспитанія въ школѣ, не примете надлежащихъ самостоятельныхъ мѣръ къ огражденію себя отъ опасностей, о которыхъ мы имѣемъ долгъ теперь предварять васъ. По нынѣшнему смутному, многорѣчивому и горячему времени требуется особаго рода нравственная твердость, цѣльность и крѣпость здравыхъ убѣжденій, о которую могли бы сокрушиться лукавыя и лженаучныя прираженія. Это вы обязаны, подъ нашимъ руководствомъ, создать въ себѣ, пока есть къ тому благопріятное время. Если одни только мы, руководители и воспитатели ваши, будемъ дѣлать свое дѣло, а вы съ своей стороны дѣлать его не станете; то конечно изъ всѣхъ нашихъ хлопотъ и заботъ, какъ бы ни были они къ вамъ благожелательны, ничего существенно полезнаго для васъ выдти не можетъ. Будутъ одни только непрерывныя обоюдныя недоумѣнія, лицемѣріе съ вашей стороны, разобщенность съ нами, и въ итогѣ безплодная для васъ потеря времени школьнаго, которое столь драгоцѣнно для юноши въ періодъ воспитанія и обученія. Итакъ я предлагаю вамъ прежде всего покрѣпче усадить себя за книгу. Говорю вамъ это какъ юношамъ, уже умѣющимъ мыслить и угадывать свои будущіе существенные интересы духовные, а не дѣтямъ, для которыхъ книга есть пугало и бремя невыносимое. Существенный недостатокъ нынѣшняго юношества

въ умственномъ отношеніи, по наблюденію безпристрастныхъ и глубокихъ педагоговъ, и состоитъ именно въ отсутствіи у него прочныхъ и серьезныхъ научныхъ знаній, вслѣдствіе чего молодые люди наши и оказываются такъ удобопреклонны ко всякому верхоглядству и самомнительности, и въ то же время являются совершенно не застрахованными отъ зловредныхъ и расслѣвающихъ вліяній людей односторонне и фальшиво научныхъ. А базисъ прочной и серьезной научности закладывается именно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это понять вамъ, друзья мои, слѣдуетъ какъ можно яснѣе. Тѣхъ пробѣловъ въ общеобразовательныхъ наукахъ, которые дозволитъ себѣ воспитанникъ до перехода въ высшее заведеніе и до выбора какой нибудь отдѣльной научной спеціальности, или до вступленія въ жизнь, ему послѣ уже вознаградить нельзя будетъ ничѣмъ. Эти пробѣлы такъ съ нимъ и останутся и всегда будутъ давать себя чувствовать при послѣдующихъ серьезныхъ научныхъ работахъ. Наплывъ въ позднѣйшее время въ наши высшія свѣтскія школы массы молодыхъ людей безъ прочной предварительной подготовки въ среднихъ заведеніяхъ далъ почувствовать себя весьма невыгодно въ нашей наукѣ, и—что особенно прискорбно—сталъ гибельно отражаться на самомъ направленіи юношей и ихъ моральномъ строѣ. Нужда въ коренномъ преобразованіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и въ частности духовныхъ семинарій, стала заявлять себя все болѣе и настойчивѣе,—пока наконецъ это преобразованіе не осуществилось на дѣлѣ въ царствованіе нынѣшняго Государя Императора. Программы нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и духовныхъ семинарій такъ нынче поставлены, чтобы вниманіе ученика, не раздробляясь преждевременно на множество вспомогательныхъ наукъ, или частныхъ научныхъ отдѣловъ, сосредоточивалось главнымъ образомъ около нѣкоторыхъ главныхъ существенныхъ предметовъ. Въ основу же нынѣшняго образованія положены у насъ, какъ и во всѣхъ образованныхъ европейскихъ странахъ, классическіе языки—въ виду ихъ сильнаго умственно-развивающаго и образовательнаго значенія, также математическія науки, а равно и знакомство съ законами и литературою отеческаго языка. Прочимъ гуманнымъ наукамъ, а равно

и новѣйшимъ языкамъ, отведено соотвѣтствующее и надлежащее мѣсто. Особенный и спеціальный характеръ нашихъ среднихъ духовныхъ заведеній, изъ которыхъ должны выходить молодые люди и съ простой общеобразовательной подготовкой и съ задатками основательнаго богословскаго знанія для поступленія на пастырскую службу церкви, естественно ввела нѣкоторую разницу въ учебныя семинарскія программы сравнительно съ гимназическими программами, но такъ, что этими измѣненіями солидность учебнаго дѣла у насъ не только не поколеблена, а напротивъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обезпечена по преимуществу. Чрезъ весь курсъ общеобразовательныхъ наукъ въ первыхъ четырехъ классахъ семинаріи, соотвѣтствующихъ пятому, шестому, седьмому и восьмому гимназическимъ классамъ, проведено преподаваніе Священнаго Писанія въ видѣ отдѣльной науки; Логика преподается съ большею полнотою и обстоятельностію, наконецъ Психологія и Обзоръ Философскихъ Ученій, совсѣмъ отсутствующія въ гимназическихъ программахъ, между тѣмъ имѣющія въ высшей степени важное образовательное и развивающее значеніе, могутъ давать большое преимущество нашимъ духовнымъ воспитанникамъ предъ инословными ихъ сотоварищами. Желалъ бы я, чтобы это было вами сознано, и чтобы вообще цѣнилась по достоинству серьезность современной постановки учебнаго дѣла въ духовныхъ семинаріяхъ. Если въ началѣ нынѣшняго столѣтія справедливо упрекали ихъ въ замкнутости и односторонности направленія и въ полномъ пренебреженіи къ общеобразовательнымъ наукамъ, отъ чего дѣйствительно наши питомцы при обширныхъ богословскихъ познаніяхъ казались всетаки людьми неученными, и отъ того много теряли въ своемъ значеніи и вліяніи на общество,—если въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ наши семинаріи наводнены были разными реальными науками, или скорѣе обрывками и клочками этихъ наукъ—въ видѣ Медицины, Химіи, Зоологіи, Ботаники, Сельскаго Хозяйства, Геодезіи и проч..., безъ прямого отношенія къ основной задачѣ духовнаго образованія,—если говорю все это было прежде, то все это прошло, и въ настоящее время и при нынѣшнемъ Государѣ все это измѣнено и преобразовано къ луч-

шему. Какъ видите, вамъ теперь дана вся возможность созидать свое образованіе на самомъ прочномъ и незыблемомъ основаніи.

Но эту возможность обратить въ дѣйствительность безъ вашего добровольнаго и искренняго участія—конечно—нельзя. Если вы станете, озираясь *сѣмо* и *овамо* и прислушиваясь къ разнымъ отвнѣ навѣваемымъ и къ сожалѣнію обычнымъ и многочисленнымъ въ настоящее измельчавшее время нареканіямъ противъ серьезной и классической постановки современнаго учебнаго дѣла нашего, если—говорю—вы будете всякій разъ съ нерѣшительностію садиться за книгу и приниматься за дѣло съ разными недоумѣніями насчетъ будущей житейской цѣли и полезности вашихъ учебныхъ трудовъ, насчетъ будущей вашей житейской карьеры и насчетъ другаго прочаго; то дѣло въ ходъ не пойдетъ и до цѣли вашего образованія не доведетъ васъ, что было бы конечно очень грустно. Я сказалъ, что по нынѣшнему времени требуется, чтобы всякій желающій учиться юноша въ періодъ своего воспитанія прошелъ серьезный учебный искусъ, дабы образовался въ немъ нѣкотораго рода безкорыстно-научный складъ; а такими виляньями въ сторону и малодушными воплями о трудности и неприложимости напримѣръ классическихъ языковъ,—этого обычнаго камня преткновенія для умственной слабости и школьнической лѣни, серьезно-научное и безкорыстное направленіе не создается. Я бы желалъ въ этомъ случаѣ поставить вамъ въ образецъ и въ примѣръ для подражанія семинаристовъ старинной нашей школы. При самой не роскошной постановкѣ учебнаго дѣла, при крайней скудости и нищетѣ тогдашней бурсы, многіе изъ нихъ съ истинно геройскимъ самоотверженіемъ и философскимъ стоицизмомъ преодолѣвали невообразимыя по нынѣшнему времени трудности, сами себѣ прокладывали и расчищали дорогу, учились почти безъ всякаго посторонняго пособія и безъ сколько нибудь сносныхъ учебныхъ руководствъ, и всетаки выходили впослѣдствіи необыкновенно дѣльными и учеными людьми, вѣрными слугами царю и полезнѣйшими дѣятелями на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Нынѣ все для васъ упрощено и облегчено. По каждому предмету имѣются точныя программы и составлены цѣлесообразные учебники. Разными учебными посо-

біями, а равно и книгами для чтенія, снабжены вы въ достаточномъ количествѣ. Экономическій бытъ нынѣшнихъ семинарій, хотя и не можетъ равняться съ параллельными заведеніями другихъ министерствъ, по превосходству матеріальныхъ средствъ въ сравненіи съ нашимъ духовно-учебнымъ капиталомъ,—но все же справедливость требуетъ сказать, что и въ этомъ отношеніи наши заведенія значительно поднялись и улучшились сравнительно съ прошедшими скудными временами. При увеличеніи процентнаго сбора съ церковныхъ доходовъ и при ежегодномъ полутора-милліономъ пособіи, которое нынѣшнему Государю Императору угодно было назначить нашимъ заведеніямъ, всѣ существенныя нужды ихъ — можно сказать — удовлетворены. Зданія семинарскія по мѣстнымъ нуждамъ разныхъ епархій перестроены, расширены и приспособлены къ требованіямъ новаго семинарскаго устава, окладъ содержанія казенныхъ воспитанниковъ увеличенъ болѣе, нежели до двойной цифры; такъ что всѣ они, и при дороговизнѣ нынѣшней на жизненные матеріалы и припасы, можно сказать — не грѣша противъ истины, прилично одѣты и обуты, довольно удобно пристроены и, хотя не роскошно, но сыто и здорово накормлены. Но и своекоштные воспитанники не оставлены безъ пособія. Изъ пяти сотъ напр. Владимірскихъ воспитанниковъ, двѣсти обезпечены казеннымъ содержаніемъ, около ста пользуются ежемѣсячнымъ денежнымъ пособіемъ не менѣе двухъ рублей, и лишь остальныя двѣ пятыхъ части остаются на своемъ содержаніи; но при этомъ всѣ учатся безплатно, тогда какъ въ другихъ инословныхъ заведеніяхъ полагается плата за ученье. О, какъ еще можно учиться не вздыхаючи при такихъ условіяхъ, и какъ было бы грѣшно и неблагородно не заплатить за все это прилежаніемъ, трудолюбіемъ и благонравіемъ!...

Я съ нѣкоторою подробностію распространился насчетъ учебной стороны вашей жизни, и—какъ видите—главная мысль моя та, что при нынѣшнемъ одностороннемъ и поверхностномъ направленіи учащейся молодежи, весьма часто отклоняющейся отъ своего прямого дѣла, требуется отъ васъ особенное трудолюбіе и безкорыстное занятіе науками, дабы образовать въ себѣ зрѣлое и серьезное направленіе мысли, и—что для достиженія этой

благородной цѣли вы поставлены въ благопріятныя условія той реформой духовно-учебныхъ заведеній, которая произошла въ нынѣшнее царствованіе. Но если бы вы, согласно нашимъ желаніямъ, все свое вниманіе устремили только на развитіе своей головы и на пріобрѣтеніе знаній, то задачи своей вы все-таки далеко бы еще не выполнили, потомучто одно умственное развитіе, даже при высокой степени своей серьезности, еще не спасаетъ человѣка отъ разныхъ весьма печальныхъ увлеченій, заблужденій и порчи, отнимающей всю цѣну его научнаго достоинства. Старинная эта истина стала давать себя чувствовать съ особенною силою опять таки въ нынѣшнее время. Все наше общество пришло къ сознанію крайней нужды не въ чемъ иномъ, какъ именно въ людяхъ нравственно-добрыхъ, благородныхъ и честныхъ. Отъ недостатка этихъ качествъ въ людяхъ и зарождается все зло, которое такими гибельными послѣдствіями отражается во всѣхъ общественныхъ сферахъ. Развѣ бы дерзнули наши крамольники отважиться на свои дѣянія, повергшія въ скорбь и негодованіе все наше отечество, если бы осталась въ нихъ хоть капля страха Божія? Развѣ могли бы они съ такимъ успѣхомъ вербовать въ свое общество нашихъ молодыхъ людей, если бы встрѣчали въ нихъ болѣе прочныя начала нравственности и религіи, чѣмъ какъ это оказалось на самомъ дѣлѣ. Развѣ бы не исчезли сами собой тѣ язвы нашего общества, лечить которыя такъ много вызывается теперь непрошенныхъ и неумѣлыхъ охотниковъ, если бы само общество наше начало дышать здоровыми, т. е. нравственно-религіозными началами, хотя нѣсколько въ большей степени, чѣмъ какъ это есть до послѣдняго времени, по сознанію и наблюденію людей, изучающихъ наше общество? Такимъ образомъ вамъ должно, заботясь объ умственной зрѣлости и развитіи своемъ, обратить преимущественное свое вниманіе на правильное развитіе своего сердца, дабы укрѣпиться какъ можно тверже въ началахъ религіи и доброй нравственности. Пусть будетъ основнымъ правиломъ вашей жизни и руководящимъ девизомъ—изреченіе писанія, что начало премудрости страхъ Божій. Этою мыслію проникнуты всѣ наши инструкціи для васъ, опредѣляющія вашу внѣшнюю и внутреннюю жизнь въ стѣнахъ

заведенія, къ ней же сводятся и всѣ правила семинарскаго устава, начертанныя высшею властію; ибо въ ней находитъ свое осуществленіе и главная задача вашего образованія,—быть впослѣдствіи вѣрными и искусными служителями религіи и добрыми стражами нравственности въ народѣ. Но если бы нѣкоторымъ изъ васъ не пришлось поступить на службу церкви въ духовномъ санѣ; то все равно—вынесенные вами изъ заведенія прочные задатки чистой нравственности и посѣянныя въ вашемъ сердцѣ сѣмена религіи принесутъ плодъ по роду своему, и сдѣлаютъ изъ васъ наиполезнѣйшихъ и самыхъ пригодныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ общественной службы. Когда Государю Императору приходилось не разъ отвѣтствовать различнымъ сословіямъ русской земли на вѣрноподданническія заявленія скорби по поводу обнаружившихся въ нашемъ обществѣ противуправительственныхъ и противо-общественныхъ элементовъ; то онъ выражалъ при этихъ случаяхъ одно главное и неизмѣнное желаніе, чтобы воспитаніе нашего юношества созидалось на прочныхъ религіозныхъ началахъ, и чтобы изъ нихъ выходили впослѣдствіи честные, благородные и нравственные люди. Эти слова и желанія нашего благочестивѣйшаго монарха напечатлѣйте въ сердцахъ своихъ и порадуйте его осуществленіемъ на дѣлѣ его надеждъ и желаній. На память нынѣшняго торжества государева и въ знакъ вашихъ сыновнихъ и вѣрноподданническихъ чувствъ къ нему, вы общими силами рѣшили соорудить священную икону. Прекрасное и святое дѣло! Пусть же эта икона будетъ священнымъ залогомъ вашихъ благородныхъ чувствъ къ Государю, которыми теперь наполнено ваше юношеское сердце, и пусть эти чувства руководятъ вашею жизнію и по выходѣ изъ заведенія, когда потребуется отъ васъ уже не ученье только, а и дѣйствительная служба государю и отечеству. Аминь.

СЛОВО

въ день срѣтенія иконы Божіей Матери Боголюбскія *).

(21 мая 1880 г.).

Отрадно видѣть, какъ ежегодно въ нынѣшній день массы вѣрующихъ и усердныхъ чтителей царицы небесной собираются въ нашъ городъ для срѣтенія чудотворной иконы ея Боголюбскія. Отрадно въ особенности по нынѣшнему времени, ослабѣвшему въ вѣрѣ, осуетившемуся и наклоняющемуся болѣе къ плотскимъ и житейскимъ помысламъ, чѣмъ къ религіи и къ Господу Богу. Нѣкогда св. пророкъ Илія, видя всеобщее развращеніе современнаго ему общества Израильскаго, полагалъ было, что погасъ совсѣмъ свѣтильникъ истинной религіи на землѣ, и что пришелъ конецъ и самому существованію народа Божія. Въ сильномъ огорченіи возопилъ онъ на небо: *Господи! сыны Израилевы оставили завѣтъ твой, разрушили твои жертвенники и пророковъ твоихъ убили мечемъ; остался я одинъ... Довольно уже Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцевъ моихъ* (3 Цар. XIX, 10). Оказалось однакожъ, что не погасла среди людей св. религія подъ таинственнымъ смотрѣніемъ промысла Божія. Господь открылъ въ утѣшеніе своему пророку, что сбереженъ святый остатокъ благочестивыхъ сыновъ Израиля, коихъ *колѣна не преклонялись предъ Ваалomъ и уста не лобызали его* (тамъ же ст. 18).

И мы, видя сегодня, какъ тысячи благоговѣйныхъ и вѣрующихъ христіанъ и христіанокъ преклоняютъ колѣна предъ заступницей рода человѣческаго и съ любовію лобызаютъ ея икону, можемъ успокоительно сказать себѣ: не погасъ еще среди насъ свѣточъ вѣры и благочестія, несмотря на все дѣйствіе темныхъ вражескихъ силъ, стремящихся отуманить умы и развратить сердца слабыхъ и колеблющихся членовъ нашего общества. Съ любовію и милостію взираетъ конечно и сама царица небесная на смиренное и благоговѣйное поклоненіе, творимое ей отъ душъ вѣрующихъ и благочестивыхъ, днесь сошедшихся во святый

*) Напечатано въ 11 мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1880 г.

храмъ сей. Какой же даръ принесемъ мы матери Господа и Спасителя нашего? Какимъ привѣтствіемъ почтить намъ царицу небесную, посѣтившую сегодня градъ нашъ? Лучшаго и болѣе подобающаго для нея привѣтствія нѣтъ и быть не можетъ, какъ то, которое она въ первый разъ услышала на землѣ отъ ангела, пришедшаго благовѣстить ей о рожденіи отъ нея Сына Божія. Слова этого привѣтствія знакомы намъ съ дѣтства и ими обыкновенно начинается наше первоначальное молитвенное обученіе въ семьяхъ и школахъ. Повторимъ же теперь съ благоговѣйнымъ размышленіемъ эту всеобщую и самую раннюю нашу молитву предъ царицей небесной, къ ней же молитвенно прибѣгая, да не возгнушается она этимъ посильнымъ даромъ нашимъ въ сей день и часъ.

«*Богородице* дѣво! радуйся благодатная Марія, Господь съ тобою»! Вотъ первыя слова привѣтствія, которыя мы ежедневно повторяемъ матери Божіей со словъ архангела Гавріила. Въ первомъ словѣ сокрыто все величіе ея, и потому это слово заслуживаетъ преимущественнаго нашего вниманія. Величіе это въ томъ именно и состоитъ, что пречистая дѣва Марія родила самого Бога, творца и зиждителя всей вселенной, Господа и повелителя всѣхъ существъ небесныхъ и земныхъ, а потому и стала именоваться Богородицей или Богоматерію. Людямъ, не изучающимъ таинствъ вѣры Христовой, не вѣдущимъ писанія ни силы его и не вѣрующимъ, можетъ показаться несообразнымъ такое наименованіе: какъ тварь Божія и дщерь человѣческая могла сдѣлаться матерію Бога, отъ вѣчности существующаго? И много было въ древности (и теперь есть) лжеучителей, которые то отвергали вовсе, то искажали вѣроученіе христіанское о воплощеніи Бога-Слова отъ дѣвы Маріи, и чрезъ это унижали ея высочайшее достоинство. Такъ иные думали, что Богъ былъ только въ особенности близокъ къ ней своею любовію и благоволеніемъ, какъ святѣйшей личности, подобно тому, какъ онъ бываетъ близокъ и къ прочимъ святымъ угодникамъ и угодницамъ Божіимъ. Да будетъ же всѣмъ извѣстно, что это не такъ. По ученію вѣры христіанской, второе лице св. Троицы Сынъ Божій нѣкимъ особеннымъ образомъ всецѣло нисходилъ въ утробу дѣвы Маріи

и девять мѣсяцевъ чревоносимъ былъ ею, питался ея грудью, покоился въ святыхъ ея объятіяхъ и былъ яко младенецъ руконосимъ, пользовался ея нѣжными ласками и возрасталъ подъ ея материнскимъ попеченіемъ — совершенно такъ же, какъ это бываетъ со всѣми младенцами человѣческими. Конечно не самое божество зачалось во чревѣ дѣвы Маріи, ибо оно вѣчно и безначально, и не по божеству своему родился отъ нея Христосъ Господь, ибо по божеству своему онъ не имѣетъ вовсе матери, а только одного превѣчнаго Отца-Бога, отъ котораго родился онъ прежде всѣхъ вѣковъ; но отъ дѣвы Маріи онъ заимствовалъ свое человѣчество, т. е. душу и тѣло человѣческое, а съ этою душею и тѣломъ человѣческимъ божество Сына Божія такъ непостижимо, неслитно и въ то же время такъ близко и тѣсно сочеталось, что составило одну личность, одного Бого-человѣка Іисуса Христа. И поелику это единеніе божества съ человѣчествомъ никогда не прерывалось въ лицѣ Хри та Спасителя, ни въ зачатіи его, ни въ чревоношеніи, ни во всей остальной земной жизни его, ни по вознесеніи на небо къ Богу отцу своему, и не прервется потомъ во вѣки вѣчные; то достойно и праведно св. церковь величаетъ св. дѣву Марію родительницею Сына Божія, Богородицею или Богоматерію, — и это не почетное только или хвалебное наименованіе, а соотвѣтствующее самой сущности дѣла. Она есть дѣйствительно матерь Божія въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ. Нѣкоторые лжеучители говорили также, что Христосъ Іисусъ родился отъ дѣвы Маріи простымъ человѣкомъ, а божество соединилось съ нимъ послѣ; такъ что ей подобаетъ будто-бы только названіе Христородицы. Но и это несправедливо и нечестиво; ибо не простымъ человѣкомъ, какъ мы сказали, зачался и родился отъ благодатной Маріи Господь нашъ, но съ человѣчествомъ его во утробѣ дѣвы было въ неслитномъ соединеніи и божество, и изъ дѣвственныхъ ложеснъ Маріи произошелъ не просто человѣкъ, а Бого-человѣкъ, и матерь его такимъ образомъ есть воистину Богородительница. Были и такіе лжеучители, которые полагали, что Господь Іисусъ заимствовалъ отъ матери своей только тѣло человѣческое, душу же человѣческую замѣняло въ немъ божество, которое прошло чрезъ св. дѣву

лишь внѣшнимъ и поверхностнымъ образомъ, какъ вода чрезъ каналъ, по ихъ собственному выраженію. Но и это не вѣрно и нечестиво, ибо по ученію св. церкви не только тѣло, но и душу человѣческую заимствовалъ Господь отъ пренепорочной матери своей, и съ этой душею, равно какъ и съ тѣломъ всегда не разлучно было его божество и притомъ въ личномъ соединеніи; такъ что будучи предвѣчнымъ Сыномъ Божіимъ, онъ родился, какъ отроча младо, отъ пречистой матери своей, и былъ дѣйствительнымъ въ полномъ смыслѣ ея сыномъ. Поэтому-то высочайшему достоинству матери Божіей, святая церковь и ублажаетъ дѣву Марію, какъ честнѣйшую херувимовъ и безъ сравненія славнѣйшую серафимовъ, т. е. самыхъ высшихъ и приближенныхъ къ Богу существъ. Тѣмъ не менѣе если бы кто, въ порывѣ преданныхъ и благоговѣйныхъ чувствъ, сталъ воздавать ей божеское поклоненіе, какъ богинѣ, то погрѣшилъ бы по язычески, и молитвенныя жертвы такого поклонника или такой поклонницы предъ царицей небесной были бы не угодны и непріятны ей, какъ молитвы грѣшныя и неразумныя. Будучи матерію Сына Божія, благоволившаго воплотиться изъ нея, присноблаженная дѣва Марія есть однакоже созданіе Божіе, только возвеличенное и превознесенное предъ всѣми тварями Господними на землѣ и на небѣ.

О, братіе и сестры о Христѣ! Имѣя такую всесильную ходатаицу за роды наши предъ престоломъ Божіимъ, съ какимъ дерзновеніемъ и надеждою мы можемъ прибѣгать подъ ея защиту и покровительство! Ибо ничье ходатайство не можетъ быть такъ сильно, какъ матернее предъ сыномъ. Значитъ со всѣми своими нуждами, со всѣми скорбями сердечными мы съ вѣрою и любовію должны обращаться къ матери Божіей; и если мы окажемся достойны ея милости и благоволенія, то безъ сомнѣнія она не замедлитъ намъ явить ихъ. Лишь бы въ сердцѣ нашемъ горѣла искра благоговѣйной любви къ ней и вѣры, а равно и смиренной преданности ея могущественному покровительству. Будемъ же блюсти и возгрѣвать эти чувства размышленіемъ о томъ великомъ и несравненномъ ея достоинствѣ, о которомъ напоминаетъ намъ столь часто слышимое въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, а осо-

бенно въ привѣтственной молитвѣ къ ней слово «Богородица». «Богородице *дѣво*»! — Вотъ еще необычайное качество и достоинство матери Божіей, — это ея дѣвственность, оставшаяся цѣлою и неприкосновенною какъ до рожденія отъ нея Спасителя міра, такъ и въ самомъ рожденіи, а равно и послѣ рожденія; такъ что св. церковь величаетъ ее приснодѣвой. Рожденная отъ неплодныхъ до старости и святыхъ родителей лишь по усиленнымъ молитвамъ ихъ, впрочемъ по обыкновеннымъ законамъ естества человѣческаго, пренепорочная отроковица Марія еще въ трехлѣтнемъ возрастѣ отдана была на воспитаніе въ Іерусалимъ и введена въ храмъ Божій по обѣту, данному родителями еще до рожденія ея. Здѣсь вся жизнь ея до 14-ти лѣтняго возраста была не что иное, какъ непрерывное молитвенное созерцаніе и приближеніе къ Господу Богу. Преданіе повѣствуетъ, что благодатію Божіею она столько была предочищена отъ общей для всѣхъ сыновъ и дщерей Адамовыхъ наслѣдственной порчи и первороднаго грѣха, и столь высока стала духомъ, что ангелы Божіи, прозрѣвавшіе конечно ея дивное назначеніе быть матерію самого Сына Божія, видимо являлись и служили ей. По окончаніи воспитанія, когда пришло ей время оставить храмъ Божій, священники Іерусалимскіе, не понимавшіе конечно таинственной высоты и величія своей воспитанницы, хотѣли было выдать ее въ замужество; но вдругъ услышали изъ устъ ея неожиданный обѣтъ навсегда оставаться дѣвою. Не понимая смысла этого необычайнаго по тогдашнему времени обѣта, но не смѣя и нарушить его, такъ какъ онъ данъ былъ предъ лицемъ самого Бога, — священники рѣшили всетаки обручить дѣву Марію, послѣ смерти ея родителей, святому старцу Іосифу, дабы онъ былъ ея попечителемъ, а равно и хранителемъ ея дѣвства по обѣту. Когда затѣмъ посланъ былъ къ ней въ Назаретъ архангелъ Гавріилъ благовѣстить о рожденіи отъ нея Спасителя міра, то первый вопросъ изъ устъ ея былъ такой: *какъ будетъ сіе, ибо мужа не знаю?* Посланникъ Божій тотчасъ успокоилъ ее, объяснивъ: *Духъ Святый найдетъ на тя и сила вышняго осѣнитъ тя, тѣмже и рождаемое свято нарѣчется Сынъ Божій!* Такимъ образомъ Спаситель нашъ, Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ,

хотя былъ дѣйствительнымъ сыномъ человѣческимъ и заимствовалъ отъ пречистой матери своей не иную какую-нибудь, а туже самую человѣческую природу, какая и у насъ, но самое зачатіе его совершилось не по законамъ естества человѣческаго, а сверхъ-естественнымъ и чуде нымъ образомъ, т. е. безсѣменно отъ неискусобрачной отроковицы, и потому онъ чуждъ былъ первороднаго грѣха въ своемъ рожденіи и не наслѣдовалъ отъ своей матери прародительской Адамовой порчи. При семъ всякому православному чтителю и чтительницѣ пренепорочной и приснодѣвственной матери Господней надо имѣть въ виду два противоположныя по характеру своему, но одинаково ошибочныя и неправильныя о ней мнѣнія, существующія у христіанъ римско-католическихъ и лютеранскихъ. Первые неправильно учатъ, что и сама матерь Божія такъ же безсѣменно и чудесно Духомъ Святымъ зачата и рождена отъ своихъ родителей, какъ рожденъ отъ нея Сынъ Божій. Между тѣмъ какъ чистое и непогрѣшительное ученіе православной церкви состоитъ въ томъ, что рожденіе самой матери Божіей произошло обыкновеннымъ и естественнымъ образомъ; такъ что въ своемъ рожденіи она не чужда была первороднаго грѣха, что однакоже ничуть не омрачаетъ ея славы и величія; ибо впослѣдствіи она совершенно предочищена была отъ всякаго грѣховнаго вліянія и стала избраннѣйшимъ сосудомъ благодати и вмѣстилищемъ невмѣстимаго Бога-Слова. Напротивъ лютеранскіе учители и богословы дерзновенно посягаютъ на святѣйшее имя Богоматери дѣвы, не признавая приснодѣвства ея съ тою рѣшительностію и строгостію, какъ это дѣлаетъ православная церковь. По нашему православному ученію, пречистая дѣва Марія и по смерти своего обручника старца Іосифа не причастна была узамъ брачнымъ, и Христосъ Господь былъ ея единственнымъ чудеснымъ сыномъ. Упоминаемые въ евангеліи братья Христовы были ему двоюродные по плоти. Это были, какъ гласитъ христіанское преданіе, или дѣти Іосифа обручника отъ первой его жены, или дѣти Іоакима и Анны—родителей матери Божіей. Такимъ образомъ одни лжеучители (католическіе), думая возвеличить паче надлежащаго Матерь Господню, оскорбляютъ ее лживостію своего ученія о сверхъ-естественномъ ея зачатіи и рожде-

нiи; другіе (лютеранскіе богословы), думая приблизить ея личность какъ можно больше къ нашему человѣческому обществу, и таинства, окружающія ея жизнь, къ обыкновенному человѣческому разумѣнію, богохульствуютъ на самого Сына Божія, унижая приснодѣвство чистѣйшей матери его. Тѣмъ драгоцѣннѣе должно быть для насъ неповрежденное и чистое ученіе православной церкви о дивномъ лицѣ матери Господней. «Какъ тебя назвать, о благодатная! —восклицаетъ она молитвенно предъ нею,— ты и матерь, ибо имѣла еси на святыхъ своихъ объятіяхъ сына, всѣхъ Бога; но ты и дѣва, ибо пребыла еси нетлѣнна и непорочна»! Или въ другомъ мѣстѣ: «Всѣ выше нашего смысла и пониманія суть великія и преславныя твои таинства, о Богородице! При чистотѣ запечатанной и дѣвствѣ хранимомъ, ты и мати позналася еси не ложно, Бога рождши истиннаго».

Православные и благочестивые слушатели! Углубляясь мыслію и сердцемъ въ христіанскій догматъ о неизглаголанномъ дѣвствѣ и чистотѣ преблагословенной Богородицы-дѣвы, поревнуемъ и мы объ очищеніи своего сердца и о цѣломудренности своихъ душъ и тѣлесъ; ибо ничто такъ не любезно пречистой дѣвѣ, какъ эта добродѣтель, и ничто такъ не приближаетъ къ ней ея чтителей и поклонниковъ, какъ трезвенность и непорочность помысловъ сердечныхъ и цѣломудренность души и тѣла. Юноши и дѣвы, возрастающіе въ невинности и чистотѣ! Дорожите, какъ величайшей святыней своею невинностію и непорочностію, и помните, что вы избранныя и любезнѣйшія чада пречистой дѣвы Маріи. Равно и вы, избранные мужи и жены, пропзнесшіе ради Господа обѣтъ дѣвственности и цѣломудрія, укрѣпляйтесь въ своемъ великомъ подвигѣ примѣромъ неискусобрачной матери Господней и утѣшайте себя въ борьбѣ съ плотію тою отрадною мыслію, что непрерывно взираетъ на васъ съ любовію и небеснымъ благоволеніемъ святая дѣва Марія. Но и вы, вступившіе въ бракъ честенъ и блюдущіе святыню супружества, не думайте, что при вашихъ обязанностяхъ вы лишены возможности стоять въ близкомъ благодатномъ союзѣ съ пречистою дѣвою Богородицею. О, будьте увѣрены, что великъ предъ очами ея будетъ и вашъ подвигъ, если вы съумѣете господствовать надъ своими страстями, если

чисты и цѣломудренны будете въ своихъ помыслахъ, воздержны и вѣрны въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ. Ибо какъ есть цѣломудріе дѣвственности, такъ есть и должна быть въ своемъ родѣ и въ извѣстной степени цѣломудренность супружества. И если нельзя всѣмъ стоять на одинаковой высотѣ подвига, то всѣмъ можно стяжать полное благоволеніе царицы небесной посильнымъ подвигомъ внутренняго самоочищенія и трезвенности. Напротивъ ничто такъ не гнусно предъ очами царицы небесной и ничто такъ скоро не удаляетъ насъ отъ ея милости и благоволенія, какъ сладострастныя мечты, испорченность сердца и непотребство поведенія. Не отъ того ли такою неустроенною и нездоровою представляется современная жизнь нашего общества, что мутной и грязной струей отвсюду врывается въ нее развращеніе, и что животные инстинкты берутъ верхъ и господствуютъ надъ умами и сердцами большинства нынѣшнихъ людей. Какъ часто наше юношество и молодость ходятъ уже съ печатью преждевременнаго растлѣнія; какъ ослабѣла строгость нравственныхъ началъ въ нашихъ семьяхъ, и какъ мало и рѣдко вообще стала примѣчаться наклонность къ подвигамъ благочестія и жажда высокихъ духовныхъ наслажденій! О, какъ-бы не отвратила вовсе своего взора отъ насъ грѣшныхъ матерь Божія, какъ нѣкогда Господь отвратилъ взоръ свой отъ развращенныхъ допотопныхъ людей, потерявшихъ все духовное и обратившихся въ плоть, по выраженію писанія! Да не будетъ, да не будетъ сего! Но обратимъ опять свою мысль къ словамъ архангельскаго привѣтствія Богоматери.

«Радуйся благодатная Марія! Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ»! Когда услышала въ первый разъ св. дѣва это привѣтствіе изъ устъ Архангела, то смутилась, какъ повѣствуетъ евангеліе. Смущеніе это произошло отъ того, что кротчайшая и смиреннѣйшая изъ дщерей человѣческихъ, хотя и царственная отрасль дома Давидова, не зримая никѣмъ кромѣ Бога въ тиши назаретскаго уединенія, недоумѣвала, за что и какъ она будетъ благословена или превознесена предъ всѣми женами въ мірѣ. Преданіе гласитъ, что въ минуту появленія предъ ней Архангела, она размышляла о словахъ пророка Исаіи, возвѣщавшаго

рожденіе Спасителя міра отъ безмужной дѣвы, и мысль ея и сердце благоговѣйно устремлены были къ личности этой дивной и блаженнѣйшей дѣвы. Привѣтственныя слова Архангела имѣли очевидно прямое отношеніе къ тому, чѣмъ занята была тогда душа ея, и внезапно намекали ей, что она сама, назаретская дѣвственница, и есть та избранная изъ всего рода человѣческаго жена, которой въ предвѣчномъ совѣтѣ назначено быть матерію Спасителя рода человѣческаго. Смутилась кротчайшая и смиреннѣйшая дѣва Марія, мысленно отрицая отъ себя эту недосягаемую честь и величіе, и лишь только послѣ того, какъ небесный посланникъ объяснилъ ей, какъ все это будетъ, она покорилась волѣ Божіей, сказавъ: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему!* А поспѣшивъ къ родственницѣ своей Елизаветѣ, она въ пророческомъ восторгѣ воскликнула: «призрѣлъ Господь на смиреніе меня, рабы своей; ибо отнынѣ станутъ называть меня блаженною всѣ племена и роды»! Такъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Пророчество матери Господней о себѣ оправдалось вполнѣ. Ибо блажимъ тя, о заступница наша, блажимъ тя вси роди, Богородице дѣво! въ тя бо невмѣстимый Христосъ Богъ нашъ вмѣститися благоволи.

И понятно теперь, почему изъ всѣхъ хвалебныхъ словесъ и привѣтствій нашихъ царицѣ небесной наиболѣе угоднымъ для нея должно быть то, которое мы повторяемъ со словъ архангела Гавріила. Всякій разъ, когда изъ устъ нашихъ исходятъ эти архангельскія слова: «радуйся благодатная Маріе, Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ»!—мы напоминаемъ ей, такъ сказать, самыя лучшія минуты въ ея земной жизни, когда она въ первый разъ узнала о своемъ великомъ назначеніи и поняла тайну воплощенія отъ нея Сына Божія. То, что было нѣкогда предметомъ ея смущенія и страха, теперь стало неизсякаемымъ источникомъ ея премірнаго блаженства. Конечно ничего не можемъ мы прибавить къ этой радости своими привѣтствіями и хвалебными восклицаніями; но за то мы сами можемъ пріобщаться этой радости по мѣрѣ своей пріемлемости, когда вмѣстѣ съ молитвенными и привѣтственными словами и сердце наше будетъ устремляться къ царицѣ небесной. Если будетъ она видѣть, что понимаемъ мы вѣрно и ясно великое дѣло, совершив-

шееся чрезъ нея для всего рода человѣческаго, и если потому высшее свое счастіе будемъ полагать въ благодатномъ союзѣ съ нею, и конечную цѣль всѣхъ нашихъ желаній—въ спасеніи нашихъ душъ, по вѣрѣ въ воплощеннаго изъ нея Сына Божія; то конечно и она приметъ насъ, какъ чадъ своихъ веселящихся о ней, въ свое невидимое покровительство, и своимъ ходатайствомъ предъ Сыномъ своимъ скоро воздастъ намъ радость спасенія нашего, и радости нашея никто же возметъ отъ насъ. «Се любящія чада мои, вѣрующія и смиренныя»—скажетъ она Сыну своему о насъ,—и самъ Господь возлюбитъ насъ, придетъ къ намъ своею благодатію, и обитель сотворитъ въ сердцѣ нашемъ. О, когда бы такъ было, а не иначе! О, когда бы тлѣнныя радости и удовольствія мірскія не приковали къ себѣ сердца нашего и не охладили его для высшихъ и духовныхъ радостей. О, когда бы въ суетѣ житейской не позабыть намъ вовсе того дѣла, ради котораго приходилъ Господь Іисусъ Христосъ на землю, воспріявъ естество наше отъ богомужной дѣвы матери своей! Пусть же чаще напоминаютъ намъ о семъ великомъ дѣлѣ эти привѣтственно-хвалебныя слова св. дѣвѣ: «Радуйся благодатная Марія, Господь съ тобою! Благословенна ты въ женахъ»!

Къ этимъ словамъ архангельскаго привѣтствія прибавлены еще слѣдующія заключительныя слова молитвы церковной: «Благословенъ плодъ чрева твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ». Слова эти значатъ то же, что и предъидущія съ нѣкоторымъ только поясненіемъ или дополненіемъ къ общей мысли въ нихъ заключающейся: «О, какъ счастливы мы, пресвятая дѣва, что ты стала матерію,—какъ бы такъ говорили мы! Потому что плодъ чрева твоего—есть Спаситель нашъ, и если бы Онъ не благоволилъ сдѣлаться сыномъ твоимъ, — мы погибли бы»! Искренно сказать это можетъ только тотъ, кто всей душой и сердцемъ вѣруетъ въ таинство воплощенія Сына Божія, кто понимаетъ, что въ этомъ таинствѣ вся сущность вѣры христіанской, кто дорожитъ болѣе всего счастіемъ быть истиннымъ христіаниномъ и принадлежать не по имени только, а на самомъ дѣлѣ къ числу живыхъ и спасаемыхъ членовъ церкви Христовой. Этой-то искренности вѣры и теплоты христіанскаго чувства и ждетъ отъ

насъ Матерь Божія, какъ самой лучшей нашей жертвы и самаго драгоцѣннаго дара, когда мы молимся ей, ищемъ ея милости, и произносимъ предъ ея иконами хвалебныя привѣтствія. Пусть же всякій испытаетъ свою совѣсть и провѣритъ свои религіозныя убѣжденія: куда они направлены, какого они характера и выражаются ли какими нибудь добрыми плодами вѣры и любви къ воплощенному изъ нея и пострадавшему за насъ Господу Іисусу Христу? Не въ устахъ ли только вся наша вѣра, а всѣ наши молитвенныя возванія и привѣтствія Матери Господней не суть ли только привычный лепетъ языка, заучившаго молитвенныя слова? О, братіе и сестры о Христѣ! Зная, сколько издревлѣ было и теперь есть враговъ у Спасителя нашего, замышляющихъ разрушить вконецъ то великое дѣло, ради котораго Онъ сходилъ на землю и зракъ раба принялъ,—видя, до какой ожесточенности достигла злоба противниковъ христіанской вѣры въ настоящее время и съ какимъ успѣхомъ умѣютъ они посѣвать холодность къ религіи и нравственное легкомысліе въ людяхъ,—не чувствуемъ ли мы особенной нужды какъ можно болѣе беречь свое сердце отъ вліянія этихъ враговъ Христа Спасителя, а умъ—отъ ихъ льстивой и ядовитой философіи? Не поколеблютъ они, конечно, дѣла Христова, если бы всѣ силы ада пришли къ нимъ на помощь, и исконная брань Агнца, т. е. Спасителя нашего, со зміемъ, т. е. съ діаволомъ, завершится окончательнымъ сокрушеніемъ дьявольской силы и разможденіемъ главы зміиной; но много и погибшихъ будетъ въ этой брани изъ среды людской, какъ говорится въ книгѣ св. откровенія. Что если враги Христа Спасителя, которымъ кажется все евангельское ученіе юродствомъ, соблазномъ и безумiемъ, и которые самую кровь завѣта новаго вмѣняютъ въ скверну, что если они съумѣютъ охладить въ конецъ наше сердце, отвратить отъ Господа и поставить на путь, вводящій въ пагубу?! Да не допуститъ сего благосердая матерь Господа нашего, всесильная заступница и ходатаица наша предъ престоломъ Сына своего! О, спаси отъ такихъ бѣдъ насъ рабовъ твоихъ, Богородице! Ибо къ тебѣ послѣ Бога мы всѣ прибѣгаемъ, яко къ нерушимой стѣнѣ и предстательству. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ владимірской духовной семинаріи предъ началомъ ученія *).

(25 августа 1880 г.).

Любезные воспитанники!

Послѣ полутора-мѣсячнаго отсутствія вашего изъ учебнаго заведенія я встрѣчаюсь съ вами въ надеждѣ на ваше умственное освѣженіе, на укрѣпленіе ваше духомъ и тѣломъ и вообще на ваше обновленіе къ лучшему. Къ концу учебнаго года, т. е. къ самой тяжелой его части, когда подводятся итоги вашихъ годичныхъ занятій и дѣлается расчетъ за все то, какъ вы учились и вели себя въ продолженіи года, и когда по обычаю, почти неизбѣжному для массы живущихъ и учащихся вмѣстѣ молодыхъ людей, накапливаются за многими изъ васъ различные грѣшки и грѣхи учебно-воспитательные,—къ этому времени—говорю—взаимныя, хотя бы самыя безупречныя и сердечныя, отношенія между учащимися и ихъ руководителями и начальниками нѣсколько, такъ сказать, натягиваются. До нѣкоторой степени они самымъ незамѣтнымъ и естественнымъ образомъ, какъ говорится, прискучиваютъ другъ другу. И вамъ хочется пожить нѣсколько времени за нашими глазами на распашку, по сельской простотѣ и не заглядывая обязательно въ книгу; да и намъ, признаться, мечтается какъ о наилучшемъ удовольствіи, въ продолженіи нѣкотораго времени не чувствовать на своихъ плечахъ всей тяжести воспитательскихъ трудовъ и начальнической отвѣтственности за васъ. Въ этомъ отношеніи вакаціонное время имѣетъ весьма важное значеніе и великую пользу для каждаго учебнаго заведенія, и притомъ обоюдную пользу — какъ для учащихся, такъ и для учащихъ. Эта польза однакоже не ограничивается, по моему мнѣнію, однимъ отдохновеніемъ тѣлеснымъ и освѣженіемъ духа, утомленнаго въ школѣ

*) Напечатано въ 18 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1880 г.

ученіемъ и разными опытами самоограниченія и опасливости. Нѣсколько самостоятельныхъ и безконтрольныхъ недѣль, прожитыхъ въ промежуткѣ между прошедшимъ и наступающимъ учебнымъ годомъ, могутъ многому научить и многое серьезное внушить каждому не лишенному наблюдательности даже и мальчику, а тѣмъ болѣе неглупому и размышляющему юношѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда вы разсыпались по разнымъ пунктамъ нашей обширной губерніи и по разнымъ направленіямъ отъ центра вашихъ учебныхъ трудовъ,—что вы могли увидѣть и замѣтить? Цѣлыя массы трудящагося люда, трудящагося буквально до поту лица и тратящаго всѣ свои силы духа и тѣла преимущественно для удовлетворенія самыхъ простѣйшихъ и низшихъ потребностей житейскихъ,—для куска хлѣба, для самаго неприхотливаго крова и таковой же одежды. И замѣчательно, что время вашей вакаціи какъ разъ совпадаетъ съ самой тяжелой и рабочей порой въ деревняхъ и селахъ. А если случалось вамъ сталкиваться не съ простымъ только и чернорабочимъ классомъ народа, а съ болѣе приличными повидимому и устроенными людьми, то и тамъ что вы могли замѣтить и услышать? Ту же, если еще не большую суетню, тѣ же озабоченныя лица, тѣ же труды, ту же многомятежную службу, сплетающуюся изъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе горькихъ и уязвляющихъ и вообще мѣшающихъ беззаботно жить на свѣтѣ людскихъ взаимныхъ отношеній, а слышать могли все тѣ же недовольные возгласы и на разные лады и тоны повторяющіеся вздохи насчетъ трудности пріобрѣсть и обезпечить себѣ способы хорошей и безпечальной жизни на свѣтѣ. Поученіе здѣсь такое: юнымъ школьникамъ не надо слишкомъ односторонне смотрѣть на свою школу, какъ на мѣсто особенной какой-то тяготы, а учебные труды свои воображать какими-то особенными подвигами, а себя какими-то избранниками и героями, обреченными пройти какой-то особенно-трудный и тернистый путь. Человѣкъ вообще обреченъ на трудъ болѣе или менѣе тяжелый и упорный, и нѣтъ такого положенія и состоянія въ обществѣ, съ которымъ не было бы соединено особенныхъ ему свойственныхъ трудностей и подвиговъ, и не вамъ, вообще не молодости опредѣлять можно безошибочно сравнительную степень этихъ

трудностей и подвиговъ. Конечно всякому до себя, и что насъ непосредственно касается, то и отдается на насъ чувствительнѣе. Но жизнь неизбѣжно заставляетъ каждаго изъ насъ немножко и философствовать. Если трудъ есть нѣчто неизбѣжное для человѣка, то и надо почеловѣчески, т. е. разумно и свободно отбывать труды, къ которымъ зоветъ насъ наше положеніе въ обществѣ, наше происхожденіе и воспитаніе. Не надо забывать, что ваши труды суть болѣе благороднаго и духовнаго характера въ сравненіи со многими другими человѣческими трудами, и ведутъ къ цѣли, наиболѣе достойной человѣка, а отъ успѣха этихъ предварительныхъ вашихъ трудовъ зависитъ ваша будущая относительная свобода отъ житейскаго рабства и широта вашей разумно-человѣческой дѣятельности. По моему — это должно нетолько примирять васъ съ вашимъ трудовымъ положеніемъ и научать благодушной терпѣливости, но и зажигать въ вашемъ юношескомъ сердцѣ благородную энергію и жаръ къ учебнымъ и школьнымъ трудамъ вашимъ, а тѣмъ самымъ и значительно облегчать и упрощать ихъ. Есть изъ-за чего и потрудиться вамъ. Какъ часто и съ какимъ скорбнымъ убѣжденіемъ повторяютъ извѣстную пословицу люди, полжизни или всю жизнь прожившіе безъ науки, что «ученье свѣтъ, а не ученье тьма»!

Возвращаю снова ваши воспоминанія и размышленія къ только что прожитому вами вакаціонному времени. Помните ли, какъ послѣ перваго обаянія свободы отъ всякихъ обязательныхъ занятій стала потихоньку подходить къ вамъ потребность чѣмъ нибудь наполнить свое время, бывшее въ безотчетномъ вашемъ распоряженіи, какъ стала сказываться пустота и неудовлетворенность въ самой вашей свободѣ и явились позывы чѣмъ-нибудь заняться и хоть что нибудь подѣлать для собственнаго развлеченія и удовольствія? Мнѣ трудно представить столь лѣниваго и до такой степени ограниченнаго и тупаго ученика, у котораго ни разу во всѣ шесть недѣль вакаціоннаго времени не проявился бы этотъ натуральный, такъ сказать, аппетитъ къ подновленію и умноженію своихъ знаній, и вообще къ умственной какой нибудь работѣ. Такое явленіе еще можно представить въ дѣтскомъ возрастѣ, съ преобладающею физическою жизнію, и въ такихъ

лицахъ, голова которыхъ никогда не была затронута ни одною живою мыслію, и не вкусила ни разу удовольствія что-нибудь узнать и чему-нибудь научиться. Но не къ такимъ личностямъ я и обращаю свою рѣчь, да они бы по настоящему и не должны находиться въ составѣ семинарскихъ учениковъ. Итакъ потребность умственнаго труда есть натуральная потребность всякаго не зачерствѣлаго человѣка и жажда знаній есть натуральная и притомъ благороднѣйшая наша жажда. Это вамъ тоже надо имѣть въ виду, и въ особенности надлежитъ принять къ ясному и живому свѣдѣнію при наступленіи новаго учебнаго года. Надо вамъ замѣтить, что стоитъ только долѣе обыкновеннаго продержаться безъ удовлетворенія пробудившемуся аппетиту знанія, о которомъ я сказалъ выше, и понасиловать лѣнью сказавшуюся жажду умственнаго труда, какъ начнутъ слабѣть и пропадать и эта жажда и этотъ аппетитъ. Психическая жизнь вообще имѣетъ большую аналогію съ физіологическими явленіями въ нашемъ тѣлесномъ организмѣ. Если усиленными и напряженными и притомъ безпрерывными или не въ мѣру продолжительными умственными занятіями можно ослабить самыя умственныя силы и дойти до апатіи и духовной вялости, — во избѣжаніе чего и выдѣляется для васъ вакаціонное время,—то и наоборотъ—до этой же апатіи и вялости можетъ довести человѣка, и въ частности ученика, его произвольная лѣнь и уклоненіе отъ урочныхъ и обязательныхъ для него умственныхъ занятій въ школѣ. Одно механическое хожденіе въ классъ для свиданія и болтовни съ товарищами, безучастное сидѣнье на учебныхъ скамейкахъ, шаловливыя веселости и баловство на квартирахъ безъ заглядыванья въ книгу, безпечное отношеніе къ урокамъ и преподавательскимъ требованіямъ и тому подобное поведеніе, — можетъ постепенно и незамѣтно усыпить голову молодаго человѣка, парализовать его умственныя силы, притупить самую воспріемлемость ко всякой умственной и духовной пищѣ. И сколько испортилось такимъ способомъ молодыхъ людей, далеко необиженныхъ природою ни насчетъ ума, ни насчетъ другихъ способностей, — и пропали всѣ благія надежды, которыя они, можетъ быть, внушали на первыхъ порахъ своимъ родителямъ и наставникамъ! Вмѣсто дѣльныхъ и

полезныхъ членовъ общества вышли изъ нихъ весьма вредные недоучки и какіе-то умственные недоросли. Не обидно ли это? Между тѣмъ посильный умственный трудъ и самоохотливое занятіе учебнымъ дѣломъ изощряетъ и не слишкомъ богатыя отъ природы умственныя силы, незамѣтно вселяетъ въ нихъ энергію, и вообще приводитъ къ самымъ благимъ результатамъ. Такъ вотъ я нарочно сопоставилъ для васъ съ одной стороны натуральную нашу потребность умственнаго труда и жажду знанія, сказывающуюся во всякомъ мало-мальски подросшемъ и нѣсколько поучившемся мальчикѣ, а съ другой стороны то, какъ важно развить и надлежаще направить эту потребность и эту жажду путемъ нормальнаго и цѣлесообразнаго удовлетворенія оной, чтобы вы знали, какъ вамъ надобно понадлежащему относиться къ своей школѣ: не уклоняться и не пугаться ея, и не пятиться отъ нея назадъ къ домамъ и деревенскому приволью, а весело и благодушно переступать за порогъ ея послѣ узаконеннаго каникулярнаго отдыха.

Еще, мнѣ кажется, можно извлечь вамъ поучительный опытъ изъ только-что прожитой вакаціи. Нѣкоторымъ изъ васъ, какъ извѣстно, надлежало поправлять и дополнять свои учебные труды прошедшаго года именно въ вакаціонное время. Слабоватые успѣхи, зависѣвшіе отъ разныхъ причинъ, отдались для нѣкоторыхъ изъ васъ неудачами на переводныхъ экзаменахъ, а это привело къ переэкзаменовкамъ, а онѣ въ свою очередь усадили нѣкоторыхъ за книгу въ то время, когда всѣ остальные могли гулять и отдыхать совершенно беззаботно. Но были, разумѣется, и такіе изъ васъ, которые совершенно добровольно располагали заняться на свободѣ и тѣмъ и другимъ и третьимъ, и надѣялись исполнить самые солидные и широкіе планы, благородно задуманные для пополненія разныхъ пробѣловъ въ своихъ знаніяхъ и для разныхъ болѣе или менѣе похвальныхъ цѣлей. Что же,— какъ у васъ шли эти необязательныя и добровольныя занятія? Не случалось ли, что отсутствіе твердаго и обязательнаго распредѣленія времени и постоянная возможность отложить задуманное дѣло до завтрашняго дня много мѣшали и даже помѣшали успѣху вашихъ занятій? Неправда ли, что сдѣлано гораздо мень-

ше, чѣмъ задумано, что день за днемъ неуловимо ускользалъ изъ вашего распоряженія, и въ настоящемъ осталось у васъ гораздо больше неувѣренныхъ надеждъ на будущія занятія, чѣмъ пріятнаго сознанія, что сдѣлано именно то, что задумано? Если это правда, то я желалъ бы, чтобы эта правда не пропала для васъ задаромъ на будущее время; чтобы вы вѣрили искренности нашихъ словъ, когда мы станемъ говорить вамъ по прежнему о важности подчиненія разнымъ формальностямъ, инструкціямъ и уставнымъ распорядкамъ вашего учебнаго времени въ школѣ, и что чѣмъ строже и добровольнѣе будетъ это подчиненіе, тѣмъ больше будетъ успѣха въ вашихъ занятіяхъ, и тѣмъ серьезнѣе и плодовитѣе будетъ польза вашего пребыванія въ стѣнахъ учебнаго заведенія. Вотъ теперь вы, можетъ быть, собственнымъ, хотя кратковременнымъ, но живымъ и наглядымъ опытомъ могли извѣдать, что если въ школѣ многое не хочется дѣлать потому именно, что велятъ это дѣлать, что къ этому обязываютъ и принуждаютъ, — то это не значитъ, что дѣло пойдетъ непремѣнно успѣшно и горячо, какъ скоро человѣку предоставлена будетъ возможность самостоятельно опредѣлять себя къ дѣятельности. Во время вакаціи вы могли очень хорошо усмотрѣть на себѣ, что подневольное и обязательное дѣло можетъ всетаки безостановочно идти впередъ, слѣдовательно безостановочно подвигать человѣка къ усовершенствованію, тогда-какъ добровольное дѣло можетъ стоять на одномъ мѣстѣ, или же двигаться почерепашьи, чтобы потомъ совершенно остановиться. Я впрочемъ не хочу обусловливать своихъ словъ вашимъ вакаціоннымъ опытомъ. Все равно принимались ли вы дома за какое нибудь дѣло, или не принимались, а только прохлаждались все это время въ деревенскомъ привольи,—но дѣло давнымъ давно извѣстное, что успѣхъ всякой работы и всякихъ занятій, въ особенности учебныхъ и умственныхъ, и особенно въ періодъ воспитанія и возрастанія, когда въ человѣкѣ еще не окрѣпла сила воли и не сложились здравыя и разумныя привычки,—успѣхъ—говорю—преимущественно школьнаго и учебнаго дѣла ничѣмъ такъ не обезпечивается, какъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ учебныхъ предметовъ и времени учебныхъ занятій, а рав-

но и строгою дисциплиною въ исполненіи положенныхъ учебныхъ программъ и школьныхъ инструкцій. Итакъ я прошу васъ посерьезнѣе принять къ сердцу съ наступающаго учебнаго года, что вамъ не только пришло время приняться со всѣмъ усердіемъ за прерванное вакаціей ваше учебное дѣло, но сознательно и благодушно взять за руководство въ вашихъ занятіяхъ тѣ именно правила и порядки, которые составлены нами для васъ и узаконены на основаніи общаго устава для всѣхъ духовныхъ семинарій. Съ нынѣшняго учебнаго года вы снабжены будете достаточнымъ количествомъ даже печатныхъ экземпляровъ этихъ правилъ; такъ-что вамъ остается только заглядывать въ нихъ почаще, чтобы провѣрять по нимъ вашу учебную жизнь и приноровлять ее къ нимъ, какъ своему идеалу. Существуетъ, какъ вамъ и намъ очень хорошо извѣстно, довольно сильное предъубѣжденіе, особенно у молодежи, противъ всякихъ инструкцій, росписаній и уставныхъ правилъ. Все это нравится вамъ обзывать, со словъ разныхъ незрѣлыхъ, а иногда и несовсѣмъ благонамѣренныхъ людей, сухимъ формализмомъ, въ смыслѣ чего-то дурнаго и подавляющаго. Любой изъ васъ непрочь иной разъ полиберальничать на тотъ счетъ, что буква-де убиваетъ, и что мало ли чего пишется и предписывается, да не все то приложимо и исполнимо на практикѣ. Все это, если сколько нибудь справедливо, то лишь въ смыслѣ временнаго отступленія отъ уставныхъ правилъ по разнымъ исключительнымъ и законнымъ поводамъ, вызываемымъ то обычною и простительною слабостію и колебаніями человѣческой воли, то разными природными особенностями отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, то просто какими нибудь характерными и отдѣльными случаями,—кто же этого не знаетъ и не имѣетъ въ виду? Но вообще унижать правила и уставы, составляемые для руководства и облегченія человѣческихъ волей, и сводить ихъ на бездушный формализмъ,—большая и небезопасная ошибка. То справедливо, что *для праведника законъ не лежитъ*, т. е. не существуетъ; но потому именно, что праведникъ слишкомъ точно и притомъ совершенно добровольно его исполняетъ. О еслибы побольше среди людей было праведниковъ! Тогда дѣйствительно ослабѣла бы и даже прекра-

тилась бы нужда въ таковыхъ уставахъ и правилахъ. Но тѣмъ то обыкновенно и вызываются всѣ эти уставы и правила, что мало слишкомъ видится среди людей честнаго и трезваго отношенія къ долгу и этой внутренней добровольной праведности. Помните ли, какъ говорится насчетъ этого въ писаніи? *Что убо законъ? преступленій ради приложися*. Это же можно сказать и о школьныхъ законахъ. Не будь небрежныхъ, лѣнивыхъ и безпечныхъ учениковъ, — не надо бы для школы и никакихъ правилъ и инструкцій; а намъ осталось бы только любоваться на васъ, да помогать вамъ въ вашихъ занятіяхъ. Между тѣмъ извѣстно, что небрежныя и лѣнивыя лица въ особенности и любятъ обзывать формализмомъ все, чѣмъ побуждаются они отъ праздныхъ словъ и благовиднаго болтанья къ надлежащей и серьезной дѣятельности; а тѣхъ людей, отъ которыхъ идутъ эти побужденія, сіи малоцѣнные и праднословные труженики съ смѣшнымъ задоромъ клеймятъ формалистами и лицемѣрно упираютъ на то, что нужно де обращать больше вниманія не на видимость, а на сущность и результаты ихъ трудовъ и занятій, питая при семъ скрытную и справедливую надежду, что до этой сущности, т. е. до нихъ самихъ, довольно-таки не легко и не скоро можно добраться, особенно въ толпѣ подобныхъ имъ по рьяности дѣятелей. А не слѣдовало бы забывать такимъ наивнымъ маскирователямъ своей лѣни и безпорядочности, что исправное и аккуратное исполненіе школьныхъ и учебныхъ формальностей весьма часто обезпечиваетъ именно эту сущность дѣла, объ которой они только праднословятъ, но сердцемъ своимъ не радѣютъ, и можетъ быть даже не понимаютъ хорошенько и не видятъ. «Въ маломъ и не важномъ былъ еси мнѣ вѣренъ,—сказалъ евангельскій домовладыка честному и вѣрному своему приставнику,—надъ многими тя поставлю, и во многомъ и важномъ тебѣ повѣрю. А если нѣтъ,—то ты лѣнивый и лукавый рабъ, даже самъ себя силящійся обмануть». Но я кажется слишкомъ распространился для васъ объ дѣлѣ совершенно простомъ, и какъ мнѣ думается, яснымъ по существу своему для вашей юношеской совѣсти и добраго сердца вашего. Что ни говори, а безъ порядка и безъ обще-обязательной правильности и точности въ занятіяхъ

вашихъ—эти занятія шибко не пойдутъ. Я хотѣлъ было только слегка напомнить вамъ объ этомъ послѣ вашего вакаціоннаго роздыха; но не слегка относясь къ вашей учебной пользѣ, я невольно какъ-то увлекся къ нѣкоторой настойчивости въ своихъ напоминаніяхъ и совѣтахъ для сегоднешняго дня. Да будетъ это во благо вамъ!

Дайте однакоже сказать мнѣ въ заключеніе и еще нѣсколько словъ о томъ, чего мимоходомъ только пришлось коснуться по поводу предстоящихъ вамъ учебныхъ трудовъ. Этихъ трудовъ,—будь они самые рьяные и правильные,—я и представлять даже не хочу безъ успѣховъ вашихъ по части нравственнаго и сердечнаго вашего воспитанія,—и объ этомъ-то мнѣ хотѣлось бы внушить вамъ кое-что при настоящемъ случаѣ. Я не о томъ имѣю въ виду говорить вамъ, и не къ тому склонять васъ, что вы должны паче всего хлопотать въ школѣ о своей нравственности, честности, благоговѣйности, религіозности и т. д.,—какъ подобаетъ благовоспитаннымъ юношамъ, и въ особенности духовнымъ юношамъ, готовящимся на служеніе церкви,—кто же изъ васъ въ этомъ не убѣжденъ и кому бы изъ васъ не хотѣлось быть тѣмъ, чѣмъ велитъ быть ваша собственная совѣсть, что заповѣдуетъ всѣмъ намъ святая религія Христова? Обо всемъ этомъ, значитъ, и говорить излишне; тѣмъ болѣе, что все это подробно и наглядно изложено въ вашихъ правилахъ поведенія. Но мнѣ опять хотѣлось бы провести и въ этомъ отношеніи нѣкоторую параллель между вашимъ житьемъ подъ нашей опекой въ школѣ и между житьемъ вашимъ безъ этой опеки и надзора,—вотъ какъ жили вы въ истекшую вакацію. Ну что же? Которая жизнь благопріятнѣе и безопаснѣе для вашей нравственности: тамъ ли за глазами у насъ, или здѣсь въ школѣ? Не думайте, пожалуйста, что этотъ вопросъ я ставлю въ полной увѣренности, что безъ насъ тамъ вы вели себя какъ-нибудь плохо, или по крайней мѣрѣ хуже, чѣмъ здѣсь въ нравственномъ отношеніи. Я очень помню, что для многихъ изъ васъ нашъ надзоръ съ избыткомъ замѣнялся прекраснымъ и попечительнымъ надзоромъ вашихъ родителей и родственниковъ; а многіе изъ васъ уже довольно тверды и самостоятельны въ нравственномъ отно-

шеніи, такъ что не особенно и нуждаются въ какомъ-нибудь надзорѣ и умѣютъ уже ходить безъ помочей по стезѣ доброй нравственности. Все это я съ удовольствіемъ принимаю въ соображеніе. Даже я не сталъ бы много противорѣчить, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ васъ, если бы на мой вышепоставленный вопросъ вы высказались въ пользу сравнительнаго преимущества своей жизни домашней предъ школьною; ибо дѣйствительно въ благоустроенной домашней жизни есть много добрыхъ и ничѣмъ незамѣнимыхъ сторонъ, благопріятствующихъ успѣхамъ нравственнаго воспитанія. Но вопервыхъ не про всякій домъ и не про всякую домашнюю обстановку сказать это можно. Иной разъ школа является положительно спасительницею молодому человѣку отъ домашнихъ соблазновъ и домашней распущенности. А вовторыхъ мы рѣшаемъ здѣсь вопросъ не теоретически, а лишь въ практическомъ примѣненіи лично къ вамъ. Что и разсуждать о какихъ бы то ни было преимуществахъ домашняго воспитанія предъ школьнымъ, когда всѣмъ вамъ судьба велитъ и учиться и воспитываться большую часть вашего времени въ школѣ? Объ этой школѣ значитъ и говорить теперь надо по преимуществу,— вотъ и хочется мнѣ внушить вамъ, что не всегда безпристрастны и справедливы бываете вы, молодые люди, въ сужденіяхъ своихъ о прилагаемыхъ къ вамъ воспитательныхъ мѣрахъ въ школѣ. Вамъ то главнымъ образомъ можетъ показаться неблаговиднымъ въ школѣ, что то и дѣло извлекаются изъ вашей толпы на сцену разные виновники и нарушители то одного, то другаго изъ предписанныхъ вамъ правилъ; приходится вамъ постоянно опасаться, не попасться бы въ число этихъ виновниковъ, не приписали бы вашей винѣ большаго значенія, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, приходится вамъ постоянно держать предъ нами отвѣтъ за свои проступки, и—то извиняться, то оправдываться, а то и нести разныя наказанія, или же навлекать на себя разныя подозрѣнія, непріятныя уже по тому одному, что надо потомъ усиливаться разсѣять и изгладить эти подозрѣнія; а случаевъ навлечь на себя подозрѣніе въ чемъ-нибудь недобромъ и нежеланномъ въ толпѣ и при школьномъ многолюдствѣ всегда бываетъ, какъ извѣстно, гораздо больше, чѣмъ случаевъ зарекомендовать себя

съ какой-нибудь выдающейся и прекрасной стороны. Все это конечно можетъ нарушать ваше спокойное настроеніе и до нѣкоторой степени мѣшать свободнымъ усиліямъ и движеніямъ нѣкоторыхъ изъ васъ къ нравственному самоусовершенствованію. Между тѣмъ дома и на свободѣ всѣмъ большею частію приходится имѣть дѣло и счеты, хоть и на короткое время, съ одною только своею совѣстію. Вотъ на этомъ то послѣднемъ и наиважнѣйшемъ обстоятельствѣ я и останавливаю ваше вниманіе. Что же, высоко ли вы поднимались въ своихъ собственныхъ глазахъ всякій разъ, когда приходилось имѣть вамъ дѣло съ одною своею совѣстію? Тѣ ваши проступки и нарушенія начертанныхъ внутри насъ правилъ строгой нравственности, которыя остались никѣмъ невидимы и совершенно безнаказанны для васъ, ушли ли отъ васъ безслѣдно и облегчили ли вамъ будущее ваше нравственное преуспѣяніе? Не думаю. Потому что всѣ такого рода секретные и безнаказанные проступки,—все равно большаго или малаго они свойства,—падаютъ куда-то внутрь души нашей, и тамъ на самомъ днѣ ея постепенно накапливаютъ все больше и больше тяжести и гнета, а внутреннее сознаніе съ горечью подсказываетъ, что за эту тяжесть когда то все же придется раздѣлываться, и сбросить ее какимъ-нибудь образомъ все же надо, чтобы не дойти до чего-нибудь очень худаго. Безнаказанный и незамѣченный проступокъ,—все равно, что не уплоченный долгъ для честнаго человѣка. И чѣмъ больше этихъ долговъ накапливается, и чѣмъ чаще они повторяются,—тѣмъ человѣку труднѣе конечно живется. И мнѣ кажется, что человѣку, еще не выросшему до извѣстной степени нравственной зрѣлости,—каковы всѣ школьники,—и не успѣвшему выработать настолько силы характера, чтобы самоотверженно и честно обвинять себя за свои проступки на судѣ своей совѣсти и затѣмъ въ самомъ же себѣ находить средства и силы къ возстановленію поколебленнаго нравственнаго равновѣсія,—такому—говорю—человѣку, т. е. всякому юношѣ и возрастающему мальчику, гораздо проще и безопаснѣе не самому сводить счеты съ своею совѣстію, а быть вызываему на эти счеты постороннею и конечно благожелательною силою. И чѣмъ аккуратнѣе и строже эти счеты будутъ вестись, — тѣмъ

разумѣется дѣло будетъ чище для молодаго человѣка. Ничего, что иной разъ позовутъ его для этихъ счетовъ не во время, что потребуютъ отъ него немедленнаго удовлетворенія за его проступокъ, а ему хотѣлось бы оттянуть и позамять дѣло; ничего, что иной разъ и строгонько съ нимъ поступятъ. Но за то съ очищенной совѣстью онъ выдетъ послѣ этого опыта, если по несчастію не притупилась чуткость его совѣсти предварительными частыми случаями безнаказанныхъ и секретныхъ проступковъ. За то явится въ немъ нѣкоторая опасливость за свои проступки и нѣкоторая доля самонаблюденія, дабы избѣгать ихъ по возможности на будущее время; а это во всякомъ случаѣ большая выгода для воли еще молодой и только-что собирающейся съ силами для самостоятельной нравственной дѣятельности. Вамъ самимъ, я думаю, случалось наблюдать такого рода явленіе, что иной уже довольно таки посбившійся съ толку человѣкъ, пока на него никто не смотритъ и пока все сходитъ ему съ рукъ до поры до времени безнаказанно, только и дѣлаетъ, что повторяетъ свои проступки, какъ будто въ этомъ его любимое удовольствіе и какъ будто съ ними онъ уже сроднился и сжился до крайняго обезсиленія своей воли взять другое лучшее направленіе. Но лишь только онъ извлекаемъ бываетъ, или рукою Божіею или правосудіемъ человѣческимъ, изъ тьмы грѣшнаго своего приволья и безнаказанной распущенности на свѣтъ закона и совѣсти, и лишь только повлекутъ его къ отвѣтственности,—какъ въ немъ является и конфузливость и страхъ за свои дѣянія и сознаніе ихъ непристойности и желаніе стать отселѣ на прямой и твердый путь честности и добропорядочности. Одни только развѣ изверги какіе-нибудь вконецъ испорченные не испытываютъ этихъ чувствъ. Все это вамъ надо имѣть въ виду и принимать въ соображеніе. Непріятны конечно эти учащенные выговоры, эти внушенія и наказанія, этотъ постоянный дозоръ и смотрительство за вашимъ поведеніемъ; но надо знать и помнить истинное значеніе этихъ непріятностей. Всякую встрѣчу свою съ начальствомъ и воспитателями по поводу разныхъ своихъ проступковъ и прегрѣшеній вы должны понимать и представлять не иначе, какъ встрѣчу съ своею собственною совѣстію; ибо всѣ приставъ-

ники и надзиратели ваши, по своей идеѣ, должны быть ничѣмъ инымъ, какъ именно вашею олицетворенною совѣстію. Непріятность и щекотливость этихъ встрѣчъ до нѣкоторой степени, значитъ, неизбѣжна по существу своему. Все равно, кто бы ни были ваши начальники; но если они не равнодушны къ своимъ обязанностямъ и строго понимаютъ свою идею, то не чѣмъ инымъ должны быть для васъ, какъ вашею олицетворенною совѣстію, и значитъ—всегда болѣе или менѣе докучливыми и нежеланными судьями. Посудите же теперь сами безпристрастно, слѣдуетъ ли вамъ хлопотать особенно о томъ, чтобы эта внѣшняя такъ сказать совѣсть ваша была столь же мягка, уступчива, молчалива и забывчива, какъ зачастую бываетъ у насъ съ вами наша собственная внутренняя совѣсть? Вы видите, что въ этомъ случаѣ мы и себя отъ васъ не отдѣляемъ; ибо отнюдь не желаемъ фарисейски скрывать своихъ немощей, а это потому, что отнюдь не желаемъ быть какими нибудь притѣснителями и суровыми судьями вашими, а единственно радѣемъ о вашей общей нравственной пользѣ. Повѣрьте же намъ, что люди поднадзорные и отчасти подневольные, вотъ какъ вы въ своей школѣ, дѣлаютъ иной разъ гораздо больше добрыхъ и разумныхъ дѣлъ и вообще живутъ правильнѣе и болѣе по-человѣчески, чѣмъ люди, которыхъ къ этимъ дѣламъ должна бы кажется обязывать ихъ ничѣмъ не стѣсняемая свобода нравственная и ихъ относительная зрѣлость и развитость. Значитъ свое положеніе вы отнюдь не должны считать какимъ-нибудь худымъ или мало благопріятнымъ для нравственнаго своего развитія. Нѣкоторая подневольность вашихъ добрыхъ дѣлъ и вашей порядочности отнимаетъ пока у нихъ лишь нѣкоторую долю цѣны; и огорчаться этимъ отнюдь не приходится людямъ, находящимся въ періодѣ воспитанія; потому что отъ вашего добраго и сознательнаго произволенія вполнѣ зависитъ усвоить своему доброму поведенію всю нравственную его цѣну.

Съ этими мыслями я и приглашаю васъ, помолясь Господу Богу, приняться снова за свои ученическія дѣла въ наступившемъ учебномъ году. Господь своею всесильною благодатію и милостію да будетъ вашимъ помощникомъ!... Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ *).

(1 марта 1881 г.).

Ежегодно совершаемый въ нынѣшній день православною церквію обрядъ, свидѣтелями котораго мы будемъ черезъ нѣсколько минутъ, принадлежитъ къ чрезвычайнымъ дѣяніямъ церковнымъ. Многихъ простодушныхъ и отъ природы мягкосердечныхъ людей онъ приводитъ даже въ недоумѣніе; ибо изъ устъ церкви, обычно молящейся за чадъ своихъ и изрекающей миръ на людей Божіихъ, слышится нынѣ анаѳема. Люди же наименѣе расположенные къ церкви и болѣе дерзновенные позволяютъ себѣ открыто выражать негодованіе на кажущуюся имъ суровость и жестокость сегоднешняго обряда церковнаго. Они самоувѣренно объявляютъ, что съ самимъ духомъ евангелія несогласно будто-бы это анаѳематствованіе живыхъ и умершихъ людей, какъ-бы дурны они ни были, и какъ бы много зла ни надѣлали въ своей жизни. Есть еще и такіе люди, которые, хвастливо присвояя себѣ званіе людей развитыхъ и просвѣщенныхъ и привыкши все видимое и слышимое подвергать своей личной критикѣ, — столь высокомѣрны въ своемъ равнодушіи ко всему церковному, что не придаютъ никакого серьезнаго значенія церковной анаѳемѣ, и смотрятъ съ высоты своего ученаго величія на нынѣшній обрядъ церковный такъ, какъ бы онъ нисколько ихъ не касался, насмѣшливо представляютъ его устарѣвшимъ нѣкоторымъ лицедѣйствомъ, не могущимъ устрашить въ нынѣшнее время никого кромѣ одной невѣжественной и сѣрой толпы народной. Не въ защиту церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины и не нуждается ни въ какой защитѣ, намѣрены мы сказать свое немощное слово. Но есть нужда успокоить недоумѣвающихъ, обличить лицемѣрныхъ и, если можно, вразумить невѣрующихъ.

Итакъ первое наше слово къ недоумѣвающимъ. Ихъ поражаетъ грозное слово «анаѳема», слышимое изъ устъ благосердной къ

*) Напечатано въ 6-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1881 г.

чадамъ своимъ церкви Христовой. Недоумѣніе, гнетущее душу и сердце этихъ добрыхъ и чувствительныхъ людей, происходитъ, сколько намъ извѣстно, изъ неправильнаго пониманія слова «анаѳема». Греческое это слово, по укоренившемуся словоупотребленію въ нашемъ русскомъ языкѣ, стало равносильно слову «проклятіе»; такъ-что многіе безъ всякаго различія употребляютъ эти два слова одно вмѣсто другаго. Напр. вмѣсто того, чтобы сказать: «былъ ли ты сегодня на торжествѣ православія», или: «слышалъ ли анаѳематствованіе», — говорятъ часто: «былъ ли ты на проклятіи? слышалъ ли, какъ сегодня проклинали»? Слово же «проклятіе» содержитъ въ себѣ дѣйствительно нѣчто ужасное. Оно подаетъ мысль о конечной погибели человѣка, привлекшаго на себя грозный судъ Божій, мысль объ адѣ и рѣшительномъ отчужденіи человѣка отъ благодати Божіей. Такой участи подвергся было весь родъ человѣческій, въ лицѣ падшаго своего праотца Адама, еслибы Сынъ Божій не снялъ съ насъ этого проклятія, самъ *бывъ по насъ клятва*, и еслибы не поразилъ онъ крестомъ и смертію своею нашу смерть и нашъ прародительскій грѣхъ. Такой же участи, т. е. проклятію во всемъ ужасномъ смыслѣ этого слова подвергся безвозвратно исконный врагъ рода человѣческаго—діаволъ и ангелы его съ ожесточенными и погибшими сынами человѣческими. Но слово «анаѳема» съ греческаго языка значитъ собственно «отлученіе или запрещеніе». Такимъ образомъ анаѳематствуя нѣкоторыхъ людей, церковь лишь торжественно провозглашаетъ, что она отсѣкаетъ этихъ людей отъ своего общенія, что они съ этой минуты перестаютъ быть ея членами и предоставляются собственной своей совѣсти и участи. Значитъ церковь дѣлаетъ въ семъ случаѣ тоже самое, какъ иной разъ люди, дорожащіе своею честію и безопасностію, отказываютъ отъ дому людямъ зловреднымъ и безнравственнымъ. Кто можетъ упрекнуть въ жестокости и несправедливости домохозяина за то, что онъ прекращаетъ общеніе съ людьми, по его усмотрѣнію опасными для чести и благостоянія его семьи? Это его неотъемлемое право, и даже прямой долгъ благоразумія. Такъ же поступаетъ и церковь съ людьми упорными и закоренѣвшими въ своей сознательной враждебности по отношенію къ ней. Но, от-

сѣкая таковыхъ членовъ отъ своего общенія, св. церковь въ то же время молится *о еже силою Св. Духа обратити всѣхъ отступльшихъ къ познанію истины, и сопричести къ избранному своему стаду.* Съ прискорбіемъ и тугою сердечною совершая обрядъ анаѳематствованія, св. церковь такъ однакоже взываетъ къ главѣ своей, Господу Іисусу Христу: *Не хотяй смерти грѣшныхъ, но ожидаяй обращенія и покаянія! Обрати всѣхъ отступльшихъ къ св. твоей церкви,—молимтися, милосердный Господи, услыши и помилуй!... Премилосердный и всесильный, не до конца гнѣваяйся Господи! просвѣти заблуждающимся разумныя очи свѣтомъ твоимъ божественнымъ, да уразумѣютъ твою истину; умягчи ихъ ожесточеніе, и отверзи слухи, да познаютъ гласъ твой, и обратятся къ тебѣ, Спасителю нашему* (Смот. послѣд. въ нед. православ.). Вотъ истинный духъ и подлинное значеніе церковныхъ отлученій и запрещеній, слышимыхъ ежегодно въ нынѣшній день. Анаѳематствуя, т. е. отлучая отъ своего общенія явныхъ и упорныхъ враговъ своихъ, или-что тоже — враговъ Христовыхъ, она отнюдь не посылаетъ ихъ въ геенну и не проклинаетъ; а только предоставляетъ ихъ непосредственному и невидимому суду Божію, и во всякое время готова снова принять ихъ подъ свое водительство и попеченіе, если они раскаются и обратятся къ ней.

Теперь пусть выслушаютъ нѣсколько словъ лицемѣрные.

Это тѣ, которые дѣлая видъ, что благоговѣютъ предъ ученіемъ Христа Спасителя и жслали бы руководствоваться подлинными словами евангелія, находятъ, что анаѳематствованіе какихъ бы то ни было людей несогласно будто-бы съ самимъ духомъ евангелія, каждая строка котораго проникнута одною только всепрощающею любовію къ людямъ. Лицемѣріе здѣсь въ томъ, что быть не можетъ, чтобы люди, любящіе Христа Спасителя и знакомые съ его ученіемъ по евангелію, не знали бы слѣдующихъ словъ его: *если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, поди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата твоего. Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово.*

Если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви. А если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь! Слышите: *какъ язычникъ и мытарь,* т. е. какъ отлученный, отпадшій отъ тѣла церкви! А дальше Господь присовокупляетъ своимъ апостоламъ, а черезъ нихъ и преемникамъ ихъ предстоятелямъ церкви, слѣдующія замѣчательныя и грозныя слова объ отлученныхъ и отпадшихъ отъ церкви: *истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, будетъ связано на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ* (Матѳ. XVIII, 15—18). Итакъ отъ самого Господа дана пастырямъ церкви власть вязать и рѣшить души пасомыхъ, и притомъ такъ, какъ будто-бы черезъ нихъ онъ дѣлалъ это самъ. Если же дана такая власть; то затѣмъ-ли, чтобы никогда ею не пользоваться. Пусть же знаютъ, что обвиняющіе церковь въ суровости за анаѳематствованіе нераскаянныхъ и упорныхъ богохульно обвиняютъ въ томъ самого Христа Спасителя, за котораго они лицемѣрно желаютъ въ семъ случаѣ только укрыться.

Не трудно однакоже догадаться, откуда происходятъ всѣ эти лицемѣрныя ссылки на евангеліе и на всепрощающую любовь Христа Спасителя. Грозная анаѳема, слышимая въ церкви, напоминаетъ безпечнымъ и коснѣющимъ во грѣхахъ людямъ, что есть на небѣ праведный судъ Божій, висящій надъ всѣми нечестивыми, но до времени еще не открывающійся; что придетъ пора предстать всѣмъ на этотъ судъ,—а совѣсть втайнѣ подсказываетъ, что придется пожалуй оказаться въ числѣ осужденныхъ и слѣдовательно погибшихъ,—непріятныя и страшныя напоминанія! Вотъ и хотѣлось бы лѣнивымъ и нерадивымъ людямъ совсѣмъ устранить и изгладить эти непріятныя напоминанія. Вотъ и кажется, что обрядъ анаѳематствованія въ недѣлю православія не согласенъ съ духомъ любви христіанской и заповѣдью Христовой о снисходительности къ немощамъ человѣческимъ. Но развѣ о немощахъ здѣсь идетъ рѣчь, и развѣ случайно падающихъ и заблуждающихся анаѳематствуетъ церковь? Вотъ кому возглашается анаѳема: отрицающимъ бытіе Божіе и богохульствующимъ на Бога, якобы онъ не духовенъ, не праведенъ, не милосердъ, не всевѣдущъ и т. под.; дерзающимъ говорить, что Сынъ Божій

не равночестенъ Отцу и Духу Св., что для спасенія нашего не нужно было воплощенія Сына Божія, что пречистая матерь Божія, ни прежде, ни послѣ рождества Христова не была дѣва, отрицающимъ безсмертіе души и говорящимъ, что не будетъ кончины вѣка, суда будущаго и воздаянія вѣчнаго за добродѣтели на небѣ, а за грѣхи осужденія; не признающимъ св. таинствъ церкви, т. е. крещенія, причащенія, священства и другихъ; отвергающимъ соборы св. отцевъ, и прочимъ богохульникамъ и сознательнымъ и упорнымъ врагамъ Христа Спасителя и созданной имъ церкви! Все это и суть тѣ погибающіе мытари и язычники, съ которыми, по слову самого милосердаго Господа Іисуса Христа, ничего не остается дѣлать церкви, какъ отсѣчь и отринуть ихъ, какъ мертвые и зараженные неисцѣлимымъ недугомъ члены, и прекратить съ ними всякое общеніе дабы сохранить отъ заразы здоровые члены. Что дѣлать, что они сами создаютъ для себя такую горькую необходимость? Не всѣ ли грѣхи рода человѣческаго подъялъ на себя Сынъ Божій, не за всѣхъ ли онъ страдалъ, проливалъ кровь свою на крестѣ? Однако онъ же самъ возгласилъ, что много, очень много людей идутъ и пойдутъ путемъ погибельнымъ въ муку вѣчную, и одни только праведники и спасаемые въ животъ вѣчный. Кого здѣсь винить, и на кого жаловаться,—разсудите сами!...

Остается сказать нѣсколько словъ тѣмъ, которые не только не безпокоятся нимало о грозной анаѳемѣ церковной, но и относятся къ ней съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ, высокомѣрно считая ее одной только угрозой, страшной будто-бы для однихъ темныхъ и неразвитыхъ людей, а не для такихъ ученыхъ и независимыхъ, какъ они. Нравственное состояніе этихъ безстрашныхъ людей очевидно самое опасное. Потому и нѣтъ въ нихъ страха къ церковнымъ прещеніямъ, что нимало нѣтъ у нихъ любви къ св. церкви, нѣтъ благоговѣнія къ ея священнодѣйствіямъ, нѣтъ уваженія къ ея уставамъ и заповѣдямъ,—однимъ словомъ, нѣтъ въ ихъ сердцѣ никакой уже нравственной и религіозной связи съ церковію. Она имъ болѣе не мать, а они не хотятъ и сами быть ея дѣтьми. Конечно, какое дѣло до анаѳемъ церковныхъ какому-нибудь татарину, еврею, язычнику и

вообще иновѣрцу? Подобны имъ и тѣ, которые хотя числятся въ стадѣ Христовомъ и именуются христіанами, но по жизни и убѣжденіямъ своимъ совершенно чужды Христовой церкви? Для нихъ совершенно безразличны не только церковныя и соборныя опредѣленія, но и слова Христа Спасителя, напр. о томъ, что связанное церковію на землѣ будетъ связано и на небѣ, а разрѣшенное на землѣ властію іерарховъ, будетъ разрѣшено и на судѣ небесномъ; всему этому они не вѣрятъ, потому что потеряли вѣру въ самого Христа Спасителя. Что же сказать намъ этимъ людямъ? Убѣждать ихъ къ вѣрѣ и разъяснять имъ заблужденія ихъ,—очевидно дѣло безполезное. Это поистинѣ люди, подобные книжникамъ и фарисеямъ, которыхъ училъ и убѣждалъ самъ Христосъ Спаситель,—а они всетаки остались глухи къ его проповѣди. Это люди, о которыхъ сказалъ псалмопѣвецъ, что они очи имутъ—и не видятъ, уши имутъ и не слышатъ, ноздри имутъ и не обоняютъ. Они уже сами себя отлучили отъ церкви. Надо предоставить ихъ собственной участи и суду ихъ собственной совѣсти, ибо и Господь Іисусъ Христосъ никого насильно не привлекалъ къ себѣ, а только приглашалъ и убѣждалъ идти за собою: *аще кто хощетъ идти по мнѣ... да грядетъ вслѣдъ мене!* Мы можемъ только сожалѣть объ этихъ заблудшихъ, впрочемъ отнюдь не проклиная и не отсылая ихъ въ геенну, и молиться вмѣстѣ съ церковію, да коснется Господь своею благодатію ума ихъ, и да сокрушитъ окаменѣніе сердецъ ихъ. При всемъ томъ мы не можемъ обойти своей обязанности сказать въ нынѣшній день и этимъ отчуждившимся сынамъ церкви нѣсколько словъ, направляя ихъ между прочимъ и къ тѣмъ, которые можетъ быть только еще стоятъ на этомъ пути добровольнаго отчужденія, хотя и не совсѣмъ еще порваны узы, связующіе ихъ съ церковію. «Вы самодовольные пока и спокойные въ своемъ невѣріи! Вы, изобрѣтающіе для себя пути жизни и убѣжденія внѣ правилъ и ученія церковнаго! Что, если вся ваша философія окажется ошибкой въ концѣ жизненнаго пути вашего? Не можете же вы отвергать несомнѣнной и дознанной вѣками истины, что умъ человѣческій, предоставленный самому себѣ, можетъ жестоко ошибаться. Что, если на смертномъ одрѣ просвѣтлѣютъ очи

вашей совѣсти, чтобы увидѣть и постигнуть къ какому ужасному концу привело васъ отчужденіе отъ водительства церкви, отъ ея святыхъ таинствъ и ея ученія? Согласно съ вашей всеотрицающей и ни во что духовное и небесное не вѣрующей философіей, вы полагаете, что конецъ земной жизни человѣка есть и конецъ его бытія; что за предѣлами смерти ничего нѣтъ, кромѣ ничтожества. Но что, если все это не такъ? Что, если по смерти есть иная жизнь, есть судъ и праведное воздаяніе *комужде по дѣломъ его*,—есть все, чему учитъ св. церковь послушныхъ и вѣрующихъ сыновъ своихъ? Въ какомъ ужасномъ и безвозвратномъ положеніи окажетесь вы! Люди, никогда не принадлежавшіе къ стаду Христову, не возрожденные водою и духомъ и не оглашенные евангельскимъ ученіемъ, еще могутъ сказать въ свое оправданіе, что они не знали и не имѣли возможности знать о Христѣ Спасителѣ? И можетъ быть имъ предложены будутъ тамъ на небѣ нѣкоторые невѣдомые способы спасенія о томъ же Христѣ Спасителѣ; но что скажете въ свое оправданіе вы, нѣкогда омытые водами крещенія и носившіе на себѣ имя Христово, но добровольно и сознательно отвергшіеся Христа и его св. церкви? Вы будете осуждены въ пренебреженіи и упорствѣ противъ истины евангелія, сіявшей подобно солнцу въ мірѣ Божіемъ, т. е. въ хулѣ на Духа Святаго,—въ этомъ ужасномъ грѣхѣ, который, по непреложному слову Христову, не отпустится ни въ сей, ни въ будущей жизни. О да минуетъ васъ сія горькая чаша, пока еще не приблизилось время пить ее!

А мы, братія, благодатію и милостію Божіею состоящіе до сей поры въ живомъ союзѣ съ церковію, будемъ крѣпче держаться за ея руководящую десницу, несмотря на змѣиную лесть высокомѣрныхъ порицателей ея. Будемъ смиренно прибѣгать къ ней съ своими немощами душевными и съ сокрушеніемъ сердечнымъ исповѣдывать ей грѣхи свои, чтобы къ концу своей жизни явиться на судѣ Божіемъ омытыми и оправданными. Будемъ руководствоваться въ своемъ поведеніи святыми правилами церкви, и жить только по ея законамъ и указаніямъ, не прельщаясь никакой иной философіей, какъ бы обольстительна и умна ни казалась она, и какую-бы широкую свободу жизни она ни обѣщала

намъ. О, какъ многихъ сгубило это грѣшное приволье и свобода и эта горделивая независимость отъ церкви *окованныхъ сердцемъ*, т. е. холодныхъ и безчувственныхъ какъ желѣзо ученыхъ мудрецовъ вѣка сего, измышляющихъ себѣ иные пути жизни и иныя убѣжденія, кромѣ церковныхъ и евангельскихъ! Знайте и помните, православные, что внѣ церкви и за ея оградою нѣтъ и быть не можетъ спасенія; ибо *нѣтъ иного имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися*, кромѣ имени Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія пролившаго за насъ кровь свою. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ семинаріи, послѣ пріобщенія Св. Таинъ.

(1-го марта 1881 г.).

Достолюбезные отроки и юноши! Вчера вы сподобились величайшаго дара Божія. Вы были на трапезѣ Господней, вкусили хлѣба небеснаго и пили чашу жизни и удостоились принять въ Св. Тайнахъ самого подателя и источника жизни, Господа Іисуса Христа. Отъ души привѣтствуя и поздравляя васъ съ этою великою милостію Господнею, сознаю долгъ и ощущаю потребность нѣсколько побесѣдовать съ вами по случаю пріятаго вами великаго дара благодатнаго. Я не былъ вашимъ отцомъ духовнымъ, не видѣлъ степени вашего сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ, степени углубленія во внутренній міръ своей души и совѣсти, степени серьезности и благоговѣнія наканунѣ величайшаго изъ христіанскихъ таинствъ, совершившагося надъ вами. И потому единому Господу сердцевѣдцу да вашей собственной совѣсти извѣстенъ тотъ подлинный смыслъ и характеръ, какимъ отозвалось въ нравственномъ строѣ вашемъ пріобщеніе Св. Христовыхъ Таинъ. Одно только знаю, что не смотря на единство дара,

*) Напечатано въ 12-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1881 г.

преподаемаго людямъ на трапезѣ Господней, неисчислимо разнообразны плоды его и слѣдствія для причастниковъ, соотвѣтственно разнообразію ихъ сердечныхъ настроеній и нравственной воспріемлемости. Могу предполагать и въ васъ это разнообразіе, не смотря на общность условій, среди которыхъ вы живете и воспитываетесь, и на юный возрастъ, который больше или меньше всѣхъ васъ уравниваетъ какъ въ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ нравственныхъ. Знаю еще то, что какимъ бы кто изъ васъ ни сознавалъ себя въ настоящую минуту, но ни для кого не прошелъ и не пройдетъ безслѣдно судъ Господень, на которомъ вы искали милости и прощенія у Господа предъ лицемъ свидѣтеля его, не останется безъ значенія то дерзновеніе, съ которымъ вы, по праву оправданныхъ на милостивомъ судѣ Господнемъ, пріобщались плоти Христа и пили кровь его. Но знаю и то наконецъ, что совѣсти нашей вообще естественно ужасаться величія дара, къ которому усиленно зоветъ и привлекаетъ насъ самъ Господь устами св. церкви, не смотря на наше недостоинство, на бѣдность и ничтожество нашихъ добрыхъ дѣлъ, и можетъ быть даже на боязливое нежеланіе идти на вечерю Господню съ такой неприготовленностію. По тому, что знаю, и буду говорить съ вами; но не для того, чтобы устрашить и нагнетать вашу юношескую совѣсть и судить васъ за ваши немощи, а чтобы помочь установиться вамъ на томъ спасительномъ пути, на который хотѣла васъ поставить св. церковь въ прошедшую недѣлю вашего говѣнія.

Въ настоящую минуту есть безспорно среди васъ такіе, въ которыхъ слышится довольно ощутительно вѣяніе благодати Божіей, привнесенной св. таинствами исповѣди и причастія, и въ которыхъ горитъ еще довольно ярко святая искорка религіи, только что возженная таинственнымъ единеніемъ со Христомъ Спасителемъ. О, какъ естественно свѣтиться сей искоркѣ въ юномъ сердцѣ, еще по инстинкту гнушающемся непотребствъ житейскихъ и не извѣдавшемъ всѣхъ темныхъ сторонъ привольнаго и погибельнаго пути грѣховнаго, по которому идутъ массы созрѣвшихъ и уже опытныхъ грѣшниковъ! Какъ естественно загорѣться сей искоркѣ въ юношѣ и отрокѣ, когда позоветъ его

къ себѣ Господь, и поставитъ лицемъ къ лицу съ святыми таинствами и обрядами церкви! Предполагая, что вижу въ вашей толпѣ предъ собой этихъ счастливыхъ и осѣненныхъ благодатію Божіею отроковъ и юношей, прошу и умоляю ихъ поберечь въ себѣ драгоцѣнный даръ Божій. Не дайте, други, ослабѣть и потухнуть горящей въ васъ искрѣ благодатной. Усиливайте ее въ себѣ благоговѣйнымъ настроеніемъ мыслей, усердной молитвой въ урочные часы вашей ежедневной жизни, внутреннимъ и сокровеннымъ памятованіемъ о Господѣ Богѣ, видящемъ всю душу и все наше поведеніе, обереганіемъ своего сердца отъ всего срамнаго и постыднаго, доброжелательнымъ и благороднымъ отношеніемъ ко всѣмъ окружающимъ васъ людямъ и товарищамъ и посильнымъ исполненіемъ своего учебнаго долга. Велико вліяніе на насъ суетной и развлекающей, и особенно товарищеской среды; а юность слишкомъ неустойчива въ своихъ настроеніяхъ и рѣшеніяхъ и слишкомъ отзывчива ко всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ и окружающимъ примѣрамъ; а иногда слишкомъ застѣнчива и робка, когда приходится обнаруживать и заявлять на дѣлѣ свои лучшія и сокровенныя нравственныя убѣжденія, особенно если они не во вкусѣ большинства, и особенно—когда приходится дѣйствовать въ одиночку. Здѣсь главное затрудненіе и опасность для добрыхъ и нравственныхъ юношей; но здѣсь же и высокій подвигъ для нихъ. Надо имъ покрѣпче и цѣльнѣе начертить себѣ идеалъ нравственнаго своего поведенія на всякіе искушающіе случаи, всегда предносить его въ мысли, чтобы потомъ держаться его не смотря ни на что, ни на какіе дружескіе совѣты и повидимому благожелательныя и резонныя увѣщанія. Впрочемъ нѣтъ нужды и трудиться вамъ надъ выдумываніемъ какихъ-нибудь особенныхъ и новыхъ идеаловъ. У насъ есть готовый общій и совершеннѣйшій идеалъ нашихъ нравственныхъ обязанностей,— это евангеліе Христа Спасителя. Въ немъ найдутъ и юноши и отроки все доступное себѣ, также какъ и мужи и старцы. Самое главное и важное здѣсь то, если юноша скажетъ въ сердцѣ своемъ: «возлюбилъ я тебя Господи паче всего, и отселѣ рѣшаюсь выше всякаго дружескаго, книжнаго и вообще человѣческаго авторитета, ставить твое слово и твой законъ; не промѣ-

няю Тебя ни на что и ни на кого,—и лобзанія іудина не дамъ Тебѣ»! Повѣрьте мнѣ, что такое сердечное и задушевное слово отзовется необыкновенной силой на всемъ строѣ вашего поведенія, создастъ подробныя правила на всякіе непредвидѣнные случаи, возьметъ верхъ надъ всякими внѣшними и развлекающими вліяніями, и даже покоритъ себѣ самыхъ легкомысленныхъ, разсѣянныхъ, строптивыхъ и высокомѣрныхъ вашихъ товарищей и пріятелей. А Господь все ближе и ближе будетъ къ вамъ, наконецъ придетъ къ вамъ и обитель у васъ сотворитъ, и впослѣдствіи явитъ васъ высокими героями добродѣтели.

Но можетъ быть есть среди васъ и такіе, которые не ощущаютъ въ себѣ ничего особеннаго послѣ исповѣди и причастія, какъ будто бы ничего новаго не произошло и лучшаго не случилось съ вами. Говѣнье прошло обычнымъ и заведеннымъ порядкомъ безъ особеннаго воскриленія духа, хотя и было можетъ быть желаніе настроить себя на молитвенный и покаянный ладъ. Исповѣдь была короткая, безъ особенныхъ волненій, недоумѣній и воздыханій, и потому не согрѣла души, хотя можетъ быть и была очень искренна и направлялась къ самообвиненію безъ самооправданія и самосожалѣнія. Къ св. чашѣ Господней шли вы какъ будто бы съ надлежащимъ благоговѣніемъ и страхомъ, но ощутительнаго прикосновенія Христовой благодати не оказалось въ сердцѣ послѣ вкушенія плоти и крови Христовой близь алтаря церковнаго. Не могу подлинно разъяснить таковымъ ихъ душевнаго состоянія. Можетъ быть оно въ самомъ дѣлѣ есть результатъ недостаточныхъ трудовъ надъ своей душою во время говѣнія, слабаго устремленія мысли и сердца къ Господу, обычной разсѣянности среди шума, смятенія и говорливой суетни въ общей безпечной толпѣ товарищеской. Но принять нужно и то къ свѣдѣнію, что внезапныхъ и видимыхъ переворотовъ во всемъ строѣ души нашей не бываетъ въ кратковременные сроки, какимъ бы усерднымъ и горячимъ подвигамъ не были они посвящены; и Господь не творитъ съ нами видимыхъ чудесъ по каждому случаю пользованія нашего святыми таинствами вѣры. Царствіе Божіе обыкновенно не приходитъ въ душу человѣческую *съ соблюденіемъ*, т. е. открыто и торжественно, но большею

частію тихо, незамѣтно и таинственно. Поэтому падать духомъ отъ ощущаемой холодности въ сердцѣ, и поддаваться равнодушному безразличію въ нравственномъ отношеніи, отдаваясь безнадежно на произволъ случайнаго и грѣшнаго теченія вещей, никакъ не слѣдуетъ никому изъ васъ—послѣ пріобщенія Св. Таинъ. Будьте увѣрены, что сѣмя новой и святой жизни уже брошено въ вашемъ сердцѣ; но нельзя, чтобы тотчасъ же оно выросло и сказалось обильными благими плодами во всѣхъ вашихъ чувствахъ и дѣяніяхъ. Пусть повидимому вы остаетесь тѣми же несовершенными, не горящими и претыкающимися даже и о малые соблазны и развлеченія,—какъ это вы чувствовали и сознавали въ себѣ и до принятія Св. Таинъ, но если вы имѣли и имѣете вѣру и любовь даже съ горчичное зерно, то не умретъ оно и не пропадетъ безъ слѣда подъ таинственнымъ вліяніемъ полученной вами благодати Божіей. Многимъ именно вредитъ эта поспѣшность, это нетерпѣливое ожиданіе всѣхъ даровъ благодатныхъ за одно кратковременное общеніе съ Спасителемъ во святыхъ таинствахъ, и это самоувѣренное задаванье слишкомъ многимъ вдругъ,—къ чему такъ склонна бываетъ вообще молодость въ своихъ стремленіяхъ и планахъ. Повторяю вамъ, что вдругъ оторваться отъ своей обычной обстановки и подняться до идеала и сразу овладѣть имъ,—не такъ легко и просто, какъ этого хотѣлось бы намъ въ иныя лучшія и благодатныя минуты. И потому самое лучшее и естественное, что вы должны сдѣлать и къ чему настроить себя въ настоящія минуты,—это—возблагодаривши со смиреніемъ и вѣрою Господа за то, что удостоилъ васъ общенія съ собою, не смотря на ваше недостоинство и бѣдность нравственную,—приняться за свои обычныя и несложныя ученическія дѣла и обязанности, отбывать и нести ихъ съ посильнымъ усердіемъ и растворять ихъ благочестивою и благоговѣйною мыслію, что все это вы дѣлаете какъ бы для самого Господа Бога и предъ лицемъ Его, а не для видимой исправности только на глазахъ у начальниковъ и приставниковъ своихъ. Помните, что въ объемѣ и на пространствѣ вашихъ школьныхъ обязанностей и порядковъ самая лучшая для васъ школа добродѣтели и самая естественная и удобная арена для вашихъ подвиговъ нравствен-

ныхъ. Чѣмъ искреннѣе и усерднѣе вы будете трудиться на этой не широкой и повидимому вовсе не блестящей аренѣ,—тѣмъ надежнѣе будетъ зрѣть и успѣшнѣе развиваться святое и благодатное сѣмя, воспріятое вами во святомъ причастіи Господня тѣла и крови.

Но что сказать мнѣ тѣмъ изъ васъ, которыхъ можетъ быть обличаетъ совѣсть въ совершенномъ нерадѣніи о своей душѣ и преступномъ пренебреженіи къ величайшей святынѣ Евхаристіи; которые шли на трапезу Господню, какъ подневольные рабы, ни мало не искушая себя и *не разсуждая тѣла Господня*, не давая ни малѣйшихъ обѣтовъ исправить и улучшить свою жизнь хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и ни мало не безпокоясь, какое преступное дѣло они творятъ; которые торопились можетъ-быть скорѣе прожить скучное время говѣнія и хожденія въ церковь на молитву, и теперь рвутся заглушить непріятныя воспоминанія о не исполненномъ христіанскомъ долгѣ и тяжелые укоры совѣсти за поруганіе недостойно воспріятой святыни усиленными развлеченіями и шалостями въ толпѣ такихъ же, какъ и они, не благоговѣйныхъ, пустыхъ и не имѣющихъ страха Божія пріятелей и товарищей? Боюсь долго останавливаться на этомъ прискорбномъ и страшномъ предположеніи,—такъ оно представляется ненатуральнымъ въ вашемъ положеніи и не согласнымъ съ моими представленіями объ васъ и надеждами на васъ! И всетаки я обязанъ напомнить здѣсь и сказать вслухъ всѣхъ васъ, что Богъ поругаемъ не бываетъ; и если до времени Онъ не караетъ теперь видимымъ судомъ своимъ недостойныхъ причастниковъ, какъ нѣкогда покаралъ дѣтей первосвященническихъ Офни и Финееса за то, что принесли чуждый огонь къ святилищу, или какъ Озу, недостойно коснувшагося ковчегу Господню,—то это не значитъ, что нынѣшніе беззаконники и поругатели святыни могутъ совершать свои беззакоія безнаказанно. Рано или поздно и ихъ постигнетъ судъ Божій. Но я уже сказалъ вамъ, что не затѣмъ началъ бесѣду мою съ вами, чтобы устрашать васъ и смущать вашу совѣсть величіемъ дара, достойно или недостойно воспріятаго вами въ Св. Тайнахъ; ибо *кто къ симъ доволенъ?* Напротивъ, лишь хотѣлось бы внушить и тѣмъ изъ васъ, ко-

торые чувствуютъ себя прямо осужденными отъ своей совѣсти, что не все потеряно и для нихъ, что милосердый Христосъ стоитъ еще около и ихъ сердецъ и толчетъ, что не уйти имъ никуда отъ любви или суда Господня, и что если нельзя уже вернуть прошедшихъ и отъ небрежности потерянныхъ святыхъ дней говѣнія; то можетъ начаться и совершиться ихъ примиреніе со Христомъ Спасителемъ и съ настоящихъ минутъ, и Онъ съ одинаковою любовію и милостію приметъ ихъ можетъ быть нѣсколько позднее, но всегда благовременное покаяніе. Начните же каяться и сокрушаться о своемъ прошедшемъ недостоинствѣ, о своихъ бывшихъ проступкахъ и ошибкахъ теперь же и здѣсь, не отходя отъ сего священнаго мѣста. Можетъ быть вы были до сихъ поръ лѣнивы и нерадивы къ наукѣ и небрегли объ умственномъ своемъ развитіи? Можетъ быть вы полагали это развитіе въ дерзкихъ отзывахъ объ уставахъ церковныхъ и въ богохульныхъ рѣчахъ о догматахъ христіанскаго вѣроученія — со словъ извѣстныхъ своимъ невѣріемъ и нечестіемъ нынѣшнихъ такъ называемыхъ свѣтилъ науки, холодные лучи которыхъ достигали можетъ быть и до васъ разными незаконными и запретными путями? Можетъ быть вы находили преступное удовольствіе секретно нарушать предписанныя вамъ правила и порядки школьной вашей жизни, глумились надъ бдительностію своихъ начальниковъ и приставниковъ, поставляя себѣ въ особую заслугу и подвигъ ловкій обманъ, искусное лицемѣріе и отведеніе начальническихъ глазъ отъ своихъ секретныхъ беззаконій и проступковъ? Можетъ быть вы были дерзки и грубы и недоброжелательны во взаимномъ своемъ обращеніи, и особенно въ отношеніяхъ своихъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ обязаны уважать и которымъ должны подчиняться, быть покорными и послушными? Можетъ быть вы позволяли себѣ быть непрошенными судьями дѣлъ, мало вамъ извѣстныхъ и до васъ не касающихся, и незаслуженно по одному своенравному и упрямому предъубѣжденію, позорили честь не только совершенно безупречныхъ по отношенію къ вамъ, но и объ вашей же чести и судьбѣ болѣющихъ лицъ? Можетъ быть вы не считали безчестнымъ единственно для своей легкомысленной и озорной потѣхи не только

задумать какую-нибудь низость, но и изъ-за угла совершить ее? Можетъ быть вы не дорожили цѣломудренностію чувствъ своихъ, не сберегли въ чистотѣ души и тѣла своего, не стыдились срамословія, унижались до посягательства на чужую собственность, и вообще не ревновали о томъ, что должно бы составлять украшеніе благонравной и благовоспитанной юности? Можетъ быть,... но лучше и удобнѣе вамъ самимъ построже оглядѣться кругомъ себя, поподробнѣе обозрѣть тайники души своей и поточнѣе опредѣлить, что вы такое въ самомъ дѣлѣ за люди предъ лицомъ Божіимъ и на судѣ своей собственной совѣсти, и велико ли въ общемъ итогѣ ваше нравственное достоинство. Желалъ бы я отъ души и молю Господа объ этомъ, чтобы осѣнилъ васъ, хотя въ настоящія священныя минуты—послѣ трапезы Господней духъ трезвенности нравственной и духъ страха Божія, чтобы зародилось въ сердцѣ вашемъ спасительное чувство самоопасливости и здраваго разсужденія и сознаніе великой отвѣтственности предъ невидимымъ и безпристрастнымъ Судіею за свои вольныя и невольныя прегрѣшенія. Изъ этого одного сознанія, какъ изъ добраго сѣмени, выросло бы все то хорошее, чего не достаетъ можетъ быть теперь вамъ, и чѣмъ вы до сихъ поръ можетъ быть пренебрегали. Въ противномъ случаѣ, какъ вы полагаете? чѣмъ будетъ отмѣчена и какъ записана небеснымъ судіею въ книгѣ вашихъ дѣяній прошедшая недѣля вашего говѣнія и вашего пріобщенія Св. Таинъ? Разсудите объ этомъ и подумайте хорошенько всѣ вы до единаго!! Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

на заупокойной литургіи во владимірскомъ каѳедральномъ соборѣ по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ *).

(3 марта 1881 г.).

Итакъ Государя нашего не стало. Благодѣтеля народа русска-

*) Напечатано въ 8-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1881 г.

го, царя освободителя, царя просвѣтителя и обновителя русской жизни по всѣмъ сторонамъ ея, горячаго радѣтеля о всемъ единоплеменномъ и родномъ для насъ славянскомъ мірѣ—не стало. Среди бѣла дня, въ своей столицѣ, среди массы своего народа и на службѣ ему,—палъ онъ жертвою свирѣпой крамолы, которая ни предъ чѣмъ не хотѣла отступить въ своихъ звѣрскихъ замыслахъ; палъ онъ какъ агнецъ, закланный за свою кротость и любовь къ Россіи, палъ какъ мученикъ отъ предательской руки! Этого ли мы ждали для такого любвеобильнаго Государя, и этимъ ли должны были кончиться для насъ всѣ великія его дѣянія? Неисповѣдимы судьбы Божіи! Мысль теряется понять и разъяснить ужасный смыслъ совершившагося злодѣянія, облекшаго въ трауръ всю православную Россію, еще не видавшую доселѣ ничего подобнаго на всемъ пространствѣ своей исторіи. Ужасъ о случившемся, негодованіе на совершителей цареубійства, страхъ за поколебавшееся наше благоденствіе, опасеніе за неизвѣстное будущее наше, и много много другихъ тяжелыхъ и болѣзненныхъ чувствъ толпою тѣснятся теперь въ сердце каждаго русскаго человѣка. Но всѣхъ горячѣе и больнѣе сказывается сожалѣніе о столь безвременно и внезапно погасшемъ свѣтилѣ земли русской, о столь безжалостно и злобно похищенномъ отъ насъ отцѣ нашего отечества. Собравшись помолиться объ немъ въ сіи скорбныя минуты, вознесемъ молитвенный вопль къ царю царей, да вчинитъ его въ селеніяхъ праведныхъ и да подастъ ему миръ и упокоеніе, котораго не знала душа его въ послѣднее время здѣсь на землѣ, не смотря на царское величіе, окружавшее тронъ его. Горячая слезная молитва—теперь единственно возможная намъ вѣрноподданническая дань любви и преданности къ нему за испитую имъ смертную чашу, въ которой растворены были быть можетъ наши же народныя неправды и беззаконія. Не сберегли мы его живаго, не вырвали съ корнемъ разросшуюся въ землѣ нашей крамольную заразу, не подавили ее своей внутренней религіозной и патріотической мощью русской, не умолили Господа, дабы отстранилъ висѣвшую надъ нимъ и надъ нами опасность; тѣмъ глубже должна быть національная скорбь наша, и тѣмъ горячѣе молитва объ усопшемъ царѣ своемъ, да покроетъ Гос-

подь своимъ милосердіемъ вольныя и невольныя прегрѣшенія его, и да вмѣнитъ ему въ оправданіе на судѣ своемъ его царственное мученичество за народъ свой. Исторія опишетъ подробно подвиги его и славныя дѣянія, возвеличившія Россію, и произнесетъ свой судъ надъ отребіями русскаго общества, святотатственно посягнувшими на нашу русскую честь и унизившими насъ въ самыхъ священныхъ нашихъ чувствованіяхъ любви и преданности престолу православныхъ царей нашихъ. Но не въ человѣческихъ похвалахъ и не въ человѣческомъ судѣ нуждается теперь почившій государь нашъ. Предъ лице небеснаго судіи предсталъ онъ дать отчетъ о дѣяніяхъ своихъ и о царственной службѣ своей православному народу русскому. О, да помилуетъ Господь на судѣ своемъ праведномъ новопреставленнаго Государя нашего, и да упокоитъ его *въ мьсти злачнѣ, въ мьсти покойнѣ, отнюдуже отбѣжѣ болѣзнь, печаль и воздыханіе*!

Но возвращаясь сокрушенною мыслію къ себѣ самимъ и къ настоящему своему положенію, не должны ли мы, сыны Россіи, такъ внезапно обреченные скорбѣть о похищенномъ рукою смерти царѣ своемъ, — не должны ли стать и сами на судѣ своей совѣсти и вопросить себя: доколѣ же будутъ продолжаться среди насъ всѣ эти смятенія и страхи, ставшіе какъ бы обычнымъ знаменіемъ переживаемаго нами времени, эта борьба закона и власти съ беззаконіемъ и возбужденными страстями всевозможныхъ нашихъ свободолюбцевъ? Отъ чего не уменьшается число ихъ и не слабѣетъ злоба, не смотря ни на какія вразумленія имъ и увѣщанія нашего лучшаго печатнаго слова и на всю снисходительность и кротость правительственныхъ мѣръ по отношенію ко всѣмъ мятущимся, и не смотря на самое горячее стремленіе улучшить все, нуждающееся въ улучшеніи, успокоить и умиротворить, если можно, всѣхъ недовольныхъ? Что мѣшаетъ нашему отечеству мирно развиваться на пути своей гражданственности? За что Господь наказуетъ насъ то разными язвами смертоносными, то голодомъ и матеріальнымъ обѣдненіемъ, то губительнымъ огнемъ пожаровъ, истребляющихъ наши города и веси, то зловредными насѣкомыми, поядающими наши нивы и поля, то моромъ, истребляющимъ наши стада, то увеличеніемъ нашихъ

недруговъ въ политическомъ мірѣ, единодушно и успѣшно устремляющихъ свою зависть и недоброжелательство на ослабленіе нашего могущества и политическаго значенія тамъ, гдѣ было оно прежде столь сильно и широко, то смятеніемъ даже въ ученомъ нашемъ мірѣ, принижеміемъ нашей родной науки и оскудѣніемъ достойныхъ ея борцовъ и истинныхъ представителей, то умноженіемъ разныхъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ сектъ, то развитіемъ и ожесточеніемъ разныхъ враждебныхъ другъ другу сословныхъ и общественныхъ партій, то наконецъ цареубійствомъ?... Какъ обличительный отвѣтъ на всѣ эти тревожные вопросы нашего тяжелаго и смутнаго времени невольно вспоминаются слѣдующія пророчественныя и завѣщательныя слова еврейскому народу изъ устъ умиравшаго и боговдохновеннаго вождя его Моисея. *Если ты* (Израиль) *будешь слушать гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять заповѣди его...; то Господь Богъ твой поставитъ тебя выше всѣхъ народовъ земли. И прійдутъ на тебя всѣ благословенія... И увидятъ всѣ народы земли, что имя Господа Бога твоего нарицается на тебѣ, и убоятся тебя. И дастъ тебѣ Господь Богъ твой изобиліе во всѣхъ благахъ. . Откроетъ тебѣ добрую сокровищницу свою, небо, — чтобъ оно давало дождь земли твоей во время свое, и чтобы благословлять всѣ дѣла рукъ твоихъ: и будешь брать взаймы, и будешь господствовать надъ многими народами, а они надъ тобою не будутъ господствовать. Сдѣлаетъ тебя Господь Богъ твои главою, а не хвостомъ, и будешь только на высотѣ, а не будешь внизу. Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего, и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди его и постановленія его. .; то прійдутъ на тебя всѣ проклятія сіи и постигнутъ тебя. Проклятъ ты будешь въ городѣ, и проклятъ ты будешь на полѣ. Прокляты будутъ житницы твои и кладовыя твои. Проклятъ будетъ плодъ чрева твоего и плодъ земли твоей, плодъ твоихъ воловъ и плодъ овецъ твоихъ .. Пошлетъ Господь на тебя смятеніе и несчастіе во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ, какое ни станешь ты дѣлать. Пошлетъ Господь на тебя моро-*

вую язву... И небеса твои, которыя надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою желѣзомъ... Съмянъ много вынесешь въ поле, а соберешь мало, потому что пожретъ ихъ саранча. Виноградники будешь садить и воздѣлывать, а вина не будешь пить и не соберешь плодовъ ихъ, потому что пожретъ ихъ червь... Пришлецъ, который посреди тебя, будетъ возвышаться надъ тобой выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Онъ будетъ давать тебѣ взаймы, а ты не будешь давать ему взаймы... Будешь служить врагу твоему, котораго пошлетъ на тебя Господь .., народъ наглый, который не уважитъ старца, и не пощадитъ юноши... Если не будешь бояться славнаго и страшнаго имени Господа Бога твоего,... то Господь дастъ тебѣ трепещущее сердце, истаеваніе очей и изнываніе души. Жизнь твоя будетъ висѣть предъ тобою, и будешь трепетать ночью и днемъ, и не будешь увѣренъ въ жизни твоей (Второз. гл. XXVIII). Читая эти грозныя прещенія древнему Израилю, когда-то бывшему избраннымъ и возлюбленнымъ народомъ Божіимъ и затѣмъ утратившему великое свое значеніе съ потерею и искаженіемъ своей вѣры и съ оскудѣніемъ нравственныхъ своихъ качествъ, и примѣняя эти библейскія прещенія къ настоящему мятущемуся состоянію нашего отечества, нѣкогда крѣпкаго своимъ православіемъ, христіанскою вѣрою и благочестіемъ, теперь же замѣтно ослабѣвшаго и расшатавшагося въ этомъ отношеніи,— какъ не придти къ мысли, что и намъ Господь указуетъ страшными знаменіями нашего времени истинную причину всѣхъ нашихъ неустройствъ и неудачъ—именно въ оскудѣніи нашей вѣры, въ затмѣніи нашего религіознаго чувства и въ нашемъ всеобщемъ нравственномъ обѣдненіи?! Въ самомъ дѣлѣ не меньше ли всего думаютъ о религіи наши ученые мужи, наши радѣтели и печальники о народѣ и просвѣтители его? Какое повсюду замѣчается страстное стремленіе къ земному и матеріальному, какая ненасытимая жажда непрерывныхъ чувственныхъ удовольствій, и въ то же время какая холодность къ потребностямъ духа, какое невѣдѣніе догматовъ и правилъ вѣры, незнакомство съ словомъ Божіимъ и безвкусіе ко всему церковно-библейскому!

Какое равнодушіе къ уставамъ церкви и безразличіе къ судьбамъ православія въ нашей обширнѣйшей православной имперіи! А вслѣдствіе сего изсякла братская любовь и взаимное довѣріе, какъ между цѣлыми сословіями, клеветливо и бранчиво подрывающимися подъ взаимные интересы, такъ и между отдѣльными членами общества. За то умножились повсюдныя беззаконія и пороки, утончились злодѣянія, ослабѣло чувство долга и радѣнія объ общемъ благѣ, развилась эгоистическая обособленность и стремленіе поживиться на чужой и больше всего на общественный счетъ. Чѣмъ обыкновенно бываютъ наполнены ежедневныя наши газеты и текущіе журналы, какъ не извѣстіями и описаніями подобныхъ грустныхъ проявленій помутившейся нравственной жизни нашего общества? И прежде конечно не безупречны были люди во всемъ томъ, что сейчасъ исчислено нами; но нынѣшній холодный и мрачный матеріализмъ, отражающійся особенною какою-то распущенностью въ жизни и въ нравственныхъ убѣжденіяхъ, налагаетъ на все и на всѣхъ, даже на юность нашу, какую-то особую тяжелую печать растлѣнія, пустоты и невѣрія. Все, что прежде было можетъ быть только дурнымъ порывомъ и случайнымъ настроеніемъ, теперь приводится въ какую-то мрачную систему, дѣлается огуломъ и вьявь, и такъ сказать безъ зазрѣнія совѣсти. Покуда не обновится въ этомъ отношеніи наше общество и не возвратится къ религіознымъ своимъ преданіямъ, издревле составлявшимъ нашу народную святыню, нашу крѣпость и могущество политическое; до тѣхъ поръ никакіе общественные порядки, хотя бы прямо взятые у просвѣщенной европы и цѣликомъ пересаженные на нашу русскую почву, и никакія либеральнѣйшія реформы не принесутъ намъ спокойствія, не удовлетворятъ нашихъ недовольныхъ и не заставятъ замолчать и исчезнуть крамольниковъ, которымъ тягостенъ будетъ всякій видъ правительственной власти, и даже слабыя попытки народную жизнь поставить въ религіозныя условія все будутъ казаться несносной и докучливой опекой надъ свободою народныхъ убѣжденій и надъ его умственнымъ развитіемъ. А это все куда же можетъ наконецъ привести насъ? Вотъ о чемъ нужно всего серьезнѣе подумать намъ, православные сыны Россіи, по смерти на-

шего добрѣйшаго Государя, погибшаго отъ свирѣпыхъ рукъ нашихъ подпольныхъ крамольниковъ. Больше всего намъ нужно позаботиться о своемъ религіозномъ обновленіи и возвышеніи своей нравственной жизни, ослабленной и расшатанной современными научными теоріями и соціалистическими мечтаніями потерявшихъ вѣру въ Бога и его правосудіе нынѣшнихъ матеріальныхъ философовъ.

Сомкнемся же тѣсной и преданной толпой вокругъ новаго нашего Государя и поможемъ ему нашими единодушными усиліями создать народное благо наше и упрочить наше политическое могущество на религіозной и національной почвѣ русской, и стереть и изгладить съ лица русской земли столь обильно разросшіеся на ней плевелы всякихъ безбожныхъ и безнравственныхъ лжеученій. Господи Боже! спаси наше отечество отъ дальнѣйшихъ несчастій и потрясеній. Пошли духъ крѣпости и силы новому Государю нашему, дай ему силы перенесть поразившее всѣхъ насъ, а его въ особенности, горе о потерѣ своего державнаго и царственнаго родителя, и не по мнозѣхъ днехъ сподоби его возрадоваться духомъ о всецѣломъ и искреннемъ возрожденіи своего народа къ новой и лучшей во всѣхъ отношеніяхъ жизни! Аминь.

СЛОВО

воспитанникамъ семинаріи при началѣ учебнаго 1881—82 года.

Привѣтствуя васъ, любезные воспитанники, со вступленіемъ въ новый учебный годъ, я имѣю въ виду на сей разъ остановить преимущественное вниманіе ваше на одномъ изъ молитвенныхъ о васъ прошеній святой церкви, которыя вы обычно слышите послѣ вакаціоннаго своего отдыха, когда съ обновленными физическими силами и съ освѣженнымъ духомъ собираетесь снова приняться за умственные труды въ новыхъ классахъ и за но-

*) Напечатано въ 18 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1881 г.

выми учебными предметами. Мнѣ всегда казалось, что эти минуты въ вашей учебной жизни наиболѣе благопріятны для вашего назиданія; потому что при самомъ началѣ труда, когда еще чувства не успѣли болѣе или менѣе притупиться отъ разныхъ неудачныхъ случайностей и безплодныхъ напряженій, когда духъ не отклоненъ отъ прямой трудовой цѣли разными посторонними побужденіями эгоизма, почти всегда и такъ сказать неизбѣжно уязвляемаго то мелкими, то крупными уколами отъ разныхъ столкновеній съ обстоятельствами, среди которыхъ долженъ совершаться нашъ трудъ, и въ особенности съ людьми, обязанными слѣдить за нашими трудами, направлять ихъ и цѣпить,—когда у человѣка отдохнувшаго и отбросившаго назадъ все надоѣвшее и разное непріятное старое, преобладаетъ одно благонамѣренное такъ сказать желаніе достигнуть предположенной трудовой цѣли свободными и честными усиліями ума и воли,—въ эти минуты, мнѣ кажется, всякій человѣкъ, а слѣдовательно и юноша наиболѣе бываетъ способенъ и болѣе всего радъ слушать слово насчетъ главнаго и безъ того преобладающаго предмета его собственныхъ думъ и стремленій. Вамъ предстоитъ начать ученье; а я и хочу сказать именно о томъ, что наиболѣе всего можетъ повредить этому ученью, и съ устраненіемъ чего можетъ всего болѣе быть обезпеченъ успѣхъ вашего ученья.

Вотъ какъ о васъ молилась сейчасъ св. церковь Господу Богу: *о еже вселити въ сердца ихъ начало премудрости, страхъ свой божественный, и тьму буесть юности отгнати отъ сердецъ ихъ, и просвѣтити умъ ихъ, еже уклонитися отъ зла и творити благое.* Слышите! есть какая то *буесть юности*, есть нѣкоторый натуральный недостатокъ, характеризующій юный возрастъ, и вплетающійся, какъ неизбѣжный внутренній элементъ, въ самый складъ и строй всякой молодой и развивающейся души. Въ буквальномъ переводѣ съ славянскаго языка *буесть*, по просту и въ тѣсномъ смыслѣ понимаемая, есть *глупость*. Но этимъ значеніемъ очевидно не исчерпывается все содержаніе понятія. Въ болѣе широкомъ и общемъ смыслѣ и въ частномъ приложеніи къ юности буесть указываетъ на такое состояніе душевныхъ силъ, когда человѣкъ и съ богатыми ум-

ственными и сердечными задатками для развитія не обладаетъ, за недостаткомъ опыта, широкимъ кругозоромъ мысли, и настойчиво смотря только на то, что ближе всего предлежитъ его наблюденію, и увлекаясь своими органическими склонностями и желаніями сердечными, сгоряча судитъ о вещахъ, хотя бы онѣ и довольно удалены были отъ его сознанія и знаемы только съ одной или съ нѣкоторыхъ, а не со всѣхъ сторонъ. Собственно говоря, бѣда бы въ этомъ небольшая для юности; ибо за нею и надъ нею всегда есть зрѣлость мужества, которая и держитъ въ своихъ рукахъ сокровище серьезнаго знанія и разносторонняго пониманія вещей, и отъ совокупныхъ усилій которой собственно и зависитъ общее и правильное движеніе впередъ по всѣмъ сторонамъ и областямъ человѣческаго развитія. И для насъ воспитателей и руководителей юности могла бы не быть прямымъ и положительнымъ горемъ эта буесть юности, ибо она есть нѣчто временное и проходимое и, какъ я сказалъ, условливается неизбѣжнымъ ходомъ развитія всякой молодой души. А можно-ли горевать о томъ, что въ порядкѣ вещей? И можно-ли порицать васъ за недостатокъ опытности, за отсутствіе широкихъ взглядовъ на вещи и вѣрнаго пониманія жизни, если ни того, ни другаго, ни третьяго у васъ, собственно говоря, и быть пока еще не можетъ? Даже, если хотите, не несимпатична для насъ эта самая *буесть* юношеская—по той своей сторонѣ, гдѣ сказывается теплота и искренность ея порывовъ и эта живая игра природныхъ силъ, которая какъ бы то ни было должна впослѣдствіи уступить степенности и разсудочному покою, когда совершится въ человѣкѣ жизненный расцвѣтъ, а съ нимъ наступить должна и нѣкоторая холодность и можетъ быть даже разочарованіе жизнію. Но все это умѣстно лишь въ законныхъ предѣлахъ и при надлежащихъ отношеніяхъ юности къ ея руководителямъ. Истинная же и нормальная суть этихъ отношеній — въ довѣрчивой подчиненности и благородномъ повиновеніи юношей своимъ наставникамъ и руководителямъ, хотя бы требованія и желанія однихъ не всегда совпадали съ понятіями и вкусами другихъ,—чего впрочемъ и ожидать нельзя по вышеизъясненному и натуральному различію между возрастомъ зрѣлости и

юности. Но общей бѣдой и общимъ горемъ и для самыхъ юношей и для ихъ руководителей можетъ обнаружиться буесть юности, когда, перейдя терпимыя и натуральныя границы, она начнетъ уже бушевать и въ собственномъ смыслѣ *глупить*. Какъ учебная, такъ и вообще вся нравственная жизнь юношей можетъ расшататься до нельзя, и благородныя надежды общества на плодотворное и богатое развитіе молодаго поколѣнія могутъ сильно затемниться, а въ худшемъ случаѣ и вовсе не осуществиться. Наибольшая опасность въ этомъ отношеніи всегда бываетъ въ школахъ, и вообще въ такихъ учрежденіяхъ, гдѣ молодымъ людямъ приходится жить болѣе или менѣе густыми толпами, и въ живыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ; ибо самая эта стадность жизни и всегдашняя возможность укрыться за спиной своего товарища можетъ подогрѣвать дурные инстинкты и несовсѣмъ дурныхъ молодыхъ людей, и сильно ослаблять доброе вліяніе благовоспитанныхъ и дѣльныхъ единицъ, которыхъ всегда, какъ извѣстно, бываетъ меньше въ сравненіи съ дурными или только безхарактерными и безличными посредственностями. Съ большой неохотой и лишь по нуждѣ и по ходу рѣчи я долженъ припомнить здѣсь нѣсколько темныхъ и грустныхъ чертъ, какими обычай имѣетъ заявлять себя наша современная молодежь, увлекаемая буестью своего возраста. И намъ и вамъ конечно много приходилось объ этомъ и слышать и читать, а можетъ быть и самимъ съ прискорбіемъ наблюдать, и даже испытывать. Всякій разъ, когда я собираюсь говорить объ этомъ въ частности вамъ именно, — моимъ, а не чужимъ воспитанникамъ; то мнѣ все думается, что достаточно показать вамъ что нибудь ненормальное и незаконное въ его подлинномъ видѣ, и вы не только не дадите ему своихъ симпатій, но съ негодованіемъ отвернетесь и благоразумно остережетесь отъ него. Такъ я сильно расчитываю на здравый смыслъ вашъ и на добропорядочность вашего большинства! Вотъ напримѣръ во всѣхъ учебныхъ нашихъ программахъ есть такъ называемые нелюбимые, а есть и сравнительно трудные преметы. Иной впрочемъ не любитъ одно, другой — другое, а иной (и много пожалуй наберется такихъ!) желалъ бы и вовсе учиться исподволь и спустя, такъ сказать, рукава по всѣмъ предметамъ,

хотя всякій разумѣется тянется за учеными правами и желалъ бы оказаться въ концѣ ученья наряду съ знающими и умными. Вотъ и начинаются разныя увертки, плаксивыя сѣтованія, задорные протесты и незрѣлыя сужденія: «зачѣмъ учатъ этому? какая польза въ томъ? пригодится ли въ жизни одно? Полезно ли будетъ другое? Зачѣмъ нажимать и настаивать въ ученьи? Отчего бы не проще, не легче,—какъ въ старину, или вонъ гдѣ-то тамъ»? Посудите сами, въ правѣ ли ученики быть судьями въ научномъ дѣлѣ, измышлять и уравновѣшивать для себя учебныя программы, опредѣлять степень полезности того или другаго предмета, и произвольно отдѣлять себѣ по долямъ количество знаній изъ той или другой области, а также и придумывать себѣ разныя льготы и удобства въ способѣ веденія учебнаго дѣла? Это прямая, можно сказать, буесть юности. Развѣ менѣе способны и сообразительны и развѣ мельче понимаютъ, что и въ какой степени должно и можетъ быть полезно юношамъ, тѣ, которые поставлены Богомъ и правительственною властію на стражѣ и во главѣ учебнаго дѣла? И можетъ ли быть какой-нибудь толкъ и успѣхъ въ ученьи, еслибы оно стало примѣняться ко вкусамъ и прихотливымъ желаніямъ учащихся? сегодня понравится одно, завтра пожелается другое, а тамъ потребуется третіе, и т. д. Не желателенъ и не мыслимъ конечно застой въ научномъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, но давать направленіе и распредѣлять движеніе учебнаго дѣла—есть прямая обязанность зрѣлыхъ мужей науки, а не учениковъ и юношей. Всѣмъ предметамъ учиться съ одинаковою покорностію начальственнымъ требованіямъ и по мѣрѣ своихъ силъ,— вотъ самое лучшее и честное отношеніе ученика къ учебному дѣлу, обезпечивающее его успѣхъ и правильное умственное развитіе. Не всѣмъ конечно даются одинаковыя силы и способности къ ученью; никто поэтому и не ожидаетъ и не добивается отъ всѣхъ одинаковыхъ и равныхъ успѣховъ; да и даровитымъ никогда бы не поставилось въ большую вину и преступленіе временное замѣшательство въ занятіяхъ, ослабленіе усердія и разныя случайныя неудачи—по юношескому увлеченію, по неумѣнью справиться съ вновь временемъ, по трудности и слож-

ности скопившихся работъ, или по другимъ извинительнымъ поводамъ. Въ общей же сложности трудящійся и по мѣрѣ силъ дѣлающій свое дѣло ученикъ всегда,—будьте въ томъ увѣрены,—найдетъ у своихъ наставниковъ и начальниковъ и снисхожденіе и всяческую помощь и одобреніе и поддержку. Иначе я и не могу себѣ представить дѣла. Но вотъ грустное и гнустное явленіе, когда партія лѣнивцевъ и для себя и для товарищей измышляютъ цѣлую систему способовъ уклоняться отъ труда и затѣмъ скрывать свою пустоту и ничтожность своихъ знаній; когда они только и умѣютъ расчитывать на одну снисходительность и послабленіе своей лѣни, въ крайнемъ же случаѣ назойливо требуютъ и восхищаютъ ее себѣ, злословя и оскорбляя неподатливыхъ, энергическихъ и честно-требовательныхъ наставниковъ и руководителей своихъ. Это уже буесть юности — непростительная и нетерпимая.

Но кромѣ учебной области въ каждой школѣ есть другая наиважнѣйшая область—нравственно-воспитательная. Изъ нея истекаетъ большая или меньшая сумма правилъ поведенія, опредѣляющихъ какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю жизнь воспитанниковъ. Судя по характеру учебнаго заведенія и по цѣлямъ, какія оно имѣетъ,—и правила эти могутъ разниться какъ въ своемъ количествѣ, такъ даже и въ качествѣ. Но основной тонъ и сущность этихъ правилъ всегда одна и та же; ибо всякое учебное заведеніе, къ чему бы ни назначало своихъ воспитанниковъ въ практикѣ и на службѣ общественной, всегда хочетъ и надѣется выпустить ихъ честными и крѣпконравственными людьми, и къ этой цѣли приноравливаетъ всѣ свои воспитательныя правила, которымъ и подчиняется поведеніе воспитанниковъ въ періодъ ихъ обученія. Чѣмъ важнѣе эта область, тѣмъ она сложнѣе и труднѣе для руководителей юности; ибо въ ней-то по преимуществу и всего чаще проявляется буесть юности, которую требуется обратить въ благоразуміе и благородство. Съ своею учебною дѣятельностію вамъ, юноши, всегда бываетъ легче и сладить и удобнѣе справляться; регулируетъ ее для васъ, такъ сказать, сама необходимость быть ежедневно въ классѣ, и тамъ же ежедневно давать отчетъ въ совершенно опредѣленныхъ и разграниченныхъ уро-

кахъ. Но поведеніе и нравственность ваша никогда и никакими правилами не можетъ быть заключена въ столь же опредѣленныя и строгія границы и столь же удобно и постоянно контролируема, какъ ваше ученье. Здѣсь всегда большой соблазнъ для васъ жить не по духу нашихъ правилъ, а какъ для васъ поудобнѣе и попривольнѣе. Да и вообще, не для васъ только, а и для всѣхъ— самое трудное дѣло регулировать свою волю и подчинять закону и долгу свою нравственную дѣятельность. Если долговременнымъ упражненіемъ и неоднократными свободными опытами стѣсненія своего собственнаго самолюбія человѣкъ не пріучилъ себя быть строгимъ прежде всего къ себѣ самому и гнуть свою грѣховную похотливость подъ иго совѣсти и чести; то ему то и дѣло приходится непріязненно сталкиваться со внѣшними предписаніями и чужими требованіями, которыя онъ въ такомъ случаѣ наклоненъ бываетъ считать излишними и стѣснительными, обзываетъ ихъ формализмомъ, горячо протестуетъ противъ нихъ и кричитъ всѣмъ и каждому, какъ Богъ знаетъ о какой несправедливости. На такіе протесты и крики особенно способны юноши, по недостатку опытовъ самоподвижничества и молодости лѣтъ, по горячности чувствъ и пылкости крови. Но эти естественные такъ сказать недостатки молодости, при нѣкоторыхъ особенно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ жизни воспитанниковъ и развращающихъ условіяхъ ихъ воспитанія, напримѣръ подъ вліяніемъ духа времени и окружающей среды, могутъ принимать злокачественный характеръ и переходить уже въ совершенно нежелательную и для самой крайней снисходительности несимпатичную и нетерпимую буесть юности. Поддавшіеся ей юные субъекты забываютъ всякую скромность и пристойность, дѣлаются отважно дерзки, грубо непочтительны и злословны, и любятъ уже не просто шалить и поюношески проказничать наряду со всѣми, а хотятъ геройствовать въ дурныхъ дѣлахъ— впереди своихъ болѣе скромныхъ и благоразумныхъ товарищей. Ихъ не удовлетворяютъ обыкновенные проступки,—имъ нужны безобразія и крупные скандалы—на зло и безбожное огорченіе своихъ начальниковъ, отъ кары и наказанія которыхъ всетаки ловко скрыться они вмѣняютъ въ нѣкій достославный подвигъ,

вопреки всякимъ правиламъ чести, самоуваженія и доброй нравственности. Не умѣя справляться и съ своими собственными несложными и малыми обязанностями, они наипаче всего любятъ съ самозванымъ чванствомъ заниматься критикой чужихъ дѣлъ и обязанностей и вмѣшиваться въ совершенно неподлежащія имъ дѣла, для пониманія которыхъ у нихъ не достаетъ часто и простаго соображенія. И чѣмъ выше и авторитетнѣе лицо, чѣмъ оно больше стоитъ поперекъ ихъ дурнымъ инстинктамъ; тѣмъ съ большимъ и рискованнымъ самоуслажденіемъ они куютъ секретныя каверзы, и даже не прочь пустить ихъ въ публику, чтобы безнаказанно очернить и загрязнить доброе имя и честь антипатичныхъ имъ личностей, которыя только тѣмъ и виноваты, что самымъ положеніемъ своимъ общественнымъ и служебнымъ обязаны стоять на стражѣ доброй нравственности и крѣпкой дисциплины въ ввѣренныхъ имъ заведеніяхъ. Такую злокачественную *буесть* юности самое снисходительное общественное мнѣніе всѣхъ честныхъ и добропорядочныхъ людей назоветъ уже созвучнымъ русскимъ именемъ *буйства* и развращенія, а не просто неразумѣемъ и увлеченіемъ. И горе и погибель этимъ обуявшимъ юношамъ, и печаль всему обществу, если не пахнетъ на нихъ откуда нибудь цѣлебная и живительная струя, и не разсѣетъ растлѣвающую умъ и сердце ихъ изгарь нравственную!

Откуда же ждать и вамъ, юноши, и намъ—вашимъ воспитателямъ и начальникамъ—этой освѣжающей и благодатной струи? Ставлю этотъ вопросъ отнюдь не потому, чтобы были у меня поводы направлять его съ нарочитою цѣлью именно къ вамъ, какъ будтобы шла у меня рѣчь именно о вашемъ освѣженіи. Нѣтъ, я только разъясняю вамъ общіе педагогическіе вопросы, и — взявъ за тему церковно-молитвенную мысль о естественной вашему сердцу и вашему юному возрасту буести, можетъ быть не всѣми вами и не вполнѣ сознаваемую,—я хочу навести васъ на безпристрастное размышленіе объ общихъ недостаткахъ всей нынѣшней учащейся молодости, объ которыхъ, какъ и вамъ конечно не безъизвѣстно, много еще поводовъ скорбѣть всему нашему обществу; хочу предохранить васъ отъ этихъ недостатковъ и поставить на прямую нравственную дорогу. А желанію этому

такъ естественно высказаться въ началѣ учебнаго вашего года! Итакъ опять я ставлю вопросъ о томъ, гдѣ скрывается тайна всѣми желаемой и всѣми ожидаемой добропорядочности и благовоспитанности нашего юношества? Что можетъ лучше всего разумныхъ и скромныхъ воспитанниковъ утвердить въ ихъ прекрасномъ направленіи, а испорченныхъ и необузданныхъ возвратить на путь истинный? Полагаютъ обыкновенно, а иногда и горячо настаиваютъ, что внутреннее благосостояніе школы всецѣло зависитъ отъ порядковъ, существующихъ въ школѣ, и отъ лицъ, которыя ею завѣдуютъ. Хороши порядки въ школѣ, хороши люди, отвѣтственные за судьбу своей школы, — и все въ ней будетъ хорошо; въ противномъ случаѣ все и всегда будетъ дурно. Непререкаемой истиной, разрѣшающей всю суть педагогическаго дѣла, кажется эта мысль особенно людямъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ дѣлъ школьнаго воспитанія и управленія, которые поэтому совершенно безотвѣтственны въ этихъ дѣлахъ, а нерѣдко и очень малоопытны. У этихъ людей все въ одну сторону склоняются ихъ симпатіи, именно въ сторону молодости и юношества, дѣйствительно въ высшей степени симпатичнаго по своей природѣ; и потому имъ хотѣлось бы снять всякую отвѣтственность съ одной облюбленной ими стороны и перевалить ее на другую. Но безпристрастіе и строгая правда въ рѣшеніи педагогическихъ вопросовъ требуется особенно въ нынѣшнее лжелиберальное время, когда подъ предлогомъ нѣжности и любви къ юношеству вносятъ положительную заразу и развращеніе въ эту для всѣхъ насъ конечно дорогую, но неопытную и легко колеблемую среду. Никто не будетъ отрицать, что хорошіе порядки въ школѣ и хорошіе люди въ ней служащіе не къ дурному, а къ хорошему и направятъ обучаемыхъ юношей. Но какіе именно порядки назвать хорошими, и чего надо требовать отъ хорошихъ людей, ее руководствующихъ, — объ этомъ то и идутъ противорѣчивые толки и сужденія — какъ въ самомъ обществѣ, такъ и у юношей, конечно прислушивающихся къ общественному говору. Я бы васъ просилъ, мои любезные воспитанники, прислушаться въ этомъ случаѣ къ самому авторитетному голосу, — именно къ голосу церкви, и усвоить не чей нибудь, а именно

ея взглядъ на воспитаніе и обученіе. Вотъ она молится объ васъ: «о еже всадити въ сердца ваша начало премудрости — страхъ Божій, и тѣмъ буесть юности отгнати отъ сердецъ вашихъ и просвѣтити умъ вашъ, еже уклонитися отъ зла и сотворити благое». Итакъ по ея взгляду—страхъ Божій есть начало вашей премудрости, и значитъ—если вы не стяжете его въ свои сердца, то никакіе наши порядки и правила не спасутъ васъ отъ возможности уклониться отъ благаго и творить злое. Значитъ и наоборотъ: даже при нашихъ недостаткахъ и ошибкахъ, вообще при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, отъ васъ не зависящихъ, вы удержались бы на высотѣ своего нравственнаго достоинства и не потеряли бы изъ виду своей заключительной, т. е. научной и образовательной цѣли въ школѣ,—въ чемъ была бы конечно ваша особенная честь и достославная заслуга. Приномните евангельскую притчу о плевелахъ. «Не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ, — спрашиваютъ прислужники у господина поля, — откуда же взялись на немъ плевелы и такъ ихъ много»? Оказывается, что ни господинъ, ни приставники его не были виноваты. Врагъ и ненавистникъ всего добраго нашелъ возможность ночью набросать негодныхъ сѣмянъ по полю, — и народились сорныя травы тамъ, гдѣ ожидалась одна только добрая пшеница. Все это легко можетъ случиться и со всякой школой, а слѣдовательно и съ вами. Злоба и хитрость темнаго духа зла, этого исконнаго супротивника всего добраго въ людяхъ, ничуть не ослабѣла и доселѣ, а число его адептовъ и пособниковъ едва ли не стало еще больше въ наше время. Самыя тонкія ухищренія измышляются имъ, чтобы убить изъ-млада доброе сѣмя въ юношахъ, зародить въ нихъ искру невѣрія во все духовное и божественное, поколебать довѣріе и подчиненіе властямъ, всевозможными способами и особенно литературнымъ вліяніемъ разбудить въ нихъ дурные инстинкты, разжечь страсти, вызвать на борьбу со всякимъ порядкомъ и дисциплиной, отнять у нихъ время для умственнаго развитія здравой наукой, затуманить ихъ голову самыми недѣльными мечтами, а сердце загрязнить порокомъ, чтобы затѣмъ окончательно сгубить ихъ на позоръ ихъ семьямъ, на плачъ и горе цѣлому обществу. О, будьте осторож-

ны, юноши, и Бога ради — не поддавайтесь обаянію духовъ лестчихъ, столь умножившихся въ наше бурное и мятущееся время! Если когда, то теперь особенно слѣдуетъ искушать ихъ, изъ какого лагеря они дуютъ, и отъ Бога ли они? Вся опасность въ томъ и состоитъ для молодаго поколѣнія, что хотятъ во что бы то ни стало разувѣрить его, что начало премудрости вовсе не страхъ Божій, а всеотрицающій анализъ и безстрашное сомнѣніе во всемъ, что привыкли считать за авторитеты. Начинаютъ обыкновенно съ научной области, гдѣ этотъ анализъ и сомнѣніе имѣютъ конечно свое законное право; а затѣмъ подбираются невидимо въ совершенно неподлежащія области, вползаютъ какъ змѣи въ священную область религіи и нравственности, — и все здѣсь желаютъ передвинуть съ своихъ мѣстъ и повернуть вверхъ—дномъ. Религія конечно не можетъ быть извращена въ людяхъ и уничтожена съ лица земли, ибо она есть насажденіе божественное, и вѣковѣчныя основы нравственности останутся непоколебимы въ избранномъ обществѣ людскомъ; но въ этомъ шумѣ и гамѣ разрушительныхъ силъ, устремляющихся на священное зданіе вѣры и церкви, много есть одуряющаго и втягивающаго въ общее движеніе для незрѣлыхъ умовъ и не устоявшихся чувствъ молодыхъ людей. Правда и сила жизни имъ чуется тамъ, гдѣ больше крика, борьбы и протестовъ. Не поддавайтесь этому заблужденію; ибо истинная и нормальная жизнь всегда запечатлѣна величавымъ характеромъ спокойствія, стройности и красоты, и для прогресса ея вовсе не нужно, чтобы все было сначала расшатано и поколеблено, чтобы юность стала впереди зрѣлости, чтобы подчиненность и повиновеніе смѣнились произволомъ, а трезвая мысль страстнымъ движеніемъ чувствъ и фантастическими идеями. Не позволяйте, чтобы для ума вашего, хотя бы на одну минуту, могъ быть или показаться какой-нибудь авторитетъ выше и обязательнѣе евангельскаго и Христова; ибо въ ученіи Господа нашего Іисуса Христа заключается самая высочайшая мудрость, имѣющая всемірное значеніе для рода человѣческаго, и притомъ на всѣ вѣки и времена. По нынѣшнему времени требуется пріумноженіе числа испытанныхъ и преданныхъ борцовъ вѣры и религіи Христовой; и этими борцами мы желали бы со-

временемъ увидѣть васъ, духовные воспитанники!... Берегите же сердце свое отъ пагубныхъ вліяній всего, что противно единой истинной и чистѣйшей нравственности, которая заповѣдуется намъ въ священныхъ книгахъ закона Божія. Всякія другія нравственныя правила кромѣ этихъ и иные взгляды на жизнь человѣка и на его обязанности—не могутъ быть столь высоки и совершенны, хотя бы вы черпали ихъ изъ самыхъ умнѣйшихъ и прославленныхъ книгъ. Опасайтесь, какъ язвы, всякаго запрещеннаго и соблазнительнаго чтенія—хоть изъ простой бережливости въ своемъ учебномъ времени, которое въ высшей степени должно быть дорого для всякаго порядочнаго и прилежнаго ученика. Погодите, придетъ время, когда вамъ все будетъ можно и позволено читать. Болѣе же всего — волѣ своей не позволяйте рѣшаться на дѣла постыдныя, нечестныя и грѣшныя, хотя бы предстояли случаи совершить ихъ въ секретѣ и безнаказанно. Укроетесь отъ людей, утаитесь отъ насъ, но не укроетесь отъ своей совѣсти, не утаитесь отъ Бога всевидящаго и гнушающагося всякой неправды и беззаконія. Великое бы дѣло было, еслибы присущъ вашимъ сердцамъ былъ этотъ спасительный страхъ Божій,—это начало всякой премудрости. Наше конечно дѣло насаждать въ васъ и самый этотъ страхъ; но какъ это намъ сдѣлать безъ васъ? Вотъ мы всѣ сообща внушаемъ вамъ волю Божію благую и совершенную, уча васъ въ школѣ и человѣческимъ знаніямъ; вотъ я учу васъ теперь страху Божію, — и вы послушайтесь меня, чада! Кромѣ внушеній что же еще есть у насъ? Есть благочестивыя молитвенныя упражненія для васъ и дома и въ церкви; есть разныя нравственныя правила, составленныя для упорядоченія всей вашей школьной жизни, есть дисциплинарные и школьные порядки, ограждающіе васъ отъ своеволія и порочности. Вамъ остается только соблюдать все это по возможности и добровольно, — и самъ собою воспитается въ васъ страхъ Божій. Никто не можетъ исполнить за васъ ни одного нравственнаго правила, и ни шагу безъ васъ не сдѣлаетъ на пути вашего религіознаго преуспѣянія. Все зависитъ отъ васъ, и вездѣ требуется ваше личное добровольное участіе.

Да будетъ же Господь вашимъ невидимымъ и всемогущимъ

помощникомъ! А мы всѣ усердно помолимся за васъ, да и вы не забывайте молиться: «о еже всадити Господу Богу въ сердца ваша страхъ свой божественный, и тѣмъ буесть юности отгнати отъ сердецъ вашихъ, и просвѣтити умъ вашъ еже уклонитися отъ зла и творити благое»! Аминь.

СЛОВО

въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича *).

(30 августа 1881 г.).

Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ (Матѳ. VI, 33).

Въ сегоднешній праздникъ царевъ, который есть нераздѣльно и нашъ праздникъ народный, мы не даромъ беремъ въ основаніе своего слова вышесказанное изреченіе и заповѣдь Господню. Тезоименитство Государя, совпадающее съ не остывшею еще и горькою памятью о его покойномъ родителѣ-мученикѣ, невольно пробуждаетъ въ русскомъ сердцѣ пытливую и заботливую мысль о внутренней связи и живой преемственности историческихъ событій того и другаго царствованія. Что же досталось въ наслѣдство Александру III-му отъ II-го? Совокупность великихъ реформъ прошедшаго царствованія имѣла своимъ послѣдствіемъ величайшее напряженіе народныхъ и государственныхъ силъ, разбудила жажду новыхъ и повсюдныхъ преобразованій, затронула общее народное самосознаніе, расположила государственныхъ и ученыхъ мужей къ всестороннему изученію современной русской жизни и ея прошедшей исторіи, къ безпристрастному изслѣдованію ея нуждъ и потребностей, равно какъ и ея недостатковъ. Столь серьезное настроеніе общества, доставшееся въ наслѣдство ново-

*) Напечатано въ 20 № «Влад. Епарх. Вѣдомост.» за 1881 г.

му Государю нашему, дѣлаетъ въ высшей степени серьезнымъ и многотруднымъ его царственное положеніе; ибо съ напряженіемъ народныхъ силъ и съ пробужденіемъ общественнаго сознанія пробуждаются обыкновенно и дурные инстинкты нѣкоторыхъ слоевъ общественныхъ; разгораются страсти, завязывается борьба литературныхъ мнѣній и ученыхъ убѣжденій, происходитъ столкновеніе многочисленныхъ личностей—какъ служебныхъ, такъ и не служебныхъ,—и все это волнующееся движеніе общества требуется упорядочить и сильною рукою направить къ общему народному благу. Помочь, каждому по мѣрѣ силъ и способностей, этимъ великимъ царственнымъ усиліямъ—есть священный долгъ всякаго современнаго русскаго человѣка. Но къ величайшему сожалѣнію, разность во взглядахъ на народное благо разобщаетъ русскія народныя силы; и она то во многихъ охлаждаетъ любовь къ престолу и царю, сѣетъ вражду между отдѣльными общественными кружками,—и притомъ такъ, что чѣмъ выше и авторитетнѣе эти круги, тѣмъ горячѣе и настойчивѣе ведется въ нихъ борьба, и тѣмъ недружелюбнѣе тамъ смотрятъ другъ на друга въ случаѣ разногласія мнѣній. Повидимому всѣ желаютъ одного и того же: желаютъ, чтобы нищеты и нужды было меньше въ народѣ, и чтобы природныя богатства Россіи, какъ можно успѣшнѣе разработывались и больше накоплялись; желаютъ, чтобы образованіе народное какъ можно выше поднялось и какъ можно дальше раздвинулось; желаютъ, чтобы государственныя учрежденія и формы общественной жизни были какъ можно свободнѣе, чтобы всѣмъ жилось безъ всякаго стѣсненія и чтобы каждый, дыша совершенно привольно, могъ свободно развивать свои природныя силы и таланты; желаютъ наконецъ, чтобы политическое значеніе нашего отечества въ ряду другихъ европейскихъ державъ было сильно и могуче. Прекрасныя желанія! И кто изъ русскихъ людей не пожелалъ бы всего этого?! Но когда прислушаться къ толкамъ о мѣрахъ и способахъ для осуществленія всѣхъ исчисленныхъ желаній, то они оказываются до такой степени разнорѣчивы и противорѣчи,—что то самое, въ чемъ одни полагаютъ благо для своего отечества, другіе называютъ зломъ; чѣмъ одни надѣются достигнуть величія и спокойствія для своей родины, то

самое, по мнѣнію другихъ, приведетъ его къ погибели. Кто же долженъ рѣшить и разъяснить дѣло, и подарить покой народу? Здѣсь сама собою выступаетъ великость значенія крѣпкой и могущественной власти правительственной, вспомоществуемой лучшими умами и просвѣщеннѣйшими служебными силами народными. Да будетъ же Господь всесильнымъ помощникомъ Государю нашему въ отправленіи его великаго царскаго служенія, и да соберетъ вокругъ престола его наилучшихъ и благонамѣреннѣйшихъ пособниковъ ему!

Но не затѣмъ мы поставляемъ на видъ столь обострившееся въ наше время разногласіе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, чтобы не подать никакого голоса съ своей стороны къ умиротворенію этого разногласія. Можетъ быть и вы ждете теперь какого-нибудь разъяснительнаго слова отъ алтаря церковнаго по поводу самаго современнаго и всеобщаго нашего вопроса, какъ лучше устроить отъ чего-то поколебавшееся народное благо, какъ надо понимать это благо, и гдѣ лежитъ къ нему путь? Это именно и хотѣлось бы намъ нѣсколько разъяснить, но не въ смыслѣ составленія какихъ-нибудь политическихъ программъ, или предложенія нарочитыхъ мѣръ по тому или другому вопросу народнаго благоденствія. Церковь Христова къ этому не призвана. Господь сказалъ, что царство его не отъ міра сего,—это значитъ, что устроять формы своей политической и общественной жизни Господь предоставилъ самимъ обществамъ людскимъ, и слѣдовательно служители Христовой церкви никогда не должны быть и не будутъ сторонниками какой-нибудь одной политической партіи и противниками другой. Отнюдь не настаивая на закрѣпленіи какихъ нибудь однихъ установившихся и старинныхъ формъ жизни общественной, и вовсе не желая застоя и окаменѣлости въ развитіи этой жизни, въ чемъ иногда совершенно ошибочно обвиняютъ церковь,—она напротивъ готова благословлять всякое правильное и зрѣлое движеніе впередъ и всякое обновленіе къ лучшему въ устроеніи внѣшняго и матеріальнаго быта государственнаго. Но случается, что въ этомъ движеніи и въ этихъ страстныхъ поискахъ новаго и лучшаго забывается общественными дѣятелями самая существенная и внутренняя сторона дѣла, безъ которой рѣшительно невозможно благо

народа, какія формы ни придумывай для его жизни и какими порядками его ни надѣляй. Случается непостижимое какое то забвеніе нравственно-религіозной области, внѣ которой представляется возможнымъ иногда и не мелкимъ даже умамъ создать для народа крѣпкую и здоровую политическую жизнь. Тогда настаетъ очередь служителей Христовой церкви сказать свое слово, и если можно вернуть съ ошибочнаго пути увлекшихся и забывшихся людей. Намъ представляется, что если когда, то теперь въ особенности слѣдуетъ провозгласить слова Христа Спасителя всѣмъ радѣтелямъ народнымъ и искателямъ общественнаго блага: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ*!

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало замѣчается нынѣ этого исканія правды царствія Божія, какъ мало видится въ людяхъ религіозныхъ порывовъ и стремленій! Среди горячихъ споровъ о разныхъ системахъ образованія и среди всевозможныхъ земскихъ и политическихъ вопросовъ всего неохотнѣе занимаются религіозными вопросами, и всего менѣе озабочены тѣмъ, какъ поднять религію въ людяхъ и какъ расширить нравственно-воспитательное значеніе церкви въ обществѣ. Люди свѣтской науки какъ бы не считаютъ этого своимъ долгомъ, и потому рѣдко-рѣдко кто изъ нихъ обмолвится какимъ-нибудь сочувственнымъ словомъ о религіи и ея значеніи въ обществѣ. А есть многочисленные кружки, имѣющіе свои литературные органы, которые создаютъ весьма широкую книжную область съ тою повидимому просвѣтительною и назидательною цѣлію, чтобы затушить и послѣднія религіозныя искры въ читающихъ людяхъ. Окольнымъ путемъ и съ самыми тонкими учеными пріемами проводится и внушается мысль, что религія есть нѣчто даже мѣшающее умственной зрѣлости людей, что она есть такая область, гдѣ все держится на темномъ и безотчетномъ чувствѣ, которое есть источникъ суевѣрій и предразсудковъ; и потому-де мужи науки, а за ними и всѣ ищущіе истины, должны слушаться одного только разума и ничего больше. Дѣло доходитъ до того, что въ самыхъ образованныхъ европейскихъ странахъ воздвигается прямое гоненіе на религію, и даже правительственными распоряженіями изгоняются изъ школъ всѣ предметы, но-

сящіе на себѣ религіозную печать и могущіе напоминать учащимся о божественномъ основателѣ христіанской религіи. Въ христіанскихъ государствахъ цѣлые десятки тысячъ людей остаются и живутъ даже безъ крещенія, какъ язычники и мытари. У насъ конечно, до этого еще не дошло. Но за то съ какимъ умиленіемъ иные наши мыслители, желающіе обновленія русской земли, смотрятъ на гражданскіе и политическіе порядки этихъ европейскихъ странъ, и какія похвалы имъ расточаютъ, и какъ бы хотѣли они вдругъ пересадить эти порядки на свою родную землю, отказываясь отъ всей прошедшей исторіи русскаго народа и пренебрегая основными началами православной, народной — русской жизни! Не рѣшаясь прямо унижать религію и какъ бы по необходимости уступая ее темному сельскому народу, наши домашніе просвѣтители предлагаютъ иногда такого рода проэкты, чтобы служители религіи мало чѣмъ возвышались надъ темной и сѣрой средой народной и по своему образованію и по своимъ привычкамъ и по всему строю жизни.

На что же надѣются, чѣмъ хотятъ поднять общественную нравственность, и на чемъ думаютъ основать благо народное, если такъ холодно относятся къ религіи, и такъ мало признаютъ за ней значенія въ улучшеніи общества? Надѣются на два обстоятельства. Во первыхъ ожидаютъ, что съ поднятіемъ умственнаго уровня въ народѣ и съ развитіемъ просвѣщенія расширится и чувство долга, ослабѣетъ порокъ и явятся сами собою гражданскія доблести; ибо все дурное и постыдное, говорятъ, происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ невѣжества и нравственной грубости, а они то и пропадаютъ при научно-образовательномъ свѣтѣ. Это называютъ внутренней и положительной мѣрой къ созиданію народнаго блага. Но болѣе всего, кажется, расчитываютъ на внѣшнія и отрицательныя мѣры. Полагаютъ, что въ образованной и свободной странѣ можно создать такіе порядки по всѣмъ отраслямъ государственной жизни, чтобы дурныя и безнравственныя начала, живущія въ людяхъ, затруднены были бы до послѣдней степени; такъ чтобы какой-нибудь напримѣръ корыстолюбивый богачъ, еслибы и захотѣлъ порабощать своими капиталами бѣдняковъ, не могъ бы этого сдѣлать; чтобы какой-

нибудь неспособный, хотя бы и породистый, сановникъ не могъ бы и на короткое время продержаться на своемъ служебномъ посту; чтобы какой-нибудь дѣлецъ, завѣдующій общественнымъ достояніемъ, еслибы и ухищрялся послужить своему карману и своимъ только личнымъ выгодамъ, былъ бы поставленъ въ невозможность это сдѣлать, и т. д. Общимъ же условіемъ для созданія такихъ порядковъ считаютъ возможное освобожденіе гражданъ отъ правительственнаго надзора, никѣмъ и ничѣмъ не нагнетаемую волю земскихъ людей, и добровольный всеобщій надзоръ народа надъ своими дѣлами. Если бы все это устроилось, то говорятъ и благо народное поднялось бы въ высшей степени. На разныхъ служебныхъ постахъ очутились бы только достойные люди, а народная нищета и бѣдность быстро бы исчезла, не смотря даже на противодѣйствіе слѣпыхъ и физическихъ силъ нашей страны, въ родѣ чумы, засухи, вредныхъ насѣкомыхъ и тому подобнаго.

Основная и самая горькая ошибка здѣсь та, будто бы просвѣщеніе есть коренная мѣра противъ людской безнравственности и нечестности. Самыя простыя, кажется, соображенія могутъ обнаружить эту ошибку. Еслибы это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то мы постоянно наблюдали бы одно и то же явленіе: т. е. чѣмъ человѣкъ дѣлался бы умнѣе и больше бы накапливалось въ его головѣ знаній, тѣмъ благороднѣе становился бы онъ сердцемъ и чище по нравственности,—и наоборотъ: чѣмъ не развитѣе человѣкъ въ умственномъ отношеніи и бѣднѣе знаніемъ, тѣмъ онъ хуже былъ бы по нравственности. Но вѣдь это же не такъ въ дѣйствительности? Хотя и великій мудрецъ древности Сократъ отождествлялъ добродѣтель съ знаніемъ, тѣмъ не менѣе это ошибка; ибо кто же изъ насъ не знаетъ, что добродѣтель и нравственность иногда стоятъ въ совершенно обратномъ отношеніи къ умственной развитости и знаніямъ. Утонченность порока и многочисленность преступленій замѣчаются даже и статистикой преимущественно въ городскихъ и особенно въ столичныхъ населеніяхъ, а не въ сельскихъ. Не хотимъ ли мы этимъ, для своихъ соображеній, унизить просвѣщеніе и образованность? Нисколько. Мы хотимъ только поставить на видъ, что не разумъ

есть единственный руководитель человѣческой дѣятельности, и слѣдовательно не отъ его качествъ зависитъ и качество человѣческой нравственности. Образованіе конечно есть свѣтъ, и значитъ вещь прекрасная и желательная, но свѣта недостаточно, чтобы ходить и дѣйствовать. И во тьмѣ, при собственной осторожности и постороннемъ надежномъ руководствѣ, можно дѣлать шаги и приближаться къ цѣли, хоти нерѣшительно и медленно. Но когда поражена и ослаблена самая способность движенія въ организмѣ человѣка, то какъ ни освѣщайте ему путь,—онъ не сдвинется съ мѣста. Такъ и въ нравственной жизни человѣка. Наука и просвѣщеніе конечно разъясняютъ ему, чѣмъ онъ долженъ быть; но силъ достигнуть идеала сами по себѣ не даютъ ему. Надо имѣть въ виду еще и то важное обстоятельство, что самый свѣтъ науки и образованія можетъ быть разныхъ достоинствъ и качествъ. Вмѣсто истины и дѣйствительныхъ предметовъ весьма часто люди устремляются къ призракамъ и впадаютъ въ заблужденія при фальшивомъ свѣтѣ ложнаго образованія и односторонней науки. То, что мнятъ люди за солнечный животворный свѣтъ, весьма часто есть не болѣе какъ блудящій огонь или смрадный факелъ. Какъ бы то ни было, опытъ показываетъ намъ, что умственная и нравственная область, какъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и въ обществахъ людскихъ, суть двѣ самостоятельныя и отдѣльныя области, и потому гармоническое соотвѣтствіе въ развитіи ихъ далеко не такъ неизбѣжно, какъ это многимъ представляется.

А если это такъ; то въ случаѣ упадка общественной нравственности никакіе внѣшніе и гражданскіе порядки не управятъ ее, не поднимутъ и не дадутъ желаемаго направленія. Опять наше слово не къ тому клонится, что все равно, какіе бы порядки ни существовали въ гражданскомъ устройствѣ нашего общества, худые или хорошіе. Нѣтъ, при худыхъ, безпечныхъ и недальновидныхъ порядкахъ, нравственная несостоятельность худыхъ членовъ общества будетъ быстро возрастать на просторѣ, и можетъ дойти до самыхъ нетерпимыхъ размѣровъ; между тѣмъ какъ при умныхъ, цѣлесообразныхъ и дальновидныхъ учрежденіяхъ, особенно когда они крѣпки, общеобязательны и настойчивы, мно-

го нечестныхъ людей и неспособныхъ тунеядцевъ должны попрятаться и сойти съ служебнаго поприща, дабы уступить мѣсто достойнѣйшимъ дѣятелямъ. Но вопервыхъ, когда уже признается нужнымъ для огражденія общественной нравственности настойчивость и общеобязательность, или что то же строгость гражданскихъ порядковъ и учрежденій; то говорить объ общемъ просторѣ и всеобщей свободѣ и независимости приходится уже съ большою умѣренностію и осторожностію. Если въ этомъ случаѣ нужны примѣры, то именно тѣ страны, которыя съ наибольшимъ правомъ могли бы хвалиться своею гражданскою свободою, и страдаютъ именно отъ непрерывной и ожесточенной борьбы партій, доходящей до неприличія и кулачныхъ пріемовъ, и въ нихъ то именно благія правительственныя начертанія и заботы о народномъ благѣ то и дѣло ослабляются, а иногда и вовсе разбиваются противодѣйствіемъ личнаго произвола и страстными выходками отдѣльныхъ гражданъ, не сочувствующихъ идеямъ правительства и ставящихъ всего выше свои личныя убѣжденія и выгоды. Да и у насъ въ тѣхъ случаяхъ и областяхъ народной жизни, гдѣ заявляетъ себя земская свобода, можно ли указать преимущественное процвѣтаніе народнаго блага и развитіе особенныхъ удобствъ и пріятностей жизни—особенно въ селахъ и деревняхъ, куда устремляютъ свою преимущественную любовь свободолюбивые народные радѣтели? Трудно это утверждать. Вовторыхъ невозможно никакимъ геніальнымъ умамъ изобрѣсть столь дальновидныхъ законовъ и всеобъемлющихъ порядковъ, чтобы вся масса общественныхъ членовъ, со всѣми неисчислимыми случаями ихъ отдѣльной личной жизни, была захвачена этими мудрыми законами и управлена этими оградительными порядками. Корень всего злаго таится въ сердцѣ человѣка и его волѣ, по слову Христа Спасителя: *изъ сердца исходятъ помышленія злыя, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія* (Матѳ. XV, 19). Если же не исторгнуть злой корень, то онъ всегда найдетъ возможность дать ростокъ, проберется сквозь всѣ преграды и на самыхъ глазахъ блюстителей общественной нравственности пышно расцвѣтетъ и принесетъ плодъ по роду своему. Какъ вы заставите корыстолюбиваго и черстваго

богача сострадать нуждамъ трудящихся бѣдняковъ и беречь чужія выгоды, когда въ сердцѣ его нѣтъ любви къ ближнему и не посѣяно въ немъ страха Божія? Какими порядками пьяницу и лѣнивца можно передѣлать въ трезваго и дѣятельнаго гражданина, когда несчастная страсть, разслабившая его волю, держитъ его какъ на привязи? Какія предписанія нужно изобрѣсть, чтобы сластолюбивыхъ развратниковъ принудить уважать честь чужихъ семей и права женщины, когда сладострастіе кипитъ у нихъ въ сердцѣ? Чѣмъ и какъ создать самоотверженныхъ патріотовъ изъ людей, которые отъ молодыхъ ногтей пріучались издѣваться надъ своей родной православной вѣрой, или изъ неблаговоспитанныхъ эгоистовъ, для которыхъ основное правило жизни «гдѣ хорошо, тамъ и родина»? Какъ оградить отъ расхищенія общественное и государственное достояніе отъ недобросовѣстныхъ и хитрыхъ дѣльцовъ, которые помимо прямой и видимой дороги умѣютъ находить сто окольныхъ и секретныхъ дорогъ къ казеннымъ богатствамъ? Какія нужно придумать условія гражданскаго быта, чтобы людей стоящихъ у святилища науки заставить служить только ей одной и безкорыстно ревновать объ обогащеніи общественной сокровищницы здравыхъ знаній, если этихъ людей волнуютъ только личные честолюбивые и грубо-матеріальные расчеты, или давитъ раболѣпное поклоненіе чужой учености, смѣющейся надъ всѣмъ святымъ и завѣтнымъ для людей? И если наша страна не хороша и порядка въ ней нѣтъ, — какъ многіе привыкли теперь повторять это съ какимъ-то расчитаннымъ намѣреніемъ, то нельзя ли указать, какъ на примѣръ, на какую-нибудь свободнѣйшую и образованнѣйшую страну на земномъ шарѣ, гдѣ бы на ночь не запирали домовъ, вѣрили бы другъ другу на слово, гдѣ не было бы бѣдности и нищеты, невѣжества и суевѣрій, гдѣ правосудіе сидѣло бы праздно за отсутствіемъ грабежей, убійствъ, злостныхъ посягательствъ на правительственную власть и всякихъ другихъ непотребствъ? Нѣтъ, такой страны еще не открыли. Но это можно устроить, и все это непремѣнно будетъ, — хотятъ насъ увѣрить горячія головы и страстные поклонники разума и человѣческой науки. На всѣ эти увѣренія, какъ бы искренни они ни были, можно отвѣтить только одно, что слишкомъ

долго человѣчеству приходится ждать этихъ услугъ отъ науки и просвѣщенія, этого наступленія царства небеснаго на землѣ.

А между тѣмъ вотъ что открываетъ намъ святая религія Христова. Все человѣчество страдаетъ нѣкоторою внутреннею и неисцѣльною, и притомъ наслѣдственною болѣзнію съ незапамятныхъ временъ. Болѣзнь эта разслабила волю человѣка и развратила его сердце до такой степени, что предоставленный самому себѣ онъ оказывается съ однимъ исканіемъ добра и съ естественнымъ стремленіемъ къ нему; достаточныхъ же силъ для обладанія этимъ сокровищемъ у него уже не находится. Борьба со зломъ, растлившимъ природу человѣка, уже стала для него совершенно неровною борьбой; и все человѣчество въ этой изнурительной и несчастной борьбѣ погибло бы совершенно и развратилось, еслибы самъ Сынъ Божій не употребилъ чрезвычайныхъ средствъ для возстановленія своего образа въ падшей человѣческой природѣ. Для этого оказалось нужнымъ Ему самому принять зракъ раба и въ человѣческомъ немощномъ образѣ пожить на землѣ съ людьми, учить ихъ и наконецъ пострадать на крестѣ. Для этого принесъ Онъ новый завѣтъ съ неба, основалъ на землѣ свою церковь и въ ея таинственныхъ учрежденіяхъ преподалъ людямъ «все потребное къ жизни и благочестію» (2 Петр. I, 3). Слѣдовательно только въ живомъ союзѣ съ божественнымъ Спасителемъ рода человѣческаго, подъ сѣнію и руководствомъ основанной имъ церкви и съ помощію чрезвычайныхъ благодатныхъ средствъ люди могутъ съ честію вести борьбу съ исконнымъ зломъ, гнетущимъ человѣчество, и выходить побѣдителями изъ этой борьбы. А говоря ближе къ нашему предмету,—только развитіе религіознаго начала и углубленіе его въ сердцахъ людей можетъ возвысить нравственное состояніе человѣческихъ обществъ, и застраховать ихъ отъ внутренняго разложенія; только при всемогущемъ содѣйствіи религіи Христовой и при помощи благодатныхъ и таинственныхъ средствъ, которыя она предлагаетъ людямъ, можетъ совершаться правильное движеніе впередъ — какъ въ научномъ и умственномъ, такъ и матеріальномъ развитіи человѣческихъ обществъ. Тогда то и могутъ оказаться истинно плодотворными всѣ правительственныя предначертанія и гражданскія учрежденія,

на которыхъ думаютъ основать благо народа столь многочисленные теперь вожди его, и столь противорѣчивые просвѣтители. Религія будто бы противорѣчитъ и мѣшаетъ здравой наукѣ, имѣетъ выгоды держать людей въ суевѣрной и предразсудочной тьмѣ,—какая несчастная ошибка, какое грубое недоразумѣніе! Что люди суевѣрные и упорно-невѣжественные могутъ имѣть обликъ людей религіозныхъ, что люди не перенесшіе правилъ религіозныхъ въ свое сердце и душу могутъ быть суровыми ревнителями внѣшняго благочестія и безсердечными гонителями чужихъ слабостей и чужихъ мнѣній,—это правда. Но развѣ въ этомъ состоитъ религія? Когда одинъ только животворный лучъ ея западетъ на дно души человѣческой, хотя бы самой холодной и развращенной,—онъ можетъ даровать ей новую жизнь, и преобразовать всего человѣка въ самое короткое время. И развѣ не было величайшихъ умовъ и знаменитѣйшихъ ученыхъ, которые были въ то же время нелицемѣрно—благочестивыми и глубоко религіозными людьми? Какъ же свѣтъ научный не разсѣялъ мнимой тьмы религіозной? Напротивъ, не религія ли вдохновляла великихъ людей на ихъ подвиги и безкорыстные труды для человѣчества? И не отъ того ли, какъ прежде, такъ и теперь пропадаетъ тамъ много талантовъ и богатыхъ природныхъ дарованій, что обладатели ихъ упрямо уклоняются отъ религіозныхъ вліяній и смолоду затрачиваютъ безплодно свои силы на службѣ различнымъ постыднымъ и мірскимъ кумирамъ? Въ началѣ своего слова мы дали вамъ замѣтить, благочестивые слушатели, что при всей розни, замѣчаемой въ стремленіяхъ и убѣжденіяхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, при всей остротѣ ихъ споровъ и жгучести ихъ взаимной борьбы могло бы быть нѣчто умиротворяющее и объединяющее. Это именно религія, т. е. ея воцареніе въ людскихъ сердцахъ. И какую бы тогда необъятную и несокрушимую силу почувствовала въ себѣ наша родина въ дѣлѣ созиданія своего общественнаго и политическаго блага! Исчезли бы въ ней какъ дымъ тѣ гибельныя и разрушительныя начала, которыя не даютъ покоя не только правительству, но и намъ всѣмъ, и застилаютъ истину отъ глазъ иногда совершенно благонамѣренныхъ и очень дѣльныхъ и умныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ

какого зла ни коснись въ нашей родинѣ,—непремѣнно придешь къ мысли о слабости религіознаго начала въ людяхъ; и съ чего ни начни говорить о народномъ благѣ,—почувствуешь неизбѣжную нужду возвысить и расширить это начало въ сердцахъ людскихъ. Говорятъ напримѣръ, что наша хлѣбная дороговизна отчасти искусственно создана неправильными и своекорыстными торговыми оборотами? Это весьма вѣроятно. Но будь религіознѣе и честнѣе люди, въ чьихъ рукахъ эти обороты,—и зло уполовинилось бы. Говорятъ, наши плодороднѣйшія земли тощаютъ отъ нечестнаго пользованія ими временныхъ и наемныхъ владѣльцевъ? И это весьма вѣроятно. Но будь побольше совѣсти и религіи въ этихъ людяхъ,—и земля не скупилась бы на свои дары. Говорятъ, крестьянская нищета зависитъ иногда не отъ однихъ только ихъ собственныхъ пороковъ, но еще и отъ умноженія въ ихъ средѣ безсердечныхъ капиталистовъ, и такъ называемыхъ злостныхъ и алчныхъ міроѣдовъ? Но возможны ли были бы эти люди, если бы въ душѣ у нихъ теплилась искра религіи? Говорятъ, наша армія во время войны, кромѣ невзгодъ отъ непріятеля и суровостей природы, терпѣла еще великія невзгоды и отъ корыстолюбія людей, завѣдывавшихъ ея продовольствіемъ? Если это такъ, то гдѣ же причина зла, какъ не въ забвеніи этими людьми религіи и страха Божія? Говорятъ, равнодушіе къ школѣ и образованію народъ почувствовалъ особенно послѣ того, какъ потерялъ вѣру въ своихъ учителей, которые силились не научать его вѣрѣ, а отучать отъ нея. Если это правда, то причину зла здѣсь не нужно и указывать. Говорятъ, что юношество наше отъ того бываетъ непокорно и слабонравственно, что не всегда слышитъ разумное, трезвое и богобоязненное слово съ ученыхъ каѳедръ, а изъ книгъ и журналовъ и очень часто вѣетъ на него нравственной тлей и развращеніемъ? Если это такъ, то чѣмъ же помочь горю, какъ не обоюднымъ религіознымъ отрезвленіемъ и учащихъ и учащихся? Говорятъ, что широкое развитіе роскоши и сластолюбія въ городскихъ населеніяхъ, породившее множество искусственныхъ потребностей и отсюда крайнее несоотвѣтствіе между потребностями и средствами жизни, стало причиною всеобщаго обѣдненія и недовольства жизнію? Кто

же научитъ людей воздержности и умѣренности, и разовьетъ довольство своимъ жребіемъ, какъ не религія? Говорятъ, что ослабленіе національнаго чувства въ извѣстныхъ русскихъ кружкахъ, которые съ хамовой веселостію глумясь надъ всѣмъ роднымъ и отдаляясь сердцемъ отъ престола и царя, горячо и нѣжно радѣютъ о всякихъ иноплеменныхъ интересахъ, а свою родную страну готовы подѣлить на части и употребить ихъ на удовлетвореніе какихъ-то историческихъ долговъ, измышляемыхъ разными притязателями и завистниками нашей русской силы и величія,—этотъ упадокъ патріотизма и слѣпотствующее подслуживанье всякимъ тайнымъ противорусскимъ надеждамъ и мечтамъ, говорятъ, есть прямое слѣдствіе сердечнаго охлажденія къ исконной народной русской святынѣ православія. Несомнѣнно это такъ!...

А если все это такъ, то очевидно, что наша самая серьезная и главная забота должна быть не о чемъ иномъ, какъ о возвышеніи религіозности въ нашемъ обществѣ и возвращеніи на путь вѣры и православія тѣхъ многочисленныхъ русскихъ людей, которые сбились съ этого пути, въ своей ученой и лжесвободной слѣпотѣ покланяются разнымъ грѣховнымъ и въ частности иностраннымъ идоламъ! О, да соберетъ Господь тѣснѣе вокругъ престола царева тѣхъ избранныхъ русскихъ людей, которые, какъ нѣкогда избранные Израильтяне при величайшемъ ветхозавѣтномъ ревнителѣ вѣры—пророкѣ Иліи, не преклоняютъ колѣнъ предъ ваалomъ лжеименной науки и безбожнаго и невѣрующаго отрицанія, и не цѣлуютъ сего идола, не смотря на всеобщее развращеніе и поклоненіе сему идолу! А мы всѣ, молящіеся здѣсь о своемъ дорогомъ Государѣ, преемникѣ великаго народнаго радѣтеля русскаго, не забудемъ въ своихъ поискахъ народнаго блага и государственнаго благоденствія этихъ божественныхъ словъ нашего Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.* Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ духовной семинаріи предъ исповѣдью *).

(10 февраля 1882 г.).

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Наступили и идутъ у насъ съ вами, любезные воспитанники, самые серьезные и самые драгоцѣнные дни въ году нашемъ. Цѣлый годъ и у васъ, какъ и у всѣхъ впрочемъ, идетъ разная суета и всяческій мятежъ. Житейская суета конечно еще не слишкомъ тяготѣетъ надъ вами, но ежедневные классы и уроки, уроки и классы съ ихъ удачами въ перемежку съ неудачами и огорченіями, разныя заботы и тяжести по наукѣ, учебныя и школьныя столкновенія съ товарищами, съ начальственными, служащими и даже посторонними лицами,— все это болѣе или менѣе развлекаетъ душу, влечетъ ее вонъ изъ внутренняго ея святилища, мѣшаетъ ей уединиться самой въ себѣ, чтобы сосредоточиться на высшихъ нравственныхъ и религіозныхъ попеченіяхъ. Въ текущую благодатную недѣльку все это до нѣкоторой степени должно примолкнуть и прекратиться. Св. церковь всѣхъ и старыхъ и малыхъ, и насъ служащихъ и учащихъ, и васъ юныхъ и учащихся, призываетъ къ покаянію и молитвѣ, зоветъ ежедневно въ храмы, приготовляетъ намъ трапезу Господню и передъ ней приглашаетъ всѣхъ къ очищенію совѣсти, запятнанной и загрязненной въ теченіи года разными промахами, паденіями и грѣхами. О, какъ бы я желалъ, чтобы вы совершили это великое и святое дѣло по возможности такъ, какъ хочетъ этого св. церковь Господня! Это желаніе мое внушило мнѣ мысль побесѣдовать съ вами нѣсколько о томъ, что предстоитъ вамъ завтра или послѣ завтра совершить и что потомъ должно надъ вами совершиться.

Предстоитъ вамъ явиться на судъ предъ нелицепріятнымъ, всевидящимъ и правосуднымъ Господомъ Богомъ, явиться съ своими сокровенными немощами душевными, съ своими увлече-

*) Напечатано въ 4-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1882 г.

ченіями сердечными, съ грѣховными помыслами и паденіями. Проста повидимому и пока не страшна ничуть обстановка этого суда. Строгихъ допросовъ вамъ чинить не будутъ, никакихъ свидѣтелей о вашемъ поведеніи не потребуется. Въ тишинѣ церковнаго уединенія вы увидите смиреннаго священника Божія, который безъ всякихъ жесткихъ упрековъ и строгихъ прещеній, безъ всякихъ расчитанныхъ усилій поймать васъ на словѣ или обличить, будетъ только ждать, что вы скажете ему о себѣ, въ чемъ повинитесь и что донесете на себя изъ своего прошедшаго поведенія. Скажете ему: да, вотъ въ чемъ и вотъ въ чемъ я виноватъ,—и никакая кара за это васъ не постигнетъ! Явитесь къ нему не помнящими и не знающими, притворитесь невинными,—преслѣдовать васъ и вытягивать сознаніе у васъ никто не станетъ. Съ тѣмъ и уйдете, съ чѣмъ пришли. Только Господу будетъ видно и знаемо, съ чѣмъ вы приходили и съ чѣмъ ушли. Я опасаюсь, чтобы эта простота и видимая безответственность исповѣди не помѣшала вамъ совершить ее побожески, и чтобы не прошла она надъ вами какъ внѣшняя только и обычная обрядность, не коснувшись вашей души и не затронувши вашей совѣсти.

Мнѣ кажется, что напротивъ—такая простая, свободная и неустрашающая обстановка великаго таинства покаянія и должна располагать всякаго мыслящаго и мало мальски благоговѣйнаго изъ васъ къ полной искренности самоосужденія на исповѣди. Не затѣмъ ли и Господь такъ просто и удобно поставилъ для насъ на землѣ свой судъ, чтобы до наступленія послѣдняго и страшнаго суда Его, когда восплакнутъ и вострепещутъ передъ Нимъ всѣ племена земныя, мы имѣли возможность безъ всякаго страха и трепета пріобрѣсть и упрочить свое оправданіе на этомъ послѣднемъ и страшномъ днѣ судномъ? Не злоупотребляйте же великою милостію и снисхожденіемъ Господнимъ, которое ждетъ васъ на исповѣди, если только понимаете вы и не позабыли настоятельной нужды и великой важности—время отъ времени очищать свою совѣсть исповѣданіемъ грѣховъ своихъ предъ служителемъ Божіимъ. А какъ можно позабыть это или не понимать этого?

Съ каждымъ прожитымъ днемъ нашей жизни, что нибудь новое прибавляется въ нашемъ нравственномъ строѣ. Невидимо совершается ростъ и безостановочно идетъ развитіе нашей личности въ томъ или другомъ направленіи, т. е. или въ худомъ или въ хорошемъ. Зрѣетъ нашъ духъ со всѣми положенными въ него природными сѣменами, наклонностями и потребностями. Обычное суетливое движеніе нашей мірской и тѣлесной жизни мѣшаетъ намъ слѣдить за этимъ нравственнымъ созрѣваніемъ нашего духа. За вѣчнымъ недосугомъ и дѣлами человѣку не видно, какъ всходятъ и зрѣютъ въ душѣ его разныя плевелы, какъ заползаютъ къ нему въ сердце разныя похоти и страстныя привычки. Есть массы людей, которые смолоду цѣлую жизнь свою проводятъ какъ во снѣ въ дѣлахъ житейскихъ и развлеченіяхъ мірскихъ, ни разу не заглядывая во внутреннюю область своего духа,—и въ этомъ то разсѣяніи и нравственномъ самозабвеніи зрѣютъ обыкновенно страсти людскія, и совершается ихъ постепенная погибель и развращеніе. Въ предупрежденіе этой то опасности и выдѣляетъ намъ св. церковь нѣкоторые дни и недѣли въ году, чтобы мы отвлеклись на время отъ обычнаго теченія своей жизни, заглянули во внутрь себя и занялись исключительно своей душой, и озаботились изслѣдованіемъ разныхъ засоренныхъ въ ней мѣстъ, очищеніемъ и обновленіемъ ея силъ спасительными таинствами покаянія и пріобщенія св. Христовыхъ Таинъ. Къ этому-то и готовитесь теперь вы. Нужно ли разъяснять вамъ, какъ это важно для васъ, какая великая потеря будетъ для васъ и какой страшный грѣхъ отяготѣетъ надъ вами, если священное дѣло совѣсти не совершите вы по совѣсти?

Юность—это самый важный, и какъ говорятъ, самый критическій періодъ нравственнаго созрѣванія. Тутъ то всходятъ и показываются впервые тѣ грѣшные и злые ростки нашей всеобщей и наслѣдственной порчи нравственной, которые, не будучи усмотрѣны и исторгнуты изъ молодой души во время, укрѣпляются и выростаютъ съ такою силою, что опутываютъ совсѣмъ человѣка въ дальнѣйшей его жизни и приготовляютъ ему такую страшную опасность нравственную, миновать которой онъ можетъ только подъ условіемъ самой напряженной борьбы съ со-

бою. Исходъ же этой борьбы подверженъ тысячѣ случайностей. Объ этомъ ли не стоитъ теперь подумать вамъ и озаботиться? Справьтесь, напр., насчетъ любаго пьяницы, какъ онъ сдѣлался рабомъ своей несчастной страсти,—и откроется въ большинствѣ случаевъ, что смолоду онъ былъ не остороженъ. Позволялъ себѣ сначала рюмочку другую, затѣмъ допускались изрѣдка попойки съ пріятелями, потомъ явилась наклонность къ хмѣльному веселью, далѣе уже образовалась привычка къ вину и наконецъ воцарилась страсть. А попробуйте урезонить вполнѣ сформировавшагося пьяницу, чтобы онъ бросилъ пьянство и измѣнилъ свое поведеніе! Онъ можетъ быть со слезами самоосужденія отвѣтитъ вамъ: не могу! Если прослѣдить также жизнь открытаго невоздержника и закоренѣлаго развратника, опять откроется, что не вдругъ же, разумѣется, онъ ниспалъ до всей своей низости. Исторія таковыхъ паденій обыкновенно начинается въ молодости. Сначала инстинктивные позывы къ сладострастію, затѣмъ наплывъ помысловъ съ нечистыми образами, далѣе умаленіе страха Божія съ потерею юношеской стыдливости и внутренняго цѣломудрія, потомъ дозволеніе гнилыхъ словъ и исканіе срамныхъ бесѣдъ, затѣмъ жажда и даже страсть къ любострастному чтенію, потомъ начинающіе повторяться случаи паденія, и затѣмъ начинаетъ человѣкъ скользить все внизъ все внизъ, пока совсѣмъ завязнетъ въ грязномъ болотѣ животной страсти. И тогда попробуйте завести съ этимъ человѣкомъ бесѣду о нравственно-духовномъ достоинствѣ человѣка и даже погрозите ему словами писанія, что блудники и сладострастники царствія Божія не наслѣдятъ,—онъ или отвѣтитъ злой ироніей и богохульствомъ, или безнадежно махнетъ рукой, а съ своими любострастными привычками не разстанется. Еще примѣръ. Слыхали вы конечно, а можетъ быть и видали, что есть жалкій сортъ людей, такъ называемые вѣчные сутяги, есть также злобные завистники, ехидные честолюбцы, невыносимые гордецы и тому подобные люди, всюду несущіе за собою раздоръ и вражду, обливающіе скрытымъ ядомъ ту среду, гдѣ имъ приходится жить и не дающіе покою ни себѣ, ни своему начальству, ни людямъ, съ которыми судьба связала ихъ какими нибудь неизбѣжными

отношеніями. Зарожденіе и образованіе такихъ несчастныхъ характеровъ, имѣющихъ можетъ быть основаніе въ природныхъ свойствахъ темперамента, опять начинается смолоду и совершается при недостаткѣ самообладанія и работы надъ собою. Сначала можетъ быть по легкомыслію и юношескому задору нѣсколько случаевъ допущенной и безнаказанно прошедшей вспыльчивости—съ обидою и нарушеніемъ правъ своихъ товарищей, нѣсколько случаевъ успѣха и перевѣса надъ ними заронила искру самомнительности и самолюбія въ этихъ людяхъ, затѣмъ раздули ее обратные случаи неудачъ и появленіе соперниковъ. Потомъ испытанные можетъ быть случаи дѣйствительныхъ обидъ и униженій отъ людей вызвали ихъ на борьбу съ противниками. Новые случаи сладкаго удовлетворенія самолюбивыхъ мечтаній и осуществленіе задуманныхъ честолюбивыхъ плановъ, и затѣмъ новые опыты разочарованія и новые соперники обострили эту борьбу до злости и раздраженія, развили мнительность, толкнули разъ другой на низость—и вышеописанный нравственный уродъ готовъ! И тогда попробуйте исцѣлить его и растолковать, что онъ самъ въ себѣ носитъ заразу. Онъ сочтетъ это за новое оскорбленіе и пожалуй задумаетъ противъ обличителя новую каверзу. Онъ уже привыкъ считать себя центромъ, около котораго должно все вращаться, привыкъ ожидать и требовать, чтобы всѣ думали и хлопотали главнымъ образомъ объ его интересахъ.

Такъ вообще и все остальное дурное въ людяхъ начинаетъ спѣть и созрѣвать въ періодъ воспріимчивой и легко склоняющейся туда и сюда молодости. Небрежное и неряшливое отношеніе къ исполненію дисциплинарныхъ школьныхъ правилъ, лѣнивое отношеніе къ изученію уроковъ и вообще беззаботность учебная вырабатываетъ впослѣдствіи людей небрежныхъ, лѣнивыхъ и беззаботныхъ и въ жизни и на службѣ; и уже потомъ въ большинствѣ случаевъ не бываютъ сильны ни законъ, ни штрафы, ни внушенія, ни даже строгія взысканія начальственныя сдѣлать этихъ людей исправными и ревностными, ибо чувство служебнаго долга и заботливости не созрѣло и не воспиталось въ этихъ людяхъ смолоду. Точно также изъ юношей и отроковъ, недостаточно благоговѣйныхъ и религіозныхъ, легкомысленно

относящихся къ вопросамъ вѣры и требованіямъ церковной обрядности, весьма часто образуются впослѣдствіи холодные и безсердечные отрицатели всего священнаго, упорные матеріалисты и ожесточенные невѣры. И трудно трудно бываетъ имъ вернуться на путь истины.

Къ тому я веду всю эту рѣчь свою, что передъ исповѣдью, вамъ предстоящею, вамъ нужно собраться съ своими мыслями и посерьезнѣе изучить себя, поглубже взглянуть въ свою молодую душу и тщательно осмотрѣть ее, что въ ней такое дѣлается. Въ началѣ своей бесѣды я допустилъ предположеніе, что нѣкоторые изъ васъ можетъ быть окажутся на исповѣди предъ отцомъ духовнымъ не знающими, не помнящими и наклонными къ самооправданію. Это можетъ случиться, такъ сказать, довольно искренно. Можетъ быть такъ, что человѣкъ и самъ не знаетъ, хорошъ онъ или дуренъ, много онъ и сильно погрѣшилъ или нѣтъ. Въ прошедшемъ все представляется сглаженнымъ, забытымъ или мелкимъ. Вотъ здѣсь то и нужно ваше самоуглубленіе. Вамъ извѣстно, конечно, какимъ великимъ правиломъ мудрости еще въ отдаленной древности считалось правило: познай самого себя. Христосъ Спаситель, принесшій съ неба новый и высшій нравственный законъ людямъ въ христіанствѣ и учредившій въ своей церкви спасительныя таинства покаянія и причащенія, сдѣлалъ это правило обязательнымъ не для мудрецовъ только, но и для всѣхъ своихъ послѣдователей: *да искушаетъ человѣкъ себе,* сказано всѣмъ намъ въ Писаніи, *и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ; ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня* (1 Кор XI, 28. 29). Искушать себя и значитъ именно испытать и изучить себя, растревожить, такъ сказать, свою задремавшую совѣсть и по ея указанію произнести надъ собою безпристрастный судъ безъ всякаго самооправданія и самосожалѣнія. И вамъ это непремѣнно нужно сдѣлать, хотя вы еще и молоды, и хоть можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ на васъ крупныхъ и многихъ грѣховъ. Я вамъ уже разъяснилъ, какъ изъ немногаго дѣлается многое и изъ мелкаго крупное зло, а можетъ ли кто изъ васъ поручиться за себя, что съ нимъ не

случится этой бѣды и что онъ не допуститъ слишкомъ низко уронить себя и слишкомъ много испортиться? Врагъ силенъ и хитеръ, а злыхъ и грѣховныхъ сѣмянъ очень много въ нашей падшей природѣ, и засѣяны они слишкомъ глубоко въ ней. Повторяю, что кто не замѣтитъ и не извергнетъ ихъ во время, можетъ неожиданно для себя самаго растлить свою природу и погубить себя окончательно.

Пусть же каждый изъ васъ сначала съ воплемъ обратится къ Господу Богу, да поможетъ онъ узрѣть вамъ самихъ себя со всѣми немощами и недостатками вашими и да пробудитъ онъ въ вашемъ сердцѣ горькое чувство сожалѣнія о содѣянныхъ беззаконіяхъ; ибо сами по себѣ мы грѣшить только умѣемъ, и затѣмъ не только исправиться отъ грѣховъ, но и сознать ихъ и восчувствовать ихъ непотребство мы не въ силахъ. Трудъ покаянія для насъ самый тяжелый, скучный и неудобный. Потому-то и церковь св. учитъ насъ вопіять ко Господу во дни поста: *покаянія отверзи ми двери, жизнодавче*! Потомъ каждый изъ васъ пусть припомнитъ всѣ случаи своихъ вольныхъ и невольныхъ, мелкихъ и крупныхъ грѣхопаденій и проступковъ, сосчитаетъ, если можно, количество ихъ повтореній, вникнетъ въ ихъ внутреннія причины и внѣшніе поводы, и сообразитъ, далеко ли зашла наклонность къ нимъ; а послѣ пусть испробуетъ на себѣ, насколько трудно не дозволять себѣ ихъ повторенія и удерживать самолюбивые порывы. Эти опыты самонаблюденія и самоисправленія освѣтятъ вамъ всю вашу душу и опредѣлятъ подлинную степень ея нравственнаго достоинства. Поставьте себя въ качествѣ подсудимыхъ предъ своею совѣстію и приведите на память всѣ допущенные вами случаи раздражительности и гнѣва, клеветливости и непотребныхъ словъ, дерзости и непочтительности, непослушанія и лжи, неблаговоѣйности къ святынѣ храма и нарушенія постовъ, завистливости и лѣни, присвоенія чужой собственности, недоброжелательства и поруганія надъ честію ближняго, неблагодарности и поощренія на зло меньшихъ братій, всякаго вида сладострастныхъ увлеченій и невоздержанія, неряшливости и невѣжества, осужденія, безчинства и самоуправства и другаго прочаго, чего и назвать и допустить я не хотѣлъ бы

въ васъ, но въ чемъ обличаетъ можетъ быть вашъ внутренній судія. Вдумайтесь, насколько виновата была во всѣмъ этомъ ваша молодая кровь, или ближайшіе примѣры, или постороннія внушенія прямыя и косвенныя, или наконецъ ваше собственное злое произволеніе. Воздохните обо всемъ этомъ предъ всевидящимъ, правосуднымъ, но и милосердымъ Господомъ Богомъ; изложите безтрепетно все это предъ отцемъ духовнымъ, примиритесь искренно со всѣми, кому вы дали поводъ огорчаться на васъ и скорбѣть за васъ, и положите себѣ святой зарокъ беречься и воздерживаться отъ всего этого по мѣрѣ своихъ силъ на будущее время. Если же вы этого не сдѣлаете, то грѣшна и богопротивна будетъ ваша исповѣдь и нетолько не подвинетъ она васъ ни на шагъ по пути добродѣтели, а напротивъ отдалитъ отъ Бога, лишитъ его благодати и еще больше усыпитъ вашу совѣсть. Холодно, безучастно и разсѣянно постоявши нѣсколько минутъ предъ исповѣдальнымъ аналоемъ и вернувшись отъ него съ прежнимъ нравственнымъ дреманіемъ, вы только повернетесь, такъ сказать, на другой бокъ и еще крѣпче заснете сномъ грѣховнымъ. Каково же и когда будетъ ваше пробужденіе? А между тѣмъ его ждетъ уже отъ васъ милосердый Господь Богъ, стоя и толча у дверей сердца вашего, и уготовляя вамъ въ трапезу свое пречистое тѣло и кровь. Убойтесь же страшнаго слова апюстольскаго, что *ядый и піяй недостойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ*. Да не будетъ сего съ вами; напротивъ да обыметъ васъ любовь и милость Господня.

Затѣмъ благословляя и препровождая васъ ко святому и великому таинству покаянія, считаю нужнымъ и для моего и для вашего успокоенія, по христіанскому долгу, преподать вамъ всѣмъ мое смиренное всепрощеніе, и въ особенности тѣмъ изъ васъ, для кого на судѣ Божіемъ можетъ оказаться оно въ особенности нелишнимъ. И съ своей стороны прошу у васъ снисхожденія къ моимъ невольнымъ и ненамѣреннымъ противъ васъ прегрѣшеніямъ; ибо въ вольныхъ, намѣренныхъ и сознательныхъ совѣсть моя,—видитъ Богъ, меня не упрекаетъ. Аминь.

СЛОВО

въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича *).

(2 марта 1882 г.).

Какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи, всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите (I Петр. II, 16. 17).

Свобода,—какимъ любимымъ стало это слово! Всюду разсуждаютъ нынѣ о свободѣ, всѣ ищутъ ея, всѣ и всѣхъ стремятся сдѣлать свободными. А между тѣмъ какъ осложнилось и запуталось самое понятіе о свободѣ, сколько недоразумѣній, затрудненій и борьбы и въ нашемъ и во всѣхъ обществахъ явилось изъ-за этой всеобщей жажды свободы! И замѣчательно, что по мѣрѣ замѣтнаго расширенія свободы во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни все громче и жалобнѣе раздаются вопли о повсюдныхъ будто-бы стѣсненіяхъ свободы. Когда ученыхъ приглашаютъ бережно относиться къ святынѣ вѣковѣчныхъ религіозныхъ убѣжденій человѣчества, они жалуются на стѣсненіе ихъ ученой свободы. Когда пишущимъ людямъ внушаютъ, что не всѣ ихъ измышленія и личныя воззрѣнія на вещи и на людей удобны для печати,—они вопіютъ на стѣсненіе ихъ литературной свободы. Когда брачнымъ людямъ говорятъ о святости и нерасторжимости брачныхъ узъ,—они сѣтуютъ о стѣсненіи ихъ семейной свободы. Когда законодательныя мѣры и правительственныя распоряженія не совпадаютъ съ научными мнѣніями послѣдней моды о гражданскомъ устройствѣ и съ новѣйшими вкусами общественныхъ и служебныхъ дѣятелей,—они огорчаются и вопіютъ, что это гражданское рабство. Когда женщинамъ указываютъ на семью, какъ на область самой природой для нихъ назначенную, многія изъ

*) Напечатано въ 7-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1882 г.

нихъ настойчиво отъ нея отворачиваются, какъ отъ тюрьмы и неволи. Даже юноши и питомцы наши всякую дисциплину и уставные порядки рвутся ниспровергнуть, какъ педагогическое рабство. И т. д... Чѣмъ горячѣе ведутся теперь споры о свободѣ и чѣмъ больше обостряется борьба изъ-за нея; тѣмъ важнѣе установить зрѣлое и основательное понятіе о свободѣ: чѣмъ она должна быть и къ чему стремиться. Еслибы всѣ согласились и сошлись въ этомъ основномъ понятіи, то желанная свобода давно бы конечно возсіяла и воцарилась въ людяхъ, и принесла бы имъ не борьбу и мятежъ, а самое прочное и широкое счастіе. Пусть же апостольское слово руководитъ насъ въ опредѣленіи свободы.

Поступайте какъ *свободные,* говоритъ апостолъ, *не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи.* Итакъ, по апостолу, истинно свободный человѣкъ есть прежде всего *рабъ Божій*, и значитъ сущность свободы состоитъ въ неуклонномъ исполненіи совершеннѣйшей воли Божіей. Это положительная сторона свободы. Далѣе: истинно свободный человѣкъ, по апостолу, есть тотъ, кто умѣетъ противиться порывамъ своей личной испорченной и порочной воли. Это отрицательная сторона свободы. Эту послѣднюю сторону, къ сожалѣнію, и опускаютъ обыкновенно изъ виду, полагая законнымъ и справедливымъ все, что есть въ человѣкѣ, всѣ его инстинкты и всѣ натуральныя хотѣнія его духа, какъ бы они ни сложились, и куда бы они ни направлялись. А забвеніе это въ свою очередь происходитъ изъ отрицанія разстройства и порчи человѣческой природы. Не желая знать первоначальной исторіи человѣчества и отвергая все, что говорится въ откровенной религіи о паденіи людей и о наслѣдственной передачѣ нравственной заразы путемъ рожденія однихъ людскихъ поколѣній отъ другихъ, современные недальновидные ревнители свободы весь родъ человѣческій любятъ представлять лишь многомилліонной суммой особей, изъ которыхъ каждая есть чистое и совершенное произведеніе природы, разнящееся отъ другихъ лишь количествомъ своихъ талантовъ и способностей, степенью ихъ развитія и проистекающею отсюда разнохарактерностью своихъ потребностей и склонностей. При такомъ взглядѣ на людей конечно каждый изъ нихъ имѣетъ полное пра-

во искать и усиленно требовать того, чего хочется именно ему, а не другому,—а въ случаѣ поставляемыхъ ему препятствій на пути его стремленій строптиво вопіять: «это стѣсненіе, это поруганіе свободы, это рабство»! Но конечно никогда и никому не удастся выдумать ни одного вида и образа свободы, которая бы удовлетворяла всѣхъ, при такомъ понятіи о человѣкѣ и его свободѣ. Достаточно сойтись двумъ тремъ людямъ, — и у нихъ откроются многочисленные поводы къ разномыслію, къ столкновеніямъ, ко взаимнымъ нарушеніямъ правъ личной свободы, а слѣдовательно и ко враждѣ и къ непріятностямъ; потому что у каждаго изъ этихъ трехъ могутъ оказаться свои убѣжденія, свои вкусы и свои потребности. *Откуда у васъ вражды и распри?* вопрошаетъ апостолъ Іаковъ,—*не отсюда-ли, отъ вожделѣній вашихъ, воюющихъ въ членахъ вашихъ* (Іак. IV, 1)? Это точно такъ. Значитъ, сколь ни вожделѣнна для людей свобода, сколь ни естественно для нихъ искать ее и по ея законамъ строить жизнь свою; тѣмъ не менѣе—этой свободы не настанетъ въ человѣческихъ обществахъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ выработанъ и ясно сознанъ какой-нибудь общеобязательный законъ человѣческой дѣятельности, и пока не будетъ онъ воспринятъ сердцемъ всѣхъ людей,—чтобы ему подчиняться добровольно и имъ провѣрять и поправлять всѣ отдѣльныя проявленія человѣческой самости.

Современные искатели и ревнители свободы повидимому согласны съ этимъ вполнѣ; ибо и они, какъ говорятъ и увѣряютъ, свободу не полагаютъ въ своеволіи и самоуправствѣ, хотя безчисленныя и грубѣйшія проявленія того и другаго всѣмъ отяжелили жизнь до нельзя. Кто же долженъ изобрѣтать общеобязательные для всѣхъ законы и издавать правила и формы жизни общественной, и каковы должны быть эти формы и законы, чтобы настала наконецъ для всѣхъ желанная и всѣми искомая свобода? Говорятъ, что безспорно это дѣло ученыхъ и образованныхъ людей. Такъ. Но чѣмъ должны руководиться и самые эти ученые люди, что должно объединять ихъ? ибо извѣстно, что сколько существуетъ на свѣтѣ ученыхъ людей, столько же почти и разныхъ ученыхъ мнѣній и убѣжденій и борьба этихъ

мнѣній ничуть не менѣе бываетъ горяча и ожесточенна, чѣмъ обыкновенная война съ оружіемъ въ рукахъ. Откуда же должна придти къ намъ наконецъ свобода? Отвѣтъ содержится въ вышеприведенныхъ словахъ апостола Петра. До тѣхъ поръ, пока искатели свободы не сдѣлаются рабами Божіими, пока воля Божія благая и совершенная, со всею полнотою раскрытая людямъ въ евангельскомъ ученіи Христа Спасителя, не будетъ положена людьми краеугольнымъ камнемъ своей нравственной жизни при обновленіи и пересозданіи переходящихъ и измѣнчивыхъ формъ своей политической и гражданской жизни,—до тѣхъ поръ все будетъ по старому, и люди все будутъ стенать подъ гнетомъ собственныхъ своихъ страстей и своеволія. Вотъ гдѣ тайна замѣчаемыхъ неустройствъ въ современной жизни нашей, при всѣхъ видимыхъ ея улучшеніяхъ и достохвальныхъ преобразованіяхъ. Рабочій классъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, но экономическій бытъ его не идетъ на улучшеніе. Ради торговой свободы уничтоженъ откупъ, но развилась нетрезвость и возникъ сложный питейный вопросъ. Область естествознанія расширилась, а съ ней уменьшилась и зависимость людей отъ слѣпыхъ силъ природы; но увеличились и жалобы на истощаніе земли и уменьшеніе ея плодородія. Открыты новые свободные и скорые суды, но увеличились массы подсудимыхъ. Возвысилось и умножилось просвѣщеніе, разбились оковы многихъ предразсудковъ, но изощрились и преступленія. Развѣтвились блага и удовольствія жизни съ изобрѣтеніемъ новыхъ и новыхъ жизненныхъ удобствъ, но умножилась и бѣдность, развилось преждевременное пресыщеніе жизнію, и какъ слѣдствіе его наклонность къ самоубійству. Дарована извѣстная доля земской самодѣятельности, но видна-ли соотвѣтствующая доля земскаго благоде́нствія, общественной попечительности и безкорыстія? Такъ, одна свобода и расширеніе правъ ея не дѣлаетъ еще людей свободными въ истинномъ смыслѣ, не освобождаетъ отъ рабства пороку и страстямъ, а слѣдовательно и счастія не приноситъ людямъ, — пока область этой свободы не наполнена благими плодами нравственнаго преуспѣянія въ людяхъ! А эти плоды возрастаютъ только на почвѣ служенія Богу и всецѣлаго подчиненія его верховной и святѣйшей волѣ.

Но скажутъ: неужели все оставить по старому, отказаться отъ всякихъ преобразованій и возвратиться къ обычаямъ предковъ, которые, можетъ быть, и были религіознѣе насъ, но были и грубѣе насъ по нравамъ и болѣе стѣснены въ формахъ своей общественной жизни? Но не сюда вовсе и клонится наше слово; ибо кто не знаетъ, что невозможно, да отнюдь и не желательно— задерживать теченіе исторіи и останавливать естественное развитіе гражданскихъ обществъ? Пусть оно идетъ своимъ порядкомъ,—но такъ, какъ сему подобаетъ быть у истинно свободныхъ людей, т. е. рабовъ Божіихъ. Прислушаемся къ наставленію апостольскому, которое какъ нельзя лучше идетъ къ переживаемому нами мятущемуся и свободолюбивому времени.

Устрояя свою жизнь, поступайте, говоритъ апостолъ Петръ, какъ свободные рабы Божіи, и вопервыхъ: *почитайте всѣхъ*. Это значитъ: уваженіе къ достоинству правительственныхъ и вообще начальственныхъ лицъ, блюденіе чужихъ правъ, уважительное отношеніе къ чужимъ убѣжденіямъ и даже снисхожденіе къ чужимъ немощамъ и слабостямъ,—вотъ, по апостолу, первая черта благородныхъ и свободныхъ рабовъ Божіихъ и первое условіе стройнаго развитія жизни общественной. Довольно одного сопоставленія этого апостольскаго правила съ развившимся у насъ обычаемъ во имя свободы и независимости ронять и колебать всякіе, даже самые высокіе и священные авторитеты, въ особенности облеченные какою-бы то ни было властію, порочить и злословить своихъ противниковъ, тайно или открыто нападать на нихъ, и при случаѣ даже съ оружіемъ въ рукахъ, — довольно всего этого, чтобы видѣть, какъ далеки еще наши рьяные ревнители и глашатаи свободы отъ ея истинно-человѣческаго идеала.

Братство возлюбите, — продолжаетъ богодухновенный апостолъ свою рѣчь къ свободнымъ рабамъ Божіимъ. Если почтеніе ко всѣмъ и уваженіе чужихъ правъ установляетъ правильность и приличіе во внѣшнихъ людскихъ отношеніяхъ, то *братство* должно согрѣть и оживить ихъ внутреннія отношенія, должно внести въ людскія общества любовь, горячо ревнующую не о своихъ только личныхъ, но и о взаимныхъ выгодахъ, удобствахъ и спокойствіи. Одушевленное этимъ чувствомъ людское общество дѣ-

лается похожимъ на благоустроенную семью, всѣ члены которой живутъ другъ для друга, хотя и различаются по возрасту и правамъ своимъ. Много слышится и у насъ восторженныхъ словъ о любви, и въ особенности къ меньшимъ братіямъ,—къ простому народу; но гдѣ плоды ея, и какъ они проявляются? Не изучивъ основательно коренныхъ нуждъ народа, ни всѣхъ способовъ удовлетворить ихъ, и относясь съ пренебреженіемъ къ его завѣтнымъ и священнымъ вѣрованіямъ,—самозванные радѣтели народа навязываютъ чуждыя и несродныя ему стремленія и не останавливаются ни предъ какими фальшивыми и лукавыми и даже насильственными мѣрами для осуществленія своихъ мятежныхъ идей и для достиженія предательскихъ цѣлей въ средѣ народа. А сколько посягательствъ на чужую собственность, на государственныя выгоды и общественныя средства допускаются въ настоящее время людьми всѣхъ классовъ, не исключая и образованныхъ! Это ли свободные и благородные люди, ищущіе высшаго переустройства общества и гражданской свободы?!

Бога бойтеся, — такъ продолжаетъ апостолъ учить людей, призванныхъ къ свободѣ христіанской. Страхъ Божій,—это высшая и самая характерная черта людей свободныхъ. Повидимому, страхъ несовмѣстенъ съ свободой. Но это кажется отъ привычки смѣшивать распущенность и безстрашное своеволіе съ свободой. Если, какъ мы уже знаемъ, человѣческая свобода, въ своемъ высшемъ и истинномъ значеніи, есть неуклонное и непоколебимое осуществленіе верховныхъ идей добра, начертанныхъ въ законѣ Божіемъ, то опасеніе, какъ-бы не уклониться отъ сего закона, всего естественнѣе въ человѣкѣ ищущемъ этой высшей свободы и въ тоже время сознающемъ слабость своихъ нравственныхъ силъ.—Но это не болѣзненный и мучительный страхъ раба, опасающагося наказанія, а страхъ любви, только ищущей слить свою колеблющуюся волю съ совершеннѣйшей волей Божіей. По той мѣрѣ, какъ горячѣе и непреклоннѣе дѣлается такое исканіе въ человѣкѣ, въ немъ все больше слабѣетъ зависимость его отъ низшихъ и животныхъ влеченій его природы, отъ страстей и порока, и слѣдовательно все возрастаетъ и возрастаетъ въ немъ его нравственная свобода. Еслибы общества

людскія украшались въ обилін такими свѣтлыми личностями; то конечно и обновленіе ихъ совершилось-бы необыкновенно быстро и успѣшно, и не было-бы той мучительной и вѣковой, но всетаки безплодной работы надъ изобрѣтеніемъ законодательныхъ мѣръ и средствъ къ поднятію общественнаго благоденствія и счастія людей. Только съ поднятіемъ духа вѣры и страха Божія въ людяхъ и съ умноженіемъ благочестія можетъ настать и ихъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и работы злу грѣховному со всѣми его бѣдствіями; ибо, по слову писанія, только тамъ, гдѣ есть этотъ духъ вѣры и благочестія, тамъ и свобода. Только истина, въ высшемъ ея значеніи, т. е. истина религіозная, можетъ освободить насъ (Іоан. VIII, 32). Если только Сынъ Божій освободитъ насъ, то истинно свободны будемъ (Іоан. VIII, 36). Что же сказать намъ о своемъ времени? Ярко-ли горитъ у насъ свѣточъ религіи? Высоко-ли поднято ея знамя? Увы, объ религіи и ея высокомъ значеніи въ дѣлѣ преобразованія и обновленія обществъ человѣческихъ у насъ всего менѣе слышится рѣчей и видится заботъ въ тѣхъ особенно кружкахъ, которые громче всѣхъ кричатъ объ язвахъ общественныхъ, и у тѣхъ людей, которые просятся въ цѣлители народные и хотятъ быть преобразователями общества. Среди нашихъ ученыхъ вождей народа, литературныхъ и общественныхъ дѣятелей сколько есть такихъ, къ которымъ можно приложить слово апостола, что они *осуетились умствованіями своими и омрачилось ихъ сердце: называя себя мудрыми, обезумѣли и славу нетлѣннаго* истиннаго *Бога измѣнили* на туманное представленіе о какой-то безграничной и безжизненной силѣ. Потому *и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистоть*... за то, что они обратили истину Божію въ ложь (Рим. I, 22. 23. 24). Но ложью отзовутся и въ ложь обратятся совокупныя усилія всѣхъ, не только нашихъ, но и иноземныхъ мудрецовъ поднять народное благо и къ лучшему преобразовать общества людскія — безъ истины Божіей, безъ религіи и безъ страха Божія.

Бога бойтесь *и царя чтите,* — такъ заключаетъ апостолъ свои наставленія рабамъ Божіимъ, запечатлѣннымъ наивысшею свободою на землѣ. Царскій санъ и царскую власть онъ ставитъ

рядомъ съ верховною властію небеснаго царя царей, очевидно, какъ ближайшій примѣръ, гдѣ страхъ Божій свободныхъ о Христѣ Іисусѣ людей долженъ проявляться въ нихъ, какъ въ наилучшихъ гражданахъ земли. Невидимая міродержавная власть Божія благоволитъ вести царства и народы земные къ сокровеннымъ и благимъ цѣлямъ своимъ чрезъ видимыя и осязательныя посредства земныхъ властителей, сердца которыхъ она содержитъ въ своей промыслительной десницѣ. Посему и самъ воплощенный Сынъ царя небеснаго училъ повиноваться владыкамъ и царямъ земнымъ, какъ отъ него поставленнымъ; и хотя сказалъ, что царство его не отъ міра сего, однакоже въ себѣ самомъ явилъ примѣръ, какъ надо воздавать кесарева кесареви. Посему-то страхъ Божій въ истинномъ рабѣ Божіемъ всегда стоитъ рядомъ и съ почтеніемъ къ царю. Какимъ же горькимъ укоромъ и обличеніемъ отзовется опять слово апостольское, если мы захотимъ приложить его къ своему времени и къ своему обществу. Царя чтите, говоритъ апостолъ; а можно-ли забыть, что случилось у насъ съ годъ тому назадъ? царя не почтили; его убили! Поднялись святотатственныя руки на помазанника Божія! Положимъ, что это были изверги и измѣнники русскаго народа, издревле отличавшагося своею безъзавѣтною преданностію царямъ своимъ; но все же дѣяніе этихъ безумцевъ легло позоромъ на всю русскую землю; но все же тлетворный духъ, которымъ жили и дышали эти жалкіе отверженцы земли русской, образовался въ русской же средѣ и созрѣлъ на русской почвѣ. И можно-ли сказать, что уже прошли теперь всѣ наши опасенія насчетъ того, что этотъ духъ исчезъ и умеръ совершенно въ нашей странѣ? Тяжело продолжать объ этомъ слово и будить пережитыя страшныя воспоминанія; но, повинуясь слову апостольскому, мы должны однакоже твердо помнить и съ усиленною осторожностію наблюдать, *како опасно ходимъ, не якоже не мудри, но якоже премудри*. То есть должны устроить и настроить себя такъ, чтобы не только въ насъ, но и около насъ не дерзали возникать и не могли созрѣвать тѣ, хотя и модныя, но обманчивыя и неразумныя начала, которыя принесли столько гибельныхъ плодовъ нашему отечеству за послѣднее время, и стали камнемъ

претковенія на пути его естественнаго и историческаго развитія.

Совокупляя во едино всѣ мысли и наставленія апостольскія, бывшія предметомъ настоящаго слова получаемъ слѣдующее общее назиданіе, которое мы и обязаны взять въ свое руководство. Если мы нелицемѣрно и искренно хотимъ служить своему Государю, о здравіи котораго собрались теперь молиться, если желаемъ истиннаго блага своему отечеству и ревнуемъ объ освобожденіи его отъ всякихъ рабственныхъ узъ; то должны вопервыхъ утвердить въ себѣ здравое понятіе о свободѣ,—именно: что она, какъ у всякаго нравственно-разумнаго существа въ отдѣльности, такъ и у цѣлыхъ обществъ человѣческихъ—должна быть подчиненіемъ верховной волѣ Господа Бога, и слѣдовательно во всѣхъ своихъ надлежащихъ проявленіяхъ есть служба Ему, и значитъ возможна только у истинныхъ рабовъ Божіихъ. Исходя изъ этого основнаго понятія о свободѣ, мы на службѣ своему отечеству должны воспитать въ себѣ три добродѣтели, при которыхъ только и возможно его правильное и стройное развитіе,—именно: во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ—почтительное приличіе и уваженіе ихъ правъ; во внутреннихъ отношеніяхъ—искреннюю и братскую любовь, къ Богу же—благоговѣйный страхъ, и какъ первое, гражданское такъ сказать, проявленіе сего страха—почтеніе къ царю. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

КЪ НОВОБРАЧНЫМЪ *).

(25 апрѣля 1882 г.).

Привѣтствую васъ, возлюбленная чета, съ наступившими для васъ торжественными и свѣтлѣйшими минутами вашей жизни. Сказавши другъ другу прекрасное и святое слово любви, вы приблизились къ алтарю Господню, чтобы радостно повторить это

*) Василію Леонидовичу Ѳедоровскому и Надеждѣ Ивановнѣ, урожденной Альбицкой. Напечатано въ 9-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1882 годъ.

слово предъ церквію Господнею, безтрепетно произнести предъ всевидящимъ Богомъ священные супружескіе обѣты взаимной преданности и нерасторжимаго до смерти единенія другъ съ другомъ, и благоговѣйно испросить во храмѣ Божіемъ благодатнаго освященія своему союзу. Да утвердится еже у васъ глаголанное слово,—скажу вамъ словами уже обручившей васъ церкви Божіей,—и да благословитъ васъ обоихъ невидимо самъ Господь съ высоты святыя своея. Поистинѣ прекрасно зрѣлище юныхъ жениха и невѣсты въ свѣтлыя минуты совершающагося надъ ними брачнаго таинства! Благожеланія, сочувствіе и христіанская любовь невольно пробуждаются въ сердцѣ у зрителей и свидѣтелей, и безкорыстно идутъ эти чувства навстрѣчу торжествующей и любящейся четѣ новобрачной. Смотря на васъ, непорочная и добродушная юность оживитъ и украситъ свои собственныя невинныя мечты о счастіи; зрѣлое мужество съ любовію оглянется на полупройденный жизненный путь свой и вдохновится благороднымъ желаніемъ помочь при случаѣ своей опытной силой вашимъ расцвѣтающимъ силамъ; даже слабѣющая и угасающая старость почувствуетъ въ себѣ разгорающуюся искру тихихъ и пріятно грустныхъ воспоминаній о протекшей своей жизни, и полюбуется вами какъ живымъ и прекраснымъ повтореніемъ своей молодости. Сухой и холодный практикъ житейскій размягчится при видѣ вашего счастія, а дурной и порочный человѣкъ призадумается о загубленныхъ и гибнущихъ дняхъ своихъ, и не сможетъ заглушить тайныхъ укоровъ своей совѣсти, указующей въ васъ нормальный и вѣковѣчный идеалъ правильной человѣческой жизни.

Сознавая въ моей собственной душѣ всѣ тѣ благожелательныя чувства, которыя кажется безошибочно я предположилъ и у всѣхъ предстоящихъ здѣсь, и по родственному праву заявляя вамъ, друзья мои, объ этихъ моихъ чувствахъ въ свѣтлый день вашего брака, я, какъ совершитель надъ вами таинства Господня, чувствую еще долгъ сказать вамъ слова два объ этомъ великомъ таинствѣ. Думаю, что краткое поученіе потому для васъ будетъ достаточно, что вы, какъ люди хорошо учившіеся и благовоспитанные, и безъ меня довольно понимаете все, что нужно право-

славнымъ чадамъ церкви знать о сущности и нравственномъ значеніи этого таинства. Прислушайтесь къ возвышеннымъ и умилительнымъ о васъ молитвамъ церкви, къ апостольскому и евангельскому чтеніямъ,— и вы найдете въ нихъ самое глубокое и назидательное для себя поученіе. Все сводится къ тому, что вашъ тѣлесно-духовный союзъ есть образъ таинственнаго союза Христа съ церквію, т. е. долженъ быть также крѣпокъ и неразрывенъ, также чистъ, духовенъ и святъ, какъ у Христа съ церквію; что залогъ и основаніе вашего семейнаго счастія есть христіанское благочестіе; что образцами и примѣрами вашей супружеской жизни должны быть библейскіе патріархи и новозавѣтные угодники Божіи. А вещественные символы и обряды, изъ которыхъ слагается трогательное и умилительное послѣдованіе вѣнчанія, такъ прозрачны и удобопонятны по смыслу и значенію своему, что и не нуждаются, мнѣ кажется, въ нарочитомъ объясненіи вашихъ нравственныхъ обязанностей, наглядно въ нихъ изображаемыхъ. Горящая теплота и свѣтъ вашихъ брачныхъ свѣчей, —это теплота вашей торжествующей въ настоящія минуты цѣломудренной любви и свѣтъ вашей дальнѣйшей благочестиво-назидательной супружеской жизни. Ваши обручальные перстни, въ началѣ обряда полагаемые на святомъ престолѣ, – это сердечное единеніе, связующее васъ какъ бы узами на всю жизнь, и объединяющее силою благодати Божіей обоихъ васъ въ плоть едину, по выраженію писанія. Обмѣнъ перстней, — это обмѣнъ вашихъ супружескихъ правъ и готовность ко взаимному вспомоществованію, взаимной уступчивости и обоюдной снисходительности между вами. Вѣнцы — это награда и прославленіе вашей цѣломудренной чистоты въ борьбѣ съ страстями и чувственностію, и ваши царственныя права въ отношеніи къ будущему вашему поколѣнію. Вкушеніе изъ общей чаши,—это общность вашей судьбы, вашихъ радостей и неизбѣжныхъ въ жизни огорченій и трудовъ. Кругообразное хожденіе въ вѣнцахъ около аналоя съ соединенными руками,—это ваше совмѣстное стремленіе путемъ супружескимъ къ небу—съ непрестанными сердечными обращеніями къ Сыну Божію, воплотившемуся, по пророчеству Исаіи, отъ дѣвы Маріи, а также къ мученикамъ — этимъ доблестнымъ

примѣрамъ борьбы съ разными житейскими соблазнами и искушеніями. Вотъ какими прекрасными и назидательными символами окружила святая церковь свѣтлое торжество вашего сочетаванія другъ другу, и какую трогательно умилительную картину рисуетъ она для всѣхъ предстоящихъ здѣсь, поставляя въ центрѣ этой картины васъ же—сіяющихъ, любящихъ и счастливыхъ!

Чтоже мнѣ прибавить еще отъ себя для вашего наставленія и вразумленія? Друзья мои! я желалъ-бы указать вамъ на растлѣніе, духовную дряхлость и немощь нынѣшнихъ поколѣній людскихъ, и на ваше теперешнее призваніе внести освѣжающую струю въ наше общество, при благодатномъ воздѣйствіи на васъ силы Божіей, изливающейся въ таинствѣ брака. Благоустроенная и, какъ на твердомъ камени, основанная на святомъ началѣ религіи семья—есть та великая освѣжающая и оздоровляющая сила, отъ которой ждутъ своего обновленія людскія племена, и на которой зиждется все благо общественное. То умственное шатаніе и мятежъ жизни общественной, та распущенность нравовъ и тѣ животные инстинкты человѣческаго эгоизма, которые такъ открыто и съ такою преобладающей силой стали заявлять себя во взаимныхъ отношеніяхъ нынѣшнихъ людей, гордящихся однакоже своимъ высокимъ умственнымъ развитіемъ и просвѣщеніемъ, явились и развились у насъ отъ того именно, что оказалось расшатаннымъ семейное начало; что высокомѣрно и презрительно стали относиться къ святынѣ домашняго очага; что стали умалять значеніе супружескихъ обязанностей для общества; что на бракъ пріучились смотрѣть, какъ на обыкновенную житейскую и финансовую сдѣлку; что на рожденіе дѣтей стали смотрѣть только какъ на физіологическій процессъ природы; что на почвѣ современнаго воспитанія нарождающихся поколѣній завяли и поблекли прежніе благовонные цвѣты невинности, благочестія и страха Божія; что путемъ разныхъ ненормальностей и преждевременнаго пресыщенія жизнію заносится, даже черезъ двери брака, гниль, хилость и болѣзненность и физическая и нравственная въ самые плоды брака, т. е. въ нарождающихся дѣтей; что изъ трусливаго преувеличенія брачныхъ тяжестей, а еще болѣе ради простора и беззаконнаго приволья чувственной страсти, огром-

ныя массы общественныхъ членовъ стали вовсе удаляться брака, или искать въ немъ однихъ только земныхъ и сладострастныхъ романовъ; что вообще затмилась и до крайности умалилась въ людяхъ та высокая и чистая поэзія библейская, которою долженъ быть проникнутъ христіанскій бракъ, какъ образъ союза Христа съ церковію.

Такъ вотъ я желалъ бы, чтобы съ настоящихъ же священнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ минутъ вашей жизни вы на все послѣдующее время вдохновились тѣмъ святымъ идеаломъ супружества, какой начертанъ въ церковномъ чинопослѣдованіи о бракѣ, сейчасъ надъ вами имѣющемъ совершиться. Искренно и отъ всей души задайтесь тѣми именно цѣлями и задачами, которыя предлагаетъ вамъ святая церковь, возлагая на васъ брачные вѣнцы. И во первыхъ не только не порывайте, а напротивъ укрѣпляйте и углубляйте нравственный союзъ свой съ церквію Господнею, васъ сочетавшею воедино. Догматы вѣры Христовой и правила христіанской нравственности сдѣлайте своими задушевными сердечными убѣжденіями, и для сего поучайтесь въ законѣ Господнемъ усердно и прилежно. Для всѣхъ своихъ начинаній, плановъ и предпріятій испрашивайте непремѣнно благословенія и молитвъ св. церкви, и безъ ея благодатнаго пособія не рѣшайтесь ни на что. Пусть евангеліе и уставъ церковный будутъ для васъ неизмѣннымъ сводомъ самыхъ обязательныхъ законовъ и правилъ жизни,—и благословеніе Божіе увѣнчаетъ успѣхомъ житейскія дѣла ваши, устроитъ во благо всю вашу жизнь, и пошлетъ вамъ миръ, довольство и изобиліе благъ земныхъ; а въ случаѣ испытанія и какихъ-либо скорбей, пошлетъ вамъ силу и крѣпость выдти безупречными побѣдителями и героями изъ тяжкой борьбы съ жизнію. Предъ лицемъ общества и людей, съ которыми вы будете входить въ самыя разнообразныя житейскія отношенія, являйте въ себѣ примѣръ честной и цѣломудренной жизни, трудолюбія и благотворительности, скромности и благожелательности.

Но преимущественныя свои усилія устремите на воспитаніе въ духѣ вѣры и христіанскаго благочестія вашихъ будущихъ чадъ, которыми Господу угодно будетъ благословить васъ, и къ

которымъ въ цѣломудренномъ смятеніи должна естественно переноситься теперь ваша супружеская мечта. Появленіе новыхъ членовъ церкви и общества,—это естественный плодъ и прямая цѣль брака. Но воспитать добрыхъ, благонамѣренныхъ и нравственно-здоровыхъ членовъ для общества, и приготовить ихъ для царствія Божія въ вѣкѣ будущемъ,—это такой драгоцѣнный подвигъ предъ людьми и такая великая заслуга передъ Богомъ, что еслибы всѣ брачущіеся люди понимали это какъ слѣдуетъ, то въ самыхъ тяжелыхъ трудностяхъ жизни, которыя приводитъ иногда съ собою брачная жизнь, они почерпали бы свою силу, вдохновлялись бы на подвиги и находили бы неизсякаемый источникъ высочайшаго наслажденія и отрады духовной. Святый Апостолъ Павелъ прямо обѣщаетъ женѣ спасеніе ради чадородія (1 Тим. II, 15), т. е. если она пріумножитъ своими дѣтьми число святыхъ, чистыхъ и спасаемыхъ членовъ церкви. Эта же награда и за то же предстоитъ, разумѣется, и мужу. Этимъ я и кончаю свое поученіе, намѣтивъ лишь главныя ваши обязанности. Отецъ, Сынъ, и Св. Духъ, всесвятая и единосущная и живоначальная Троица—да благословитъ васъ, и да сподобитъ обѣщанныхъ благъ воспріятія! Аминь.

СЛОВО

въ день принятія боголюбской иконы Божіей матери *).

Снова мы зримъ передъ собою, христолюбивые граждане владимірскіе, св. икону царицы небесной боголюбскую. Всегда готовая осѣнить насъ своею благодатію и непрестанно молящаяся о насъ грѣшныхъ предъ престоломъ Сына своего Божественнаго, она въ особенности въ нынѣшній день, свѣтло празднуемый нами въ честь ея иконы, готова безъ сомнѣнія сподобить насъ своихъ милостей, если только мы уготовимъ сердце свое къ при-

*) Напечатано въ 12 № «Влад. Епарх. Вѣдомост.» за 1882 г.

нятію этихъ милостей, если, зря на ея св. икону, вдохновимся вѣрою и надеждою на ея всесильную помощь и изольемъ передъ нею всѣ наши нужды душевныя и тѣлесныя, всѣ скорби и печали сердца.

Дабы возжечь святую искру благоговѣнія и вѣрующей сыновней любви къ царицѣ небесной, св. церковь оглашаетъ слухъ нашъ многочисленными пѣснопѣніями и молитвами, составленными въ ея похвалу и честь, а для богослужебныхъ чтеній выбираетъ такія мѣста изъ священныхъ книгъ новаго и ветхаго завѣта, въ которыхъ пророчески-образно указуется, или прямо разъясняется все величіе матери Господа нашего, неизреченно послужившей таинству нашего спасенія. И кто со вниманіемъ и съ пониманіемъ слушаетъ эти пѣснопѣнія и чтенія церковныя, тотъ конечно не можетъ остаться хладенъ сердцемъ и не умилиться душею предъ пречистымъ ликомъ заступницы рода нашего.

О, еслибы случилось это и съ нами въ настоящія минуты!

Призвавъ на помощь саму пречистую матерь Господню, остановимся вниманіемъ своимъ на тѣхъ паримійныхъ чтеніяхъ, которыя неизмѣнно предлагаются намъ св. церковію на всенощныхъ бдѣніяхъ во всѣ богородичные праздники, и смыслъ которыхъ, не смотря на свою знаменательность и поучительность, какъ кажется, не всѣми понимается и достодолжнымъ образомъ усвояется.

Первое чтеніе берется изъ того мѣста книги Бытія, гдѣ повѣствуется, какъ патріархъ Іаковъ во снѣ видѣлъ таинственную лѣстницу, соединявшую небо съ землею. Это было въ то время, когда онъ, спасаясь отъ ярости брата своего Исава, принужденъ былъ удалиться изъ дома отеческаго и бѣжать изъ родной Вирсавіи въ далекій городъ Харранъ, на родину матери своей Ревекки. Ночь застигла его въ нѣкоторомъ пустынномъ мѣстѣ, и онъ съ крѣпкою вѣрою въ невидимую защиту Божію заснулъ подъ открытымъ небомъ, положивъ себѣ въ изголовье одинъ изъ камней того мѣста. И вотъ видится ему знаменательный сонъ: «лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба; и вотъ ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ по ней. И вотъ Господь стоитъ на ней и говоритъ: Я Господь, Богъ Авраама отца твоего, и Богъ Исаака; не бойся. Землю, на которой ты лежишь,

Я дамъ тебѣ и потомству твоему. И будетъ потомство твое, какъ песокъ земной, и благословятся въ тебѣ и въ сѣмени твоемъ всѣ племена земныя. Іаковъ пробудился отъ сна своего и сказалъ: истинно Господь присутствуетъ на мѣстѣ семъ; а я не зналъ! И убоялся и сказалъ: какъ страшно сіе мѣсто! Это не иное что, какъ домъ Божій, это врата небесныя» (Быт. XXVIII, 12—17).

По объясненію отцевъ и учителей церкви, таинственный смыслъ этого видѣнія Іаковлева былъ тотъ, что, не смотря на разъединеніе между небомъ и землею, произшедшее вслѣдствіе грѣха Адамова, не смотря на то, что послѣ своего грѣхопаденія мы всѣ сдѣлались погибшими преступниками, осужденными на вѣчное удаленіе отъ любви Божіей, Господь не прекращалъ однакоже любви своей къ роду человѣческому, посылалъ невидимо на землю святыхъ ангеловъ своихъ блюсти и направлять людей къ небу, которое они потеряли своими грѣхами, а въ извѣстное время и самъ Сынъ Божій опредѣлилъ сойти на землю, чтобы своими страданіями за родъ человѣческій примирить его съ раздраженнымъ правосудіемъ отца своего небеснаго, а своимъ ученіемъ и примѣромъ своей жизни указать намъ грѣшнымъ истинный и прямой путь восхожденія на небо. Это нисшествіе на землю Сына человѣческаго произошло черезъ воплощеніе его отъ пречистой дѣвы Маріи (спустя лѣтъ около тысячъ двухъ послѣ временъ патріарха Іакова); такъ-что матерь Божія поистинѣ явилась лѣстницей, соединившей небо съ землею. Вотъ почему св. церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ и хвалебныхъ привѣтствіяхъ предъ пречистою дѣвою Богородицею возглашаетъ ей: «радуйся мосте, преводяй сущихъ отъ земли на небо! радуйся лѣствице высокая, юже Іаковъ видѣ». И вотъ почему положено во всѣ богородичные праздники читать въ наше поученіе и назиданіе библейское повѣствованіе о видѣніи патріархомъ Іаковомъ таинственной лѣстницы. Какой же нравственный урокъ заключается для насъ въ этомъ повѣствованіи? Тотъ, что не должны мы отдавать всей своей души и сердца на житейскія дѣла и попеченія, что не на землѣ наше истинное отечество, а на небѣ, и что туда слѣдовательно должны устремляться и всѣ лучшія помышленія наше-

го ума и самыя горячія желанія нашего сердца; что если нося плоть и живя до времени на землѣ, неизбѣжно должны мы заботиться и о нуждахъ тѣла и трудиться надъ благоустроеніемъ своей земной жизни, то всѣ эти заботы и труды наши должны покрываться и растворяться преимущественной, непрестанной и сокровеннѣйшей заботой о благоустроеніи нашей богоподобной души, ради спасенія которой и сходилъ собственно на землю единородный Сынъ Божій; что подражать мы въ этомъ случаѣ должны наипаче всего матери Господней, которая, какъ повѣствуетъ преданіе, по вознесеніи на небо Господа Іисуса Христа, всѣ помыслы и чувства свои устремляла къ Нему же на небо, и во всѣ 15 лѣтъ своего пребыванія на землѣ, по видимомъ разлученіи съ божественнымъ Сыномъ своимъ, о томъ пламеннѣе всего молилась, дабы онъ ускорилъ взять ее къ себѣ изъ среды сего тлѣннаго и грѣшнаго міра. Такъ и мы должны настроить свою жизнь, чтобы на всѣхъ нашихъ дѣлахъ отражалась наша забота о своемъ отечествѣ небесномъ, чтобы всѣмъ и по всему было видно, что мы чувствуемъ и сознаемъ себя странниками и временными пришельцами на землѣ, а потому отнюдь не прилѣпляемся страстно къ утѣхамъ и соблазнамъ міра, а заботимся паче всего о загробной судьбѣ своей души. Вотъ тогда мы будемъ истинными подражателями царицѣ небесной, и ея возлюбленными сынами.

Второе чтеніе въ богослужебные дни, посвященные матери Божіей, берется изъ книги пророка Іезекіиля, и именно, изъ того мѣста, гдѣ описывается, какъ пророкъ Божій видѣлъ въ откровеніи неизреченной красоты и великолѣпія храмъ, исполненный славы Божіей. Храмъ этотъ имѣлъ затворенныя двери. И сказаны были пророку Божію слѣдующія слова отъ Господа: «ворота сіи будутъ затворены, не отворятся, и никакой человѣкъ не войдетъ ими: ибо Господь, Богъ Израилевъ, вошелъ ими, и онѣ будутъ затворены. Онъ, какъ князь и владыка, сядетъ въ нихъ, чтобы ѣсть хлѣбъ (т. е. священнодѣйствовать) предъ Господомъ; войдетъ путемъ притвора этихъ воротъ и тѣмъ же путемъ выдетъ» (Іезек. XLIV, 2—3). Въ этомъ видѣніи пророчески-образно предуказывалась ветхозавѣтнымъ людямъ тайна безсѣмен-

наго зачатія и несказаннаго рожденія Спасителя міра отъ безмужной и непорочной дѣвы Маріи. Это она впослѣдствіи явилась живымъ и одушевленнымъ храмомъ Божіимъ, ибо чревоносила въ утробѣ своей самого Сына Божія.

Это онъ, единородный Сынъ ея по человѣчеству, заимствовавъ отъ нея душу и тѣло свое, прошелъ вратами ея приснодѣвственныя ложесна, и явился княземъ и владыкою церкви Божіей, собранной изъ всѣхъ странъ міра; прошелъ не нарушивъ дѣвства своей пречистой матери, такъ что и до рождества и въ самомъ рождествѣ и послѣ рождества Спасителя она пребыла дѣвою, ибо Христосъ Іисусъ Богочеловѣкъ былъ единственнымъ и притомъ сверхъестественно зачатымъ ея сыномъ. Посему св. церковь называетъ ее приснодѣвою, и ублажаетъ какъ пренепорочную матерь Бога нашего *безъ истлѣнія*, т. е. безъ нарушенія дѣвства, Бога Слова родшую; а рожденному изъ нея и тридневно воскресшему Христу Спасителю воспѣваетъ такъ: «сохранивъ цѣла знаменія, Христе, т. е., не коснувшись печатей, положенныхъ на гробѣ твоемъ, воскресъ еси отъ гроба, ключи дѣвы невредивый въ рождествѣ твоемъ», т. е. родился ты, Господи, такъ, что матерь твоя и по рожденіи твоемъ украшалась и сіяла все тою-же прежнею дѣвственною чистотою и достоинствомъ. Непостижима эта тайна зачатія и рожденія Спасителя нашего отъ матери-дѣвы; но тѣмъ выше ея достоинство, ибо она послужила такой великой тайнѣ, сдѣлавшейся источникомъ нашего спасенія. Въ благоговѣйномъ восторгѣ предъ этимъ достоинствомъ, св. церковь многочисленными пѣснопѣніями своими восхваляетъ матеродѣвственную славу Божіей матери, и можно сказать нѣтъ ни одной пѣсни церковной въ честь матери Господней, въ которой бы не заключалось хотя краткаго указанія или намека на то, что она есть матерь и дѣва въ одно и тоже время. Съ этою же цѣлью, т. е. чтобы нагляднѣе изобразить для нашего ума тайну воплощенія нашего Спасителя, и согрѣть наше сердце благоговѣніемъ предъ пречистою дѣвою Маріею, св. церковь и положила читать въ богородичные праздники знаменательное видѣніе пророка Іезекіиля о свѣтоносномъ храмѣ славы Божіей съ затворенными вратами, которыми прошелъ одинъ

только Господь Богъ. Въ этомъ видѣніи содержится весьма ясное и прозрачное пророчественное указаніе на приснодѣвственность матери Господней, которая оправдалась и осуществилась на самомъ дѣлѣ въ новомъ завѣтѣ, когда царь небесный за человѣколюбіе на земли явися и съ человѣки поживе.

Къ какимъ же чувствамъ и къ какому нравственному настроенію должно располагать насъ размышленіе о неизглаголанномъ дѣвствѣ и чистотѣ матери Господней? Вопервыхъ къ смиренному чувству и сознанію своего недостоинства и грѣховности. Она свята и непорочна, а мы сластолюбивы и невоздержны. Она невинна и чиста, а насъ одолѣваютъ сладострастные порывы и чувственныя наклонности. Она честнѣе херувимовъ и безъ сравненія славнѣе серафимовъ, а мы нерѣдко уподобляемся неразумнымъ животнымъ, если не по самой жизни, то по желаніямъ сердечнымъ и сокровеннымъ похотѣніямъ. Но изъ этого смиреннаго и покаяннаго сознанія своего недостоинства должны возростать у насъ и плоды достойные покаянія.

Не воздыхать и скорбѣть только должны мы о своемъ непотребствѣ, но и ревновать о стяжаніи возможной для насъ чистоты и цѣломудренности душевной. Все срамное и страстное должны мы удалять отъ своихъ чувствъ, и все свое поведеніе, даже по внѣшней его сторонѣ, должны ограждать святыней чистоты, религіозной трезвенности, благоприличія и скромности. Должны бороться мы и съ внутренними проявленіями тѣхъ грѣшныхъ сѣмянъ, съ которыми мы появляемся на свѣтъ, въ беззаконіяхъ зачинаясь и во грѣхахъ рождаясь съ незапамятныхъ временъ паденія нашихъ прародителей въ Эдемѣ. Наши усилія и наша свободная борьба съ своею чувственностію привлекутъ къ намъ милость и всесильную помощь пренепорочной матери Господа нашего; такъ-что мы будемъ восходить отъ силы въ силу, и со временемъ окажемся достойными и возлюбленными ея сынами, съ лучезарными отблесками ея небесной чистоты и непорочности въ душахъ и сердцахъ нашихъ. Это не значитъ конечно, чтобы всѣ мы призывались къ обѣтамъ дѣвственности и безбрачія, ибо не такова воля Божія о родѣ человѣческомъ; но всѣ мы брачные и безбрачные, и юноши и дѣвы и мужи, можемъ и обязаны

стяжать то цѣломудріе сердца и ту чистоту душевную, отъ которой зависитъ и все достоинство чистоты тѣлесной, и о которой говоритъ апостолъ, заповѣдуя всѣмъ намъ безъ исключенія, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. II, 2).

Третье чтеніе въ честь матери Господней беретъ св. церковь изъ книги притчей царя Соломона. Въ этомъ чтеніи предлагается нашему вниманію иносказательная картина,—какъ *премудрость* Божія *построила себѣ домъ, вытесала семь столбовъ его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слугъ своихъ провозгласить съ возвышенностей городскихъ: кто неразуменъ, обратись сюда! И скудоумному она сказала: идите, ѣшьте хлѣбъ мой, и пейте вино, мною растворенное; оставьте неразуміе, и живите, и ходите путемъ разума* (Притч. IX, 1—6). Въ этомъ иносказаніи заключается сущность новаго завѣта, учрежденнаго Спасителемъ нашимъ черезъ таинство плоти и крови его, которыя онъ заимствовалъ отъ чистѣйшей матери своей. Премудрость Божія—это онъ самъ Единородный Сынъ Божій, Ѵпостасное Слово Отчее. Устроенный имъ домъ—это церковь новозавѣтная, образовавшаяся изъ безчисленныхъ сонмовъ святыхъ Божіихъ человѣковъ, увѣровавшихъ въ него и послѣдовавшихъ его небесному ученію. Семь столбовъ сего дома,—это семь новозавѣтныхъ таинствъ, семь источниковъ благодати, которыми освящаются члены Христовой церкви. Заколотая жертва—это опять онъ самъ, страждущій Спаситель нашъ, который, какъ единолѣтній агнецъ волею за всѣхъ закланъ бысть на крестѣ. Вино растворенное и приготовленная трапеза — это его божественная плоть и кровь, ежедневно предлагаемая вѣрующимъ въ таинствѣ причастія на божественной литургіи. Слуги, посылаемые звать гостей на трапезу, — это апостолы и ихъ преемники-пастыри и учители церкви, проповѣдующіе христіанское ученіе по всей вселенной, управляющіе и пасущіе стадо Божіе, т. е. церковь христіанскую. Неразумные и скудоумные, которымъ обѣщается жизнь и разумъ на трапезѣ Господней, — это всѣ мы грѣшные, весь падшій родъ человѣческій, который погибъ бы отъ голода

духовнаго, утративъ истинное боговѣдѣніе и разслабленный ядомъ грѣха прародительскаго, еслибы Спаситель не пришелъ на землю обновить въ людяхъ образъ свой, истлѣвшій страстьми, взыскать насъ и спасти, какъ заблудшее горохищное овча. Такимъ образомъ въ вышеизложенной краткой картинѣ изображается все домостроительство спасенія рода человѣческаго, совершенное единымъ ходатаемъ Бога и человѣковъ, человѣкомъ Іисусомъ Христомъ, воплотившимся отъ пречистыя и безневѣстныя дѣвы Маріи. Сколько же велика честь и необъятна слава сей избранной дщери Адамовой, которую предопредѣлилъ Господь въ орудіе спасенія всего рода человѣческаго! Та исконная вражда, которую въ Эдемѣ положилъ самъ Господь между сгубившимъ насъ зміемъ искусителемъ и между прельщенною имъ женою, окончилась полнымъ пораженіемъ этого змія, когда, по исполненіи временъ, выдѣлена была изъ рода человѣческаго богоизбранная отроковица Марія дѣва; ибо порожденіе ея, Господь Іисусъ Христосъ, хотя и самъ ужаленъ былъ въ пяту симъ зміемъ и доведенъ былъ до крестныхъ страданій, но силою креста своего онъ размозжилъ главу зміину, и вконецъ разрушилъ силу діавольскую. Змѣй лишилъ насъ древа жизни, убѣдивъ нашу прародительницу вкусить отъ запрещеннаго древа познанія добра и зла, но обѣтованное сѣмя жены, Сынъ Божій, ставшій сыномъ дѣвы, уготовилъ намъ несравненно лучшую трапезу, предложивъ на ней хлѣбъ небесный,—тѣло свое, и чашу жизни—божественную кровь свою, и всѣ ядущіе хлѣбъ сей и піющіе чашу сію—имутъ животъ вѣчный, и хотя умрутъ на время, но прейдутъ потомъ отъ смерти въ животъ нескончаемый.

Что-же, бр. возлюбл.,—какъ отзываемся мы на приглашеніе Ѵпостасной Премудрости Божіей идти къ ней на пиръ? Приглашеніе это, какъ мы теперь уже знаемъ, торжественно раздается въ церквахъ Божіихъ всякій разъ, какъ мы собираемся праздновать въ честь Матери Сына Божія. Чрезъ нее содѣлавшись сыномъ человѣческимъ, Онъ не стыдится нарицать насъ грѣшныхъ своею братіею и непрестанно зоветъ насъ подъ сѣнь своей церкви, гдѣ уготована для нашего наслажденія безсмертная трапеза. Дорожимъ ли мы этимъ высокимъ родствомъ нашимъ

съ Сыномъ Божіимъ? Заявляемъ ли жизнію и дѣлами своими предъ Матерію Господа нашего, что мы благоговѣемъ и предъ ней и передъ Сыномъ ея божественнымъ? что мы не только хотимъ, но и стараемся быть истинными чадами новаго завѣта, основаннаго искупительными Его страданіями за насъ грѣшныхъ? что мы дорожимъ союзомъ съ церквію, которую онъ стяжалъ кровію своею? что мы прибѣгаемъ съ вѣрою и горячимъ чувствомъ къ ея спасительнымъ таинствамъ, и въ особенности къ таинству покаянія и причащенія? что мы слушаемся пастырей и учителей церкви, и блюдемъ свято уставы и заповѣди церковныя? Если да, то благо намъ! И это было бы самымъ лучшимъ даромъ, который могли бы мы принести царицѣ небесной въ сей празднственный день ея. Съ сыновней преданностію и и горячею вѣрою могли бы мы взирать теперь на ея свѣтоносную икону, а она съ высоты небесной славы своей невидимо осѣняла бы насъ своими милостями, какъ возлюбленныхъ чадъ своихъ. Но если нѣтъ? Если не чувствуется въ душѣ нашей крѣпкаго союза нравственнаго и духовнаго со Спасителемъ нашимъ? если, живя въ новомъ завѣтѣ, живемъ мы какъ древніе и неискупленные рабы грѣха и пороковъ? если проповѣдь евангельская и ученіе Христа Спасителя, непрестанно раздающіяся въ церкви Божіей скользятъ лишь по нашему слуху, но не согрѣваютъ сердца и не обновляютъ нашей жизни, или даже совсѣмъ нами не внимаются,—что тогда? Этотъ тревожный и прискорбный вопросъ поставить мы побуждаемся словами самого Христа Спасителя о маломъ сравнительно числѣ избранныхъ, не смотря на множество званныхъ въ Его царствѣ благодатномъ. Какъ въ извѣстной притчѣ евангельской это благодатное царство Христово изображается подъ видомъ вечери великій, такъ и въ вышеизложенной ветхозавѣтной притчѣ, положенной для чтенія въ дни богородичные, рисуется оно подъ образомъ богатой и обильной жертвенной трапезы, на которую приглашаетъ всѣхъ людей Премудрость Божія.

И какъ тамъ, въ евангельской притчѣ, многіе званные стали подъ разными предлогами отказываться придти на вечерю; такъ и въ притчѣ ветхозавѣтной дается понять, что, не смотря на

громкіе призывы глашатаевъ Премудрости Божіей, многіе отзовутся къ нимъ равнодушно, или даже отвѣтятъ злобнымъ пренебреженіемъ; ибо тотчасъ же послѣ призывныхъ возглашеній Премудрости Божіей, тамъ присовокупляются такія примѣчанія: *поучающій кощунника наживетъ себѣ безславіе, и обличающій нечестиваго—пятно себѣ. Не обличай кощунника, чтобы онъ не возненавидѣлъ тебя, обличай мудраго, и онъ возлюбитъ тебя* (Притч. IX, 7—8).

Итакъ снова вопросимъ себя мы званные и непрестанно зовомые на вечерю Господню, дозволяетъ ли намъ совѣсть наша причислить себя къ избраннымъ и премудрымъ? Судя по многочисленности предстоящихъ въ семъ храмѣ молитвенниковъ, которыхъ привлекла сюда конечно вѣра и благоговѣйное почитаніе царицы небесной, можно конечно съ увѣренностію сказать, что горитъ въ нихъ святая искра страха Божія, и есть въ нихъ христіанское чувство. Но общая наша опасность въ томъ состоитъ, что обычная суета житейская въ нашей ежедневной жизни, разныя зловредныя вліянія со стороны и собственныя грѣховныя расположенія нашей падшей природы, мѣшаютъ намъ ясно слышать гласъ Божій, зовущій насъ ко спасенію, и могутъ даже вовсе охладить наше сердце къ вѣрѣ и св. церкви, и такимъ образомъ погубить насъ.

Будемъ же чаще прибѣгать съ молитвою къ царицѣ небесной, всеблагой Матери Господа нашего, чтобы взяла насъ подъ свой невидимый покровъ, чтобы сберегла въ насъ памятованіе о небѣ, нашемъ истинномъ отечествѣ, лѣствицей къ которому сама она явилась для всего рода человѣческаго, чтобы уцѣломудрила насъ въ нашихъ чувствахъ и дѣлахъ, и чтобы до послѣднихъ дней жизни нашей сберегла насъ въ крѣпкомъ и живомъ союзѣ съ церковію Господнею, и мы явились бы предъ Господа облагодатствованными и спасенными чадами новаго завѣта, запечатлѣнными искупительною кровію рожденнаго изъ нея Сына Божія. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ семинаріи при началѣ учебнаго года *).

(25 августа 1882 г.).

Выступая съ обычнымъ словомъ привѣтствія и поученія предъ началомъ учебнаго года, ничего болѣе лучшаго и болѣе новаго не могу предложить вамъ въ сравненіи съ прежними моими поученіями, какъ повторить предъ вами два мои основныя и всегдашнія, и притомъ самыя горячія и искреннія желанія,—именно: чтобы вы старались быть развитыми въ умственно-образовательномъ отношеніи и благородно-добрыми по сердцу и душѣ, какъ велитъ намъ святая религія наша. Увѣренъ, что эти желанія мои всегда совпадаютъ съ вашими собственными; ибо кто же изъ васъ не хотѣлъ бы быть ни умнымъ, ни добрымъ человѣкомъ? и какой бы смыслъ остался для васъ въ школѣ, если бы вы стекались въ нее ни затѣмъ, ни за другимъ, — ни за умственнымъ образованіемъ, ни за облагороженіемъ своего сердца и души? Въ этомъ случаѣ лучше сидѣть бы вамъ всѣмъ дома,— въ темной, но простодушной и недорогой сельской глуши, какъ это водилось когда-то въ старину у людей духовнаго сословія. А между тѣмъ чувствуется нужда, не только въ началѣ учебныхъ годовъ, но и въ непрерывномъ продолженіи ихъ, настойчиво и съ многократными повтореніями разъяснять вамъ, какъ важно и необходимо ревновать вамъ о развитіи своего ума и облагороженіи сердца, убѣждать и усовѣщивать и почти умаливать и упрашивать, чтобы вы непремѣнно это дѣлали. Какъ будто бы все это для васъ было непонятно и не ясно, какъ будто бы цѣль своего пребыванія и ученья въ школѣ вамъ желалось поставить гдѣ-то въ сторонѣ и вдали отъ этой школы и, еслибъ то было возможно, даже въ секретномъ отъ насъ мѣстѣ. Что за странность такая?

Половина этого страннаго обстоятельства впрочемъ представляется мнѣ совсѣмъ простою. Что ученье вещь хорошая и досто-

*) Напечатано въ 17 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1882 г.

любезная, и развитіе умственное—дѣло въ высшей степени важное и полезное для каждаго человѣка,—въ этомъ безспорно всякій изъ васъ убѣжденъ. Но ученье въ то же время вещь очень трудная, и умственное развитіе бываетъ всегда плодомъ предварительныхъ усиленныхъ и продолжительныхъ напряженій головы, и чѣмъ оно шире и зрѣлѣе, тѣмъ этихъ напряженій требуется отъ человѣка больше. А все трудное, какъ извѣстно, имѣетъ нѣкоторую отталкивательную силу, хотя бы и было въ то же время привлекательно. Въ молодыхъ лѣтахъ, когда чувство долга только еще образуется, и человѣческая воля еще страдаетъ мягкостію незрѣлости и отсутствіемъ твердо-упорныхъ и такъ сказать желѣзистыхъ началъ,—все трудное кажется особенно труднымъ и неудобнымъ, и эта отталкивательная сила въ трудовыхъ напряженіяхъ особенно бываетъ чувствительна для молодыхъ людей, инстинктивно влекущихся къ развлеченіямъ и разнымъ веселостямъ. Отъ того, какъ мнѣ кажется, происходитъ это обычное явленіе, что въ то время, какъ мы внушаемъ вамъ: «учитесь, учитесь, какъ можно больше и усерднѣе учитесь»,—многіе изъ васъ отвѣчаютъ, или думаютъ про себя: «хорошо! но нельзя ли полегче, какъ можно полегче—какъ было въ старину и прежде насъ». Что въ старину было легче и почему-то лучше,—это представляется дѣломъ рѣшеннымъ.—Или въ то время, какъ мы не отстаемъ отъ васъ съ своими внушеніями и требованіями учиться, многіе изъ васъ лицемѣрно и иногда съ очень искусными ухищреніямя и увертками дѣлаютъ видъ исправныхъ и трудящихся, и прячась одинъ за другаго въ товарищеской массѣ, желаютъ заявить намъ: «да посмотрите, вѣдь мы учимся, очень усердно учимся и много трудимся». А въ случаѣ явныхъ и документальныхъ уликъ въ лѣности и въ разныхъ ухищреніяхъ праздности, возникаетъ не мало препирательствъ и неосновательныхъ оправданій со стороны этихъ пойманныхъ лицемѣровъ—тружениковъ, раздаются даже жалобы, слышатся незаконныя просьбы и иногда очень униженныя умаливанья, и вообще бываетъ много разныхъ непріятностей и огорченій какъ для васъ, такъ разумѣется и для насъ; ибо вы, судя по обстоятельствамъ, и похвала, но и скорбь наша.

Точно то же самое можно предположить и въ объясненіе того, отъ чего всѣ наши горячія внушенія и убѣжденія о важности для васъ христіанскаго самовоспитанія и о несвойственности для духовныхъ воспитанниковъ какихъ нибудь порочныхъ навыковъ, неблагопристойныхъ словъ и дѣяній и проч..., отъ чего, говорю, всѣ наши увѣщанія и наставленія въ этомъ родѣ имѣютъ не вполнѣ желанные плоды. Разумѣется, всѣ вы единодушно согласны, что хорошо бы быть непоколебимо добродѣтельными и никогда не хромать въ нравственномъ отношеніи. Но это не легко,—а потому и не удается многимъ изъ васъ. Что можетъ быть достолюбезнѣе въ духовномъ воспитанникѣ, какъ напримѣръ правдивость, скромность, благоговѣйное настроеніе духа, чистота помысловъ, цѣломудренность слова, трезвость, послушаніе и проч. Но сильны и живучи въ человѣкѣ позывы къ противоположнымъ дѣламъ,—и вотъ эти дѣла увлекаютъ людей въ нежеланную сторону; а желать, чтобы вы были лучше прочихъ людей конечно можно и естественно съ нашей стороны, но можно и не удивляться, если этого не случается на самомъ дѣлѣ съ вами, и если вы оказываетесь не лучше другихъ людей.

Такъ не оставить ли мнѣ всякія поученія и заботы, успокоившись на мысли, что сила вещей сильнѣе всякаго слова, что въ такой большой массѣ воспитанниковъ, какъ у насъ въ семинаріи, всегда и неизбѣжно будетъ много хромающихъ и неустойчивыхъ какъ въ научномъ, такъ и въ дисциплинарно-нравственномъ отношеніи, что не мало конечно у насъ есть благонадежной посредственности, но есть и прекрасные и примѣрные во всѣхъ отношеніяхъ юноши,—а всѣхъ поднять до этой высоты никому и никогда не удастся,—и слѣдовательно пусть дѣла идутъ, какъ направляютъ ихъ обстоятельства и переживаемый нашими заведеніями духъ времени?! Признаюсь вамъ, что это соображеніе, кромѣ простоты и видимой натуральности своей, могло бы имѣть въ частности для меня не мало особенной соблазнительности и искусительной силы; ибо каждый новый годъ въ моей начальнической службѣ прибавляетъ мнѣ, да вѣроятно и будетъ прибавлять, все новые и новые горькіе опыты, что тамъ повидимому особенно чувствительно для меня и напрягается въ вашей

средѣ всяческое зло, съ которымъ по совѣсти я долженъ бороться, гдѣ я хочу его усмотрѣть и вырвать, или по крайней мѣрѣ ослабить. Объ этомъ я имѣлъ бы право, и даже нѣкоторую нужду, сказать передъ вами кое-что и съ большею откровенностію и доказательностію, еслибы не было опасности и на вашу общую корпоративную честь навлечь предъ посторонними судьями нѣкоторыя излишнія и можетъ быть незаслуженныя вами тѣни, да и мнѣ самому подвергнуться упрекамъ въ самовосхваленіи. Скажу только, что много-ли мало-ли должна продолжиться моя служба среди васъ, а не позволитъ мнѣ ни долгъ, ни совѣсть отворачиваться равнодушно и безпечно отъ бываемыхъ у васъ золъ, чтобы только не видѣть ихъ и не безпокоить себя ими. На томъ основаніи, что неизбѣжно быть нѣкоторымъ изъ васъ празднолюбивымъ и неряшливымъ въ нравственномъ отношеніи воспитанникамъ, могу ли я равнодушно смотрѣть на нихъ, когда ихъ вижу и когда мнѣ объ нихъ заявляютъ? Могу ли я не желать, чтобы такихъ лицъ было въ вашей средѣ какъ можно меньше? Не долженъ ли я приложить все свое стараніе и испытать всѣ мѣры, чтобы этого достигнуть? Долженъ ли я позабыть, что изъ лѣнивыхъ и разсѣянныхъ, если оградить ихъ отъ дурныхъ вліяній, могутъ выходить впослѣдствіи очень трудолюбивые и прилежные ученики, а изъ шаловливыхъ и неустроенныхъ въ нравственномъ отношеніи образоваться личности съ очень серьезными и благородными характерами? Кого же я долженъ выбрать изъ такихъ лицъ для педагогическихъ опытовъ исправленія и вразумленія, и кого обречь на жертву ихъ собственнымъ дурнымъ инстинктамъ, какъ необходимыхъ отребіевъ и выкидышей, бываемыхъ во всякой учебной корпораціи? Итакъ, чтобы тамъ ни было, какъ бы ни отнеслись вы къ моему слову назиданія и вразумленія,—а я всѣхъ васъ приглашаю начать новый учебный годъ свободными и усиленными трудами научнаго самообразованія и самовоспитанія въ духѣ христіанскаго благочестія. Трудны оба эти дѣла, но тѣмъ настойчивѣе прошу потрудиться; ибо настоитъ въ нихъ неотложная надобность,—какъ вы сами это очень хорошо понимаете безъ всякихъ разъясненій и доказательствъ. Я, кажется, безошибочно выразилъ въ этомъ увѣ-

ренность, а потому и воздерживаюсь вамъ доказывать то, что по моему убѣжденію не требуетъ для васъ доказательствъ и разъясненій. Просто прошу васъ: будьте прилежны къ наукамъ и радѣйте о своей нравственности. Начните этимъ свой учебный годъ, и тѣмъ же его кончите; иначе не будетъ никакого разумнаго и серьезнаго смысла въ вашемъ пребываніи въ стѣнахъ учебнаго заведенія.

Если хотите, есть одно наилучшее средство, могущее облегчить для васъ эти оба наиважнѣйшія дѣла, составляющія всю цѣль вашего пребыванія въ школѣ, т. е. доброе обученіе и воспитаніе. И средство это не столько въ нашихъ, сколько въ вашихъ рукахъ. Если бы изъ этой простой и безспорной истины, что ученье свѣтъ, а не ученье тьма—образовался среди васъ нѣкій взаимно-поощряющій корпоративный духъ съ свободнымъ и живымъ убѣжденіемъ, что по нынѣшнему времени безъ серьезнаго и основательнаго ученья обойтись никакъ невозможно для достиженія чего-нибудь серьезнаго въ жизни, если бы вы создали благородный и строгій товарищескій судъ для каранія всего непотребнаго, безчестнаго и позорнаго, заносимаго въ вашу среду дурными личностями изъ вашего же ученическаго общества; то здѣсь нашлось бы такое сильное и вѣрное средство къ поднятію уровня вашего образованія и вашей нравственной репутаціи, съ которымъ не могло бы сравниться никакое другое. Какъ бы ни былъ разсѣянъ, лѣнивъ и даже слабосиленъ иной товарищъ вашъ, но еслибы онъ почувствовалъ себя въ средѣ трудящихся, еслибы увидѣлъ, что около него товарищи ученье ставятъ серьезною задачею своей жизни и на его же глазахъ пожинаютъ благіе плоды добросовѣстнаго отношенія къ наукѣ,—то незамѣтно перемѣнилъ бы свой безпечный взглядъ на свое пребываніе въ школѣ, исподволь принялся бы за книгу и попробовалъ бы непремѣнно сдѣлать то, что ему дозволяютъ его собственныя силы. А въ области нравственно-религіозныхъ дѣяній товарищескій судъ и примѣръ, по моему, могъ бы быть еще могущественнѣе и сильнѣе. Развѣ рѣшится какой нибудь самонадѣянный краснобай изъ васъ или самомнительный незрѣлый философъ повторить вслухъ своихъ товарищей какую нибудь выхваченную изъ книги фразу, ос-

корбительную для вѣры, а тѣмъ болѣе дозволить какую нибудь противорелигіозную выходку, если подобныя фразы будутъ клеймиться по заслугамъ на вашемъ товарищескомъ судѣ заносчивымъ мальчишествомъ и глупостію, а выходки будутъ называться неблаговоспитанною дерзостію? Развѣ привыкшій къ гнилымъ словамъ не сталъ бы бороться съ этой площадною привычкою своею, если бы зналъ, что каждое гнилое слово отзывается нестерпимымъ зловоніемъ въ средѣ лучшихъ его товарищей? Развѣ не заплатить долга, присвоить чужую вещь, напиться пьянымъ, очернить и оклеветать ближняго и устроить ему непріятность, особенно тайную и злостно-хитрую, сказать грубость и неучтивость, дозволить неповиновеніе, а тѣмъ болѣе рѣшиться на дерзость предъ наставникомъ или начальникомъ и прочіе подобнаго рода подвиги,— развѣ они могутъ быть мыслимы тамъ, гдѣ учиняющіе ихъ герои рискуютъ прежде всего быть осужденными по всей строгости на своемъ домашнемъ и товарищескомъ судѣ,—гдѣ общая честь заведенія ревниво блюдется каждымъ его членомъ? Гдѣ все низкое, порочное, нечестное и неблаговоспитанное зовется своимъ именемъ и изгоняется вонъ, если не думаетъ смириться и измѣниться на лучшее?! Но конечно и наоборотъ, никакія внѣшнія и начальническія наши мѣры,—будь они самыя благожелательныя, настойчивыя, искусныя и бдительныя,—не истребятъ у васъ ни учебнаго, ни нравственнаго зла, если вы сами на него будете смотрѣть сквозь пальцы, если каждому изъ васъ будетъ только самому до себя, если безнаказанно и даже съ нѣкоторымъ товарищескимъ поощреніемъ будетъ зрѣть и спѣть на вашихъ глазахъ все то дурное, что съ полнымъ успѣхомъ вы могли бы прежде всего остановить, ослабить и даже истребить своею дружескою и товарищескою рукою. На этомъ основаніи я обращаюсь съ своимъ словомъ убѣжденія преимущественно къ тѣмъ изъ васъ, которые имѣютъ большую или меньшую авторитетность въ средѣ своихъ товарищей и могутъ служить для нихъ достонодражаемыми образцами трудолюбія и доброй нравственности. На васъ, наши лучшіе и избранные воспитанники, лежитъ эта священная и нравственная обязанность создать строгій и крѣпкій судъ товарищескій, котораго боялись бы невѣже-

ственныя и попорченныя личности изъ вашей братіи больше, чѣмъ нашихъ начальническихъ каръ и взысканій. Вы должны взять на себя охрану чести и добраго имени своего роднаго заведенія, и возстановить эту честь и это доброе имя до той высоты, которая подобаетъ современнымъ, преобразованнымъ и облагороженнымъ духовнымъ школамъ. Пора бы исчезнуть и пропасть безъ слѣда всему тому неприглядному и нежеланному, что къ сожалѣнію имѣетъ у васъ до сихъ поръ нѣкоторую традиціонную живучесть, какъ бы унаслѣдованную отъ грубоватой старины извѣстнаго несимпатичнаго типа. Очень многое повидимому сдѣлалъ для улучшенія и возвышенія нашихъ школъ новый семинарскій уставъ, дѣлаемъ по возможности и мы — его блюстители; но если мало будете озабочены дѣломъ своего облагороженія и здраваго научнаго образованія вы сами; то все будетъ оставаться по прежнему. Все тѣ же будутъ слышаться неблагопріятные отзывы въ обществѣ насчетъ недостаточности и поверхностности знаній у духовныхъ воспитанниковъ и указанія на ихъ слабыя бытовыя и нравственныя стороны, которыми попрекали ихъ въ старину. Горько и непріятно было бы сознаться, что къ этимъ попрекамъ и отзывамъ даютъ поводъ сами духовные воспитанники.

Не знаю, на сколько вѣрны доходящіе до меня изъ вашей же среды слухи; но они такъ пріятны для меня и такъ близко относятся къ предмету моего настоящаго слова, что я нахожу умѣстнымъ, и особенно при началѣ учебнаго года благовременнымъ—подѣлиться ими со всѣми вами. Будтобы у нашихъ владимірскихъ воспитанниковъ, подразумѣвается въ лучшихъ и передовыхъ представителяхъ нашей мѣстной учащейся молодежи, зародилось довольно ясное и живое, отчасти подневольнымъ и горькимъ опытомъ и какъ своими, такъ и чужими товарищескими наблюденіями выработанное сознаніе, что трудностямъ и разнымъ стѣсненностямъ, которыя приходится переживать теперь духовнымъ школамъ и ихъ воспитанникамъ, надо противопоставить усиленный умственный трудъ, и не полагаясь на авось и ни на какія постороннія и случайныя пособія въ будущемъ, и не отклоняясь ни къ какимъ постороннимъ цѣлямъ, — завоевы-

вать себѣ предварительно и сидя въ школѣ болѣе или менѣе прочныя права для устройства своей будущей судьбы и для расчищенія дороги на предстоящемъ жизненномъ поприщѣ. Если это такъ, если эти соображенія начинаютъ у васъ пріобрѣтать характеръ нѣкоторой общинности; то я могъ бы поздравить васъ съ нарождающимися у васъ признаками зрѣлости и серьезности взгляда на свое школьное положеніе и на задачу своей ученической жизни. Пусть это зараждающееся направленіе нельзя назвать идеальнымъ, ищущимъ науки для науки и для безкорыстнаго самообразованія; но право, я готовъ бы примириться съ этимъ вашимъ практицизмомъ, за который большею частію укоряютъ людей, опасаясь и подозрѣвая, что онъ нарождаетъ несимпатичныхъ эгоистовъ. Но вашъ практицизмъ имѣетъ однакоже весьма мудрую подкладку, и онъ несомнѣнно спасъ бы васъ отъ многихъ и многихъ горькихъ случайностей и зловредныхъ вліяній, отъ которыхъ погибло и гибнетъ въ современномъ обществѣ такое множество даровитыхъ и способнѣйшихъ юношей. Такъ-что я могъ бы только пожелать, чтобы этотъ умный и дѣльный практицизмъ какъ можно пошире распространялся бы въ вашемъ юношескомъ обществѣ, и какъ можно побольше имѣлъ бы среди васъ своихъ представителей.

Здѣсь дошла мнѣ очередь сказать нѣсколько словъ о тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые страдаютъ повидимому обратнымъ настроеніемъ, и, не чувствуя призванія къ духовной наукѣ, ни склонности къ духовной службѣ, не могутъ опредѣлить теперь ясно своей задачи, никакъ не разберутся среди тѣхъ затрудненій; въ которыхъ они оказываются при современномъ положеніи нашихъ духовныхъ среднихъ школъ и ихъ отношеніи къ параллельнымъ среднимъ же, а равно и высшимъ свѣтскимъ школамъ, и потому впадаютъ въ уныніе, поддаются вялости и учебной апатіи, и почти бросаютъ заниматься дѣломъ, и разумѣется влекутся ко всякому бездѣлью. Выше я сказалъ, что обыкновенная и всегдашняя причина ученической малоуспѣшности и нравственной шаткости, дѣйствующая въ большинствѣ питомцевъ—не нашихъ только, но и всякихъ другихъ школъ, скрывается въ трудности самаго ученья и нелегкой пріобрѣтаемости крѣпкихъ

нравственныхъ правилъ и навыковъ. Учиться дѣло прекрасное,— это всѣ школьники скажутъ; но и дѣло трудное, а потому многіе изъ нихъ не учатся, или плохо учатся. Похвально и желательно всѣмъ благоповеденіе; но баловство легче и пріятнѣе, а потому имъ и увлекаются многіе. Но нынче, какъ оказывается, появились у многихъ духовныхъ воспитанниковъ особенныя и такъ сказать спеціальныя причины ихъ учебнаго охлажденія и всяческой шаткости. Мнѣ самому доводилось лично отъ нѣкоторыхъ изъ вашей среды слышать откровенныя признанія и заявленія, что такъ какъ-де призванія къ духовному служенію они въ себѣ не чувствуютъ, а знаній изъ общеобразовательнаго курса съ практическою пользою приложить почти некуда; то дѣло валится-де изъ рукъ само собою. Что мнѣ сказать такимъ разочарованнымъ юношамъ въ утѣшеніе и поощреніе? Многаго и притомъ существенно-утѣшительнаго сказать, разумѣется, не могу. Не отъ меня, вообще не отъ начальниковъ со властію подобною моей, зависитъ ихъ положеніе, а слѣдовательно и измѣненіе этого положенія. Съ своей стороны, я готовъ даже признать извѣстную долю резонности въ скорбныхъ заявленіяхъ тѣхъ воспитанниковъ, въ которыхъ дѣйствительно есть природное такъ сказать нерасположеніе къ духовному званію, а слѣдовательно и къ подготовительнымъ для этого званія спеціальнымъ учебнымъ предметамъ и наукамъ. И, разумѣется, не стану я повторять имъ неискреннихъ фразъ: «нѣтъ, не смотря ни на что, готовьтесь къ духовному званію, и учитесь для этой именно цѣли»! Но я въ правѣ поставить вопросъ: да полно у многихъ ли изъ васъ дѣйствительно можно и должно допустить рѣшительную и серьезную антипатію къ духовному званію? У многихъ не навѣяна ли она откуда нибудь со стороны, и не сложилась ли подъ вліяніемъ какихъ нибудь случайныхъ и чисто внѣшнихъ причинъ? Не объясняется ли она даже просто временнымъ перевѣсомъ въ юношеской кипучей природѣ низшихъ инстинктивныхъ влеченій надъ высшими и идеальными? Да вообще не рано ли юношѣ, обучающемуся въ средней школѣ, съ философскою рѣшительностію заявлять, что въ немъ сложилось и опредѣлилось такое-то и такое-то направленіе? И не теряла-ли

церковь и духовная наука многихъ способнѣйшихъ и полезнѣйшихъ своихъ дѣятелей въ недавнемъ прошломъ, когда юнымъ семинарскимъ философамъ предоставлена была полная льгота и воля уходить вдаль отъ своихъ родныхъ школъ и искать иногда воображаемыхъ только великихъ благъ и правъ на гражданскомъ поприщѣ. Такимъ образомъ, если изъ общей массы духовныхъ воспитанниковъ исключить тѣхъ, которые по тѣмъ или инымъ соображеніямъ и побужденіямъ просто только напускаютъ на себя нерасположенность къ духовному образованію; то останется можетъ быть очень небольшая горсть такихъ, которыхъ не жаль будетъ, даже при ихъ даровитости, отпустить въ страну далече. Послѣдними словами я однакоже отнюдь не хочу сказать, что смотрю на нихъ какъ на какихъ нибудь блудныхъ сыновъ; ибо и ихъ жаль и не приходится терять, да и спасеніе, разумѣется, не въ стѣнахъ только духовной школы. Моя мысль та, что среди духовныхъ воспитанниковъ дѣйствительно могутъ быть нѣкоторые призванные къ дѣятельности гражданской и наукѣ свѣтской, для которыхъ слѣдовательно выходъ изъ духовной школы могъ бы быть весьма естественъ, и съ нашей стороны даже желателенъ.

Этимъ послѣднимъ вотъ что сказалъ бы я, пока они находятся у насъ въ духовной школѣ. Небрежно относиться къ духовнымъ наукамъ и слабѣть въ занятіяхъ этими науками у нихъ всетаки нѣтъ никакихъ основательныхъ и оправдательныхъ резоновъ. Духовнаго званія они конечно могутъ не избирать; но духовная наука существуетъ не для духовнаго только званія. Она имѣетъ свой собственный и независимый интересъ, весьма высокій и дорогой для всѣхъ вообще мыслящихъ людей, неравнодушно относящихся къ верховнымъ вопросамъ о человѣческомъ духѣ и къ нравственно религіознымъ его задачамъ. Года два лишнихъ заняться этими науками—развѣ это такая потеря для воспитанника, не назначающаго себя къ духовному званію, что стоитъ объ ней горько плакаться? Развѣ богословскія знанія, пріобрѣтенныя за эти два года, потеряютъ для него свою цѣну въ послѣдующей жизни, столь обильной всякаго рода антихристіанскими и матеріальными вѣяніями, располагающими къ узкимъ научнымъ и одностороннимъ житейскимъ взглядамъ на

жизнь и на вещи? Можетъ быть тотъ прибавочный, представляющійся излишнимъ, запасъ знаній, который пріобрѣтается въ двухъ послѣднихъ семинарскихъ классахъ, останется потомъ единственнымъ запасомъ драгоцѣнныхъ во всякомъ случаѣ свѣдѣній по христіанскому вѣроученію, которымъ придется пробавляться во всю послѣдующую жизнь? а этимъ пренебрегать не слѣдуетъ. Наконецъ, если всетаки жаль потерять время, насильственно задерживаясь въ нежеланныхъ классахъ и отдаляясь отъ задуманной цѣли собственно свѣтскаго образованія, то что надобно однакоже дѣлать пребывая въ семинаріи, чтобы ускорить себѣ выходъ изъ нея и обезпечить удачный переходъ въ свѣтскую школу? Очевидно, что какъ можно усерднѣе заниматься предметами общеобразовательнаго курса, даже гораздо усерднѣе, чѣмъ какъ можно было это прежде. Неудачныя, или не совсѣмъ удачныя попытки нѣкоторыхъ нашихъ, далеко не слабыхъ и не дурныхъ воспитанниковъ, путемъ средней свѣтской школы достигнуть правъ на доступъ къ высшему образованію въ свѣтскихъ же учебныхъ заведеніяхъ, зависѣли, какъ оказывается, отъ ихъ слабоватыхъ знаній по тѣмъ общеобразовательнымъ предметамъ, которые преподаются и у насъ, но которыми они, очевидно, занимались слабовато, надѣясь можетъ быть на разныя благопріятныя случайности на экзаменѣ, или же прямо расчитывая на снисходительность экзаменаторовъ, къ которой можетъ быть они пріучили себя здѣсь у насъ въ семинаріи. И по долгу и по безкорыстному сочувствію къ этимъ молодымъ людямъ изъ вашей среды, жаждущимъ свѣтскаго образованія, совѣтую имъ, отброся всякія обманчивыя надежды и невѣрные расчеты подобнаго рода, серьезно приняться за учебное дѣло, чтобы пополнить тѣ пробѣлы въ общеобразовательныхъ предметахъ, которые сами они чувствуютъ и сознаютъ въ себѣ. И я увѣренъ, что многіе и очень многіе изъ нашихъ учениковъ, еслибы со всѣмъ усердіемъ занимались предметами семинарской учебной программы отъ перваго до четвертаго класса; то легко и съ честію бы получали установленные аттестаты зрѣлости, отворяющіе двери къ высшему свѣтскому образованію.

Кончаю свое поученіе тѣмъ же, чѣмъ началъ. Учиться надо,

друзья мои, всѣмъ вамъ безъ исключенія какъ можно усерднѣе, и какія-бы вы ни назначали себѣ цѣли въ будущемъ,—ревновать нужно вамъ больше всего и прежде всего о развитіи въ себѣ общечеловѣческихъ благородныхъ свойствъ души и сердца. Господь да поможетъ вамъ въ этомъ! Аминь.

СЛОВО

при погребеніи И. В. Алябьева *).

(6 ноября 1882 г.).

Первый человѣкъ изъ земли перстный; второй человѣкъ Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные; и каковъ небесный, таковы и небесные. И какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго (1 Кор. XV. 47—49).

Не смотря на ужасъ и мрачную таинственность смерти, она стала до того обычнымъ среди насъ явленіемъ, что мы привыкаемъ смотрѣть на нее съ удивительнымъ равнодушіемъ и безпечностію, какъ на ежедневную смѣну дня и ночи и какъ на самыя привычныя отправленія и явленія нашей будничной жизни. То и дѣло слышимъ мы, какъ одинъ за другимъ отправляются наши знакомые и родные всѣхъ возрастовъ и состояній въ таинственную и мрачную могильную область, — и эти извѣстія едва-едва колеблютъ ежедневное теченіе нашихъ мыслей и стремленій. Равнодушно посмотримъ мы на проносимый мимо насъ гробъ, вспомнимъ слегка о покойникѣ, можетъ быть перекрестимся, можетъ быть пожелаемъ ему царствія небеснаго,—и тотчасъ же опять принимаемся за свое. Но когда приходится стоять возлѣ самаго гроба, когда приходится смотрѣть, такъ сказать, въ самое лице смерти—грозное, угрюмое и таинственное, и участвовать въ по-

*) Напечатано въ 24 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1882 г.

гребеніи человѣка близкаго и знаемаго; то едва-ли много можетъ оказаться среди насъ такихъ непоколебимыхъ и равнодушныхъ философовъ, у которыхъ не дрогнуло бы сердце, не появилось ни одной тревожной мысли, не возникло бы ни одного вопроса и недоумѣнія и не заговорило бы инстинктивное чувство самосохраненія. Какъ угасла жизнь предлежащаго намъ дорогаго и любимаго человѣка, теперь безгласнаго и бездыханнаго? Куда дѣвалась его душа, и какая теперешняя ея судьба? Что будетъ и съ нами послѣ неизбѣжной и роковой развязки нашей съ жизнію земною, къ которой такъ крѣпко и страстно мы чувствуемъ себя пока привязанными? Эти серьезные вопросы, дробясь на тысячи видоизмѣненій въ головѣ у каждаго изъ насъ, соотвѣтственно сложившимся убѣжденіямъ, личнымъ наклонностямъ и надеждамъ, сводятся къ одному великому вопросу о таинствѣ смерти и о нашей загробной судьбѣ, и возникаютъ у гроба сами собою и невольно, вопреки даже нашимъ усиліямъ не задавать ихъ себѣ и укрыться за свою обычную безпечность и инстинктивное животолюбіе.

И не нужно, и не нужно, благочестивые слушатели, отклонять этихъ вопросовъ; ибо какъ ни отклоняй ихъ, а они все будутъ стоять въ нашемъ сознаніи, и затихая на время и заслоняясь нашей повседневной суетливостью, настигнутъ насъ въ опредѣленное, хотя и закрытое для насъ, время разставанія нашего съ земной суетой и въ моментъ вступленія нашего въ вѣчность. Все равно, рѣшимъ ли мы эти вопросы во время кратко-срочной своей жизни земной, или не рѣшимъ, а они всетаки разрѣшатся для насъ такъ или иначе сами собою. Но каково будетъ рѣшеніе ихъ? Не пришлось бы выслушать роковое и вѣчное осужденіе за свою безпечность и легкомысленное отношеніе къ дарованной намъ отъ Господа, но неразумно прожитой и безплодно загубленной нами жизни. Выслушайте же нѣсколько наставительныхъ и разрѣшающихъ словъ, не моихъ немощныхъ, но богодухновенныхъ апостольскихъ словъ, по поводу смерти нашего собрата во Христѣ и въ разъясненіе тревожныхъ вопросовъ о жизни и смерти людской, которыми переполнены теперь конечно и ваше собственное чувство и сознаніе.

Первый человѣкъ изъ земли перстный; второй человѣкъ Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные; и каковъ небесный, таковы и небесные. Въ этихъ словахъ апостольскихъ заключается и общее разъясненіе таинства смерти и главное основаніе нашей надежды на предстоящее намъ по смерти великое назначеніе наше. Святый апостолъ хочетъ внушить намъ, что мы носимъ въ себѣ два начала жизни, идущія отъ двухъ родоначальниковъ нашихъ, а потому и должны мы всѣ пройти и испытать два совершенно различныя состоянія, какъ естественныя и неизбѣжныя слѣдствія этихъ двухъ жизненныхъ началъ нашихъ. Первый человѣкъ и всеобщій родоначальникъ нашъ по плоти и крови—есть Адамъ, изъ земли происшедшій и своимъ грѣхопаденіемъ занесшій тлѣніе и порчу въ свою природу,—каковая порча путемъ рожденія передается теперь и будетъ передаваться отъ одного человѣка другому до послѣднихъ судебъ всемірной исторіи человѣчества. Такимъ образомъ то, что испыталъ первый родоначальникъ нашъ по плоти и крови, то непремѣнно должны испытать и всѣ мы его потомки, или какъ выражается апостолъ—*каковъ земной* человѣкъ, *таковы и земные*. А вотъ каковы мы по этому первому началу своей жизни. Наглядное и прискорбное подобіе этой жизни теперь у насъ предъ глазами въ этомъ гробѣ. Плачъ, болѣзни и страданія—при нашемъ рожденіи. Суета, мятежъ, горе и труды при нашемъ возрастаніи. Затмѣніе богоподобной красоты, безобразіе, безславіе и тлѣніе при послѣднемъ концѣ нашей жизни земной. Все это къ тому говоритъ апостолъ, что всесильный побѣдитель смерти Христосъ Іисусъ, этотъ вторый человѣкъ и Господь съ неба, дѣломъ своего искупленія отнюдь не прервалъ той естественной и тѣлесной связи нашей съ первымъ человѣкомъ, которой соблазнялись очевидно, и относительно которой недоумѣвали Коринѳскіе ученики апостола Павла и которая можетъ быть недоумѣнна и прискорбна теперь и для насъ, съ дѣтства привыкшихъ пѣть устами святой церкви побѣдную пѣснь надъ смертію и тлѣніемъ. Порвать естественную связь нашу съ праотцемъ Адамомъ и создать новаго родоначальника человѣковъ значило бы нарушить и перестроить первосозданный порядокъ міросданія, что конечно не-

согласно было бы съ непоколебимыми и вѣчными совѣтами премудраго художника вселенной. Въ неизслѣдимыхъ глубинахъ своей премудрости Господь изобрѣлъ другое средство къ обновленію рода человѣческаго. Онъ послалъ въ область тлѣнія и смерти своего Единороднаго Сына, который благоволилъ родиться отъ св. приснодѣвы и сдѣлался во всемъ подобенъ намъ, кромѣ грѣха, даже самъ испилъ чашу смерти, чтобы своимъ славнымъ воскресеніемъ открыть намъ путь къ безсмертію на небѣ. Оставивъ тлѣнному и смертному въ природѣ нашей испытать и пережить все, что ему свойственно и надлежитъ вслѣдствіе непрерывной связи нашей съ падшимъ праотцемъ, Спаситель рода человѣческаго внесъ однакоже новое, высшее и духовное начало жизни въ природу человѣческую, или какъ выражается апостолъ—сталъ для насъ *духомъ животворящимъ*, подобно тому, какъ первый человѣкъ Адамъ сталъ для людей лишь *душею живущею* (1 Кор. XV, 45), т. е. началомъ низшей, тлѣнной и угасающей жизни. Новое, высшее духовное начало жизни дается намъ христіанамъ при второмъ рожденіи нашемъ о Христѣ Іисусѣ, т. е. при крещеніи, и затѣмъ живетъ, крѣпнетъ и развивается это начало въ таинственномъ и благодатномъ союзѣ нашемъ со Христомъ въ учрежденной имъ церкви чрезъ установленныя имъ таинства. Этими таинствами, какъ живоносными потоками, вливается и переносится въ природу нашу безсмертная и духовная жизнь Христова, и потому, выражаясь словами апостола, имѣемъ право сказать: *каковъ небесный* нашъ родоначальникъ, *таковы и небесные*, т. е. таковы и мы по благодати возрожденія и усыновленія Іисусу Христу. *И какъ мы носили образъ перстнаго, такъ будемъ носить и образъ небеснаго* (ст. 49). Но такъ какъ носимая теперь нами *плоть и кровь* наша, поелику они Адамовы, *не могутъ наслѣдовать царствія Божія*, уготованнаго искупителемъ нашимъ, *и тлѣнное не наслѣдуетъ нетлѣнія* (ст. 50); то разумѣется *тлѣнному сему надлежитъ* въ въ свое время *облечься въ нетлѣніе и смертному сему облечься въ безсмертіе* (ст. 53). Нужда въ семъ перерожденіи и измѣненіи столь неизбѣжна и всеобща, что даже люди имѣющіе дожить до послѣднихъ временъ міра, у которыхъ, такъ сказать,

не будетъ времени умереть и которые дѣйствительно не умрутъ, испытаютъ однакоже перерожденіе и измѣненіе своей природы. *Говорю вамъ тайну,*—открываетъ намъ по сему поводу богодухновенный апостолъ, *не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся вдругъ, во мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ; ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся* (ст. 52). Когда сіе будетъ,—единому Господу извѣстно; но что это будетъ непремѣнно и неизбѣжно,—это также достовѣрно извѣстно, какъ то, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ первенецъ изъ умершихъ. *Ибо какъ смерть чрезъ человѣка*,—разсуждаетъ и учитъ апостолъ, *такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ, каждый въ своемъ порядкѣ: первенецъ Христосъ, потомъ Христовы въ пришествіи его. А затѣмъ конецъ* временъ и судебъ рода человѣческаго блистающій, славный и торжествующій (1 Кор. XV, 21. 22. 23). Ибо когда все искупленное и облагодатствованное человѣчество скинетъ и отрясетъ съ себя прахъ тлѣнія и облечется въ нетлѣніе: *тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою. Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда* (1 Кор. XV, 54. 55).

Вотъ какія таинства раскрываетъ намъ апостолъ по вопросу о жизни и смерти людской, и вотъ какіе уроки благовременно выслушать намъ отъ него при гробѣ новопреставленнаго собрата нашего о Христѣ! Что же, возлюбленные, таковы ли наши воззрѣнія на жизнь свою, и таковыми ли надеждами мы руководствуемся, и по нимъ ли устрояемъ мы правила своей жизни? Проникнуты ли мы сознаніемъ двойственности жизненныхъ началъ, дѣйствующихъ въ природѣ нашей,—одного ветхаго, плотскаго и тлѣннаго—по Адаму, и другаго новаго и духовнаго по Христу? Отдаемъ-ли мы преимущество этому послѣднему началу, и стремимся-ли полагать его въ основаніе своей дѣятельности въ живомъ общеніи со Христомъ Спасителемъ? О, еслибы это было такъ! Тогда упованіе нашего безсмертія было бы исполнено. Смерть была бы не страшна намъ и прославленіе со Христомъ было бы за нами упрочено и обезпечено. Но что, если это не такъ, или даже не совсѣмъ такъ? Что если, ничуть не богослов-

ствуя и не философствуя о своей жизни, мы живемъ однимъ только ветхимъ, животнымъ, Адамовымъ и грѣшнымъ началомъ, какъ будто-бы ничего не предстояло намъ впереди, кромѣ смерти и тлѣнія? Что, если не далеки мы по своимъ убѣжденіямъ и по характеру своей жизни отъ тѣхъ грубыхъ и безпечныхъ философовъ, которыхъ обличалъ въ свое время апостолъ Павелъ, бросая имъ въ упрекъ ихъ же собственныя неразумныя слова: *станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ* (1 Кор. XV, 32). Умремъ,—это такъ, это роковая и неотвратимая правда! Умремъ, какъ умерли милліоны людей до насъ, какъ умеръ предлежащій бездыханный собратъ нашъ, вчерашній день бесѣдовавшій съ нами. Но не исчезнемъ мы и не уничтожимся, какъ мечтаютъ и проповѣдуютъ съ тупымъ безстрашіемъ и безнадежнымъ отчаяніемъ люди, невѣдующіе Бога! Но пойдутъ за нами въ могилу наши дѣла, помышленія и чувства. Но понесемъ мы на тотъ свѣтъ свою животность, страстность и грѣхолюбіе. Но услышимъ мы нѣкогда, какъ и всѣ прочіе люди, гласъ Сына Божія, и услышавши оживемъ. И увидимъ мы съ трепетомъ, какъ изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда. И станемъ мы съ содраганіемъ дожидаться, куда-то пошлетъ насъ Господь Богъ, нелицепріятный и всеправедный судія рода человѣческаго. Вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ задуматься и чѣмъ озаботиться намъ, братіе возлюбленные возлѣ гроба сего! Тяжелыя все это и грустныя думы, но необходимыя и спасительныя среди той суеты и соблазновъ, которыми пропитана, можно сказать, насквозь наша повседневная и грѣшная жизнь.

Обращаясь затѣмъ къ усопшему собрату нашему во Христѣ, что сказать намъ о его теперешней судьбѣ, чѣмъ утѣшиться въ его потерѣ, чѣмъ помочь и пособить ему въ новомъ и чрезвычайномъ его положеніи? Предъ всевидящимъ и милосердымъ Господомъ исчислены конечно всѣ добрыя дѣянія его и заслуги, опредѣлилась конечно и судьба его; такъ что ни вопли, ни слезы наши, а равно и похвалы, которыми захотѣли бы мы почтить его память, ничего уже не могутъ ни убавить, ни прибавить къ Божію о немъ изволенію. Но есть однакоже у насъ крѣпкое основаніе вѣрить и надѣяться, что почившій рабъ Божій Іоаннъ не

погубилъ мзды своея у Господа. Самъ Единородный Сынъ Божій сказалъ намъ въ своемъ евангеліи: *истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово мое, и вѣрующій въ пославшаго меня имѣетъ жизнь вѣчную; и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь* (Іоан. V, 24). А мы знаемъ объ этой крѣпкой и искренней вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа, которою отличался почившій рабъ Божій. Знаемъ, что религію онъ ставилъ выше всего и прежде всего; что онъ безучастно и равнодушно относился къ тѣмъ самодѣльнымъ и фальшивымъ воззрѣніямъ на жизнь человѣка и на его нравственныя задачи, которыя провозглашаются иными представителями современной невѣрующей и матеріальной науки; что онъ съ негодованіемъ всегда порицалъ попытки этихъ представителей какъ-нибудь поколебать и унизить христіанское и религіозное начало въ обществѣ; что однимъ словомъ печать Христова была на челѣ его. А это великое дѣло. Оно даетъ намъ отрадное право вѣровать и надѣяться, что Господь не отринетъ вѣрующаго раба своего Іоанна; ибо неложно и другое слово Христа Спасителя: *истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ меня имѣетъ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 47). Все это должно подвигнуть и расположить христіанскую любовь нашу къ усопшему, усилить наши молитвы о немъ предъ милосердымъ отцемъ небеснымъ, да покроетъ онъ своимъ безконечнымъ милосердіемъ и снисхожденіемъ къ роду человѣческому вольныя и невольныя прегрѣшенія и сего усопшаго раба своего, которыя пришлось ему допустить по немощи естества своего, по многочисленнымъ соблазнамъ мірскимъ и по ухищреніямъ отъ діавола. Вотъ та единственная и драгоцѣнная услуга, которой ждетъ отъ насъ теперь почившій собратъ нашъ, и которую только въ состояніи мы оказать ему,—это наши усердныя и теплыя молитвы о душѣ его. Самъ Господь повелѣваетъ намъ молиться другъ за друга по взаимной братской любви, и конечно не безъ надежды быть услышанными въ своихъ молитвахъ. *Молитесь другъ за друга*,—заповѣдуетъ онъ устами св. апостола Іакова (V, 16), и конечно не за живыхъ только, а и за умершихъ; ибо предъ Господомъ всѣ живы, и онъ *не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Матѳ. XXII, 32). Сольемъ же наши

родственныя и дружественныя воздыханія и молитвы объ усопшемъ съ молитвами святой церкви Христовой, общей матери нашей по всыновленію и облагодатствованію во Христѣ Іисусѣ,— да не осужденъ будетъ по грѣхамъ своимъ новопреставленный рабъ Божій на мѣсто мученія, но да вчинитъ его Господь, идѣже свѣтъ животный. Аминь.

СЛОВО

На новый (1883-й) годъ *).

Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу (Колос. II, 8).

Это отеческое предостереженіе дѣлаетъ св. апостолъ Павелъ своимъ Колосскимъ ученикамъ, нравственно-религіозной жизни которыхъ угрожала опасность отъ какой-то учености, отъ какихъ-то философовъ, вкрадчиво и умно предлагавшихъ какіе-то иные, повидимому лучшіе пути къ нравственному совершенству, чѣмъ тѣ, какіе предложены были Колоссянамъ богодухновеннымъ учителемъ языковъ, св. апостоломъ Павломъ. Неизвѣстно достовѣрно, что это были за философы и въ чемъ заключалось ихъ опасное, хотя и обольстительное ученіе; но главные его признаки св. апостолъ намѣчаетъ въ томъ, что своимъ источникомъ это ученіе имѣло какое-то старинное измышленіе человѣческое, и слѣдовательно не имѣло богооткровенно-религіознаго начала; что характеромъ его была *мірская стихійность*, т. е. не было оно одушевлено чисто духовными и возвышенно нравственными помыслами; и что поэтому видимымъ и послѣднимъ плодомъ его было не приближеніе ко Христу, а удаленіе отъ него.

Знаменательно то, что вышеозначенное предостереженіе апо-

*) Напечатано въ 3 № «Влад. Епарх. Вѣдомост.» за 1883 г.

стольское св. церковь положила предлагать намъ въ новый годъ. Въ преемственномъ движеніи времени начало каждаго новаго года есть какъ бы начинательный пунктъ въ нашемъ жизненномъ шествіи, гдѣ мы должны осмотрѣться и сообразить, что нами уже сдѣлано, что пріобрѣтено и что пройдено въ мимошедшее лѣто, и по какому направленію слѣдуетъ идти дальше. А какъ нашими поступками и всѣми вообще нравственными движеніями и усиліями воли всегда управлять должна какая нибудь основная и руководственная мысль; то намъ и ставится на видъ это вполнѣ благовременное предостереженіе на новый годъ, чтобы мы не увлеклись какимъ нибудь пустымъ человѣческимъ обольщеніемъ, какой нибудь философіей, какими нибудь идеями, хотя бы и модными и у людей весьма распространенными и съ виду даже очень серьезными, но могущими отклонить насъ съ надлежащаго пути правды и истины.

Огромное пространство времени отдѣляетъ насъ отъ Колоссянъ, нравственнымъ состояніемъ которыхъ такъ озабоченъ былъ св. апостолъ Павелъ, но есть нѣчто общее между ими и нами. Только-что приведенные къ свѣту Христову изъ языческой тьмы, они пылали религіознымъ рвеніемъ, и въ этомъ состояніи чрезвычайно были воспріимчивы ко всякому вліянію и ученію, призывавшему ихъ на подвиги нравственнаго усовершенствованія,—что и внушало опасенія и усиленную заботливость въ ихъ учителѣ, св. апостолѣ Павлѣ. Озираясь на только-что пережитое нами мимошедшее лѣто и нѣсколько далѣе назадъ,—мы точно также усматриваемъ въ современномъ настроеніи и направленіи переживаемой нами жизни общественной какое-то необычайное одушевленіе и напряженіе; хоть и не чисто религіознаго характера,—какъ это было у Колоссянъ,—но рвущееся однакоже къ обновленію и нравственно-духовному усовершенствованію во всѣхъ областяхъ нашей жизни: въ семьѣ, въ школѣ, въ научной, въ церковной, въ гражданской—областяхъ, словомъ вездѣ. И какъ во времена Колоссянъ, такъ и теперь у насъ слышится много всячесной философіи и раздается множество ученій и системъ, силящихся руководить и направлять всѣмъ этимъ бурнымъ и волнующимся общественнымъ движеніемъ. И какъ въ свое время

новообращенные и горячіе въ своемъ религіозномъ возбужденіи Колоссяне чутки и удобопреклонны были ко внѣшнимъ и постороннимъ вліяніямъ, сверхъ проповѣди апостольской, такъ и въ переживаемое нами время общество наше, возбужденное цѣлымъ рядомъ недавнихъ великихъ преобразованій, обновившихъ и перестроившихъ теченіе нашей давнишней и привычной жизни гражданственной, съ необыкновенною чуткостію отзывается на разныя ученія и проповѣди вождей науки о своемъ бытѣ и о своихъ нравственно-духовныхъ нуждахъ. Рѣчь наша склоняется, какъ видите, не прямо къ той обычной и существенной темѣ церковной проповѣди, о которой привыкли вы слышать слово съ сего священнаго мѣста. Не объ какомъ либо догматическомъ или частномъ религіозно-нравственномъ вопросѣ говорить мы намѣреваемся въ сегодняшній день новаго года, а имѣемъ нужду и поводъ предложить нѣсколько наставительныхъ словъ по поводу одного въ высшей степени характернаго и знаменательнаго явленія въ умственномъ складѣ и жизненномъ направленіи нашей современной гражданской дѣятельности. Впрочемъ связь этого явленія съ судьбами религіи и православной вѣры въ нашемъ отечествѣ такъ велика и существенна, что это не только даетъ намъ право, но и налагаетъ обязанность говорить объ немъ съ церковной каѳедры, и именно въ теперешнее время.

Та философія съ обольстительной пустотой, по изреченію апостола, которая угрожаетъ общественному благу нашего отечества, и которая успѣла уже къ сожалѣнію надѣлать и приготовить множество бѣдъ и золъ нашей родной странѣ, заключается въ какомъ-то страстномъ и такъ сказать повальномъ отвращеніи ко всему старому и древнему, хотя бы почтенному и родному, и въ какомъ-то беззавѣтномъ и суевѣрномъ благоговѣніи ко всему новому, въ особенности идущему изъ чужихъ ученыхъ странъ; такъ что общество русское распалось, какъ вы знаете, на два весьма замѣтные и какъ бы враждебные лагеря. Одни,—жаждущіе новизны и рвущіеся ко всяческой свободѣ, усвоюютъ себѣ наименованіе передовыхъ, разумныхъ по преимуществу и свободно-мыслящихъ двигателей жизни общественной; другіе же, не рѣшающіеся безъ опасливой критики поклониться всему новому,

хотя бы оно было и самое ученое, и дорожащіе преданіями отечественной старины, клеймятся унизительнымъ прозвищемъ отсталыхъ, неразвитыхъ людей, руководствующихся привычкой и только задерживающихъ движеніе общественной жизни.

Еслибы это раздѣленіе и борьба мнѣній не выходили дальше ученыхъ кабинетовъ по какимъ нибудь отвлеченнымъ научнымъ вопросамъ и ограничивались бы только книжнымъ словопреніемъ, то Богъ бы съ ними, и мы отнеслись бы къ этому явленію, какъ обычному, въ существѣ дѣла и для жизни довольно безразличному и потому до насъ пастырей церкви не касающемуся. А между тѣмъ эта борьба и раздѣленіе мнѣній достигли до такой степени обоюднаго напряженія и раздраженія, что принимаютъ характеръ какого-то гражданскаго междоусобія, и такъ неблагопріятно и можно сказать зловредно отзываются при рѣшеніи самыхъ жизненныхъ нашихъ, кровныхъ и національныхъ вопросовъ, что молчать уже рѣшительно не приходится намъ пастырямъ церкви, по самому званію своему и положенію обязаннымъ вопервыхъ раздѣлять всѣ скорби, нужды и болѣзни своего роднаго общества, и вовторыхъ по мѣрѣ силъ и возможности руководить пасомыхъ по пути истины и добра, хотя бы шла рѣчь только объ общественныхъ и гражданскихъ, а не прямо о религіозныхъ вопросахъ. На какой же изъ двухъ указанныхъ нами сторонъ больше этой истины и добра, и куда должно быть больше направляемо наше гражданское сочувствіе?

По плодамъ и слѣдствіямъ, какъ извѣстно, судить надобно о всякомъ, особенно же спорномъ и подлежащемъ сомнѣнію дѣлѣ. Что же оказывается? когда поднимается вопросъ о способѣ управленія нашимъ громаднымъ и многомилліоннымъ народонаселеніемъ и о характерѣ этого управленія, то всѣ эти люди, величающіе себя свободно мыслящими и передовыми, на разные лады и однакоже въ одинъ голосъ проповѣдуютъ и ухищренно учатъ и внушаютъ, что народное благо до тѣхъ поръ не возрастетъ и не поднимется, покуда нашъ многомилліонный народъ будетъ находиться подъ строгой правительственной опекой, и покуда эта опека и единодержавная власть правительственная не будетъ до послѣдней степени умалена и ограничена, и не будетъ завоевана

для народа наибольшая свобода самоуправленія. Съ этой цѣлью тщательно собираются, сводятся въ одну общую картину и раскрашиваются самыми мрачными и посмѣятельными красками всякіе отдѣльные случаи злоупотребленія правомъ и отступленія отъ долга отдѣльныхъ лицъ, облеченныхъ властію и довѣріемъ отъ правительства, чтобы вообще поколебать къ нему довѣріе и уваженіе и возбудить, если то можно, всеобщее недовольство и ропотъ противъ властей предержащихъ. Этимъ именно способомъ, какъ извѣстно, питалась и созрѣвала наша внутренняя противугосударственная крамола, объ исчезновеніи которой до сихъ поръ торжественно молится св. церковь у алтарей Господнихъ. Какъ далеко зашла въ своихъ стремленіяхъ эта крамола и какіе гибельные плоды она принесла, — объ этомъ болѣзненно помнитъ вся русская страна, лишившаяся кротчайшаго и любвеобильнаго своего Государя, за которымъ въ исторіи укрѣпилось высокое титло освободителя и преобразователя. Какъ будто когда нибудь и гдѣ нибудь не бывало отдѣльныхъ случаевъ злоупотребленій! Какъ будто ихъ не будетъ при какомъ угодномъ образѣ правительственнаго устройства, и какъ будто во всякомъ отдѣльномъ и частномъ случаѣ злоупотребленія правомъ и безпорядкѣ виновно непремѣнно правительство!

Когда затѣмъ поднимается вопросъ о разныхъ выгодахъ, правахъ и преимуществахъ собственно русскаго населенія въ обширныхъ предѣлахъ русскаго царства; то удивительное и прискорбное дѣло! изъ устъ этихъ мнимыхъ горячихъ друзей народа и родной страны только и слышатся разные порицательные вопли, унижающіе все русское, все родное и національное, и услужливо превозносящіе все чужое, иностранное и европейское. Эти люди, повидимому желающіе добра родной странѣ, готовы однакоже поступиться всѣми правами и выгодами русскаго государства въ пользу чужихъ и не сочувствующихъ намъ племенъ и народностей; готовы стѣснить свою торговлю, сократить и сжать родную промышленность, отдать пріобрѣтенныя русскою кровью земли и области, стѣснить даже свой русскій языкъ расширеніемъ правъ иноплеменныхъ нарѣчій въ русскихъ областяхъ, сократить и унизить политическую честь и славу русскаго сла-

вянскаго царства, подчинить свою науку наукѣ иноземной, и вообще замѣнить свои родные обычаи и нравы, вѣками и исторіей выработанные въ жизни нашего народа, обычаями и нравами иноземными и чужими,—и все это подъ предлогомъ желанія добра и славы своему отечеству. Кто станетъ спорить, что истинная любовь къ отечеству, располагаетъ изучать и распознавать свои родные недостатки и язвы, чтобы ихъ лечить и устранять? Но чтобы съ этой цѣлію ихъ преувеличивать и съ усиленнымъ стараніемъ выставлять всѣмъ на показъ, и въ то же время умалчивать о дѣйствительныхъ заслугахъ и достоинствахъ своего народа,—какой же любящій и истинно благонамѣренный сынъ отечества будетъ такъ дѣлать? И дѣлается-ли такъ въ добромъ и единодушномъ семействѣ при случающихся въ немъ колебаніяхъ и неустройствахъ? Никто опять не будетъ оспаривать, что для блага и славы родной страны слѣдуетъ усердно изучать, охотно перенимать и усвоять все хорошее и полезное у иностранцевъ, опередившихъ насъ въ своемъ научномъ и промышленномъ развитіи; но чтобы для этого жертвовать всѣмъ своимъ роднымъ, до потери народнаго самосознанія и до пренебреженія своими отдѣльными національными качествами и особенностями и до забвенія своей собственной исторической задачи въ семьѣ другихъ народовъ, — это гибельная и постыдная крайность. Это значило бы обрекать свой родной народъ на безличность, а слѣдовательно и на безсиліе и на погибель.

Но въ особенности ярко и откровенно заявляютъ наши мнимые просвѣтители и радѣтели народные свое равнодушіе къ православной вѣрѣ русской и ко всему, что имѣетъ отношеніе къ этой драгоцѣннѣйшей святынѣ православнаго народа нашего. Подъ предлогомъ вѣротерпимости и высокаго начала свободы совѣсти они хлопочутъ, чтобы всѣ вѣроисповѣданія, всѣ секты и расколы сравнены были въ гражданскихъ правахъ съ господствующимъ православнымъ вѣроисповѣданіемъ, чтобы всѣ еретики и раскольники въ нашемъ отечествѣ получили возможность не только открыто исповѣдывать свои заблужденія, но и распространять ихъ гдѣ и какъ имъ угодно, ни мало не заботясь что изъ этого выйдетъ для темныхъ и простодушныхъ массъ народныхъ, еще

не умѣющихъ дать себѣ яснаго отчета въ своихъ вѣрованіяхъ, и потому легко склоняющихся ко всякому суевѣрію и заблужденію. Подъ предлогомъ того, что наше духовенство будто бы малодосужно, малообразованно и мало приготовлено къ учительству, они усиленно стараются отстранить его отъ учительства народнаго, а подъ предлогомъ того, что истины вѣры слишкомъ туманны и высоки для дѣтскаго пониманія, они желали бы сократить до послѣднихъ предѣловъ преподаваніе закона Божія въ народныхъ школахъ а можетъ быть и вовсе изгнать его изъ школъ и учебныхъ заведеній,—какъ это почти достигнуто въ одной изъ свободнѣйшихъ европейскихъ странъ. А въ образѣ собственной своей жизни и въ своихъ научныхъ убѣжденіяхъ сколько они являютъ презрѣнія къ вѣрѣ Христовой вообще, сколько глумленія надъ обрядами и уставами православной церкви! Сколько сочиняется ими книгъ съ цѣлію подорвать священный авторитетъ библіи и евангелія! Сколько собирается анекдотовъ, пишется карикатуръ, или подбирается дѣйствительныхъ горькихъ случаевъ и разсказовъ о духовенствѣ съ цѣлію очернить въ народномъ мнѣніи служителей вѣры Христовой и поколебать къ нимъ довѣріе и уваженіе въ православномъ русскомъ обществѣ!

Вотъ чѣмъ и какъ заявляютъ себя свободно мыслящіе люди нашего времени, желающіе заправлять судьбами нашего народа и дать ему переустройство по своему вкусу и образу. Если не всѣ такъ прямо и горячо высказываютъ свои убѣжденія и мнѣнія, то великое множество нашей лжебратіи дѣлаютъ это скрыто, косвенно и проводятъ все это между строками въ своихъ ученыхъ и чрезвычайно распространенныхъ органахъ печати; а люди неопытные и незрѣлые, а въ особенности юные жадно читаютъ эту мнимую мудрость, и незамѣтно для себя самихъ становятся подъ знамя этой русской лжебратіи и этихъ самозванныхъ просвѣтителей народныхъ. Что изъ всего этого выходитъ, кажется излишне объяснять и напоминать. И не отсюда-ли, не отъ этой-ли свободно-мыслящей и высоко-умствующей лжебратіи русской исходятъ всѣ эти переживаемыя нами смуты гражданскія, это умножающееся недовольство всѣмъ, что есть въ нашей родной странѣ, это выбивающееся изъ силъ стремленіе во всемъ

уподобиться и во всемъ сравняться съ многоучеными, но маловѣрующими иностранцами, которые однакоже отлично пользуются для своихъ выгодъ и цѣлей нашимъ внутреннимъ распаденіемъ и нашимъ охлажденіемъ къ своимъ роднымъ и кореннымъ началамъ народнымъ?

Откуда взялось и какъ развилось въ нашей родной странѣ такое поистинѣ горестное и гибельное направленіе противу-отечественное? Ложное образованіе, истекающее изъ незрѣлыхъ и одностороннихъ изысканій и соображеній свѣтской науки, есть первоначальный корень переживаемаго нами зла, а недостатокъ страха Божія и невѣдѣніе Христовой религіи, порождающее холодность къ ней и невѣріе—есть то благопріятствующее условіе, при которомъ развивается этотъ ядовитый корень съ такимъ прискорбнымъ успѣхомъ. Додумалась напримѣръ наука человѣческая, что люди равны по природѣ своей,—и вотъ она, воображая, что дѣло дѣлаетъ, силится все сравнять въ человѣческихъ обществахъ и уничтожить различіе званій, состояній и правъ гражданскихъ, и въ этомъ направленіи воспитываетъ цѣлыя людскія поколѣнія. Сдѣлали ученые открытіе, что бѣдность и нужда не пристали человѣку и унижаютъ достоинство людей, которые всѣ должны быть равноправными пользователями и распорядителями богатствъ земныхъ,—и вотъ современные книжники воздвигаютъ гоненіе на богачей и на капиталы, и проповѣдуютъ, что все должно быть раздѣлено поровну, и что всѣ должны жить сообща и общими трудами, такъ-чтобы не было собственности и при этомъ, предполагается, ни богатыхъ ни бѣдныхъ. Пропитанныя такими умными, какъ имъ кажется, соображеніями, расплодившіяся массы полуученой и недоученой нищеты и лѣни сѣютъ повсюду недовольство и раздраженіе противъ всего и противъ всѣхъ. Убѣдились своими изысканіями и умозрѣніями нынѣшніе философы, что человѣкъ, по своей великой идеѣ, есть гражданинъ цѣлаго міра, а не какого-нибудь узкаго и отдѣльнаго уголка земли, — и вотъ внушается воспитывающимся поколѣніямъ, что племеннымъ особенностямъ народовъ и ихъ отдѣльному характеру и правамъ не должно быть придаваемо никакого особеннаго значенія; такъ-что напримѣръ русскому образованному

человѣку отнюдь не должно казаться святыней и чѣмъ то дорогимъ свое родное и русское по сравненію съ чѣмъ бы-то ни было чужимъ и иностраннымъ. Ходитъ и странствуетъ по морямъ и отдаленнымъ предѣламъ вселенной всезнающая наука, или засѣдаетъ въ своихъ ученыхъ кабинетахъ, созерцаетъ небо, углубляется въ землю, разлагаетъ человѣческій организмъ, вооружившись всякими цѣлесообразными орудіями, и нигдѣ не находитъ духа, а все видитъ осязаемое, чувственное и матеріальное, и вотъ проповѣдуется отрицаніе всего духовнаго и сверхчувственнаго и поклоненіе безграничной матеріи и вещественнымъ всемогущимъ силамъ природы. Чѣмъ же должна казаться для такихъ поклонниковъ, ихъ же неизсчислимое множество, религія, предметъ и содержаніе которой именно и есть сверхчувственное и духовное: Богъ, душа человѣческая и загробная жизнь? Разумѣется, она должна казаться суевѣріемъ, баснею, обманомъ и вообще невѣжествомъ; такъ-что заниматься и интересоваться ею, въ виду настоятельныхъ и существенныхъ нуждъ человѣка матеріальныхъ, рѣшительно не стоитъ вполнѣ образованному и развитому человѣку, — и если ужъ нельзя обойтись безъ разговоровъ объ религіи, то пусть предоставлено будетъ одинаковое право и полная возможность всѣмъ и всякому вести эти разговоры, какъ кому угодно; ибо стоитъ-ли хлопотать много и безпокоиться о томъ, что по существу своему недостойно серьезнаго вниманія развитыхъ и образованныхъ людей?

Что же сказать о всѣхъ вышеизсчисленныхъ открытіяхъ и заключеніяхъ, до которыхъ додумалась современная наука, и которыя такую мрачную тѣнь налагаютъ на всю общественную и государственную жизнь нашу, и такъ сильно ее колеблютъ? То, что, по выраженію Апостола Павла, вся эта философія есть пустое обольщеніе—по преданію человѣческому, по стихіямъ юродствующаго въ своемъ высокоуміи міра, а не по Христу. Въ самомъ дѣлѣ Христосъ не училъ тому, чему учитъ современная мудрость. Когда въ Писаніи говорится намъ объ общемъ равенствѣ правъ человѣческихъ, такъ-что *нѣтъ уже Іудея, ни язычника*; *нѣтъ раба, ни свободнаго*; *нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго, ибо всѣ мы одно во Христѣ Іисусѣ* (Гал.

III, 28); то говорится собственно о благодатныхъ правахъ нашего оправданія въ силу заслугъ Христовыхъ. Въ гражданскихъ же правахъ и преимуществахъ земныхъ проводится строгое и узаконенное различіе, такъ-что заповѣдуется отдавать намъ всякому должное: *кому подать — подать, кому оброкъ — оброкъ, кому страхъ — страхъ, кому честь — честь* (Рим. XIII, 7), и предписывается даже *повиноватися со всякимъ страхомъ* владыкамъ земнымъ *не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ* (1 Пет. II, 18). Не хвалитъ, а осуждаетъ и Христосъ жестокосердыхъ богачей; но не осуждаетъ самаго богатства, а заповѣдуетъ только *не прилагать къ нему сердца, когда оно течетъ*, и не позабывать неимущихъ и нуждающихся братьевъ. Но Онъ учитъ облегчать бѣдность и нужду въ обществѣ свободно и любовно, а не какимъ-нибудь насильственнымъ и всеобщимъ раздѣломъ имѣній и уничтоженіемъ правъ собственности; учитъ не завидовать, а каждому трудиться по мѣрѣ силъ и быть довольну своимъ жребіемъ; объ нищетѣ же говоритъ какъ о неизбѣжномъ, хотя и горькомъ удѣлѣ нѣкоторыхъ членовъ человѣческаго общества на землѣ, и возвѣщаетъ намъ, что *нищихъ мы всегда будемъ имѣть* (Матѳ. XXVI, 11). Тому есть много неизбѣжныхъ и неотвратимыхъ причинъ. Рая на землѣ никогда уже не будетъ послѣ потери его нашими прародителями.

Училъ также Господь Іисусъ Христосъ, въ извѣстной притчѣ о милосердномъ Самарянинѣ, не ограничивать нашей любви къ ближнимъ только единоплеменниками, а заповѣдалъ простирать ее на всѣхъ людей, хотя бы иноплеменныхъ и чужестранныхъ; однакоже Онъ самъ благоволилъ отъ одной крови Адамовой произвести разнообразныя племена и языки на земномъ шарѣ, *назначивъ каждому изъ нихъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію* (Дѣян. XVII, 26), и отнюдь не указалъ намъ, ради всеобъемлющей любви ко всему человѣчеству, стремиться къ своему національному обезличенію, къ забвенію и презрѣнію своихъ родныхъ и народныхъ особенностей и къ попранію своихъ отечественныхъ преданій; напротивъ любовь къ отечеству и самоотверженіе за благо и процвѣтаніе своей родной страны въ ученіи Господнемъ возвышается на степень вели-

чайшей добродѣтели, и Господомъ прямо обѣщается не только земное благоденствіе, но и *первенство* между народами — тому языку и племени, въ которомъ свято будутъ храниться Его божественные завѣты (Второз. XXVIII, 7. 13). И ученики Господни, внушая намъ любить всѣхъ людей, какого бы племени и языка они ни были, однакоже внушаютъ *наипаче* ревновать *о присныхъ въ вѣрѣ.*

Наконецъ что касается матеріальнаго и плотскаго взгляда большинства современныхъ ученыхъ людей на жизнь человѣка и на его посмертное назначеніе,—взгляда, отрицающаго присутствіе въ насъ самостоятельнаго духовнаго начала и наше загробное бытіе,—то этотъ неразумный и нечестивѣйшій взглядъ осуждается, можно сказать, на каждой страницѣ Божественнаго Писанія. Истинное *житіе наше на небесѣхъ есть*, а пока мы живемъ на землѣ, то не должно у насъ быть *постояннаго града*, но должны мы *искать будущаго* (Евр. XIII, 14),—вотъ что заповѣдуетъ намъ Господь, внушая этимъ, что попеченіе о душѣ, стремленіе къ небу и вообще религіозное дѣланіе мы должны ставить самымъ первымъ и самымъ священнымъ своимъ дѣланіемъ, и слѣдовательно отнюдь не должны безпечно и равнодушно смотрѣть и на то: кто, какъ и во что вѣруетъ изъ нашихъ ближнихъ, и какъ наклонны относиться къ нашимъ религіознымъ вѣрованіямъ люди съ нами разновѣрные, а тѣмъ болѣе враждебные къ намъ.

Итакъ, благочестивые слушатели, примемъ къ сердцу апостольское напутственное назиданіе на новый годъ, чтобы не увлекаться намъ ложною философіею современныхъ мыслителей, желающихъ перестроить все наше общество на новыхъ, но непрочныхъ и гнилыхъ основаніяхъ. Не дадимъ опутать себя пустымъ обольщеніемъ—по измышленію человѣческому и по стихіямъ міра, а будемъ крѣпко держаться началъ Христовыхъ, могущихъ обновить и насъ лично, и все наше родное и православное царство русское, самымъ лучшимъ и желаннымъ, и притомъ всеобъемлющимъ способомъ, и по душѣ и по тѣлу, — и въ матеріальномъ и въ нравственно-духовномъ отношеніи. Будемъ крѣпко и самоотверженно любить свое отечество, съ благо-

говѣніемъ повиноваться своему державному царю, наипаче же возлюбимъ всѣми силами своей души Господа Іисуса Христа и его святой законъ евангельскій. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи протоіерея Сергіевской церкви Григорія Петровича Крылова *).

(25 января 1883 г.).

Мы теряемъ лѣта наши, какъ звукъ. Дней лѣтъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, и при большей крѣпости восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ—трудъ и болѣзнь, ибо проходятъ быстро, и мы летимъ. Научи насъ, Господи, такъ счислять дни наши, чтобы намъ пріобрѣсть сердце мудрое (Пс. LXXXIX, 9. 10. 12).

Итакъ учиться намъ нужно по вдохновеннымъ словамъ псалмопѣвца не только тому, какъ слѣдуетъ жить, но и тому, какъ вести счетъ днямъ своей жизни; и требуется особенная мудрость посылаемая свыше, чтобы этотъ счетъ выходилъ у насъ мудръ, вѣренъ и справедливъ. Слова псалмопѣвца будутъ понятны, если мы вспомнимъ, какъ часто мы живемъ неразсчетливо, тратимъ дни свои за ничто, главную цѣль жизни своей опускаемъ изъ виду, и вообще о смыслѣ жизни своей философствуемъ неправильно. Жизнь наша въ своемъ временномъ и земномъ продолженіи есть ничтожество. Предъ очами вѣчнаго создателя нашего, она какъ день вчерашній, когда онъ прошелъ, и какъ стража въ ночи. Онъ какъ наводненіемъ уноситъ ихъ; они какъ сонъ, какъ трава, которая утромъ выростаетъ, утромъ цвѣтетъ и зеленѣетъ, вечеромъ подсѣкается и засыхаетъ (пс. 8. 9 5. 6).

*) Напечатано въ 4 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1883 г.

Эта философія намъ не нравится. Когда мы юны, намъ кажется, что и конца намъ нѣтъ. Когда мы въ самой лучшей порѣ зрѣлости, то хотя и начинаемъ чувствовать жизненные труды и болѣзни, но истиннаго смысла этихъ трудовъ и болѣзней какъ будто не хотимъ всетаки и знать,—все рвемся впередъ и впередъ съ своими надеждами и мечтами о счастіи и объ удовольствіяхъ, отстраняя отъ сознанія своего, что при самыхъ лучшихъ и счастливыхъ обстоятельствахъ не прожить намъ больше семидесяти или восьмидесяти лѣтъ и затѣмъ все же придется лечь въ могилу, разстаться со всѣми своими любимыми мечтами и надеждами и придти къ сознанію вообще ничтожества и скоротечности жизни человѣческой. Приблизить къ своему сердцу это назидательное сознаніе и поучиться какъ слѣдуетъ считать свои дни,—неблаговременно ли намъ теперь въ особенности, у этого гроба?!

Приводя на память живую личность почившаго и мысленно возвращая назадъ нѣсколько десятилѣтій его жизни, когда мы, въ качествѣ его учениковъ были свидѣтелями его зрѣлой умственной и физической дѣятельности, и затѣмъ пробѣгая воспоминаніемъ этотъ сообща съ нимъ прожитой нами періодъ времени, дѣйствительно приходимъ къ грустному сознанію, что жизнь есть какъ бы незамѣтный сонъ, и что мы летимъ, по выраженію псалмопѣвца. Куда дѣвалось это золотое время нашего отрочества, когда мы сидѣли еще въ школѣ за книгами и запасались подъ его руководствомъ начатками предварительныхъ научныхъ знаній? Какъ быстро отцвѣла наша юность! Какъ скоро настала зрѣлая пора съ ея серьезными трудами и отвѣтственными обязанностями и съ чувствительными намеками на приближающуюся старость! Какъ грустно погребать своего уважаемаго учителя, съ которымъ связано столько свѣтлыхъ и дорогихъ воспоминаній молодости! Достигъ онъ конечно узаконеннаго предѣла человѣческой жизни; но все же это живой намекъ для насъ и наглядное указаніе, что смертію исподволь расчищается дорога и передъ нами, что и наше очередное время сокращается, и что не увидишь, какъ промчатся и для насъ положенные дни.

Научи же насъ, Господи, такъ изчислять дни наши, чтобы

намъ пріобрѣсть сердце мудрое! А мудрость эта въ томъ состоитъ, чтобы умѣть наполнять наше короткое и летящее время плодовитымъ и богоугоднымъ содержаніемъ. Въ этомъ отношеніи мы многому можемъ поучиться у почившаго пастыря и отца духовнаго здѣшнихъ городскихъ пастырей, бывшаго нѣкогда учителемъ нашихъ юныхъ унесшихся дней. Учительская его дѣятельность, на сколько въ частности я ее помню и на сколько она меня и моихъ сотоварищей касалась, поучительна въ томъ отношеніи, что онъ умѣлъ внушать своимъ ученикамъ глубокое къ себѣ уваженіе и довѣріе, умѣлъ возбуждать дѣтскую любознательность и пріохотить насъ къ книгѣ и къ своимъ урокамъ, умѣлъ достигать безпрекословнаго послушанія и строгаго порядка въ школѣ, совершенно не прибѣгая ко внѣшнимъ наказательнымъ мѣрамъ, столь обычнымъ въ прежнее суровое время и столь распространеннымъ въ тогдашнихъ школахъ. Бывало съ его появленіемъ въ классъ мгновенно наступала тишина; слову его мы внимали съ величайшимъ интересомъ, его совѣты и внушенія были для насъ самой обязательной инструкціей. Попасть къ нему въ отдѣленіе—считалось преимуществомъ; не выучить ему урока было затруднительно и неудобно и для самыхъ лѣнивыхъ и разсѣянныхъ. Гдѣ тайна этихъ правильныхъ и желательныхъ отношеній учителя къ ученикамъ? Въ его серьезномъ и неповерхностномъ отношеніи къ своему учебному дѣлу, въ основательномъ знаніи своего предмета, въ сочувственномъ пониманіи юной натуры воспитанниковъ, въ педагогическомъ умѣньи къ ней приладиться и въ глубокомъ сознаніи важности и отвѣтственности учебновоспитательнаго дѣла предъ Богомъ, людьми и своею совѣстію. Этотъ урокъ въ высшей степени пригоденъ для всѣхъ, кому дорого воспитаніе и обученіе современныхъ подростающихъ поколѣній, этотъ урокъ должны въ особенности принять къ сердцу мы, трудящіеся въ школахъ и поставленные въ гораздо лучшія условія учебныя, чѣмъ въ какихъ былъ въ свое время почившій старецъ—учитель. Окружая теперь молитвенно гробъ его, мы по истинѣ почтимъ его память, если займемъ у него ту любовь къ учебновоспитательному дѣлу, ту серіозность и строгость отношеній къ этому дѣлу, которыми онъ отличался въ

свое время, и въ которыхъ заключается вся тайна успѣховъ педагогическихъ. Мы со вздохами несемъ свое учительское бремя и нетерпѣливо считаемъ мѣсяцы и годы отбываемой нами службы; но Богъ знаетъ, чѣмъ станутъ поминать насъ наши ученики и какъ плодовита будетъ для нихъ наша служба, которая пробѣжитъ незамѣтнымъ образомъ, какъ и вся наша жизнь. О, еслибы насъ ни въ чемъ не укоряла тогда наша совѣсть!

Какъ гражданинъ и членъ общества людскаго, почившій упрочилъ за собою славу человѣка въ высшей степени честнаго, воздержнаго, благожелательнаго и обходительнаго, домовитаго и до послѣднихъ дней своихъ трудолюбиваго и дѣятельнаго. Всѣ, кто ближе насъ стоялъ къ нему по разнымъ житейскимъ дѣламъ и отношеніямъ, имѣютъ конечно многочисленныя доказательства и опыты этихъ драгоцѣнныхъ его качествъ общественныхъ. Пусть же окружающіе сей гробъ поучатся здѣсь и той высокой и привлекательной мудрости житейской, правилами которой назидаютъ насъ цѣлыя книги библейскія, и отъ недостатка которой такъ часто бываютъ не устроены во всѣхъ путяхъ своихъ нынѣшніе себялюбивые и сластолюбивые, корыстные, нетерпѣливые и праздполюбивые люди. Все для себя и ничего, или только кое что для другихъ,—вотъ суть современной житейской философіи. Какъ можно быстрѣе и хитрѣе обезпечить свое матеріальное довольство, не разбирая строго средствъ для сего, и если можно совсѣмъ безъ труда, или чужими даровыми услугами и средствами,—вотъ обычное правило нынѣшнихъ измельчавшихъ и слабодушныхъ, и въ то же время завистливыхъ и сластолюбивыхъ мудрецовъ житейскихъ, боящихся всякаго подвига и самоограниченія и только умѣющихъ ревниво назирать и подстерегать находящееся въ чужихъ рукахъ. Не отъ этого ли такъ замутились въ наше время людскія общественныя отношенія, такъ рѣзко стала сказываться въ людяхъ недружелюбная рознь, борьба правъ и поминутное столкновеніе интересовъ, всяческихъ искательствъ и эгоистическихъ желаній? Не любилъ всего этого почившій, и не такихъ правилъ держался онъ въ своей трудолюбивой, умѣренной и въ высшей степени честной жизни. Не надо и намъ любить всего этого, а нужно воодушевляться иными

высшими и болѣе чистыми идеалами жизни гражданской и общественной. Если земная жизнь наша такъ непрочна въ своемъ основаніи, такъ скоротечна въ своемъ продолженіи, и если такъ мало мы можемъ взять съ собою на тотъ свѣтъ, послѣ всего нашего мятежа, трудовъ и хлопотъ житейскихъ, и если насъ тамъ будутъ цѣнить тѣмъ выше, чѣмъ меньше въ насъ было самолюбиваго рвенія къ своему личному плотскому благополучію, чѣмъ меньше въ насъ примѣчалось забвенія нравъ, потребностей и заслугъ нашихъ сожителей и гражданъ земныхъ: то какую цѣну получитъ при своемъ итогѣ и своей неизбѣжной развязкѣ вся наша многомятежная жизнь, и какую оставимъ мы память по себѣ, если мы будемъ лишь безсознательно и безразсудно увлекаться потокомъ жизни, не считая и не цѣня по христіански дней своихъ, т. е. не употребляя опредѣленнаго намъ времени на пользу общую и на мирные подвиги братолюбія и нелицемѣрнаго служенія обществу въ той преимущественно средѣ, въ которую поставлены были промыслительною десницею Божіею? О, если бы въ обществѣ нашемъ побольше нарождалось и умножалось такихъ авторитетныхъ и живыхъ примѣровъ гражданской честности, трудолюбія, скромнаго довольства своимъ жребіемъ и строгаго исполненія своихъ ближайшихъ обязанностей, къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежалъ почившій доблестный труженикъ на поприщѣ церковной и пастырской дѣятельности, новопреставленный протоіерей Григорій! Много бы залечилось современныхъ язвъ общественныхъ и скоро бы обновился къ лучшему весь строй нашей гражданственной жизни.

Но особенно драгоцѣнны и поучительны въ новопреставленномъ рабѣ Божіемъ тѣ качества его и подвиги, которые украшали его какъ пастыря и сына церкви христовой. Глубокая христіанская вѣра и непоколебимое внутреннее благочестіе, нелицемѣрное и искреннее послушаніе уставамъ и преданіямъ церковнымъ, благоговѣйно—сосредоточенное и нелѣностное предстояніе предъ престоломъ Господнимъ и молитвенное самоуглубленіе при ежедневныхъ почти священнодѣйствіяхъ,—вотъ то обычное настроеніе, въ которомъ пребывалъ и въ которомъ подвизался духъ почившаго о. протоіерея. Въ послѣдніе годы и особенно въ послѣдніе

дни его жизни духъ его видимо отрѣшался уже отъ всего земнаго и устремленъ былъ къ горнему и небесному. Постепенно такъ сказать предавая въ руцѣ Господни духъ свой, почившій пастырь удостоился отъ Господа стяжать то поистинѣ величественное христіанское спокойствіе, съ которымъ ждутъ своего смертнаго конца только подвигомъ добрымъ подвизавшіеся борцы и подвижники христіанскаго благочестія. Мнѣ лично довелось быть живымъ свидѣтелемъ, какъ въ этомъ же самомъ храмѣ незадолго до своей кончины, по совершеніи вмѣстѣ со мною погребальнаго обряда надъ тремя сразу юными жертвами смерти въ самый день своихъ имянинъ, покойный о. протоіерей съ добродушной старческой улыбкой замѣтилъ мнѣ, что Господь въ этомъ тройственномъ сочетаніи смертей посылаетъ ему видимое предзнаменованіе, что онъ празднуетъ уже послѣднее свое тезоименитство, и что конечно настала уже для него очередь оставить землю въ ближайшемъ будущемъ. Это предчувствіе и предсказаніе о себѣ благочестиваго старца оправдалось вскорѣ и на самомъ дѣлѣ, и Господь послалъ ему мирную, непостыдную и христіанскую кончину. Душа его тихо оставила земную храмину свою, напутствованная таинствами вѣры и надежды христіанской, и отлетѣла на небо, чтобы предстать оправданною и спасенною предъ Христомъ Спасителемъ, съ которымъ быть и разрѣшиться отъ узъ земныхъ и тѣлесныхъ онъ имѣлъ столь постоянное возвышенное и поистинѣ апостольское желаніе.

Все это даетъ намъ поводъ и право сказать скорбящимъ его чадамъ и приснымъ, оплакивающимъ его кончину, чтобы они умѣрили и смягчили свою скорбь отрадною христіанскою надеждою, что почившій ихъ родитель не погубитъ мзды своея на милосердомъ судѣ Господнемъ и вчиненъ будетъ въ селеніяхъ праведныхъ. А насъ всѣхъ предстоящихъ чтителей памяти покойнаго—его многоплодная и долгихъ дней исполненная жизнь, равно какъ и по истинѣ христіанская кончина располагаетъ съ дерзновеніемъ вознести о немъ молитвы къ Господу Богу, да проститъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія его, и да ни во что же вмѣнитъ ихъ—ради тѣхъ добрыхъ многочисленныхъ дѣяній и свѣтлыхъ качествъ боголюбивой души его, которыхъ

мы были свидѣтелями во время его земной жизни, наипаче же ради своего неизреченнаго человѣколюбія и ради безцѣнныхъ заслугъ Единороднаго Сына своего и Спасителя человѣковъ. Со святыми упокой Христе душу раба твоего, новопреставленнаго протоіерея Григорія; насъ же всѣхъ, еще покуда остающихся на земномъ поприщѣ, сохрани отъ обольстительной суеты мірской, пригвозди страху Твоему сердца наши, и научи такъ проводить и изсчислять дни наши, чтобы намъ пріобрѣсть сердце мудрое, и чтобы въ назначенное Тобою время неосужденно явиться предъ лицемъ Твоимъ и дать добрый отвѣтъ на страшномъ судищи Твоемъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

НОВОБРАЧНЫМЪ *).

(14 февраля 1883 г.).

Итакъ, друзья мои, вы сдѣлались мужемъ и женою. Титулъ, по новизнѣ своей, для всякаго молодаго слуха еще необычный, но въ высшей степени почтенный и серьезный! Періодъ зависимой опеки, періодъ самодовлѣющаго и беззаботнаго дѣтства для васъ прошелъ навсегда. Періодъ мечтательной и порывисто ищущей идеаловъ счастія юности, тоже остался у васъ, можно сказать, уже назади, хотя прекрасная юность и остается еще въ вашемъ полномъ и обоюдномъ пользованіи. Но ваши мечты о счастіи въ полнотѣ обоюднаго супружескаго бытія уже нашли свое осуществленіе другъ въ другѣ, какъ это вы давно себѣ сказали, предварительно обдумали и рѣшили, а теперь говорите это предъ св. церквію и всѣмъ намъ. Ради этого серьезнаго и священнаго слова церковь благословила васъ на совокупное и нераздѣльное житіе, низвела на васъ таинственное благословеніе самого Гос-

*) Борису Ивановичу Алабѣеву и Маріѣ Владиміровнѣ Акинфьевой. Напечатано въ 5-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1883 г.

пода Бога, и отселѣ сдѣлала васъ одною плотію. Какъ здѣсь въ храмѣ Божіемъ, такъ и по выходѣ изъ него, вы осыпаны будете конечно поздравленіями и благожеланіями счастія, столь естественными при видѣ вашего теперешняго необычайнаго положенія и радостнаго настроенія. Чувствую потребность и я, совершитель надъ вами брачнаго таинства, сказать вамъ свое поздравительное и благожелательное слово. Но прошу васъ отнестись къ нему съ большею долею вниманія и серьезности, чѣмъ къ обычнымъ брачнымъ привѣтствіямъ; ибо я хочу говорить вамъ со словъ апостольскихъ, и скажу вамъ только то, что бы самъ апостолъ Павелъ сказалъ вамъ,—и скажу для того, чтобы въ умѣ и сердцѣ своемъ вы понесли отсюда христіанскую идею брачныхъ отношеній, которая должна лечь въ основу вашего взаимнаго супружескаго счастія на всю послѣдующую вашу жизнь; ибо есть, какъ можетъ быть вамъ небезъизвѣстно, разныя ученыя и практически-житейскія теоріи брака и бродящія у современныхъ людей идеи о бракѣ либо неполныя и одностороннія, либо прямо фальшивыя, которыя не созидаютъ и не устрояютъ семейнаго счастія, а только расшатываютъ его и подкапываютъ.

Извѣстная и неоспоримая кажется истина, что когда нѣсколько людей собираются жить вмѣстѣ для какой нибудь одной и общей цѣли; то въ силу же этого самаго объединенія они по необходимости выдѣляютъ изъ себя впередъ и во главу одного или нѣсколькихъ членовъ съ правами руководительной и начальственной власти. Ни одно дѣло не пойдетъ впередъ, если всѣ сразу съ одинаковыми правами, съ самостоятельными пріемами и съ разнородными вкусами будутъ касаться этого дѣла и наклонять его каждый въ свою личную сторону. Ни одна общая цѣль не будетъ достигнута, если каждый членъ общаго кружка будетъ ставить эту цѣль одинъ тамъ, другой здѣсь, иной въ иномъ мѣстѣ, и притомъ если каждый будетъ приглашать идти къ цѣли по своей, ему только извѣстной, для него привычной и имъ любимой дорогѣ. Отсюда вытекаетъ нужда для государства въ правительственныхъ лицахъ, для разныхъ менѣе крупныхъ обществъ въ разныхъ предводителяхъ, предсѣдателяхъ, старѣйшинахъ и т. д. Болѣе сильные, болѣе просвѣщенные и вообще бо-

лѣе авторитетные неизбѣжно выдѣляются впередъ, чтобы вести и руководить за собою другихъ. Такъ устроила природа, такъ выходитъ по закону вѣчной правды, того требуетъ сама польза человѣческихъ обществъ. Брачный союзъ есть тоже одинъ изъ видовъ разнообразнѣйшихъ человѣческихъ союзовъ, но здѣсь соединяются только два лица, и притомъ разныхъ половъ для своей особенной цѣли, совсѣмъ иной, чѣмъ всякія другія общественныя и гражданскія, а потому и характеръ этого союза, какъ увидимъ, свой особенный, и устрояется онъ на совершенно иныхъ основаніяхъ. Но все равно, общій законъ для всѣхъ союзовъ и здѣсь одинъ и тотъ же: кто нибудь изъ двухъ долженъ быть впереди и во главѣ, а другой въ зависимости и подчиненіи, хотя и главенство и подчиненіе здѣсь опять таки иного и своеобразнаго характера. Кто же изъ супруговъ долженъ быть во главѣ и впереди? Какъ это ни странно, но отвѣчаютъ иногда—никто! Оба де супруга должны быть равноправны и женщина ничуть не хуже мужчины. Съ особенною горячностію настаиваютъ на этомъ иныя женщины, предполагается современнаго высшаго и научнаго полета; иногда имъ поддакиваютъ, съ сомнительной впрочемъ искренностію, ученые мужи; но что всего прискорбнѣе и ненатуральнѣе—дѣйствительно иногда въ семьяхъ не умѣютъ сохранить своего первенствующаго достоинства мужья. На сколько это нешуточное и немаловажное, а напротивъ совершенно серьезное дѣло по отношенію къ христіанской идеѣ брака и для упроченія взаимнаго счастія брачущихся, — это видно изъ того, что самъ апостолъ считаетъ нужнымъ прежде всего установить брачныя отношенія на слѣдующихъ основаніяхъ: *мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви, и онъ же Спаситель тѣла* (Еф. V — 23). Это основное христіанское законоположеніе о взаимныхъ супружескихъ отношеніяхъ, столь согласное съ непосредственнымъ здравымъ смысломъ, съ природными дарами и особенностями мужчины и женщины и съ ихъ общественнымъ положеніемъ, я не имѣю нужды раскрывать съ особенною доказательностію именно для васъ, юная благонамѣренная, благовоспитанная и здравая чета; ибо знаю, что отдались вы другъ другу безъ всякихъ предварительныхъ эгоистическихъ за-

мысловъ одинъ противъ другаго, и союзъ свой заключили безъ новомодныхъ философскихъ и соціальныхъ претензій, а главнымъ образомъ по тому здоровому и прекрасному чувству любви, которое по намѣренію и благословенію Создателя, еще со временъ первой людской четы влечетъ людей другъ къ другу съ тою таинственной силой, что *оставитъ человѣкъ отца своего и мать, и прильпится къ женѣ своей, и будутъ двое одна плоть* (Быт II, 24). Повторяю, нѣтъ мнѣ нужды распространяться о первенствѣ и подчиненности предъ вами, только что сочетавшіеся и любящіеся супруги, изъ коихъ одинъ въ полнотѣ любви къ своей подругѣ стѣсняется конечно не только настаивать, но и думать теперь о своемъ властительномъ главенствѣ, а другая по тому же чувству не умѣетъ и представить своихъ отношеній къ избранному другу безъ всецѣлой ему преданности и сладостной заботливости — оградить и упрочить его любовь къ себѣ своею кротостію и самоотреченіемъ для его покоя и счастія. Если же я поставилъ въ началѣ своего поученія къ вамъ апостольскія слова о главенствѣ мужа и подчиненности жены, то единственно потому, что изъ этого основнаго положенія о брачущихся апостолъ выводитъ дальнѣйшія и существенныя для нихъ правила, которыя особенно и хотѣлось бы мнѣ въ настоящія минуты напечатлѣть, какъ можно, глубже въ вашей памяти и въ вашемъ сознаніи; ибо отъ нихъ, отъ этихъ правилъ будетъ зависѣть прочность дальнѣйшаго вашего супружескаго счастія. А нельзя же обходить основнаго, хотя бы и имѣлось въ виду говорить главнымъ образомъ о томъ, что изъ этого основнаго слѣдуетъ. По поводу же главенства и первенства мужа и подчиненности жены довольно будетъ, если вамъ только намекну и сошлюсь на опыты, что гдѣ этихъ вѣковыхъ и нормальныхъ отношеній въ семьяхъ нѣтъ, тамъ худо, а не хорошо; женщина не симпатична, а мужчина смѣшонъ; семейнаго благообразія и прочнаго счастія нѣтъ, оно постоянно колеблется и въ огромномъ множествѣ случаевъ совершенно порывается и разрушается. Не столько важно знать, почему это такъ, сколько то, что это дѣйствительно такъ бываетъ. Такъ что церковь даже молится, чтобы Господь помогъ супругамъ соблюсти надле-

жащія отношенія: мужу быть главой, а женѣ не выдти изъ повиновенія.

Выслушай же мужъ, что слѣдуетъ по апостолу изъ твоего главенства надъ женою. *Мужья любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь и предалъ себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною, посредствомъ слова; чтобы представить ее себѣ славною церковію, неимѣющею пятна, или порока, или чего нибудь подобнаго, но дабы она была свята и непорочна. Такъ должны мужья любить своихъ женъ, какъ свои тѣла, любящій свою жену любитъ самого себя. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь церковь* (Еф. V—25—29). Слышишь ли, сколько серьезнѣйшихъ обязанностей влечетъ для тебя твое главенство и первенство, и сколько ставится условій, при которыхъ оно только и можетъ быть законно и цѣлесообразно? Власть и первенство во всѣхъ другихъ человѣческихъ союзахъ, кромѣ супружескихъ, основывается на юридическихъ и гражданскихъ, то на образовательныхъ, на финансовыхъ, на родовыхъ и на многихъ другихъ правахъ. Но объ нихъ апостолъ не говоритъ ни слова, какъ бы предполагая, что всѣ таковыя права могутъ не только въ равной, но иногда и въ преимущественной степени принадлежать и женѣ. Твоя же власть и первенство, супругъ, должны быть проникнуты единственно любовію къ женѣ, и, такъ сказать, на ней основываться, на любви непоколебимой и всецѣльной, подобно той, которою возлюбилъ Христосъ церковь и всего себя отдалъ за нее. И замѣчательно, что съ особенною настойчивостію апостолъ заповѣдуетъ любовь именно мужу, а не женѣ; какъ бы потому, что женщина и безъ того, по самой природѣ своей, создана болѣе для любви и прочихъ кроткихъ и нѣжныхъ чувствъ, и какъ бы потому, что мужчина напротивъ, послѣ нарушившейся въ Едемѣ равноправности и независимости обоихъ половъ, сталъ склоненъ основывать свою власть надъ женой болѣе на внѣшнихъ своихъ преимуществахъ, которыя оставила за нимъ природа и даетъ ему его соціальное положеніе въ обществѣ. Отсюда, мнѣ кажется, и возникли всѣ эти, до нѣкоторой степени не безосновательные

протесты нѣжнаго и слабаго пола противъ деспотизма и властительства мужчинъ, доходящіе до боязни и даже уклоненія супружескихъ узъ. Эту ненормальность и вредъ для общества апостолъ и хочетъ устранить, заповѣдуя мужу самоотверженную любовь къ женѣ, узаконяя однакоже за нимъ первенство и главенство надъ ней, но единственно на этомъ благородномъ, святомъ и всеобъемлющемъ чувствѣ любви его къ супругѣ. По мысли апостола выходитъ такъ, что до тѣхъ поръ, пока брачный союзъ не заключенъ, оба лица, ищущія супружескаго союза, сколько угодно могутъ провѣрять и испытывать свои взаимныя чувства и взвѣшивать разныя внѣшнія и соприкосновенныя обстоятельства, могущія мѣшать или пособлять прочности ихъ пожизненнаго единенія, но разъ что супружескій союзъ заключенъ, лице главенствующее въ этомъ союзѣ, т. е. мужъ, ничѣмъ инымъ не долженъ руководствоваться, кромѣ крѣпкаго какъ смерть чувства любви къ своей супругѣ, ни чѣмъ и не попрекать, ни чѣмъ надъ ней не превозноситься, все дорогое, родственное и желанное для нея таковымъ же долженъ считать и для себя, и вообще заботиться объ ней, какъ о своей собственной плоти, по выраженію апостола, т. е. какъ о собственной личности, не чуждой конечно разныхъ человѣческихъ недостатковъ. Итакъ пойми и сообрази, мой юный другъ, съ какимъ тщаніемъ и съ какою христіанскою опасливостію ты долженъ беречь горящее въ тебѣ теперь чувство любви къ своей супругѣ во всю твою послѣдующую жизнь. На немъ, какъ на фундаментальномъ камнѣ, основываются всѣ твои супружескія права, и слѣдовательно съ потрясеніемъ или утратою его могутъ поколебаться и они, или принять жесткій и ненормальный характеръ, который попортитъ и изсушитъ все, чѣмъ вскрашивается счастливая семейная жизнь и унесетъ съ собою всю поэзію благословенной брачной жизни.

Чтобы этого не случилось, апостолъ говоритъ о тѣхъ дѣятельныхъ обязанностяхъ, которыя вытекаютъ изъ мужниныхъ правъ, и которыя должны дать жизненное содержаніе его любви къ сусупругѣ и тѣмъ непрерывно поддерживать его энергію. Тамъ, гдѣ этого содержанія нѣтъ, гдѣ не сознаются или пренебрегаются эти обязанности, — тамъ конечно самой искренней и пламенной

любви не можетъ стать надолго; ибо всякое человѣческое чувство, только какъ чувство, не переходящее въ плодотворную дѣятельность и не питаемое нравственно-разумными обязанностями, по самому понятію своему есть нѣчто скоро преходящее, застывающее и потухающее. Здѣсь-то и скрывается тотъ секретъ, впрочемъ весьма простой, отчего въ наше время такъ много супружествъ стали давать лишь темы для сатиръ и посмѣянія насчетъ своей измѣнчивости и непрочности. Это именно оттого, что чувственные и мелкіе люди въ бракѣ стали искать лишь его удовольствій и гоняться за наслажденіемъ, а часто и за выгодами. Пресыщеніе, а за нимъ и охлажденіе и вообще всякія разочарованія не медлятъ, разумѣется, наступать. Но не такова по своему характеру христіанская любовь супруговъ, и не объ ней апостолъ говоритъ мужьямъ. Образцомъ этой любви онъ ставитъ любовь Христа къ церкви, а куда наклонялась и наклоняется эта любовь? *Чтобы представить ее себѣ славною церковію, неимѣющею пятна или порока, или чего нибудь подобнаго, но дабы она была свята и непорочна.* Итакъ нравственно-религіозное преуспѣяніе своей семьи, этой домашней церкви и прежде всего — своей супруги, какъ родоначальницы этой семьи и этой церкви, вотъ верховная обязанность мужа, какъ главы ея. Ему нужно быть образцомъ и блюстителемъ строгой нравственности и свѣточемъ религіи въ своемъ домѣ, онъ обязанъ быть заправителемъ здраваго и основательнаго воспитанія своихъ домочадцевъ въ евангельскомъ духѣ; онъ долженъ научить свою супругу этому дѣлу, вдохновить на этотъ подвигъ; онъ обязанъ довести ее и поднять до высоты нравственнаго совершенства, чтобы вмѣстѣ съ нею самому держаться не колеблясь. Чтобы съ честію и достоинствомъ сохранить за собою руководственное первенство въ такомъ великомъ и святомъ дѣлѣ, сколько нужно подвига и трудовъ надъ собою мужу, сколько самообладанія и господства надъ своими страстями и грѣшными инстинктами, сколько благородной энергіи въ дѣлѣ собственнаго самовоспитанія, самонаблюденія и сосредоточенности! Сколько ему потребуется предусмотрительности, осторожности и силы характера, чтобы поддержать на святой стезѣ и уравнять для себя дорогу для выс-

шаго и высшаго усовершенствованія. Такъ ни одно властительство и главенство задаромъ не дается.

Новый кругъ дѣятельности и новый рядъ многосложныхъ обязанностей для мужа открывается въ слѣдующихъ словахъ апостольскихъ: *такъ должны мужья любить своихъ женъ, какъ свои тѣла... а никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь церковь.* Такимъ образцомъ попеченія о матеріальномъ благоустройствѣ семьи, объ удобствахъ и житейскомъ покоѣ супруги, о томъ, чтобы ей съ ея дѣтьми было сытно и тепло подъ опекою и подъ управленіемъ дѣятельной и трудолюбивой руки мужниной, — всѣ эти нелегкія обязанности и многосложные труды преимущественною своей тяжестію возлагаются на плечи мужа, какъ перваго отвѣтственнаго лица за благосостояніе его дома. А эти труды такого рода, что требуютъ не только преимущественной мускульной силы, но и преимущественной умственной энергіи, преимущественной настойчивости въ достиженіи задуманныхъ цѣлей, преимущественной умѣлости и мудраго такта въ сношеніяхъ съ людьми и въ борьбѣ съ разными внѣшними обстоятельствами. Въ то время, какъ жена силою ума и сердца своего обязана поддерживать жизненную теплоту, строй и красоту преимущественно внутри семьи, въ то время, какъ она трудится около очага своего, мужъ обязанъ стоять на стражѣ не только внутренняго, но и внѣшняго благосостоянія своего дома. Онъ обязанъ направлять энергію всѣхъ своихъ силъ къ тому, чтобы не суживался и не бѣднялъ кругъ жизненныхъ и общественныхъ началъ, которыми дышетъ и живетъ его семья, а напротивъ, чтобы расширялся, богатѣлъ и полнѣлъ. Онъ долженъ угадать, предусмотрѣть и отстранить все, могущее сжать и стѣснить правильный ростъ и свободное развитіе его семьи, согласно благороднымъ человѣческимъ потребностямъ и образовательно воспитательнымъ нуждамъ. Ища защиты и поддержки въ рукѣ благаго провидѣнія, онъ обязанъ однакоже не допустить, чтобы по его вялости, лѣни и наклонности опираться на чужія силы и средства, подкралась нужда къ его семьѣ и наложила свою грязную и убійственную руку на то, чѣмъ обыкновенно вскрашивается жизнь всякой порядочной

и благоустроенной семьи. Онъ долженъ успѣть всякій разъ правильно и благоразумно разсчитать свои наличныя силы и средства и сознаваемыя въ себѣ способности, чтобы уравновѣсить съ ними дѣйствительныя, а не напускныя и излишнія потребности своего дома, такъ чтобы не только въ настоящемъ не колебалось его благосостояніе, но чтобы дѣлался запасъ и на будущее съ предполагаемымъ наростаніемъ и умноженіемъ его домочадцевъ. Вотъ какъ много долженъ сдѣлать и умѣть дѣлать мужъ въ качествѣ главы своей жены и кормчаго своего дома. Такимъ образомъ Апостолъ, называя мужа главой жены, надъ чѣмъ обыкновенно недоумѣваютъ и чѣмъ огорчаются недальновидныя, самомнительныя и не по христіански развитыя женщины, — отнюдь не думаетъ какъ нибудь унизить и огорчить женщину, а скорѣе внушаетъ мужу, чтобы онъ стыдился удручать свою жену и отяжелять ея сравнительно слабѣйшія и болѣе нѣжныя силы тѣми обязанностями и трудами, которые подобаютъ собственно ему, если онъ, какъ сильнѣйшій, рѣшился взять ее себѣ въ помощницу и подругу. Дѣло не въ титулѣ почетномъ, а въ тѣхъ серьезныхъ обязанностяхъ, которыя съ ними связаны и которыя, можно сказать, неносильны женщинѣ. И если титулъ главы многимъ мужьямъ нейдетъ по превосходству надъ ними женъ, то винить ли за это апостола, начертившаго христіанскій идеалъ брачныхъ отношеній? Развѣ онъ, а не люди сами такъ часто устрояютъ и заключаютъ разные неудачные, несоотвѣтственные, иногда прямо смѣшные, а иногда и совсѣмъ противоестественные браки?! Не смущайся, мой юный другъ, моими теперешними общими и кажется для всѣхъ присутствующихъ не безъизлишними разсужденіями о бракѣ, и моими наставленіями и вразумленіями, которыя внушили мнѣ лично для тебя—моего духовнаго сына единственно мое расположеніе къ тебѣ и одно безкорыстно благожелательное чувство. Если я распространился съ нѣкоторою подробностію о твоихъ новыхъ супружескихъ обязанностяхъ, то вопервыхъ потому, что такъ поступаетъ самъ апостолъ, преимущественно назидая мужа, а не жену въ томъ мѣстѣ своихъ посланій, которое церковь положила читать при бракосочетаніяхъ. А вовторыхъ потому, что когда же, какъ не въ моментъ брака и не

подъ сѣнію храма Божія, выслушать тебѣ все то брачное, къ чему ты торжественно здѣсь обязался и что во всякомъ случаѣ,— сталъ ли бы я поучать тебя или нѣтъ,—было бы для тебя одинаково обязательно, и кое что можетъ быть и ускользнуло бы отъ твоего собственнаго разсужденія подъ иными развлекающими впечатлѣніями житейской суеты и житейскихъ мелочей, и что можетъ быть всетаки пришлось бы тебѣ выслушивать потомъ со стороны, и даже можетъ быть отъ людей чужихъ, но уже въ видѣ не совсѣмъ откровенныхъ и прямыхъ, не совсѣмъ благожелательныхъ и потому горькихъ и уязвляющихъ намековъ? Въ данное время, и такъ сказать на зарѣ твоихъ радостныхъ брачныхъ дней, у тебя довольно имѣется, какъ внѣшнихъ вспомогательныхъ, такъ и внутреннихъ твоихъ собственныхъ задатковъ для осуществленія свѣтлой христіанской идеи мужа, а я только выразилъ желаніе, чтобы они не утрачивались и не истощались, а развивались бы и умножались.

По очереди мнѣ слѣдуетъ и тебѣ, молодая супруга, предложить нѣсколько поучительныхъ и назидательныхъ словъ. Но то, что говоритъ Апостолъ о мужьяхъ, не мимо должно пройти и отъ вниманія женъ. Въ апостольскихъ словахъ заключается обоюдное и совмѣстное назиданіе обоимъ членамъ супружескаго союза, ибо они суть одно,—одна плоть, такъ что опредѣляя значеніе и положеніе одного супруга, онъ тѣмъ самымъ опредѣляетъ отношеніе къ нему другаго. По апостолу мужъ долженъ быть любящимъ, нравственнымъ и дѣятельно заботливымъ мужемъ. Чѣмъ же всего натуральнѣе остается быть женѣ? Платя своему мужу тѣмъ же, чѣмъ даритъ ее онъ, жена очевидно можетъ считать свою обязанность совершенно исполненною. если во всемъ ея поведеніи будетъ преобладать характеръ сознательно свободнаго сочувствія и дѣятельнаго вспоможенія планамъ мужа, т. е если она будетъ украшаться скромнымъ подчиненіемъ ему и опасливою осторожностію, какъ бы своимъ личнымъ желаніямъ, потребностямъ и привычкамъ не дать такой силы и направленія, чтобы они стали поперекъ благимъ намѣреніямъ мужа, и тѣмъ не помутили бы добраго согласія и не помѣшали бы семейному счастію. Это именно апостолъ и хотѣлъ выразить, когда сказалъ: *какъ*

церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ. Каждый изъ васъ да любитъ свою жену, какъ самого себя, а жена да боится своего мужа. Это повиновеніе мужу и страхъ передъ нимъ, заповѣдуемыя апостоломъ, обыкновенно смущаютъ самомнительныхъ и гордыхъ женщинъ и преднамѣренно толкуются ими въ смыслѣ безотвѣтности и раболѣпнаго страха передъ властію мужа, чтобы провозгласить ее незаконною. Но вѣдь такой страхъ, если бы дѣйствительно его узаконялъ апостолъ, изгонялъ бы вонъ любовь, а между тѣмъ объ ней-то апостолъ и говоритъ съ особенною настойчивостію супругамъ, и въ особенности мужу. Какой же страхъ и какая тяжесть повиноваться любящему? Если угодно, это дѣйствительно страхъ, но страхъ любви боящейся, чтобы это прекрасное чувство не было чѣмъ нибудь оскорблено и вслѣдствіе сего не уменьшилось бы въ своей силѣ. Если уже кому нибудь изъ двухъ лицъ супружескаго союза должно принадлежать, по существу дѣла, первенство и главенство; то по отношенію къ нему какъ-то не пристала бы заповѣдь о повиновеніи и страхѣ, чтобы ни понималось подъ этимъ страшливымъ и опасливымъ чувствомъ. Между тѣмъ по отношенію къ лицу не главенствующему, а лишь содѣйствующему и помогающему, т. е. къ женѣ, это выходитъ весьма натуральнымъ; потому-то и апостолъ относится къ ней съ своимъ назиданіемъ, какъ лицу повинующемуся. Но о мучительномъ какомъ нибудь и тяжкомъ страхѣ рабскомъ и безотвѣтной покорности жены, доходящей до обезличенія, и мысли нѣтъ у апостола. Какую же помощь и опору нашелъ бы себѣ мужъ въ существѣ, которое было бы назначено только трепетать и умѣло бы только исполнять приказанное, и отъ себя ничего не могло бы ни выдумать, ни посовѣтовать, ни повліять на него, ни предохранить, ни поддержать, ни ободрить, ни успокоить, ни утѣшить? Такую унизительную роль нарочно выдумываютъ и напускаютъ на себя незрѣлыя, легкомысленныя и сварливыя женщины, чтобы протестуя противъ нея, уклониться отъ прямыхъ своихъ обязанностей супружескихъ или замаскировать свою неспособность и неумѣнье ихъ выполнить. Нѣтъ, власть въ семьѣ умной и здравомыслящей, доброй, любящей и вѣрной суп-

руги и ея вліяніе на мужа не только можетъ, но и должно быть огромно. Указаніемъ на эту власть служитъ ея брачный вѣнецъ, которымъ она вѣнчается на ряду съ своимъ мужемъ. Тайна ея власти скрывается въ ея любящемъ и нѣжномъ сердцѣ, въ ея нравственной чистотѣ и богобоязненности и наконецъ въ той преимущественной и неразрывной близости, въ какую ставитъ къ ней сама природа ея домочадцевъ. Если нешировъ отводится ей кругъ общественной и гражданской дѣятельности, для которой природа не отпустила ей и силъ достаточныхъ; то въ семьѣ она вѣнчанная царица, и лучшаго и болѣе почтеннаго положенія она никогда и нигдѣ не создастъ для себя, кромѣ семьи, если Господь ее благословитъ супружескимъ счастіемъ. А въ своемъ кругѣ семейномъ она можетъ найти для себя столько почтеннаго труда и, если угодно, подвиговъ, что ни о какихъ посторонніхъ трудахъ внѣ семьи и ни о какихъ большихъ правахъ, чѣмъ женскія и говорить не захочетъ, если есть въ ней страхъ Божій, совѣсть и честь. Чего только стоятъ одни труды по воспитанію своихъ дѣтей, отъ благоуспѣшной судьбы котораго, можно сказать, зависитъ благосостояніе цѣлаго общества. А это могущественное и непрерывное, хотя невидимое и тайное и неукладывающееся ни въ какія наглядныя и подробныя правила, вліяніе на своего мужа, чтобы онъ не позабывалъ своихъ священныхъ обязанностей, не разсѣявался подъ вліяніемъ разнообразныхъ впечатлѣній, исходя по нуждѣ за предѣлы семейнаго круга *на дѣло и на дѣланіе свое до вечера*, чтобы, возвращаясь въ него, онъ могъ находить здѣсь успокоеніе и почерпать новыя силы для борьбы съ тяготами жизни, чтобы онъ держался постоянно на высотѣ тройственнаго долга своего, какъ супругъ, отецъ и гражданинъ, развѣ это невысокая и пріятная роль, и какъ нибудь унижаетъ женщину? Заключу свое поученіе къ тебѣ, молодая супруга, словами апостола Петра, которыя какъ нельзя болѣе идутъ къ твоему теперешнему положенію, *также и вы жены*, говоритъ онъ, повинуйтесь своимъ мужьямъ, *чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое богобоязненное житіе. Да будетъ украшеніемъ ва-*

шимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ. Такъ нѣкогда и св. жены, уповавшія Бога, украшали себя, повинуясь своимъ мужьямъ (1 Петров. III, 1—5). Постарайся воспитать, углубить и раскрыть въ себѣ это драгоцѣннѣйшее чувство религіозное, и ты будешь согрѣвающимъ и животворнымъ свѣточемъ въ своей семьѣ, и брачное твое счастіе будетъ совершенно упрочено.

Надъ обоими же вами да почіетъ благословеніе Божіе низшедше сегодня въ таинственномъ священнодѣйствіи брака и совокупившее васъ воедино на всю вашу жизнь. Аминь.

РѢЧЬ

при гробѣ И. П. Валентѣя *).

(14 мая 1883 г.).

Зрящe мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ други, сродницы и знаеміи; вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапу найде на мя страшный часъ смерти!...

Какъ много страшнаго и грустнаго всегда приходится видѣть и чувствовать при гробѣ новопреставленныхъ ближнихъ нашихъ! Грустно видѣть, что живой и разумный человѣкъ, вчерашній день бесѣдовавшій съ нами, обратился въ бездыханный и безславный трупъ и ждетъ одной лишь темной и мрачной могилы, разорвавъ на вѣки всякія связи съ живыми людьми и съ радостями жизни. Грустно сознавать, что нашъ давнишній согражданинъ и добрый знакомый, много разъ дѣлившій съ нами свои мысли, надежды и многоразличныя чувствованія въ непринужден-

*) Напечатана въ 12 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1883 г.

ной и добродушной бесѣдѣ, навсегда вычеркнутъ изъ списка наличныхъ гражданъ міра безжалостной рукою смерти, и остались объ немъ лишь одни воспоминанія, которыя съ теченіемъ времени, разумѣется, все будутъ слабѣть и слабѣть. Страшно сознавать, что и съ нами рано или поздно, но не избѣжно должно случиться то же самое, что и насъ вотъ такъ же положатъ въ гробъ, такъ же будутъ окружать соболѣзнованіемъ и конечно молитвами и затѣмъ такъ же отнесутъ на кладбище и оставятъ на вѣчное заключеніе и уединеніе въ сырой и темной могилѣ. Еще грустнѣе сознавать ту насильственность и неестественность разрыва между живыми и умершими, въ силу которой нѣтъ у насъ ни единой возможности, чѣмъ нибудь пособить нашимъ отшедшимъ братіямъ, что нибудь спросить ихъ, не смотря на то, что душевная съ ними связь у насъ не порывается, что сердце продолжаетъ любить ихъ, что воспоминаніе о потухшей жизни ихъ съ особенною силою и полнотою возникаетъ въ нашей мысли и въ нашемъ чувствѣ около ихъ гроба и вблизи ихъ свѣжей могилы.

Но поистинѣ всего грознѣе и страшнѣе неизвѣстность нашей общей человѣческой загробной судьбы. Не опасеніе ничтожества, не боязнь того, что мы обращаемся въ нуль, въ прахъ и пепелъ и ни во что больше,—какъ напѣваютъ иные странные и отчаянные мыслители,—нѣтъ, не это страшно; ибо сознаніе нашей неуничтожаемости и увѣренность въ продолженіи нашего бытія въ замогильномъ мірѣ столь глубоко заложено въ нашей природѣ,—что убить ее окончательно едва-ли чѣмъ возможно, и вообще едва-ли вполнѣ искренна и непоколебима та отчаянная философія, въ которой, какъ въ туманѣ какомъ нибудь, силятся укрыться люди не исполняющіе, по неумѣнію или нехотѣнью, высокаго человѣческаго долга жизни. Нѣтъ, удручающе страшенъ для нашей немощной и грѣшной совѣсти неустранимый вопросъ: какое отведутъ намъ мѣсто на томъ свѣтѣ? Какой цѣны окажется наша многомятежная земная жизнь на всевидящемъ и правосуднѣйшемъ судѣ Божіемъ? Во свѣтѣ или въ мракѣ - окажемся мы тамъ, удостоены ли мы будемъ хотя послѣдней степени въ царствѣ блаженныхъ и торжествующихъ духовъ, или того не будетъ?

Если бы мы остались съ одними этими темными и тревожными вопросами, если бы одними собственными усиліями и соображеніями мы захотѣли упорядочить свою земную жизнь и освѣтить мракъ смертный при концѣ ея; то горе было бы намъ! Кромѣ ужаса и мрака при гробѣ человѣческомъ ничего бы мы не испытывали, кромѣ болѣзненнаго чувства неудовлетворенности и безцѣльности своего бытія ничего бы мы не выносили изъ своей земной жизни, а въ продолженіи ея кромѣ мятежа, скорбей и трудовъ, можетъ быть въ перемежку съ нѣкоторыми мимолетными удовольствіями, ничего бы не испытывали. Святая вѣра Христова приходитъ на помощь нашему немощному духу, вноситъ надежду и миръ въ нашу земную жизнь и свѣтоносными успокоительными лучами освѣщаетъ для насъ мрачную замогильную область. Само предвѣчное Слово Божіе, Самъ Единородный Сынъ Божій Господь Іисусъ Христосъ благоволилъ содѣлаться человѣкомъ, поднялъ на себя всѣ немощи естества нашего, прикрылъ всѣ наши неправды и слабости предъ правосудіемъ Отца небеснаго, мучился и страдалъ за насъ, самъ испилъ чашу смертную и своимъ славнымъ воскресеніемъ указалъ намъ путь къ небесной славѣ и открылъ возможность и при нашихъ слабостяхъ и немощахъ нравственныхъ пріобщиться въ будущемъ вѣкѣ Его собственной славы и блаженства. Лишь была бы съ нашей стороны воспріемлемость къ Его благодатнымъ дарамъ, лишь горѣло бы въ нашемъ сердцѣ чувство любви и благодарности къ своему Спасителю, лишь имѣлась бы вѣра въ Него, лишь выражалась бы она въ какихъ-либо посильныхъ дѣяніяхъ нашихъ, лишь полагались бы нашей немощной и слабой волей какіе нибудь задатки добра во время земнаго нашего подвига и странствованія! *Истинно, истинно говорю вамъ*,—сказалъ Онъ самъ милосердный Спаситель нашъ,—*вѣрующій въ меня, имѣетъ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 4. 7). Эти драгоцѣнныя слова безконечно возлюбившаго насъ Сына Божія могутъ вполнѣ успокоить насъ, помирить съ тяготами и неустройствами земной нашей жизни и съ отрадою и успокоеніемъ позволяютъ намъ глядѣть въ глаза самой смерти, какъ она ни противоестественна нашему безсмертному духу и какъ ни страшна нашей немощной совѣсти.

Она же даетъ намъ право съ надеждою молиться и объ упокоеніи новопреставленнаго раба Божія Іоанна. Кому изъ знавшихъ его не извѣстна его искренняя и глубокая вѣра въ Господа Іисуса Христа, выражавшаяся въ серьезномъ и благоговѣйномъ отношеніи ко всему, что касалось религіи Христовой? Кому не понятно усердіе его къ благоустройству и благолѣпію сего храма Господня, его служебная точность, гражданская аккуратность и непоколебимое трудолюбіе не только за страхъ отвѣтственности, но и за совѣсть, его безпристрастное и честное отношеніе къ людямъ, его обычное добродушіе растворенное зрѣлостію разсужденія въ домашнемъ и житейскомъ быту, его нелицемѣрная и деликатная прямота на служебномъ поприщѣ, его мудрая умѣлость долгъ свой правити, его уваженіе и блюденіе чужихъ правъ и сочувственное участіе къ чужимъ и постороннимъ нуждамъ? «Мужъ вѣрующій, серьезный, трудолюбивый, аккуратнѣйшій и честный,» — всякій, знавшій покойнаго, несомнѣнно помянетъ его этой заслуженной имъ похвалой! И за всѣмъ тѣмъ да восполнитъ единый святый и всесовершеннѣйшій человѣкъ — Христосъ Іисусъ обычныя человѣческія немощи и недостатки усопшаго, да покроетъ его своимъ милосердіемъ, да отпуститъ вольныя и невольныя прегрѣшенія его, и да не лишитъ его общенія и единенія съ собою въ жизни небесной, котораго онъ искалъ и жаждалъ въ продолженіи своей жизни земной.

А мы, предстоящіе гробу сему, знавшіе и любившіе почившаго собрата нашего, и пока еще остающіеся въ живыхъ до положеннаго для насъ Господомъ предѣла, къ какому же послѣднему заключенію и рѣшенію должны придти послѣ всего видѣннаго, сознаннаго и почувствованнаго вблизи бездыханныхъ останковъ сихъ? Грустно, сказали мы, стоять возлѣ гроба, страшна для насъ близость смерти, но не въ меньшей мѣрѣ и поучительна. Видите, какъ одиноки мы и безпомощны оказываемся на смертномъ одрѣ, какъ все, что волнуетъ насъ въ настоящей жизни, что намъ дорого и любезно въ этомъ мірѣ, остается позади насъ при послѣдней развязкѣ нашей жизненной драмы! Такъ не лучше ли не закрѣплять слишкомъ тѣсныхъ и многообразныхъ узъ, связующихъ насъ съ грѣшнымъ міромъ и его мимолетными утѣ-

хами, не лучше ли исподволь ослаблять эту опасную связь и давать напротивъ какъ можно побольше простора своему безсмертному духу въ его стремленіяхъ къ небу и вѣчности? Не лучше ли возлюбить намъ всѣмъ сердцемъ и душею своего Спасителя и Господа, крѣпко взяться за руку Его и ходить и дѣйствовать въ мірѣ семъ лишь по Его указаніямъ и при свѣтѣ Его божественнаго закона. Можетъ быть очень и очень не далека минута, когда и мы почувствуемъ всю нужду въ спасающей и милующей десницѣ своего Спасителя при переходѣ своемъ въ вѣчность, подобно сему умершему собрату нашему? Обычный шумъ житейскій и суета мірская не даетъ намъ благоговѣйно сосредоточиться въ своемъ духѣ, и рѣдко и рѣдко обращаемся мы съ молитвенными воздыханіями къ своему Спасителю. Онъ непрерывно стоитъ у дверей сердца нашего и толчетъ, а мы— о безпечность, неблагодарность и безчувственность наша! не слышимъ Его призыва, не чувствуемъ Его присутствія и не рѣдко даже становимся къ Нему спиною. Что если, послѣ поздняго пробужденія, послѣ безсмысленно и нечестиво прожитой жизни мы станемъ звать Его, а Онъ намъ скажетъ: *не вѣмъ васъ, отыдите отъ Мене!* Ахъ братіе, страшно и ужасно это предположеніе. Пробудимся и воспрянемъ отъ грѣха лучше теперь, пока есть еще время и усиленно начнемъ вопіять: Господи, даждь намъ слезы покаянія и память смертную. Аминь.

СЛОВО

въ день возвращенія иконы Божіей матери Боголюбскія изъ города Владиміра.

(16 іюня 1883 г.).

Сегодня въ послѣдній разъ зримъ мы въ нашемъ городѣ нынѣшнимъ лѣтомъ св. икону царицы небесной Боголюбскую. Такъ много святыхъ чувствъ и благоговѣйныхъ воспоминаній еще изъ

дѣтства соединяется у насъ съ этой родной святыней нашей, что у добрыхъ христіанъ въ нашей мѣстной владимірской средѣ всегда является нѣкоторая грусть и скорбь душевная при видѣ торжественно удаляющейся иконы Богоматери, предъ которой изливаемъ мы ежегодно нѣсколько недѣль свои благоговѣйныя чувства и воздаемъ ей поклоненіе въ своихъ жилищахъ и храмахъ. Какъ будто сама небесная гостья наша, сама владычица небесная удаляется отъ насъ вмѣстѣ съ своей чудотворной иконой. За ней же устремляется сердце наше съ молитвеннымъ воплемъ: не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ тебе владычице! Чувство достопочтенное, въ комъ оно есть, несмотря на то, что мы знаемъ и всѣ увѣрены, что находимся подъ непрерывнымъ покровомъ матери Господа нашего, и что мы съ одинаковою надеждою на милость ея можемъ преклоняться и предъ тѣми иконами ея, которыя остаются съ нами и которыми украшаются наши храмы и жилища. Но дорого то, что предъ чудотворною иконою матери Божіей, ставшею историческимъ памятникомъ всесильнаго ея покровительства надъ нашимъ городомъ, въ добрыхъ и религіозныхъ гражданахъ нашихъ является особенное благоговѣйное чувство радости при встрѣчѣ ея и скорбнаго сожалѣнія при проводахъ. Это есть признакъ, что вообще въ сердцѣ ихъ имѣется доброе религіозное чувство, и что въ душѣ ихъ не порвана невидимая и духовная связь между ими и пресвятой Богородицею, а при этой связи есть для нихъ и благая надежда спасенія вѣчнаго. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ бы сберечь намъ эту дорогую связь, это общеніе духовное съ царицей небесною, которое подъ растлѣвающимъ вліяніемъ враговъ нашего спасенія можетъ все слабѣть и слабѣть, и наконецъ до того ослабнуть, что останемся мы одиноки и можемъ лишиться вовсе милости и покровительства матери Божіей. Да не будетъ сего! Напротивъ да будетъ наше настоящее церковное размышленіе хотя малымъ прощальнымъ даромъ въ честь и похвалу пречистой дѣвы и отходящей отъ насъ ея достопокланяемой иконы.

Побольше простора нужно давать духовной сторонѣ нашей человѣческой природы, покрѣпче и серьезнѣе нужно помнить намъ,

что Господь Іисусъ Христосъ и его благодатные дары, предложенные и предлагаемые для насъ въ святыхъ семи таинствахъ и во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ церкви, суть наше лучшее и наивысшее сокровище,—вотъ первое средство сохранить и поддержать нравственный и духовный союзъ съ пречистою Божіею матерію. Наилучшимъ образцомъ въ этомъ религіозномъ настроеніи можетъ служить для насъ сама пречистая дѣва. Вся жизнь ея съ самаго нѣжнаго дѣтства и юности до почтенной старости была, такъ сказать, непрерывнымъ стремленіемъ къ Богу, постояннымъ отрѣшеніемъ отъ земли и восхожденіемъ къ небу. Трехлѣтнимъ младенцемъ она введена была въ храмъ Іерусалимскій для воспитанія и сдѣсь до 15-лѣтняго возраста упражнялась непрестанно въ богомысліи, прилежала чтенію слова Божія и предавалась молитвенному созерцанію и размышленіямъ о дивныхъ путяхъ промысла Божія въ судьбахъ рода человѣческаго. Затѣмъ содѣлавшись матерію воплощеннаго изъ нея Сына Божія, возросшаго на ея пречистыхъ рукахъ и воспитавшагося на ея глазахъ, она была самою ближайшею слушательницею его божественныхъ словесъ, которыя слагала она въ сердцѣ своемъ, и непрестанною зрительницею его дивныхъ дѣлъ и чудесъ любви къ людямъ, ради которыхъ онъ низшелъ на землю. Послѣ же крестныхъ страданій, воскресенія и вознесенія на небо своего Божественнаго Сына пречистая Богоматерь одну только самую глубокую думу всегда носила въ душѣ своей, какъ бы скорѣе переселиться отъ земли на небо и навѣки соединиться съ своимъ возлюбленнымъ Сыномъ и Спасителемъ рода человѣческаго—Господомъ Іисусомъ Христомъ. Преданіе говоритъ, что въ послѣдніе годы своей земной жизни матерь Божія непрестанно уединялась въ Геѳсиманію, гдѣ скорбѣлъ и тужилъ предъ своими страданіями Сынъ Божій, и молилась тамъ пламенно, чтобы онъ не медлилъ взять ее къ себѣ отъ земнаго странствованія и переселилъ въ свои небесныя обители. Вотъ хоть бы нѣсколько занять намъ для себя у матери Божіей этой отрѣшенности отъ земли, этого устремленія къ небесному отечеству нашему и этого молитвеннаго богомыслія и любви сердечной къ своему Спасителю и Господу Іисусу Христу. Съ прискорбіемъ мы должны покаяться,

какъ въ послѣднее время у людей, носящихъ христіанское имя, стала слабѣть ревность о вѣрѣ и увеличиваться равнодушіе ко всему, къ чему приглашаетъ людей и чему учитъ ихъ Іисусъ Христосъ въ своемъ евангеліи. Высокія откровенія, принесенныя имъ для людей съ неба, наприм. что всѣ мы погибали, что намъ угрожало вѣчное осужденіе и погибель, что теперь напротивъ всѣ мы искуплены его драгоцѣнною кровію, пролитою за насъ на крестѣ, что мы сподобляемся благодатнаго перерожденія въ купели крещенія, что есть теперь у насъ всѣ средства побѣждать грѣховныя и страстныя наклонности своей падшей природы благодатію св. Духа, что эта благодать обильными струями можетъ изливаться на насъ въ св. церкви, что всѣ мы лишь кратковременные гости на землѣ, что на томъ свѣтѣ предстоитъ намъ великая будущность, или безконечно блаженная, или безконечно горькая, судя по нашимъ дѣяніямъ на землѣ, что будетъ общее воскресеніе мертвыхъ и въ свое время откроется вѣчное царство славы,—всѣ эти великія откровенія христіанскія часто какъ бы не касаются мыслей и сердецъ людей христіанскихъ, остаются для нихъ мало и поверхностно извѣстными, нисколько не занимаютъ ихъ души, а потому и въ жизни ихъ и въ дѣяніяхъ какъ будто не приносятъ никакого плода. Постоянная суета и смятеніе, постоянные толки и хлопоты все о нуждахъ и удобствахъ тѣлесной жизни, какъ будто вѣкъ намъ жить на землѣ, и какъ будто кромѣ тѣла и нѣтъ у насъ ничего,—это грубое и матеріальное направленіе стало самымъ замѣтнымъ и характернымъ направленіемъ большинства нынѣшнихъ людей. Остережемся, слушатели, этого погибельнаго и постыднаго для христіанъ направленія. Можетъ быть еще цѣлы въ насъ нѣкоторыя искорки христіанскаго благоговѣйнства, оставшіяся отъ невинныхъ дѣтскихъ лѣтъ. Побережемъ ихъ и усилимъ заботливыми думами о своей загробной судьбѣ, будемъ чаще взирать на ликъ царицы небесной, изображаемый на ея иконахъ, и чаще приводить на память ея дивную и богоподобную жизнь и сокровенные подвиги ея смиреннаго и религіознаго духа, и станемъ усиленно искать ея помощи и содѣйствія къ таковому же устроенію нашихъ собственныхъ мыслей и чувствъ. И она съ любовію возьметъ насъ подъ

свое покровительство и осѣнить своимъ благодатнымъ содѣйствіемъ, а мы будемъ чувствовать себя и дѣйствительно находиться въ крѣпкомъ нравственномъ союзѣ съ пречистою матерію Господа нашего, а при этомъ союзѣ и наше вѣчное спасеніе будетъ вполнѣ обезпечено.

Но съ другой стороны намъ, какъ людямъ житейскимъ и носящимъ плоть съ ея малочисленными и притомъ законными потребностями, неизбѣжно приходится заботиться и о своемъ тѣлѣ и объ удовлетвореніи потребностей земной нашей жизни. Бѣда и опасность наша не въ томъ собственно, что у насъ есть эти потребности, а въ томъ, что мы склонны искусственно расширять эти потребности, гоняться за не всегда доступными для насъ удовольствіями мірскими, и что большинство изъ насъ добровольно ставитъ себѣ въ прискорбную и болѣзненную необходимость жить выше тѣхъ средствъ, какія каждому изъ насъ опредѣляетъ Господь по нашему состоянію и общественному положенію. По тщательному наблюденію за образомъ жизни людей нашего времени оказывается, что цѣлая бездна непотребныхъ дѣлъ совершается у насъ именно потому, что люди силятся жить не такъ, какъ имъ Богъ велитъ по ихъ состоянію, а какъ имъ собственно хочется, т. е. какъ можно шире и пространнѣе, какъ можно привольнѣе и прихотливѣе. Не потому ли въ старину, когда жизнь была проще и менѣе искусственная, и когда люди жили ближе къ природѣ и согласнѣе съ ея законными и простыми потребностями, и самая жизнь была легче, и больше было во всемъ довольства, и меньше было преступныхъ посягательствъ на чужое и общественное добро, и чаще люди вспоминали о Богѣ и о своей душѣ и были вообще религіознѣе нынѣшнихъ людей? А нынче такъ разрослись потребности житейскія, такъ утончились и осложнились наслажденія мірскими благами, и такъ усилилась жажда этихъ благъ, что честныхъ и законныхъ средствъ для удовлетворенія этой жажды у людей, разумѣется, не оказывается; отсюда возникаетъ масса преступленій, масса бѣдствій и крушеній человѣческихъ жизней, цѣлое море огорченій и нищеты и всяческаго неустройства. А при такомъ направленіи и строѣ нашей тѣлесной и матеріальной жизни много-ли у насъ должно

оставаться времени на попеченіе о своей душѣ, на размышленія о небѣ и вѣчности, на удовлетвореніе самыхъ дорогихъ и священныхъ потребностей нашего духа? Конечно очень мало, или совсѣмъ ничего. Оттого-то нынче такъ много людей и засыпаютъ непробуднымъ сномъ безпечности о судьбѣ своей богоподобной души, губятъ ея сокровища и обращаются въ одну только плоть и кровь, какъ люди предъ потопомъ, и совершенно теряютъ видъ и образъ христіанскій.

Надо же намъ понять наконецъ, благочестивые слушатели, опасность, угрожающую намъ съ этой именно стороны, и постараться ослабить ее, сколько на то силъ нашихъ найдется. Опасность эта потому особенно велика и, можно сказать, неуловима, что потребности нашего тѣла и нужды нашей земной жизни имѣютъ преимущественную нѣкоторую чувствительность, громче всего о себѣ заявляютъ и потому способны казаться неотвратимыми и неизбѣжными въ сравненіи съ потребностями нашего духа, которому не нужны ни пища, ни одежда ни все прочее матеріальное. И потому, начиная съ законныхъ и обязательныхъ хлопотъ о своемъ тѣлѣ и его потребностяхъ, мы удивительно какъ склонны бываемъ увлечься въ этихъ хлопотахъ за предѣлы законнаго и должнаго и совершенно позабыть о наивысшихъ, но менѣе, такъ сказать, осязательныхъ потребностяхъ своего духа. Если не найдется въ насъ собственной крѣпости и зрѣлости размышленія, чтобы отдѣлить болѣе важное и существенное отъ менѣе важнаго въ нашихъ потребностяхъ, и чтобы поставить вверху потребности духа, а внизу и въ подчиненіи наши тѣлесныя потребности; то будемъ по крайней мѣрѣ руководствоваться готовыми и живыми примѣрами, какъ это можно и должно сдѣлать. Высочайшимъ руководственнымъ примѣромъ и въ этомъ случаѣ можетъ быть для насъ пречистая матерь Господа нашего. Не смотря на то, что она была царственная отрасль изъ дома Давидова, не смотря на то, что удостоилась быть матерію самого Сына Божія, творца и верховнаго обладателя вселенной и всѣхъ ея сокровищъ и богатствъ, жизнь ея на землѣ протекла самымъ скромнымъ образомъ, безъ всякой пышности, блеска и роскоши, которыя подобали бы ей по ея неизмѣримо высокому достоинству.

По смерти своихъ родителей, вовсе неизвѣстныхъ по своему богатству, она сдѣлалась обрученицею старца Іосифа, который былъ не болѣе, какъ простой древодѣлъ, и конечно не могъ окружить ее какими нибудь особенными удобствами житейскими. Самое величайшее событіе въ ея жизни, рожденіе отъ нея Спасителя міра, случилось при самой неудобной и можно сказать убогой обстановкѣ, въ Виѳлеемской пещерѣ за городомъ и въ скотскихъ ясляхъ. Неудобства и опасности бѣгства въ Египетъ съ Богомладенцемъ Іисусомъ она претерпѣваетъ, какъ обыкновенная странница. Изъ Назарета, гдѣ поселилось святое семейство, матерь Божія, тоже какъ обыкновенная путница, совершаетъ во Іерусалимъ свои религіозныя путешествія пѣшкомъ съ своимъ нареченнымъ мужемъ и съ подростающимъ Божественнымъ Сыномъ. Затѣмъ когда Спаситель выступилъ на общественное служеніе роду человѣческому, и матерь его раздѣляетъ съ нимъ труды перехожденія съ мѣста на мѣсто, какъ это видно изъ евангельскихъ повѣствованій, смѣшивается съ толпою вѣрующихъ и простосердечныхъ слушательницъ Божественнаго учителя, какъ обыкновенная смертная, смиренно и терпѣливо дожидается иногда возможности бесѣдовать съ нимъ наединѣ, пока Онъ кончитъ свою бесѣду съ народомъ, пользуется вмѣстѣ съ нимъ приглашеніемъ на бракъ и другими опытами усердія преданныхъ ему семействъ, и вообще слѣдуетъ въ своей жизни по многотруднымъ стезямъ своего Божественнаго Сына, не имѣвшаго на землѣ, гдѣ главу преклонить. Когда оконченъ былъ Спасителемъ подвигъ служенія роду человѣческому, пречистая матерь его оказалась безъ собственнаго крова и жилища, такъ-что Господь со креста поручилъ ее попеченіямъ возлюбленнаго ученика своего Іоанна Богослова, который и ввелъ ее, по преданію, въ собственный свой домъ въ Іерусалимѣ, откуда она совершала, тоже по преданію, свои далекія и многотрудныя путешествія съ проповѣдію евангельскою. Вотъ какъ мало было удобствъ, и какъ много трудовъ въ земной жизни царицы небесной, и какъ духъ ея господствовалъ надъ нуждами и потребностями тѣла!

Попомнимъ это, благочестивые слушатели, и съ ея невидимою и благодатною помощію поставимъ себѣ двѣ цѣли въ своей жиз-

ни: какъ можно больше заботиться о своемъ богоподобномъ духѣ и о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ Господу Богу; и какъ можно умѣреннѣе и спокойнѣе быть въ нашихъ заботахъ о тѣлѣ и его потребностяхъ, дабы просторнѣе и удобнѣе было устремляться нашему духу къ горьнему и небесному отечеству нашему. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ Владимірской семинаріи при началѣ новаго учебнаго 1883—1884 года *).

(25 августа 1883 г.).

Помолившись Господу Богу о ниспосланіи вамъ благодатной помощи въ вашей нравственной жизни и въ вашихъ учебныхъ занятіяхъ въ новомъ начинающемся году, не хочу миновать своего начальническаго долга напутствовать васъ, любезные воспитанники, нѣкоторыми сердечными моими совѣтами и внушеніями. Прошу выслушать ихъ не какъ обычное и для формы совершаемое словоговореніе, а какъ самое искреннее и горячее желаніе моего сердца, сочувственно заинтересованнаго вашими успѣхами и въ нравственномъ и въ учебномъ отношеніи. Не буду утомлять вашего вниманія долгими разсужденіями о томъ, что вамъ слѣдуетъ хорошо учиться и еще лучше вести себя въ нравственно-религіозномъ отношеніи,—это вы безъ меня ясно понимаете и очень хорошо знаете. Но хотѣлось-бы выдвинуть для вашего вниманія тѣ основныя качества и свойства душевныя, при которыхъ только и возможенъ и учебный и нравственный успѣхъ вашъ, и которыя слѣдовательно имѣть или пріобрѣсти вамъ неизбѣжно нужно.

Первое изъ этихъ качествъ есть терпѣливость и выносливость. Оно есть такое направленіе воли и характера, когда че-

*) Напечатано въ 19 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1883 г.

ловѣкъ не хитритъ и не лукавитъ, чтобы только уклониться и избѣжать препятствій неотвратимо стоящихъ на пути къ предположенной имъ цѣли, а мужественно идетъ имъ на встрѣчу и умѣетъ преодолѣвать и раздвигать ихъ собственными и такъ сказать честными напряженіями своей воли. Что это драгоцѣнное качество, столь нужное и во всякомъ дѣлѣ, какое ни задумалъ бы человѣкъ, преимущественно нужно въ вашемъ учебномъ дѣлѣ, это не трудно разъяснить и доказать примѣрами. Есть тысячи дѣлъ и предметовъ, которые люди могутъ обдѣлывать подставными силами и пріобрѣтать на чужой такъ сказать счетъ, т. е. безъ нагнетанія своей личности и безъ напряженія своей воли. Иное можно купить на деньги, иное выпросить у друга и благожелателя, иного можно достигнуть хитростью, ласкательствомъ и даже обманомъ, иное можно получить сверхъ чаянія при неожиданномъ какомъ нибудь стеченіи благопріятныхъ, но не зависящихъ отъ насъ обстоятельствъ,—и т. п. Но знанія и свѣдѣнія научныя,—эта цѣль нашего пребыванія въ школѣ,—имѣютъ два такія качества, при которыхъ ничтожны и безсильны оказываются всѣ вышеприведенные способы для ихъ пріобрѣтенія. Первое качество то, что ихъ ни упросить, ни умолить, ни чѣмъ нибудь подкупить нельзя, чтобы они сами зашли какъ нибудь въ голову къ человѣку, а онъ бы лежалъ на боку, да занимался какими нибудь пріятностями. Сколько бы нашлось людей, которые не пожалѣли бы тысячъ, чтобы по первому желанію своему сдѣлаться учеными и свѣдущими. Но этого нельзя, и не бываетъ. А второе качество то, что для пріобрѣтенія знаній основательныхъ и обильныхъ требуются не просто только усилія собственныя, но *большія* собственныя усилія. Если-бы не это второе обстоятельство, то сколько бы нашлось даровитыхъ и способнѣйшихъ людей, которые въ то же время были и ученѣйшими; но этого, какъ вамъ конечно извѣстно, тоже очень часто не бываетъ. Первое качество знаній особенно должны имѣть въ виду тѣ изъ васъ, которые небогатыми надѣлены способностями отъ природы; а второе—тѣ, которые не могли бы пожаловаться на скудость своихъ дарованій, но страдали до сихъ поръ лѣнью и безпечностью. И тѣмъ и другимъ, значитъ—всѣмъ

вамъ оказывается необходимою та терпѣливая выносливость, та настойчивость и неослабность въ трудѣ, о которой я сказалъ выше. До тѣхъ поръ, пока мы не увидимъ и не найдемъ въ васъ этого качества и сами вы не будете его ощущать въ себѣ, до тѣхъ поръ ни вамъ, ни намъ нечего ожидать отъ васъ. Только понапрасну будетъ убиваемо ваше учебное время, и будетъ только одинъ грѣхъ и срамъ съ вами. Срамъ—потому, что вы будете выходить отъ насъ недоучками; а грѣхъ—потому, что при недостаткѣ усердія и при лѣности вы не спасетесь отъ искушенія восхищать себѣ учебныя права разными уловками и хитростями, а въ случаѣ неудачи ихъ будете малодушно вопить и жаловаться на учительскую якобы суровость и притѣсненія. А отсюда возникаютъ тысячи непріятностей. Слова два лишнихъ слѣдуетъ прибавить для тѣхъ изъ васъ, которые чувствуютъ себя не неспособными и можетъ быть даже даровитыми людьми. У таковыхъ есть привычка работать слегка и такъ сказать на бѣгу, въ разсчетѣ на свои способности и на свой природный смыслъ,—а изъ этой привычки слагается и живетъ по преданію въ школахъ чрезвычайно невѣрный и презрительный взглядъ даже и на трудолюбивыхъ и усидчивыхъ воспитанниковъ. Я знаю, что клеймятся они разными обидными прозвищами тупицъ и зубрилъ, или же унижается характеръ и цѣль ихъ трудолюбія и завистливо сводится на то, якобы они хлопочутъ только о хорошихъ баллахъ и о высшемъ мѣстѣ предъ товарищами,—что-де весьма унизительно для человѣка мыслящаго и развитаго. Все это чрезвычайно ошибочно, невѣрно и неосновательно. Я недаромъ указалъ вамъ на то второе качество знаній и прочнаго научнаго образованія, что оно пріобрѣтается не просто съ усиліями, но съ большими усиліями для всѣхъ и каждаго, не исключая и способныхъ и даровитыхъ. Вѣдь область знаній не есть какое нибудь нешироkое поприще, точно обозначенное осязательными какими нибудь и для всѣхъ видимыми границами и предѣлами, до которыхъ дошелъ человѣкъ, и больше ему идти не куда, онъ вполнѣ научный и знающій человѣкъ. Наука и знаніе, — вѣдь это такая безграничная ширь и даль, что чѣмъ человѣкъ способнѣе и даровитѣе, тѣмъ онъ быстрѣе долженъ бѣжать и усид-

чивѣе работать, чтобы сколько нибудь посерьезнѣе удовлетворить въ себѣ благородную человѣческую жажду знанія. Одинъ изъ величайшихъ ученыхъ сравнивалъ область знаній съ океаномъ и свои знанія и работы научныя такими считалъ ничтожными, что называлъ ихъ лишь собираніемъ раковинъ на берегу океана. Какой же способный и даровитый человѣкъ имѣетъ право сказать, что ему не о чемъ много хлопотать и усидчиво надрывать себя, а только стоитъ присѣсть,—и предстоящее ему дѣло будетъ сдѣлано? Даже, если взять какую нибудь очень неширокую и вполнѣ ограниченную и опредѣленную область знаній, напр. вашъ учебный курсъ; то, чтобы вполнѣ усвоить и тщательно изучить его, — потребны непрерывныя и притомъ самыя напряженныя усилія для самаго даровитѣйшаго и способнѣйшаго юноши. Не думаю, чтобы нашелся изъ васъ столь тупой и самомнительный самохвалъ, который бы сказалъ про себя, что онъ вполнѣ хорошо изучилъ языки, безупречно знаетъ математику, въ совершенствѣ обладаетъ историческими свѣдѣніями и т. д. А если нѣтъ, то въ чемъ же полагать заслугу и молодечество даровитаго ученика, и на чемъ основано его издѣвательство надъ менѣе способными товарищами? Рѣшительно ни на чемъ! Тѣ по крайней мѣрѣ дѣлаютъ свое дѣло по мѣрѣ отпущенныхъ силъ, и слѣдовательно безупречны; а онъ чѣмъ имѣетъ право гордиться? Если конечно дѣло свести на то, чтобы кой-какъ сносно приготовить урокъ, и при снисходительности наставника получить отъ него похвалу; то разумѣется способному ученику это всегда можетъ удаваться. Но это по истинѣ будетъ для него унизительно. Но пусть-ка онъ вздумаетъ изучать уроки вполнѣ основательно, не разсчитывая ни на какую снисходительность наставника,—и онъ тотчасъ же увидитъ, что корпѣть, работать и зубрить ему также необходимо, какъ и всякому остальному. А вѣдь основательность и полнота знаній только и даетъ имъ цѣну. Значитъ, одно только близорукое и незрѣлое ребячество можетъ похваляться тѣмъ, что оно-де не зубритъ, а учится играючи— и все же успѣваетъ. Столь же неосновательно и даже прямо неблагородно унижать трудолюбіе прилежныхъ товарищей разными предположеніями о корыстномъ искательствѣ съ ихъ стороны

однихъ учебныхъ преимуществъ и о мелкой гоньбѣ только за удовлетворительными баллами. Что говорить, безкорыстное исканіе научныхъ знаній вещь превосходная; но ничего унизительнаго нѣтъ и въ томъ, если человѣкъ усердно занимается своимъ дѣломъ, не чуждаясь и практическихъ какихъ нибудь разсчетовъ и цѣлей. Надежда получить должное за свое трудолюбіе • есть вполнѣ законная и естественная надежда. Да едва ли и найдется какой нибудь человѣкъ, который могъ бы обойтись безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій въ своей дѣятельности. Не нужно напускать на себя ничего лишняго и сверхдолжнаго. А эти похваляющіе себя за безкорыстное и самостоятельное стремленіе къ знанію ученики развѣ не разсчитываютъ, что ихъ направленіе и отношеніе къ наукѣ будетъ оцѣнено если не теперь, то послѣ, если не у насъ, то въ другихъ школахъ, куда они можетъ быть себя направляютъ? Вообще подозрительны нападки на усидчивость и трудолюбіе, проявляющееся въ обыкновенной и узаконенной такъ сказать школьными порядками формѣ. Едва-ли не всегда въ этихъ нападкахъ скрывается порядочная доля скрытой зависти къ товарищескимъ успѣхамъ, и безъ сомнѣнія всегда большая доля сомнительности и мелкаго педантизма. Нѣтъ, нѣтъ! Гораздо проще и натуральнѣе всѣмъ вамъ, господа, имѣть въ виду то свойство зрѣлыхъ и прочныхъ знаній, что пріобрѣтаются они лишь усиленнымъ трудомъ, и слѣдовательно всѣмъ вамъ безъ исключенія надлежитъ быть въ одинаковой степени усидчивыми и терпѣливо настойчивыми въ вашихъ учебныхъ трудахъ. Вотъ тогда только и можно будетъ назвать васъ истинно дѣльными и зрѣлыми учениками, а не верхоглядствующими школьниками и недоучками.

Второе качество, долженствующее быть фундаментомъ вашей жизни въ школѣ, и безъ котораго не возможны никакіе ваши успѣхи,—это послушаніе и повиновеніе вашимъ руководителямъ, наставникамъ и начальникамъ. Повидимому послушливость есть качество, не имѣющее положительнаго содержанія, есть нѣчто отрицательное, а потому и не высокоцѣнное. «Дѣлай все не самъ по себѣ, учись не по своему, распоряжайся временемъ не по собственнымъ соображеніямъ, даже выбирай квартиру, друзей,

компаньоновъ не по своему вкусу», во всемъ этомъ повидимому нѣтъ никакой личной заслуги. Казалось бы, гораздо цѣннѣе и выше слѣдующія правила: «учись ходить безъ чужихъ помочей, умѣй самъ себя устроить, опредѣляй самостоятельно и свободно, что тебѣ нужно и не нужно, что полезно и вредно, вообще живи своимъ, а не чужимъ умомъ, какъ ребенокъ и недоросль»? А между тѣмъ послушаніе искони вѣковъ считалось величайшею добродѣтелью, и притомъ не монастырскою только и монашескою, а общечеловѣческою, и я не безъ особенныхъ основаній вмѣняю вамъ ее въ непремѣнную и священнѣйшую обязанность. Вопервыхъ не нужно спутывать понятія. Послушаніе не есть механическое, тупое и идіотское житье по чужой волѣ, а сознательное и свободное принаровленіе своей воли къ чужой по довѣрію къ ней или по уваженію и любви, или просто по чувству долга и по складу самой жизненной обстановки, въ которую мы поставлены провидѣніемъ; а потому и для послушанія требуется столь же умѣнье и опытность, сколько и умъ. Недаромъ говорится, что несговорчивѣе и упрямѣе всѣхъ бываютъ глупцы. Выходитъ, что послушаніе не есть собственно отрицаніе своей воли и ума, а напротивъ есть практика этихъ способностей, есть ближайшее ихъ приложеніе. Вовторыхъ не нужно упускать изъ виду цѣль, какую всегда имѣютъ, когда требуютъ послушанія; а эта цѣль въ томъ и состоитъ, чтобы современемъ человѣкъ умѣлъ жить не чужимъ, а именно собственнымъ умомъ и произволеніемъ. Лучше, говорятъ, жить своимъ, а не чужимъ умомъ. А что, если этотъ умъ еще не зрѣлъ, если есть опасность, что онъ уклонится отъ истины, и если испортится отъ сего самая способность основательно различать добро и зло, полезное и вредное, благовременное и преждевременное и т. д.? Поступилъ по своей волѣ самый первый родоначальникъ своеволія—діаволъ, и что изъ сего вышло? Поступилъ по своей волѣ и нашъ прародитель въ Едемѣ,—и что изъ сего вышло? Живутъ и теперь тысячи людей въ своемъ необузданномъ привольи,—и что хорошаго изъ этого выходитъ? Въ третьихъ не чужно забывать, что въ человѣческой природѣ уже само-собой заложено много растлѣвающихъ и дурныхъ началъ, которыя мѣшаютъ

людямъ идти прямой дорогой къ истинѣ и добру, которымъ не слѣдуетъ давать роста на свободномъ просторѣ, а слѣдуетъ ихъ томить, ослаблять и исторгать, и притомъ чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, чтобы борьба съ ними не оказалась опозданною и потому безуспѣшною. Опыты исторганія дурныхъ началъ въ человѣкѣ и направленія его на прямой путь истины и добра и суть опыты послушанія, опыты подчиненія своей личной и отдѣльной воли другой высшей и болѣе авторитетной и законодательной волѣ. По всѣмъ этимъ основаніямъ послушаніе общеобязательно для всѣхъ рѣшительно людей, и притомъ въ такой степени, что чѣмъ менѣе человѣкъ учился слушаться и чѣмъ менѣе опытенъ въ послушаніи, тѣмъ менѣе за нимъ можно признать правъ на самостоятельное пользованіе своей свободой; потому что тѣмъ болѣе для него настоитъ опасности злоупотребить своей отдѣльной и личной волей. Вотъ на какихъ общечеловѣческихъ и непоколебимыхъ основаніяхъ я приглашаю васъ къ послушанію! Выше говорилось мною о трудности и многотрудности вашего учебнаго дѣла, для пріобрѣтенія основательныхъ и прочныхъ знаній въ школѣ; а гдѣ приходится имѣть дѣло съ трудностями, тамъ особенная нужда есть и въ послушаніи; ибо что трудно, того большею частію и не хочется. А для послушливаго человѣка потому-то и обезпеченъ успѣхъ въ преодолѣніи трудностей, что онъ умѣетъ дѣлать и то, что ему самому не хочется, а что ему повелѣвается отъ другихъ. Если бы всѣ были послушны, то были бы всѣ и трудолюбивы, а вслѣдствіе этого и всѣ болѣе или менѣе успѣшны. Безъ перваго не можетъ быть ни втораго, ни третьяго. Такъ оно и случается съ вами на самомъ дѣлѣ. Не потому напримѣръ вы слабы бываете въ классическихъ языкахъ, что они трудны; а потому, что сами-то вы непослушны и самопроизвольно напѣваете себѣ объ ихъ безполезности и неприложимости. Точно такъ и математика собственно не по трудности и отвлеченности своей бываетъ для васъ камнемъ преткновенія, а потому большею частію, что по лѣни и непослушанію не хотите вы поднять или сдвинуть этого камня или перескочить чрезъ него трудолюбіемъ. Точно также ваша неумѣлость, слабость и неопытность въ сочиненіяхъ всего больше

зависитъ не оттого, что это дѣло само по себѣ не легкое, а оттого, что вы не слушаетесь насъ, чтобы приниматься за нихъ какъ можно раньше до срока подачи и чтобы больше ломать надъ ними голову. Такъ и во всемъ остальномъ; гдѣ нѣтъ послушанія и терпѣливаго труда, тамъ нѣтъ и успѣха. Здѣсь опять слѣдуетъ мнѣ сдѣлать примѣчаніе о такъ называемыхъ самостоятельныхъ труженикахъ изъ вашей братіи, развивающихъ себя не обычнымъ путемъ школьнаго трудолюбія и изученія положенныхъ семинарскими программами учебныхъ предметовъ съ ихъ баллами и отвѣтами наставнику и прочими, по ихъ горделивому взгляду, мелочами; а путемъ неоффиціальнаго изученія и секретнаго чтенія книгъ съ установившеюся за ними репутаціею дѣльныхъ, современныхъ и развивающихъ книгъ. Ахъ, какъ не желательна и опасна такая самостоятельность въ ученикахъ, и какъ она дешево стоитъ въ сравненіи съ самымъ простымъ послушаніемъ и съ самою обыкновенною аккуратностью иного ученика въ его занятіяхъ его прямымъ и ближайшимъ дѣломъ. Пусть отвѣтятъ мнѣ чистосердечно въ своей совѣсти эти самовольные развиватели своего юнаго ума по неположеннымъ, а можетъ быть даже запретнымъ книгамъ, страдаетъ у нихъ, или нѣтъ, ихъ ближайшее и прямое дѣло изученія учебныхъ предметовъ? Разумѣется страдаетъ и даже очень! Вѣдь, чтобы прочесть со вниманіемъ и усвоить какую нибудь солидную книгу, не имѣющую связи съ учебными предметами (о недозволительности чтенія пустяшныхъ книгъ у насъ и рѣчи нѣтъ), для этого надо затратить очень и очень не мало свободнаго времени; а гдѣ его взять прилежному и исправному ученику? У него почти вовсе его нѣтъ. Вотъ и пойдетъ урѣзыванье отъ урочнаго времени изученія обязательныхъ наиважнѣйшихъ предметовъ, и пойдетъ вообще безпорядокъ. И представьте, что ученики, отринувши священную обязанность послушанія начальству и повиновенія узаконенному долгу ученическому, всѣ наложили бы на себя произвольный обѣтъ самостоятельнаго развиванія себя вышеозначеннымъ самодѣльнымъ способомъ;—во что бы тогда обратилась школа? Ее пришлось бы просто закрыть! Но этимъ еще не исчерпывается все зло, которое происходитъ отъ непослушливаго самообученія

и саморазвиванія учениковъ по недозволеннымъ и секретнымъ источникамъ въ школѣ. Суть зла въ томъ, что вмѣсто саморазвитія можетъ выдти саморастлѣніе юныхъ годовъ. До чего тонокъ, сладокъ и скрытъ можетъ быть ядъ въ иной дѣйствительно ученой и серьезной книгѣ, вы и представить себѣ не можете. Васъ обольщаетъ и манитъ къ себѣ собственно оригинальность, свѣжесть и независимость мыслей въ иной книгѣ, и чѣмъ сильнѣе она идетъ въ борьбу съ извѣстными установившимися нравственными, догматическими и соціальными истинами, тѣмъ сильнѣе хочется и обязательнѣе кажется прочесть ее человѣку, сознающему кое-что умное и въ своей головѣ. Это очень понятно и до нѣкоторой степени естественно. Но можете ли вы поручиться за себя, что прочтете эту книгу съ независимой и зрѣлой критикой, сумѣете выдѣлить въ ней добро отъ зла, истину отъ лжи? Напротивъ не повлечетъ ли она васъ за собою неудержимо, такъ что все въ ней будетъ казаться чистой истиной и откровеніемъ свыше, и не засоритъ ли она ваше сердце и умъ различными плевельными сѣменами, которыя взойдутъ разумѣется лучше всякаго добраго сѣмени и быстро принесутъ плодъ по роду своему. Вотъ почему лучше и безопаснѣе всякому учащемуся мальчику и юношѣ, закрывшись щитомъ послушанія начальству и повиновенія долгу, ограждать себя отъ искусительныхъ и ядовитыхъ стрѣлъ запретнаго чтенія, и заниматься усерднѣе прямымъ своимъ дѣломъ, хоть не такъ можетъ быть интереснымъ и заманчивымъ, но несравненно полезнѣйшимъ! Не полагаете ли вы, что запрещая извѣстнаго сорта книги, мы, по кажущейся вамъ отсталости и замоторѣлости въ своихъ традиціонныхъ убѣжденіяхъ, считаемъ все сплошь тьмою и непотребствомъ въ этихъ книгахъ, и съ боязливою брезгливостью даже не велимъ никому и дотрогиваться до этихъ книгъ. Эта была бы смѣшная и наивная ошибка съ вашей стороны. Неблаговременнымъ, поймите вы это, только преждевременнымъ и недосужнымъ считаемъ мы для васъ чтеніе таковыхъ книгъ. Созрѣйте, выучитесь и выростите сначала, тогда все можно и даже должно будетъ вамъ читать. И къ тому времени, когда это случится съ вами, появятся тысячи новыхъ, интереснѣйшихъ и мудрыхъ книгъ,

предъ которыми негодною пожалуй ветошью будетъ казаться то, чѣмъ вы теперь обольщаетесь и ради чего губите свое невозвратимое ничѣмъ учебное время. Однимъ словомъ, будьте болѣе послушны намъ, и вы ничего не проиграете отъ этого въ учебномъ и умственномъ отношеніи. Что же касается области нравственныхъ вашихъ дѣяній, то сколь необходимо здѣсь послушаніе съ вашей стороны, объ этомъ кажется и разсуждать нѣтъ нужды, какъ о дѣлѣ очевидномъ. Сдѣсь шагу нельзя сдѣлать безъ послушанія, ибо всякое нравственно доброе дѣяніе по существу своему есть ни что иное, какъ опытъ подчиненія нашей косной и лѣнивой на все доброе воли закону и волѣ Божіей. Этотъ законъ и воля Божія въ вашемъ ученическомъ и ежедневномъ быту начертана для васъ до мелкихъ подробностей въ нарочито составленной для васъ инструкціи нравственныхъ правилъ. Прочитайте со вниманіемъ эту школьную свою инструкцію и сравните ее съ общехристіанскими предписаніями,—и вы увидите, что по духу и сущности своей это одно и то же. Поэтому то мы и настаиваемъ столь сильно на вашемъ послушаніи, что безъ него вы, собственно говоря, не можете быть нравственны. Иначе сказать: постольку вы и нравственны, какъ учащіеся воспитанники, поскольку намъ послушливы, и наоборотъ—поскольку растетъ и развивается въ васъ самость, строптивость и непокорность, постольку умножаются въ средѣ вашей и случаи дурныхъ дѣяній. Это къ сожалѣнію извѣстно намъ по горькому опыту. Сдѣсь у меня есть опять поводъ сказать нѣсколько нарочитыхъ словъ о вашей самодѣльной морали и самомечтательныхъ планахъ и надеждахъ жить гораздо лучше безъ инструкціи, чѣмъ подъ ея нажимомъ и при нашихъ взысканіяхъ за ея нарушеніе. Отъ васъ же самихъ мнѣ случалось слышать въ откровенныхъ бесѣдахъ (къ слову сказать—опыты этой откровенности вашей мнѣ очень пріятны, и только радовать меня могутъ), что многое нежеланное и непохвальное, что вы сами называете таковымъ, и что мы въ васъ усиливаемся искоренить, ослабѣло бы на половину и даже прекратилось бы само собою, еслибы сняты были всякія запрещенія и дана бы вамъ была свобода руководиться въ нравственной жизни соображеніями и побужденіями. Отчего же

это такъ? спрошу я васъ. Если и вы и мы считаемъ что нибудь непохвальнымъ и небезвреднымъ, что же обиднаго и стѣснительнаго для васъ въ нашихъ запрещеніяхъ и взысканіяхъ относительно этого непохвальнаго и вреднаго? Какимъ образомъ, при совпаденіи нашихъ общихъ желаній и взглядовъ, является такое распаденіе въ вашихъ дѣяніяхъ и поступкахъ? Это что-то подозрительно, и какая-то фальшь слышится въ вашихъ заявленіяхъ. Приходится думать, что вы на зло начальству способны дѣлать кое-что не надлежащее. А если это такъ, то развѣ можно считать искреннимъ и серьезнымъ заявляемое вами якобы свободное отвращеніе ко всему неодобрительному? Я намекаю собственно на такія дѣянія, неодобрительность и нежелательность которыхъ нужно понимать, разумѣется, не въ безусловномъ отношеніи, а только въ дисциплинарномъ и уставно-семинарскомъ; сюда относится наприм. табакокуреніе, неблаговременное шатанье неуказаннымъ путемъ изъ корпуса или изъ квартиръ, небрежливое равнодушіе или нарочитая небрежная шаловливость по отношенію къ казеннымъ принадлежностямъ, противоуставное распоряженіе учебнымъ и неучебнымъ временемъ, и много кой-чего подобнаго наберется. Такъ вотъ вы и говорите, какъ я слышалъ: «пусть снятъ будетъ запретъ на табакокуреніе, и оно сократится на половину, а современемъ и вовсе прекратится. Пусть свободнѣе будутъ входы и выходы изъ общежитія,—и случаевъ секретнаго убѣганья по разнымъ надобностямъ въ неположенное время не будетъ. Пусть щедрѣе и невзыскательнѣе будетъ начальство къ вещамъ и предметамъ, назначаемымъ для пользованья учениковъ, — и они будутъ вѣжливѣе, добросовѣстнѣе, аккуратнѣе и бережливѣе къ этимъ вещамъ и предметамъ и т. д.». Но не говоря уже о томъ, что такія соглашенія и уговоры намъ съ вами не пристали, а насъ бы за нихъ имѣли право сильно осуждать,—что за ручательство такое особенное и что за основаніе имѣли бы мы надѣяться, что непремѣнно такъ и будетъ, какъ вы изображаете? А гдѣ же будетъ ваше послушаніе, которое, какъ мы видѣли, есть корень всякаго добронравія? И можно-ли разсчитывать, что человѣкъ, который не хочетъ слушаться и не умѣетъ повиноваться чужой высшей волѣ, самъ отлично

хорошо управится съ своей юношеской волей? Ни въ какомъ случаѣ! Только одному праведнику, т. е. извѣстному и опытному бойцу добра, *законъ не лежитъ* (1 Тим. I, 9), и онъ обходиться можетъ безъ всякихъ уставныхъ указаній и приказаній. А вамъ еще надо подождать до этого. А если вамъ такъ любезна свобода и столь заманчивымъ и привлекательнымъ представляется жить въ школѣ совершенно, какъ дома; то вы этого легко можете достигнуть, но опять таки подъ условіемъ послушанія. Когда мы увидимъ, что вы считаете обязательнымъ повиноваться нашимъ распоряженіямъ и дѣлаете искренніе опыты этого повиновенія; то увидите и вы, какъ постепенно будетъ слабѣть наша требовательность, а возрастать снисходительность и непринужденность въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и наконецъ вы почувствуете себя совсѣмъ на свободѣ. Дай-то Богъ и вамъ и намъ дожить до этого!

Я долженъ окончить свою бесѣду съ вами указаніемъ еще на одно наивысшее качество, отъ котораго самымъ рѣшительнымъ образомъ зависитъ все то доброе, къ которому я васъ приглашаю и которое должно вѣнчать и ваше терпѣніе и ваше послушаніе,—это богобоязненность или страхъ Божій. Въ немъ-то и и скрывается та могучая сила, которая вдохновляетъ человѣка на всѣ добрые подвиги, въ томъ числѣ и на учебные, и даруетъ ему способность отрѣшаться отъ своей грѣховной самости и подчинять ее долгу и закону; такъ-что неуклонно терпѣливымъ и трудолюбивымъ и вполнѣ послушнымъ и благонравнымъ и можетъ быть только тотъ, въ комъ есть искра страха Божія. Съ этой искрой человѣкъ все дѣлаетъ для Бога и какъ бы предъ очами его, и потому не замѣшиваетъ въ свою нравственную дѣятельность никакихъ личныхъ самолюбивыхъ и страстныхъ отношеній къ людямъ; и потому далѣе — дурны ли хороши ли эти люди, по его личному наблюденію и вкусу, но если они его начальники,—онъ считаетъ беззаконнымъ и грѣшнымъ выходить изъ подчиненія имъ, а тѣмъ болѣе возставать противъ ихъ начальственныхъ правъ, когда они по долгу и совѣсти своей усиливаются вести его къ добру, хотя и не тѣмъ можетъ быть путемъ, какой желателенъ для его личной воли и для его само-

любія. Вотъ вы признаетесь мнѣ, что многое, и по вашему сознанію не желательное, дѣлается между вами потому лишь, что оно запрещено, по одному значитъ молодечеству и школьному удальству. Но если-бы былъ во всѣхъ васъ страхъ Божій, то развѣ могло бы образоваться и долго держаться среди васъ такое упорство? Вѣдь не столько передъ нами грѣшите вы во всѣхъ случаяхъ своего упорства и непослушанія, сколько предъ Богомъ; ибо не изъ нашихъ личныхъ прихотей истекаютъ всѣ наши распоряженія и приказанія, а исходнымъ началомъ своимъ имѣютъ ту же волю Божію, которой угодно, какъ и намъ, чтобы вы творили одно только доброе и благонравное. А что сказать о тѣхъ вашихъ проступкахъ, которые гораздо уже поважнѣе простыхъ дисциплинарныхъ промаховъ, и которыми, я знаю, искренно и сильно гнушаются лучшіе ваши товарищи? Зачѣмъ случаются эти проступки, и даже въ немаломъ количествѣ? Отчего такъ слабъ и трусливъ вашъ товарищескій нравственный судъ надъ дурными личностями изъ вашей среды? Отчего эти личности оказываются нѣкоторой злой деспотической силой, отъ которой робко уклоняется и прячется невинная скромность и добронравіе вашихъ избранниковъ и первенцевъ въ нравственномъ отношеніи? Причина одна—это недостатокъ страха Божія въ вашей массѣ и толпѣ. Если нельзя избѣжать, чтобы въ вашей многолюдной семьѣ, какъ и во всякой, не было уродливыхъ особей; то можно желать и требовать отъ васъ, чтобы эти уродливости были исключеніями, чтобы не опѣ, а благонравные и приличные воспитанники сообщали преобладающій характеръ вашему ученическому обществу, чтобы въ немъ не находило товарищеской поддержки и сочувствія и не оставалось безнаказаннымъ ничто дурное, противозаконное, срамословное, грубое и невѣжественное. Для этого вовсе не требуется, чтобы безукоризненные товарищи доносили и выдавали, такъ сказать, съ поличнымъ своихъ немощныхъ и шатающихъ въ нравственномъ и учебномъ отношеніи товарищей въ руки начальства; это было бы конечно не любовно и не потоварищески, и испортило бы ваши непринужденныя и откровенныя отношенія между собою. Но требуется ваше дѣятельное, хотя домашнее и неоффиціальное, но сильное нрав-

ственное давленіе другъ на друга, могущее съ полнымъ успѣхомъ замѣнить всѣ наши карательныя и исправительныя мѣры. Возможно же это тогда, когда укоренится и разрастется въ васъ самихъ нравственно-богобоязненный элементъ, такъ что вамъ самимъ будетъ претить все непотребное и неблагообразное, а испорченнымъ вашимъ товарищамъ будетъ рисковано и стѣснительно рѣшаться на свои привычныя дѣянія и имя оскорблять ваше нравственное, эстетическое и религіозное чувство. Среди цѣломудренныхъ и невинныхъ—неудобно нескромное и срамное слово. Среди занятливыхъ и трудолюбивыхъ — невесело и неловко лѣнивцу. Среди честныхъ — особенно постыдно посягательство на чужую собственность. Среди скромныхъ—невозможно буйство, и т. д. О еслибы святое сѣмя страха Божія уцѣломудрило васъ всѣхъ и образовало изъ васъ крѣпко-нравственное юное общество! Какое бы прекрасное открылось бы тогда зрѣлище въ нашемъ учебномъ заведеніи, и какъ быстро пошло бы въ немъ все къ лучшему и лучшему! Помоги же вамъ Господь Богъ! Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при гробѣ о. протоіерея—А. И. Розова *).

(20 февраля 1884 г.).

Теперь послушайте вы, говорящіе: сегодня или завтра отправимся въ такой-то городъ, и проживемъ тамъ одинъ годъ, и будемъ торговать и получать прибыль; вы... не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? паръ, являющійся на малое время, а потомъ исчезающій! (Іак. IV, 13—14).

Эти обличительныя слова апостола Іакова, которыя направлялъ онъ въ свое время противъ суетливыхъ міролюбцевъ, безпеч-

*) Напечатано въ 7-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1884 г.

ныхъ богачей и корыстолюбивыхъ торгашей, всѣ мы, предстоящіе братія и сестры, до нѣкоторой степени должны принять на свой счетъ—именно теперь, стоя возлѣ сего гроба, вмѣщающаго въ себѣ останки собрата нашего, такъ неожиданно для насъ и такъ внезапно для него самого похищеннаго смертью. Ибо ежедневная суетливая и мятежная жизнь наша, пополамъ съ грѣхомъ переплетенная и движущаяся большею частью къ тѣлеснымъ и мелкимъ, а то и прямо къ грѣшнымъ цѣлямъ, походитъ дѣйствительно на суетливый и шумный базаръ, а мы всѣ, едва помнящіе о своемъ высшемъ назначеніи и почти постоянно забывающіе о небѣ, своемъ истинномъ отечествѣ, ради земли—этой временной нашей ~~гостиницы~~,—всѣ мы, говорю, походимъ болѣе или менѣе на ~~хлопотливыхъ торгашей~~, гоняющихся за мелочами жизни и оставляющихъ въ пренебреженіи самое главное и существенное, что собственно и даетъ цѣну нашему существованію на землѣ и чѣмъ могли бы мы купить блаженную жизнь въ вѣчности. Теперь послушайте вы, какъ бы такъ говорилъ апостолъ, вы остающіеся до времени въ живыхъ странники и гости земные, случайно столпившіеся въ сіи минуты возлѣ мертвенныхъ останковъ внезапно заснувшаго могильнымъ сномъ собрата вашего, вы—постоянно мятущіеся на жизненномъ поприщѣ своемъ и вѣчно волнующіеся то тѣмъ, то другимъ, но всего рѣже своею будущею великою судьбою за гробомъ, послушайте этой безмолвной, но краснорѣчивѣйшей проповѣди, идущей изъ сего гроба и раздающейся изъ устъ, такъ сказать, самой смерти о томъ, что образъ житія вашего на земли не таковъ, какому бы слѣдовало быть у разумныхъ, непрерывно бдящихъ и трезвенныхъ рабовъ Господнихъ, готовыхъ и въ полунощи внезапно грядущаго Господа своего встрѣтить со свѣтильниками крѣпкой вѣры и съ обильными дѣлами любви и благочестія. Поймите хоть теперь и объимите сердцемъ, какъ тихо и быстро можетъ угаснуть жизнь ваша, подобно пару являющемуся на малое время,—а отъ вашихъ суетливыхъ плановъ и расчетовъ земныхъ что останется?

Да, братія и сестры, много грустныхъ и суровыхъ уроковъ даетъ намъ смерть каждаго знакомаго и близкаго намъ человѣка!

Тѣ истины горькія, которыя мы въ обыкновенное время стараемся отдалить отъ своего сознанія, напримѣръ—что смерть неизбѣжна для всѣхъ насъ, что удовольствія тѣлесныя и блага мірскія обращаются въ ничто въ концѣ нашей жизни, что бременемъ тяжкимъ отяготѣютъ на душѣ нашей земныя и грѣшныя привычки наши, когда позваны будемъ мы на судъ передъ Господа,—всѣ эти горькія и страшныя истины при видѣ бездыханнаго трупа всякій разъ невольно сжимаютъ сердце наше, какъ бы ни было пристрастно оно къ землѣ и какъ бы ни сильно рвалось оно прочь отъ ужасовъ смертныхъ. Но урокъ, который мы слышимъ сегодня, и именно у сего гроба, содержитъ нѣчто особенно грустное и непріятное для нашего животолюбія и для нашей безпечности грѣховной. Что умереть намъ должно всѣмъ рано или поздно,—съ этимъ мы, хоть и весьма неохотно, соглашаемся и возраженій противъ этого не дѣлаемъ; но что умремъ мы завтра, а можетъ быть нынче, даже сейчасъ или сію минуту,—это намъ представляется совершенно невѣроятнымъ, и самую мысль объ этомъ мы прочь гонимъ, и пересчитывая въ своихъ воспоминаніяхъ знакомые намъ случаи внезапныхъ и неожиданныхъ смертей, себя мы рѣшительно исключаемъ и обходимъ въ этомъ счетѣ, и считаемъ какъ-бы застрахованными отъ такихъ страшныхъ внезапностей. На какомъ же основаніи? Не на томъ ли единственно, что случаи внезапныхъ смертей, по милости Божіей, сравнительно рѣдки? Такъ. Но почему же всѣ другіе, только не мы должны опасаться этихъ сравнительно рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе страшныхъ случайностей? Вотъ и почившій собратъ нашъ поистинѣ могъ бы сказать теперь словами церковной пѣсни: «*вчерашній день бесѣдовахъ съ вами*, не собираясь умирать,—и внезапу найде на мя оный страшный часъ смертный»!

Что же такое за особенное увѣреніе носимъ въ себѣ мы, чтобы считать свою смерть не за плечами у себя, а за горами? Развѣ настолько мы богаты здоровьемъ и настолько вообще крѣпокъ нашъ тѣлесный составъ, чтобы во всякое время могъ выдержать онъ и вынести разрушительное вліяніе стихій, приразившееся къ намъ отъ какой-нибудь нашей неосторожности, или просто отъ непредвидѣнной нами и независящей отъ насъ несчастной и не-

благопріятной случайности? Настолько ли мы мудры, благоразумны и проницательны, чтобы предусмотрѣть всѣ таковыя случайности, и на всякій разъ оградить себя отъ нихъ? На столько-ли мы—далѣе—ведемъ правильную, безукоризненно-нравственную и вполнѣ сообразную съ законами богоподобной нашей природы жизнь, чтобы таящееся въ насъ беззаконное сѣмя, съ которымъ мы зачинаемся, и грѣхъ, въ которомъ рождаемся, не могли внезапно вспыхнуть отъ какого-нибудь нашего страстнаго увлеченія и сокрушить наши бренныя силы духа и тѣла? Наконецъ—настолько ли мы стяжали своими добродѣтелями милость и любовь Господа Бога, чтобы носить въ сердцѣ своемъ несокрушимую увѣренность, что провидѣніе Его на всякое время и на всякій часъ сохранитъ насъ яко зеницу ока, что душа наша будетъ *завязана въ узлѣ жизни у Господа Бога*, по выраженію Писанія, а не *броситъ Онъ ее какъ бы пращею* (1 Цар. XXV, 29) въ урокъ и примѣръ небрежнымъ, безпечнымъ и лѣнивымъ грѣхолюбцамъ? Рѣшить всѣ эти вопросы должна бы сейчасъ же и сію минуту совѣсть каждаго изъ насъ, чтобы знать намъ и вѣдать, имѣемъ ли мы твердое и серьезное право, или нѣтъ, считать себя безопасными отъ смертныхъ внезапностей. «О, Боже, Боже нашъ, кто изъ насъ доволенъ къ симъ»! вотъ, мнѣ кажется, самый естественный и самый правильный отвѣтъ, который только мы и можемъ дать на всѣ вышеозначенные вопросы. Если мы еще живы и существуемъ на землѣ, не смотря на свои премногіе грѣхи и беззаконія; то единственно потому, что еще не лишаешь ты, Господи, насъ своей благодати. Но лишь только отвратишь милосердное лице свое отъ насъ,—и мы исчезнемъ и въ персть свою возвратимся». Вотъ какимъ покаяннымъ воплемъ, мнѣ кажется, должно откликнуться и вздохнуть сердце наше на всѣ вопросы нашей совѣсти по поводу грустныхъ думъ, навѣянныхъ у гроба сего!

Но не все говорить о себѣ; не можетъ обойтись безъ слова любви и утѣшенія и о самомъ почившемъ наша братская о Христѣ любовь къ нему, столь сильно и скорбно пораженная его внезапнымъ удаленіемъ изъ среды живыхъ и переселеніемъ въ область безсмертныхъ духовъ. Что сіе, еже о немъ, бысть таин-

ство? Почему именно съ нимъ приключилась та страшная неожиданность, о которой мы только что разсуждали, отъ которой съ болѣзненнымъ смущеніемъ отвращается сердце наше, и о которой сожалѣетъ наша любовь къ почившему, столь памятному для насъ кроткими и добродушными чертами своего характера, искреннею вѣрою въ Христа Спасителя, смиреннымъ благоговѣніемъ передъ святою церковію православною, доброжелательными и незлобивыми отношеніями къ своимъ ближнимъ, и многими другими поистинѣ прекрасными и достолюбезными качествами, украшавшими его какъ человѣка вообще, и какъ пастыря духовнаго въ частности? Поистинѣ не можемъ мы понять таинственнаго смысла совершившагося надъ собратомъ нашимъ событія, и потому весь судъ о немъ предоставимъ единому милосердному сердцевѣдцу—Богу. Не можемъ однакоже не припомнить здѣсь для своего успокоенія одного евангельскаго событія. Однажды пришли ко Спасителю нѣкоторые люди и разсказали Ему о Галилеянахъ, кровь которыхъ внезапно пролита была по жестокосердному распоряженію Пилата. *Іисусъ сказалъ имъ на это: не думаете ли вы, что эти Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ Галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ!.... Или думаете ли, что тѣ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ, живущихъ во Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю, вамъ!* Какъ же именно училъ Господь разсуждать о судьбѣ сихъ, такъ безвременно и внезапно отошедшихъ въ вѣчность людей? Весь судъ объ этомъ Господь предоставилъ себѣ, а для насъ извлекъ изъ этихъ случаевъ и предложилъ одно только назиданіе, чтобы мы грѣшные были какъ можно осторожнѣе и были бы готовы во всякое время испить чашу смерти, дабы предстать неповинными на судъ Господень. *Но если не покаетесь*, училъ Господь, *всѣ также погибнете* (Лук. XIII, 1—5). Это значитъ, что мы должны не столько предаваться разсужденіямъ объ участи и судьбѣ другихъ и осужденіемъ ихъ дѣяній, сколько должны быть озабочены своею собственною участью, которая можетъ быть и хороша и худа, и блаженна и плачевна, судя по нашимъ дѣяніямъ и заслугамъ на землѣ. А примѣры и

случаи внезапныхъ позывовъ въ вѣчность изъ сей кратковременной и тлѣнной жизни должны располагать насъ къ непрерывному трезвленію и бодрствованію духовному. Такъ мы и поступимъ въ настоящемъ скорбномъ случаѣ. Предавъ въ руцѣ милосерднаго Господа судьбу новопреставленнаго раба Божія протоіерея Алексія, прольемъ о немъ горячую молитву, да покрыетъ Господь своимъ милосердіемъ всѣ вольныя и невольныя согрѣшенія его. Мы имѣемъ крѣпкое упованіе на милость Божію для почившаго; ибо съ кроткимъ и добродушнымъ, каковъ былъ почившій, неужели не будетъ поступлено кротко и на милосердномъ судѣ Господнемъ? Имѣвшаго крѣпкую и живую вѣру въ Господа Спасителя неужели отринетъ онъ, самъ сказавшій: *вѣрующій въ меня имѣетъ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 47)? Пастыря добраго, смиреннаго и благоговѣйно простиравшаго руки свои предъ трапезою Господнею для таинственнаго священнодѣйствія тѣла и крови Господней неужели отринетъ Господь, самъ сказавшій о Себѣ: *Я хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ*; *ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ*; *хлѣбъ же, который я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра* (Іоан. IV, 51)? Раба Божія, чуждаго всякой лести и своекорыстнаго искательства, самоуничиженно смирявшаго себя предъ всѣми и нелицемѣрно возносившаго другихъ предъ собою, какъ это дѣлалъ почившій, неужели не вознесетъ Господь во спасеніе и не откроетъ предъ нимъ двери своихъ небесныхъ чертоговъ? Да не будетъ!... Сами же мы, братія и сестры, молясь съ любовью о почившемъ собратѣ нашемъ, будемъ наблюдать непрестанно, како опасно ходимъ и мы сами, какъ лукавы скоротечные дни нашей жизни, и какъ неожиданно можемъ мы очутиться у края собственной своей могилы. И потому съ усиленнымъ чувствомъ и колѣнопреклоненнымъ усердіемъ будемъ молиться съ святою церковью, да даруетъ намъ Христосъ Господь христіанскую кончину живота нашего, безболѣзненну, непостыдну, мирну, и да сподобитъ насъ добраго отвѣта на страшномъ судищи своемъ. Аминь.

СЛОВО

въ день вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича *).

(15 мая 1884 г.).

Христосъ воскресе!

Примѣчательный и въ высшей степени характерный случай изъ проповѣднической дѣятельности великаго учителя языковъ св. апостола Павла предлагаетъ нашему вниманію нынѣшнее чтеніе изъ богодухновенной книги «Дѣяній Апостольскихъ». Случилось ему быть въ городѣ Аѳинахъ, знаменитомъ центрѣ тогдашней греческой образованности, въ городѣ переполненномъ учеными людьми всѣхъ научныхъ отраслей,—знаменитыми философами, великими ораторами, извѣстнѣйшими поэтами, и проч... Когда впервые раздалась здѣсь проповѣдь Павлова о Христѣ Спасителѣ и его ученіи, она тотчасъ же сдѣлалась предметомъ горячихъ словопреній между эпикурейскими и стоическими философами, и возбудила въ Аѳинянахъ повидимому живѣйшій интересъ къ самому предмету проповѣди; такъ что ученые аѳинскіе мужи пригласили новоприбывшаго христіанскаго учителя въ самый ареопагъ, т. е. въ высшее ученое свое общество, и сказали ему: *можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. Поэтому хотимъ знать, что это такое* (Дѣян. XVII, 19. 20). Тогда полилась вдохновенная рѣчь великаго апостола. Похваливъ Аѳинянъ за особенную нѣкоторую набожность, въ силу которой они въ своемъ городѣ исполненномъ статуй, изображавшихъ всевозможныя божества, воздвигли жертвенникъ нѣкоему и «невѣдомому Богу», св. Павелъ объявилъ, что объ этомъ-то до сихъ поръ невѣдомомъ для язычниковъ Богѣ, онъ и хочетъ проповѣдывать въ Аѳинскомъ ареопагѣ. Затѣмъ предложивъ основныя и чистыя понятія о божествѣ и вкратцѣ изложивъ исто-

*) Напечатано въ 11 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1884 г.

рію богоправленія и домостроительства спасенія рода человѣческаго, онъ перешелъ въ своей проповѣди къ совершителю нашего спасенія Господу Іисусу Христу — Сыну Божію, имѣющему судить нѣкогда всю вселенную, и въ заключеніе своей проповѣди остановился на величайшемъ событіи въ земной жизни Богочеловѣка, именно на его славномъ воскресеніи изъ мертвыхъ. Умолкъ великій благовѣстникъ христіанства, и какіе же оказались плоды его апостольства въ ученой аѳинской средѣ? Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни не стѣснились грубо насмѣяться надъ нимъ, а другіе съ уклончивой и пренебрежительной ироніей сказали ему: *объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время. Итакъ Павелъ вышелъ изъ среды ихъ,* замѣчаетъ книга Дѣяній Апостольскихъ. Лишь *нѣкоторые мужи, приставъ къ нему, увѣровали,* и въ числѣ этихъ увѣровавшихъ оказался даже одинъ изъ членовъ ареопага Діонисій, и нѣкая благородная женщина Дамарь (Дѣян. XVII, 32. 33. 34). Чѣмъ объяснить столь слабое вліяніе на ученую аѳинскую среду вдохновенной апостольской проповѣди, покорявшей Христу цѣлые города и веси? Среди многихъ другихъ причинъ, та же священная книга Дѣяній Апостольскихъ открываетъ намъ одну слѣдующую: *Аѳиняне же всѣ и живущіе у нихъ иностранцы ни въ чемъ охотнѣе не проводили время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать что нибудь новое* (XVII, 21). Этими словами обозначается нѣкоторое мелкое и поверхностное направленіе умовъ, жаждущее не умственнаго труда, а только умственныхъ развлеченій и пріятныхъ раздраженій любопытства одною только новизною рѣчей, оригинальностію и смѣлостію сужденій, — направленіе не умѣющее и не любящее углубляться въ многообъемлющую сущность вещей и не привыкшее слушать истину, откуда бы она ни шла и чтобы ни говорила, хотя бы нѣчто горькое и совершенно не согласное съ облюбленными мнѣніями, нажитыми вкусами и укоренившимися пристрастіями. Такое жалкое направленіе, совершенно несоотвѣтствующее характеру истинной, т. е. глубокой и многообъемлющей образованности, можетъ образоваться отъ двухъ противоположныхъ причинъ: либо отъ недостаточности, отрывочности и вообще скудости познаній у человѣка, не успѣвшаго за-

пастись ими въ благопріятную и юную пору своего предварительнаго обученія и воспитанія; либо наоборотъ—отъ умственнаго такъ сказать пресыщенія, когда человѣкъ бываетъ подавленъ массою разнородныхъ знаній, льющихся отовсюду въ его голову, но которыхъ онъ надлежащимъ образомъ переварить и усвоить не можетъ или по природному безсилію своего ума, или опять вслѣдствіе неблагоустроенности его предварительнаго воспитанія, научившаго его жить не всѣми сторонами и силами душевными, а только одной какой нибудь, напр. головной и умственной, когда при этомъ сердечная и практическая сторона остается у него въ забытьи и заброшенности.

Отъ чего бы впрочемъ ни происходило такое умственное состояніе и направленіе, какъ у Аѳинянъ въ апостольскія времена, это состояніе въ высшей степени неблагопріятно для насажденія и распространенія истинныхъ и здравыхъ понятій преимущественно въ религіозно-нравственной области. Дѣтской простоты и вѣры и доброй воспріемлемости ума для сверхъ-опытныхъ и небесныхъ истинъ религіи нельзя искать въ людяхъ съ такимъ направленіемъ; въ нихъ напротивъ всегда примѣчается наклонность къ невѣрію, насмѣшливое и презрительное отношеніе ко всему духовному, и при этомъ масса самомнительности и киченія своими познаніями при дѣйствительной незрѣлости и даже умственномъ убожествѣ. Если еще при этомъ и сердце бываетъ засорено у такихъ людей разными грѣховными пристрастіями и похотями, то они поистинѣ представляютъ изъ себя самую каменистую и поэтому самую неблагодарную почву для проповѣдниковъ и сѣятелей слова Божія. Это и доказали своимъ примѣромъ Аѳиняне съ своею измельчавшею и поверхностною ученостію, то подвергавшіе сомнѣнію и отрицательной критикѣ всѣ умственныя пріобрѣтенія временъ предшествующихъ, то оставя всякую философію—утопавшіе въ чувственныхъ удовольствіяхъ и въ самомъ утонченномъ развратѣ, то предаваясь самому мрачному отчаянію—отвергавшіе всякій смыслъ и цѣль самой жизни человѣческой и проповѣдовавшіе одно только безстрастное и тупое терпѣніе и даже самоубійство. Поэтому въ словѣ Божіемъ мудрость человѣческая, всегда почти страждущая указанными недостатками, изо-

бражается какъ нѣчто суетное, малоцѣнное и даже враждебное религіозной истинѣ. Такъ апостолъ Павелъ говоритъ: *никто не обольщай самого себя. Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, то будь безумнымъ, чтобъ быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: уловляетъ мудрыхъ въ лукавствѣ ихъ. И еще: Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны* (1 Кор. III, 18 — 20). А какъ случилось самое обновленіе міра, когда на помощь человѣчеству, погибавшему и въ умственной и нравственной тьмѣ, самолично явился на землѣ самъ Сынъ Божій? Вотъ какъ: *когда міръ своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей*, говоритъ тотъ же богодухновенный апостолъ Павелъ, *то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ* (1 Кор. I, 21); а проповѣдь шла о Мессіи и Богочеловѣкѣ распятомъ, т. е. о томъ, что для Іудеевъ было прямымъ соблазномъ, а для ученыхъ еллиновъ явнымъ безуміемъ. Что жъ однако изъ всего этого вышло? То, что слово крестное возобладало надъ всѣмъ міромъ и его преобразовало: *гдѣ же* оказался *мудрецъ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего? не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе* (1 Кор. I, 20). Поистинѣ такъ! И изъ мудрецовъ мірскихъ оказалась лишь самая малая часть въ числѣ спасаемыхъ и вѣрующихъ, такъ что св. апостолъ Павелъ имѣлъ полное право съ грустію говорить своимъ ученикамъ: *посмотрите, братія, кто вы призванные: не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ. Но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное. И незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее* (ст. 26—28. 1 Кор. I гл.). Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ славословилъ Отца своего небеснаго за то, что тайны принесенной съ неба премудрости евангельской утаены были отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открыты младенцамъ по сердцу и душѣ (Лук. X, 21).

Переходя теперь мыслію нашею отъ древнихъ апостольскихъ временъ ко времени настоящему, и отъ народовъ иноплеменныхъ

къ нашему собственному отечеству, нельзя съ грустію не примѣтить, что и у насъ есть великое число людей, то равнодушно, то насмѣшливо, а то и прямо враждебно относящихся къ христіанскому вѣроученію. Этимъ людямъ желалось бы научить насъ всѣхъ чему-то новому, недавно ими открытому и по ихъ мнѣнію несравненно болѣе разумному, чѣмъ все то, предъ чѣмъ мы привыкли преклоняться и благоговѣть, какъ предъ высочайшей истиной. Какъ нибудь урезонить этихъ мнимо-ученыхъ и образованныхъ людей и дать имъ почувствовать, что чѣмъ новѣе основные пункты ихъ міросозерцанія, тѣмъ они дальше отъ истины, и чѣмъ современнѣе ихъ философія, тѣмъ она фальшивѣе,—сдѣлать это почти нѣтъ никакой возможности. Гордо прикрываясь своею недосягаемою ученостію, и ссылаясь на выводы и открытія науки, они презрительно отвергаютъ, какъ не заслуживающее вѣроятія, все несогласное съ этими выводами, хотя они — эти выводы и открытія нерѣдко бываютъ лишь предположительнаго и притомъ самаго темнаго характера, и составляютъ еще предметъ горячихъ споровъ между самыми учеными знаменитостями. Попробуйте заговорить съ ними напримѣръ о Господѣ Богѣ языкомъ библіи и евангелія, о томъ, что Господь есть личный, всемогущій и ни отъ кого независимый творецъ вселенной, промышляющій о ней во всѣхъ ея подробностяхъ и частностяхъ, радѣющій какъ отецъ о всѣхъ неразумныхъ тваряхъ и въ особенности о людяхъ, созданныхъ по образу и по подобію его,— и они съ высокомѣрнымъ невѣріемъ замѣтятъ вамъ: «что-то странное и неосновательное ты влагаешь въ уши наши»! Поведите рѣчь объ отвѣтственной свободѣ человѣка, о его безсмертной душѣ, о будущей вѣчной жизни, гдѣ предстоитъ самый строгій и справедливый расчетъ людямъ за всѣ ихъ земныя дѣянія,— и наши ученые и умные люди современные съ снисходительнымъ пренебреженіемъ можетъ быть отвѣтятъ, какъ апостолу Павлу аѳинскіе ученые: «объ этомъ послушаемъ тебя въ другой разъ»! Грустнѣе всего то, что легкомысленная холодность къ вѣрѣ Христовой и отрицаніе ея догматовъ, дѣятельно распространяемыя горделивыми и заблуждающимися представителями новѣйшей мнимой науки, не желаютъ царить въ одной научной области и скры-

ваться только въ ученыхъ книгахъ, а даютъ себя чувствовать самыми прискорбными и вредными послѣдствіями въ нравственномъ настроеніи читающихъ и слушающихъ массъ общественныхъ. Можно сказать, что всѣ современныя общественныя беззаконія и преступленія, и политическія и гражданскія, первоначальнымъ источникомъ и корнемъ своимъ имѣютъ нынѣшнее противурелигіозное и противухристіанское направленіе мысли общественной. И какое въ самомъ дѣлѣ можетъ быть уваженіе къ закону, повиновеніе установленнымъ властямъ, радѣніе о благѣ ближняго, какая вообще честность и нравственность тамъ, гдѣ отсутствуютъ страхъ Божій и поколеблены самыя основы нравственности грубой матеріальной философіей, которая отрицаетъ безсмертіе души человѣческой, а самого человѣка приравниваетъ и по его природѣ и по назначенію къ безсловеснымъ животнымъ, которая вмѣсто личнаго Бога проповѣдуетъ какія-то слѣпыя и безграничныя силы природы, и вообще все сверхчувственное и духовное покрываетъ густой тьмой, подвергая сомнѣнію и отрицанію? Надо молиться Господу, чтобы не плодилась и не множилась у насъ такая гнилая наука и малоцѣнная философія.

Но конечно надо намъ и мѣры какія нибудь употреблять противъ столь гибельнаго и ядовитаго зла. Какъ же надо дѣйствовать и что предпринять? Не придавить ли вовсе науку, не сократить ли до самаго меньшаго кругъ образованныхъ людей, и не наложить ли запрещеніе на всякія вообще самостоятельныя умственныя попытки? Такой именно несправедливый, нерасчетливый и неразумный характеръ люди неблагонамѣренные и силятся навязывать властнымъ распоряженіямъ нашихъ блюстителей общественной вѣры и нравственности, когда они вынуждены бываютъ полагать нѣкоторый предѣлъ зазнающейся мнимой учености и оградить хотя нѣсколько православный русскій народъ отъ явнаго соблазна, мутнымъ потокомъ льющагося изъ устъ людей, переполненныхъ этой нескромной, гнилой и фальшивой ученостью. Не здѣсь и не намъ разсудить эту прю между своеволіемъ и долгомъ, между страстями и закономъ, между людьми мнящимися быть жрецами науки и воспитателями народныхъ массъ и между людьми, поставленными самимъ Богомъ блюсти

истинное народное благо. Но мы чувствуемъ на себѣ обязанность возвѣстить вамъ, православные христіане и любезные соотечественники, что зло отнюдь не въ знаніи, и что здравая и зрѣлая наука можетъ быть даже усердной пособницей и покорной служительницей религіи. Потому то одинъ изъ древнихъ и ученѣйшихъ отцевъ церкви философію и вообще здравую науку называлъ даже руководительницей ко Христу (св. Климентъ Александрійскій). Зло въ томъ, какъ мы сказали выше, когда человѣкъ или не зрѣлъ и насчетъ многаго не имѣетъ основательныхъ знаній, а ему кажется, что онъ стоитъ наверху научнаго вѣдѣнія; или когда онъ дѣйствительно знаетъ много, но не имѣетъ руководительнаго свѣточа, когда онъ пресыщенъ и подавленъ обиліемъ своихъ знаній, но не въ силахъ разобраться между ними, не знаетъ на чемъ ему сосредоточиться, и потому съ жадностію бросается на все новое, надѣясь въ этомъ новомъ найти свой свѣточъ и свою умственную точку опоры. Такъ было въ древности съ аѳинскими учеными, такъ бываетъ и съ нашими. Слѣдовательно наша первая забота должна состоять отнюдь не въ томъ, чтобы придавлена была наука, а напротивъ, чтобы создана была и расширена у насъ здравая и основательная наука, и чтобы какъ можно меньше выходило бы изъ нашихъ школъ полуобразованныхъ и недоученыхъ людей. Изобрѣтать для этого мѣры и средства лежитъ конечно первая и отвѣтственная забота на правительствѣ; но и на насъ лежитъ священная обязанность помогать ему нашимъ сочувствіемъ, нашею покорностію его планамъ, а не мѣшать противоборствомъ, кривотолками и раздраженною критикою его распоряженій, имѣющихъ цѣлію поставить наше научное образованіе на серьезную и здравую стезю, хотя быть можетъ и съ сокращеніемъ нѣкоторыхъ вольностей и льготъ учебныхъ, пользоваться и злоупотреблять которыми пріобыкли у насъ столь многіе охотники изъ недозрѣлыхъ, лѣнивыхъ и даже слабоумныхъ людей. Надо горячо молиться намъ, чтобы Господь умудрилъ и вразумилъ вождей и представителей нашей науки, и открылъ имъ истинныя и вѣрныя средства къ усовершенствованію ея въ нашемъ обществѣ, и въ то же время далъ бы имъ силу и бодрость неуклонно идти къ предположен-

ной цѣли, не смотря ни на какія враждебныя противодѣйствія, на крики и вопли людей неблагонамѣренныхъ и самолюбивыхъ, или же только заблуждающихся насчетъ истинныхъ мѣръ къ преуспѣянію нашего отечественнаго просвѣщенія.

Второю нашею заботою должно быть то, чтобы въ обществѣ нашемъ былъ достаточно обиленъ и достаточно ярко горѣлъ тотъ свѣточъ божественный, во свѣтѣ котораго и можетъ только узрѣть свѣтъ сама наука и мудрость человѣческая,—иначе сказать: чтобы побольше было въ нашихъ храмахъ науки и во всѣхъ насъ богобоязненности, религіозности и истекающей отсюда нравственной чистоты и добронравія. Обыкновенно думается, что упадокъ нравственности въ обществѣ и развитіе въ немъ пороковъ происходитъ отъ недостатка въ обществѣ научнаго образованія и просвѣщенія. Правда, невѣжество сильно благопріятствуетъ порочности; но еще болѣе правда, что и на оборотъ—эта порочность, это отсутствіе страха Божія и развращенность сердечная имѣетъ весьма гибельное вліяніе и на самую умственную область человѣка, заноситъ порчу и гниль въ его убѣжденія, и такимъ образомъ возвратно дѣйствуетъ на самую науку человѣческую, и можетъ давать ей даже превратное направленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если на нашихъ глазахъ такъ много примѣровъ, что обуявшая человѣкомъ страсть внушаетъ ему соотвѣтственныя мысли и слова, и что сердечныя склонности человѣка создаютъ ему убѣжденія, то мы съ полнымъ правомъ и съ большимъ вѣроятіемъ можетъ сдѣлать такое предположеніе: «будь люди богобоязненнѣе, религіознѣе и чище по нравственности, тогда несомнѣнно свѣтлѣе былъ бы ихъ умъ, а слѣдовательно и ярче горѣлъ бы у нихъ свѣточъ научный, шире было бы ихъ просвѣщеніе, и можетъ быть въ неизмѣримое число разъ быстрѣе бы пошло все вообще умственное развитіе человѣческихъ обществъ». Отсюда вытекаетъ наша прямая обязанность: прочно устроить и упорядочить себя въ нравственно-религіозномъ отношеніи. Этимъ мы можемъ оказать наилучшее содѣйствіе правительству въ его заботахъ и мѣропріятіяхъ къ преобразованію и очищенію научной области въ нашемъ отечествѣ, и къ поднятію въ немъ уровня здраваго просвѣщенія. Содѣйствіе наше будетъ

повидимому не прямое и отдаленное отъ научнаго дѣла, но тѣмъ не менѣе живое и дѣйственное. Если мы пріучимъ плѣнять во-первыхъ свой разумъ въ послушаніе разуму Божію и откровеннымъ истинамъ вѣры и устроимъ свою жизнь по евангелію, если потомъ успѣемъ зажечь искру страха Божія въ дѣтяхъ нашихъ, если возревнуемъ, чтобы горѣла и разгоралась эта святая искра во всѣхъ нашихъ учащихся воспитанникахъ и юношахъ, то этимъ мы приготовимъ новыя и лучшія сѣмена для насажденія у насъ здравой и истинной науки, и приготовимъ для нея плодотворную почву. Возращенные на этой почвѣ и воспитанные въ страхѣ Божіемъ, подъ нашимъ руководствомъ и на нашихъ глазахъ, новые дѣятели науки можетъ быть узрятъ истинный свѣтъ во свѣтѣ Божіемъ, и озарятъ своими благотворными научными трудами многія темныя доселѣ стороны человѣческой жизни, и такимъ образомъ окажутся не противниками, а дѣятельными сотрудниками богооткровенной религіи Христа Спасителя и учрежденной Имъ на землѣ церкви, этой благодатной и таинственной воспитательницы человѣческихъ обществъ.

Наши труды и усилія, направленные къ этой благородной и святой цѣли, будутъ конечно самымъ дорогимъ вѣрноподданническимъ приношеніемъ отъ насъ благочестивѣйшему Монарху нашему, и совершенно совпадутъ съ его царственными заботами о благѣ дорогаго отечества нашего. Среди этихъ заботъ конечно не можетъ быть для него выше и отвѣтственнѣе какъ та, чтобы народъ его былъ въ то же время поистинѣ и народомъ Божіимъ, т. е. шелъ бы въ своемъ развитіи прямымъ и истинно-человѣческимъ путемъ,—именно путемъ гражданской чести, доброй нравственности и религіи, и чтобы образованные и научные классы общества были въ этомъ отношеніи благодѣтельно руководственными и истинно просвѣтительными классами для остальнаго народа. Когда онъ, годъ тому назадъ, возлагалъ на себя царскій вѣнецъ, и предъ престоломъ Божіимъ и вслухъ народа своего исповѣдывалъ свою непоколебимую рѣшимость употребить всѣ свои силы на благо ввѣреннаго ему обширнаго русскаго царства: то вмѣстѣ съ симъ призывалъ къ содѣйствію себѣ и въ благоноспѣшеніе своимъ царственнымъ трудамъ и весь свой христо-

любивый и православный народъ русскій. О, если бы въ возрожденіи и всеобщемъ поднятіи нашего народнаго духа, въ нашей святой ревности по вѣрѣ и благочестію христіанскому, поскорѣе осуществились ожиданія и надежды августѣйшаго отца нашего возлюбленнаго отечества! Самое прочное и самое широкое народное благо было бы тотчасъ же отыскано, и началось бы осуществляться на нашихъ же глазахъ. «Господи, силою Твоею да возвеселится царь нашъ, и о спасеніи твоемъ да возрадуется зѣло! Желанія сердца его даждь ему, и хотѣнія устенъ его— не лиши его»! Аминь.

СЛОВО

въ день Успенія Божіей Матери.

(15 августа 1884 г.).

Воспоминая сегодня блаженное успеніе пресвятой Богородицы, мы должны, по мысли и намѣренію св. церкви православной, вопервыхъ прославить праздничными и хвалебными пѣснями отошедшую отъ насъ видимо, но и въ успеніи своемъ насъ неоставляющую Матерь Господа нашего, а вовторыхъ — ликовствующимъ духомъ своимъ подвигнуться къ тому, чтобы укрѣпить и усилить наше единеніе съ нею черезъ посильное подражаніе ея богоподобнымъ качествамъ. Въ первомъ дѣлѣ руководила и руководствуетъ насъ сама Христова церковь, оглашая слухъ нашъ разнообразными священными гимнами, которые составлены богомудрыми мужами и пѣснопѣвцами въ похвалу и честь Матери Божіей, вошедшей, послѣ успенія своего на землѣ, въ неизреченную и вѣчную славу божественнаго Сына своего на небѣ. Во второмъ дѣлѣ поруководить васъ, братія и сестры о Христѣ, лежитъ обязанность на насъ, вашихъ пастыряхъ духовныхъ. Какое же качество чистѣйшей души богоматерней избрать намъ для сегоднешняго слова, чтобы научиться подражать ей? Дивны

и многочисленны эти качества. Нѣтъ добродѣтели, нѣтъ ни одного вида ея или оттѣнка, которой высочайшимъ образцомъ не была бы пренепорочная Матерь Господа нашего.

Все, что мы знаемъ о ней изъ священныхъ книгъ или изъ преданія церковнаго, все достойно нашего всецѣлаго подражанія и глубочайшаго благоговѣнія. Хотимъ ли мы стяжать вѣру въ Господа Бога и преданность Его св. волѣ, хотимъ ли научиться терпѣнію, возревнуемъ ли о христіанскомъ смиреніи, возжелаемъ ли украситься чистотой и цѣломудріемъ души и тѣла, рѣшимся ли обучить себя иной какой либо добродѣтели, — во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны взирать на свѣтоносный ликъ пречистой дѣвы Маріи, и изъ ея жизни заимствовать правила для своей жизни и для своего поведенія. Но иногда устрашаетъ насъ высота образца и наша чрезмѣрная отдаленность отъ него по нашимъ немощамъ душевнымъ, а съ другой стороны наше мірское и многомятежное положеніе въ жизни, тысячами нитей насъ привязывающее къ землѣ съ ея нуждами, огорченіями, трудами, а равно и съ развлекающими удовольствіями, и вообще съ ея суетой. Иногда думается по этому поводу, что мірскіе люди, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, могутъ достигать только до невысокихъ степеней нравственнаго совершенства, и что для нихъ обязательна и возможна только подходячая имъ особаго рода и, такъ сказать, низшаго качества добродѣтель.

Въ этихъ разсужденіяхъ много несправедливаго, но есть нѣчто и справедливое. Что для мірскихъ людей закрытъ доступъ къ высшимъ степенямъ нравственнаго совершенства—это несправедливо. Изъ сказаній о житіяхъ святыхъ мы знаемъ много совершенно обратныхъ примѣровъ, такъ что святые пустынники и отшельники посылаемы были голосомъ Божіимъ учиться инымъ добродѣтелямъ у мірскихъ рабовъ и рабынь Божіихъ. Но что есть все-таки нѣкоторые высшіе совѣты евангельскіе для избранныхъ и довлѣющихъ къ сему подвижниковъ Христовыхъ, не обязательные для прочихъ послѣдователей Его, — это справедливо; что не всѣ, даже и благочестивые люди, достигаютъ одинаковыхъ степеней добродѣтели, но разнятся въ этомъ отношеніи также, какъ звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ, и что

поэтому и Господь со всею справедливостью воздастъ на послѣднемъ судѣ своемъ комуждо по дѣломъ его, — это тоже справедливо; даже и то, что между самыми добродѣтелями есть разница въ качествахъ и свойствахъ, не смотря на общее связующее ихъ внутреннее единство, что есть, такъ сказать, нарочитыя добродѣтели житейскія, — и это можно допустить. Что-жь? Станемъ учиться и въ этомъ отношеніи у Матери Господней. Въ пророчественномъ псалмѣ многочисленныя нравственныя совершенства ея изображаются подъ видомъ царственной ризы, изукрашенной золотомъ и разнообразными драгоцѣнными камнями. (Пс. XLIV, 14—15). Если же не для всѣхъ насъ доступны бриллианты высшихъ христіанскихъ добродѣтелей, то поищемъ для себя другихъ цѣнностей и красотъ въ блистающей ризѣ нравственныхъ совершенствъ богоневѣстной дѣвы Маріи, и постараемся стяжать ихъ по мѣрѣ силъ своихъ. Таковъ между прочимъ перлъ достолюбезной *скромности* — этой невидной и не блестящей можно сказать добродѣтели, но всѣмъ доступной и поистинѣ украшающей житейскія отношенія между людьми, отсутствіе которой вноситъ въ эти отношенія такъ много горечи, нестроенія и мятежа. Есть особенный поводъ говорить объ этой добродѣтели именно въ нынѣшнее время, когда у насъ подъ именемъ гласности развился въ общественной жизни злой недугъ писательской болтливости и злорѣчія, а въ частной и семейной жизни издавна существуетъ недугъ междоусобнаго сплетниченья, — эта несносная и легкомысленная страсть трубѣть о жизни и дѣяніяхъ ближняго и собственныя наблюденія надъ ними преувеличивать подъ вліяніемъ личныхъ чувствъ и возрѣній, а чужіе разсказы о текущихъ событіяхъ до искаженія украшать своей собственной невоздержной фантазіей. Итакъ слово наше будетъ *о скромности*.

Эту добродѣтель надо отличать отъ смиренія, къ которому она весьма близка, но имѣетъ свой самостоятельный и отличительный характеръ. Смиренный человѣкъ избѣгаетъ говорить о себѣ самомъ и своихъ достоинствахъ, и неиначе, какъ съ великимъ смущеніемъ выслушиваетъ отъ другихъ хвалебные о себѣ отзывы, строго относясь къ своимъ соб-

ственнымъ недостаткамъ и немощамъ, ясно сознавая и тщательно наблюдая ихъ, чтобы отъ нихъ освободиться самодѣятельнымъ усиліемъ своей воли. Эти благородныя усилія не только не мѣшаютъ, а напротивъ помогаютъ ему отдавать должное чужимъ достоинствамъ и смягчать чужіе недостатки ради этихъ достоинствъ. Вотъ въ чемъ состоитъ смиреніе! «Что я несовершененъ и несостоятеленъ во многихъ отношеніяхъ,—это я очень хорошо знаю; на сколько же цѣнны мои добрыя качества и какого достоинства приписываемыя мнѣ заслуги,—это наиболѣе всего сомнительно для меня самого»,—вотъ рѣчи и разсужденія смиреннаго человѣка! И можно понять легко, какой-бы рай Божій воцарился на землѣ и какая любовь объединяла бы всѣхъ людей, еслибы они были смиренны, и какъ безостановочно и быстро шло-бы впередъ ихъ взаимное и всестороннее усовершенствованіе! А потому и Писаніе царствіе небесное провозглашаетъ неотъемлемымъ и прямымъ наслѣдіемъ *нищихъ духомъ*, т. е. смиренныхъ людей.

Скромность есть болѣе простая, такъ сказать, добродѣтель, хотя и она, къ сожалѣнію, есть далеко не обычное достояніе людей, и уже поэтому одному весьма цѣнна, а по внутреннему своему значенію и по вліянію на взаимныя отношенія людей поистинѣ драгоцѣнна. Если смиренный человѣкъ не любитъ говорить *о себѣ* во избѣжаніе самохвальства, то скромный человѣкъ особенно опасается говорить *о другихъ* во избѣжаніе злорѣчія и униженія ближняго. Онъ немногорѣчивъ вообще, главнымъ образомъ изъ опасенія какъ нибудь стать въ противорѣчіе съ истиной и быть проводникомъ и распространителемъ какой-либо лжи; а этой ложью, какъ извѣстно, оказывается великое множество непровѣренныхъ истинъ въ торопливыхъ и спѣшныхъ разсказахъ людскихъ о томъ, что бываетъ и случается въ жизни. Даже о самой истинѣ скромный человѣкъ не всегда считаетъ себя въ правѣ говорить, если напр. онъ на сіе не уполномоченъ, или когда это могло-бы быть преждевременнымъ и не безразлично отозваться на судьбѣ и на дѣлахъ ближняго помимо его воли, сознанія или согласія. Такимъ образомъ, если добродѣтель смиренія и кротости проистекаетъ изъ великаго чувства христіанской любви къ ближнему и изъ сознанія собственныхъ несовершенствъ, то

скромность можетъ проистекать изъ простой деликатности и чувства приличія, а также изъ уваженія къ истинѣ, хотя можетъ быть прямымъ слѣдствіемъ и смиренныхъ чувствъ въ человѣкѣ.

Скромный человѣкъ всегда болѣе или менѣе серьезенъ и солиденъ, и не позволяетъ себѣ истрачивать богатство внутренняго своего содержанія въ празднословныхъ рѣчахъ и неустанномъ говореніи о непрерывно измѣняющемся множествѣ видимаго и слышимаго, послѣ котораго (говоренья) нескромнымъ людямъ такъ часто приходится сожалѣть и раскаяваться во многихъ своихъ словахъ, иногда невольно и почти безсознательно у нихъ вырывающихся, но уже назадъ не возвращающихся. Такая деликатная осторожность въ словѣ и разсудительная собранность духа, впрочемъ отнюдь не чуждая обходительности и ласковости въ бесѣдахъ, внушаетъ глубокое и искреннее уваженіе къ людямъ, запечатлѣннымъ скромностію. То, что выдается ими за истину, такъ и принимается слушающими; въ случаяхъ спорныхъ и сомнительныхъ отъ нихъ ждутъ рѣшающаго слова, которое всегда бываетъ растворено солію зрѣлости и искренности убѣжденія. На ихъ честное слово всегда можно положиться, имъ безопасно можно ввѣрить тайну души и открыть свое сердце, отъ полноты чувствъ ищущее высказаться въ откровенной бесѣдѣ, или найти облегченіе въ постороннемъ тепломъ участіи. Они сумѣютъ соблюсти секретъ, случайно имъ доставшійся, и не злоупотребятъ неосторожно вырвавшимся словомъ своего собесѣдника или знакомаго. Въ своихъ же собственныхъ бесѣдахъ они не будутъ ставить своего «я» средоточнымъ пунктомъ разговора, и не будутъ подвергать испытанію чужой деликатности утомительными, хотя бы и правдивыми повѣствованіями о себѣ, особенно съ затаенными цѣлями самовосхваленія. Согласитесь сами, какъ бы упростилась, и, если можно такъ выразиться, обезхитрилась-бы наша жизнь, и какимъ бы тонкимъ ароматомъ деликатности и искренняго взаимнаго снисхожденія растворены были бы взаимныя отношенія между людьми, если были бы они скромны, а не празднословны и многословны, и еслибы этими недостатками своими не увлекались такъ часто даже къ злорѣчію о другихъ и къ надоѣдливому и горделивому самовосхваленію себя. Между тѣмъ

недостатокъ скромности въ людяхъ и ихъ неумѣренность въ словѣ въ высшей степени отяжеляетъ для нихъ же самихъ жизнь ихъ, вноситъ искусственность и лицемѣрное двуличіе во взаимныя ихъ отношенія, и опутываетъ ихъ обычаи многочисленными правилами опасливой осторожности другъ передъ другомъ, и пока человѣкъ горькимъ опытомъ не изучитъ этихъ правилъ, онъ предварительно долженъ испытать множество непріятностей, а иной по складу своего характера и по природному простодушію нрава своего цѣлую жизнь долженъ терпѣть и много терять отъ людей вслѣдствіе собственной рѣчистости или точнѣе — неосторожности въ словѣ и отъ нескромнаго многословія постороннихъ людей. И выходитъ что же? Хотѣлось бы, напр., спросить кого нибудь или посовѣтоваться насчетъ чего-нибудь? Нѣтъ, прежде запасись справками, какъ отнесутся къ твоему дѣлу, и потому библейскій мудрецъ внушаетъ: *не совѣтуйся со всякимъ глупцомъ въ этомъ отношеніи, ибо онъ не можетъ умолчать о дѣлѣ* (Сирах. VIII, 20). Хотѣлось бы предаться любимому занятію какому нибудь, или продолжить начатое нужное дѣло? Но нѣтъ, не всегда это можно; ибо если есть при этомъ что-нибудь только до тебя касающееся, то лучше, — какъ совѣтуетъ тотъ же библейскій мудрецъ,—*при чужомъ не дѣлай тайнаго, ибо не знаешь, что онъ сдѣлаетъ, увидѣвши твое дѣло* (—21 ст.). Пришла къ тебѣ минута откровенности, и сердце ищетъ дружескихъ изліяній. Но нѣтъ, остерегаетъ тотъ-же мудрецъ, осмотри сначала окружающихъ тебя людей и *не открывай всякому человѣку твоего сердца, чтобъ онъ дурно не отблагодарилъ тебя* (тамъ же 22 ст.). И такъ далѣе. Во что же отъ всего этого обращается жизнь наша, и не дѣлается ли она отъ людской нескромности похожею на движеніе и дѣятельность со связанными руками и ногами? Итакъ надо, надо намъ учиться достолюбезной скромности и деликатной воздержности рѣчей и объ себѣ и о ближнихъ, чтобы и себѣ не вредить и ближнимъ не мѣшать просторно и свободно жить на свѣтѣ.

Высочайшій образецъ этого воздержанія въ словѣ или скромности мы можемъ видѣть въ лицѣ Матери Божіей. Когда святый обрученикъ ея Іосифъ примѣтилъ, что она сдѣлалась не-

праздною и не зналъ что подумать объ этомъ событіи, и даже сталъ помышлять ее бракоокрадованною; то не всего ли естественнѣе было ожидать, что она сама для защиты своей чести первая разсѣетъ горькія недоумѣнія святаго старца? Однако же, получивъ благовѣстіе и обстоятельное объясненіе отъ Архангела, какъ должно было совершиться зачатіе и рожденіе отъ нея безневѣстной Сына Божія, но не получивъ въ то же время полномочія объявлять объ этой тайнѣ другимъ, пречистая дѣва Марія считаетъ себя обязанною соблюдать скромность и молчать до послѣдней крайности о своей тайнѣ, которая могла бы мгновенно и оправдать ее и успокоить нареченнаго мужа ея. И она соблюдаетъ эту тайну въ сердцѣ своемъ и хранитъ молчаніе до тѣхъ поръ, пока самъ Ангелъ Господень объяснилъ Іосифу, что зарожденное въ приснодѣвственной утробѣ невѣсты его отъ Духа есть Свята. Здѣсь столько же велико смиреніе, сколь дивна скромность и сосредоточенность духа пречистой дѣвы Маріи. Много было и другихъ обстоятельствъ и случаевъ въ жизни пресвятой Богородицы, когда она видимое и слышимое ею болѣе слагала въ сердцѣ своемъ, по замѣчанію евангелистовъ, чѣмъ выражала въ словѣ. И чѣмъ важнѣе было это видимое и слышимое и чѣмъ больше предвѣщало славы ей въ будущемъ, тѣмъ менѣе она позволяла себѣ и объ себѣ разглагольствовать по смиренію духа своего, кротости сердца и молчаливой скромности языка.

Какъ же бы и намъ научиться сей привлекательной добродѣтели скромности, и какія къ тому средства? Какъ есть разнаго вида и характера болтливость, и разныя степени зловредности многорѣчія; такъ и средства противъ нихъ могутъ быть употребляемы разныя. Иногда человѣкъ бываетъ многорѣчивъ не злонамѣренно, *погрѣшаетъ словомъ не отъ души*, по выраженію священнаго мудреца, ибо *кто не погрѣшилъ языкомъ своимъ* (Сир. XIX, 17)? а просто увлекается потокомъ собственныхъ легкихъ чувствъ и мелочныхъ мыслей, не останавливающихся долго ни на чемъ, и потому не имѣющихъ нужды созрѣвать и полнѣть въ его головѣ; а потому и онъ самъ готовъ говорить безъ умолку, до усталости языка обо всемъ, что только

онъ видитъ и слышитъ. Таковы дѣти, таковы люди съ живымъ темпераментомъ и слабымъ умственнымъ развитіемъ, или даже неглупые, но вслѣдствіе поверхностнаго и неосновательнаго образованія ничѣмъ опредѣленнымъ не занятые и никакой серьезной цѣли въ своей жизни не имѣющіе. Страсть празднословія, одолѣвающую этихъ не серьезныхъ и легкихъ людей, библейскій мудрецъ необыкновенно мѣтко сравниваетъ съ болѣзнями раждающей, которая до тѣхъ поръ не можетъ успокоиться, пока утроба ея не освободится отъ плода; а также съ пораненными животными, которыя отъ боли неудержимо увлекаются бѣжать и бѣжать, какъ празднословящій болтунъ—говорить и говорить. Вотъ слова библейскаго мудреца: *выслушалъ ты* какое нибудь откровенное и секретное *слово,—пусть умретъ оно съ тобою; не бойся, не расторгнетъ оно тебя.* Но *глупый отъ слова* рвущагося у него изъ устъ, *терпитъ такую же муку, какъ раждающая отъ младенца. Что стрѣла, вонзенная въ бедро, то слово въ сердцѣ глупаго.* (Сир. XIX, 10—12). Самымъ лучшимъ средствомъ противъ описаннаго недуга нескромности была бы, очевидно, сосредоточенность и собранность духа; а ее можно стяжать предавшись всей душой какому либо благородному дѣлу, и неослабно упражняя умственныя и нравственныя силы въ какомъ либо сродномъ для себя родѣ дѣятельности. У всякаго изъ насъ есть свое дѣло и свои обязанности, опредѣляемыя тѣмъ положеніемъ, которое мы занимаемъ въ обществѣ.

Такимъ образомъ, если-бы мы всѣ были болѣе дѣятельны и трудолюбивы и съ большею строгостію относились бы къ своему долгу; то всѣ конечно были бы и болѣе серьезны, а вслѣдствіе этого и болѣе скромны, т. е. съ большею умѣренностью, экономичностью и благоразуміемъ пользовались бы своимъ даромъ слова, и наконецъ вслѣдствіе этой скромности, была бы болѣе покойна и счастлива наша жизнь общественная и частная, по слову премудраго: *обуздывающій языкъ будетъ жить мирно и ненавидящій болтливость уменьшитъ зло* (Сир. XIX, 6),—какъ оно есть и на самомъ дѣлѣ; ибо если ты будешь неудержимъ и неостороженъ въ словѣ по болтливости, то, какъ говоритъ тотъ же мудрецъ, — всякій конечно *выслушаетъ тебя*, но

будетъ остерегаться тебя, и по времени возненавидитъ тебя (Сир. XIX, 9).

Но есть нескромность наиболѣе зловреднаго качества, нескромность злорѣчивая, или нарочито сознательная, когда люди съ особенною любовью и увлеченіемъ любятъ вести разговоры по возможности громче и при наибольшемъ кружкѣ слушателей о чужихъ недостаткахъ, промахахъ и вообще о такихъ дѣлахъ, которыя болѣе или менѣе позорятъ и безчестятъ тѣхъ, о которыхъ ведется рѣчь. Причины таковой нескромности въ словѣ уже болѣе серьезны и можно сказать прямо безнравственны. Здѣсь уже движетъ языкомъ говоруна либо личное раздраженіе, либо завистливая самомнительность, ищущая отомстить оскорбителю, либо униженіемъ непріятнаго человѣка успокоить свое мелкое самолюбіе, раздражаемое успѣхами и заслугами соперника. Зависть, гордость и гнѣвъ,—вотъ изъ какихъ гнойныхъ и зловонныхъ источниковъ проистекаетъ въ этомъ случаѣ нескромность, или точнѣе,—злостная рѣчистость людей. Не желая въ этомъ передъ собою сознаться, нескромные говоруны и глашатаи о чужихъ недостаткахъ и промахахъ, иногда только воображаемыхъ и мнимыхъ и созданныхъ клеветой, оправдываютъ свой недружелюбный словесный задоръ якобы благороднымъ негодованіемъ противъ беззаконій обличаемыхъ ими людей и желаніемъ привлечь на эти беззакоія начальственное правосудіе, или по крайней мѣрѣ возбудить противъ нихъ общественное презрѣніе и негодованіе. И Боже мой! сколько приходится терпѣть и страдать людямъ совершенно невиннымъ и честнымъ отъ этой напускной якобы правдивости, а въ сущности отъ недоброжелательнаго злорѣчія, отъ неблагородной наклонности все чужое подвергать критикѣ и осмѣянію и этой постыдной и мелкой страстишки замѣчать сучки въ чужомъ глазу, не чувствуя бревна въ своемъ собственномъ. Особенно тяжела и горька бываетъ злорѣчивая нескромность литературная, когда посредствомъ печати подвергаются публичному посмѣянію и порицанію лица, и даже цѣлыя учрежденія—или совершенно неповинныя, или далеко не такъ виновныя, какъ разглашаетъ о нихъ сочиненная сплетня. Тамъ, гдѣ именно и требовалось бы братское снисхожденіе и деликатная скромность,

или по крайней мѣрѣ точное согласіе съ истиной, тамъ весьма часто и недостаетъ въ людяхъ этихъ благородныхъ качествъ. Что говорить? Много творится въ нашей общественной жизни всяческаго и дѣйствительнаго зла, достойнаго примѣрнаго наказанія и горячаго публичнаго порицанія. Но сколько бываетъ по этому случаю и огульной клеветы и непровѣренныхъ порицаній, которыя, разумѣется, никого не исправляютъ, а только раздражаютъ и обижаютъ честныхъ и трудящихся людей? Вотъ этого-то зла и не было-бы, еслибы члены нашей общественной семьи были доброжелательнѣе другъ къ другу, снисходительнѣе и справедливѣе, а слѣдовательно и скромнѣе.

Въ этомъ случаѣ наилучшія средства пріучить себя къ скромности обнаруживаются сами собой, и могли бы быть вотъ какія. Тѣмъ, которымъ еще далеко до великой христіанской добродѣтели смиренія по отношенію къ себѣ и снисходительности къ другимъ, слѣдуетъ стараться быть по крайней мѣрѣ справедливыми, т. е. возникающую похоть позлословить о ближнемъ слѣдуетъ задерживать всякій разъ провѣркою подлинныхъ дѣяній и словъ ближняго и опредѣленіемъ степени виновности его, о которой разглашаетъ молва, а до этой провѣрки потерпѣть и повоздержаться въ словѣ. Кажется, это самая справедливая и самая должная, а потому и нетрудная скромность была бы съ нашей стороны. Такъ же учитъ и библейскій мудрецъ, говоря: *распроси друга твоего, можетъ быть не сдѣлалъ онъ того, и если сдѣлалъ, то пусть впередъ не дѣлаетъ. Распроси друга, можетъ быть, не говорилъ онъ того, и если сказалъ, то пусть не повторяетъ того. Распроси друга, ибо часто бываетъ клевета. Не всякому слову вѣрь. Распроси ближняго твоего прежде, нежели грозить ему; и дай мѣсто закону вышняго* (Сир. XIX, 13—17). Если-бы это правило строже выдерживалось нами, то какъ много исчезло-бы поводовъ говорить дурно о ближнемъ, какъ сильно ослабѣла бы въ нашемъ обществѣ злорѣчивая клеветливость и воцарилась бы скромность, а за нею пришла бы тишина и миролюбивое спокойствіе!

Но самое вѣрное средство сдѣлаться скромнымъ состоитъ въ томъ, чтобы стяжать христіанское смиреніе и евангельскую лю-

бовь къ ближнему. Эти великія чувства, даже и при дѣйствительныхъ недостаткахъ и ошибкахъ ближняго, заставляютъ положить руку на уста и не позволяютъ вырваться ни единому слову осужденія ближнему, а тѣмъ болѣе слову раздраженнаго самохвальнаго порицанія его поступковъ. Ибо можетъ ли находить удовольствіе въ праздословныхъ рѣчахъ о смѣшныхъ сторонахъ или проступкахъ ближняго тотъ, кто самъ въ себѣ сознаетъ много недостатковъ и ими огорчается, т. е. человѣкъ смиренный? Поднимется ли языкъ на злорѣчіе и запальчивую бранчивость у того человѣка, который преисполненъ жалости къ человѣческимъ слабостямъ и привыкъ дорожить не своею только, а и чужою честью, т. е. человѣкъ христіански-любвеобильный?

Можно сказать даже такъ, что только смиренный и любящій человѣкъ и можетъ быть поистинѣ скромнымъ. Такимъ образомъ, если мы еще не побѣдили своей гордыни, и если самолюбіе наше еще сильно мѣшаетъ намъ радѣть о благѣ ближняго, то намъ и нужно прежде всего заняться собою въ этомъ отношеніи, чтобы хотя постепенно могла къ намъ придти достолюбезная добродѣтель скромности, которая такъ вскрашиваетъ людскія отношенія въ обществѣ.

Не на одно молчаніе осужденъ, конечно, и смиренный,—иногда обличаетъ и онъ, и не уклоняется даже отъ сильныхъ порицаній людскихъ пороковъ и злодѣяній, когда къ тому обязываетъ его долгъ и его собственное служебное положеніе; но самыя эти обличенія и порицанія его растворены всегда бываютъ любовію и святою ревностію о благѣ ближняго, и потому не раздражаютъ обличаемыхъ, а лишь назидаютъ и исцѣляютъ.

О пречистая мати Божія! воззри на немощь душъ нашихъ и сама научи насъ скромности и смиренію — этимъ лучезарнымъ качествамъ, которыми сіяла ты во все время земной своей жизни!... Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ владимірской семинаріи при началѣ новаго учебнаго 1884—85 г.

(23 августа 1884 г.).

Начавши молитвою нашъ новый учебный годъ, и призвавши Господа въ помощь на предстоящіе намъ труды, надо намъ съ вами и назадъ нѣсколько оглянуться и о предстоящемъ подумать, чтобы стать твердою ногою на почвѣ нашего учебнаго долга и дѣлать вѣрные и прямые шаги по стезѣ своего умственнаго и нравственнаго развитія въ школѣ. Такъ всегда при началѣ какой-либо періодически повторяющейся дѣятельности ищутъ уроковъ и разъясняющихъ указаній въ прошедшемъ, чтобы эта снова начинающаяся дѣятельность при этихъ указаніяхъ обновилась къ лучшему и исправилась, если замѣчалась въ ней какая либо кривизна и уклоненія отъ надлежащаго и царственнаго пути правды и добра.

Если обратимся къ прошедшему учебному вашему году, то для насъ много было въ немъ отраднаго. Мы видѣли усиленные умственные труды и безукоризненное добронравіе многихъ изъ васъ и утѣшались ими, много видѣли даже борцовъ и, если можно такъ выразиться, рыцарей добра, благородства и чести въ самомъ чистомъ христіанскомъ смыслѣ этихъ словъ, заявлявшихъ свое достолюбезное для насъ и строго нравственное направленіе—даже въ то время, когда ближайшая и сосѣдственная среда сотоварищей давала увлекающіе поводы свихнуться на ихъ сторону. Дай Богъ, чтобы плодилось и множилось среди васъ число этихъ прекрасныхъ юношей, этой соли вашего ученическаго общества, дающей ему жизнь, крѣпость и здоровье. Но тѣмъ прискорбнѣе вспомнить, что рядомъ съ такими отрадными явленіями были и другія совершенно обратнаго свойства. И объ нихъ-то всего больше настоитъ непріятная надобность говорить для вашего вразумленія и предостереженія именно теперь, когда

учебный годъ только-что начинается. Ибо что говорить много о томъ, что уже само по себѣ хорошо? Но слѣдуетъ разсудить теперь съ вами же о томъ, что у васъ было худо, чтобы его больше не случалось.

Всего замѣтнѣе, и потому всего прискорбнѣе высказались для насъ два главныя уклоненія въ вашей средѣ, т. е. въ худшей половинѣ ея, отъ прямаго и уставнаго пути вашего ученическаго развитія,—именно: стремленіе учиться и развиваться секретнымъ и непозволеннымъ способомъ, посредствомъ чтенія книгъ не изъ нашего книгохранилища и безъ нашего одобренія; а вовторыхъ стремленіе по своему устроить образъ своей ученической жизни по возможности безъ нашей педагогической опеки и надзора, а на свободѣ— ничѣмъ невозмущаемой и небезпокоимой, особенно со стороны лицъ, нарочито для сего поставленныхъ и обязанныхъ глядѣть за вами непрерывно. Можно бы указать еще на то досадное обстоятельство, что нѣкоторые изъ васъ считали себя въ правѣ увольнять себя отъ всякихъ занятій наукой, не любили никакого чтенія ни позволеннаго и рекомендуемаго, ни запретнаго, а цѣлый годъ по возможности прохлаждались и развлекались разными шалостями и похожденіями. Но явленіе лѣни и разсѣянности есть обычное явленіе въ школахъ, надъ которымъ подсмѣиваются, а слѣдовательно и не одобряютъ сами же школьники, и слѣдовательно это явленіе, такъ сказать, не заслуживаетъ того, чтобы объ немъ распространяться для васъ. Но трудно сказать, что чего хуже и нежелательнѣе въ указанномъ мною выше направленіи, которое разсудилось взять нѣкоторымъ заблудшимъ изъ вашей братіи. Говорить объ немъ нашелъ я нужнымъ потому, что оно такъ наглядно дало объ себѣ знать, и такъ не мало нашло себѣ сторонниковъ, увлекшихся къ совокупному и стадному дѣйствованію для своихъ неразумныхъ цѣлей, даже съ проявленіемъ грубости и невѣжественной дерзновенности по отношенію къ начальственнымъ лицамъ, что мы вынуждены были долгомъ и совѣстію прибѣгнуть къ рѣшительнымъ и послѣднимъ мѣрамъ изгнанія изъ вашей среды той жалкой кучки или толпы, которую нашли наиболѣе вредною и соблазнительною для вашего общества, а къ другимъ приложены были

нами хотя и строгія, но все же временныя мѣры наказанія, такъ какъ провинившіеся успѣли показаться намъ все-таки болѣе увлекшимися примѣромъ другихъ къ незаконнымъ и нетерпимымъ выходкамъ своеволія и назойливости, чѣмъ людьми съ самостоятельной и застарѣлой порчей нравственной. Какъ бы то ни было, изъ всего этого вышло одно только дурное и недоброе; намъ и вашимъ родителямъ огорченія, а вамъ самимъ наичувствительныя непріятности, для нѣкоторыхъ даже непоправимыя теперь. Этотъ урокъ изъ прошедшаго, мнѣ кажется, лучше всякихъ теоретическихъ бесѣдъ и нравоучительныхъ разъясненій долженъ предостеречь васъ на будущее время и внушить, что не должны повторяться между вами опрометчивыя попытки къ непослушанію и своеволію, особенно попытки стадныя и совокупныя, чтобы еще въ большей степени не повторились надъ вами суровыя, хотя и вовсе нежелательныя для насъ мѣры возмездія и исправленія.

Вѣдь ужь какъ вы ни толкуйте, какъ ни хлопочите, а намъ нельзя позволить того, что для вашего незрѣлаго разсужденія желательно,—этой самоизмышленной и самоизобрѣтенной библіотеки и этихъ попытокъ жить по личнымъ вкусамъ и похотѣніямъ каждаго изъ васъ чуть ли не съ посягательствомъ наблюденія за дѣлами самихъ начальниковъ и приставниковъ вашихъ. Слѣдовательно настойчивость въ этомъ отношеніи кого бы то ни было изъ вашей среды, дурно ли хорошо ли учащагося, послѣ того, что случилось въ прошедшемъ учебномъ году, прямо и безъ особенныхъ разговоровъ поведетъ къ удаленію ихъ изъ нашего заведенія. Ибо прошла теперь пора послабленій, разныхъ словесныхъ объясненій и вообще баловства, а наступило время дѣятельныхъ, строго послѣдовательныхъ и разъ навсегда вѣрныхъ себѣ мѣропріятій. Кто не хочетъ принадлежать къ составу нашей родной духовной школы, пусть идетъ съ Богомъ туда, гдѣ ему кажется лучше; если же онъ хочетъ жить и учиться именно у насъ, то пусть подчиняется всему, что здѣсь предписывается, и пусть не расчитываетъ, что ему пройдутъ даромъ, какъ можетъ быть до сихъ поръ проходили, какія нибудь выходки, несвойственныя складу и характеру духовной школы и ея

воспитанникамъ. Прошу извинить меня за этотъ жесткій тонъ, который слышится въ моей теперешней рѣчи и которому въ храмѣ Божіемъ можетъ быть слѣдовало бы гораздо быть мягче. Мнѣ и самому все это непріятно,—но что же дѣлать? Что еще я буду говорить вамъ въ назиданіе, которое хотѣлось бы всегда сказать отъ души, чтобы остановить васъ отъ дурнаго и пріучить къ хорошему? Вѣдь это мой долгъ, — и я ужь не знаю, какъ мнѣ исполнять его. Развѣ не разъяснялъ я вамъ тысячекратно, что худо для васъ и что хорошо, что вамъ пристало и что вовсе къ вамъ нейдетъ и вамъ не дозволяется,—зачѣмъ же вы такъ мало слушаетесь моихъ вразумленій? Вотъ-хоть бы о вашемъ рвеніи читать книги по секрету отъ насъ и безъ нашего дозволенія, и объ этомъ стараніи вашемъ даже организовать свою библіотеку и устроить запретное чтеніе на правильныхъ, такъ сказать, основаніяхъ, — ну скажите пожалуйста, можно ли это вамъ позволить дѣлать? Вѣдь досадно и прискорбно не то главнымъ образомъ, что обращающіяся между вами книги прямо вредны что ли, или развратительны,—и вы напрасно думаете, будто мы такъ смотримъ на всякую книгу, попадающую отъ васъ къ намъ въ руки, и можетъ быть даже съ негодующей ироніей тамъ у себя въ своихъ кружкахъ кричите о нашей отсталости и узкости взгляда на умственное развитіе. Это все пустое! Не хорошо и незаконно то, что вы избираете произвольный и притомъ крайне шаткій и сложный путь для своего развитія, а отъ уставныхъ, серьезныхъ и наиполезнѣйшихъ трудовъ научныхъ вы отклоняетесь, и потому вредите себѣ невѣроятно, и самымъ легкомысленнымъ образомъ мѣняете на преждевременные, неудобоваримые и неудобоусвояемые, а часто и весьма вредные плоды свѣтской науки, — мѣняете, говорю, на нихъ самыя нужныя, самыя полезныя и благовременныя для васъ знанія. Развѣ не бываетъ, что какой нибудь рьяный читальщикъ изъ вашей среды оказывается необыкновенно слабымъ во всѣхъ наукахъ, которыя преподаются у насъ въ семинаріи? А вѣдь этотъ читальщикъ вѣроятно мнитъ себя необыкновенно развитымъ и серьезное дѣло дѣлающимъ,—вѣдь вотъ это-то и неосновательно! Развѣ не случалось, что мнившіе себя и простодушно считавшіеся

у своихъ товарищей вождями и передовыми двигателями должны были краснѣть и сгорать отъ стыда, когда въ классѣ предъ ихъ же товарищами выяснялась имъ полная несостоятельность и слабость поданныхъ ими сочиненій? Развѣ не бывали еще случаи, что въ самое глухое и ночное время ваши читальщики задорно разсуждавшіе о разныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ произведеніяхъ свѣтской литературы и науки и застигнутые въ расплохъ на мѣстѣ своихъ безвременныхъ словоизліяній, затруднялись назвать по имени наши духовные журналы и откровенно сознавались, что не брали ихъ даже и въ руки? Вѣдь вотъ это-то и горько! Впрочемъ сколько уже разъ вамъ говорилось это мною? Пришлось вотъ и еще повторить вамъ вовсеуслышаніе: «выучись, выучись любезный сначала тому, что положено для тебя въ школѣ, а потомъ ужъ и читай что угодно! А до тѣхъ поръ съ тебя строго будетъ взыскиваться за непослушаніе»!

Повторять приходится въ сотый разъ и относительно вашего упрямаго и непослушливаго исканія разгульной свободы и независимости въ образѣ вашей внѣклассной и квартирной жизни. Это, вообще дурно говорящее о васъ, исканіе, т. е. собственно способы исканія, то и дѣло увлекаютъ васъ, при первыхъ выдающихся случаяхъ и поводахъ, къ назойливости, грубоватому обхожденію и къ невѣжественнымъ выходкамъ, даже въ присутствіи лицъ, предъ которыми вы обязаны держать себя почтительно, вѣжливо и послушно. Слѣдуетъ ли сему быть,—посудите сами! Вотъ вы все ноете и жалуетесь, что наше смотрѣніе за вами—инспекція строга къ вамъ, надоѣдлива съ своимъ надзоромъ, неустанна въ своихъ изысканіяхъ вашихъ проступковъ, сурова и не жальлива въ карательныхъ мѣрахъ и вообще отношенія ея къ вамъ иногда доходятъ якобы до неделикатности. Если-бъ даже и было это справедливо, то скорѣе говорило бы плохо о васъ же самихъ, и ни о комъ больше. Ибо съ деликатными, скромными, послушными и вѣжливыми можно ли иначе обращаться, какъ сообразно съ этими ихъ кроткими качествами? А исправные и трудолюбивые ученики хоть какую бдительную и строгую инспекцію непремѣнно смягчили бы, успокоили и ослабили; ибо чѣмъ было бы ей волноваться и огорчаться при ва-

шей общей или по крайней мѣрѣ преобладающей добропорядочности? Но видно дѣло то стоитъ не такъ. А если не такъ, то за что-же и кого награждать сладкими рѣчами, кроткими улыбками, интимно-дружественнымъ или отеческимъ обхожденіемъ? Легко только со стороны и человѣку не знающему сказать, что такъ бы во всякомъ случаѣ и слѣдовало съ вами обходиться, и что этими сердобольными и мягкими средствами всего бы-де лучше было можно выдернуть изъ вашего общества все дурное, жесткое и грубое. Но это была бы ошибка, ошибка! Горькимъ опытомъ въ этомъ я убѣдился и буду громко повторять это. Вѣдь среди васъ, оказывается, чрезвычайно есть много людей склонныхъ только злоупотреблять мягкостію и снисходительностію, а не назидаться и смягчаться ими, людей, по характеру и темпераменту и по всей своей природѣ, грубыхъ, упрямыхъ и, извините за выраженіе, неотесанныхъ и невѣжливыхъ. И кто къ кому, посудите сами, удобнѣе можетъ прилаживаться и приноровляться,—мы ли къ вашей массѣ, въ которой находится столько разнообразія въ характерахъ, склонностяхъ и привычкахъ,—или вы къ своимъ начальственнымъ единицамъ? Вотъ и теперь, чувствую самъ, срываются у меня неспокойныя слова; но можно ли говорить спокойно, воспоминая прошлое? Что есть немало среди васъ людей съ дурными наклонностями къ упрямству, непослушанію, лѣности, сквернословію и даже нетрезвости и прочимъ нечистымъ и срамнымъ вещамъ, вызывающимъ, очевидно, отнюдь не мягкія и не ласковыя мѣры,—противъ этого, думается мнѣ, и сами вы спорить много не будете, ибо прошлогодніе факты и у насъ и у васъ еще въ свѣжей памяти, и сами вы еще виднѣе другъ другу, чѣмъ намъ, со всѣми своими нравственными подробностями; и вотъ кстати здѣсь будетъ сказать, что лучшіе и добронравные изъ васъ въ частныхъ бесѣдахъ со мною съ нѣкоторою покаянною откровенностію заявляли иногда, конечно безъ указанія на частности и личности, что многимъ и многимъ нашимъ духовнымъ воспитанникамъ нельзя вообще похвалиться высокимъ уровнемъ своей нравственности. Въ чемъ здѣсь дѣло, я даже неясно понимаю и смутно представляю; одно только видно, что хорошаго приходится желать гораздо больше, чѣмъ

утѣшаться имъ на самомъ дѣлѣ. А развѣ не въ свѣжей еще у всѣхъ насъ памяти случаи изъ прошлогодней лѣтописи вашего поведенія, доказывающіе, какъ вы не прочь бываете и огуломъ брать иногда подъ свою защиту непозволительныя и грубыя выходки своихъ товарищей вмѣсто того, чтобы сторониться отъ нихъ? Впрочемъ, что много говорить объ этомъ и будить прискорбныя воспоминанія, чтобы только тревожиться и огорчаться ими? Сказать остается одно. Если вы постараетесь быть скромнѣе и благонравнѣе; то сейчасъ же придетъ къ вамъ и та начальственная гуманность, которою вамъ хотѣлось бы все только пользоваться, но которой до сихъ поръ не хочется заслужить. Въ противномъ случаѣ вамъ непремѣнно придется испытывать на себѣ все новые и новые, а можетъ быть, — чего не дай Богъ, и болѣе суровые опыты начальственной строгости. Что это не слова только и не одна педагогическая угроза, кажется могли бы васъ и должны убѣдить въ этомъ недавніе и можно сказать еще не простывшіе опыты прошлаго года. Ибо какъ же иначе поступать намъ, если вы нашихъ вразумленій и предупрежденій не станете слушаться? Послѣ наказаній идутъ у васъ обыкновенно слезы, умаливающіе вопли и поклоны; и чѣмъ наказаніе строже, тѣмъ этихъ слезъ и воплей больше. А не лучше ли бы вовсе не доводить себя до этого горькаго и иногда непоправимаго положенія? Прошу же васъ и вразумляю при началѣ новаго года въ слѣдующемъ: вопервыхъ учитесь усерднѣе, но учитесь тому, чему учатъ васъ въ школѣ, а не изобрѣтайте для себя другихъ источниковъ обученія,—прямѣе сказать: учите усерднѣе и исправнѣе задаваемые вамъ уроки и не тратьте дорогаго учебнаго времени на самоизмышленные пустяки, въ родѣ секретной библіотеки, набитой всякимъ или ненужнымъ, или несоразмѣрнымъ съ вашими головами хламомъ. Вовторыхъ, старайтесь быть скромнѣе, послушнѣе и вообще добронравнѣе въ своемъ поведеніи. Страха Божія не забывайте и теплаго христіанскаго чувства пріобрѣтайте себѣ побольше,—и все пойдетъ у васъ по хорошему. Вмѣсто всякихъ другихъ разсужденій о разныхъ нравоучительныхъ матеріяхъ, которыя могли бы имѣть отношеніе къ вашему быту и вашему положенію въ нашей школѣ, я разсудилъ

нынче предложить вамъ для назиданія самыя прямыя и откровенныя рѣчи о томъ, что всего ближе можетъ васъ коснуться. Захотите вы меня послушаться и взять во вниманіе мою теперешнюю рѣчь, — хорошо, а не захотите, — худо одно можетъ выдти, большое и можетъ быть не ожидаемое и не предполагаемое вами худо.

Это все уроки изъ прошедшаго. Въ будущемъ, и притомъ не въ далекомъ будущемъ, предстоитъ намъ новый семинарскій уставъ. Подробности этого устава мы узнаемъ тогда, когда станемъ жить по его правиламъ; но сущность его вы должны узнать теперь же, ибо въ ней заключается полновѣсное назиданіе для васъ. Все въ этомъ уставѣ сводится къ тому, чтобы изъ воспитанниковъ семинаріи сдѣлать людей наиболѣе подготовленныхъ къ будущему пастырскому ихъ служенію; а для этого расширяется преподаваніе богословскихъ наукъ и начинается оно даже съ общеобразовательныхъ по нынѣшнему классовъ семинаріи. О нравственномъ состояніи и настроеніи духовныхъ воспитанниковъ прилагается особое попеченіе, и даже выдѣляются для сего при каждой семинаріи нарочитые авторитетные и опытные въ духовно-нравственной жизни духовные отцы. Новый уставъ стремится къ тому, чтобы исчезъ и отошелъ въ область воспоминаній, хотя бы и горькихъ, тотъ нежелательный, самовольный и самомнительный, но бѣдный содержаніемъ и не согласный съ церковно-духовною идеей духъ, которымъ стали отличаться за послѣднее время и дѣйствительно отличились многія духовныя семинаріи, а воспитанники духовные, вслѣдствіе отчужденія отъ своей родной и духовной идеи, стали глядѣть вонъ и вдаль отъ своихъ заведеній и отъ духовнаго служенія. Будетъ дѣло поставлено такъ, что кто не нашъ по духу и направленію, тотъ долженъ быть и совсѣмъ не нашъ, т. е. не долженъ вовсе принадлежать къ нашему заведенію, а уходить изъ него туда, гдѣ ему кажется лучше. Имѣющіе изъ васъ разумныя уши слышать, пусть это выслушаютъ и поймутъ. Урокъ и назиданіе здѣсь и для васъ и для насъ такіе, что мы обязываемся съ особенною тщательностію радѣть и наблюдать не только за вашими учебными трудами, но и по преимуществу за вашимъ благоповеде-

ніемъ, и на основаніи вашихъ поступковъ дѣлать строгій разборъ между достойными быть въ числѣ нашихъ питомцевъ и недостойными, и сихъ послѣднихъ отлучать отъ нашего общества; а вы обязываетесь и призываетесь къ тому, чтобы усилить свои занятія преимущественно богословскими науками, а въ жизни своей приближаться какъ можно ближе къ идеѣ духовнаго воспитанника, т. е. быть скромными, терпѣливыми въ трудѣ, благопокорливыми, вѣжливыми, цѣломудренными по душѣ и тѣлу,— однимъ словомъ осуществлять по возможности въ своемъ поведеніи только то, *что истинно, что честно, что справедливо, что чисто*, *что любезно*, *что достославно, что только добродѣтель и похвала*, какъ внушаетъ св. апостолъ Павелъ (Филип. IV, 8).

Къ вамъ наконецъ обращаю мое слово, наши избранные и лучшіе по трудолюбію и благонравію ученики! Вы надежда наша, вы честь и слава своей родной школы, вы сообщаете жизнь и здоровье цѣлому заведенію нашему. Но на васъ же и лежитъ обязанность быть свѣточемъ и руководственнымъ примѣромъ для своихъ легкомысленныхъ и шатающихся товарищей; вы должны быть самыми ближайшими и самыми строгими по товариществу судьями ихъ порочности и упрямаго уклоненія отъ ученическаго долга. Вы должны создать своею избранною толпою здравое общественное мнѣніе въ нашей школѣ, котораго стыдились бы и боялись празднолюбцы, невѣжливые грубіяны, разсѣянные и небогобоязненные и вообще неряшливые въ своемъ поведеніи ваши товарищи. Великая была бы вамъ честь и великая заслуга и предъ Богомъ и предъ вашею собственною совѣстію, если-бы вы постарались держаться и успѣли удержаться на этой высотѣ нравственнаго и спасительнаго вліянія на своихъ товарищей. Я не дѣлалъ бы этого воззванія, если-бы не зналъ, что къ великому нашему утѣшенію въ многолюдной нашей семинарской семьѣ есть много дѣльныхъ, благонравныхъ и крѣпкихъ добрыми убѣжденіями юношей. Преобладаетъ конечно, какъ и вездѣ, безцвѣтная и сѣрая масса людей, какъ говорится, ни-то ни-се,—удобопреклонныхъ туда и сюда и не развитыхъ еще молодыхъ людей и не установившихся школьниковъ, умѣющихъ только стад-

нымъ образомъ двигаться за своими вожаками. Тѣмъ серьезнѣе и отвѣтственнѣе положеніе тѣхъ изъ васъ, которые могутъ и по своему умственному развитію и по доброму нравственному настроенію быть добрыми попечителями и спасительными совѣтниками для остальныхъ учениковъ, какъ старшіе братья въ общей семинарской семьѣ. Вы и должны быть непремѣнно тѣмъ, чѣмъ можете. Я знаю, что ролью сторонниковъ, а тѣмъ болѣе пособниковъ начальства, ученики даже и первенствующіе обыкновенно стѣсняются, опасаясь заслужить отъ товарищей обидныя подозрѣнія и нареканія; но поймите, что вы свое доброе дѣло будете дѣлать вовсе не для насъ, а для своихъ же товарищей и для ихъ пользы. И притомъ мы приглашаемъ васъ не къ какому-либо прямому сотрудничеству, которое вовсе необязательно для васъ, или къ какому нибудь вмѣшательству въ наши начальническія дѣла по надзору за вашими товарищами, а приглашаемъ васъ къ свободному, невидимому для насъ, но живому и дѣйственному вліянію нравственному на вашихъ товарищей. Это роль совершенно свободная и притомъ въ высокой степени почтенная и благородная. Даже трудно и представить, чтобы умный и добропорядочный воспитанникъ, особенно съ твердымъ духомъ и съ характеромъ болѣе или менѣе крѣпкимъ, могъ безучастно и вяло смотрѣть на то, что около него дѣлается въ товарищеской средѣ, это было бы не побратски, не потоварищески и даже не похристіански. О твердости духа и крѣпости характера упомянулъ я потому, что знаю также, какъ упрямы, недружелюбны и дерзко небрежны бываютъ къ своимъ добронравнымъ товарищамъ ученики, привыкшіе ко всяческой распущенности и безпорядочности; можно ожидать отъ нихъ даже какихъ-либо оскорбленій и непріятностей. Но это можетъ случиться при раздробленныхъ единичныхъ и нерѣшительныхъ попыткахъ дѣйствовать на дурную волю портящихся или уже значительно попорченныхъ лицъ; поэтому дурной и грубой толпѣ надо вамъ противопоставить изъ себя также дружно-сплоченную массу благонравныхъ, серьезныхъ и трудящихся воспитанниковъ. Вотъ намъ и желательно, чтобы эта добрая масса среди васъ увеличивалась и заявляла бы себя силой, съ которой приходилось бы считаться

и которую нужно было бы уважать, живущимъ среди васъ дурнымъ элементамъ.

Помолимся всѣ усердно Господу Богу, чтобы всесильною своею благодатію онъ устроилъ и среди насъ и среди васъ все къ лучшему!... Аминь.

СЛОВО

въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича *).

(2 марта 1885 г.).

Приглашаемъ васъ, благочестивые слушатели, обратить вниманіе на смыслъ евангельскаго чтенія, полагаемаго церковію въ святительскіе дни, каковъ между прочимъ и нынѣшній день, въ который празднуется память святителя Божія Ѳеодота. Въ этомъ чтеніи всегда повторяется для насъ извѣстная притча Христова о пастырѣ добромъ, полагающемъ душу свою за овецъ, и объ овцахъ мирно пасущихся подъ бдительнымъ надзоромъ любящаго пастыря, а равно и о татяхъ и разбойникахъ, вторгающихся разными незаконными путями во дворъ овчій, и о волкахъ, расхищающихъ и разгоняющихъ овецъ, и о наемникахъ, нерадѣющихъ объ овцахъ при появленіи волковъ. Въ этихъ приточныхъ чертахъ рисуется образъ какъ отдѣльныхъ обществъ церковныхъ, управляемыхъ святителями Божіими, такъ и всей церкви Христовой, стрегомой и управляемой невидимымъ и верховнымъ главою ея, Господомъ Іисусомъ Христомъ. Но образъ стада, управляемаго добрымъ пастыремъ, приложимъ и ко всякимъ человѣческимъ обществамъ, устрояемымъ для достиженія какихъ нибудь частныхъ добрыхъ цѣлей, и руководствуемымъ какими нибудь отдѣльными идеями блага. Такъ всѣ политическія общества,

*) Напечатано въ 11-мъ № «Влад. Епарх. Вѣдомост.» за 1885 г.

всѣ государственныя собранія людей, разсыпанныя отдѣльными группами по лицу земному, съ ихъ отдѣльными задачами и назначеніями въ общей исторіи человѣчества, самую чистую и прочную идею своего гражданскаго благоденствія назидательно могутъ заимствовать изъ того же евангельскаго образа о крѣпко сплоченномъ и послушномъ стадѣ подъ охраною доброй, самоотверженной и крѣпкой власти правительственной. Ради нынѣшняго молитвеннаго торжества о нашемъ верховномъ властителѣ и монархѣ, извлечемъ изъ евангельской притчи о пасомомъ стадѣ и пастырѣ нѣсколько мыслей и соображеній о томъ, *при какихъ условіяхъ возможно наше истинное и прочное гражданское благоденствіе* и мирное житіе.

Предлагая въ своей притчѣ о пастырѣ добромъ наглядный образъ того крѣпкаго нравственнаго единенія между Собою и своею церквію, тѣхъ близкихъ и взаимно довѣрчивыхъ отношеній, какія должны существовать между земными представителями Его невидимой власти и между руководимыми чадами церкви, при которыхъ только и можетъ быть благодетственно и непоколебимо все общество церковное, Господь говоритъ, что какъ пастырь добрый знаетъ своихъ овецъ, такъ и они знаютъ его, и слушаются голоса его. *Онъ зоветъ своихъ овецъ по имени и выводитъ ихъ. И когда выведетъ своихъ овецъ, идетъ передъ ними; а овцы за нимъ идутъ, потому-что знаютъ голосъ его. За чужимъ же не идутъ, но бѣгутъ отъ него, потому-что не знаютъ чужаго голоса.* (Іоан. X, 3—5). Такъ и въ обществахъ гражданскихъ первымъ условіемъ ихъ политической силы и благоденствія должно быть крѣпкое, непринужденное и довѣрчивое единеніе между правительственною властію и между подчиненными и управляемыми членами общества. Тамъ же, гдѣ авторитетъ правительственной власти расшатанъ и объединяющая сила его подорвана, гдѣ отдѣльные члены общества, увлекаемые лишь жаждой самоуправленія и руководимые только личными своими вкусами и самодѣльными идеями объ общественномъ благѣ, мечтаютъ лишь о неограниченномъ просторѣ для своихъ страстей и безпрепятственномъ привольѣ для своихъ соціальныхъ измышленій и гражданскихъ причудъ, а вслѣдствіе

всего этого съ подозрительною критикою относятся ко всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ, тамъ нѣтъ, и быть не можетъ основательныхъ надеждъ на правильный и здоровый ростъ этихъ обществъ и на политическое восхожденіе отъ силы въ силу. Ибо какъ можно представить правильное и стройное движеніе тамъ, гдѣ руководящая и правительственная власть хочетъ напримѣръ двигать свое общество впередъ, а оно уклоняется въ сторону или направляется назадъ; или же наоборотъ: правительство хочетъ задержать и остановить бурное движеніе народныхъ страстей, а они вопреки его волѣ все рвутся впередъ и впередъ? Нѣкоторыя современныя государства, даже не безъ основанія хвалящіяся своимъ высокимъ просвѣщеніемъ, могутъ однако-же служить для насъ наглядным и печальнымъ примѣромъ тѣхъ неустройствъ, какія бываютъ тамъ, гдѣ вмѣсто единенія существуетъ разъединеніе между народомъ и правительствомъ его. Не съ тѣхъ ли поръ стала сокращаться сила и богатство и нашего отечества и омрачаться слава его, какъ стали умножаться въ немъ противники верховной власти и проявляться тѣ неистовыя крамолы супостатовъ, объ исчезновеніи которыхъ св. церковь до сихъ поръ принуждена молиться, послѣ мученической кончины покойнаго освободителя и отца народнаго Александра II-го? А всѣ великія дѣянія и подвиги, совершенные народомъ нашимъ и обезсмертившіе его въ исторіи, не вдохновлены ли были его безграничною любовію къ своимъ государямъ и благоговѣніемъ предъ ихъ священною властію, какъ вѣнчанныхъ помазанниковъ Божіихъ? Поистинѣ такъ! И покуда будетъ жить въ народѣ нашемъ эта вѣковая любовь къ своимъ государямъ и это благоговѣніе предъ ихъ священною властію, до тѣхъ поръ надежда на наше всецѣлое оздоровленіе и вѣра въ доброе наше будущее будетъ съ нами, и будетъ основательна. Такимъ образомъ, если мы не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ желаемъ прочнаго мира и благоденствія своему отечеству; то нашею первою заботою должно быть соблюденіе нравственнаго единенія между нами и верховною властію и вѣрноподданническое охраненіе ея правъ и ея достоинства. Эти чувства и это настроеніе естественно должно поддерживаться въ каждомъ рус-

скомъ человѣкѣ уже тѣмъ простымъ соображеніемъ, что Государь нашъ, независимо отъ его царскаго помазанія, есть родственный намъ по крови и единовѣрный русскій человѣкъ, есть первѣйшій и независимый радѣтель всего русскаго: нашей православной вѣры, нашей русской національности, нашего богатства, нашей славы,—всего нашего дорогаго. Этимъ однимъ соображеніемъ должны кажется умиротворяться всякія постороннія и чуждыя соображенія, которыя могли бы быть навѣяны неблагонамѣренными людьми или книгами, или даже нашими собственными непровѣренными чувствами или огорченными наблюденіями надъ разными неизбѣжными нестроеніями или опущеніями въ такомъ большомъ государствѣ, какъ наше. Кто же больше поскорбитъ объ этихъ нестроеніяхъ и опущеніяхъ, какъ не отецъ отечества, когда узнаетъ объ нихъ? И кто же, какъ не онъ, всѣхъ больше имѣетъ не только желанія, но и средствъ порадѣть объ устраненіи разныхъ русскихъ золъ и о насажденіи въ предѣлахъ нашей страны всякаго добра и блага?! Такимъ образомъ въ нашихъ патріотическихъ исканіяхъ добра своему отечеству, а равно и въ гражданскихъ скорбяхъ о его невзгодахъ и неустройствахъ—не критикой какой-либо, и особенно не горделивой, раздраженной и непослушливой критикой правительственныхъ распоряженій можемъ мы уврачевать наше государственное зло и создать его благо; а отзывчивымъ послушаніемъ на гласъ отца отечества, призывающій насъ къ соотвѣтственнымъ гражданскимъ подвигамъ, подобно тому, какъ въ евангельской притчѣ, овцы отзываются на голосъ добраго пастыря, и онъ кличетъ своихъ овецъ по имени и выводитъ ихъ.

Обращается ли, напримѣръ, Государь къ своему благородному дворянству порадѣть о народныхъ нуждахъ и своимъ просвѣтительнымъ и благожелательнымъ примѣромъ пособить народу въ его матеріальномъ и нравственномъ убожествѣ,—и дворянство должно это сдѣлать, а не уклоняться отъ этого благороднаго назначенія въ самолюбивыхъ исканіяхъ только своихъ сословныхъ правъ и преимуществъ и не охлаждаться въ своей просвѣтительной дѣятельности горькими воспоминаніями о сокращеніи и утратѣ нѣкоторыхъ своихъ дворянскихъ льготъ и удобствъ съ

освобожденіемъ народныхъ массъ на волю и на свое собственное попеченіе. Призываетъ ли Государь сословіе, творящее судъ и правду въ его царствѣ, къ этой именно судебной правдѣ и безкорыстному обереганію человѣческихъ и гражданскихъ правъ его подданныхъ,—и оно должно съ готовностію откликаться на этотъ зовъ, служа одному только долгу, совѣсти и правдѣ Божіей и не раболѣпствуя предъ извращенными и новоизмышленными ученіями человѣческими о правдѣ, не покровительствуя страстямъ и преступной волѣ человѣка и не колебля общественной вѣры въ правду и судъ своими опрометчивыми, поспѣшными рѣшеніями и не безпристрастными приговорами. Внушаетъ ли Государь своими правительственными распоряженіями мужамъ науки и печатнаго слова, что къ слову ихъ довѣрчиво прислушиваются сотни и тысячи младшихъ и менѣе, чѣмъ они, зрѣлыхъ членовъ государственной семьи, и что слѣдовательно надлежитъ имъ крайняя осторожность и разсудительность, дабы не соблазнены были и не повреждены тѣ именно, которыхъ думаютъ развивать и воспитывать научнымъ словомъ,—и это должно быть послушливо исполнено, и тѣмъ охотнѣе и чистосердечнѣе, чѣмъ больше можетъ выдти золъ и бѣдъ отъ ихъ непослушанія въ этомъ случаѣ. Спокойная и безстрастная работа въ тиши ученыхъ кабинетовъ безъ напрасной траты времени на препирательства съ цензурными постановленіями,—вотъ что нужно для движенія науки впередъ, а не торопливое ученое разглагольствіе въ недозрѣлыхъ и недоразвитыхъ народныхъ массахъ. Зоветъ ли Государь торговое, ремесленное и всякое другое производительное сословіе на соотвѣтственные труды и попеченія, — и они должны разумно вникать въ этотъ зовъ и понимать то, что отъ нихъ требуютъ, а не стремиться къ безсердечной наживѣ денегъ, безъ всякихъ думъ и заботъ о рабочихъ массахъ, безъ соревнованія о возможномъ усовершенствованіи своихъ матеріаловъ, дабы сравниться въ семъ съ образованными иностранцами, дабы умножалось отъ сего и возрастало не личное ихъ только, а общее народное богатство, и росла бы повсюду гражданская русская честь и слава. Обращается ли наконецъ государь къ служителямъ религіи, къ людямъ духовнаго сана, облеченнымъ пас-

тырскою властію, дабы порадѣли они о духовныхъ и религіозныхъ нуждахъ общества, дабы учительнымъ словомъ своимъ, а наипаче примѣромъ жизни своей потрудились поддержать и распространить благочестіе въ народѣ,—и они должны приложить къ этому всѣ свои усилія, призывая въ помощь вседѣятельную благодать невидимой главы церкви—самого Христа Спасителя; а не должны погружаться сами въ земное и тлѣнное, подъ предлогомъ неотвратимости и обширности своихъ собственныхъ житейскихъ нуждъ и потребностей, и своею безпечностію и нерадѣніемъ не должны сшивать мягкія изголовья и подушки для человѣческой лѣни и религіозной сонливости по пророческому и библейскому выраженію. Вотъ если-бы всѣ такимъ образомъ сословія сочувственно и ревностно стремились на зовъ вѣнценоснаго главы нашего отечества и несли бы ему въ даръ свою безупречную и посильную службу; то оправдалась бы надъ нашей обширнѣйшей, но все еще ищущей своего благоустройства страной, евангельская притча о мирномъ и счастливомъ стадѣ, пасущемся на тучныхъ пажитяхъ подъ охраною мудраго и добраго царя—пастыря!

Но обратимся снова нашимъ вниманіемъ къ этой евангельской притчѣ, дабы извлечь изъ нея все заключающееся въ ней для насъ назиданіе. Овцамъ приточнаго стада, какъ мы видѣли, потому хорошо живется, что они находятся въ крѣпкомъ единеніи съ своимъ пастыремъ. Но въ такомъ же единеніи они изображаются и между собою. Это новая черта, или другая сторона приточнаго стада. Овцы не разсѣяны разъединенными группами и не гуляютъ вдали одна отъ другой, но всѣ въ одномъ мѣстѣ, и потому при появленіи чужаго пастуха, не смотря на хитрые и ласковые призывы его, всѣ какъ одна бѣгутъ отъ него. Много воровъ и разбойниковъ приходило къ такому стаду въ отсутствіе истиннаго и любимаго пастыря, но овцы не послушали ихъ; чужой и непривычный голосъ этихъ хитрыхъ лицедѣевъ не увлекъ ихъ; ибо фальшь его, можетъ быть не безопасная для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ членовъ и отбившихся овецъ, тотчасъ же сказалась и почуялась для цѣлаго и объединеннаго стада. Такъ,—вторымъ условіемъ благоденствія и для гражданскихъ обществъ,

условіемъ ихъ безопасности и силы политической, должно быть крѣпкое общеніе и единеніе между его составными частями. Должно быть что нибудь связующее его различныя сословія и служебныя области; должно быть нѣчто скрѣпляющее даже всѣхъ отдѣльныхъ членовъ его, не смотря на ихъ разнохарактерность и можетъ быть разноплеменность. Этимъ связующимъ и объединяющимъ началомъ конечно прежде всего должно быть *крѣпкое національное чувство*. Такъ, напримѣръ, мы русскіе люди до тѣхъ поръ не дождемся внутри своего государства полнаго развитія своихъ политическихъ силъ, до тѣхъ поръ не поставимъ себя на подобающей намъ высотѣ въ ряду другихъ просвѣщенныхъ народовъ, не смотря на внѣшнія и видимыя связи съ ними, до тѣхъ поръ, наконецъ, не оградимъ мы себя отъ нашествія разныхъ непрошенныхъ учителей и развивателей нашихъ,—этихъ волковъ въ овечьей кожѣ, этихъ татей и разбойниковъ подъ видомъ радѣльныхъ пастырей, пока не научимся дорожить, какъ священнымъ, всѣмъ, что есть кореннаго и хорошаго русскаго, пока не придемъ къ сознанію своего мощнаго національнаго духа и его потребностей и не отучимся преклоняться предъ всѣмъ, что заклеймено иностранною печатью. Пора бы, кажется, намъ исцѣлѣть отъ этого давнишняго нашего недуга слѣпаго благоговѣнія предъ всѣмъ иностраннымъ въ униженіе своего роднаго; но справедливость требуетъ сознаться, что мы все-таки больны этимъ недугомъ. Всякую безбожную иностранную книгу мы и до сихъ поръ не только съ удовольствіемъ прочтемъ, но и переведемъ на свой родной языкъ и готовы распространить ее учащенными изданіями по всей своей родинѣ. Всякую новомодную теорію, изобрѣтенную за границей, хотя бы прямо противогосударственную, мы готовы усвоить и головой и сердцемъ, и для проведенія ея въ общественное сознаніе и по сіе время рады бываемъ учреждать цѣлые нарочитые литературные органы. Говорятъ, что и самые-то финансы наши много страдаютъ между прочимъ отъ излишняго поклоненія экономическимъ ученіямъ, созданнымъ чужеземною наукою. Такъ случается у насъ и во многомъ другомъ. Впрочемъ, слава Богу, есть кажется у насъ и признаки возраждающагося національнаго духа;

но все-же люди, смѣло и открыто заявляющіе себя въ этомъ духѣ, не пользуются еще сочувствіемъ большинства. Все еще тянуть на заграничный западъ и тамъ искать источника всяческаго просвѣщенія для нашей родины считается у насъ первымъ признакомъ истиннаго ума и образованности; а радѣть о своемъ русскомъ и находить недостатки въ иноземномъ все еще считается призчакомъ отсталости и нѣкоторой даже тупости. Отсюда возникла и еще крѣпко держится политическая рознь между членами нашего русскаго общества; духъ партій и вражда между ними выражается довольно сильно въ нашихъ литературныхъ органахъ, и конечно только зловредно и гибельно можетъ отзываться и въ самой жизни. Не оттого ли всѣ реформы прошедшаго славнаго царствованія, благодѣтельныя по своему замыслу и по своимъ идеямъ, не принесли всѣхъ своихъ благихъ плодовъ, что проводились они въ русскую жизнь безъ примѣненія къ ея кореннымъ потребностямъ и совершались подъ вліяніемъ враждебности разныхъ политическихъ кружковъ и людьми разъединенными между собою по убѣжденіямъ и взглядамъ на то, что должно считать истинно полезнымъ для русскаго общества и что нѣтъ.

Вторымъ связующимъ нашимъ началомъ, дабы мы русскіе люди не изображали изъ себя разъединенную и разнохарактерную толпу народную, въ видѣ разбредшихся по разнымъ распутіямъ овецъ, а походили бы на благоденствующее евангельское стадо, на благоустроенный народъ съ извѣстнымъ отличительнымъ характеромъ, или же на здоровый организмъ, въ которомъ всѣ отдѣльные члены живутъ общею жизнію,—такимъ скрѣпляющимъ началомъ должна быть наша вѣра православная. Извѣстно, что ничто такъ сильно не движетъ сердцемъ человѣческимъ и ничто такъ не волнуетъ всей душой его, какъ религія; ибо предметомъ и содержаніемъ ея служатъ самыя дорогія и священныя для человѣка истины, отъ которыхъ зависитъ вся его судьба, въ особенности будущая загробная судьба, и по такому или иному отношенію къ этимъ истинамъ устрояется весь складъ и порядокъ всякой отдѣльной человѣческой жизни. Безхарактерность и измѣнчивость людская, это непрерывное ихъ колебаніе между дол-

гомъ и собственными выгодами, между требованіемъ совѣсти и личными удовольствіями, эта постоянная измѣна наша своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, эта, можно сказать, ежечасная рознь между нашими словами и дѣлами,—зависитъ отъ чего? Именно—отъ недостатка религіозности! Тотъ человѣкъ, въ душѣ котораго глубоко и прочно стоятъ религіозныя основы, находитъ въ самомъ себѣ неистощимый запасъ силъ для всякаго рода дѣятельности; дремать и спать онъ не любитъ, слово у него сходно съ дѣломъ; на немъ примѣчается опредѣленная физіономія, запечатлѣнная силой и отличающая его отъ массы другихъ колеблющихся и поверхностныхъ людей, которые одно говорятъ, а другое дѣлаютъ, и больше всего любятъ именно говорить, дѣлъ же добрыхъ ждутъ и требуютъ всегда отъ другихъ, болѣе ихъ сильныхъ людей, которые не прохлаждаться и разсуждать только умѣютъ, но и работать и дѣйствовать. Это именно люди религіозные; ибо они живутъ для Бога, а не для людей, которыхъ легко обмануть одною видимостію добрыхъ дѣлъ; они же руководствуются въ своей дѣятельности не мелкими какими нибудь и земными соображеніями, а самыми чистыми, святыми и небесными. Такимъ образомъ если-бы всѣ мы сдѣлались по религіознѣе, то и наша гражданская жизнь поднялась бы въ своемъ значеніи и своей силѣ, стряхнула бы съ себя вялую сонливость и косность, очистилась бы отъ многихъ недостойныхъ и грязныхъ дѣлъ, и украсилась бы единствомъ самыхъ благонамѣренныхъ, святыхъ и чистыхъ цѣлей. Это сразу бы насъ сдѣлало могучимъ и сильнымъ обществомъ и сплотило бы насъ во единый согласный и здравствующій во всѣхъ отношеніяхъ организмъ народный. Но религіозное начало внесло бы единство не только въ нашу дѣятельность нравственную, но объединило бы насъ и единствомъ настроенія, или гражданскимъ взаимнымъ сочувствіемъ, которое проистекало бы изъ единовѣрной близости и общности нашей другъ къ другу. Господь Спаситель нашъ сказалъ, что гдѣ будетъ сокровище наше, тамъ будетъ и сердце наше. Если-же наивысшимъ и священнѣйшимъ сокровищемъ души человѣческой по справедливости остается ея религіозная святыня, ея сокровенныя убѣжденія и завѣтныя вѣрованія, то естественно, что ничто

не можетъ такъ крѣпко соединять людей, какъ единство ихъ религіозныхъ вѣрованій, и наоборотъ ничто такъ глубоко не разобщаетъ людей, хотя бы объединенныхъ политически, какъ разность ихъ вѣроисповѣданій. Не изъ этого ли вѣроисповѣднаго единства, не изъ этой ли любви къ вѣрѣ православной черпали свою несокрушимую силу и мощь наши благочестивые предки, когда выходили на брань съ иностранными врагами и внутренними недругами русской народности? И не она ли, не эта-ли преданность вѣрѣ православной вмѣстѣ съ любовію къ царямъ православнымъ создала политическое величіе для нашего отечества? Слѣдовало бы намъ, по обстоятельствамъ нынѣшняго времени, наиболѣе чѣмъ когда нибудь подражать въ религіозной ревности нашимъ предкамъ; ибо опередивши ихъ во многомъ на пути просвѣщенія и гражданственности, мы при многихъ случаяхъ и во многихъ дѣлахъ оказываемся далеко позади ихъ насчетъ политической предусмотрительности; ибо все надѣемся создать свою политическую силу лишь единствомъ образованія, единствомъ гражданскихъ правъ для всѣхъ разноплеменныхъ народностей, составляющихъ обширное наше царство, а также общностію разныхъ гуманныхъ государственныхъ мѣропріятій для всѣхъ политическихъ нашихъ собратій и согражданъ по обитанію на русской землѣ. Но при этомъ мы забываемъ, что ничто не приведетъ насъ къ общенію и не создастъ намъ политической силы, если мы будемъ равнодушны къ своей вѣрѣ, и можетъ быть даже непрочь содѣйствовать успѣхамъ и процвѣтанію чужихъ вѣръ въ нашей родной странѣ по особаго рода нашему національному свободомыслію; забываемъ, что всѣми благами гражданственности и самыми широкими политическими правами никогда не обратимъ мы къ себѣ сердца и искренняго сочувствія людей, хоть и русскихъ по обитанію вмѣстѣ съ нами въ одной землѣ, но чужихъ намъ по вѣрѣ; что до тѣхъ поръ, пока соотечественники наши не суть православные христіане, до тѣхъ поръ въ большинствѣ случаевъ они и не могутъ быть названы и вполнѣ русскими. Первый искусительный случай откроетъ ихъ истинныя чувства и подлинное настроеніе, особенно тамъ, гдѣ они живутъ въ соприкосновенности съ пограничными и разновѣрными

нашими сосѣдами. Даже такъ, что чѣмъ развитѣе и выше по гражданственности какая нибудь община, живущая въ предѣлахъ нашего отечества, но разновѣрная съ нами; тѣмъ она ненадежнѣе такъ сказать для насъ въ смыслѣ политическаго съ нами общенія. Послѣ неоднократныхъ историческихъ уроковъ, пора бы намъ въ этомъ окончательно убѣдиться. Пора бы принять къ сердцу ту истину, что наикрѣпчайшее единеніе между народами можетъ быть основано на единеніи религіозномъ, а равно и то, что наибольшую живучесть и силу всякой національности сообщаетъ ея вѣроисповѣдная сила. Это очень хорошо понимаютъ тамъ, гдѣ хотятъ напримѣръ унизить и если можно истребить вовсе русскую и вообще славянскую народность; тамъ чаще и фанатичнѣе всего воздвигаются на нашихъ же просвѣщенныхъ глазахъ гоненія именно на православную русскую вѣру въ томъ справедливомъ разсчетѣ, что съ исчезновеніемъ ея пропадетъ и русская народность. Конечно, мы не учимъ этими словами подражать фанатизму нѣкоторыхъ недружелюбныхъ намъ общинъ или племенъ; но хотимъ внушить однако же, что сколько естественная, столько же и священная наша обязанность—ревновать о своемъ собственномъ вѣроисповѣданіи, какъ о наивысшей и драгоцѣннѣйшей святынѣ; заботиться о томъ, чтобы въ предѣлахъ по крайней мѣрѣ нашей собственной родины была полная возможность расти, укрѣпляться и расширяться нашей православной вѣрѣ, и чтобы устранены были всѣ неблагопріятныя и мѣшающія сему обстоятельства,—и какъ же иначе сему быть? Люди холодные и равнодушные къ вѣрѣ вообще говорятъ обыкновенно по этому случаю, что примѣшивать къ дѣламъ политическимъ и государственнымъ дѣла религіозныя есть дѣло не безопасное, не гуманное, и даже не религіозное. Въ устахъ таковыхъ людей эти слова означаютъ только то, что имъ дѣйствительно нечего примѣшивать, ибо у нихъ вовсе нѣтъ никакой религіи, никакой вѣроисповѣдной особенности; что своя, что чужая вѣра,—имъ все равно. Но какъ же государственному мужу и истинному сыну своего отечества, если онъ человѣкъ цѣльный и имѣющій крѣпкія религіозныя убѣжденія, проникающія всю его душу, какъ возможно ему двоиться и оставлять въ сторонѣ то, что

для него всего дороже, при какихъ бы-то ни было мѣропріятіяхъ и разсужденіяхъ о дѣлахъ своей родины? Это ненатурально! Иное дѣло, какими мѣрами проводить религіозные вопросы въ жизнь государственную, и какія средства употреблять для защиты и огражденія правъ своего роднаго вѣроисповѣданія,—насильственныя или справедливыя, жесткія или кроткія. Выбора и сомнѣнія здѣсь конечно и быть не можетъ. Но чтобы совсѣмъ забывать о религіи, когда рѣшаются вопросы государственные и общественные,—это неестественно и невозможно для людей сколько нибудь религіозныхъ, любящихъ свое отечество, и не смутно, а ясно понимающихъ, какое огромное вліяніе можетъ имѣть религія на дѣла общественныя и гражданскія. Самъ Господь Спаситель, сказавшій, что царство его не отъ міра сего (эти слова Господни любятъ особенно повторять политики, равнодушные къ религіи), велѣлъ однако-же своимъ апостоламъ, по его собственному примѣру, настойчиво, не избѣгая всяческихъ истязаній и не боясь даже самой смерти, проповѣдовать народамъ и племенамъ, возвѣщать царямъ и владыкамъ принесенную имъ съ неба религію; проповѣдь же апостольскую называлъ уловленіемъ человѣковъ въ свое невидимое царство, въ смыслѣ положительнаго и прямаго и притомъ настойчиваго вліянія на совѣсти людей и ихъ убѣжденія; а преобразованіе и обновленіе грѣшнаго и заблудившагося міра людскаго своимъ ученіемъ и всею своею искупительною дѣятельностію Господь назвалъ побѣдою; *дерзайте,* говоритъ, *яко азъ побѣдихъ міръ.* А побѣда, какъ извѣстно, предполагаетъ брань и борьбу, т. е. вообще усиленную и напряженную дѣятельность, хотя бы и въ самой мирной области религіозной. Вялымъ и сонливымъ отношеніемъ къ самымъ возвышеннымъ и просвѣтительнымъ идеямъ можно ли что нибудь хорошее сдѣлать для общества? Между тѣмъ люди сильные и могучіе столько же вѣрой, сколько и любовію къ отечеству, суть истинные сыны его и могутъ быть самыми благодѣтельными его преобразователями.

Сводя въ заключеніе весь смыслъ настоящаго поученія нашего къ нѣсколькимъ краткимъ словамъ, мы просимъ васъ запомнить и потрудиться исполнить въ жизни своей слѣдующее пра-

вило, если вы хотите истиннаго блага своему отечеству: «мы должны быть въ крѣпкомъ единеніи вопервыхъ съ верховною властію, а вовторыхъ съ самими собою. Условіемъ для перваго единенія должно быть наше искреннее повиновеніе и служба за совѣсть, а не за страхъ только; а для втораго единенія потребно прежде всего наше живое національное чувство любви къ Россіи, а наипаче всего живое и дѣятельное религіозное чувство и ревность къ православной вѣрѣ русской».

О, если-бы Господь поскорѣе успокоилъ нашу страну, умиротворилъ бы насъ съ самими собою и крѣпко объединилъ бы и съ вѣнценоснымъ монархомъ нашимъ, дабы было въ нашемъ православномъ русскомъ царствѣ едино стадо и единъ пастырь! Аминь.

СЛОВО

при открытіи памятника надъ могилою князя Пожарскаго *).

(2-го іюня 1885 г.).

Въ настоящія скорбно-торжественныя минуты молитвеннаго поминовенія одного изъ великихъ героевъ русскихъ съ особенною силою возстаютъ прискорбныя воспоминанія о тѣхъ неустройствахъ и опасностяхъ, которыя приходилось переживать нашему отечеству въ началѣ XVII-го столѣтія. Сердце содрогается при чтеніи историческихъ сказаній объ этомъ ужасномъ времени. Кровь русская лилась потоками. Честь русская была унижена, богатства русскія разграблены, святыни поруганы, самая столица русская очутилась въ рукахъ хотя единоплеменныхъ, но неправославныхъ и высокомѣрно презиравшихъ все русское поляковъ; родъ царей русскихъ пресѣкся, престоломъ русскимъ послѣ самозванцевъ готовъ былъ завладѣть католическій польскій король; вѣра православная была въ сильнѣйшей опасности, и наша правовѣрная Великороссія конечно испытала бы тѣ же истязанія

*) Напечатано въ 13 № «Владимірск. Епарх. Вѣдомостей» за 1885 г.

и тѣ же кровавыя гоненія за православную вѣру, которыя допустилъ Господь испытать за нее единокровную и единовѣрную намъ Малороссію и Бѣлоруссію подъ гнетомъ польскихъ королей и римскихъ папъ. Но какъ ни тяжки были тогдашніе грѣхи русскаго народа, Господь помиловалъ его и отвелъ удары своего праведнаго гнѣва рукою двухъ доблестныхъ русскихъ мужей, подвигнувшихъ своимъ примѣромъ все русское общество на безкорыстные подвиги любви къ вѣрѣ и на мужественную защиту гражданской русской чести. Эти мужи были, какъ извѣстно, нижегородскій гражданинъ Козьма Мининъ и нашъ суздальскій родичъ приснопамятный князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Сегодня близь мѣста вѣчнаго упокоенія сего родича нашего и при открытіи могильнаго памятника, воздвигнутаго ему благодарнымъ русскимъ потомствомъ, съ особеннымъ усердіемъ мы русскіе люди, и въ особенности мы населяющіе области Владимірскую и Суздальскую, должны помолиться объ упокоеніи въ вѣчныхъ обителяхъ небесныхъ души усопшаго раба Божія князя Дмитрія. Да покроетъ его Господь, послѣ славы земной, вполнѣ имъ заслуженной, превосходнѣйшею славою небесною за совершенные имъ подвиги любви къ своимъ соотечественникамъ и за безбоязненную ревность о славѣ святѣйшей вѣры православной!

Но послѣ молитвы самою лучшею данью любви и благодарности нашему православному русскому витязю и спасителю нашего отечества въ смутную пору его должно быть съ нашей стороны подражаніе его мужественной любви къ отечеству и его святой ревности по вѣрѣ. Какъ дѣйствовалъ онъ, какъ мыслилъ и чувствовалъ въ годину бѣдствій нашей родной страны, такъ должны по возможности поступать и мы, и такъ же быть настроены и тѣмъ же вдохновляться духомъ, какъ и онъ. И писаніе божественное, заповѣдуя намъ поминать наставниковъ и образцовыхъ предшественниковъ нашихъ, заповѣдуетъ непремѣнно подражать вѣрѣ и дѣламъ ихъ, которыми ознаменовано было скончаніе жительства ихъ. Неудобно было бы предлагать теперь подробное описаніе славныхъ дѣлъ приснопамятнаго князя Пожарскаго, возьмемъ въ свое назиданіе одно это великое чувство его любви къ отечеству и поучимся отъ него, какъ надобно по-

надлежащему любить намъ свою родину. Спокойствіе, здоровье и самую жизнь свою приносилъ въ жертву благовѣрный князь Дмитрій во главѣ истинно русскихъ людей, когда потребовалось все это для спасенія погибавшаго отечества нашего. Такъ же нелицемѣрна, такъ же крѣпка и дѣятельна должна быть и наша любовь къ родинѣ, когда она позоветъ насъ на борьбу за свои священныя права, за свою честь и достоинство и за общее наше сокровище—св. вѣру православную. Впрочемъ нашъ патріотизмъ для своего проявленія не долженъ дожидаться какихъ нибудь непремѣнно вызывающихъ и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, напримѣръ подобныхъ тѣмъ смутамъ и бѣдствіямъ нашего отечества въ XVII-мъ столѣтіи, во время которыхъ прославился и сталъ историческимъ лицомъ князь Пожарскій. Нѣтъ, во всякое время мы должны и можемъ быть горячими и любящими сынами своего отечества; должны воспитывать это чувство наиболѣе всего въ мирное и спокойное время усерднымъ и нелицемѣрнымъ исполненіемъ своего долга, какой каждому изъ насъ назначенъ родомъ его жизни или службы, дабы, когда потребуютъ отъ насъ обстоятельства какихъ нибудь видныхъ и чрезвычайныхъ подвиговъ, мы оказались бы для нихъ вполнѣ способными и приготовленными. Вѣдь и князь Пожарскій потому конечно оказался такимъ доблестнымъ мужемъ въ минуты опасности своего отечества, что велика была его обычная и постоянная доблесть душевная, что христіанскимъ воспитаніемъ въ благочестивой семьѣ привито было еще прежде къ его сердцу религіозное чувство и благоговѣніе къ церкви Божіей, что гражданская честность и земское благородство съ безкорыстіемъ знакомо и обычно ему было еще до совершенія имъ великаго историческаго подвига для своего погибавшаго отечества.

Но дабы яснѣе и опредѣленнѣе сознать намъ, чего именно требуетъ отъ насъ любовь къ отечеству по примѣру доблестнаго сына Россіи и блаженнаго князя Пожарскаго, о душѣ котораго собрались мы сегодня творить молитву на его могилѣ, не худо вспомнить намъ поподробнѣе о томъ, что творилось въ русской землѣ въ такъ называемое безгосударное время, когда жилъ и дѣйствовалъ князь Пожарскій, дабы яснѣе видѣть и усерднѣе

избѣгать того, отъ чего главнымъ образомъ произошло тогдашнее страшное потрясеніе всего русскаго общества.

Крайнее развитіе произвола, необузданныя чувственныя страсти, алчность и корыстолюбіе отдѣльныхъ личностей съ забвеніемъ общаго гражданскаго блага, попраніе законовъ и разобщеніе съ правительственною властію,—вотъ первое тогдашнее зло, изъ котораго родились дальнѣйшія бѣдствія нашего отечества. Многочисленныя шайки всякой безначальной вольницы разгуливали безнаказанно по землѣ нашей. Въ судахъ творилась явная неправда и издѣвательство сильныхъ надъ слабыми, вызывавшія горькія жалобы на правительство. Семейное начало сильно расшатано было развратомъ и грубою чувственностію народной толпы; такъ-что любому искателю приключеній легко было собрать вокругъ себя множество подобныхъ себѣ развращенныхъ людей, подъ условіемъ обѣщанія имъ всяческихъ политическихъ льготъ и независимости отъ властей, и вести эту разнузданную толпу на борьбу съ правительствомъ. То было время самозванцевъ и различныхъ разбойническихъ атамановъ, съ шайками которыхъ приходилось то и дѣло бороться самой Московской столицѣ. Времена конечно теперь измѣнились. Той грубости и варварства нравовъ, равно какъ и того безначалія и беззаконія, которое открыто занималось грабежомъ и насиліемъ, нѣтъ уже. Но въ утонченномъ и изощренномъ и такъ сказать приличномъ видѣ всего этого, какъ извѣстно, весьма довольно и теперь. То и дѣло приходится слышать о разореніи однихъ отъ алчности и нечестности другихъ. То и дѣло повторяются случаи самой безстыдной растраты казенныхъ и земскихъ капиталовъ. То и дѣло повторяются злонамѣренныя и сознательныя банкротства, осуждающія на нищенство цѣлыя тысячи неповинныхъ и довѣрчивыхъ людей. А роскоши и неумѣренности въ образѣ жизни, доводящей столь многихъ до разныхъ преступленій, а легкости нравовъ и развращенности обычаевъ съ забвеніемъ всего святаго и возвышеннаго,—кто скажетъ, что у насъ нѣтъ всего этого, или очень мало? Напротивъ не отсюда ли происходятъ между прочимъ эти повсюду слышимыя жалобы на всѣхъ и на все, это всеобщее наше оскудѣніе и недовольство современнымъ поло-

женіемъ вещей? Это чаемое исцѣленіе какъ бы отъ гнетущаго всѣхъ какого-то гражданскаго недуга? Не здѣсь ли причина и того, что такъ горько не оправдались надежды общества на благотворную и широкую дѣятельность нашихъ земцевъ, которыхъ то и дѣло упрекаютъ и печатно и устно въ разныхъ родахъ безпечности и разныхъ опущеніяхъ, а также и въ привычкѣ радѣть больше о своихъ собственныхъ, чѣмъ общественныхъ интересахъ? Изъ всего этого могутъ выдти и теперь, а отчасти уже и вышли или выходятъ, разнообразныя бѣдствія для нашего отечества, и даже великія государственныя потрясенія, подобныя тѣмъ, которыя испытала Россія во времена князя Пожарскаго. Такимъ образомъ наша любовь къ отечеству требуетъ отъ насъ вопервыхъ строгаго сознанія и соблюденія нашего долга гражданскаго, нашей честности и безкорыстія на службѣ обществу въ тѣхъ родахъ и видахъ ея, въ какихъ Господь поставилъ каждаго изъ насъ. Надо воспитать намъ въ себѣ неуклонное повиновеніе правительственнымъ распоряженіямъ не только за страхъ, но главнымъ образомъ за совѣсть; такъ, чтобы ближнимъ нашимъ и цѣлому обществу отъ служебной и гражданской дѣятельности нашей выходило прямое благо, а не ущербъ. Пусть возрастаетъ и наше личное благо; но во всей нашей дѣятельности должна быть проведена и свято соблюдаема граница между *моимъ*, *твоимъ и общественнымъ или казеннымъ*.

Вторымъ зломъ ужаснаго времени, въ которое жилъ и подвизался доблестный князь Пожарскій, было отсутствіе законныхъ государей на престолѣ русскаго царства. Въ отечественной нашей исторіи такъ и называется это время безгосударнымъ. По смерти царя Іоанна Васильевича Грознаго нѣкоторое время правилъ царствомъ русскомъ, подъ руководствомъ боярина Бориса Годунова, сынъ Грознаго — Ѳеодоръ. Когда же и онъ скончался, а царевичъ Дмитрій — тоже сынъ Грознаго убитъ былъ злодѣйскою рукою въ Угличѣ; то погасла послѣдняя отрасль древнихъ царей русскихъ, и на престолъ вступилъ, по народному избранію, бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Народная молва обвинила его въ убійствѣ царевича Дмитрія и эта молва окрѣпла даже въ исторіи русской, хотя преступленіе Годунова не до-

казано предъ судомъ строгой исторической критики. Да будетъ ему судьей самъ праведнѣйшій Господь Богъ! Но все же домъ Годунова не утвердился на престолѣ русскомъ. Самъ онъ внезапно скончался, а сынъ его убитъ въ народномъ мятежѣ. Затѣмъ восходитъ на престолъ царей русскихъ самозванецъ Лжедимитрій, объявившій себя спасшимся царевичемъ Дмитріемъ Угличскимъ. По убіеніи этого обманщика возводится на престолъ партіей своихъ приверженцевъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который и четырехъ лѣтъ не могъ усидѣть на престолѣ русскомъ. Является второй самозванецъ, извѣстный въ нашей исторіи подъ именемъ Тушинскаго вора, а по сверженіи князя Шуйскаго настала такъ называемая *семибоярщина*, т. е. Москва за всю Россію присягнула на нѣкоторое время верховной думѣ, состоящей изъ семи знатнѣйшихъ бояръ. Вотъ это время и было самое опасное и мятежное. Народъ русскій распался на враждебныя партіи. Одни хотѣли подчиниться второму самозванцу, другіе хотѣли пригласить на престолъ русскій неправославнаго польскаго короля, и только третья, можно сказать истинно русская партія, во главѣ которой стоялъ патріархъ Гермогенъ, хотѣла непремѣнно, чтобы избранъ былъ на престолъ русскій кто нибудь изъ лучшихъ и православныхъ русскихъ бояръ. Господь помогъ превозмочь этой третьей партіи, и на престолъ русскій вступилъ родоначальникъ нынѣ царствующаго дома Романовыхъ— Михаилъ Ѳеодоровичъ. Но пока это случилось, пока не усмирены были русскіе мятежники и не прогнаны были изъ Москвы засѣвшіе въ ней и звѣрствовавшіе тамъ поляки сильною дружиною нашего роднаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго,—Россія волновалась подобно бурному морю. Потоки русской крови лились безпрерывно, всякіе грабежи и насилія совершались невозбранно не только по отдаленнымъ городамъ, глухимъ селамъ и деревнямъ, но и въ самой столицѣ. Россія казалась погибающею. Жизнь и благоденствіе возвратились ей лишь съ того времени, какъ прочно утвердилась въ ней снова самодержавная и православная царская власть. Изъ всего сказаннаго извлекается для насъ урокъ, и притомъ самый сильный историческій урокъ и наглядное указаніе, чего еще требуетъ отъ насъ любовь къ оте-

честву,—это преданности и вѣрноподданнической службы нашимъ православнымъ государямъ. Въ нашемъ крѣпкомъ единеніи съ царемъ заключается и наша сила государственная и благоденствіе общественное. Ничто такъ крѣпко не можетъ объединить народъ и такъ могущественно дѣйствовать на него, какъ вѣрноподданическая любовь и благоговѣніе къ священной особѣ монарха, который однимъ своимъ царскимъ и отеческимъ словомъ можетъ подвигнуть своихъ вѣрныхъ сыновъ на самыя великія жертвы и на самые напряженные подвиги въ минуты какой-либо опасности для отечества. Но и въ обычное мирное время ничто и никто не можетъ внушать милліонамъ отдѣльныхъ общественныхъ единицъ столько довѣрія и повиновенія, сообщать столько крѣпости законоположеніямъ и правительственнымъ распоряженіямъ, какъ священная особа самодержавнаго государя, ни отъ кого независимаго, безкорыстнаго, любящаго народъ свой и имѣющаго всѣ средства созидать его благо, не стѣсняясь никакими сторонними коварными и зловредными для народа вліяніями. Это очень хорошо понимаютъ враги нашего общественнаго порядка и наши политическіе злоумышленники; и потому для успѣха своихъ противугосударственныхъ замысловъ они прежде всего затѣваютъ подземную и скрытную борьбу противъ нашихъ государей, силятся ослабить и поколебать народное чувство благоговѣнія къ ихъ особѣ и этимъ путемъ надѣются посѣять государственную смуту. Противопоставимъ всѣмъ этимъ замысламъ современныхъ крамольниковъ нашу крѣпкую любовь и преданность нашему Государю и будемъ воспитывать эти чувства въ нашихъ дѣтяхъ, и покуда не исчезнутъ въ концѣ въ нашемъ отечествѣ всѣ видимыя и невидимыя крамолы нашихъ супостатовъ, будемъ молиться вмѣстѣ съ церковію о нашемъ благочестивѣйшемъ Государѣ, да ничтоже успѣетъ врагъ на него, и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его!

Но самою бѣдственною, можно сказать, чертою смутнаго времени, въ которое суждено было жить доблестному князю Пожарскому, — было крайнее разслабленіе религіознаго чувства въ русскихъ людяхъ. Забвеніе Бога, разврат и равнодушіе къ своимъ національнымъ святынямъ до того было сильно, что онѣ

равнодушно были предаваемы осквернению и разграблению своими же русскими буйными и грубыми толпами. Присяга стала простымъ обрядомъ безъ значенія. Одни и тѣ же люди безъ зазрѣнія совѣсти цѣловали крестъ то царю Борису, то самозванцу, то князю Шуйскому, то опять какому нибудь неизвѣстному проходимцу. Гдѣ казалось привольнѣе жить, гдѣ самыя грубыя и животныя страсти предвидѣли болѣе для себя пищи, туда народъ позабывшій Бога и устремлялся. Даже и тогда, когда въ виду погибавшей Москвы, очутившейся въ рукахъ иноземцевъ, сказалось наконецъ униженное національное чувство въ русскихъ людяхъ и собралось народное ополченіе для спасенія столицы подъ предводительствомъ Рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова,—и тогда погибель русскаго царства еще не устранилась; ибо это народное ополченіе еще не было воодушевлено чистымъ и святымъ чувствомъ вѣры и не было объединено безпримѣсною любовію къ родинѣ, созрѣваемой подъ осѣненіемъ религіи. Самъ воевода этого ополченія погибъ въ борьбѣ съ отдѣльными предводителями и казацкими атаманами, споривщими изъ-за первенства и корысти. Наконецъ тогда уже, когда одно только чистое религіозное чувство русскаго народа, униженное и оскорбленное до послѣдней степени на всемъ пространствѣ русской земли то иноземцами, то своими же развратниками, сказалось и съ силою заговорило въ избранныхъ и лучшихъ рускихъ людяхъ, когда изъ грамотъ разсылаемыхъ изъ Свято-Троицкой Лавры города и веси русскія съ ужасомъ поняли, что гибнетъ вмѣстѣ съ народною честію и православная вѣра, когда подъ вліяніемъ этихъ грамотъ и подъ наитіемъ святой ревности по вѣрѣ составилось новое ополченіе и устремилось подъ Москву съ княземъ Пожарскимъ, когда самая алчность казацкихъ таборовъ устыдилась церковной утвари, высланной имъ вмѣсто денегъ изъ оскудѣвшей Троицкой Лавры; тогда только подъ дружнымъ напоромъ русскаго народа, единодушно ставшаго на защиту своей вѣры и своихъ святынь, враги его разсѣялись, и были прогнаны, и внутреннее спокойствіе въ государствѣ нашемъ постепенно возстановилось, и всѣ опасности одна за другой миновались.

Какого еще сильнѣе намъ нужно вразумленія изъ исторіи, что

св. вѣра Христова, когда свѣтъ ея свѣтитъ въ умахъ людскихъ и когда священный огонь ея объемлетъ сердца людей, бываетъ спасительницею ихъ въ самыхъ неотвратимыхъ повидимому опасностяхъ, и что ею зиждется не только спасеніе душъ ихъ, но и устрояется наше государственное благоденствіе, и что подъ ея осѣненіемъ растетъ и политическая наша сила? Если-бы въ сей часъ въ семъ священномъ и древнѣйшемъ православномъ храмѣ русскомъ и возлѣ могилы одного изъ православнѣйшихъ и наилучшихъ сыновъ Россіи князя Дмитрія Пожарскаго вняли мы сему уроку исторіи и положили бы себѣ священнымъ обѣтомъ возлюбить всей душой и сердцемъ нашу православную вѣру, то это было бы наилучшею съ нашей стороны данью благоговѣнія и благодарности къ памяти сего великаго мужа и истиннаго сына Россіи. Между имъ и подобными ему истинно русскими людьми и между нами тогда только и можетъ установиться прямая національная связь, когда мы воодушевлены будемъ тѣмъ же духомъ вѣры и тою же ревностію о православіи, какою горѣли они и съ какою совершали свои подвиги для нашей отечественной страны. Если-же не будетъ на челѣ нашемъ сіять печать Христовой вѣры, а въ сердцѣ нашемъ не будетъ ощутима искра ревности о православіи; то не можемъ мы и называться истинно русскими людьми. Всѣ наши рѣчи о благѣ своего отечества и всѣ наши порыванія къ этому благу будутъ лишь празднословіемъ и безплоднымъ мечтаніемъ объ этомъ благѣ.

Милосердый Господи Боже нашъ! Сотвори вѣчную память рабу твоему приснопамятному князю Дмитрію и упокой душу его въ селеніяхъ праведныхъ, а насъ молящихся о немъ потомковъ его одушеви тою же возвышенною и чистою любовію къ нашей отчизнѣ, въ которой горитъ свѣтильникъ возженной тобою вѣры православной, какою пламенѣла душа сего доблестнаго князя; и возрасти въ насъ ту же гражданскую доблесть и земское безкорыстіе и ту же нелицемѣрную преданность законной правительственной власти, какими прославился онъ предъ лицемъ всей русской земли! Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

воспитанникамъ семинаріи предъ началомъ новаго 1885—86 учебнаго года *).

(28 августа 1885 г.).

Непрестанно воспоминаю о васъ въ молитвахъ моихъ, чтобы Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, далъ вамъ Духа премудрости и откровенія къ познанію Его, и просвѣтилъ очи сердца вашего, дабы вы познали, въ чемъ состоитъ надежда призванія Его, и какое богатство славнаго наслѣдія Его для святыхъ (Ефес. I, 16—18).

Юнымъ дѣтямъ и возрастающимъ юношамъ предъ началомъ ихъ ученія весьма прилично повторить эти благожелательныя слова апостола Павла, которыми онъ привѣтствовалъ Ефесскихъ христіанъ. Потому-то конечно вы и слышите эти слова всякій разъ при началѣ своего учебнаго года въ апостольскомъ чтеніи, положенномъ церквію на молебномъ пѣніи «при начатіи ученія отроковъ». Выбравъ и узаконивъ такое чтеніе на всѣ подобные случаи, Христова церковь, наша всеобщая воспитательница и учительница, очевидно хочетъ выразить ту мысль, что самою высшею и послѣднею цѣлью всякаго обученія должно быть познаніе Господа Бога, приближеніе къ нему и устремленіе духа человѣческаго въ ту неземную область, гдѣ ждетъ его истинно разумная и блаженная жизнь въ общеніи съ источникомъ всякаго вѣдѣнія Господомъ Богомъ. Всѣ иныя цѣли суть низшія и служебныя. А ту науку и то обученіе, которое забывало бы эту высшую цѣль свою и даже отвращало бы учащихся отъ богопознанія (есть всякія обученія!), церковь и не благословляетъ и отнюдь не беретъ подъ свое покровительство. Такимъ образомъ мое самое горячее желаніе вамъ, духовные воспитанники, буду-

*) Напечатано въ 19 № «Влад. Епарх. Вѣдомостей» за 1885 г.

щіе избранные служители Христовой церкви и пастыри духовные, дабы вы успѣвали въ новомъ своемъ учебномъ годѣ главнымъ образомъ въ боговѣдѣніи и въ богоприближеніи, и дабы всѣ ваши труды учебные, всѣ ваши помыслы и вся ваша жизнь въ нашей школѣ сводилась и направлялась провидѣніемъ Божіимъ къ этой именно высшей цѣли всякой науки, которую разумѣетъ апостолъ, хотя бы эта цѣль не всегда ясно и не всегда близко имѣлась у васъ въ виду по вашей еще юности и духовной незрѣлости.

Если вы вникнете въ благожелательныя слова апостольскаго привѣтствія, которыми св. церковь привѣтствуетъ и васъ предъ началомъ вашихъ учебныхъ трудовъ; то усмотрите, что успѣхи въ достиженіи высшихъ цѣлей обученія возможны лишь при благодатномъ пособіи и воздѣйствіи отъ Господа Бога на органы душевной воспріемлемости къ обученію, на умъ и сердце человѣческое. Такъ-что если Богъ Господа нашего Іисуса Христа Отецъ славы не дастъ человѣку Духа премудрости и откровенія къ познанію его; то человѣкъ этотъ такъ и останется въ невѣдѣніи Бога, при самыхъ счастливыхъ умственныхъ своихъ способностяхъ и при богатствѣ научныхъ свѣдѣній, которыми наполнена можетъ быть его голова. Что много всегда было, чрезвычайно много и теперь есть такихъ слѣпотствующихъ умниковъ и безбожныхъ ученыхъ головъ, что выходятъ они часто изъ высшихъ и считающихся лучшими и образцовыми учебными заведеніями,—это вы конечно слыхали и сами знаете. Точно также, если благодать Божія не просвѣтитъ очей сердечныхъ въ человѣкѣ, которыми человѣкъ только и можетъ видѣть и постигать очень многое, что совсѣмъ даже недоступно горделивому и пытливому уму его; то человѣкъ такъ и останется сухимъ, безсердечнымъ и тупымъ существомъ къ постиженію всего, что касается сокровенныхъ и возвышенныхъ таинъ его духа и его высшаго человѣческаго назначенія. Эти окованные сердцемъ въ мудрости люди, по изреченію псалмопѣвца, такъ и остаются съ своимъ матеріальнымъ, низменнымъ и животнымъ направленіемъ во всю свою жизнь, хотя бы около нихъ раздавались самыя громогласныя повѣданія небесъ о славѣ Божіей, и хотя бы о тво-

реніяхъ рукъ Божіихъ возвѣщала непрерывно твердь небесная предъ самыми ихъ многоучеными очами. Закованное, какъ въ броню желѣзную, въ эгоизмъ и чувственность, сердце ихъ совершенно теряетъ воспріемлемость къ глаголамъ Божіимъ. Безвкусіе ко всему духовному и возвышенному у нихъ полное; равнодушіе и даже отвращеніе къ требованіямъ религіи у нихъ страшное. Какой прокъ, спрошу я васъ, для такихъ несчастныхъ людей въ ихъ обученіи и умственномъ развитіи, хотя бы оно было самое широкое и самое многообразное? Стали даже вообще говорить, что съ развитіемъ наукъ и умноженіемъ учености въ людяхъ слабѣетъ ихъ вѣра, умножается скептицизмъ и отрицаніе христіанскихъ догматовъ, а жизненная развращенность пріобрѣтаетъ лишь безстрашное спокойствіе, ибо изобрѣтаетъ для себя разныя научныя оправданія. Къ сожалѣнію, это справедливо, и именно для тѣхъ людей, которые учатся и развиваются внѣ благодатнаго осѣненія свыше и которымъ отказалъ Господь *въ духѣ премудрости и откровенія къ познанію Его*. Какъ это ни грустно, а нужно признаться, что такихъ людей нынче расплодилась масса. Ихъ соблазнительныя рѣчи повсюду раздаются, ихъ заражающими примѣрами окружены мы со всѣхъ сторонъ, ихъ книжные ученые труды печатаются въ тысячахъ экземпляровъ и жадно подхватываются легковѣрною молодостью для прочтенія. И всѣ эти люди вышли большею частію изъ разныхъ школъ, и въ тотъ самый періодъ жизни, который вы теперь переживаете, сидѣли подобно вамъ на учебныхъ скамейкахъ. Вотъ что страшно и что внушаетъ разныя опасенія за васъ и что побуждаетъ насъ предъ началомъ вашего ученія молить Господа молитвенными словами апостола Павла объ его ефесскихъ ученикахъ, *дабы Богъ Господа нашего Іисуса Христа Отецъ славы далъ вамъ духа премудрости и откровенія къ познанію Его, и просвѣтилъ бы очи сердца вашего!* Кромѣ указанныхъ примѣровъ ненормальнаго научнаго и умственнаго развитія есть у насъ, откровенно говоря передъ вами, и свои домашніе поводы для опасеній и неувѣренно-тревожныхъ заботъ о вашемъ обученіи и воспитаніи. Развѣ не знаете вы сами, что въ вашей массѣ попадаются такія личности, что что имъ ни говори,

какъ ни усовѣщевай ихъ, какъ ни стыди и ни грози,—а они все свое? Все у нихъ какое-то не хорошее на умѣ, все ихъ тянетъ, съ позволенія сказать, къ какимъ-то мерзостямъ и пошлостямъ, и заботы о своей порядочности, повидимому, нѣтъ у нихъ никакой. Мы имъ внушаемъ: «учитесь какъ можно прилежнѣе», — а они шалости и ничегонедѣланье съ обманомъ наставниковъ чуть-ли не считаютъ какою-то заслугою и молодечествомъ и похваляются имъ предъ своими болѣе скромными и усердными товарищами. Мы ихъ учимъ: «будьте вѣжливы и деликатны»,—а они какъ будто нарочно невѣжничаютъ и даже рисуются своею грубостію и не опустятъ случая устроить втихомолку и изъ-за угла какую нибудь непріятность и огорченіе своимъ воспитателямъ. Мы настаиваемъ: «будьте цѣломудренны въ жизни, чисты въ помыслахъ и скромны въ словахъ»,—а они дозволяютъ всякія сальности и любострастныя выходки на квартирахъ и въ школѣ, походя похабничаютъ въ словѣ и находятъ умнымъ острить разными неприличными, то площадными, то оскорбительными надписями на стѣнахъ, на партахъ и гдѣ приведется. Мы хлопочемъ внушить страхъ и отвращеніе къ хмѣльнымъ удовольствіямъ, какъ къ дѣлу и вообще непотребному, а для духовныхъ юношей совершенно непристалому,—а они устраиваютъ винныя пирушки по секрету и въ недоступное время для приставленнаго къ нимъ надзора, и учащая эти секретныя пирушки и непристойныя хмѣльныя дурачества, и въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые привыкаютъ къ вину и выходятъ изъ заведенія съ готовыми несчастными задатками недостойнаго священнослужительства по селамъ и деревнямъ православнаго русскаго народа, вмѣсто ожидаемаго отъ нихъ просвѣтительнаго пастырства. Мы привлекаемъ ихъ къ точному и искреннему исполненію обязанностей религіозныхъ и хотимъ освоить и сроднить ихъ съ церковными обрядами и уставами,—а они обо всемъ этомъ не радятъ, а нѣкоторые наслышавшись и начитавшись всякой книжной тли кощунствуютъ втайнѣ, самохвально надѣвая на себя жалкую тогу якобы крѣпко-головыхъ отрицателей и невѣровъ, не замѣчая въ ребяческой самомнительности, что тога эта совершенно имъ не по плечу, т. е. не по головѣ и не по уму и

вообще не по сану. Что вы скажете про все это сами? Не правда ли, что про такихъ воспитанниковъ нельзя сказать, что Господь даровалъ имъ Духа премудрости и откровенія къ познанію его? А напротивъ надо сказать про нихъ, что они стоятъ на ложной дорогѣ, которая къ добру и къ Богу ихъ не приведетъ! Много-ли мало-ли такихъ личностей въ вашемъ обществѣ, а если они есть,—то вотъ и скорбь намъ большая, а вашему обществу стыдъ и срамъ великій. Такимъ образомъ, любезные воспитанники, вашею первою заботою въ наступившемъ учебномъ году должно быть то, чтобы снискать отъ Господа Бога ту благодать и того Духа Божія, который отверзаетъ умственныя очи человѣку и, касаясь невидимо его сердца, содѣйствуетъ его правильному и всестороннему развитію и дѣлаетъ истинно благороднымъ и истинно образованнымъ человѣкомъ, и безъ котораго всѣ усилія и ваши и наши объ вашемъ образованіи могутъ пропасть задаромъ и не имѣть никакого успѣха. Какъ снискать сего? Усердною молитвою, тихимъ и кроткимъ своимъ поведеніемъ. Просите неослабно Господа своими юными устами и старайтесь заслужить его милость своими дѣлами, дабы онъ «милостивно призрѣлъ на васъ и ниспослалъ въ сердца, во умъ и во уста ваши Духа премудрости, разума же и благочестія и страха своего, во еже скоро пріяти и спѣшно навыкнути божественнаго закона Его, даровати вамъ здравіе и долголѣтны васъ сотворити къ созиданію и славѣ церкви своея!» Господь услышитъ васъ, когда вы будете отъ души и сердца взывать къ нему и своимъ поведеніемъ будете доказывать, что вы усиленно ищете не той премудрости, которую апостолъ называетъ земной, душевной и бѣсовской, и которая сопровождается завистію и сварливостью, а премудрости сходящей свыше, которая *вопервыхъ чиста, потомъ мирна, кротка, послушлива, исполнена милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна и нелицемѣрна* (Іак. III, 15. 16).

Что касается далѣе—вашихъ учебныхъ обязанностей и трудовъ въ наступающемъ новомъ лѣтѣ вашемъ; то кромѣ общихъ и обычныхъ внушеній о прилежаніи и усидчивомъ терпѣніи въ книжныхъ занятіяхъ, я долженъ указать для вашего назиданія

на два обстоятельства, попреимуществу новыя, съ которыми вы встрѣтитесь въ нынѣшнемъ учебномъ году. Да будутъ для васъ эти обстоятельства вразумленіемъ свыше, и какъ бы указаніемъ отъ самаго провидѣнія—того, на что вы должны устремить преимущественно свои учебные труды. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ внутренняго и таинственнаго воздѣйствія на сердце человѣческое своею благодатію, Господь руководитъ человѣка еще и видимыми указаніями, слагающимися изъ обстоятельствъ его жизни. Разумный человѣкъ и вѣрующій христіанинъ не долженъ пропускать безъ вниманія этихъ указаній; напротивъ долженъ изучать ихъ, уразумѣвать ихъ смыслъ, и руководствоваться ими въ своей жизни. Такъ слѣдуетъ поступить и вамъ. А васъ вотъ что новое ожидаетъ, — это новый семинарскій уставъ. Самая крупная для васъ новость этого устава состоитъ въ томъ, что науки богословскаго характера и содержанія получаютъ въ немъ преобладающее и господствующее значеніе. Какъ число учебныхъ часовъ, такъ и количество преподавателей по этимъ предметамъ въ нашей семинаріи значительно увеличиваются. Нѣкоторые богословскіе предметы вводятся въ тѣхъ классахъ, гдѣ прежде были только предметы общаго образованія. Наконецъ вводятся нѣкоторые совершенно новые богословскіе предметы. Все это направляется очевидно къ тому, чтобы по выходѣ изъ семинаріи вы чувствовали себя съ довольнымъ запасомъ тѣхъ именно знаній, которыя отъ васъ потребуются прежде всего, и безъ которыхъ нельзя быть дѣльнымъ и знающимъ пастыремъ церкви. И въ самомъ дѣлѣ, если успѣхъ каждаго дѣла зависитъ много отъ нарочитой предварительной подготовки дѣятелей; то и ваше будущее пастырство много облегчится для васъ и пойдетъ успѣшнѣе, если вы болѣе къ нему будете приготовлены въ школѣ. Надобно правду сказать, что до послѣдняго времени духовные воспитанники по характеру своего образованія были лицами какого-то смѣшаннаго вида. За свѣтскими школами по своимъ учебнымъ программамъ они не могли угоняться, хотя многіе изъ нихъ стремились въ эти школы по своимъ наклонностямъ или житейскимъ соображеніямъ. Но и въ своихъ спеціальныхъ предметахъ они далеко не все то знали, что могли бы гораздо основательнѣе изучить и узнать въ сред-

ней духовной школѣ для своей ближайшей цѣли, т. е. для пастырства и священства. А между-тѣмъ большинство духовныхъ воспитанниковъ съ этою, такъ сказать, недоученостію все же поступало въ духовное званіе, и теченіемъ сословной жизни все же направляемо было на обычный путь священно-служенія. Для образовательныхъ цѣлей духовнаго званія здѣсь была только одна потеря; ибо пробѣлы богословскихъ знаній, столь нужныхъ для просвѣтительной и учительной дѣятельности каждаго священника, весьма трудно уже могутъ быть пополняемы въ жизни и во время самой службы священно-служительской. Съ обязанностями этой службы настоитъ, какъ извѣстно, для каждаго священника множество и другихъ неотложныхъ обязанностей, напримѣръ семейныхъ, хозяйственныхъ и проч. И потому образовательные пробѣлы для большинства нашихъ питомцевъ такъ и оставались пробѣлами и на ихъ послѣдующей духовной службѣ. Да и для самихъ духовныхъ школъ прежній порядокъ вещей сопряженъ былъ съ потерею и немаловажнымъ вредомъ. Ибо ученики наши держались въ какомъ-то колебательномъ положеніи, и до извѣстныхъ классовъ многіе изъ нихъ, и даже лучшіе не знали, что имъ дѣлать и куда направлять себя, — для свѣтской, или для богословской науки. Теперь должна быть положена одна опредѣленная печать на ваше образованіе. Какъ по своему призванію, такъ и по образованію вы призываетесь быть только *духовными воспитанниками*. Возьмите же это за руководящую для себя идею и воодушевитесь этой благородной и святой идеей. Должно быть такъ угодно Господу Богу! Должно быть самъ Господь зоветъ васъ къ этому теченіемъ современныхъ обстоятельствъ и совершившимся преобразованіемъ нашихъ духовныхъ школъ! Многимъ хорошимъ слѣдуетъ конечно помянуть прежній семинарскій уставъ; но много и нежеланнаго наросло и созрѣло въ періодъ его дѣйствованія въ нашей духовно-учебной области. Да будетъ сему нежеланному конецъ съ нынѣшняго учебнаго года; и да даруетъ намъ Господь утѣшеніе видѣть въ средѣ вашей подъ вліяніемъ новаго устава новое нараждающееся поколѣніе истинно духовныхъ воспитанниковъ — скромныхъ, благородныхъ и трудящихся, и притомъ знатоковъ своего ближайшаго дѣла! Вторая

важная новизна учебная, ждущая васъ въ нынѣшнемъ году, состоитъ въ томъ, что вы призываетесь къ усиленной и правильно организованной педагогической дѣятельности. При семинаріи открывается образцовая народная школа съ отдѣльнымъ учителемъ и законоучителемъ, съ нарочито выработанными для нея программами и съ своимъ отдѣльнымъ росписаніемъ ежедневныхъ учебныхъ часовъ. По утрамъ въ свободное время, которое нарочито будетъ выдѣляться вамъ росписаніемъ вашихъ собственныхъ учебныхъ часовъ, вы будете присутствовать въ этой школѣ, присматриваться къ ходу и пріемамъ обученія и учиться, какъ учить дѣтей первоначальнымъ и основнымъ предметамъ обученія, а по вечерамъ сами будете упражняться въ обученіи съ ними и руководить ихъ въ приготовленіи уроковъ. Цѣль всего этого та, чтобы по окончаніи курса своего обученія вы выходили изъ семинаріи съ довольнымъ запасомъ не только богословскихъ знаній для просвѣтительнаго вліянія на народъ и для борьбы съ врагами и затемнителями православной народной вѣры, но и съ довольнымъ запасомъ практической опытности въ дѣлѣ школьнаго обученія крестьянскихъ дѣтей. Ибо пастырю церкви надлежитъ быть не совершителемъ только богослуженія и разныхъ церковныхъ требъ для своихъ прихожанъ,—для этого вамъ вовсе и не стоило бы такъ долго учиться въ семинаріи, а можно было бы ограничиться вамъ простой грамотностью или начетничествомъ,—а слѣдуетъ пастырю быть преимущественно учителемъ и просвѣтителемъ народа; ибо совершителемъ таинствъ можетъ быть самый простой и некнижный человѣкъ. По потребностямъ нынѣшняго времени учительство и педагогическая опытность отъ пастыря церкви требуется прежде всего и больше всего; ибо народное обученіе признано всего естественнѣе и всего безопаснѣе ввѣрить православной церкви и ея служителямъ, т. е. духовнымъ отцамъ сельскихъ людей,—а вы къ этому-то служенію и приготовляетесь всѣмъ учебнымъ строемъ вашей семинарской школы. Воодушевитесь же этой благородной и могущей принести обильнѣйшіе благіе плоды мыслію, что вамъ слѣдуетъ быть между прочимъ и воспитателями и учителями народными, и что для этого слѣдуетъ вамъ сознательно, добровольно и усердно за-

пасаться и свѣдѣніями и опытностію, необходимыми для будущей вашей учительской дѣятельности среди народа. И прежде цѣнилась пригодность и способность учениковъ семинаріи къ школьной учебной дѣятельности въ народныхъ школахъ, даже многимъ изъ нихъ отдавалось преимущество въ этомъ отношеніи предъ воспитанниками, готовившимися къ учебной дѣятельности въ нарочитыхъ учительскихъ семинаріяхъ. Но многіе изъ васъ все-таки теряли много правъ и не могли преимуществовать въ школьномъ дѣлѣ надъ народными учителями при всемъ своемъ преимуществѣ надъ ними въ образовательномъ и умственномъ отношеніи. Теперь въ стѣнахъ семинаріи дается вамъ возможность спеціальной подготовки къ учебной дѣятельности въ народныхъ школахъ,— и вы не опускайте этой дорогой возможности. Православный русскій народъ не забудетъ вашей просвѣтительной услуги для его дѣтей; а Господь зачтетъ ее въ великую заслугу и предъ собой. Сколько было посягательствъ на народное образованіе со стороны непризванныхъ просвѣтителей народа! Сколько дѣлалось ими скрытыхъ и лукавыхъ подходовъ, чтобы сѣять на народной почвѣ плевельныя сѣмена малоцѣннаго и безрелигіознаго обученія! Но народъ чуялъ душой и сердцемъ своимъ простымъ и вѣрующимъ, какого духа его непризванные просвѣтители, —и большею частію отвертывался отъ нихъ. Вы, духовные воспитанники, выступаете теперь какъ новые ратники и труженики въ дѣлѣ народнаго образованія, на которыхъ можетъ вполнѣ положиться правительство и которыхъ долженъ полюбить и оцѣнить народъ; ибо вы будете сѣять одни только чистыя и здоровыя сѣмена просвѣщенія народнаго въ духѣ религіи и православной русской національности. Темный и простой, но крѣпкій вѣрою и вѣрный преданіямъ православной отечественной старины, народъ сельскій ждетъ васъ, какъ желанныхъ миссіонеровъ своего религіознаго просвѣщенія. И вы можете исполнить это высокое служеніе и совершить этотъ великій подвигъ,—гдѣ и какъ—вы думаете? А вотъ въ народной школѣ посредствомъ азбуки! Господь да будетъ вашимъ помощникомъ! Аминь.

Конецъ.